ИЗЯСЛАВ ЛЕВИТ

Шоа–Холокост–Катастрофа:
«Еврейский вопрос» в политике диктатуры И. Антонеску

I

Памяти моих родителей Элика Мордковича и Фани Марковны,
а также родственников и близких,
погибших в годы Холокоста

IZYASLAV LEVIT

Shoah–Holocaust–Catastrophe:
The «Jewish Problem» in I. Antonescu dictatorship politics

Volume I

Tiraspol
2015

ИЗЯСЛАВ ЛЕВИТ

Шоа–Холокост–Катастрофа:
«Еврейский вопрос» в политике диктатуры И. Антонеску

Том I

Тирасполь
2015

УДК 94 (498):323.1
ББК Т3 (4Рум) 62-38
Л 36

Издание осуществлено
благодаря поддержке семьи ***Александра и Евгении Гольдштадт***

Автор глубоко признателен кандидату исторических наук, доценту ***И.Ф. Петровской***
за многогранную помощь в подготовке и издании этого труда

Ответственный редактор кандидат исторических наук ***И.М. Благодатских***

В двухтомной монографии профессора, доктора исторических наук И.Э. Левита на основе архивных и опубликованных документов, исторической и мемуарной литературы, материалов периодической печати раскрываются цели и методы решения «еврейского вопроса» правительством И. Антонеску в Румынии и на контролируемой ею в 1941–1944 гг. территории. В первом томе рассмотрены исторические предпосылки Холокоста, положение евреев на данной территории, корни антисемитизма, весь комплекс проблем, связанных с решением «еврейского вопроса»: депортация и физическое истребление, антиеврейское законодательство и его реализация, национализация недвижимости и другой собственности под видом румынизации, открытые грабежи под угрозой смерти, трудовые и прочие повинности и т. д. События изложены в тесной связи с ходом Второй мировой войны и развитием румыно-германских отношений, прослеживается влияние различных факторов на политику диктатуры И. Антонеску в «еврейском вопросе».

Издание адресовано как историкам, преподавателям и исследователям, специалистам по истории Румынии, Молдавии, Украины, истории Второй мировой войны, истории международных отношений XX в., так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Холокоста, трагическими страницами отечественной истории.

The two-volume monograph by professor I.E. Levit, Doctor of History Science, based on archival and published documents, historical and memoir literature as well as on periodical materials considers the objectives and methods of solving the «Jewish problem» by Antonescu government both in Romania and areas controlled by it between 1941 and 1944. In the first volume the author examines the Holocaust historical background, the situation with Jews within the area, the roots of anti-Semitism and the whole complex of problems connected with the solution of the «Jewish problem»: deportation and physical destruction, anti-Jewish legislation and its implementation, the nationalization of the real estate and other property under pretence of Romanization, undisguised robberies under threat of death, labor and other duties, and so on. The events are presented in close connection with the course of the Second World War and the development of the Romanian and German relations; the author reveals the influence of various factors on the policy of the dictatorship of Ion Antonescu in the «Jewish problem».

The publication is addressed to historians, teachers and researchers, experts in the history of Romania, Moldova, Ukraine, in the World War II history, in the history of the XX century international relations as well as to the wide range of readers interested in the history of the Holocaust and tragic pages of Domestic history.

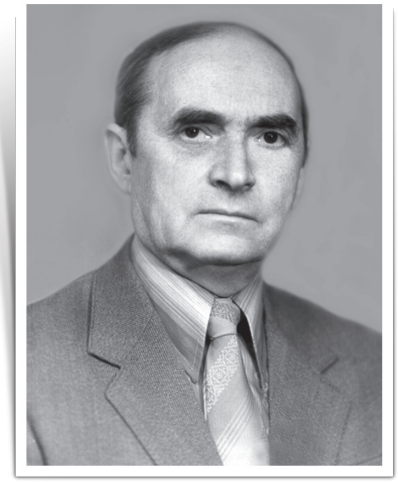
УДК 94 (498):323.1
ББК Т3 (4Рум) 62-38

Левит И.Э. Шоа–Холокост–Катастрофа: «Еврейский вопрос» в политике диктатуры И. Антонеску. Т. 1. – Тирасполь: Тип. ООО «Литера», 2015. – 560 с. – 100 экз.

ISBN 978-9975-9969-4-5.
94(498)"1941/1944":323.1
Л 36

© Левит И.Э., 2015

ОБ АВТОРЕ

Изяслав Эликович Левит родился в 1922 г. в Кишиневе. В 1945 г. окончил исторический факультет Молдавского государственного педагогического института. Доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии МССР в области науки и техники, удостоен Первой премии Президиума Молдавской Академии наук за двухтомную монографию об участии Румынии во Второй мировой войне.

С октября 1945 г. до июля 1991 г. работал в Институте истории Молдавской Академии наук – младшим, старшим научным сотрудником, ученым секретарем института, с 1962 г. до июля 1987 г. – заведующим Отделом истории стран Юго-Восточной Европы, с июля 1987 г. до июля 1991 г. – главным научным сотрудником. С июля 1991 г. до июня 1994 г. – главный научный сотрудник и заведующий Отделом истории и культуры евреев Молдовы Института национальных меньшинств АН РМ. С июля 1994 г. постоянно проживает в США, штат Нью-Джерси.

И.Э. Левит – специалист в области истории Молдавии, Румынии и международных отношений новейшего периода, автор более 130 научных и научно-популярных работ, в том числе 8 монографий, многочисленных публикаций в научной и периодической печати Кишинева, Москвы, Нью-Йорка. Соавтор «Истории Молдавской ССР», «Истории Румынии», «Очерков политической истории Румынии». Руководитель коллектива составителей двухтомного сборника документов и материалов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», один из составителей сборника документов «Кишиневский погром 1903 г.», изданного к его столетию.

В последние годы занимается историей Холокоста в Румынии и на контролируемых ею в 1941–1944 гг. территориях, подготовил по этой теме ряд научных публикаций.

О КНИГЕ

Двухтомная монография доктора исторических наук, профессора И.Э. Левита – результат многолетних изысканий автора по сложной теме, не теряющей актуальности в условиях роста в современном мире антисемитизма и юдофобии. Работа базируется на широком круге архивных и опубликованных документов, исторической и мемуарной литературе. Во введении представлен обстоятельный анализ источников и литературы, изданной в разных странах, в том числе в бывших республиках СССР, где в советское время в силу известных причин тема Холокоста была по сути под запретом.

В отличие от ряда других работ на указанную тему И.Э. Левит ведет открытую полемику и подвергает критике фальсификаторов истории и отрицателей Холокоста в Румынии и на контролируемой ею территории в годы правления правительства генерала (с 22 августа 1941 г. – маршала) И. Антонеску. Во введении автор анализирует состояние статистики по данной теме, а также прилагает справку о территориально-административном устройстве региона в рассматриваемый период.

Первая глава посвящена вопросу о предпосылках Холокоста на обозначенной территории. Автор, опираясь на разносторонний материал, описал жизнь евреев в Румынии до и после объединения княжеств Молдовы и Валахии (Мунтении) в 1859 г., акцентируя внимание на политических событиях и процессах второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в. в Новороссии и Бессарабии в составе Российской империи и после революции 1917 г. до начала Второй мировой войны, а также в Буковине и Трансильвании в составе Австро-Венгрии. Большое внимание уделено зарождению и развитию на всей этой территории антисемитизма в различных его проявлениях (бытового, религиозного, государственного, расового и др.).

Центральное место отведено в монографии описанию жизни и гибели евреев от рук фашистов и их пособников из местного населения в годы Холокоста в результате ан-

тиеврейского сговора А. Гитлера и И. Антонеску, достигнутого в преддверии начала войны против СССР. В монографии мы находим ответ на вопрос, почему десятки тысяч евреев Молдавской ССР, Черновицкой, Измаильской, Одесской, Винницкой областей Украинской ССР не избежали Катастрофы, стали жертвами геноцида. Подробно рассказано об уничтожении евреев гитлеровцами, румынскими жандармами и их пособниками из местного населения в период военных действий летом 1941 г. и во временных гетто и лагерях, устроенных румынскими властями в Бессарабии (Кишиневе, Вертюжанах, Единцах, Маркулештах, Тэтэрештах и др.), и Северной Буковине (Черновцах, Новоселице, Сторожинцах, Секурянах и др.) и в ходе депортации их узников летом и осенью 1941 г. в Транснистрию. Подробно описана депортация евреев Южной Буковины и уезда Дорохой (Запрутская Молдова).

Самая большая глава монографии, помещенная во втором томе, посвящена Холокосту в Транснистрии. Автор раскрывает цели и планы правительства И. Антонеску в Транснистрии, определявшие в значительной степени и политику в «еврейском вопросе» румынской оккупационной администрации, приведен обширный фактический материал о кровавых расправах айнзацотрядов с евреями в июле–сентябре 1941 г.; о гибели десятков тысяч евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины, а также местных украинских евреев в результате массовых расстрелов (в Одессе, Богдановке, Дубоссарах, Доманевке, Гвоздовке, Мостовом) эсэсовскими отрядами, укомплектованными местными немцами, румынской военщиной и украинскими полицаями, а также от голода, холода, болезней, изнурительного труда во время пребывания в гетто и лагерях.

В монографии много страниц отведено описанию положения малолетних узников гетто и лагерей, особенно детей-сирот, их отправки из Транснистрии в Палестину; освещению материальной и другой помощи узникам гетто и лагерей со стороны еврейской общины Румынии и некоторых ее активных деятелей, «Джойнта», зарубежных еврейских организаций Швеции, Швейцарии и др., Международного Комитета Красного Креста и его румынского отделения, некоторых дипломатов зарубежных стран, аккредитованных при правительстве Румынии.

Автор освещает вопрос об участии евреев в подпольном и партизанском движении на территории Транснистрии, Бессарабии и Северной Буковины, рассматривает взаимоотношения между самими евреями в борьбе за выживание, отношение к евреям различных групп местного нееврейского населения, приводит много примеров подвига тех, которые впоследствии были названы «Праведниками мира», прослеживает, как, в зависимости от хода войны, менялось отношение даже со стороны враждебного к евреям местного населения и румынской оккупационной администрации.

Разносторонне, на большом фактическом материале, освещена жизнь евреев в самой Румынии (Старом королевстве, Южной Трансильвании, Банате), живших долгое время при диктатуре И. Антонеску под страхом быть депортированными в гитлеровские лагеря смерти на территории оккупированной Польши или в румынские гетто и лагеря на территории междуречья Днестра и Южного Буга, под страхом, который усилился после депортации осенью 1941 г. в Транснистрию евреев Южной Буковины и уезда Дорохой.

Всесторонне анализируется румынское антисемитское законодательство, инспирированное пресловутыми расистскими Нюрнбергскими законами, многочисленные приказы румынского правительства и военного командования, в результате реализации которых под видом румынизации и всякими другими способами у евреев были отняты почти вся недвижимость, огромные денежные средства, драгоценности (данные об этом, в том числе по Бессарабии и Буковине, приведены в книге), осуществилось тотальное изгнание евреев из сел, лишились работы и средств к существованию десятки

тысяч евреев в городах, столько же отправлено на принудительные работы почти без всякого содержания со стороны государства.

Десятки страниц в работе занимают описания еврейских погромов (в Дорохое, Яссах, Бухаресте, Галаце) и бесчинств железногвардейских банд, уделено внимание многогранной деятельности Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии, сионистской организации Румынии, Централа евреев Румынии и других организаций в борьбе евреев за выживание. Подробно рассматриваются и такие вопросы, как эмиграция евреев в Палестину, политика румынского правительства в отношении евреев – беженцев из оккупированных Германией стран Европы (Австрии, Чехословакии, Польши, Венгрии), искавших в Румынии спасение от смерти, и евреев – румынских подданных, по разным причинам оказавшихся в Германии и в оккупированных ею странах, участие последних в движении Сопротивления в Бельгии, Франции и др. В рамках глав события излагаются в хронологическом порядке, на фоне хода Второй мировой войны и развития румыно-германских отношений.

В книге представлены фотокопии ряда архивных документов, составленные автором карты гетто и концлагерей в Бессарабии, Буковине и Транснистрии с обозначением вида лагеря (трудовых, транзитных, для политзаключенных и др.), карты маршрутов движения колонн депортированных евреев, мест массовых расстрелов и переправ, а также полные списки гетто и лагерей в Бессарабии, Буковине и Транснистрии.

И.М. Благодатских,
ответственный редактор издания

ВВЕДЕНИЕ

«Еврейский вопрос!
Эти два простых слова
содержат в себе
одну из печальных
и позорнейших исторических
трагедий.
Мы привыкли
произносить их
без острого чувства
отвращения и злобы;
несмотря на это,
эти слова обозначают
длинный ряд жестоких
несправедливостей;
они пропитаны
реками пролитой
человеческой крови».
М. Горький

В литературе, средствах массовой информации и в повседневном обиходе акт уничтожения фашистами шести миллионов европейских евреев накануне и в годы Второй мировой войны чаще всего обозначается словом древнегреческого происхождения «Холокост» («Holocaust»), что означает «всесожжение», «уничтожение огнем», иногда с религиозным оттенком – «жертвоприношение посредством огня». Евреи, в первую очередь в Израиле, пользуются еврейским (на иврите) словом «Шоа», взятым из Торы, означающим примерно «мрак пустоты», «беспросветность». В литературе на русском языке употребляется и слово «Катастрофа», кстати, также греческого происхождения. Массовое уничтожение наций и этнических групп еще обозначается термином «геноцид» (соединение греческого «генос» – раса, племя и латинского «цид» – убийство).

В многовековую историю еврейского народа вписано много трагических страниц. Вспомним походы крестоносцев, убивавших и грабивших евреев на своем пути к гробу Господню, инквизицию в Испании. Во многих городах средневековой Европы еврейские кварталы подвергались диким грабежам, сопровождаемым убийствами. Десятки тысяч евреев погибли от рук казаков Богдана Хмельницкого, русских черносотенцев и банд Петлюры, Махно, белогвардейцев в годы гражданской войны в России и т. д.

Шоа – неординарное явление. Уникальность его состоит в том, что впервые в современной истории одна высококультурная нация, а вернее представлявшее ее в течение почти 13 лет (1933–1945 гг.) политическое руководство, разработала на государственном уровне и претворяла в жизнь идею о полном уничтожении другой нации, и не только у себя в стране, но и во всей Европе. Адольф Гитлер не делал секрета из своих намерений решить «еврейскую проблему» на европейском континенте. В беседе с министром иностранных дел Чехословакии, состоявшейся 21 января 1939 г., он сказал: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся скрыться… как им это удалось 9 ноября 1918 г. (дата окончания Первой мировой войны – *И. Л.*). Теперь

пришло время свести с ними счеты». Спустя несколько дней, 30 января 1939 г., в связи с празднованием шестой годовщины своего прихода к власти в Германии, А. Гитлер в речи в рейхстаге заявил: «Европа не успокоится до тех пор, пока еврейский вопрос не будет решен… В период моей борьбы за власть именно еврейский народ принимал с насмешкой мои пророчества о том, что придет день, когда я поведу за собой немецкий народ и решу, кроме всего прочего, еврейскую проблему».

Письменных приказов и распоряжений А. Гитлера об истреблении евреев не обнаружено, но создание весной 1941 г., накануне нападения на Советский Союз, специально обученных команд (айнзацгрупп) с задачей истребления в тылу наступавших немецких войск евреев и коммунистов проводилось с ведома фюрера. Известно и другое: в записи бесед А. Гитлера с единомышленниками – руководителями союзных государств содержание разговоров и решений по вопросам евреев не заносилось, в том числе переговоров с И. Антонеску накануне и в ходе войны. Но, как говорится в русской пословице, «шила в мешке не утаишь». Кое-какие сведения о договоренности между А. Гитлером и И. Антонеску по «еврейскому вопросу» просочились в заявлениях приближенных диктаторов.

А. Гитлер и его приспешники вынашивали злодейские планы не только по отношению к евреям, но и к представителям других народов, отнесенных ими к «низшим расам». В ходе Второй мировой войны гитлеровцы убивали как своих непримиримых противников людей разных национальностей – русских, украинцев, поляков, белорусов, французов, цыган и др.; евреи же, причисленные нацистскими «теоретиками» к народам самой низшей, неполноценной расы, подлежали поголовному истреблению. Подобного примера цивилизованный мир до этого не знал. И хотя более семидесяти лет отделяют нас от страшных дней Катастрофы, она продолжает оставаться незаживающей раной.

Решением Организации Объединенных Наций 27 января объявлен Международным днем памяти жертв Холокоста. Этот день выбран не случайно: 27 января 1945 г. Красная армия вошла на территорию гитлеровского лагеря уничтожения Аушвиц-Биркенау (Освенцим), где ее встретили несколько тысяч выживших узников. Их освобождение ознаменовало начало новой исторической эпохи, конец юдофобской гитлеровской диктатуры.

В Израиле, в соответствии с законом, принятым Кнессетом в 1951 г., День Холокоста (Йом ха-Шоа) отмечается в 27-й день месяца нисан по еврейскому календарю. Начиная с 2006 г., Международный день памяти жертв Холокоста отмечается ежегодно.

Обзор источников и литературы

Катастрофе европейского еврейства посвящены тысячи научных монографий и статей, сборников документов и материалов, мемуаров, справочников, публицистических статей, произведений искусства, кино. Она хорошо известна в мире, миллионы людей посетили Мемориалы Холокоста в Иерусалиме (Яд Вашем) и Вашингтоне, существуют музеи, установлены памятники жертвам фашистских злодеяний. Но, к сожалению, сотни тысяч убитых евреев лежат в земле без всяких памятников, а сколько еще таких, чьи трупы сгнили в лесах и на полях, сброшены в реки, сожжены. Их имена и фамилии вряд ли когда-либо станут известны.

В мире проявляется разное отношение к Холокосту. Немало тех, кто отрицает существование гитлеровского геноцида, объявляет Холокост «величайшим обманом XX века», мифом, придуманным всемирным еврейством в целях извлечения матери-

альных выгод, в частности выбивания денег у Германии. Известный лагерь смерти Освенцим (Аушвиц) якобы был всего лишь обычным «рабочим лагерем» с благоустроенными площадками для детей его обитателей. Есть в этом непризнании и политический подтекст, связанный с образованием государства Израиль: отрицатели Холокоста обычно не признают и еврейское государство. Как бы в пику вышеупомянутому решению ООН, в том же 2006 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад устроил в Тегеране двухдневную «конференцию», в которой приняли участие более 60 участников, не признающих Холокост. Поскольку отрицание Катастрофы фактически обеляет нацизм, исследование и освещение Холокоста имеет не только историческое и морально-этическое значение, но становится и задачей политической.

Иные деятели, не отрицая факты убийств евреев нацистами, утверждают, что жертв было гораздо меньше, чем принято считать. В силу этого нечего «гиперболизировать трагедию евреев», и Холокост следует отнести к ординарному, не заслуживающему такого внимания событию.

В ряде европейских стран – Германии, Франции, Испании, Бельгии, Австрии, Швейцарии – действуют законы, согласно которым отрицание Холокоста карается законом. Так, например, английский историк Дэвид Ирвинг, автор книги «Борьба Гитлера» (1977 г.), осужденный в Англии, а затем в Австрии, где он, выступая с докладом, отрицал наличие газовых камер в концлагере Освенцим и фашистские погромы во время «хрустальной ночи» в 1938 г. в Германии, был приговорен австрийским судом к трем годам лишения свободы и даже отсидел в тюрьме 13 месяцев.

В США закона, карающего за отрицание Холокоста, нет. Каждый гражданин в рамках принятого законодательства, запрещающего пропаганду расовой и национальной розни, имеет право на личную точку зрения. Например, в упомянутой «конференции» в Тегеране принял участие бывший глава американской расистской организации Куклукс-клан Дэвид Дьюк.

В истории Шоа еще много белых пятен, и чем дальше река времени уносит нас от событий тех лет, тем сложнее их ликвидировать, особенно когда речь идет об оккупированной гитлеровской Германией и ее союзниками территории СССР (в границах 1941 г.), где от рук фашистов и их пособников погибло более двух миллионов евреев. Известно, что политика государственного антисемитизма, с особой силой проявившаяся в последние годы жизни И. Сталина (ликвидация Еврейского антифашистского комитета и расстрел его членов, кампания по борьбе с космополитизмом, «дело врачей» и др.) и продолжавшаяся еще долгие годы после его смерти, в том числе под видом критики политики Израиля и сионизма, фактически наложила запрет на изучение Катастрофы и даже на установление памятников евреям – жертвам фашистского геноцида. Фонды Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) хранились в архивах под грифом «секретно» и допуск к ним до горбачевской «перестройки» был крайне ограничен. Литература по Холокосту не издавалась. Стоит вспомнить судьбу объемистой рукописи «Черной книги», подготовленной к изданию И. Эренбургом, В. Гроссманом, Л. Озеровым и В. Лидиным сразу после войны, частично увидевшей свет на русском языке только в 1980 г., и то не в СССР, а в Иерусалиме. В книге, кстати, содержатся имеющие непосредственное отношение к нашей теме статьи Е. Гросберга «Черновцы в период немецко-румынской оккупации», писательницы Веры Инбер «Одесса» и письмо Рахиль Фрацис-Мильнер, депортированной из г. Черновцы в Тульчинский уезд (Транснистрия)[1].

Приведем еще один пример, иллюстрирующий отношение в Советском Союзе к проблеме Холокоста. Речь идет о записках пережившего Катастрофу давно покойного одессита Иосифа Александровича Каплера. Журналист, юрист, он еще до революции 1917 г. издавал копеечную газету «Одесский листок», был членом Бунда. Находясь в Одессе в дни румынской оккупации города, он, человек с большим жизненным опытом и бойким пером, по горячим следам событий описал все, что видел и пережил в те трагические дни до момента депортации его из города в Березовку. Эти записки были подготовлены к изданию еще в 1946 г. в одесском издательстве «Маяк», но, по известным уже причинам, до печати не дошли. В начале 1980-х гг., спустя двадцать лет после смерти И.А. Каплера, была предпринята попытка опубликовать эти мемуары в еврейском журнале «Советише Геймланд» («Советская Родина»), но редакция их издавать не решилась, и только сравнительно недавно внук Каплера Александр Токарев поместил их в Интернете. Между тем, записки И.А. Каплера, который не знал и не мог знать содержание исходящих от самого маршала И. Антонеску сверхсекретных приказов относительно казни евреев, наличие которых замалчивалось и отрицалось некоторыми современными румынскими историками, содержат неопровержимые свидетельства того, как претворялись в жизнь эти чудовищные приказы.

В течение сорока лет после окончания Второй мировой войны из жизни ушли пережившие Холокост евреи не только старшего, но и бóльшая часть среднего поколения, унеся с собой воспоминания о пережитом в фашистском аду. В мир иной ушли за эти годы и многие из тех, кого ныне принято называть Праведниками мира, подвиги которых во имя спасения людей заслужили, чтобы о них знал мир. Но они молчали, и спасенные ими евреи молчали, ибо спасение жизни еврея в условиях советского государственного антисемитизма не считалось подвигом. Бывший узник Давид Розенфельд в статье «Как вы живы остались?», приуроченной к 60-летию освобождения лагерей и гетто Транснистрии и помещенной в «Заметках по еврейской истории» (№ 45, 22 августа 2004 г.), писал: «На маршах по дорогам и в лагерях помогали и спасали их местные жители. Известны рассказы об украинцах, поляках, русских, удостоенных звания Праведника мира. Не всем достались награды, даже не все имена известны или, случается, имена известны, но неизвестны фамилии». Политика запрета, наложенного в СССР на изучение Холокоста, объективно служила тем кругам, которые старались скрыть от истории злодеяния и звериное лицо фашизма.

Нельзя сказать, что в Советском Союзе не издавались труды о фашистских зверствах и грабежах на оккупированной Германией и ее союзниками тогдашней территории СССР. Но в них обычно говорилось об истреблении «советских граждан» и не принято было отмечать, что абсолютное большинство жертв нацистского геноцида составляли евреи. Изредка, при утрате бдительности цензуры («Главлита»), могло просочиться слово «еврей». Эта линия прослеживается и в сборниках документов и материалов о войне и фашистской оккупации, изданных до конца 1980-х гг. в Одессе, Кишиневе, Николаеве и имеющих отношение к нашей теме[2].

В посткоммунистический период и после распада СССР в бывших союзных республиках возродилась еврейская жизнь, и, как будет показано дальше, достигнуты заметные успехи в исследовании Холокоста на территории СССР, оккупированной в годы войны гитлеровской Германией и ее союзниками. Но нельзя не обратить внимания и на другое: декретированная свобода слова и печати, либеральное ее толкование позволили открыто и без ограничения проповедовать антисемитизм. В России, Украине и других бывших советских республиках издавалась и кое-где по сей день издается литература, проникнутая духом фашизма и антисемитизма. Среди этой печатной продукции фигурировали и «Mein Kampf» А. Гитлера, и известная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов» и др.

Не только в посткоммунистических странах, но и в демократических государствах Запада возродились и действуют различные профашистские и антисемитские организации, которые не ограничиваются юдофобской пропагандой, но прибегают к осквернению синагог, еврейских кладбищ, обелисков, установленных на месте бывших концлагерей, где в годы нацистского господства нашли смерть десятки тысяч евреев, и т. д. Пока в мире процветает антисемитизм, да еще в агрессивной форме, нет гарантий, что не повторится Холокост. Человечество должно знать историю Шоа и извлечь из нее уроки.

Память о евреях, погибших в годы Катастрофы, требует ответа о причинах геноцида. Существует много разнообразных высказываний, претендующих на объяснение проводившейся в жизнь с дьявольской последовательностью политики «окончательного решения еврейского вопроса». Немецкий исследователь Гуннар Хайнзон, историк, экономист, социолог, в своей книге «Загадка Освенцима. Замысел А. Гитлера и растерянность потомства»[3] насчитал в литературе, общей и специальной, более сорока ответов на эти «простые» вопросы. В странах, проводивших политику геноцида, одной из предпосылок ее явился, бесспорно, вековой культивируемый антисемитизм, порожденный разными причинами и по-разному проявившийся.

Учитывая тему нашего исследования, несомненный интерес представляет освещение и трактовка проблемы Холокоста в Румынии, правительство которой, возглавляемое генералом (а с 21 августа 1941 г. – маршалом) И. Антонеску, было причастно к Катастрофе. Из нижеприведенного краткого анализа опубликованной по этой теме в Румынии литературы явствует, что в разное время и в зависимости от мировоззренческих взглядов автора проблема Холокоста в Румынии трактовалась по-разному, и выводы были порой диаметрально противоположными.

Бывший видный деятель Румынской компартии, кстати, не пролетарского происхождения, ученый и интеллектуал Лукрециу Патрашкану (в 1954 г. расстрелянный своими малограмотными однопартийцами) в своей книге «Основные проблемы Румынии», написанной в 1942 г. и изданной в 1944 г., после падения диктатуры И. Антонеску, касаясь румынского антисемитизма, отмечал: «Антисемитизм в Румынии остается румынским явлением, требующим изучения в плане его специфики, а не в том, что имитировал». Политику диктатуры И. Антонеску в «еврейском вопросе» Л. Патрашкану охарактеризовал как «государственный антисемитизм». Он писал: «От индивидуальных и коллективных убийств перешли к систематическому и методическому, в массе, уничтожению еврейского населения. Были организованы погромы, их претворяли в жизнь солдаты и государственные органы. Приговорены к смерти – путем голода и холода – тысячи и десятки тысяч человек, мужчины, женщины, дети, старики путем депортации в разгар зимы за Днестр, в полностью опустошенные края. Когда станет известно все, что сотворено после июня 1941 г. в Молдове и за Прутом, когда будут преданы гласности тысячи смертных казней, без суда и без вины уничтоженных только лишь потому, что родились евреями, когда состоятся процессы в связи с этими преступлениями, тогда не только руководители диктатуры, от которых исходили приказы, и те, которые их претворяли, но и сам режим, во имя которого это делалось, будут в ответе»[4].

В первое десятилетие после войны в Румынии, как и в ряде других европейских стран, прошли судебные процессы над военными преступниками, в том числе виновными в истреблении еврейского населения. Первые такие процессы в Румынии состоялись уже в 1945 г. На одном из них среди 38 подсудимых были генералы Н. Мачич и К. Трестиоряну, обвиняемые в массовых расстрелах евреев во время погрома в Одессе в 20-х числах октября 1941 г., бывший губернатор Буковины генерал К. Калотеску, один из главных виновников депортации евреев в руководимом им губернаторстве;

среди осужденных были и три еврея – пособники оккупационных властей в ограблении своих соплеменников. В ходе процесса приводились вопиющие факты зверств, издевательств и убийств безвинных людей, детей, женщин и стариков. Процесс, конечно, готовился в спешке, многое еще было неизвестно, далеко не все документы были изучены. Так, например, к тому времени не были обнаружены сверхсекретные приказы о расстрелах в бывших Люстдорфских артиллерийских складах, и обвинения свелись к виселицам на улицах Одессы и зверским убийствам тысяч евреев в Дальнике (пригороде Одессы)[5].

Спустя год, в мае 1946 г., состоялся суд над правившей в 1940–1944 гг. верхушкой Румынии. Главное обвинение – участие на стороне гитлеровской Германии в войне против СССР, приведшее к колоссальным людским (по неполным данным румынского Генерального штаба, 634 740 солдат и офицеров) и материальным потерям, к разорению экономики страны, обнищанию населения, превращению территории Румынии в плацдарм нападения Германии на Грецию и Югославию, вовлечению Румынии в войну с Англией и США, созданию концлагерей, ликвидации гражданских свобод и т. д. Среди обвинений фигурирует и массовое уничтожение еврейского населения. Особым пунктом выделяется убийство коммунистов и евреев в Одессе в октябре 1941 г., приводится текст обнародованного в городе приказа о расстреле 200 коммунистов за каждого убитого румынского или немецкого офицера и 100 – за солдата[6].

Стараясь уйти от ответственности за совершенные массовые убийства, И. Антонеску заявил на суде, что у него «просили разрешения на репрессалии» в Одессе. Он «обозначил цифры», но «о резне узнал много позже, в июле 1944 г. ». Он также заявил: «Я не давал приказы о депортации… существует военное правило, что вблизи фронта население перемещается, это вопрос военной безопасности». И главное его заявление: «Если евреи еще живут в Румынской стране, то живут они благодаря маршалу Антонеску…»[7]. В посткоммунистической Румынии это его утверждение было подхвачено и развито некоторыми румынскими историками из националистического лагеря.

Как и маршал, снять с себя вину за преследование евреев пытались на суде и другие члены правительства. Так, министр общественных работ и связи К. Бушилэ (с 26 мая 1941 г. до 19 февраля 1943 г. – *И. Л.*) хвастался на заседании Экономического совета 12 сентября 1941 г.: «Среди вас я самый большой антисемит». Словно забыв об этом, на суде он твердил: «У меня никогда не было намерения стать антисемитом»[8].

Вице-премьер Михай Антонеску в свою защиту заявил на суде: «Я принадлежу Университету, и по моему образу мышления у меня не было склонности ни к расистской, ни к фашистской доктрине, …никогда не было намерения стать антисемитом». Оставим в стороне вопрос о том, насколько принадлежность к румынским университетам является аргументом для доказательства непринадлежности к фашизму. Достаточно вспомнить таких университетских профессоров как А. Куза, Н. Крайник и многих других, которые проповедовали в своих лекциях и статьях юдофобию и воспитали таких ярых фашистов, как Корнелиу Зеля Кодряну, ставший лидером фашистской террористической организации «Железная гвардия». Не секрет, что румынские студенты в массе своей пополняли ряды крайне антисемитских организаций, какими являлись упомянутая «Железная гвардия», Лига национал-христианской защиты и др. Может, сам Михай Антонеску на раннем этапе своей деятельности и не был антисемитом, но, дорвавшись до власти, как будет показано, стал автором целого ряда драконовских антисемитских законов, призывал при проведении «этнической чистки», иными словами очищении Бессарабии и Северной Буковины от евреев, прибегать к расстрелам, а во время встречи с А. Гитлером осенью 1941 г. демонстрировал свою приверженность расистским теориям. И только осенью 1942 г., когда чаша весов в войне стала склоняться на сторону

антигитлеровской коалиции, Михай Антонеску заговорил по-иному: «Меня интересует претворять румынский национализм и брать из реформ доктора Розенберга (главного теоретика расизма в гитлеровской Германии – *И. Л.*) и немецкого … умные решения и не всякую меру, не подходящую для нашей страны… Я вовсе не заинтересован сажать на кол евреев, проливать кровь или заниматься варварством, которые в конечном счете не соответствуют румынской душе…»[9]. Румынскому народу действительно не откажешь в толерантности, и тогдашним руководителям страны было известно, что «варварство не соответствует румынской душе», следовательно, они сознательно толкали народ на антигуманные деяния.

Процессы над военными преступниками в Румынии продолжались до конца 1940-х гг. Пресса освещала их ход, в некоторых газетах печатались материалы о фашистских преступлениях. Атаки велись и против некоторых лидеров еврейской общины, в том числе против бывшего много лет председателем Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии доктора В. Фильдермана, отдельные руководители Централа евреев Румынии (Н. Гингольд и др.) оказались на скамье подсудимых как пособники фашистской диктатуры.

В 1940-е гг. в Румынии был опубликован ряд работ по Холокосту. Уже в 1945 г. в Бухаресте вышли в свет небольшие, но богатые по содержанию работы журналиста и писателя Мариуса Мирку, который на основе свидетельских показаний описал ужасы погромов в Буковине и в уезде Дорохой в 1940–1941 гг., кровавую резню в Яссах летом 1941 г., зверства и грабежи антисемитских молодчиков. Спустя два года этот же автор издал книгу о погромах в Бессарабии[10]. В переводе на румынский язык была опубликована упомянутая «Черная книга» под редакцией И. Эренбурга и В. Гроссмана.

Долгие годы основным источником для изучения положения евреев в Румынии и на контролируемой ею территории в годы военно-фашистской диктатуры был и по сей день остается сборник документов и материалов Мататиаса Карпа «Черная книга. Страдания евреев Румынии в 1940–1944 гг. » («Cartea Neagră. Suferinţele evreilor din România 1940–1944»), изданная в 1947–1948 гг. и состоящая из трех тематических томов: «Легионеры и мятеж», «Ясский погром», «Транснистрия»[11]. Автор и составитель этого солидного труда – адвокат по профессии, сын писателя и журналиста, бывшего румынского сенатора, одного из лидеров еврейской общины Румынии Хории Карпа. Сам Мататиас Карп какое-то время был главным секретарем Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии. Как им отмечено во введении, его побудило взяться за этот труд следующее: «В течение последнего десятилетия произошло многое, вспомнить о котором нужно и никогда не следует забывать. Наука неспешная. Но мы, пережившие эту эпоху, со всеми ее потрясениями, тревогами и страданиями, должны знать, что произошло, чтобы создать себе представление, если не абсолютно полное, но хотя бы достаточно ясное и достаточно правдивое. Поэтому, начиная с того времени, когда увидел и почувствовал, что наше (еврейское – *И. Л.*) дело является неотъемлемой частью великих мировых событий… решил создать этот труд… Хочу вытащить еврейскую боль из сферы замалчиваемых до сего времени пустяков. Хочу, чтобы весь мир знал правду, только правду и всю правду»[12].

Автор начал сбор материалов для своего труда в июне 1940 г., а его систематизацию весной 1943 г. Он снабдил свой трехтомный труд «Общим обзором о ходе антисемитских гонений в Румынии в 1940–1944 гг. », тематическими обзорами в каждом томе, а также изложением вкратце и в строгом хронологическом порядке содержания основных событий. В трудные первые послевоенные годы сложно было опубликовать весь собранный М. Карпом материал и обеспечить издание большого тиража. В 1996 г. труд М. Карпа был переиздан под редакцией известного специалиста в области Холокоста

в Румынии Лии Бенжамин, которая в примечании ко второму изданию* отметила, что «Черная книга» остается «своего рода уникальным трудом, ибо носит несомненный отпечаток объективности требовательного и скрупулезного исследователя, каким был М. Карп, и его опыты участника событий, непосредственно пережитых им и представленных по горячим следам».

Переиздание, спустя пятьдесят лет, «Черной книги» вызвано было не только тем, что она, став библиографической редкостью, фактически перестала служить веским доказательством злодеяний фашистов в развернувшейся в посткоммунистической Румынии полемике по вопросу о Холокосте. Автор предисловия ко второму изданию «Черной книги» Раду Флориан, переживший погром в Яссах в конце июня 1941 г., писал: «Их (тома «Черной книги» – *И. Л.*) следует переиздавать, в первую очередь, потому, что трагические события 1940-х гг., которым они посвящены, попросту были игнорированы путем замалчивания, скрыты и даже опровергнуты. Журналисты и историки отрицают их (злодеяния фашистов – *И. Л.*), «оправдывают их», как будто человечество вердиктом Нюрнбергского трибунала раз и навсегда не осудило преступный геноцид». По словам Лии Бенжамин, «она («Черная книга» – *И. Л.*) является возражением на неоднократные попытки некоторых историков скрыть фашистскую и антисемитскую сущность режима Антонеску»[13].

Эти тенденции начинают проявляться уже в конце 1940-х гг. Известно, что при И. Сталине все «братские» партии и их лидеры в так называемых странах народной демократии (кроме Иосипа Броз Тито в Югославии) твердо придерживались советской политической линии. Сталинские антисемитские кампании во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., естественно, внесли коррективы в подход к «еврейскому вопросу» в странах-сателлитах. В Румынии кадровые изменения произошли не сразу в силу недостатка национальных кадров, но советское влияние отражалось во многих других сферах, в частности в освещении исторических событий, в том числе в трактовке Холокоста. В утвержденном учебнике «История Народной Республики Румыния» для 8-го класса («Istoria Republicii Populare România. Manual unic pentru clasa VIII secundară»), изданном в 1947 г. под редакцией М. Роллера, видного в то время деятеля в партийной номенклатуре (еврея по национальности), главными жертвами репрессивной политики диктатуры И. Антонеску были не десятки тысяч евреев и цыган, а коммунисты (число членов румынской компартии не превышало 1200 человек) и вообще румыны. Антисемитизм же как важнейшая черта военно-фашистского режима замалчивался. Эта трактовка сохранилась и после замены учебника М. Роллера (сам он оказался в опале) новыми, она содержится и в ряде других работ румынских авторов.

В начале 1950-х гг. в Румынии, как до этого в СССР, тема Холокоста была снята с повестки дня, литература по этой теме перекочевала в фонд «специального хранения» библиотек. Тем временем за рубежом румынские эмигрантские круги, бывшие соратники казненного маршала Антонеску, прилагали усилия, чтобы обелить и даже оправдать его политику в годы войны. В 1950 г. в Париже, на французском языке, вышла в свет книга анонимного автора (на румынском языке она переиздана в 1992 г. с указанием фамилии автора – Георге Барбул, бывшего личного секретаря вице-премьера Михая Антонеску) под названием «Мемориал Антонеску, третьему человеку оси»[14], в которой обеляется его политика и он возвеличивается как государственный деятель. В Мадриде, где во время франкистского режима свили гнездо бежавшие из своей страны политические и военные деятели при диктатуре Антонеску, была опубликована книга бывшего фашистского генерала румынской армии П. Кирноагэ «Политическая и военная история войны Румынии против Советской России». В ней автор не без гордо-

* В дальнейшем все ссылки даются на второе издание «Черной книги».

сти писал, что Румыния была самой «преданной союзницей» гитлеровской Германии, а И. Антонеску представлен как национальный герой, «великий патриот». П. Кирноагэ лишь сожалел по поводу того, что румынский «фюрер» порвал с фашистской «Железной гвардией», которая якобы обеспечивала ему «связь с нацией», без нее он «остался одиноким». «С легионерами у власти, – рассуждал П. Кирноагэ, – он имел бы крепкую поддержку внутри страны»[15].

Наиболее значительным произведением такого толка явилось четырехтомное издание, опубликованное в Венеции (Италия) на средства бывшего железногвардейца и преуспевшего на Западе миллиардера Иосифа Константина Дрэгана Европейским Центром исторических исследований, в серии «Свидетельства и документы» под названием «Антонеску, Маршал Румынии и воссоединительные войны»[16].

В годы диктатуры Николае Чаушеску, представлявшей в идеологическом плане смесь элементов сталинизма и национализма, в Румынии стала возрождаться националистическая историография. Полностью развернуться тогда не удалось, диктатура И. Антонеску была определена все же как «фашистская», «военно-фашистская», а ее свержение, приписываемое целиком действиям компартии, ежегодно 23 августа отмечалось как самый главный национальный праздник.

Но постепенно прежние характеристики режима И. Антонеску начали заменять терминами «персональная диктатура», «тоталитарный режим», «режим правового толка» и т. д.[17] Фашистский режим якобы существовал только в период пребывания у власти «Железной гвардии», то есть с 6 сентября 1940 г. до 23 января 1941 г., а после подавления легионерского мятежа (21–23 января 1941 г.), направленного на отстранение от власти генерала И. Антонеску, он перестал быть фашистским. Эти новые формулировки перекликаются, а возможно, и заимствованы у некоторых зарубежных историков. Так, известный немецкий историк Андреас Хилгрубер в своей книге «Гитлер, король Кароль и маршал Антонеску. Германо-румынские отношения 1938–1944 гг.», выдержавшей два издания на немецком языке, утверждает, что Румынию при И. Антонеску нельзя отнести к «фашистским» государствам, поскольку у него не было, как у А. Гитлера и Б. Муссолини, своей партии, не было у него «фашистской идеологии», следовательно, его режим следует охарактеризовать как «военную диктатуру»[18]. Румынский исследователь Раду Флориан убедительно опроверг точку зрения немецкого историка, указав, что при идентификации и определении фашизма наличие или отсутствие фашистской партии у диктатора не имеет значения, поскольку проводить фашистскую политику можно и через государственные органы, военные или гражданские[19]. В Румынии при И. Антонеску была «фашистская тоталитарная диктатура», для которой характерна ликвидация парламентской демократии, установление антилиберальной, репрессивной, граничащей с террором власти, претворение в повседневную жизнь ксенофобного национализма, главным образом антисемитизма, приведшего к физическому уничтожению десятков тысяч евреев.

Как будет показано, политика ксенофобного антисемитизма, проводимая при власти легионеров, таковой и оставалась и после их отстранения от власти. Цель нового правительства во главе с И. Антонеску, почти целиком состоявшего из генералов, – очищение Румынии от евреев – также не изменилась, но, в отличие от легионеров, И. Антонеску хотел осуществить в Старом королевстве вытеснение евреев из всех сфер общественной жизни поэтапно, во избежание экономического и финансового краха. В отношении же евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии он прибегал к тем же способам насилия, включая физическое уничтожение десятков тысяч людей, единственная вина которых состояла в том, что они были евреями.

Идеология при режиме диктатуры И. Антонеску, как уже отмечалось, также была фашистской. Став еще при создании Каролем II «Партии нации» в июне 1940 г. офици-

ально признанной духовной основой румынского государства, расизм пронизывал все многочисленные антиеврейские законы и правительственные постановления, принятые в годы правления диктатуры И. Антонеску, как при участии в нем железногвардейцев, так и после их удаления. Открыто признавалось, что идеи и формулировки взяты из пресловутых гитлеровских расистских Нюрнбергских законов 1935 г. Во время переписи еврейского населения Румынии в мае 1942 г. принадлежность к еврейству определялась по расистским законам (процент крови).

В ряде работ, изданных в годы правления Н. Чаушеску[20], утверждается, что фашизм был «чужд румынскому народу», «органически отвергнутый им», «лишенный всякой поддержки масс», «извне навязанный» румынам в условиях международной изоляции страны, покинутой традиционными французскими и английскими союзниками, что толкнуло Румынию «в объятия Германии», а затем в мировую войну[21]. Отчасти это так, верно и то, что значительная часть народа отвергала фашизм. Но авторы этих утверждений «забыли», что во время парламентских выборов в декабре 1937 г. железногвардейцы и кузисты (партии «Все для Страны» – «Totul pentru Ţara» и «Национал-христианская» – «Naţional-creştin») получили 25 % голосов избирателей, а ведь этот процент мог быть выше, но по закону право участвовать в выборах в Румынии имели граждане старше 21 года. Между тем известно, что отряды легионеров во многом состояли из молодых людей в возрасте 16–20 лет. После прихода легионеров к власти в сентябре 1940 г. их численность стала быстро расти и достигла к концу года одного миллиона членов. В межвоенный период в Румынии выросла также целая плеяда идеологов фашизма и расизма[22].

Сложившаяся в конце 1930-х – начале 1940 г. международная обстановка несомненно ускорила превращение Румынии в союзницу гитлеровской Германии. Но, как справедливо отметил румынский исследователь Д. Хурезяну в полемической статье «Антонеску – несправедливо пострадавший герой или ремесленник разрушительной диктатуры?», И. Антонеску «не был только военным партнером Оси (Берлин–Рим–Токио – *И. Л.*); он стал таким партнером, ибо существовало глубокое согласие между духом и взглядом румынского руководителя и действиями Оси. Сближение вытекает из сходства режимов, из интимности их структур, из прирастания к режиму, возглавляемому А. Гитлером. Военное сотрудничество было реализовано на фоне общих взглядов и внутренней структуры режимов, а не только как союз, лимитированный военными задачами». Сходство взглядов А. Гитлера и И. Антонеску на «еврейскую проблему» явилось одним из звеньев партнерства двух диктаторов[23]. Но, в отличие от А. Гитлера, который был расистом, рассматривал историю как непрерывную борьбу за расовое превосходство среди конкурирующих наций, И. Антонеску до таких высот не добрался, возможно и потому, что немецкие теоретики расизма самих румын не причисляли к нациям высшей расы. И. Антонеску был просто ультранационалистом, ненавидел, как он сам говорил, турок и венгров, угнетавших румын, был злобным антисемитом, каких, десятилетиями напичкиваемых юдофобией, в румынской армии было множество. Антисемитизм порой становился чуть ли не признаком патриотизма. Следует отметить, что культ А. Гитлера создавался в течение ряда лет, И. Антонеску сразу же после прихода к власти, объявив себя спасителем страны и нации, стал именовать себя на манер фюрера вождем – кондукэтором.

В годы правления Николае Чаушеску одни историки продолжали замалчивать участие военно-фашистской диктатуры И. Антонеску в гитлеровских планах решения «еврейского вопроса», другие, если и упоминали об этом, вину за убийства евреев приписывали немецким союзникам, а масштабы жертв фашистских злодеяний всячески преуменьшали.

За примерами далеко ходить не надо. В 1978 г. вышла в свет небольшая по объему книга А. Корецки и М. Ковач «Кровавые дни в Яссах (28–30 июня 1941)»[24]. Само название указывает на то, что она затрагивает тему Холокоста. Тот факт, что книга выпущена «Политическим издательством», особенно подконтрольным властям, говорит о том, что она отражает официальную точку зрения на Холокост в Румынии. Суть ее проявляется уже в «Предисловии», принадлежащем перу Николая Минея. Последний бойко перечисляет количество убитых и депортированных в лагеря смерти в Германии, Австрии, протекторатах Богемия и Моравия, Польше, Венгрии, Словакии, Сербии, СССР, Греции, Болгарии и Италии (с. 13, 14). Когда же дело дошло до Румынии, автор развел руками: где эти цифры «можно найти?», ибо, как он безапелляционно утверждает: «В Румынии не имел место Холокост, за редкими и незначительными исключениями, поскольку палачи со свастикой в своих попытках завербовать себе сообщников для организации депортаций или других геноцидных акций не только не пользовались благожелательным содействием, предложенным по собственной инициативе, но и натолкнулись на отказ, частный и официальный» (с. 21–22). И далее: «Проявляя непреклонную последовательность и неустрашимую силу, боевой гуманизм румынского народа сорвал, раз за разом, гитлеровские планы истребления евреев в нашей стране» (с. 22). Не преминув подчеркнуть, что в Румынии избежали смерти около 350 000 евреев, Н. Миней ни словом не обмолвился о планах «этнической чистки» клики И. Антонеску, о десятках тысячах убитых евреев Бессарабии и Буковины летом и осенью 1941 г., большинство которых составляли женщины, дети, старики, о сотрудничестве румынской армии и жандармерии с гитлеровскими головорезами в проведении политики геноцида. Те, кто призывал к беспощадному истреблению евреев, вроде Михая Антонеску, Н. Минеем изображены как их ярые защитники.

В конце своего многостраничного «Предисловия» Н. Миней вспомнил о Транснистрии. В сноске на 25-й странице мелким шрифтом он написал: «Депортации по ту сторону Днестра, осуществленные властями Антонеску, не преследовали цель, декларированную или скрытую, истребления причастных (то есть евреев – *И. Л.*). Гибель какого-то числа (? – *И. Л.*) из них вызвана тремя главными причинами: злоупотреблениями, совершенными некоторыми представителями властей, которые растратили фонды, выделенные (кем?? – *И. Л.*) для приобретения продовольствия; криминальными эксцессами некоторых вырожденцев из органов охраны и стражи; вмешательством нацистских убийц, организованных в айнзацкоманды, которые при отступлении с Восточного фронта силой врывались в лагеря, истребляя узников». Якобы на долю последних падает основная часть расстрелянных узников лагерей. Словно в помине не было организованных с ведома и по приказу высшего руководства Румынии расстрелов десятков тысяч евреев в Одессе, Богдановке и др. Кстати, пример расправы отступавших гитлеровцев с «депортированными» в г. Рыбница, приведенный Н. Минеем, не соответствует действительности. В марте 1944 г. при отступлении фашистских войск были расстреляны не депортированные евреи, а отбывавшие заключение в Рыбницкой тюрьме румынские коммунисты еврейской национальности и местные советские подпольщики и партизаны, притом участвовали в этом злодейском акте румынский начальник тюрьмы Валуцэ Пинтилие и немецкий майор Вельче с 40 солдатами – немцами, румынами, власовцами и бежавшими вместе с немецкими оккупантами пособниками из Калмыкии.

В своем стремлении всячески обелить диктатуру И. Антонеску Н. Миней писал: «Румыния в 1943 г. и 1944 г. вписала в анналы Второй мировой войны уникальный случай: *возвращение в страну всех* (выделено нами – *И. Л.*) оставшихся в живых (узников гетто и лагерей в Транснистрии – *И. Л.*), что было совершено, несмотря на яростное со-

противление Вермахта, СС и гестапо и многочисленные риски, которые могли повлечь за собой эти нарушения нацистских распоряжений, транспортные и продовольственные трудности» (с. 25).

В действительности все было не так, как представил Н. Миней. Никакого «уникального случая» не произошло и никакого «яростного сопротивления Вермахта, СС и гестапо» не было. В связи с коренным переломом в ходе Второй мировой войны еще в декабре 1942 – январе 1943 г. еврейская община в Бухаресте поставила перед румынским правительством вопрос о репатриации из Транснистрии 75 000 оставшихся в живых к тому времени депортированных евреев, которым дальнейшее пребывание в гетто и лагерях угрожало смертью. Увязывался вопрос о репатриации с возможностью эмиграции бывших узников в Палестину (естественно, за выкуп, и немалый). Но И. Антонеску был против всякой репатриации, ибо это могло быть воспринято широкими антисемитскими кругами страны как отказ вождя от обещанного им очищения Румынии «от жидов». Только в конце декабря 1943 г. он дал согласие на репатриацию евреев, якобы «ошибочно» депортированных из уезда Дорохой, который исторически входил в состав не Буковины, а Старого королевства (область Молдова). До начала марта 1944 г. из Транснистрии были репатриированы около 7000 евреев (в том числе 6000 из уезда Дорохой и около 1000 из других городов Румынии, в том числе отбывавших наказание за всякие «нарушения»); было вывезено в Румынию также 1874 детей-сирот из общего числа около 5000 взятых на учет. И. Антонеску категорически отказал в репатриации депортированных бессарабских и буковинских евреев. В Транснистрии оставались, по румынским данным, 31 тыс. буковинских и 11 тыс. бессарабских евреев, которые в места своего прежнего проживания вернулись уже после изгнания фашистских войск.

Авторы книги о Ясском погроме А. Корецки и М. Ковач, как и автор «Предисловия» к ней, придерживаются той же линии на всяческое выгораживание румынских властей, чтобы избавить их от ответственности за злодеяния, при этом преуменьшая численность еврейских жертв, а ответственность списывая на счет немцев. Куда охотнее писали румынские историки о расправах над евреями венгерских фашистов.

В трактовке А. Корецки и М. Ковач в Яссах – оккупированном гитлеровцами городе, погром был учинен немецкими войсками, к ним примкнули отдельные румынские солдаты не по приказу, а по «собственной инициативе», отдельные железногвардейцы «в зеленых шарфах или рубашках», всякие «подвыпившие граждане». Все они шастали по квартирам, подвалам, чердакам, грабили, избивали и убивали евреев. Гибель от удушья в так называемых «поездах смерти» более 2500 ясских евреев, выдворенных из города, авторы А. Корецки и М. Ковач списывают целиком за счет действий немцев. Это они руководили посадкой и для давки сняли из состава часть выделенных вагонов, а при отъезде наглухо заперли двери и окошки вагонов, в пути запрещали открывать их и убирать трупы для предания земле (с. 87, 100 и др.). Румынские же власти трудились в поте лица, чтобы приостановить резню, «прекратить распутство». Были, конечно, во время погрома среди нееврейских жителей города люди, в том числе военнослужащие и полицейские, которые не одобряли действия погромщиков, даже помогали и спасали евреев. Но таких были единицы, которые в этом разгуле насилия осмеливались заступиться, рискуя собственной жизнью.

В литературе и документах приводятся различные данные о численности жертв Ясского погрома[25]. В материалах суда над обвиняемыми в погроме приводится цифра 8000 убитых евреев[26]. До поры до времени этой цифры придерживались официальные историки коммунистической Румынии (И. Попеску-Пуцурь, Г. Захарие и др.). А. Корецки и М. Ковач уменьшили эту цифру более чем в два раза. Они утверждают, что были убиты в ходе погрома «3233 еврейских гражданина», в том числе 550 в самом городе,

остальные в «поездах смерти». Авторы придерживаются официальных данных властей, хотя известно, что последние, стараясь скрыть масштабы геноцида, в официальном коммюнике о событиях в Яссах назвали 500 убитых евреев в день «кровавого воскресенья», а фактически было в несколько раз больше. Иные авторы пошли еще дальше в уменьшении численности жертв погрома. В коллективном труде «История Румынии. Компендиум» сказано, что во время Ясского погрома погибло «более 2000 человек»[27]. Эту последнюю цифру облюбовал сам Н. Чаушеску. В одной из своих речей он заявил: «Сразу после развязывания антисоветской войны был организован настоящий погром против антифашистских сил, в ходе которого в Яссах были убиты более 2000 лиц»[28]. Вождь румынских коммунистов, следуя советскому примеру, представляет сугубо антиеврейский погром как акцию немецких и румынских нацистов, направленную против никому не известных «антифашистов». Формулировка из речи Н. Чаушеску, скрывающая факт геноцида в отношении евреев, становится установкой для румынских историков, освещающих события Второй мировой войны. В трехтомном издании «Румыния во Второй мировой войне» мимоходом сказано, что евреи подвергались «дискриминационной политике», но при упоминании нацистских концлагерей умалчивается, что жертвами режима в них, в первую очередь, стали евреи[29]. В другом коллективном труде – «Великое побоище XX в.» авторы отметили, что в нацистские лагеря смерти были заключены коммунисты, антифашисты, партизаны, участники движения Сопротивления, военнопленные поляки, французы, советские, голландские, бельгийские граждане, а о евреях «забыли». О кровавой резне в Одессе 23–25 октября 1941 г., жертвами которой стали десятки тысяч евреев, упомянуто так: «Походная жандармерия проводила акты насилия среди населения. Румынское общественное мнение было возмущено, с отвращением и гневом отвергло подобные криминальные действия. Такое же состояние духа было у большинства румынских военных»[30]. Это утверждение совершенно не соответствует действительности.

В таком же духе освещают историю Холокоста в Румынии и на контролируемой ею территории упомянутые А. Корецки и М. Ковач. В названной книге они выделили раздел, озаглавив его: «Во имя спасения еврейского населения». На страницах 113 и 114 читаем: «В сентябре и ноябре правительство Антонеску распорядилось о депортации евреев Бессарабии и Буковины в Заднестровье (так называемую Транснистрию). Но в тамошние лагеря и гетто сумели депортировать лишь часть еврейского населения, ибо в его защиту решительно выступило общественное мнение, враждебно относящееся к антисемитским мерам режима Антонеску».

Авторы намеренно не приводят цифры о числе депортированных евреев из Бессарабии и Буковины, оставляя читателя думать, что слова «часть еврейского населения» указывают на незначительное количество евреев. В действительности же из губернаторства Бессарабия было депортировано все еврейское население, остался, согласно переписи мая 1942 г., всего 101 еврей. В губернаторстве Буковина, по румынским данным, депортированы более 90 тысяч евреев, осталось около 19 тысяч. Выходит, что «решительная защита общественного мнения» Румынии ничуть не повлияла на действия властей. Были, конечно, отдельные политические деятели, которые кто из гуманных побуждений, а кто из опасений, что в случае поражения в войне стране придется отвечать за совершенные злодеяния, старались убедить главу государства не депортировать и не истреблять еврейское население, но пока гитлеровские войска добивались успехов в войне, он оставался глух к этим демаршам. Не без ведома коммунистического руководства страны, в 1975 г. выпущена в свет книга писателя Марина Преда «Бред» («Delirul») с облагороженным романтическим портретом маршала И. Антонеску. Среди прочего, его поход на Одессу подан как освобождение населения города от большевистского ига.

Семена национализма, заложенные в «эпоху Чаушеску», дали обильные плоды. Как верно подметила исследователь Холокоста в Румынии Ирина Ливезяну в своей историографической статье «По поводу рассуждений современной румынской историографии о Холокосте в Румынии», «официальные историки коммунистического периода после 1989 года превратились в националистов... и стали плодовитыми авторами на темы, связанные с Ионом Антонеску и Корнелиу Зеля Кодряну (лидером террористической фашистской организации «Железная гвардия» – *И. Л.*), объявленными героями румынского крайне правого движения»[31]. Это относится, в частности, к одному из главных цензоров при Н. Чаушеску на поприще исторической науки М. Мушату, ставшему после свержения своего хозяина вице-председателем ультранационалистической, с фашистским уклоном партии «Великая Румыния», возглавляемой поэтом К.В. Тудором. Последний, а также поэт Адриан Пэунеску, прославлявшие «золотую эру» Н. Чаушеску, переключились на воспевание маршала И. Антонеску. В Кишиневе в 2011 г. поэту А. Пэунеску был установлен бюст на Аллее Классиков в парке «Штефан чел Маре».

После революции, приведшей к падению коммунистической диктатуры Н. Чаушеску, мир стал свидетелем долгие годы не стихающей в Румынии дискуссии вокруг личности И. Антонеску, а в связи с этим стал вопрос о политике последнего в «еврейском вопросе». В ожесточенной борьбе за власть националистические круги вовсю разыгрывали «карту Антонеску», особенно «отличалась» упомянутая ультранационалистическая партия «Великая Румыния» (Partidul România Mare). Отношение к личности казненного в июне 1946 г. маршала И. Антонеску стало мерилом румынского патриотизма.

В обстановке развенчивания коммунистического режима, учитывая, что И. Антонеску еще в 1918–1919 гг. активно выступал против русских большевиков и венгерских коммунистов, а в 1941 г., вступив в войну против СССР, объявил одной из ее главных целей «уничтожение большевизма, спасение христианства и европейской цивилизации», сложились благоприятные условия для оправдания политики кондукэтора, в том числе по отношению к евреям, которых давным-давно в Румынии преднамеренно отождествляли с коммунистами. В 1990-е гг. и в первые годы XXI в. из-под пера румынских историков, политиков и журналистов националистического лагеря вышло в свет множество книг и статей, посвященных маршалу И. Антонеску и «еврейской проблеме» в Румынии. Обзор и критическая оценка этой литературы и прессы даны в ряде историографических работ: Виктора Ескинаси и Александра Флориана в сборнике «Трагедия румынских евреев» под редакцией Р.Л. Брахама; Р.Л. Брахама и Раду Иоанида в сборнике, изданном в том же 1994 г. Нью-Йоркским Розенталь Институтом исследований Холокоста под редакцией Р.Л. Брахама под названием «Антисемитизм и трактовка Холокоста в посткоммунистической Восточной Европе»; Виктора Ескинаси, Владимира Тисманяну и Мишеля Шафира в сборнике «Уничтожение румынских и украинских евреев во время власти Антонеску»; Константина Иордаки и Ирины Ливезяну в сборнике «Румыния и Транснистрия: Проблемы Холокоста» под редакцией Виорела Акима и Константина Иордаке; Мишеля Шафира «Между отрицанием и опошлением путем сравнения. Отрицание Холокоста в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы»[32]. Краткий обзор источников и литературы содержится в книге Раду Иоанида «Евреи под режимом Антонеску»[33].

Румынские историки националистического лагеря и ультраправые средства массовой информации изображали маршала И. Антонеску как национального героя, великого мученика, освободителя и неутомимого борца за «воссоединение всех румынских земель» и даже защитника евреев Румынии. Восторженные отзывы о маршале звучали по радио и телевидению, его портреты при гитлеровских орденах по любому поводу и

без всякого повода красовались на обложках журналов и на первых страницах газет. В связи с 50-летием начала войны против СССР еженедельник «Baricada», например, воспроизвел на первой своей странице первую страницу известной румынской газеты «Timpul» от 22 июня 1941 г. с портретами А. Гитлера, генерала И. Антонеску и короля Михая I, обращениями кондукэтора к армии и румынскому народу. Эту дату как «начало освободительного похода» отметили многие газеты, украшенные портретами И. Антонеску, в том числе издание правящего Фронта национального спасения.

В день 45-й годовщины казни И. Антонеску по предложению сенатора от Национал-царанистской и Христианско-демократической партии Иона Мойсина парламент почтил минутой молчания его память как «великого патриота, до смерти сражавшегося за страну» и даже «спасшего жизни сотен тысяч евреев».

1 июля 1991 г. в Бухаресте и 2 июля в Яссах состоялись траурные собрания в связи с 50-летием начала Холокоста в Румынии и на контролируемой ею территории. В Яссах оно было омрачено двумя провокационными инцидентами[34]. Газета «Europa», еженедельник «România Mare» и другие националистические печатные органы изобиловали антисемитскими статьями. Выступление правительства с осуждением юдофобской кампании румынская пресса, за исключением газеты Федерации еврейских общин Румынии «Revista cultului mozaic», обошла молчанием[35].

Во избежание дипломатических осложнений правительство Румынии отмежевывалось от кампании по реабилитации маршала И. Антонеску. На пресс-конференции, состоявшейся в июне 1991 г. в Бухарестском дворце Котрочень, президент Румынии Ион Илиеску сказал: «Нельзя забывать, что Антонеску пришел к власти при поддержке легионеров, был союзником Гитлера, втянул страну в войну, обошедшуюся ей в 600 тыс. жизней. Лишены основания попытки представить его освободителем Буковины и Бессарабии, поскольку, не будь 23 августа 1944 г., Румыния могла бы потерять Трансильванию».

8 июля 1991 г. Конгресс США принял резолюцию № 1861, осудившую «возрождение в Румынии антисемитизма, экстремистских организаций и публикаций, проводивших подобные отвратительные идеи». В этой же резолюции сказано, что диктатура И. Антонеску виновна в гибели по меньшей мере 250 000 евреев[36].

Но румынские ультранационалистические круги не унимались. 22 октября 1993 г. в румынском городке Слобозия в торжественной обстановке был открыт первый памятник Иону Антонеску, созданный по заказу полиции Слобозии, Лиги «Маршал Ион Антонеску» и Ассоциации ветеранов войны из МВД. Бронзовый бюст был укреплен на мраморном постаменте, на котором выбиты слова маршала: «У нас нет лишних земель, нам некуда уйти». В церемонии открытия памятника участвовали государственный секретарь Министерства культуры Румынии Михай Унгяну, упомянутые председатель ультранационалистической партии «România Mare» К.В. Тудор, почетный председатель объединения «Vatra românească», проживающий в эмиграции И. Дрэган, поэтесса из Республики Молдова Леонида Лари, ветераны войны, местные жители.

В ряде демократических стран кампания по реабилитации И. Антонеску была встречена неодобрительно, даже явно отрицательно, конечно, в первую очередь, в еврейских кругах, связывавших с именем румынского диктатора гибель десятков тысяч своих родных и соплеменников. 15 декабря 1991 г. 16 американских конгрессменов в письме на имя президента Румынии Иона Илиеску «выразили глубокую озабоченность в связи с участием официальных представителей правительства в церемонии по случаю открытия статуи И. Антонеску. Авторы письма расценивали этот факт, имевший место на следующий день после предоставления Румынии режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, как «оскорбление чувств всех американцев». Неодобре-

ние по поводу установки памятника И. Антонеску выразил и тогдашний федеральный канцлер Германии Г. Коль.

Правителям Румынии, нуждавшимся в экономической и политической поддержке США и других западных стран, приходилось ловчить, выкручиваться. «Инициатива воздвигнуть статую И. Антонеску в маленьком городке Слобозии принадлежит неправительственной ассоциации и частным лицам, – уверял в ответном послании румынский президент Ион Илиеску. – … По сути, те, кто пытается реабилитировать память И. Антонеску, говорят о нем, как о своего рода антикоммунистическом символе, учитывая, что именно он принял решение вступить в войну против СССР в 1941 году, чтобы вернуть Бессарабию и другие силой захваченные Советским Союзом территории в результате пакта Молотова–Риббентропа, забывая при этом об акциях «Железной гвардии» против еврейской общины в период, когда он возглавил государство. Каковы бы ни были исторические обстоятельства и его предполагаемые цели в войне, маршала Антонеску, как и любого другого государственного деятеля, нужно судить исключительно по последствиям принятых им решений. Поэтому как президент Румынии я решительно высказываюсь против любой попытки реабилитировать Антонеску, игнорирующей его ответственность за военные преступления».

Тогдашний министр иностранных дел Румынии Т. Мелешкану в интервью газете «România liberă», подчеркнув непричастность правительства к открытию памятника И. Антонеску, объявил последнего «весьма спорным деятелем»: «Еврейскими организациями он воспринимается как человек Гитлера, который отправил на смерть румынских евреев. Но для другой части общества он – человек, вернувший румынские земли, территориальную целостность Румынии, а также жертва коммунизма, так как его убили при коммунистическом режиме»[37].

При явном попустительстве правительства увековечение памяти маршала И. Антонеску продолжалось, памятники были установлены в городах Тырговиште, Пятра-Нямц, Бухарест, Яссы и др. В начале XXI в. в Румынии уже 25 улиц и площадей носили имя маршала И. Антонеску.

И впредь официальные власти, попустительствуя, с одной стороны, неофашистской агитации и пропаганде, в то же время, чтобы избежать упреков и критики со стороны западных демократий, продолжали отмежевываться от кампаний по реабилитации и возвеличиванию маршала И. Антонеску, осуждали антисемитские выпады средств массовой информации, но при этом прибегали к формулировкам, смягчающим участие и ответственность Румынии в Холокосте. В заявлении румынского правительства от 11 апреля 1994 г. в связи с Международным днем освобождения узников фашистских лагерей среди прочего было сказано: «…Мы выражаем глубокое сожаление в связи с тем, что румынские власти, пусть *косвенно и ограниченно* (курсив наш – *И. Л.*), все же участвовали в уничтожении евреев. Увы, и сегодня мы не можем говорить об антисемитизме, расизме, нетерпимости и ксенофобии только в прошедшем времени. Рецидивы этого кровавого безумия проявляются и теперь»[38]. Широкой огласки в средствах массовой информации страны заявление правительства не получило.

То же самое имело место в начале мая 1997 г., когда в ряде городов Румынии проходили поминальные собрания по безвинно погибшим жертвам Холокоста. На имя академика Николая Кожаля, председателя Румынской федерации еврейских общин, поступило послание президента Румынии Эмиля Константинеску, сменившего на этом посту Иона Илиеску. В нем, в частности, сказано: «Эти кошмарные события не обошли Румынию… Верно то, что инициаторы этого геноцида не были румынами. Также верно, как вы хорошо знаете, и то, что было много румын из всех слоев общества, которые рисковали, а порою жертвовали собой, чтобы спасти евреев от беспощадного механизма

истребления. Однако мы все сознаем и то, что другие румыны в преступном ослеплении участвовали в осуществлении гнусного нацистского проекта об «окончательном решении»… Те же власти проводили высылку евреев, создавали лагеря, применяли на практике расистское законодательство»[39]. Кроме еврейской прессы, ни одна румынская газета и даже государственное радио и телевидение не воспроизвели полностью текст президентского послания. И это не случайно.

В Румынии, занимавшей до начала Второй мировой войны одно из первых мест в Европе по числу еврейского населения, евреев осталось (согласно переписи населения 1993 г.) всего 9107, что составляло 0,04 % населения страны. Отвергая обвинения в антисемитизме, упомянутая газета «Baricada» писала: «Эта статистика с очевидностью демонстрирует отсутствие антисемитизма в Румынии, для которого в стране попросту отсутствует объект». В посткоммунистической Румынии объективных причин для антисемитизма вроде не было. Оставшаяся горстка евреев не влияла на развитие политической жизни в стране. Им не принадлежало, как в довоенные годы, много фабрик и заводов, торговых предприятий и мастерских, не было среди них арендаторов и ростовщиков, евреи не составляли конкуренцию румынам ни в одной сфере общественной жизни. Но десятилетиями культивируемый антисемитизм не улетучился, более того, он оставался реальным фактором в политической жизни страны, неофициальном движении, связанном с попытками реабилитации и возвеличивания маршала И. Антонеску.

Дело не ограничивалось стремлением реабилитировать его. В 1990-е гг. на волне национализма были предприняты попытки возродить юдофобскую фашистскую террористическую «Железную гвардию». Некий Щербан Суру создал в Бухаресте первое «гнездо» («cuib») (первичная организация в структуре железногвардейцев, известных еще под названием «легионеры»), заявив: «Движение легионеров не запрещено законом. Намерен зарегистрировать это движение официально как морально-христианскую организацию»[40]. В срочном порядке были переизданы «труды» бывших главарей железногвардейцев (К.З. Кодряну, Х. Сима, И. Моца, А. Марин и др.), печатались «мемуары» и «исследования», книжный рынок и полки библиотек были завалены фашистской литературой[41]. Профессор Бухарестского университета Ион Кожа в своей книжонке, изданной в 1997 г., само название которой «Legionarii noştri» («Наши легионеры») уже о многом говорит, утверждал, что не легионеры во время мятежа 21–23 января 1941 г. зверски убили 120 евреев. Спустя некоторое время он же в ряде статей на страницах «România Mare» договорился до того, что сами евреи, переодетые в зеленые рубашки легионеров, убили своих соплеменников в целях компрометации легионерского движения («România Mare», 26.09.2003 г.), а затем сенсационно объявил, что трупы, разорванные на куски и висевшие на крюках на городской бойне, принадлежали не евреям, а… легионерам.

Ультранационалистическая газета «Europa», еженедельник «România Mare» и др., не говоря уже об откровенно профашистской прессе («Gazeta de Vest», «Puncte cardinale», «Mişcarea», «Permanente» и др.), пестрели антисемитскими выпадами, чего средства массовой информации не позволяли себе при режиме Н. Чаушеску. Румыния, как известно, в отличие от других стран социалистического блока, после шестидневной войны 1967 г. не порвала дипломатические отношения с Израилем. Румынские евреи могли выехать на постоянное местожительство на историческую родину на выгодных, естественно, для румынской стороны условиях.

Если при коммунистическом режиме Н. Чаушеску румынская историография обходила проблему Холокоста в Румынии, предпочитала писать о Катастрофе в хортистской Венгрии, если же и затрагивала этот вопрос, старалась, как уже отмечалось, взвалить ответственность на немцев и скрыть масштабы еврейских потерь, то в постком-

мунистической Румынии, наоборот, тема Холокоста стала широко обсуждаться в связи с кампанией по реабилитации маршала И. Антонеску.

Бухарестское телевидение провело в январе 1994 г. «круглый стол» на тему «Ион Антонеску и еврейский вопрос», предоставив возможность выступить всем национал-патриотам. Георге Бузату, директор Центра европейской истории и цивилизации в системе Академии наук страны, один из лидеров партии «Великая Румыния» (в 2000 г. сенатор от этой партии), разыгрывая «антикоммунистическую карту», от превознесения И. Антонеску перешел к возвеличиванию А. Гитлера как антикоммунистического государственного деятеля.

Главный раввин Румынии доктор Мозес Розен в интервью румынскому радиовещанию, воспроизведенном в «Revista cultului mozaic» № 774 (февраль 1994 г.), охарактеризовал передачу телевидения как «апологетическую» и «антисемитскую». Господа, именующие себя историками, оправдывали Холокост евреев в Румынии, утверждая, что не евреи-коммунисты, не русские, имея в виду советские войска, а вообще евреи убивали румынских офицеров и солдат, по этой причине произошел антиеврейский погром в Дорохое. «За прошедшие 53 года, – продолжал Мозес Розен, – никому не удалось назвать имя хотя бы одного еврея, отданного под суд румынским судебным или другим учреждением за эти преступления, не названо было имя румынского офицера или солдата, которому еврей нанес царапину»… Господа «историки» объявляют виновным весь еврейский народ, делают из всех преступников».

К хору зарубежных отрицателей Холокоста присоединили свои голоса и некоторые новоиспеченные румынские «специалисты». В своем печатном органе «România Mare» от 4 марта 1994 г. глава одноименной партии К.В. Тудор, ссылаясь на авторитет каких-то английских и американских отрицателей Холокоста, утверждавших, что «физически и технически» гитлеровцы не могли умертвить газами 6 млн евреев, делает свой вывод: «Холокост – «сионистская уловка», чтобы в течение 40 лет выжать из Германии около 100 млрд марок и держать под угрозой террора любого несогласного с еврейским ярмом». Ему вторил бывший однопартиец К.В. Тудора некий Раду Теодору, заявивший, что «сионистская пропаганда, чтобы вымогать у побежденной Германии баснословные деньги, навязала международному общественному мнению невероятную цифру в 6 млн убитых евреев». В действительности, по его мнению, ни в Освенциме, ни в других лагерях не имел место геноцид путем отравления газом, все это «одиозное вранье». Холокост, утверждает Р. Теодору, «самая рентабельная еврейская сделка», а Нюрнбергский процесс характеризуется им как процесс сионистского, иудейского нацизма над немецким, арийским нацизмом, одним словом, «расистское сведение счетов»[42].

Иные румынские авторы, не оспаривая существование Холокоста вообще, утверждали, что этот термин неприменим к Румынии, ибо если и были кое-какие жертвы среди еврейского населения, то уж не такие большие. На страницах бухарестского «Express» автор Эмил Попеску, статья которого «Хамелеонство совместимо с ложью» была 26 июня 1991 г. перепечатана кишиневской «Glasul Naţiunii», манипулируя придуманными цифрами, вроде того, что 150 тыс. из 250 тыс. евреев Бессарабии и Буковины в промежутке с 28 июня 1940 г. до 22 июня 1941 г. уехало вглубь СССР, кто добровольно, а кто был выслан, снисходительно допускает, что речь идет о гибели, в том числе в лагерях Транснистрии, «нескольких тысяч жертв. Может быть, их было чуть больше десяти тысяч». Э. Попеску пишет, что он вроде бы был готов пересмотреть свои выводы при наличии конкретных цифр и документов, но они якобы отсутствуют. «Я знаю много примеров из своего опыта, – заключает Э. Попеску, – а также из опыта моих родных и близких. Не знаю только одного-единственного случая – еврея, убитого румынами между 1940 и 1944 годами». Сетование на отсутствие данных о числе убитых евреев использовалось

некоторыми румынскими историками как способ ухода от признания Холокоста в Румынии и на контролируемой ею территории, хотя, по крайней мере, к середине 1990-х гг. уже было издано немало документов и свидетельств о претворении политики геноцида. В 1944 г. в интервью газете «Curierul naţional» историк И. Кипер продолжал утверждать, что относительно погрома в Яссах 29 июня 1941 г., «избиение» еврейского населения в Бессарабии и Северной Буковине, депортации евреев и цыган в Транснистрию, репрессий в октябре 1941 г. в Одессе «румынские историки в настоящее время не располагают необходимой документальной базой. Однако два факта находятся вне всяких сомнений: в июне 1940 года уходящая из Бессарабии и Северной Буковины румынская армия подвергалась на этих территориях агрессии со стороны меньшинств, среди которых было и еврейское; в 1941 году еврейское население стало жертвой репрессивных дискриминационных мер режима Антонеску, а также в результате злоупотреблений, допущенных некоторыми румынскими военнослужащими»[43].

Представление заранее запланированного геноцида всего лишь как «злоупотребления некоторых военнослужащих» – явная попытка скрыть ведущую роль верховного командования румынской армии, Генерального штаба в претворении «этнической чистки», сопровождаемой убийствами тысяч евреев. Упомянутая М. Ковач, соавтор книги о Ясском погроме, твердила на страницах антисемитской газеты «Europa» (№ 34, июль 1991 г.): «...румынская армия не совершала ни одной резни или погрома». Не случайно за тему Холокоста взялся журнал «Revista de istorie militară». Доктор К. Боторан, исследователь из Центра военной истории и теории, озаглавивший свою статью в журнале (№ 4, 1991 г.) «Холокост евреев в Румынии?», безапелляционно утверждает: «В Румынии не только не имел место холокост евреев, более того, ее территория явилась базой для спасения евреев». По подсчетам К. Ботоpана, за годы правления И. Антонеску погибло всего 5278 евреев из 314 859, или 1,7 %, в то время как в Германии, Польше, Венгрии поголовно истребили евреев. Это, заключил автор, является свидетельством «благородного гуманизма румынского народа, Бухарестского правительства и маршала Антонеску». К. Боторан не раскрыл, по каким источникам определил цифру 5278 убитых евреев, но он явно проявил «забывчивость». Если к жертвам Ясского погрома в конце июня 1941 г. добавить число погибших евреев, депортированных в Транснистрию осенью 1941 г. из Южной Буковины, уезда Дорохой, а также из других уездов Румынии, то никак не уложиться в указанную К. Ботораном цифру. А как быть с десятками тысяч евреев, убитых в так называемых «вызволенных провинциях», то есть в Бессарабии и Северной Буковине, во имя возвращения которых в состав Румынии, как объявил сам кондукэтор, он вступил в войну против СССР? Относительно «утрат» (читай, истреблений – *И. Л.*) в Бессарабии и Северной Буковине в июле-августе (автор «забыл», что гибли евреи также в сентябре-ноябре 1941 г., особенно во время депортации – *И. Л.*), то до сего времени не удалось пролить свет на этот счет». А уж о десятках тысяч евреев, убитых при румынской администрации на территории междуречья Днестра и Буга, в так называемой Транснистрии, автор и вовсе умолчал.

В журнале «Revista de istorie militară» (№ 5, 1994) авторы статьи «Маршал и евреи» А. Пынтя и Е. Арделяну следуют той же линии. В № 6 за 1994 г. «Revista de istorie militară» опубликовал текст доклада под названием: «Маршал Антонеску и еврейская проблема», прочитанного профессором Георге Бузату на научной конференции, состоявшейся 19–20 апреля 1994 г. в Тель-Авивском университете, и посвященного проблеме Холокоста в Румынии. Г. Бузату заявил, что за исключением небольшого периода «двоевластия» (сентябрь 1940 – январь 1941 г.), когда вместе с И. Антонеску правила страной «Железная гвардия», все остальное время до августа 1944 г. Румыния «не обладала специфическими чертами, свойственными фашистскому организму», это был

«режим личной диктатуры». Да, заявляет Г. Бузату, И. Антонеску был диктатором, но он не похож на других европейских диктаторов, в частности на А. Гитлера и Б. Муссолини – «подстрекателей преступлений, опасных актеров, по крайней мере». Его диктатура якобы была обусловлена требованиями мировой войны, он и его эпоха «не нуждаются в ретушировании, равно как не следует представлять его этаким легендарным Дракулой (жестокий валашский господарь Влад Цепеш или Влад Дракул – *И. Л.*)». «Нельзя, – продолжал он, – согласиться с зачислением Иона Антонеску в число фашистских диктаторов, антисемитов и расистов». Учитывая состав аудитории, Г. Бузату, объявив бывшего председателя Федерации еврейских общин Румынии Вильгельма Фильдермана, вынужденного с приходом к власти коммунистов покинуть Румынию, «великим еврейским лидером», сослался на его «Свидетельское показание», сделанное якобы в 1956 г. в Нью-Йорке, о том, что он «отклоняет образ Антонеску как фашиста, палача или антисемита».

Г. Бузату считает, что «в Румынии в научном плане имеет место то, что можно назвать возвращение Антонеску, повторяю, возвращение, а не реабилитация в смысле зачеркивания *грехов* (курсив наш – *И. Л.*) Маршала и его эпохи. В этих условиях он, в первую очередь, импонирует как непримиримый борец, – словом и делом, – против коммунизма вообще и особенно Советской России, а также как инициатор, военный и политический лидер в войне Румынии на Востоке для исправления несправедливостей, допущенных СССР в июне 1940 года».

Вину за всплеск антисемитизма в посткоммунистической Румынии Г. Бузату возложил на евреев, которые «эпоху Антонеску рассматривают исключительно через призму еврейской проблемы.., вызвав этим антисемитские проявления, хотя обществу, его широким слоям и «интеллигенции» они якобы «полностью враждебны и чужды, лишенные на сегодня всяких реальных и придуманных причин».

Г. Бузату считал весьма «рискованной» тенденцию некоторых еврейских историков приписывать Румынии Холокост, который проводился в оккупированных нацистами странах Европы. В конечном счете, утверждал он, все правительства Европы, кроме Дании и Голландии, поддерживали дискриминационные меры и депортацию евреев, национальные полиции порою с бóльшим усердием, чем гестапо, преследовали евреев. Особенно выделяет он Польшу и Украину, где уничтожение евреев происходило при активном участии значительной части местного населения. Да и западные союзники, автор имеет в виду США и Великобританию, до войны не приютили евреев, бежавших из фашистской Германии, а в годы войны не разрушали транспортные пути, чтобы воспрепятствовать движению эшелонов с евреями в лагеря смерти на территории оккупированной Польши.

Г. Бузату призывал к объективному освещению истории, не политизировать ее. Сам же он, квалифицируя действия хулиганствующих еврейских элементов при отступлении румынских войск и администрации из Бессарабии и Северной Буковины как «преступления», в то же время насильственную депортацию десятков тысяч евреев осенью 1941 г. с указанных территорий в Транснистрию, в ходе которой были расстреляны тысячи женщин, детей и стариков, называет мягким словом «эвакуация», а чтобы скрыть факт резни, устроенной румынской армией в Одессе, спокойно именует эту акцию «дело Одессы».

Зато с каким упоением расписываются в националистической историографии антирумынские «враждебные действия» евреев Бессарабии и Северной Буковины по отношению к румынской армии и администрации, покидавшим эти области в конце июня 1940 г. после получения советского ультиматума. Как будет показано дальше, И. Антонеску публично мотивировал свое решение депортировать евреев Бессарабии и Север-

ной Буковины из-за такого враждебного их поведения, за радушную и торжественную встречу ими в те дни Красной армии, а также за преследование евреями «румынских патриотов» при советской власти в 1940–1941 гг. Им же в ряде частных писем была пущена в ход и другая версия о причинах депортации евреев: мол, этим он хотел спасти их от расправы над ними обозленных местных крестьян. На эту маршальскую версию вроде клюнул только один «исследователь», некий Тудор Войку, который в статье, опубликованной в газете «România Mare» от 18 августа 2000 г., повторял: Антонеску депортировал евреев в Транснистрию, чтобы спасти их от гнева местного населения, возмущенного их поведением в 1940 г. И после всего неблагодарные евреи позволили себе обвинять маршала в антисемитизме.

Большинство историков-ультрапатриотов муссировали первую маршальскую версию о причинах депортации евреев Бессарабии и Северной Буковины. Но поскольку сам кондукэтор свои утверждения не иллюстрировал примерами, эти историки усердно взялись за поиски фактов враждебных действий евреев летом 1940 г., чтобы подкрепить ими официальную версию о мотивах депортации. И. Скурту и К. Хлихор, авторы книги «Год 1940. Драма румын между Прутом и Днестром»[44], изданной в 1992 г., наскребли несколько таких фактов, назвали фамилии евреев-преступников и убитых ими румынских полицейских, военных и церковных служителей. За неимением других, эти факты и фамилии перекочевали в коллективную «Историю Бессарабии с древнейших времен и до 1994 г. », в объемистую книгу В.Ф. Добринеску и И. Константин «Бессарабия в годы Второй мировой войны (1939–1947 гг.)» и др. И хотя в последней рассматривается главным образом внешнеполитический аспект проблемы, тем не менее, авторы неоднократно подчеркивают «злополучную роль» евреев при отступлении румынской армии из Бессарабии и Северной Буковины. При этом вину за «драматические события» 29 и 30 июня 1941 г. в г. Яссы, во время которых, по данным В.Ф. Добринеску и И. Константин, «умерло около 3000 человек, из них абсолютное большинство евреи», они возлагают на самих евреев, повторяя придуманную официальную версию властей о том, что в основном из евреев состояли заброшенные советами в румынский тыл «террористические банды», осуществлявшие нападение на немецкие и румынские части, направляемые на фронт.

Касаясь сталинского террора в Бессарабии и Северной Буковине в 1940–1941 гг., В.Ф. Добринеску и И. Константин ложно представляют его как направленный исключительно против одной нации. При «режиме оккупации Советским Союзом, – пишут они, – террор на оккупированной территории (Бессарабии и Северной Буковины – *И. Л.*) нанес большой ущерб румынскому народу, под угрозой было его биологическое существование», до осени 1940 г. «число убитых в результате расстрелов и во время пыток составляет 25 000–30 000 человек, единственная вина которых была в том, что они румыны», а до февраля 1941 г. было арестовано «почти 48 000 человек, абсолютное большинство были румынами». И далее: «Дьявольскому плану депортаций был положен конец в июне 1941 г., сотни тысяч румын Бессарабии и Северной Буковины уже никогда не вернулись в родные места»[45]. Приведенные цифры взяты, конечно, с потолка, равно как и состав репрессированных при советской власти в 1940–1941 гг. вовсе не коснулся одной нации. Бывший президент Латвии Вайра Вике-Фрейберг в заявлении, которое она направила участникам проходившей в июне 2007 г. в Риге конференции «Памяти детей, депортированных 14 июня 1941 года», отметила, что сталинские репрессии «не имели национальной привязки», они были направлены против «политической и экономической элиты, интеллигенции»[46] территорий, включенных в сентябре 1939 г. и летом 1940 г. в состав СССР.

Факты массового истребления евреев на территории «вызволенных провинций» Бессарабии и Северной Буковины режимом Антонеску летом и осенью 1941 г. истори-

ки В.Ф. Добринеску и И. Константин тщательно скрывают. На сей раз цифры о числе жертв геноцида не приводятся, все сводится к одной туманной фразе, призванной скрыть истину. «Спорной мерой, – пишут они, – явилось политическое и этническое очищение, совершенное в форме румынизации, преимущественно экономического характера. Враждебные государству и румынской администрации элементы, *независимо от этноса и религии* (курсив наш – *И. Л.*), были депортированы в лагеря и колонии, большинство которых находились по ту сторону Днестра».

Историки-националисты упорно скрывают еще один существенный факт, безусловно опрокидывающий тезис о депортации евреев Бессарабии и Северной Буковины как акте возмездия за их враждебное поведение в 1940–1941 гг. Осенью 1941 г. в Транснистрии были депортированы 30 тыс. евреев Южной Буковины и уезда Дорохой области Молдова (Старое королевство). Эти территории никогда в составе ни России, ни Советского Союза не были, проживающие там евреи не провожали враждебно румынские и торжественно не встречали советские войска, их депортировали просто как евреев, в порядке «этнической чистки». Большинство этих евреев составляли женщины и дети, старики, военнообязанные же евреи в это время вдали от своего дома выполняли трудовую повинность.

Подлинное «открытие» сделал тот же профессор Г. Бузату. Поработав в 1992 г. в бывших советских архивах, он подготовил очень насыщенный важными сведениями труд под названием «Румыны в архивах Кремля». Не дожидаясь выхода в свет всей работы, автор решил одну из глав – «Эвакуация Бессарабии и Северной Буковины» – в срочном порядке издать отдельной брошюрой, снабдив ее сногсшибательным названием: «Так начался Холокост против румынского народа»[47]. Этим Г. Бузату застолбил за собой новую оценку событий, связанных с отходом румынских войск и администрации из Бессарабии и Северной Буковины после получения советских ультиматумов 26 и 27 июня 1940 г. В приведенных в брошюре документах названы 8 фамилий румын, якобы погибших во время отступления. Кстати, эти же фамилии называются в работах вышеназванных авторов по истории Бессарабии. По-видимому, отдавая себе отчет, что при наличии всего 8 фамилий погибших слово «Холокост» звучит громко, Г. Бузату, не утруждая себя проверкой, ухватился за цифру (и на первой же странице своей брошюры привел ее), взятую «у коллеги из Кишинева г-на Антона Морару», который в своей книге «История румын. Бессарабия и Транснистрия (1812–1993)» насчитал «300 тысяч арестованных, убитых или депортированных румын на исторических румынских территориях» в 1940–1941 гг. Цифра более внушительная и более подходящая для названия «Холокост», чем, скажем, данные, приведенные в книге В.Ф. Добринеску и И. Константина.

Несмотря на «тяжкие преступления по отношению к румынам», совершенные евреями в 1940–1941 гг., И. Антонеску, по утверждению некоторых изданий, не убивал, а спасал евреев. Газета «Ziua», ратуя за присвоение одной из главных магистралей Бухареста имени маршала И. Антонеску, утверждала 12 августа 1995 г., что он «был ни Гитлером, ни Муссолини, ни Хорти. Он не убивал евреев, а спасал евреев». Депутат румынского парламента Влад Ходжа, озаглавив один из разделов антисемитской книжонки «Националист» броским названием «Какой Холокост?», в подзаголовке написал: «Маршал Антонеску покровительствовал евреям»[48]. Миф о «маршале – покровителе евреев», якобы разделявшем западные нормы о «правах человека» и являвшемся противником претворения в Румынии плана «окончательного решения», распространял американский историк Лари Уаттс в своей книге об Антонеску, изданной в Бухаресте. Этот же автор утверждает, что депортация евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию была совершена И. Антонеску «под давлением немцев и по собственному желанию избежать погромов»[49]. Легенда о желании «избежать погрома», как уже отмечалось, принадлежит

самому И. Антонеску, который с момента прихода к власти планировал очистить Румынию от евреев и ни в каком нажиме со стороны гитлеровцев не нуждался.

Созвучны с этими высказываниями Л. Уаттса утверждения Дорела Банкоша – румынского автора книги «Социальное и национальное в политике правительства Иона Антонеску» – о том, что И. Антонеску применял к евреям не антисемитские, а всего лишь «дискриминационные» меры. Причем, определялись они «союзом с Германией» и продиктованы были «экономическими и коммерческими соображениями», а отнюдь не идеологическими, антисемитскими. И. Антонеску якобы желал только «ограничить» участие евреев в экономике страны, а не осуществить их ликвидацию насильственным путем. Сами же евреи Бессарабии и Северной Буковины, прибегая летом 1940 г. к «насильственным акциям» против румынской армии, вызвали летом 1941 г. месть румын[50].

В 2001 г. Г. Бузату и И. Кожа организовали симпозиум на тему: «Холокост в Румынии?». В резолюции этого мероприятия отмечалось, что евреи «страдали везде в Европе, но не в Румынии». И. Кожа продолжал твердить о непричастности железногвардейцев к убийствам евреев во время путча, устроенного ими 21–23 января 1941 г. в Бухаресте. Этот же автор объявляет «ложью» утверждение, что евреи были высланы в Транснистрию лишь потому, что они евреи. Мол, в Транснистрию были отправлены только те евреи, которые не являлись гражданами Румынии и «нелегально пересекли границу», а также евреи Буковины и Бессарабии, признанные «подозрительными» или известные своими просоветскими симпатиями. Конечно, признает И. Кожа, попадались среди депортированных и «лояльные» евреи, но, мол, чего не бывает в условиях войны. По мнению автора, в Транснистрии не было лагерей смерти, евреи могли уходить куда угодно, только не в Румынию. Концентрационный лагерь – это село, даже не огороженное колючей проволокой, а несколько румынских жандармов были заняты лишь тем, что в ночное время охраняли евреев от бандитских налетов местных украинцев. Поистине богатая фантазия у профессора-филолога И. Кожи.

Столь же фантастическими являются утверждения генерала Иона Дана, военного юриста, автора книги «Процесс маршала Антонеску». Он пишет: «Мне кажется непонятным, необоснованным и глубоко неверным навесить на маршала И. Антонеску ярлык антисемита и приговорить его к смертной казни якобы за то, что он преследовал и истреблял евреев. Доказано (?! – *И. Л.*), что если и имели место предосудительные акции против евреев на территории, находившейся под румынской юрисдикцией, то это было не делом рук наших государственных властей, а также маршала Антонеску». Между тем, сам И. Антонеску рассказывал своим министрам, что воспитывался в духе антисемитизма, и всячески выпячивал перед ними юдофобство, употребляя вместо слова «еврей» – «жид», «паразит», «плевел», «накипь» и др. «Впрочем, – пишет исследователь профессор Ион Шербанеску, – этот антисемитский лексикон употреблялся главой государства до конца своей политической карьеры»[51]. Да и осужден был И. Антонеску, в первую очередь, за политику, приведшую страну к катастрофе и огромным человеческим жертвам среди самих румын и лишь в последнюю очередь за депортацию и истребление евреев».

Иную оценку дает личности маршала И. Антонеску и его политике по отношению к евреям румынский историк Михня Бериндей. Он утверждает, что И. Антонеску «был диктатором, но не фашистского склада», однако его приказы об истреблении евреев носили расистский характер. «Антонеску, – пишет М. Бериндей, – был жуткий антисемит. Маршал считал евреев целиком инородным населением, чуждым интересам румынского народа. Будучи человеком порядка, Антонеску был против индивидуальных расправ, грабежей и погромов. Но, не отдавая себе отчета, что индивидуальная ответст-

венность не должна отражаться на всем населении, что многие евреи сами преследовались советскими оккупантами, Антонеску решил применить глобальный план».

С позиции сторонника прав человека оценивает политику маршала Антонеску в «еврейской проблеме» исследователь Нягу Джувара. Он пишет: «Масштабная депортация евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию по причине враждебных акций некоторых евреев или групп этого меньшинства (речь идет об отходе румынской армии и администрации из Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г. – *И. Л.*) – это чрезмерное коллективное наказание за индивидуальные поступки, это преступление, как в плане юридическом, так и моральном. И условия претворения этого изгнания оставляют позорное пятно на всей нации, которая вообще не знала об этой мере и сегодня еще находится в неведении об этом эпизоде. Чтобы народ имел право на будущее, он должен взять на себя ответственность за прошлое. Но жертвами бесчеловечности Антонеску стали не только предполагаемые враги нации, но и самые хваленые ее сыновья, румынские воины». Однако в рассуждениях М. Бериндея и Н. Джувары имеется, на наш взгляд, ошибочное утверждение – причиной и целью операции по уничтожению и депортации евреев Бессарабии и Северной Буковины было не стремление отомстить евреям за враждебные действия некоторых лиц еврейской национальности по отношению к румынской армии и администрации в конце июня 1940 г., а задуманная «этническая чистка» в целях румынизации и колонизации указанных территорий, версия же о мести была выдвинута для оправдания злодеяний.

Исследователь Дан Сучиу считает, что И. Антонеску был плохим политиком, да и как полководец, катастрофически проиграв войну, не проявил себя, следовательно, нельзя отнести его к великим историческим личностям.

К наиболее значительным в румынской историографии работам по рассматриваемому нами вопросу следует отнести книгу Алекса Михая Стоенеску «Армия, маршал и евреи». Есть и подзаголовок «Случаи (происшествия) в Дорохое, Бухаресте, Яссах, Одессе» («Cazurile Dorohoi, Bucureşti, Iaşi, Odesa»), указывающий, что главное внимание будет уделено событиям в перечисленных городах. В предисловии автор объявляет, что его книга направлена против «экстремистов», как румынских, так и еврейских, в трактовке «еврейской проблемы» в годы правления Антонеску. Но если примеры «еврейского экстремизма» и кое-какие еврейские фамилии приводятся, то кого автор книги причисляет к «румынским экстремистам», узнать из нее невозможно. На словах А. Стоенеску осуждает убийства евреев, даже приводит документы из румынских архивов, но факты и цифры, считает он, не вписываются в понятие «Холокост», поскольку в Румынии не было организовано массовое истребление евреев («masacre») (с. 130–131), не было погромов, были разрозненные инциденты, «происшествия», «индивидуальные мщения». Армия и руководство страны вообще не имеют отношения к организации убийств, «абсурдом является утверждение, что переход через Прут имел целью истребление евреев». В румынском городе Дорохой был всего лишь «инцидент» (с. 133–134), в Яссах «немецкая диверсия» (с. 249), утверждение об участии румынских властей в погроме «нелепость» («aberaţie») (с. 249), приказ командира 14-й румынской дивизии о высылке из города нескольких тысяч евреев якобы был продиктован желанием спасти их от расстрела гитлеровцами (с. 256), а гибель большинства из них в пути от удушья в так называемых «поездах смерти» всего лишь «небрежность» («neglijenţă») (с. 275). Убийства евреев в Бессарабии носили, по А. Стоенеску, сугубо «антикоммунистический» (с. 309) характер, а то, что большинство расстрелянных и умерщвленных – это женщины, дети, старики, автор умалчивает. Знакомый прием: если еврей, значит, с пеленок коммунист, значит, убийство оправдано. Даже руководитель пресловутой Специальной службы информации (ССИ – SSI) Е. Кристеску не на-

считал в Румынии, включая Бессарабию, более 1200 коммунистов, высланных в 1942 г. в специально устроенный для них лагерь в Вапнярке (Транснистрия). Причем при проверке в 1943 г. оказалось, что большинство из них никогда не были коммунистами.

Особенно изощряется А. Стоенеску в фальсификации истории Холокоста в Одессе. Он утверждает, что вначале румынская оккупационная администрация обращалась к местным евреям, как, собственно, ко всем гражданам Одессы, «без всякой дискриминации» (с. 353), репрессии, якобы вызванные взрывом здания военной комендатуры, проводились в рамках «законов военного времени» (с. 348), «неоспоримо, что речь не идет о тысячах убитых», а всего в самом городе 23–24 октября 1941 г. было убито 417 евреев (с. 371) и то по решению суда, им даже зачитывались приговоры на русском языке (с. 379). Вообще, «были преступления, подлежащие наказанию, но далеко от международных масштабов, как следствие государственной политики».

А. Стоенеску приводит в своей книге тексты целого ряда румынских документов, но если они не вписываются в его концепцию, то всякими выкрутасами старается объявить их фальшивками или исходящими от мелкого начальника, но не от руководящего состава армии и правительственных структур. В книге много ошибочных и придуманных утверждений. Автор, взявшись за борьбу с экстремистскими течениями в трактовке «еврейской проблемы», сам порой ударяется в экстремизм, отрицая причастность диктатуры И. Антонеску к Холокосту. В заключение А. Стоенеску признает, что «преступления были, и хотя многие источники определяют их число в 70–80 тыс., включая все восточное пространство», но происходили они вопреки приказам высшего командования. Нет ни одного приказа об экзекуции, за исключением «репрессий, у которых был специальный статус»... Но при Антонеску, подчеркивает автор, были «спасены 400 000 евреев». При всем этом он, учитывая лежавшую на нем политическую и военную ответственность, остается «военным преступником, виновным в расстрелах, вышедших из-под контроля и вопреки румынскому духу», а именно: «под прикрытием его приказа были расстреляны недискриминационно некоторые заложники (?! – *И. Л.*) репрессий в Одессе, за погром в Яссах, который он не мог предотвратить, но главным образом за безответственную войну за Днестром, без гарантий, без соглашения, в ходе которой погибли десятки тысяч румын»[52].

Румынские историки, старающиеся преуменьшить число жертв Холокоста при диктатуре И. Антонеску, обращаются иногда к данным, приведенным в работе, изданной в 1957 г. за рубежом – «Еврейское население Румынии во время Второй мировой войны». Ее авторы – бывший долгие годы директором Центрального статистического института Румынии С. Мануилэ и бывший также долгие годы председателем Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии В. Фильдерман. Они утверждают, что в Румынии погибло в указанные годы 209 214 евреев, в том числе 15 000 в Старом королевстве, Южной Трансильвании и Южной Буковине, 103 919 в Бессарабии, Северной Буковине и районе Герца, 90 295 – в Северной Трансильвании при венгерской администрации.

В 1994 г. объявился еще один претендент на звание спасителя румынских евреев. В указанном году в Бухаресте под названием «Я спас евреев из Румынии» вышли мемуары бывшего главного комиссара правительства И. Антонеску по еврейским делам Раду Лекка. Название книги принадлежит не автору мемуаров, а редакции. Сам Раду Лекка личность весьма темная. Даже год его рождения запутан, а отзывы о нем в большинстве случаев негативные: «хорошо известный мошенник», «легко подкупный», «немецкий шпион», «агент гестапо»», «вымогатель денег у евреев». Выходец из семьи военных (дед) и политиков (отец) Раду Лекка получил образование в области политической экономии в Вене и Париже, занимался бизнесом, политикой, журна-

листикой, попутно шпионил для гитлеровской Германии и проталкивал национал-социалистскую идеологию у себя в стране в рамках профашистской и антисемитской Национал-христианской партии, возглавляемой А. Кузой и О. Гогой. При правлении И. Антонеску занимал ответственные посты в органах государственной безопасности (сигуранце) и Президиуме Совета министров Румынии, в том числе должность уполномоченного правительства по еврейской проблеме. В 1946 г. на процессе по делу маршала И. Антонеску и его команды Р. Лекка был приговорен к смертной казни, но, как, кстати, и Еуджен Кристеску, руководитель пресловутой «Serviciul Special de informaţie», избежал казни, поскольку владел многими секретами, а такие люди были нужны и новым властям.

Свои мемуары Р. Лекка написал в «эпоху Чаушеску» в тюрьме по заданию органов государственной безопасности Румынии. Естественно, о коммунистах он худого слова не написал, даже отметил газету «Scînteia», центральный орган Румынской компартии, единственную газету, которая не вела против него враждебную кампанию. В посткоммунистический период рукопись была извлечена из архива Министерства внутренних дел и издана в Бухаресте. Книга открывается словами автора мемуаров: «Я изложил всю эту ситуацию, чтобы можно было понять, как человек, – имея в виду себя, – законом не облеченный никакой властью, все же мог радикально изменить положение евреев Румынии, сделав так, что из всех оккупированных гитлеровцами стран одна Румыния не претворяла директивы Гиммлера в еврейских проблемах».

В собственном изображении Раду Лекка предстает перед читателем этаким чудотворцем, который во имя спасения евреев обхитрил всех – и маршала И. Антонеску, и посланника Германии М.Ф. Киллингера, и коварного генерала К. Василиу, главного жандарма страны, и многих других генералов-антисемитов.

Автор предисловия мемуаров Р. Лекки Дан Замфиреску озаглавил его «Мемуаристика всемирного интереса». Он считает, что Раду Лекка является самым «полноправным свидетелем», имеющим право сказать, в чем состоит «румынское чудо» в деле саботажа гитлеровского плана «окончательного решения». Признавая за Р. Леккой такие качества как «цинизм», «авантюризм по призванию», вместе с тем, пишет Д. Замфиреску, он «представляет в масштабе *истории* (курсив редакции – *И. Л.*) феномен, облик ментальности и румынской души соответствующей эпохи». Раду Лекка, продолжает Д. Замфиреску, «не какой-нибудь винтик в механизме правления Антонеску и, тем более, простой “немецкий шпион”, человек Берлина, поставленный Берлином во главе Централа евреев, как считают некоторые. Он человек собственной авантюры, он тот, который делает, чтобы механизм действовал в обратную сторону. Он порядочный человек (“un om de omenie”)». «Одного невозможно отрицать после прочтения этих воспоминаний, – заключает Д. Замфиреску, – изменение политики Антонеску по отношению к евреям ничего общего не имеет со Сталинградской катастрофой и перспективой поражения в войне», оно началось еще в начале 1942 г., когда «еврейской проблемой» занялся он, Раду Лекка.

По мнению Р. Лекки, Иона Антонеску и Михая Антонеску нельзя считать «спасителями евреев Румынии». И. Антонеску и М. Антонеску поддерживали антисемитские законы 1940–1941 гг., исходившие от железногвардейцев и генералов. Они отказались привлечь к ответственности убийц евреев во время еврейского погрома в Яссах, хотя посланник Германии не сопротивлялся. Р. Лекка возлагает на маршала И. Антонеску вину за создание лагерей смерти в Транснистрии, истребление и депортацию евреев Бессарабии и Буковины; он допустил расправу над евреями, устроенную румынским генштабом с участием украинских полицаев из немецкой оккупационной зоны на Буге, по его приказу в стране реквизировали еврейские больницы, изгнав из них больных

евреев, приюты для стариков, выброшенных на улицу, он же приказал не продавать евреям хлеб. В освещении Р. Лекки, только он оказывал сопротивление антисемитской политике маршала И. Антонеску, спасал евреев, в том числе ограждал их от коррумпированных сионистских руководителей[53]. Националистическая румынская историография, нацеленная на реабилитацию маршала И. Антонеску, точку зрения Р. Лекки не восприняла. Исследователь Лия Бенжамин в своей рецензии на мемуары Р. Лекки на основе документов раскрыла подлинную роль и функции Раду Лекки в решении «еврейской проблемы», главным образом в изъятии у евреев денег[54].

Не все румынские исследователи разделяли концепцию националистической историографии в освещении Холокоста. В своей обобщающей монографии «Румыния во Второй мировой войне», изданной в 1999 г., историк Дину К. Джуреску посвятил положению евреев специальный раздел[55]. На основе румынских источников автор пытается с математической точностью определить количество погибших евреев в тогдашних границах Румынии, а также в Северной Трансильвании, временно находившейся под владычеством Венгрии. Можно оспаривать те или иные приведенные автором цифры, но сама постановка вопроса заслуживает одобрения.

В 1980-х гг. началось изучение проблемы Холокоста Центром по изучению истории евреев в Румынии при Федерации еврейских общин Румынии. Большое внимание было уделено созданию источниковой базы для исследования проблемы. В 1986–1990 гг. в рамках коллекции «Izvoare şi mărturii referitoare la evreii din România (seria specială)» («Источники и свидетельства относительно евреев Румынии (специальная серия)») было издано два тома документов (второй в двух частях). Для рассматриваемой нами темы особый интерес представляют румынские документы, связанные с событиями конца июня – начала июля 1940 г., погромами и депортацией евреев Бессарабии и Северной Буковины во второй половине 1941 г., а также положение последних в 1942 г. (разделы I, II, VIII, XII, XIV). В 1991 г., в связи с 50-летием начала Холокоста в Румынии, Центром по изучению истории евреев был опубликован сборник документов и воспоминаний под названием «Martiriul evreilor din România 1940–1944. Documente şi mărturii» («Мученичество евреев Румынии 1940–1944. Документы и свидетельства»). Как отметил в «Предисловии» книги главный раввин Румынии доктор Мозес Розен, «фашизм и коммунизм препятствовали любой попытке освещения и исследования мученичества, в результате выросли два поколения в полном неведении об этой уникальной драме в истории человечества». Автор «Предисловия» раскрыл кавычки так называемого «румынского чуда», о котором писали некоторые историки националистического лагеря, в чьей трактовке режим Антонеску был «спасителем евреев». «Еще в 1942 году, – отмечает Мозес Розен, – победы Оси, Рейха стали сомнительными и нужно было подготовить алиби. Этим объясняется, что с октября 1942 г. массовые депортации в Транснистрию были приостановлены»[56]. Во «Введении» сборника дан краткий обзор (автор Лия Бенжамин) положения евреев в Румынии и на контролируемой ею территории в годы правления диктатуры И. Антонеску, а также в Северной Трансильвании при венгерской власти.

Работа по публикации документов и материалов была усиленно продолжена и завершилась изданием четырех томов под общим названием «Евреи Румынии в 1940–1944 гг. ». Четырехтомник составлен по всем международным правилам археографии и публикации исторических документов: каждый документ снабжен заголовком, отражающим его главное содержание, указаны места хранения, номера фондов и дел, имеются комментарии и примечания к документам, сведения справочного и библиографического характера, перекрестные ссылки являются подспорьем для исследователей истории Холокоста.

Первый том – «Антиеврейское законодательство»[57] – включает 107 документов: законы, декреты, постановления и рапорта министерств, выдержки из стенограмм заседаний правительства и др. Во «Введении» автор (Лия Бенжамин) пишет: «Если документы, помещенные в сборнике «Martiriul evreilor din România» (почти обойденном вниманием историков и публицистов), демонстрируют с избытком применение насилия путем погромов и массовых экзекуций, то антиеврейские законы настоящего тома отражают применение «узаконенного насилия». Особо ценные документы по теме Холокоста включены во второй том коллекции, содержащий, как явствует из заглавия – «Еврейская проблема в стенограммах Совета Министров»[58], – выдержки из стенограмм заседаний и совещаний румынского правительства И. Антонеску (в узком и полном составе), на которых рассматривалась и решалась еврейская проблема. Эти материалы раскрывают закулису политики правящих кругов в еврейском вопросе, стратегию и тактику правительства в решении еврейского вопроса на разных этапах Второй мировой войны. Сторонники реабилитации маршала, как правило, обходят вниманием эти документы. В томе приводятся официальные статистические данные о динамике численности еврейского населения Румынии в 1930–1942 гг., а также некоторые документы и материалы по еврейскому вопросу накануне войны и прихода к власти правительства И. Антонеску.

Составители предпослали тому выдержку из выступления самого известного румынского дипломата межвоенного периода Николае Титулеску: «Государство, не прилагающее максимум усилий для благополучия своих меньшинств, государство, не понимающее, что первостепенным интересом является обеспечение лояльности всех граждан, а не уничтожение культурной и религиозной индивидуальности своих подданных, государство, не отдающее себе отчет, что само оно должно являться главным защитником законных интересов своих меньшинств, нарушает не только закон гуманности, который должен господствовать в цивилизованном обществе, но нарушает и закон сохранения собственной жизни».

Третий том, состоящий из двух частей, озаглавлен составителями «Период больших испытаний». Он включает документы, в основном, румынских архивов, раскрывающие положение евреев в 1940–1942 гг. – в самый тяжелый период их жизни. Автор вводной статьи профессор И. Шербанеску отмечает, что провозглашенная Антонеску политика «этнической чистки» привела к гибели «целых еврейских общин» методами, которые «вызвали беспокойство даже у нацистских команд». Приводя цифры погибших евреев, автор «Введения» объясняет причины выживания относительно большого числа румынских евреев: развитие, начиная с осени 1942 г., военных событий как в Восточной, так и в Западной Европе, заставивших правителей страны более внимательно относиться к требованиям оппозиции, которая понимала, к каким негативным последствиям может привести продолжение депортации и гибели евреев; ходатайство некоторых зарубежных дипломатов, аккредитованных в Бухаресте, включая папского нунция А. Кассуло; решительное вмешательство США в момент, когда встал вопрос о присоединении к гитлеровской политике «окончательного решения еврейского вопроса»; забота ряда румынских еврейских лидеров об оказании помощи узникам лагерей в Транснистрии (В. Фильдермана, А. Шафрана, Ф. Шараги, А. Шефельберга, А. Зиссу, Ф. Фраймовича и др.)[59].

Четвертый том – «Итоги трагедии, возрождение надежды», завершающий серию «Евреи Румынии в 1940–1944 гг. » («Evreii din România între anii 1940–1944»), – включает документы и материалы, относящиеся к периоду 1943–1944 гг. Касаясь в целом этой серии публикаций, автор «Предисловия» академик А. Кажал подчеркивает важность многотомного издания, которое своим содержанием «дает отповедь тем, кто пытается

отрицать или преуменьшить последствия геноцида – Холокоста, в том числе в нашем регионе».

Автор «Введения» четвертого тома, румынский профессор И. Шербанеску пишет, и это вытекает из документов тома: «...В 1943–1944 годы антисемитская политика Антонеску сохранила *свою сущность*» (курсив в тексте – *И. Л.*). Он же считает, что в результате отказа от претворения в жизнь гитлеровского плана «окончательного решения еврейского вопроса» расчеты Антонеску очистить Румынию от евреев путем эмиграции были в условиях войны и в связи с установленными Великобританией резко ограничительными мерами на въезд в Палестину «утопией»[60].

Как уже отмечалось, целый ряд содержательных и научно-аргументированных статей (Д. Хурезяну, Р. Флориан и др.), характеризующих режим маршала И. Антонеску, его политику в «еврейской проблеме», был опубликован на страницах журнала «Societatea&Cultura» («Общество и культура»).

В развернувшейся в посткоммунистический период дискуссии вокруг личности маршала И. Антонеску резко отрицательную позицию в попытке его реабилитации и прославления занял Эдуард Мезинческу, автор книги «Маршал Антонеску и катастрофа Румынии», изданной в Бухаресте в 1993 г. Э. Мезинческу – бывший дипломат, в свое время он занимал пост заместителя министра иностранных дел Румынии, посла в Швеции. В одном из интервью он рассказал: «Я был на войне и как батальонный медик дошел до Кубани, где был ранен. Ион Антонеску, кадровый военный, участник Первой мировой войны, пришел в беспокойство, когда гитлеровская Германия, начиная с 1939 года, стала одерживать одну за другой военные победы. Он совершенно ошибочно оценил перспективное значение этих успехов и, как только пришел к власти в сентябре 1940 года, был охвачен военной лихорадкой»[61]. Рассказывая в своей книге о встречах до войны генерала Иона Антонеску с главарем фашистской «Железной гвардии» Корнелиу Кодряну в курортной местности Предял, где находились их виллы, Э. Мезинческу отмечает, что «генерал сохранил самые лучшие воспоминания и чувства общности идей, целей и идеологии... и не только как оппозиция по отношению к королю Каролю II, сотрудничество (генерала – *И. Л.*) с легионерами определялось и единством точек зрения и убеждений в расистских и этнических вопросах, в тоталитарных и авторитарных концепциях в области политики и управления, во внешней политике». «Никогда, – пишет Э. Мезинческу, – не было также разницы в принципах и концепциях между И. Антонеску и Хорией Сима, который возглавил «Железную гвардию» после расстрела К. Кодряну по приказу короля Кароля II, «между ними была лишь борьба за абсолютную власть». Согласно подсчетам Э. Мезинческу, около 270 000 человек (евреев – *И. Л.*) были истреблены под властью военно-фашистской диктатуры Антонеску». Попытки, предпринимаемые некоторыми историками и политическими кругами, реабилитировать И. Антонеску равносильны, считает автор, «попытке реабилитировать его политическую, расистскую и идеологическую одержимость и идиосинкразию, его тоталитаризм военно-фашистского образца». Это возможно лишь при условии «реабилитации идеологии и внешней политики Адольфа Гитлера и нацистской Германии», к которой он примкнул «на сто процентов», «до самой смерти», «до последней минуты своего правления», придерживаясь «данного слова» и «чести военного»[62].

Свое исследование «Преследование и сопротивление в истории евреев Румынии 1940–1944» Лия Бенжамин посвятила анализу положения еврейского населения в Старом королевстве, Южной Трансильвании и Банате. Автор подчеркивает, что ее труд не является событийным изложением истории и статистическим показом жертв, понесенных евреями Румынии в годы преследования, а лишь ставит цель высказать читателю «некоторые соображения относительно идеологии, которая воодушевила антиеврейское

действие в годы диктаторских режимов в период Второй мировой войны». Исходя из этого, автор анализирует и характеризует антисемитизм главаря и идеолога фашистской партии «Железная гвардия» К.З. Кодряну, антисемитскую политику в последние годы правления короля Кароля II и особенно при диктатуре Антонеску. Л. Бенжамин на основе анализа документов считает, что румынский антисемитизм порожден не стремлением к «ликвидации иудео-коммунистической опасности, как утверждают некоторые, не конъюнктурной политикой, продиктованной военно-стратегическими потребностями войны». Для режима диктатуры Антонеску «еврейская проблема», ее решение было, в сущности, «экономической, социальной, политической и, в какой-то момент, расовой проблемой, порожденной цельной националистической программой, которую глава государства афишировал с момента взятия власти». Антисемитизм в румынском контексте, заключает Л. Бенжамин, достиг высшей разрушительной планки в антиеврейской политике маршала Антонеску, и пусть даже «локальное решение было полуфинальным, все же оно интегрировалось в общий дух Холокоста. Погром в Яссах, политика этнической чистки и лагеря в Транснистрии были вариантами окончательного решения».

В работе Л. Бенжамин большое внимание уделено вопросу об отношении румынских евреев, в первую очередь лидеров общины, к войне против СССР. «Евреи-коммунисты, – читаем в книге, – участвовавшие в антифашистском Сопротивлении и совершавшие антивоенные действия, не являлись выразителями интересов еврейской общины, составной ее частью», еврейская же община в целом во имя выживания, «вопреки всей клевете и дискриминации», своими денежными и другими материальными взносами, своим трудом «поддержала в 1941–1944 гг. войну и целиком ей враждебный режим». В ряде писем на имя И. Антонеску председатель Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии доктор В. Фильдерман, ее генеральные секретари Д. Розенкранц и М. Карп, главный раввин А. Шафран даже просили отменить принятый еще при короле Кароле II декрет-закон об устранении из армии евреев и дать им возможность «жертвовать свои жизни на алтарь отечества». Вряд ли еврейские лидеры рассчитывали, что антисемитски настроенный кондукэтор, будучи союзником фашистской Германии, сделает такой шаг, но этим они, по-видимому, обеспечили себе алиби на случай обвинений в безучастном отношении к войне за «целостность страны». Однако авторы писем, на наш взгляд, явно перестарались в низкопоклонстве, заявляя, что желание евреев сражаться рядом с гитлеровцами–убийцами «было всеобщим желанием еврейского населения».

Подчеркивая ведущую роль Федерации Союза еврейских общин в борьбе за выживание, Л. Бенжамин отмечает, что «вместе с Федерацией значительную роль сыграло и сионистское движение», которое в тяжелые годы возглавлял Мишу Бенвенисти, «личность динамичная, с опытом, добытым в межвоенный период в рамках молодежной сионистской деятельности».

В литературе существуют разные точки зрения в оценке деятельности Централа евреев Румынии, созданного по декрету, подписанному И. Антонеску в декабре 1941 г. «В сети еврейских организаций, – пишет Л. Бенжамин, – определенная роль принадлежит Централу евреев». Она по сути разделяет мнение израильского профессора Бела Вего, считающего, что Централ не стал юденратом нацистского образца и простым нацистским орудием. Хотя Централ сотрудничал с правительством в ограблении еврейского населения, в эксплуатации еврейской рабочей силы, в претворении многочисленных акций по унижению евреев, способствуя их быстрой пауперизации и деклассированию, тем не менее он занимался организацией культурно-воспитательной работы среди евреев, оказанием помощи депортированным в Транснистрию, сотрудничал в организации репатриации части узников лагерей.

Лия Бенжамин не освещает в своей книге ход «этнической чистки», проводимой диктатурой И. Антонеску в отношении евреев Бессарабии и Буковины во второй половине 1941 г. и затем на территории Транснистрии, но совершенно правильно пишет: «Депортация евреев из Бессарабии, Северной и Южной Буковины на территорию между Днестром и Бугом, названную Транснистрией, и даже за Бугом, если немцы разрешили бы, была задумана и реализована властями Антонеску как мера этнической чистки этих территорий и в конечном итоге физического уничтожения еврейского этноса, правда, не путем отравления газом, а «всего лишь» путем изгнания людей от своих очагов, осуждения на смерть путем голода, холода и болезней, физического истощения и нередко массовых расстрелов. План был задуман режимом Антонеску еще до вступления Румынии в войну». Л. Бенжамин оспаривает точку зрения, бытующую в литературе, что антисемитизм И. Антонеску носит конъюнктурный характер, продиктованный внешним давлением и стратегическими потребностями войны. Антисемитизм И. Антонеску, считает автор, «имел широко задуманную политическую программу, основанную как на типично классическом антисемитизме, так и современном». Его целью было устранение евреев из экономической, политической жизни Румынии, вплоть до физического уничтожения»[63].

Исследователь Оттмар Трашка в статье «Румыно-германские отношения и еврейский вопрос: август 1940 – июнь 1941», полемизируя с немецкими историками А. Хиллгрубером и М. Брозата, отвергает точку зрения первого, утверждающего, что антисемитизм Антонеску не был доктринальным, а его политика в еврейском вопросе определялась румынской внешней политикой, исходила из тактических и коммерческих соображений, а также второго, заявившего, что «Антонеску не был антисемитом в подлинном смысле этого слова», он, как «многие румынские националисты, относился с неприязнью к евреям и поэтому не был заинтересован в их процветании и бережном к ним отношении». О. Трашка считает, что язвительный и бранный лексикон И. Антонеску в адрес евреев, а также предъявленные им обвинения подчеркивают глубоко расистский характер антисемитизма И. Антонеску, который без тени преувеличения, в силу его радикализма и расистского содержания, можно сравнить с антисемитизмом, исповедуемым Адольфом Гитлером[64].

Член Румынского статистического общества, бывший узник Шаргородского гетто (Транснистрия), депортированный в детском возрасте из румынского города Дорохой, Марк Розен в изданной им под грифом «Ассоциации евреев Румынии жертв Холокоста» работы «Холокост под властью Антонеску» поставил себе узкую задачу: на основе анализа преимущественно данных официальных румынских источников определить количество погибших евреев в 1940–1944 гг. По расчетам автора, под властью Румынии, включая Транснистрию, находилось 675 тыс. евреев, в том числе 135 тыс. «украинских евреев», то есть жителей Транснистрии. Депортированы были в Транснистрию из Бессарабии, Буковины, Старого королевства, Южной Трансильвании и Баната 151 276 человек, в том числе 142 858 евреев в 1941 г. Итого при власти И. Антонеску погибло 270 000 евреев, в том числе «румынских» (включая Бессарабию и Северную Буковину) – 155 000, «украинских» (то есть из Транснистрии) – 115 000. Если перевести на проценты, то погибло 63,2 % «румынских евреев» и 85,2 % «украинских».

М. Розен подчеркивает, что провал гитлеровского плана «блицкрига» и поражение под Сталинградом сыграли «решающую роль» в отказе от депортации в лагеря смерти на территории Польши евреев Старого королевства и Южной Трансильвании. В контексте европейского Холокоста особенность его в Румынии, по утверждению М. Розена, состоит в том, что румынские власти планировали, организовывали и претворяли в жизнь очищение и истребление евреев не по собственной инициативе и программе[65].

Военно-фашистская диктатура И. Антонеску не возникла случайно, ее семена были заложены в недрах румынского общества задолго до ее установления и созревали на протяжении многих лет. Израильский исследователь Леон Волевич, автор книги «Националистическая идеология в еврейской проблеме в Румынии 30-х годов» относит зарождение политического и доктринального антисемитизма ко второй половине XIX в., «дух» антисемитизма присутствовал больше всего среди средних и господствующих классов, интеллектуальных кругов. Начиная с 1880-х гг., румынские политические и интеллектуальные круги превратили антисемитизм в последовательную, концептуальную идеологию, в «жизненную» проблему для румынской нации. Последняя, увязанная с социально-политическими, в том числе крестьянским, вопросами, стала одной из центральных в политических дебатах и трактовалась как величайшее зло. После 1918 г. в Великой Румынии антисемитизм получил самостоятельный политический статус, стал центром политической и интеллектуальной жизни[66].

Организационное и идеологическое созревание румынского фашизма прослеживается в докторской диссертации Раду Иоанида, изданной сначала на английском языке, а затем в дополненном автором варианте на румынском. Автор рассматривает генезис фашистской идеологии в Румынии, анализирует социально-экономические, политические и культурные условия ее развития, степень ее влияния на массы, определяет характерные черты румынского фашизма: открытый антисемитизм, расизм, подчеркнутый национализм, культ вождя, мистицизм и готовность к самопожертвованию, строгое соблюдение иерархической подчиненности. «Румыния, – пишет Р. Иоанид, – была при Антонеску тоталитарным государством с ясными фашистскими чертами», плачевным итогом его правления для евреев была, по данным автора, гибель десятков тысяч невинных людей[67].

В русле тематики, связанной с предпосылками установления в Румынии фашистского режима, следует отнести фундаментальный труд румынского исследователя З. Орня «Тридцатые годы. Румынский правый экстремизм», то есть в период, непосредственно предшествовавший приходу к власти генерала И. Антонеску и фашистской «Железной гвардии» – агентуры гитлеровской Германии в Румынии.

С большой научной компетентностью автор рассматривает и дает оценку различным течениям румынского фашизма и антисемитизма, его выводы базируются на глубоком анализе концепций «теоретиков» румынских приверженцев крайне правого экстремизма, как старого, так и нового поколения. Один раздел книги (VI) посвящен «еврейской проблеме» начиная со второй половины XIX в. Особенно останавливается З. Орня на периоде между двумя мировыми войнами, раскрывает «вклад» таких органов как «Porunca vremii», «Bună Vestire», «Sfarmă Piatră» и др. в разжигание юдофобства. Автор подчеркивает, что в посткоммунистической Румынии, хотя, согласно переписи населения 1992 г., в стране проживало всего 9000 евреев, в основном пожилого возраста, «антисемитизм не исчез, но он уже не такой силы, какой был в 30-е годы»[68].

О деятельности правых экстремистских организаций в Бессарабии рассказывается в книге Виорики Николенко «Правый экстремизм в Бессарабии. 1923–1940», изданной в 1999 г. В работе приводятся довольно полные данные о социальном составе и действиях в этой области антисемитских организаций (Лиги национал-христианской защиты, «Железной гвардии», Национал-христианской партии), раскрывается степень и причины их влияния на значительную часть населения[69].

В посткоммунистический период, как и следовало ожидать, история Катастрофы, после долгих лет ее замалчивания при советской власти, стала интенсивно исследоваться главным образом в республиках, находившихся в годы войны под фашистской оккупации, а также в Москве, где уже более 15 лет успешно работает научно-просве-

тительный Центр «Холокост» (сопредседатели А.Е. Гербер и И.А. Альтман) и более 10 лет – Фонд «Холокост». Издаваемый Центром научно-информационный бюллетень «Холокост» содержит самые разнообразные сведения о книгах, конференциях, семинарах, конкурсах, просветительской работе, в том числе среди студентов и школьников, короче говоря, по всем вопросам, связанным с темой Холокоста. При Центре создан архив и библиотека, проводится плодотворная исследовательская и публикаторская работа. В книгах И.А. Альтмана, А.Е. Гербер, Д.И. Полторака определенное место уделено и проблеме Холокоста на территории Бессарабии, Буковины и Транснистрии, интересные свидетельства бывших узников гетто и нацистских лагерей по рассматриваемой нами теме содержатся в сборнике «Последние свидетели», изданном при поддержке Фонда «Ковчег»[70].

В 2009 г. под грифом научно-просветительного Центра «Холокост» была издана тысячестраничная энциклопедия «Холокост на территории СССР» (руководитель проекта и главный редактор И.А. Альтман). В книге содержится более 2000 статей о Холокосте на территории Советского Союза в границах по состоянию на 22 июня 1941 г., приводится много новых, ранее неизвестных фактов о трагедии евреев на оккупированной гитлеровской Германией и ее союзниками территории СССР. К сожалению, в ходе презентации изданной энциклопедии было указано на много ошибок, что вызвало необходимость в срочном порядке выпустить в 2010 г. второе, исправленное издание.

Теме Холокоста большое внимание уделено в Украине, в том числе на территории, находившейся в 1941–1944 гг. под румынской администрацией (Черновицкая, Одесская, южная часть Винницкой, западные районы Николаевской областей). Учитывая, что при советской власти тема Катастрофы долгие годы фактически была под запретом, а переживших Холокост осталось уже не так много, в посткоммунистический период усилия исследователей были направлены на сбор и издание свидетельств бывших узников фашистских концлагерей и гетто. Огромный вклад в это дело внес заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор Борис Забарко, бывший узник Шаргородского гетто (Транснистрия), председатель Всеукраинской ассоциации бывших узников гетто и концлагерей. Первый подготовленный им сборник «Живыми остались только мы. Свидетельства и документы» вышел в свет в 2000 г., в нем целый ряд воспоминаний, проливающих свет на положение евреев в гетто и нацистских лагерях Транснистрии. Плодом продолжавшегося Борисом Забарко сбора свидетельств явилось издание в Киеве в 2006–2008 гг. трехтомной публикации воспоминаний и документов под общим названием «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы». В них помещены сотни свидетельств переживших Катастрофу, в том числе на территории Транснистрии. Они, а также содержащиеся в «Примечании» сведения, заметно расширяют источниковую базу для исследователей Катастрофы в Украине, в том числе в Транснистрии[71].

Как уже отмечалось, в состав губернаторства Транснистрия входили южные районы Винницкой области. В силу этого для нашей темы представляют интерес материалы, помещенные в сборнике «Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. Свидетельства евреев – узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения и подпольной борьбы». Книга – итог сотрудничества русской секции Дома-музея борцов гетто имени Ицхака Кацнельсона, расположенного на территории кибуца «Бейт Лохамей ха-Геттаот», и коллектива Государственного архива Винницкой области Украины. Сборник состоит из трех разделов: «Еврейское гетто в период оккупации», «Евреи в концентрационных лагерях», «Участие евреев в партизанском движении и подпольной борьбе». Каждый раздел открывается предисловием, написанным сотрудниками Русского отдела «Бейт Лохамей ха-Геттаот» (Ирина Трампольская, Анна Копа-

ева, доктор Иосиф Малер), руководимого доктором Пинкасом Агмоном. В приложениях приводятся некоторые демографические данные касательно еврейского населения Винницкой области, списки евреев – участников подполья и партизанского движения, даты освобождения населенных пунктов Винницкой области Красной армией в 1944 г.[72] Заметный вклад в изучение Холокоста на Винничине внесла Ф. Винокурова[73].

В 1991–1996 гг. в г. Черновцы, под грифом Общества культуры им. Э. Штейнбарга, Ассоциации узников фашистских гетто и концлагерей, Государственного архива Черновицкой области, под общим названием «Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей и гетто» изданы очень ценные для исследователей Холокоста пять выпусков (сборников). Авторы-составители снабдили издание: вводными статьями с описанием положения евреев Буковины при фашистском режиме, в ходе депортации в гетто и лагеря Транснистрии; очерком об антифашистском подполье и списком его участников, а также об участии евреев-буковинцев в движении Сопротивления за пределами области; списком лиц нееврейской национальности, участвовавших в спасении евреев и оказании им помощи в годы Холокоста, фамилий спасенных; данными о военных преступниках и жертвах Холокоста. В сборниках имеются небольшие очерки об отдельных личностях, приводятся некоторые документы, статистические данные, фотографии авторов воспоминаний и др. В помощь исследователям помещено описание фондов Черновицкого областного архива, содержащих материалы о Холокосте[74].

Истребление десятков тысяч евреев Одессы – одна из самых кровавых страниц истории Холокоста. Поистине гигантский труд по сбору сведений о погибших в Одессе и Одесской области евреях проделал в 1980–1990-е гг. ныне покойный Борис Гидалевич. Эти материалы легли в основу его книги, изданной в 1997 г. в Иерусалиме (редактор А. Бейдерман), «Это забыть нельзя... Евреи – жертвы нацизма и герои Сопротивления. Книга памяти», ставшей ценным источником исторической информации. Особо следует выделить в последней статью об участниках антифашистского подполья и партизанского движения. Б.А. Гидалевич и еще один волонтер – Леонид Дусман проделали большую работу по установлению в Одессе и Одесской области памятных знаков на братских могилах евреев – жертв фашизма.

В 2001 г. Л.М. Дусман издал книгу под названием «Помни! Не повтори!». «В предлагаемой читателю книге, – пишет автор, – имена жертв фашистского геноцида, кровавые факты подлинных событий Холокоста». В книге помещена статья известного одесского историка, профессора (ныне покойного) С.Я. Борового «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации». Автор прослеживает ход ликвидации еврейского населения Одессы, ее основные этапы. Касаясь погрома 23–25 октября 1941 г. в Одессе, С.Я. Боровой пишет: «...взрыв в комендатуре явился только случайно подвернувшимся предлогом, что уничтожение еврейского населения Одессы входило в план первоочередных мероприятий оккупантов, что судьба еврейского населения города предопределена самим фактом фашистской оккупации» (с. 23). В небольшой по объему статье автор не раскрывает суть и цели этого плана. В книге Л. Дусмана приводятся выдержки из актов Государственной Чрезвычайной Комиссии (ГЧК) по установлению и расследованию злодеяний фашистских оккупантов, свидетельства бывших узников гетто, интересный рассказ о подвиге семьи врачей Шевелевых по спасению одесских евреев, помещен список евреев – героев Сопротивления и др.[75]

В плане познания жизни евреев в нацистских гетто и концлагерях никакие официальные документы не могут в такой мере, как свидетельства бывших узников, передать нечеловеческие страдания людей, обреченных на смерть и ведших борьбу за выживание. Свидетельства бывают разные, одни более содержательные, другие – менее, но

в каждом есть какой-то штрих, они дополняют друг друга и создают панораму задуманного геноцида, раскрывают методы его реализации.

В силу известных причин освещение Холокоста в бывших республиках СССР началось в посткоммунистический период, то есть спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны. Естественно, что большинство переживших Холокост авторов свидетельств – тогдашние дети, много узнавшие от своих родителей. Отсюда и некоторые ошибки в датах, другие неточности. Бывший узник пресловутого концлагеря в с. Печора на Буге Лощаков-Лейдерман (1930 г. р.) справедливо отмечает: «*Сейчас, после такого длительного перерыва в 60 лет, очень много подробностей уже забылось, и только самые тяжелые воспоминания о том периоде еще частично остались в памяти. Большие промежутки времени того периода совсем исчезли из памяти. Создается впечатление, что ты в это время вообще не существовал. Какой-то провал в памяти, как после тяжелой травмы черепа. Да это и не удивительно, ведь тогда мозг был занят только мыслями о еде и о выживании, а все остальное проскакивало мимо твоего внимания и сознания* (курсив в тексте – *И. Л.*)»[76].

Для исследователей Холокоста наибольший интерес, на наш взгляд, представляют воспоминания бывших узников, которые по возрасту и образованию осознанно воспринимали и описывали события в условиях фашистской неволи. Д.С. Стародинский к началу войны окончил среднюю школу с отличием, а затем прошел через ужасы нацистского геноцида. Хотя свою книгу воспоминаний он озаглавил «Одесское гетто», но бóльшую часть посвятил описанию жизни в известных лагерях Доманевки, Ахмечетки, скитаниям по селам, отношению представителей оккупационной администрации, местного населения. Интересны наблюдения Д.С. Стародинского о степени приспособляемости и выживаемости евреев бессарабских и буковинских, румынских и украинских. «Румынским евреям, которых поселили в Доманевке (речь идет о евреях Бухареста, высланных осенью 1942 г. в Транснистрию за всякие «нарушения», – *И. Л.*), по нашим понятиям, жилось совсем неплохо... Глядя на них, мы пришли к выводу, что живут они здесь лучше, чем мы жили до войны», то есть при советской власти. Одесских евреев – узников гетто и концлагерей в живых осталось очень мало, «все мы, пишет Д.С. Стародинский, долгие годы после освобождения чувствовали в себе балласт пережитого»[77].

Книга Л. Сушона «Транснистрия: евреи в аду», изданная в 1998 г., относится к мемуарно-исторической литературе. Он пережил годы фашистской оккупации в детском возрасте и многое знает из рассказов своих родных, но не только. Будучи долгие годы во главе Всеукраинской и Одесской региональной ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей, Л. Сушон рассказывает не только о пережитом его родными в Одесском гетто, о мытарствах во время депортации из города к берегам Буга через Березовку, Мостовое, Доманевку, Ахмечетку, о скотской жизни в селе Карловка, на ферме «имени маршала Антонеску», в бывшем совхозе у с. Викторовка. Он также привел в книге около 140 выдержек из собранных им воспоминаний бывших узников гетто и концлагерей, из документов и сообщений прессы, издаваемых румынскими властями, воссоздав картину положения евреев в Транснистрии. Л. Сушон отмечает, что «по сравнению с террором, проводимым немецкими войсками, действия румынской жандармерии там казались, как ни странно, более терпимыми, на земле «Рейхскомиссариата Украины» было еще хуже, и об этом свидетельствуют, казалось бы, неожиданные факты: многие евреи стремились перейти Южный Буг – естественную и военную границу, отделявшую друг от друга оба оккупационных режима»[78].

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Молдавии Р.Я. Удлер пережил Катастрофу в Транснистрии в возрасте 16–19 лет – довольно

зрелый возраст для восприятия того, что происходило вокруг. Великолепная память, дневниковые записи дали ему возможность сохранить подробности, детали пережитого. Р.Я. Удлер писал свои мемуары в 1990-е гг., то есть спустя много лет после окончания Второй мировой войны. Накопленный жизненный опыт позволил автору осмыслить случившееся в то страшное время. Привлечение документального материала, литературы по Холокосту, к тому же хорошее знание им внутриполитической жизни Румынии, жителем которой он являлся до лета 1940 г., позволили автору нарисовать правдивую картину режима в Транснистрии[79].

Богатый материал о Холокосте в Одессе и Одесской области приводится в сборнике статей и документов «История Холокоста в Одесском регионе», изданном в 2006 г. В статье профессора В. Щетникова «Проблемы изучения истории Холокоста в Одессе и Одесском регионе» в научный оборот впервые вводятся очень ценные мемуары вышеупомянутого Иосифа Александровича Каплера «Пути смерти. Записки узника гетто», рисующие жуткую картину претворения в жизнь чудовищного секретного приказа маршала И. Антонеску № 563 об уничтожении евреев, в первую очередь бессарабских. В книге приводятся малоизвестные данные о кратковременном существовании гетто в пригороде Слободка, о попытках еврейских лидеров наладить там жизнь. С интересом читаются статьи Л. Дусмана, Л. Думера, Л. Кашиной и др. В сборнике публикуются фамилии евреев – героев Сопротивления, имена погибших – жертв геноцида и т. д.[80]

По интересующей нас теме богатый материал содержится в энциклопедическом издании, посвященном истории Холокоста в Украине, и ряде других работ харьковского исследователя А.И. Круглова[81].

В посткоммунистический период проблема Холокоста и оценка личности маршала И. Антонеску и его правления стала объектом оживленной дискуссии в Республике Молдова. Тон задавали прорумынски настроенные круги и их печатные органы «Glasul Naţiunii», «Literatura şi Arta» и др. Страницы газет пестрели статьями о «маршале-освободителе», о «великом мученике» и т. д. По случаю 45-й годовщины казни маршала И. Антонеску один из лидеров местной, маловлиятельной, прекратившей существование после первых же парламентских выборов Национал-христианской партии (название, заимствованное у довоенной румынской профашистской и антисемитской Национал-христианской партии О. Гоги и А. Кузы), в статье «Маршал-мученик» объявил своего кумира «гордостью нации», который «знал, что он хочет, знал, что он делает, и все, что он делал, было направлено к добру и возвеличиванию родины»[82]. «Glasul Naţiunii» посвятила маршалу серию публикаций[83]; когда не хватало местных авторов, газеты перепечатывали статьи из румынской националистической прессы. По случаю 110-й годовщины рождения И. Антонеску еженедельник «Literatura şi Arta» поместил на своих страницах панегирик Юлиуса Попы «Антонеску безмогильный» с соответствующим эпиграфом из упомянутого Адриана Пэунеску, а также апологетическое произведение Николае Лупана «Маршал»[84]. «Glasul Naţiunii», главным редактором которой являлась экспрессивная поэтесса Леонида Лари, печатала элегические воспоминания о главаре террористической фашистской «Железной гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну. Стоявшие в начале 1990-х гг. у власти в Кишиневе старались придать этой «патриотической» кампании антисемитский привкус. С конца июня 1991 г. из номера в номер официоз парламента Молдовы газета «Сфатул Цэрий» (возрождение названия газеты, издаваемой в конце 1917–1918 гг. сторонниками присоединения Бессарабии к Румынии, – *И. Л.*) печатала на своих страницах насквозь антисемитскую брошюру некоего Д. Пэдуре, изданную в Румынии в конце 1940 г. при власти «Железной гвардии», посвященную событиям лета 1940 г. в Бессарабии. Упомянутая Национал-христианская партия выступила с инициативой, поддержанной националистической прорумынской прессой, о присвоении одной из улиц Кишинева

имени маршала И. Антонеску и установлении ему в городе памятника. Но затея получила решительный отпор со стороны представителей демократической общественности. «Мы считаем, – писали они, – что реабилитация Антонеску... является надругательством над памятью сотен тысяч невинных детей, женщин и стариков, умерщвленных режимом Антонеску». Еврейская газета «Наш голос» подвергла резкой критике ультранационалистическую молдавскую и румынскую прессу, которая, маскируясь под видом патриотизма, фактически возрождала фашистскую идеологию[85].

Высшая исполнительная власть Республики Молдова, руководствуясь государственными интересами, отмежевалась от ультранационалистической кампании вышеуказанных кругов. Своим указом от 12 августа 1991 г. президент республики М. Снегур поддержал «инициативу Общества еврейской культуры Республики Молдова по развитию еврейской национальной культуры». Постановление предусматривало организацию кафедры иудаики в Молдавском государственном университете, открытие еврейской общеобразовательной школы в г. Кишинев, средствам массовой информации вменено «проявлять больше объективности и компетентности в освещении межэтнических отношений» и т. д. 1 июля 1991 г. в Академии наук Молдовы, в рамках Института национальных меньшинств начал работу Отдел истории и культуры евреев Молдовы. 18 августа 1991 г. учреждена Ассоциация бывших узников гетто и концлагерей Республики Молдова[86]. Большую помощь в возрождении еврейской жизни оказывали представители «Джойнта» (Стюарт Саффер, Вера Стрижак), «Сохнута» (Цви Килиман), «Израильского Центра культуры и информации» (Белла Клайман).

После десятков лет упорного замалчивания Катастрофа евреев стала изучаться и освещаться сначала на страницах газет «Наш голос», затем «Истоки» и «Еврейское местечко», сборников «Дайджест на вечную тему. Не забудем!», «Антииудаизм, или Пещерный мир». В перечисленных изданиях печатались воспоминания бывших узников гетто и концлагерей, интервью и полемические статьи по вопросам Холокоста, карты концлагерей в Бессарабии, Буковине и Транснистрии[87].

В апреле 1993 г. в помещении Кишиневского русского драматического театра им. А.П. Чехова (до войны Хоральная синагога) с участием большой и представительной делегации из Израиля отмечалось 90-летие Кишиневского погрома 1903 г., а на второй день был устроен поминальный вечер жертвам Холокоста. Отделом истории и культуры евреев Молдовы Академии наук РМ были подготовлены две выставки, посвященные указанным событиям, которые потом были выставлены в одной из комнат Кишиневской публичной еврейской библиотеки им. И. Мангера.

В Молдове стали проводиться поминальные дни и воздвигаться памятники жертвам Холокоста. «Наш голос» в ряде номеров печатал в переводе с английского статью видного израильского историка Жана Анчела «Решение еврейского вопроса в Бессарабии и Буковине»[88]. Историк-краевед И.И. Пилат в своей книге «Из истории евреев Молдовы» поместил главу «Евреи в годы оккупации и борьбы с фашизмом (1941–1945 гг.)».[89] В переводе с иврита на русский в Кишиневе в 1993 г. была издана работа израильтянина Д. Дорона «Кишиневское гетто – последний погром»[90]. В сборнике, подготовленном М. Беккером и изданном в 2002 г. под названием «Зажги свечу в день Победы...», второй раздел «Трагедия евреев Советской Молдавии» содержит ряд воспоминаний бывших узников концлагерей и акты городских и районных комиссий по расследованию зверств и грабежей Фашистских властей на территории Молдавской ССР, хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдова (ф. 1026)[91]. В 2003 г. в помощь преподавателям истории средних школ Ассоциация еврейских организаций и общин Республики Молдова (председатель заслуженный архитектор РМ С.М. Шойхет) издала информационный материал «Холокост» (составитель Т. Магдер)[92]. В угоду молдавским

отрицателям Холокоста в нем замалчивается активное участие местных пособников фашистских карателей в уничтожении евреев.

Тем временем молдавские единомышленники румынской националистической историографии Холокоста не ограничивались выступлениями на эту тему в периодической печати. В 1997 г. в Кишиневе вышла в свет книга профессора Анатола Петренку «Бессарабия в годы Второй мировой войны 1940–1944»[93]. Книга представляется читателю как научное исследование, на ее титульном листе стоит гриф Государственного университета Молдовы, работа обсуждалась и получила одобрение на историческом факультете этого высшего учебного заведения, а наставниками и консультантами А. Петренку во время его стажировки в Румынии являлись академики, директора научных учреждений, профессора, доктора исторических наук из Бухареста, Ясс, Клужа, среди них и упомянутые нами Г. Бузату, И. Скурту, К. Хлихор и др.

А. Петренку на примере Бессарабии старается поддержать все основные положения румынской националистической историографии в трактовке Холокоста. В изображении автора «еврейская община в Румынии была единственной, которая пользовалась преувеличенными по сравнению с другими этническими группами в румынском королевстве правами, но и по сравнению с еврейскими общинами в других европейских государствах», и, будучи «свободными гражданами демократического государства», многие евреи занимали «важные и ответственные должности». Вместо благодарности в конце июня 1940 г. бессарабские евреи, объединенные в банды, орудовали против отходящей румынской армии, оскверняли церкви, грабили, евреи поголовно примкнули к советскому режиму, независимо от социального положения, от собственности или достигнутого в Румынии процветания», иными словами все в ответе и должны понести наказание, и т. д. Мобилизовав все, что мог найти в румынской антисемитской литературе, А. Петренку делает вывод: «...у военного руководства армии Антонеску были основания для негативного отношения к евреям Бессарабии».

В книге А. Петренку нет ни одной фамилии румынского офицера или солдата, жандарма или полицейского, на совести которого десятки, а может и сотни уничтоженных евреев, в том числе женщин, детей и стариков. Если и были «нарушения», то это лишь со стороны немцев. Сам маршал, в изображении А. Петренку, якобы не был причастен к убийствам евреев, и если, мол, такие факты имели место, то помимо его воли[94].

В 2003 г. было опубликовано эссе писателя Паула Гомы, уроженца Бессарабии, который долгое время жил в Румынии, но при Н. Чаушеску как диссидент, борец против диктатуры был выдворен из страны и осел в Париже. Его произведение – «Красная Неделя 28 июня – 3 июля 1940, или Бессарабия и евреи», изданное при поддержке Международного центра культуры для детей и юношества «Сержиу Гроссу», призвано вооружить молодое поколение «истинно правдивой» трактовкой событий, связанных с Холокостом в Бессарабии и вообще с историей края. П. Гома признает, что не обладает «компетентностью историка по профессии», тем не менее он вторгается в историю, проявляя полное невежество; здесь и преднамеренная фальсификация, но больше всего злобного антисемитизма.

Значительную часть своего опуса П. Гома посвятил интервалу времени с 28 июня по 3 июля 1940 г., назвав его «Красная Неделя». Именно в эти дни из-за враждебных действий, предпринятых евреями и только евреями против отходящих с территории Бессарабии и Северной Буковины румынских войск, определилось отношение последних к евреям, именно в эти дни «румыны обещали отомстить». П. Гома внушает молодежи, что в своих «варварских акциях» евреи руководствовались исключительно «критериями вероисповедания и национал-расизма», а зверства румын по отношению к евреям расистского характера не носили, были направлены не против этноса, а против кол-

лаборационистов, это было мщение за еврейскую агрессию в дни «Красной Недели» и начато оно было только после 22 июня 1941 г., то есть после начала войны, когда были раскопаны какие-то «братские могилы». П. Гома, как и все авторы работ по Холокосту из националистического лагеря, слова «геноцид», «депортация» избегает[95].

Кампания по реабилитации И. Антонеску сопровождалась, как и следовало ожидать, идеализацией политики, проводимой румынской администрацией в 1941–1944 гг. в Бессарабии, Буковине и Транснистрии, а заодно и губернаторов этих областей. Первым взялся за перо бывший начальник одного из управлений губернаторства Транснистрия Оливиан Веренко, брошюра которого «Румынская гражданская администрация в Транснистрии» была издана в Кишиневе в 1993 г. В предисловии автор подчеркнул, что «румынский народ никогда не проявлял стремления к несправедливым владениям и экспансии», этим как бы желая сказать, что Румыния не стремилась к аннексии Транснистрии, и только «опасность ликвидации Румынии как государства обусловила наше присоединение к немецким войскам и вступление в войну против восточного соседа с единственной целью отвоевать часть тела страны, похищенную у нас». О том, что советская угроза Румынии была и после 28 июня 1940 г., спору нет, но в том, что у И. Антонеску были посягательства на чужие территории, можно также не сомневаться, о чем будет сказано дальше.

Значительную часть публикации О. Веренко посвятил возвеличению своего бывшего шефа, губернатора Транснистрии, казненного 1 июня 1946 г. профессора Георге Алексяну, заслуга которого в том, что «он задумал и руководил с тактом и динамизмом всей деятельностью по восстановлению и, благодаря выдающимся достижениям в экономической, социальной и культурной сферах, удалось в срок нормализовать жизнь на этой территории, прошедшей через пожарища». Не забыл О. Веренко подчеркнуть, что администрация Транснистрии руководствовалась «инструкциями» маршала И. Антонеску, и все достижения за два года – «это целиком заслуга маршала Антонеску, ясного видения великого государственного деятеля, его смелости оказывать доверие и личную поддержку тому, которому он поручил руководить администрацией». В изображении О. Веренко, Г. Алексяну не только прекрасный ученый, правовед и администратор, но и «защитник демократических принципов», воспитанный на идеях Великой французской революции. В результате такого демократизма «за годы румынской администрации в Транснистрии не было ни одного акта сопротивления, вражды или саботажа со стороны местных служащих, более того, нашли у них понимание, полную поддержку и особую доброжелательность. Это явилось расплатой за заботу и внимание к населению, проявленные румынской администрацией на этой территории, за добрые и великодушные методы руководства, доверия и душевной близости, созданные в отношении к местным (жителям – *И. Л.*), которым была обеспечена спокойная и в меру возможностей лишенная недостатков жизнь»[96].

Вроде и евреям было не так плохо. Безусловно, в Транснистрии при румынской администрации режим был не столь суров, как при немецкой. Но, прожив более двух лет в Одессе, О. Веренко так и не слышал о кровавой расправе с одесскими евреями в октябре 1941 г., об их депортации в морозные январские и февральские дни 1942 г., о расстрелах в Богдановке и Доманевке с участием румынской администрации. «В Транснистрии фактически был всего один лагерь – в Вапнярке, – пишет О. Веренко. – Во всех других местах, где находились евреи, фактически не было лагерей». «Забыл» автор о «лагерях смерти» в Печере и Ахмечетке, о тысячах умерших от голода, холода и инфекционных болезней в гетто Могилева, Бершади, Балты, Ободовки, Копайгорода и др., не говоря уже о многочисленных сельских лагерях в зимние дни 1941–1942 гг., о том, как губернатор Г. Алексяну запретил бухарестским евреям посылать материальную помощь

своим соплеменникам в Транснистрию, он же давал добро на отправку евреев на работу в немецкую оккупационную зону, где после выполнения заданий их расстреливали.

О многом еще «забыл» О. Веренко, в частности о десятках тысяч вагонов продовольственных, сельскохозяйственных и промышленных товаров, вывезенных из Транснистрии в Румынию, переданных румынской армии, а также выделенных для снабжения немецких и итальянских войск, об угоне десятков тысяч голов скота, вывозе оборудования многочисленных промышленных предприятий, начатом еще в первые месяцы оккупации. Только во второй половине 1943 г. в целях спасения промышленного оборудования от новой волны уничтожения, в связи с предстоящими военными действиями, пишет О. Веренко, «часть оборудования была эвакуирована в страну (т. е. Румынию – *И. Л.*) с тем, чтобы его можно было идентифицировать и вернуть после войны». Нужно же было такое придумать! Трудно поверить, чтобы высокопоставленный чиновник губернаторства не знал о существовании секретного Плана под кодовым номером 1111, в котором указано, какие предприятия в каждом городе и районе должны быть демонтированы и отправлены, отмечены станции погрузки и станции разгрузки в Румынии, установлен порядок вывоза тракторов, сельскохозяйственного инвентаря, скота, ульев, оборудования машинно-тракторных станций и т. д.

В таком же апологетическом тоне освещает деятельность администрации губернатора Г. Алексяну румынский автор Ион-Силвиу Нистор, продолжавший считать Транснистрию румынской территорией. Он так и озаглавил свой опус: «Транснистрия – румынская земля». «В обстановке самой необузданной жестокости, сопутствовавшей войне, румынские власти под верховным руководством маршала Иона Антонеску пытались сохранить в чистоте герб румынской чести», – утверждает этот автор[97].

В очередной книге упомянутого нами А. Петренку, изданной в 1999 г. под громким названием «Румыния и Бессарабия в годы Второй мировой войны», автор в духе тогдашних правительственных изданий – «Год правления», «Два года правления», «Три года правления» («Un an de guvernare», «Doi ani de guvernare», «Trei ani de guvernare») – сводит повествование к пересказу до мелочей, к тому же без всякого серьезного анализа, самовосхваляющих отчетов губернатора Бессарабии генерала К. Войкулеску. Читая этот опус, диву даешься: шла тяжелейшая война, принесшая столько горя человечеству, а в Бессарабии вроде не было мобилизации в армию, трудовых повинностей, денежных и натуральных налогов и сборов, военных займов, реквизиций лошадей и подвод у крестьян, рогатого скота и многого другого, что сопутствовало войне. Когда речь идет о вывозах из Бессарабии сельскохозяйственных и продовольственных товаров, подбираются самые заниженные данные, о наличии Плана 1111 даже не упоминается. Относительно политики режима И. Антонеску в части решения «еврейского вопроса» А. Петренку ограничился одной фразой: «С момента возвращения румынской власти в Бессарабии евреи были интернированы в лагеря и гетто, кроме лиц со специфическим положением: смешанные браки, крещеные евреи, евреи, взятые на работу немецкими властями, евреи-фармацевты и др.». Автор «забыл», что временные лагеря и гетто стали создаваться только в конце июля – начале августа 1941 г., а до этого, в течение всего июля, проводилась «этническая чистка», иными словами истребление и ограбление тысяч еврейских семей. С конца сентября 1941 г. началась массовая депортация узников этих лагерей и гетто в Транснистрию, сопровождаемая новыми расстрелами и грабежами, больше всего жертв фашистских злодеяний было среди женщин, детей, стариков[98].

Обнаружился автор для воспевания режима И. Антонеску и в Буковине. Им стал историк из Республики Молдова Павел Морару, защитивший диссертацию в 2001 г. в Бухаресте и издавший ее в 2004 г. в Кишиневе под названием «Буковина под режимом Антонеску (1941–1944)», том I: «Администрация. Экономика. Общество». «Ев-

рейский вопрос» трактуется в духе румынской националистической историографии. Его решение автор относит к разряду обычной демографической проблемы, насильственная депортация евреев Бессарабии и Буковины, сопровождаемая гибелью от рук антисемитов тысяч женщин, детей и стариков, представлена как обычное переселение, к тому же оправданное тем, что евреи проявляли «враждебность и агрессивность» ко всему румынскому, а в Транснистрии им жилось не так уж плохо[99]. Диана Думитру, молодой исследователь из Республики Молдова, подвергая обоснованной критике произведение П. Морару, обращает внимание на сходство в трактовке аналогичных проблем с кишиневским историком А. Петренку, автором вышеупомянутой книги о Бессарабии и Румынии в годы Второй мировой войны[100].

В части освещения событий в Буковине у П. Морару был предшественник в лице немецкого исследователя доктора юридических наук Германа Вебера, автора книги «Буковина в годы Второй мировой войны». Он признает, что работа его выполнена по особому заказу и цель ее – определить, должна ли Германия выплачивать компенсацию за злодеяния на подконтрольной Румынии территории, бывшей накануне войны в составе СССР, в частности Северной Буковине. Свои выводы он распространяет и на Бессарабию. Г. Вебер заключил, что «германскую ответственность за мероприятия румынских властей в принципе следует отрицать», поскольку между Германией и Румынией якобы «было полное согласие» относительно «воссоединения» этих территорий, и Германия была блюстительницей румынского суверенитета на протяжении всей войны. О том, что на совести эсэсовских формирований тысячи убитых и ограбленных буковинских и бессарабских евреев, Г. Вебер предпочитает умолчать[101].

В противовес националистической историографии Холокоста появляются труды, авторы которых стараются, основываясь на документальных материалах и свидетельствах, объективно осветить положение евреев в Республике Молдова и прилегающих областях Украины под властью режима И. Антонеску. Под грифом Государственного института международных отношений Молдовы, Ассоциации евреев Молдовы – бывших узников фашистских гетто и концлагерей и Славянского университета в 2005 г. в Кишиневе опубликованы две книги: «Холокост в Молдове» (авторы Сергей Назария, Думитру Дану, Александр Морару, Юрий Загорча)[102] и «Страницы истории. Холокост (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины. 1941–1944)» автор Сергей Назария[103]. Во введении своей книги С. Назария пишет, что одной из целей его труда «является знакомство молдавской и зарубежной читающей публики, в основном стран СНГ, Румынии и Израиля, с трагическими событиями 1941–1944 гг., так долго замалчиваемыми в советское время и искажаемыми в 90-е годы прорумынски националистически настроенными историками нашей республики» (с. 15). Исходя из этого, автор придал своей книге полемический характер. В последних двух названных работах приводится много новых фактов расправ фашистов над евреями, об отношении местного населения к жертвам геноцида, в научный оборот вводятся материалы, ранее недоступные исследователям, из архива советских органов государственной безопасности Молдавской ССР, а также собранные свидетельства, хранящиеся в текущем архиве Ассоциации бывших узников гетто и концлагерей Молдовы. Некоторые свидетельства (И.А. Белоуса, Д. и Х. Ройфманов, Ш.А. Ройфа) помещены в книге С. Назарии. Последний приводит и комментирует данные, представленные разными авторами, о численности погибших евреев на исследуемой территории, лично считает, что «общее количество убиенных евреев на оккупированных румынами территориях значительно превышает 400 тыс.» (с. 275).

Долгие годы после окончания Великой Отечественной войны общественность почти ничего не знала о самой страшной кровавой расправе на территории Молдав-

ской ССР – уничтожении эсэсовцами из айнзацгруппы 12 при содействии румынских жандармов в сентябре 1941 г. в районном центре Дубоссары на Днестре тысяч евреев. И это при том, что документы об этом злодейском акте были, но хранились в архиве под грифом «секретно». Только в 1999 г. небольшим тиражом была опубликована документальная повесть А.М. Москалевой (Векслер) «Дубоссарская трагедия, сентябрь 1941 г.», посвященная массовому расстрелу евреев в Дубоссарах. На значительно более широкой источниковой базе освещена эта тема в изданной в 2012 г. в Тирасполе под грифом Приднестровского государственного университета работе И.П. Шорникова «Зондеркоманда в Дубоссарах». В приложении автор поместил 22 копии документов о расстреле в Дубоссарах (донесения органов госбезопасности и прокуратуры СССР, допросы обвиняемых, свидетелей и др.).

Вопрос об отношении местного населения к еврейским узникам на территории, где властвовали фашистские карательные службы, является крайне сложным, оно определялось ходом военных действий на фронтах войны и другими факторами. Так, Владимир Солонарь рассматривает его на примере Бессарабии и Северной Буковины в июле-августе 1941 г., то есть в месяцы, когда германская армия и ее союзники добивались головокружительных успехов в войне против СССР, и редко кто сомневался в победе Германии. Автор на основе анализа документов приходит к выводу, что отношение к евреям в общем было плохим. Местные жители в своем большинстве с готовностью сдавали евреев румынским жандармам, нападали на них, грабили или же, по меньшей мере, были безразличны к их судьбе. Очень немногие помогали евреям. Но массовое убийство евреев происходило только тогда, когда его организовывали румынские военные, жандармы или украинские националисты, притом у последних были свои цели, отличные от румын, но которые тоже стремились «очистить» территорию от евреев. К побуждающим к убийствам факторам В. Солонарь относит антисемитизм (среди местных убийц было много кузистов), иногда – желание отомстить за депортацию советскими органами их родных и близких, что приписывалось евреям, иногда – желание выслужиться перед новыми властями, а также жажду наживы[104].

В другой статье В. Солонарь анализирует три плана румынских властей (кстати, не реализованных) по массовому переселению национальных меньшинств путем обмена населения с соседними странами, в рамках этих планов полагалось выгнать евреев и цыган «за Урал» или убить[105].

В. Солонарь в обстоятельной статье «От умолчания до оправдания? Молдавские историки о Холокосте евреев Бессарабии и Транснистрии» первым подвел итоги изучения и освещения, в том числе в школьных учебниках, проблемы Холокоста в советские и в первые постсоветские годы. Автор заключает, что хотя и по разным мотивам, но тема Холокоста, как при советской власти, так и в националистической историографии, была фактически прикрыта, а если и затрагивалась, трактовалась ложно[106].

В упомянутом сборнике «Румыния и Транснистрия: Проблема Холокоста» помещена статья молдавского историка Игоря Кашу «Проблема истребления евреев во время Второй мировой войны в постсоветской молдавской историографии»[107]. Автор отмечает, что проблема участи евреев в годы Холокоста «мало изучена в молдавской постсоветской историографии». У одних авторов проявляется тенденция заниматься исключительно вопросом «румынской идентичности», другие же «стараются минимизировать румынское соучастие в депортации и истреблении евреев, ссылаясь на условия Второй мировой войны и влияние немецкой армии в этом процессе» (с. 123).

Анализ состояния изучения и освещения Холокоста в Республике Молдова в конце XX – начале XXI в. сделан в двух статьях молодого исследователя из Педагогического университета Кишинева Дианы Думитру: «Использование и злоупотребление Холоко-

стом: историография и политика в Молдове» и «В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова». Д. Думитру отмечает, что с момента провозглашения независимости Республики Молдова многие местные историки находятся под влиянием румынской националистической историографии, что проявляется в воспевании режима И. Антонеску, оправдании в какой-то мере его политики в «еврейском вопросе». При этом, при правительстве президента В. Воронина, в соответствии с его политикой в отношении национальных меньшинств, проявлялось бóльше интереса к предмету Холокоста, чем при предыдущих правительствах, больше внимания уделялось увековечению памяти жертв Холокоста. Касаясь проблемы преподавания Холокоста в школах Республики Молдова, Д. Думитру пишет, что эта тема «не нашла себе места в школьной программе по истории», и «это объясняется убежденностью преподавателей в том, что предмет национальной истории должна составлять история этнических румын и что изучение Холокоста создает препятствия для сближения национальной идентичности румын и молдаван»[108].

К этому следует добавить, что по-прежнему муссируется тезис о том, что Холокоста в Молдове не было, а если и были случаи расправы с евреями, то их совершали немцы.

По-видимому, не случайно в переводе с немецкого на румынский язык в 2010 г. в Кишиневе при содействии Посольства Федеративной Республики Германии в Молдове был издан сборник статей под названием «Холокост на периферии. Преследование и истребление евреев в Румынии и Траснистрии в 1940–1944 гг.» («Holocaustul la periferie. Persecutarea şi nimicirea evreilor în România şi Transnistria în 1940–1944»). В основу статей сборника (составители директор Центра по изучению антисемитизма Технического университета Берлина Вольфганг Бенз и исследователь Центра политолог Бригитта Михок) положены доклады, прочитанные на международной конференции, состоявшейся в Берлине в 2008 г. Авторы – исследователи Холокоста из США, Великобритании, Германии, Израиля и Румынии, в статьях на богатой источниковой базе рассматривается широкий круг вопросов, связанных с историей Холокоста в Румынии и на контролируемой ею территории в годы диктатуры И. Антонеску, а также их освещения в учебниках. Главное, на наш взгляд, достоинство сборника состоит в том, что его авторы стремятся передать историческую правду.

В годы, когда в СССР и в других странах социалистического лагеря тема Холокоста была под запретом, в Израиле, а затем и в ряде стран Запада развернулась интенсивная работа по сбору документов и разного рода материалов о Катастрофе европейского еврейства в годы господства фашистских режимов в Германии и ряде стран Европы, в том числе по рассматриваемой нами теме.

В 1944 г. Бессарабский еврейский комитет в Тель-Авиве издал на иврите воспоминания бывшего узника фашистских концлагерей в Трансністрии Давида Червинского, который впервые рассказал об ужасах в «лагере смерти» в Акмечетке Голтянского уезда Трансністрии. В публикации под названием «Уничтожение евреев Бессарабии» Д. Червинский приводит сведения о еврейской солидарности, когда евреи из лагеря Доманевка, отрывая из своих скудных продовольственных запасов, часть отдавали своим единоверцам из Акмечетки, обреченным на смерть.

Огромное значение имело создание в 1953 г. в Иерусалиме Национального института памяти и героизма европейского еврейства (Яд Вашем), музея, архива и библиотеки при нем. За годы его существования было собрано и пущено в научный оборот огромное количество документов и разного рода материалов о Холокосте в странах Европы. Первые результаты исследований, в том числе по Холокосту в Бессарабии, Буковине и Трансністрии, появились на страницах издаваемого ежегодника «Yad Vashem Studies of the Jewish Catastrophe and Resistance» (далее: YVS)[109].

В 1960–1990-е гг. в Израиле на иврите и идиш было издано также много воспоминаний, авторы которых являлись выходцами из городов и местечек Бессарабии и Буковины, одни – прибывшие в Палестину по линии сионистских организаций еще до войны, другие – пережившие Холокост и репатриированные в послевоенные годы[110].

Неоценимое значение для освещения положения евреев Румынии накануне и в годы правления диктатуры И. Антонеску имеют мемуары Главного раввина Румынии (1940–1947 гг.) Александра Шафрана, изданные на нескольких языках[111]. По занимаемой должности он имел контакты с некоторыми правителями страны, политическими и высокопоставленными церковными деятелями, иностранными дипломатами. Его меткие характеристики и оценки позволяют легче разобраться в сложной обстановке, царившей в стране и в самой еврейской общине. В «Предисловии» книги известный исследователь Холокоста в Румынии Жан Анчел пишет: «Мемуары раввина Александра Шафрана опровергают принятую в историографии версию о Холокосте, что «все были против нас», что весь мир отвернулся от нас, позволяя нацистам свободно осуществлять свои планы преследования. Его мемуары со всей очевидностью показывают, что нацизму не удалось объединить существующую ненависть против еврейского народа. Не только румыны, но и иностранцы... представляли собой образец преданности и готовности помочь угнетенному народу». С чувством глубокой благодарности отзывается А. Шафран о дипломатических представителях Швейцарии, Швеции, Турции в Бухаресте, папском нунции монсеньоре Андреа Кассуло, представителях Международного Комитета Красного Креста (МККК) Чарльзе Колбе и фон Штейгере, королеве-матери Елене и др.

В одном из залов Яд Вашем на мраморных плитах высечены названия мест наиболее массового истребления евреев в годы Холокоста, среди них и Транснистрия. Одним из первых, поведавших миру о трагедии евреев в гетто и лагерях Транснистрии, был доктор философии и права, раввин Юлиус Фишер сначала в статье[112], а затем в небольшой по объему книге, изданной в 1969 г. на английском языке в США и Англии под названием «Транснистрия: забытое кладбище»[113]. В конце 1960-х гг. такое название было объяснимо, ибо об участи евреев, побывавших в гетто и лагерях Транснистрии, мало кто в мире знал. В сокращенном варианте на русском языке книга Ю. Фишера была издана в 2002 г. в Одессе[114].

Основным источником Ю. Фишера стал третий том сборника документов и материалов («Транснистрия») Мататиаса Карпа. По мнению Ю. Фишера, маршал И. Антонеску «не был фанатиком нацистской идеологии. Он любил свою страну с преданностью солдата, всегда готового за нее воевать». Относительно евреев «он не испытывал сомнений, уничтожал их в большом количестве. Его речи и писания против евреев носят отпечаток самой дешевой демагогии». По подсчетам Ю. Фишера, «на огромном кладбище Транснистрии было уничтожено 217 757 евреев, в том числе 87 757 депортированных, из них 68 957 были убиты румынскими карательными органами и 18 800 – гитлеровцами». Итого на долю диктатуры Антонеску, включая 70 тыс. евреев – жителей Транснистрии, приходится 138 957 убитых евреев. Ю. Фишер заключает: «Ссылки на давление немцев не освобождают Антонеску и его палачей от ответственности и не смягчают его вины... Таким образом, хотя главная ответственность ложится, конечно, на правительство национал-социалистов Германии, режим Антонеску предстает как соучастник самых чудовищных преступлений в истории»[115].

В 1981 г. в Тель-Авиве на румынском языке была опубликована книга бывшей жительницы Румынии Доры Литани «Транснистрия». Автор «Предисловия» Ицхак Арци, который в начале 1944 г. в составе делегации еврейской общины Румынии во главе с Фредом Шарагой объездил много лагерей и гетто Транснистрии с миссией учета и вы-

воза еврейских детей-сирот и много повидал, назвал Транснистрию «могилой без памятника». Имея в своем распоряжении сравнительно небольшой документальный материал и основываясь во многом на свидетельских показаниях из архива Яд Вашем, Д. Литани дала в целом верную характеристику положения узников гетто и лагерей в Транснистрии, их борьбы за выживание, значение в этом деле помощи еврейской общины Румынии и местных жителей – украинцев. Среди последних были пособники оккупантов, которые зверствовали и грабили, были безразличными к судьбам евреев, «но значительно бóльшая часть, – пишет Д. Литани, – не только повела себя гуманно, но даже взяла на себя риск оказания помощи евреям». По-иному себя повели местные немцы (фольксдойче), проживающие компактными массами в Березовском и Очаковском уездах, которые пополняли отряды СС и жестоко расправлялись с евреями. В книге приводятся факты солидарности и взаимопомощи депортированных и местных евреев, проявления человечности со стороны некоторых румынских военных и гражданских чиновников, приводятся факты о попытках наладить в этих жутких условиях культурную и просветительскую жизнь. В книге впервые опубликована карта гетто и лагерей Транснистрии с приложением к ней названий населенных пунктов, где на положении узников в эти годы находились евреи. Д. Литани считает, что всего депортированных в Транснистрию евреев было 146 555, из них пережили Холокост 58 940, погибли 87 615, а еще погибло 170 000 местных евреев, итого 257 833 человека. В Транснистрии, пишет Д. Литани, «было сильное движение Сопротивления»[116].

В том же Тель-Авиве на румынском языке опубликована в 1985 г. книга И.К. Бутнару «Забытый Холокост... Исторические, политические и социальные размышления о румынском антисемитизме». В предисловии автор подчеркивает, что он не историк и его книга «не история евреев Румынии и не сама история Румынии или ее политической жизни», а всего лишь скромный призыв к размышлениям, побуждение к пониманию событий, происходивших в течение широкого исторического периода». Автор прослеживает эволюцию антисемитизма в Дунайских княжествах до и после их объединения в 1859 г. в единое государство – Румыния, особое внимание уделяется в книге этой проблеме в 1920–1930-е гг.

Глава, посвященная Холокосту, базируется в основном на материалах, приведенных в трехтомной «Черной книге» Мататиаса Карпа и упомянутых работах Мариуса Мирку. И.К. Бутнару считает, что «румынский антисемитизм исходит не от народа, а от руководства страны и от так называемой «интеллектуальной элиты» и проник он в массы в результате продолжительного и основательного воспитания и пропаганды. В конце книги И. Бутнару дает краткий анализ румынской литературы, в той или иной мере затрагивающей еврейскую проблему. «Эта тема, – заключает автор, – была обойдена, ибо написать правду об этой трагедии означало сказать правду о тех, которые ее породили...». В 1940–1944 г., пишет И. Бутнару, в Румынии и на контролируемой ею территории погибло более 400 000 евреев[117].

В 2011 г. по случаю 70-летия начала Холокоста в Бессарабии «Бейт Бессарабия» («Дом Бессарабии») опубликовал на русском языке книгу (автор-составитель Давид Хахам) под названием «Не забудем Холокост в Бессарабии и Транснистрии в 1941–1944 годах». В книге помещен ряд воспоминаний бывших узников гетто и лагерей, сведения о гибели евреев от рук фашистов в разных населенных пунктах региона, представлены иллюстрации.

Положение евреев на контролируемой Румынией территории в 1941–1944 гг. стало предметом рассмотрения исследователя Дениса Делетанта в двух статьях на эту тему. Автор высказывает свою точку зрения в целом на политику Антонеску в еврейском вопросе. Поскольку Румыния, утверждает он, хотя и была союзницей Германии, оста-

валась суверенным государством, «ответственность за убийства евреев ложится в первую очередь на румынские власти». Однако эти убийства при И. Антонеску лишь в июле-августе 1941 г. в Бессарабии и Буковине, да и в октябре 1941 г. в Одессе, носили характер «систематического истребления», они являлись главным образом следствием депортации. В указанные месяцы, по утверждению Д. Делетанта, в Бессарабии и Буковине было убито от 12 000 до 25 000, а в Одессе от 15 000 до 20 000 евреев. Одна из особенностей румынской политики в еврейском вопросе состояла в том, что в условиях нацистского господства в Европе «Антонеску действовал по своей воле», доказательством чего является его отказ отправить румынских евреев в лагеря смерти на территорию оккупированной Германией Польши. Д. Делетант считает, что в основе политики И. Антонеску в отношении евреев была навязчивая идея о «большевистской опасности», исходящей в бóльшей мере от евреев Бессарабии и Буковины и в меньшей – от более ассимилированных румынских евреев, менее склонных к коммунизму, и поэтому И. Антонеску их в бóльшей мере пощадил. Согласно подсчетам Д. Делетанта, в Транснистрию было депортировано в 1941–1943 гг. 170 тыс. евреев и цыган, из них погибло, главным образом от тифа и голода, 90 тыс., и еще 170 тыс. местных евреев, в общей сложности около 300 тыс. человек. Следовательно, режим И. Антонеску несет ответственность за смерть самого большого, вслед за Германией, числа погибших евреев и цыган в годы Второй мировой войны[118].

Положение евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии рассматривается в ряде обобщающих работ по Холокосту, изданных в США, Великобритании, Израиле и др. В 1961 г. вышел в свет капитальный труд американского ученого Раула Хилберга «Истребление евреев Европы» (см. раздел «Румыния»)[119]. В несколько расширенном варианте он воспроизводится в его одноименном трехтомном издании[120]. Раул Хилберг вводит в научный оборот документы из германских архивов, в том числе впервые донесения пресловутых айнзацгрупп, содержащие сведения о расстрелах евреев во многих населенных пунктах Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии, а также ряд свидетельств из архива Яд Вашема. По данным Р. Хилберга, в общей сложности более 100 000 бессарабских и буковинских евреев были депортированы советскими властями в отдаленные районы СССР, мобилизованы в ряды Красной армии и успели эвакуироваться в начале войны в советский тыл. В приведенной таблице (т. II, с. 771) приводятся следующие данные о числе погибших в 1941 г. бессарабских и буковинских евреев: убиты фашистами 10 000 в июле 1941 г. во время военных операций и еще 10 000 из числа переправленных на левый берег Днестра в конце июля 1941 г., 7000 умерли во временных лагерях и гетто, 18 000 погибли в ходе депортации в Транснистрию осенью 1941 г. Р. Хилберг отводит режиму И. Антонеску второе, после нацистской Германии, место в Европе по числу истребленных евреев.

В предисловии своей книги «Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945)», опубликованной в Иерусалиме в 1990 г., доктор Ицхак Арад, тогдашний председатель Правления Центрального Мемориала Катастрофы и героизма европейского еврейства Яд Вашем, сам бывший узник гетто и участник подполья и партизанского движения в оккупированной гитлеровцами Литве, мотивируя издание своего труда в русском переводе, писал: «Исследование Катастрофы во всем ее чудовищном размахе и прежде всего Катастрофы советского еврейства, находится до сих пор на начальной стадии», во-первых, в силу того, что «советские архивы, в которых сосредоточен огромный материал по этой теме, остаются для нас недоступными», «на русском языке опубликовано очень мало материалов, посвященных тогдашней участи еврейства и понятно, что русскоязычный читатель немного знает». В силу этого, продолжает И. Арад, его книга «дает в русском переводе самые общие представления о Катастрофе в целом

и о Катастрофе советского еврейства в частности, а равно и об их борьбе с нацистским врагом». Касательно нашей темы, в книге приводятся некоторые цифры о погибших евреях: во время погрома в Яссах – 10 тысяч, «после оккупации Бессарабии и Северной Буковины немецкая айнзацгруппа Д и румынские каратели убили там в течение нескольких месяцев 150 тыс. человек», а «когда через шесть дней после оккупации Одессы подпольщики взорвали здание штаба румынских войск, жандармы казнили 35 тыс. евреев». Из 155 тыс. евреев, депортированных из Бессарабии и Северной Буковины, в результате голода и болезней погибли 90 тыс. человек, а в целом из 750-тысячного еврейского населения довоенной Румынии не дождались освобождения 350 тыс. Завершается сборник статьей «Катастрофа европейского еврейства в советской историографии (до середины 80-х годов)». В ней автор на основе анализа литературы охарактеризовал советский подход к освещению Холокоста как запрет, замалчивание и грубую фальсификацию[121].

В 1990-е гг. и первое десятилетие XXI в. книжные полки заполнились новыми, более содержательными работами о Холокосте европейских евреев. В определенной мере это вызвано тем, что в посткоммунистические годы в бывших республиках СССР и странах социалистического лагеря открылся доступ, пусть и не полностью, к архивам. Стали издаваться на значительно более широкой источниковой базе монографии, сборники статей и документов. Появилась большая мемуарная литература. При содействии Центра «Ткума» (г. Днепропетровск) и Центра «Холокост» (г. Москва) в 2007 г. вышел в свет на русском языке двухтомный труд И. Арада «Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945)», а в 2009 г. на английском языке объемный однотомник «Холокост в Советском Союзе». Этот труд, базирующийся на архивных источниках и опубликованной литературе (преимущественно на иврите и английском языке), как бы подводит итоги многолетних изысканий автора по этой актуальной и сложной теме. И. Арад выделяет три этапа в истории Холокоста на оккупированной территории СССР, отмечает его особенности и отличие от Катастрофы в захваченных гитлеровцами странах Запада, широко освещает преступную деятельность айнзацгрупп и других эсэсовских формирований, а также вермахта, гражданской оккупационной администрации, местных коллаборационистов в истреблении евреев. В меньшей степени рассматривается Холокост на территории Бессарабии и Северной Буковины, два сравнительно небольших раздела отведены описанию положения евреев в Транснистрии, оккупированной Румынией.

В книге И. Арада «Холокост в Советском Союзе» сказано, что из 207 000 евреев Бессарабии в начале войны были мобилизованы в Красную армию и эвакуировались в восточные районы СССР 35 000–40 000, остались на оккупированной территории 160 000–165 000, в Северной Буковине соответственно 70 000–72 000, 4000–5000, 67 000. Погибло в годы Холокоста от рук фашистов 176 000–179 000 евреев Бессарабии и Северной Буковины, включая депортированных в Транснистрию, оккупированную Румынией.

И. Арад насчитал 150 гетто и лагерей на территории Транснистрии. В период с сентября 1941 г., когда в Транснистрии установилась румынская администрация, и до весны 1942 г. в результате расстрелов, голода, холода и болезней погибло 170 000–175 000 евреев, включая 30 000 одесских и бессарабских беженцев во время погрома, учиненного в городе в октябре 1941 г., примерно 75 000 – в лагерях Богдановка, Доманевка, Акмечетка, 35 000 – 40 000 от рук эсэсовцев в центральной и северной Транснистрии, а также в Березовском уезде.

И. Арад совместно с С. Краковским и С. Спектором подготовили издание на английском языке «Донесения айнзацгрупп» за 1941–1943 гг., содержащее ценные сведения[122].

Наибольший вклад в изучение и освещение Холокоста в Румынии и на подвластной ей территории в годы правления И. Антонеску внес главный научный сотрудник Института Яд Вашем Жан Анчел. Выходец из Румынии, он прекрасно разбирался в румынской действительности и не понаслышке знал о положении румынских евреев. Как уже отмечалось, Ж. Анчел является автором ряда статей по ключевым проблемам Холокоста на исследуемой территории. Величайшей его заслугой является издание в 1986 г. 12-томного сборника «Документы о судьбе румынских евреев во время Катастрофы»[123]. Помещенные в нем документы, исходящие от румынских военных, внутри- и внешнеполитических ведомств, материалы прессы разных стран, статистические данные, переписка и другие материалы еврейских организаций и общин Румынии позволяют изучить все аспекты жизни румынских евреев в первой половине XX в. Особенно богатый материал о Холокосте на территории Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии содержится в V и VI томах коллекции. Можно только сожалеть, что документы и материалы изданы без соответствующей археографической обработки. У читателя неосведомленного и слабо знающего проблемы румынского еврейства это может вызвать затруднения при обращении к ним.

Результаты исследований Ж. Анчел обобщил в двух капитальных монографиях, изданных на иврите, английском и румынском языках*: трехтомник «Транснистрия» и двухтомник (каждый том в двух частях) «Вклад в историю Румынии. Еврейская проблема. 1933–1944». Эти работы впечатляют своей богатой источниковой базой. В научный оборот вводятся документы и материалы из архивов многих стран, свидетельства бывших узников гетто и лагерей, материалы прессы на разных языках и т. д. В приложениях к тексту автор поместил в своих книгах ксерокопии очень важных документов.

Монография «Транснистрия» в первом варианте была завершена в 1989 г., но издание было отложено в связи с открытием доступа к бывшим советским архивам, что позволило Ж. Анчелу обогатить свое исследование ссылками на документы из архивов Москвы, Киева, Одессы, Николаева, Кишинева.[124] Весь текст разделен на восемь глав, особый интерес, на наш взгляд, представляют главы IV и V (т. II), целиком посвященные Холокосту в Одессе и уезде Березовка. В последней, восьмой главе – «Геноцид в свете румынской статистики» – Ж. Анчел подводит итоги исследования. Он считает, что «румынское государство несет ответственность за истребление примерно четверти миллиона одних «румынских евреев», не считая «украинских» (то есть жителей Транснистрии), в том числе 100 000 в процессе «очищения земли предков» (Бессарабии и Буковины) и еще 150 000 в Транснистрии. А в целом режим И. Антонеску виновен в смерти минимум 410 000 евреев, включая 170 000 украинских евреев (т. III, с. 302–303). В «Послесловии» автор пишет: «Проблема Холокоста в Румынии перестала быть еврейской проблемой, она в первую очередь, является проблемой румынской, румынского общества и его будущего».

Возможно, исходя из этого, Ж. Анчел назвал вторую монографию «Вклад в историю Румынии. Еврейская проблема. 1933–1944»[125]. Материал изложен в 38 главах. Первая часть первого тома доводит рассказ о положении евреев в Румынии до ее вступления в войну против СССР, то есть посвящена предпосылкам Холокоста. Ж. Анчел считает, что руководству общины страны, главным образом благодаря председателю В. Фильдерману, в борьбе за выживание удалось спасти, если не собственность, то жизнь абсолютного большинства евреев Румынии. В то же время, в ходе этой борьбы обнаружились «слабости иудаизма, проявившиеся в эгоистических внутренних конфликтах» (с. 487).

* Ссылки сделаны на румынское издание.

Во второй части первого тома, анализируя политические и идеологические основы режима диктатуры Антонеску, Ж. Анчел подчеркивал, что И. Антонеску, отвергая демократию, существование парламента и политических партий, не отбросил националистическую доктрину «Железной гвардии», их идеологию и наследие вожака легионеров К.З. Кодряну (с. 12–13). Если отбросить отношение к евреям, то режим И. Антонеску в плане подавления народа и, главным образом, преследования политических противников далек от сходства с нацистским режимом в Германии и фашистским режимом в Италии на последнем этапе его существования. По мере затягивания войны и ослабления Германии, продолжает Ж. Анчел, «идеология режима Антонеску становилась более националистической и менее фашистской» (с. 19). Больше половины второй части первого тома отведено рассказу о претворении в жизнь политики «очищения» от евреев Бессарабии, Буковины и уезда Дорохой (Старое королевство).

Первая часть второго тома (главы 24–30) – сжатый вариант вышеупомянутой трехтомной монографии «Транснистрия», вторая часть этого тома (главы 31–38) посвящена положению евреев Старого королевства и Трансильвании. Касаясь погрома, учиненного фашистами 29 июня 1941 г. в Яссах, Ж. Анчел пишет, что его жертвами в самом городе стали 8000 евреев и еще 7000 – в «поездах смерти» от удушья, жажды и голода. Он разделяет точку зрения автора «Черной книги» М. Карпа о том, что «корни погрома в Яссах глубоко зарыты в политической гнили румынской псевдодемократии», он не являлся случайным взрывом какой-то изолированной страсти или мгновенного заблуждения... Там отрава перемалывала чувства и сознание три четверти века». Перечислив имена известных в Яссах и стране «теоретиков» и пропагандистов юдофобии, автор продолжает: «В крепости Лиги национал-христианской защиты и колыбели легионерства естественно, что микробы ненависти нашли самую подходящую среду для расцвета и превращения самых сдержанных и спокойных жителей страны в бессознательную и кипящую ненавистью массу» (с. 124).

Касаясь вопроса отмены правителями Румынии решения о депортации евреев Юга Трансильвании и Баната в гитлеровские лагеря на территории Польши, а затем и остальных в Транснистрию, Ж. Анчел пишет: «Никогда Ион Антонеску не смирился с решением отменить депортацию евреев из Румынии, формально не аннулировал план очищения Буковины от евреев и в сентябре 1943 года сделал последнюю попытку всех евреев Румынии депортировать в Транснистрию» (с. 206). И далее: «Изменение в политике по отношению к евреям произошло тогда, когда постепенно стало ясно Иону и Михаю Антонеску, что нет почти никакого шанса добиться осуществления мечты Гитлера завоевать мир, ради которой уже принесены и еще придется принести бесчисленные человеческие и материальные жертвы, и ждали в качестве вознаграждения возвращение Трансильвании» (с. 212).

В последней (38-й) главе – «Румынские статистические данные относительно величины Холокоста» – Ж. Анчел детализирует данные, приведенные в монографии «Транснистрия». Накануне Второй мировой войны в «Великой Румынии» численность евреев «была меньше 800 000». До вступления Румынии в войну против СССР в стране были убиты: в июле 1940 г. около 2000 во время погрома в Дорохое, несколько сот выброшены из поездов, около 400 в Галаце. В книге сказано, что во время Ясского погрома и в «поездах смерти» число жертв составило около 15 000 и около 1300 погибли в Транснистрии из числа румынских евреев, депортированных осенью 1942 г., и в трудовых бригадах, всего «около 20 000» (с. 388).

Большинство погибших «румынских евреев» были выходцами из Бессарабии, Буковины и уезда Дорохой. По подсчетам Ж. Анчела, с этих территорий в Транснистрию было депортировано 195 000 евреев, осталось в ноябре 1943 г. 50 000, погиб-

ло – 145 000, да еще около 180 000 «украинских евреев», в том числе 25 000–26 000 были убиты во время погрома в Одессе в октябре 1941 г. и примерно 70 000 в Березовском уезде расстреляны эсэсовскими бандами, укомплектованными из местных немцев (фольксдойче). «Всего режим Антонеску несет ответственность за исчезновение минимум 410 000 евреев», – заключает автор. Следует отметить, что специфически румынские проблемы, рассматриваемые в монографии Ж. Анчела, требуют подготовленного читателя, знакомого с историей и культурой румынского народа.

Из года в год рос интерес к теме Холокоста в США. Исследования и сбор документального материала, свидетельств и других источников по Холокосту проводятся в нескольких центрах. Под грифом Розенталь Института по исследованию Холокоста при Нью-Йоркском городском университете (The Rosenthal Institute for Holocaust Studies) под редакцией профессора Рандольфа Брахама опубликованы упомянутые сборники статей «Трагедия евреев Румынии» и «Уничтожение румынских и украинских евреев в эру Антонеску» («The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews during the Antonescu Era»), на страницах которых со статьями выступили ведущие специалисты в этой области и в которых на высоком научном уровне рассматривается широкий спектр проблем.

Большую работу по сбору мемуаров бывших узников фашистских концлагерей и гетто, видео и исторических документов проводит Фонд Стивена Спилберга в Лос-Анджелесе. Фонд собрал 52 тыс. свидетельских показаний и инициировал большое число образовательных программ по теме Холокоста.

Крупнейшим центром исследования, сбора и хранения исторических источников, в том числе по рассматриваемой нами теме, является Музей Холокоста в Вашингтоне, открытый 22 апреля 1993 г. президентом США Биллом Клинтоном. Ведущий исследователь музея Раду Иоанид – автор целого ряда статей и двух монографий по истории румынского фашизма и Катастрофы евреев в годы правления маршала И. Антонеску, написанных с привлечением в основном румынских источников.

В книге «Меч Архангела Михаила. Фашистская идеология в Румынии», изданной на английском и румынском языках[126], автор прослеживает зарождение и развитие фашистской идеологии, определяет ее особенности и раскрывает ее проявление в различных сферах общественной жизни, описывает деятельность фашистских и антисемитских партий и организаций, отражение их деятельности на положении евреев в румынском государстве. Освещение этих вопросов дает ключ к пониманию политики режима И. Антонеску в годы Катастрофы. Она рассматривается во второй его книге: «Евреи при режиме Антонеску», изданной на румынском и английском языках[127]. Материал подан в доступном для более широкого круга читателей виде. Вначале автор в сжатой форме знакомит читателя с положением евреев и эволюцией антисемитизма в Румынии и подводит его к теме Холокоста. Объявленная И. Антонеску «румынизация», по определению Р. Иоанида, «была экономическим выражением государственного антисемитизма», призванного вытеснить из экономической жизни страны, в первую очередь, евреев. Инициатива погромов в уезде Дорохой летом 1940 г., в ходе которых было убито много евреев, исходила, по утверждению автора, не от центральных военных и гражданских властей, а от местных (с. 59)*.

Многократные письменные обращения В. Фильдермана к И. Антонеску и в различные правительственные инстанции с просьбами о прекращении преследований евреев, читаем в книге, «результата не дали», ибо И. Антонеску «не защищал ни имущество, ни жизнь еврейского населения» (с. 63). В июне 1940 – мае 1941 г. еврейские потери от рук румынской военщины и железногвардейцев составляли, по подсчетам Р. Иоанида, «минимум 600 человек» (с. 83). Число еврейских потерь во время погрома в Яссах

* Ссылки даны на румынское издание.

29–30 июня 1941 г. «установить с точностью невозможно», в разных источниках, пишет автор, называются цифры «от 3200 до 12 000» (с. 114). В книге приводятся следующие цифры: 124 000 евреев Бессарабии и Северной Буковины (81 000 бессарабских и 43 000 буковинских) «покинули эти территории вместе с советами», 190 000 остались «при вступлении румынских войск» в июле 1941 г., «примерно 123 000 (в том числе 118 000 осенью 1941 г. и 5000 летом 1942 г.) бессарабских и буковинских евреев были депортированы в Транснистрию, следовательно, заключает Р. Иоанид, «65 000 в Бессарабии и Буковине были убиты в первые месяцы войны». Р. Иоанид полагает, что в Одессе, в городе и пригороде Дальник, были убиты «минимум 25 000–40 000 евреев», в Голтянском уезде (Доманевке, Богдановке, Ахмечетке), с 21 декабря 1941 г. и до конца февраля 1942 г. были истреблены «минимум 70 000 евреев» (с. 256), в Березовском уезде эсэсовские отряды из местных немцев убили 28 000 евреев. Специальную главу в книге Р. Иоанид посвятил проблеме депортации и уничтожения в Транснистрии 20 000–25 000 румынских цыган. Касаясь причин отказа правительства И. Антонеску осенью 1942 г. от депортации румынских евреев, Р. Иоанид пишет: «Тщеславие Антонеску, тот факт, что Гитлер уважал его и склонен был в определенных границах делать некоторые уступки, колеблющийся характер румынской бюрократии, оказанное внутреннее и внешнее давление, коренной перелом в ходе войны были определяющими факторами, которые обусловили решение об отказе от депортации евреев Молдовы (Старого королевства – *И. Л.*) и Мунтении (Валахии – *И. Л.*) и спасение почти 300 000 человеческих жизней» (с. 338).

Толчком для более широкого освещения и глубокого изучения темы Холокоста в США послужил большой приток в эту страну, особенно в 1990-е гг., эмигрантов из бывших республик СССР и других посткоммунистических стран, среди них многие пережившие Вторую мировую войну и Холокост. Изданы книги о Холокосте по нашей теме[128], преимущественно мемуарного характера, статьи и воспоминания публиковали и продолжают публиковать газеты «Форвертс» (идиш) и русскоязычные: «Форвертс»-Форум, «Новое русское слово», «Еврейский мир», «Русский базар», «Вечерний Нью-Йорк», «Меридиан», а также периодически выходящий журнал «Вестник», издаваемый общественным «Американским институтом Холокоста и Российского еврейства». Интересные сведения о положении евреев в одном из самых больших гетто в Транснистрии – Могилев-Подольском – содержатся в сборнике воспоминаний бывших узников этого гетто «Мы родом из гетто», изданных в Нью-Йорке в 1996 г. (составитель – Борис Рабинер). В 2014 г. в Виннице (Украина) опубликована книга И. Кацапа и Г. Погончика «Кровавая память», повествующая о жизни евреев в Транснистрии в годы Холокоста.

Многолетние дискуссии и споры вокруг вопроса о Холокосте в Румынии, двойственная позиция, занимаемая румынским правительством на протяжении этих лет, упорное отрицание и фальсификация истории Катастрофы, возвеличение и, по сути, оправдание политики диктатуры И. Антонеску в «еврейском вопросе» влиятельными националистическими кругами страны вызывали возмущение и соответствующую реакцию не только в Израиле и среди международных еврейских организаций, но также у правительств ряда стран.

В 2003 г. указом президента Румынии Иона Илиеску была создана Международная комиссия по изучению Холокоста в Румынии во главе с лауреатом Нобелевской премии мира Елие Визелем. В состав Комиссии вошли исследователи Холокоста из Румынии, Израиля, США, Франции, Германии, представители международных еврейских организаций и румынской еврейской общины. Итоговый доклад Комиссии, представленный в ноябре 2004 г. президенту Иону Илиеску – объемистый, 500-страничный труд, в котором на обширном документальном материале рассматриваются коренные

вопросы, связанные с Холокостом в Румынии и на контролируемой ею территории. Обстоятельно и глубоко анализируется румынская историческая литература и выступления прессы националистического толка, раскрывается их предвзятый подход в трактовке проблем Холокоста вообще, главным образом в Румынии. Некоторые характеристики и оценки, содержащиеся в Заключительном докладе Международной комиссии, мы воспроизводим в своем историографическом обзоре.

В докладе Международной комиссии рассматривается личное отношение маршала И. Антонеску к евреям. Будучи одержимым идеей очищения Румынии от национальных меньшинств, представляющих якобы угрозу для государства, он считал первостепенной задачей решение «еврейской проблемы» – постепенное, но любыми способами, вытеснение их из страны, с предварительным лишением их собственности. И. Антонеску, сказано в докладе, был «жестким и часто жестоким антисемитом», особую ненависть он питал к евреям из областей, вошедших в состав Румынии после Первой мировой войны. И. Антонеску во многом разделял взгляды К.З. Кодряну – главаря фашистской террористической организации «Железная гвардия» («легионеров»). Однако он «не был авантюристом в области экономики», его ненависть к евреям «не хулигана с дубинкой, а бюрократа, желающего решить проблему через закон, в систематической манере», его «антисемитизм экономический, политический, социальный, иногда религиозный», но ему не был присущ «легионерский мистицизм». Авторы доклада определяют место И. Антонеску как политика между Октавианом Гогой (известный румынский поэт, один из лидеров ультраантисемитской Национал-христианской партии, премьер-министр Румынии в конце 1937 – начале 1938 г.) и К.З. Кодряну.

Главный вывод Международной комиссии: государственная власть, возглавляемая маршалом И. Антонеску, несет прямую ответственность за Холокост в Румынии и на контролируемой ею территории. В докладе комиссии подчеркивается, что материалы процессов над румынскими военными преступниками в первые послевоенные годы (их было 16) лишь частично раскрывают масштабы Холокоста в Румынии. Поскольку с точностью определить число убитых евреев не представляется возможным, комиссия остановилась на цифрах от 280 до 380 тыс. Приводятся и такие данные об уничтоженных евреях: в Бессарабии и Буковине в 1941 г. – 45–60 тыс.; депортированных в Транснистрию – 105–120 тыс.; евреев – жителей Транснистрии – 115–180 тыс., большинство в Одессе и в уездах Голта и Березовка. В самой Румынии во время погрома в Яссах и при проведении других антисемитских акций погибло 15 тыс. евреев. Из 25 тыс. депортированных в Транснистрию цыган уничтожено 11 тыс. Таковы вкратце основные выводы Международной комиссии*.

Тема Холокоста неисчерпаема, несмотря на проделанную колоссальную работу по ее изучению. На карте Катастрофы еще много белых пятен, особенно когда речь идет об оккупированной Германией и ее союзниками территории СССР. До горбачевской «перестройки», как уже отмечалось, тема Катастрофы в СССР была под запретом, и современное поколение жителей бывших советских республик мало что о ней знает.

Автор данной монографии не претендует на исчерпывающее освещение темы. Основываясь на достижениях предшествующих исследователей этой проблематики, на документах и материалах, опубликованных и хранящихся в архивах Кишинева,

* Выдержки из отчета Международной комиссии опубликованы в Республике Молдова на румынском («Raportul Final, fragmente legate de Basarabia si Bucovina») и в переводе на русский язык («Итоговый отчет, отрывки, связанные с Бессарабией и Буковиной». Составление и перевод с румынского Д. Шлаен). Прилагаются фотокопии ряда документов румынских властей касательно политики в еврейском вопросе, хранящихся в Национальном архиве Республики Молдова, предоставленные исследователем В. Ройтманом.

Черновцов, Москвы (названия архивов, номера фондов и дел даны в ссылках по ходу изложения материала), а также свидетельствах бывших узников гетто и концлагерей, мы пытаемся раскрыть исторические предпосылки Холокоста на рассматриваемой территории, цели, преследуемые в те годы правящей верхушкой Румынии, показать, как на практике претворялась политика «этнической чистки» и к каким последствиям она привела, высказать свою точку зрения по ряду проблем заявленной темы. В рамках глав события изложены в строго хронологическом порядке. В работе мы не касаемся Холокоста на территории Северной Трансильвании, переданной по Венскому итало-германскому диктату от 30 августа 1940 г. хортистской Венгрии[129].

Административно-территориальное устройство

В данной монографии приводятся в основном административно-территориальные названия исследуемого периода, которые на современной политической карте отсутствуют. Это диктует необходимость снабдить читателя краткой исторической справкой, позволяющей проследить административно-территориальные изменения.

Румыния – государство, образованное в 1859 г. в результате объединения княжеств Молдова и Валахия (Țara Românească), в литературе еще используется название «Дунайские княжества». На протяжении пяти веков княжества находились в вассальной зависимости от Османской империи.

9 мая 1877 г., в ходе начавшейся русско-турецкой войны, Румыния, вступившая в войну на стороне России, объявила о своей независимости от Османской империи. В результате подписания прелиминарного мирного договора 19 марта 1878 г. в Сан-Стефано, положившего конец войне между Россией и Турцией, а также решения международного конгресса в Берлине летом 1878 г. Румыния получила Северную Добруджу с островами дельты Дуная, но взамен России вернули южную часть Бессарабии, которая по Парижскому мирному договору 1856 г., подводившему итог Крымской войне, была передана великими державами Молдавскому княжеству. Южная Добруджа была включена в состав Румынии в результате подписания 28 июля (10 августа) 1913 г. Бухарестского мирного договора, завершившего Вторую Балканскую войну.

14 марта 1881 г. Румыния провозгласила себя королевством. Князь Карл Гогенцоллерн Зигмаринген стал королем Румынии и основоположником румынской королевской династии. Территория Румынии в границах до 1913 г. вошла в историю под названием «Старое королевство».

С точки зрения государственного устройства Румыния считалась унитарным государством с административно-территориальным делением на уезды (жудецы), волости (пласы) и коммуны. Уездов в 1878 г. было 34, после возвращения России Южной Бессарабии стало 32, после включения в 1913 г. в состав Румынии Южной Добруджи – снова 34. Количество волостей в связи с теми же факторами и реорганизациями то увеличивалось, то уменьшалось. Коммуны делились на городские и сельские, с 1908 г. появляется новая разновидность – пригородные.

Во главе уездной администрации стоял полномочный представитель правительства – префект, назначавшийся декретом монарха по представлению министра внутренних дел. Во главе волости (пласы) стоял претор, также назначавшийся королевским декретом. Он подчинялся непосредственно префекту. Волость (пласа) не обладала статусом юридического лица, бюджетом и выборным представительным органом. Он подчинялся непосредственно префекту. Коммуна же имела орган самоуправления – коммунальный совет – и мэра (примара). Последний был одновременно главой мест-

ного самоуправления и представителем правительства в коммуне. Примары городских коммун подлежали утверждению монархом.

Это государственное устройство сохранилось и после окончания Первой мировой войны, когда в результате Версальской системы договоров территория Румынии удвоилась. В ее состав вошли Трансильвания, восточная часть Баната, Буковина, входившие до 1918 г. в состав распавшейся Австро-Венгерской империи, и Бессарабия, побывавшая с 1812 г. и до начала 1918 г. в составе России. Соответственно увеличилась и численность населения страны.

Каждая из перечисленных территорий имела свою специфическую историю, которая определяла особенности их социально-экономического и политического развития. Буковину, северную часть Молдавского княжества, после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мира Турция в 1775 г. подарила Австрии в качестве вознаграждения за дипломатическую поддержку в указанной войне.

Пруто-Днестровское междуречье, южная часть которого называлась Бессарабией, в конце XIV в. стало составной частью молодого Молдавского княжества, но после упорного сопротивления турецкой агрессии в годы правления молдавского господаря Стефана Великого в конце 30-х гг. XV в. княжество окончательно было вынуждено согласиться на вассальную зависимость от Порты. Хорошо укрепленные крепости Килия, Белгород, Бендеры, Хотин поочередно были превращены в райи, включены в состав Силистрийского пашалыка Добруджа и подчинены непосредственно паше. В составе райи находились и многие молдавские села, в степях юга Пруто-Днестровского междуречья (Буджака) хозяйничали татарские орды, подвластные Турции. В ходе русско-турецких войн второй половины XVIII в. – начала XIX в. шла ликвидация турецкого господства в Бессарабии. В соответствии с мирным договором, подписанным Турцией и Россией 12 (28) мая 1812 г. в Бухаресте, территория Пруто-Днестровского междуречья была включена в состав Российской империи. Название Бессарабия было распространено на всю область, находившуюся в составе России до начала 1918 г.

Послеверсальская «Великая Румыния» оставалась унитарным государством, в ее составе было 10 исторически сложившихся провинций (областей), каждая со своим административным центром, но без областной гражданской администрации: Мунтения (г. Бухарест), Олтения (г. Крайова), Молдова (г. Яссы), Бессарабия (г. Кишинев), Буковина (г. Черновцы), Трансильвания (г. Клуж), Банат (г. Тимишоара), Кришана (г. Орадея), Марамуреш (г. Сату Маре), Добруджа (г. Констанца). Сохранилось административно-территориальное деление на уезды (жудецы), число которых увеличилось до 72, волости (пласы) и коммуны (городские и сельские).

В августе 1938 г. король Кароль II, установивший в феврале 1938 г. в стране свою личную диктатуру, провел с политической целью административную реформу. Он ликвидировал исторически сложившиеся провинции, разделил территорию страны на 10 областей (ţinuturi), возглавляемых королевскими резидентами. Последние, назначенные монархом, были наделены обширными полномочиями и претворяли на местах распоряжения центральной власти во главе с королем. Административная реформа ликвидировала выборность примаров, которые назначались правительством на шестилетний срок.

Начатая во второй половине 1930-х гг. Германией и Италией, при явном попустительстве Великобритании и Франции, ломка послеверсальского территориального устройства, подписание 23 августа 1939 г. пакта Риббентропа–Молотова привели к утрате Румынией летом 1940 г. значительной части территории. Она, будучи в полной политической изоляции, вынуждена была уступить советскому ультиматуму

от 26 июня 1940 г. и покинуть Бессарабию и Северную Буковину. 24 августа 1940 г. в румынском городе Крайова было подписано соглашение о возвращении Болгарии Южной Добруджи, отторгнутой у нее в 1913 г. 30 августа 1940 г. в Вене в результате итало-германского «арбитража» от Румынии была отторгнута и передана хортистской Венгрии северная часть Трансильвании площадью в 43 тыс. кв. км. К началу войны против СССР в Румынии, согласно переписи населения 6 апреля 1941 г., проживало 13 492 983 человека.

В составе Советского Союза Бессарабия и Северная Буковина не сохранились как отдельные административно-территориальные области. Накануне советско-германской войны и первое время после ее окончания оставалась разбивка на уезды, в рамках уездов волости (районы). На базе Северной Буковины (при Румынии Черновицкий и Стороженецкий уезды, пласа Херца уезда Дорохой области румынской Молдовы, частично пласы Сирет, Путила и Штефан Водэ уезда Рэдэуць) и Хотинского уезда Бессарабии (без районов Липкань, Бричень, Единцы, отошедших к созданной 2 августа 1940 г. Молдавской ССР) была образована Черновицкая область Украинской ССР. В состав Молдавской ССР вошли 6 уездов Бессарабии (Сорокский, Бельцкий, Оргеевский, Лапушнянский (Кишиневский), Бендерский, Кагульский) и 6 районов бывшей Молдавской Автономной ССР в составе Украинской ССР (Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский, Тираспольский, Слободзейский). Измаильский и Аккерманский (Белгород-Днестровский, Cetatea Albă) уезды вошли в состав созданной Измаильской области Украинской ССР, которая после войны была влита в Одесскую область.

Транснистрия как административно-территориальная область до войны не существовала, хотя в Румынии этот термин использовался для обозначения территории восточнее реки Днестр (Заднестровье). Беженцы из Заднестровья издавали в Румынии журнал «Transnistria», это название фигурировало в ряде книг, пропагандирующих права Румынии на заднестровские земли, авторы которых по-разному определяли границы Заднестровья и численность проживающих в ней «румын».

Румынское правительство, возглавляемое генералом И. Антонеску, пришедшее к власти в начале сентября 1940 г., упразднило принятое при короле Кароле II в августе 1938 г. административно-территориальное деление страны на цинуты и восстановило действующее до этой даты. После начала советско-германской войны, в которой Румыния участвовала на стороне Германии с первого дня, и отхода Красной армии с территории междуречья Прута и Днестра, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Румынии. В порядке опыта, в расчете со временем распространить его на всю Румынию, И. Антонеску решил создать в Бессарабии и Буковине губернаторства. В состав губернаторства Бессарабия были включены уезды (в границах до Второй мировой войны): Сорокский, Бельцкий, Оргеевский, Кишиневский (Лапушнянский – Lăpuşna), Бендерский (Tighina), Кагульский, Измаильский, Белгород-Днестровский (Аккерманский, Cetatea Albă). В губернаторство Буковина вошли уезды: Северной Буковины (Хотинский, Черновицкий, Стороженецкий), Южной Буковины (Кымпулунгский, Сучавский, Рэдэуцкий) и Дорохойский (Старое королевство, провинция Молдова). Возглавляли губернаторства губернаторы, до 3 сентября 1941 г. они именовались уполномоченными главы государства генерала И. Антонеску.

В соответствии с ранее достигнутой договоренностью между А. Гитлером и И. Антонеску, румынской администрации была передана территория междуречья Днестра и Южного Буга, ставшая 19 августа 1941 г. губернаторством под названием Транснистрия. Южная граница Транснистрии упиралась в Черное море, на севере граница проходила через м. Бар и вдоль рек Лядова и Ров до их истоков в Барском районе. Явно

рассчитывая, что победоносная война навсегда сохранит за Румынией Транснистрию, правительство И. Антонеску с самого начала перестроило на румынский лад административно-территориальную систему. Вся территория Транснистрии была разбита на 13 уездов, возглавляемых префектами: Могилевский, Ямпольский (Жугастровский), Рыбницкий, Дубоссарский, Тираспольский, Овидиопольский, Одесский, Тульчинский, Балтский, Ананьевский, Голтянский, Березовский, Очаковский. В подчинении префектов были районные (пласы) руководители – преторы, в городах и селах местную администрацию возглавляли примары.

Статистика

Изучение истории Холокоста на обозначенной нами территории осложнено рядом трудностей, связанных, в частности, со статистикой еврейского населения. Согласно румынской переписи населения 1930 г., в стране проживало 756 930 человек иудейского вероисповедания (4,2 % от всего населения страны), из них 728 115 – евреи по происхождению. Бóльшая часть евреев (68,7 %) жила в городах, чуть меньше одной трети – в сельской местности. 518 754 еврея назвали при переписи своим родным языком идиш, наибольшее распространение идиш имел среди бессарабских евреев.

В целях нагнетания атмосферы вокруг «еврейского вопроса» в Румынии, антисемитские круги, в том числе некоторые члены правительства, трубили на весь мир о нашествии евреев в страну, численность которых достигает 2–2,5 миллиона. В своем докладе об этническом составе населения Румынии в свете переписи населения 1930 г., зачитанном 24 февраля 1939 г. на заседании исторического отделения Румынской академии наук, директор Национального статистического института Сабин Мануилэ подтвердил, что к этому году численность еврейского населения «не достигла цифры 800 000».

После 1930 г. и до начала Второй мировой войны в Румынии перепись населения не производилась. Издаваемые статистические ежегодники (Anuarele statistice…) воспроизводили в основном данные переписи 1930 г. В 1939 г. Центральный институт статистики Румынии составил «Таблицу численной эволюции евреев в Румынии в 1931–1939 гг. ». Согласно приведенным в ней приблизительным данным, из-за низкого естественного прироста, эмиграции и по ряду других причин численность еврейского населения за указанные годы почти не изменилась, она увеличилась всего на 7 тыс. человек, в том числе в Бессарабии всего на 1,1 тыс., а в Буковине число евреев даже уменьшилось на 2,8 тыс.[130] В 1930–1939 гг. иммигрировали в страну 1750 и эмигрировали 9647 евреев – граждан Румынии. В литературе приводятся и другие цифры о числе эмигрантов: в 1919–1942 гг. – 18 737, в 1930–1941 гг. – 3000 и др. Тысячи евреев с румынскими паспортами по разным причинам (учеба в вузах, коммерческие дела, преследование румынской охранкой за участие в революционном движении и т. д.) находились во Франции, Бельгии, Чехословакии и других странах, где их застало начало Второй мировой войны.

Еврейское население Румынии распределялось по историческим областям неравномерно. Невелик был его процент в Добрудже, Олтении, Банате. По-прежнему на 31 декабря 1939 г. наибольшее число евреев проживало в Бессарабии (включая Хотинский уезд) – около 206 тыс. (6,5 % всего населения области), в том числе в сельской местности 107 тыс. (4,3 %) и 99 тыс. – в городах (26,8 %). В рамках Бессарабии наибольшее число евреев было сконцентрировано в Кишиневском (Лапушнянском) уезде, включая г. Кишинев (50,1 тыс., 11,9 %), и в северных уездах края: Хотинском (36 тыс.,

9,2 %), Бельцком (33,4 тыс., 6,5 %), Сорокском (30 тыс., 8,4 %), меньше в южных уездах: Аккерманском (11,2 тыс., 2,9 %) и Измаильском (6,2 тыс., 2,5 %).

В Буковине в 1939 г. (без Хотинского уезда) проживало 90 тыс. евреев (9,7 %), из них 50 тыс. в г. Черновцы, около 161 тыс. были жителями области Молдова (5,7 %) Старого королевства, особенно концентрировалось еврейское население в уездах: Яссы (41,1 тыс., 13,2 %), Ботошань (20,1 тыс., 7,8 %), Ковурлуй (20,0 тыс., 8,5 %), Дорохой (15,3 тыс., 6,1 %), Бакэу (14 тыс., 4,6 %). Около 100 000 евреев жили в столице Румынии – Бухаресте.

В 1930-е гг., особенно после экономического кризиса 1929–1933 гг., многие бессарабские и буковинские евреи в поисках работы перебрались в промышленные центры Румынии, иные переводили свои капиталы и открывали магазины, мастерские, мелкие предприятия в Старом королевстве и после советского ультиматума Румынии от 26 июня 1940 г. стали возвращаться в Бессарабию и Северную Буковину.

После территориальных утрат Румынии лета 1940 г. численность еврейского населения в Румынии значительно уменьшилась. По румынским данным (данным переписи 1930 г.), в отошедших к СССР Бессарабии и Северной Буковине, в Северной Трансильвании, переданной Венгрии по Венскому диктату 30 августа 1940 г., и в Южной Добрудже, отошедшей в конце августа к Болгарии, проживало соответственно 279 тыс., 148,2 тыс. и 0,8 тыс. евреев, итого – около 428 тыс. (56,5 % всего еврейского населения Румынии). В новых границах Румынии, исходя из этих расчетов, оставалось около 329 тыс. евреев. Все это, конечно, ориентировочно.

14 января 1941 г. И. Антонеску подписал декрет-закон «О проведении всеобщей переписи населения и имущества», подчеркнув, что «отдельная, специальная перепись составляется для населения еврейского происхождения»[131]. 6 апреля 1941 г. результаты переписи были обнародованы, евреев оказалось 302 090, по другим данным 285 027[132], то есть на 27 тыс. (соответственно, 44 тыс.) меньше, чем должно было оставаться после территориальных потерь лета 1940 г.

Конечно, эти 27 (44) тыс. евреев не исчезли вообще. Перед лицом наступления фашизма в Румынии и возникшей угрозы для румынских евреев со стороны легионерских, кузистских и прочих антисемитских банд, тысячи из них, пользуясь моментом, во второй половине 1940 г. вместе с проживавшими в Румынии бессарабскими и буковинскими евреями перебрались в СССР, надеясь найти там спасение. Один из них, Мариан Михаел, в своих заметках пишет: «Вспоминаю, что после так называемой «уступки Бессарабии» все бессарабцы получили разрешение на репатриацию. Среди них, из-за антисемитских преследований, получивших большой размах в Румынии, просочилось очень много евреев из Старого королевства, не имевших никакого отношения к Бессарабии. Среди них был и я»[133]. Больше всего эти беженцы осели в Кишиневе, Черновцах, Аккермане (Белгород-Днестровский) и других городах. Согласно официальной советской сводке, только в течение июля 1940 г. из Румынии в СССР переехали 149 974 человека[134]. Были, конечно, среди репатриантов не только евреи, но и люди других национальностей (демобилизованные из румынской армии бессарабцы и буковинцы, рабочие, занятые в Румынии в промышленном и сельскохозяйственном производстве, студенты и т. д.). Преобладали евреи, но точных данных нет. Переезды продолжались до конца 1940 г. Тот же вышеупомянутый Мариан Михаел, например, приехал в СССР в декабре 1940 г.

Еврейское население Северной Буковины и Бессарабии пополнилось осенью 1939 г. за счет польских евреев-беженцев. Исследователь Вальтер Саннинг пишет, что «в Румынии было около 100 000 беженцев – польских евреев. Эти беженцы осели в Северной Румынии, Северной Трансильвании, Буковине и Северной Бессарабии. Нельзя уверен-

но сказать, сколько из этих беженцев, спасавшихся от гитлеровцев, в сентябре 1939 г. находились в Бессарабии и Северной Буковине к моменту прихода советской власти. Еврейские источники утверждают, что «65 000 евреев – в большинстве польского происхождения – перешли из Румынии на оккупированную Советами территорию во время советской оккупации восточной и северной Румынии»[135]. Насколько точны приведенные цифры, сказать трудно. Известно, и это будет показано дальше, что многие польские евреи, осевшие в Буковине, в годы правления диктатуры И. Антонеску разделили участь своих буковинских соплеменников.

В среде еврейского населения Бессарабии и Северной Буковины было не только прибавление, но и убавление. По данным комитета еврейской общины Черновцов, в 1940–1941 гг. советской властью «были арестованы и депортированы» в отдаленные от западных границ СССР районы страны около 10 000 евреев, в том числе в самый канун войны, 13 июня 1941 г., 3000 человек еврейской национальности[136]. Надо полагать, что в общей сложности не меньше было жертв сталинских чисток в 6-ти бессарабских уездах, входивших в состав Молдавской ССР, и в двух уездах Измаильской области УССР, ведь и евреев в 8-ми бессарабских уездах было значительно больше, чем в Черновицкой области. В итоге, по нашим подсчетам, накануне советско-германской войны в Бессарабии и Северной Буковине было примерно 350 000 евреев.

Много евреев проживало на территории, ставшей в дни немецко-румынской оккупации губернаторством Транснистрия. Согласно данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., в Одесской области еврейское население насчитывало 233 155 человек (14,2 % всего населения области), в том числе 200 961 – в г. Одесса (33,2 % всего населения города). Рост еврейского населения в городе за период 1926–1939 гг. составлял 47 тыс. человек[137].

В Винницкой области проживало 141 825 евреев (6 % населения области)[138], но, как известно, в состав Транснистрии входили только южные районы области (Могилев-Подольский, Ямпольский, Шаргородский, Крыжопольский, Китайгородский, Бершадский, Ободовский и др.). Численность евреев в этих южных районах области составляла накануне Второй мировой войны 31–35 тыс. человек. Большой численностью еврейского населения выделялись такие населенные пункты области, как: Могилев-Подольский (8703 еврея), Тульчин (5607), Жмеринка (4630), Бершадь (4271), Томашполь (1863), Ямполь (1753), Шаргород (1664)[139].

В состав Транснистрии были включены все 13 районов бывшей Молдавской Автономной ССР, входивших до августа 1940 г. в состав УССР. Как уже отмечалось, в августе 1940 г. в связи с образованием Молдавской ССР семь из тогдашних 13 районов МАССР перешли в состав Одесской области, 6 – включены в МССР. По переписи 1939 г., евреев в МАССР было 37 035 (6,2 % всего населения автономной республики), в том числе в городах проживало 25 940, в сельской местности – 12 085 евреев[140]. К.В. Стратиевский в статье «Изменения в административно-территориальном делении и в составе населения Молдавской АССР (1924–1940 гг.)» отмечает, что в промежутке между переписями населения 1926 и 1939 г. число евреев уменьшилось с 48 564 (8,4 % всего населения республики) до 37 035 (6,2 %), т. е. на 11 тыс. человек[141]. Следует учитывать, что в этот период в стране проходили индустриализация, сопровождаемая ростом городского населения, коллективизация и раскулачивание, голод, сталинские репрессии и т. д. В статье К.В. Стратиевского отмечается переселение небольшого числа евреев МАССР в Биробиджан и Крым. В рамках самой республики идет концентрация еврейского населения в более крупных городах с более развитой промышленностью. Так, в Тирасполе, ставшем столицей МАССР в 1931 г., еврейское население увеличилось с 6398 человек в 1926 г. до 11 764 в 1939 г. (26,9 % всего населения города).

В Николаевской области по переписи 1938 г. числилось 60 402 еврея[142], но в ее западных районах, входивших в состав будущей Транснистрии, евреев было сравнительно мало – около 5–6 тысяч. Итого в границах будущего губернаторства Транснистрия к началу военных действий на советско-германской фронте проживало 300–320 тыс. евреев, на территории Румынии – 303 тыс., в Бессарабии и Северной Буковине – 350 тыс. Если к ним добавить несколько десятков тысяч евреев – беженцев из оккупированных Германией до 22 июня 1941 г. стран Европы, то вполне можно полагать, что на перечисленных территориях оказалось около одного миллиона евреев. Несколько тысяч евреев с румынскими паспортами, включая из Бессарабии и Северной Буковины, оказались в Германии и в оккупированных ею странах Европы.

Забегая вперед, следует сказать, что при освещении событий, связанных с историей Холокоста на исследуемой нами территории, придется сталкиваться и с другими серьезными трудностями в плане использования статистических данных.

Правители Румынии, стараясь скрыть факты геноцида еврейского населения, не вели учет убитых евреев. Не докладывали об этом своему начальству непосредственные исполнители убийств, сопровождаемых ограблениями и присвоениями ими ценностей, обнаруженных у евреев. Поскольку драгоценности положено было сдавать в казну, грабители-убийцы скрывали число расстрелянных ими евреев, хотя убивать еврея не считалось уголовно наказуемым делом. Официальные данные о наличии евреев на контролируемой территории разноречивы и порой сомнительны (например, статистические данные переписи еврейского населения в Бессарабии и Северной Буковине в августе-сентябре 1941 г.), различные цифры приводятся в документах о численности депортированных в Транснистрию евреев, о числе узников в гетто и лагерях и т. д.

Немецкие источники сообщают о числе уничтоженных евреев и коммунистов айнзацгруппами. Последние, следовавшие за наступавшими войсками, орудовали в основном в городах, долго не задерживались на одном месте, поэтому эти цифры не раскрывают полную картину операций по истреблению евреев.

Советские источники – акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР – указывают, как правило, число убитых «советских граждан», не выделяя количество евреев. В актах, составленных сельскими, иногда и районными комиссиями, приводятся число убитых местных евреев и даже фамилии жертв фашистского террора, но составить общую картину сложно, да и не все районы проделали эту работу (в Молдавской ССР только 31 из 64 тогдашних районов)[143]. Исследователи не располагают официальными данными о числе призванных в Красную армию евреев из прифронтовых районов и о численности успевших эвакуироваться в восточные районы СССР. Все это вызывает дополнительные трудности в изучении проблемы и порождает различные выводы о масштабах еврейских потерь при диктатуре И. Антонеску в годы Холокоста.

Примечания

[1] Гроссман В., Эренбург И. Черная книга. Яд Вашем. – Иерусалим, 1980. Инициатива сбора документов и материалов о судьбе евреев в годы Второй мировой войны принадлежит известному писателю и журналисту Илье Эренбургу. При Еврейском антифашистском комитете была создана Литературная комиссия. Планировались к изданию три сборника: первый, посвященный уничтожению евреев («Черная книга»), второй («Красная книга») о евреях,

отличившихся на фронтах Великой Отечественной войны, третий – о евреях – участниках партизанского движения. Первый вариант «Черной книги» был готов в 1944 г., часть материала на языке идиш («Народоубийцы» И. Эренбург опубликовал в еврейском издательстве «Дер Эмес» («Правда»). Среди «Писем сирот» есть и письма детей из Украины и Бессарабии. В этом же издательстве «Дер Эмес» вышла книга «Партизанская дружба» – воспоминания о боевых делах партизан-евреев в годы Великой Отечественной войны. И. Эренбург подготовил к изданию «Сто писем» (на русском и французском языках), но русский текст был задержан в верстке. «Забракована» была руководством ВКП(б) и подготовленная к печати «Красная книга», приостановлена работа над «Черной книгой». В конце 1948 г. с ликвидацией Еврейского антифашистского комитета была ликвидирована и Литературная комиссия, рукопись «Черной книги» уничтожена, но один экземпляр рукописи, в работе над которой участвовали не только советские евреи-писатели, но также живущие в Израиле, был ими сохранен.

«Черная книга» переведена на несколько языков. В 1946 г. она опубликована на английском языке в США – The Black Book (The Nazi Crime against the Jewish People). – N. Y.: Duell Sloan and Pearce, 1946. В специально созданный Еврейский комитет по изданию «Черной книги» в США вошли представители Всемирного еврейского конгресса, Еврейского антифашистского комитета СССР, ВААД Лецми (Национального комитета Эрец-Исраэль), Американского комитета еврейских писателей, художников и ученых.

В 1946 г. в переводе на румынский язык при содействии «Демократической организации еврейского союза» и Института документации Румынии первая часть «Черной книги» была издана в Бухаресте – Ilya Ehrenburg, Vasili Grossman, Lew Ozerow, Vladimir Lidin. Cartea Neagră. – Bucureşti, 1946.

В 1950-е гг. в странах социалистического содружества по-разному претворяли в жизнь политику ВКП(б) (КПСС) в «еврейском вопросе», в том числе в отношении Холокоста. В Германской Демократической Республике (ГДР), например, была ликвидирована Комиссия по установлению и расследованию злодеяний военных преступлений фашистов и их сообщников, в том числе по уничтожению евреев. Только в 1960-е гг. возобновились процессы над военными преступниками.

В России «Черная книга» впервые опубликована в 2014 г., ее презентация состоялась 30 ноября 2014 г. в Москве.

[2] См.: Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. – Т. II. – Одесса, 1949; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Зб. док. і мат. – Київ, 1958; Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Док. и мат. – Одесса, 1964; Радянська Буковина. 1940–1945. Док. і мат. – Київ, 1967; Советский Придунайский край. 1940–1945. Док. и мат. – Одесса, 1970; Вінничина в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945). Сб. док. и мат. – Одесса, 1975; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. Сб. док. и мат. – Т. II. В тылу врага. – Кишинев, 1976.

[3] Heinsohn G. Warum Auschwitz? Hitlers Planund die Raclosigkeit der Nachwelt. – Rowholt Verlag. – 1995.

[4] Patraşcanu L. Problemele de bază ale României. – Bucureşti. – P. 171, 211.

[5] Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry during the Holocaust. Vol. VI. War Crimes Trials. Selected and edited by Dr. Jean Ancel. – P. 79–83 (далее: DCFRJDH). См. также: Actul de acuzare, rechizitoriile, şi replica acuzării în procesul primului lot de criminali de război. – Bucureşti, 1945.

[6] Procesul marii trădări naţionale. Stenograma dezbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu (Actul de acuzare) (далее: Procesul marii trădări naţionale). – Bucureşti, 1946. – P. 7–45.

[7] Procesul marii trădări naţionale. – P. 16.

[8] Izvoare şi mărturii referitoare la evreii din România (seria specială). Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştrii. Prefaţă:

Acad. prof. dr. Nicolae Cajal. Volum alcătuit de Lya Benjamin. Redactor: Z. Ornea. – Bucureşti, 1996. – P. 314 (далее: E. R.).

[9] Ibidem. – P. 454.

[10] Mircu M. Pogromurile din Bucovina şi Dorohoi. – Bucureşti, 1944; Mircu M. Pogromul de la Iaşi. – Bucureşti, 1945; Mircu M. Pogromurile din Basarabia şi alte câteva întâmplări. – Bucureşti, 1947.

[11] Carp M. Cartea Neagră. Suferinţele evreilor din România. 1940–1944. Cu o prefaţă de dr. Alexandru Şafran. Şef rabin al Cultului Mozaic din România. – Vol. I. Legionarii şi rebeliunea. Ediţia a V-a Editura Diogene 1996; Vol. II. Pogromurile de la Iaşi; Vol. III. Transnistria (далее: C. N.). Не путать с упомянутой одноименной книгой, переведенной на румынский язык, под редакцией И. Эренбурга, В. Гроссмана: Ehrenburg I. şi al. Cartea Neagră. – Bucureşti, 1946.

[12] C. N. – Vol. I. – P. 19–20.

[13] Ibidem. – P. 5, 9.

[14] Memorial Antonescu, le troisieme homme de l'Axe. – Vol. I. – Paris, 1950; Barbul Gh. Memorial Antonescu. Al treilea om al Axei. – Iaşi, 1992.

[15] Chirnoagă P. Istoria politică şi militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. 22 iunie 1941 – 23 august 1944. – Madrid, 1965. – P. 19. В 1998 г. книга переиздана в Яссах.

[16] Drăgan I.C. (ed.). Antonescu Mareşalul României şi războaiele de reîntregire, I–IV. – Veneţia, 1986–1990.

[17] См.: România în anii celui de al doilea război mondial. –Vol. I.–Bucureşti, 1989 и др.

[18] Hillgruber A. Hitler. König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsh-rumänischen Beziehungen 1938–1944, 2-te Autlage. – Wiesbaden, 1965. – P. 175; Hillgruber A. Hitler, regele Carol şi mareşalul Antonescu. Relaţiile germano-române (1938–1944). – Bucureşti, 1994.

[19] Florian R. Regimul antonescian: istoria şi mistificare. – Societatea şi cultură. – 1994. – № 1.

[20] См: Vago B. The destruction of Romanian in Historiography of the Holocaust Period. Ierusalim. – Yad Vashem, 1988. – P. 405–432.

[21] Istoria României. Compendiu. – Bucureşti. – P. 526, 528 и др.; Fătu M., Spălătelu I. Garda de Fier, organizaţie de tip fascist. Ediţia a II-a. – Bucureşti. – P. 31, 258, 288; Fătu M. Contribuţii la studierea regimului politic din România (septembrie 1940 – august 1944). – Bucureşti, 1984. – P. 14, 19, 27, 38, 91; Marea conflagraţie a secolului XX. – Bucureşti, 1974. – P. 120, 139, 150.

[22] См.: Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. Ediţia revăzută. – Bucureşti, 1996; Ioanid R. Sabia Arhanghelului Mihail. Ideologia fascistă în România. Ed. Diogene; Ancel J. Contribuţii la istoria României. Problema evreiască. – Vol. I. Partea întâia. 1933–1944. Traducerea din limbă evreiască de Carol Bines. – Bucureşti, 2001. – P. 11–64 (далее: Ancel J. P. E.).

[23] Hurezeanu D. Antonescu – erou neîndreptăţit sau artizan al unei dictaturi dezastruoase? – Societatea şi cultură. – 1993. – № 4.

[24] Kareţki A., Covaci M. Zile însângerate la Iaşi (28–30 iunie 1941). Prefaţă de Nicolae Minei. – Bucureşti, 1978.

[25] Fătu M. Teroarei horthysto-fascistă in nord-vestul României. Septembrie 1940 – octombrie 1944. Coordonator Mircea Muşat. – Bucureşti, 1985.

[26] C. N. – Vol. II. – P. 13.

[27] Istoria României. Compendiu. – P. 527.

[28] Ceauşescu N. România pe drumul construirii societăţii multiral dezvoltate. Vol. 11. – Bucureşti, 1975. – P. 570.

[29] România în anii celui de al doilea război mondial. Vol. II. – P. 315; Vol. III. – P. 528. – Bucureşti, 1989.

[30] Marea conflagraţie a secolului XX. – Bucureşti, 1974. – P. 167.

[31] Livezeanu I. Reflecţii pe marginea noii istoriografii despre Holocaustul din România. – România şi Transnistria: Problema Holocaustului. Perspective istorice şi comparative. Coordonatori Viorel Achim, Constantin Iordache. – Bucureşti, 2004. – P. 84.

[32] Eskenasy V. The Holocaust and Romanian Historiography: Communist and Neo-Communist Revisionism / The Tragedy of Romanian Jewry. Edited by Randolph L. Braham. The Rosenthal Institute for Holocaust Studies. Graduate Center / The City University of New York and Social Science Monographs, Boulder Distributed by Columbia University Press. – N. Y., 1994. – P. 173–236; Florian A. Treatment of the Holocaust in Romanian Textbooks / The Tragedy of Romanian Jewry. Edited by Randolph L. Braham. The Rosenthal Institute for Holocaust Studies. Graduate Center / The City University of New York and Social Science Monographs, Boulder Distributed by Columbia University Press. – N. Y., 1994. – P. 237–286; Braham R.L. Anti-Semitism and the Holocaust in the Politics of East Center Europe; Ionid R. Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Romania / Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Eastern Europe. – N. Y., 1994. – P. 1–30, 159–182; Eskenasy V. Historiographers Against the Antonescu Muth; Tismaneanu V. Fascism. Anti-Semitism and Mythmaking in East Central Europe – the case of Romania; Shafir M. Marschal Antonescu·s Postcommunist Rehabilitation: Cui Bono? / The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews during the Antonescu Era. – N. Y., 1997. – P. 271–348; Iordachi C., Achim V. Introducere / România şi Transnistria: Problema Holocaustului. Coordonatori: Viorel Achim, Constantin Iordachi, Michael Shafir. Între negare şi trivializare prin comparaţie. Negarea Holocaustului în ţările postcomuniste din Europa Centrală şi de Est. – Iaşi, 2002. – P. 5–19; Iordachi C. Problema Holocaustului in Romania si Transnistria. Dezbateri istoriografice / România şi Transnistria: Problema Holocaustului. Coordonatori: Viorel Achim, Constantin Iordachi, Michael Shafir. Între negare şi trivializare prin comparaţie. Negarea Holocaustului în ţările postcomuniste din Europa Centrală şi de Est. – Iaşi, 2002. – P. 23–77; Livezeanu I. Reflecţii pe marginea noii istoriografii despre Holocaustul din România / România şi Transnistria: Problema Holocaustului. Coordonatori: Viorel Achim, Constantin Iordachi, Michael Shafir. Între negare şi trivializare prin comparaţie. Negarea Holocaustului în ţările postcomuniste din Europa Centrală şi de Est. – Iaşi, 2002. – P. 78–94.

[33] Ioanid R. Evreii sub regimul Antonescu. – Cap. X. – Bucureşti, 1998. – P. 407–413; Ioanid R. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. – P. 288–295.

[34] Наш голос. – 1991. – № 14–15. – Июль.

[35] Об этой газетной антисемитской кампании см.: Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Romania – Anti-Semitism and the Treatment of the Holocaust in Postcommunist Eastern Europe. Ed. by Randolph L. Braham. – N. Y., 1994. – P. 159–181.

[36] Известия. – 1991. – № 154. – 1 июля; Дайджест на вечную тему. Не забудем! – Кишинев, 2000. – № 1. – С. 250 (см. интервью Раду Иоанида, заведующего Реестром Музея Холокоста в Вашингтоне, с журналистом А. Корни).

[37] Новое русское слово. – 1994. – 2 сентября (См. статью Николая Морозова «Существует ли в Румынии «еврейский вопрос»?»).

[38] Там же.

[39] Наш голос. – 1997. – № 10–11 (146–147).

[40] Независимая Молдова. – 1994. – 22 ноября.

[41] Издательство «Gardian» в г. Тимишоара в 1992–1994 гг. переиздало «труды» румынских фашистских главарей: Codreanu C.Z. Pentru legionari; Moţa I.I. Testamentul lui Ion Moţa. Colecţia. Documente istorice sechestrate. Marin A.M. Prin poarta cea strania; Sima H. Opere; а также: Guleş O. Cum am cunoscut legiunea Arhangelul Mihail; Его же. Mort sau viu. O carte pentru tânărul

român. – Timişoara, 1994; Brădescu F. Studii legionare postbelice и др. В Бухаресте в 1995 г. вышла в свет книга последнего главаря «Железной гвардии» Хории Симы: Sima H. Doctrina legionară. Ed. Majadahonda. – Bucureşti, 1995.

[42] Radu T. Nazismul sionist. – Bucureşti, 2000. – P. 23–24 şi al.

[43] Цит. по: Новое русское слово. – 1994. – 2 сентября.

[44] Scurtu I., Hlihor C. Anul 1940. Drama românilor dintre Prut şi Nistru. – Bucureşti, 1992.

[45] Dobrinescu V.-F., Constantin I. Basarabia în anii celui de al doilea război mondial 1939–1947. – Iaşi, 1995. – P. 185, 188, 190, 211, 214–215, 218.

[46] Новое русское слово. – 2007. – 15 июня.

[47] Buzatu Gh. Aşa a început Holocaustul împotriva poporului român… Editura Majadahonda. – 1995. См. Также: Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. – Cap. 10. – Bucureşti, 1996.

[48] Hogea V. Naţionalistul. – Iaşi, 2001. – P. 60–66.

[49] Watts L. O Casandră a României: Ion Antonescu. – Bucureşti, 1993. – P. 392–393, 408. Анализ книги Лари Уотса, подготовленный Раду Иоанидом, см. в журнале «Realitatea». – 1996. – № 10 (810).

[50] Bancaş D. Social şi naţional în politica guvernului Ion Antonescu. – Bucureşti, 2000. – P. 145, 377.

[51] E. R. – Vol. IV. – P. XII.

[52] Stoenescu A.M. Armata, Mareşalul şi evreii. Ediţia I. – Bucureşti, 1998. – P. 492–496.

[53] Lecca R. Eu i-am salvat pe evreii din România. Memorii 1931–1944. – Bucureşti, 1994. – P. 16, 18–19, 30, 169, 192, 198, 281–285, 293.

[54] Benjamin L. Radu Lecca şi salvarea evreilor din România / Societatea şi cultura. – № 5 (24). – 1994. – P. 52–56.

[55] Dinu C. Giurescu. România în al doilea război mondial. – Bucureşti, 1999.

[56] Martiriul evreilor din România 1940–1944. Documente şi mărturii. – Bucureşti, 1991. – P. 8–9 (далее: Martiriul…).

[57] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. I. Legislaţia antievreiască. Prefaţă: Şef Rabin dr. Moses Rosen. Volum alcătuit de dr. Lya Benjamin. Coordonator ştiinţific Sergiu Stanciu. – Bucureşti, 1993.

[58] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştri. Prefaţă: Acad. prof. dr. Nicolae Cajal. Volum alcătuit de Lya Benjamin. Redactor Z. Ornea. – Bucureşti, 1996.

[59] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. III. 1940–1942: Perioada unei mari restrişti. Cuvînt înainte: acad. prof. dr. Nicolae Cajal. Coordonator ştiinţific prof. dr. Ion Şerbănescu. – Bucureşti, 1997.

[60] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. IV. 1943–1944: Bilanţul Tragediei – Renaşterea Speranţei. – Bucureşti, 1998. – P. 7–23.

[61] Российские вести. – 1994. – № 104. – 8 июня.

[62] Mezincescu E. Mareşalul Antonescu şi catastrofa României. – Bucureşti, 1993. – P. 13–14, 112, 143, 157, 161.

[63] Benjamin L. Prigoană şi Rezistenţă în istoria evreilor din România 1940–1944. Studii. Cuvînt înainte acad. prof. dr. Nicolae Cajal. – Bucureşti, 2001. – P. 10–11, 145, 153–154, 175, 206–207, 209; Benjamin L. Bazele doctrinare ale antisemitismului antonescian. – România şi Transnistria. Perspective şi comparaţii. – Bucureşti, 2004. – P. 237–251.

[64] România şi Transnistria… – P. 254–257.

[65] Rozen M. The Holocaust under the Antonescu·s Government Historical and statistical Data about Jews in Romania 1940–1944. IInd Edition, revised and completed. – Bucureşti, 2004. – P. 80, 83, 85.

[66] Volovici L. Ideologia naţionalistă în problema evreiască în România anilo.,30. – Bucureşti, 1995.

[67] Ioanid R. The Sword of the Archangel. Fascist Ideology in Romania. – New York, 1990; Ionid R. Sabia Arhanghelului Mihail. Ideologia fascistă în România. – Bucureşti, 1995. – P. 207.

[68] Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. Ediţia revăzută. – Bucureşti, 1996.

[69] Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia 1923–1940. – Chisinău, 1999.

[70] Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И. История Холокоста на территории СССР. – М., 2001; Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941–1945 гг.). – М., 2002; Последние свидетели. Составители: Л. Бакал, З. Цукерман. Редактор З. Цукерман. Редакционная коллегия: А. Гельман, Е. Гологорский (председатель), М. Тилевич, З. Цукерман, Я. Этингер. – Т. 2. – М., 2008.

[71] Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев Борис Забарко. – Киев, 1999 (переиздание – Киев, 2000); Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. – Книга 1. – Киев, 2006; Книга 2. – Киев, 2007; Книга 3. – Киев, 2008. Редактор-составитель, автор предисловий и комментариев Борис Забарко.

[72] Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. Свидетельства евреев – узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения и подпольной борьбы. Под редакцией д-ра Пинкаса Агмона (Израиль), д-ра Анатолия Степаненко (Украина). Составители: д-р Иосиф Малер (Израиль), Фаина Винокурова (Украина). – Тель-Авив–Киев, 1994.

[73] Винокурова Ф.А. Евреи Винничины в период Второй мировой войны. Малоизвестные документы и новые интерпретации. – Винница, 2000. См. рецензию Бориса Рабинера в газете: Еврейский мир. – 2000. – № 417. – 18 мая; Винокурова Ф.А. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941–1944 гг.). – Проблемы истории Холокосту. – Вып. II. – Днепропетровск–Запорожье, 2005. – С. 19–38.

[74] Вестник. – Выпуск I. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Редакционная коллегия: Л.Ш. Зингер, Ю.П. Ляпунов, Л.Н. Финкель, Е.М. Финкель, Г.С. Цебенко. – Черновцы, 1991; Выпуск II. Составители, члены редколлегии: М.П. Герцман, Л.Ш. Зингер, С.М. Койфман, Ю.П. Ляпунов, Ф.Ф. Пилат, Е.М. Финкель. – Черновцы, 1992; Выпуск III. Составители, члены редколлегии: М.Л. Герцман, Ф.П. Имас, С.М. Койфман, А.И. Креймер, Ю.П. Ляпунов, Ф.Ф. Пилат, Е.М. Финкель. – Черновцы, 1994; Выпуск IV. Составители, члены редколлегии: М.Л. Герцман, Р.В. Гитман, Ф.П. Имас, А.И. Креймер, Ю.П. Ляпунов, Ф.Ф. Пилат, Б.Н. Рехтман, Е.М. Финкель. – Черновцы, 1995; Выпуск V. Составители, члены редколлегии: М.Л. Герцман, Г.В. Гитман, Ф.П. Имас, А.И. Креймер, Ю.П. Ляпунов, Ф.Ф. Пилат, Б.Н. Рехтман. Редакторы: Е.М. Финкель, П.В. Рыхло. – Черновцы, 1996.

[75] Дусман Л. Помни! Не повтори! – Одесса, 2001; см. также: Дусман Л., Шувалов Р. Позор и боль / Дороги смерти: Очерки. Воспоминания. Составители: Н. Гнатюк, С. Штаркман. – Одесса, 2003. – С. 91–95; Оккупация. Одесса, 1941–1944. Документы и материалы Михаила Познера. Составители: М.Б. Познер, А.Л. Грабовский, О.И. Губарь. – Одесса, 2004.

[76] Забарко Б. Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. – Книга 2. – С. 298–299.

[77] Стародинский Д.З. Одесское гетто. Воспоминания. – Одесса, 1991. – С. 86, 109.

[78] Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. Черная книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). – Одесса, 1998. – С. 247.

[79] Удлер Р. Годы бедствия. Воспоминания узника гетто. – Pittsburg–Chisinău, 2003 (предисловие доктора исторических наук, профессора В.Я. Гросула; послесловие доктора исторических наук, профессора И.Э. Левита).

[80] История Холокоста в Одесском регионе: Сб. статей и документов. Редколлегия: М. Рашковский, И. Найдис, Л. Дусман, Л. Белоусова. – Одесса, 2006.

[81] Круглов А.И. Катастрофа украинского еврейства 1941–1944. Энциклопедический справочник. – Харьков, 2001; Круглов А.И. Хроника Холокоста в Украине. 1941–1944. – Днепропетровск–Запорожье, 2004; Уничтожение еврейского населения Винницкой области в 1941–1944 гг. – Могилев-Подольский, 1997.

[82] Moldova Suverană. – 1991. – № 115. – 1 июля.

[83] Glasul Naţiunii. – 1991. – 17 и 31 июля.

[84] Literatura şi Arta. – 1992. – 11 мая; 1992. – 11 июня (см. Ю. Попа. И. Антонеску «без могильній»; Н. Лупан. Маршал); 1992. – 25 июня (см. статью «Маршал Антонеску и евреи» Маркела-Думитру Чюка).

[85] Наш голос. – 1992. – № 13 (57). – № 14–15 (58–59). См. статьи А. Бродского, а также Л. Чемортана в газете «Moldova Suverană».– 1991. – № 223. – 25 октября; «Независимая Молдова». – 1992. – 17 июня.

[86] Наш голос. – 1991. – № 16. – август.

[87] См. Дайджест на вечную тему. Не забудем! Издание Ассоциации еврейских организаций и общин Республики Молдова. Редколлегия: И. Котлер, С. Шойхет, Р. Клейман, Е. Ткач (гл. редактор), А. Гужел (отв. секретарь), К. Жигня, Е. Левит, И. Тромбицкий. – 2000. – № 2; 2001. – № 2–3 (4–5) и др.; Антииудаизм, или Пещерный мир. Статьи, документы, воспоминания, стихи. Составитель Е. Ткач. – Кишинев, 1998 (издание Антифашистского демократического альянса РМ, Общества еврейской культуры РМ, Хельсинкской гражданской ассамблеи в Молдове); Antiiudaism sau lumea grotelor. Articole, proze, documente, memorii, versuri. Alcătuitor – Efim Tcaci. – Chişinău, 1999; Наш голос. – 1990. – № 5. – 1–15 мая; 1991. – № 8. – апрель; 1991. – № 10. – май; 1995. – № 6. – апрель; Истоки. – 1995. – № 8 (45). – апрель и др.

[88] Наш голос. – 1991. – № № 12–24; 1992. – № № 1, 2.

[89] Пилат И.И. Из истории еврейства Молдовы. – Кишинев, 1990. – С. 55–86.

[90] Дорон (Спектор) Д. Кишиневское гетто – последний погром. – Кишинев, 1993 (перевод с иврита З. Леопольд). Книга вышла под грифом «Джойнт», Общества еврейской культуры Кишинева и Общества сотрудничества с бессарабской диаспорой «Лига».

[91] Беккер М. Зажги свечу в день Победы. – Кишинев, 2002.

[92] Holocaustul. Materiale informative pentru profesorii de istorie. Alcătuitor T. Magder.

[93] Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial 1940–1944. – Chişinău, 1997.

[94] См.: Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренку. – Кишинев, 1999; Levit I. Holocaust in Bassarabia in Mr. Petrencu·s Distorting Mirror. – Chişinău, 1999; Levit I. Holocaustul în Basarabia prin prisma deformată a preconcepţiei. – Chişinău, 1999.

[95] Goma P. Săptămâna Roşie 28 iunie – 3 iulie 1940 sau Basarabia şi evreii. Eseu. – Chişinău, 2003. См.: Левит И. В наркотическом угаре юдофобии. По поводу эссе писателя Паула Гома «Красная неделя 28 июня – 3 июля 1940, или Бессарабия и евреи». – Кишинэу, 2004.

[96] Verenca O. Administraţia civilă română în Transnistria. – Chişinău, 1993. – P. 21, 24, 42, 43, 90 ş. a.

[97] Nistor I.-S. Transnistria – pământ românesc. – Bucureşti, 1995. – P. 98–99.

[98] Petrencu A. România şi Basarabia în anii celui de al doilea război mondial. – Chişinău, 1999. – P. 93.

[99] Moraru P. Bucovina sub regimul Antonescu (1941–1944). – Vol. I. Administraţia. Economie. Societate. – Chişinău, 2004.

[100] Dumitru D. The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova – Holocaust and Genocide Studies 22. – 2008. – № 1. – P. 58–60.

[101] Weber H. Die Bucowina im zweitkieg. Völkerrechtliche Aspekte der Lage der Bucowina im Spannukngsfeld zwischen Rumänien, der Sowjetunion und Deutschland. – Hamburg, 1972. – S. 27, 45, 341.

[102] Назария С., Дану Д., Морару А., Загорча Ю. Холокост в Молдове. – Кишинев, 2005.

[103] Назария С. Страницы истории. Холокост (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944). – Кишинев, 2005.

[104] Solonari V. Patterns of Violence: The Local Population and the Mass Murder of Jews in Bessarabia and Northern Bucowina, July–August 1941. – Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 8. – 2007. – № 4. – P. 749–787.

[105] Solonari V. An Important New Document on Romanian of Ethnic Cleansing during World War II. – Holocaust and Genoside Studies 21. – 2007. – № . 2. – P. 268–297.

[106] Solonari V. From Silence to Justification? Moldovan Historians on the Holocaust of Bessarabian and Transnistrian Jews. – Nationalities Papers. – Vol. 30.–2002. – № 3. – P. 435–457; Солонарь В.А. Память о Холокосте в Молдове / Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве. – Тирасполь, 2009. – С. 102–123.

[107] România şi Transnistria: Problema Holocaustului. – P. 95–124.

[108] Dumitru D. The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova – Holocaust and Genocide Studies 22. – 2008. – № 1. – P. 49–73; В лабиринте политизации: преподавание Холокоста в школах Республики Молдова. – Scholary Journal. Holocaust and Modernity, studies in Ukraine and the World. – 2008. – № 1 (3). – P. 27–38.

[109] См.: Yad Vashem Studies of the Jewish Catastrophe and Resistance (YVS): Meir Teich. The Jewish self-administration in ghetto-Shargarod (Transnistria). – 1958; Safran A. The Rulers of Fascist Rumania. Whom I Had to Deal With. – 1967. – № 6; Litani D. The Destruction of Jews of Odessa in the light of Romanian documents. – 1967. – № 6; Braham R.L. The Kamenets-Podolsk and Delividek Massacres Prelud to the Holocaust in Hungary. – 1973. – № 9; Ancel J. Plans for Departation of the Romanian Jews, and their Discontinuation in the Light of Documentary Evidence, July–October 1942. – 1984. – № 16; Ancel J. The Romanian Way of Solving the "Jewish Problem" in Bessarabia and Bucowina. June–July 1941. – 1988. – № 19; Ancel J. Antonescu and the Jews. – 1993– № 23. См. также: Ancel J. The Jassy Syndrome (1). – Rumanian Jewish Studies I, 1 (1987), II, ibid. (1987).

[110] Амицур И. и др. Еврейские Бричаны в середине последнего столетия. – Тель-Авив, 1962; Община Липканы. Мемуарная книга. – Тель-Авив, 1963; К. Бертини (редактор). Пинкас Брилева. Организация выходцев из Бричевы в Израиле. – 1970; Лейб Куперштейн и Меир Котик (редакторы). Маркулешты – мемориал еврейского поселения в Бессарабии. – Тель-Авив, 1973; Мордехай Рейхер и Иосеф Марен Шит (редакторы). Мемориал Единцы: книга в памяти евреев из Единец – Бессарабия. – Тель-Авив, 1973; Шломо Шитновицер (редактор). Книга общины Хотина (Бессарабия). – Тель-Авив, 1974; Новоселица – Бессарабия. – Тель-Авив, 1983; Нисан Пейсах. Вихри, водовороты, жизнь. – Тель-Авив, 1987 (на рус. яз.); Шарага Ишурун (редактор). Гура Гумор, городок из Южной Буковины: история одной еврейской общины. – Тель-Авив, 1992; Иосеф Мазон и Миша Фукс (редакторы). Книга Бельц из Бессарабии. Мемориал в память евреев из Бельц. Издание организации выходцев из Бельц. – 1993.

[111] Şafran A. Şef Rabin al Genevei. Fost Şef Rabin al României. Un tăciune smuls flăcărilor. Comunitatea evreiască din România. 1939–1947. Memorii Bucureşti (Titlul original: Un tison arrache aus flammes. Memoirs. – Paris, 1989); Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану 1940–1944. Мемуары. Редакция и комментарии Жана Анчела. Сокращенный перевод с английского, предисловие, послесловие Д. Розенфельда.

[112] Ficher S. How many Jews died in Transnistria? – Jewish Social Studies. – Vol. X. – N. Y., 1958. – № 1. – January.

[113] Fisher J. The Forgotten Centery. – N. Y. – London, 1969.

[114] Фишер Ю.С. Транснистрия: забытое кладбище. Сокращенный перевод с английского, составление и послесловие Давида Розенфельда. Предисловие Б. Забарко. – Одесса, 2002.

[115]Fisher J. Transnistria: The Forgotten Centery. – P. 136; Фишер Ю. Транснистрия: забытое кладбище. – С. 99–100.

[116] Litani D. Transnistria. Prefaţă: Iţhac Arţi. – Tel-Aviv, 1981. – P. 35, 52, 108.

[117] Butnaru I.C. Holocaustul uitat. Consideraţiuni istorice, politice şi sociale cu privire la antisemitismul românesc. – 1985. – P. 273, 419.

[118] Deletant D. The Holocaust in Transnistria. An Overview in the Light of Recent Research. Rebecca Naunes (ed.). Moldova, Bessarabia, Transnistria. Occasional Papers in Romanian. Studies. – № 3. Slavonic and East European Studies, 2003. –P. 143–163; Deletant D. Transnistria: Câteva consideraţii despre semnificaţia acesteia pentru Holocaustul din România. – România şi Transnistria: Problema Holocaustului… – Bucureşti, 2004. – P. 162–200; см. также Deletant D. Hitler›s forgotten ally. Ion Antonescu and his regime. Romania. 1941–1944. – London, 2006.

[119] Hilberg R. The Destruction of the European Jews. – Hagerstown, San Francisco, London, 1961. – P. 483, 485–568.

[120] Hilberg R. The Destruction of the European Jews. – 3 vol. – Vol. I. – P. 305–307; Vol. II. – P. 758–809.

[121] Арад И. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сб. статей. Яд Вашем. – Иерусалим, 1990. – С. 4–5, 41, 42, 132–163.

[122] The Einsatzgruppen Raports. Selections from Dispatches of the Nazi Death. Squads Campaign Against the Jews. July 1941 – January 1943. Edited by Yitzhak Arad, Samuel Krakowski, Samuel Spector. Holocaust Library. – N. Y.

[123] Documents concerning the fate of Romanian Jewry during the Holocaust, selected and edited by Jean Ancel. – N. Y., 1986. – 12 vol.

[124] Ancel J. Transnistria. – Vol. I–III. – Bucureşti, 1998.

[125] Ancel J. Contribuţii la istoria României. Problema evreiască. – Vol. I. Partea întâia şi partea a două. Bucureşti, 2001; Vol. II. Partea întâia şi partea a două. – Bucureşti, 2001, 2003.

[126] Ioanid R. Sabia Arhanghelului Mihail. Ideologia fascistă în România. – Bucureşti, 1995; Ioanid R. The word of the Archangel. Fascist ideology in Romania. – Colorado, 1990.

[127] Ioanid R. Evreii sub regimul Antonescu. – Bucureşti, 1998; Ioanid R. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. – Chicago, 2000. Forward by Elie Wiesel. Preface by Paul A. Shapiro.

[128] Jagendorf S. Jegendorf›s Foundry: Memoir of the Romanian holocaust, 1941–1944. – N. Y., 1991; Ruth›s Journel. A Survivor›s Memoir, Ruth Glas berg Gold. – Florida, 1997; Рабинер Б. Мы родом из гетто. Воспоминания бывших узников Могилев-Подольского гетто. – Нью-Йорк, 1996; Гиль С. Кровь их и сегодня говорит. О Катастрофе и героизме в городах и местечках Украины. – Нью-Йорк, 1995 и др.

[129] Braham R.L. The Politics of Genocide. The Holocaust in Hungary. – 2 vol. – N. Y.: Rosenthal Institute for Holocaust Studies, Graduite Center / The City University of New York and Social Science Monographs. – Boulder: Distributed by Columbia University Press, 1994.

[130] E. R. – Vol. II. – P. 78; DCFRJDH. – Vol. X. – P. 46–51.

[131] E. R. – Vol. I. – P. 100.

[132] E. R. – Vol. II. – P. 84.

[133] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 525.

[134] Правда. – 1940. – 28 июля.

[135] Sanning W.N. The Dissolution of Eastern European Jewry. Institute for Historical Review. – Costa Mosa, California, 1983 (3 rd.) ed. – 1990. – P. 47; American Jewish Year Book, 1941. – Vol. 43. – P. 330.

[136] E. R. – Vol. II. – P. 386.

[137] Народне господарство УРСР. Статистичний довідник. – 1940. – С. 172; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – С. 69 (далее: Всесоюзная перепись населения 1939 г.).

[138] Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 68.

[139] Круглов А.И. Энциклопедия Холокоста. Еврейская энциклопедия Украины / Под ред. И.М. Левитиса. – Киев, 2000. – С. 9, 121, 126 и др.

[140] Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 70.

[141] Стратиевский К.В. Изменения в административно-территориальном делении и в составе населения Молдавской АССР (1924–1940 гг.) // Revista de istorie a Moldovei. – № 2. – 1995. – С. 24–37; Статистические материалы. – Балта, 1928. – С. 221.

[142] Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 69.

[143] Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 1026. Оп. 2. Д. 1–31.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ХОЛОКОСТА В РУМЫНИИ И НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЕЮ В 1941–1944 гг. ТЕРРИТОРИЯХ

§ 1. Давность еврейского присутствия и антисемитизма. Немного истории

История евреев на исследуемой нами территории – от Восточных и Южных Карпат до реки Южный Буг, – которым пришлось жить в составе разных государств и при разных режимах, мало знакома современному читателю. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие темы, попытаемся в сжатом виде обрисовать положение евреев в составе этих государств, основываясь главным образом на данных опубликованной литературы и источников.

На исследуемой территории евреи появились в давние времена. Французский историк А. де Торондо, немецкий Г. Вольф-Берански, румынский Н. Йорга, базируясь на свидетельствах античных источников, пишут, что после завоевания Иерусалима римлянами некоторые евреи нашли приют в Дакии при известном царе Децебале (87–106 гг. н. э.). О давности пребывания евреев в этих краях говорят и найденные во время археологических раскопок надгробия на древнееврейском языке. Здесь евреи основали торговый центр под названием Талмус. К этому же периоду относятся сведения о появлении евреев в греческих городах Северного Причерноморья, в том числе в городе-крепости Тирас, у устья Днестра. Н. Йорга полагает, что во время нашествия с востока варварских племен евреи покинули Дакию.

Русские историки Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев, С.М. Соловьев отмечают широкое участие евреев в торговле Киевской Руси, владения которой временами про-

стирались до Днестра и дальше. Многие евреи, разными путями попавшие в Киев, осели там. В 1239 г. в связи с татарским нашествием, причинившим Киеву много разрушений и приведшим к определенному упадку хозяйственной жизни, имеет место временный отток еврейского населения, понесшего немалые убытки от вторжения татар. Но уже во второй половине XIII в. подвластные татарскому хану киевские князья стали приглашать еврейских купцов и ремесленников, предоставляя им, как и в других татарских владениях, ряд привилегий.

Туземное население обычно встречает пришельцев с известной долей подозрения, а если последние чем-то их превосходят и успешно с ними конкурируют, появляется зависть, перерастающая часто в ненависть. На почве конкуренции в торговле в 1113 г. в Киеве произошел погром, в ходе которого много евреев было убито, а их имущество разграблено.

С XIII в. стала складываться и с каждым новым веком численно росла еврейская община в Польше, ставшая одной из крупнейших в Европе. Поскольку в XIV в. часть территории Киевской Руси перешла во владение Литовского княжества, а затем в объединенное польско-литовское государство, евреи из Подолии и Волыни стали селиться в Украине. Этот процесс усилился, когда обширная украинская земля была включена в состав Польши. В 1648 г. и в последующие несколько лет, во время восстания украинских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого против польского владычества и похода на запад, казаки с особой жестокостью убивали десятки тысяч евреев, не щадя женщин и детей, грабя и уничтожая на своем пути еврейские селения. Это был акт настоящего геноцида. В течение нескольких лет, начиная с 1648 г., около семи сотен еврейских общин прекратили существование и 90 % еврейского населения Подолии и Волыни было убито, бежало, часть их схвачена татарами и продана в рабство. Отряды Хмельницкого, вошедшего в еврейскую историю как один из самых активных истребителей евреев, вторгались и на территорию Молдавского княжества, где творили еврейские погромы. К этому времени там проживало немало евреев, выходцев из царства Польского, а также из германских земель ганзейских городов, все они относились к ашкеназийской ветви еврейства.

Приток евреев в Молдавское княжество начался уже с самого раннего времени образования этого государства (1359 г.). Одни искали там спасение от религиозных и прочих преследований, другие – торговцы, ремесленники, люди образованные, – привлекаемые предоставляемыми привилегиями. Молодое государство нуждалось в развитии городов как центров ремесел и торговли. При господаре Романе I (1391–1394 гг.) евреи получили право повсеместного селения и освобождения от налогов. В созданном господарем городе, получившем его имя, обосновались евреи из Польши. Правами, полученными при Романе I, евреи пользовались и во время княжения господарей Александра Доброго (1401–1433 гг.) и Стефана Великого (1457–1504 гг.). Некоторые евреи даже занимали руководящие посты при господарском дворе. Так, во время княжения Стефана Великого должность интенданта, затем и главного логофета (руководителя государственной канцелярии и боярской рады, хранителя большой государственной печати) занимал еврей из Ясс по имени Исар Бен Венямин Шон. Эта должность сохранилась за ним и при господаре Богдане III Слепом (1504–1517 гг.). При дворе Стефана Великого был и врач-еврей.

Сведения о пребывании евреев в Валашском княжестве, как и в Молдавском, относятся ко второй половине XIV в. В 60-е гг. XIV в. отмечается приток в княжество евреев из Венгрии, значительная часть евреев пришла позднее из Балкан. Турки-османы после захвата Константинополя в 1453 г. охотно принимали евреев, изгнанных в конце XV в. из Испании и Португалии. Последние относились к сефардской ветви еврейства.

В княжествах евреи занимали ведущее место в торговле и ремесленном производстве. Еврейские купцы вели бойкую торговлю не только внутри страны, но и за пределами княжеств, со Львовом, Брашовом, другими польскими, литовскими и венгерскими городами, возили товары из Константинополя, иные посещали и торговые ярмарки в России. Таможенные пошлины и другие сборы, взимаемые с еврейских купцов, приносили существенные доходы господарям. Искусные еврейские мастера (портные, сапожники, ювелиры, жестянщики, кузнецы, красильщики и др.) благодаря своему богатому опыту пользовались большим спросом. Еврейские купцы и ремесленники превосходили местных, составная им конкуренцию и тем самым порождая зависть и неприязнь к евреям, хотя основная масса еврейского населения жила в глубокой нищете.

Были и другие факторы, определявшие положение евреев и порождавшие в княжествах антисемитизм: положение самих княжеств, которые на протяжении веков были объектом нападений, захватов и оккупации со стороны более могущественных государств, влиявших на внутреннюю политику княжеств; отношение к евреям местной феодальной и церковной верхушки – господаря, бояр, чиновников, служителей церкви; социально-экономическое положение, образовательный и культурный уровень местного населения княжеств.

Евреи, жившие замкнутой, обособленной общиной по своим правилам и канонам, строго придерживаясь своих обычаев, исповедовали другую, в отличие от местного населения, религию, считались, несмотря на давность проживания и даже рождения в княжествах, чуждым, бесправным элементом.

В княжествах, как впрочем и в других странах Европы, евреи как народ пришлый жили постоянно под страхом преследований, изгнаний и расправ.

Правители Турции, под властью которых находились Дунайские княжества, в рамках своей империи сами не преследовали евреев, в окружении султанов даже бывали влиятельные евреи. Турецкие войска, вторгаясь время от времени на территории княжеств, не учиняли еврейских погромов, не грабили и не уничтожали синагоги, не оскверняли еврейские святыни, чего не скажешь о пребывании в Молдове польских войск, не говоря уже о казаках Хмельницкого, учинивших кровавые погромы с привлечением местных жителей.

Сами господари Молдавии и Валахии, которые, будучи ставленниками Порты, часто менялись, по-разному, в зависимости от личных, а также интересов боярства, относились к евреям. Как уже отмечалось, некоторые молдавские господари привлекали в страну еврейских ремесленников и купцов, предоставляя им определенные привилегии. В Валахии при дворе господаря Александра Мирчи (1567–1577 гг.) какое-то время личным секретарем являлся образованный еврей Исай ах Бен Иосеф, под влиянием которого отношение господаря к местным евреям было благожелательным.

Но было и другое. Господарь Молдавии Штефэницэ (1517–1527 гг.) отменил все привилегии, предоставленные евреям прежними правителями, и применял к ним дискриминационные меры, а господарь Петр Хромой, трижды побывавший на престоле в Молдове, в 1579 г. подписал указ о выдворении из княжества евреев, мотивируя этот шаг тем, что они составляют конкуренцию купцам-христианам. Молдавский господарь Александру Лэпушняну при первом княжении (1552–1561 гг.) отрицательно относился к евреям, но при втором правлении (1563 г.) свое отношение изменил.

Аналогичная ситуация была в Валахии. Господарь Влад Цепеш, известный своим свирепым нравом, нуждаясь в деньгах, собрал всех купцов-евреев и заставил каждого платить выкуп в размере 1000 серебренников – сумму в те времена колоссальную, а у кого таких денег не было, изувечил. Во время антитурецких выступлений валашского господаря Михая Витязула (1593–1601 гг.) и молдавского Арона Тирана (1591–

1595 гг., с перерывом) евреи, считавшиеся верноподданными Порты, подверглись ограблениям и убийствам, они вынуждены были на какое-то время покинуть Валахию.

Исповедование евреями веры, отличной от религии других жителей княжеств, использовалось верхушкой православной церкви (официальной религии) княжеств для разжигания религиозного и бытового антисемитизма. Она усердно распространяла среди верующих имевшие хождение всякие версии о распятии евреями Иисуса Христа, небылицы об убийствах евреями христианских детей в целях использования их крови для изготовления мацы и многое другое. Темная неграмотная масса воспринимала эти выдумки за правду и соответственно реагировала на присутствие евреев в своей среде. Церковные кодексы княжеств 1640 г. четко и ясно оговаривали, что евреев следует считать еретиками, и в силу этого христианам запрещены всякие с ними отношения. На почве вымышленных обвинений евреев в ритуальных убийствах были спровоцированы погромы в г. Пятра-Нямц (1710 г.), г. Роман (1714 г.), в бессарабском с. Оницкань (1726 г.) и др. Известный своей алчностью господарь Михай Раковицэ (1707–1709 и 1715–1726 гг.) использовал погром в Оницканах для вымогательства у евреев денег.

После перехода молдавского господаря Дмитрия Кантемира (1710–1711 гг.) на сторону России и неудачи Прутского похода Петра I, Порта, не доверяя местной знати, в течение ста лет направляла на княжеские престолы в Яссах и Бухаресте греков – выходцев из богатого константинопольского квартала Фанар. Последние, покупая высокие должности за большие деньги, старались в свои короткие сроки княжения в Яссах и Бухаресте с лихвой вернуть «затраченное», введя в княжествах изощренную систему прямых и косвенных налогов, денежных и натуральных повинностей. Бремя этих взносов в значительной мере падало и на евреев.

В 1719 г. султан направил в Яссы своего ставленника-еврея в должности Хахам-Баши. Последний был наделен правом посылать своего представителя в Бухарест. Хахам-Баши, наряду с религиозным руководством, выполнял также административные и судебные функции, считался властями княжеств официальным представителем еврейства. Он занимался обложением и сбором налогов, решением спорных вопросов среди евреев, при нем действовала Цеховая организация евреев. Институт Хахам-Баши и еврейская Цеховая организация просуществовали в княжествах более 100 лет и были ликвидированы в 1834 и 1838 г. соответственно. Господари-фанариоты, которые часто менялись на престоле, по-разному относились к присутствию в княжествах евреев: одни благожелательно, даже предоставляли льготы (Александр Маврокордат в Молдове, Николае Маврокордат и Николае Маврогени в Валахии), другие (Ион Маврокордат и Штефан Кантакузино в Валахии) – издевались.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII – начала XIX в., нанесшие княжествам и его населению большой урон, отразились на положении местного еврейского населения. Пребывание русских войск нередко сопровождалось ограблениями и убийствами евреев. На счет евреев списывалось бедственное положение масс. На почве такой агитации в 1797 г. был спровоцирован погром, в ходе которого был снесен весь район проживания евреев, подожжены синагоги, убита и сброшена в Дунай большая часть еврейского населения г. Галац. Антисемитские традиции надолго закрепились в этом дунайском портовом городе, антиеврейские выступления имели здесь место в 1842, 1846 и 1856 г. Время от времени возрождалась и пускалась в ход легенда об убийстве евреями христианских детей в ритуальных целях. Под воздействием этих слухов в 1801 г. темная, невежественная толпа учинила в Бухаресте погром, жертвами которого стали 128 евреев.

Сложная обстановка, складывавшаяся в Дунайских княжествах в 1821 г. в связи с антитурецким восстанием в Валахии под предводительством Тудора Владимиреску,

жестоко подавленном турками, а также в связи с вступлением на территорию княжеств русских войск под командованием генерала А. Ипсиланти, грека по происхождению, была использована антисемитскими элементами всех мастей для развязывания антиеврейских погромов в Яссах, Романе, Васлуе и других городах. Падение греко-фанариотского режима не изменило положения евреев. Абсолютное большинство евреев, предки которых участвовали в княжествах в создании и развитии торгов, местечек и городов, пустившие глубокие корни на этой земле, так и оставались негражданами, бесправными обитателями. Лишь очень незначительное число евреев, рожденных в княжествах, сугубо индивидуально и на основе специального декрета получило право на жительство. Их называли евреями-туземцами (pământeni), евреями-узаконенными (hrisoveliţi)[1].

Подписанный в 1829 г. после очередной войны между Россией и Турцией Адрианопольский мирный договор способствовал значительному ослаблению зависимости княжеств от Порты. Княжества получили право пользоваться полным внутренним самоуправлением, беспрепятственной торговли с другими государствами, возможность развить свои национальные вооруженные силы. Турки обязаны были ликвидировать свои крепости на левом берегу Дуная и т. д. За Адрианопольским миром последовал период экономического и культурного подъема Валахии и Молдавии.

Русская администрация княжеств (до 1834 г. на их территории находились русские войска) во главе с генералом П.Д. Киселевым, при участии местных бояр, выработали для Валахии и Молдавии своего рода конституции, известные под названием Органических регламентов (1831–1832 гг.). Они внесли в какой-то мере элементы порядка в государственное устройство: избрание князей из местной знати (господарей), разделение властей и создание судебных органов, реорганизация местной административной системы и т. д. Приложение X к IV параграфу относительно права гражданства гласило: «…обладают политическими правами только исповедующие православие и те, которые перешли в эту религию» с момента обращения в эту веру. Данная статья фактически лишала евреев приобретения каких-либо гражданских и политических прав, даже аннулировала те скудные права, которыми пользовались упомянутые «евреи-туземцы», «евреи-узаконенные». Еврею было запрещено проживание в сельской местности, арендовать землю, строить в городах фабрики и т. д. Поправки и добавления, внесенные в Органические регламенты в 1838 и 1843 г., наделяли местные органы власти правом определить при поселении евреев «полезных», что позволило коррумпированным чиновникам вымогать у евреев деньги.

Развитие Дунайских княжеств в 30–40-е гг. XIX в. можно охарактеризовать как время заметного роста товарного, преимущественно сельскохозяйственного производства, более активного участия в международной торговле, появления молодой, еще неокрепшей национальной буржуазии, сохранившей пережитки феодального строя, оживления общественного движения. Возникли кружки, выставлявшие революционные в то время требования: национальное освобождение от турецкой зависимости, равенство граждан перед законом, свобода печати, отмена русского протектората и т. д. Главными сторонниками этих преобразований явились молодые люди, в основном боярские отпрыски, получившие образование во Франции, Германии, Италии, находившиеся под влиянием идей Великой Французской революции. Революции, вспыхнувшие в 1848 г. в ряде европейских стран, дали толчок для взрыва революционного движения в Дунайских княжествах, наиболее сильного в Валахии. В обнародованной 11 июня 1848 г. в селении Ислаз (Олтения) программе революционеров 21 статья гласила: «Эмансипация израильтян и политические права для всех компатриотов другой веры». Но, как известно, в силу ряда причин, главным образом из-за интервенции русских и турецких войск, революции в княжествах потерпели поражение. В ходе революции в Валахии некоторые

евреи присоединились к восставшим румынам. Хотя Органические регламенты после 1848 г. утратили силу, но в части евреев зафиксированные в них положения продолжали действовать.

Не изменились они и после подписания в 1856 г. Парижского мирного договора, подводившего итоги Крымской войны между Россией, с одной стороны, и коалицией государств (Англией, Францией и др.), с другой. Разработанная в Париже конвенция для Дунайских княжеств предусматривала, что все их жители, независимо от вероисповедания, будут пользоваться всеми гражданскими и религиозными правами, владеть правом на собственность и заниматься торговлей. Но поскольку, согласно Органическим регламентам, евреи не причислялись к коренному населению, рассматривались как нация, проживающая в чужой стране, то и конвенция на них не распространялась. Протесты евреев фактически остались без внимания.

В 1859 г. в результате двойного избрания на княжеский престол Александра Иона Кузы произошло объединение Молдавии и Валахии в единое государство, получившее затем название Румыния. А.И. Куза, выходец из старого боярства, связанный с буржуазией и либеральными помещиками, был настроен на проведение прогрессивных социальных и политических реформ, склонен к улучшению правового положения еврейского населения. Принятый при нем закон об образовании разрешил еврейским детям посещать государственные школы. Этой мерой преследовалась цель постепенно преодолеть будущему поколению существующие предрассудки. Евреям, проходившим службу в румынской армии, было предоставлено право на офицерские звания. Последние, а также дипломированные евреи, евреи, построившие в княжествах промышленное предприятие с числом не менее 50 рабочих, могли участвовать в коммунальных выборах. Но дальше этой «малой натурализации» правящие круги не пошли.

Тем временем правлению самого А.И. Кузы пришел конец. Против его реформаторской политики в социальной и политической сфере ополчились не только консервативные круги, но и многие из лагеря радикалов и либералов. Образовалась противоестественная коалиция, которую современники назвали «чудовищной». В ночь с 10 на 11 февраля 1866 г. А.И. Куза был свергнут. 10 мая 1866 г. на господарский престол Румынии был возведен немецкий князь Карл Гогенцоллерн Зигмаринген. Присущий ему антисемитизм нашел в Румынии весьма благоприятную атмосферу для дальнейшего расцвета.

Приезд в Бухарест нового князя совпал с мощными антисемитскими манифестациями, в ходе которых еврейские кварталы в городе подверглись грабежам и была подожжена недавно вступившая в строй Хоральная синагога. Префект Ясского уезда полковник Г. Стурдза, желая предупредить погром в городе, 25 мая 1866 г. в воззвании к населению призвал не поддаваться призывам Антисемитского комитета, сеющего «страх и тревогу среди этого мирного населения». В связи с предстоящими выборами в местный орган, Антисемитский комитет г. Бырлада, призывая голосовать за своего кандидата капитана Удря, огласил программу, предусматривающую: запрет евреям производить и продавать спиртные напитки; изгнание евреев из сел; выдворение из армии «как недостойных носить оружие страны»; уезды и коммуны не должны предоставлять евреям никаких уступок; запрет евреям брать в аренду землю; отбор служащих в государственные, уездные и коммунальные органы делать только из румын; принятие новых законов в целях национальной защиты. Требования этой программы вполне укладывались в правительственную политику по отношению к евреям[2].

29 июня 1866 г. Национальное собрание приняло Конституцию, которая, провозгласив свободу печати и собраний, представительскую систему правления, ответственность правительства перед парламентом и разделение властей, на деле сохранила власть

в стране в руках помещиков и нарождающейся крупной буржуазии, а громкие декларации о гражданских свободах остались на бумаге. 7-я статья Конституции закрепила отказ евреям в праве стать гражданами страны, ими могли стать только исповедующие христианство. К этому времени (согласно данным за 1859 г.) в Объединенных княжествах проживало 115 000 евреев[3].

В 60-е гг. XIX в. в Румынии не было оформленных политических партий, власть оспаривали консервативные и либеральные группировки. С середины 70-х гг. контуры двухпартийной системы стали обрисовываться ярче, и завершился этот процесс в 90-е гг. В обе правительственные партии – консервативную и либеральную – входили и помещики, и буржуа, к одним и другим примыкали представители средних слоев – чиновники, учителя, священники, лица свободных профессий, мелкие буржуа и пр. Либералы выражали главным образом интересы крепнувшей буржуазии и обуржуазившихся помещиков, консерваторы – интересы помещиков-полуфеодалов и той части буржуазии, которая была тесно связана с помещичьим землевладением. В еврейском вопросе и либералы, и консерваторы проводили мало отличающуюся одна от другой политику[4].

Все они спокойно взирали, как из сел изгонялись и подвергались ограблению тысячи евреев, целые семьи вместе с детьми. В порядке выполнения распоряжения министра внутренних дел М. Когэлничану в 1869 г. были изгнаны, ограблены и подвергнуты избиениям более 1200 евреев, в том числе женщины и дети, из уездов Роман, Васлуй, Тутова и Ковурлуй. В ноябре и декабре 1876 г. в ряде сел уезда Васлуй вынуждены были покинуть насиженные места более 800 евреев, на сборы им было отведено 24 часа. 20 августа 1885 г. из села Брустироага (уезд Бакэу) были изгнаны 25 еврейских семей. 15 апреля 1887 г. был отдан приказ об очищении от евреев сел уезда Арджеш. 10 мая 1897 г. были изгнаны евреи из ряда сел уездов Фэлчиу и Сучава, 5 ноября 1899 г. – из сел Мэлинь, Долма, Броштень (уезд Сучава). Высылки евреев из сел области Молдова продолжались и в начале XX в.[5] В городах, особенно области Молдова (Яссы, Пятра-Нямц, Фэлтичень, Ботошаны, Бакэу), куда направлялись изгнанные из сел евреи, искусственно образовывалась большая концентрация еврейского населения. Поскольку эти вынужденные переселенцы были оторваны от прежних своих занятий и лишены крова, они страшно бедствовали.

Время от времени устраивались антисемитские выступления на почве измышлений о ритуальных убийствах евреями в канун Пасхи, сочинялись всякие другие поводы для еврейских погромов (в 1871 г. в городах Текучь и Галаць, в 1872 г. – в Измаиле, в 1877 г. – в Джурджиу, Яссах, Доробань).

Сообщения о бесчинствах и издевательствах над евреями в Румынии стали появляться на страницах газет западных стран, вызывая протесты демократической общественности. Бывало, с осуждением политики правительства Румынии выступали и главы западных держав. Император Франции Наполеон III направил румынскому князю Каролю телеграмму протеста против преследований евреев и мер, противоречащих «принципам гуманности и цивилизации». Кароль Антон, отец румынского князя, писал последнему: «Еврейская проблема вступила в такую фазу, что обратила внимание всей Европы»[6].

Во время Войны за независимость 1877–1878 гг. многие евреи страны сражались на фронте в составе румынской армии, еврейские врачи и медсестры обслуживали полевые госпитали, еврейские общины оказывали материальную поддержку семьям мобилизованных. В мирном договоре, подписанном по окончании русско-турецкой войны европейскими державами в июле 1878 г. на Берлинском конгрессе, признание независимости Румынии от Турции оговаривалось рядом условий: обеспечение свободы ве-

роисповедания всем жителям страны; независимо от религиозной и конфессиональной принадлежности, всем жителям страны должны быть обеспечены гражданские и политические права, право занимать государственные должности, в любом населенном пункте страны заниматься любой профессией и промыслом; подданные всех держав, коммерсанты и другие, независимо от религии, должны пользоваться в Румынии равным отношением[7]. Это означало, что и евреям нужно предоставить гражданские права, чего больше всего не желали правители Румынии. В то же время невыполнение решений Берлинского конгресса стало для западных стран (Франции, Англии, Италии, Германии) предлогом для откладывания признания ими независимости румынского государства. Правящие круги России, проводившие, как и правители Румынии, последовательно антисемитскую политику, не стали обусловливать признание независимости соседа от предоставления гражданских прав евреям.

В 1876–1888 гг. у власти в Румынии находилось правительство либералов во главе с И. Брэтиану. Вчерашний «революционер», участник событий 1848 г. в Валахии, давно забыл громкие фразы Изслаской прокламации, обращенные к иноплеменным жителям страны: «Родина и наша и ваша», «все мы будем иметь одинаковые права».

И. Брэтиану и его правительство, провозгласив независимость Румынии от Турции, были, естественно, заинтересованы получить признание этого акта со стороны западных держав и на словах не скупились на обещания выполнить требования Берлинского конгресса. В меморандуме от 28 августа 1878 г., направленном правительствам великих держав, румынский министр иностранных дел В. Бореску даже подвергал критике политику предшественников в «еврейском вопросе» и не скупился на обещания исправить положение. Он признал, что преследование евреев было ими возведено «в ранг политической и правительственной системы», иными словами, антисемитизм был государственной политикой. Реальность положения евреев, сказано в меморандуме, состояла в том, что «из всего еврейского населения лишь тонкий слой в некоторых городах достиг относительно хорошего материального положения..., а народные массы, из-за изгнания из сел сосредоточенные в молдавских городах, лишены возможности заработать себе на жизнь».

В. Бореску выделяет три категории евреев в Румынии: чужеземные (străini), румынские подданные (supuşi romîni) и граждане (cetăţeni). Последняя из названных категорий фактически не существовала.

Абсолютное большинство составляли «чужеземцы», и не потому, подтверждает министр, что они иностранцы, а «потому, что они евреи», в силу этого они «никак и ни при каких условиях» не могут: иметь недвижимость в сельской местности; брать в аренду землю у государства; участвовать в публичных торгах и приобретать предприятия; покупать дома в городах; быть корчмарями в селах; натурализоваться.

Не отрицал В. Бореску, что положение евреев с «румынским подданством», тех самых «евреев-туземцев» («pămînteni», «hrisoveliţi») мало чем отличалось от «чужеземцев». Почти все запреты для последних распространялись и на «евреев-туземцев». Полученные ими кое-какие гражданские права постепенно урезались. Они не могли, например, стать в Румынии адвокатами, инженерами, преподавателями.

Касаясь «школьной политики» правительства, В. Бореску признает, что насаждались вражда к евреям, отстранение от занятий детей евреев-туземцев, получивших при князе А.И. Куза право посещать государственные школы, в конечном счете они были исключены из этих школ и вынуждены были создавать свои школы, работавшие по официальной румынской программе. В заключение румынский министр писал: «Попытки отдалить туземное еврейское население от румынской жизни и культуры не удались. Евреи-туземцы, несмотря на все препятствия, устроенные на пути их свободного

развития, в большой мере способствовали экономическому и культурному прогрессу страны и, тем самым, ее укреплению как государства. Они могли бы, несомненно, принести стране гораздо больше пользы, если бы не преследовались режимом, который заставил десятки тысяч из них уехать, а другие десятки тысяч обречь на нищету»[8].

В. Боереску обещал великим державам, что все ограничения для евреев будут устранены, не будут делаться различия между евреями, христианами, мусульманами. В ожидании выполнения Румынией взятых обязательств Италия отложила признание ее независимости до конца 1879 г., Франция, Англия и Германия оформили такое признание только в феврале 1880 г., взамен сделанных в их пользу экономических уступок.

Касательно евреев требования Берлинского конгресса остались фактически невыполненными. Накануне рассмотрения на заседании парламента вопроса об изменении пресловутой статьи VII конституции 1866 г. о праве на гражданство только лицам христианского вероисповедания, в стране были инсценированы громкие антисемитские манифестации с требованием к правительству не одобрять предписания Берлинского конгресса. Антисемитские речи прозвучали и на заседании парламента в сентябре 1879 г., посвященном рассмотрению новой редакции статьи VII конституции. И. Брэтиану нашел выход: хотя Берлинский конгресс и признает право евреев на гражданство, но это не означает, что следует его предоставить сразу и «оптом» всем. В результате статья VII в новой редакции гласила: «...Чужеземцы, не являющиеся гражданами иностранного государства, могут – в индивидуальном порядке – получить одобрение Парламента»[9]. Таким образом, новая формулировка закрыла возможность еврейскому населению в целом получить румынское гражданство, но поскольку местные органы – уездные, городские, коммунальные – не были наделены таким правом, а только решением парламента, то и возможности его получения были максимально ограничены.

Политика в «еврейском вопросе» тогдашних правителей Румынии определялась не только, а может, и не столько собственными антисемитскими чувствами, за века унаследованными от предков, не только стремлением в политической борьбе за власть завоевать на свою сторону многочисленное христианское население, питавшее неприязнь к евреям как к «иноверцам-преступникам». С развитием капитализма и рыночных отношений антисемитская политика все больше определялась жесткой конкуренцией в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства и особенно торговли.

Несмотря на значительный рост экономики во второй половине XIX – начале XX в., Румыния продолжала заметно отставать в своем развитии от передовых европейских стран. Отставание было вызвано многими причинами: слабостью и замедленностью первоначального накопления капитала вследствие сохранения глубоких пережитков феодализма; сложившейся в деревне системы, соединяющей черты барщинной и капиталистической; отсутствием налаженной кредитной системы и процветанием ростовщичества, разорившего много бояр; коррупцией государственного аппарата сверху донизу и злоупотреблениями чиновников, совавших руки в карман казны, и т. д.

Родовые бояре, владельцы огромных имений, веками стоявшие у власти, которые вели паразитический образ жизни и привыкли к роскоши и расточительству, в условиях развития капитализма и рыночной экономики при отсутствии предпринимательского опыта и способности измерить доходы и расходы, какое-то время продолжавшие удовлетворять свою страсть к роскоши за счет средств от земельной ренты, в конечном счете разорялись.

Среди новых владельцев было много нерумын, бывших арендаторов и управляющих помещичьими имениями, ростовщиков, попадались и евреи, хотя закон запрещал

им приобретать в собственность землю. Новые владельцы старались переводить свои хозяйства на капиталистические рельсы.

В Румынии, как и в других восточноевропейских странах, этническая принадлежность нарождающейся буржуазии отражала пестроту состава городского населения. Среди буржуа было много давно проживавших в княжествах греков, армян, болгар, сербов, немцев и более всех евреев. Они занимались торговлей, ремеслом, меняльным делом, ростовщичеством, служили управляющими в боярских имениях, владели промышленными и торговыми предприятиями, мастерскими и т. д. Благодаря накопленному опыту перечисленные категории населения в молодом румынском государстве стали главными проводниками капиталистических отношений.

Коренное население Дунайских княжеств испокон веков было больше связано с сельским хозяйством. Социальное и политическое положение в обществе определялось размером земельной собственности, количеством скота. Торговля, ремесло не относились к престижным занятиям. С наступлением капитализма абсолютное большинство румын не обладало торговой и промышленной практикой и опытом, которые приобретаются годами, предрасположение к капитализму было у немногих.

Молодые румыны предпочитали стать государственными чиновниками, приобрести военные чины, стать адвокатами и особенно политиками. Эта ментальность и острая нехватка собственных капиталов определяли слабость румынской буржуазии. Став у власти, она начала прибегать к массивному использованию иностранного капитала (французского, английского, германского и др.), получившего, в связи с политической зависимостью Румынии от западных держав, весьма льготные условия для выгодных вложений (открытие банков, строительство железных дорог, портовых сооружений и др.)[10].

Правительство, возглавляемое И. Брэтиану и его партия национал-либералов, в самом названии которой подчеркивалось, что представляет национальные интересы нарождающегося класса буржуазии, в конкурентной борьбе прибегала к протекционизму во внешней торговле путем установления более высоких таможенных пошлин, внутри страны продолжала прежнюю дискриминационную политику и даже ужесточала условия пребывания евреев в стране. В еврейском вопросе консерваторы, сменившие у власти либералов, следовали той же линии[11].

Несмотря на решение Берлинского конгресса, правительство и парламент всячески препятствовали получению евреями румынского гражданства. Из евреев – участников боев в войне за независимость Румынии в 1877–1878 гг. – удостоились права гражданства 883 еврея, в 1880 г. его получили 6 евреев, в 1881 г. – 2, в 1883 г. – 2, с 1886 и до 1900 г. – 18, всего с 1879 г. и до переписи населения в 1912 г. только 4668 евреев считались румынскими гражданами. Это на 241 000 еврейского населения[12]. Заметим, что, по сравнению с данными переписи 1899 г., численность еврейского населения Румынии уменьшилась на 30 000 человек[13] в связи с эмиграцией из страны, вызванной ростом антисемитизма.

В среде национальных меньшинств Румынии евреи, в силу своего этнического происхождения и иудейского вероисповедания лишенные гражданства, были самыми бесправными жителями страны, перед ними были закрыты двери многих государственных и общественных организаций. Обремененные самыми высокими налогами, разными таксами и прочими взносами, они должны были строить и содержать свои еврейские школы, больницы, бани, приюты для детей-сирот и богадельни для одиноких стариков и др. Еврей-буржуа, имея более низкий статус в обществе и будучи стесненным в своей деятельности многочисленными запретами, чтобы держаться на плаву в конкурентной борьбе, должен был ловчить, прибегать к разного рода ухищрениям, порою предосу-

дительного свойства, довольствоваться более низкими прибылями, продавая товары более низкие по качеству, зато более дешевые и в силу этого пользующиеся массовым спросом. Буржуа-евреи вносили в деловую жизнь азарт, погоню за клиентурой, назойливо рекламировали свои товары, приманивали покупателей пониженными ценами, применяли торговлю вразнос, внедряли мелкий потребительский кредит, получивший широкое распространение, выступали инициаторами создания акционерных обществ. Многолетний, преимущественно городской образ жизни еврея, его коммерческий опыт, сметка, умение считать, сравнительно более высокий уровень грамотности позволили ему порою действовать с большим успехом в конкурентной борьбе[14]. Все это вызывало зависть, еще больше подогревало антисемитизм не только у румын, но и у конкурентов – представителей греческой, армянской, русской, польской и др. национальностей.

В семье, конечно, не без урода. Были среди евреев алчные ростовщики, арендаторы помещичьих имений и корчмари, прибегавшие к обману и надувательству, дававшие своими выходками повод антисемитам чернить все еврейское население, хотя действия евреев – хапуг и обманщиков встречали осуждение и неприязнь со стороны евреев-тружеников, а они составляли абсолютное большинство еврейского населения и больше всех страдали от антисемитизма властей, прибегающих к самым разнообразным способам ущемления и подавления евреев во всех сферах их деятельности и начинаниях.

Это осуществлялось, во-первых, через издания в 1878–1914 гг. множества новых законов и распоряжений, накладывающих на евреев массу запретов во всех областях человеческой деятельности. 16 июля 1878 г. появился закон о запрете евреям быть биржевыми маклерами; 31 января 1881 г. евреям было отказано в праве обращаться с прошениями в парламент; 11 ноября 1881 г. всем «чужеземцам», а таковыми, за редким исключением, считались почти все евреи, передвигаться по стране можно было, только имея специальное разрешение; закон от 26 февраля 1882 г. запрещал евреям быть таможенниками; в 1883 г. королевским декретом было установлено, что служащими санитарных служб могут быть только румыны по национальности, они же бесплатно обслуживаются в государственных учреждениях здравоохранения, а «чужеземцы», следовательно, и евреи за услуги должны вносить плату и не занимать более 10 % наличных больничных коек; 19 марта 1884 г. появился закон о запрете торговли вразнос, тем самым был нанесен удар по евреям – мелким торговцам, которые в основном и занимались этим видом торговли.

Запреты не обошли и еврейских детей. Как отмечалось ранее, при князе А.И. Куза дети евреев получили разрешение посещать начальные бесплатные государственные школы. 4 августа 1887 г. Министерство образования разослало государственным школам распоряжение при зачислении детей на учебу приоритет отдавать христианским детям, а 20 мая 1893 г. новый закон вообще запрещал прием еврейских детей в бесплатные государственные школы, «чужеземцы» могли допускаться туда при внесении определенной таксы. В 1894 г. за бортом школы оказались 14 200 еврейских детей[15]. В соответствии с законом от 4 апреля 1898 г., был допущен прием детей евреев в среднюю школу только при наличии свободных мест и оплаты за обучение. Это касалось и «евреев-туземцев».

Целый ряд законов был направлен на подавление доминирующей роли евреев в ремесленном производстве, особенно в уездах и городах области Молдова. В Ботошанском уезде из числившихся в 1906 г. 3679 ремесленников 2564 (70 %) были евреями, в уезде Дорохой соответственно 2153 и 1456 (67,5 %), в уезде Сучава – 1151 и 758 (65,8 %)[16]. В г. Ботошаны все портные и портнихи, сапожники, меховщики, жестянщики, стекольщики, шляпники, мыловары, резчики по дереву и камню, обойщики, пере-

плетчики, серебряных дел мастера, латунные мастера, столяры, медники, сундучники, бондари, ювелиры, вышивальщицы были еврейской национальности.

Власти чинили всяческие препятствия и накладывали запреты на те или иные виды деятельности ремесленников-евреев. Евреи – шапочники и скорняки из г. Бухушь уезда Нямц в весенние и летние дни, имея удостоверения на право вести заготовки сырья для своего производства, шли по селам и покупали у крестьян овечьи и барашковые шкурки, старые, изношенные тулупы, шили из них зимние шапки (căciule), шубы и прочие меховые товары. В один день местные власти отняли у них упомянутые удостоверения, лишив их работы и средств существования.

По принятым законам евреи – ремесленники, рабочие, мелкие хозяева, включая «туземных» евреев, не могли состоять членами цеховых комитетов, легальных рабочих организаций, кооперативов, комиссий по спорным вопросам, государственных кредитных организаций и др. Закон о цехах 1912 г., который принимался во многих городах с поправками, устанавливал, что на общем собрании организации могут присутствовать все ее члены, независимо от национальности, а на так называемых «специальных», на которых принимался устав организации, вносились изменения в него, выбирались члены комитета – только румыны, пользующиеся гражданскими и политическими правами[17]. Эти поправки лишили права участвовать в выборе комитетов и принятии устава даже «евреев-туземцев» – права, которое было у них до этого.

Дискриминационные меры основательно коснулись «евреев-туземцев», занятых в промышленном производстве и торговле. Закон о биржах запрещал им участвовать в оптовых сделках по сбыту зерновых, продовольственных товаров, вин. Только за румынами оставалось право быть хозяевами и руководителями спиртоочистительных предприятий, фабрик по производству пряностей, красителей, алкогольных напитков и др.[18]

Правительственная политика антисемитизма ярко проявилась в поощрении деятельности расплодившихся многочисленных юдофобских организаций, открыто подстрекающих темные массы к погромам. Как идеологический центр антисемитизма в последней четверти XIX – начале XX в. утвердился г. Яссы. В 1882 и 1884 г. здесь состоялись антисемитские сборища, именуемые для пущей важности конгрессами, на которых было принято решение о бойкоте еврейских промышленных и торговых предприятий и их продукции.

Время от времени то тут, то там вспыхивали антисемитские погромы, сопровождаемые избиениями евреев, включая женщин и детей, поджогами синагог, массовыми грабежами еврейского имущества. Во время известного крестьянского восстания 1907 г., охватившего много уездов Румынии и жестоко подавленного властями, пострадали от бесчинства толпы, подстрекаемой антисемитами, 2280 еврейских семей[19].

Продолжалась практика изгнания евреев из сел. Царил полнейший произвол. В деревушке Кривей коммуны Хэхэзешть уезда Роман жил вдовец Ривен Вайнштейн, были у него на иждивении трое детей. В деревне у него была лавчонка. Когда в 1912 г. началась война на Балканах, Ривена Вайнштейна забрали в армию, в лавчонке продолжал торговать его брат Карол. Ни с чем не считаясь, в один прекрасный день, пока Ривен был в армии, последнего выдворили из Кривей. Врач М. Вайншток получил уведомление о выселении из с. Ивешть, поскольку он не имел политических и гражданских прав и хотя и родился в соседнем селе, но не в Ивешть[20].

Обычно власти, изгоняя евреев из сел, выдавали эти действия за требования крестьян. Кое-где, может, так и было, но было и другое. 28 апреля 1913 г. крестьяне с. Лиешть уезда Текучь обратились к властям с заявлением, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся жители коммуны Лиешть, узнав о приказе об изгнании евреев из села,

заявляем, что мы не просили их изгонять, ибо никакого зла от них не исходит. Особенно просим оставить в селе Мойше Ценкера, которого знаем десятки лет и еще в 1902 г. просили дать ему разрешение (на жительство – *И. Л.*). Мойше родился в с. Лиешть, многие из нас провели с ним детство, знали его отца, десятки лет проживавшего в селе. От Мойше Ценкера мы получаем много облегчений, живем с ним по-братски, поэтому просим оставить его среди нас». Под заявлением стоят подписи всех жителей села[21].

Редкие голоса в защиту евреев тонули в хоре антисемитской прессы, которой подпевал ряд именитых румынских писателей, поэтов, драматургов. Среди проповедников антисемитизма был также известный румынский историк Н. Йорга. Вместе с будущим профессором Ясского университета А.К. Кузой в 1895 г. они создали «Международный союз антисемитов». А.К. Куза начал свою политическую карьеру как социалист и атеист, но вскоре понял, что для продвижения по этой линии выгоднее накинуть на себя мантию ярого антисемита и националиста. При этом А.К. Куза активно вел свои коммерческие дела с евреями. Ратуя за изгнание евреев из страны, вместе с тем, свою недвижимость сдавал в аренду и продавал евреям. Один дом он продал в 1901 г. еврею Кацу. Евреям было спокойнее арендовать квартиру в домах Кузы, пусть и дороже, зато безопаснее в случае погрома, молодчики-антисемиты обходили дома своего идеолога.

В 1906 г. Н. Йорга создал свою газету под названием «Neamul românesc» («Румынская нация»), ставшую впоследствии официальным органом Национал-демократической партии, созданной им в содружестве с А.К. Кузой, отличавшейся подчеркнутым национализмом, антисемитизмом и ксенофобией. Если Н. Йорга ратовал за вытеснение евреев из сферы экономики и свободных профессий, замену их румынами, то есть за то, что впоследствии стало называться «румынизацией» всей общественной жизни, то А.К. Куза, проповедуя чистоту румынской нации, вносил в свой антисемитизм элементы расизма и впоследствии хвастался, что в этом плане он предшественник Гитлера. С университетской кафедры А.К. Куза десятки лет воспитывал румынских студентов в духе фашизма и юдофобии. В копилку антисемитизма внесли свой вклад румынские писатели М. Эминеску, В. Александри, И. Славич, Б.П. Хаждеу и др.

Живя в атмосфере крепнувшего изо дня в день антисемитизма, пребывая в постоянном страхе стать жертвами погромов, в конце XIX – начале XX в. десятки тысяч румынских евреев эмигрировали в Америку и Палестину.

Конечно, различные слои еврейского населения далеко не в одинаковой степени страдали от описанных дискриминации и преследований. От национально-религиозного гнета страдали главным образом еврейские рабочие, ремесленники, мелкие лавочники, владельцы крошечных мастерских. Особенно разительно это проявлялось в провинции Молдова, области наибольшего скопления евреев. Богатый еврей, ростовщик, не имея по закону возможности приобретать землю в собственность, брал ее в аренду у помещика и так же, как последний, за счет эксплуатации крестьян наживал капитал. Известное крестьянское восстание 1907 г. началось в с. Флэмынзь Ботошанского уезда в имении, арендованном евреем Фишером. Оно привело к многочисленным антисемитским выступлениям, переросшим в восстание против всего боярского и помещичьего строя.

Благоденствовали крупные промышленники и коммерсанты, банкиры. Имея деньги, при коррумпированности чиновничества они без особого труда могли добиться парламентского акта о натурализации.

В целях коллективной защиты от растущего антисемитизма в 1910 г. был создан «Союз евреев-туземцев», который обращался в правительство, парламент и лично к королю с многочисленными письмами, содержащими просьбы «во имя интересов страны и справедливости» прекратить политику «ограничительных мер и преследований

путем принятия запретительных законов и изгнания из сел, которые заставили десятки тысяч семейств, коренных жителей эмигрировать и другие десятки тысяч скапливаться в битком набитых нескольких городах на севере Молдовы, образуя в них целые кварталы нищеты, в ущерб стране, отняв у них возможность внести вклад в труд, единственная вина у них та, что они евреи».

Приведя многочисленные примеры дискриминации евреев в действующем законодательстве, авторы письма подсчитали, что в нем содержатся 84 ограничения и запрета для евреев, и касаются они всех сфер общественной жизни[22].

В аналитическом обзоре по «еврейской проблеме», составленном «Союзом евреев-туземцев», раскрывается несостоятельность доводов противников предоставления евреям румынского гражданства о том, что евреи, целиком принадлежащие к классу буржуазии, станут помехой на пути формирования румынского среднего класса, а, получив избирательные права, займут места в первой и второй коллегиях и будут доминировать в уездных и городских выборных органах области Молдовы, что, в свою очередь, приведет к «перемещению национальной оси румынской политики в пользу евреев». Для сведения читателей сообщаем, что, согласно действовавшему в начале XX в. в Румынии избирательному закону, в первую коллегию входили помещики и крупная буржуазия, во вторую – городская средняя и мелкая буржуазия, буржуазная интеллигенция, чиновничество, представители свободных профессий, офицеры в отставке, государственные пенсионеры, в третью – мелкие налогоплательщики, к тому же подавляющее большинство этих избирателей – крестьяне, рабочие, бедные и неграмотные – голосовали двухстепенным путем по модусу «один выборщик от 50 избирателей».

В действительности все было не так, как утверждали антисемитские круги. Из 250 000 евреев 30 000 глав семейств были ремесленниками и 23 000–24 000, согласно данным Министерства финансов страны, имели патенты на право торговли. Абсолютное большинство из них было мелкими торговцами, скорее – «торговым пролетариатом», и лишь очень немногие из них достигали несколько лучшего материального положения. Учитывая то, что абсолютное большинство этих ремесленников и мелких торговцев считалось «иноземцами» и при наличии многочисленных законодательных запретов, наложенных на их деятельность, абсурдно полагать, что при существующей выборной системе евреи могли бы, пусть и став гражданами, занимать места в первой и второй коллегиях, даже представлять самостоятельную силу в третьей, «противиться созданию среднего румынского класса», который в начале XX в. насчитывал уже 80 000 владельцев патентов на торговлю, сотни тысяч чиновников, офицеров, преподавателей, церковных служителей и др.[23]

В обращении к правительству «Союз евреев-туземцев» в своей борьбе за гражданские права особое внимание обратил на положение евреев в составе румынской армии, в рядах которой многие сражались в боях за независимость (1877–1878 гг.) и в ходе Второй Балканской войны (1913 г.), демонстрируя свою преданность стране, в которой родились и жили. Многие из них так и остались негражданами, в самой армии культивировалось недоверие к ним, за ними устанавливалась постоянная слежка, действовал секретный приказ, категорически запрещавший выдвигать евреев в звания и должности даже мелких командиров. Соответственное было и отношение к ним. Для молодого поколения румын армия была школой антисемитизма. Пройдя через нее, многие будущие генералы и полковники стали проводниками политики геноцида применительно к евреям в годы диктатуры И. Антонеску. Всю эту школу прошел и сам И. Антонеску. Выходец из семьи румынского офицера, Ион Антонеску (1882 г. рождения) избрал профессию отца, закончил военное училище и в чине младшего лейтенанта (сублокотенента) в 1904 г. стал служить в армии, где прошел весь курс антисемитизма и где сформи-

ровались его взгляды на евреев как олицетворение зла и источник всех бед румынского народа. Его высказывания о евреях пестрили такими эпитетами: «жиды», «паразиты», «накипь», «плевелы» и др. 8 апреля 1941 г. Уже в бытность главой румынского государства, касаясь на заседании правительства вопроса о воспитании детей и молодежи в «патриотическом и национальном духе», он наставлял: «Нужно внушать румынам чувства ненависти к врагам нации. Так рос я: в ненависти к туркам, жидам и венграм. Это чувство ненависти к врагам родины следует довести до последней крайности»[24].

Главный редактор газеты «Israelitul» («Израилец»), издаваемой в Бухаресте, К. Адатштейн в статье «Кто является антисемитом?» (в номере от 15 ноября 1915 г.) пытается ответить на вопрос «о субстрате антисемитизма» в Румынии. Он отвергает утверждения о том, что: «возмущенное крестьянство против нашей эмансипации»; «городское население выступило против»; «за этим кроется религиозный вопрос»; «иные, выступая, как ученые, говорят о социально-экономической опасности».

Автор статьи считает, что антисемитизм разжигается «жалкими политиками», как из лагеря консерваторов, так и либералов, которые во время выборных кампаний для завоевания голосов темной толпы спаивают ее и натравливают на евреев, и, как показывают факты, «все антисемитские выступления в Румынии не возникали спонтанно, а заранее инсценировались, как в оперетте». К. Адатштейн отмечает, что мыслящие и просвещенные румыны не участвовали в этих акциях, с ужасом смотрели «на эти страшные сцены вандализма», «с презрением смотрели на этих жалких, которые за чарку цуйки (сливянки – *И. Л.*) становились палачами тех, с которыми каждодневно находились в контакте».

Независимо от причин фактом остается то, что накануне Первой мировой войны Румыния была страной, в которой в большой степени наличествовали все известные типы антисемитизма. Самые распространенные были религиозный и переплетающийся с ним бытовой. С развитием капитализма и конкурентной борьбы нарастает политический антисемитизм, имеющий экономический базис и проявляющийся в отказе предоставлять евреям гражданские и политические права, в установлении многочисленных запретов на их деятельность во всех сферах жизни. Эта линия проводилась как либералами, так и консерваторами, в результате политический антисемитизм носил характер государственной политики. Расовый антисемитизм в это время не получил распространения в Румынии, к нему склонялись только отдельные лица (А.К. Куза). Евреи, принявшие христианство или связанные брачными узами с неевреями, фактически не причислялись к евреям и становились гражданами страны.

Порою даже самые неистовые антисемиты не могли отрицать роль евреев в ломке закостенелых феодальных устоев и утверждении в стране капиталистических производственных отношений и институтов, в развитии промышленности, банковского дела, науки, культуры и т. д. Сефардский еврей врач Фенсеко, посланный из Константинополя во время правления в Валахии Маврокордата (1817–1830 гг.), внес большой вклад в улучшение санитарного положения в княжестве. Среди первых учредителей банков в Румынии, в том числе Национального, было семейство Халфон, один из них – А. Халфон – в 1873 г. создал страховое общество «Dacia Româna», другой еврей – Жак Елиас – страховой банк «Naţional». Значительный денежный вклад внесли евреи в создание Королевского института им. Кароля I («Fundaţia regală Carol I») и Королевского географического общества, в строительство знаменитого «Ateneul Romîn», возведение статуи известного господаря Михая Витязула, приюта для румынских сирот «Госпожа Елена» («Doamna Elena») и др.

10 мая 1881 г., в день провозглашения Румынии королевством, евреи Израел Кхажен, Хаим, Леон и Альберт Даниелы преподнесли 15 000 золотых леев в дар Академии наук Румынии с целевым назначением: использовать ежегодные доходы от этих денег

на издание документов, господарских грамот, древних рукописей, связанных с историей страны. Яков Нейшотц, уроженец м. Херца, в 1908 г. подарил Академии наук 20 000 золотых леев, предназначив их для оплаты содержания румын, направленных на учебу в зарубежные высшие учебные заведения. На такие же цели Соломон Халфон подарил Академии 50 000 золотых леев, а упомянутый Жак Елиас (умер в 1923 г.) завещал Академии миллиард леев[25]. Власти «увековечили» память Жака Елиаса: вблизи ул. Святой Пятницы («Sfîntu Vineri»), в тыловой части продовольственного магазина была улочка, на которой уже никто не жил, поскольку дома все были разрушены или покинуты, тротуары разбиты и на них валялись ящики и мусор от магазина. Эта улочка и была названа именем Елиаса.

В последней четверти XVIII в. и начале XIX в. все большую роль в судьбах восточно-европейского еврейства стала играть Россия. В результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 г.), победоносных войн с Турцией (1787–1791 и 1806–1812 гг.) владения Российской империи далеко продвинулись на запад. В состав России влились сотни тысяч евреев Литвы, Подолии и Волыни. Подписанный с Турцией мирный договор в 1791 г. в Яссах закрепил за Россией территорию междуречья Южный Буг–Днестр, а Бухарестский мир 1812 г. – территорию междуречья Днестр–Прут (название южной части этой территории – Бессарабия, как уже отмечалось, было распространено после 1812 г. на всю область Пруто-Днестровского междуречья). После Венского конгресса 1815 г., на котором было решено в состав России включить Варшавское герцогство под именем Царства Польского, численность еврейского населения в Российской империи, насчитывавшего по официальным данным в 1818 г. 677 000 человек, увеличилась еще на 400 000 душ.

Территория междуречья Днестра и Южного Буга, захваченная, как известно, в середине XV в. Крымским ханством у Литвы и получившая название Очаковской земли (по имени крепости Очаков, построенной в XV в.), а также южная часть Пруто-Днестровского междуречья, занятая кочевыми татарскими ордами, после выселения царскими властями татар и ликвидации турецких рай фактически пустовала и была объявлена собственностью казны.

Российское правительство было заинтересовано как можно быстрее заселить и освоить новые территории. Дабы не ущемлять интересы помещиков и дворян собственно русских губерний, не лишать их рабочей силы крепостных крестьян, был взят курс на заселение этих территорий колонистами из других стран (с Балкан, из германских земель и др.), с предоставлением им различных льгот. Малозаселенность этих необъятных плодородных земель, сравнительно мягкий климат, плюс правительственные льготы стали притягательными факторами для переселения в Новороссию людей разных национальностей. Среди них были болгары, поляки, белорусы, чехи, гагаузы и др. Предки немецких колонистов, которые во время румынской оккупации Транснистрии в 1941–1944 гг. пополняли эсэсовские банды, уничтожавшие евреев, появились в этих краях в 1787–1788 гг. Их было 910 человек из-под Данцига, но наиболее интенсивная колонизация немцами шла в 1803–1809 гг. Среди колонистов были главным образом выходцы из Бадена, Вюртемберга, прирейнской Баварии и Саксонии. К середине XIX в. в Херсонской губернии насчитывалось 43 немецких колонии. На левобережье Днестра были основаны немецкие колонии Гликсталь, Нейдорф, Цебриково и др.

В целях рассредоточения еврейского населения в районах его скопления в Белоруссии, Подолии, Волыни российским правительством разрабатывались планы переселения в Новороссию значительной его части. Но в маленьких городах и местечках края евреи стали селиться в 1769 г. На берегу Хаджибейского лимана сохранилось старое кладбище, где можно прочесть на надгробной плите 1770 г. еврейское имя[26].

В те времена евреев, ввиду их особого жизненного уклада, считали народом, не поддающимся ассимиляции. В рамках города и местечка они селились обособленно, строго придерживались своей веры, своего языка и обычаев, отличались от остальных жителей даже своей верхней одеждой, одним словом, жили своей общиной, члены которой были связаны взаимной ответственностью – круговой порукой. Во главе общины стоял религиозно-общественный выборный орган – кагал, верховенство в нем принадлежало наиболее богатым евреям и раввинам. Над местными общинами стояли уездные и губернские кагалы, осуществлявшие по отношению к первым административные и судебные функции.

Кагал считался официальным представителем еврейства, через него власти осуществляли связь с еврейской массой. После перехода части польского еврейства под власть российского государства кагальная система сохранилась, поскольку на какое-то время это было выгодно.

Кагалы находились под неослабным контролем властей. На них ложилась ответственность за исполнение в точности предписаний властей: своевременную уплату всеми евреями податей и всех видов сборов; надлежащее выполнение возложенных на еврейскую общину расходов по обустройству городов и местечек, строительству и ремонту дорог, содержанию административного аппарата и т. д. В ведение кагалов входили: приписка евреев к общинам, выдача паспортов и видов на жительство, самораскладка государственных податей и сборов, самообложение для специально еврейских нужд. В ведении кагалов находились синагоги и молитвенные дома, погребальные братства, кладбища, еврейские школы, больницы, общественные бани, приюты для детей-сирот и одиноких стариков. Кагалы в России отвечали за исполнение евреями рекрутской повинности. Еврейские общины составляли отдельные рекрутские участки. За укрывательство дезертиров отвечала вся община, а не только виновные.

Чтобы побудить евреев западных губерний к переселению в Новороссию, в 1791 г. был принят указ о введении для евреев «черты оседлости», предусматривающий ряд стеснительных мер, ограничивающих права евреев на жительство. В основе установления «черты оседлости» лежала, помимо всего прочего, и презумпция, что присутствие евреев в силу их якобы склонности к правонарушениям есть зло, следовательно, необходимо оградить внутренние губернии России от евреев. Что касается Новороссии, а затем и Бессарабии, то они, как почти все западные территории России, оказались в «черте оседлости», наложившей вплоть до распада империи в 1917 г. мрачный отпечаток на жизнь российских евреев. Само ее существование – одно из ярких проявлений государственного антисемитизма в России.

В 1794 г. Екатерина II, продолжая линию на принуждение евреев к переселению в Новороссию, обложила все еврейское население двойной податью по сравнению с той, которую платили христиане. Но евреи были не особенно склонны покинуть насиженные места и двигаться в неизвестность, по-видимому, и обещанные льготы их не особенно прельщали.

При императоре Александре I, известном своей реформаторской деятельностью либерального толка, 9 декабря 1804 г. был принят первый в России комплексный законодательный свод по еврейскому вопросу – «Положение для евреев». Оно провозглашало: «Все евреи, в России обитающие, вновь поселяющиеся или по коммерческим делам из других стран прибывающие, суть свободны и состоят под точным покровительством законов наравне с другими российскими подданными». «Положение» сохранило за евреями свободу в делах веры и общинного устройства, разрешало приобретать незаселенную землю, даже установило поощрения для желающих заняться земледелием. Фабриканты, ремесленники, земледельцы были освобождены от наложенной законом

1784 г. двойной подати. «Положением» 1804 г. детям евреев разрешалось обучаться во всех учебных заведениях России, при этом им гарантировалась свобода вероисповедания. Но осталось в силе ограничение права жительства «чертой оседлости». Возложив на евреев вину за пьянство и бедность крестьян, «Положение» определило, что евреи не могут содержать в деревнях и селах «никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов, ни под чужим именем» и даже жить в них. Статья 34 «Положения» установила для удаления евреев из сел и деревень трехлетний срок. Предполагалось большинство евреев, переселившихся в Новороссию, приобщить к земледельческому труду, предоставив им ряд льгот (освобождение на 10 лет от податей, приобретать землю в личную собственность, нанимать работников)[27].

В отведенный «Положением» трехлетний (1805–1807 гг.) срок для выселения евреев из сел и деревень практически ничего сделано не было. На основе донесений губернаторов правительство объяснило невыполнение 34-й статьи «Положения» тем, что «помещики пограничных губерний, где наиболее евреи имеют жительство», будучи заняты «в течение сего времени отправлением разных временных и необычайных повинностей, не могли сделать никаких распоряжений к переселению людей сих в назначенный срок; что по тем же самым обстоятельствам и сами евреи, *по крайней бедности бóльшей их части* (курсив в документе – *И. Л.*), при платеже двойных податей и при возвысившихся на хлебе и другие потребности ценах, не могли среди отправления разных повинностей, войною усугубленных, принять достаточных мер к приисканию земель, к заведению фабрик и к совершению перехода из сел и деревень», и что депутаты еврейских обществ просят «переселение евреев отсрочить на несколько лет и, сверх того, в разных статьях общего Положения сделать отмену... Наконец и правительство равным образом не могло в сие время ни учредить фабрик или каких-либо других заведений, где переселенные евреи могли работою себе снискивать пропитание, ни принять меры к выдворению всех тех, кои в некоторых губерниях, а особенно в Минской, изъявили желание перейти в Новороссийскую губернию и обратиться в земледельческое состояние»[28].

19 октября 1807 г. был принят новый императорский указ о переселении евреев из сел и деревень в трехлетний срок и в три этапа, подчеркивалось, что «с начала 1808 года никому не дозволяется в селах и деревнях вновь принимать евреев для содержания шинков и корчем», «переселение сие производимо было *без малейшего послабления и остановки* (курсив – *И. Л.*)», и поскольку возможности переселения, «по донесениям губернаторов, главным образом препятствовала бедность, в 1807 году освободила от двойных податей»[29].

Но и указ от 19 октября 1807 г. в части выдворения евреев из сел и деревень не был реализован. 23 декабря 1808 г. министр внутренних дел в записке, предоставленной царю, среди прочего отмечал: «...евреи могли бы быть частию переселены в города и местечки, но великое число сих местечек носит только одно имя, в иных из них нет ни промыслов, ни торгов и никаких других к пропитанию способов; переселяющиеся не могут найти в них никакого убежища, а тем менее могут по бедности сами себе выстроить дома... некоторые города и местечки совсем выгорели».

В записке министра князя Куракина приводятся и многие другие причины невозможности реализовать на практике Указ от 19 октября 1807 г. 22 декабря 1808 г. был издан указ «...евреев по дальнейшего впредь повеления оставить на их жительства попрежнему», но при этом «во всех прочих статьях» «Положение для евреев» 9 декабря 1804 г. «остается в своей силе»[30]. Переселение евреев было отсрочено до очередного повеления.

Оно не заставило себя долго ждать. 5 января 1809 г. государь создал третий за последние шесть лет комитет по «еврейским делам» во главе с действительным тайным

советником В.С. Поповым. В каждый из комитетов входил «председатель Польского элемента», то есть польской знати, поскольку решение еврейского вопроса затрагивало их интересы. Во всех трех комитетах польских помещиков представлял граф Северин Потоцкий. В последний комитет еще входили действительный тайный советник И.А. Алексеев, статский советник Я.А. Дружинин и товарищ министра внутренних дел О.П. Козодавлев. В своем наставлении комитету царь, подчеркнув, что правительство «не может принять на себя водворение всех их (евреев – *И. Л.*) на новых местах», предложил «изыскать меры, посредством коих евреи», будучи «удалены от единственного их промысла – продажи вина по селам, деревням, постоялым дворам и шинкам, – могли бы себе доставлять пропитание работою». По данным властей, в одних только «Польских губерниях насчитывалось тогда до 60 тысяч семейств», занимавшихся продажей вина.

16 марта 1812 г. комитет представил императору обширный доклад о результатах его работы. Он пришел к выводу, что «невозможность приведения 34-й статьи («Положения для евреев» – *И. Л.*) в действие заключается не в упорстве евреев и не в послаблении начальства, а в естественности и политическом положении тех губерний, в коих пребывание евреев ограничено». Для раскрытия этого вывода авторы доклада обратились к истории.

Напомнив, что после завоевания римлянами Иудейского царства и разрушения Иерусалимского храма «евреи, рассыпанные повсеместно, сделались повсюду странниками», далее авторы доклада заявили: «Быв изгоняемы из одного государства в другое и даже из одного города в другой и не имев ни отечества, ни земель для своего где-либо окоренения, евреи, сей издревле просвещенный и благоустроенный народ, не могут уже ни предаться постоянно нравственному образованию детей своих, ни избрать ни одного из тех состояний, кои всем прочим дозволены законными установлениями, и для сохранения своего существования должен был довольствоваться теми только, что были предоставляемы ему коренными жителями».

Что касается непосредственно положения евреев в Польше, «где все почти купечество составлено из евреев и где почти все ремесла находятся в руках евреев же, – сказано в докладе, – торговля и ремесла сделались недостаточными для доставления всем вообще Евреям прокормления. Необходимость понудила пришельцев сих обратиться к другим средствам». Далее в этом документе читаем: «Помещики, воспользовавшись их прибытием, пригласили их на свои земли и употребили орудиями хозяйственных своих оборотов. Внутренние беспокойства, частые военные раздоры, набеги Татар и прочие тому подобные происшествия были причиною, что Польские помещики не имели ни удобности, ни времени заняться устроением прочного хозяйства и оборотам, как, например, к *винокурению*, отдаче поместьев *на аренды* и проч.». Хотя впоследствии польское хозяйство приведено было в несколько лучшее состояние, однако же, несмотря на то, винокурение и арендное управление остались главнейшими отраслями помещичьих доходов. Таким образом, евреи, сделавшись необходимыми для помещиков, по собственному согласию их занялись арендами в бóльшей части поместий и, быв во все время Польского правления лишены права приобретать покупкою земли, нашлись принужденными из угождения помещикам, на землях коих они были поселены, предаться исключительно продаже вина».

В таком положении евреи перешли под власть Российской империи. Комитет пришел к выводу, что претворение в жизнь статьи 34 «Положения» об изгнании евреев из сел и деревень, запрете им продажи вина с целью «отвращения крестьян от разорения, которому причиною признано было чрезмерное употребление ими горячих напитков», «не принесло бы никакой выгоды ни помещику, ни крестьянину, ни государству. На-

против, оно уменьшило бы доход и помещика через лишение лучших работников, и государства чрез отнятие нужных рук от земледелия; а крестьянин, в пользу которого мера сия признается нужною, не только не поправился бы, но пришел (бы) в вящее оскудение».

Комитет особенно настаивал на этом последнем обстоятельстве, на «вящее оскудение» крестьян от удаления евреев. «Крестьянин, – сказано в докладе, – привыкший издревле продавать еврею произведения свои на месте и чрез то сберегавший как рабочий скот, так и время, которое могло быть употребляемо или на домашния поделки, или на произведение каких-либо изделий, должен ныне ехать в город и местечко, которое не лучше того же селения, в котором также живут Евреи, продавать свои произведения Евреям же и пропить вырученные деньги Евреям же или, лучше сказать, в несколько поездок в город пропить все, что пропивал целый год в своем селении... Крестьянин, равным образом привыкший доставать под руками все домашние необходимости, например: косы, посуду, железо, соль и проч. (ибо в каждом селении у Еврея можно было найти все то же, что и в местечке), должен ныне, при встретившейся нужде, иногда в самую рабочую пору, ехать в город покупать тоже у Евреев и пропивать деньги тоже Евреям».

Комитет считал, что больше вреда, чем пользы, принесет запрет евреям не только пребывание в селах и деревнях, но и содержание шинков и постоялых дворов по большим дорогам, так как «это запрещение лишило бы не только Евреев, но и христиан всех удобностей, необходимых для проезжающих, и сверх того чрезвычайно ощутительно было бы для торговых оборотов, казенных поставок и даже для самых почт: ибо известно, что никакая закупка, никакое отправление продуктов и даже никакой наем фурщиков в Польских губерниях не могут совершаться без содействия Евреев и что исправнейшия почты содержатся Евреями-корчмарями».

Комитет изучал и мнения помещиков относительно того, как быть с евреями, проживающими на их землях. Богатейший польский помещик князь Любомирский заявил, что если евреи будут высланы из его владений, то он понесет немалый убыток, потому что получает с них за аренды «знатные доходы», которыми рассчитывается с долгами банку. Помещики в Белоруссии, где крестьяне разорены и страдают от «недостатка пропитания», все беды крестьян списывали за счет евреев. Но члены комитета рассуждали по-иному: разорение крестьян и недостаток пропитания – результат пьянства, а также «худого удобрения земель и от недостатка вообще хорошей системы хозяйства», а «Евреи тут решительно ни при чем». «Доколь, – отмечается в отчете Комитета, – у Белорусских и Польских помещиков будет существовать теперешняя система экономии, основанная на продаже вина; доколь помещики не перестанут, так сказать, *покровительствовать пьянству* (курсив в тексте – *И. Л.*) – дотоль зло сие, возрастая год от году, никакими усилиями не истребится, и последствия будут все те же, кто бы ни был приставлен к продаже вина, Еврей или христианин... Таким образом, устранение Евреев от продажи вина не улучшит положение крестьян. Вместо 60 тысяч Еврейских семейств придется оторвать от плуга по крайней мере такое же число христианских семейств, которые со всем тем не заменят Евреев; между тем как, с другой стороны, Евреи никогда не заменят крестьян, от хлебопашества отлученных. Потеря сия тем будет чувствительнее для государства, что владельцы для удержания и обеспечения своих интересов должны будут определить к винной продаже самых лучших людей и хозяев... Помещики, ищущие прибытков в продаже вина, не перестанут искать их и в то время, когда на место Евреев будут им услуживать в том христиане, которые, заступив место Евреев, найдутся принужденными поступать так же, как и Евреи». Впрочем, замечает при этом комитет, известно, что Евреи никогда продажею вина не обогащались, а извлекали одно только пропитание и удовлетворение лежащих на них повинностей.

Выступая фактически посредниками между помещиками-винокурами и крестьянами, получая от продажи помещичьего вина и прочих горячительных напитков 1/15–1/10 часть прибыли, семейства шинкарей обычно бедствовали, отчего в некоторых корчмах иногда оставались женщины, а мужчины отправлялись на другие промыслы.

Как с социальной, так и с экономической точки зрения выселение евреев ничего хорошего не давало сельским жителям. В селах и деревнях, где евреи были изгнаны, как свидетельствовали факты, объем продаж алкогольных напитков и цены на них не падали, а, наоборот, росли. Для евреев же выселение означало полное разорение, а для городских и местечковых еврейских общин – умножение числа бедных, не имеющих средств уплачивать подати, что в условиях узаконенной круговой поруки грозило разорением общин.

Комитет считал, что «с известными и положительными ограничениями, под надзором помещиков», следует оставить евреев по-прежнему среди крестьян, и даже невыгодно лишить их права продажи вина[31].

Известный русский мыслитель, знаток русской народной жизни Николай Лесков в статье «Евреи в России», касаясь обвинений евреев в спаивании народа России, пишет: «Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские стали искать возможность возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными: на них возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одно новое?.. Остается все-таки тот факт, что евреи шинкуют. Но это вовсе не излюбленное ими занятие. Еврей и пьянство между собой не ладят. Между евреями нет пьяниц. Пьяный еврей несравненно реже даже, чем пьяный магометанин. Человеку трезвому противен сам вид пьяного, а докучная, бестолковая и часто безнравственная беседа пьяницы – омерзительна. Сносить целые дни на своих глазах такое безобразие за грошовую пользу может заставить только самая тяжелая нужда. Притом хмельной человек дерзок и буен, он легко переходит к драке. Положение еврея постоянно рискованно, а еврей жизнелюбив, очень нежный отец.

Евреи – люди торговые, а не филантропы, и коммерческий склад их ума всегда стремится изыскать всевозможные средства к тому, чтобы получить заработок посредством удовлетворения спросу. Где спрашивают только водку, еврей тем и озабочен, чтобы подать водку. Вот почему еврей шинкует – не без отвращения к этому делу. Все нехорошее, что сделает еврей, обыкновенно приписывается его злой натуре или его плохой вере... В России еврею беспрестанно мечут в глаза, что он плут и бездельник...»[32].

В связи с реализацией требования императора Александра I о приобщении евреев к земледельческим занятиям, в первые годы XIX в. появляются первые земледельческие колонии из евреев в Новороссийском крае. После издания «Положения» 1804 г. несколько сот еврейских семейств из Гродненской и Минской губерний изъявили желание переселиться на казенные земли. Предполагается, что это были евреи – пришельцы из Германии, не имевшие никаких средств к пропитанию, и кагалы, на иждивении которых они находились, рады были отправить их в Новороссию, где государство обещало предоставить даровые участки земли с освобождением от податей на десять лет, выдать ссуды на обзаведение и т. д. В 1807 и 1808 г. переселились 1007 душ, в 1809 – 2750, в 1810 – 2311. В Новороссии (в Херсонской и Екатеринославской губерниях) возникли первые еврейские колонии (Израиловка, Бобровый Кут, Сейде-манука, Большой и Малый Нагартов, Эфенгарт, Ингулец, Колонка).

Эти первые колонисты-евреи не имели никакого опыта в земледелии и скотоводстве, и дела у них на новом поприще сразу сложились неудачно. Бедствия начались еще в пути, приходилось пройти по степям сотни верст, испытывать отсутствие еды

и воды. Строительство домов для приема людей кое-где только началось, а кое-где не производилось. У новоиспеченных земледельцев не было хозяйственного инвентаря и необходимых сельскохозяйственных орудий. Ухаживать за скотом не умели. В безлесных степных районах в зимние и морозные дни ощущался недостаток топлива. Многие болели, врачей не было, смертность среди колонистов была велика. Шла война с Турцией (1806–1812 гг.), затем началось вторжение французских войск Наполеона, и российское правительство не могло взять на себя все расходы на водворение нищих колонистов. В 1807 г. губернатор Ришелье просил правительство ограничить посылку колонистов до 200–300 семей, а в 1810 г. пришлось временно приостановить колонизацию. Особенно туго приходилось в неурожайные годы, а их, как на грех, в ту пору было много.

Не все евреи-колонисты справились с трудностями новой жизни, многие отказывались от участия в тяжелых полевых работах, просили исключить их из земледельческого звания, иные уходили без спроса и разбредались по городам и весям Новороссийского края, возвращались к своим традиционным занятиям – к ремеслу и торговле.

В колонистах-земледельцах оставались более стойкие, которые, преодолевая все трудности, накапливали опыт в сфере сельского хозяйства, в урожайные годы материально преуспевали, стали агитировать за переселение своих бывших земляков из Белоруссии и Литвы. В 1822 г. из Белоруссии в Новороссию переселились 1016 семей.

Что действительно притягивало евреев в Новороссию, это, в первую очередь, возникший на бывшей территории турецкой крепости Хаджи-Бей город, получивший в 1795 г. название Одесса, с ее открытой торговой гаванью, давшей толчок быстрому экономическому развитию края. Одесса стала молодой многонациональной столицей Новороссии, где жили русские, украинцы, евреи, молдаване, греки, поляки, сербы и др. Манило евреев, всегда и повсеместно ощущавших социальную приниженность и бесправие, и то, что, одновременно с предоставлением права на место жительства, разрешалось записываться в купеческое и мещанское сословия, следовательно, участвовать в сословном управлении и занимать общественную должность.

Губернатор Новороссии и градоначальник Одессы граф М.С. Воронцов и его предшественник герцог де Ришелье поощряли и поддерживали приток евреев в город. Это были, в основном, ремесленники и торговцы, среди них оказались и купцы третьей гильдии. Все они тяготели к городскому образу жизни. Первоначально преобладали евреи – выходцы из польско-белорусских губерний, но в Одессу через слабо охраняемую русско-австрийскую границу просачивались евреи из Галиции. Если в 1795 г. в Одессе проживало 246 евреев (общее число населения составляло 1350 человек), то в 1855 г. – 17 000[33]. Некоторые представители еврейской общины Одессы заняли места в органах самоуправления города – явление редчайшее в царской России.

Одновременно в Новороссийском крае, конечно, не столь быстрыми темпами, как в Одессе, шла концентрация евреев в Николаеве, Херсоне, Балте, Тирасполе, Ананьеве и др. Согласно официальным данным, в 1859 г. в Херсонской губернии было 16 еврейских земледельческих колоний.

Почти параллельно, с небольшим разрывом во времени, шло заселение Бессарабии. В момент ее присоединения к России на ее территории проживало всего 240 000 человек, в том числе около 5000 евреев. Это были, в основном, евреи из цинутов Сороки, Бельцы, Орхей, Лэпушна, входивших до 1812 г. в состав Молдавского княжества. Евреи были среди первых жителей Кишинева. Они строили свои дома и синагоги в районе, примыкающем к правому берегу р. Бык. Рядом были два еврейских кладбища. В 1774 г. в Кишиневе было создано «Еврейское погребальное товарищество», возглавляемое раввином из Ясс. Оно имело свой устав.

Южная часть Бессарабии заселялась в значительной мере выходцами из Балканских стран, подвластных Турции (болгары, гагаузы, греки, сербы), а также немцами из Пруссии и других немецких земель, французами, швейцарцами и др. Прельщенные обилием свободных земель, в Бессарабию устремились беглые русские и украинские крепостные и сектанты, спасавшиеся от крепостного гнета, рекрутской повинности и религиозных преследований. Учитывая интересы бояр-помещиков, царское правительство запрещало молдавским крестьянам (царанам) селиться на пустующих казенных землях.

Рассматривая Бессарабию, особенно ее южную часть, как плацдарм для дальнейших завоеваний и укрепления своего влияния на Балканах, царизм не решался здесь насаждать крепостничество, более того, стараясь вызвать симпатии народов Дунайских княжеств и Балкан к России, проводил в Бесарабии осторожную и гибкую политику, предоставил ей местное областное устройство, соблюдал «обычаи земли», привлекал колонистов всяческими льготами. Так, в соответствии с утвержденными в 1813 г. «Правилами временного правления», последние, в том числе евреи-пришельцы, освобождались от налогов сначала на три года, затем еще на два года. Напомним, что евреи других русских губерний (кроме ремесленников, земледельцев и фабрикантов) до 1835 г. облагались податями в двойном размере против лиц других наций. По замыслам официального Петербурга, налоговая льгота бессарабским колонистам должна была, среди прочего, дать толчок для развития торговли.

В 1818 г. царь утвердил «Устав образования Бессарабской области», в котором, с учетом существующего положения, население края делилось на 9 категорий, последнее место в перечне занимали евреи. В Уставе говорилось: «...евреи разделены быть имеют между сословиями купцов, мещан и земледельцев» и наравне с категориями этих жителей других национальностей должны участвовать в уплате казенных податей и отправлении земских повинностей. Евреям в Бессарабии разрешалась покупка участков пустопорожних земель, но только из казенного ведомства, причем с целевым назначением: «для хлебопашества и для заведения фабрик» с правом использовать «наемных людей». Евреям разрешалось «иметь в откупном содержании питейную продажу в имениях казенных и частных, содержать мельницы, винокурни, пивоварни и прочие тому заведения». В этом плане бессарабские евреи были в более благоприятном положении, чем их единоверцы в других губерниях, ограничения и репрессивные меры, связанные с сельской виноторговлей, их мало затрагивали. В «Уставе» оговаривалось, что «привилегии, данные (евреям – *И. Л.*) от молдавских господарей, сохранены будут во всей полности», но не уточнялось, какие именно[34]. Надо полагать, что имелось в виду сохранение кагалов и существующих в них порядков.

Поскольку оставалась в силе заинтересованность правительства в заселении края, то и в последующие десятилетия предоставлялись определенные льготы для желавших переселиться в Бессарабию. Указом 1830 г. они освобождались на 10 лет от уплаты пошлины за торговые свидетельства. Это преимущество продлевалось в 1839 и 1849 г. Положение 1833 г. освобождало жителей Кишинева от натурального постоя. Указом 1839 г. лица, построившие в Кишиневе дома, лавки, фабрики, мастерские, могли не вносить гильдейские сборы[35].

Но в «Правилах» 1813 г. и «Уставе» 1818 г. содержались и ограничения для евреев Бессарабии. Поначалу их было меньше, чем в западных губерниях, поскольку и евреев в Бессарабии было намного меньше. В 1819 г. в Кишиневскую думу (создана в 1817 г.) даже вошел представитель от евреев, но в последующие годы, вплоть до 1828 г., они своего представителя не посылали, поскольку требовалось выполнить условия: не являться в своем еврейском платье и знать русский язык. С 1828 по 1840 г. представители от евреев имелись и в думе, и в магистрате, последний ведал городским строительством

и хозяйством. По «Уставу» 1818 г. евреям было запрещено «вступать в государственную службу, как военную, так и гражданскую, и приобретать заслугами чины и прочие достоинства»[36].

Как повсеместно в России, бессарабским евреям запрещалась покупка и даже временная аренда населенных имений, покупать можно было, как уже отмечалось, только пустопорожние земли казенного ведомства. На практике запрет на аренду земли не всегда соблюдался, контракты оформлялись на подставных лиц из христиан. Так, 10 еврейских земледельческих колоний, основанных в 30–50 гг. XIX в. в Сорокском, Бельцком и Бендерском уездах, создавались на землях, арендованных, а затем и купленных у помещиков купцами-евреями. В середине XIX в. в Бессарабии, в основном в северных районах, было 16 еврейских сельскохозяйственных колоний, в них проживали 10 589 человек (18 % всего еврейского населения области). Князь С.Д. Урусов в своих «Записках губернатора» отмечает вклад еврейских специалистов в развитие виноградарства, виноделия и садоводства в Бессарабии, в селекцию, с учетом климата и местной почвы, для выращивания лучших сортов винограда и плодов.

На евреев не распространялось освобождение от рекрутской повинности, действовавшее до 1874 г. [37] Они должны были отправлять ее в денежной форме. Кстати, немцы-колонисты, получившие на юге Бессарабии в вечное и потомственное пользование по 60 десятин лучшей земли на семейство, освобождались от рекрутской повинности навсегда и на 50 лет от уплаты податей и повинностей.

В 1823 г. полномочным наместником Бессарабии был назначен упомянутый нами граф М.С. Воронцов, ставший спустя некоторое время и генерал-губернатором Новороссийского края. При нем была ликвидирована «автономия» Бессарабии. 29 февраля 1828 г. было введено новое «Учреждение для управления Бессарабской областью», превратившей ее в часть Новороссийского генерал-губернаторства на общем основании с другими губерниями, введены общерусские губернские учреждения и общерусская налоговая система. Забегая вперед, отметим, что это административное устройство и управление сохранилось без существенных изменений до 1873 г., когда Бессарабская область была превращена в губернию общерусского типа. Соответственно менялось и положение евреев этого края.

Уже в последние годы царствования Александра I его первоначальный либерализм в еврейском вопросе заметно поблек. Хотя в 1814 г. он выразил еврейским кагалам «милостивейшее расположение» в связи с патриотическим поведением евреев во время нашествия армий Наполеона на Россию, но запретительные меры, принимаемые к ним, не убавлялись, а прибавлялись. Положение комитета министров и сенатский указ от 1820 г. «О недержании евреями в домашнем услужении христиан» толковались в западных губерниях расширительно: запрещалось производить ремесленные работы для евреев, участвовать в обработке их земель, перевозить их на своих лошадях и т. п. Мотивировалось это опасением «совращения» христиан в иудаизм, хотя Талмуд предписывал всячески отклонять от такой идеи иноверцев, вознамерившихся принять иудаизм. В 1823 г. Александр I запретил переселение в Новороссию евреев из Белоруссии.

Еврейская проблема не сходила с повестки дня внутренней политики царизма. Комитеты и комиссии по ее решению чередовались один за другим, их после смерти Александра I было 7–8, но многое зависело от личного настроя самого царя по отношению к евреям. Николай I, сменивший на царском престоле Александра I, не благоволил к евреям.

В 1827 г. император издал указ («Устав рекрутской повинности и военной службы евреев») о введении рекрутской повинности для евреев, возложив на кагалы отбор рекрутов. По закону не подлежали мобилизации на военную службу: евреи с высшим

и средним образованием, раввины, купцы всех трех гильдий, цеховые мастера, механики на фабриках и заводах, жители сельскохозяйственных колоний. Рекрутчина, естественно, легла всей тяжестью на еврейскую бедноту. По «Уставу» вместо одного взрослого можно было отправить в кантонисты одного малолетнего с 12 лет. Этих детей насильственно обращали в православие, и по достижении 18 лет эти бывшие еврейские дети продолжали обычную солдатскую службу. В ряде губерний в порядке «погашения недоимок» кагалы должны были увеличить число рекрутов сверх разверстки.

Среди прочего, Николай I рассматривал рекрутчину как способ преодоления еврейской замкнутости и приобщения евреев к тяжелому физическому труду. Сократив срок военной службы с 25 до 10 лет, император утроил, по сравнению с христианским, рекрутский набор для евреев: 10 рекрутов с одной тысячи мужчин через два года.

Николай I назначил в западных губерниях новый трехлетний срок выселения евреев из сел и деревень, мотивируя необходимостью пресечь их винный промысел. В 1872 г. повсеместно была введена откупная система на винный промысел. Был наложен запрет на содержание евреями почтовых станций с постоялыми дворами и шинками при них. Но вскоре пришлось кое-где отказаться от этих запретов, поскольку среди неевреев не всегда находились охотники брать на откуп винный промысел и взваливать на себя почтовые дела. Правда, в 1836 г. по ходатайству новороссийских винных откупщиков-неевреев поступило распоряжение о недопущении евреев к содержанию шинков и продаже вина в помещичьих селениях Новороссии и Бессарабии. Но оно не было полностью проведено в жизнь. В 1845 г. правительство снова распорядилось запретить евреям пребывать в корчмах и вообще заниматься питейной торговлей, но она продолжалась через подставных лиц-неевреев. В 1853 г. разрешено было евреям постоянное пребывание в деревнях, но не в помещениях корчем.

Новое «Положение о евреях» 1835 г., заменившее прежнее 1804 г., окончательно определило границы черты оседлости, увеличив число губерний с 13 до 15. Около 90 % еврейского населения не имело права повсеместного проживания на территории Российской империи. Новое «Положение» наложило запрет на приобретение любой недвижимости в сельской местности и ведение в пределах черты оседлости всякого рода торговли на одинаковых правах с другими подданными государства. Дабы не допустить руководящую роль евреев в органах управления городов, им не разрешалось занимать должность городского головы и превышать одну треть общего числа гласных городской думы.

В рамках самой черты оседлости ограничивались права жительства евреев. Еще в 1825 г. было приказано, чтобы в 50-верстной полосе вдоль госграницы остались только евреи, имевшие там недвижимую собственность, а те, кто арендовал дома, корчмы, мельницы и др., были выселены по истечению срока контрактов. Мотивировалась эта мера тем, что евреи на границе склонны заниматься контрабандой товаров, хотя известно, что во всех странах такая склонность существует у жителей пограничных мест без различия национальности и вероисповедания. В 1839 г. Комитет министров принял специальное решение об удалении евреев из 50-верстной пограничной полосы в Бессарабской области. Сам Николай I был склонен даже расширить запретную зону. На предложение Комитета министров дозволить евреям селиться в учрежденном в том же 1839 г. Кагуле, Николай I начертал: «...никак не согласен; и впредь во вновь открываемых городах и местечках в полосе 100 верст вдоль по границе не дозволять селиться евреям»[38]. В 1843 г. царь распорядился о выселении евреев из 50-верстной полосы вдоль границы с Австрией и Пруссией. В 1856 г., когда согласно Парижской мирной конференции южные уезды Бессарабии отошли к Молдавскому княжеству и в 50-верстной полосе оказался и Кишинев, из города должны были выселяться незаконно

проживающие евреи. Однако пришлось от этого отказаться, поскольку таковых насчитывались тысячи и многие были задействованы в экономических отношениях. Не стали выселять евреев также из Аккермана.

В 1844 г. царское правительство приняло решение о ликвидации кагалов, сотни лет определявших образ жизни еврейских общин в странах Восточной Европы. В Новороссии и Бессарабии евреи, как местные, так и переселенцы, продолжали придерживаться кагальных порядков. Кагально-раввинское управление отстаивало религиозно-национальную сплоченность евреев, ограждало их от ассимиляции и защищало от ударов извне. Среди евреев Новороссии и Бессарабии получило распространение возникшее еще в XVIII в. в Восточной Европе сильное религиозное течение хасидов.

В ряде городов с многотысячным еврейским населением для реализации своих многочисленных религиозных и административных функций аппарат кагала насчитывал десятки людей. В 1843 г. в состав кишиневского кагала, например, входили: раввин, 5 кагальных, 33 ученых, 33 казначея, 33 старосты. Организационно кагал делился на две части: духовную (раввин и по трое членов от каждого из молитвенных домов) и хозяйственную[39]. С упразднением в 1844 г. кагалов их хозяйственные, податные, полицейские, судебные функции перешли городским управам и ратушам, городской или земской полиции, магистратам или уездным судам, то есть органам государства. За еврейской общиной оставалась обязанность сбора недоимочных податей и поставка рекрутов, в руках раввинов – ведение метрических книг.

С развитием капиталистических отношений все больше возникала потребность в светском образовании. Кагально-раввинская верхушка ради честолюбивых и корыстных целей противилась приобщению еврейской молодежи к светскому образованию и просвещению. Своим стремлением к обособленности евреев, отчуждению их от окружающих, своими многочисленными запретами и ограждениями кагалы обезличивали евреев, сковывали их активность. Интеллигентские круги еврейства с удовлетворением восприняли ликвидацию кагалов.

В первые десятилетия XIX в., как бы в противовес ортодоксально-религиозным, утверждается просветительское течение (гаскала), ориентированное на светское образование. Носителями гаскалы были главным образом выходцы из австрийской Галиции. В 1828 г. в Одессе при содействии губернатора М.С. Воронцова открылась еврейская светская школа, ставшая образцовой. В 1837 г. ее посетил Николай I, на которого школа произвела хорошее впечатление. В 1839 г. в Кишиневе создается первая частная еврейская школа, в которой преподавались общеобразовательные дисциплины, русский и иностранные языки. В 1844 г. в Одессе открываются казенные еврейские школы. Еврейское светское образование пользовалось покровительством видного педагога и ученого-медика Н.И. Пирогова, в 1856–1858 гг. состоявшего попечителем Одесского учебного округа, в состав которого входила и Бессарабия. Как представитель либерально-буржуазного течения в социально-педагогическом движении 60-х годов XIX в. Н.И. Пирогов ратовал за просвещение всех народов многонациональной России, не исключая евреев.

При царе-реформаторе Александре II в политике по «еврейскому вопросу» наступило определенное смягчение. В 1856 г. был учрежден очередной «Комитет по устройству быта евреев». Некоторые видные государственные деятели из окружения царя склонны были отменить «черту оседлости», царь на это не решился, но согласился с некоторыми изменениями. В 1859–1879 гг. «права жительства» вне черты оседлости получили все купцы первой гильдии, в Киеве – также второй гильдии, в Николаеве, Севастополе, Ялте – даже и третьей гильдии. Право жительства по всей России (с некоторыми изъятиями) получили евреи с высшим образованием, врачи, провизоры, адвокаты, фельдшеры, ремесленники, солдаты, отслужившие срок по прежним николаевским рекрутским наборам.

Евреи были уравнены в отношении рекрутской повинности с остальным населением, прекращен прием малолетних рекрутов, упразднен институт военных кантонистов. На военную службу разрешили принимать врачей-евреев, не допуская, однако, к выслуге до офицерских чинов.

В атмосфере реформ в общественном сознании получила известное распространение идея внутренней связи между прогрессом страны и гражданским полноправием евреев. Шире открылся доступ евреям в высшие учебные заведения страны. К началу 80-х годов XIX в. в Новороссийском (Одесском) университете, открытом в 1865 г., процент студентов-евреев составлял 31 на медицинском факультете и 41 – на юридическом[40]. В 60–70-е гг. еврейское просветительство становилось частью общерусской общественной и культурной жизни. Образовалась еврейско-русская интеллигенция – врачи, инженеры, юристы, финансисты, журналисты, литераторы, деятели науки и культуры. Появились еврейские газеты и журналы на русском языке. Основная масса деятелей гаскалы, осваивая светское образование, не отвергала иудейские традиции, хотя были среди них и такие, которые со временем стали отходить от еврейства и, чрезмерно увлекаясь светским просветительством, стали скатываться на путь ассимиляции. Это касалось главным образом интеллигенции.

Просветительское движение охватило главным образом еврейскую буржуазию и интеллигенцию наиболее крупных городов. Широкие еврейские массы, особенно малых городов и местечек черты оседлости, продолжали жить по старинке, придерживаясь многовековых религиозных устоев и традиций. В этой среде просветительские веяния пробивались медленно и с трудом. Эта категория евреев (они составляли большинство) строго соблюдала еврейские праздники и шабат (субботний день), регулярно посещала синагоги и молитвенные дома. Возведение синагоги, храма считалось приоритетной задачей еврейской общины. В Одессе к середине XIX в. существовало около 30 синагог и молитвенных домов, в которых числилось от нескольких десятков до 380 прихожан, а всего их было в 1855 г. 3960. В конце XIX в. в городе было более 60 синагог и молитвенных домов. «Главная синагога» и синагога Бродского выделялись своей архитектурой и являлись украшением города. В Кишиневе в начале XX в. было 59 синагог и молитвенных домов, по несколько синагог и молитвенных домов было даже в маленьких бессарабских городах и местечках: в Оргееве – 11, в Теленештах – 4, в Вад-Рашкове – 6 и др. Общественные синагоги иногда принадлежали какому-либо цеху. Так, в Кишиневе были синагоги бубличников, портных, стекольщиков, пекарей, приказчиков, бондарей, шапочников, мясников и др. Многие синагоги назывались по имени владельца дома (Ройтмана, Перельмутера, Гальперина и др.), так же и в Одессе (Немировского, Шестопалова, Баси Рублевой и др.)[41].

Очень часто при синагогах работали хедеры, в которых дети еврейской бедноты, да и состоятельных набожных евреев, получали первоначальные знания иврита и иудаизма. В Бессарабии в конце XIX в. было около 600 хедеров, в том числе 25 в Кишиневе. В городах со значительным числом евреев имелись ешивы, Талмуд Торы и другие сугубо религиозные учебные заведения. В 1844 г. в Одессе были созданы два раввинских училища, сотни молодых евреев получили религиозное образование в Кишиневской ешиве и Талмуд Торы. В Бессарабии даже в светских частных еврейских школах, а таких с 1839 до 1902 г. было 25, включая профессиональные, наряду с общеобразовательными дисциплинами, преподавали иврит, изучались Библия, Талмуд.

Богатые евреи и интеллигенция отправляли своих детей на учебу в государственные прогимназии и гимназии. В Одесском учебном округе в середине 80-х гг. XIX в. еврейские дети составляли треть всего состава школьников. В связи с принятием в 1874 г. нового воинского устава, отменившего рекрутскую повинность и предусматривающего

отсрочки от службы и льготные условия при прохождении службы в армии для лиц с полным средним и высшим образованием, и ортодоксальные семьи стали отправлять своих сыновей в государственные школы и высшие учебные заведения.

В 1860-е гг. активизируется еврейское торгово-промышленное и финансовое предпринимательство. Возникли целые династии преуспевающих промышленников и банкиров еврейского происхождения, удостоенных даже дворянских званий (бароны Гинзбурги – основатели банков в Петербурге, три брата Поляковых, построившие шесть железных дорог), сахарозаводчики Бродские и др. Еврейский капитал вкладывается в развитие мануфактурной, пищевой, кожевенной, табачной, мебельной промышленности, в экспорт за рубеж зерна, леса. В начале XX в. экспорт зерна через Одессу находился в значительной мере в руках местной еврейской буржуазии. В конце XIX – начале XX в. в Кишиневе из 38 фабрично-заводских заведений 29 принадлежали еврейским капиталистам, в том числе 6 из 7 паровых мельниц, 6 из 7 табачных фабрик и т. д. В Одессе, Кишиневе и в ряде других городов Новороссии и Бессарабии появились евреи-миллионеры – владельцы крупных промышленных предприятий, банкиры, арендаторы и др. Но больше половины проживавших на этих территориях евреев жили за чертой бедности, с большим трудом сводили концы с концами.

Основными занятиями евреев оставались торговля и ремесло. В Кишиневе, например, 67 % всех ремесленников города были евреями по национальности, примерно такое же положение было и в других бессарабских городах и местечках. В Одессе одних сапожников-евреев было 4000, портных и швей – 2500, ремесленников других специальностей (слесарей, жестянщиков, парикмахеров, ювелиров, столяров и др.) насчитывалось около 4500. Значительно больше евреев было занято в торговле, в Одессе одних торговцев вразнос было 5500. Столь непомерная доля еврейского населения, занятого в торговле, – отражение в значительной мере уродливых социальных условий проживания основной массы евреев в «черте оседлости». Наличие в Одессе оживленного порта также во многом определяло занятия населения, в том числе еврейского. Около 2500 евреев занималось извозом (биндюжники, извозчики), 12 000 – черной работой (грузчики, тачечники, уборщики и др.)[42]. В Одессе и Кишиневе был большой удельный вес евреев среди интеллигенции и специалистов высокой квалификации – врачей, фармацевтов, адвокатов, инженеров, учителей, журналистов, финансовых работников и др.

Резкий поворот к худшему для евреев начался после убийства народовольцами императора Александра II и вступления на царский престол Александра III, известного своей неприязнью к евреям. Спустя шесть недель после этого убийства по городам и местечкам «черты оседлости», в том числе Новороссии, прокатилась волна еврейских погромов. Вину за них царь Александр III возложил на самих евреев – жертв погромов. Ничего нового в этом не было, антисемитами евреи всегда объявлялись виновными во всех человеческих бедах, призыв «Бей жидов, спасай Россию!» не сходил с уст юдофобов. В отдельных городах и местечках России погромы были и до 1881–1882 гг., но такого широкого территориального охвата и частоты во времени – в 150 населенных пунктах шести губерний за два года – не было. В той же Одессе погромы были в 1821, 1859 и 1871 г.[43] Последний, продолжавшийся три дня, был спровоцирован одесскими греками-купцами, имевшими в лице евреев серьезных конкурентов в экспорте зерна, торговле бакалейными и другими товарами. Антисемитские элементы города и всякие деклассированные и уголовные элементы громили и грабили еврейские дома и лавки, убийств не было. В 1862 г. был погром в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский), на самом юге Бессарабии.

Как правило, антисемиты старались приурочить погромы к Пасхе, пустив в ход миф об использовании крови христианских детей для изготовления мацы. Этот кровавый

навет, рожденный на Западе, быстро перекочевал в страны Восточной Европы, не обошел он и Россию. На долгие годы затянулось рассмотрение «Велижского дела» о ритуальном убийстве евреями христианского мальчика, но из-за отсутствия доказательств пришлось его прекратить.

Особое старание в распространении легенды о еврейских ритуальных убийствах проявляли наиболее ретивые церковники. Духовенство изображало евреев «отступниками» от истинного Бога, изменниками и противниками христианства, виновниками распятия Христа, и во имя Бога и защиты христианства от неверных оно являлось порою вдохновителем и организатором еврейских погромов, гонений и преследований евреев.

В статье «Еврейский вопрос, как вопрос христианский» известный мыслитель Николай Бердяев, касаясь обвинений церковников в адрес евреев, пишет: «Во имя ли царства Христова ненавидят антисемиты еврейство и готовы его распинать? Это и есть еврейский вопрос. Антисемиты не менее, чем евреи, преданы еврейской мессианской идее, хотят могущества, власти, успеха, блаженства на земле без распятия и искупления, и они более привыкли царствовать, чем евреи. Еврейский дух сыграл огромную роль в создании капитализма и социализма... Но ведь и арийцы всех национальностей, принадлежащие к миру христианскому, этим духом соблазнены не менее евреев и восстают против евреев из чувства конкуренции... Таков парадокс еврейского вопроса, как вопроса христианского. Мы, русские, если мы еще и христиане, должны прежде всего осознать собственную вину и каяться в собственных грехах, а не исключительно винить во всем других, и прежде всего евреев. Погромный антисемитизм есть проявление слабости русского характера, неспособности мужественно отстаивать свои идеи и свой дух»[44].

Стимулом к погромам было и само российское законодательство, которое содержало многочисленные ограничения и запреты в многонациональной России только для евреев, подчеркивая этим, что они являются людьми второго сорта, нежелательными для властей элементами, о чем свидетельствовало и попустительство со стороны органов правопорядка к погромщикам, а порою и участие военных и полицейских в избиениях и ограблениях евреев. У самих евреев это рождало чувства постоянно унижения и обиды, страх за жизнь своих детей и родных.

В Новороссии, как и в других районах «черты оседлости», еврейские погромы начались в апреле 1881 г., в первые же пасхальные дни после убийства царя Александра II. 15 апреля страшный погром возник в Елизаветграде. В Ананьеве и в Ананьевском уезде произошли дикие грабежи и поджоги еврейских лавок и домов. В подстрекательных целях кто-то распространял слух, что царя-освободителя убили евреи. В Одессе погром продлился три дня, в какой-то момент стихая, чтобы возобновиться с новой силой, а вообще все протекало по обычному сценарию: грабили и уничтожали еврейские магазины, предприятия, еврейское имущество. Весной 1882 г. погромная волна накрыла Балту и многие населенные пункты Балтского уезда. К погромщикам присоединились некоторые солдаты и полицейские, было много убитых и раненых евреев, в том числе тяжело раненых, имели место факты изнасилования женщин. Бессарабию как-то обошла эта волна, попытка начать погром в Кишиневе 20 апреля 1881 г. была в зародыше подавлена. Возможно, сыграло свою роль и то, что «Бессарабские губернские ведомости» – единственная газета, выходившая в 1870–1880 гг. в этом крае, не вела антисемитской травли, а руководство местной православной епархии было настроено довольно миролюбиво. Наперекор кровавому потоку, в дни погромов были среди нееврейских жителей такие, которые помогали евреям, прятали их от разбушевавшихся хулиганов и грабителей. Сотрудник газеты «Одесские новости», в течение

20 лет следивший за общественной жизнью Кишинева, свидетельствовал: «Главный контингент христианского населения Кишинева это молдаване, народ очень добродушный и миролюбивый, относившийся к евреям далеко не враждебно... Лучшим примером могут служить 80-е годы (XIX в. – *И. Л.*), когда весь юг и юго-запад России были охвачены антиеврейскими беспорядками, когда под боком Кишинева в разных городах других губерний происходили погромы с неизбежными их последствиями – грабежами и убийствами. И город Кишинев чуть ли не единственный среди них город, зарекомендовавший себя в этом отношении с самой лучшей стороны – здесь антиеврейских беспорядков не было»[45]. На бытовом уровне столкновения имели место, но не перерастали в погромы.

Наступление на евреев шло в России по линии ужесточения запретительных мер. 3 мая 1882 г. были обнародованы пресловутые «Временные правила», запретившие евреям проживать вне городов и местечек, покупать недвижимость и арендовать земли. Созданная в 1883 г. и действовавшая до 1888 г. десятая по счету Комиссия по еврейскому вопросу во главе с графом К.И. Паниным пришла к выводу, что следует смягчить «Временные правила» в части аренды земли евреями, ибо запрет задевал интересы помещиков. Во всем остальном все осталось по-прежнему, даже добавились новые ограничения и запреты для евреев.

Погромы 1881–1882 гг. побудили упомянутого русского мыслителя Николая Лескова заняться темой «Евреи в России». Он констатирует: «...они до сих пор остаются неполноправными и неравноправными не только по сравнению с магометанами и даже язычниками... Прежде думали, что евреи могут вредить христианской вере, оспаривая ее догмы или порицая ее мораль. Но без усилий они опровергли это подозрение, доказали, что вере христианской вредить не намерены... Тезис о том, что там, где живет и действует еврей, там местное христианское простонародье беднее, не верно. Наоборот. Малороссийский крестьянин среднего достатка живет лучше, достаточнее и приятнее собственного положения крестьянина в большинстве мест великой России. Лучше как раз там, где живет жид... Ни в религиозном отношении (как совратитель), ни в экономическом нет причин оберегать от еврея великорусское население.

Говорят, «еврей распаивает народ»... Оказывается, что в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от пьянства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днепром, Вильною и Вислой. И так стало это не теперь, а точно так исстари было»[46].

В 1890 г. распоряжением министра внутренних дел евреи, которые, согласно «Положению 1846 г. о земских учреждениях», могли и действительно участвовали в земских избирательных собраниях и съездах, на сей раз от этого участия были отстранены. По мотиву «вредного влияния еврейского элемента на ход городского управления» в 1892 г. был объявлен запрет на избрание евреев в городские органы управления, а в городских думах число гласных не могло превышать одной десятой состава думы (ранее – одной трети). Еврей не мог быть присяжным заседателем в суде. Лицам иудейского вероисповедания, несмотря на обязанность поставлять рекрутов в армию даже в большем размере, чем всем другим национальностям и представителям другой веры, запрещалось состоять на государственной службе. Евреи, в соответствии с действующим воинским Уставом, не допускались к экзаменам на офицерский чин. Прием евреев в учебные заведения в «черте оседлости» стал ограничиваться процентной нормой (10 %), а многие учебные заведения, средние и высшие, были для них закрыты, в числе таких оказалось известное Кишиневское училище виноградарства и виноделия. Казен-

ные еврейские училища были к тому времени закрыты, а заменившие их начальные создавались скупо и неохотно. Распоряжениями 1883 и 1885 г. генерал-губернатора Новороссии был существенно ограничен прием евреев в гимназии.

Министерство внутренних дел требовало от акционерных обществ и товариществ включить в свои уставы пункты, ограничивающие или запрещающие участие евреев в управлении такими предприятиями. Евреи не могли участвовать в выборах коммерческих судов или со строгими ограничениями – в сословные и профессиональные органы: биржевые комитеты, купеческие, мещанские, ремесленные управы. Хотя евреи обычно составляли большинство ремесленников в городах и местах «черты оседлости», но еврей не мог быть ремесленным головой. За десятилетия, к середине 80-х гг. XIX в., накопилось более 600 законов, приказов, циркуляров, правил, разъяснений, каждый из которых содержал для евреев какие-то запреты и ограничения.

Погромы, гонения и преследования вызвали в конце XIX в. и до Первой мировой войны эмиграцию из России сотен тысяч евреев, большая часть устремилась в США. Уезжала, естественно, главным образом еврейская беднота. Многочисленные еврейские благотворительные организации, которые были почти в каждом городе и местечке, на чьи средства содержались дешевые и бесплатные столовые, больницы, сиротские дома и богадельни, не могли кардинально решить проблему бедности миллионов российских евреев «черты оседлости». Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., в целом по стране было 5 215 800 евреев (4 % населения страны). Одесская еврейская община, насчитывавшая в конце XIX в. 150 000 человек (34,4 % всего населения города), стала одной из крупнейших в Европе и мире. В Бессарабии, согласно переписи 1897 г., проживало 228,2 тыс. евреев (11,8 % населения области), в том числе в Кишиневе – 49,8 тыс. (45,9 % городского населения), Бельцах – 103 тыс. (66,9 %), Бендерах – 10,6 тыс. (33,4 %), Хотине – 9,2 тыс. (50 %), Сороках – 8,7 тыс. (56,9 %), Оргееве – 7,1 тыс. (57,8 %). Дискриминационные меры по отношению к проживающим в селах евреям привели в конце XIX в. к сужению реальной «черты оседлости» еврейского населения Бессарабии, к фактической концентрации его в 10–12 городах и 30 местечках (штетелях) губернии.

В конце XIX в. и в первое десятилетие XX в. положение евреев в России непрерывно ухудшалось. Сменивший на царском престоле Александра III его сын Николай II ужесточил антисемитский курс своего отца. Ко всем известным обвинениям в адрес евреев добавилось еще одно: они занимают ведущие позиции в революционном движении, направленном против царя и его правления.

Вовлечение евреев в русское освободительное движение, направленное против самодержавия, происходило постепенно. В первой половине XIX в. евреи в нем практически не участвовали, в стане русских революционеров они стали появляться в середине века. Это была еврейская молодежь, решительно порвавшая со своей традиционной средой, считавшая, что их участие в ликвидации самодержавия приведет к эмансипации еврейства.

Евреи были среди народовольцев, а в конце XIX – начале XX вв. в Одессе, Кишиневе и других городах юга России евреи были представлены во всех общероссийских партиях разной ориентации. Были евреи среди конституционных демократов (кадетов), социалистов-революционеров (эсеров), анархистов, социал-демократов меньшевиков и в меньшей мере вначале среди большевиков. Были и национально ориентированные еврейские революционные группы. Много членов насчитывали бундовские организации Одессы и Кишинева. Говорить о какой-то единой «еврейской» политике не приходится.

Определенная, и немалая, часть еврейской молодежи сомневалась в том, что революция сможет решить национальные проблемы еврейства. Их взоры обратились к иде-

ям Теодора Герцеля о возрождении еврейского государства на исторической родине, в Палестине.

В 80-е гг. XIX в. зародились сионистские организации на Одесщине и в Бессарабии. В Кишиневе было создано отделение «Ховевей Цион» («Любящие Цион»), возглавляемое будущим первым мэром Тель-Авива Меиром Дизенгофом. В Бельцах в 1885 г. было основано общество «Друзья заселения Эрец Исраэль», преобразованное через два года в отделение «Ховевей Цион», насчитывавшее 120 членов. Группы этой сионистской организации действовали в Оргееве, Сороках, Фэлештах, в ряде других городов и местечек Бессарабии и Херсонской губернии. Весной 1888 г. 25 еврейских семей из северных районов Бессарабии отправились в Палестину и поселились в Ришон Ле Цион. Власти не препятствовали эмиграции евреев.

В 1890 г. под эгидой Одесской «Ховевей Цион» в городе состоялось официальное собрание представителей этой сионистской организации, ставшее фактически всероссийским съездом. Бессарабия была представлена 6-ю делегатами, среди них был врач Яков Бернштейн-Коган, один из создателей и активных участников Всемирного сионистского конгресса (1897 г.)[47].

В обстановке дискриминации и вечного гонения, непрерывного страха стать жертвой кровавых погромов сторонников сионизма становилось все больше, особенно среди евреев малых городов и местечек. Не случайно среди первых переселенцев в Палестину были евреи из России.

В начале XX в. удобным предлогом для ужесточения властями своей традиционной антисемитской политики был использован экономический кризис 1900–1903 гг. и последующая депрессия, охватившая промышленные районы России, которые распространились в Новороссии и Бессарабии, сопровождались разорением и закрытием многих промышленных предприятий и ремесленных мастерских, особенно мелких и средних, ростом безработицы, обнищанием крестьян, ростом революционного движения, направленного против самодержавного строя. Пытаясь отвлечь рабочих и крестьян от антиправительственных выступлений, власти стали разыгрывать «еврейскую карту», переложив все беды народа на евреев. Особенность правительственной политики в еврейском вопросе в начале XX в. состояла в том, что в деле разжигания антисемитизма и за спиной организаторов погромов стояла царская администрация, субсидирующая создание черносотенных организаций («Союза русского народа») и пропаганду через печать. Издаваемая в Кишиневе с 1899 г. юдофобом П.А. Крушеваном газета «Бессарабец», злобные антисемитские статьи, брошюры самого П.А. Крушевана, известного местного антисемита Г.А. Пронина и других черносотенцев открыто призывали к расправе над евреями. Когда обратили внимание властей на опасность агитации П.А. Крушевана и его компании, начальник Главного управления по печати заявил, что «направление и деятельность Крушевана имеют здоровую основу и что прекращение его издания («Бессарабца» – *И. Л.*), с правительственной точки зрения, нежелательно». Для идеологического обоснования готовившейся кровавой акции были опубликованы пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», фальшивость которых была неоднократно разоблачена.

Накануне христианской Пасхи в апреле 1903 г. по Кишиневу расползлись слухи о готовящемся еврейском погроме. Руководители еврейской общины города обратились к городским и губернским властям с просьбой принять меры и не допустить погрома. Но те отделывались обещаниями и практически ничего не предприняли. Хотя евреи не имели никакого отношения к убийству 9 февраля 1903 г. в Дубоссарах неизвестными лицами христианского мальчика, что было доказано следствием и публично опровергнуто, специальные агитаторы и крушеванская пресса продолжали упорно рас-

пространять измышления о ритуальных убийствах евреями, с леденящими душу подробностями описывали злодейство в Дубоссарах, совершенное евреями. Поверив этим слухам, 3 марта в с. Туманово (Павловка) Тираспольского уезда толпа (человек 200) с криками «Бей жидов!» учинила на местном рынке погром, избивая евреев, громя их лавки и лотки, разворовывая их товары.

За несколько дней до христианской Пасхи, не позднее 30 марта 1903 г., черносотенцы распространили листовку, обращенную к «братьям христианам». Начинается она с перечисления всего набора еврейских грехов: «Христос-Спаситель, замученный евреями»; «подлые жиды каждый год проливают невинную кровь крестианскую, выпускают ее и употребляют для своих обрядов»; «они распяли в Дубоссарах христианского мальчика» и «власти невольно пишут, что ничего такого не было»; «они хотят завладеть Россией» и «будет не Россия, а Жидовня»; «хотят возбудить народ против нашего царя-батюшки». В заключение этого «произведения» читаем: «Во имя нашего Благочестивейшего царя-батюшки, пекущегося о своем народе... воскликнем в этот наш великий праздник: «Долой жидов, бей этих подлых выродков, кровопийц, упивающихся русской кровью». Напомните им погром в Одессе (1881 г. – *И. Л.*), когда даже войска помогали народу, да и теперь помогут, так как наше христолюбивое русское воинство еще не ожидовилось. Помогите нам, братья: бейте их, этих подлых жидов. Уже нас много»[48].

Три дня, 6–8 апреля 1903 г., пьяная, невежественная, обезумевшая толпа на глазах, под защитой и при участии полицейских, попустительстве высокого начальства громила еврейские лачужки, лавки и ларьки, уничтожала и грабила товары, домашнее имущество, убивала и калечила людей, в том числе детей. Итог антисемитской бойни: 49 убитых, в том числе ребенок, около 50 раненых, более 1350 разоренных домов, свыше 500 разрушенных магазинов и лавок, школ и молитвенных домов.

Кишиневский погром – первая грандиозная юдофобская кровавая акция XX в. – вызвал не только резкий протест евреев, но и осуждение прогрессивных демократических сил России и всего цивилизованного мира. Митинги и собрания протеста, запрещенные в России, прошли во многих городах мира, в них принимали участие люди разных политических партий, движений, конфессий, государственные деятели. Общественность США, в первую очередь влиятельная еврейская общественная организация «Бней-Брит», добилась отправки Госдепартаментом в адрес Николая II петиции протеста по поводу кишиневского погрома. В относительно короткий срок в помощь жертвам погрома в России и других странах была собрана внушительная для того времени сумма в размере миллиона рублей[49].

Во «Введении» (автор К.Л. Жигня) сборника документов и материалов «Кишиневский погром 1903 года» отмечается: «Кишиневский погром 1903 года имел важные исторические последствия. Во-первых, мировая общественность получила убедительное подтверждение реакционной сущности российского политического режима, одним из проявлений которой были дискриминация и преследование евреев... Во-вторых, трагические события в Кишиневе способствовали укреплению движения за создание самостоятельного еврейского государства... В-третьих, погром способствовал росту рядов и активизации действий национальных еврейских и общероссийских социалистических партий, широко использовавших уроки кровавых событий в Кишиневе (а затем и в Гомеле) в своей пропагандистской работе. В Бессарабии, как и во всей черте оседлости, в организации Бунда, «Поалей-Цион», РСДРП, партии эсеров влился новый поток еврейской молодежи... В-четвертых, кишиневский погром 1903 года оказался определенной вехой в изменении менталитета и общественного поведения широких масс российских евреев, в том числе и бессарабских. Он практически полностью уничтожил

веру в то, что царское правительство может и хочет защищать евреев от посягательств на их жизнь и имущество. Сразу же после погрома во многих городах и местечках возникли отряды еврейской самообороны...»[50].

Между тем кризис царского самодержавия продолжал усугубляться изо дня в день. Поражение России в войне с Японией вызвало глубокое недовольство в стране. Народные массы бедствовали. После расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации у Зимнего дворца в Петрограде в России началась революция, первая в XX в. Стачечное движение в городах и выступления крестьян, охватившие треть губерний России, нарастали с каждым днем. В Октябрьской всероссийской стачке приняло участие более двух миллионов рабочих и тысячи служащих. Некоторые тогдашние видные политики из царского окружения (Витте, Столыпин и др.) понимали, что ради спасения монархии следует пойти на определенную либерализацию общественно-политической жизни в рамках конституционной монархии, в том числе на смягчение политики в еврейском вопросе. Но в том же царском окружении преобладали реакционные и весьма влиятельные деятели, которые, как и сам царь, цеплялись за старое, делая упор на повсеместное насаждение и активизацию деятельности черносотенных организаций. 18 февраля 1905 г. царь подписал Манифест о создании «патриотических» партий. Вскоре они стали создаваться под эгидой полицейских органов в ряде городов юга России (Одессе, Кишиневе и др.). В течение февраля–апреля 1905 г. в одном Кишиневе были созданы: «Кишиневские русские патриоты» («Круповцы»), «Массажисты», «Бессарабская патриотическая лига».

Под натиском революции 17 октября 1905 г., в разгар Всероссийской политической забастовки, царь обнародовал свой Манифест, содержавший много обещаний, в том числе о созыве законодательной Думы, о предоставлении народу политических прав и т. д. В свете этого документа и евреям полагалось предоставить гражданские права. Вместо этого буквально на второй день после оглашения Манифеста на евреев обрушились погромы. Революция выдавалась черносотенцами за еврейское детище. Погромы, по их замыслу, должны были демонстрировать, будто рабочие и крестьяне не принимали «жидовскую крамолу» против царя-батюшки. В Украине и Бессарабии в течение первых двух недель после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. погромная волна охватила сотни населенных пунктов. В Одессе от рук черносотенных банд было убито и ранено более 400 евреев[51], с невероятной жестокостью детей выбрасывали с верхних этажей на мостовую, брали за ноги и били головой о стену, не щадили женщин и стариков. Погромы прошли в Кишиневе, Аккермане, Измаиле, Кагараше, Оргееве и др., они захлестнули десятки местечек и сел Бессарабской, Херсонской и Подольской губерний.

После осенних погромов 1905 г. они, хоть и не в такой степени, повторялись то тут, то там. В сущности, правовое положение евреев оставалось прежним. В 1910 г. на приеме у главы российского правительства П.А. Столыпина была делегация раввинов во главе с главным раввином Бессарабии Л. Цирельсоном. П.А. Столыпин сказал, что «если евреи будут преданы царю, они могут надеяться на улучшение своего положения в будущем»[52]. Но до второй, февральской 1917 г., русской революции положение оставалось без изменений.

Сопоставляя положение евреев в Румынии и России, можно заключить, что оно мало чем отличалось, преобладало общее. И в Румынии, и в России антисемитизм был государственной политикой. Вызванный чувством конкуренции, он проявлялся в экономике, культуре и образовании, а религиозный антисемитизм или, точнее, антииудаизм еще сильнее подпитывал повседневный бытовой антисемитизм. Что касается расового антисемитизма, то накануне Первой мировой войны ни в России, ни в Румынии

его как распространенного явления не было. Стоило еврею принять христианство, и он уже не причислялся к еврейской общине, на него не распространялись запреты и ограничения, наложенные на евреев, иными словами: не еврейское происхождение, а вероисповедание определяло правовое положение лица в государстве.

В более благоприятных условиях находились евреи Буковины в составе Австрийской империи. Ко времени отторжения этого края от Молдавского княжества и передачи Австрии (1775 г.) в нем проживало всего 526 (2100 человек) еврейских семей. Но численность евреев, как в результате естественного прироста, так и, главным образом, за счет притока из бывших польских владений, за век увеличилась до 80 000–85 000 человек.

В 1867 г., после подписания соглашения о создании дуалистической Австро-Венгерской монархии, в стране на какое-то время наступил экономический подъем. В Буковине с ее известными лесами ценных пород получили большое развитие лесная и деревообрабатывающая промышленность, значительная часть предприятий этой отрасли, а также мукомольной, текстильной и др., принадлежала евреям. В Трансильвании, объявленной в том же 1867 г. составной частью Венгрии, большое развитие с участием еврейского капитала получило железнодорожное строительство, а также отрасли, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства. Промышленными центрами с участием еврейского капитала стали Арад, Тимишоара. Здесь были построены мукомольные предприятия, паровые мельницы, спиртоводочные заводы. В Банате на базе значительных месторождений каменного угля и железной руды в Анине и Решице выросли угольная база и металлургический комбинат.

Судьба еврейского населения Габсбургской империи была, естественно, тесно связана с судьбой всех остальных народов «Лоскутной империи», раздираемой острыми национальными противоречиями. В районах компактного проживания румын, сербов, хорватов, итальянцев, чехов, словаков, поляков, украинцев с каждым днем нарастали сепаратистские движения. В этих условиях для властей еврейский вопрос, несмотря на многочисленность еврейского населения, не был острой и первостепенной проблемой, требующей особого решения. Еврейская община обладала национально-культурной автономией, евреи имели гражданские права, более того, в годы долголетнего царствования императора Франца-Иосифа пользовались его расположением к себе. Евреи имели право использовать свой язык, иметь свои школы, больницы, приюты, театры и культурные учреждения, строить синагоги и исповедовать свою религию. Как граждане евреи могли учиться в государственных школах и высших учебных заведениях страны, занимать государственные посты, в том числе видные, даже в армии. На почве конкуренции в экономике проявления антисемитизма были, присутствовал религиозный и бытовой антисемитизм, но не было, как в России и Румынии, государственного, громких погромов, сопровождаемых убийствами и дикими грабежами.

Первая мировая война изменила судьбы многих государств, в том числе и еврейского населения этих стран. В феврале 1917 г. в результате второй буржуазно-демократической революции рухнуло царское самодержавие. Задавленные и униженные антисемитской политикой царизма, евреи России приветствовали победу революции и декрет Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Пришел конец и проклятой «черте оседлости», и действиям других антиеврейских дискриминационных законов царских времен. Евреи были неизменными участниками многочисленных митингов, собраний, демонстраций, прокатившихся по городам и селам края. Как и среди других национальностей, у евреев были свои правые и левые, умеренные и экстремисты, правоцентристы и левоцентристы.

Февральская революция, отменившая закон 1892 г. о запрещении евреям избирать и быть избранными в городские органы, открыла им доступ во все местные структуры власти. Резко возрос удельный вес евреев в городских органах самоуправления после всеобщих выборов летом 1917 г., тайных и прямых, проведенных в Одессе, Кишиневе, Бендерах, Бельцах и других городах Херсонской, Бессарабской и Подольской губерний.

Не дремала и реакция. Антисемиты под вывеской «Союза христиан» возрождали черносотенный «Союз русского народа». «Пьяные бунты» иногда выливались в антиеврейские вылазки. И хотя Бессарабии кое-кто стал предрекать роль русской Вандеи, не антисемиты определяли общественные настроения.

В Одессе, Кишиневе и других городах евреи занимали ведущую роль в деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов, представляя в них Бунд объединенных организаций социал-демократов (чаще меньшевиков, изредка большевиков), социалистов-революционеров (эсеров), в основном правых. Видную роль играли представители еврейских предпринимателей и интеллигенции в партии либеральной буржуазии – «Народной свободы» (кадетов). Из 78 кандидатов в гласные кишиневской думы по списку кадетов 18 были евреями, из них в августе шестеро прошли в Думу, двое из шести являлись членами бюро кишиневской организации «Народной свободы»[53].

Но были, кроме Бунда, и другие, чисто еврейские партии: Еврейская народная партия, Еврейская социал-демократическая партия «Поалей Цион», «Мизрахи», «Ценрей Цион» и др. Эти сионистские организации после февраля 1917 г. заметно активизировали свою деятельность, участвуя в работе местных органов управления. В Кишиневской Думе от сионистских организаций города было 11 гласных. Но главной для сионистских организаций оставалась пропаганда идеи создания еврейского национального государства на исторической родине и репатриации туда евреев из России. В первой половине апреля 1917 г. сионистская организация Кишинева устроила в здании городского цирка грандиозный митинг, на котором присутствовало около 2000 человек. Зал был убран шелковым материалом цвета еврейской национальной символики (белый и голубой), на щите еврейского национального герба («Щит Давида») красовался портрет покойного вождя сионизма Т. Герцеля. На иврите хор спел «Вечную память» и «Марсельезу». По инициативе и по примеру Одесского палестинского комитета в Кишиневе и других городах проводился сбор средств для пострадавших от войны в Палестине евреев, оказавшихся в критическом положении. Но сионистские организации не стояли в стороне и активно участвовали в решении еврейских проблем на местах. После февраля 1917 г. в Одессе, Кишиневе и других городах и местечках Бессарабской, Херсонской и Подольской губерний были открыты сионистские клубы, отделения общества «Тарбут» («Культура»). На еврейской улице шли острые дискуссии, на каком языке вести преподавание в еврейских школах. Идишисты настаивали, чтобы им был идиш (на нем говорили 95 % местных евреев), гебраисты ратовали за древнееврейский (иврит), в расчете на то, что рано или поздно всем придется вернуться на историческую родину, в свое еврейское государство[54].

После вступления Румынии в Первую мировую войну в августе 1916 г. и образования впоследствии Румынского фронта, куда на помощь Румынии были направлены русские дивизии, Бессарабия, да и Одесса, стали прифронтовыми районами со всеми вытекающими отсюда сложностями для местного населения, в частности разгулом пьяных солдат русской армии, от которых страдало местное население, а для евреев они иногда кончались антисемитскими вылазками. Поскольку в связи с военными действиями на территории румынской Молдовы граница вдоль р. Прут была весьма прозрачной, бывало, что на бессарабской территории оказывались евреи – солдаты румынской армии, рассказывавшие об издевательствах над ними антисемитов, которых

было полным-полно среди румынской военщины. В Кишиневе летом и осенью 1917 г. состоялись два многолюдных митинга протеста, организованных еврейскими организациями города против юдофобской политики правителей Румынии. Естественно, наслышавшись о царившем в этой стране антисемитизме, бессарабские евреи, познавшие после свержения царизма свободу и равноправие, с опаской за свое будущее воспринимали слухи, участившиеся после прихода к власти в 1917 г. большевиков, о возможном вступлении румынских войск в Бессарабию. Эти опасения подтвердились в январе 1918 г. И. Антонеску, в то время подполковник румынской армии и свидетель январских событий 1918 г., уже будучи главой румынского государства, на одном заседании в начале декабря 1941 г., распекая высокопоставленных чиновников государственного аппарата за расхищение еврейской собственности, вспомнил: в 1918 г. «определенные господа творили такой же грабеж, брали жидов из Кишинева, отвозили в Криулень (местечко на берегу Днестра – *И. Л.*), расстреливали их, грабили и бросали в воду»[55]. Такое творилось с евреями и в других населенных пунктах Бессарабии. Некоторые евреи, и не только евреи, известные в крае как общественные и политические активисты, спасаясь от расправ со стороны румынской военщины, бежали за Днестр, в основном в Одессу. Евреи – беженцы из Бессарабии образовали в этом городе Объединенный еврейский политический комитет, в состав которого вошли представители разных партий и групп: сионистов, Еврейской национал-демократической, Еврейской народной, «Ценрей Цион» и др. На собрании этого комитета был заслушан доклад бывшего мэра Кишинева А.К. Шмидта «О положении населения Бессарабии под румынской властью» и принята резолюция, в которой рассматривается приход румынской армии в Бессарабию как «акт грубой силы, лишенный каких-либо правовых признаков», признается «необходимым установление – впредь до разрешения политической судьбы Бессарабии путем свободного волеизъявления – контроля международной комиссии для ограждения бессарабского населения от неправомерных действий румынских властей»[56].

Тем временем в самой Одессе и на всей территории междуречья Днестр–Южный Буг в 1918–1920 гг. положение было чрезвычайно сложным. В феврале 1918 г. началось наступление австро-германских войск на территорию Украины, к середине марта 1918 г. они заняли Одессу и прилегающие районы левобережья Днестра, опираясь в своей деятельности сначала на аппарат Центральной Рады, а после ее разгона – гетмана П.П. Скоропадского, бывшего царского генерала. По отношению к евреям австро-германские оккупационные войска вели себя корректно, отсюда у кое-кого из старшего поколения одесских евреев в 1941 г. было сомнение в том, что немцы, народ цивилизованный, убивают евреев. Но в условиях немецкой оккупации, при гетмане П.П. Скоропадском, кое-где происходили антиеврейские эксцессы.

После поражения в Первой мировой войне австро-германского блока и ухода их армий с Украины в Одессу, Херсон высадились войска Антанты (французы, греки и др.), они же через Бессарабию (Бендеры) заняли левый берег Днестра южнее Тирасполя. В подавлении советской власти участвовали и румынские войска, а севернее действовали петлюровские части, в ряде мест и польские легионеры. В конце августа 1919 г. Одессу и примыкающие районы наводнили белогвардейские полки армии генерала А.И. Деникина.

Еврейские погромы, учиненные в 1918–1919 гг. в Украине вооруженными формированиями С. Петлюры и бандами Н. Махно, Н. Григорьева и других атаманов, по числу человеческих жертв и размаху грабежей во многом напоминали разбойные действия казаков Богдана Хмельницкого в середине XVII в. И на сей раз пытали и убивали беззащитных людей всех возрастов, насиловали женщин, поджигали еврейские дома, иногда вместе с их обитателями, разрушали синагоги, отнимали драгоценности и просто до-

машние вещи и т. д. Атаман Григорьев в своем «универсале» призывал своих молодчиков грабить Одессу с ее многочисленным еврейским населением до тех пор, пока оно станет маленьким[57].

Изначально в белом движении не было открытых антисемитских выступлений. Они получили развитие под воздействием традиционных антисемитских настроений в казацкой среде и в Украине, подпитывались тем, что среди комиссаров Красной армии и на руководящих постах пресловутого ЧК (Чрезвычайный Комитет) было много евреев, и с этим связывали развернувшийся в стране красный террор, объявленный декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) от 5 сентября 1918 г. В Одессе и на прилегающей территории, контролируемой деникинцами с конца августа 1919 и до марта 1920 г., евреев устраняли от гражданских должностей, немногие офицеры-евреи (в основном, врачи) из деникинских частей были уволены, кое-где казаки белогвардейских полков осуществляли над евреями акты насилия. Было немало случаев, когда к погромам подстрекало местное духовенство, хотя глава Православной церкви патриарх Тихон 21 июля 1919 г. осудил насилия против евреев и оценил их как преступления.

В Одессе в годы Первой мировой и гражданской войны в Украине в результате потерь на фронте, погромов, голода, болезней, а также отъезда в эмиграцию численность еврейского населения уменьшилась почти наполовину. Точно определить число евреев, погибших в погромах в эти годы, не представляется возможным.

Правительство большевиков, возглавляемое В.И. Лениным, не допускало открытого проявления антисемитизма, тем более погромов. В условиях, когда почти вся русская интеллигенция отвергала власть большевиков, старый чиновничье-государственный аппарат бойкотировал распоряжения Совнаркома и органов советской власти в провинциальных центрах, должности в государственных учреждениях стали заполняться евреями. Это тоже подливало масло в огонь. Да и среди коммунистов было немало антисемитски настроенных лиц, а в рядах Красной армии – полным-полно. Бывали случаи, что красноармейцы устраивали погромы, как, в частности, было 2 мая 1919 г. в Одессе. При этом имели место жуткие сцены. В 1920 г. во время советско-польской войны Первая конная армия С. Буденного при отступлении через Украину учинила на своем пути еврейские погромы, грабя и убивая беззащитных людей.

Хрупкая советская власть остро нуждалась в поддержке 5 миллионов евреев, занимающих по численности пятое место среди народов, населяющих Россию. 19 января (1 февраля) 1918 г. был принят «Декрет об учреждении еврейского комиссариата», при ЦК РКП(б) создана Еврейская секция (Евсекция). 25 июля 1918 г., выступая с докладом на заседании Совета Народных Комиссаров (Совнаркома), В.И. Ленин потребовал от всех Советов на местах решительно пресекать антисемитизм и погромы. Евсекции выделялись средства для оказания помощи евреям, пострадавшим от погромов.

Но перед Евсекцией стояла еще одна задача: проводить в жизнь политику Коммунистической партии по интегрированию евреев в новую систему, то есть в ее «коммунизацию» и «советизацию» еврейского населения путем ликвидации его культурной обособленности, искоренения еврейской религии, традиций сионизма и языка иврита.

И эту политику Евсекция последовательно проводила в жизнь. По окончании гражданской войны Евсекция пополнилась за счет влившихся в РКП(б) активистов левого крыла Бунда, непримиримость к сионизму которых была хорошо известна. Сионизм был объявлен пособником еврейской буржуазии и врагом еврейского пролетариата, вся культура на языке иврит – «реакционной», «антинародной». Ивритоязычные писатели стали предметом травли, многие, в том числе известный еврейский писатель Х.Н. Бялик, вынуждены были уехать из Советской России. Попытки М. Горького взять под защиту литературное наследие на иврите не увенчались успехом[58].

До кануна Второй мировой войны евреи, считавшиеся наиболее лояльными гражданами советского государства и строя, могли и занимали самые высокие должности в государственном и партийном аппарате, в том числе в правоохранительных и внешнеполитических органах, иногда в силу более высокого образовательного и профессионального уровня даже имели приоритет в занятии должности. Еврейская молодежь могла получать образование в любых учебных заведениях страны. Многие евреи возглавляли важные промышленные предприятия и стройки, были широко представлены в учреждениях науки, культуры, образования, средствах массовой информации. Антисемитизм квалифицировался как «пережиток капитализма и прошлого», был даже уголовно наказуемым.

Преуспевание евреев в 20–30-е годы прошлого века вызвало, конечно, у многих неевреев зависть и неприязнь к ним. Их считали проводниками и ответственными за сталинские жестокие репрессии 1930-х гг., хотя среди их жертв процент евреев был велик. Бытовой антисемитизм тлел и вспыхнул в дни войны.

Следует признать, что коммунистическая власть во многом преуспела в том, что не удалось дореволюционным властям: в ассимиляции евреев, особенно молодого поколения, в полной ликвидации еврейского общинного устройства, большинства синагог, религиозных праздников и еврейских традиций, их, чаще тайком, соблюдали только евреи старшего поколения.

Накануне Великой Отечественной войны в некоторых городах и местечках Украины еще сохранялись еврейские школы с преподаванием отдельных предметов на языке идиш. В 1940–1941 гг. существовало определенное число таких школ в Бессарабии и Северной Буковине. Были еврейские театральные труппы, газеты и журналы, но в общем в 30-е годы XX в. в СССР наблюдался упадок во всех областях еврейской национальной жизни.

После заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. И.В. Сталиным был взят новый курс в еврейском вопросе. В беседах В.М. Молотова с писателем Феликсом Чуевым, имевших место в течение 17 лет – с 1969 по 1986 г., изданных в книге под названием «Сто сорок бесед с Молотовым», был, естественно, затронут и еврейский вопрос. В.М. Молотов рассказывал: «В 1939 году, когда сняли Литвинова (нарком иностранных дел М.М. Литвинов был уволен с занимаемой должности 2 мая 1939 г. – *И. Л.*), и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: «Убери из Наркомата евреев...». Сложилось так, что среди руководства Наркомата и среди послов было много евреев, ибо старые кадры дипломатов перешли в стан противников большевиков.

Сталинский кровавый меч ударил даже по семейным отношениям своего ближайшего окружения. В.М. Молотов по этому поводу говорил: «Бухарин, когда был исключен, сменил семью, женился на молодой девушке, красивой еврейке. Не дали ему пожить... У многих жены евреи – у Ворошилова, Андреева, Рыкова, Кирова, Калинина...». И. Сталин по-своему распорядился: он отправлял в лагеря не только жен «врагов народа», но и жен своих соратников. Как известно, в 1949 г. и жена В.М. Молотова, еврейка П.С. Жемчужина, угодила в лагерь, да и сам В.М. Молотов был на волоске.

Нападение гитлеровской Германии на СССР и неудачи Красной армии в первый период войны заставили И. Сталина на какое-то непродолжительное время отложить реализацию замышляемой большой чистки партийного и государственного аппарата от евреев. Но, как известно, отсрочка была недолгой, вскоре антисемитизм стал в СССР государственной политикой, причем на долгие годы. Одним из проявлений этого позорного явления явилось замалчивание Холокоста, фактический запрет на его исследование и освещение.

§ 2. «Еврейский вопрос» в послеверсальской Румынии

Версальская система мирных договоров, подводившая итоги Первой мировой войны, превратила сравнительно небольшое довоенное румынское государство в «Великую Румынию», как сами румыны стали называть свою страну. В границы новой Румынии влились Трансильвания и Буковина из состава распавшейся Австро-Венгерской монархии, и Бессарабия, входившая до начала 1918 г. в состав Российской империи. Общая площадь Румынии увеличилась со 137 тыс. км^2 до 295 тыс., население – с 7234 тыс. (по переписи 1912 г.) до 18 053 тыс. (по переписи 1930 г.).

В новом румынском государстве резко возросла численность еврейского населения. Из бывших до начала Первой мировой войны владений Австро-Венгрии (румынские провинции Трансильвания, Банат, Буковина, Кришана, Марамуреш) в состав «Великой Румынии» влились, согласно переписи населения 1910 г., 287 487 жителей еврейской национальности. В Бессарабии, как уже отмечалось, согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., проживало 228 200 евреев (11,8 % всего населения губернии), но в конце XIX – начале XX в. из-за антисемитской политики царизма и еврейских погромов в 1903 и 1905 г. тысячи бессарабских евреев эмигрировали, главным образом, в Америку. В «Бессарабском статистическом словаре» приводятся цифры о численности еврейского населения Бессарабии в 1917 г. – 314 800; в 1919 г., то есть уже при румынской администрации, всего жителей области было 2 642 000, в том числе евреев 267 000 (10,1 %). Отчасти рост по сравнению с концом XIX в. следует отнести за счет евреев – беженцев с Украины, искавших спасение от погромов, учиненных петлюровцами, деникинцами, махновцами и всякими бандитами, которые в годы гражданской войны в России, Украине и других местах империи занимались убийствами и грабежами. В последующие годы большинство этих евреев-беженцев, снабженных так называемыми «паспортами Нансена», покинули Румынию и обосновались в других странах.

Суммируя приведенные официальные данные, можно ориентировочно определить, что к моменту открытия в январе 1919 г. Парижской мирной конференции в Румынии, включая присоединенные территории, проживало 760–770 тыс. евреев.

Вопрос о статусе евреев Румынии стал предметом обсуждения еще в ходе Первой мировой войны. Он поднимался в феврале-марте 1918 г. в Буфте (пригород Бухареста) во время переговоров о заключении Румынией сепаратного мирного договора с державами Четвертного союза. Немцы пытались внести в договор пункт об обязанности Румынии предоставить гражданские права евреям. В румынском парламенте А. Куза и его антисемитские единомышленники подняли настоящий бунт. Требование немцев было отклонено.

Предвидя осложнения по «еврейской проблеме» на Парижской мирной конференции, открытие которой было назначено на январь 1919 г., декретом-законом № 3902 от 30 декабря 1918 г. правительство разрешило местным административным органам, а не только парламенту, как предусматривала конституция 1879 г., решать вопрос о гражданстве евреев Старого королевства[59].

В мае 1919 г. Ж. Клемансо, премьер-министр Франции и председатель Конференции в Париже, напомнил главе румынской делегации Ионелу Брэтиану, что Румыния не выполнила предписания Берлинского конгресса о предоставлении гражданства евреям. Прибывшая в Париж делегация румынских евреев во главе с Адольфом Штерном рассказала о подлинном положении местных евреев. Правительство И. Брэтиану предприняло еще один маневр, фактически затягивающий решение вопроса о гражданстве евреев. 28 мая 1919 г. появился декрет-закон № 2085, согласно которому не «местные

органы» вообще, а именно судебные были наделены правом принимать прошения и выдавать сертификаты о румынском гражданстве лицам еврейской национальности. Речь фактически шла о получении гражданства страны[60] так называемыми евреями-туземцами (pământeni) и только.

Осложнения появились на конференции в Париже при обсуждении вопроса о предоставлении гражданских прав национальным меньшинствам, в первую очередь евреям, присоединенных территорий. На заседании «Совета десяти» 8 сентября 1919 г. при обсуждении договора с Австрией было объявлено об отказе румынской делегации, возглавляемой Ионелом Брэтиану, признать статью договора относительно прав национальных меньшинств[61]. В знак «протеста» в сентябре 1919 г. правительство И. Брэтиану ушло в отставку. Сменившие у кормила государства правительство И. Брэтиану кабинеты генерала А. Вэйтояну, находившегося у власти два месяца, и генерала Коанды были лишь ширмой для национал-либеральной партии (НЛП).

В конечном счете, поскольку от предоставления прав национальным меньшинствам зависело признание державами за Румынией территориальных приобретений, официальному Бухаресту пришлось уступить. В договор с Австрией, подписанный в Сен-Жермене 10 сентября 1919 г., были внесены статьи (ст. 70 и след.), предусматривающие обязанность румынского государства предоставить гражданство всему туземному населению присоединенной территории. Соответствующие статьи были внесены также в Трианонский договор (статьи 61–66) с Венгрией от 4 июня 1920 г. Подписанный 9 декабря 1919 г. «Договор о меньшинствах» признал право на гражданство всех рожденных и проживающих на территории страны (то есть Старого королевства и на присоединенных территориях), но при этом не имеющих гражданства другого государства. В «Договоре» выделена специальная статья (№ 7) касательно прав евреев на гражданство: на это имели право «евреи, которые проживали на территории страны и не обладали никаким иностранным подданством»[62].

Относительно присоединенных в 1918 г. к Румынии территорий речь шла о евреях, которые жили: в Бессарабии до 27 марта (9 апреля) 1918 г., то есть до принятия решения «Сфатул Цэрий» («Краевого Совета») о вхождении области в состав Румынии; в Буковине до 15 (28) ноября, когда «Генеральный конгресс» провозгласил «безусловное и навеки присоединение Буковины в ее древних границах до Черемуша, Калачина и Днестра к государству Румынии»; в Трансильвании до 1 декабря 1918 г., когда в г. Алба-Юлия Великое национальное собрание области приняло Декларацию о присоединении к Румынии.

Начальник 1-го отдела Генштаба полковник Е. Боереску и начальник бюро исследований и законодательства подполковник В. Селеску в своем пространном «Исследовании по еврейской проблеме в Румынии», составленном при власти маршала И. Антонеску, утверждают, что «по причине того, как было осуществлено предоставление гражданства, открывалась самая широкая возможность получения его мошенническим способом», что Договор о меньшинствах придал «легальный юридический статус всем евреям и чужакам – беженцам из Советской России, из Галиции и даже из революционной Венгрии»[63]. Как будет показано дальше, усиленно муссировавшееся антисемитскими кругами утверждение о «нашествии» в Румынию сотен тысяч евреев с вышеуказанных территорий, получивших якобы «мошенническим способом» румынское подданство, послужившее поводом для пересмотра и лишения гражданства в конце 1930-х гг. трети общего числа евреев – жителей Румынии, отвергается данными о динамике еврейского населения в стране.

Всерумынская перепись населения в Румынии 1930 г. приводит следующие данные о количестве евреев в стране: всего – 756 930 (4,2 % от общей численности населения

страны), в том числе 520 000 всех евреев (68,7 %), жили в городах (13,6 % всех городских жителей Румынии) и только 237 000 – в сельской местности (1,6 % сельских жителей страны). Во многих городах (Яссы, Черновцы, Кишинев, Бельцы, Ботошань, Бакэу, Дорохой, Хотин, Рэдэуць, Сороки и др.) евреи составляли от 30 до 45 % населения. Если сравнить цифры 1930 г. по Румынии в целом с данными 1919 г., получается, что число евреев в этот промежуток времени даже уменьшилось, в первую очередь за счет сокращения числа евреев Бессарабии – с 267 000 (10,1 % всего населения области) в 1919 г. до 206 000 (7,2 %) – в 1930 г. Это уменьшение на 60 000 человек является результатом: отъезда в другие страны евреев-неграждан (с «паспортами Нансена»); эмиграции части местных евреев; переезда в поисках работы или лучших условий для коммерческой и производственной деятельности из Бессарабии, постоянно испытывавшей экономические трудности, в Старое королевство. В самом Старом королевстве число евреев, по сравнению с 1912 г., увеличилось к началу переписи 1930 г. с 240 000 до 252 000[64]. Приведенные официальные данные говорят о том, что естественный прирост еврейского населения, сконцентрированного преимущественно в городах, был весьма низок, а разглагольствование антисемитских кругов о «нашествии» в Румынию сотен тысяч евреев из других стран – чистейшая ложь. Абсолютное большинство евреев всех областей «Великой Румынии» являлись туземцами, предки которых родились и жили в этих местах десятилетиями и даже столетиями. Еврейская масса, влившаяся в 1918 г. в состав Румынии, была неоднородна, ее объединяла общая вера, но, в силу прежнего проживания в составе разных государств, были различия в языке, культуре, образовании. Согласно румынской переписи населения 1930 г., из 756 930 евреев своим родным языком идиш назвали только 518 754. Набольшее распространение идиш получил среди бессарабских евреев, в то время как в Трансильвании примерно треть евреев своим родным языком называла венгерский. В Буковине среди евреев большое распространение получил немецкий язык, в Бессарабии еврейская интеллигенция хорошо говорила по-русски, увлекалась русской литературой. В Австро-Венгрии, где в 1867 г. евреям были предоставлены гражданские права, процесс их ассимиляции шел быстрее. В составе Великой Румынии процесс интеграции произошел, естественно, быстро среди евреев Старого королевства и был медленнее в Бессарабии[65].

Конституция Румынии 1923 г., принятая при власти Национал-либеральной партии, возглавляемой семейством Брэтиану, закрепила обязательства правительства, взятые по Парижским договорам относительно национальных меньшинств. Формально можно сказать, что эмансипация, за которую десятилетиями боролись евреи, осуществилась, для них как равноправных граждан страны вроде открылись двери во всех государственных и общественных организациях. Но это на бумаге. Последовали инструкции – гласные, а чаще негласные, которые перекрывали евреям дорогу к занятию должностей в государственных административных, судебных и пр. органах, в армии, в высших учебных заведениях и др. Административно-полицейский произвол, безнаказанно применяемый к евреям, во многом сводил на нет дарованные конституцией права. И это, в сущности, при всех партиях, чередовавшихся у власти. Уже в 1924 г. был принят закон относительно получения и утраты румынской национальности (в смысле гражданства) евреями «присоединенных территорий», ознаменовавший начало пересмотра статуса гражданина[66].

Наличие у евреев румынского подданства, следовательно, вовсе не означало их равноправного положения в стране, и все же, по сравнению с довоенной ситуацией, определенные сдвиги к лучшему произошли. Придание евреям статуса граждан страны формально отменяло прежние запреты и ограничения, содержащиеся в законах и правительственных приказах, касательно приобретения собственности, в области

промышленности, торговли и ремесла. При сохранении созданной до Первой мировой войны системы еврейского образования – хедеры, Талмуд Торы, ешивы, светские средние школы, профессиональные и коммерческие училища, еврейская молодежь могла получать образование и в государственных учебных заведениях. В 1928 г. румынский парламент принимает закон, согласно которому иудаизм причисляется к восьми историческим религиям в Румынии, а еврейская община получает статус юридического лица. В 1933 г. главный раввин доктор И. Ниемировер становится по праву сенатором.

Со ссылками на Конституцию 1923 г., на «Договор о меньшинствах» и другие международные обязательства Румынии, зафиксированные в Версальской системе договоров, еврейские организации на законных основаниях могли обжаловать всякие нарушения и ущемления их гражданских прав. К этому, как будет показано дальше, часто прибегал доктор Вильгельм Фильдерман, многие годы возглавлявший Союз евреев Румынии, он же председатель Федерации Союза еврейских организаций и общин Румынии (ФСЕОР). Опытный адвокат, получивший докторскую степень в Париже, В. Фильдерман, человек энергичный, имел обширные связи с зарубежными еврейскими организациями, был представителем в Румынии Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета «Джойнта» и ОРТа. В самой Румынии у него были контакты с влиятельными политическими деятелями. В. Фильдерман придерживался тактики «двоякой лояльности», которая выражалась в служении интересам еврейской общины, защиты, в первую очередь, ее элиты, при одновременной лояльности к румынскому государству и соблюдении его интересов. Не будучи противником сионизма и эмиграции в Палестину, вместе с тем считал, что евреи должны интегрироваться в румынское общество. С этих позиций он реагировал на действия властей, препятствующих этому процессу.

В контакте с Федерацией находилась численно небольшая, но финансово крепкая древняя община евреев–сефардов (выходцев из Испании), из среды которых были упомянутые члены семьи Халфон, Ж. Елиас. Они концентрировались в основном в Бухаресте и Крайове, имели свои синагоги[67].

По-прежнему центрами ультраортодоксального еврейства (хасидов) оставались г. Сирет (Марамуреш) и Садгура (Буковина)[68].

Сионистская организация Румынии и ее областные филиалы в состав Федерации не входили, их деятельность была ориентирована на эмиграцию евреев в Палестину, в первую очередь молодежи, которую через организации «халуцев» готовили к трудовой деятельности в нелегких условиях Палестины. Отношения между руководством Федерации и сионистской организации не всегда складывались благополучно, особенно когда последнюю возглавлял волевой и амбициозный Авраам Лейб Зиссу, который ряд лет жил в Германии, Швейцарии. В лексиконе сионистов деятели Федерации именовались не иначе, как «ассимиляторы». Против всякой ассимиляции, за эмиграцию евреев на историческую родину последовательно выступали сионистские печатные органы: газеты «Mîntuirea» («Спасение»), издаваемая в 1919–1923 гг., и пришедшая ей на смену «Renaşterea noastră» («Наше возрождение»), выходившая в 1923–1942 гг.

Пользуясь гражданскими правами, евреи стали участвовать в выборах парламента и местных органов власти, как по линии собственных организаций, так и по избирательным спискам расплодившихся после Первой мировой войны румынских политических партий. Так, в 1922 г. по списку царанистской (крестьянской) партии депутатом румынского парламента стал еврей Адольф Штерн. В 1926 г. в румынском парламенте было 5 евреев, делегированных евреями Бессарабии, Буковины и Трансильвании. В 1928 г. в парламенте было 4 еврея.

Для участия в выборах по собственным спискам в 1930 г. создается Еврейская партия, ее лидерами были Теодор и Иосиф Фишеры, Сами Зингер, Мишу Вейсман.

В 1931 и 1932 г. Еврейская партия провела в румынский парламент пять своих представителей[69]. Пусть евреев-депутатов было ничтожно мало, но изредка они имели возможность во всеуслышание, с трибуны парламента, протестовать против бесчинств антисемитских банд, обращать внимание на попустительство при этом властей и заставить иногда последних сдерживать действия фашистских молодчиков.

Антисемитские круги Румынии, а недостатка в них никогда не ощущалось, никак не желали смириться с навязанным стране Версальскими договорами и зафиксированным в конституции 1923 г. правом евреев на гражданство. Николай Йорга продолжал утверждать: «Румыния для румын и только для румын», но, будучи человеком цивилизованным и крупным ученым, связанным с научным миром Запада, к насильственным действиям против евреев не призывал, понимая, что хулиганствующий антисемитизм может выйти из-под контроля властей и нанести ущерб имиджу страны и вред всему обществу. В 1919 г. созданная Н. Йоргой и А. Кузой антисемитская Национал-демократическая партия раскололась. А. Куза стал одним из учредителей «Народной лиги», ставшей затем Народной партией под руководством генерала (будущего маршала) А. Авереску. Но в последний момент А. Куза отказался вступать в «Народную лигу» и создал на базе своей фракции в прежней Национал-демократической партии новую партию, добавив к прежнему названию слово «христианская». В 1922 г. А. Куза свою партию переименовал в Национал-христианский союз, в качестве его символа выбрал свастику, а печатный орган кузистов под названием «Apărarea Naţională» («Национальная защита») появился в апреле 1922 г. Организационная суета продолжалась и в начале марта 1923 г., в Яссах было объявлено об учреждении организации под названием «Лига национал-христианской защиты». Во всех случаях А. Куза в названиях своих группировок выпячивал слово «христианский» с явным расчетом использовать православную религию для привлечения верующих масс, особенно крестьян, находившихся под сильным влиянием духовенства. Провозглашение создания Лиги национал-христианской защиты производилось в торжественной обстановке в резиденции митрополита, духовные отцы освятили 38 национальных знамен, на них красовалась черная свастика на желтом фоне, которая якобы являлась «старейшим христианским символом». Кузисты клялись в верности церкви и трону, их главные политические требования: отменить право евреев на гражданство, восстановив действие статьи VII Конституции 1866 г., отстранить их из армии, государственных учреждений, преподавательского состава вузов, осуществить постепенное выселение евреев из сельской местности и т. д. Наступление шло и против еврейского вероисповедания. «Теоретик» Лиги профессор медицины Николае Паулеску исписался на развенчивании Талмуда, а А. Куза в мае 1930 г. объявил иудаизм «криминальной религией», а раввинов «подстрекателями к преступлениям». «Теоретик» Паулеску объявил евреев «вырождающейся нацией» и, наподобие русских черносотенцев, обвинил евреев-корчмарей в «отравлении несчастных румын»[70].

Вся эта шумная кампания сопровождалась призывами к расправе с евреями и актами насилия, избиениями еврейских студентов и школьников, выбрасыванием на ходу из поездов евреев-пассажиров, поджогами синагог, уничтожением свитков Торы, осквернением еврейских кладбищ и т. д.

Официоз кузистской Лиги газета «Carpaţi» («Карпаты») в номере от 24 января 1927 г., изображая евреев этакими лютыми врагами, которые «уничтожают богатства страны», «подрывают устои государства» и «угрожают самому существованию румынского народа», в приказном тоне писала: «Убивайте! Наш национальный престиж настоятельно требует нанести смертельный удар по всем, которые намереваются уничтожить наш народ и государство. Никто не вправе удерживать нас от нанесения удара,

когда речь идет об опасности самого существования Румынии. Раз и навсегда кончайте с мыслью, что ударять – это позор. Повторяем: убивать врага нашего государства не является преступлением. Это самая большая честь для румына. Убивайте их! Рабы плачут, герои убивают!». На таких призывах, написанных почти за 15 лет до начала Холокоста в Румынии и на контролируемых ею территориях, воспитывалось целое поколение румынской молодежи. Стоит ли удивляться тому, что произошло с евреями в годы военно-фашистской диктатуры И. Антонеску?

А пока, в том же январе 1927 г., в листовке, распространенной в румынском городе Бузэу и обращенной к «Братьям Христианам», местная антисемитская организация, запугивая народ «жидовским рабством», требовала: «До получения новых приказов, следует начать экономический бойкот. Ничего не продавайте и не покупайте у жидов. Запомните: те, которые будут продавать и покупать у жидов, будут объявлены врагами румынской нации. Их имена занесут в Черную книгу как проклятых церковью и изгнанных из румынского общества. Имена этих предателей будут значиться на сотнях тысяч объявлений во всех уголках страны».

В авангарде бесчинствующих антисемитских банд шли университетские воспитанники А. Кузы. В 1922 г. была создана Ассоциация студентов-христиан. Если в западноевропейских странах и даже в царской России студенчество в массе своей было настроено либерально, примыкало к левым кругам общества, то в Румынии мы сталкиваемся с иной ситуацией. Большинство румынских студентов проявили себя как ярые националисты и юдофобы, эти качества стали мерилом патриотизма. В гимне Ассоциации звучали такие слова: «Жиды режут глотку нашей нации и грабят богатства… Не мешкайте: наше дело правое, мы своими пятками раздавим голову врагов». В связи с предоставлением Конституцией 1923 г. евреям гражданских прав, во всех университетских центрах Румынии – Бухаресте, Яссах, Клуже, Черновцах – были организованы шумные студенческие манифестации протеста.

В этой атмосфере, наполненной националистическим угаром, в Румынии зарождаются откровенно фашистские группировки гитлеровского образца, духовным отцом которых по праву можно считать А.К. Кузу. Наиболее известным его учеником, ставшим главарем фашистского движения в Румынии, был Корнелиу Зеля Кодряну. После обучения в училище в 1919–1922 гг. он стал студентом юридического факультета, деканом которого был А.К. Куза, его крестный отец при рождении. Будучи сыном немки и поляка-католика (И. Зелинский), переделав свою фамилию на румынский лад, Корнелиу Кодряну объявил себя «защитником румынского племени» и господствовавшей в стране православной церкви. В действительности же ему, тщеславному молодому человеку, не давали покоя лавры Б. Муссолини, захватившего в 1922 г. власть в Италии. Вначале, вместе с рабочим-электриком К. Паску, он создал организацию под названием «Гвардия национального самосознания», объявившую своей целью борьбу с коммунистами и евреями. В целях привлечения в свою организацию рабочих в качестве лозунгов провозгласили: в рамках нации – «права рабочих на хлеб и достоинство», «долой политические партии», «за национальный профсоюз».

Фашистские банды К.З. Кодряну использовали любой случай для устройства антисемитских дебошей. В 1922 г. в Яссах во время спектакля известного еврейского театра (на языке идиш) из Вильны проникшие в зал молодчики Кодряну забросали актеров тухлыми яйцами, гнилыми помидорами. В марте 1923 г. в тех же Яссах К.З. Кодряну и его банда устроили ночью погром, сопровождаемый грабежами, в районе проживания евреев. Для видимости борьбы с хулиганством полиция арестовывала молодчиков, но тут же их отпускала.

К.З. Кодряну стал также одним из создателей упомянутой Ассоциации христианских студентов, ударного звена Лиги национал-христианской защиты, организатором кровавых беспорядков по случаю принятия парламентом закона о предоставлении евреям статуса граждан. В 1924–1925 гг. в состав Лиги влились и другие фашистские организации, возникшие в Клуже, – «Acţiunea Românească» («Румынское действие») и «Fascia Naţională Română» («Румынский национальный фашизм»). В Клуже особую активность проявлял Ион Моца, ставший ближайшим другом и единомышленником К.З. Кодряну. Они вместе с еще несколькими сообщниками разработали план физической расправы с известными деятелями еврейской общины и неугодными румынскими политиками, но один из банды раскололся и всех арестовали. Во время процесса в зале суда И. Моца застрелил предателя. Власти по достоинству оценили «подвиги» фашистских молодчиков, им вынесли оправдательный приговор. В Яссах отметили эту «победу» уличными манифестациями.

Вскоре «отличился» и сам главарь Ассоциации христианских студентов. 24 октября 1924 г. К.З. Кодряну убил префекта полиции Ясс К. Манчиу и ранил еще двух полицейских в отместку за возражение префекта против строительства в Унгенах студенческого центра для его сторонников. Из-за боязни беспорядков в Яссах судебный процесс над вожаком фашистов устроили в небольшом городке Фокшаны. Туда потянулись спасать своего кумира молодчики из разных уголков страны. Демонстрируя свою силу, при попустительстве властей, они разгромили, подожгли и разграбили в городе 300 еврейских домов и лавок, несколько синагог. Процесс пришлось перенести в г. Турну Северин, где евреев было ничтожно мало. Оправдательный приговор возвел К.З. Кодряну в национальные герои и воодушевил хулиганствующую братию на новые «подвиги».

Поводом для очередного антисемитского шабаша послужил приезд 24 июня 1924 г. из Ясс в Бухарест самого патриарха румынской юдофобии профессора А. Кузы. По случаю этого «исторического» события встречавшие его на вокзале столичные студенты-националисты разбрелись по улицам компактного проживания евреев, разрушая еврейские дома и грабя магазины.

Как показывают результаты парламентских выборов 1927 г., на которых Лига национал-христианской защиты собрала всего 1,9 % голосов избирателей, влияние этой организации, деятельность которой сводилась, в основном, к шовинистической агитации, было невелико. Ее социальной опорой оставалось введенное в заблуждение националистической фразеологией студенчество и хулиганствующая молодежь. В этой среде пеклись «национальные герои». Таким стал школьник ясского лицея-интерната Николай Тоту. Он специально приехал в Черновцы и 10 ноября 1926 г., в зале заседания суда, где шел процесс над группой еврейских школьников – участников манифестации против профессоров-экзаменаторов, которые на вступительных экзаменах в университет преднамеренно занижали оценки абитуриентам-евреям, выстрелом убил школьника Давида Фалика, которого лично не знал. По признанию Н. Тоту, он это совершил «в отместку за румынское дело». Местная газета «Glasul Bucovinei» («Голос Буковины») по поводу этого случая писала, что ученик Н. Тоту «пресытился учением Кузы, распространенным Зелей Кодряну, а именно, что евреев следует изгнать из Румынии, их следует убивать и т. д.». 18 ноября 1926 г. Ассоциация румынских студентов Черновцов объявила Н. Тоту «румынской национальной гордостью» и начала движение за освобождение убийцы. По городам и местечкам прокатилась волна манифестаций в защиту Н. Тоту. В м. Единцы Хотинского уезда (Бессарабия) директор местной семинарии некий Джорджеску вывел всех учащихся на улицу и устроил марш, участники которого выкрикивали: «Смерть жидам!», «Долой жидов!». Воспитатель будущих священников Джорджеску произнес речь, подстрекая к преступлениям.

Адвокат Н. Тоту, депутат румынского парламента Паул Илиеску в своей речи на процессе, который состоялся в румынском городке Кымпулунг, произнес: «Икона этого ребенка должна висеть на стене вашего очага», «он честь нашей нации», «он мученик и герой». Суд удостоил своим присутствием сам А. Куза, который, обращаясь к подсудимому, ласково произнес: «Наш любимый ребенок». Он же зачитал телеграмму, присланную из Бухареста «теоретиком» Лиги, упомянутым профессором Паулеску, который просил жюри не осудить, а в будущем «канонизировать» юного Тоту. Растроганный суд признал убийцу «невиновным». Под одобрительные возгласы присутствующих «героя», в окружении национальных флагов, вынесли на руках и пронесли по улицам городка[71]. Стоило прослыть националистом и антисемитом, и в «демократической» Румынии убийца еврея становился не только не уголовником, но национальным героем.

Это было задолго до Холокоста. Забегая вперед, сообщаем, что этот «любимый ребенок» профессора А. Кузы стал активным членом фашистской «Железной гвардии» и одновременно «профессиональным тайным агентом» румынской охранки (сигуранцы), докладывал и получал деньги лично от министра внутренних дел в правительстве национал-либералов И. Инкульца. Свои донесения для конспирации он передавал через «агента Андроника Раду»[72].

Безнаказанность вдохновляла кузистов на всякие юдофобские деяния. 2 декабря 1926 г. в Яссах, под председательством А.К. Кузы, открылся так называемый Конгресс румынских студентов. На него из разных городов страны прибыло несколько тысяч «делегатов». Еще в пути они устраивали дебоши в поездах, избивая пассажиров-евреев, выбрасывая их из поездов. Важнейшее требование конгресса – применить к евреям, желающим поступать в высшие учебные заведения страны, не просто обычную процентную норму («numerus claussus»), а вообще закрыть им доступ в вузы страны («numerus nullus»). Во время работы «Конгресса» во избежание большого погрома, вредившего имиджу страны в западных странах, в городе были размещены для поддержания порядка воинские части.

Покинув конгресс, на котором подзарядились юдофобией, «делегаты» по приезду на места с удвоенной энергией приступили к дебошам. В Кишиневе возвратившиеся с «конгресса» 300 студентов теологического и сельскохозяйственного факультетов, переведенных из состава Ясского университета в административный центр Бессарабии, промаршировали по улицам города, избивая прохожих-евреев и разбивая стекла еврейских домов и магазинов. Более тридцати избитых евреев оказались в больнице. Для усмирения разбушевавшихся хулиганов властям пришлось направить войска гарнизона[73].

Очередной конгресс студентов состоялся в г. Орадеа (Трансильвания) в декабре 1927 г. К этому времени в Лиге национал-христианской защиты (ЛНХЗ) произошел раскол, отнюдь не на идеологической почве и тем более не по «еврейскому вопросу». По этой части между А. Кузой и К. Кодряну, который в Лиге занимался организационной работой, не было разногласий, последние появились в вопросах тактики и, конечно, лидерства. А. Куза добивался власти в рамках существующей политической системы. К. Кодряну же путем ее ломки отстаивал тактику террора и стремился превратить Лигу в организацию военного образца, построенную на принципах «капитана». Не сумев стать единоличным лидером ЛНХЗ, в июне 1927 г. К. Кодряну увел из нее своих сторонников и создал новую фашистскую организацию, дав ей импонирующее верующим название – «Легион Михаила Архангела». В этом он видел возможность завоевать доверие масс верующих, а также способ маскировать религиозной демагогией свои подлинные властолюбивые цели. К. Кодряну объявил, что Легион (его члены стали имено-

ваться легионерами) «будет скорее школой или войском, чем политической партией». Фактически же «Легион Михаила Архангела» стал и тем, и другим, и третьим. Он стал военизированной организацией, готовившей вооруженные банды по образцу гитлеровских штурмовиков, предназначенных в конечном счете для захвата власти и установления фашистского режима в стране во главе с «капитаном». Приветствие легионеров звучало так: «Да здравствует Легион и Капитан!». Легионеры учредили свою газету «Pământ strămoşesc» («Прадедовская земля»), выходившую в городке Орэштие.

«Конгресс» студентов в г. Орадя прошел под влиянием Легиона. В центре внимания этого сборища, как и прежде, стоял «еврейский вопрос». 4 декабря 1927 г. в день открытия «конгресса», на котором собралось несколько тысяч студентов из Бухареста, Ясс, Клужа и др., они группами по 20–30 человек разбрелись по городу и начали погром. На улицах и в публичных местах евреев избивали, еврейские магазины разграбили, подожгли три синагоги в городе, на площадях публично сжигали свитки Торы. Беспорядки перекинулись на улицы Клужа. Повседневной практикой в университетских центрах стали избиения студентов-евреев, недопущение их хулиганствующими элементами к занятиям и т. д. Многие молодые евреи, особенно из обеспеченных семей, и не только, но желавшие получить высшее образование, уезжали на учебу в другие европейские страны.

В румынских правящих кругах, да и среди молодых интеллектуалов, были такие, которые, хотя и не благоволили к евреям, но не одобряли хулиганские действия кузистов и легионеров, поскольку они с осуждением встречались во Франции и Великобритании, в финансово-экономической зависимости от которых находилась Румыния и на которых была ориентирована ее внешняя политика. Исходя из этого, молодой тогда лектор Михай Антонеску, будущий заместитель председателя правительства маршала Иона Антонеску, один из организаторов массового уничтожения евреев в годы Холокоста, осудил погром в Орадя, хотя, как он писал, «жиды наше несчастье». Он считал недопустимым грабить храмы со священными предметами и пренебрегать «религиозным уважением к культу, какой бы он ни был». М. Антонеску был возмущен тем, что погром наносил ущерб престижу страны в момент, когда Лига наций должна высказаться по вопросу о том, как в Румынии относятся к национальным меньшинствам[74].

По разным каналам влиятельные еврейские зарубежные организации были осведомлены о положении румынских евреев, об издевательствах над ними и нависшей угрозе над их жизнью со стороны антисемитских группировок. Румынским властям на это неоднократно указывалось и напоминалось о взятии обязательств по договорам. 17 сентября 1925 г. международные еврейские организации обратились по этому поводу с Меморандумом к представителю Румынии в Лиге наций. Отделение «Джойнта» в Лондоне обратило внимание посланника Румынии в Великобритании Н. Титулеску на творимые над евреями акты насилия[75]. Но решительные меры борьбы против актов вандализма бушующих антисемитских молодчиков не принимались, ибо, как показано будет дальше, во всех правительствах Румынии, время от времени чередовавшихся у власти, находились лица, которые открыто или скрытно разделяли идеологию и поощряли деятельность националистов и фашистов.

В 1930 г. в «Легион Михаила Архангела» влились новые группировки фашистского толка: «Организация молодых борцов против иудео-коммунизма», «Братья по кресту», действовавшая в Галаце под руководством М. Стелеску. В апреле 1930 г. К.З. Кодряну изменил название своей организации на «Железную гвардию», но ее члены попрежнему именовали себя легионерами. Преемник К.З. Кодряну на посту вождя движения Хория Сима предпочитал слово «легионеры» как «более мужественное название и по содержанию более воинственное»[76]. Само название «Железная гвардия» якобы

подсказал К.З. Кодряну благоволивший к легионерам один из лидеров национал-царанистской (крестьянской) партии А. Вайда-Воевод, который на правах автора названия движения считал себя «крестным отцом Железной гвардии». Впоследствии он заявил: «В моем сознании я – почетный легионер. Они – мои дети, которых я прижал к груди».

В Румынии Национал-царанистская партия, образованная в сентябре 1926 г. в результате слияния Национальной партии, представлявшей интересы трансильванской буржуазии (ее лидеры Ю. Маниу, А. Вайда-Воевод и др.), и Царанистской (крестьянской) партии (создана в 1918 г., ее лидеры И. Михалаке, М. Ионеску-Бербекару, Н. Лупу и др.), считалась демократической. В ноябре 1928 г., добившись крупной победы на выборах в парламент, национал-царанисты сменили у руля правления страной Национал-либеральную партию семейства Брэтиану – «некоронованной династии Румынии». В рядах этой партии было немало поклонников легионеров, к ним, в частности, относился занимавший пост министра культов и народного образования в национал-либеральном правительстве К. Анжелеску[77].

В середине 1930 г. национал-царанистское правительство во главе с Ю. Маниу, в пику национал-либералам, устранившим Кароля II от престола, вернули его на трон в надежде использовать в борьбе за власть.

Годы правления национал-царанистов совпали с периодом мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., сильно ударившего по экономике Румынии. За эти годы сменилось 8 правительств национал-царанистов, трижды правительства возглавлял с симпатией относившийся к «Железной гвардии» А. Вайда-Воевод.

Но ряд членов Национал-царанистской партии, в частности ее лево-центристское крыло (Н. Лупу, П. Андрей, М. Раля и др.), был обеспокоен действиями фашистских молодчиков, сплошь и рядом нарушавших общественный порядок и угрожавших своим политическим противникам, вызывавших недовольство и в странах Запада. 11 января 1931 г. министр внутренних дел национал-царанист И. Михалаке наложил запрет на деятельность «Железной гвардии», а ее вожак К.З. Кодряну был арестован, но состоявшийся в конце февраля 1931 г. суд, как всегда, оправдал его. Последний объявил свой арест и суд следствием его выступления «против иудейской гидры»[78].

Корнелиу Зеля Кодряну возобновил деятельность своей организации, зарегистрировав ее под названием «Группировка Корнелиу Кодряну» и в 17 уездах страны в июне 1931 г. выставил ее кандидатов на выборах в парламент, объявленных новым «правительством национального единства» Йорги–Арджентояну, продержавшегося у власти всего год. Это правительство вело по отношению к легионерам двойственную политику: с одной стороны, оно предпринимало шаги по запрету партии К. Кодряну, с другой – на местах администрация поддерживала легионеров. В конце августа 1935 г., не без поддержки местной власти, на местных выборах в парламент в уезде Нямц был избран Корнелиу Кодряну.

Первоначально отколовшаяся от Лиги национал-христианской защиты группировка К. Кодряну была сравнительно малочисленна – активных членов было в 1927 г. 1000, в декабре 1932 г. – 6000, да и избирателей, голосовавших за нее на выборах, было немного. Влияние Легиона распространялось в основном на молодежь – студентов и школьников старших классов, не достигших возраста, дающего по закону право участвовать в выборах (21 год). На выборах в 1927 г. Лига собрала 1,9 % голосов, Легион – 0,39 %. В июне 1931 г. «Железной гвардии» отдали свои голоса в стране всего 30 783 избирателя (1,05 %)[79].

К.З. Кодряну и его сторонники любыми способами добивались расширения социальной базы своей партии, делая ставку на крестьян и мелкобуржуазные элементы города. Для привлечения крестьян они распространяли листовки, извещающие о пред-

стоящем «разделе еврейского имущества». 15 января 1930 г. газета «Patria» («Родина»), издававшаяся в Клуже, в обращении к крестьянам писала: «Если станем у власти, то спустя несколько дней загрузим телячьи вагоны евреями и отправим их в другие страны, разделим их имущество между государством и вами; в момент, когда они покинут села, мы прикроем все корчмы, и любой румын сможет изготовить себе алкоголь в любом количестве; ни один крестьянин не будет платить налоги, ибо конфискованное у евреев имущество покроет все потребности страны; каждый крестьянин – член Легиона – получит по 7000 леев в месяц с момента нашего прихода к власти».

А пока, пользуясь попустительством властей, железногвардейцы и кузисты упражнялись в устройстве антиеврейских дебошей. Большой резонанс не только в Румынии, но и за рубежом, получила антисемитская вылазка, устроенная в 1930 г. в небольшом городке Борша (Марамурешская область), где проживал 221 еврей. Студент Дэнила и два священника – все легионеры – подожгли дома в еврейском квартале. Зарубежные еврейские организации направляли деньги для помощи пострадавшим, и даже правительство вынуждено было взять на себя часть расходов по возмещению ущерба.

Летом 1930 г. волна погромов прокатилась в Южной Буковине. Натравливая крестьян, кузисты устроили во многих селах, обычно в ночное время и под звон церковных колоколов, избиение евреев. В уездном центре г. Сучава крестьяне окрестных сел подвергли ограблению еврейские дома и магазины, попутно жестоко избивая их владельцев. Антисемитские выступления имели место летом 1930 г. в Бессарабии: в городах Бельцы и Оргеев, в селах Кожушна (у. Лэпушна), Капрешты и Темелеуцы (у. Сороки). В январе 1930 г. студенты кишиневского теологического факультета подвергли разрушениям и грабежам еврейские магазины, затем совершили марш по центру города, выкрикивая «Смерть евреям»[80].

Прибегая, подобно гитлеровцам, к социальной демагогии, железногвардейцы обещали ликвидировать все долги ростовщикам и банкам, покончить с коррупцией, «каждому по погону земли» (погон – 0,5 га), «обеспечение жизни румынского рабочего и его семьи» путем участия рабочих в прибылях, создания производственных кооперативов и т. д.

В декабре 1930 г., в преддверии очередных выборов, К. Кодряну изложил программу «Железной гвардии», среди прочего и о создании корпоративного парламента, составленного из представителей различных слоев населения, включая помещиков, буржуазию, рабочих, крестьян, чтобы якобы обеспечить «социальную гармонию».

Спекулируя на тяге масс к социальной справедливости, демагогически бичуя существующий режим, изобличая коррупцию и падение нравов, играя на религиозных предрассудках и националистических чувствах, вожаки «Железной гвардии» постепенно расширяли социальную базу, привлекая к себе сторонников среди мелкобуржуазных слоев населения, крестьян и отсталых рабочих.

Современник той эпохи Лукрециу Пэтрэшкану, пожалуй, единственный подлинный интеллектуал в тогдашнем руководстве Компартии Румынии (в 1954 г. был расстрелян по приказу своих же коллег по партии), касаясь в своих трудах вопроса о социальной базе румынского фашизма, отметил, что румынская мелкая буржуазия, заметно пополнявшая ряды «Железной гвардии», тяготела к ней в желании «как можно весомее участвовать в силу своего этнического происхождения в распределении доходов крупной буржуазии, или просто, как ее паразит». Это определяло двойственное отношение румынских правящих кругов к «Железной гвардии». Им импонировала антикоммунистическая и антисемитская риторика легионеров, но пугало их, пусть и демагогическое, разглагольствование о «легионерском социализме», атаки на существующий политический режим, угрозы в адрес некоторых политиков.

Ничего удивительного, считал Л. Пэтрэшкану, и в том, что к организациям фашистского толка примыкала, как он писал, «значительная часть, очень большая часть румынской интеллигенции», она всегда «шла направо… Отсутствие принципиальности, дешевое соглашательство... характеризовали очень многих румынских интеллектуалов»[81]. К уже известным и названным добавились новые идеологи национализма, антисемитизма и юдофобии с профессорскими званиями (Нае Ионеску, Никифор Крайник и др.), со своими газетами и журналами. Десятки газет и журналов («Cuvîntul», «Calendarul», «Gândirea», «Axa», «Bună Vestirea», «Sfarâmă Piatra», «Porunca Vremii» и др.) каждодневно выходили с едкими карикатурами на евреев, изображая их в образе сатаны, чертей, призывая к лишению евреев всех прав, к изгнанию из страны. Антисемитскими статьями пестрели и «респектабельные» столичные «Universul» и «Curentul».

С каждым годом фашистские организации набирали силу, а вместе с этим росла опасность для евреев. Особенно заметно расширились ряды «Железной гвардии», организованной по-военному. К ней примкнули отставные офицеры, привыкшие командовать и приказывать, которым льстило заискивание перед ними молодежи. Во главе низовых ячеек «Железной гвардии», так называемых «гнезд» („cuib") из 3–15 участников, а также городских, уездных и областных отделений были поставлены командиры, чьи приказы подлежали беспрекословному исполнению. За непослушание подвергали суровым наказаниям, вплоть до физической расправы и уничтожения. В подражание германским и итальянским фашистам железногвардейцы носили униформу, но рубашки у них были не коричневые или черные, а зеленые (у кузистов синие). Дополнялись они портупеей и эмблемой в виде голубой свастики на желтом фоне. Члены организации подразделялись на пять групп: юноши от 14 до 20 лет составляли секцию «братья по кресту» («fraţi de cruce»), молодежь от 21 до 28 лет – «легионерский корпус», люди старшего возраста – так называемую политическую секцию. Кроме того, имелся специальный отряд смертников, созданный в мае 1933 г. и предназначенный для «особо важных» террористических актов.

Легионеры подвергались тщательной идеологической и психологической обработке. Им предписывалось «старательно избегать» всяких политических дискуссий, которые «отравляют души и сеют раздоры», и вместо них устраивать сообща пение религиозных псалмов, которые-де, напротив, создают «гармонию душ», необходимую для выполнения «великой линии», важнейшая ее часть, как уже отмечалось, – «полное и абсолютное устранение евреев». А посему они должны вооружаться и готовиться к террористическим актам, которые объявлялись «героическими подвигами». В помещениях, где происходило «совместное пение псалмов», вывешивались плакаты, на которых было написано: «Кто не имеет оружия, пусть приобретает его», «Не губи в себе героя», «Умирают только один раз» и т. п. В рядах организации обожествлялась личность «капитана», то есть Корнелиу Кодряну, насаждался мистицизм в сочетании с культом смерти, что должно было подготовить рядовых членов к самопожертвованию в борьбе за власть[82].

Весьма благодатную почву для своей антисемитской агитации кузисты и легионеры находили в Бессарабии, где пламя юдофобии, раздутое в начале XX в. русскими черносотенцами Пуришкевичем, Прониным, Крушеваном, газетенкой последнего «Бессарабец», воплощенное на практике в многочисленных кровавых погромах, не погасло ни на минуту, даже в революционные дни 1917 г. Газета «Бессарабская жизнь» 19 (31) августа 1917 г., подводя итоги выборов в городские думы губернии, писала: «Почти нигде в России при новых выборах правые и черносотенцы не сумели получить такой значительный процент представительства в городских думах… Это свидетельствует о том, что Кишинев в черносотенном отношении далеко не обезврежен».

С установлением в Бессарабии румынской администрации продолжателем дела Пуришкевича и Крушевана, каким он сам себя считал, стал журналист Николай Негру, создавший в декабре 1920 г. «Лигу христиан Бессарабии». Он издавал газету «Национальный щит» («Scutul Naţional»), в ряде уездов открыл филиалы своей организации. В марте 1923 г. на правах «местной автономии» Н. Негру влился в Лигу национал-христианской защиты А. Кузы, но в 1928 г. вышел из ее состава[83].

Партия А. Кузы особенно облюбовала для своей антисемитской агитации северные уезды Бессарабии, где была сконцентрирована бóльшая часть еврейского населения области. Процент голосов, поданных за кузистов во время выборов в 1926–1928 гг. в Бессарабии, всегда был выше, чем в целом невысокий по стране, а в ряде бессарабских уездов в несколько раз выше, особенно в годы экономического кризиса 1929–1933 гг.

Оторванная от общероссийского рынка, частью которого она была более ста лет, экономика Бессарабии почти не выходила из состояния депрессии и больше всех в Румынии ощутила удары кризиса, приведшего к полному разорению мелких производителей города и деревни. Кузисты ловко воспользовались этой ситуацией и в своей агитации всю вину за бедствие масс возложили, как всегда, на евреев.

В годы экономического кризиса Лига национал-христианской защиты достигла своего наивысшего рейтинга в Бессарабии. На выборах 17 июля 1932 г. из 11 депутатских мест в парламенте три были завоеваны в бессарабских уездах – Бельцком, Хотинском, Оргеевском. В стране Лиге отдали свои голоса 5,3 % избирателей, в Бессарабии – 16,15 %, в том числе в Бельцком уезде – 37,88 % (самый высокий процент в Румынии), в Хотинском – 21,83 %, Оргеевском – 18,77 % и т. д. Голоса в Бельцком уезде обеспечили кузистам два места в сенате. Во время выборов 20 декабря 1932 г. рейтинг Лиги в Бессарабии несколько снизился, но процент избирателей, отдавших ей свои голоса, оставался высоким – 10,76 %. И опять-таки в Бессарабии значительно выше: в Бельцком уезде – 28,80 %, Хотинском – 12,71 %, Оргеевском – 11,78 %, Лапушнянском (Кишиневском) – 11,08 %, Сорокском – 10,49 %. В последующие годы влияние кузистов пошло на убыль, уступая место железногвардейцам[84].

Сторонники К.З. Кодряну в погоне за голосами также нацелились на Бессарабию. С разрешения министра внутренних дел в национал-царанистском правительстве А. Вайда-Воевода они предприняли «хождение в народ» дважды, в январе и июле 1930 г. под руководством К.З. Кодряну совершали марши по селам и местечкам Бессарабии. Каждое посещение было обставлено пышным церемониалом со звоном церковных колоколов и участием местного духовенства. При содействии некоторых представителей центральных и местных властей К.З. Кодряну устроил в г. Кагул (Бессарабия) шумное сборище легионеров всей Румынии. Первоначально широко рекламируемые в округе обещания райской жизни произвели впечатление, и на выборах в июне 1931 г. группировка К.З. Кодряну собрала в Кагуле 24,05 % голосов избирателей и в соседнем Измаиле – 14,66 %[85]. Но это оказалось всего лишь вспышкой. Набрав в целом по стране 30 783 голоса (1,05 %), легион не получил ни одного депутатского мандата. Однако спустя год группировка К.З. Кодряну, выставив кандидатов в 36 уездах, провела в парламент пять своих сторонников.

Приход в начале 1933 г. к власти в Германии А. Гитлера и его штурмовиков послужил импульсом для активизации в Румынии правых сил, в первую очередь железногвардейцев. Во Франции правительство левого блока во главе с Э. Эррио с опасением восприняло изменения в политической жизни соседнего государства, весьма отрицательно реагировало на активизацию прогитлеровских сил в Румынии, шедшей все послевоенные годы в фарватере французской политики. Во время визита в Париж летом

1933 г. председателю Национал-либеральной партии И. Дуке пришлось обещать в случае прихода к власти обуздать действия фашистских молодчиков.

13 ноября 1933 г. в Румынии пришел конец правлению национал-царанистов, и правительство сформировали национал-либералы во главе с И. Дукой. Пост министра иностранных дел в этом правительстве сохранил известный прозападный политик Н. Титулеску, занимавший его и в последнем кабинете национал-царанистов. Не без настояния, якобы, последнего, 9 декабря 1933 г., в преддверии очередных выборов в парламент, назначенных на 20 декабря 1933 г., И. Дука подписал распоряжение правительства о запрете деятельности группировки К.З. Кодряну, «представлявшей опасность для общественного порядка и существования самого государства». 29 декабря 1933 г., после аудиенции у короля в его дворце в Синае, на перроне местного вокзала студент-железногвардеец Николае Константинеску и два его сообщника (Ион Каранika и Дору Белимаче) убили И. Дуку. Начались массовые аресты легионеров и даже коекого из их духовных отцов (Никифора Крайника, Нае Ионеску, Драгоша Прототопеску и др.), но последних скоро отпустили.

Король отказался подписывать декрет о запрете деятельности железногвардейцев, оставляя за собой в сложной внутриполитической ситуации в стране возможность для маневрирования. К этому времени Кароль II окончательно испортил отношения с лидером национал-царанистов Ю. Маниу, вернувшим его на трон. Среди прочего, он нарушил данное последнему письменное обещание не привозить с собой в страну свою фаворитку Елену Лупеску и возвратить в королевский дворец законную супругу – королеву Елену, мать наследника престола несовершеннолетнего Михая I.

Кароль II, старший сын умершего в 1927 г. короля Фердинанда, был известен как гуляка и развратник, отстраненный от трона по причине своих любовных похождений. Елена Лупеску, одна из его любовниц, сумела крепко привязать его к себе. По отцу она Вольф, ее отец-еврей, будучи студентом, в Вене женился на австрийке-католичке, которая при рождении дочки крестила ее. Став взрослой, она вышла замуж за румынского капитана военно-морского флота и жила в румынской среде. С евреями Елена Лупеску ничего общего не имела, тем не менее сам факт присутствия в королевском дворце куртизанки с еврейскими корнями вызывал в антисемитской Румынии негодование и использовался противниками Кароля II в политических баталиях.

После убийства И. Дуки новым премьером стал Георге Тэтэреску, долгие годы являвшийся генеральным секретарем НЛП. В отличие от И. Дуки, принадлежавшего, как и председатель партии Дину Брэтиану, к «старым либералам», новый премьер возглавлял группировку «молодых», представлявшую интересы финансово-промышленных кругов, связанных с тяжелой индустрией и сотрудничавшую с международными концернами. Сам Кароль II, обладавший большими капиталами и латифундиями, был крупнейшим держателем акций металлургических предприятий Н. Малаксы, М. Аушнита и др. Будучи глубоко коррумпированной личностью, Кароль II под стать себе подбирал окружение, так называемую королевскую камарилью.

«Железную гвардию» Кароль II рассчитывал со временем подчинить себе и использовать в осуществлении своих диктаторских амбиций. Собственно, и руководители НЛП и НЦП также строили планы на использование легионерских молодчиков против своих противников в борьбе за власть.

Руководитель румынской контрразведки, генеральный директор так называемой «Специальной службы информации» при диктатуре И. Антонеску Еуджен Кристеску в докладной записке «относительно существенной помощи, оказанной «Железной гвардии» различными официальными лицами», писал: «В истории политических партий Румынии “Железная гвардия” получила развитие не из государственной потребности,

а скорее по причине борьбы, которую вели между собой политические партии, прибегающие к различным способам, как для опорочивания противных партий, так и для создания трудностей правительственной партии путем поддержки легионерского движения. Так, с момента рождения «Железной гвардии» постоянно оппозиционные партии, когда либералы, а когда национал-царанисты, в зависимости от того, кто был у власти, а кто в оппозиции, снабжали «Железную гвардию» деньгами, используя импульсивность молодых людей этой организации для создания правительственной партии как можно больше внутренних трудностей в целях смены правительства и прихода к власти».

Далее в документе приводятся конкретные примеры поддержки «Железной гвардии» разными политиками: «бывший премьер-министр Вайда (Воевод – *И. Л.*) через Тэзлояну передавал легионерам различные суммы, а бывший министр внутренних дел Инкулец (в правительстве НЛП во главе с Г. Тэтэреску – *И. Л.*) также давал деньги под видом помощи на ремонт различных общежитий или столовых для легионеров и благодаря такой ситуации «Железная гвардия» всегда располагала финансовыми возможностями, но это было тайной только для масс. Эти денежные вливания позволили «Железной гвардии» достигнуть такого положения, что политические партии уже не могли ее обуздать».

Автор доклада подчеркивает, что политические партии и королевская камарилья были в постоянном контакте с «капитаном», то есть с К. Кодряну. Генерал Габриел Маринеску, один из активных деятелей королевской камарильи, занимавший самые высокие должности в системе Министерства внутренних дел, сообщил Корнелиу Кодряну, что И. Дука был категорически против его приема королем. Тот же генерал Г. Маринеску после убийства И. Дуки предупредил К. Кодряну о предстоящем его аресте, и одно из убежищ ему предоставил Кодин Черноляну, шурин Елены Лупеску. Г. Маринеску через железногвардейца Кража передал «большие суммы на организацию студенческих общежитий в целях примирить камарилью с легионерским студенчеством»[86].

Правящая олигархия негласно поощряла деятельность фашистских и полуфашистских организаций. Проявлением этой линии было оправдание в ходе судебного процесса и выпуск на свободу руководителей «Железной гвардии» во главе с К. Кодряну – организаторов и вдохновителей убийства премьера И. Дуки. Из-под ареста был освобожден лидер легионерского движения и редактор фашистской газеты «Cuvântul» («Слово») профессор Нае Ионеску. Он, как сказано в цитируемом выше документе ССИ, «входил в круг Елены Лупеску». Никто иной, как родной брат нового премьера Георге Тэтэреску – Штефан Тэтэреску – по образцу Германии стал создавать в стране Национал-социалистскую партию, посетил Берлин для получения материальной поддержки, но гитлеровцы делали ставку на более динамичную и популярную «Железную гвардию».

§ 3. На пути к Холокосту

В середине 1930-х гг. во внутриполитической жизни Румынии происходили изменения, существенно повлиявшие в дальнейшем на положение евреев. Все явственнее проступает тенденция к демонтажу и без того слабых атрибутов буржуазной демократии и к усилению авторитаризма, исходящая, во-первых, от стремившегося к единоличной власти самого короля. Но и амбициозный и самовластный К. Кодряну не собирался быть пешкой в игре политических партий и не отказывался от мысли стать вождем нации и правителем страны. В ходе этой схватки «еврейская карта» и «дело Лупеску» разыгрывались вовсю. Многим румынским политикам импонировали фигуры А. Гитлера и Б. Муссолини, установленные ими порядки в своих странах.

В рамках действующих в Румынии политических партий идет перегруппировка сил. В среде стоявшей у власти НЛП «молодые либералы» во главе с Г. Тэтэреску, тесно связанные с финансово-монополистической группой Кароля II, оттеснили на второй план «старых либералов» во главе с Дину Брэтиану, представлявших интересы кругов, связанных с традиционными отраслями промышленности (пищевой, текстильной, кожевенной, деревоотделочной). В ее рядах выделялась и третья группа – «либераловдиссидентов» во главе с профашистски настроенным Георге Брэтиану, племянником Дину.

Раскол произошел также внутри Национал-царанистской партии, в том числе на почве отношения к королевской камарилье. Оставаясь на монархических позициях, группа, возглавляемая Ю. Маниу, выступала против засилья камарильи, обвиняла правительство Г. Тэтэреску в передаче миллиардных заказов деловым кругам, связанным с королем. Он также требовал убрать из королевского дворца фаворитку Кароля II Елену Лупеску. К «Железной гвардии» Ю. Маниу относился терпимо и даже со снисхождением. Выделявшаяся центристская группа возглавлялась престарелым ясским профессором химии Н. Костакеску и бывшим секретарем Министерства внутренних дел в правительстве НЦП А. Калинеску. К центристам одно время примыкал один из лидеров партии – И. Михалаке, который стремился к соглашению с Каролем II. «Левое» крыло в НЦП (Н. Лупу, М. Раля, Н. Граур, П. Андрей и др.), приверженцы демократии, было организационно слабо оформлено, самостоятельной политической линии не проводило. Еще в ноябре 1932 г. от НЦП откололась группа деятелей этой партии во главе с одним из ее вице-председателей Г. Юнианом. Он стал одним из приближенных короля. Созданная Г. Юнианом Радикал-царанистская партия, несмотря на широковещательные обещания защитить гражданские свободы и социальную справедливость, оставалась малочисленной, ее аппарат состоял в основном из людей свободных профессий.

Открыто профашистскую позицию занимал в НЦП А. Вайда-Воевод. В 1935 г., будучи исключенным из НЦП, он создал свою шовинистическую партию «Frontul Românesc» («Румынский фронт»). В «еврейском вопросе» партия Вайды выступала против эмансипации евреев, за максимальное ограничение участия евреев в различных профессиях и доступа к высшему образованию («numerus valahicus»). Вайда пытался объединить под знаменем «румынизма» различные фашистские группировки, что, однако, ему не удалось из-за соперничества их главарей.

В 1935 г. 14 июля состоялось слияние Лиги национал-христианской защиты, возглавляемой А. Кузой, и шовинистической Национал-аграрной партии, руководимой известным поэтом О. Гогой, который по части антисемитизма ничуть не уступал престарелому ясскому профессору. Новое образование получило название Национал-христианская партия (НХП). О. Гога был в особенно дружественных отношениях с Каролем II, он сблизился с монополистической группировкой короля и завоевал доверие Е. Лупеску. НХП пользовалась финансовой поддержкой промышленного магната И. Джигурту. О. Гога получал большие деньги в качестве председателя административного совета золотодобывающей фирмы «Мика», бóльшая часть акций которой принадлежала И. Джигурту. Кароль II считал НХП своего рода резервом, особенно после того, как в нее вступил председатель Союза христианских адвокатов, его личный друг Истрате Мическу, известный, среди прочего, как активный антисемит, возможно, чтобы как-то скрыть свое еврейское происхождение[87].

В руководстве НХП были учителя, адвокаты, журналисты, а также профессиональные политики, вышедшие из других партий, в рядах которых они не сумели удовлетворить свои персональные интересы. Центральным пунктом программы и идеологии партии Гоги–Кузы был антисемитизм, основное ее требование сводилось к исключению

евреев из всех сфер общественной жизни страны. Как и железногвардейцы, вожаки НХП приманивали в свои ряды крестьян, особенно в Запрутской Молдове, Трансильвании и Бессарабии, обещаниями по приходу к власти раздать им еврейскую собственность. На это клюнула часть крестьян из электората национал-царанистов и национал-либералов, разочаровавшихся в этих партиях.

С большой помпой было обставлено создание в Бессарабии региональной организации НХП. Проведение этого мероприятия, именуемого Конгрессом, было назначено на 25 августа 1935 г. в Кишиневе. В порядке подготовки к нему в ряде уездных центров (Бельцах, Оргееве, Бендерах) были проведены совещания с участием посланцев из ясского центра партии. 12 августа 1935 г. генеральный секретарь НХП Георге Куза, родной сын председателя партии, престарелого профессора А. Кузы, в сопровождении кузистского лидера Бельцкого уезда Новицкого, оба в кузистской униформе, на машинах, украшенных национальными флагами, в центре которых на желтом фоне была помещена жирная свастика, совершили агитационный рейд по ряду сел и местечек Оргеевского уезда. Вблизи Оргеева, на ярмарке, где обычно собиралось много крестьян, Г. Куза выступил с речью, заявив, что с приходом к власти НХП тотчас же все 32 000 участка земли, якобы принадлежавших евреям Бессарабии, перейдут «к истинным сыновьям страны».

На еврейской улице царило беспокойство, опасались большого погрома. В Кишиневе создавались еврейские группы самообороны. Руководители еврейской общины обратились к властям с ходатайством принять меры к недопущению погрома. Шли слухи, что полицейское начальство города за хорошие деньги, полученные от общины, обещало обеспечить порядок. Опасения были не напрасны, к центру города подтянулись хулиганствующие элементы из пригородов и окрестных сел, многие приезжали на подводах с мешками, предвкушая погром, сопровождаемый разграблением еврейского имущества. В день открытия «конгресса» еврейские лавки и магазины на центральном рынке и вообще в городе были закрыты, мальчишкам родители запрещали выходить на улицу, калитки и ворота во дворах, где проживали евреи, были наглухо заперты.

«Конгресс» проходил на Сенной площади (ныне Республиканский стадион), где по средам и воскресным дням проводились ярмарки по купле-продаже скота и кормов. По некоторым данным, присутствовали около 15 000 делегатов, абсолютное большинство из уездов Бессарабии и немало из Буковины и Запрутской Молдовы. Еще поприсутствовали около 3000 жителей пригородов и окрестных сел. На «конгрессе» председательствовал сам А. Куза, который своей речью открывал и закрывал собрание. Присутствовал «идеолог» фашизма Никифор Крайник, депутаты и сенаторы от Лиги национал-христианской защиты и Национал-аграрной партии Бессарабии. Объединение этих двух партий А. Куза объявил «событием национально-исторического значения», а при закрытии «конгресса» он резюмировал программу новой партии в лозунге: «Христос, Король, Нация». Не забыл он и евреев, замышлявших превратить Бессарабию в «жидовскую землю». Во время «конгресса», продолжавшегося три часа, ораторы клялись в верности трону, клеймили евреев, обвиняя их во всех существующих на свете грехах, а на площади в окружении сотен знамен со свастикой были выставлены плакаты с лозунгами: «Долой жидов!», «Долой коммунизм!», «Отвергаем союз с Советами!» (в эти месяцы шли переговоры Франции и Малой Антанты о создании системы коллективной безопасности в Европе), «Требуем расширения прерогатив монархии!», «Да здравствует правительство Гоги–Кузы!». На сборище в Кишиневе объявили о себе железногвардейцы, которые стояли отдельными группами, распевая свои легионерские песни. Накануне они получили для распространения в городе листовки, извещающие о предстоящем создании партии под названием «Все для Отечества» («Totul pentru Ţară»).

Погром в Кишиневе не состоялся, разочарованная пригородная шпана разошлась, отправились со своими подводами крестьяне окрестных сел, разъехались и делегаты «конгресса». Собрания и совещания продолжались в уездных центрах. Между активистами двух объединившихся партий шла острая борьба за лидерство. В Оргеевском уезде особую прыть в этой схватке проявил адвокат Константин Попою, который, как будет показано дальше, в качестве жандармского командира отличился в 1941 г. в уничтожении и ограблении евреев[88].

Формально распущенная «Железная гвардия» фактически продолжала свою деятельность, умножая число своих «гнезд» и членов. В конечном счете, они легализовались как новая партия под названием «Все для Отечества» («Totul pentru Ţară»), и 5 июня 1935 г. официально возобновила свою деятельность. В качестве председателя зарегистрировали генерала Георге Кантакузино-Грэничерул, но всем было известно, что вождем организации является «капитан» в лице Корнелиу Кодряну, ставший для рядовых легионеров этаким полубогом, истинным гением, воплотившим в себе ум и внешнюю красоту, хитрость и смелость, честность и справедливость. Генерал Г. Кантакузино, как и «капитан», не скрывал своей лютой ненависти к евреям. В одном из интервью английской газете он «почти полчаса разглагольствовал о необходимости истребления миллиона евреев» в Румынии[89].

3–5 апреля 1936 г. в г. Тыргу-Муреш легионеры провели свой «конгресс». Правительство в лице министра внутренних дел И. Инкульца любезно предоставило «делегатам» бесплатный пассажирский состав на 2000 участников и обеспечило поддержку местных властей. В пути, во время остановки поезда на ст. Синая, бравые легионеры устроили публичную профанацию установления мемориальной доски И. Дуки, а по прибытии в Тыргу-Муреш приступили к насильственным антисемитским действиям. Важнейшим итогом «конгресса» было создание шести отрядов смертников для расправы с противниками легионеров[90].

Хорошо осведомленный Е. Кристеску в упомянутом обзоре отмечает, что «доктринер партии «Все для Отечества» М. Манойлеску был частым посетителем камарильи, он привел в страну Елену Лупеску, но в целях создания себе политической платформы, необходимой для удовлетворения своих личных амбиций, использовал и «Железную гвардию»»[91].

На процесс фашизации внутриполитической жизни в Румынии сильное влияние оказывали перемены в Европе и мире, наступившие после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером, взявших решительный курс на ломку Версальской системы договоров, в том числе силой оружия. Зловещим предупреждением на сей счет явились уход представителей Германии в октябре 1933 г. с конференции по разоружению и последовавший за этим выход страны из Лиги Наций. Под влиянием Германии резко усилились ревизионистские требования пересмотра Версальских договоров в Венгрии и Болгарии, что особенно волновало Румынию. В подвешенном состоянии и после установления в 1934 г. дипломатических отношений между Румынией и СССР оставался вопрос о Бессарабии.

В самом лагере англо-французских победителей в Первой мировой войне не было единства. Консервативное правительство Великобритании не поддерживало Францию, которая перед лицом германской угрозы стремилась создать систему коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Более того, в 1935 г. было подписано англо-германское соглашение, снявшее запрет, установленный Версальским договором, на строительство Германией военно-морского флота.

Захват фашистской Италией Эфиопии, вступление в марте 1936 г. германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону, создание агрессивного блока «ось Берлин–Рим–

Токио», подписание Антикоминтерновского пакта Германией, Италией и Японией, военно-фашистский мятеж в Испании, политика попустительства агрессивным акциям фашистских государств со стороны западных держав привели к активизации крайне правых сил в Румынии, а также и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Их, среди прочего, прельщала последовательно проводимая гитлеровцами в Германии юдофобская политика, принятие в 1935 г. антисемитских Нюрнбергских законов.

Фашистские партии и профашистские лидеры румынских партий, ратовавшие за сближение с Германией и Италией, выступали категорически против политики министра иностранных дел своей страны Н. Титулеску, направленной на укрепление Малой и Балканской Антант и создание системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Сам Титулеску был не прочь наладить добрые отношения с Германией, но предпринятые им по дипломатическим каналам в этом направлении шаги были восприняты в Берлине с недоверием и отклонены[92].

Правители фашистской Германии ловко использовали стремление некоторых влиятельных румынских политиков отойти, пусть и не целиком, от традиционной прозападной политики и сблизиться с государствами оси Берлин–Рим. Посещавшим столицу Германии румынским эмиссарам правители Рейха лицемерно обещали, что в случае отказа Румынии от курса Титулеску Германия, в свою очередь, не будет поддерживать «венгерские ревизионистские устремления». В беседах с О. Гогой во время его визита в Германию летом 1936 г. Гитлер и Риббентроп прямо обусловили улучшение румыно-германских отношений отстранением Титулеску от руководства внешней политикой.

Вопрос о внешнеполитическом курсе стал объектом острой борьбы среди правящей верхушки Румынии. Король, премьер-министр Г. Тэтэреску и другие влиятельные члены кабинета все больше склонялись к отказу от проводимой Титулеску политики. 29 августа 1936 г. в срочном порядке была осуществлена реорганизация румынского кабинета. Н. Титулеску, находившийся в это время за границей на отдыхе, в состав правительства не был включен.

После ухода Титулеску оживились контакты между Бухарестом, с одной стороны, Берлином и Римом, с другой. В ноябре 1936 г. по поручению короля Берлин посетил Г. Брэтиану – сторонник сближения с фашистской Германией. Румынский политик в состоявшихся беседах с Гитлером и Герингом заверил собеседников, что Румыния, не порывая с Францией, в то же время не будет связывать себя какими-либо новыми пактами.

В германскую столицу потянулись и другие представители румынских политических и финансово-экономических кругов, усилились контакты и по дипломатическим каналам. Правители Германии не скупились на словесные, ни к чему не обязывающие обещания не поощрять территориальные претензии Венгрии и Болгарии к Румынии.

Внутриполитические противоречия в стране резко обострились во второй половине 1937 г. в связи с окончанием полномочий национал-либерального правительства во главе с Г. Тэтэреску. Главарь железногвардейцев К. Кодряну открыто объявил 1937 г. «решающим годом борьбы, жертв и побед» своей партии. Заключенный им в ноябре 1937 г., накануне парламентских выборов, «пакт о ненападении» с председателем Национал-царанистской партии Ю. Маниу, к которому присоединились либералы-диссиденты во главе с Георге Брэтиану, маловлиятельная Аграрная партия К. Арджентояну, укрепил позиции «Железной гвардии», так как дезориентировал значительную часть крестьян, шедших за национал-царанистами.

На выборах 20 декабря 1937 г. за «Железную гвардию» проголосовали 478 378, или 15,58 % избирателей. По числу голосов она заняла третье место и привела в парламент 66 своих членов. За «Национал-христианскую партию проголосовали 281 167, или

9,15 % избирателей (4-е место, 39 депутатских мандатов). По-прежнему большой процент голосов кузисты набрали в деревнях и центральных уездах Бессарабии – 22,37, а в Бельцком уезде – 38,10 %»[93]. Итого открыто фашистские партии собрали в стране 25 % голосов избирателей.

Голосуя за железногвардейцев, политически отсталые слои крестьянства, мелкой буржуазии города и рабочего класса полагали, что они отдают свои голоса противникам произвола и беззаконий Кароля II и его правительства, возглавляемого Г. Тэтэреску, набравшего на последних выборах только 36 % голосов, то есть меньше положенного конституцией. В создавшейся ситуации в конце декабря 1937 г. король передал власть Национал-христианской партии О. Гоги – А. Кузы, включив в состав правительства четверых покинувших Национал-царанистскую партию центристов, в том числе преданного королю А. Калинеску. Важным фактором, определившим выбор Кароля II в пользу НХП, была преследуемая монархом цель – сдержать активность своего главного соперника К. Кодряну, чего удалось добиться, столкнув в борьбе за власть лидеров противоборствующих фашистских партий. Сам же Кароль II мог не опасаться конкуренции слабо организованной, не имевшей реальной экономической силы и массовой базы НХП. К тому же премьер Гога, министр иностранных дел Мическу и министр промышленности и торговли Джигурту составляли в НХП группу, преданную королю. Слабым звеном для короля в этом правительстве являлся генерал Ион Антонеску, министр обороны, который сблизился с вожаком легионеров К. Кодряну.

Политическая программа Гоги–Кузы, по крайней мере в том, что касалось евреев, мало отличалась от программы «Железной гвардии». Новое правительство с первых же дней рьяно взялось за возрождение довоенной политики государственного антисемитизма, проводимой, в том числе, под видом «румынизации» всех сфер общественной жизни, которая, в сущности, коснулась только евреев и почти не затрагивала другие национальные меньшинства.

Все межвоенные румынские политические партии признавали наличие и выступали за решение «еврейского вопроса», различия были в предложенных путях и методах решения этой проблемы. Один из лидеров НЦП, ее генеральный секретарь Вирджил Маджару, утверждал: «Решение еврейской проблемы становится национальной потребностью». Другой лидер НЦП, И. Михалаке, отмечая наличие «еврейской проблемы», предлагал: «Есть необходимость перепроверить всех евреев, осевших в стране после войны и до сего дня, а всех старых заменить хорошо подготовленными румынами через цеховые организации и национализацию»[94]. Национально-либеральное правительство Г. Тэтэреску даже предприняло кое-какие шаги в реализации политики замены евреев румынами в сфере промышленности и торговли. В июле 1934 г. был издан Закон «О защите национального труда», дополненный в 1936 г. приказами Министерства промышленности и торговли о приоритете при приеме на работу этнических румын и перепроверке гражданства национальных меньшинств, а фактически евреев.

Правительство Гоги–Кузы, приход к власти которого был одобрительно встречен в Берлине, Риме и Варшаве, развернуло фронтальное и всестороннее наступление на права евреев и заодно на демократические силы. Были запрещены либеральные антифашистские, как не отвечающие «румынским идеалам», газеты «Dimineaţa» («Утро»), «Adevărul» («Правда»), «Lupta» («Борьба»), в редакции которых, среди прочего, работало много журналистов-евреев; еврейские газеты на идиш и иврите («Унзер Цайт», «Офбау», «Дас идише ворт», «Дархейну» и др.). Заодно были запрещены выходящие в Бессарабии газеты на русском языке, хотя ни одна из них не стояла на большевистских позициях. У журналистов-евреев были отобраны удостоверения на право свободного проезда по железной дороге. Были отменены разрешения, выданные евреям, в основ-

ном инвалидам войны и вдовам погибших в боях, на торговлю монопольными товарами (папиросы, табак, водка, соль, спички и др.), а также закрыты все еврейские корчмы. Коллегия адвокатов Бухареста, тон в которой задавал кузист Истрати Мическу, ставший министром иностранных дел в правительстве Гоги–Кузы, возбудила перед правительством вопрос о лишении евреев права заниматься адвокатурой. В ряде мест, не дожидаясь правительственного указа, эта мера стала претворяться в жизнь. Выдвигались проекты о национализации еврейских театров и кино, о запрете еврейским издательствам печатать румынских авторов и др. 8 января 1938 г. примар г. Бельцы Григоре Треля издал приказ «О запрете еврейского и русского языков» во всех государственных и общественных учреждениях и даже на улицах города. Нарушение приказа квалифицировалось как оскорбление нации и короля, гражданам рекомендовалось доносить на лиц, нарушающих этот приказ. В Бессарабии на видных местах висели плакаты: «Говорите только по-румынски»[95]. Был сделан первый шаг по национализации еврейской собственности. В г. Черновцы были национализированы два здания и три больших земельных участка, принадлежавших еврейской общине (комплекс, известный под названием «Căminul evreiesc» («Еврейский очаг»)) – и переданы Буковинской митрополии «для реализации культурных и национальных целей».

21 января 1938 г. был издан королевский декрет о пересмотре гражданства евреев. Под декретом, кроме подписи Кароля II, стоят и подписи премьера О. Гоги, и министра юстиции В. Рэдулеску-Мехединць, что подчеркивало особую важность этой затеи[96]. Вообще идея пересмотра румынского гражданства евреев, якобы получивших его путем мошенничества, вынашивалась и выдвигалась антисемитскими кругами давно. 16 декабря 1936 г., при правительстве Г. Тэтэреску, депутат парламента Панфил Шейкару, издатель известной в Румынии многотиражной газеты «Curentul» («Текущее»), от имени 40 депутатов внес проект закона о пересмотре гражданства евреев, но вопрос получил разрешение только при правительстве Гоги–Кузы. Претворение в жизнь королевского декрета привело к утрате румынского подданства 225 222, или почти 1/3 граждан еврейской национальности. Эти люди, в бóльшей части из малообеспеченных слоев, были объявлены чужаками в стране, где они родились, веками и десятилетиями жили их предки, они стали бесправными, лишенными формального права владеть мастерской, лавкой, заниматься своей профессией, материально обеспечивать свою семью. Нарастала опасность для самой жизни. По улицам городов и местечек, особенно в Бессарабии и Буковине, маршировали кузистские молодчики («lăncieri») со свастикой на рукаве, выкрикивая «Долой жидов!», «Жиды – в Палестину!» и сопровождая эти выкрики насильственными хулиганскими действиями. В м. Новая Вижница после своего очередного сборища кузисты устроили погром, разбивали окна и двери в еврейских домах, грабили и избивали женщин и стариков. 15 человек с тяжелыми травмами были отправлены в больницу. Не проходило дня без юдофобских выпадов на страницах румынской прессы[97].

Стремление во что бы то ни стало отстоять границы «Великой Румынии» заставило правительство Гоги–Кузы, при всей симпатии к режимам в Германии и Италии и желании завязать с ними дружбу, оставаться в стане творцов Версальской системы. Оно стремилось сблизиться с консервативным правительством Англии, укрепить антисоветский румыно-польский союз, а в рамках Малой Антанты охладить отношения с Чехословакией и укрепить контакты с реакционным югославским правительством Стоядиновича. В части внешней политики железногвардейцы во главе с К. Кодряну готовы были идти дальше. К. Кодряну требовал уничтожения Малой Антанты, разрыва с Францией и Англией, выхода из Лиги Наций и незамедлительного перехода на сторону фашистских государств. Он открыто заявил: «Спустя 48 часов после победы легионерского движения Румыния заключит союз с Римом и Берлином…»[98].

В Берлине с удовлетворением воспринимали внутриполитическое развитие в Румынии, как в плане расшатывания существующих под эгидой Франции союзов (Малой и Балканской Антант), стоявших на пути германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе, так и в плане подрыва проекта создания системы коллективной безопасности в Европе с участием Франции, СССР, Малой Антанты. Укрепление позиций крайне правых сил в Румынии отвечало и экономическим интересам Германии, нуждающейся в румынских нефти, лесе, сельскохозяйственной продукции и др.

В «еврейском вопросе» правительство О. Гоги целиком разделяло точку зрения гитлеровской Германии и всеми силами старалось внести свой вклад в нагнетание атмосферы вокруг него. В интервью корреспондентам иностранной прессы О. Гога и министры его правительства представляли присутствие евреев в Европе как «стихийное бедствие», говорили о «еврейском нашествии» в Румынии, о «еврейской опасности» для мира, о виновности евреев в «бедственном положении» многомиллионного румынского крестьянства и т. д. Назывались баснословные цифры о числе евреев, «наводнивших» Румынию, – 250 тыс., 500 тыс., а общее число евреев, проживающих в Румынии, – 1,5 млн, 2 млн и т. д.

В начале января 1938 г. Кароль II в интервью газете «Daily Herald» заявил, что назначение О. Гоги во главе правительства якобы было вызвано тем, что «в Румынии общественность склоняется к национализму», «Антисемитские чувства сильны» и «еврейская – важнейшая внутренняя проблема государства». О. Гога почти в это же время в интервью газете «Paris Soir» высказался за отправку всех евреев на остров Мадагаскар. По его мнению, после этого необходимо с участием военно-морских сил всех стран установить охрану острова, чтобы никто из евреев не мог его покинуть. Из его высказываний вытекает, что во время своего посещения Берлина летом 1936 г. он обсуждал с Гитлером «еврейскую проблему», однако при этом подчеркнул, что его правительство руководствуется в этом вопросе рамками румынской конституции, а не идеями, услышанными в Берлине[99].

Сам О. Гога, конечно, не нуждался в уроках антисемитизма, даже в гитлеровской расистской интерпретации. По цвету кожи он сам определил в лице евреев-сефардов «тип чистого семита», «довольно деликатного», в отличие от «типа дикого», пришедшего из Польши и России, у которого ничего якобы общего с первыми нет, у них и кожа рыжеватая, щеки широкие и сплюснутые, глаза продолговатые, а вообще евреи, подобно мышам и насекомым, – вредители, уничтожающие все лучшее в Румынии.

В 1930-е гг. фашистское движение в Румынии обзавелось целой компанией «теоретиков» и пропагандистов расизма. Вознося до небес расистское «учение», железногвардеец, имеющий поддержку королевского дворца, Т. Херсени обнаружил в нем «сильную научную основу» и «весьма веский политический идеал». Румынские культурные ценности он относил к «нордическим творениям». Другой расист, А. Рында, объявил современный румынизм «арьергардом великой арийской расы», а «фракийское пространство самым важным расовым резервуаром арийского мира». Для румынского народа самой жизненной проблемой Т. Херсени, а также другой легионерский «теоретик» К. Папаначи считали «очищение от иудаизма, фанариотства, цыганства». Профессор Н. Паулеску, учитель железногвардейцев, отнес евреев к «дегенерирующей расе», а его последователь Т. Типэреску твердил, что «в силу их нечистоты евреи являются самыми опасными носителями и распространителями инфекционных болезней», но сами не заболевают. Журналист-железногвардеец М. Полихрониаде отнес победу в «еврейском вопросе», достигнутую национал-социалистами в Германии, к «эпохальным событиям в истории человечества». Стали выдвигаться конкретные предложения относительно того, как на практике следует решать еврейскую проблему. Некий профессор А. Рэзме-

рицэ свой изданный «труд» озаглавил «Как нам защищаться от евреев. План тотального исключения». Критикуя какого-то священнослужителя, предлагавшего топить евреев в Черном море, Рэзмерицэ предлагал следующее решение: «…удаление евреев из городов и направление на работу в сельской местности; лишить евреев права обращаться в судебные органы; увиливание от принудительного труда наказывать расстрелом; создавать в селах лагеря численностью 24–40 человек, принудительный труд распространить и на детей старше 10 лет. Этих детей отнимать у родителей, в их удостоверения личности записывать фамилию хозяина, которому в рабство отдан еврейский ребенок»[100]. Комментарии излишни.

Имея, как уже отмечалось, жизненно важные экономические и политические интересы в Румынии, правители гитлеровской Германии использовали различные способы для насаждения и укрепления фашистских организаций в этой стране. Получая денежные субсидии из Берлина, «Железная гвардия» стала агентурой гитлеровской Германии в Румынии. Активным ее агентом стал Раду Лекка, будущий при И. Антонеску уполномоченным правительства по еврейским делам. Контактируя с ведомством А. Розенберга, Р. Лекка, будучи направленным в Бухарест в качестве корреспондента гитлеровского официоза «Фёлькишер Беобахтер», много трудился на поприще сплочения правых сил в стране.

Большую работу проводили немецкие спецслужбы по вербовке своей агентуры среди обучавшихся в Германии румынских студентов. 4 июня 1936 г. посланник Румынии в Берлине Н.Р. Комнен докладывал тогдашнему министру иностранных дел страны Н. Титулеску: «В последнее время, в ущерб учебе и спокойствию своих коллег, некоторые лица почти всю свою деятельность подчиняют политическим целям, поддерживают свою связь с определенными политическими группировками в стране и пытаются внедрить среди нашего студенчества идеи и действия, несовместимые с нашей государственной концепцией». В этом плане, отмечается в другом донесении Н.Р. Комнена от 3 февраля 1938 г., внимание «уделялось румынским немцам из Трансильвании и Баната, прибывшим в Германию якобы для совершенствования агрономических знаний… Меня информировали, что имеем дело с ловким маневром германской пропаганды, и за спиной этого фасада крестьянского обучения в действительности скрывается реальная опасность. Они зачислены в военизированные принудительные отряды («Arbeitdienst»), где, кроме понятий по земледелию, они получают, главным образом, национал-социалистское воспитание – пятая колонна Германии в случае войны»[101].

Правители Германии рассматривали румынских немцев, проживавших компактными массами в Южной Трансильвании, Банате, южных уездах Бессарабии и кое-где в Буковине, в качестве своей надежной опоры в этой стране. Пользуясь стремлением румынских правящих кругов наладить добрые отношения с набирающей силы Германией, гитлеровцы почти беспрепятственно посылали в места проживания своих соплеменников агитаторов, пропагандистскую литературу, радиоприемники немецкого производства и др. Одни приезжали как туристы, другие, как бизнесмены, третьи для развития культурных связей. Как грибы в лесу после летнего дождя размножались гитлеровские организации среди немецкой диаспоры в Румынии. Прошло всего полтора года после прихода Гитлера к власти, а в одном Аккерманском уезде активных членов местной национал-социалистской организации было уже 117, да еще симпатизантов 437[102].

В Румынии для евреев стала складываться обстановка, во многом схожая с положением их единоверцев в гитлеровской Германии. Попытки добиться у правителей страны прекращения преследований не увенчались успехом. Посещение и беседа еврейских лидеров Фишера и Зингера с премьером О. Гогой относительно соблюдения Договора о меньшинствах, состоявшаяся 4 января 1938 г., оказалась безрезультатной. Никто

из влиятельных румынских политиков не встал на защиту евреев, пришлось ее искать за рубежом. В конце 1937 – начале 1938 г. во время посещения Парижа, Лондона и Женевы В. Фильдерман информировал международные еврейские организации – Всемирный еврейский конгресс, Комитет защиты прав евреев Восточной и Центральной Европы, Джойнт, еврейские общины Франции и Великобритании, а также дипломатов западных стран о положении евреев в Румынии. Еврейские международные организации обратились с меморандумами в Лигу Наций, ходатайствуя о включении в повестку дня Лиги Наций вопроса о нарушении Румынией Договора о меньшинствах касательно, в частности, евреев. На основе официальных статистических данных в Меморандумах Исполкома Всемирного еврейского конгресса, врученных Лиге Наций, разоблачался миф о «наводнении» Румынии в 1919–1920 гг. из России и Венгрии, по утверждению короля Кароля II, 250 тыс. евреев, премьер-министра О. Гоги – 500 тыс., прессы («Ţara Noastră», 6.01.1938 г.) – 1 млн. Нагнетая атмосферу вокруг «еврейского вопроса» в Румынии, говорили и писали, что численность еврейского населения в стране достигает 1,5–2 млн человек. Между тем, по данным Нансеновского комитета, на 3 сентября 1936 г. беженцев из России в Румынии, включая евреев и неевреев, зарегистрировано всего 11 тысяч. «Никакая массовая эмиграция евреев в Румынии, – указано в Меморандуме, – не имела места».

Число евреев в Румынии, отмечается в другом Меморандуме Исполкома Всемирного еврейского конгресса, даже уменьшилось. В 1910 г. на территории Румынии и присоединенных уже после Первой мировой войны территориях проживало, согласно официальной статистике, евреев: в собственно Румынии – 240 тыс., Буковине – 103 тыс., Трансильвании – 64 тыс., Банате – 26 тыс., Марамуреше – 150 тыс., Бессарабии – 267 тыс., итого – 850 тыс. Согласно же всерумынской переписи населения 1930 г., численность еврейского населения Румынии составляла 758 тыс., то есть почти на 100 тыс. меньше[103]. Румынскому министру иностранных дел удалось выхлопотать отсрочку на два месяца обсуждения в Лиге Наций вопроса о положении евреев в стране.

И в Бухаресте посланники западных держав, особенно Франции, высказывали премьеру О. Гоге недовольство политикой возглавляемого им правительства, в том числе в отношении евреев, которые, пребывая в состоянии паники и опасаясь национализации, стали изымать из банков свои капиталы и сбережения, многие ремесленники и мелкие торговцы из сельской местности стали перебираться в город и т. д. После ухода Н. Титулеску заметно обострились советско-румынские отношения. 5 января 1938 г. в беседе с О. Гогой советский полпред в Румынии М.С. Островский заявил, что в Советском Союзе с предубеждением относятся к его кабинету, так как он, Октавиан Гога, в последние три года неоднократно выступал против «всякого сотрудничества с СССР», а официоз его партии 8 ноября 1937 г. обещал, что как только партия придет к власти, она присоединит Румынию к антикоминтерновскому пакту. М.С. Островский пригрозил румынскому премьеру, что его правительство вновь реанимирует бессарабский вопрос, замороженный при Н. Титулеску, «если Румыния присоединится к антикоминтерновскому пакту, или обрушатся удары против местного населения Бессарабии»[104].

Правительство Гоги–Кузы было переходным, ему предназначалось жить всего 44 дня. При этом правительстве в экономике Румынии углубились кризисные тенденции, что вызвало недоверие деловых кругов Румынии к политике НХП. Стремление правительства О. Гоги сблизиться с блоком фашистских государств вызывало все бóльшее раздражение у западных держав. Вину за падение своего правительства О. Гога возложил, естественно, на евреев. Правительство О. Гоги расчистило путь для установления открытой диктатуры короля, фактически ознаменовавшей конец буржу-

азного парламентаризма в Румынии даже в той внутренне выхолощенной форме, в которой он существовал до начала февраля 1938 г.

Падение правительства Гоги–Кузы было воспринято на еврейской улице с удовлетворением, хотя новое правительство во главе с православным патриархом Мироном Кристей, известным своими националистическими и антисемитскими взглядами, ничего хорошего не сулило. В качестве министров без портфеля в состав правительства были включены почти все в прошлом премьер-министры: маршал А. Авереску, К. Анджелеску, Г. Тэтэреску, Г.Г. Миронеску, А. Вайда-Воевод, Н. Йорга, А. Вэйтояну. Последние трое особенно славились своим антисемитизмом. Отказались войти в правительство Ю. Маниу и обиженный О. Гога. Генерал И. Антонеску остался министром национальной обороны и стал к тому же исполняющим обязанности министра авиации и флота.

27 февраля 1938 г. была обнародована новая конституция Румынии, составленная близким другом короля, упомянутым И. Мическу, наделившая Кароля II неограниченными правами: законодательной, исполнительной и судебной властью – и в то же время освобождала от какой-либо ответственности за его деяния. Охрана общественного порядка была возложена на военные власти.

Формально конституция вроде признала равноправие всех граждан, независимо от национальности и вероисповедания, провозгласила свободу слова и печати, но в рамках установленных законов. Действующие законы, изданные при правительстве О. Гоги, о запрете демократических газет, а также на языках идиш, иврит, русском, никто не отменял. Наличие оговорки, что при занятии должностей в государственных организациях, гражданских и военных, предпочтение отдается лицам титульной нации, лишало евреев всякого доступа к ним. Установленные новые правила выдвижения кандидатов в депутаты парламента исключили евреев из этого органа, лишь одно место в Сенате сохранилось для главного раввина Румынии.

Продолжалось претворение в жизнь закона о пересмотре гражданства для лиц еврейской национальности, вытеснение их из сфер производства и торговли путем изъятия разрешений на право работать по профессии, содержать мастерскую и лавку, увольнения с работы, исключения из профсоюзов и т. д. При королевской диктатуре, как и прежде, многочисленные газеты и журналы вели необузданную юдофобскую пропаганду.

После обнародования новой конституции правительство Мирона Кристи ушло в отставку, и в тот же день, 30 марта 1938 г., Мирон Кристя сформировал новый кабинет, в котором главные министерские посты заняли представители центристского крыла Национал-царанистской партии (А. Кэлинеску) и политические сторонники Г. Тэтэреску. В этот же день был опубликован декрет об учреждении Коронного совета, в состав которого король включил вышеперечисленных бывших глав правительства, они же бывшие министры без портфелей в первом составе правительства Мирона Кристи. Решения этого органа носили совещательный характер. 30 марта также был опубликован декрет о роспуске всех политических партий. Данный декрет был неодобрительно встречен руководителями НЦП и НЛП, но эти формально распущенные партии продолжали довольно открыто и безнаказанно действовать. Главари партии «Все для Отечества», под ширмой которой действовала «Железная гвардия», объявили о ее роспуске еще 21 февраля 1938 г. На самом же деле К. Кодряну продолжал подпольно вести фашистскую пропаганду, связывая свои надежды с успехами гитлеровской Германии и опираясь на ее финансовую поддержку.

Правящие круги Румынии не возражали против разнузданной антисемитской и шовинистической пропаганды «Железной гвардии». Однако их пугала социальная демагогия легионеров, их обещания мелкобуржуазным слоям города и крестьянам, в частности о предстоящем разделе земли. Даже близкий к «Железной гвардии» генерал

И. Антонеску упрекал К. Кодряну в том, что своей агитацией он подталкивает страну к «революции»[105]. Пугала правящую верхушку и практика террора, применяемая железногвардейцами к политическим противникам. Румынское правительство было готово ценой экономических и политических уступок установить дружеские отношения с Германией и Италией. Однако оно не было готово тотчас же присоединиться к оси Берлин–Рим, как добивался и объявил К. Кодряну, а продолжало уповать на помощь старых французских и английских союзников, которые сумеют отстоять границы, установленные Версальской системой договоров. Н. Йорга, сторонник Кароля II, требовал, чтобы «Железная гвардия» ограничила свою деятельность антисемитской и антикоммунистической пропагандой и превратилась в антикоммунистическую лигу[106]. Но главари «Железной гвардии» во главе с К. Кодряну стремились к захвату власти и при этом угрожали расправиться со своими противниками среди румынской политической элиты. Король и камарилья, со своей стороны, хотели при помощи твердой власти изолировать верхушку «Железной гвардии», а ее рядовых членов привлечь на свою сторону и подчинить своим интересам. Обеспокоенный активизацией «Железной гвардии», воодушевленной захватом гитлеровской Германией в марте 1938 г. Австрии, министр внутренних дел А. Кэлинеску распорядился взять под стражу ее главарей. В ночь на 19 апреля 1938 г. К. Кодряну был арестован по обвинению в написании оскорбительного письма королевскому советнику Н. Йорге. Но власти не осмелились предать гласности оказавшиеся в их руках документы о тесных связях К. Кодряну с гитлеровской Германией, от которой он получал крупные суммы денег. Арест К. Кодряну и других главарей «Железной гвардии» на какое-то время внес успокоение в среду румынских евреев, которые расценили это как нежелание правительства допустить погромы. Но, в сущности, это не изменило политику правительства в «еврейском вопросе».

Сложившаяся напряженная обстановка в Европе, в связи с наступлением ревизионистских государств против Версальской системы, вызвала, как и следовало ожидать, обострение национального вопроса в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы с их значительным количеством национальных меньшинств. Румыния была в числе таких стран. 3 апреля 1938 г. был учрежден Генеральный комиссариат по делам национальных меньшинств. В принятом 4 августа 1938 г. «Уставе» власти повторили положения карлистской конституции о праве национальных меньшинств пользоваться родным языком в исповедовании своей религии, в прессе, в личных контактах, на собраниях и даже в производственной и коммерческой деятельности, иметь свои школы с обучением на родном языке и даже наравне с румынами занимать должности в государственных органах. От национальных меньшинств требовалось, естественно, проявлять лояльность к государству. Действие «Устава» распространялось на проживавших в стране венгров, немцев, украинцев, болгар и др., но не касались евреев, поскольку они не были отнесены к национальным меньшинствам, а в массе своей объявлены чужеземцами. Мотивацией служило следующее: евреи не выступают как единая этническая группа, значительная часть – сионисты и многие члены Еврейской партии – ориентированы на эмиграцию в Палестину; другая часть – за интеграцию в румынское общество; мол, сам Фильдерман не желает, чтобы его причисляли к национальным меньшинствам, а считали «румыном иудейского вероисповедания»; и, наконец, у евреев нет своего государства, отстаивающего их права.

Касательно евреев обязательства Румынии по «Договору о нацменьшинствах» и по другим договорам, подписанным после Первой мировой войны, были напрочь отброшены. В Европе господствовали другие веяния, исходившие от крепнущей изо дня в день гитлеровской Германии. Они подбадривали румынские власти при принятии очередных антисемитских мер. Приказом от 17 марта 1938 г. румынским владельцам

аптек было запрещено сдавать их в аренду провизорам-евреям, а по окончании контрактов продлевать их. 25 мая было введено положение о необходимости для евреев получать специальные разрешения для участия в банковском деле. 9 июня было принято решение о подтверждении дипломов зарубежных высших учебных заведений их обладателями, а, как известно, это были в основном евреи, для которых по разным причинам были закрыты двери румынских вузов. 16 июня лица, утратившие гражданство по закону от 22 января 1938 г. и причисленные в силу этого к чужестранцам, но еще временно сохранявшие какие-то доходы, были обложены особым налогом, введенным для иностранцев. В этот же день, 16 июня, хозяевам ремесленных мастерских нерумынской национальности, а таковыми в большинстве случаев были евреи, было запрещено иметь в своем штате более десяти наемных рабочих, обычно это были такие же евреи-ремесленники. Начались увольнения. Инженерам-евреям было отказано в праве работать по специальности, если они не являются членами Ассоциации инженеров, наделенной правом выдавать такие разрешения. 27 ноября 1938 г. был опубликован «Список румынских архитекторов», в него не был включен ни один еврей[107].

Ко всем этим антиеврейским акциям, исходившим от верхов, еще добавлялись изобретенные на местах. В июне 1938 г. примария г. Черновцы распорядилась, чтобы все евреи, утратившие гражданство, ликвидировали свои дела в течение 14 дней[108]. В соответствии с принятым в августе 1938 г. законом об административной реформе, территория страны была разбита на десять областей (ţinuturi), возглавляемых назначенными монархом королевскими резидентами. Последние, отобранные из числа доверенных монархии лиц, были наделены обширными полномочиями. Одним из них оказался профессор Г. Алексяну, при диктатуре И. Антонеску ставший губернатором Транснистрии. Первую школу в качестве губернатора он прошел как королевский резидент в «цинуте Сучава» с центром в буковинском городе Черновцы, в котором проживали 42 932 еврея (по переписи 1930 г.), более 1/3 всего населения города. Вообще, как известно, Буковина – многонациональный край, где проживали румыны, украинцы, евреи, поляки, немцы и др. В своей среде они беспрепятственно разговаривали на родном языке, но королевского резидента Алексяну раздражал еврейский. 1 декабря 1938 г. за подписью Г. Алексяну было обнародовано постановление («Deciziune»), запрещавшее евреям повсеместно – в учреждениях, предприятиях, общественных местах и даже на улице – разговаривать на другом, кроме румынского, языке. Далее были перечислены наказания за нарушение резидентского постановления: закрытие предприятия от 3 до 10 дней, его ликвидация и даже лишение румынского гражданства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мотивируется это решение следующим: «В последнее время в некоторых уездах цинута Сучава, где проживает большое число еврейского населения, отмечается большое число пожаров на еврейских предприятиях и в домах. Постановление губернатора принято в целях предупреждения таковых, защиты общественной собственности, обеспечения общественного порядка». Как использование того или иного разговорного языка отражается на возникновении пожаров – остается только догадываться.

Еще приказано было всем примарам области составить списки евреев, утративших гражданство, а префектам, квесторам полиции и командирам жандармерии по этим спискам претворять в жизнь предписания, вытекающие из утраты румынского подданства[109].

В обстановке повседневной травли и неуверенности в завтрашнем дне, среди румынских евреев росла тяга к эмиграции из страны. Не перевелись и случаи насильственных действий против евреев, в том числе со смертельными исходами. 26 ноября 1938 г. в г. Тимишоара в начале концерта труппы известной еврейской актрисы и певицы Сиди Таль местные легионеры (двое студентов местного политехнического

университета и двое железнодорожных рабочих) совершили террористический акт: с балкона театра бросили в гущу зрителей две гранаты, от взрыва которых были убиты четыре, тяжело ранены 40 и легкими ранениями отделались 20 человек. В течение 22–28 ноября 1938 г. в этом городе железногвардейцы подожгли несколько еврейских предприятий[110]. Открытая антисемитская пресса Румынии не только не осуждала бандитские действия железногвардейцев, кузистов и других юдофобов, но и агитировала за создание для евреев невыносимых условий и вынуждала их покинуть страну. Сами же правители страны, пока еще рассчитывавшие на способность Великобритании и Франции отстоять Версальский мир, добивались «цивилизованного» решения «еврейской проблемы» в стране. Мы, заявил в одном из интервью Кароль II, «вздохнули бы, конечно, если бы видели, что некоторые проживающие у нас евреи добровольно уехали бы отсюда». Расчеты строились на решении «еврейского вопроса» в международном плане. В связи с бегством десятков тысяч евреев из Германии, а затем также и из Австрии, он действительно принял характер мировой проблемы. Румыния и Польша проявляли особую активность в проталкивании решения «еврейского вопроса»[111]. Он рассматривался и был объектом дискуссий в январе, мае и сентябре 1938 г. в Лиге Наций, на Эванской конференции (6–15 июля 1938 г.), выдвигались различные проекты, но практически все обсуждения окончились ничем[112]. Ни одна держава не собиралась взваливать на свои плечи бремя устройства сотен тысяч беженцев, лишенных крова в своих странах, к тому же еще в массе своей без средств к существованию. Погромная волна в Германии в ноябре 1938 г., вошедшая в историю под названием «Хрустальная ночь», сконцентрировала все внимание международных еврейских организаций на спасении немецких евреев и, естественно, отодвинула на задний план проблемы румынских и польских евреев. Правительство консерваторов Великобритании, обладающее мандатом Лиги Наций на Палестину, не желавшее обострять отношения с арабами, резко ограничило эмиграцию евреев в Палестину по линии сионистских организаций. В 1938 г. из Румынии на историческую родину выехали 466 человек, а всего за 1931–1939 гг. эмигрировали из Румынии в разные страны 9637 евреев, а иммигрировали в Румынию 1784[113].

В конце 1930-х гг., по мере фашизации внутриполитической жизни в стране, что во многом определялось ростом германского влияния в Европе, положение румынских евреев продолжало ухудшаться. Если захват Австрии Германией явился грозным предостережением для стран Малой Антанты, то капитулянтская политика Англии и Франции при подписании Мюнхенского вердикта 30 сентября 1938 г., в результате которого от Чехословакии была отторгнута и передана Германии Судетская область, подорвала веру в готовность западных держав отстаивать Версальскую систему. Посещение в ноябре 1938 г. Каролем II Лондона и Парижа завершилось разочарованием: английское правительство Дж. Чемберлена в кредитах отказало и отклонило предложение о покупке румынской нефти и зерна. Французские руководители остались глухи к выраженным Каролем II опасениям, что, если не затормозить германское проникновение в Румынию, эта страна приберет к рукам всю румынскую экономику. Посетил румынский король и Германию, где у него состоялись встречи с Гитлером, Герингом и Риббентропом. Кароль II обещал и впредь не разрешать пропуск советских войск через румынскую территорию для оказания помощи Чехословакии в случае ее войны с Германией, согласился углубить экономическое сотрудничество с Третьим рейхом, просил не поддерживать территориальные притязания Венгрии. А. Гитлер ограничился лживым утверждением, что румыно-венгерские отношения не касаются Германии. Румынский король был доволен визитом в Германию и был готов заключить с ней политическое и экономическое соглашения.

Во время отсутствия Кароля II в Бухаресте активизировалась деятельность «Железной гвардии», были совершены террористические нападения, некоторые политические деятели получили угрожающие письма. Многие из правящей верхушки Румынии считали, что деятельность «Железной гвардии», проповедующей террор и насилие, может ввергнуть страну в состояние анархии и подорвать устои режима королевской диктатуры. В ночь на 30 ноября 1938 г., по распоряжению министра внутренних дел А. Кэлинеску и с одобрения румынского монарха, К. Кодряну, отбывавший 10-летнее тюремное заключение, и другие 13 главарей фашистского движения, включая троих убийц бывшего премьера И. Дуки, были расстреляны «при попытке к бегству»[114]. Одновременно был смещен с поста командующий 3-й армией И. Антонеску, выступавший в защиту К. Кодряну на процессе последнего, отказавшийся арестовать железногвардейцев и потребовавший лучшего обращения с ними.

Расправа с главарями «Железной гвардии» вызвала гнев в гитлеровской Германии. Спустя шесть дней после встречи румынского короля с верхушкой Третьего рейха расстрел их агентуры в Румынии выглядел как вызов. По приказу А. Гитлера германские сановники вернули полученные ими румынские ордена, а посланник Германии в Румынии В. Фабрициус был отозван в Берлин. В первых числах декабря 1938 г. германская пресса негодовала по поводу этого убийства, выдавая его за еврейскую диверсию. Газеты безапелляционно твердили: «В интересах жидовской политики»; «Политическое преступление, осуществленное в интересах еврейства Румынии»; «Румыния горит: еврейский террор свирепствует над румынским народом»[115]. В Бухаресте запаниковали, опасались, что разгневанные гитлеровцы пойдут на разрыв дипломатических отношений с Румынией. Однако те воспользовались ухудшением румыно-германских отношений, чтобы добиться от Бухареста уступок в экономической области. 10 декабря 1938 г. было подписано новое румыно-германское соглашение, предусматривавшее увеличение в 1939 г. поставок нефти на 20–25 %, продажи сельскохозяйственной продукции, при этом курс марки повышался с 38–39 леев до 40,5–41,5 леев, что удешевляло стоимость румынских поставок в Германию.

Королевская камарилья посчитала, что мюнхенская политика будет Западом продолжена, и поэтому Румыния должна, не порывая с Францией и Англией, идти на сближение с гитлеровской Германией и получить от нее гарантии установленных в Версале границ, в первую очередь, не поддерживать притязания хортистской Венгрии на Трансильванию.

Сближение с фашистской Германией не сулило ничего хорошего румынским евреям, положение которых и без того с каждым годом ухудшалось. Стремясь создать социальную опору режиму, Кароль II 15 декабря 1938 г. обнародовал декрет о создании новой политической партии – Фронта национального возрождения (ФНВ) во главе с самим королем. В ФНВ загнали государственных служащих, бывших и действующих членов формально распущенных партий, людей различных политических взглядов, которых объединяла только униформа. В ФНВ могли вступать все этнически румынские граждане с 21 года, но специальные секции были созданы для немцев и венгров. Еврейские руководители – главный раввин Ниемировер, Фильдерман и Фишер – просили и для евреев-граждан открыть ворота Фронта, но государственный субсекретарь по делам нацменьшинств С. Драгомир ответил, что «пока» это невозможно «по мотивам, связанным с внешней политикой». А министр иностранных дел Гр. Гафенку, заменивший 23 декабря 1938 г. на этом посту Н. Петреску-Комнена, который на фоне других членов правительства слыл демократом, в беседе с еврейской делегацией признал, что ситуация изменилась, и румынское правительство должно считаться с Германией, которая настаивает на антисемитской политике[116].

Тем временем, пользуясь попустительством правительств Великобритании и Франции, 15 марта 1939 г. фашистская Германия оккупировала Чехословакию, создала вассальное марионеточное словацкое государство. С ее санкции Венгрия захватила Закарпатскую Украину. Угроза нависла над Румынией, в ее правящих кругах царила растерянность. В этой обстановке 23 марта 1939 г. был подписан румыно-германский экономический договор, положивший начало постепенному подчинению Германии румынской экономики и установлению полного контроля над нею. Как бы в ответ на румыно-германский договор были заключены румыно-французское (31 марта 1939 г.) и румыно-английское (11 мая 1939 г.) экономические соглашения, которые, в сущности, не облегчили экономическое положение Румынии. Чтобы успокоить мировую общественность, встревоженную политикой непрерывных уступок фашистским государством, правительства Великобритании и Франции заявили, что они помогут Польше в защите ее независимости и 13 апреля 1939 г. в одностороннем порядке дали Румынии и Греции гарантии, предусматривающие оказание помощи правительствам этих государств, если те сочтут, что независимость их стран находится под угрозой, которую необходимо защищать от агрессора.

События развивались с молниеносной быстротой. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении и ставший много лет спустя известным секретный протокол, зафиксировавший, среди прочего, и особый интерес СССР к Бессарабии. Спустя восемь дней, 1 сентября 1939 г., нападением на Польшу гитлеровская Германия развязала Вторую мировую войну. На второй день Великобритания и Франция вступили в войну. Устоять перед натиском гитлеровских полчищ польская армия была не в состоянии. 17 сентября Красная армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

Тысячи польских евреев, стараясь избежать гитлеровской оккупации, а богатые – также оказаться в царстве большевиков, бежали в Румынию, часть из них осела в Черновцах, более богатые, у которых были за рубежом капиталы или состоятельные родственники, через Румынию перебирались на Запад. Сама Румыния решением Коронного совета от 6 сентября 1939 г. постановила «строго соблюдать правила нейтралитета»[117].

Активизировалась деятельность «Железной гвардии», наладилась связь между легионерами, бежавшими после расстрела К. Кодряну в Германию, и ушедшими в подполье в Румынии. В вождях организации утвердился ранее мало приметный преподаватель лицея в Банате Хория Сима, который скрывался в Берлине. По его приказу 21 сентября 1939 г. группа из девяти легионеров во главе с прибывшим из Германии М. Константинеску расстреляла премьер-министра А. Кэлинеску и, ворвавшись на радиостанцию в Бухаресте, объявила на всю страну: «Капитан отомщен!». Вся группа была захвачена и расстреляна. В течение 22–28 сентября 1939 г. в каждом уезде было расстреляно 3–15 местных легионеров, всего по стране 224, их трупы выставлены на видные места, рядом вывешены плакаты с надписями: «Так наказываются предатели».

Расстрел легионеров не облегчил положение евреев. Эта акция лишь добавила им страху, потому что они усмотрели в ней господство беззакония и самоуправства.

Осенью 1939 г. внезапно умер главный раввин Румынии Яков Немеировер, который возглавлял раввинат 20 лет. 4 февраля 1940 г. состоялся Конгресс Союза еврейских общин Румынии, на нем присутствовали делегаты от 59 из 63 общин. В. Фильдерман произнес верноподданническую речь, сказав, что в это тяжелое время все взоры евреев обращены к королю Каролю II, «воссоздателю, мудрому и храброму защитнику и руководителю Страны», заверил его в «безграничной любви и непоколебимой готовности защитить Родину». Он призывал присутствующих приобретать облигации по «осна-

щению армии», одаривать призванных на сборы пуловерами, шарфами, носками и т. д. Конгресс направил приветственные телеграммы королю, отметив, с какой «мудростью он управляет судьбами страны», премьер-министру Г. Тэтэреску и министру культов И. Нистору[118].

Из 8 претендентов на пост главного раввина больше всех голосов (76 из 168) получил 29-летний раввин Александр Шафран, сын главного раввина г. Бакэу Безалела Зева Шафрана, пользовавшегося большим авторитетом в еврейских кругах. Кандидатура избранного раввина, получившего европейское и румынское образование, была одобрена властями, и 3 марта 1940 г. в Хоральной синагоге Бухареста, в присутствии министра культов профессора И. Нистора и президента Академии наук К. Рэдулеску-Мотру, произошло торжественное вступление в должность нового главного раввина. По действовавшему положению А. Шафран становился сенатором, хотя, согласно новому избирательному закону от 9 мая 1939 г., он не достиг положенного возраста. Как отмечает в своих воспоминаниях А. Шафран, председатель Сената К. Арджентояну, известный и влиятельный политик, «узаконил мой допуск в Сенат, несмотря на возраст».

А. Шафран чувствовал себя в Сенате совсем неуютно. «В течение первых пяти-шести месяцев моей деятельности в Сенате, – пишет он, – у меня было немало возможностей для встреч и бесед с румынскими политиками, которые не только проявляли недружелюбие, но и представляли потенциальную опасность. Нельзя забывать, что среди них были такие люди, как А.К. Куза и Николае Йорга… Патриарх Никодим, глава христианской православной церкви Румынии, внешне очень сдержанный человек, в Сенате относился ко мне высокомерно и холодно. Мне казалось, что для него непереносима сама мысль – как человек моего положения может так хорошо знать румынский язык!

Бэлан, митрополит Трансильвании, был весьма решительным и, как все трансильванцы, надменным человеком: он держался на расстоянии. Тит Симедря, митрополит Буковины, проявлял ко мне откровенную враждебность, как и ярый антисемит митрополит Пую Виссарион. Католический епископ Чизар всегда хмурился при встрече со мной; а главы немецкой евангелической церкви являлись откровенными антисемитами. Таким образом, у меня не было недостатка в противниках в Сенате»[119].

Проявлявшаяся неприязнь к единственному представителю евреев в Сенате (а в парламенте их вообще не было), отражала царившую в стране атмосферу вражды к ним, подпитывавшуюся ростом влияния нацистской Германии в Европе. Между тем, международное положение самой Румынии в результате нарастания мощи гитлеровской военной машины осложнялось с каждым днем. Венгрия и Болгария, союзники Германии в Первой мировой войне, все громче предъявляли свои территориальные претензии к Румынии. Правительство К. Арджентояну, сменившее у власти правительство убитого железногвардейцами А. Кэлинеску, считало, что главная опасность для Европы исходит от «русского большевизма». Оно добивалось создания под эгидой фашистской Италии блока «нейтральных государств» в составе Румынии, Венгрии, Югославии. Но эта затея лопнула. 24 ноября 1939 г., в связи с разногласиями в правительстве из-за новых экономических уступок Германии, К. Арджентояну ушел в отставку. 24 ноября 1939 г. премьер-министром стал Г. Тэтэреску, который, хотя и считался франкофилом, всегда сохранял хорошие отношения с Германией, а в самом правительстве образовалось профашистское крыло в лице двух бывших министров в правительстве Гоги – кузистов И. Мическу и И. Джигурту. Важнейший пост министра экономики занял К. Анджелеску, ближайший сподвижник антисемита А. Вайды-Воевода, ставшего в январе 1940 г. председателем Фронта национального возрождения (ФНВ). Из состава прежнего правительства были выведены В. Яманди, занимавший пост министра юстиции и известный своим отрицательным отношением к «Железной гвардии», и генерал Г. Маринеску,

министр общественного порядка, руководивший расстрелом железногвардейцев после убийства А. Кэлинеску. Эти перестановки указывали на усиление в правительственных кругах тенденции к сближению с Германией. Ориентация на Германию и Италию, в лице которых Румыния искала поддержку, в первую очередь, в случае осложнения отношений с СССР в вопросе Бессарабии, усилилась после того, как Великобритания и Франция, занятые войной с Германией и не намеревавшиеся пока идти на конфликт с СССР, фактически отказались от открытого распространения своих гарантий на восточные границы Румынии, обусловив такое заявление рядом невыполнимых условий.

Демонстрируя свою решимость любой ценой сохранить Бессарабию в составе Румынии, Кароль II 7 января 1940 г. совершил поездку в Кишинев, где он выступил с воинственной речью, в которой сказано было, что Бессарабия «будет навеки румынской»[120].

Имея свободу рук по секретному договору с Германией от 23 августа 1939 г. в вопросе о Бессарабии, советское правительство 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР в докладе о внешней политике заявило «о наличии нерешенного вопроса о Бессарабии», захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал»[121].

На второй день Г. Тэтэреску встретился с германским посланником в Румынии В. Фабрициусом и заявил ему, что Румыния считает своей важнейшей задачей налаживать дружбу с Германией, которая единственная «в состоянии повлиять на Москву». Он просил помощи Рейха в оснащении румынской армии вооружением. Еще через день тот же В. Фабрициус докладывал в Берлин, что румынский премьер, министр иностранных дел и министр обороны Румынии в один голос заявили ему, что Румыния будет равнять свою политику на Германию, а последняя должна взять на себя обязанность «защищать ее от России». Спустя две недели под впечатлением побед германских войск, вторгшихся в Данию и Норвегию, последовали новые демарши румынского правительства в сторону укрепления связей с гитлеровцами. 15 апреля 1940 г. министр королевского двора Э. Урдэряну старался убедить В. Фабрициуса, что «и сейчас, и в будущем для Германии важно, чтобы устье Дуная не оказалось в руках другой великой державы»[122].

Тем временем обе стороны – румынская и советская – стягивали войска к Днестру, начались взаимные обвинения в нарушениях границы. На переподготовку в Румынии призывались десятки тысяч военнообязанных, по мобилизации население направлялось на строительство дорог, начались массовые реквизиции лошадей и транспорта. Все это ложилось тяжелым бременем на плечи народа, особенно страдало население Бессарабии, так как военные приготовления проводились главным образом на Днестре.

Ублажая гитлеровцев, румынские правители увеличивали экспорт в Германию по льготным ценам нефти и сельскохозяйственных продуктов в обмен на срочные поставки оружия, на 15 % в очередной раз повысили курс немецкой марки и др. Королевская камарилья предприняла шаги по налаживанию отношений с вожаками «Железной гвардии». 16 марта 1940 г. все румынские газеты опубликовали письмо группы видных легионеров, отбывавших наказание в заключении, в котором они заявили о покаянии и поддержке режима королевской диктатуры. В этот же день из тюрем были выпущены на свободу 786 железногвардейцев. Как писала хорошо осведомленная в румынских делах швейцарская газета «Нойе цюрихер цайтунг», румынские правящие круги «хотели доставить удовольствие Берлину»[123]. В вышеупомянутом докладе глава ССИ Е. Кристеску, напоминая, как была достигнута разрядка («destinderea») между королевским двором и главарями «Железной гвардии», писал: «После смерти Арманда Кэлинеску и примерного наказания легионерского движения последовала разрядка, вызванная главным образом внешней политикой, которая все больше тяготела к сближению с Рейхом, и выразителем этого желания были Урдэряну (министр королевского двора – *И. Л.*)

и Гельмеджану (министр внутренних дел – *И. Л.*)». Далее в докладе отмечается, что «сближение» с «Железной гвардией» шло по трем каналам и «разрядка», достигнутая в 1940 г., «стоила много денег». Е. Кристеску приводит фамилии взяткодателей из королевской камарильи и взяткополучателей из легионерского движения[124].

В Берлине не очень доверяли румынским правителям и готовили им замену своей агентурой из «Железной гвардии». Главарь легионеров Хория Сима, который после расстрела К. Кодряну скрывался в Германии, был направлен в Бухарест с задачей активизировать деятельность железногвардейцев и подготовить смену режиму королевской диктатуры. «По прибытию в страну, – пишет Е. Кристеску, – он установил контакт, в первую очередь, с Гельмеджану и Морузовым (начальником румынской секретной службы – *И. Л.*). Морузов передал в его распоряжение примерно 3 миллиона леев, которые были переданы лично Хорией Симой руководителям уездных организаций в кабинете Ники Штефэнеску (начальника одного из управлений Министерства внутренних дел – *И. Л.*)… Застолья и совещания в этот период проводились каждый вечер, в них поочередно участвовали Хория Сима с Морузовым, Урдэряну, Гельмеджану»[125].

По мере изменения внешнеполитического курса правящих кругов Румынии с ориентацией на гитлеровскую Германию продолжало ухудшаться положение евреев. Оно, пишет А. Шафран, «много раз становилось предметом обсуждения в Парламенте, и мой долг был всеми силами сопротивляться несправедливым проектам законов, которые касались нас и вносились чуть ли не каждый день (запрещение врачебной профессии). Я имел поддержку доктора Вильгельма Фильдермана (председателя Федерации Союза еврейских общин Румынии – *И. Л.*), доктора Теодора Фишера (бывшего председателя Еврейской партии – *И. Л.*) и Мишу Бенвенисту (председателя Комитета сионистской организации Румынии – *И. Л.*)»[126]. Румынские власти оставались глухи и к просьбам зарубежных еврейских организаций о прекращении преследований евреев в стране. «Союз румынских евреев в Америке» («United Romanian Jews of America») – филиал «Американского еврейского конгресса» («American Jews Congress») – на своем заседании 31 марта 1940 г. принял резолюцию с просьбой к королю проявить справедливость к 225 000 евреев Румынии, утратившим в результате пересмотра гражданства средства к существованию, принять меры по устранению «экономической нищеты» румынских евреев, вернуть им политические и гражданские права наравне с другими национальными меньшинствами[127].

«Ситуация особенно ухудшилась, – продолжает свой рассказ А. Шафран, – начиная с мая месяца. 10 мая (1940 г., день национального праздника в Румынии – *И. Л.*) вместе с Фильдерманом, как было заведено, мы направлялись во Дворец (королевский – *И. Л.*), чтобы от имени еврейской общины выразить почтение. Но у главного входа охрана не позволила нам пройти дальше. В этот день Германия напала на Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию»[128].

Головокружительные успехи вермахта в войне на Западном фронте окончательно предопределили направление развития внешней политики Румынии. Король и румынские министры говорили дипломатам Рейха, что Румыния за тесное сотрудничество с Германией «не только в экономической, *но и во всех* (выделено в документе – *И. Л.*) прочих областях», что «король больше не говорит о нейтралитете, а склоняется на сторону Германии. 28 мая 1940 г. был подписан нефтяной пакт (Ölpakt), согласно которому румынское правительство обязалось удовлетворить все требования гитлеровцев относительно поставок Германии румынской нефти, к тому же по ценам намного ниже мировых. 1 июня 1940 г. Гр. Гафенку, олицетворявший прежнюю политику балансирования между двумя блоками западных держав, ушел в отставку, его место занял И. Джигурту, известный своей прогитлеровской ориентацией.

20 июня, то есть за два дня до подписания Францией акта капитуляции перед фашистской Германией, румынский премьер Г. Тэтэреску передал германскому посланнику меморандум, в котором говорилось, что румынское правительство считает сотрудничество между Румынией и Германией, «диктуемое как геополитическим положением, так и новым порядком, устанавливающимся в Европе, «*необходимым во всех областях*» и *требует быстрой организации этого сотрудничества* (курсив в документе – *И. Л.*), которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношениях Румынию, ибо только такая Румыния является гарантией того, что она сможет выполнять роль стража на Днестре и в устьях Дуная»[129]. Стараясь во всем угодить Германии, 21 июня 1940 г. взамен аморфного «Фронта национального возрождения» Кароль II создал фашистскую тоталитарную Партию нации, которую лично возглавил. Процесс превращения Румынии в фашистское государство, который особенно ускорился с установлением королевской диктатуры, завершился официальным признанием фашистской идеологии в качестве духовной основы «нового» государства. 25 июня в румынской прессе появился призыв Х. Симы к членам и симпатизантам «Железной гвардии» о вступлении в Партию нации. 28 июня Х. Сима был включен в состав правительства в должности заместителя министра. Главной своей целью новая партия считала решение «еврейской проблемы». Относительно евреев в разосланном в июле 1940 г. разъяснении сказано: «Гражданам еврейской национальности запрещено вступать в Партию нации, если даже приняли христианство». Христиане, связанные брачными узами с евреями, могут быть приняты в Партию нации только после развода. Рекомендовалось при приеме в эту партию хорошо проверять документы вступающего, ибо за звучащей по-румынски фамилией может скрываться еврей.

§ 4. Правда и ложь о событиях лета 1940 г.

После капитуляции Франции, пока войска Германии и Италии были еще сосредоточены на Западном фронте, в Москве, базируясь на советско-германском секретном протоколе от 23 августа 1939 г., решили не мешкать и приступить к решению вопроса о Бессарабии, о чем 23 июня 1940 г. был поставлен в известность посол Германии в СССР В. фон дер Шуленбург. 26 июня 1940 г. и повторно на второй день советское правительство предъявило Румынии ультиматум с требованием в четырехдневный срок, начиная с 14 часов 28 июня, вывести свои войска из Бессарабии, а также о передаче Советскому Союзу Северной Буковины. Попытки румынских правящих кругов заручиться на случай войны с СССР помощью Германии, Италии и союзников по Балканской Антанте не увенчались успехом. Из Берлина и Рима поступили рекомендации «пока» уступить, поэтому Румынии пришлось принять условия советского ультиматума. 28 июня, в нарушение своих же условий ультиматума, Красная армия вступила на территорию Бессарабии и Северной Буковины, ее моторизованные части в ряде мест, обгоняя отступавшие румынские войска, вышли к берегу Прута.

Как явствует из секретных донесений румынских военных и полицейских органов власти еще в январе 1940 г., о чем подробнее будет сказано дальше, им было известно об антирумынских настроениях, царивших среди призванных на переподготовку бессарабцев и буковинцев. Такие настроения были на севере Бессарабии, в селах Хотинского и Сорокского уездов, особенно украинских, где не были забыты кровавые расправы, учиненные румынскими войсками над участниками восстания в январе-феврале 1919 г. Еще живы были семьи десятков железнодорожных рабочих Бендер и крестьян близлежащих сел, расстрелянных в мае 1919 г. На многонациональном юге Бессарабии пом-

нили жестокое подавление жандармами восстания в Татарбунарах и селах района. Мы уже писали о том, как обошлась с евреями Бессарабии румынская военщина в 1918 г., о грабежах и убийствах впоследствии свидетельствовал сам тогдашний подполковник-штабист И. Антонеску.

Следует признать, что румынские власти, особенно после подписания Договора о меньшинствах и других Версальских договоров, не чинили препятствий деятельности еврейских организаций. В межвоенный период не только в Старом королевстве, но также в Трансильвании, Бессарабии и Буковине действовали созданные до и после 1918 г. еврейские общеобразовательные (на языках идиш и иврит) школы и профессиональные училища, хедеры, ешивы, синагоги и молитвенные дома, больницы и поликлиники, приюты для детей и дома для престарелых, кладбища, благотворительные, театральные и спортивные организации и т. д. Власти, заинтересованные в эмиграции еврейского населения, не препятствовали развитию сионистского движения, особенно большое распространение оно получило среди еврейской молодежи Бессарабии. Но при этом евреи жили в условиях нарастающей с каждым днем атмосферы антисемитизма и юдофобии, не было дня без такого рода выпадов в румынской прессе. Создание образа «еврейского врага», «агента большевиков», «источника всех бед румынского народа» пронизывало выступления почти всей румынской прессы, включая правительственный официоз «România», «престижные» и распространенные «Universul» и «Curentul», не говоря уже об откровенно фашистских и антисемитских «Porunca Vremii», «Sfarmă Piatra» и др. Они возбуждали ненавистнические антиеврейские настроения в массах, что, как показано будет дальше, привело к гибели тысяч евреев.

В Бессарабии и Буковине, где кузисты пользовались значительно бóльшим влиянием, чем в других областях страны, евреи жили в постоянном страхе подвергнуться погромам. Их безнаказанно оскорбляли, унижали, атмосфера особенно накалилась в конце 1930-х гг. в связи с приходом к власти правительства Гоги–Кузы. Десятки тысяч евреев, лишившихся гражданства в 1938 г., утратили веру в завтрашний день. Преследования и запреты обрушились даже на сионистские организации, хотя было известно, что они были совсем недружелюбно настроены к Советскому Союзу, где сионизм был объявлен враждебной идеологией и карался. Тем не менее, 9 января 1940 г. министр внутренних дел Румынии М. Гельмеджану разослал приказ о запрещении отправки сионистскими организациями «любых посылок», о запрещении сбора денег для фонда «Преобразование Палестины», для «подготовки эмиграции»; приказано было конфисковывать и уничтожать любые пропагандистские материалы – брошюры, марки, воззвания и даже коробки из-под свечей. Нарушителям грозили судом[130].

В правительственных кругах Румынии прекрасно понимали, что в случае осложнения ситуации в связи с обострением бессарабского вопроса неприязнь к властям может выплеснуться наружу, в первую очередь, проявить себя среди наиболее гонимого еврейского населения. Чтобы предупредить такие проявления, 26 июня 1940 г., вспоминает тогдашний главный раввин Румынии А. Шафран, сразу после получения советского ультиматума министр внутренних дел Румынии Михаил Гельмеджану вызвал к себе его и В. Фильдермана. «Он сказал, что только возвратился из Дворца, где под председательством короля заседал Коронный совет. Ясно не сказав, что румыны покинут Бессарабию и Северную Буковину, то ли по причине тягостности, то ли из-за того, что новость официально не объявлена, но дал понять, что будет иметь место продвижение войск… «Я предупреждаю, г-н главный раввин, и Вас, г-н Фильдерман, о вашей обязанности дать знать еврейскому населению этих территорий, что они не должны провоцировать наших людей». «Что Вы имеете в виду, более точно?» – я его спросил. «Евреи должны проявить себя как хорошие патриоты», – ответил он, а затем

он сделал намек на важные изменения, которые могут скоро произойти. Я тогда понял, что происходит: ситуация вышла из-под контроля, линии связи уже не работают нормально. Мы попросили министра сделать так, чтобы мы могли вступить в контакт с общинами тех регионов. Учитывая сложность момента, я чувствовал, что правительство ищет козла отпущения, и евреям, якобы совершившим провокации против румынских солдат, весьма удобно определить такую роль. Какой хороший повод для попытки диверсии в самом чистом и классическом антисемитском стиле. В действительности, уже тогда, когда министр принимал нас, были отданы приказы евреев выбрасывать на ходу из поездов и развязывать в селах и городах на севере Молдовы и в Буковине погромы. Спустя несколько часов, едва мы вернулись домой, узнали, что наши почти повсеместно были подвергнуты бойне. Мы решили тотчас же вернуться в Министерство внутренних дел, чтобы попросить дать приказ о прекращении этих зверств. Но в этот день невозможно было получить встречу у Гельмеджану. Всю ночь приходили тревожные известия, сначала от общин Буковины, несколько позже также из Бессарабии»[131].

Конечно, не обошлось без многочисленных инцидентов, как между наступавшими советскими и отходящими румынскими войсками, так и между местными жителями и покидающими Бессарабию и Северную Буковину подразделениями румынской армии и чиновниками администрации. 29 июня Генштаб румынской армии докладывал правительству, что в нарушение условий ультиматума советские воинские части препятствуют эвакуации транспортных средств, разоружают румынские воинские части и отнимают вооружение, забрасывают в тыл отступающей армии парашютистов, в ряде мест уже утром механизированные части Красной армии вышли к Пруту. В сводках утверждается, что в с. Яловень (пригород г. Кишинева) 29 июня советские войска разоружили румынских солдат, в м. Герца Дорохойского уезда ворвавшиеся войска Красной армии убили 6 румынских военнослужащих из артиллерийского расчета, в с. Котень (на юге Бессарабии) красноармейцами убиты румынские сублокотенент и локотенент. Согласно отчету Генштаба румынской армии, на 8 июля 1940 г. в результате стычек с советскими войсками погибло офицеров – 6, унтер-офицеров – 1, солдат – 2, раненых солдат – 5.

В румынских донесениях сообщается об отношении населения Бессарабии и Северной Буковины к событиям тех дней. В сводке Генштаба от 1 июля 1940 г. признается: «Действия террористов (так в документе именуются отряды местного населения – *И. Л.*), как и предполагалось *давно*, подтвердились выступлениями в тылу *всего фронта эвакуации* (румынских войск – *И. Л.*), особенно в зоне, занятой советскими войсками»[132]. Иными словами, румынские власти задолго до советского ультиматума знали о царивших антирумынских настроениях среди местного населения Бессарабии и Северной Буковины, предвидели такие выступления, и они действительно имели место. Конечно, невооруженное население могло провоцировать агрессивные действия главным образом в присутствии советских войск. В них евреи активно участвовали. На это последнее обстоятельство обратил внимание королевский резидент области «Прут», в состав которой входили также Бельцкий и Сорокский уезды, Троян Ионашку. В своем рапорте от 8 июля 1940 г., адресованном правительству, он писал: «Конечно, войска (румынские – *И. Л.*) во время эвакуации пострадали от разных оскорблений и эксцессов, совершенных против них и гражданских лиц бандами евреев, осмелевших в присутствии советских танкистов». Там же, где не было советских войск и ничего румынским воинам не угрожало, они смело расправлялись с безоружными евреями. В секретной сводке 2-го (информационного) отдела Генштаба румынской армии от 1 июля 1940 г. содержится такое сообщение из г. Рени, расположенного на крайнем юге Бес-

сарабии: «В городе произошли страшные стычки между евреями и военными властями. Евреи вышли с красными лентами в руках. Было 15–20 убитых». Не трудно догадаться, кто стал жертвой этих «стычек».

Особенно жестоко расправлялся с евреями майор В. Карп из 16-го пехотного полка, отступавшего с Северной Буковины. Вступив во главе своей части в с. Чудей Стороженецкого уезда и воспользовавшись отсутствием там советских войск, «храбрый» майор собрал группу евреев (Моисея Шехтера, доктора Конрада Крейса, братьев Хессман, Германа Гросса, его жену, дочь и племянника) и тут же расстрелял. Доктора Крейса перед расстрелом подвергли пыткам, а труп разрезали на куски.

Некоторые лица, в том числе и евреи, подвергавшиеся в свое время унижениям и издевательствам со стороны чиновников, жандармов и полицейских, провожали отходящие румынские войска и чиновников улюлюканьем, оскорбительными словами, а наиболее ретивые, хулиганствующие элементы срывали с офицеров погоны, замахивались дубинками, бросали камни. 30 июня 1940 г. железнодорожная жандармерия в Информационной сводке № 181 сообщала, что около 500 человек из числа местного болгарского населения между станциями Болград и Етулия окружили военный состав, препятствуя его отъезду. Среди причин всплеска «безграничной ненависти к румынам, особенно к румынской администрации» авторы донесения называют «трудности последнего года и, главным образом, несправедливости, допущенные при реквизициях и призывах в армию на переподготовку». В донесениях утверждается, что в присутствии советских солдат евреи в Сороках сорвали погоны с лейтенанта Павелеску и многих унтер-офицеров, майора, начальника жандармского легиона Сорокского уезда Г. Вартика и капитана жандармерии Рамадана. В г. Сороки евреями были убиты помощник комиссара полиции В. Мурафа и агент полиции Г. Еустацию, адвокат Стэнеску, в Кишиневе – полицейские комиссары К. Матееску, А. Паскал, С. Стол[133]. Но это были единичные случаи, не переросшие в массовые столкновения со смертельными исходами. И хотя в антирумынских демонстрациях участвовали лица всех национальностей, проживавших в Бессарабии и Северной Буковине, жертвами репрессивных мер стали только евреи, притом, главным образом, на территории Румынии, которые к тому, что происходило в Бессарабии, отношения не имели. Раздражение и злобу, ко всему прочему, вызывал теплый прием, устроенный Красной армии населением Бессарабии и Северной Буковины.

Действительно, население Бессарабии и Северной Буковины, а именно трудовые массы, торжественно встречало Красную армию. У них была уйма причин для обид на румынскую власть, к тому же, будучи плохо осведомленными о подлинной сущности сталинского режима, они поверили, как и многие в мире, большевистской пропаганде о счастливой жизни в СССР. Радушную встречу Красной армии устроили все национальности, проживавшие в Бессарабии и Северной Буковине: украинцы, русские, болгары, гагаузы, поляки, армяне, греки, а также бедные слои «бессарабских и буковинских румын», полагавшие, как и все, что новая власть решит все наболевшие социальные проблемы. Особую радость проявляли евреи, которые надеялись, что с приходом советской власти они избавятся от растущей в Румынии юдофобии. Богатые евреи, да и зажиточные представители других национальностей, с опаской воспринимали приход большевистской власти. Многие покинули свои дома и имущество и вместе с румынской армией и администрацией пытались перебраться в Румынию. Но, согласно распоряжению Министерства внутренних дел Румынии, «не разрешается переход (в Румынию – *И. Л.*) ни одному еврею»[134], а ведь среди них были такие, которые хотели избежать встречи с большевиками и через Румынию выбраться в США, Палестину, страны Латинской Америки и др.

В донесениях румынского Генштаба признается, что в радушной встрече Красной армии и сотрудничестве с советской властью участвуют государственные служащие и даже румынские политические деятели. Еще до советского ультиматума румынские власти установили в Бессарабии слежку за настроениями государственных служащих из местного населения и, сомневаясь в их благонадежности, стали переводить некоторых на работу в Старое королевство, чтобы, как сказано в донесении «Граница» от 1 июля 1940 г., «вырвать их из среды (национальных – *И. Л.*) меньшинств, среди которых они в эти последние переживаемые тяжелые дни отрекались от всего румынского (согласно надежным источникам), их отношение не соответствует общему состоянию духа румын. Они веселые, пассивно относятся к выполняемой работе, много раз даже саботируют ее и т. д. Среди них имеются даже *этнические румыны* (выделено в документе – *И. Л.*), а если спросить их, возможно, и выразили бы желание вернуться в Бессарабию к своим…». Упомянутый королевский резидент области «Прут» Троян Ионашку в своем рапорте правительству отмечает, что государственные служащие в Бессарабии «в бóльшей части там остались и сопротивлялись, даже саботировали эвакуацию имущества румынского государства, или румынских властей и гражданского населения»[135].

В румынских донесениях приводятся некоторые фамилии государственных служащих и политических деятелей, которые с красными знаменами встречали советские войска, участвовали в митингах и выступали с приветственными речами, сотрудничали с новыми властями: в Сороках бывший префект уезда и депутат, член городского Совета Фронта национального возрождения и другие руководители этой королевской партии (П. Сфеклэ, А. Александру, И. Кутубур, Т. Руснак), в Бендерах – заместитель инспектора полиции Березовски, в Кишиневе – судьи Душоряну, Кучук, Попиславски, в Бельцах – начальник паспортного стола Леукуцэ, сборщик налогов Барановски и др.[136]

Подобные факты румынские средства массовой информации, естественно, скрывали от широкой общественности. Преднамеренно разжигая юдофобию, они изображали торжественную встречу Красной армии и всякие враждебные проявления к румынской армии и администрации со стороны населения Бессарабии и Северной Буковины, как сугубо еврейские акции. Но, как говорят в народе, шило в мешке не утаишь. Посланник правительства Виши (Франция) Жак Триелле в одном из своих отчетов писал: «Если в 1940 г., во время эвакуации из Бессарабии и Буковины, имели место многочисленные инциденты, фактом остается, что евреи не были единственными их участниками, а все подонки румынского общества этих областей, также украинские, русские и другие меньшинства, которые примкнули к евреям, чтобы оскорблять румынские полки, отступавшие без боя»[137]. Были, как уже отмечалось, и отдельные стычки со смертельными исходами.

Бесспорно, убийство без суда и следствия, пусть даже известного своими издевательствами над мирным населением полицейского, жандарма, сборщика налогов и любого другого чиновника, – наказуемое преступление, да и всякое оскорбление и унижение человеческой личности заслуживает резкого порицания. Федерация еврейских общин Румынии осудила участие евреев покинутых территорий в противоправных действиях против румынских войск и администрации. В редакционной статье орган Федерации газета «Еврейский курьер» («Curierul Israilist») «относительно слухов об уродливых происшествиях, имевших место в связи с эвакуацией Бессарабии и Северной Буковины, совершенных некоторыми жителями из покинутых территорий, среди которых были и евреи», писала: «Мы не знаем, в какой мере бессарабские евреи участвовали в заслуживающих порицаний акциях, имевших место. Какова бы ни была *правда* (курсив в документе – *И. Л.*), но разве мы в ответе за эти безумные дикие действия, совершенные

людьми, которые родились и жили при другом режиме, у которых не хватило времени, чтобы душевно слиться с народом и страной, и с которыми мы не можем быть солидарны в этих действиях». В этом же номере газеты (№ 22 от 10 июля 1940 г.) за подписью председателя Федерации доктора В. Фильдермана, ее главного секретаря И. Брукэра и главного раввина Румынии А. Шафрана помещено письмо, в котором сказано, что от имени румынских евреев «в эти грозные времена испытаний они выражают свою непоколебимую солидарность с судьбами румынского народа и… готовы на любые жертвы во имя трона и Страны». Еще за несколько дней до этого на заседании Исполнительного комитета Федерации было принято решение через Красный Крест оказывать материальную помощь беженцам из Бессарабии и Северной Буковины[138].

Позиция Федерации по поводу событий, связанных с Бессарабией и Северной Буковиной, отражала отношение к ним абсолютного большинства румынских евреев. Иной точки зрения придерживалась Коммунистическая партия Румынии, насчитывавшая тогда около 1000 членов (в том числе 200–250 в Бессарабии и около 180 в Буковине), бóльшей частью еврейской национальности. В соответствии с директивами Коминтерна, они одобрили советский ультиматум, оценивали действия СССР как акцию по освобождению трудящихся Бессарабии и Северной Буковины из-под ига бояр и капиталистов и как предпосылку «для политики добрососедства и тесной дружбы» между Советским Союзом и Румынией[139]. Но румынская Компартия, запрещенная в 1924 г. по так называемому «закону Мырзеску» и загнанная в подполье, члены которой в большинстве своем отбывали наказание в румынских тюрьмах, практически не оказывала влияния на широкие массы Румынии.

Руководство Федерации еврейских общин прекрасно понимало, что распространяемые слухи о враждебных действиях бессарабских и буковинских евреев нарочито «преувеличены». В обстановке растущего недовольства в стране провальной политикой нужен был отвлекающий фактор, козел отпущения. Румынские средства массовой информации, никогда не ощущавшие недостатка в антисемитских выступлениях, в эти июльские дни 1940 г. буквально соревновались в распространении сногсшибательных сообщений о «зверствах» и «глумлениях» евреев над румынскими солдатами, офицерами, чиновниками в Бессарабии и Северной Буковине. Известный в Румынии писатель Чезар Петреску на страницах правительственного официоза «România» ставил вопрос об экспроприации в городах и селах сначала еврейского жилого фонда, а затем коммерческой, промышленной и даже собственности лиц свободных профессий.

Румынские евреи отдавали себе отчет в том, что в этой накаленной атмосфере, подогреваемой правительством и средствами массовой информации, им не избежать антисемитских акций, в том числе насильственных. Из приграничных припрутских районов, через которые пролегал путь отступающих из Бессарабии и Северной Буковины румынских войск, многие евреи, покидая свои дома, стремились перебраться куда-то в глубь страны, в более спокойные районы. 27 июня министр внутренних дел Гельмеджану в очередной раз вызвал к себе Фильдермана и Шафрана и потребовал сообщить еврейским общинам приграничной полосы о запрете таких перемещений. Он предупредил, что в «надлежащее время» и «по мере поступления информационного материала» на заседании Федерации будет дано разъяснение относительно понятия «еврей». Министр старался убедить своих собеседников, что закон о Партии нации и запрет на вступление в нее лиц еврейского происхождения, а следовательно, запрет занимать должности в государственных организациях, не носит расистский характер, а является «следствием нынешних обстоятельств», и даже государственные служащие христианского вероисповедания, не вступившие в Партию нации, будут увольняться. Но тут же добавил: если евреи свободных профессий, то есть врачи, инженеры, адвокаты и др.,

в рамках своих ассоциаций не могли быть избраны в состав руководящих органов, но имели право голоса, то впредь и «это право отменяется», но право практиковать не запрещается. Поскольку евреи не могут состоять членами Партии нации, то и не могут избираться членами торговых административных советов анонимных обществ. Иными словами, как было определено 16 июля 1940 г. на заседании Центрального исполнительного комитета Федерации, при наличии в стране одной легальной партии – Партии нации – запрет на прием в нее евреев «тождественен лишению их права гражданства»[140].

Как и ожидалось, волна кровавых антисемитских выступлений захлестнула Румынию, главным образом, уезды Южной Буковины и области Молдова в междуречье Сирет-Прут. На территории Бессарабии и Северной Буковины при отходе румынские офицеры и солдаты, тем более при приближении советских войск, не осмеливались прибегнуть к оружию для усмирения распоясавшихся местных жителей, будь они даже евреями. Но как только они оказались на правом берегу Прута, стали проявлять чудеса «храбрости» против ничем им не угрожавших евреев, в том числе стариков, женщин и детей, жестоко избивая и расстреливая их. Эти евреи не встречали Красную армию, не проявляли враждебность к румынской армии, многие служили в рядах румынских вооруженных сил.

Настоящий погром с десятками человеческих жертв устроила румынская военщина в уездном центре г. Дорохой. В этом сравнительно небольшом городе проживало около 6 тыс. евреев, антисемитские вылазки были и раньше. Врач-стоматолог из Дорохоя Г. Брэилеску-Готлиб пишет в своих воспоминаниях, что в марте–мае 1940 г. усилилась антиеврейская агитация, и были осуществлены антисемитские насильственные акции. Во время еврейской свадьбы, состоявшейся в мае 1940 г. в здании местной еврейской школы, агенты полиции ворвались в помещение, арестовали много евреев, якобы «подозрительных», и подвергли их избиению. «Это, – пишет врач, – первая открытая атака против еврейского населения Дорохоя… Легионеры организовали на улицах города марши с песнями, главным образом, по ночам, чтобы сильнее запугать еврейское население и поддержать атмосферу террора. Они угрожали убийством этому населению, которое, никем не поддерживаемое, наставляемое и защищаемое, пребывало в состоянии страха»[141]. Заметим, это было значительно раньше советского ультиматума.

Самое страшное произошло 1 июля 1940 г. В город вступили отступавшие из Северной Буковины румынские войска. В этот день проходило двое похорон: на православном кладбище хоронили капитана Борос, а на еврейском – солдата Янку Соломон. Они погибли в м. Герца при следующих обстоятельствах: между румынским капитаном и советским танкистом возник конфликт. Последний вытащил револьвер и наставил на капитана. Солдат-еврей Янку Соломон прикрыл своего командира. Танкист открыл огонь, убив румынских капитана и солдата.

Неожиданно для присутствующих на еврейское кладбище обрушился шквал огня. Жертвами этого преступного акта стали, по данным румынских властей, 50 евреев, в том числе 11 женщин, 34 мужчины и 5 детей, одному ребенку (Симону Кон) исполнилось два года. Огонь вели солдаты 3-го румынского пограничного полка. Среди убитых были 6 евреев – солдат из 8-го артиллерийского полка, посланных для оказания положенных почестей убитому товарищу по оружию. Фамилии и имена убитых на еврейском кладбище перечислены в акте, составленном представителями властей.

Прокурор-следователь Филарет Сахляну в своем конфиденциальном докладе генеральному прокурору по поводу расстрела евреев в Дорохое писал: «По-видимому, была договоренность между военными, ибо огонь тотчас же распространился на северо-западную окраину города, солдаты врывались в еврейские дома и расстреливали всех, кто был в них. Примечательно и то, что в окнах некоторых христианских домов были

выставлены иконы, или на стенах разными красками нарисованы кресты, это знак того, что в них живут христиане, следовательно – не стрелять. По-видимому, – заключает прокурор, – заранее приходили солдаты и объявили, что будет происходить». Прокурор-следователь дал понять: бандитская вылазка – не стихийная вспышка, а заранее организованная акция. Вряд ли о ней не были уведомлены власти. По этому поводу упомянутый врач-стоматолог Г. Брэилеску-Готлиб, который в тот июльский день прямо из своего лечебного кабинета под охраной солдат был отправлен в комендатуру дивизии, где уже находилось 20–25 таких же, как он, «опасных элементов», пишет: «Неоспоримо, что погром в июле 1940 г. был намеренно организован во всех деталях. Известно, что стреляли солдаты 3-го пограничного полка. Им указывали дома (евреев – *И. Л.*) агенты полиции, а также некоторые местные жители. Солдаты не могли знать евреев. Ни один нееврей не был убит». Число погибших евреев во время погрома в Дорохое и окрестных селах составляло, по разным источникам, от 150 до 200 человек, в том числе 90 в городе[142].

Расправы носили порою жесточайший характер. В селе Костина Сучавского уезда 18 солдат во главе с локотенентом ворвались в дом еврея Сухара Лакс, подвергли пыткам, затем привязали к хвосту лошади и волокли 3 км, а на окраине села пустили в него 20 пуль. Труп был найден в лесочке. Еврея Авраама Кальмановича из Дорохоя вначале подвергли пыткам, отрезали половые органы, затем убили. Пожилых супругов Елю и Фейгу Рейзел перед смертью пытали, у Фейги вырвали из ушей серьги. 94-летнему Хершку Иойну Ионасу перед расстрелом вырвали бороду.

В эти дни конца июня – начала июля 1940 г. убийства евреев имели место во многих населенных пунктах Румынии, главным образом, в местах дислокации войск, отошедших из Бессарабии и Северной Буковины. В с. Зэхэрешть (у. Сучава) упомянутый командир 3-го батальона 16-го пехотного полка майор В. Карп, согнав также евреев из соседних сел (Ворничень, Илисешть, Виков и др.), расстрелял 36 человек. Предварительно их подвергли страшным пыткам, отрезали уши, языки, пальцы. В этом же уезде Сучава в течение 30 июня – 5 июля 1940 г. румынскими солдатами были убиты: в с. Костэнац однополчанин – солдат Борух Лакс; в с. Гэурень – Рудик Макс и Фишель Салинжер; в с. Кэзэнешть солдатами 14-го пехотного полка убиты раввин Лейб Шехтер и два его сына, Лейб Сустер, Карол Сустер, Нина Сустер, Тауба Сустер, Соломон Нанус, Шлойма Мердлер; в с. Иджешть солдатами и крестьянами были убиты М. Хибнер, его жена и сын, И. Хибнер и четверо его детей; на железнодорожном полустанке Солонц солдаты 1-й полицейской роты убили евреев: Зисман Карас и Зисман Идел из с. Комэнешть. В с. Крэйничень уезда Рэдэуць румынские солдаты расстреляли А. Вассермана, Б. Вассермана и А. Локера, избили затем их жен и ограбили хозяйства. В с. Михорень уезда Дорохой отряд румынских войск во главе с майором Гойлав арестовал и подверг пыткам евреев Шлойму Вайнера, его сына Ушера, дочерей Розу и Фаню, последняя держала на руках двухгодовалого ребенка, затем их отвели в лес Турятка, где застали сапожника-калеку Исаака Московича, его жену и двух детей, всех расстреляли.

В ряде мест, не ожидая прихода армейских частей, местные власти сами стали расправляться с евреями. В с. Шербэуць Сучавского уезда начальник жандармского поста Бужикэ при участии местного крестьянина Нипинчука расстрелял Шмиля Геллера, Сали Геллер, Бланку Геллер, Лейба Еленбогена. Трупы были брошены на берегу реки.

Жертв среди евреев могло быть больше. Некоторые румынские офицеры (капитан Стина из 29-го пехотного полка и др.) удерживали солдат от расправ над евреями-однополчанами. Помогали евреям скрываться и избежать смерти неевреи из местного населения. «Весь городок был охвачен невообразимой паникой, – пишет Г. Брэилеску-Гот-

либ. – В следующую ночь многие из нас попрятались в нееврейских семьях, которые приняли нас доброжелательно»[143]. Погром был приостановлен по приказу командира 8-го армейского корпуса генерала Сэнэтеску.

Страшные дела творились на железнодорожном транспорте. Обычно в летние месяцы поездки активизируются, а в эти июньские и июльские дни 1940 г. в связи с событиями, связанными с советским ультиматумом, поезда были переполнены. В донесениях военных, полицейских и жандармских властей приводятся многочисленные факты об издевательствах над евреями-пассажирами, многие со смертельными исходами. 3 июля 1940 г. в конфиденциальном докладе на имя министра юстиции Румынии прокурор трибунала Бая-Фэлтичень Вирджил Йордэкеску сообщил, что в радиусе железнодорожных станций Леспезь и Пашкань в течение 1–3 июля были выброшены на ходу из поездов и подвергнуты избиениям солдатами и гражданскими лицами «много евреев», два еврея погибли, пять с тяжелыми ранами отправлены в больницу населенного пункта Леспезь, восемь – в больницу Пашкань. В с. Пробота, вблизи речушки Исая и недалеко от железнодорожного участка Долхаска-Пашкань были найдены трупы семи евреев, расстрелянных сублокотенентом и двумя солдатами румынской армии.

3 июля 1940 г. префектура полиции Ясс докладывала Министерству внутренних дел страны: на ст. Белешть убит еврей Мишель Готлиб; на ст. Сырка страшно избиты 14 евреев, один, выброшенный из поезда на ходу, погиб; между ст. Подул-Илоаней и Сырка силой высажены военнослужащие-евреи, один расстрелян; на ст. Подул-Илоаей в жандармерию доставлен страшно избитый Лаустер Розен; на участке железнодорожных ст. Кукутень-Лецкань сильно избиты евреи-военнослужащие и гражданские лица, высаженный из поезда тяжелораненый Бернард Абрамович скончался. В донесении отмечается, что «подверглись ограблению еврейские магазины» и «агрессивные действия по отношению к еврейскому населению распространяются, что вытекает из телеграфных донесений от 13 и 14 июня 1940 г. ».

Многочисленные случаи убийств и избиений евреев приводятся в донесениях Генштаба и других румынских армейских органов. Для примера приведем несколько выдержек из этих документов. 3 июля 1940 г. между ст. Пашкань и Аджуд курсантами военного училища, эвакуированного из Черновцов, выброшены на ходу через окна вагонов 20 евреев; на ст. Верешть избиты 47 евреев; из поезда Ботошань–Яссы на ст. Кукутень выведены 10 евреев, подвергнуты грубому обращению, двое расстреляны и брошены в болото; офицеры и солдаты, возвращавшиеся из Буковины, на участке дороги Теюшь–Арад через окна на ходу выбросили трех евреев; Янку Вейсман из Ясс между ст. Мунтень и Красна выброшен из вагона через окно, найден с поломанной ногой и ушибами головы; в больнице Тыргу-Нямц умер Ицик Ландау из Пятра-Нямц, избитый в поезде, шедшем из Пашкань; на участке Леспезь–Пашкань выброшены из поезда 3 еврея; 2 июля в поезде Галац–Бузэу был избит и раздет догола еврей Хоренштейн Симион из Бухареста и выдворен в таком виде на ст. Фэурей; еврей Хаусфатер Янку Зелик из Бакэу, следовавший из Ясс домой, в пути между Яссами и Подул Илоаей избит военными, ограблен, у него отобрали 2880 леев и выбросили на ходу. В связи с телесными повреждениями помещен в больницу г. Бакэу Хиесер Израел, коммерсант из Бухареста, избитый между ст. Роман и Пашкань; Иосиф Медельсон, по возвращении из Бухареста в Бакэу, прямо на вокзале избит гражданскими лицами; Сегал Ицик из Бухареста, коммерсант, следовал в г. Ботошань, где он родился, но не доехал, его избили на ст. Пашкань; с раной в голове он доставлен в больницу г. Бакэу. Вблизи ст. Мэрэшешть солдатами избиты евреи: Вейс Лупу из г. Деж, Бурэх Гросс из Галац и Буркомин Гутман из Пятра-Нямц.

Многие евреи приобретали билеты на более дорогие скорые поезда, полагая, что в них больше порядка и опасности меньше. В одном военном документе под грифом «секретно» читаем: «Евреи из соображений безопасности едут в скорых поездах и числом небольшим, а во время поездки стараются пройти как можно незамеченными, избегая всяких разговоров и провокаций». Но расчеты не оправдались. Пусть и реже, но и в таких поездах евреи не были избавлены от актов насилия и грабежа. В скором поезде № 52 проводник вагона и солдат Попа избили еврея Макса Менделя из Бухареста. На ст. Бырнова два локотенента и плутоньер в скором поезде № 71 избили до смерти еврея; на ст. Бакэу из скорого поезда № 503 через окно были выброшены на ходу 4 еврея. Из скорого поезда № 505 между будками обходчика путей № 105 и № 106 выброшена семья из 6 человек Сухера Меира и Морица Абрамовича; а между ст. Бакэу и Валя Сякэ – мужчина и женщина; на ст. Жоица избили, раздели догола и выдворили из пассажирского поезда Бухарест–Черновцы врача Соломона Симона; в этом же поезде избит и выдворен на ст. Бобок раввин из Пятра-Нямц Сейфер Бернард вместе с 7-летним сыном. Пересев в поезд № 503, следовавший в сторону Бакэу, между будками № 105 и № 106 на ходу он был выброшен; в этом же поезде № 503, между ст. Бузэу и Рыул, еврей из Брэилы Паис Мойсей был избит и, спасаясь от смерти, выпрыгнул из поезда; в скором поезде № 602, между ст. Бырлад–Текучь избит военными и на ходу выброшен из поезда Иосиф Рабинович из Рэдукэнень (у. Фэлчиу); 3 июля, докладывала префектура у. Васлуй, из скорого поезда Яссы–Бухарест между станциями Ребрича и Ратеш-Куза был выброшен на ходу еврей Гольдштейн Лейб. Тяжело раненного, его нашли солдаты мобильного патруля, они, проткнув грудь штыком, прикончили его; в скором поезде двое военных силой отняли деньги у Леона Маргулиса из Бухареста, жандарм и проводник вагона № 1 этого же состава ограбили коммерсанта из Ясс Иосифа Давидовича.

Антисемитский шабаш не обошел даже евреев – военнослужащих румынской армии, что также отражено в документах румынских властей. В информационном бюллетене жандармерии содержится сообщение о том, что на участке дороги Тибень найдены тяжело раненные солдаты-евреи Ицик Куперсвет из Рэдэуць и Марк Соломон из Плоешть, выброшенные на ходу из поезда. На ст. Скынтя два солдата-еврея были избиты военными и выброшены из поезда. Солдат Герш Ихтельман по заданию командира сопровождал в качестве тормозного товарный состав № 856 Бузэу–Фокшань. На ст. Гужешть (у. Рымникул Сэрат) у него отняли сундучок и 500 леев, избили и выбросили из поезда. Призванный на переподготовку Леон Сегал в поезде № 6010 между ст. Мунтень и Красна был избит и помещен в больницу г. Бырлад. В скором поезде между Яссами и Васлуй был силой ограблен Бенжамин Планчиу, солдат-еврей из 1-го железнодорожного строительного полка. Вблизи ст. Жоица из поезда № 505 выброшен солдат 16-го пехотного полка Иосиф Меерар, который с тяжелыми ранениями отправлен в больницу г. Рымникул Сэрат. В больнице г. Бакэу в связи с полученными ранами оказались евреи: Файбиш Мойсей, демобилизованный румынский солдат 41-го артполка, избитый солдатами в поезде и ограбленный на сумму в 500 леев; Голдер Яков, уроженец Кишинева, проживающий в Бакэу, солдат 16-го артполка, избитый военными первый раз недалеко от ст. Подул Илоаей, вторично – вблизи ст. Роман, у него отобрали 3000 леев; Мойше Исраел из Ботошань, солдат 2-го егерского полка, получивший отпуск по болезни, избитый на ст. Негри и выброшенный из поезда военными.

Бывало, что в этой атмосфере юдофобского разгула жертвами становились неевреи с обманчивой внешностью. Так, в поезде № 502 был избит по ошибке Костаке Н. Константин из г. Фокшань, который с ранами оказался в больнице. Андрей Березовский, сын известного в Бессарабии дирижера и композитора Михая Березовского, эвакуи-

ровался в Румынию поездом. Где-то на территории румынского уезда Тутова он взял под защиту от антисемитов каких-то женщин-евреек. Андрей Березовский, к тому же говоривший по-румынски с акцентом, был избит солдатами, выброшен из поезда, от ран он скончался.

Отступавшие из Бессарабии и Северной Буковины румынские войска, дислоцированные в городах и селах Южной Буковины и области Молдова, подвергали безудержному грабежу еврейские магазины, жилые помещения. В рапорте префектуры уезда Ясс от 5 июля 1940 г. приводятся такие факты: группа солдат 75-го пехотного полка вторглась на территорию виноградника еврея Иойла Бонфел и унесла много вина; солдаты 3-го кавалерийского полка (roşiori) ворвались в дом Гермеса Копола, унесли сено, кур, велосипед и колеса от подвод; 4 июля группа офицеров и солдат 6-го саперного полка, следуя через с. Поень, ограбила лавку еврея Бени Соломона и унесла большое количество продовольственных и бакалейных товаров. Далее в документе приводятся 13 еврейских фамилий из населенных пунктов уезда и 14 из самих Ясс, имущество которых подверглось ограблению со стороны солдат, организованных в группы, численностью 8–25 человек. «При этом, – сказано в документе, – проводилось уничтожение помещений и мебели, уносились одежда, охранное оружие и деньги, а соответствующий персонал терроризирован и избит».

Были случаи ограбления и неевреев. Из имения майора Гика солдаты 67-го артиллерийского полка унесли собранное сено с 4-х га земли. Подвергся ограблению виноградник генерала Пырвулеску[144].

В конечном счете, сами власти забеспокоились размахом насилий и грабежей, учиненных вооруженными солдатами и даже офицерами. Ситуация явно выходила из-под контроля. Получив многочисленные донесения о насильственных действиях и грабежах, совершаемых военными, упомянутый королевский резидент цинута «Прут» Троян Йонашку собрал командиров частей и соединений, дислоцированных в его округе, и напомнил им, что из таких актов насилия против евреев «начались беспорядки в 1907 г.», переросшие в мощное крестьянское восстание. Он говорил о необходимости пресекать подобные действия, пытаться обойти населенные пункты, где проживают евреи.

Государственный генеральный контролер Е. Стурдза, касаясь «ситуации, возникшей в результате отступления из Буковины и Бессарабии», в своем рапорте от 11 июля 1940 г., направленном правительству, отметил, что антисемитские выступления, сопровождаемые выбросами евреев через окна из поездов, «представляют уродливый и опасный спектакль, вызывают панику среди граждан» и представляют опасность в плане того, что «дадут повод соседям (то есть Советскому Союзу – *И. Л.*) заявить, что обязаны вмешаться для наведения порядка»[145]. В той обстановке такая советская акция под предлогом защиты своих будущих граждан могла иметь место.

В конце июня – начале июля 1940 г. у переправ через реки Прут и Дунай, с одной и другой стороны, скопились десятки тысяч людей. Из Бессарабии и Северной Буковины отступали румынские войска, из рядов которых, не ожидая приказа о демобилизации, дезертировали солдаты и офицеры – уроженцы покинутых территорий, отъезжали чиновники гражданской администрации – уроженцы Старого королевства и Трансильвании, а также перебирались в Румынию бессарабцы и буковинцы, которые, ввиду их социального положения и политической деятельности, опасались репрессий со стороны большевиков. Евреям, как уже отмечалось, независимо от социального положения и политических взглядов, желающим перебраться в Румынию, в приеме было отказано. Тем не менее, небольшое число богатых евреев нашли пути для отъезда в Румынию, дабы не оказаться под властью большевиков, а наиболее прозорливые, у которых были капиталы в зарубежных банках, еще весной 1940 г., когда резко обострились румыно-

советские отношения, свернули свои дела и перебрались в Бухарест и далее, кто куда, подальше от фашистов и коммунистов.

Репатриантами из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину были люди разных национальностей. Среди них были: демобилизованные из румынской армии бессарабцы и буковинцы, проходившие военную службу или переподготовку в частях, дислоцированных на территории Старого королевства и других областей Румынии; жители Бессарабии и Северной Буковины, которые в поисках работы и по каким-то другим делам в момент советского ультиматума находились за Прутом; студенты – бессарабцы и буковинцы, обучавшиеся в вузах Бухареста, Ясс, Тимишоары и др. Абсолютное большинство репатриантов и беженцев из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину были люди еврейской национальности. В межвоенный период многие евреи, главным образом, из Бессарабии, экономика которой, будучи оторванной от общероссийского рынка, находилась в состоянии застоя, переехали на постоянное жительство в города Старого королевства, где условия для бизнеса были более благоприятными, открывали там свои магазины, мастерские и др. На румынских промышленных предприятиях работали квалифицированные еврейские специалисты из Бессарабии (мастера, рабочие, инженеры). Вся эта многотысячная масса, перепуганная ростом антисемитизма и юдофобии в стране, с растущим влиянием гитлеровской Германии, ринулась на восток, надеясь на спасение в СССР. Подстегивали к отъезду и рассказы бежавших в Румынию евреев из Австрии, Чехословакии и особенно из Польши о расправах гитлеровцев над еврейским населением в оккупированных странах. Воспользовавшись царившей неразберихой и суматохой, в Бессарабию и Северную Буковину перебрались и тысячи румынских евреев, особенно молодые люди, не обремененные семьями.

Правители Румынии, усиленно добивавшиеся решения «еврейского вопроса» путем выдворения их из страны, не препятствовали их отъезду в СССР, но при этом не принимали никаких мер по ограждению отъезжающих от насилий, грабежей и убийств, учиненных военщиной, жандармами и полицейскими. Только в румынском городе Галац, где скопилась бóльшая часть репатриантов в Бессарабию, от рук румынских карателей погибло несколько сот евреев, по разным данным от 300 до 500 человек. Власти стремились скрыть масштабы своих злодеяний. В сводке 2-го отдела Генштаба от 1 июля 1940 г. расстрел 30 июня на вокзале в Галаце представлен, как незначительная, даже оправданная акция военщины против разбушевавшихся евреев. «Группа из 2000 бессарабцев, – читаем в этой сводке, – из которых 90 % являлись евреями, ждавшими на вокзале под охраной посадки для отъезда, по их желанию, возмущались тем, что им быстрее не подают состав, и часть из них пыталась убежать из-под охраны. На категорическое требование стоять они ответили выстрелами из оружия. Солдаты открыли огонь на всю мощь, убив примерно 10–12 человек, ранив 40. Органами полиции Галаца арестованы 80 из них»[146]. Версия о бегстве репатриантов – сплошной вымысел, ибо бежать им было некуда, а чтобы оказаться в Бессарабии, куда они направлялись, нужно было переправиться через широкий и полноводный Дунай. Да и откуда у этих евреев, обремененных багажом, а порою с маленькими детьми на руках, появилось оружие?

Другим крупным центром скопления репатриантов в Бессарабию был г. Яссы, а отъезжающих в Северную Буковину – м. Дорнешть. Еще на пути к этим переправам евреи подвергались издевательствам, заканчивающимся телесными повреждениями и смертельными исходами. Согласно донесениям Генштаба румынской армии, в поезде Васлуй–Граждурь–Бырнова были избиты 80 евреев, следовавших в Бессарабию. После страшных избиений в больнице г. Бакэу оказались демобилизованные из румынской армии и следовавшие домой кишиневцы Яков Потложан из 6-го пограничного полка, Абрам Сиглер и Ихиль Гуралюк из 16-го артполка, басонщик Лейб Сиркис. В г. Васлуй

к поезду № 6001 был прицеплен вагон с евреями, которые направлялись в Бессарабию. Солдаты из охраны поезда начертили на этом вагоне: «Евреи. Позаботьтесь о них!». По дороге солдаты из первого вагона поезда открыли огонь по вагону с евреями. В Яссах было обнаружено: 2 убитых, 6 тяжело и 2 легко раненных[147]. В специальной ноте от 15 июля 1940 г. правительство СССР потребовало от румынского правительства принять «необходимые меры к неповторению указанных случаев издевательства и обеспечить нормальные условия выезда на родину бессарабцев»[148].

По данным советских органов, до 26 июля 1940 г. из Румынии в Советский Союз переехали 150 000 человек[149]. В официозе румынского правительства указано, что до 4 августа 1940 г. перебрались в СССР 112 000 человек[150]. Но репатриация небольшими партиями продолжалась до конца 1940 г. К середине декабря 1940 г., когда установленный срок для репатриации закончился, в Советский Союз из Румынии возвратились в общей сложности более 200 000 человек, большинство из них являлись евреями. Были уроженцы Бессарабии и Северной Буковины, в том числе еврейской национальности, которые по разным причинам оставались в Румынии. Одни евреи строили планы перебраться из Румынии в Палестину, США и иные страны, другие не желали бросать с большим трудом нажитое добро, иные застряли потому, что не могли раздобыть затребованные комиссией по репатриации документы. В январе 1941 г., когда завершилась работа комиссии по репатриации из Дорнешть и граница была закрыта, на пограничной румынской станции Бурдужень остались не успевшие уехать в СССР 137 человек, в том числе 110 евреев и 27 представителей других национальностей. Среди евреев были уроженцы не только Бессарабии, но также Старого королевства и Южной Буковины, в том числе ветераны войны и их дети, вынужденные покинуть Румынию из-за антисемитской политики властей, лишивших их работы и средств к существованию. Неевреи вернулись в города, откуда приехали, а евреев (110 человек) заперли в двух комнатах на ст. Бурдужень и оставили на содержание небольшой местной еврейской общине. Чтобы избавиться от них, румынские власти толкали их на нелегальный переход заминированной румыно-советской границы. Одни погибали от взрывов мин, другие от пуль советских пограничников, которые подозревали в них засланных шпионов. В живых остались 58 евреев, включая 4 детей. Их отправили в лагерь для политзаключенных[151]. В исторической литературе число евреев, перебравшихся во второй половине 1940 г. из Румынии в СССР, составило предположительно 70 000 человек.

Румынские историки, политики и средства массовой информации в те летние дни 1940 г., да многие и в наши дни, приписывая евреям все беды, выпавшие на долю румынской армии и администрации, упорно замалчивают многолетние издевательства и убийства евреев румынской военщиной, жандармами и полицейскими. Известный румынский историк и политик Н. Йорга, нагнетая атмосферу вокруг евреев, возложил на них, и только на них, всю ответственность за проявление вражды к румынской армии и администрации при отходе из Бессарабии и Северной Буковины. 6 июля 1940 г. на страницах своей газеты «Neamul Românesc» он писал: «Все эти гнусные и криминальные поступки совершены разъяренными евреями», которые «таким образом расплачиваются с нами за доброжелательность и толерантность», и вместо благодарности ответили «только пулями и разрубленными топорами телами, многими скончавшимися». Приводя выдержки из этой статьи Н. Йорги, упомянутый современный историк и политик Г. Бузату в своем опусе «Так начался Холокост против румынского народа» пишет, что «непревзойденный Н. Йорга в столь трогательных словах передал трагические реальности Бессарабии»[152]. Хотя в тщательно подобранных Г. Бузату выдержках из документов, сводок и свидетельств мы не обнаружили фактов об убийствах евреями румынских солдат и гражданских чиновников топорами. Если сравнить данные о числе румынских жертв от

рук евреев в Бессарабии и Северной Буковине с числом убитых и искалеченных румынскими антисемитами и юдофобами евреев в летние дни 1940 г., можно безошибочно, с бóльшим основанием, чем профессор Г. Бузату, утверждать, что Холокост евреев в Румынии начался за год до начала войны на советско-германском фронте.

Румынские власти не были заинтересованы обобщать и рекламировать цифры о количестве убитых, раненых, искалеченных евреев во время погромов летом 1940 г., подсчитывать материальный ущерб, нанесенный еврейскому населению в результате грабежей и разрушений. Исследователь Ж. Анчел утверждает: «Число жертв (среди евреев – *И. Л.*) во время событий лета 1940 г. составляет, возможно, от нескольких сот до нескольких тысяч, трудно определить, ибо отсутствует учет убитых евреев во время отхода из зон, аннексированных Советским Союзом, а также точные цифры о количестве солдат и мобилизованных евреев, убитых их сослуживцами или выброшенных из поездов… Погром в Дорохое и убийства в Буковине представляют неоспоримый момент Холокоста евреев Румынии»[153]. Обращает внимание, что погромная антисемитская волна охватила больше всего южные уезды Буковины и северные – румынской области Молдова, а погромщиками выступали части румынской армии, отступавшие из Северной Буковины, где евреи в массе своей весьма сдержанно, даже с опаской встречали смену власти, больше отсиживались в своих домах, и мало кто из них участвовал во враждебных акциях против румынских войск. Если уже говорить, кто особенно торжественно в Северной Буковине и на севере Бессарабии встречал Красную армию хлебом и солью, песнями и плясками, это было многочисленное там украинское население. Относительно версии, что причиной еврейских погромов в уездах Южной Буковины, Дорохое и его окрестностях явилась якобы месть румынских войск за нападение на них евреев при отходе их из Северной Буковины, то даже в сводках и донесениях румынских властей не содержатся факты нападения евреев Северной Буковины на отступавшие румынские войска, следовательно и мотивов для погромов в порядке мести за насильственные действия евреев фактически не было. Погромы в уездах Южной Буковины и Дорохое – кровавые акции антисемитской румынской военщины, списывающей за счет евреев свое, а заодно и правителей страны, капитулянтство перед советским ультиматумом. Для кое-кого из военных и местного населения румынских уездов это было и удобным поводом для грабежа еврейского имущества.

§ 5. Фашисты у власти. Волна антисемитских законов, насильственных и кровавых актов

Положение румынских евреев продолжало с каждым днем ухудшаться. 4 июля 1940 г. Кароль II призвал к власти новое правительство во главе с его доверенным лицом, промышленным магнатом и прогерманским политиком И. Джигурту, занимавшим министерский пост и при профашистском правительстве Гоги–Кузы. Министром иностранных дел стал близкий друг монарха, тесно связанный с гитлеровцами, один из идеологов румынского фашизма Михай Манойлеску. В состав правительства были включены главарь «Железной гвардии» Хория Сима, посредники в «разрядке» между королем и легионерами В. Новяну, Г. Будиштяну, А. Бидяну; 12 членами правительства стали кузисты. Новое правительство заявило, что будет ориентировать свою политику на ось Берлин–Рим, поскольку «это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»[154]. Главным компонентом этой идеологии, как известно, была юдофобия.

С первых же дней пребывания у власти правительство И. Джигурту взялось за претворение в жизнь своих антисемитских замыслов. В правительственном коммюнике от 9 июля 1940 г. говорилось, что после широкой дискуссии были намечены «главные детали действия правительства в части решения еврейской и экономических проблем»[155]. Каждое министерство старалось отметиться каким-то антисемитским выпадом. 10 июля министр пропаганды Никифор Крайник, бывший профессор теологических факультетов в Кишиневе и Бухаресте, верный последователь юдофоба А. Кузы, созвал всех руководителей прессы и от имени правительства сообщил им, что «евреи не могут руководить румынскими газетами, а в газетах, руководимых румынами, в качестве сотрудников им не место»[156]. В этот же день Управление кадров Министерства финансов разослало евреям-служащим уведомление об увольнении с формулировкой: «как еврейского происхождения и подозрительные с точки зрения безопасности государства». Были уволены все евреи, работавшие в сфере социального обеспечения. Евреям было запрещено занимать должности государственных оценщиков. Министерство сельского хозяйства решило ударить по хахамам, запретив ритуальные убои. Как уже отмечалось, законом от 12 апреля 1928 г. иудейская религия была отнесена к историческим религиям страны, и как таковая получила право на определенные льготы за счет государственного бюджета. Правительство И. Джигурту отменило эти льготы, что означало увеличение налогообложения на еврейскую общину в размере 20 млн леев[157].

21 июля Совет Министров Румынии рассмотрел проекты законов относительно, как завуалированно сказано в правительственном коммюнике, «включения еврейского элемента в новую румынскую систему управления государством»[158].

Последовали поездки И. Джигурту и М. Манойлеску в Берлин и Рим с целью смягчить позиции А. Гитлера и Б. Муссолини в вопросе о территориальных притязаниях Венгрии и Болгарии. Во время бесед с А. Гитлером и И. Риббентропом, состоявшихся в конце июля 1940 г., И. Джигурту поднял «еврейский вопрос», ратовал за его решение во всеевропейском плане. И. Риббентропу он прямо заявил: «Румыния окончательно решит еврейскую проблему, если фюрер осуществит общее ее решение для всей Европы». А. Гитлеру И. Джигурту сказал о готовности целиком и полностью адаптироваться к планам фюрера о новом порядке в Европе и окончательно решить «еврейский вопрос», но опять-таки лишь с помощью Германии и в рамках решения его для всей Европы. Во время чаепития А. Гитлер, подбадривая своего румынского собеседника, на примере Германии доказывал ему, что, «вопреки болтовне, можно обойтись без евреев»[159].

По возвращении из Германии и Италии, 30 июля 1940 г., М. Манойлеску выступил с заявлением. Восторгаясь взахлеб итогами визитов, он, среди прочих, коснулся проблемы национальных меньшинств, выделив при этом, естественно, «еврейский вопрос». Он сказал: «Страна не сможет приобрести совершенную румынскую однородность и румыны не смогут себя почувствовать, как они этого желают, хозяевами в своем доме без того, чтобы категорическими и решительными мерами не решить у нас проблему еврейского элемента. В этом смысле мы настроены решительно прибегнуть к серьезным и хорошо продуманным мерам, которые непоколебимо будут претворяться с той откровенностью и решительностью, характеризующими действия нашего правительства»[160].

9 августа 1940 г. за подписью короля, премьера И. Джигурту и министра юстиции И. Груя увидел свет «Декрет-закон о юридическом положении жителей-евреев Румынии». Накануне с разъяснением его сути на заседании Совета Министров выступил И. Груя. Он подчеркнул, что в румынском «авторитарном и тоталитарном» государстве еврейская проблема «является проблемой политической, юридической и экономи-

ческой», от решения которой якобы зависит «судьба Нации». Принятые после Первой мировой войны законы о предоставлении евреям гражданских прав он посчитал таким же злом, как решение господаря Михая Стурдзы (1834 – июнь 1849 г.) «открыть жидам ворота Молдовы», принесшее «стране столько несчастий».

Автор доклада раскрыл принципы, легшие в основу предложенного закона о новом статусе румынских евреев: «закон крови», явно скопированный с гитлеровского законодательства, и строгое разграничение понятий «румыны по крови» и «румынские граждане»; только первым принадлежит роль государственного созидателя», тезис, развитый И. Груя в его университетском «Курсе конституционного права» для студентов; современное национальное государство несовместимо с этническим плюрализмом; гарантией единства действий в государстве является наличие в нем единой расы; определение понятия «еврей», руководствуясь такими критериями, как вероисповедание – «критерий более ограничительный, чем чисто биологический критерий», кровь. При этом «без проявления интереса поднять их качество как румынских граждан»[161].

С учетом этих принципов, законодательно считались евреями: все иудейского вероисповедания; рожденные от родителей иудейского вероисповедания; христиане, рожденные от родителей иудейского вероисповедания, некрещеные; рожденные от матери иудейского вероисповедания, внебрачные; христиане, рожденные от матери-христианки и отца – некрещеного еврея; женщины из вышеперечисленных параграфов, вступившие в брак с христианами, если приняли христианство хотя бы за год до создания Партии нации; евреи по крови, атеисты. Евреи, принявшие христианство после вступления в силу данного декрета-закона, продолжают считаться евреями.

Закон разделил румынских евреев на три категории. В первую вошли евреи, влившиеся в состав Румынии после 30 декабря 1918 г. Во вторую были включены евреи: получившие гражданство в индивидуальном порядке, по закону или легальным предписаниям до 30 декабря 1918 г. ; участники Войны за независимость 1877–1878 гг. и воевавшие на передовой в войне Румынии и за Румынию (в 1913 и 1916–1918 гг.), кроме индивидуально попавших в плен, исчезнувших или оказавшихся на оккупированной территории; раненные, награжденные, отмеченные приказом за отвагу в бою; потомки погибших, раненных и отмеченных наградами в войнах Румынии. В третью категорию входили все остальные, не попавшие в первую и вторую категории.

В зависимости от категории, закон устанавливал права и запреты. Так, вошедшие в первую и третью категории не могли: занимать государственные должности даже без зарплаты и участвовать в деятельности государственных служб; являться членами профессиональных организаций, имеющих прямую связь с государственными властями, например, адвокатами, экспертами и т. д.; быть членами административных советов любых предприятий, будь они государственные или частные; заниматься торговлей в сельской местности; торговать алкогольными напитками и любыми другими государственными монопольными товарами; являться опекуном или куратором немощных христианского вероисповедания; быть военными; являться хозяевами или нанимателями кинотеатров, издателями книг, румынских газет и журналов, разносчиками румынской печатной продукции и обладателями любых средств румынской национальной пропаганды; быть руководителями, членами и игроками национальных спортивных организаций; состоять в обслуживающем персонале государственных учреждений.

Евреи второй категории не могли избрать военную карьеру. Независимо от категории, евреи не могли приобретать любую собственность в сельской местности, присвоить себе румынские имена. В декрете-законе перечислены наказания (тюремное заключение, штрафы и др.) за его нарушение[162].

Если декрет-закон от 9 августа 1940 г. № 2650 превратил евреев второй категории в румынских граждан второго сорта, то отнесенные к первой и третьей категориям превратились в бесправных неграждан.

Был принят еще один расистский закон, запрещавший браки между евреями и румынами по крови, даже заключенные за пределами страны. Нарушителям угрожало тюремное заключение сроком от двух до пяти лет[163]. Газета Н. Йорги «Neamul Românesc» с восторгом писала, что этот закон имеет историческое значение, «призванный уберечь чистоту румынской расы». В другом номере газеты Н. Йорга требовал ускорить национализацию еврейских кинотеатров, ликвидацию еврейских издательств, книжных магазинов[164]. Упомянутый писатель Чезар Петреску ратовал за быстрейшую национализацию принадлежащих евреям земельных угодий[165]. Газета «Curentul» антисемита Панфила Шейкару высказалась за немедленное увольнение из государственных школ преподавателей-евреев[166], что Министерство образования и осуществило. В еврейских школах преподавание румынского языка, истории и географии было разрешено только «румынам по крови»[167]. Флагман антисемитской прессы Румынии газета «Porunca Vremii» требовала усвоения «чудесного примера» и «изгнать евреев, чтобы следа их не осталось». В другом номере газета торжественно объявила: «Мы направляемся к решительной антисемитской политике. Без этого полный национализм невозможен»[168].

В порядке реализации декрета-закона о новом статусе евреев все, входившие в категории I и III, да и II, которые также не могли состоять членами Партии нации, – адвокаты, врачи, инженеры, архитекторы, провизоры, бухгалтера, актеры и др. – увольнялись из государственных организаций и учреждений, отнимались лицензии у ремесленников целого ряда профессий, в сельской местности закрывались еврейские промышленные и торговые предприятия, кое-где началось отселение евреев из сел в города, стали создаваться лагеря, куда загонялись евреи, ожидавшие отправки в СССР, Палестину и другие страны, но по тем или иным причинам не успевшие покинуть Румынию. Было объявлено о запрете еврейским детям посещать румынские государственные школы.

19 августа поступил приказ об удалении из армии евреев, проходивших военную службу. Вместо обычных им выдавали военные билеты в красной обложке со штампом: «исключен из военной службы как еврей». В целях унижения солдат-евреев вся процедура увольнения проводилась перед строем, при прохождении их били, оплевывали, обзывали, заставляли снять военную форму и оставаться в кальсонах. Во время прохождения через села на пути следования к железнодорожным станциям в них бросали камни. В армии ввиду отсутствия замены были пока оставлены евреи–механики, врачи и другие специалисты[169].

В жизни еврейской общины Румынии, далеко не единой и сплоченной, наступили тяжелые времена. Влиятельный журналист и политик Панфил Шейкару на страницах своей газеты «Curentul» обвинил в предательстве страны не только евреев Бессарабии и Буковины, но и Бухареста[170]. Кое-кого из еврейской элиты это не на шутку напугало (бывшего помощника примара столицы Ахилла Шарагу, адвоката Коена), и они поторопились выразить протест против «террористических актов», совершенных их соплеменниками из Бессарабии и Северной Буковины. Небольшая, но богатая сефардская община, насчитывавшая примерно 8000 человек, со своим правлением, как наиболее древняя и интегрированная в румынскую действительность, среагировала на события в Бессарабии и Северной Буковине изложением своих заслуг перед страной и выражением ей преданности, осуждением поведения бессарабских и буковинских евреев[171]. Возглавляемая В. Фильдерманом Федерация еврейских организаций и общин, как уже отмечалось, хотя и осудила действия евреев во время отхода румынских войск и администрации из Бессарабии и Северной Буковины, но весьма критически отнеслась к

слухам о масштабах антирумынских выступлений и стремилась защитить от погромов румынских евреев.

Уповать внутри страны на защиту от антисемитских атак в те летние дни 1940 г. румынским евреям не приходилось. Даже в годы, когда у власти стояли партии, причислявшие себя к демократическим, сотрудничающих с еврейскими деловыми кругами было много, но заступиться во время антисемитских вылазок кузистов и железногвардейцев – не очень. Вследствие разгула в стране антисемитизма, да еще когда в авангарде находилось само правительство, на Федерацию еврейских организаций навалилось много сложных проблем, решение которых требовало усилий всех евреев. Десятки тысяч евреев еще стараниями правительства Гоги–Кузы остались без работы и средств к существованию, их ряды резко увеличились после принятия закона от 9 августа 1940 г. В помощи нуждались тысячи евреев, которые по разным причинам не успели перебраться кто в СССР, кто в Палестину или другие страны, и застряли в Румынии. Многие из них, без средств к существованию, сгонялись властями в создаваемые концентрационные лагеря (Каракал, Меркоря-Чукулуй и др.). В связи с предстоящим новым учебным годом нужно было обеспечить учебу многочисленным еврейским детям, изгнанным из государственных школ. На все это нужны были средства и немалые.

В. Фильдерман направлял в различные правительственные инстанции письма, в которых на основе глубокого анализа и убедительных примеров доказывал пагубность для страны, для ее экономики и финансов политики преследования евреев и просил оградить их от погромов и издевательств. Но все его демарши оставались без ответа.

Как обычно бывает у евреев, когда надвигается беда, личные амбиции и интересы отодвигаются на второй план, и происходит сплочение для преодоления трудностей. Союз еврейских общин Трансильвании в лице его руководителя Иосифа Фишера и Центральное бюро ультраортодоксальных евреев из г. Клуж в лице его председателя Штефана Ульмана, которые до этого держались несколько отстраненно от Федерации из Бухареста, признали за В. Фильдерманом право выступать и от имени их общин. Был создан комитет по оказанию помощи остро нуждающимся евреям с участием всех местных еврейских организаций, а также международных сионистских, «Джойнта», ОРТа, ОСЕ и др. Организаторскую работу взял на себя адвокат Артур Швефельберг. Комитет на собранные средства стал организовывать столовые, поликлиники, заготавливать дрова на зиму, собирать одежду для беженцев и переселенцев из сел, искать помещения для еврейских школьников, выдворенных из государственных школ[172]. Особенно в сложном положении оказались тысячи евреев, которые после закрытия границы на Пруте и Дунае остались без крова в Румынии и попали в списки сигуранцы как коммунисты. 22 августа 1940 г. Министерство юстиции распорядилось о секвестрации покинутой собственности евреев, эмигрировавших в СССР, а право на ее приобретение оставлено только для «этнических» румын[173].

Правительство И. Джигурту продержалось у власти всего два месяца и не успело целиком и полностью претворить в жизнь свою антиеврейскую программу. Низкие поклоны и раболепие перед А. Гитлером и Б. Муссолини не спасли Румынию от очередных территориальных потерь. Правители Германии и Италии неумолимо требовали от румынских правителей урегулировать территориальные споры с Венгрией и Болгарией.

Если румыно-болгарские переговоры завершились сравнительно быстро, и королевская Румыния возвратила Болгарии отторгнутую у нее в 1913 г. Южную Добруджу, то венгеро-румынские, проводившиеся с 16 до 24 августа 1940 г. в румынском городе Турну-Северин, закончились безрезультатно. В этой обстановке А. Гитлер и Б. Муссолини решили продиктовать спорящим сторонам свои решения, отвечающие интересам Германии и Италии и намеренно сохранившие в напряженном состоянии

румыно-венгерские отношения. В ночь на 30 августа 1940 г. в Бухаресте Коронный совет под председательством Кароля II большинством голосов дал согласие на итало-германский арбитраж. 30 августа в Вене германский министр иностранных дел И. Риббентроп и руководитель внешнеполитического ведомства Италии Г. Чиано вынесли согласованный еще за два дня до этого приговор. Министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску вынужден был подписать от имени своего правительства решение, предусматривавшее передачу Венгрии территории области Трансильвании площадью 43 тыс. кв. км с населением 2,6 млн человек. Здесь же было объявлено о предоставлении Румынии итало-германских гарантий территориальной целостности. Это последнее решение было воспринято в Москве как антисоветская акция. За оказанную арбитражную «услугу» А. Гитлер заставил Венгрию и Румынию подписать соглашения о статусе немецкого меньшинства в этих странах. В соглашении с Румынией отмечалось, что немецкое меньшинство будет находиться «на равном положении с румынами»[174]. Оставаясь гражданами Румынии, немецкое меньшинство фактически стало подчиняться приказам из Берлина, создавать под руководством эсэсовцев и гестапо свои организации и военизированные формирования, вести себя как государство в государстве.

«Венский арбитраж» вызвал волну недовольства капитулянтской политикой королевской диктатуры, которая хвастливо заявляла, что отстоит «версальские границы» страны и не отдаст ни одной пяди земли. Мощные антиправительственные демонстрации состоялись в Клуже, Брашове, Тимишоаре, Араде, Яссах и других городах страны. События лета 1940 г. обнажили гнилость режима королевской диктатуры, ее неспособность оборонять страну, бесполезность всех затрат на вооружение и содержание 800-тысячной армии, затрат, которые тяжелым бременем ложились на плечи трудового народа. Произошел именно тот «внутренний взрыв», которого больше всего боялись король и его камарилья. В этой обстановке политическая элита Румынии, при активном вмешательстве гитлеровских эмиссаров, в начале сентября 1940 г. привела к власти генерала И. Антонеску и «Железную гвардию». Ион Антонеску, на правах диктатора, правил страной почти четыре года, до 23 августа 1944 г., когда в ходе Ясско-Кишиневской операции и разгрома немецко-румынской группировки он был свергнут в результате государственного переворота. Положение евреев Румынии и на контролируемых ею территориях в эти годы определялось его политикой.

И. Антонеску занял свой пост главы государства, будучи в политических кругах страны уже известным военным и политическим деятелем с определившейся жизненной концепцией и идеологией. Выходец из семьи военнослужащего, он избрал профессию отца. В военных училищах он выделялся упорством и знаниями и воспитывался, как мы уже писали и сам он об этом говорил, «в ненависти к туркам, жидам и венграм». В чине младшего лейтенанта (сублокотенента) в 1904 г. стал служить в армии. Уже в ту пору проявил себя как приверженец силового решения возникших конфликтов. За решительную расправу с восставшими крестьянами в уезде Галац (1907 г.) молодой офицер удостоился похвалы наследного принца, будущего короля Румынии Фердинанда I. Спустя много лет, став уже главой государства, на заседании правительства 11 февраля 1941 г. И. Антонеску не без гордости произнес, что начал свою карьеру, «стреляя в народ»[175].

По окончании Высшего военного училища в Бухаресте капитан Ион Антонеску в качестве начальника оперативного отдела 1-й кавалерийской дивизии участвует в 1913 г. в военных действиях против Болгарии и награждается орденом «Virtutea militară» («Военная доблесть»).

В последующие годы продолжает занимать штабные должности в ряде соединений румынской армии, а в 1917 г., в чине подполковника, пользуясь покровительством на-

чальника штаба румынской армии генерала К. Презана, И. Антонеску назначается начальником оперативного управления Генштаба.

На руководящем посту все более выпукло стали проявляться властолюбие и жесткость характера энергичного подполковника. Его окружение, по-видимому, не питало к нему особого расположения, к рыжеватому И. Антонеску пристало прозвище «Câinele roşu» («Рыжий пес»).

В марте 1918 г., когда у власти в Румынии находилось германофильское правительство А. Маргиломана, подписавшее сепаратный мир с австро-германским блоком, К. Презан, а вместе с ним и И. Антонеску, вынуждены были оставить свои посты, но «опала» оказалась непродолжительной. В октябре 1918 г. вновь сменилось правительство, и прежнее руководство Генштабом было восстановлено.

И. Антонеску начал приобщаться к большой политике, выступая с позиций великодержавного шовинизма. К Парижской мирной конференции в 1919 г., на которой, как известно, рассматривался вопрос о послевоенных границах Румынии, он приурочил издание своей брошюры «Румыны. Их происхождение, прошлое, жертвы и права». На ее титульном листе имеется такая приписка: «При составлении этого исследования я пользовался советами и трудами профессоров Н. Йорги, Д. Ончула и Э. Панаитеску, которым приношу свою благодарность и признательность». Хотя Румыния, подписав в мае 1918 г. сепаратный мир с австро-германским блоком, нарушила тайный договор с Антантой от 4 августа 1916 г., она, по утверждению И. Антонеску, должна сполна получить все то, что было обещано ей Антантой за участие в войне на ее стороне (территории с преобладанием румынского населения, входившие в состав Австро-Венгерской империи), но и значительно больше. Это, во-первых, Бессарабия, не предусмотренная договором с Антантой, поскольку под ним стоит и подпись России – члена этого союза. Среди заслуг Румынии перед Западом автор выпячивает ее роль «плотины» на пути России, а с конца XIX в. и против славянской Болгарии, о народе которой он отзывается с пренебрежением. И. Антонеску признает, что в Северной Буковине преобладают украинцы, в западной части Баната – сербы, в Южной Добрудже – болгары, но это не должно стать препятствием для включения указанных территорий в состав Румынии, ибо: г. Черновцы, объявленный им румынским городом, находясь на самой границе, в случае военного конфликта с восточным соседом «будет совсем не защищен от противника»; сербский Банат должен являться «житницей других двух уездов» области (то есть румынских), а также «в случае раздела Баната «граница станет искусственной»; от Южной Добруджи нельзя отказаться, поскольку Румынии нужна «более обширная база на Черном море», и «имеется возможность построить в Мангалии военный порт и создать флот»[176].

Таким образом, уже на заре политической карьеры будущего маршала и главы государства проявлялись его великодержавные стремления, жажда к присвоению территорий с преобладанием нерумынского населения, пренебрежение к воле последнего.

И. Антонеску всегда гордился своим участием в борьбе против большевизма. Начал он ее еще на заре советской власти. Уже в годы войны против СССР, посетив в августе 1941 г. оккупированный Тирасполь, И. Антонеску хвастался, что он третий раз в этом городе, дважды был в 1919 г., разоружая там «большевизированные русские части», однажды даже переправился через Днестр вместе с французской частью.

В сентябре 1919 г. в составе делегации И. Антонеску посетил Францию, чтобы заручиться поддержкой генералитета этой страны в территориальных притязаниях Румынии и оснащении ее армии вооружением. Ему льстило, и он это выделил в своем отчете о поездке, что французский генерал Франше д'Еспре хвалил румынскую армию за то, как «были проведены его последние операции» против большевиков (в Бессарабии и

Венгрии – *И. Л.*), а маршал Фош даже сказал, что считает ее «жандармом Европы на Востоке»[177].

В марте 1920 г., перед началом советско-польской войны, И. Антонеску, участвуя с румынским посланником в Варшаве Флореску в переговорах с Пилсудским и другими представителями польского правительства и военного командования относительно политики в отношении Советской России, высказался за разоружение не только советских войск, но и гражданского населения «для полного умиротворения этой страны», не допустить «восстановить ее военный потенциал и военную промышленность», рекомендовал, после встречи в Варшаве с помощниками Петлюры, «оказать им необходимое содействие в организации сил с целью вторжения летом (1920 г. – *И. Л.*) в Украину»[178].

До конца 1930-х гг. И. Антонеску, как и вся правящая верхушка страны, был за ориентацию внешней политики страны на Францию и Англию – защитниц Версальской системы. В 1922–1926 гг. он являлся военным атташе сначала в Париже, затем в Лондоне. В 1933–1934 гг., уже в чине бригадного генерала, возглавлял румынский Генеральный штаб. Посетив в августе-сентябре Париж, он в ходе переговоров во французском Генштабе с генералом Гамленом предлагал предпринять «быструю акцию против Венгрии», не переставшей выставлять свои притязания на Трансильванию[179].

Политика Франции, где какое-то время у власти находились умеренные левые силы, ратовавшие, в связи с приходом к власти А. Гитлера и ростом опасности новой войны, за создание системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР, явно пришлась не по вкусу генералу И. Антонеску, которому больше импонировали фашистские диктаторские режимы в Италии и Германии. Внутри страны он сближается с Национал-христианской партией Кузы–Гоги и «Железной гвардией» К. Кодряну, шовинистическую и юдофобскую идеологию которых он разделял. Уже будучи у власти, во время визита в Германию и состоявшейся 24 ноября 1940 г. беседы с И. Риббентропом, подчеркнувшим симпатию А. Гитлера к железногвардейцам, И. Антонеску вспомнил, что в 1936 г. он предложил вожаку легионеров устроить путч, но Корнелиу Кодряну не осмелился[180]. В письме от 9 августа 1942 г., адресованном бывшему приближенному Кароля II Валеру Попе, который в канун отстранения короля от трона переметнулся в лагерь его противников, И. Антонеску на попытки Валера Попы приписать себе «заслуги» в захвате генералом власти, писал: «...государственный переворот я готовил 2–3 года и устроил его вместе с Михаем Антонеску»[181].

В конце 1937 г. И. Антонеску занял пост военного министра в кратковременном профашистском правительстве Гоги–Кузы, в составе которого он набрался дополнительного опыта в проведении антисемитской политики. Этот пост он сохранил в первом правительстве королевской диктатуры, возглавляемом патриархом Мироном Костиным.

Из-за разногласий с Каролем II по вопросу об отношении к «Железной гвардии» и ее главарю К. Кодряну И. Антонеску, являвшийся сторонником ее привлечения в правительство, был отстранен от своей должности министра, а затем и от командования армейским корпусом. На почве противостояния королевской диктатуре И. Антонеску поддерживал связи с руководителями «исторических партий»: национал-царанистом Юлиу Маниу и национал-либералом Дину Брэтиану.

Гитлеровская Германия, которая не доверяла Каролю II и при всех заверениях последнего о дружбе добивалась его отстранения от власти, через полковника Герштенберга, военно-воздушного атташе при германской дипломатической миссии в Бухаресте, и известную разведчицу Эдит Колер установила связь с И. Антонеску, о неуемном стремлении которого к власти было известно. Встречи состоялись в доме престарелого маршала Презана, бывшего покровителя И. Антонеску. Сам Презан, отстраненный Каролем II от активного участия в политической жизни страны, являлся почитателем гит-

леровской Германии. Как было выявлено на суде над главными румынскими военными преступниками в 1946 г., правители гитлеровской Германии вынашивали план устранения королевской диктатуры и приведения к власти правительства легионеров во главе с Презаном и И. Антонеску. Последний признал на совещании командующих крупными воинскими соединениями, созванном им 24 октября 1940 г., т. е. уже находясь во главе государства: «Еще до моей отправки в тюрьму в Бистрицу (т. е. до июля 1940 г. – *И. Л.*) мне было сообщено представителями Берлина и Рима, что, по их мнению, я являюсь единственным человеком, который мог бы спасти страну»[182].

Рассчитывая на поддержку Берлина и Рима, а также антикарлистских сил внутри страны, 1 июля 1940 г., спустя несколько дней после того, как Румыния, оказавшаяся в полной международной изоляции, вынуждена была подчиниться советскому ультиматуму и уступить Бессарабию и Северную Буковину, И. Антонеску явился в королевский дворец и потребовал передать ему власть. Во врученном королю «меморандуме» он писал, что может «спасти монархию, порядок и границы» страны, обещал никому не мстить за нанесенные ему «обиды», вместе с тем, во избежание полного краха высказал необходимость «изменить всю систему и поменять людей». Король усмотрел в предложениях властолюбивого генерала опасность для себя и всей камарильи. Он побоялся учинить расправу над ним, как в свое время поступил с главарем «Железной гвардии» К. Кодряну. Возможно, от более жесткой расправы короля удержало заступничество гитлеровских эмиссаров в Бухаресте: посланника В. Фабрициуса и уполномоченного Рейха по экономическим вопросам Г. Нейбахера. Первый, которому о нависшей над генералом опасности сообщили Георге Брэтиану и Михай Антонеску, позвонил новому премьер-министру И. Джигурту, второй – об опасениях немецкой стороны сообщил для передачи королевскому двору генералу Домбровскому, мэру Бухареста[183]. Кароль II выбрал другой путь нейтрализации генерала И. Антонеску: он отправил его в «заточение» в Бистрицкий монастырь (область Олтения). Эти «преследования» со стороны королевской диктатуры создали И. Антонеску, не без участия Ю. Маниу и И. Брэтиану, ореол «мученика», борца против злоупотреблений продажного монарха.

Будучи в «заточении», И. Антонеску продолжал поддерживать связи с гитлеровскими представителями в Румынии через видного политического деятеля Георге Брэтиану и своего адвоката Михая Антонеску. Первый, племянник председателя НЛП Дину Брэтиану, в 1930 г. откололся от НЛП и создал свою группу так называемых «молодых либералов», был известен своими прогитлеровскими симпатиями, при неоднократных посещениях Берлина встречался с А. Гитлером, Г. Герингом и другими главарями Рейха. В 1938 г. Г. Брэтиану распустил свою партию и вернулся в либеральную партию своего дяди. В доме Г. Брэтиану гитлеровские дипломаты и разведчики устанавливали связь с румынскими политическими деятелями. Михай Антонеску, профессор, юрист, был членом партии «молодых либералов», которую возглавлял Г. Брэтиану, состоял в дружеских отношениях с генералом И. Антонеску, которого защищал на процессе, инспирированном против генерала его противниками, по обвинению в двоеженстве.

Будучи в «заточении», И. Антонеску не был лишен права принимать посетителей. Через Михая Антонеску он продолжал связь с гитлеровскими агентами с целью захвата власти и устранения Кароля II, которому в Берлине по-прежнему не доверяли, несмотря на его неоднократные обещания быть верным союзником Германии и даже на присутствие германских войск в стране. К тому же Кароль II и его камарилья настолько утратили доверие своего народа и армии, что Берлину для своих целей такой скомпрометированный союзник просто не был нужен. Уже будучи фашистским диктатором, И. Антонеску заявил 3 октября 1940 г., что, находясь в Бистрице, он тайно обсудил

с немецкими агентами все вопросы, касающиеся управления государством, «дабы не иметь трудностей, когда обстоятельства приведут его к власти»[184].

Такие обстоятельства появились тотчас же после Венского диктата относительно Трансильвании. Тлеющий внутриполитический кризис в стране, обусловленный ухудшением социально-экономического положения и внешнеполитической ситуацией, достиг апогея.

1 сентября 1940 г. И. Антонеску выбрался из Бистрицкого монастыря и установил связь с лидерами «исторических партий» и с дипломатами Германии и Италии. Общее мнение: от скомпрометировавшегося монарха следует избавиться. Резко активизировалась деятельность «Железной гвардии». 3 сентября легионеры устроили шумные антикарлистские выступления в Бухаресте и других городах Румынии. Перепуганный и покинутый многими своими политическими советниками, Кароль II попытался примириться с И. Антонеску, предложив ему 4 сентября формирование правительства. Последний потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий. 5 сентября Кароль II подписал декрет о поручении И. Антонеску формирования правительства с диктаторскими правами. Вечером того же дня железногвардейцы устроили пальбу у королевского дворца и некоторых правительственных учреждений. Эти выступления легионеров, дирижируемые гитлеровскими эмиссарами, должны были изобразить «национальную революцию», чтобы доказать необходимость немедленного удаления с престола Кароля II и одновременно внушить народу мысль, что «Железная гвардия» является якобы непримиримым врагом прогнившей королевской диктатуры, и с ее приходом к власти наступит эра порядка и справедливости.

В этой обстановке вечером 5 сентября И. Антонеску потребовал отречения Кароля II от престола. После бурной ночи и совещаний с приближенными утром 6 сентября Кароль II подписал акт об отречении. Новым королем Румынии был провозглашен его 19-летний сын Михай Гогенцоллерн. Произошел обычный заговорщицкий, верхушечный переворот с активным участием за его кулисами гитлеровской агентуры в Бухаресте. Никакой «национальной революции», как представляли дело железногвардейцы, не произошло. Сам И. Антонеску на заседании правительства 7 сентября, на котором выступил с программной речью перед членами правительства И. Джигурту, так рассказывал об обстоятельствах взятия им власти: «Произошли вещи, достойные комической оперы. Ведь демонстрации 200 молодых людей и те несколько выстрелов, которые были произведены, нельзя считать настоящей революцией»[185].

Все эти дни германское дипломатическое представительство в Бухаресте работало в усиленном режиме, дирижируя за кулисами дворцовым переворотом. Германский посланник Фабрициус с удовлетворением писал своему начальству в Берлине, что в лице И. Антонеску Германия имеет «человека во главе румынского правительства, который полон решимости выполнять здесь важнейшие наши требования»[186].

Явно желая, чтобы кабинет И. Джигурту претворил в жизнь непопулярные решения венского «арбитража» о Трансильвании, И. Антонеску объявил новый состав правительства только 14 сентября 1940 г. Добиваясь полного подчинения Румынии своим политическим и экономическим интересам, гитлеровцы держали под неослабным контролем формирование правительства и настояли на преобладании в нем железногвардейцев. Консультации при формировании правительства И. Антонеску проводил также с Ю. Маниу и Д. Брэтиану. Они заявили И. Антонеску, что лично не могут участвовать в нем, так как желают оставаться в качестве резерва на тот случай, если его политика не удастся, но не будут чинить ему никаких препятствий. В 1946 г., на предварительном следствии, И. Антонеску подтвердил: «Мы договорились с Ю. Маниу и Д. Брэтиану, чтобы они остались в резерве».

Генерал И. Антонеску и Х. Сима участвуют в посвящении в легионеры 6 октября 1940 г.

Поддерживая И. Антонеску, Ю. Маниу и Д. Брэтиану вместе с тем не считали нужным официально входить в состав правительства, по крайней мере, по двум причинам: быть соучастниками акта сдачи Венгрии бóльшей части территории Трансильвании, и, главное, Германия, считали они, временная владычица континента, конечная победа будет за Великобританией, которая в лице Соединенных Штатов Америки заимеет мощного союзника. Такая уверенность заставила их проявлять сдержанность и осторожность в отношении политики И. Антонеску и в «еврейском вопросе».

Отказавшись от личного участия в правительстве, Ю. Маниу и Д. Брэтиану согласились направить в его состав своих представителей на ключевые посты, связанные с экономикой и финансами, сохраняя в то же время за собой возможность утверждать, что они не принимают активного участия в репрессивных действиях фашистского режима.

И. Антонеску оставил за собой министерство обороны, его заместителями по этой линии были также профессиональные военные. Главарь «Железной гвардии» Хория Сима стал заместителем председателя правительства, сохранив за собой звание коменданта легионерского движения. Легионеры заняли почти все должности министров – 15 и столько же государственных субсекретарей[187]. В последующие дни были заменены все префекты в 45 уездах из 48, ими стали железногвардейцы.

Декретом молодого короля Румыния была объявлена «национал-легионерским государством», легионерское движение, цель которого – «моральный и материальный подъем румынского народа и развитие его созидательных сил», признано единственно законным. И. Антонеску к титулу главы государства – кондукэтора – добавил звание главы легионерского режима. Наступило, казалось, время, когда фашисты, наконец, осчастливят румынский народ, разрушат до основания здание «еврейско-масоно-плутократического» государства, возглавлявшегося Каролем II и его любовницей-«жидовкой» Е. Лупеску, и построят новое государство, которое будет сиять, как они обещали, «как солнце в небесах». И. Антонеску отменил действие Конституции 1938 г., принятой при Кароле II и в интересах последнего, конституционной основой стали декреты-законы, подписанные кондукэтором. В пространном письме, адресованном Ю. Маниу 22 июня 1941 г., в день начала военных действий на советско-германском фронте, И. Антонеску, касаясь причин, побудивших его делать ставку на «Железную гвардию» при формировании своего первого правительства, среди других назвал: «Она («Железная гвардия» – *И. Л.*) имела большое идеологическое и организационное сходство с германским национал-социализмом и итальянским фашизмом, что должно было облегчить развитие наших связей с государствами Оси, за это категорически высказывался вождь Легионерского Движения (Корнелиу Кодряну – *И. Л.*) еще в 1936 году»[188].

В официальном сообщении о заседании нового правительства демагогически заявлялось, что будут приняты меры по «подъему благосостояния крестьянства», осуществлены социальные реформы «в пользу рабочего класса», увеличена зарплата служащим «в зависимости от численного состава семьи», развернута борьба с коррупцией, повышена роль школ и церкви, осуществлена частичная демобилизация армии и т. д.[189] Хория Сима даже обещал ликвидировать эксплуатацию человека человеком. В первый же день своего правления И. Антонеску сообщил В. Фабрициусу о «желании тесного сотрудничества с Германией», о согласии на присылку военной миссии, о готовности выполнить решение венского «арбитража» и увеличить поставки Германии необходимых товаров. «Его наиболее страстным желанием, как только здесь все дела будут улажены, – отмечает в своем донесении В. Фабрициус, – является визит к фюреру для обсуждения ориентации своей политики»[190].

Румынские евреи с волнением восприняли развитие событий в стране и приход к власти «Железной гвардии». Для основной массы, и не только для евреев, И. Антонеску был малоизвестным политиком. Мататиас Карп пишет: «Общественность страны была в недоумении и ошеломлена приходом к власти этого незнакомого спасителя. Лишь очень немногие обратили внимание на его мимолетное и беззвучное присутствие в составе нескольких реакционных правительств; еще меньше было тех, которые знали о его деятельности в высших военных заведениях. Говорили разве, что он энергичный и авторитарный военный, но нерешительный и легко поддающийся влиянию; нашептывали, что он тщеславный, надменный и очень восприимчив на похвалу и подхалимство; ко всему этому было известно, что он импульсивный, с жестокими замашками, плохой человек. “Рыжий пес” – это прозвище сопровождало его на протяжении всей его карьеры»[191].

Среди еврейской элиты были такие, которые не понаслышке или из газет знали о генерале И. Антонеску, а лично были знакомы с ним. Это сам председатель Федерации евреев Румынии В. Фильдерман. Он был ровесником генерала, в юные годы в какое-то время они были соучениками. Лично знаком с ним был известный в Румынии адвокат, бывший депутат румынского парламента и активный участник политической жизни страны Аурелиу Вейсс. Летом он с супругой отдыхал в известном курортном городке Предял, где была летняя резиденция румынских королей и имели свои виллы многие политические деятели. А. Вейсс пишет: «Я лично знал Антонеску, тогда еще генерала, по Предялу, где находилась его вилла в Чьопля (престижный район курорта – *И. Л.*). В 1935 и 1936 годы он посещал дачу, которую я снимал у его приятельницы госпожи Кантаджиер». Генерал приходил играть в «бридж» в компании супруги Вейсса и посетителей виллы. «Он обладал вспыльчивым и неудержимым характером, что заставляло меня сохранять постоянную настороженность. Я избегал его компании. Он принадлежал к роду людей, которых я остерегался. Антисемит по натуре и выходкам. У него были знакомые евреи, очень мало, но были»[192]. Не только в частных разговорах, но, как явствует из стенограмм заседаний правительства уже при власти И. Антонеску, когда обсуждался еврейский вопрос, его высказывания пестрили такими эпитетами: «жиды», «паразиты», «подонки», «плевелы», «нечисть» и др.

«Менее последователен, оппортунистом и бесхарактерным, – отмечает А. Вейсс, – был Михай Антонеску. Я его знал как противника на судебных процессах и летнего обитателя Предяла, где поддерживал дружбу с маршалом Антонеску». Для иллюстрации морального облика М. Антонеску А. Вейсс приводит такой пример. «Летом 1937 г., выйдя с женой около 9 вечера на прогулку к Чопле, добрались до виллы «Маргарета», где проживал Михай Антонеску, недалеко от виллы генерала. Через освещенное окно, выходящее на аллею, вижу – Михай Антонеску, укутанный пледом на спине, писал за столом. Я приблизился и постучал в окно. «Что делаешь?» – спросил его. Он ответил

жестом, показывая на бумаги. «Брось писать, – ответил я ему, – на улице хорошо, пошли гулять». Вместе, я, моя жена и он, продолжали гулять. «Ты знаешь, что я пишу?» – спросил меня Михай Антонеску. – «Откуда мне знать?» – ответил я. «Пишу брошюру против Гитлера». И без того, чтобы спрашивать его, он начал выкладывать подробности против германского диктатора. Летом следующего года брошюра стала апологией «фюрера», и ее автор начал принимать настороженно сдержанное отношение к евреям. Что можно было ожидать от такого характера?»[193].

Пока шла смена кабинета министров, низовые органы власти, профессиональные и другие ассоциации и организации продолжали усердно претворять в жизнь декрет-закон от 9 августа 1940 г. о новом статусе евреев. В течение одной недели, с 7 до 13 сентября, Коллегия адвокатов уезда Ильфов с центром в Бухаресте исключила из своего состава, фактически наложив запрет на профессию, 1302 адвоката-еврея, сохранив право только 177. Генеральная ассоциация инженеров Румынии исключила из своего состава первую большую партию инженеров-евреев и объявила, что чистка будет продолжаться. 14 сентября Министерство национальной экономики разослало всем биржам страны извещение об отстранении от работы всех агентов и посредников еврейской национальности, не отвечающих требованиям закона от 9 августа 1940 г. В городке Калараш (у. Яломица) местная легионерская организация обклеила двери и витрины еврейских магазинов плакатиками: «Жидовский магазин»[194].

Рассчитывая, по-видимому, на личное знакомство с кондукэтором, В. Фильдерман попытался добиться у него прекращения безудержного преследования евреев. 14 сентября 1940 г. он получил аудиенцию у И. Антонеску и рассказал ему обо всех безобразиях последнего времени, об избиениях железногвардейцами евреев на улицах городов и т. д. Успокаивая своего собеседника, И. Антонеску расценил эти «шалости» фашистских молодчиков как проявление «романтизма и энтузиазма» со стороны легионерской молодежи. Он даже позвонил министру внутренних дел генералу Петровическу, недавно примкнувшему к «Железной гвардии», и пожурил за то, что «его ребята проказничают» и тем самым «подводят его». Кондукэтор распорядился удалить с витрин еврейских магазинов наклейки «Жидовский магазин», говорил В. Фильдерману, что евреи не должны ликвидировать свои предприятия, каждый должен заниматься своим делом, и впредь ничего страшного не произойдет. Чтобы подбодрить В. Фильдермана, 16 сентября 1940 г. в адрес Федерации из личной канцелярии И. Антонеску было отправлено письмо, в котором было сказано: «Заверяю г-на Фильдермана, что если его единоверцы не будут открыто или за кулисами саботировать режим, как на политическом, так и экономическом поприще, еврейское население ничем не пострадает. Слово генерала Антонеску есть слово»[195]. Все это звучало обнадеживающе.

Действительность тут же опровергла все демагогические обещания кондукэтора. Легионерская стихия набирала силы, отряды железногвардейцев, созданные в начале якобы для оказания помощи законным властям, присвоили себе полицейские функции, стали фактически государством в государстве. Так называемая «легионерская полиция» имела свои штабы, подчинялась и отчитывалась только Хории Симе. В г. Бузэу легионеры арестовали 20 молодых евреев-сионистов, под пытками заставили их признать себя коммунистами, и хотя суд не нашел доказательств их принадлежности к компартии, но в картотеке полиции они числились коммунистами и, в конечном счете, спустя год оказались в Транснистрии. В этом же городе легионеры установили посты у еврейских магазинов, перекрывая доступ в них покупателей-неевреев. Они совершили нападение на одну из синагог города, избили молящихся, обыскали и ограбили их, затем всю ночь продержали под арестом. В г. Арад полиция арестовала без предъявления каких-либо обвинений около 40 евреев из числа руководства общины и не отпускала

несколько дней. Аресты сопровождались вымогательствами. В первые же дни прихода к власти военно-легионерского правительства в Яссах железногвардейцы загнали в подвалы полиции сотни евреев, жестоко избили. После получения выкупа в размере 6 млн леев на какое-то время легионеры прекратили террор. Бойкот еврейских магазинов охватил ряд городов (Рымникул-Сарат, Роман, Бузэу и др.).[196]

С первых же дней прихода к власти военно-легионерского правительства «еврейский вопрос» стал предметом обсуждения на многочисленных заседаниях кабинета министров, его решение считалось первостепенной и неотложной внутриполитической задачей. Но в части подхода к его решению в самом правительстве не было единства. На заседании 18 сентября 1940 г., касаясь «еврейского вопроса», И. Антонеску заявил: «Для румынского народа это очень сложная проблема. Эта иудейская проблема, над которой я думаю… Если одновременно браться за решение всех проблем, ничего не добьемся. Нужно в этом отношении проявить большой такт. Сначала нам следует инфильтрироваться в экономической жизни, и, когда мы наложим на нее лапу, тогда двинемся дальше»[197].

Но легионерскому руководству, чтобы удержать и умножить свое влияние среди отсталых слоев крестьянства и мелкобуржуазных элементов города, нужны были сиюминутные решения еврейской проблемы в плане изъятия и раздачи еврейской собственности. 27 сентября на заседании правительства главарь «Железной гвардии» заявил: «Относительно жидовского вопроса довожу до вашего сведения и другой его аспект. В общественном мнении существует беспокойство, что мы в жидовской проблеме не предприняли никаких мер, более того, мы отступили в чем-то от того, что сделало прошлое правительство, а именно декрета господина Брэиляну*. Экспроприация сельской жидовской собственности это тот необходимый минимум для удовлетворения общественного мнения… Эта экспроприация явилась бы первым шагом».

На это И. Антонеску ответил: «Очень хорошо, как практически это реализовать? В этом плане мы что-то уже делаем. Мы изгоняем их отовсюду, оставляем без средств к существованию, изгоняем из школ, из социальной сферы, из свободных профессий; все, которые относятся к свободным профессиям, могут зарабатывать на жизнь только в еврейской среде. Будут приняты решения, позволяющие нам инфильтрироваться в экономике. Все еврейские магазины, вся промышленность должны будут принимать румынские элементы»[198].

Осторожность, проявленная И. Антонеску к сиюминутной конфискации всей еврейской собственности и полному вытеснению евреев из сферы производства и торговли, объясняется боязнью, что это может привести к непреодолимым экономическим и финансовым трудностям и нежелательным социальным последствиям. У кондукэтора, не отличавшегося особым знанием народного хозяйства и экономики, были твердые взгляды на ряд проблем. Уже 18 сентября 1940 г., через четыре дня после формирования нового кабинета, И. Антонеску заявил, что он является решительным противником какой бы то ни было аграрной реформы. По определению министра сельского хозяйства и владений, румынским евреям принадлежало в стране всего 70 000 га земли. Кондукэтор был против их раздачи крестьянам в собственность, но чтобы они не остались необработанными и не превратились в пустоши, он предлагал их передать в аренду беженцам из покинутых летом 1940 г. территорий. Спустя две недели, 3 октября, на заседании правительства И. Антонеску высказался даже против «поспешной» экспро-

* Троян Брэиляну, министр национального образования, культов и искусств в правительстве И. Антонеску, отменил прежние министерские решения от 9 сентября 1940 г. об исключении еврейского вероисповедания из числа исторических религий страны и, тем самым, лишении льгот. Эта отмена последовала после аудиенции В. Фильдермана у И. Антонеску 14 сентября 1940 г.

приации земельной собственности, принадлежащей евреям, заявляя при этом, что если не будет проявлена осторожность, «то могут начаться в стране грабежи, возникнуть революция и коммунизм… Я не хочу, – продолжал он, – чтобы это все привело к анархии»[199]. И. Антонеску явно не забыл крестьянское восстание 1907 г., в подавлении которого тогдашний молодой офицер активно участвовал. Кондукэтор, зная бедственное положение многочисленного румынского крестьянства, боялся повторения 1907 г.

У И. Антонеску были колебания, касающиеся целесообразности немедленной национализации у евреев всей промышленности и торговли, что неминуемо сильно ударило бы по экономике и финансам страны. В плане подготовки к войне это было крайне нежелательно. В 1946 г., на суде, обвиняемый маршал И. Антонеску признал: «Миссия, данная мне (правящей верхушкой – *И. Л.*) – вести войну»[200]. Сам он лелеял мечту о войне против СССР. Выступая 7 сентября 1940 г. перед членами правительства И. Джигурту, которое, как отмечалось, оставалось на своих постах до образования нового правительства, И. Антонеску заявил, что, возможно, румынское государство будет очень скоро призвано участвовать в военной акции против Советского Союза[201]. Как указано в одном из меморандумов германского МИДа, И. Антонеску «проповедовал войну против России с беспримерным постоянством»[202]. Едва было сформировано правительство, а в Бухарест уже прибыл гитлеровский генерал К. Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в стране. В ходе этих переговоров, состоявшихся в Бухаресте 15–17 сентября 1940 г., И. Антонеску попросил гитлеровского генерала, чтобы Германия направила свои войска в Румынию, так как только таким образом будет обеспечена безопасность Румынии. Кондукэтор заговорил о заключении военного союза между Румынией и Германией, на что К. Типпельскирх не дал ответа[203].

29 сентября все румынские газеты поместили интервью И. Антонеску корреспонденту итальянской газеты «Stampa». Еще раз подтвердив решимость «идти вместе с осью, поскольку политические и экономические интересы совпадают», румынский фюрер далее сказал: «Среди больших проблем находится проблема румынских границ и реорганизации румынской армии. При проведении технической реорганизации в случае необходимости будут привлечены к реорганизации итальянские и германские военные техники».

Коснулся кондукэтор и «еврейской проблемы». Он заявил, что, «вооруженный опытом правительства Гоги», «постепенно» заменит евреев румынами, в первую очередь железногвардейцами, и начнет с евреев, пришедших в страну после 1913 г., то есть после Второй Балканской войны. Затем он продолжит замену остальных евреев, и проводиться это будет также «постепенно» легионерами, которые «между тем пройдут подготовку». Завершил И. Антонеску свое интервью заявлением, что «евреи могут жить (в Румынии – *И. Л.*), но не смогут извлекать выгоды от ресурсов и богатств страны». Сказано, что наличие у евреев румынского гражданства не меняет общего положения[204].

Курс на подготовку к войне, требовавший увеличения расходов на военные нужды, приток десятков тысяч беженцев с покинутых территорий, нуждавшихся в материальной помощи, растущие затраты на содержание немецких войск, которые под видом «инструкторов» румынской армии стали со второй половины октября 1940 г. прибывать в страну, а также всякие другие экономические и финансовые трудности заставили кондукэтора воздержаться от сиюминутной национализации всех еврейских промышленных и торговых предприятий, ограничиться на первых порах экспроприацией еврейской сельской собственности. В декрете-законе от 5 октября 1940 г. сказано, что евреи, независимо от определенной им категории, по закону от 9 августа 1940 г. и от вероисповедания, даже если один из родителей является евреем, не могут в сельской местности владеть собственностью, состоять в компаньонах, быть адми-

нистраторами, получать доходы. Особенность этого и последующих законов об экспроприации еврейской собственности состоит в том, что в основе определения принадлежности к еврейской национальности прежний критерий – вероисповедание – перестает быть определяющим, на первый план выступает расовая принадлежность, процент крови.

В перечне видов национализированной еврейской собственности отсутствуют промышленные предприятия. В порядке проявления «человечности» национализации не подлежали мебель и домашняя утварь. В соответствии с этим законом, у евреев в сельской местности было экспроприировано 3187 сельскохозяйственных имуществ общей площадью в 45 035 га, оцененных в сумму 5 063 364 350 леев[205].

12 ноября в дополнение к этому закону по представлению министра юстиции Михая Антонеску был подписан закон, расширивший круг объектов, подлежащих экспроприации у евреев в сельской местности: лесные угодья со всеми на их территории строениями, установками, орудиями труда, транспортными средствами; мельницы, независимо от местонахождения, крестьянские маслобойки, валяльные станки, весь живой и мертвый инвентарь; все спиртзаводы, где бы они ни находились, вместе с прилегающей территорией, всеми строениями, установками, орудиями производства, инвентарем, транспортными средствами, живым и мертвым инвентарем; вся наличность зерновых, фуража, любой другой урожай, обнаруженный в собственности евреев, перешедший государству по закону от 5 октября 1940 г., весь живой и мертвый инвентарь. Все прежние контракты с евреями обрываются. Согласно официальным данным, у евреев было изъято в пользу государства 331 лесное угодье площадью 47 455 га стоимостью 790 018 438 леев и лесоматериалы на сумму 77 690 833 лея, а стоимость промышленного имущества, связанного с сельской экономикой, составила по государственной оценке 1 851 341 940 леев[206].

Декретом от 3 декабря 1940 г. были национализированы все морские и речные плавучие средства, принадлежавшие евреям и анонимным обществам с преобладанием еврейского капитала. В собственность государства перешли 146 плавучих средств, их стоимость по оценкам властей составила 1 318 849 900 леев.

4 октября 1940 г. был подписан декрет-закон, в соответствии с которым Министерство национальной экономики по своему усмотрению и «без мотивации назначает на любое предприятие комиссара по румынизации», без предварительного согласия которого не проводятся никакие административные акции», он же осуществляет наблюдение за деятельностью администрации[207]. Этим самым правительство стремилось взять под свой полный контроль еврейские промышленные и торговые предприятия и одновременно подготовить в лице «комиссаров по румынизации», рекрутированных, как правило, из членов «Железной гвардии», будущих администраторов национализированных у евреев заводов, фабрик, магазинов и т. д.

Декретами и распоряжениями правительства евреи были лишены прав: являться поставщиками и выполнять работы (меховщики, ювелиры и др.) для королевского двора; арендовать аптеки и аптечные магазины, быть управляющими и администраторами в нееврейских магазинах, работать провизорами не в еврейских аптеках; участвовать в публичных торгах и т. д. Были аннулированы разрешения, в том числе евреям второй категории, на торговлю монопольными товарами в специальных ларьках [208].

К травле евреев подключились многочисленные неправительственные организации, всякие союзы, ассоциации. В течение первой половины октября 1940 г. евреев лишили членства: Союз писателей Румынии, Синдикат журналистов-профессионалов, Ассоциация электриков Бухареста, Ассоциация инженеров Румынии, Ассоциация врачей-стоматологов, Ассоциация врачей-отоларингологов, Ассоциация химиков, Союз архитек-

торов, Секретариат работников изобразительных искусств, Ассоциация антрепренеров строительных работ. Это коснулось также художников и скульпторов – неевреев, состоявших в брачных отношениях с евреями[209].

Как бы ни были юдофобски настроены министры военно-легионерского правительства, но лишиться технических специалистов еврейской национальности, из-за нехватки таковых среди румын, они не могли. Зато от всяких других наемных работников-евреев решили очистить все предприятия и учреждения страны. Фактически этот процесс уже проводился предыдущими правительствами, на сей раз решили эту акцию оформить законодательно. В «Декрете-законе о румынизации персонала на предприятиях» от 12 ноября 1940 г. сказано, что все предприятия «любого характера» «не могут иметь на службе у себя евреев наемных работников», исключения делаются для еврейских учреждений строго религиозного и культурного назначения. К наемным работникам были причислены ученики, практиканты и всякие другие лица еврейской национальности, даже бесплатно работавшие на хозяина. Уволенные в первые три месяца после издания закона права на компенсацию были лишены, а после трех месяцев размер компенсации зависел от стажа работы, но не более чем на 3 месяца (при стаже 20 и более лет). На вакантные места можно было принимать только румын. Был установлен срок претворения закона в жизнь – 31 декабря 1940 г. [210]

Фронтальное наступление предприняло военно-легионерское правительство против лиц свободных профессий еврейской национальности. Распоряжением Министерства культов и искусств от 8 сентября 1940 г. весь еврейский персонал национальных театров, опер, частных театров, независимо от того, получает или не получает дотации от государства, увольняется от работы, при этом подчеркивается, что «не допускаются никакие исключения». Артисты-евреи могут работать только в частных еврейских театрах, последние обязаны на всех своих публикациях (афиши и др.) отмечать: «Еврейский театр». Декретом от 19 ноября 1940 г. на евреев, независимо от вероисповедания, был наложен запрет на содержание киностудий, кинотеатров, экскурсионных и туристических бюро[211].

Очередной удар был нанесен адвокатам-евреям. Как уже отмечалось, абсолютное большинство в результате исключения из Коллегии адвокатов лишились права на профессию, сохранило его ничтожное число из второй категории. 16 ноября специальным декретом права последних были ограничены: они могли обслуживать только своих единоверцев, исключение было сделано только для награжденных орденом «Virtutea Militară» («Военная доблесть») или другими орденами при наличии ленты «Virtutea Militară». Нарушение каралось тюремным заключением от одного до трех месяцев и штрафом от 100 до 500 тыс. леев[212]. Автор этого закона, тогдашний министр юстиции Михай Антонеску в его обосновании писал: «Настоящий декрет-закон вытекает из новой политической концепции, лежащей в основе национал-легионерского государства»[213].

На протяжении всей истории Румынии медицинское обслуживание населения было острейшей проблемой. Были сотни населенных пунктов, где не имелось ни одного врача, а порою и среднего медицинского персонала. Во второй половине 1940 г. на 13,5 млн жителей страны было всего 6038 врачей, в том числе по этническому происхождению: румын – 3376 (56 %), евреев – 1876 (31,1 %), немцев – 466 (7,7 %), венгров – 206 (3,4 %), других – 107 (1,8 %). Антисемитская пресса неистовствовала и требовала покончить с «еврейским засильем» в медицинской сфере. Убеждать в этом министра труда, здравоохранения и социального обеспечения железногвардейца В. Ясински, не приходилось. Предчувствуя неладное, 22 октября 1940 г. В. Фильдерман направил на имя И. Антонеску письмо, в котором на основе глубокого анализа положения дел

в стране в области здравоохранения продемонстрировал пагубность принятия мер по ограничению деятельности и преследованию еврейских врачей[214]. Но демарш В. Фильдермана не был принят во внимание. 12 ноября был издан декрет-закон об организации и функционировании коллегии врачей. Коллегии был придан статус официального органа в рамках национального легионерского государства. В ней могли состоять «врачи румынского или арийского, венгерского и турецкого происхождения, имеющие румынское гражданство и исповедывающие христианскую или мусульманскую религию, но при этом не состоящие в браке с евреем или еврейкой». В законе подчеркивается, что «врачи еврейского происхождения и иудейского вероисповедания или крещенные, а также женщины-врачи еврейского происхождения, будь они в браке с этническими румынами или арийцами, в состав Коллегии врачей не принимаются, они могут обслуживать только своих соплеменников и только по месту жительства». Рецепты они должны выписывать на бланках с отметкой «врач еврей», а также носить такой значок. Члены Коллегии могут оказывать медицинскую помощь еврею «только в экстренной ситуации». Евреи-врачи лишены права издавать свои научные и профессиональные журналы, а также сотрудничать с «румынскими и христианскими журналами», состоять и присутствовать на заседаниях научных обществ[215].

24 октября 1940 г. субсекретариат по печати и пропаганде разослал всем публичным библиотекам распоряжение о запрете «использовать и рекомендовать работы еврейских авторов»[216].

Закон «О регламентации положения евреев в области образования» лишил преподавателей-евреев права работать, а еврейских детей – учиться в государственных учебных заведениях всех видов и рангов. Исключение делалось для детей крещенного отца-еврея и матери-нееврейки, при условии, что сам ребенок был крещен в возрасте до двух лет. Исключение делалось и для потомков участников, инвалидов и погибших евреев в войнах 1877–1878, 1916–1918 гг., но при условии, что они приняли христианство до 9 августа 1940 г. Еврейские дети могли получить образование только в частных еврейских школах, весь преподавательский и прочий персонал которых должен был состоять только из евреев[217]. Румынскому учебному персоналу было запрещено публиковать дидактическую или научную литературу в еврейских издательствах. Чувствительный удар был нанесен студентам-евреям, обучавшимся за рубежом. Им, независимо от вероисповедания, было отказано в праве на льготы при обмене румынских денег на иностранную валюту, они сохранились только для потомков волонтеров, участников и погибших в войнах Румынии, но при условии, если перешли в христианскую веру. Согласно закону о регламентации положения евреев в области образования, дипломы, полученные евреями в зарубежных вузах, не приравнивались к румынским[218].

27 октября Генеральный штаб румынской армии объявил об увольнении из армии всех евреев, а 4 декабря был издан закон о военном статусе евреев. Евреи, независимо от категории, исключаются из военной службы, но обязаны взамен вносить военную таксу и выполнять трудовую повинность. Военную таксу должны вносить и евреи, физически непригодные для службы в армии, а также допризывники (18–21 год). Последние должны также отбывать 60 дней трудовой повинности на «общественно полезных работах»[219].

Фашистские правители глумились над религиозными чувствами румынских евреев, абсолютное большинство которых были верующими людьми, посещавшими синагоги и молитвенные дома, соблюдавшими субботние и праздничные еврейские дни. Министерство культов и национального воспитания даже предприняло попытку вычеркнуть иудаизм из списка признанных в стране религий. 11 сентября оно издало постановле-

ние, в котором сказано, что иудейское вероисповедание может действовать «при условии, что не нарушает основные принципы нового устройства государства». Далее сказано, что впредь ни одна синагога не может действовать без получения разрешения министерства на основе заявления, поданного через уездную префектуру и установления, что синагога обслуживает не менее 400 еврейских семей в городах и 200 – в сельской местности[220]. Все синагоги, не отвечавшие указанным требованиям, подлежали закрытию, и их помещения были отданы государству для нужд местных христианских прихожан. Евреям – владельцам магазинов, ресторанов, столовых, мастерских и т. д. было запрещено в субботние и еврейские праздничные дни держать закрытыми для посетителей свои помещения, выходной для них день был установлен в воскресенье. Префект уезда Кымпулунг приказал закрыть 6 еврейских магазинов и отнять у их хозяев разрешения на торговлю, поскольку 5 октября, в день еврейского праздника Рош-Ашана, они на целый час закрыли свои магазины, чтобы присутствовать в синагоге на поминальной молитве; 12 октября, в день еврейского священного праздника Иом Кипур, по инициативе главаря местных легионеров Вистика Ерхана и при содействии префекта адвоката Кристя Руссу и коменданта гарнизона полковника Мочульски в городе был устроен погром. У еврейских домов были установлены посты из солдат гарнизона и банды молодчиков из железногвардейцев и служащих полиции, арестовывали евреев, подвергали их избиениям и ограблению. Значительную часть домашнего имущества из еврейских квартир погрузили на подводы и отправили в штаб легионеров – «Зеленый дом» («Casa Verde»). Были ограблены очень богатая еврейская библиотека и синагоги города, жестоко надругались над раввином Мозесом Иосифом Рубиным. Его избили в самой синагоге, требуя от него заявление, что в синагоге им припрятан динамит для диверсионных действий. Затем его вместе с сыном запрягли в подводу, нагруженную отнятыми у них вещами, и в окружении вооруженных молодчиков гнали через весь город[221].

Легионерский террор нарастал с каждым днем. Железногвардейские вожаки, жаждавшие быстрого обогащения, не намерены были растягивать «румынизацию» на годы и даже месяцы. Они, включая так называемых «комиссаров по румынизации», присваивали себе промышленные предприятия, магазины, жилые дома, акции, иностранную валюту, мебель и др., используя шантаж и методы физического воздействия. 18 октября 1940 г. в г. Алба Юлия легионеры с участием полиции арестовали 35 еврейских руководителей и в здании квестуры полиции подвергли их дикому избиению. Особенно издевались они над пожилым коммерсантом Фердинандом Фуксом, которому в Трансильвании принадлежала сеть торговых предприятий по сбыту текстиля. Он потерял сознание, а затем под угрозой новых избиений подписал бумагу об отказе от своего имущества. В больнице, куда он угодил после избиения, к нему явились квестор полиции Троян Няну и «комиссар по румынизации» Петре Паштиу и потребовали сдать все принадлежащие ему акции «Генерального общества Трансильвании по торговле в акциях» стоимостью в 45 млн леев. 5000 из 13 020 акций Ф. Фукса достались шефу легионерской организации из Алба Юлии Илие Колхану, 3500 – комиссару по румынизации Петре Пуштиу, столько же – квестору полиции Трояну Нану, по 225 акций получили члены легионерской полиции Р. Каковяну, Е. Глигор, В. Сиван, И. Ризолу. Банда легионеров увезла мебель из его дома и другие ценные вещи. Избитый и измученный, Ф. Фукс уехал за рубеж, где проживали его сыновья[222].

В г. Арад трем евреям принадлежала гостиница «Dacia» и ресторан при ней. Эта собственность оценивалась в 4 млн леев. Хозяевам было сказано, что они должны «продать» ее румыну-легионеру якобы за 1 млн леев. Они отказались. 5 ноября 1940 г. к ним с обыском нагрянули 25 полицейских во главе с квестором полиции Предой, арестова-

ли, избили и, продержав их пятеро суток в своих подвалах без пищи и воды, заставили отказаться от собственности и ничего не заплатили за нее.

В г. Черновода под угрозой расстрела у коммерсанта Германа Нафтули Бейнглас отняли магазин и товары в нем на 2 млн леев, избили, но в «утешение» дали 20 000 леев, а затем всю семью изгнали из города.

Практика изгнания из городов и сел жертв «румынизации» широко применялась фашистами. В г. Урзучень (у. Яломица) в ходе одного ночного рейда железногвардейские банды ограбили и отняли все еврейские магазины и дома, затем всех изгнали из городка, оставив одного дантиста, поскольку он был единственным во всей округе. В городке Орэштие (у. Хунедоара) 6 ноября на всех еврейских магазинах появились плакаты: «Внимание! Жидовский магазин. Христианам вход запрещен!». Хозяевам было сказано, что им следует «продать» свою собственность легионерам. На второй день была изъята часть товаров, якобы для покрытия налогов первого квартала 1941 г. В течение 6–25 ноября 8 из 14 еврейских магазинов были «проданы», остальные остались закрытыми. Бывшим хозяевам было приказано до 1 декабря покинуть городок. Таким же образом после конфискации собственности была изгнана часть бывших собственников-евреев из городов Каракал и Турну Северин[223].

Железногвардейские грабители старались на всякий случай легализовать присвоенную ими еврейскую собственность, выдавая ее за купленную. После жестокого избиения еврею подсовывали для подписи чистый бланк купли-продажи, который затем заполнялся с указанием фамилии продавца и покупателя, хотя еврей в глаза «покупателя» не видел, указывалась уплаченная сумма, которую в действительности он не получил. В г. Фэгэраш, например, под дулом пистолета, после жестокого избиения в подвалах легионерской полиции были вырваны подписи у 13 хозяев магазинов. В день их ареста на дверях этих магазинов были оставлены надписи: «Магазин будет в понедельник работать под легионерским руководством».

В г. Петрошань (у. Хунедоара) всех 19 владельцев жилых домов привезли в штаб местной организации легионеров, продержали 18 часов в холоде, а затем под угрозой заставили подписать контракты о купле-продаже своих домов по ничтожным ценам неизвестным им лицам – вожакам железногвардейцев.

При «румынизации» еврейской собственности не учитывались никакие заслуги их хозяев. В г. Тырговиште среди экспроприированных предприятий шесть принадлежали награжденным ветеранам войны румынской армии, их также предварительно подвергли избиениям и пыткам. «Компенсация» составляла 10–20 % от реальной стоимости предприятия[224]. Такая же процедура была проделана во многих других городах страны.

В г. Брашове в течение пяти дней, с 16 до 21 ноября 1940 г., перешли в легионерскую собственность почти все предприятия евреев. Создавшейся ситуацией воспользовались местные немцы, которые за мизерную цену скупали у евреев предприятия, дома, которые не сегодня-завтра могли быть отняты железногвардейцами. В этом же городе легионеры силой захватили дома на ул. Мурешень, принадлежавшие еврейской общине, где находились храм, все канцелярии общины, начальная еврейская школа, смешанное индустриальное училище, квартира главного раввина. В захваченных домах разместились штаб и общежитие легионеров, а храм был превращен в гимнастический зал. В городе Васлуй здание еврейской начальной школы передали местному трибуналу. 15 ноября в Бухаресте вооруженные банды легионеров заняли помещения еврейских кружков и клубов – «Союза дипломированных евреев» («Unirea titraţilor evrei»), «Унион» («Union»), кружок сефардов, присвоили себе всю мебель, библиотеку, а книги пустили в продажу. Для размещения железногвардейцев, бежавших летом 1940 г. из Северной Буковины, в Бухаресте заняли помещение еврейской школы и храм «Ронетти

Роман». В ноябре было экспроприировано здание еврейского частного лицея на «Calea Moşilor», № 128, его заняли легионеры. Единственное в Бухаресте общежитие для студентов-евреев было отобрано и заселено студентами-христианами. Самоуправные реквизиции зданий еврейских школ производились во многих городах страны (Бузэу, Текучь, Сэвень и др.)[225].

Нападения на синагоги были излюбленным занятием фашистов. В Бухаресте подверглись нападению главные храмы и синагоги города: Хоральный храм, Большая синагога, Братский храм (Templul Fraterna), храм «Святое объединение» (Templul «Unirea Sfântă»), им причинены убытки на сотни тысяч леев. В г. Плоешты банды железногвардейцев, организованные самим префектом уезда, ограбили и нанесли ущерб Большому храму, Испанскому храму (сефардских евреев), школе для мальчиков. Легионерская полиция ворвалась в синагогу, где раввином был Давид Фридман. Были арестованы 60 молящихся евреев по обвинению в коммунизме, увезены в полицию, там их избили, а затем заперли в одной из конюшен. Раввин Фридман и еще пять евреев по приказу Хории Симы и начальника Генеральной службы безопасности А. Гики, которые в конце ноября посетили Плоешты, были расстреляны, трупы брошены на окраине города, еще пять «пропали без вести». Легионеры расправлялись даже с покойниками: в городе стояли бюсты основателей культурных учреждений и филантропических заведений М. Предингера и Л. Моцета. Их убрали.

Фашистский шабаш не обошел и еврейские кладбища. Обычно они были расположены на окраине города. Воспользовавшись этим, власти в ряде городов отнесли их к сельской местности, а следовательно, по закону они подлежали экспроприации. В г. Бакэу агроном примарии, не соблюдая даже элементарных формальностей, приказал перепахать всю территорию кладбища и на еврейских останках посеял пшеницу. В этом же городе по инициативе претора Лешу на старинном еврейском кладбище, созданном в 1834 г., производилось уничтожение памятников, увозились надгробные плиты, ограждения могил, были сорваны двери, окна и мраморные плитки в капелле. Снесен был забор кладбища и на его территории устроена неухоженная стоянка для крестьянских подвод, прибывающих в город.

В г. Васлуй еврейскому кладбищу было свыше 150 лет. Примария города решила снести кладбище и обязала еврейскую общину в кратчайший срок произвести перезахоронение останков. В г. Пятра-Нямц за получение права на погребение семья умершего должна была внести установленную сумму денег в фонд легионерской помощи[226].

31 октября В. Фильдерман добился приема у И. Антонеску. Накануне у него состоялись встречи со многими председателями еврейских общин, они в подробностях докладывали о бесчинствах железногвардейских банд и властей против еврейского населения. В беседе с кондукэтором В. Фильдерман, оперируя конкретными фактами, рассказывал о конфискациях еврейских предприятий, жилых домов, школьных помещений, синагог, кладбищ, о продолжающихся бойкотах еврейских магазинов, об избиениях евреев по любому поводу и без всяких поводов, о грабежах и насилиях и т. д. На все эти жалобы И. Антонеску, не преминувший подчеркнуть, что он единственный из руководителей государств Оси, поддерживающий напрямую контакты с руководителем еврейского населения страны, на каждую жалобу отвечал: «Больше не повторится»[227].

Но спущенные с цепи бешеные фашистские молодчики в своей жажде крови и наживы не унимались. Опираясь на поддержку министров-железногвардейцев во главе с вице-премьером Хорией Симой, долгое время пользуясь попустительством И. Антонеску, который никого не наказывал и лишь изредка по-отечески мог кое-кого пожурить за допущенный произвол, легионерские банды с каждым днем усиливали террор. Центры сбора железногвардейцев – так называемые «Зеленые дома», которые были в

каждом городе и местечке, – стали местами пыток. Для этого они оснащались специальными орудиями. В Бухаресте было несколько «Зеленых домов» (на ул. Рома, Траян 1 и др.), в их подвалах ежедневно подвергались пыткам, избиениям сотни схваченных евреев. В м. Калараш (у. Яломица) в одну из ночей арестовали всех евреев-мужчин во главе с раввином Мойсеем Гольденбергом. Их всех загнали в тесный подвал легионерского штаба, уложили лицом вниз и били по голым спинам увлажненным канатом. Все должны были подписать обязательства об отъезде в течение пяти дней из городка. Врача Силвиу Кона, подполковника запаса румынской армии, раненного во время мировой войны, фашистские палачи вывели на площадь городка, привязали к столбу и местный аптекарь Дицеску бил его по лицу, а танцующая вокруг столба местная шпана вырывала у него волосы с головы. 15-летнего Лучиана Розена арестовали по обвинению в коммунизме. В префектуре полиции Бухареста его подвергли средневековым пыткам, затем с верхнего этажа здания выбросили на улицу. Простреленный и изуродованный труп юноши отвезли родителям для захоронения[228].

Легионерские банды бесцеремонно относились к руководителям еврейских общин, старались унизить их, издевались над интеллигенцией, лицами умственного труда, свободных профессий. В г. Сибиу железногвардейцы арестовали председателя еврейской общины Альфреда Феллгера, вывезли в лесочек на окраине города, зверски избили и заставили подписать заявление об отставке. Исполнительного директора общины Матиаса Лазэра фашистские бандиты во главе с неким Исияну истязали прямо у него в квартире, заставили его, а также заместителя председателя общины доктора Неймана письменно объявить об отставке. В г. Турда местные легионеры в качестве первой жертвы экспроприации избрали самого председателя еврейской общины города Александра Принца, принадлежащие ему винно-ликерочные склады и подвалы, оцененные в 4 млн леев, были отняты у него без всяких оформлений. В г. Пятра-Нямц 22 ноября легионерская полиция прямо на улице арестовала председателя местной еврейской общины доктора Х. Фишера и под пытками вынудила его подписать два документа о «продаже» своей недвижимости главарю уездной легионерской организации Сильвиу Крэчунашу. Лишь спустя 4 дня его выпустили, предупредив, что он будет убит в случае обжалования.

Примерно в таком же духе действовали легионерские власти в г. Тыргу-Нямц, где председателем еврейской общины являлся провизор Леон Штерн. Он был подполковником запаса румынской армии. Его арестовали 20 ноября 1940 г. и потребовали выложить 800 000 леев. Его дико отхлестали, вырвали волосы с головы, а затем вынудили подписать два документа о продаже за 18 000 и 20 000 леев двух домов, принадлежавших общине, реальная стоимость которых была 400–500 тыс. леев. В Бухаресте железногвардейцы арестовали братьев Фильдерманов, адвоката Леопольда и инженера Леона и отвезли в один из своих подвалов. Их раздели догола и зверски избили, а потом для потехи заставили танцевать на одной ноге.

От порки у легионеров можно было откупиться. От ветерана войны, орденоносца Самуила Маркуса из Пятра-Нямц железногвардейцы потребовали за это 300 000 леев, но ему удалось договориться за 200 000, в том числе 100 000 он вручил тут же. Стандартная цена утвердилась в размере 100 000 леев. Если не было или не хватало денег, можно было рассчитаться, отдавая золотые часы, кольца и другую бижутерию. Лавочники могли откупиться товарами. Но существовал и откуп от коллективного избиения. Ясская еврейская община отвалила местному главарю железногвардейцев Владу Стурдзе 6 млн леев, община г. Бухушь – за приостановку на время грабежей – 400 000 леев. Легионеры из Пятра-Нямц вообще никому ничего не обещали, они просто наставили револьверы и отобрали из кассы общины всю наличность: 626 500 леев. Легионерский

террор и грабежи из города перекинулись на все села уезда: Фэркаш, Бэлцэтешть, Тибукань, Подолень, Чахлэу, Драгомерешть, Броштень, Кэлугэрень, Бодешть, Мэржинень. Немногочисленное еврейское население перечисленных сел, избитое и ограбленное, было изгнано с насиженных мест[229].

Еврейские общины на местах были бессильны перед лицом легионерского террора. Они аккуратно сообщали руководству Федерации в Бухарест об актах вандализма, надеясь, что оно добьется от правительства их прекращения. За месяцы пребывания у власти военно-легионерского правительства за подписью председателя Федерации В. Фильдермана и ее секретарей (И. Брукэра – до 4 ноября 1940 г., после 4 ноября – Е. Костинера, Д. Розенкранца, М. Карпа) в адрес И. Антонеску и членов его кабинета были отправлены десятки меморандумов и писем с просьбой оградить еврейское население от актов дикого насилия и безудержных грабежей, на убедительных примерах демонстрировалась пагубность этих действий для страны, для ее экономического и финансового положения. На конкретных примерах В. Фильдерман демонстрировал, что даже в Германии после прихода к власти А. Гитлера, и особенно в Италии Б. Муссолини, не творился такой беспредел, как в Румынии при легионерском режиме, что по сей день во многих сферах общественной жизни, даже в армии, используются высококвалифицированные еврейские специалисты. В. Фильдерман был озабочен, в первую очередь, выживанием элитных слоев еврейства, не забывая, конечно, и основные массы.

В меморандуме Федерации от 9 декабря 1940 г., направленном И. Антонеску, перечислены 400 случаев актов насилия и беззаконий против еврейского населения, имевших место в 39 населенных пунктах страны, – убийств, грабежей, избиений, конфискаций, разрушений и т. д. Кондукэтор переправил меморандум министру внутренних дел легионеру Петровическу для расследования совместно с другим железногвардейцем из Легионерского Форума, лично назначенным для этого Х. Симой. «Я не покровительствую жидам, виновным в значительной мере в бедах, которые обрушились на эту страну», – сказано в резолюции И. Антонеску, – но как глава государства не могу допустить действия, наносящие ущерб «Стране и Легионерскому движению»[230].

Легионерская вольница толкала страну к пропасти. Полное пренебрежение железногвардейцами государственной властью, создание ими параллельных организаций, которые подменяли правительственные учреждения, резко подорвали авторитет государства, снизили престиж кондукэтора, с чем он мириться никак не хотел. Грабеж и насильственное присвоение чужой собственности, бездумные и некомпетентные действия так называемых комиссаров по румынизации дезорганизовывали производство, вызывали застой в промышленности и торговле, так как многие промышленники и торговцы стали сворачивать свои дела, резко упали поступления в казну от налогов. В докладе, составленном 25 октября 1940 г. секретной информационной службой при Совете министров Румынии, констатируется, что постоянный рост цен и снижение покупательной способности населения, бегство капиталов и рост дефицита во внешней торговле, свертывание торговых сделок, ликвидация предприятий – все это приводит к свертыванию или даже к прекращению экономической деятельности в стране[231].

Резкому ухудшению экономического положения страны способствовали усилившийся вывоз сельскохозяйственных продуктов в Германию и покупки, которые производили прибывшие в страну гитлеровские солдаты и офицеры. Располагая большими суммами в леях, которые им предоставляло само румынское правительство, гитлеровцы закупали буквально все, что находилось в продаже, и отправляли в Германию.

В результате цены на продовольственные товары резко подскочили, а некоторые товары и вовсе исчезли. На заседаниях Совета министров стали мелькать заявления об отсутствии продовольственных продуктов, для большей части населения они ста-

ли недоступными[232]. В одном информационном рапорте армейской контрразведки говорится: «Голодное население посылает детей к немецким кухням и столовым, где они собирают отбросы. Женщины и дети попрошайничают у немецких солдат»[233]. Виновниками острого продовольственного кризиса были объявлены евреи, и выход из него был найден: банды легионеров стали проводить обыски в еврейских кварталах на предмет изъятия запасов продовольствия, а фактически для повального грабежа. В Бухаресте, в доме коммерсанта Семена Бика, а железногвардейцы, учинившие обыск якобы в поисках припрятанного продовольствия, изъяли домашнюю муку, сахар, крупу, а заодно присвоили себе 1 257 000 леев, иностранную валюту, акции известного предприятия «Летя», бижутерию и др. Самого Бика увезли в легионерскую полицию, где держали трое суток подвешенным головой вниз, у него образовались кровоподтеки лилового цвета в глазах, на лице, он перестал видеть. У коммерсанта М. Левенштейна забрали 471 000 леев, в том числе 100 000 принадлежавших общине, ему в порядке «милосердия» оставили 500 леев «на расходы». В поисках продовольствия банда железногвардейцев проводила обыск на текстильной фабрике Ф. Бирмана. Для рабочих и служащих фабрики был приобретен вагон сахара. Железногвардейцы конфисковали без всякой оплаты 7420 кг сахара якобы для фонда «Ajutorul legionar» («Легионерская помощь»)[234].

Злодеяния железногвардейцев приняли такой размах, что о них был вынужден заговорить и сам И. Антонеску. На специальном совещании с префектами всей Румынии кондукэтор заявил, что легионерская полиция «чинит только зло»[235].

Следует отметить, что террористическая деятельность «Железной гвардии», насильственная экспроприация, проводимая легионерами, вызвали озабоченность румынской политической элиты, представлявшей интересы крупной буржуазии и помещиков. Последние, конечно, не возражали против «румынизации» предприятий, принадлежавших капиталистам-евреям, но они хотели, чтобы это проводилось в их пользу и на «легальной» основе. Используемые железногвардейцами способы «румынизации» представлялись опасными и вызывали боязнь румынской буржуазии, которая опасалась, что вовлеченные в эти операции массы могут выйти из-под контроля фашистских главарей и приступить к явочной, настоящей экспроприации предприятий, вне зависимости от национальной принадлежности их хозяев. В упомянутом докладе секретной службы от 25 октября не случайно подчеркивалось: «На предприятиях укрепилось убеждение, что никто больше не является хозяином своего имущества и своей деятельности». Чтобы сохранить какое-то влияние среди отсталых слоев рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, железногвардейские главари стали выдавать себя за сторонников уравнения заработной платы, установления максимального количества продовольственных продуктов, которыми могли располагать граждане, рабочим демагогически обещали повышение заработной платы, крестьян призывали к неуплате долгов ростовщикам и банкам. На фоне катастрофического положения в экономике страны, бесчисленных актов беззакония в самом правительстве усиливались разногласия между группой Антонеску и железногвардейскими министрами. Кондукэтор, а также Михай Антонеску и министры, занимавшие финансово-экономические посты в правительстве, являвшиеся по сути представителями «исторических» партий в нем, заняли отрицательную позицию по отношению к экономическим и хозяйственным «новшествам» железногвардейцев. Обе фашистские группировки стали обвинять друг друга в приведении страны на край пропасти. Министр национальной экономики Г. Леон предупредил комиссаров по румынизации, что они не имеют права вмешиваться в дела капиталистов – собственников предприятий. Близкий к Антонеску редактор газеты «Universul» Стели-

ан Попеску в статье, символически названной «Поспешность портит дело», также протестовал против экономических упражнений легионеров[236]. В конфиденциальном письме к И. Антонеску Хория Сима потребовал передачи железногвардейцам экономических министерств, установления примата «политики над экономикой», порвать всякие отношения с представителями бывших политических партий, закрыть все нелегионерские газеты и немедленно «перестроить» экономику по гитлеровскому образцу. И. Антонеску обвинил железногвардейцев в банкротстве, заявил о своей решимости подчинить себе руководство «Железной гвардией», утверждая, что ни один оркестр не может управляться двумя дирижерами. В отношении перестройки экономики кондукэтор отозвался с пренебрежением о предложениях Х. Симы, заявляя, что «нельзя все разрушить за один день»[237].

Глава дипломатического представительства Германии в Румынии В. Фабрициус внимательно следил за конфликтом между И. Антонеску и Х. Симой, знаком был с содержанием писем, которыми они обменялись. 31 октября 1940 г. он писал И. Риббентропу, что некоторые упреки Х. Симы в адрес главы румынского государства обоснованы, как, например, то, что он слишком «мягко» относится к лидерам официально запрещенных Национал-либеральной и Национал-царанистской партий, но назвал наивными предложения Х. Симы, направленные на изменение румынской экономики, и, исходя из интересов Германии, «не можем допустить какое-либо экономическое экспериментирование». В. Фабрициус писал, что он и Г. Нейбахер (уполномоченный Рейха по экономическим вопросам) прилагают все усилия, чтобы восстановить сотрудничество между обоими главарями[238]. Однако отношения между И. Антонеску и железногвардейцами продолжали ухудшаться, несмотря на попытку создать впечатление единства, как, например, во время железногвардейских торжеств 8 ноября 1940 г. в Яссах, на которых присутствовали король Михай и Антонеску, последний был одет в легионерскую форму. По настоянию железногвардейцев И. Антонеску отправил в отставку министра национальной экономики Г. Леона, но назначил на его место также бывшего министра периода королевской диктатуры, видного деятеля Национал-либеральной партии М. Канчикова. В середине ноября 1940 г. И. Антонеску в сопровождении своего министра иностранных дел железногвардейца М. Стурдзы, которому мало доверял, посетил Рим, где состоялись встречи с Б. Муссолини и министром иностранных дел Италии Г. Чиано, а 20 ноября прибыл в Германию, где участвовал в переговорах с А. Гитлером, И. Риббентропом и начальником штаба германской армии фельдмаршалом В. Кейтелем. 23 ноября румынский руководитель официально присоединился к агрессивному Тройственному пакту Германии, Италии и Японии от 27 сентября 1940 г. К этому времени в германском штабе полным ходом шла разработка плана «Барбаросса» – плана войны против СССР. Гитлер заявил И. Антонеску, что так называемые «гарантии» границ, предоставленные Румынии во время Венского арбитража 30 августа 1940 г., направлены против СССР. Он дважды во время четырехчасовой беседы повторил, что «история мира не кончается 1940 г.», дав тем самым понять, что в союзе с Германией и с ее помощью Антонеску сможет осуществить свои внешнеполитические планы. И. Риббентроп заявил, что «Германия хочет создать Румынии такую армию, чтобы она была как можно сильнее», а кондукэтор подтвердил, что «Румыния всегда будет на стороне Германии», и обещал, что «немцам будет дана возможность обосноваться в румынской экономике».

Судя по немецким записям этих переговоров, никто из главарей Третьего рейха в ходе бесед не говорил прямо и открыто о планах войны против СССР. Однако когда В. Кейтель во время беседы заявил о том, что к марту 1941 г. Германия будет иметь 230 хорошо оснащенных дивизий и 180 уже готовы, И. Антонеску, по-видимому, не-

трудно было понять, против кого и для каких целей предназначена эта огромная армия. И. Антонеску обещал к весне 1941 г. подготовить 39 «организованных, вымуштрованных и хорошо обеспеченных руководством дивизий». После ноябрьских посещений И. Антонеску Германии гитлеровцы закрепили дальнейшее экономическое закабаление Румынии, подписав 4 декабря 1940 г. «Протокол о немецко-румынском сотрудничестве для осуществления румынского десятилетнего плана». В плане «Барбаросса», подписанном 18 декабря 1940 г., уже прямо указывалось: «На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России»[239].

В своем конфиденциальном докладе о посещении Германии железногвардеец М. Стурдза восторгался «будущим, уготованным легионерской Румынии в Европе германской победой», которая представлялась ему уже завоеванной. Захлебываясь от восторга при одной мысли, что румынская армия или же бригада из «добровольцев»-железногвардейцев будет маршировать по балканским городам и селам, М. Стурдза писал: «Я считаю, что в этом случае (переход Дуная вместе с германской армией – *И. Л.*) мы найдем Трансильванию за Дунаем, так же как во втором случае (участие в войне против СССР – *И. Л.*) мы ее найдем за Прутом»[240].

В плане внешнеполитической ориентации между группой И. Антонеску и железногвардейцами не было разногласий. Последние касались проблем внутренней политики. Новое напряжение положения было вызвано убийствами, совершенными железногвардейцами в ночь с 26 на 27 ноября 1940 г. Используя как предлог эксгумацию трупов легионеров, убитых в свое время по приказу Кароля II, банды железногвардейцев, вооруженные по приказу министра внутренних дел Петровическу, ворвались в военную тюрьму Жилава (возле Бухареста) и в управление полиции Бухареста и убили свыше 60 своих политических противников, которые были ими арестованы. Среди них находились бывший премьер-министр генерал Арджешану, бывшие министры Яманди, Маринеску и др. Убит был также бывший начальник секретной службы Морузов, который много знал о связях между железногвардейскими главарями и румынской и гитлеровской разведками. В тот же день были увезены из дома и зверски убиты бандой легионеров известный румынский историк, бывший премьер-министр Н. Йорга и бывший министр финансов национал-царанистского правительства и видный экономист В. Маджару. Их трупы были изуродованы и выброшены в лесу возле Бухареста. Гитлеровцы одобрили массовое убийство политических противников железногвардейцами. В письме от 5 декабря 1940 г., направленном Х. Симе, руководитель гитлеровской полиции и войск СС Г. Гиммлер оправдал все эти действия. Побывавшие в конце ноября 1940 г. в Бухаресте высокопоставленные гитлеровцы Бальдур фон Ширах и Боле подталкивали вожаков «Железной гвардии» на совершение новых «подвигов». Упомянутый гитлеровский представитель по экономическим вопросам Нейбахер в своих донесениях в Берлин также одобрительно высказался об убийствах: хотя они понизили авторитет румынского государства, но не явились «трагедией»[241].

Среди убитых было много личных врагов И. Антонеску, людей, которые в свое время мешали его продвижению в карьере, и он не очень горевал о случившемся, но использовал ситуацию для укрепления своей власти. Первоначально он даже грозился подать в отставку, но в конечном счете отказался от этой мысли и остался во главе правительства. 28 ноября 1940 г. И. Антонеску декретировал новые законы, которые предусматривали строгие наказания за убийство, захват чужой собственности, нарушение неприкосновенности жилища и т. д.[242], но они не распространялись на евреев. Железногвардейцы были вынуждены согласиться с распоряжением И. Антонеску о ро-

спуске легионерской полиции. В этот же день, 28 ноября 1940 г., И. Антонеску созвал совещание командующих крупными соединениями, на котором выступил с речью. Он начал с избитого утверждения, что является спасителем румынского государства и что без него оно бы уже перестало существовать. Далее он заявил генералам, что собирался вчера (27 ноября) уйти в отставку, и отказ от этого шага он представил как большую личную жертву. Если на таком же совещании 24 октября 1940 г. кондукэтор хвалил железногвардейцев, то на этот раз он угрожающе заявил: «Железногвардейское движение должно знать, что без генерала Антонеску оно не может ничего делать, но генерал Антонеску может руководить без железногвардейцев. Не железногвардейцы, а генерал Антонеску руководит этим государством и, если интересы государства требуют, без них (легионеров – *И. Л.*) и, если будет необходимость, даже против них». Выступившие от имени присутствующих бывший военный министр в правительстве королевской диктатуры генерал Н. Чуперкэ заверил кондукэтора в поддержке армии. «Мы, – сказал он, – не можем наблюдать благожелательно за этим положением, которое может привести к распаду государства. Когда Вы почувствуете в этом необходимость, обратитесь к армии, и она сумеет выполнить свой долг»[243].

Лидеры «исторических» партий Ю. Маниу и Д. Брэтиану не могли не отреагировать на расправу легионеров со своими бывшими политическими противниками. Среди убитых был один из ближайших сотрудников Ю. Маниу, бывший генеральный секретарь НЦП Вирджил Маджару. Молчание могло быть истолковано как одобрение этого убийства, и Ю. Маниу решил проявить свое негодование в письме к И. Антонеску от 3 декабря 1940 г. Объясняя убийство в Жилавской тюрьме «вполне понятным возмущением исполнителей», то есть тем, что железногвардейцы хотели отомстить за убийство своего «капитана» Корнелиу Кодряну, вместе с тем Ю. Маниу считал непростительным убийство В. Маджару, который, как и все руководство НЦП, всегда выступал в защиту железногвардейцев. В совершенных легионерами убийствах лидер Национал-царанистской партии видел «…признаки банкротства правящего класса и развала государственного устройства»[244], что больше всего его пугало.

5 декабря 1940 г. с отдельным письмом к И. Антонеску обратился лидер НЛП Дину Брэтиану. Он требовал от кондукэтора прекращения убийств и ареста преступников, положить конец анархии, которая угрожает самому существованию независимой Румынии[245]. Крупный банкир, помещик и владелец промышленных предприятий Д. Брэтиану с неодобрением наблюдал за тем, как немецкие монополисты прибирали к рукам металлургические, нефтяные и другие крупные предприятия в стране. Лидеры НЛП и НЦП, не желая, чтобы власть перешла безраздельно в руки Х. Симы, просили И. Антонеску продолжить оставаться во главе правительства, видя в его лице опору в борьбе против «безумия» железногвардейцев. Они обещали «техническое» содействие правительству. Опасения, что железногвардейские вожаки в своей жажде обогащения не ограничатся захватом еврейской собственности, имели основания. Известно, например, что один из главарей железногвардейцев некий Боеру, участвовавший в убийстве Н. Йорги, присвоил себе картонную фабрику Скаень, принадлежавшую Д. Брэтиану. За нее он заплатил всего 500 000 леев, хотя ее реальная стоимость равнялась 50 млн леев[246]. «Национализированы» были румынские предприятия: текстильная фабрика «Доробанц», бумажный комбинат «Летя».

В противоборстве двух фашистских группировок, стоящих у власти, «еврейская проблема» продолжала занимать центральное место. И одни, и другие были за радикальное решение «еврейского вопроса», за вытеснение евреев из всех сфер общественной жизни, за лишение их под видом «румынизации» всей собственности, за очищение, в конечном счете, страны от евреев. Однако если железногвардейцы добивались всего

этого тотчас же, прибегая к террору, то И. Антонеску хотел придать «румынизации» характер «законной и постепенной» акции.

В условиях легионерского террора многие румынские евреи, опасаясь за свою жизнь, готовы были покинуть Румынию. 22 октября 1940 г. И. Антонеску высказался против отъезда евреев в Бессарабию, ибо, как он выразился, это приведет к еще бóльшей «жидовизации Бессарабии», возвращение которой в лоно Румынии он планировал. Присутствующий министр иностранных дел железногвардеец М. Стурдза предложил: «Жидов надо задерживать и заключать в лагеря». Кондукэтор разделял эту точку зрения. Он распорядился о создании лагерей для коммунистов, а «также жидов», которых он отождествлял с коммунистами, а также приказал в первую очередь в лагеря поместить евреев, которые в последние пять лет нелегально въехали в Румынии, если они в течение отведенных двух месяцев не покинут страну. При этом при отъезде евреям запрещено было вывозить с собой драгоценности, иностранную валюту больше суммы, необходимой для переезда[247]. Не дожидаясь отъезда из страны евреев – граждан других стран, власти прибегали к насильственным депортациям. В октябре 1940 г. к границе с Венгрией были доставлены 12 еврейских семей для выселения из страны. Хотя венгерские власти отказали в их приеме, но и обратно дороги не было. Так они и остались на «ничейной» территории, прямо в поле, между двумя шлагбаумами[248].

15 ноября 1940 г. В. Фильдерман добился третьего по счету приема у И. Антонеску и вручил ему очередной меморандум о положении евреев. Кондукэтор, как и прежде, заверил еврейского лидера, что если в какой-то момент и будут приняты «крайние меры» против евреев, он их «пересмотрит». В целях «облегчения дела эмиграции» евреев, которые уже не могут оставаться дольше в Румынии, И. Антонеску рекомендовал обратиться к Лондону, но оттуда со ссылками «на сложные нынешние обстоятельства» отказались облегчить эмиграцию в Палестину[249]. К тому же следует иметь в виду, что к этому времени румыно-английские отношения заметно ухудшились.

Иначе сложились отношения между Румынией и США. Фашистское правительство Румынии очень нуждалось на первых порах в благосклонном к нему отношении Вашингтона, так как в США находилось большое количество, по тем временам, румынских денег, примерно 33 млн долларов, которые были необходимы для закупки крайне дефицитных товаров[250]. Американские же представители преследовали свои цели: защиту интересов американского капитала в Румынии и поддержку последней в конфликте с Советским Союзом, экспансионистская политика которого неодобрительно была встречена в США.

Первые контакты между румынским правительством и новым посланником США в Румынии Ф. Гюнтером были установлены в связи с попытками последнего выступить в защиту еврейского населения Румынии, которое подвергалось преследованиям. Возможно, это была личная инициатива Ф. Гюнтера. Известно, что правительство США не собиралось тогда открыть ворота для евреев – беженцев из Германии и оккупированных стран. В донесениях Ф. Гюнтера о беседах с И. Антонеску по еврейскому вопросу поражает то обстоятельство, что кондукэтор выглядит в изображении американского дипломата защитником законности и чуть ли не противником преследования евреев[251], хотя почти каждый день в газетах появлялись заявления И. Антонеску о его намерениях покончить с «еврейским вопросом» по примеру гитлеровской Германии, а посланные американскими евреями посылки с одеждой для раздачи бедным евреям и еврейским беженцам из Германии и оккупированных ею стран, временно осевшим в Румынии, были конфискованы железногвардейцами[252].

Между соперничающими фашистскими группировками в Румынии правительство США склонялось к поддержке той, которую возглавлял И. Антонеску, выдававший

себя за умеренного политического деятеля – приверженца законности и противника всяких экстремистских «сюрпризов», на какие были способны вожаки «Железной гвардии». Распоясавшиеся легионерские банды, ни с кем и ни с чем не считаясь, продолжали бесчинствовать, наводя ужас не только на евреев, но и на многих жителей других национальностей. В очередном письме, направленном И. Антонеску в конце ноября 1940 г., В. Фильдерман и М. Карп писали: «В стране происходят исключительные по своей суровости события, избиты люди, некоторые даже убиты при неизвестных обстоятельствах, конфисковано имущество, отнимаются товары и магазины у коммерсантов, целые семьи изгнаны из своих квартир и даже из городов, храмы разрушаются, святые сокровища оскверняются, мирных жителей без предъявления обвинений днями и неделями держат под арестом, в том числе женщин и детей старше 11 лет, коммерсантов, профессоров, врачей берут прямо из дома и увозят в другие населенные пункты на тяжелые работы[253]. К письму был приложен материал, содержащий десятки примеров: убийств и избиений евреев, конфискаций промышленных и торговых предприятий, зданий школ, синагог, жилых домов, кладбищ и другой собственности, изгнаний из сел и городов, бойкотов, осквернений священных реликвий и т. д. Сообщения о бесчинствах фашистских банд против евреев поступали со всех уголков страны. Федерация еврейских организаций и общин регулярно докладывала о них правительству и органам правопорядка для принятия мер по ограждению еврейского населения от актов насилия и грабежей, но ничего в этом плане власти не предпринимали[254].

В обстановке царившего хаоса, вызванного действиями легионеров, экономика страны, обремененная растущими расходами на содержание немецких войск, численность которых увеличивалась с каждым днем (в январе 1941 г. в Румынии, по немецким данным, находилось свыше 500 000 гитлеровских войск, а в феврале – 680 000 солдат и офицеров[255]), катилась по наклонной плоскости. Первым забил тревогу министр экономики М. Канчиков. 13 декабря 1940 г. на заседании правительства, касаясь деятельности комиссаров по румынизации, которыми, как правило, были железногвардейцы, он заявил, что «совершается множество краж и позорится режим». Министр напомнил, как закон о комиссарах, заимствованный у нацистов, главным образом, претворялся в Вене, где процент евреев в торговле был почти так же высок, как в Румынии, но эти комиссары «перечеркнули себя», и Гитлер ликвидировал их. М. Канчиков требовал, чтобы, «не отказываясь от идеи контроля и румынизации предприятий», разобраться с комиссарами и определиться в вопросе, как следует «перенять собственность у евреев». Министр сказал, что некоторые комиссары, прибирая к рукам еврейские предприятия, прибегают к шантажу, иные вступают в сговор с хозяевами «в ущерб государству»[256].

И. Антонеску заявил, что сама идея учреждения института комиссаров по румынизации «была чудесной, но претворение в жизнь может привести к катастрофе». Кондукэтор требовал в срочном порядке разработать инструкцию и определить функции комиссаров, разобраться с каждым в отдельности, устранить непригодных.

Атмосфера между двумя фашистскими группировками накалялась до предела, но при этом каждая из них последовательно продолжала преследования евреев. По указанию И. Антонеску 10 и 11 декабря 1940 г. государственная цензура уведомила об упразднении изданий еврейских газет: «Curierul Israilist» («Еврейский курьер»), «Renaşterea noastră» («Наше возрождение»), «Ecoul evreiesc» («Еврейское эхо»), «Cuvântul evreiesc» («Еврейское слово»). По распоряжению Генеральной дирекции полиции и прокуратуры 3 и 5 января 1941 г. под видом поиска материалов, «угрожающих безопасности государства», были произведены обыски на квартире председателя Федерации еврейских организаций и общин В. Фильдермана, изъяты папки с документацией и перепиской. 8 января 1941 г., в добавление к прежнему приказу о

запрете еврейским общинам создавать комитеты по поддержке учреждений культуры и социального обеспечения, а также получения материальной помощи из-за рубежа, сионистским организациям был запрещен сбор посылок для оказания помощи евреям – эмигрантам в Палестину[257].

Между тем, политика агрессивного антисемитизма военно-легионерского режима, разорения и конфискации еврейских промышленных и торговых предприятий, подрыв десятилетиями сложившегося экономического уклада, привели, как и опасался кондукэтор, к катастрофическим последствиям. 17 декабря 1940 г. на заседании правительства железногвардеец В. Ясински, занимавший пост министра труда, признал, что «на всей долине реки Жиу (район с развитой добывающей промышленностью) в Петрошане, Лупень, в Аниноаса и Решица, повсюду рабочие недовольны». На другом заседании И. Антонеску довел до сведения присутствующих, что в Добрудже нет зерна, молока, яиц, отсутствуют какие-либо жиры, а в уезде Сучава вообще нет продуктов. Такое же положение сложилось в уездах Тимишоара, Яломица, Алба Юлия[258].

Одурманенные демагогической пропагандой железногвардейцев, румынские крестьяне стали постепенно терять доверие к ним. 30 октября 1940 г. министр сельского хозяйства, крупный помещик Н. Мареш, написал тревожный доклад И. Антонеску, с которым он, кроме прочего, находился в давних дружеских отношениях. Он сообщил, что на 22 октября 1940 г. засеяно только 60 % пахотной земли, ибо «на селе не работают, вновь назначенные примары (из легионеров – *И. Л.*) не пользуются никаким авторитетом, крестьяне не оказывают им никакого доверия». В Яломице помещики не имеют рабочей силы, «префект уезда попросил меня, чтобы там остались рабочие батальоны». Автор письма указывал, что такое положение царит и в Молдове». Он прямо писал, что железногвардейцы с каждым днем теряют доверие населения. Министр-помещик, в прошлом сторонник «Железной гвардии», который содействовал знакомству и сближению между генералом Антонеску и Корнелиу Кодряну, был недоволен деятельностью железногвардейцев на селе, так как эта организация не «дисциплинировала» крестьян, как от нее ожидали, не содействовала упрочению «порядка», наоборот, своей демагогией подрывала его. Мареш предложил заменить железногвардейцев жандармами[259].

Железногвардейские главари не собирались отказываться от власти. Они стали готовиться к новым покушениям против бывших буржуазных политических деятелей. 31 декабря 1940 г. в официальном органе «Железной гвардии» – «Buna Vestire» («Доброе сообщение») – появилась статья «Cazul „Universul”» («Дело „Universul”») против близкого друга И. Антонеску, директора реакционной газеты «Universul» Стелиана Попеску. В статье прямо говорилось: «Если в этой стране находится еще кто-нибудь, который считает, что Румыния может существовать без железногвардейского движения, то его следует считать предателем, выбывшим из общности народа»[260]. Ночь на 1 января 1941 г. железногвардейцы хотели превратить в «ночь длинных ножей», когда должны были быть убиты многие политические деятели прежнего режима. Железногвардеец, министр внутренних дел генерал К. Петровическу усиленно вооружал легионеров. Так называемые «комиссары по румынизации» еще более активно стали вмешиваться в дела предприятий, выгоняя евреев-собственников и препятствуя производственному процессу.

Из румынских городов и сел страны в адрес Федерации еврейских организаций и общин продолжали поступать все новые сообщения о бесчинствах легионерских банд, грабивших и избивавших евреев. В ряде сел Южной Буковины (Балакана, Скея, Карлота-Дрэгоешть и др.) легионерские банды побили окна в домах евреев, били их дубинками и в конечном счете заставили покинуть села. В г. Хырлэу (у. Ботошань) ночью 6 января были арестованы 30 евреев и отправлены в караульное помещение 2-го артил-

лерийского полка. Их пристегнули ремнями и били прикладами до крови, а в это время банда легионеров присваивала имущество арестованных. 10 января в г. Крайова были конфискованы все еврейские промышленные и торговые предприятия, путем насилия их заставили подписать акты о безвозмездной «купле-продаже» своей собственности. Такие же операции были проделаны в городах Питешть, Текучь, Слатина, Плоешть и др. В Бухаресте легионеры при содействии Генеральной дирекции полиции, которую возглавляли железногвардейцы А. Гика и Маймука, под видом поиска оружия учиняли обыски в еврейских квартирах, унося деньги, драгоценности, иностранную валюту и др.[261]

Благодаря принятым властями мерам план «ночи длинных ножей» по отношению к бывшим политикам не удалось претворить в жизнь. Гитлеровские эмиссары знали об этих планах вожаков легионеров. Посланник В. Фабрициус в начале января 1941 г. писал И. Риббентропу, что железногвардейцы предприняли враждебные выходки против бывшего премьера К. Арджентояну и других политических деятелей страны. Он сообщал также о своей беседе с И. Антонеску, который заявил ему, что он предложил Х. Симе проведение плебисцита с целью якобы дать возможность стране выбрать между ними. И. Антонеску, по словам В. Фабрициуса, резко осудил Х. Симу[262].

Страна находилась под властью железногвардейского террора, которому оказывали содействие части СС, дислоцированные в Румынии, руководитель отделения гестапо в Румынии Гейслер и главари нацистской партии в Румынии А. Смидт, Конради и др. Они знали, что лично Г. Гиммлер благоволит легионерам и одобряет акции по расправе с политическими сторонниками карлистского режима.

7 января 1941 г. И. Антонеску получил письмо от бывшего министра труда в первом правительстве, возглавляемом патриархом Мироном Кристей – Войку Ницеску, который сообщал ему о попытке железногвардейцев расправиться с ним и его семьей. Расправа грозила и некоторым членам правительства – сторонникам кондукэтора (М. Антонеску, М. Канчикову, А. Риошану)[263].

11 января 1941 г. кондукэтор заявил на заседании правительства, которое продолжалось 10 минут, что в «стране происходят страшные вещи. Страна большевизирована. Большевики проникли в легионерское движение». Но на этом заседании министров-железногвардейцев (Х. Сима, В. Ясински, К. Папаначе и др.) не было, они не явились[264]. Как рассказал в 1946 г. И. Антонеску на предварительном следствии по своему судебному делу, он предупредил Х. Симу, что организует плебисцит и что наступило время для их развода, то есть конец их совместному пребыванию в составе правительства. После этого Х. Сима исчез, и его нельзя было нигде найти.

В Берлине были недовольны царившей в Румынии атмосферой хаоса, она мешала милитаризации страны и мобилизации ее ресурсов для удовлетворения нужд гитлеровской военной машины. Руководство Третьего рейха решило пригласить И. Антонеску и Х. Симу к А. Гитлеру. Главарь «Железной гвардии» от поездки отказался. Ю. Маниу и Д. Брэтиану пытались отговорить кондукэтора от поездки в Германию, опасаясь, что в его отсутствие железногвардейцы захватят власть.

И. Антонеску отправился в Германию 14 января 1941 г., увозя с собой заранее заготовленный «меморандум», в котором он изложил свои внутри- и внешнеполитические планы и пытался определить место Румынии в рамках гитлеровской будущей «новой Европы». «Румыния, – было сказано в меморандуме, – является сегодня для Германии стратегической базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной Румыния может стать в центре военных операций». Далее в документе отмечается, что Румыния готова «в случае необходимости присоединиться к военным действиям на

стороне Германии». И. Антонеску заверил А. Гитлера, что в апреле румынская армия «будет готова для мобилизации» и предоставит для «общего дела» 30 дивизий. Если вспыхнет война на Балканах, И. Антонеску предпочитал активно не участвовать в ней, зато в войне против СССР «Румыния, – как отмечается в меморандуме, – будет участвовать в военных операциях со всей своей армией». Разумеется, за это правительство Румынии надеялось получить от своих союзников обратно не только утраченные в 1940 г. территории – Бессарабию и Северную Буковину, но и нечто большее. «Присоединяясь к Германии для совместных операций, – сказано в цитируемом документе, – Румыния убеждена, что при будущей реконструкции Европы она встретится с полным пониманием со стороны Германии и великого фюрера – мудрого творца. Будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе», иными словами, получить какую-то часть украинской территории.

Повторяя свой избитый тезис об особой роли румын в «славянском мире» как о факторе «безопасности для Германии и всей цивилизации», И. Антонеску выражал надежду, что «в Новой Европе Германия будет признавать естественную *роль Румынии как регионального гегемона* (курсив наш – *И. Л.*)». Эта идея, как будет показано дальше, получила развитие в ряде дипломатических демаршей кондукэтора.

В меморандуме большое место отведено вопросу, представлявшему в тот момент наибольший интерес для генерала. «Во внутренней политике, для выполнения своей оборонительной или наступательной миссии и обеспечения будущего, Румыния нуждается в спокойствии и порядке. Генерал Антонеску готов взять на себя всю ответственность при условии, чтобы он один распоряжался политическим порядком внутри страны». Далее И. Антонеску жаловался на «неподготовленность» железногвардейцев и повторял тезис о проникновении «коммунистов» в легионерскую организацию, в результате чего якобы она «потеряла» популярность и вызвала экономический маразм и угрозу анархии. Хотя в действительности это явилось естественным результатом демагогической пропаганды и безумной бандитской реализации так называемой «румынизации» всех сфер общественной жизни, превратившейся в сущности в юдофобский шабаш. И. Антонеску просил содействия фюрера, чтобы стать единственным правителем Румынии, обещая в то же время сохранить существование «Железной гвардии» после ее соответствующей реорганизации. И. Антонеску прямо намекал, что должно быть прекращено вмешательство Национал-социалистской партии Германии во внутренние дела страны, чтобы «некоторые железногвардейские элементы не могли полагать, что они пользуются ее (нацистской партии – *И. Л.*) помощью для проведения всякого рода революции или внутреннего неповиновения».

14 января 1941 г. И. Антонеску был принят А. Гитлером в присутствии некоторых других нацистских главарей. Румынский фюрер доложил, что он реорганизовал румынскую армию, которая в апреле будет готова к мобилизации и к ответу на любую создавшуюся ситуацию. Затем И. Антонеску перешел к жалобам на железногвардейцев, обвиняя их в желании сразу осуществить свои «революционные» идеалы, в то время как он является сторонником поэтапного их разрешения. И. Антонеску говорил, что он хочет сохранить легионерский режим, но для этого ему необходимо реорганизовать железногвардейское движение. Если верить записи беседы, то И. Антонеску заявил, что он намерен руководить страной «вместе с легионом («Железной гвардией» – *И. Л.*), без легиона и даже против легиона».

А. Гитлер поддержал И. Антонеску и заявил, что румынско-германское сотрудничество не зависит от существования «Железной гвардии», но в то же время предложил кондукэтору стать вождем этой фашистской организации. Фюрер выразил свое

удовлетворение по поводу согласия румынской стороны на посылку в Румынию дополнительных войск вермахта и обещание быстро реорганизовать румынскую армию[265].

И. Антонеску покинул Оберзальцберг довольный итогом беседы с А. Гитлером. Обеспечив себе поддержку последнего, кондукэтор решил заехать для отдыха на свою дачу в Предяле. Он попытался договориться с главарем легионеров Х. Симой и написал ему письмо, сохранившееся среди материалов Совета министров, но, по-видимому, не дошедшее до адресата. И. Антонеску упрекал Х. Симу в творившихся в стране беспорядках и неповиновениях со стороны легионеров, привел слова, сказанные ему Гитлером, о том, что Румынии угрожает много опасностей и что для их предотвращения нужно установить «полнейший порядок». «Я, – продолжал кондукэтор, – тоже сторонник захвата еврейской собственности, но эта операция должна проводиться законным путем, по этапам, методически и она должна быть проведена только в пользу общества»[266].

В этих предложениях изложена суть разногласий между обеими фашистскими группировками. И. Антонеску считал, что для подготовки к войне нужно установить «дисциплину» и «порядок», в то время как железногвардейские вожаки, жаждавшие быстро разбогатеть, ждать не хотели и решительно готовили мятеж в целях завладения абсолютной властью в стране.

С самого начала было задумано представить это выступление как действие в защиту страны от жидо-масонства. 13 января 1941 г. железногвардейцы выпустили коммюнике, в котором объявили, что ими обнаружен огромный материал по поводу подрывной работы, которую ведут против Румынии международное масонство и коммунисты, а ими являются в первую очередь евреи и примкнувшие к ним некоторые продажные румынские политические деятели. Назревал еврейский погром. Начальник гестаповского отделения в Румынии Гейслер подкинул железногвардейцам 5000 револьверов и, по-видимому, неосведомленный об итогах переговоров А. Гитлера и И. Антонеску, рассказал своему приближенному Раду Лекке (будущему уполномоченному румынского правительства по еврейскому вопросу), что через несколько дней И. Антонеску будет свергнут «Железной гвардией». Раду Лекка, выходец из богатого румынского рода, был, как отмечалось ранее, тесно связан с гитлеровцами, осужден во Франции за шпионаж в пользу Германии, в Бухаресте был корреспондентом нацистского официоза «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель»). Ловкий интриган, Р. Лекка решил воспользоваться сведениями, полученными от гестаповца, для собственной карьеры. Он сообщил И. Антонеску через двоюродного брата последнего, что железногвардейцы намереваются отстранить его от власти. Узнав об этом, И. Антонеску срочно вернулся из Предяла в Бухарест.

Предлогом для выступления легионеры использовали убийство в Бухаресте немецкого майора. Его совершил грек в знак протеста против намерений Германии оказать помощь своему итальянскому союзнику в порабощении греческого народа. Это происшествие было использовано вожаками легионеров для резких выпадов против И. Антонеску и бывших политических деятелей. Выдавая себя за единственных последовательных сторонников румыно-германского сотрудничества, железногвардейцы представляли убийство гитлеровского офицера как результат жидо-масонского заговора. На митингах и собраниях они принимали решения о формировании правительства из одних легионеров, в противном случае устранить И. Антонеску[267]. 19 января 1941 г. министр внутренних дел железногвардеец К. Петровическу в своем выступлении по радио облил грязью бывших политических деятелей и завершил речь угрожающей фразой: «Дебаты будут продолжены».

И. Антонеску принимает контрмеры. 18 января 1941 г. он издает декрет о ликвидации института «комиссаров по румынизации», что формально лишало последних права в качестве официальных представителей власти вмешиваться в дела промышленных и торговых предприятий, и о передаче функции контроля над последними Министерству национальной экономики[268]. На второй день он сместил со своего поста министра внутренних дел К. Петровическу и назначил на это место своего сторонника генерала Д. Попеску. 21 января И. Антонеску объявил о снятии с работы Генерального директора полиции железногвардейца А. Гику и его заместителя Маймука, но они отказались подчиниться приказу, превратив здание полиции в бастион сопротивления. Центральный орган «Железной гвардии» газета «Bună Vestire» вышла 21 января 1941 г. с призывом к свержению власти, мешающей проведению тоталитарной революции в Румынии.

В этот день начались бои между вооруженными железногвардейцами, которые пытались захватить резиденцию Совета министров, и воинскими частями, поддерживавшими И. Антонеску. С обеих сторон было много жертв.

Накануне, 20 января 1941 г., состоялась встреча А. Гитлера и Б. Муссолини, на которой присутствовали и министры иностранных дел И. Риббентроп и Г. Чиано. Оба фашистских диктатора высказались за сохранение И. Антонеску во главе румынского государства и в то же время, чтобы он стал лидером «Железной гвардии». Новому посланнику Германии в Румынии, приближенному Гитлера М. фон Киллингеру, которому предстояло отправиться в Бухарест для замены В. Фабрициуса, вменялось в обязанность сделать так, чтобы сама «Железная гвардия» предложила И. Антонеску возглавить ее[269].

Этого не произошло. 22 января, в разгар кровавой схватки между двумя фашистскими группировками, И. Антонеску имел беседу с А. Гитлером. Вечером того же дня прибыл приказ А. Гитлера о том, что немецкие войска должны воздержаться от вмешательства во внутренние дела Румынии, но в случае необходимости определить свою позицию: она должна склониться в пользу генерала И. Антонеску. Благожелательный нейтралитет немецкой армии в Румынии, на помощь которой надеялись железногвардейцы, склонил чашу весов в схватке в сторону группировки И. Антонеску. Войска под командованием генерала К. Санатеску окружили, а затем и захватили основную резиденцию железногвардейцев на ул. Рома. Готовясь к войне на Балканах и против СССР, правящая верхушка Третьего рейха считала, что И. Антонеску и его генералы лучше смогут обеспечить интересы Германии во время этих событий.

В ночь на 23 января 1941 г. Г. Нейбахер, симпатизировавший «Железной гвардии» и прилагавший прежде много усилий, чтобы примирить И. Антонеску с Х. Симой, встретился с последним и потребовал от него прекратить мятеж против И. Антонеску, поскольку эта борьба во вред Германии. В своей книжке, изданной в 1956 г., Г. Нейбахер пишет, что никакой дискуссии с Х. Симой не было. Он сказал, что И. Антонеску является «гарантией для осуществления немецких военных планов». «Я продиктовал воззвание с приказом о прекращении огня и Хория Сима его подписал»[270]. После распространения этого воззвания на исходе дня 23 января 1941 г. мятеж был фактически ликвидирован. Он показал, что обе фашистские группировки целиком и полностью зависят от благожелательного расположения к ним гитлеровских заправил.

Правители Германии не собирались порывать со своими, пусть и непутевыми, но верными пособниками – железногвардейцами, взяв под свою протекцию руководителей мятежа, которым предоставили убежище и тем самым оградили их от мести со стороны команды И. Антонеску. Виновники убийств и грабежей были вывезены немцами в Германию. Сам Х. Сима выехал из Румынии в личной машине Г. Нейбахера, сначала в Болгарию, а затем в Германию, где их «интернировали», а в действительности содержа-

ли в хороших условиях и использовали впоследствии для шантажа И. Антонеску, напоминая ему время от времени, что есть готовая замена ему на случай неповиновения.

После подавления мятежа поддавшиеся легионерской демагогии рабочие, крестьяне и мелкобуржуазные слои города стали отходить от «Железной гвардии», которая сохранилась в дальнейшем лишь в виде террористической, диверсионной организации. В последующие месяцы в целях развенчания «Железной гвардии» и оправдания мер против нее, власти издали два тома документов и материалов под названием «На краю пропасти» («Pe marginea prăpastiei»).

В канун и в дни мятежа тяжелейшие испытания выпали на долю румынских, особенно бухарестских, евреев. Они стали объектом диких погромов, чьими жертвами оказались несколько тысяч евреев, в том числе женщины, дети, старики. Одни были зверски убиты, другие подверглись пыткам, по жестокости превзошедшим средневековые, перед которыми меркнут хулиганские вылазки русских черносотенцев.

Январские 1941 г. антисемитские погромы в Бухаресте и других румынских городах – не стихийный всплеск разбушевавшихся легионерских банд и примкнувших к ним деклассированных элементов пригородов, а заранее запланированная акция, которая должна была предшествовать захвату правительственных учреждений. Аресты евреев производились уже 20 января, за день до начала мятежа против группировки И. Антонеску. Арестованных отвозили в заранее подготовленные помещения с оборудованными под пытки камерами, оснащенными соответствующими орудиями. В Бухаресте и его окрестностях таких центров сбора и пыток евреев было 12. В ряде мест заблаговременно были определены подлежащие аресту еврейские лидеры. Евреев хватали на улицах, вытаскивали из квартир и синагог, еврейскую молодежь целыми группами арестовывали в помещениях сионистских организаций.

В XV отделение полиции, где «хозяйничали» легионеры, были согнаны 150 евреев. Среди них оказались бывший генеральный секретарь еврейской общины Бухареста, известный журналист и бывший румынский сенатор Хория Карп, его сын Мататиас Карп, действующий в тот период генеральный секретарь Федерации союза еврейских организаций и общин Румынии, 20 молодых евреев в возрасте 16–20 лет, которые готовились к отъезду в Палестину, арестованных в сионистском штабе на ул. Антона Панна. У них отняли все: документы, деньги, бижутерию, одежду и др. Трое суток их беспощадно избивали, в рот насильно совали горькую соль, перемешанную с нефтью, слабительные в больших дозах и т. д. Среди палачей (примерно 40 легионеров) была молодежь в возрасте 15–25 лет, большинство рабочих фабрики «Парколит», особенно свирепствовал некий Игнэтеску[271].

В префектуру полиции Бухареста, где командовал начальник столичной полиции легионер Миронович, арестованных евреев стали сгонять еще 20 января, за день до начала мятежа. Среди нескольких десятков узников был и председатель еврейской общины Бухареста С. Голдфарб. Железногвардейцы не очень церемонились с еврейскими лидерами. Арестованных нещадно били по голому телу нагайками, прикладами винтовок, палками. Были среди палачей и женщины, которые били по генитальным органам. Не выдержав пыток, с третьего этажа через окно выбросились Давид Ашкинази и врач Альберт Афтальон, первый насмерть разбился, второй со страшными травмами оказался в больнице. Уже мятеж был подавлен, но фашисты успели увезти 15 евреев и утром 25 января вблизи городской бойни их расстреляли.

Примерно 200 евреев загнали в помещение штаба Легионерского рабочего корпуса, который размещался в доме № 37 на Каларашской дороге. Все шло, как по сценарию, как и в других центрах пыток. Часть арестованных загнали на чердак, других – в подвал дома. Всех обчистили до ниточки, сопровождая эту операцию жутким избиением

дубинками, железными прутьями. Женщин били в подвале по лицу и телу плетью из бычьей жилы. 22 января железногвардейцы отобрали две группы, одну отправили в пресловутый лес Жилава и расстреляли, другую расстреляли на территории «Фермы Капитана» («Мельница Сгрэулешть»). На этой мельнице находился свой центр пыток, в нем содержались 79 арестованных евреев. После двухдневных пыток, в морозный январский день, сняв с евреев одежду и обувь, оставив их только в одних тонких рубашках, заставили проделать 16-километровый путь до города[272].

Вечером 21 января железногвардейские вооруженные «молодцы», численностью около 40 человек, члены одного «гнезда», заняли синагогу «Моблим», расположенную в самой гуще района, где жили евреи (Вэкэрешть). Через устроенный в синагоге центр пыток и грабежа прошли около 300 евреев. Не обошли фашистские молодчики главное помещение Федерации еврейских общин на ул. Бургеля, 3, где находилась и квартира Главного раввина Румынии А. Шафрана. Оно было захвачено бандой железногвардейцев в составе 24 человек во главе с неким К. Мэрунту. Они перелезли через забор, взломали входную дверь, разрушили и ограбили все в рабочих кабинетах, затем такую же операцию проделали с квартирой инженера К. Соломона, проживавшего в этом доме, жену и дочь загнали в подвал дома, сюда же поместили жену главного раввина Сарах Шафран, адвоката А. Швефельберга – руководителя отдела социальной помощи Федерации, кассира Федерации Х. Соломона. Последнего заставили открыть сейф с деньгами, и все деньги были украдены. В дни мятежа все кабинеты Федерации превратились в склады, куда сначала свозилось, а затем на машинах вывозилось награбленное у евреев имущество.

В эти дни в районах компактного проживания евреев в Бухаресте (Вэкэрешть, Дудешть и др.) было разграблено и подожжено много еврейских магазинов, домов, синагог. В ходе путча в одном Бухаресте фашистские молодчики подожгли, разрушили и ограбили 25 молитвенных домов и синагог, 616 еврейских магазинов и 547 жилых домов, причинив ущерб, исчисляемый в 383 млн леев, в том числе ущерб предприятиям составлял 231 млн леев, частным хозяйствам – 88 млн, изъяты наличные деньги – 35 млн, не считая 27 млн из касс Федерации и общины Бухареста. Пострадавших в столице в ходе путча было 4599 человек, в том числе 336 ветеранов войны, из них 120 орденоносцев. Самым «ратным» подвигом железногвардейских головорезов в ходе путча в Бухаресте было зверское убийство 120 евреев (по другим данным – 125), большинство из них – примерно 90 – было расстреляно в пресловутом лесу Жилава. На второй день после расстрела убийцы обобрали 86 обнаруженных трупов (несколько евреев были ранены и ночью скрылись), сняв с них одежду, обувь, лица у некоторых были изуродованы, палачи вырывали изо рта золотые коронки. Детей убивали на глазах у родителей и наоборот. Раввин Х. Гутман, чудом выживший, стал свидетелем расстрела двух своих сыновей – Янку и Иосифа. Многие евреи были убиты в своих квартирах.

23 января фашистские палачи привезли на городскую бойню 15 евреев со связанными руками и у забора расстреляли. Вот некоторые выдержки из заключения военного прокурора И.Н. Влэдеску, который сразу после подавления мятежа расследовал случаи об убийствах: «Трупы убитых на бойне были подвешены на крючках за затылки» (на них вешали туши зарезанных быков, свиней и т. д.). Убитые адвокат Мило Бейлер и братья Юлий и Генрих Раухи «были обнаружены с глубоко распоротыми животами…, кишки вырваны и на горло повешены, как галстуки»[273]. Среди повешенных была и 15-летняя девочка. К трупам изверги прикрепили таблички: «Кошерное мясо». Все эти зверства творились под аккомпанемент легионерской прессы («Bună Vestire», «Porunca Vremii», «Cuvântul» и др.), призывавшей к расправе с «жидо-масонской гидрой». В упомянутой книге «На краю пропасти» власти признают:

«Истязания людей, которые применялись легионерами к своим жертвам, достойны внесения в антологию пыток средневековой инквизиции; избиения чередовались привязыванием к «позорному столбу», на сильном морозе, в тонкой одежде, часто это заканчивалось смертью».

И. Антонеску и его сторонники прекрасно знали о том, что творили во время путча легионеры в еврейских районах столицы, и спокойно взирали на это. Войска, верные кондукэтору, не только отбили все атаки железногвардейских банд, не дав им захватить правительственные учреждения, но в считанные послеобеденные часы 23 января 1941 г. ликвидировали все очаги сопротивления железногвардейцев (главный штаб на ул. Рома, префектура полиции Бухареста, казарма городских общественных надзирателей («cazarma gardienilor publici») и др.). Но власти не предпринимали ничего, чтобы в какой-то мере сдерживать бесчинства легионерских банд в еврейских районах города. Это было не в интересах И. Антонеску, дабы не давать малейшего повода приписывать ему обвинения в защите евреев.

Очевидец и жертва погрома, автор «Черной книги» М. Карп пишет: все знали о том, что самая большая опасность со стороны железногвардейцев грозила еврейскому сектору столицы, «но никто не позаботился принять меры по охране, если не имущества, то хотя бы жизни людей. То ли по причине равнодушия или преднамеренно почти стотысячное население было отдано на расправу разбушевавшимся бестиям»[274].

Вечером 23 января, спустя несколько часов после подавления мятежа, И. Антонеску выступил по бухарестскому радио, чтобы рассказать «правду» о событиях 21–23 января. Он клеймил путчистов за расправу над солдатами, взятыми ими в плен, но словом не обмолвился о зверствах и убийствах среди еврейского населения. Это не помешало кондукэтору заявить на одном из совещаний (4 апреля 1941 г.), что в январе 1941 г., то есть во время легионерского путча, «он спас жизнь евреев»[275].

Если кондукэтора что-то и волновало, это было лишь то, что значительные еврейские деньги и ценности разошлись по карманам железногвардейцев, их вожаков. Уже на второй день после подавления мятежа в газетах появилось за подписью И. Антонеску объявление, в котором населению вменялось в обязанность не покупать товары, одежду, продовольствие, бижутерию и др. у тех, которые продавали их «по случаю» («de ocazie»), поскольку «эти предметы во время путча последних дней были украдены». Населению предлагалось передать в руки полиции этих лиц или сообщить об известных случаях[276]. В Бухаресте, например, при обыске, произведенном после подавления мятежа, у легионера, бывшего квестора Илие Стынга, было обнаружено: 1 901 064 румынских леев, 92 300 французских франков в банкнотах, 6000 франков в золотых монетах, 340 турецких лир, 1415 американских долларов, 1615 фунтов стерлингов, 145 швейцарских франков, 500 болгарских левов, 3400 югославских динаров. Эти ценности были изъяты квестором у евреев при обысках под видом поиска оружия. В результате проведения «румынизации» по-легионерски некоторые железногвардейцы буквально за сутки становились состоятельными буквально за гроши, а чаще и без оных. В г. Васлуй, например, сестра главаря местной легионерской организации К. Пиовничару – Аннета Соломон – стала хозяйкой трех бывших еврейских магазинов, столько же магазинов «приобрел» другой вожак – Р. Цигля, а вожак, по-видимому, чином пониже, К. Георгеску довольствовался двумя магазинами[277]. В первом томе книги «На краю пропасти» утверждается: «По неполным данным, только в провинции присвоенные ценности, реальная и тотальная стоимость которых составляет 1 018 624 911 леев, куплены путем террора за 216 750 483 леев, то есть за 21,28 % от реальной, но уплачено только 52 176 763, то есть 5,12 % от реальной стоимости и 24,07 % от контрактной»[278]. Однако авторы умолчали о том, что почти целиком эта собственность принадлежала

евреям, и подписи под «контрактами» о купле-продаже были поставлены после угроз и пыток, а мизерная сумма, якобы выплаченная за отнятые предприятия и др., также ложная.

Мататиас Карп, в то время генеральный секретарь Федерации союза еврейских организаций и общин Румынии, переживший кошмар легионерского правления, в «Черной книге» пишет: «В течение почти 5 месяцев продолжавшегося легионерского правления развернулась широкая акция по грабежу коммерческой, промышленной, недвижимой еврейской собственности, предпринятому легионерским движением, поддержанная и руководимая всем государственным аппаратом во главе с вице-председателем Совета министров. Путем диких избиений, иногда доведенных до убийств, угрожая смертью – перед лицом дубинок, револьверов и пистолетов, – евреев заставили уступить торговые и промышленные предприятия со всем оборудованием и всеми товарами, ничего не получая взамен. Были грабительски отняты почти все предприятия в Южной Трансильвании – кроме Тимишоары, все предприятия в Крайове, в важных городах (Констанца, Калараш, Тырговиште, Джурджиу и т. д.), многие предприятия в Бухаресте, Плоешть и других городах. Определить их стоимость было невозможно, но, полагаем, она во многом превышает 2 000 000 000 леев»[279].

Как уже отмечалось, лидеры «исторических» партий в сущности одобряли политику «румынизации», но были против методов ее проведения по-легионерски, опасаясь, и не без основания, что железногвардейский произвол в конечном счете перекинется на собственность капиталистов и помещиков румынской национальности. И второе. Председатель Национал-либеральной партии Дину Брэтиану в письме И. Антонеску от 18 декабря 1940 г. перечислил множество промышленных и торговых предприятий, банков, захваченных немецким капиталом, выражая недовольство тем, что львиная доля плодов «румынизации» достается немецким деловым кругам, а не румынским. В этом Д. Брэтиану обвинил железногвардейцев, которые своими анархистскими действиями способствуют «отчуждению» предприятий, и, в конечном счете, Румыния может быть сведена до роли немецкой колонии. Вместо национализации проводится денационализация», – заключал он[280].

Лидер национал-царанистов Ю. Маниу в письме от 27 февраля 1941 г. на имя И. Антонеску, касаясь проблемы румынизации, также с упреком писал: «Под вашим правлением тенденция к румынизации промышленности и торговли превратилась в нашествие иностранного капитала. Капитал и иностранное руководство проникли в самые важные промышленные предприятия, в том числе связанные с национальной обороной». Как известно, гитлеровцы завладели большинством акций таких крупных нефтяные обществ, как «Конкордия», «Колумбия», «Петрол блок» и др., известные металлургические комбинаты (Решица, Нэдраг и др.) были подчинены государственному концерну «Reichswerke AG für Erzbergbau und Eisenhütten Hermann Göring».

27 января 1941 г. И. Антонеску образовал новое правительство, в состав которого вошли, за редким исключением, только генералы из числа единомышленников кондукэтора (Д. Попеску, И. Якобич, Г. Потопяну, К. Пантази, Г. Добре, К. Войкулеску и др.). В состав правительства вошли также известные антисемиты – профессора Никифор Крайник и Петре Томеску, первый в качестве министра национальной пропаганды, второй – министра труда, здравоохранения и социального обеспечения. Образование нового правительства ознаменовало собой конец национал-легионерского государства. За пять месяцев пребывания у власти легионерское правительство не решило ни одной из стоящих перед румынским народом задач, оно лишь усугубило положение страны.

Сразу после подавления легионерского путча И. Антонеску пытался образовать правительство с участием представителей НЛП и НЦП и вел переговоры прямо или через Михая Антонеску с лидерами этих партий. Все они, однако, высказались за образование военного правительства, призванного обеспечить связь с армией, которой была уготована основная роль в предстоящих событиях. В письме, направленном своим однопартийцам, Дину Брэтиану, разъясняя свою позицию в вопросе о власти, писал: «Сегодня мы имеем правительство из генералов. Это лучшее решение, которое обеспечивает порядок». Старый политик, крупный капиталист, помещик и банкир, который содрогался от одних воспоминаний о революционных вспышках, охвативших Бухарест и другие населенные пункты Румынии после Первой мировой войны, считал, что это правительство должно править страной весь период Второй мировой войны и сразу после нее, чтобы и впредь обеспечивать «порядок». «Такое правительство, как сегодняшнее, может справиться с анархией и великими брожениями, которые сопутствуют войнам. Оно может поддерживать и наш военный потенциал»[281]. Ю. Маниу в упомянутой записке на имя И. Антонеску от 27 февраля 1941 г. приветствовал меры, принятые правительством по «восстановлению порядка и общественной безопасности», но отказался участвовать в предстоящем референдуме 2 марта 1941 г., который был организован с целью публичного одобрения режима диктатуры И. Антонеску[282].

Руководители Третьего рейха хотели восстановить сотрудничество И. Антонеску с «Железной гвардией», делая вид, что ничего не произошло. Дипломатические представители Германии в Бухаресте оказывали нажим на И. Антонеску, чтобы он согласился на формирование нового правительства с железногвардейцами. Помимо вмешательства Г. Нейбахера, с ним беседовал и отъезжающий В. Фабрициус, к которому И. Антонеску питал чувство благодарности, так как считал, что лишь вмешательство гитлеровского посланника спасло ему жизнь, когда Кароль II хотел с ним расправиться.

Германские дипломаты подчеркивали в донесениях своему начальству: нахождение железногвардейцев в составе правительства является гарантией того, что Румыния последовательно будет идти в фарватере германской политики[283]. При всем доверии к генералу И. Антонеску, в Берлине хотели, чтобы существующий фашистский режим не опирался только на личность одного генерала, а стремились создать ему какую-то массовую базу и для этого, полагали, лучше всех подходила «Железная гвардия», которая к началу января 1941 г. насчитывала в своих рядах сотни тысяч активных членов. Гитлеровцы предлагали даже переименовать «Железную гвардию» в «Легион Иона Антонеску».

Но кондукэтор отклонил предложение о дальнейшем сотрудничестве с железногвардейцами, что означало разделить с ними ответственность за все преступления, совершенные ими. В беседе с новым германским посланником М. фон Киллингером в начале февраля 1941 г. И. Антонеску заявил, что «Железная гвардия» потеряла прежнюю популярность, и, учитывая настроение армии, включение легионеров в состав правительства в настоящее время не представляется возможным[284]. В новом правительстве, возглавляемом генералом И. Антонеску, второй фигурой стал Михай Антонеску, который фактически руководил Министерством иностранных дел и экономическими связями с Германией.

После подавления легионерского мятежа, по распоряжению И. Антонеску, по всей стране начались аресты путчистов. Согласно официальным данным, до 25 февраля 1941 г. в Бухаресте было арестовано 4638, в провинции – 4714 участников мятежа. Это были в основном рядовые легионеры, верхушка, как уже отмечалось, скрылась в Германии. В период с 4 февраля и до 7 августа 1941 г. были отданы под суд 2980 мятежников (среди них 218 священников), из них на разные сроки тюремного заключения были

осуждены 1842 легионера. В июле 1941 г., когда уже шла война против СССР, был устроен суд над главными виновниками путча, в том числе заочно были осуждены на пожизненное тюремное заключение железногвардейские вожаки Х. Сима, В. Ясински, Н. Пэтрашку, К. Папаначе, В. Трифа, Д. Гроза и др. В этом же месяце состоялся суд над убийцами бывших политических деятелей в тюрьме Жилава. Из 38 обвиняемых 20 была присуждена смертная казнь, кроме того, к такой же мере наказания заочно были приговорены 14 железногвардейцев и еще 11 – к разным срокам тюремного заключения за участие в убийстве Н. Йорги и В. Маджару[285]. Многие убийцы евреев вообще остались безнаказанными, их даже не привлекли к ответственности.

В тюрьмах Румынии осужденные легионеры чувствовали себя весьма вольно. По-видимому, власти учитывали благосклонность к «Железной гвардии» правящих кругов Германии. 5 апреля 1943 г. Генеральный директор тюрем Румынии полковник юстиции, доктор А. Петреску представил для готовящегося к печати третьего тома «На краю пропасти», который не успел выйти в свет, «Исследование проблемы легионеров в тюрьмах». В нем он прослеживает эволюцию настроений заключенных железногвардейцев в промежутке с 21 января 1941 г. до 5 апреля 1943 г., выделяя в нем три периода: первый – с 21 января 1941 г. до 10 января 1942 г. ; второй – с 10 января 1942 г. до 25 декабря 1942 г. ; третий – с 25 декабря 1942 г. до 5 апреля 1943 г.

Первый период автор «Исследования» характеризует как время «легионерского брожения». В тюрьмах придерживаются прежней организационной структуры, в основе которой находится «гнездо». Так, в тюрьме г. Аюд было создано 23 «гнезда», «они проводили свои заседания и собрания, собирали членские взносы» и т. д. Существовали легионерские суды, которые рассматривали и определяли наказания провинившимся членам организации, а также наказания государственным сановникам, считавшимся врагами легионерского движения. Эти же трибуналы применяли телесные наказания к заключенным, виновным в нарушении правил, зафиксированных в «Книжечке шефа гнезда» и разработанных еще при «капитане», то есть Корнелиу Кодряну. В этот период заключенными даже издавались политические журналы, в Аюдской тюрьме, например, «Revista Samurailor» («Журнал Самураев») и «Început de lumină» («Начало просвета»), они отправлялись и за стены тюрьмы. «Еще появились работы, своего рода наставления, указывавшие, как следует расправляться с врагами легионерского движения, когда оно вновь придет к власти».

Относительно соблюдения дисциплины заключенными в документе сказано: «Они абсолютно недисциплинированны, не соблюдают регламент, гуляют группами, горячо спорят, никакой боязни и уважения к властям. Запустили бороды, как мученики, соблюдают только легионерскую иерархию».

В вопросе отношения к участию Румынии в войне против СССР все они в первом периоде «убежденные сторонники Оси», пишут «индивидуальные и коллективные прошения об отправке на фронт, но когда приходят разрешения, совершают страшные нарушения дисциплины, чтобы их задерживали, или даже открыто отказывались, оскорбляли комиссии, приходившие их призывать. Надеялись, что при помощи легионерских групп их вернут к власти».

Относительно обеспечения: «...всех их хорошо кормят, они одеты – легионерская верхняя одежда (zeghii), меховая шапка из овечьей шкуры (căciulă), сапоги и зеленые шарфы, полученные через свои семьи, родственников и друзей от легионерской помощи. Идеологически все они на стороне Хории Симы, яростно враждебны к маршалу Антонеску и правительству, подчеркнуто выражают чувство мести, проектируют убийства всех врагов легионеров. Отбывшие наказание по выходу из тюрьмы возобновили легионерскую пропаганду».

Второй период, по периодизации полковника А. Петреску, охватывающий весь 1942 г., назван автором «периодом милитаризации тюрем», поскольку в стране обнаружились поползновения со стороны железногвардейцев повторить январь 1941 г. Сохраняются прежние чувства к Х. Симе, который «направил в страну серию наград (свою фотографию на картонке размером 1 см^2, которая раздавалась награжденным). В то же время, отмечается в «Исследовании», «наблюдается из-за запаздывания их освобождения из тюрем ослабление энтузиазма в отношении фронта и изменение германофильских чувств в худшую сторону. В результате численность желающих избежать войны и проявлявших враждебность к Германии растет. Процент заключенных, не желающих воевать за страну, достиг в декабре 1942 г. около 40 %. Направленные на фронт в соответствии с декретом 831/942 и 292/942 отправляются хмурыми, без энтузиазма и убеждения, лишь немногие в действительности являются патриотами и рады возможности воевать против большевизма».

Третий период характеризуется в документе «всеобщей подавленностью в рядах заключенных легионеров после посещения Маршалом осенью 1942 г. Берлина», подавленностью, «усилившейся после помещения в лагеря (Германии – *И. Л.*) свободных легионеров в декабре 1942 г. В результате этого произошло отдаление от Оси, усиление враждебности к правительству и немцам», которые не только не приводят их к власти, но даже не освобождают из тюрем. Отмечается, что «многие начали менять свое отношение к Хории Симе, не выполнившему свою миссию по отношению к тем, которые находятся в заключении. Появилось течение, дружественное Антонеску. Большинство настроены враждебно к Германии. Отправляемые на фронт удручены, без энтузиазма и без убеждения и все же отправляются, ибо неудача немцев приведет к их ликвидации коммунистами».

Забегая вперед, отметим, что, согласно сведениям, приведенным полковником А. Петреску, на 5 апреля 1943 г. в румынских тюрьмах отбывали срок 1642 железногвардейца, из них по профессиям: земледельцев – 522, ремесленников – 519, государственных служащих – 118, служащих частных фирм – 134, коммерсантов – 19, адвокатов – 21, инженеров – 7, профессоров – 16, учителей – 18, студентов – 14, школьников – 150, генералов – 1, офицеров низшего звена – 6, унтер-офицеров – 1, без всяких профессий – 79. По занимаемым прежним должностям были: один бывший министр и два префекта, высокопоставленных чиновников – 21, чиновников среднего и низшего звена – 52, примаров и заместителей примаров – 40, комиссаров по румынизации – 11, комендантов «Железной гвардии» – 11, шефов легионерских «гнезд» – 113 и т. д. Образовательный уровень железногвардейцев был низкий: без всякого образования было 137, с полным средним – 241, высшим – 73, остальные имели начальное и неполное начальное образование[286].

«Железная гвардия» была ударным, наиболее свирепым и экстремистским отрядом фашистского движения, готовым, как показали дни их нахождения у власти, к применению геноцида к еврейскому населению страны, к беспощадному его истреблению ради сиюминутного обогащения за счет собственности своих жертв, не считаясь с губительными последствиями для экономики и финансов страны. Единственное, что румынские евреи с удовлетворением восприняли, это устранение от власти железногвардейцев. Еврейское руководство возлагало надежды на то, что И. Антонеску сдержит обещания, данные В. Фильдерману во время их встреч. В какие-то месяцы после подавления путча массовые грабежи, избиения и убийства действительно не наблюдались. Многие евреи обращались в прокуратуры с заявлениями о возвращении им собственности, отнятой легионерами. Но такие надежды вскоре улетучились. Кондукэтор сказал, что хотя «акты бандитизма недопустимы», но, исходя из интересов румынизации торговли, «конфискованные имущества (железногвардейцами – *И. Л.*) становятся собственностью госу-

дарства». Министерству юстиции было дано указание подготовить закон о передаче в ведение торговых палат «магазинов, захваченных железногвардейцами путем насилия».

Более того, по представлению министра юстиции К. Стоическу и министра национальной экономики генерала Г. Потопяну, 3 марта 1941 г. был издан декрет о запрете владельцам промышленных и торговых предприятий, включая имеющие на них установки, оборудование, транспортные средства и т. д., на которых прежде действовали комиссары по румынизации, а таковые, как известно, принадлежали за редким исключением евреям, продавать их без особого разрешения Министерства экономики. Закону придали обратное действие, он считался вступившим в силу с 19 января 1941 г. Это означало, что все сделки по продаже евреями своих предприятий в связи с надвигавшимся легионерским путчем считались аннулированными. 7 марта министр юстиции Стоическу доложил, что им подготовлен проект закона относительно «проблемы жидов, которым нанесен ущерб легионерами», который, не нарушая права личной собственности, с юридической точки зрения «не позволит ни одному еврею вернуться во главе своего предприятия. Мы найдем формулировку»[287].

Преследование евреев продолжалось по всем линиям. Кондукэтор не отказывался от политики радикального решения «еврейской проблемы», он лишь подбирал другие методы ее осуществления.

«Еврейский вопрос» был, как и прежде, объектом обсуждения почти на каждом заседании Совета министров Румынии, на разных правительственных совещаниях. 3 февраля 1941 г. было решено «продолжать румынизацию экономики способами, не угрожающими процессу производства в стране, и оказывать полное содействие румынским элементам, доказывающим свою подготовленность для занятия экономическими профессиями». На очередном заседании правительства, 6 февраля, новый министр экономики в духе концепции кондукэтора, высказался за проведение «ариезации (термин, используемый в Германии при проведении экспроприации еврейской собственности) последовательно, поэтапно». Очередность в румынизации экономики установил на заседании сам кондукэтор. Легионеры, сказал он, «стали заниматься торговлей, но не имели ни товаров, ни капитала, ибо все это было в жидовских руках. Я им говорил: ведете страну к катастрофе… Нужно румынизировать банки. Эту цитадель следует завоевать в первую очередь», затем фабрики, относящиеся к крупной промышленности, а произведенные товары передать для продажи румынским коммерсантам, предварительно обучив их. И. Антонеску заявил, что все это он осуществит «без убийств и конфискаций», но при этом рекомендовал «не создавать у жидов впечатления, что наступило их время»[288].

На второй день, 7 февраля, он развил свои мысли относительно «очищения атмосферы от иудейских элементов». «Если были бы нормальные времена, я при удалении евреев из нашего государства поступал бы нормально, то есть изгнал бы за пределы наших границ. Сегодня же я этого не в состоянии сделать. Не гуманно так поступать, да и куда их отправлять, но и заставить их умереть с голоду не могу. И тогда эту проблему рассматриваю под совершенно другим аспектом, приспособленным к сегодняшней международной ситуации. Г-н министр Антонеску (Михай – *И. Л.*) имеет такое указание на этот счет. Решение этой проблемы требуется для городов провинции и для Столицы. В Столице, – продолжил кондукэтор, – хочу создать чисто еврейский район, границы которого будут определены в дальнейшем, его рубежи наметили сами жиды, имеется в виду рубеж Вэкэрешть и рубеж Дудешть, и в течение двух лет все евреи Столицы должны разместиться в этой жидовской крепости, все румыны должны покинуть ее. И тогда пусть жиды живут в своей среде, со своей торговлей, синагогами и т. д., пока наступит время, и мы отправим их за границу, в края, которые в будущем будут определены. Но

эту проблему сам румынский народ не может решить, она закована в границах континента и межконтинентов, со временем мы определим, какие решения можно избрать». Кондукэтор сообщил, что при концентрации в одном районе, в местечках провинции Молдова она будет проводиться «в одном виде», а в таких городах, как Бухарест, указания на этот счет даны. «Нужно изучать города, где много евреев, как то Фокшаны, Яссы, Галац, Бакэу, Роман, Фэлтичень и др. – уточнил И. Антонеску. – Со временем мы их соберем в определенные центры… Я не хочу этого ужасающего смешения жидов и румын»[289]. Одним словом, кондукэтор собирался создавать еврейские гетто.

15 февраля 1941 г. И. Антонеску сообщил на заседании правительства очередность выселения евреев из страны, в зависимости от времени их проживания в Румынии. Он сказал, что в первую очередь следует выселить евреев, прибывших в страну с «паспортами Нансена», хотя большинство из них уехали из Румынии еще в 20-е годы XX в., а также «изгнанных из Германии, Австрии и других стран в начале этой (Второй мировой – *И. Л.*) войны», но по пути в Палестину и Америку застрявших в Румынии, и не без содействия румынских чиновников-взяточников осевших в стране. Кондукэтор, вернувшись к этому вопросу на заседании правительства 6 марта 1941 г., требовал «безжалостно» выселять из страны евреев, которые прибыли в страну после 1936 г. – немецких, австрийских, польских. В связи с таким приказом, В. Фильдерман обратился 25 марта 1941 г. к кондукэтору с письмом, в котором говорилось, что в стране осталось с «паспортами Нансена» всего 300 евреев и около 1700 человек других национальностей, все они живут легально, на основе ранее подписанных международных соглашений. Это в основном люди, которые после Первой мировой войны спасались от погромов петлюровцев, деникинцев, а иные от большевистских расправ. В. Фильдерман подчеркивал, что указанных 300 евреев «отправить в Россию (советскую – *И. Л.*) равносильно приговорить их к смертной казни». Председатель Федерации еврейских организаций просил до окончания мировой войны не трогать этих евреев, тем более, что и другие государства их не принимают[290].

Не забыл И. Антонеску евреев с румынскими загранпаспортами, оказавшихся по разным делам и причинам за рубежом. Он дал распоряжение Генеральному директору полиции и безопасности генералу Е. Леовяну не допустить их возвращения в страну[291]. Последний предложил при их явке в румынские посольства в зарубежных странах проставить в их паспорта штампик «Еврей». Предложение было принято. Министерство иностранных дел в марте 1941 г. отправило своим зарубежным посольствам соответствующие приказы (№ 17167 от 11 марта и № 20144 от 20 марта). Эсэсовцам и гестаповцам облегчили выявление и отправку в лагеря смерти румынских евреев, находившихся не только в Германии, но и в оккупированных ею странах Европы.

По определению И. Антонеску, полное очищение страны от «жидов» произойдет в течение 5–10 лет, то есть постепенно. За это время у них будет отнято все имущество, а при отъезде за их труд им будет выделена небольшая доля инвестированного ими капитала. И. Антонеску считал, что причиной быстрого падения правительства Гоги–Кузы, в состав которого, напомним, он входил, было именно то, что оно хотело, подобно железногвардейцам, одним махом решить еврейскую проблему[292]. Но все эти планы кондукэтора менялись, как и его настроения, особенно после вступления Румынии в войну против СССР.

В связи с подготовкой серии антисемитских законов, вновь встал вопрос, кого считать евреем, учитывая, что были лица от смешанных браков, были крещенные евреи и т. д. Министерства и ведомства, издавая свои приказы и распоряжения, по-разному решали этот вопрос. На заседании правительства 27 февраля 1941 г. государственный субсекретарь Министерства экономики генерал Е. Звиеденек сказал, что он пользуется

формулировками, взятыми из румынского декрета № 3347 от 5 октября 1940 г. относительно национализации еврейской сельской собственности. В нем сказано, что евреями считаются лица, рожденные от двух родителей и даже от одного родителя-еврея, без указания, были ли родители крещенными или нет. Кроме того, пользуется гитлеровскими Нюрнбергскими расистскими законами 1935 г., с одной оговоркой: четверть еврея (по крови), если женится на румынке, становится румыном.

12 марта 1941 г. вопрос о принадлежности к еврейской нации вновь стал предметом дискуссии. Михай Антонеску считал, что, в зависимости от преследуемой цели, «определения могут быть различные», но министр юстиции К. Стоическу заявил, что будет придерживаться «определения из германских законов», которые используются гитлеровцами, а именно: «...считаются евреями те, которые рождены от обоих родителей-евреев, а также те, у которых один из родителей еврей, но принадлежит к еврейской общине по религии или другим проявлениям постоянного характера»[293]. Расистский принцип все больше стал пронизывать румынское законодательство о евреях. У Михая Антонеску как юриста и профессора права, занятого выработкой очередных антисемитских законов, появился консультант в лице гауптштурмфюрера СС Густава Рихтера – «советника по еврейской проблеме» в составе германской дипломатической миссии в Румынии, впервые появившегося в Бухаресте в ноябре 1940 г. [294]

Поскольку в дни легионерского путча И. Антонеску и его команде пришлось пройти через тяжелые испытания, то в целях избежания таких стрессов 5 февраля 1941 г. был обнародован декрет относительно пресечения поступков, представляющих опасность для страны, как то: посягательства на жизнь короля, членов правительства, представителей власти, захват и ношение оружия без специального разрешения, присвоение денег, недвижимости, создание нелегальных организаций, участие в политических демонстрациях и т. д. В специальной статье (16-я) подчеркивалось, что срок наказания для евреев и коммунистов за нарушение этого закона применяется в двойном размере[295].

В кое-каких вопросах властям пришлось проявить определенную сдержанность. В связи с усиленной подготовкой к войне, проведением сборов резервистов в армии ощущалась острая нехватка высококвалифицированных специалистов. Известно, что даже вермахт и в еще большей мере итальянская армия прибегали к использованию еврейских специалистов. 27 января румынское правительство приняло решение, что врачи, фармацевты, инженеры и архитекторы еврейской национальности во время продолжительных военных сборов и на случай войны могут быть мобилизованы и использованы в прежнем своем звании и с соответствующим окладом, но при этом на погонах они должны иметь прикрепленный знак, указывающий на их еврейскую национальность[296].

Во всем остальном действия военно-фашистской диктатуры были направлены на ущемление и унижение евреев, выставление их в качестве людей бесправных, не защищенных никакими законами. В связи с обсуждением на заседании правительства 28 февраля 1941 г. вопроса о некотором замораживании квартплаты на взятую в аренду жилую площадь, И. Антонеску предупредил, что «евреи-квартиросъемщики не должны входить в категорию людей – пользователей этой льготой»[297].

Каждый министр и высокопоставленный чиновник в аппарате правительства старался внести свой вклад в политику преследования евреев, выдвигая проекты антисемитских законов. По представлению министра образования, воспитания, культов и искусств генерала Раду Росетти были отменены льготы, вытекающие из причисления иудаизма к одной из исторических религий, зафиксированные в законе от 22 апреля 1928 г. Инициатор закона обосновывал его принятие заботой о расовой чистоте румынского народа, стремлением отгородить евреев «от смеси с румынской кровью». И. Ан-

тонеску поручил одному из заместителей Росетти – Иону Санду – не допустить массового перехода евреев в католицизм, на всякий случай подготовить закон, который бы препятствовал этому, иначе «евреи вновь вернутся на руководящие посты»[298].

8 марта 1941 г. распоряжением субсекретаря Министерства труда, здравоохранения и социального обеспечения генерала К. Войкулеску (будущего губернатора Бессарабии) были аннулированы все контракты на обучение ремеслу еврейской молодежи, независимо от того, проходят они обучение у хозяина-еврея или христианина, но контракты сохранились для учеников-румын, в том числе обучавшихся у евреев. Были также аннулированы все документы о профессиональной квалификации, выданные за все время рабочим и мастерам еврейской национальности, которые, согласно упомянутому закону от 16 ноября 1940 г., относительно румынизации персонала предприятий, считались уволенными с работы. Были даже аннулированы дипломы о профессиональной квалификации тех, которые работали не у хозяев, а на собственном производстве[299].

По инициативе министра внутренних дел генерала Д. Попеску, обвинившего евреев в распространении слухов, исходящих от зарубежных радиостанций, 5 мая 1941 г. был издан декрет об изъятии у евреев радиоприемников и о сдаче их полиции по месту жительства. Это коснулось и урожденных от смешанных браков и принявших христианство[300].

Главным законотворцем в правительстве был государственный министр Михай Антонеску, который не возглавлял конкретное министерство. Он был автором декрета-закона, обнародованного 27 марта 1941 г., о национализации городской еврейской собственности, о запрете евреям впредь приобретать идентичную собственность в городах или определенные реальные права на такую недвижимость. 2 мая 1941 г. был издан декрет-закон о создании при Совете министров Румынии Национального центра румынизации, колонизации и учета, в ведение которого передавалась вся эта национализированная собственность. В его обязанности, среди прочего, входила и продажа движимого еврейского имущества. Закон о национализации от 27 марта 1941 г. не распространялся на небольшое число евреев с особыми заслугами перед румынским государством.

Михай Антонеску препроводил проект закона о национализации аналитической запиской, в которой он делает экскурс в историю с целью показать, как создавалась еврейская собственность. При этом министр демонстрировал свое упрощенное представление об уровне развития экономики княжеств Молдова и Валахия до образования Румынии (1859 г.), с их глубокими пережитками феодализма во всех сферах общественной жизни. То ли не зная и не понимая роли евреев в ломке отсталых феодальных производственных отношений и приобщении страны к капиталистическому развитию, то ли умышленно, он сводит присутствие евреев к следующему: «Поддержанные международным капиталом и постепенно завоевывая большое место в нашей коммерческой и банковской экономике, они в течение нескольких десятилетий заполучили значительную часть национального богатства не только в торговле и промышленности, но и в сельской и городской собственности», в результате «национально-христианская основа румынского общества была подорвана». «Теоретик» Михай Антонеску своим декретом добивался возвращения страны к этой национально-христианской основе. Он писал, что экспроприированную еврейскую недвижимость не следует отдавать «в любые руки», а передать «профессорам, офицерам, судьям и прокурорам, врачам, инженерам, адвокатам, чиновникам и т. д.», и таким путем, продолжает автор, «наша духовная элита и трудовая наша буржуазия укрепится и станет основой и инструментом подлинной реализации румынского национального государства».

Чтобы подчеркнуть особую важность декрета об экспроприации еврейской собственности от 27 марта 1941 г., в этот же день И. Антонеску выступил с заявлением,

назвав его «декретом восстановления исторических прав Румынской Нации и возвращения к национальной и христианской концепции о собственности, доказательством интеграции румынского народа в националистическую духовность, которая насквозь пробивает Европу»[301].

Губительные последствия всей этой шумной и бездумной политики не заставили себя ждать. Сам кондукэтор забил тревогу. На различных совещаниях и заседаниях он вынужден был признать, что «из-за неумения, отсутствия координации» и по целому ряду других причин «румынизация», проведенная с определенной целью, обернулась против национальной экономики. Он привел в качестве примера известный в стране мельничный комбинат «Хердан», который в результате румынизации оказался в руках легионеров и македоно-румын (репатриантов из Македонии). Это крупнейшее предприятие с годовым оборотом в 600 млрд леев, вносившее в казну 100 млрд леев, перестало вообще платить налоги. «Эти легионеры, – сказал И. Антонеску, – совершали бесстыдные кражи: уносили предметы и отправляли себе домой. Они просто занимались жульничеством»[302].

В стране, в том числе в Бухаресте, резко ощущался недостаток продовольствия, на бывших национализированных у евреев предприятиях, признал кондукэтор, «рабочие голодают». Содержание немецких войск в Румынии, численность которых в связи с подготовкой весенней военной кампании на Балканах возрастала с каждым днем, достигнув, как уже отмечалось, к середине февраля 1941 г. 680 000 солдат и офицеров, тяжелейшим образом сказывалось на продовольственном положении в стране. «Положение в столице бедственное», – признал на одном совещании И. Антонеску. Открыто взвалить вину за создавшуюся ситуацию на немецкого союзника он не осмелился, да и на руководимое им правительство не хотел. В таких случаях все беды он сваливал на евреев: «еврейский саботаж». На заседании Кабинета министров 4 апреля 1941 г. И. Антонеску сообщил, что поручил министру внутренних дел Д. Попеску собрать всех руководителей еврейских общин и заявить им, что, если они устроят государству «экономический саботаж» и дело дойдет до уличных беспорядков, он, Антонеску, оставит их без защиты. «Я вместе с властями скроюсь под охраной и позволю толпе производить массовую резню»[303].

Весной 1941 г. в связи с военными операциями немецких войск на Балканах их численность в Румынии уменьшилась, но ненадолго. По их окончанию, в мае 1941 г., 11-я немецкая армия под командованием Ойгена Риттера фон Шоберта стала дислоцироваться на советско-румынской границе по р. Прут, севернее г. Яссы. В июне стали прибывать сюда пресловутые айнзацкоманды («оперативные группы»), выполнявшие «особые задачи в рамках политической полиции», а именно «подавление враждебных Рейху и Германии организаций, действующих в тылу у боевых частей», осуществление «контршпионажа, аресты ненадежных в политическом отношении людей», а применительно к оккупированной территории СССР – уничтожение коммунистов и евреев. Айнзацкоманды комплектовались из отпетых эсэсовцев и гестаповцев, их общая численность составляла около 3000 человек, разделенных на четыре группы – А, В, С, Д – и находящихся в подчинении рейхсфюрера СС и командующего силами государственной безопасности СД (Гиммлера и Гейдриха). Айнзацгруппа «Д» под командованием С. Олендорфа, насчитывавшая 400–500 человек, была придана 11-й немецкой армии и разбита на пять айнзацкоманд: 10а, 10в, 11а, 11б, 12. Во время военных действий в июле-августе 1941 г. айнзацгруппа действовала на территории Северной Буковины, Бессарабии и Транснистрии.

По прибытии в июне месяце в Румынию айнзацгруппа «Д» установила связь со Специальной службой информации («Serviciul Special Informativ» – SSI), возглавляемой Е. Кристеску, которая находилась в прямом подчинении И. Антонеску. По приказу по-

следнего в рамках ССИ была создана оперативная группа («Eşalon operativ» или «Eşalon special») в составе 160 человек с такими же примерно функциями, как у айнзацкоманд. Так называемый «Оперативный эшелон» также был разбит на группы. Подготовка к истреблению евреев стала составной частью военных приготовлений к развязыванию войны против СССР, и, как будет показано дальше, гитлеровские айнзацкоманды и румынские «оперативные» команды ССИ, действовавшие в ряде случаев совместно, сыграли зловещую роль в судьбах евреев.

Примечания

[1] Butnaru I.C. Holocostul uitat. Consideraţiuni istorice, politice şi sociale cu privire la antisemitismul românesc. – P. 19–43 (далее: Butnaru I.C. Holocostul uitat).

[2] The Beate Klarsfeld Foundation. Documents Concerning the Fate of Romanian Jeway during the Holocaust. Selected and Edited by Jean Ancel (далее: DCFRJDH). – Vol. I. – P. 2–3.

[3] Ibidem. – Vol. X. – P. 14.

[4] Мадиевский С.А. Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. Высшие и средние классы и слои. Очерки. – Кишинев, 1996. – С. 4–5 (далее: Мадиевский С.А. Румынское общество…).

[5] Ioanid R. Evreii sub regimul Antonescu. – Bucureşti, 1998. – P. 18 (далее: Ioanid R. Evreii…).

[6] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 65–66.

[7] Ibidem. – P. 70–71.

[8] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 26–27.

[9] Butnaru I.C. – Op. cit. – P. 72.

[10] Мадиевский С.А. Указ. соч. – С. 29, 32–34, 55–56.

[11] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 72.

[12] Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. I. Legislaţia antievreiască. – Bucureşti, 1993. – P. XXIV (далее: E. R.).

[13] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 294.

[14] Мадиевский С.А. Указ. соч. – С. 56–57.

[15] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 85–86.

[16] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 7.

[17] Ibidem. – P. 34–35.

[18] Ibidem. – P. 23–24.

[19] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 114.

[20] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 41.

[21] Ibidem. – P. 45.

[22] Подробно см.: Ancel J. Contribuţii la istoria României. Problema evreiască. – Vol. I. Partea întâi. 1933–1944. – Bucureşti, 2001. – P. 20–24 (далее: Ancel J. P. E.); Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. – Bucureşti, 1996. – P. 392 (далее: Ornea Z. Anii treizeci…).

[23] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 27.

[24] E. R. – Vol. II. – Bucureşti, 1996. – P. 220.

[25] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 77–78, 158–160; DCFRJDH. – Vol. X. – P. 42–43.

[26] Мисюк А. Краткий очерк истории евреев Одессы – История Холокоста в Одесском районе. Сб. статей и документов. – Одесса, 2006. – С. 11; Национальный состав Советской Украины. – Харьков, 1925. – С. 44.

[27] Русский архив. – Книга первая. – М., 1894. – С. 50, 61.

[28] Там же. – С. 51.

[29] Там же. – С. 52–53.

[30] Там же. – С. 59.

[31] Там же. – С. 67–74.

[32] Лесков Н. Евреи в России. – Искусство и кино. – 1992. – № 5. – С. 16–17.

[33] Дейч Г. Это было в Одессе. – Форвертс. – 2001. – 23–29 марта.

[34] Мадиевский С.А. Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX в. – В кн. Кишиневский погром 1903 г. Сб. статей. – С. 11–12 (далее: Мадиевский С.А. Правовое положение…).

[35] Там же. – С. 12–13.

[36] Там же. – С. 23; Устав образования Бессарабской области. – Кишинев, 1818. – С. 22; Мадиевский С.А. Правовое положение… – С. 23.

[37] Мадиевский С.А. Правовое положение… – С. 15.

[38] Там же. – С. 17.

[39] Там же. – С. 21.

[40] См.: Люлечник В. Солженицыну и не снилось. О книге Всеволода Вихневича «2000 лет вместе: евреи России». – В новом свете. – 2007. – 27 апреля – 3 мая.

[41] Национальный архив Республики Молдова (далее: НАРМ). Ф. 6. Оп. 18. Д. 73. Лл. 2–5; Дейч Г. Указ. соч.

[42] История Холокоста в Одесском регионе. Сб. статей и документов. – С. 13.

[43] Нейман А. Погромный юбилей. – Новое русское слово. – 1995. – 29 июня.

[44] Бердяев Н. Еврейский вопрос, как вопрос христианский. – Искусство и кино. – 1992. – № 5. – С. 10–11.

[45] Жигня К.Л. Кишиневская трагедия 1903 года. – В кн.: Кишиневский погром 1903 года. Сб. статей. – Кишинев, 1993. – С. 32–33.

[46] Искусство и кино. – 1992. – № 5. – С. 16.

[47] Копанский Я.М. Языком документов (Сионистское движение в Бессарабии в 1917 г.). – Наш голос. – 1997. – № 10–11.

[48] Кишиневский погром 1903 года. Сб. документов и материалов. – Кишинэу, 2000. – С. 26.

[49] Копанский Я.М. Кровавые события 1903 года и мировая демократическая общественность. – В кн.: Кишиневский погром 1903 года. – Кишинев, 1993. – С. 62–82.

[50] Кишиневский погром 1903 года. Сб. документов и материалов. – Кишинев, 1993. – С. 19.

[51] Нейман А. Указ. соч.

[52] Фридлендер И. Еще раз о погромах. – Форвертс. – 2001. – 23–29 марта.

[53] Левит И. Бессарабское еврейство под царской властью. – Наш голос. – 1997. – № 2–3; Его же. Оживление на еврейской улице. – Наш голос. – 1997. – № 4–5.

[54] Копанский Я., Левит И. 1917 год: какой быть еврейской школе? – Наш голос. – 1997. – № 2–3.

[55] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 87–89.

[56] Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 125. Оп. 1. Д. 30. Л. 115.

[57] Тарасюк Д. Без вины виноваты. Еврейские погромы в годы гражданской войны в России. – Форвертс. – 2000. – № 237. – 9–15 ноября.

[58] Люлечник В. Два лица Евсекции. – Новое русское слово. – 1994. – 4 ноября.

[59] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 131–133.

[60] Ibidem. – P. 133–134.

[61] DBFR. – Vol. I. – P. 646–649.

[62] Ioanid R. Evreii… – P. 23; DCFRJDH. – Vol. X. – P. 252–253.

[63] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 253.

[64] E.R. – Vol. II. – Bucureşti, 1996. – P. 72–74; DCFRJDH. – Vol. X. – P. 52–63.

[65] Подробно о жизни еврейской общины в Бессарабии см.: Копанский Я.М. Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940). – Кишинев, 2008.

[66] E. R. – Vol. I. – P. XXIV.

[67] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 37–45; О многогранной деятельности В. Фильдермана см.: Benjamin L. Prigoana şi rezistenţă în istoria evreilor din România 1940–1944. Studii. – Bucureşti, 2001. – P. 215–276 (далее: Benjamin L. Prigoana…).

[68] Ioanid R. Evreii… – P. 9.

[69] Ancel J. P. E. – Vol. I. Partea întâi. 1933–1944. – Bucureşti, 2001. – P. 13–14; Ioanid R. Evreii… – P. 9; Butnaru I.C. Op. cit. – P. 136.

[70] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 24–25, 27; Ioanid R. Sabia Arhanghelului Mihail. Ideologia fascistă în România. – Bucureşti, 1995. – P. 116 (далее: Ioanid R. Sabia…).

[71] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 142–145, 162–165.

[72] Историко-дипломатический архив МИДа СССР (Бывший). Materiale pentru volumul III „Pe marginea prăpăstiei" întocmite de şeful Serviciului special de informaţie, director general Eugen Cristescu (микрофильм). Далее: ИДА. Ф. микрофильмов румынских документов.

[73] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 168.

[74] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 379; „Cuvântul nostru". Anul III, 1926; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 56.

[75] Butnaru I.C. Op. cit. – P. 139.

[76] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 53.

[77] Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. Ediţia revăzută. – Bucureşti, 1996. – P. 290.

[78] Ornea Z. Op. cit. – P. 294.

[79] Ornea Z. Op. cit. – P. 290; Ioanid R. Sabia… – P. 54.

[80] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 54–55, 156; Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. 1923–1940. – Chişinău, 1999. – P. 51.

[81] Patraşcanu L. Problemele de bază a României. – Bucureşti, 1945. – P. 119–120, 242, 245.

[82] Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. – М., 1976. – С. 50–51.

[83] Nicolenco V. Op. cit. – P. 44–45.

[84] Ibidem. – P. 55.

[85] Ibidem. – P. 74.

[86] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Referat SSI № 9319. – 1942. – 24 ноября.

[87] Колкер Б.М. Парламентские выборы 1937 г. в Румынии и приход к власти правительства Гоги. – Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук. – 1970. – № 2. – С. 55–61.

[88] Подробно о деятельности Национал-христианской партии (НХП) в Бессарабии см.: Nicolenco V. Op. cit. – P. 57–70.

[89] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 59.

[90] Ornea Z. Op. cit. – P. 302–303.

[91] Копанский Я.М., Левит И.Э. Происки гитлеровской Германии в Румынии и новые тенденции во внешней политике румынских правящих кругов (1933–1934 гг.). – В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. – М., 1974. – С. 212–221.

[92] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Referat SSI. № 9319. – 1942. – 24 ноября.

[93] Колкер Б.М. Указ. соч. – С. 66; Ioanid R. Sabia… – P. 54; Nicolenco V. Op. cit. – P. 70.

[94] Ioanid R. Sabia… – P. 112.

[95] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 184; Vol. VIII. – P. 161.

[96] E. R. – Vol. I. – P. 30–31.

[97] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 256; Ornea Z. Op. cit. – P. 389; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 77, 81.

[98] Savu A.S. Dictatura regală. – Bucureşti, 1970. – P. 112.

[99] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 208, 210–213.

[100] Ioanid R. Sabia… – P. 123–124; Ornea Z. Op. cit. – P. 220–265, 384–416; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 130–151.

[101] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 1.

[102] Hausleitner M. Deutsche und Juden in Bessarabien 1914–1941. Zur Minderheiten politic Russland und Grossrumäniens. – München, 2005. – P. 141–167; Nicolenco V. Op. cit. – P. 56.

[103] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 189, 193, 197.

[104] Документы внешней политики СССР. – Т. XXI. – М., 1977. – С. 22–24.

[105] Pe marginea prăpăstiei. – Vol. I. – Bucureşti, 1941. – P. 31.

[106] Iorga N. Memorii. – Vol. VII. – Bucureşti, 1932. – P. 459.

[107] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 117–119.

[108] Ibidem. – P. 112.

[109] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 248.

[110] Ibidem. – Vol. IX. – P. 29–30.

[111] Ibidem. – P. 42–43, 74–78.

[112] Ibidem. – Vol. X. – P. 3.

[113] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 122.

[114] Очерки политической истории Румынии (1859–1944). – Кишинев, 1985. – С. 369.

[115] Nationalzeitung, 03.12.1938 г.; Berliner Tageblaft, 04.12.1938 г.; Der Angriff, 4.12.1938 г.

[116] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 105.

[117] Universul. – 1939. – 8 septembrie.

[118] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 374–378.

[119] Şafran A. Un tăciune smuls flăcărilor. Comunitatea evreiască din România. 1939–1947. – Bucureşti, 1996 (далее: Şafran A. Un tăciune…); Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану. 1940–1947. – Одесса, 2003. – С. 12–13 (далее: Шафран А. Сопротивление…).

[120] Universul. – 1940. – 10 ianuarie.

[121] Известия. – 1940. – 30 марта. Подробно см.: Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). – М., 1971.

[122] Documents on German Foreign Policy (1918–1945) (далее: DGFP). Series D. – Vol. IX. – London, 1957. – P. 49, 61–62, 67.

[123] Колкер Б.М., Левит И.Э. Указ. соч. – С. 82–83.

[124] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Referat SSI. № 9319. – 1942. – 24 ноября.

[125] Ibidem.

[126] Şafran A. Un tăciune… – P. 48.

[127] Izvoare şi mărturii referitoare la evrei din România (seria specială). – Vol. III. – Partea I. – P. 7–8 (далее: Izvoare…).

[128] Şafran A. Un tăciune… – P. 51.

[129] DGFP. Series D. – Vol. IX. – P. 349, 435, 459–460, 466–467, 657; Gafenco Gr. Preliminaries de Guerre a l'Est. De l'accord (21 Aout 1939) aux hostilités en Russie (22 iunie 1941). – Fribourg, 1944. – P. 330–333.

[130] Izvoare… – Partea I. – P. 2; DCFRJDH. – Vol. I. – P. 380.

[131] Şafran A. Un tăciune… – P. 52.

[132] E. R. – Vol. III. – Partea I. – Bucureşti, 1997. – P. 17, 19, 22–30.

[133] Ibidem. – P. 28, 30, 49.

[134] Ibidem. – P. 16–17.

[135] Ibidem. – P. 26–27, 31, 50.

[136] Ibidem. – P. 26–27, 29–30.

[137] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 376.

[138] Ibidem. – Vol. I. – P. 420.

[139] Documente din istoria Partidului comunist al României. – Ediţia II. – 1953. – P. 336.

[140] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 423.

[141] Martiriul evreilor din România. 1940–1944. Documente şi mărturii. – Bucureşti, 1991. – P. 37 (далее: Martiriul…).

[142] Ibidem. – P. 37–39; Mircu M. Pogromurile din Bucovina şi Dorohoi. – Bucureşti, 1945. – P. 129–139; Carp M. Cartea Neagră. Suferinţele evreilor din România. 1940–1944. – Vol. III. – Ediţia II. – 1996. – P. 28–29 (далее: C. N.); DCFRJDH. – Vol. X. – P. 495; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 33, 35, 37.

[143] Martiriul… – P. 36; C. N. – Vol. III. – P. 27–30; Butnaru I.C. Op. cit. – P. 221.

[144] Martiriul… – P. 33–35; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 32; E. R. – Vol. III. – P. 39, 47.

[145] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 49–51.

[146] Ibidem. – P. 30.

[147] Ibidem. – P. 39–40.

[148] Внешняя политика СССР. – Том IV. – М., 1945. – С. 519.

[149] Правда. – 1940. – 28 июля.

[150] România. – 1940. – 6 august.

[151] C. N. – Vol. III. – P. 49–50; Butnaru I.C. Op. cit. – P. 224.

[152] Buzătu Gh. Aşa a început Holocostul împotriva poporului român. – 1995. – P. 22–23.

[153] Ancel J. P. E. – Partea I. – P. 225.

[154] România. – 1940. – 6 iulie.

[155] E. R. – Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştri. – Bucureşti, 1996. – P. 49.

[156] Ibidem. – P. 50.

[157] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 422, 425.

[158] E. R. – Vol. II. – P. 51.

[159] DGFP. Series D. – Vol. X. – P. 306–307, 319.

[160] E. R. – Vol. II. – P. 53.

[161] E. R. – Vol. I. – P. 37–44.

[162] Ibidem. – P. 46–50.

[163] Ibidem. – P. 55.

[164] Neamul Românesc. – 1940. – 15 august; 1940. – 21 august.

[165] România. – 1940. – 14 august.

[166] Curentul. – 1940. – 11 august.

[167] Curentul. – 1940. – 31 august.

[168] Porunca Vremii. – 1940. – 16 august.

[169] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 216–217.

[170] Curentul. – 1940. – 1 iulie.

[171] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 37–45.

[172] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – Cap. 6 (Conducerea evreiască). – P. 245–261.

[173] România. – 1940. – 22 august.

[174] Documents on international affairs 1939–1946. Hitler's Europe. – London–New-York–Toronto, 1954. – P. 324.

[175] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma Consiliului de miniştri. Şedinţa din 11 februarie 1941. Fila 3.

[176] Antonescu I. Românii. Originea, trecutul, sacrificiile şi drepturile lor. – Bucureşti, 1919.

[177] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Raportul l-t colonel I. Antonescu asupra misiunea ce a avut la Paris. 24 septembrie 1919. F. 40, 42.

[178] Там же. L-t col. I. Antonescu către M. St. M. 6.IV.1920. Misiunea în Varşovia. F. 13–14, 30.

[179] Там же. Darea de seamă asupra vizitei făcute în Franţa între 21.08–5.09.1934. F. 5, 6.

[180] DCFRJDH. – Vol. IX. – P. 139.

[181] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Scrisoarea lui I. Antonescu către Valer Pop din 9 aprilie 1942. Fila 1–2.

[182] Подробно см.: Колкер Б.М. Из истории установления военно-фашистской диктатуры в Румынии (сентябрь 1940 г.). – Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук. – 1964. – № 8. – С. 31–45.

[183] Simion A. Regimul politic din România în perioada septembrie 1940 – ianuarie 1941. – Cluj-Napoca, 1976. – P. 19.

[184] Procesul marii trădării naţionale. – Bucureşti, 1946. – P. 234–235.

[185] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma şedinţei din 7 septembrie 1940. F. 12.

[186] DGFR. Series D. – Vol. XI. – Washington, 1961. – P. 24–25.

[187] Simion A. Op. cit. – P. 41.

[188] Iuliu Maniu – Ion Antonescu. Opinii şi confruntări politice. 1940–1944. – Cluj-Napoca, 1994. – P. 43.

[189] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Comunicatul № 44, 14 septembrie 1940.

[190] DGFR. Series D. – Vol. XI. – P. 24–25.

[191] C. N. – Vol. I. – P. 55.

[192] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 609.

[193] Ibidem.

[194] C. N. – Vol. I. – P. 90.

[195] Ibidem. – P. 50.

[196] Ibidem. – P. 57.

[197] E. R. – Vol. II. – P. 130.

[198] Ibidem. – P. 133.

[199] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 3 octombrie 1940. F. 47.

[200] Procesul marii trădări naţionale… – P. 49.

[201] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 7 septembrie 1940.

[202] DGFP. Series D. – Vol. XIII. – Washington, 1961. – P. 871.

[203] Ibidem. – P. 187.

[204] Timpul. – 1940. – 30 septembrie.

[205] E. R. – Vol. I. – P. 65–67.

[206] Ibidem. – P. 83–84; C. N. – Vol. I. – P. 83.

[207] E. R. – Vol. I. – P. 68–69.

[208] Ibidem. – P. 64–65, 80–81; C. N. – Vol. I. – P. 93–94.

[209] C. N. – Vol. I. – P. 91, 93–96.

[210] Ibidem. – P. 82; E. R. – Vol. I. – P. 76–78.

[211] E. R. – Vol. I. – P. 57–58, 91–92.

[212] Ibidem. – P. 72–73.

[213] C. N. – Vol. I. – P. 80.

[214] E. R. – Vol. II. – P. 136–139.

[215] Ibidem. – P. 85–88.

[216] C. N. – Vol. I. – P. 99.

[217] E. R. – Vol. I. – P. 70–71.

[218] C. N. – Vol. I. – P. 80, 83, 86.

[219] Ibidem. – P. 100; E. R. – Vol. I. – P. 95–97.

[220] C. N. – Vol. I. – P. 77.

[221] Ibidem. – P. 95.

[222] Ibidem. – P. 96, 123.

[223] Ibidem. – P. 101, 103–105.

[224] Ibidem. –P. 131–132, 138–139, 143–144.

[225] Ibidem. – P. 107, 109–111, 131.

[226] Ibidem. – P. 65, 108–109, 115, 131; DCFRJDH. – Vol. II. – P. 34.

[227] C. N. – Vol. I. – P. 64–65.

[228] Ibidem. – P. 122–123, 143.

[229] Ibidem. – P. 95, 102, 109, 118; DCFRJDH. – Vol. II. – P. 37–38.

[230] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 6–7, 37–38, 47–73.

[231] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Nota SSI din 25 octombrie 1940. F. 7–8.

[232] Ibidem. Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 31.X.1940. F. 39–40.

[233] НАРМ. Ф. 106. Оп. 2. Д. 12. Л. 87.

[234] C. N. – Vol. I. – P. 96–97, 110.

[235] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma consfătuirii cu domnii prefecţi din 14 octombrie 1940. F. 19.

[236] Universul. – 1940. – 1 septembrie; 1940. – 8 noiembrie.

[237] Pe marginea prăpăstiei. – Vol. I. – Bucureşti, 1941. – P. 145–158.

[238] DGFP. Series D. – Vol. XI. – P. 445–446.

[239] Ibidem. – P. 684; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. – Том 2. – М., 1958. – С. 560.

[240] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. M. Sturdza. După călătoria din Berlin. Reflectări.

[241] DGFR. Series D. – Vol. XI. – P. 748–749.

[242] Monitorul Oficial. – 1940. – № 281. – 28 noiembrie.

[243] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Cuvântarea conducătorului statului la conversarea comandanţilor de mari unităţi la 28 noiembrie 1940. F. 6–18.

[244] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Scrisoarea d-lui I. Maniu către conducătorul statului din 3 decembrie 1940.

[245] Ibidem. Scrisoarea d-lui C. I. C. Brătianu către I. Antonescu din 5 decembrie 1940.

[246] Pe marginea prăpăstiei. – Vol. I. – P. 134.

[247] E. R. – Vol. II. – P. 157–158, 161.

[248] C. N. – Vol. I. – P. 101.

[249] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 6–7.

[250] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 30 octombrie 1940.

[251] Foreign relation of the United States Diplomatic papers. – Vol. II. – Washington, 1959. – P. 772, 774.

[252] DCFRJDH. – Vol. – II. – P. 83.

[253] Martiriul… – P. 43; DCFRJDH. – Vol. II. – P. 24.

[254] Martiriul… – P. 44–66; DCFRJDH. – Vol. I. – P. 490–491, 524, 528–529, 538, 540–542, 549, 553–557, 570; Vol. II. – P. 1–5, 12–16, 26–29, 33–38, 48–86, 89, 93.

[255] DGFP. Series D. – Vol. XI. – London, 1961. – P. 1114; Vol. XII. – London, 1962. – P. 127.

[256] E. R. – Vol. II. – P. 168–170.

[257] Ibidem. – P. 103–105.

[258] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenogramele şedinţelor Consiliului de miniştri din 17 decembrie 1940 şi 10 ianuarie 1941.

[259] Ibidem. Scrisoarea N. Mareş către I. Antonescu din 30 octombrie 1940.

[260] Bună Vestire. – 1940. – 13 decembrie.

[261] C. N. – Vol. I. – P. 169–174.

[262] DGFP. Series D. – Vol. XI. – P. 1050.

[263] Pe marginea prăpăstiei. – Vol. I. – P. 22.

[264] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 11 ianuarie 1941; E. R. – Vol. II. – P. 180–181.

[265] DGFP. – Vol. XI. – P. 1011–1013, 1088–1089.

[266] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Scrisoarea din 15 ianuarie 1941 scrisă de I. Antonescu lui Horia Sima.

[267] Pe marginea prăpăstiei. – Vol. I. – P. 18.

[268] E. R. – Vol. I. – P. 102–103.

[269] DGFP. – Vol. XI. – P. 1151.

[270] Neubacher H. Sonderauftrang Sudost. – Göttingen, 1956. – S. 56.

[271] C. N. – Vol. I. – P. 182–183.

[272] Ibidem. – P. 182–185.

[273] Martiriul. – P. 73–83; C. N. – Vol. I. – P. 188–191; DCFRJDH. – Vol. II. – P. 288; Ioanid R. Evreii…– P. 70–83; Butnaru I. Op. cit. – P. 252–269; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 400–440.

[274] C. N. – Vol. I. – P. 75.

[275] E. R. – Vol. II. – P. 214.

[276] E. R. – Vol. III. – Partea I (1940–1942). – Bucureşti, 1997. – P. 174.

[277] C. N. – Vol. I. – P. 167, 173–174.

[278] C. N. – Vol. I. –P. 29.

[279] Ibidem.

[280] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Scrisoarea C.I.C. Brătianu adresată lui I. Antonescu. 18 decembrie 1940.

[281] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Circularea d-lui C. I.C. Brătianu din 14 februarie 1941.

[282] Iuliu Maniu – Ion Antonescu. Opinii şi confruntări politice 1940–1944. – Cluj-Napoca, 1994. – P. 38.

[283] DGFP. Series D. – Vol. XI. – P. 871, 1176, 1178, 1194.

[284] Ibidem. – Vol. XII. – P. 20–21.

[285] Simion A. Op. cit. – P. 181–182, 285–286.

[286] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Studiu asupra problemei legionarilor la închisori.

[287] E. R. – Vol. II. – P. 117–119, 201, 208.

[288] Ibidem. – P. 184–187.

[289] Ibidem. – Vol. III. – Partea I. – P. 185.

[290] Ibidem. – Vol. II. – P. 190–191, 205.

[291] Ibidem. – P. 202.

[292] Ibidem. – Vol. III. – Partea I. – P. 185.

[293] Ibidem. – Vol. II. – P. 196–198.

[294] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea I. – P. 397.

[295] E. R. – Vol. I. – P. 108.

[296] Ibidem. – P. 103–105.

[297] Ibidem. – Vol. II. – P. 199.

[298] Ibidem. – Vol. I. – P. 120–121; Vol. II. – P. 204.

[299] Ibidem. – Vol. I. – P. 121.

[300] Ibidem. – P. 127–138.

[301] Ibidem. P. 127.

[302] Ibidem. – Vol. II. – P. 210, 218–219.

[303] Ibidem. – Vol. II. – P. 214.

Глава II

ПРЕЛЮДИЯ БОЛЬШОГО ГЕНОЦИДА

§ 1. Антиеврейский сговор А. Гитлера и И. Антонеску

Недовольный итогами перекройки границ на Балканах в результате разгрома Югославии и Греции, И. Антонеску продолжал домогаться у немецких и итальянских союзников удовлетворения своих территориальных требований. В телеграммах, направленных 10 мая 1941 г. от имени И. Антонеску румынским посланникам в Берлин и Рим, им указывалось в контактах с руководителями в аккредитованных странах добиваться расширения границ Румынии, которое «может быть осуществлено за счет Словакии..., а также за счет Галиции по линии Черновцы–Львов–Краков, так как она является легким, прямым, коротким путем для связей устья Дуная и Германии. Исходя из этого, нам необходимы не только Бессарабия и Буковина, но и Покутье, которое расширило бы общую границу между Румынией, Словакией и Германией через оккупированную Польшу». На юге от Дуная правительство Румынии, под предлогом необходимости отделить сербов от болгар, выдвигало притязания на югославский Банат и район Тимока, а также предлагало создать албано-македонское государство или коридор Дунай–Салоники. Кондукэтор требовал от своих посланников «пытаться изо дня в день убеждать правительство и влиятельные круги Германии и Италии в важности этого вопроса в свете организации нового порядка в Юго-Восточной Европе и на Балканах»[1].

И. Антонеску рассчитывал добиться реализации этих территориальных притязаний благодаря самому широкому участию Румынии на стороне Германии в войне против СССР. В ходе ее, в тесном союзе с гитлеровцами, И. Антонеску планировал и кардинальное решение так называемого «еврейского вопроса». Вслед за территориальным он стал вторым важным компонентом румыно-германских

отношений, объектом переговоров, как будет показано дальше, еще до начала военных действий против СССР, подготовка к которым в мае-июне шла полным ходом. В мае, после окончания военных операций на Балканах, командование вермахта в спешном порядке стало перебрасывать севернее румынского города Яссы принимавшую участие в этих боях 11-ю немецкую армию.

1 июня, по указанию командующего немецкими войсками, в Румынии началась скрытая мобилизация, а спустя 10 дней И. Антонеску выехал в Мюнхен, где во время встречи с А. Гитлером и военным командованием в лице фельдмаршала В. Кейтеля и генерал-полковника А. Йодля окончательно договорился относительно участия Румынии в антисоветской войне. И. Антонеску до выезда в Мюнхен знал тему беседы и точную дату нападения на СССР. За две недели до начала войны его посетил германский посланник в Румынии М.Ф. Киллингер и назвал ему окончательную дату начала военных действий против Советского Союза – 22 июня[2]. Об этом знали и в румынском Генштабе. 7 июня И. Антонеску потребовал от начальника полиции Румынии генерала Леовяну вдоль всей границы с СССР, на глубину четырех километров, отселить «все еврейское население». 12 июня, т. е. в тот день, когда кондукэтор находился в Мюнхене, Генштаб разослал полицейским и жандармским органам припрутских районов «Предписание в связи с эвентуальными акциями, которые могут быть предприняты в случае военных действий».

Оно вменяло в обязанность карательным органам «в период дипломатического напряжения в прифронтовой полосе тотчас же арестовать и интернировать всех коммунистов, проживающих на территории между Прутом и Сиретом», «убрать из всей этой зоны евреев в возрасте от 18 до 50 лет, создав из них трудовые отряды», «проводить в этой зоне массовые облавы в целях ареста подозрительных», конфисковать радиоприемники, отобрать телефонные аппараты у «подозрительных христиан» и у всех евреев и т.д. «Предписание» требовало усилить меры наказания по отношению к коммунистам и лицам, симпатизирующим им, применять смертную казнь «для всех тех, которые в период дипломатического напряжения будут совершать акты саботажа, распространять слухи и проводить пропаганду против государственных интересов». При этом уточнялось, что смертная казнь применяется также «для всей семьи лиц, которые во время войны будут служить интересам коммунистов...»[3]. Поскольку евреи давно идентифицировались с коммунистами, то «Предписание...» указывало о надвигавшейся серьезной опасности для евреев в зоне дислокации румынских и немецких войск.

Ион Антонеску и Адольф Гитлер

В Мюнхене И. Антонеску подтвердил свою готовность предоставить все материальные и людские ресурсы страны для ведения войны и принять в ней участие с первого же дня. Рассматривался, естественно, и территориальный вопрос. «Гитлер, – как отмечал в своих показаниях следственным органам СССР И. Антонеску, – подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии»[4].

Кондукэтором был поднят и вопрос о заднестровских территориях – будущей «Транснистрии». Как впоследствии информировал на заседании румын-

ского правительства Михай Антонеску (с 21 июня 1941 г. вице-премьер), в ряде меморандумов и в ходе переговоров кондукэтора с А. Гитлером, как до войны, так и в начале войны против СССР, ставился вопрос о советских землях восточнее Днестра, на которых, как он выразился, проживает «многочисленное румынское население». «Естественно, – отмечал М. Антонеску, – мы обратили внимание, что это население должно быть включено в состав румынского государства с политической формулировкой, которую мы сохраняем за собой право обсудить в момент, когда возникнет необходимость окончательного решения»[5]. По словам И. Антонеску, А. Гитлер обещал, что за «помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра»[6]. Сам А. Гитлер во время совещания с участием своего ближайшего окружения на вопрос Г. Геринга, какие советские территории обещаны союзникам, ответил, что «Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад–северо-запад»[7].

В германских записях беседы между А. Гитлером и И. Антонеску в Мюнхене не содержатся сведения о сути переговоров и достигнутой ими договоренности по «еврейскому вопросу». В том, что он обсуждался, и была выработана линия поведения в отношении евреев, у нас сомнений нет. На это указывает ряд документов, о чем будет сказано ниже, а также то, что творилось на практике против евреев с началом военных действий против СССР. По-видимому, в Мюнхене собеседники предпочли не фиксировать на бумаге свои чудовищные планы, ограничиться устной договоренностью.

Кстати, и обговоренные в Мюнхене территориальные вопросы, в первую очередь, относительно Бессарабии и Буковины, не были оформлены в договоры, скрепленные подписями А. Гитлера и И. Антонеску. Последний настолько доверял слову обожаемого фюрера, что не счел нужным застраховать себя письменным документом. За эту непростительную оплошность И. Антонеску впоследствии подвергся критике со стороны «оппозиции» в лице лидеров Национал-либеральной и Национал-царанистской партий Румынии, соответственно Дину Брэтиану и Юлиу Маниу.

В практике немецких нацистов приказы о физических расправах с евреями вожди давали предпочтительно устно. Исследователи Холокоста, связывающие начало этой кровавой акции со специальным приказом А. Гитлера, отданным лично Г. Гиммлеру не позже апреля-мая 1941 г., после многолетних безрезультатных поисков его в архивах, полагают, что он был передан устно. Даже в решениях известной конференции в Ванзее в январе 1942 г. об «окончательном решении еврейского вопроса» путем их поголовного истребления, в целях маскировки сути этого приговора, в документе употребляются термины типа «депортация» или «переселение» на Восток. Румынские авторы приказов и распоряжений по Холокосту также прикрывались безобидным термином «эвакуация», когда в сущности речь шла о насильственной депортации, сопровождаемой убийствами и грабежами.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, И. Антонеску проинформировал об итогах переговоров Михая Антонеску, на которого он временно возложил исполнение обязанностей главы правительства в связи с тем, что сам он, назначенный командующим фашистскими войсками, расположенными на советско-румынской границе, выехал проверить состояние боевой готовности армии. Решение объявить И. Антонеску командующим было принято 14 июня на совещании у А. Гитлера. Этим явно преследовалась цель удовлетворить честолюбие кондукэтора, подогреть националистические настроения в Румынии, крепче привязать ее к колеснице антисоветской войны. Как отмечает в своем дневнике начальник штаба германских сухопутных сил Ф. Гальдер, указанное назначение носило формальный характер, фактически же руководство было возложено на штаб 11-й немецкой армии, о чем А. Гитлер известил И. Антонеску в письме от

18 июня 1941 г. В нем говорилось, что штаб 11-й немецкой армии будет «рабочим штабом» И. Антонеску, которому вменялось в обязанность «превращать желание» этого штаба в «военные приказы»[8].

На Михая Антонеску кондукэтор возложил обязанность, среди прочего, провести всю организационную работу по подготовке будущей администрации в «вызволенных провинциях» и решения там «еврейского вопроса». В этих целях Михай Антонеску 17 и 19 июня провел два заседания правительства. На первом из них, то есть за пять дней до начала войны, он, касаясь вопросов, связанных с войной, и будущей организации Бессарабии и Буковины вслед за их военной оккупацией, сказал: «Целая серия проблем возникнет в связи с этой реконструкцией. Самой большой из них является проблема населения. Относительно этого могу вам сообщить, что румынский народ, идя навстречу этому историческому моменту, ...должен использовать этот час для очищения населения. Поэтому политика в отношении Бессарабии и Буковины будет напоминать политику Тита в отношении населения определенного этнического происхождения, и заверяю вас, что это касается не только евреев, но и всех других национальностей, мы будем проводить политику тотального и насильственного устранения чужих элементов»[9]. Напомним читателям, что римский полководец Тит Флавий Веспасиан (в 79–81 гг. н. э. римский император), на которого призвал равняться Михай Антонеску, во время завоевательного похода в Иудее (70 г. н. э.) жестоко расправился с евреями – защитниками Иерусалима, разрушил храм и положил конец Второму Еврейскому государству. Отметив, что в ходе «дипломатических переговоров» генерала И. Антонеску рассматривался вопрос о расширении румынских границ до Буга, оратор заключил: «Следовательно, что касается Бессарабии и Буковины, а также заднестровских земель, которые будут отданы под румынский суверенитет, то придется там применить политику очищения и унификации нации путем эмиграции». Еще раз подчеркнув, что среди сотен и тысяч проблем первейшей задачей, используя «этот исторический момент», является очищение от чужеродного элемента на этих территориях, М. Антонеску призывал не затягивать время с организацией эксода[10].

Вряд ли в этом своем выступлении временно исполняющий обязанности главы правительства добавил что-то от себя. Он, в сущности, доложил министрам услышанный им из уст кондукэтора рассказ об итогах его переговоров с А. Гитлером в Мюнхене по территориальному и еврейскому вопросам. Надо полагать, что и упор в речи Михая Антонеску на применение к евреям «политики Тита» не его выдумка, а лишь указывает на то, что в Мюнхене были обговорены и методы проведения по отношению к евреям «этнической чистки» на оккупированных территориях, в том числе в Бессарабии, Буковине и будущей Транснистрии. Свидетельством обсуждения в Мюнхене «еврейского вопроса» и принятого по нему решения является и ссылка на него И. Антонеску в ходе разговора с германским посланником в Румынии М.Ф. Киллингером по поводу инцидента в августе 1941 г., связанного с возвращением немецким командованием в Бессарабию евреев, застигнутых в междуречье Днестра и Буга. И. Антонеску указал М.Ф. Киллингеру, что действия военных властей «вступают в противоречие с директивами, которые изложил ему фюрер в Мюнхене относительно восточных евреев»[11].

После Мюнхена «еврейский вопрос» в Румынии становится фактически составной частью гитлеровской программы «окончательного решения еврейского вопроса» на европейском континенте. Не случайно и то, что вдоль советско-румынской границы, в непосредственной близости от фронтовых частей, обосновались головорезы айнзацгруппы «Д» в составе пяти айнзацкоманд (10а, 10в, 11а, 11в, 12). Во главе группы стоял отъявленный эсэсовец Олендорф. Формально айнзацгруппа «Д» считалась прикоман-

дированной к 11-й немецкой армии. Штаб Олендорфа первоначально обосновался в румынском городе Пятра-Нямц, где находился и штаб И. Антонеску[12]. Под видом охраны тыла 11-й армии айнзацгруппе и ее командам в качестве важнейшей задачи вменялось в обязанность в тесном сотрудничестве с румынскими карательными органами на практике решать в нацистском духе «еврейский вопрос». С румынской стороны по линии армии руководство этой акцией было возложено на главного претора генерала И. Топора и его подчиненных в частях и соединениях.

19 июня 1941 г. Генштаб румынской армии разослал секретное письмо за подписью генерала И. Штефля, одного из самых доверенных лиц кондукэтора, под номером 62783, в котором указывалось, что по приказу И. Антонеску следует повсеместно «всем жидам, агентам-коммунистам или симпатизантам запретить перемещаться», чтобы «в подходящий момент можно было поступить с ними так, как будет приказано». На второй день, 20 июня 1941 г., Министерство внутренних дел Румынии за подписью заместителя министра генерала И. Попеску сообщило префектам, полицейским и жандармским управлениям области Молдова (Румынии – *И. Л.*), а также уездов Прахова, Бузэу, Рымнику-Сэрат, Тулчя, Констанца следующий приказ И. Антонеску: в городах собрать, желательно в еврейских школах и в других больших домах, и взять под охрану всех евреев-мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, для того чтобы сразу наказывать их в случае попыток к беспорядкам; запретить хождение по городу евреев с 20 до 7 часов; «взять заложников из среды известных еврейских руководителей (раввинов, хахамов и др.), коммунистов, поместить в каком-то отдельном здании и в случае мятежа или акта террора расстреливать их». Предлагалось властям издавать соответствующие приказы и вывешивать их на видных местах, «дабы все знали, что ожидает заложников». Война еще не началась, но уже заранее евреи были объявлены пособниками и агентами забрасываемых в румынский тыл шпионов и террористов с целью совершения «актов саботажа, террора и агрессии»[13]. В эти же предвоенные дни для инструктажа были собраны начальники жандармских легионов и секций, направляемых в Бессарабию и Северную Буковину. Курс был взят на то, чтобы в каждый населенный пункт возвратились те жандармы, которые покинули его 28 июня 1940 г., т. е. в момент прихода большевиков. Уж они за долгие годы службы знали каждого жителя села, местечка, в каком доме живет еврей и в каком – нееврей.

Инструктаж проводился в трех румынских городах. В Фэлтиченах натаскивали начальников жандармских легионов и секций Северной Буковины и северных уездов Бессарабии, в Романе – Орхейского, Лапушнянского (Кишиневского) и Бельцкого уездов, в Галаце – южных уездов Бессарабии. В Романе, а затем в Галаце перед собравшимися выступал сам генеральный инспектор жандармерии (будущий заместитель министра внутренних дел Румынии) генерал Константин (Пики) Василиу, указавший первейшей задачей жандармерии – «очищение территории от евреев, притом целиком». На простом языке это означало истребление и изгнание всех евреев из сельской местности. В городах евреи подлежали заключению в гетто. Еще вменялся в обязанность жандармов арест всех «подозрительных», «партийных активистов» и лиц, занимавших ответственные должности при советской власти. Здесь же, в Романе, наставлял своих подчиненных инспектор жандармерии Бессарабии полковник Т. Мекулеску; он уточнил, что аресту и расстрелу подлежат «политически подозрительные и все евреи независимо от возраста и рода». Другой высокий жандармский чин, инспектор жандармского управления Буковины И. Мыникуцэ, выступая на сборище в Фэлтиченах, делал акцент на необходимости «очистить территории от всех элементов, наносящих вред румынскому государству и нападавших на румынскую армию во время отхода» (в конце июня 1940 г. – *И. Л.*), а при советской власти «выполнявших различные функции с усердием

и любовью»; уничтожение евреев, утверждал он, делается «по мотивам расовой ненависти»[14].

Разъехавшись по местам, участники сборищ в Фэлтиченах, Романе и Галаце соответственно наставляли своих подчиненных. Майор Филип Беки, начальник жандармского легиона Оргеевского уезда, собрав своих подчиненных в Унгенах, прямо заявил им: «Еврей должен быть расстрелян». Это, подчеркнул он, является «патриотическим долгом», «всякое слабоволие со стороны офицеров будет наказываться». Старшина В. Ефтимие размножил на шапирографе приказ об «очищении местности» и раздал всем начальникам секций и постов[15]. Здесь же, в Унгенах, провел инструктаж со своими подчиненными начальник Лапушнянского (Кишиневского) жандармского легиона подполковник Н. Кырлан. Он сказал, что всех евреев «без исключения следует считать политически подозрительными и соответственно поступать с ними»[16].

21 июня заместитель министра внутренних дел дивизионный генерал И. Попеску циркуляром № 4147 от имени И. Антонеску разослал подведомственным органам приказ, в котором указывалось: «...все трудоспособные евреи в возрасте от 18 до 60 лет из сел междуречья Сирет и Прут должны быть эвакуированы в лагерь Тыргу-Жиу и в окрестных селах этого города. Первые составы отправляются сегодня же, 21 июня. Остальные еврейские семьи из сел Молдовы (имеется в виду румынская Молдова – *И. Л.*) будут эвакуированы с необходимостью для жизни, под ответственностью префектов, в городах соответствующего уезда в течение четырех дней с момента получения настоящего приказа... Эвакуированные семьи не имеют права на возвращение в населенный пункт, из которого ушли. Дома эвакуированных, а также всякие другие сохранившиеся ценности, должны передаваться местным административным властям. Смертная казнь тем, которые будут увлекаться расхищением ценностей»[17].

Первыми жертвами этих свирепых приказов стали евреи прифронтовых уездов Румынии (Рэдэуць, Сучава, Дорохой и др.). Евреям местечка Дарабань (уезд Дорохой) на сборы было отпущено всего 2 часа. Около 2000 человек, включая часть женщин, детей и стариков, инвалидов, были отправлены в Олтению (область на юго-западе Румынии), мужчины – в пресловутый лагерь Тыргу-Жиу, женщины – в Калафат. Никакой вины за этими людьми не было[18]. Из уездного города Дорохой все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, в том числе руководители еврейской общины города, а также из местечек Сэвень и Михэйлень (у. Дорохой), Сирет (у. Рэдэуць), в общей сложности несколько тысяч человек были высланы в Тыргу-Жиу, Крайову, Калафат, Каракал[19]. Только из северной части области Молдова в лагере Тыргу-Жиу были заключены несколько тысяч евреев. Для евреев из уезда Прахова, около 1200 человек, был создан лагерь в м. Теиш (у. Дымбовица), среди заключенных был 51 офицер запаса румынской армии, в том числе 11 участников Первой мировой войны, 255 низших чинов, 50 сирот, отцы которых погибли в период войны[20].

Усердствуя перед кондукэтором, многие префекты даже отдаленных от фронта уездов создавали лагеря для евреев подведомственных им территорий. 1800 евреев из портового города Констанца (область Добруджа) были размещены в трех лагерях, созданных в населенных пунктах Османча, Мерень, Чиобэница[21]. 2537 евреев были отправлены в организованные для них лагеря в городах Алба-Юлия, Аюд, Окна Маре[22]. Лагеря были созданы в городах и местечках Турну-Северин, Тырговиште, Рымнику-Вылча, Тыргу-Фрумос, Зэноача (у. Романаць), Виделе (у. Влашка), Метелень (у. Бузэу), Номород (у. Брашов), Думбрэвень (у. Медиаш), Хлынчешть и Сирка (у. Роман) и др.

Отправляемым в лагеря далеко от дома евреям приходилось часто делать пешком многокилометровые переходы до железнодорожной станции погрузки, где их вталкивали в набитые до отказа товарные вагоны и под охраной жандармов отправляли

в многодневный путь без права выходить на станциях из вагонов для покупки продовольствия и даже по естественным нуждам. Особенно мучила людей жажда. Жара в это лето стояла дикая, из вагонов раздавались стоны: «воды, воды»... Но никого близко к эшелонам с депортируемыми не подпускали, чтобы чем-то помочь им. Стараясь облегчить им участь, руководство Союза еврейских общин обращалось к властям с просьбами разрешить через Общество Красного Креста оказывать медицинскую и продовольственную помощь запертым в вагонах во время транспортировки и нахождения в лагерях[23], но эти ходатайства оставались без внимания. Многие в пути до лагеря умирали от жажды и голода. А тем временем покинутые депортируемыми евреями дома, магазины, мастерские подвергались дикому ограблению, уносились товары из лавок, мебель, подушки, матрацы и всякие другие домашние вещи, растаскивались двери и окна, срывалась жесть с крыш и т. д.

В самом Бухаресте в эти дни появились листовки, явно подстрекающие к еврейским погромам, в них все евреи, независимо от социального положения и политических убеждений, объявлялись сторонниками и агентами большевиков. Обеспокоенные этим, а также арестами и отправками евреев в лагеря, включая раввинов, хахамов и других религиозных деятелей, богатых торговцев и промышленников, руководители еврейских общин В. Фильдерман и М. Карп в письме на имя министра внутренних дел Румынии писали: «Глубоко обидно, что еврейское население, предки которых сражались в армиях Михая Витязу (господарь Валахии в 1593–1601 гг.) и Кароля I (господарь, а затем король Румынии в 1866–1915 гг.), в рядах армий, приведших к Целостности страны, могут считаться большевистскими агентами; глубоко обидно также, что правительство, назвав евреев «иудео-капиталистами», чем оправдывается принятие против них ряда законов..., вдруг за ночь превращает их из крайне правых в крайне левых и объявляют «иудео-коммунистами»... Особое удивление вызывает то, что и религиозное, и светское руководство еврейских общин квалифицируется таким образом, в то время как неоднократно они выступали с призывами против большевизма...». «Коммунистическое движение, – отмечается в письме, – не новое движение. Оно существует десятилетиями. Полиция знает и осужденных и подозреваемых в коммунизме, они давно арестованы и содержатся в различных лагерях»[24].

Транспортные возможности тогдашней Румынии, да еще в условиях войны, были весьма ограничены, и отправлять всех евреев вглубь страны, даже из одной прифронтовой области румынской Молдовы было непосильно для нее. Поэтому на лагерное положение евреи переводились прямо в городах проживания. В такой ситуации оказались все евреи-мужчины в возрасте 18–60 лет в г. Хушь, около 3000 в г. Галац, 1500 в г. Пятра-Нямц, сотни в Фэлгичень, Хырлэу, Васлуй и др.[25]

Следует отметить, что депортация евреев Румынии в канун и в начале войны по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с грандиозными высылками десятков тысяч людей из западных пограничных республик и областей, включенных в состав СССР в 1939–1940 гг., проводимыми органами советской власти в первой половине июня 1941 г. Советская депортация, судя по документам, готовилась за несколько месяцев до начала военных действий на советско-германском фронте. Ее можно отнести к «плановым» мероприятиям органов НКВД и государственной безопасности, ускоренным в связи с надвигавшейся войной. В Румынии «неблагонадежными элементами», подлежащими депортации из прифронтовой зоны, были исключительно евреи. В СССР подход к отбору таковых носил классовый и политический характер. Признаны были «врагами советской власти» подлежащие высылке из Западной Украины, Западной Белоруссии, прибалтийских республик, Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украины в отдаленные и малообжитые районы

СССР бывшие активные деятели буржуазных политических партий, бывшие помещики и зажиточные крестьяне, крупные и даже средние предприниматели, домовладельцы, бывшие русские белогвардейцы, петлюровцы, должностные лица в бывших буржуазных государствах и т. д. И в СССР, и в Румынии в условиях господства тоталитарных режимов депортации проводились без решений судов и доказательств вины ссылаемых.

Операция по высылке из Бессарабии и Северной Буковины (т. е. из Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украинской ССР) была проведена в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. Согласно сводкам с мест, направленным в адрес И. Сталина, В. Молотова и Л. Берия, на 14 июня только из Бессарабии и Северной Буковины были депортированы в «телячьих» вагонах 29 839 человек (подлежали 32 423), из них арестованы 5479, административно высланы 24 360. По Молдавской ССР было намечено к высылке 19 575 человек, в том числе к аресту 5033 человек. И выселено – 14 542 человек. Изъято было 18 392 человек, из них арестовано 4517 человек. И выслано 13 875 человек. Недобор «по плану» связан с такими причинами: выбытие занесенных в списки лиц, подлежащих аресту и депортации, с постоянного места жительства, болезнь, несостоятельность «компрометирующих материалов», отмена ареста глав семей и т. д. Среди высланных не менее 2/3 составляли женщины и дети[26], их также зачисляли в потенциально опасные элементы в тылу Красной армии. Депортация в СССР, как и в Румынии, выдавалась как мера, необходимая для очищения страны от «пятой колонны» во время войны.

Депортация в Советском Союзе проводилась по-сталински. На сборы депортированным отпускалось всего два часа, растерянные люди даже не успевали захватить с собой элементарно необходимые вещи и продукты питания. Мужчин, как правило, отделяли от своих семей, разлучали матерей с сыновьями, жен с мужьями. Транспортировка высылаемых как в СССР, так и в Румынии, проводилась в бесчеловечных условиях под строгой охраной, многие погибали в пути.

Депортированные из Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей считались ссыльнопоселенцами сроком на 20 лет, и расселяли их во многих населенных пунктах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и т. д.[27]

Среди депортированных было и немало евреев – вчерашних предпринимателей, домовладельцев, ремесленников, людей свободных профессий и, конечно, сионистов. 12 июня 1941 г. в Черновцах, в квартире дочери, был арестован как «социально опасный элемент» лидер сионистского движения в Бессарабии Шломо Берлянд. Спустя 4 месяца он погиб в одном из лагерей ГУЛАГа в Коми АССР[28]. К сожалению, документы не позволяют установить, сколько человек среди арестованных и ссыльнопоселенцев из Бессарабии и Северной Буковины были евреями. Иногда в местах поселения при составлении списков прибывших на поселение фиксировалась профессия и национальность. В книге В. Пасата, например, приводятся такие отдельные данные по депортированным из Молдавской ССР. Так, в Нарымском округе Новосибирской области были поселены 44 врача, 187 лиц среднего медперсонала, 507 педагогов, 39 агрономов, зоотехников и ветврачей, 259 бухгалтеров, 154 инженера и техника, 511 портных и сапожников, 72 лица гуманитарных профессий (журналистов, юристов, музыкантов, художников, научных работников). У 80-ти поселенцев из Молдавии, находившихся в Ново-Заимском районе, входившем тогда в Омскую область, содержатся данные о национальности и профессиях ссыльных. Были среди них 45 евреев, 19 молдаван, 6 украинцев, 10 русских. Из 77 взрослых специальности имели только 18 человек, в том числе 3 портных, 5 учителей, 2 бухгалтера, 3 медработника, один художник, 4 садовода, остальные были без специальности[29].

И. Сталин и его окружение прекрасно знали, какую угрозу существованию еврейского народа представляет фашизм, и в силу этого даже недружелюбно относящиеся к советской власти и большевикам евреи не будут желать победы гитлеровской Германии и ее союзников в мировой войне, не станут служить «пятой колонной» в тылу Красной армии. Наличие среди ссыльнопоселенцев многих евреев говорит о том, что депортация была обусловлена не только и, возможно, не столько заботой о безопасности тыла в связи с надвигавшейся войной. Она состоялась бы в любом случае, в порядке претворения в жизнь сталинской политики «ликвидации эксплуататорских классов». После смерти И. Сталина оставшиеся в живых ссыльнопоселенцы получили разрешение вернуться в родные места, но большая часть не дожила до этих дней.

К началу войны на Востоке А. Гитлер, И. Антонеску и другие фюреры фашистских государств не обладали территориями с такими суровыми климатическими условиями, какими располагал Советский Союз. Но они рассчитывали, что в результате блицкрига скоро такими территориями располагать будут. Среди разных вариантов «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе в Берлине рассматривался и вариант переселения всех евреев в какой-то отдаленный район России. На одном из заседаний румынского правительства И. Антонеску сказал: «Немцы хотят всех жидов Европы отправить в Россию и разместить их в определенном крае»[30]. Нетрудно представить себе, какой был бы избран край для претворения гитлеровских планов геноцида. А пока сошлись на том, что терять время не следует и в ходе операций на советско-германском фронте, не откладывая на будущее, начать истребление евреев.

§ 2. Первые жертвы «этнической чистки». Резня в Скулянах

Румыния присоединилась к походу гитлеровской Германии против СССР с первого часа войны. В 4 часа 15 минут утра начальник молдавского пограничного округа генерал-майор Н. Никольский сообщил в Москву: «Начался обстрел из ручных пулеметов с румынской стороны 5-й заставы 24-го погранотряда... В 4.18 со стороны Румынии начался артиллерийский обстрел города Кагул»[31]. Немецкая и румынская авиация подвергли бомбардировке Одессу, Кишинев, Черновцы, Бельцы. Единцы, Кагул, Болград, Рени, переправы через Днестр, ряд железнодорожных станций[32].

Приказав войскам перейти р. Прут, Ион Антонеску в воззвании к народу и армии объявил войну против СССР «священной». Солдатам было сказано, что они выполняют историческую миссию «освобождения своих братьев» из Бессарабии и Северной Буковины, защищают «церковь и европейскую цивилизацию от большевизма».

Все румынские средства массовой информации в эти дни славили кондукэтора, принявшего такое «историческое» решение. Король Михай I в телеграмме, направленной И. Антонеску, находившемуся в прифронтовой зоне, выразил признательность за доставленную «радость дней былой славы». Михай Антонеску, захлебываясь от восторга, воскликнул в своем выступлении по радио: «Сегодня генерал – это страна, генерал – это наше будущее». Чтобы воодушевить на ратные подвиги сотни тысяч румынских крестьян, одетых в солдатские шинели, вице-премьер объявил, что на «завоеванных землях крестьянские руки найдут благодаря справедливым реформам должное вознаграждение за пролитую кровь во имя этих земель»[33].

В обстановке националистического угара, вызванного войной, в Румынии происходит очередной всплеск ненависти к евреям, уже давно объявленным фашистской пропагандой носителями бацилл коммунизма и агентами Советского Союза. Бывший комиссар полиции г. Яссы Гратиан Спрынчанэ впоследствии признал: «На второй день

после объявления войны я заметил натянутую атмосферу вокруг еврейского населения»[34]. Она нагнеталась с каждым днем.

На второй день войны, 23 июня, на заседании румынского правительства, проходившем под председательством Михая Антонеску, последний, коснувшись вопроса румынизации и указав, что она является «национально-государственной проблемой», призванной обеспечить казне доходы, объявил о предстоящей в связи с этим переписи населения и имущества в «вызволенных» провинциях – Бессарабии и Северной Буковине. Присутствующему на заседании директору Национального статистического института Савину Мануилэ было сказано, что в этой переписи «евреи не должны фигурировать»[35].

На очередном заседании правительства, состоявшемся 25 июня, вице-премьер раскрыл скобки. «Господин генерал Антонеску, – сказал он, – находясь в Молдове (румынской – *И. Л.*), решил уже сейчас удалить всех евреев из сельских населенных пунктов Молдовы (румынской – *И. Л.*), Бессарабии и Буковины. В Молдове эта мера уже начала претворяться». Дабы с уходом евреев вся коммерческая жизнь не оказалась «парализованной», М. Антонеску потребовал от министров тотчас же приступить к ее организации[36].

Тем временем вдоль всей советско-румынской границы, в соответствии со стратегическими планами немецкого командования, велись бои местного значения. В письме Гитлера от 18 июня 1941 г., адресованном И. Антонеску, перед немецкими и румынским войсками на бессарабском участке фронта первоначально ставилась задача оборонять территорию Румынии от «вторжения русских сил» и нефтеносный район Плоешты от налетов советской авиации, «создать предмостные укрепления на восточном берегу Прута», а по мере продвижения немецких войск в Галиции и отступления советских в междуречье Прута и Днестра организовать преследование противника и последовательными атаками, поддержанными авиацией, воспрепятствовать организованному отходу Красной армии за Днестр, содействовать ее уничтожению[37].

Действуя в рамках поставленной задачи, в первые дни войны немецкие и румынские войска, расположенные вдоль пограничной реки Прут, стремились завладеть мостами, соединяющими оба берега реки, создать на ее левобережье плацдармы для последующего наступления. Особенно упорные бои завязались у переправ в районе г. Кагул и с. Стояновка, у железнодорожных мостов в Унгенах и Липканах, а также вблизи молдавских населенных пунктов Скулень, Коту Морий, Горешть, Бранешть, Кухнешть, Калмацуй, Богданешть[38]. Жители приграничных городов и сел сразу ощутили на себе последствия артиллерийских и минометных обстрелов и ружейно-пулеметного огня, многие стали покидать свои дома и удаляться от границы. Житель молдавского местечка Липканы, с преимущественно еврейским населением, Лейзер Зингер вспоминал: «22 июня 1941 года. Шесть часов утра. Местечко Липканы горит. Пожар будет бушевать в течение трех суток. В огне горит родина Элиезера Штейнбарга, Моше Альтмана, Якоба Штейнбарга и других известных представителей еврейской культуры. Жители покидают горящий поселок. Кто пешком, кто на подводе, кто с плачущими детьми на руках. Некоторые толкают впереди себя коляски с нехитрым скарбом. Все держат путь на Бричаны» (в то время местечко, большая часть его жителей были евреями)[39].

В Бессарабии и Северной Буковине, ставшими советскими только год назад, местное население неоднозначно восприняло начало войны. Те его слои, которые пострадали от советской власти, утратили свое прежнее социальное положение в обществе, лишились частично или полностью своего богатства (даже кое-кто из евреев), родные и близкие которых были депортированы большевиками, с надеждой ждали возвращения румынской администрации. Абсолютное большинство румын – жителей Черновицкой

области, та часть молдаван Бессарабии и Северной Буковины, в первую очередь интеллигенция, которая считала себя ветвью единой румынской нации, восприняла приход румынской армии как освобождение от русской оккупации и воссоединение этих провинций с родиной. С чувством удовлетворения встретили весть о нападении Германии и ее союзников на СССР замаскированные бывшие железногвардейцы, кузисты и члены других румынских правых партий, русские белогвардейцы, петлюровцы. В Черновицкой области и кое-где на севере Молдавской ССР зашевелились украинские националисты, бандеровцы, мельниковцы и др. Последние в их стремлении добиться «самостийности» Украины первое время делали ставку на благосклонность гитлеровской Германии. К притязаниям Румынии на Черновицкую область Организация украинских националистов (ОУН) относилась крайне враждебно. Из этой разношерстной, но в целом враждебной советской власти части населения кое-где в Бессарабии и Северной Буковине создавались вооруженные отряды, предпринимавшие вылазки против Красной армии и советской администрации.

Часть населения Бессарабии и Северной Буковины пассивно отнеслась к известию о начале войны, заняла выжидательную позицию, большая же часть – рабочие, крестьяне, получившие пусть и небольшие наделы земли при советской власти, многие служащие и работники интеллектуального труда, все, испытавшие в 1918–1940 гг. при румынской администрации социальный и политический гнет, с гневом и возмущением встретили нападение гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз и проявили готовность встать на борьбу с фашизмом, оказывать помощь Красной армии. К ним относились, в первую очередь, евреи, для которых нашествие фашистских армий представляло смертельную опасность. Многие не понаслышке знали об этом, стали ощущать «прелести» фашизма еще при румынском правительстве Гоги–Кузы, кое-кто испытал их на себе при репатриации из Румынии летом 1940 г. О зверствах гитлеровцев по отношению к евреям рассказывали беженцы из Польши, Чехословакии и Австрии, нашедшие убежище особенно в Буковине, кое-где и в Бессарабии. Тревожные известия поступали в Бессарабию и Северную Буковину о положении евреев в Румынии после прихода к власти в этой стране военно-легионерского правительства во главе с генералом И. Антонеску. Средства массовой информации СССР после заключения Пакта о ненападении с Германией в августе 1939 г. во имя советско-германской «дружбы» не распространялись о бесчинствах гитлеровцев в оккупированных ими странах Европы. Но по различным каналам слухи о них доходили до жителей Советского Союза, особенно его европейской части. Несмотря на то, что сталинские репрессии в 1940–1941 гг. основательно коснулись евреев Бессарабии и Северной Буковины, были арестованы и отправлены в сибирские лагеря многие участники сионистского движения и активисты других местных довоенных еврейских общественных организаций, журналисты, писатели, владельцы промышленных и торговых предприятий[40], среди основной массы еврейства этих областей царила атмосфера оптимизма, вера, что с агрессивным антисемитизмом в этих краях покончено, тем более, что существовал даже закон о наказании за проявление юдофобства.

В то время как их соплеменники в Румынии подвергались гонениям со стороны фашистских властей, в Бессарабии и Северной Буковине евреи принимались без ограничений на работу (последние коснулись лишь выходцев из буржуазии), для молодежи открылся свободный доступ в высшие и средние специальные учебные заведения и т. д. Вот почему, когда гитлеровская Германия и ее союзники начали войну против Советского Союза, евреи Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украины, как и все советские евреи, включились в борьбу против фашизма.

На митингах и собраниях, прошедших повсеместно в первые дни войны, они, как и люди других национальностей, осуждали фашистскую агрессию. В коллективном об-

ращении интеллигенции Молдавской ССР к работникам культуры и науки с призывом выступить на защиту страны стояли и имена писателей-евреев Л. Барского, Л. Коренфельда (Корняну), Л. Гликмана (Деляну), Д. Фиксмана (Ветрова) и др.[41]

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных 1905–1908 гг. рождения в армию, были мобилизованы и тысячи евреев Бессарабии и Северной Буковины, приписанные, в основном, к частям 9-й и 18-й советских армий, оборонявшим участок фронта вдоль Прута и Дуная. Некоторые из них с первых дней войны оказались на передовых позициях. Большая же часть, прошедшая армейскую службу при румынской администрации или вообще не обученная, направлялась в дорожно-эксплуатационные части, в фортификационные батальоны, рыла окопы и противотанковые рвы, ремонтировала железные и шоссейные дороги, поврежденные налетами вражеской авиацией и артиллерией и т. д. В своих политдонесениях политорганы частей и соединений советских войск, приводя примеры решимости бойцов и командиров сражаться до конца с противником, называют также имена евреев из Бессарабии и Северной Буковины. В политдонесении от 25 июня 1941 г. 95-й стрелковой дивизии, именуемой еще Молдавской, цитируются слова солдата 3-го батальона 134-го гаубично-артиллерийского полка Л.П. Доновец, заявившего: «Мы, бессарабцы, крепко будем драться за свою родину»[42]. Рассматривая войну с гитлеровской Германией и ее союзниками как войну антифашистскую, многие евреи выражали уверенность, что в конечном счете нацисты потерпят крах. По этому поводу в донесении 35-го стрелкового корпуса от 5 июля 1941 г. читаем: «...бессарабец тов. Гершковец оценивает войну советского народа с фашизмом как решительную схватку, в которой фашизм обретет себе смерть»[43]. В этом же политдонесении приводятся слова на митинге бойца 2-й роты 31-го дорожно-эксплуатационного полка еврея-бессарабца М.М. Гинейзера: «Сейчас румынские бояре и немецкие озверелые фашисты вновь хотят поработить бессарабский народ. Но этому не бывать. Все как один поднимемся на защиту Родины»[44].

Многие евреи сами приходили в военные комиссариаты с просьбой отправить их на фронт. Газета 9-й армии «Защитник Родины» приводила такой пример: «В Чадыр-Лунгский районный военкомат (Молдавской ССР – *И. Л.*) обратились с заявлениями два брата Бротманы. «Мы еще молоды, но горим желанием с оружием в руках защищать родную землю от фашистских варваров, – писали они. – Просим зачислить нас в действующую армию». Желание братьев было удовлетворено. А тем временем их отец, мастер-закройщик местной артели, организовал бригаду, которая после окончания рабочего дня на производстве выходила на строительство дороги[45].

Среди добровольцев были люди разных возрастов и профессий. «Прошу послать меня на фронт», – писала в своем заявлении студентка педагогического училища Сара Цимерман[46]. С подобной просьбой обращались не только молодые, но и пожилые люди. Механик из Тирасполя Зельман Менделевич Дратва, участник гражданской войны, явился в городской военкомат с заявлением, в котором говорилось: «Я не могу оставаться дома. Мой долг встать на защиту Родины»[47]. В Оргеевский военный комиссариат пришел с просьбой отправить его на фронт 70-летний рабочий А. Шапочник, заявивший: «Я чувствую себя еще в силе защищать страну от варварского нашествия фашистов». В этом же военкомате добровольцами записались евреи И. Гельбух, Л. Винницкий, Я. Менос и др.[48]

Формы помощи фронту со стороны местных евреев были разнообразны. Они днем и ночью, не считаясь со временем, трудились на фабриках и заводах, в артелях промкооперации и государственных учреждениях, евреи-медики без отдыха лечили раненых с фронта, аптечные работники создали на своих рабочих местах круглосуточные посты

первой медицинской помощи больным и пострадавшим от бомбежек, многие сдавали кровь для раненых, вносили свои сбережения в фонд обороны страны[49].

Тем временем на советско-румынской границе, как на правом, так и на левом берегу р. Прут, появились первые жертвы фашистского геноцида. В румынском пограничном городке Сирет (уезд Рэдэуць) были расквартированы части 7-й румынской пехотной дивизии генерала О. Ставрата (в мае 1943 г. он заменил на посту губернатора Бессарабии генерала К. Войкулеску). Претором дивизии был доверенное лицо Ставрата майор Г. Вартик, известный юдофоб, человек с садистскими наклонностями. Он говорил своим подчиненным: «К евреям не следует проявлять жалость, они предатели нации». Пока дивизия готовилась к наступлению и решению «еврейского вопроса» в Северной Буковине и Бессарабии, молодчики-антисемиты решили поупражняться над местными евреями, среди которых было немало верующих из хасидских династий Садагуры и Вижницы. Из числа хасидов были отобраны первые жертвы. 80 пожилых евреев в хасидском одеянии были приведены в штаб, в присутствии генерала О. Ставрата и майора Г. Вартика были объявлены шпионами, атаковавшими румынскую армию, и без суда и следствия отведены к мосту через р. Сирет и расстреляны. Остальных евреев Сирета пешком погнали в село Дориешть, находящееся в двенадцати километрах от местечка. Не имевшие сил идти старики, инвалиды, несколько женщин, взявших на себя заботу об этих беспомощных людях, были отведены в долину неподалеку от Сирета; женщины подверглись надругательствам со стороны солдат, а остальных в тот же день расстреляли в присутствии жителей Сирета, специально собранных к месту казни[50].

В Бессарабии первыми жертвами стали евреи пограничного молдавского местечка Скулень (Скуляны) на левом берегу реки Прут. Фашистское командование придавало особое значение созданию здесь мощного плацдарма для последующего наступления в сторону Днестра и преодоления на этом пути обороны советских войск в лесисто-холмистой местности у с. Корнешть. Уже на рассвете 22 июня 1941 г. под прикрытием артиллерийского и минометного огня в район Скулень переправились 2 батальона 305-го немецкого пехотного полка и один батальон 6-го румынского егерского полка из состава 14-й пехотной дивизии, временно переданной в распоряжение немецкого командования. В своих показаниях румынским следственным органам в 1947 г. подполковник Ромулус Мурешану заявил, что, по имеющейся у него информации, некоторые офицеры 6-го егерского пола сами напросились на участие в боях за Скулень, чтобы «отомстить евреям местечка», якобы «оскорбившим их» во время отхода румынских войск из Бессарабии в конце июня – начале июля 1940 г. после получения Румынией советского ультиматума[51].

Когда румынским и немецким войскам удалось захватить Скулень и продвинуться вглубь территории на 5 километров, началась охота за евреями. Чудом оставшаяся в живых Бруха Табакман, одна из четырех сестер, впоследствии рассказала: «Вступив в Скуляны, румыно-немецкие войска стали расстреливать из пулемета еврейское население. Мать и отца, страдавшего сердцем, вывели из дома, он тут же скончался на руках своей жены». Лейка Списел вспоминала, как ее отца вытащили из погреба, где он спрятался, и убили[52].

Фашистским войскам не удалось развить успех и закрепиться на плацдарме. Подразделения 591-го советского стрелкового полка и 4-й комендатуры 24-го пограничного отряда при поддержке артиллерии отбросили противника на исходные позиции. Согласно советским архивным источникам, только за один день боев 23 июня противник оставил на поле боя около 350 своих солдат и офицеров[53]. Воспользовавшись отступлением фашистских войск на исходные позиции, какая-то часть скулянских евреев, бросив свои дома и имущество, ушла в соседние села.

Ожесточенные бои продолжались несколько дней, Скулень оказывались то в одних, то в других руках. Подтянувшим свежие силы немецким и румынским войскам в конечном счете удалось оккупировать местечко. Но потери были чрезмерно большими, и пришлось их как-то объяснять. В ход была пущена версия о «подлых» поступках жителей Скулень, нацеливших своими наводками советскую артиллерию на скопление немецких и румынских войск. Для пущей убедительности этой версии командир 305-го полка немецкий полковник Бекк распорядился выселить все оставшееся гражданское население из Скулень, переправить его на правый, румынский берег Прута, что тотчас же было сделано[54].

А дальше произошло следующее. Командир 6-го румынского полка полковник Ермил Матиеш поручил своим офицерам по связям с немецким командованием капитану Иону Стихи и сублокотененту (младшему лейтенанту) Еуджению Михэйлеску «разобраться» с жителями Скулень. Оба офицера, уроженцы этих мест, были хорошо известны в полку как ярые антисемиты, принадлежавшие до войны к фашистской террористической «Железной гвардии» – агентуре гитлеровцев в Румынии. Е. Михэйлеску был студентом теологического факультета Ясского университета, известного рассадника воинствующего юдофобства, а его отец до прихода советской власти в Бессарабию занимал ответственный пост в примарии (мэрии) м. Скулень, примыкал к «Железной гвардии» и еще отличался жаждой к деньгам[55]. Кандидатуры для «расследования» явно были отобраны не случайно. Бывший секретарь в роте под командованием капитана Стихи Петря Гуруш свидетельствовал, что его командир и Михэйлеску еще в ходе боев на плацдарме распространяли слухи о том, что немецкие и румынские части «при паническом отступлении были встречены огнем гражданских лиц из Скулень», и даже один румынский лейтенант был ранен в ногу выстрелом еврея, который тут же был уничтожен. «Лично он, – добавил Гуруш, – с командного пункта не мог точно определить, стреляли они в самих Скулень или на плацдарме, но ему доподлинно известно, что после отступления с предместного укрепления гражданское население было целиком эвакуировано из Скулень, а именно евреи», и проводилась эта акция под руководством Стихи и Михэйлеску «силами командной роты и роты егерей»[56]. Это произошло 27 июня 1941 г.

На румынском берегу Прута жителей-христиан из Скулень отделили от евреев и отправили для размещения в селах Курлиг и Капоу (пригород г. Яссы). К операции по отбору был привлечен бывший при румынской власти примар (руководитель мэрии) Скулень Георге Чимпоешу, уж он-то безошибочно знал, кто является евреем, а кто нет[57]. После этой «сортировки» всех евреев погнали к местности, известной в народе под названием «Стынка (скала) Росновану». Здесь Стихи и Михэйлеску не стали себя утруждать поисками «преступников», якобы стрелявших в спину румынским и немецким солдатам, искать у евреев оружие, патроны и другие вещественные доказательства их «враждебной» деятельности. Уж они-то прекрасно знали надуманность обвинений. Отобрав 40 евреев-мужчин, они заставили их копать большие ямы. Перед расстрелом у обреченных были отобраны все ценные предметы, деньги и т. д. При этом, по рассказам румынского полковника М. Исэческу, многие были изувечены стараниями солдата Иона Епуре, мясника из Бухареста[58]. Очевидец расправы над евреями Препелица Андроник, старшина роты под командованием капитана Стихи, сообщил: «Расстрел евреев у Стынка Росновану производили капитан Стихи, сублокотенент Михэйлеску и старший сержант Михайлов Василе. Уточняю, у пулемета находился старший сержант Михайлов Василе, а капитан Стихи и сублокотенент Михэйлеску держали в руках по автомату. Евреи были построены перед ними в три колонны в форме треугольника, мужчины, женщины, дети вперемешку. Стреляли в евреев все трое вышеназванные.

Я это наблюдал лично»[59]. Другой свидетель казни, крестьянин села Кырпець, к вышеприведенному добавил: трупы были сброшены в четыре ямы, места трех он не знает, они находятся «в долине, у подножия горы, на расстоянии примерно 12-ти км от Ясс, вблизи села Кырпець», четвертую яму вырыли у дороги, которая со временем была ликвидирована, и сейчас указать ее место не может. После расстрела упомянутый Георге Чимпоешу в сопровождении некой Барликонски занялся присвоением одежды и других предметов, найденных у убитых[60].

Не все евреи из Скулень, переправленные на правый берег Прута, были уничтожены, и не все румынские офицеры, унтер-офицеры и солдаты были извергами. Упомянутая Лейка Списел рассказала: «Маму, меня и двух моих племянниц, Полю и Софу Курзман из Бэлць, приехавших погостить к бабушке, подняли и отправили в лагерь. 18 человек в сопровождении солдат погнали в направлении Ясс. В пути солдаты, охранявшие нас, стали говорить между собой: «надо избавиться от жидов». Повели нас к пшеничному полю и построили для расстрела. Моя племянница Софа, 6-летнего возраста, шагнула вперед перед строем и, обратившись к офицеру, сказала: «Я хочу еще жить, хочу видеть свою маму и своего папу». Офицеру стало жалко нас, так мы все спаслись, нас повели в Яссы и передали еврейской общине, которая разместила нас в приюте для стариков». В рапорте Ясской префектуры от 2 июля 1941 г. отмечается: «28 июня с. г. примерно 60 евреев из числа эвакуированных немцами из местечка Скулень (Бессарабия) были расстреляны у села Стынэ капитаном Стихи из какого-то пехотного полка. На предложение претора о передаче ему этих евреев для эвакуации их в тыл указанный капитан заявил, что у него приказ германского военного командования расстрелять их по причине того, что ими совершены акты саботажа»[61].

Как выяснилось позже, какой-то части евреев Скулень удалось спрятаться и избежать расстрела у Стынка Росновану, но ненадолго. Когда фронт продвинулся на восток, румынская администрация обосновалась в местечке, и за дело взялись жандармы во главе с шефом поста Дабижей. Он собрал 27 евреев, в том числе женщин и детей, в ночное время расстрелял их, а трупы велел сбросить в реку Прут[62].

Когда закончилась война, по ходатайству еврейской общины г. Яссы, 1 сентября 1945 г. специально созданная компетентная комиссия производила эксгумацию останков расстрелянных евреев м. Скулень. Из трех ям (каждая яма в длину имела 6 м, в ширину – 3,5 м, в глубину – 1,5–1,7 м) были извлечены сброшенные в беспорядке останки 311 расстрелянных евреев, в том числе детей в возрасте от года до 6-ти лет – 19, от 6-ти до 12-ти – 19, от 12-ти до 18-ти – 46, женщин – 91. В одной из ям были обнаружены трупы в застывшей позе: дети, охватившие ручонками шеи своих матерей. Медико-юридическая экспертиза установила: у многих убитых пробиты черепа, поломаны ребра, кости рук и ног и т. д., что свидетельствовало о применении палачами зверских методов умерщвления своих жертв[63].

Среди привлеченных к ответственности румынских военных преступников на скамье подсудимых оказались и некоторые организаторы и исполнители резни у Стынка Росновану. Не было среди них одного из главных исполнителей злодейства – капитана И. Стихи, погибшего на фронте 2 сентября 1941 г. [64] Пользуясь тем, что рядом с ним не находился гитлеровский полковник Бекк, явно приложивший руку к истреблению евреев, бывший командир 6-го егерского полка подсудимый Ермил Матиеш, стремясь уйти от личной ответственности за содеянное, все сваливал на командование 305-го немецкого полка. Но подвели его свидетели-однополчане и, главным образом, собственноручно подписанные в свое время Е. Матиешом документы, в которых полковник явно решил застолбить для истории версию о враждебных акциях евреев против румынских войск и немецких союзников и на случай каких-нибудь осложнений иметь в военных

архивах свидетельства с оправданием преступных действий. 20 июля 1941 г. за № 8631 Е. Матиеш направил командованию 14-й пехотной дивизии, в состав которой входил возглавляемый им 6-й егерский полк, письмо следующего содержания: «С момента объявления войны и до сего дня полк сильно страдал от саботажных действий евреев. В Скулень, когда полк находился на передовой, все время из м. Скулень они сигнализировали русским; в результате все принятые нами меры оперативного характера были сведены на нет русской артиллерией. Более того, были офицеры, унтер-офицеры и солдаты, которые вместо того, чтобы гибнуть, выполняя свой долг, были подло убиты евреями, стрелявшими им в спину из своих домов и садов. Чтобы предупредить подобные случаи, я приказал капитану Стихи Иоану, офицеру-информатору, арестовать и расстрелять всех подозрительных евреев из Скулень»[65]. «Подозрительными», как отмечалось выше, оказались все евреи местечка, в том числе маленькие дети. Последняя фраза этого послания звучала: «Все расстрелы, произведенные личным составом (полка – *И. Л.*), мотивируются также их соответствием приказам свыше».

Здесь уместно сказать, что «приказы свыше», или «специальные приказы», как они еще именуются в ряде документов, касались массового истребления евреев, и с целью сокрытия от истории их преступного характера, они, как правило, доводились до командного состава соединений и частей устно, и то не всем. Некоторые офицеры, прежде чем приступить к ликвидации евреев, то ли в целях самостраховки, то ли по другим причинам, требовали от своих непосредственных начальников письменных распоряжений. Приступая к выполнению «приказов свыше», военачальник из соображений той же самостраховки старался на всякий случай оправдать свои преступные действия, приписывая евреям всякие придуманные «враждебные действия», направленные против румынской или немецкой армий. Этот прием прослеживается во многих документах (донесениях, отчетах и т. д.) фашистских карательных органов, как румынских, так и немецких. Когда в силу ряда обстоятельств «специальные приказы» приходилось сообщать письменно, то подписавший документ высокопоставленный чиновник обычно в преамбуле отмечал: «по приказу Иона Антонеску, главы государства...». Этим самым, во-первых, подчеркивалось, что приказ подлежит неуклонному выполнению, во-вторых, подписавший и рассылавший его как бы подчеркивал, что он не несет ответственности за его преступное содержание.

Вряд ли, судя по реакции, содержащаяся в письме полковника Е. Матиеша от 20 июля 1941 г. ссылка на секретные «приказы свыше», на основе которых производились расстрелы евреев, вызвала восторг у командира 14-й дивизии генерала Г. Ставреску. Последний не в меньшей мере, чем Е. Матиеш, желал застраховать себя в будущем от возможных неожиданных неприятностей, учитывая, что приказы о геноциде чаще передавались устно. Получив письмо Е. Матиеша, командование дивизии сделало вид, что ничего не знает, и инсценировало «расследование» происшедшего у Стынка Роснованy. 30 июля оно направило Е. Матиешу приказ № 66 с требованием разъяснить действия капитана И. Стихи. Рассерженный полковник написал на полученной бумаге: «...Ответ на этот вопрос уже был дан. Удивляет, что возвращаемся к нему». Мол, и без того известно, что участники боев у Скулень «так много настрадались от жидов, оставшихся в этом местечке, и поэтому были расстреляны по приказу сверху»[66].

В официальном ответе на приказ дивизии № 66 от 30 июля 1941 г. Е. Матиеш не только взял под защиту действия капитана И. Стихи, но даже посчитал, что примененная по отношению к евреям мера была даже «очень слабой, ибо эти жиды осмелились стрелять и совершать акты саботажа против румынской армии, в результате погибло много воинов, которых можно было спасти. Капитан Стихи, – сказано далее, – по моему приказу и в соответствии с приказами сверху расстрелял этих мерзавцев...»[67]. Пол-

ковник предлагал больше «никакого внимания» этому вопросу не уделять. Там, по-видимому, решили «расследование» прекратить.

Нельзя не отметить, что никто из допрошенных бывших офицеров, унтер-офицеров и солдат 6-го егерского полка при объяснении причин больших потерь немецких и румынских войск даже не намекал на официальную версию о «враждебных» вылазках евреев. Тогдашний командир разведроты полка капитан Михай Исэческу был убежден, что причиной больших потерь полка в боях за Скулень явилось «некомпетентное руководство» операцией Е. Матиешом, он же «стимулировал садистские и криминальные инстинкты капитана Стихи». Главным же побудителем казней явилось стремление Е. Матиеша и И. Стихи присвоить себе еврейские драгоценности и деньги, даже на этой почве, как свидетельствовали очевидцы, при дележе добычи произошел конфликт между полковником и супругой капитана И. Стихи во время отдыха полка в г. Бэлць[68]. Элемент наживы, конечно, всегда присутствовал при казни евреев, но главной причиной их истребления были установки фашистских правителей о «решении еврейского вопроса» любыми способами. Без их приказа, утверждали в один голос все допрошенные свидетели, никто не взял бы на себя ответственность за массовые казни евреев. Резня у Стынка Росновану – первое на этом участке фронта конкретное претворение в жизнь объявленной политики «этнической чистки»[69].

§ 3. Кровавые дни в Яссах

В дни, когда у Стынка Росновану проводилась расправа над евреями из молдавского местечка Скулень, в Яссах, втором по значению городе в довоенной Румынии, назревал страшный погром, жертвами которого стали на сей раз даже не сотни, а тысячи евреев.

О Ясском погроме писали многие авторы. Но даже очевидцы событий излагают их по-разному. И уж совсем разные точки зрения можно встретить в толкованиях происшедшего, в объяснении причин и целей погрома, в определении его организаторов, виновников, числа жертв и т. д.

В дни погрома фашистские власти распространили свою версию о причинах кровавой расправы над ясскими евреями. Согласно этой версии, погром явился стихийной и справедливой реакцией разгневанных немецких и румынских солдат и офицеров, отдельных полицейских, жандармов и части гражданского населения на враждебные действия местных евреев, причинивших большие людские и материальные потери городу и его жителям. Мол, во время налета советской авиации 24 и 26 июня 1941 г. евреи своими наводящими сигналами указывали противнику объекты для нанесения по ним ударов, прятали у себя сбитых вражеских летчиков, шпионов и диверсантов, вместе с последними даже устраивали нападения на колонны румынских и немецких войск, следовавших через город на фронт.

В 1945 г., сразу после окончания войны, когда живы были еще многие, пережившие погром, журналист Мариус Мирку на основе собранных им фактов показал лживость фашистской версии погрома[70]. Расследования судебными органами Румынии в 1945–1947 гг. обстоятельств, связанных с уничтожением евреев у Стынка Росновану и в ходе Ясского погрома, привели на скамью подсудимых группу румынских военных, жандармов и полицейских, приговоренных ко многим годам тюремного заключения за массовое уничтожение безвинных людей. М. Карп, собрав и опубликовав в «Черной книге» документы (доклады, донесения, приказы и т. д.), исходившие от фашистских властей, выдержки из следственных материалов, показания свидетелей и людей, переживших резню, проследил день за днем ход подготовки и развертывания погрома

и депортацию ясских евреев. В книге утверждается, что погром «не был случайным взрывом», «инициатива, кажется, была немецкая, но с самого начала была воспринята и одобрена авторитетными и ответственными румынскими органами»[71]. Что касается высшего руководства страны, то есть генерала Иона Антонеску и его заместителя по правительству Михая Антонеску, то, сказано в книге, «не удалось узнать, была ли и в какой мере криминальная инициатива им доложена и в какой степени одобрена ими», но автор склоняется больше к мысли, что они были осведомлены о том, что замышлялось и творилось в Яссах[72].

В последующие годы источниковая база данных истории Ясского погрома обогатилась изданием новых документов и материалов в упомянутом сборнике «Документы относительно судьбы румынского еврейства во время Холокоста» и однотомнике «Мученичество евреев в Румынии. 1940–1944. Документы и свидетельства». Во «Введении» однотомника исследователь Лия Бенжамин пишет: «В городе Яссы румынские военные власти затеяли погром, который по своему масштабу во многом превзошел легионерский погром в Бухаресте»[73] (имеется в виду 21–23 января 1941 г. – *И. Л.*). Главный раввин Румынии в годы военно-фашистской диктатуры А. Шафран в своих мемуарах утверждает: «Погром «в тот день» был организован и осуществлен румынской армией и гражданскими властями в сообщничестве и с помощью присутствующих в городе германских частей»[74].

Румынский исследователь Раду Флориан считает, что «нельзя ставить под сомнение причастность Антонеску ко всем этим бойням». Он прямо пишет о его личной ответственности за погром. Автор с явной иронией относится к высказыванию маршала на процессе в 1946 г. о том, что он ничего не знал о творившемся в Яссах в последних числах июня 1941 г. Раду Флориан отмечает участие в погроме головорезов из пресловутых айнзацгрупп, переодетых в мундиры «строителей» из организации Тодт, к которым присоединились румынские солдаты и полицейские. В этом плане ясская бойня была первым опытом «использования методов истребления еврейского населения» айнзацгруппами и примкнувшими к ним румынскими войсками и железногвардейцами, методов, впоследствии примененных в Бессарабии и Транснистрии, особенно в Одессе. Р. Флориан относит версию о враждебных актах ясских евреев против румыно-немецких союзных войск к выдумкам фашистских властей[75].

Значительное место истории Ясского погрома уделяет в своих работах о Холокосте Раду Иоанид. Он возлагает ответственность за погром непосредственно в городе Яссы на румынские и немецкие власти, а за уничтожение евреев в «поездах смерти» исключительно на румын. Он подчеркивает, что погром заранее готовился румынскими и немецкими спецслужбами с привлечением легионерских банд[76].

Наиболее обстоятельно на основе документов история Ясского погрома рассмотрена израильским историком Ж. Анчелом. Приводя приказы кондукэтора, Ж. Анчел заключил: «инициатор погрома сам Антонеску», «подстрекателем к погрому явилось верховное командование румынской армии», а «главным организатором его был второй отдел Генерального штаба, который опирался на секретный приказ Антонеску, отданный генералу Штефля 19 июня 1941 г.».[77]

Предпринятый в «эпоху Чаушеску» пересмотр истории страны с «патриотических позиций» коснулся и трактовки Ясского погрома. Сам Н. Чаушеску по этому поводу утверждал: «Сразу после развязывания антисоветской войны была разработана подлинная программа, направленная против антифашистских сил, в ходе которой в Яссах были убиты более 2000 человек»[78]. В этой хитроумной фразе скрыт расистский, антисемитский характер погрома, а истинное число его жертв, по самым скромным подсчетам, уменьшено в три и более раза.

В 1978 г. вышла в свет книга румынских авторов А. Карецки и М. Ковач «Кровавые дни в Яссах. 28–30 июня 1941»[79]. Они осуждают кровавую акцию фашистов и не скрывают, что жертвами погрома были евреи. В то время как власти военно-фашистской диктатуры утверждали, что румынский народ с одобрением воспринял погром, А. Карецки и М. Ковач направили свои усилия на то, чтобы показать непричастность и неодобрение румынским народом резни в Яссах, инициаторами и исполнителями которой, в их трактовке, были немцы. К ним примкнуло небольшое число их пособников из железногвардейцев, а также отдельные недисциплинированные румынские солдаты, действовавшие по собственной инициативе и в нарушение приказов своих начальников, стремившихся якобы погасить погром. В изображении А. Карецки и М. Ковач генерал Ставреску, полковник Лупу, подполковник Кирилович и др., признанные на суде виновниками погрома, в действительности якобы прилагали усилия к тому, чтобы спасти ясских евреев от гибели.

В посткоммунистической Румынии в ходе кампании по реабилитации И. Антонеску и оправданию его антисемитской политики возрождаются старые небылицы времен военно-фашистской диктатуры, смысл которых сводится к возложению вины за резню на самих евреев. Вот лишь один из многочисленных примеров такой трактовки. В книге Валериу-Флорина Добринеску и Иона Константина «Бессарабия в годы Второй мировой войны (1939–1947)», изданной в Яссах, со ссылками на «авторитет» своих коллег по перу (А. Дуцу, М. Ретенган, И. Хлихор) безапелляционно заявляется: «Во время развертывания первой фазы войны по освобождению Бессарабии и Северной Буковины в Яссах имела место серия драматических событий. Советские агенты, в большинстве случаев из числа евреев, которые «репатриировались» летом 1940 г. в Бессарабию, были сброшены с парашютами в тылу фронта, в том числе в столицу Молдовы (речь идет о Яссах – *И. Л.*) в целях совершения террористических актов и беспорядков в тылу. Такая акция была совершена 29 и 30 июня 1941 г. против немецких и румынских войск, которые направлялись на фронт. В результате событий в Яссах умерли примерно 3000 человек, большинство евреев. Генерал Антонеску, который находился на фронте на юге Молдовы, отрекся от резни, совершенной в Яссах немецкой СС в сообщничестве с некоторыми легионерскими элементами»[80].

Комментарии излишни. Даже самые ярые советские проводники принципа «партийности» в науке не позволили бы себе так бесцеремонно игнорировать факты и тенденциозно излагать историю. Это заставляет нас вернуться к событиям, связанным с Ясским погромом, определить цель его организации, роль, которую он выполнил перед началом массового истребления евреев в Бессарабии, Северной Буковине и Транснистрии.

С первого дня войны Яссы стали прифронтовым городом, до линии фронта на реке Прут было 15–16 км. Здесь скопилось большое количество немецких и румынских войск, в близлежащем от города селе Струнга находился штаб 11-й немецкой армии под командованием генерала фон Шоберта. В самих Яссах, в здании педагогического училища «Василе Лупу», размещался штаб 30-го немецкого армейского корпуса генерала Ганса фон Салмута, в городе были расквартированы 198-я пехотная дивизия вермахта, саперный батальон, эсэсовская часть и группировка военно-строительной организации Тодт.

Яссы входили в оперативную зону 14-й румынской пехотной дивизии генерала Георге Ставреску, штаб ее размещался в пригороде Копоу, перед самым началом войны дивизия в оперативном отношении была подчинена командованию 30-го армейского корпуса немцев. В окрестностях Ясс была дислоцирована в эти дни и 13-я румынская пехотная дивизия. Для поддержания внутреннего порядка в городе была выделена рота

13-го румынского полка, батальон жандармов из 300 человек, а также значительные полицейские силы: 400 местных полицаев и городовых (gardieni publici), а также 230 полицаев из других мест, ожидавших направления в Бессарабию и Северную Буковину после «вызволения» этих провинций[81]. Для охраны порядка в городе гитлеровцы создали свои полицейские отряды и комендатуру во главе с капитаном Хоффманом. Немецкие патрули днем и ночью шастали по улицам Ясс.

В Яссах орудовали многочисленные агенты секретных служб гитлеровской Германии: гестапо (Geheimestaadtpolitzei), службы безопасности (Sicherheitsdienst), секретной полевой военной полиции (Geheimfeldspolitzei), военной разведки (Abver). Они поддерживали тесную связь с румынскими секретными службами: секретной полицией (сигуранца), 2-м отделом (контрразведка и разведка) Генштаба армии и его соответствующими отделами в соединениях и частях армии, Специальной службой информации (ССИ). Последняя была создана в завершающие годы правления короля Кароля II и подчинялась королевскому двору, выполняя функции слежки за оппозиционными режиму королевской диктатуры партиями, движениями, политическими деятелями, а также за настроениями национальных меньшинств. С приходом к власти генерала И. Антонеску ССИ стала глазами и ушами кондукэтора и числилась органом при Президиуме Совета Министров Румынии, ее штат и функции заметно расширились, ее отделения были и в провинциях. Возглавлял эту зловещую организацию Еуджен Кристеску. Перед началом войны по указанию И. Антонеску руководство ССИ выделило из своего состава около 160 «самых достойных, смелых и доверенных» сотрудников и создало так называемый 1-й Оперативный эшелон с задачей действовать непосредственно в прифронтовой полосе с целью предупреждения актов саботажа, шпионажа и диверсий в тылу действующей армии, организации и проведения шпионской и диверсионной деятельности в тылу противника, а также выполнения других секретных миссий, о которых речь пойдет дальше. В ССИ была учреждена специальная секция «Г» (Германия), возглавляемая подполковником К. Ионеску-Микандру, охарактеризованным своими сослуживцами как «преданный немцам». К секции «Г» был прикомандирован для связи и сотрудничества майор абвера Герман фон Странски (контактирующие с ним сотрудники ССИ по-свойски называли его Сандуле). По некоторым сведениям, он являлся племянником министра иностранных дел Германии И. Риббентропа. Его жена была немкой из румынского города Галац[82].

Румынские секретные службы снабжали своих германских коллег сведениями о политических настроениях в стране, всякими другими данными и т. д. Но гитлеровцы не ограничивались этим. Они создавали свою собственную агентуру из местных граждан, в первую очередь, из числа легионеров, своих верных единомышленников и прислужников. Е. Кристеску впоследствии говорил: «Румынская группа была образована из старых антисемитских элементов Ясс – агентов подпольных немецких информационных служб», возглавлял ее «некий Маринеску и использовалась она для проведения провокаций немецким оружием»[83]. Примерно то же самое рассказал хорошо осведомленный доктор права, бывший претор в Ясской уездной префектуре Гэлушкэ. По имеющейся у него информации, на улице Пэкурарь существовало «румынское гестапо», возглавляемое неким капитаном Джорджеску, который в сотрудничестве с эсэсовцем капитаном Барцем еще за две недели до начала погрома стал к нему готовиться. Тайный агент гестапо, руководитель городской электростанции фон Хейд, прибывший в Румынию несколько лет назад как «специалист», а заодно для пропаганды нацизма, а также инженер этого же предприятия немец Клезер составляли списки и адреса наиболее известных деятелей ясского еврейства[84].

Присутствие гитлеровцев в стране и, особенно, в прифронтовой полосе, резко активизировало деятельность железногвардейцев. А. Карецки и М. Ковач пишут: «Рас-

считывая на присутствие вермахта, многие легионеры стали действовать в те дни в армии и среди гражданского населения в духе их звериной печальной памяти манеры. Примечательно, что антонесковские власти, хотя им были известны некоторые действия легионеров, не принимали энергичных мер, не обращали внимания на опасность, которую они представляли». Те же авторы, со ссылками на архивные документы Министерства обороны Румынии, приводят такие факты: 2-й отдел 14-й пехотной дивизии извещал свое начальство, что 17 июня 1941 г., то есть за 5 дней до начала войны, два офицера с удостоверениями Генерального штаба румынской армии установили контакт с легионерами из населенного пункта Лецкань с целью собраться 22 июня в Яссах, «где предстояло им получить оружие»[85]. Заметим, что в этот же день, 17 июня 1941 г., Михай Антонеску на заседании правительства сообщил о предстоящей в связи с войной «этнической чистке». Далее в приведенном Карецки и Ковач документе говорится: «Хотя эта информация была с вниманием изучена, все же 22 июня проектируемый сбор состоялся и около 30 легионеров под руководством майора Георге Балотеску из Специальной службы информации при Президиуме Совета Министров и другие офицеры упражнялись в стрельбе из двух пулеметов»[86]. Об этих «невинных» упражнениях в стрельбе знал и докладывал командиру 14-й пехотной дивизии генералу Ставреску военный квестор полиции г. Яссы подполковник К. Кирилович. Он сообщал: «Сегодня, 22 июня 1941 г., на улице Красного Креста № 12 (микрорайон Богдан) 25–30 собранных молодых людей проводили своего рода обучение под руководством двух майоров в униформе, одного капитана и одного сублокотенента. Было у них два пулемета». В донесении подчеркивается, что среди них «находились известные легионеры»[87]. Фамилия второго майора, также сотрудника ССИ, – Емил Тулбуре и, как явствует из других источников, он снимал для своих молодчиков-железногвардейцев дом у одного адвоката на улице Флорилор[88].

Подопечные Балотеску и Тулбуре продолжали преспокойно совершенствовать свои знания в военном деле. Вскоре об их «славных» делах узнал военный комендант города полковник Константин Лупу. Ему по телефону квестор Кирилович сообщил, что на улице Пэкурарь собралась группа легионеров, которая пела легионерские песни и будоражила население. «Тотчас же, – рассказывал впоследствии полковник Лупу, – я посадил в грузовик взвод солдат и отправился по адресу, где нашел группу примерно из 30–40 вооруженных легионеров, которые вместе с оружием стали расходиться. В павильоне, где они были собраны, мы нашли два ящика оружия. Мне представились двое из них, заявивших, что они офицеры, посланные секретной службой Ставки Верховного главнокомандования для вооружения этих легионеров с целью последующей засылки их в тыл противника». Полковник Лупу выразил недоумение по поводу того, что он не был об этом предупрежден, и отправился в военную комендатуру города, а спустя час там же появились те двое, но уже в форме майоров. Извинившись за действия без ведома коменданта гарнизона, майоры заявили, что им предстояло совершать нечто секретное, но не удалось, при этом они предъявили служебные приказы – задания Верховного главнокомандования[89].

Трудно ответить на вопрос, насколько Кирилович, Лупу и другие руководители силовых органов г. Яссы были заранее осведомлены о предназначении создаваемых банд железногвардейцев. Но одно для них было ясно: за спиной банды легионеров стоят наделенные большой властью люди, и хотя после подавления легионерского путча 21–23 января 1941 г. всякие сборища железногвардейцев, да еще вооруженных, пресекались, на сей раз никаких мер против них не принималось. А тем временем легионеры, почувствовав себя востребованными, распоясались вовсю. Как выразился бывший сотрудник отдела контрразведки ССИ Константин Михалча, «легионеры проникли в

различные службы, это они подстрекали и сваливали все на евреев, даже срезали телефонные кабели»[90].

После Бухареста Яссы в довоенной Румынии занимали второе место по численности еврейского населения. В нем, согласно переписи населения, проведенной в апреле 1941 г., проживало около 33 тыс. евреев (34 % всех жителей города, насчитывавшего 111 349 человек)[91].* В массе своей это были ремесленники самых разнообразных специальностей, мелкие торговцы. Еврейскую элиту составляли врачи, адвокаты, инженеры, фармацевты, раввины, крупные предприниматели – владельцы фабрик и заводов, больших торговых предприятий и т. д. Из этой среды, в основном, выбиралось руководство еврейской общины города. Накануне войны еврейская жизнь в городе била ключом. Работали десятки синагог и молитвенных домов, были еврейские общеобразовательные и профессиональные школы, детские приюты и дома для престарелых, много культурных и благотворительных обществ и т. д. Жили евреи компактно, занимали почти целые улицы, особенно много их было в таких микрорайонах, как Пэкурарь, Сэрэрие, Тома Косма, Капоу, Ласкар Катаржиу и др. Не исключено, что и этот момент был принят во внимание при выборе г. Яссы в качестве арены для большого погрома, т. к. тратить время на поиски евреев там не приходилось. И в погромщиках недостатка в городе не было. Как-никак в Яссах находился штаб фашистской Лиги национал-христианской защиты во главе с одним из главных идеологов румынского антисемитизма профессором местного университета А.К. Кузой. В рядах этой партии начал свою деятельность будущий главарь террористической фашистской «Железной гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну, здесь прошли школу юдофобства и многие другие.

С приходом к власти военно-легионерского правительства И. Антонеску–Х. Симы положение ясских евреев, как и по всей стране, резко ухудшилось. Наивно полагая найти защиту в Бухаресте, руководство еврейской общины г. Яссы 3 октября 1940 г. в письме на имя министра внутренних дел Румынии писало: «Безопасности для жизни и имущества евреев в муниципии Яссы уже не существует. Их арестовывают и страшно избивают, или они пребывают в ожидании ареста и избиения. Ежедневно конвои евреев направляются в квестуру полиции и в жандармерию. Ночью группы легионеров, заявлявших, что у них своя полиция и своя прокуратура, с револьверами в руках устраивают обыски, забирают кассы с деньгами, не оставляя расписки, арестовывают и отправляют евреев в штаб Легиона, где подвергают их страшным физическим и моральным пыткам, чтобы вырвать у них признания против себя и других»[92]. В документе приводятся конкретные примеры подобных издевательств. Так, еврей Симы Соломон, направляясь домой, на улице был схвачен железногвардейцами и препровожден в их штаб, который находился в Рыпа Галбенэ (Желтый овраг – *И. Л.*), «где с 2-х до 5 часов утра его избивали до крови с целью заставить подписать, что он и лица, которых он даже не знал, якобы являются коммунистами, после этого его снова избили, а затем отпустили». Врачи при осмотре установили кровоподтеки на лице, груди, руках, ногах и т. д.[93]

С устранением от власти легионеров после подавления путча 21–23 января 1941 г. опасность для ясских евреев не миновала. Командование 14-й пехотной дивизии, ответственное за обеспечение порядка в городе, сообщало в апреле 1941 г. о возможности «преследований против евреев»[94]. Начавшаяся в это время концентрация на советско-румынской границе гитлеровских войск еще больше осложнила положение евреев.

* По данным А. Карецки и М. Ковач, накануне войны в Яссах проживало 105 000 человек, из них евреев 51 200 (A. Karętki, M. Covaci. Op. cit. P. 43). Уменьшение общего числа жителей города связано, возможно, с массовой мобилизацией в армию военнообязанных, а рост числа евреев произошел за счет изгнания их из сел и маленьких местечек.

В создавшейся обстановке руководство общины города делало попытки устранить нависшую опасность погрома. Наряду с отправкой писем в адрес ответственных правителей страны с просьбами оградить еврейское население города от бесчинств антисемитских молодчиков, предпринимались шаги по задабриванию руководителей фашистских организаций путем денежных подачек, привлечения их к совместному бизнесу. В городе шли разговоры о том, что деловым партнером председателя ясского комитета еврейской общины Иосифа Якоби был председатель городской организации «Железной гвардии» Александру Вентоникэ, сын которого какое-то время был префектом Ясского уезда. Руководитель областной легионерской организации Молдовы Илие Влад Стурза также имел «друзей» среди еврейской буржуазии. Под предлогом спасения жизни евреев миллионы леев, собранных общиной, перекочевали в карманы фашистских головорезов[95]. Однако тактика ублажения железногвардейцев, может, и пошла на пользу кое-кому из верхушки общины, но остальным евреям, как будет показано дальше, ничего хорошего не принесла.

Перед началом войны, в порядке ее подготовки, были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря Тыргу-Жиу, Виделе (у. Влашка) состоявшие на учете в сигуранце (охранке) местные коммунисты, в первую очередь еврейской национальности. В связи с их малочисленностью (всего 12), заодно были прихвачены «подозрительные симпатизанты», никогда в коммунистической партии не состоявшие.

Первые дни войны не принесли желаемых результатов румыно-германским войскам, действовавшим на бессарабском участке фронта. Задача создания предмостных укреплений на левобережье Прута (у молдавских сел Коту Морий, Горешть, Бранешть, Кухнешть, Калмацуй, Богданешть и др.), захвата мостов, связывающих правый и левый берега реки (у Стояновки, Кагула, Унген, Липкан), не увенчалась успехом. За первые 9 дней боев немецким и румынским войскам удалось закрепиться, как уже отмечалось, только в м. Скулень. Особенно чувствительные потери в боях понесли слабо подготовленные к войне румынские части.

В прифронтовом городе Яссы ощущалась заметная растерянность. Вот как описывает сложившееся в городе положение инженер Израел Шлейер, один из членов комитета еврейской общины: «С первого дня войны в Яссах царило всеобщее беспокойство... еврейское население чувствовало угрозу опасности, ее нельзя было ни определить, ни устранить. Это всеобщее беспокойство усилилось после первой советской бомбардировки во вторник 24 июня, когда упало несколько бомб, без серьезных последствий, на вокзале и в Рыпа Галбенэ (Желтый овраг – *И. Л.*), но особенно после второй бомбежки в четверг 26 июня, когда был нанесен чувствительный удар по важным военным объектам: командному посту 14-й пехотной дивизии, Палате телефонов и т. д., причинив много жертв и ущерба. Среди населения начал раздаваться ропот недовольства из-за отсутствия противовоздушной обороны города, из-за бездарности румынского военного руководства и безразличия немцев. Все более настойчивые слухи напоминали и о военной неудаче на фронте у Скулень, откуда все сильнее слышались орудийные выстрелы»[96].

Нужно было на чей-то счет списать промахи, ошибки, неудачи первых дней войны. В таком городе, как Яссы, с большим еврейским населением и глубокими антисемитскими традициями, найти виновников было проще простого. Один ответственный работник Службы специальной информации, бывший начальник ее канцелярии подполковник Траян Борческу, касаясь причин погрома, сразу после войны сказал: «Подлинным мотивом массовой резни в конце июня – начале июля 1941 г. явился моральный тупик, в котором очутилось военное командование в связи с задержкой продвижения немецко-румынских войск за Прутом. Поскольку в Яссах находилось самое большое

скопление (войск – *И. Л.*), город являлся главным центром на линии Прута, самым близким к мосту в Унгенах, было необходимо найти обоснование временной невозможности форсировать Прут на всем его протяжении»[97].

Конечно, была еще одна не менее веская причина для развязывания погрома: нужно было испытать на практике замышляемую и подготовляемую большую этническую чистку во имя румынизации всех сфер жизни страны. О том, как готовилась кровавая акция против ясских евреев, рассказывал тот же Израел Шлейер: «В обстановке всеобщей тревоги из официальных источников, главным образом военных, стали распространяться слухи о том, что все евреи из Ясс находятся на службе у Советского Союза, что советскими парашютистами являются евреи – уроженцы Ясс, значительная часть их спаслась, найдя приют у евреев, и путем световой сигнализации, вывешивания одеял на веревках, завешивания окон постельным бельем евреи указывают советским самолетам объекты, подлежащие нападениям»[98].

Появились даже «очевидцы», «свидетели» этой световой сигнализации. Для успокоения населения говорили, что авиация противника понесла громадные потери, сбиты были, по сведениям одних, 21 самолет, других – 38, третьих – 40, короче, больше, чем действительно участвовало в налетах. Еще рассказывали о поимке четверых не то летчиков сбитых самолетов, не то парашютистов-диверсантов, но вроде были и не пойманные, которые якобы скрывались у местных евреев. Среди схваченных, утверждалось, также были евреи, якобы бывшие жители Ясс. По одним сведениям, это был мясник, по другим – парикмахер, по третьим – бывшая студентка Ясского университета, полетевшая в тыл из чисто идейных побуждений[99]. Эти сенсационные слухи усиленно распространялись, они стали выдаваться как достоверные факты в донесениях полиции, жандармерии, воинских властей. Так, командованию IV территориального округа в лице генерала К. Чернэтеску, штаб которого находился в г. Бакэу, было доложено, что в день бомбардировки Ясс советской авиацией на ряде промышленных предприятий города рабочие водрузили над фабриками красные знамена, а евреи устроили «коммунистические манифестации»[100]. Никаких подтверждающих доказательств этого нет, как нет и доказательств о поимке четверых советских летчиков или парашютистов[101]. Проведенные полицией и жандармерией после бомбардировки в конце дня 26 июня обыски в домах евреев, в ходе которых были арестованы и отправлены в квестуру полиции 317 «подозрительных» евреев (из них 207 были задержаны),[102] не дали властям желаемых результатов: не были обнаружены красные знамена, оружие, коммунистические листовки, а также якобы спрятанные евреями советские парашютисты и летчики сбитых самолетов. Тем не менее, кондукэтор распорядился запретить евреям хождение в ночное время, взять заложников из среды еврейских руководителей и коммунистов и тотчас же расстрелять их в случае беспорядков и актов терроризма[103].

Запущенные провокационные слухи о враждебных вылазках евреев сыграли свою роковую роль. Напряженность вокруг них, ощущавшаяся с первого дня войны, нарастала с каждым днем. «На второй день после объявления войны, – рассказал бывший полицейский комиссар Гратиан Спринчанэ, – я заметил натянутую атмосферу против еврейского населения. Это состояние напряженности достигло апогея накануне погрома, то есть в день 28 июня 1941 г.»[104].

За несколько дней до этого, 25 июня, ясские полицейские обходили жителей-христиан и рекомендовали им на окнах и дверях своих домов нарисовать крест, чтобы отличить их от еврейских. Ясские евреи с большим волнением следили за развитием событий. Переживший погром еврей-инженер И. Гросу вспоминал: «О погроме знали за несколько дней. Наши соседи-христиане приглашали нас, детей, на два-три дня перейти к ним». Слухи о готовившемся погроме распространились и за пределами Ясс. Тот

же И. Гросу пишет: «Моя двоюродная сестра, инженер Вейсман, работала на Ясской железной дороге в службе эксплуатации, переведенной в Бакэу. Коллеги советовали ей не появляться в Яссах. Она не послушала их и умерла вместе со своим братом в поезде-ужасе»[105].

Мыслящие румыны понимали нелепость и смысл распускаемых слухов о виновности евреев в больших материальных и людских потерях, вызванных налетами советской авиации.

Капитан запаса Рихард Филипеску, призванный в армию в первый день войны и оказавшийся в Яссах, писал: «..Я был удивлен тем, что почти все, с которыми я разговаривал, приписывали это начало несчастья «жидам из Ясс», имевшим, якобы, по слухам, намеренно распространенным, связь с русской авиацией и указывавшим русским летчикам ориентиры и главные объекты для бомбежек. Тогда я стал отдавать себе отчет в том, что означает «психология толпы» в смысле того, как целому городу с населением около 70 000–80 000 человек, сколько тогда, очевидно, было в Яссах, внушили и с какой удивительной легкостью убедили, что еврейское население Ясс целиком отдало себя в распоряжение русской армии, как шпионы. Меня удивило, что такого мнения были не только обитатели окраин и солдаты, но также офицеры и интеллектуалы..., хотя среди жертв было очень много евреев»[106].

Чтобы придать достоверность провокационным слухам, 27 июня* в местной газете «Прутул» за подписью командира 14-й пехотной дивизии генерала Георге Ставреску, которому в тот момент по чину среди румынских военных принадлежала власть в зоне, появилось коммюнике, в котором для успокоения перепуганного населения он, грубо солгав, что над Яссами сбито 38 самолетов противника, призвал народ довериться румыно-немецким союзным армиям и объявил, что «находившиеся на службе у противника сполна будут наказаны и незамедлительно будут обнаружены»[107]. Поскольку на всех перекрестках города уже открыто говорили о «вредительстве» евреев, то коммюнике нельзя было истолковать иначе, как призыв к расправе.

После появления упомянутого коммюнике военный квестор полковник К. Кирилович 27 июня вызвал к себе 12 руководящих деятелей еврейской общины и от имени генерала Ставреску, в то время ответственного за порядок в городе, в жесткой форме выставил им обвинения, уже известные по слухам всему городу, о том, что советскими самолетами, бомбившими город, управляли евреи – уроженцы Ясс, а им снизу сигнализировали местные евреи, чем якобы только и можно объяснить «разорение города», в то время как «среди евреев нет жертв и ущерба». Он пригрозил, что по отношению к евреям будут приняты строгие репрессивные меры, если они не прекратят подрывную работу, и потребовал, чтобы через контору общины все евреи сдали в квестуру имеющиеся у них «все фонарики, бинокли, фото- и киноаппараты, ломы и лопаты». Он пригрозил, что за каждого убитого румына и немца будут убиты 100 евреев[108].

Присутствовавшие лидеры ясских евреев отвергли обвинения и попросили 24 часа для обоснованного доказательства несостоятельности обвинений. «Мы ушли с этого созыва с чувством готовившейся против еврейского населения акции, о которой, по моему мнению, квестор в тот момент уже знал. Думаю также, – утверждает И. Шлейер, – если бы квестор каким-то образом навел нас на мысль о том, что за этим последует, много жизней удалось бы сберечь!»[109].

«На второй день, – пишет вице-председатель еврейской общины г. Яссы, – мы представили документальный ответ, в котором его автор, покойный адвокат Гернер (убит во время погрома – *И. Л.*) показал, что до сего момента выявлены 38 убитых евреев** и бо-

* В Румынии газеты датировались днем позже, следовательно, газета появилась 26 июня.

** По данным военных, в городе было 111 убитых, а также сотни раненых.

лее 100 подвергнутых бомбежке еврейских жилищ на окраинах города, где проживает бедное еврейское население; следовательно, нельзя утверждать, что мы имели связи с противником и, следовательно, мы в ответе»[110].

Но никому эти доказательства не были нужны. Судьба ясских, как и других евреев, как отмечалось, была решена до начала войны, и обвинения придумывались лишь как оправдательные документы для истории.

Первые жертвы намечавшегося погрома появились 26 июня. В 8.30 утра сержант 24-го артиллерийского полка Прутяну застрелил 64-летнего врача еврея Мойше Кауфмана. В этот же день после бомбардировки города советской авиацией были арестованы евреи Гринберг Иосиф, Калмен Колмен и Нок Мойсе по обвинению в подаче наводящих сигналов русским летчикам. В отчете, посланном своему начальству, комиссар отдела сигуранцы г. Яссы писал, что жестянщик Калмен чинил крышу «под строгим» наблюдением хозяина дома Сизоффа – «известного местным полицейским органам как лицо, доверенное и честное», – и во время налета советских самолетов вместе с хозяином спрятался в бомбоубежище во дворе. Далее в документе сказано: «Приведенные свидетели не утверждают, что видели лиц, подававших сигналы, а полицейские, доставившие этих субъектов, не представили нам никаких обвинительных доказательств в адрес вышеназванных»[111].

С таким же ложным обвинением в штаб 13-го полка Доробанць (пехотный род войск в румынской армии – *И. Л.*) были доставлены евреи Иосиб Кожокару, Леон Шехтер и Вольф Хершку. Последний во время налета авиации был ранен. Переправить их в комендатуру для расследования было поручено сержанту краткосрочной службы Мирче Манолиу. В комендатуре евреев допрашивали два капитана. То ли в силу их порядочности, то ли ввиду неосведомленности о замыслах устроителей погрома, капитаны, не находя доказательств виновности евреев, отпустили их, поручив тому же Манолиу сопровождать их до выхода из запретной зоны для гражданских лиц. Сержант повел их по темным, безлюдным улочкам и открыл по ним огонь. Иосиб Кожокару тут же был убит, тяжело ранен был Вольф Хершку, потерявший сознание, и только Леону Шехтеру удалось сбежать. Как выяснилось, Мирча Манолиу, уроженец Дорохой, был известным железногвардейцем, еще до 1940 г. активно участвовавшим в фашистских организациях Черновцов и Сучавы[112].

В ночь с 27 на 28 июня устроители погрома предоставили возможность железногвардейцу Манолиу повторить свой «подвиг». Сопровождая 6 евреев из штаба того же 13-го полка в комендатуру города, он и его напарник Николау расстреляли их в пути[113]. Судя по тому, с какой наглостью действовали убийцы, они были уверены в своей безнаказанности.

Утром 28 июня банды молодчиков приступили к открытым действиям. «Сигнал к началу беспорядков, – доносил ясскому инспектору полиции К. Кирилович, – был подан в квартале Тэтэраш в 10 часов 28 июня, когда сержант-инструктор из 13-го полка Манолиу Мирча, известный легионер, стал обыскивать и страшно жестоко истязать евреев. Когда начальник V-го отделения полиции вмешался, чтобы положить конец этой ситуации, сержант обратился за помощью к немецкой части...». Далее в донесении сказано, что «злоупотребления продолжались до вмешательства всех местных властей», и даже был задержан «сержант-инструктор и участники грабежей, осуществленных в большом масштабе»[114]. Гражданский квестор ясской полиции Г. Ляху в своем донесении также отмечал, что «сигналом к беспорядкам» послужили вышеуказанные действия железногвардейца Манолиу, добавив, что обыски проводились под предлогом «поиска подпольного радиопередатчика»[115]. И, наконец, в таком же духе докладывал в Бухарест своему начальству региональный полицейский инспектор Е. Джиосану,

уточнив, что в грабежах и мародерстве участвовали и некоторые румынские солдаты 24-го артиллерийского и 13-го пехотного полков[116]. Отметим: никто из перечисленных авторов донесений не упоминает о каких-либо враждебных актах со стороны евреев по отношению к румынским и немецким властям, не обвиняет их в подаче сигналов советской авиации, в укрывательстве ими советских агентов и летчиков и т. д.

Судя по документам, организаторы бойни, надо полагать, заранее не ознакомили всех руководителей местных силовых органов, впоследствии задействованных в погроме, со сценарием замышляемой кровавой бойни, хотя город уже кишел слухами о предстоящем погроме. Отсюда на первых порах некоторая их нерешительность, колебания и даже попытки навести порядок. 28 июня, в 4 часа дня, в здании префектуры состоялось совещание с участием префекта Ясского уезда, прокурора города, квесторов полиции, представителей жандармерии и комендатуры, на котором было решено в связи с «беспорядками» укрепить каждый полицейский участок города взводом жандармов во главе с офицером[117]. Вскоре, однако, участники совещания стали прозревать. По прибытии претора 14-й пехотной дивизии Николая Скрибана – доверенного лица командира дивизии генерала Г. Ставреску – задержанный бандит Манолиу был освобожден из-под стражи и свободно продолжал бесчинствовать. Стали меняться распоряжения. Упомянутый комиссар второго участка полиции г. Яссы Гратиан Спринчанэ впоследствии при допросе рассказал: «28 июня 1941 г. квестором Ляху было приказано табельное оружие всем оставить в полиции, а спустя несколько часов этот приказ был отменен и получен новый приказ о том, чтобы каждый полицейский сохранил у себя оружие. В этот же день 28 июня 1941 г., вечером, получил новый приказ от квестора Ляху, а именно чтобы мы, полиция, не вмешивались в то, что будет творить армия, будь это хорошее или плохое. В результате нас всех задержали на участке»[118].

В течение часа продолжались аресты евреев под видом поисков коммунистов, симпатизантов левых течений, а также видных евреев из числа интеллигенции. На стенах домов и заборах появились подстрекательские листовки с призывами к погрому. «Румыны! – гласила одна из них. – Каждый убитый еврей и есть убитый коммунист. Пришел час мести». Так они и висели, эти листовки, никого из авторов преступных призывов не искали и не наказывали[119].

Самое страшное было еще впереди. С наступлением темноты, примерно в 21.30, неожиданно загудели сирены воздушной тревоги. Она, как выяснилось, оказалась ложной. В небе появились не советские, а 3 немецких самолета, и в какой-то момент вспыхнули осветительные ракеты синеватого цвета. Одновременно, как по команде, в разных концах города загремели выстрелы из винтовок, автоматов, пулеметов, особенно сильно они звучали в кварталах Пэкурарь, Тома Косма, Сэрэрия, на ул. Кароль. Стреляли с крыш домов, «атакованы» были даже следовавшие к фронту колонны румынских и немецких войск, которые ответили огнем. Одна румынская часть даже пустила в ход пушку 53 мм калибра[120].

Объявленная воздушная тревога, появление немецких самолетов, ракетные вспышки – все это, как выяснилось, было сигналами к началу погрома. Вот как в своих донесениях освещали события этой «Варфоломеевской ночи» различные органы военных структур. «Вечером того же дня (28 июня – *И. Л.*), – передавал по телефону своему бухарестскому начальству ясский региональный инспектор охранки (сигуранцы) Е. Джиосану, – органы полиции были извещены о том, что на главных маршрутах передвижения войск стреляют по ним из автоматического оружия... Был открыт огонь по одной части, которая проходила по ул. Ласкар Катаржиу и по другой – ул. Кароль, однако, без вызова потерь, хотя огонь велся из автоматов и был он очень сильным. Всю ночь армией, полицией и немцами проводились обыски в местах, где стреляли. Ни

один из стрелявших евреев не был схвачен... Согласно приказу г-на командира дивизии (генерала Ставреску – *И. Л.*), ранним утром начались обыски в квартирах евреев, но оружие у них не найдено. До сего времени было арестовано около 2500 евреев, и они находятся в квестуре, г-н генерал намерен всех их удалить из города». Последние слова зафиксированного разговора звучали: «Требуются срочные приказы свыше для того, чтобы успокоить страсти среди немецкой и румынской армий. Иначе к ним может присоединиться гражданское население, которое в массе своей пока сидит запуганно. Положение в момент нашего телефонного звонка серьезное»[121]. Никакие, естественно, «срочные приказы» о наведении порядка и прекращения бесчинств не последовали.

Ясский уездный префект полковник Д. Каптариу по поводу этих событий сообщил в министерство внутренних дел Румынии: «Докладываем, что в ночь с 28 на 29 раздавалось много оружейных выстрелов из частных домов на улицах Тома Козма, Пэкурарь, Кароль, Сэрэрия, вызвав тревогу и большую панику у немецких, румынских частей и гражданского населения. Стреляли по зданиям лицея-интерната, где расквартирована большая немецкая часть, из дома, находившегося напротив этого здания. Также стреляли по двигавшейся через город к фронту колонне румынской пехоты. Эта стрельба началась к 21 часу и продолжалась до утра. Из расследования, проведенного полицией и гарнизоном, вытекает, что убито только одно гражданское лицо и один немецкий солдат тяжело ранен. Не удалось никого поймать на месте преступления. Думается, что выстрелы из оружия дело рук организованных лиц, преследующих цель вызвать панику как среди немецких и румынских войск, так и гражданского населения города. Были арестованы до сего времени до 200 человек, евреи и христиане, как румынскими патрулями, так и немецкими; эти арестованные лица подвергаются расследованию и отбору в полицейской квестуре. По полученным до сего времени показаниям установлено, что определенные лица стараются бросить вину на евреев города с целью натравить на них немецкую и румынскую армии, а также христианское население и вызвать их массовое убийство»[122]. По-видимому, к этому часу префект Каптариу считал, что вышестоящему начальству следует давать объективную картину случившегося.

Докладывали своему руководству также квестор К. Кирилович и секретарь квестуры полиции Г. Стэнчулеску. Они писали: «Вечером 28-го в 22 часа мы были информированы, что из всех домов определенных кварталов стреляют из автоматов. Об этом нам сообщила немецкая комендатура. Подчеркиваем, что эта тревога в городе совпала с появлением в небе самолета, выпустившего две ракеты. С этого момента начались беспорядки. Все части, находившиеся в походе, все жандармские патрули, еще днем размещенные по кварталам, в том числе часть полицейских постовых, присоединившись к войскам, начали всякого рода обыски в домах, откуда, казалось, стреляли, брать под стражу всех евреев, большинство из них находилось в убежищах. По этому случаю некоторые евреи были расстреляны, осуществлены многочисленные грабежи». Далее в донесении сказано, что выстрелы не прекращались всю ночь, и, несмотря на все слежки полицейских, «никого из стрелявших не удалось поймать», причем, кроме одного легко раненного полицейского, сведений о других «пострадавших» нет. Под утро 29 июня, в 3 часа, отмечают Кирилович и Стэнчулеску, волна обысков обрушилась на улицы, где еще продолжались выстрелы, «но без каких-либо результатов». И во время этого контроля, «очень усердно проведенного при активном участии немецких частей, не удалось поймать стрелявших. Вновь подчеркиваем, что хотя по преследуемым интенсивно стреляли из автоматического оружия и использовались гранаты, тем не менее не было никаких жертв»[123]. Одним словом, команды жандармов и полицейских, еще днем 28 июня ориентированные на поддержание в городе порядка, сами стали вечером и ночью вместе с армией активными участниками погрома.

В этом донесении также указывается, что немцы нашептывали каждому полицейскому и жандарму «Юде», «Юде», в результате «очень скоро возникла острая враждебность к евреям, завершившаяся их повсеместными арестами в убежищах, домах, магазинах, а также их руководителей; «без всяких поводов» их препроводили в квестуру, где к 9 часам утра 29 июня находилось почти 1800 человек (женщин, детей, мужчин всех возрастов)». Отмечалось также, что «к этим чрезмерным злоупотреблениям присоединилось гражданское население из подонков общества» и «арест евреев сопровождался грабежами и страшными избиениями со стороны всех категорий войск, даже постовыми, эти сцены фотографировались немцами, понятно, только те сцены, где не фигурировали немецкие солдаты»[124]. В заключение сказано: «Положение тревожное. Солдаты никому уже не подчиняются. В одиночку они бродят по городу, безудержно грабят, избивают, истязают и даже убивают. Создалась неописуемая анархия, в ней участвовали румынские и немецкие солдаты, полицейские, главным образом посланные из других мест (речь идет о 230 полицейских, ожидавших отправки в Бессарабию и Северную Буковину по мере отхода советских войск – *И. Л.*), и всякие шалопаи. Более того, румынское население всех категорий, подстрекаемое определенными агентами и убежденное, что огонь открывали евреи, начало штурмовать квестуру и приписывать всем евреям придуманные обвинения, и если ему казалось, что кого-то из евреев обошли, обращалось к немецким солдатам и приводило их в еврейские дома и подвалы»[125].

Подтверждение этой картины мы находим в докладе о событиях в Яссах гражданского полицейского квестора Георге Ляху. «Вечером 28 июня, примерно в 21.30 часов, – писал он своему начальству, – в разных районах города стали раздаваться выстрелы, сначала редкие, а затем все более частые, главным образом во время прохождения военных колонн, о чем известила нас и немецкая комендатура, тотчас же направившая в город свои патрули... Немецкими войсками, 14-й полицейской ротой и постовыми были оцеплены кварталы, но результат был отрицательным, не обнаружены лица с оружием при них. По этому случаю в результате контакта между полицейскими и румынскими войсками возникла атмосфера враждебности к евреям, которых стали вытаскивать из убежищ противовоздушной обороны и отправлять под охраной в квестуру. Проходившие через город румынские войска, а также отдельные солдаты обеих армий, забыв о своей миссии, бросились истязать тех, которые направлялись в квестуру, или прямо на улице расстреливали их. Этому в большой мере способствовало и румынское население, которое, убежденное, что стреляли коммунисты и евреи, указывало патрулям, где прятались евреи»[126].

Один агент полиции в своем информационном сообщении описывает такой эпизод: из двух домов, расположенных возле гостиницы «Бендер» на ул. И.К. Брэтиану, и недалеко от кинотеатра «Сидол» раздались выстрелы, и тут же начались аресты евреев – жителей этих домов и отправка их в квестуру, но еще до этого два еврея были убиты на месте. «Следует отметить, – писал агент, подпись которого неразборчива, – что в таких случаях оружие не обнаруживается», и под видом содействия армии и полиции в проведении обысков участвуют всякие личности без определенных занятий, «они грабят квартиры арестованных евреев»[127].

В создавшейся обстановке местные банды молодчиков, грабителей и хулиганов безнаказанно терроризировали евреев. В предместье Абатор (Скотобойня) группа молодежи во главе с извозчиком Лепешкиным и с участием военных подвергли дикому грабежу дома евреев. Обычно грабежи сопровождались убийствами людей. На ул. Штефан чел Маре, 3 солдаты и примкнувшие к ним местные допризывники застрелили Иосифа Шмиловича, хозяина трикотажного магазина «Минка», предварительно ограбив его квартиру. На этой же улице они уничтожили всю семью Самуила Лейбовича из четырех человек. Соучастником этого злодейского акта был бывший актер ясского Нацио-

нального театра Виновски, завладевший имуществом убитого. Не щадили головорезы и маленьких детей. Расстрелянная 8-летняя девочка Тауба Грюнберг была найдена на ул. Штефана чел Маре с распоротым животом. В микрорайоне Брэтиану жил врач Соломон Маноле. К нему явился лейтенант Бабеш с группой солдат. Когда врач открыл дверь, один из солдат выстрелил и смертельно ранил его. В другом блоке этого же микрорайона жили дочь и зять известного в стране врача-ларинголога, бывшего председателя Ясской еврейской общины Соломоновича. Он пришел навестить родных. Не успел он переступить порог дома, как пал от пули разбойника.

На улице Лэпушняну под предлогом, что на чердаке гостиницы обнаружен пулемет, ее арендатор Блау и члены его семьи – жена, ребенок, свояченица и теща – были расстреляны[128].

Особенно пострадали от разгула погромщиков евреи жилого района Пэкурарь. Давно живший здесь и глубоко уважаемый всеми врач Пикер был расстрелян на глазах его жены. Крупного собственника и промышленника Фалла хулиганы извлекли из дома, заодно его сына и зятя, и всех уничтожили. Другого известного в городе промышленника расстреляли вместе с двумя сыновьями и зятем – инженером Пулферманом. Не миновала смерть мультимиллионера Германа Роттмана, держателя самой престижной гостиницы в городе – «Палас». Жертвой подлого предательства стал хорошо известный в медицинских кругах детский врач К. Авербух. В одном из домов на ул. Строеску, где он жил, подвал был приспособлен под бомбоубежище, и там прятались жильцы окружающих домов. Днем 29 июня в поисках евреев в подвал ворвался немецкий патруль. На вопрос офицера, есть ли среди присутствующих евреи, все ответили отрицательно. Но, как говорят, в семье не без урода. По словам очевидца Василе Александреску, кассира медицинского факультета Ясского университета, когда немцы удалились, за ним двинулась крещеная еврейка – адвокат Чечилия Рейтер и на немецком языке указала гитлеровцам врача-еврея. Его тут же извлекли из подвала и увели. Больше он не возвращался, без кормильца остались жена и дочь[129].

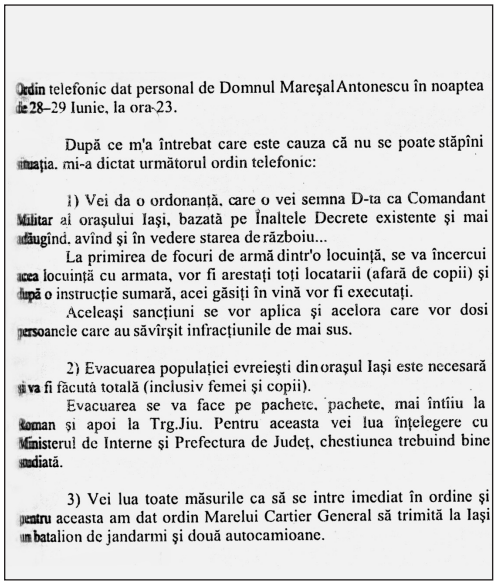
Обращает внимание, что среди жертв погрома было много врачей, фармацевтов, адвокатов, инженеров. Погромщики охотились за людьми богатыми. Исчезли из города известные врачи Якобсон, Айзикович, Гартенберг, фармацевты Штейман, Фейнштейн, Бланк, инженер Намес и др.[130] Нет надобности доказывать, что перечисленные жертвы погрома не были коммунистами, скорее всего антикоммунистами, но все они были евреями и за это поплатились жизнью.

Всю ночь с 28 на 29 июня в здании квестуры полиции находились претор 3-й румынской армии полковник Г. Бероззи, региональный инспектор жандармерии Г. Бэдеску, претор 14-й пехотной дивизии Скрибан, весь руководящий состав квестуры. Они спокойно следили за развитием событий, никто не шевелился, чтобы приостановить кровопролитие и грабеж, тем более, что Министерство внутренних дел Румынии, Генеральная дирекция полиции, Генеральный штаб, куда направлялись донесения с мест, никак не реагировали.

В ночь с 28 на 29 июня, в 23 часа, когда только разгорелась бойня, И. Антонеску позвонил начальнику ясского гарнизона полковнику Лупу, который доложил о положении в городе[131]. Тут же кондукэтор продиктовал по телефону своему собеседнику:

1) «Издать приказ, подписанный Вами в качестве военного коменданта города Яссы, основываясь на существующих высылаемых декретах, и еще добавить, учитывая состояние войны...

При раздающихся оружейных выстрелах окружить это жилище войсками, арестовать всех жильцов (кроме детей) и после краткого расследования признанных виновными расстрелять.

Ordin telefonic dat personal de Domnul Mareşal Antonescu în noaptea de 28–29 Iunie, la ora 23.

După ce m'a întrebat care este cauza că nu se poate stăpîni situaţia. mi-a dictat următorul ordin telefonic:

1) Vei da o ordonanţă, care o vei semna D-ta ca Comandant Militar al oraşului Iaşi, bazată pe Înaltele Decrete existente şi mai adăugînd, avînd şi în vedere starea de războiu...

La primirea de focuri de armă dintr'o locuinţă, se va încercui acea locuinţă cu armata, vor fi arestaţi toţi locatarii (afară de copii) şi după o instrucţie sumară, acei găsiţi în vină vor fi executaţi.

Aceleaşi sancţiuni se vor aplica şi acelora care vor dosi persoanele care au săvîrşit infracţiunile de mai sus.

2) Evacuarea populaţiei evreieşti din oraşul Iaşi este necesară şi va fi făcută totală (inclusiv femei şi copii).

Evacuarea se va face pe pachete, pachete, mai întîiu la Roman şi apoi la Trg.Jiu. Pentru aceasta vei lua înţelegere cu Ministerul de Interne şi Prefectura de Judeţ, chestiunea trebuind bine studiată.

3) Vei lua toate măsurile ca să se intre imediat în ordine şi pentru aceasta am dat ordin Marelui Cartier General să trimită la Iaşi un batalion de jandarmi şi două autocamioane.

Приказ И. Антонеску,
переданный по телефону
военному коменданту г. Яссы,
о применении к евреям самых суровых мер,
включая расстрел
и тотальное
выселение из города

Prefectul Judeţului Iaşi, comunică:

Conform ordinului Domnului Vice Preşedinte al Consiliului de Miniştri,

— Populaţia evreiască din oraşul Iaşi, urmează să fie evacuată, cu bărbaţi, femei şi copii.

— Evacuarea se va face pe grupuri, punându-se la dispoziţie numărul de trenuri necesare.

— Domnia Sa ordonă a se hotărî de Ministrul Afacerilor Interne, localităţile unde se evacuează.

— Numărul evreilor din Iaşi, este de circa 45.000 (bărbaţi femei şi copii).

Rog a da dispoziţiuni pentru efectuarea acestei operaţiuni.

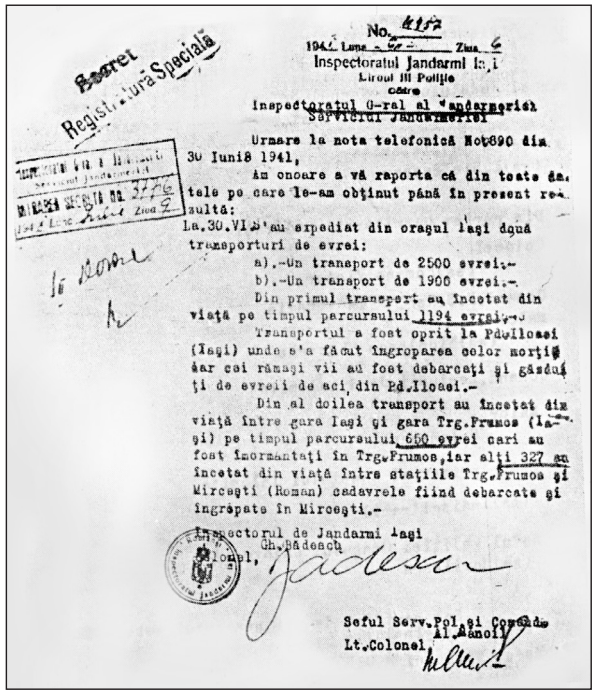
Prefect,
cc.Col. Captariu

Nr. 1052,
din 29 VI. 1941.
ora 23,55

Primit:
Cpt. C. Nicolescu

Adresă trimisă de Prefectul judeţului Iaşi din 29 iunie 1941
privitoare la evacuarea evreilor din oraş

Распоряжение префекта
Ясского уезда полковника Каптариу
подведомственным организациям
о принятии мер по выполнению приказа
вице-премьера румынского правительства
относительно выселения
из Ясс всех евреев

Secret
Registratura Specială

No. 4112
1941 Luna 6 Ziua 6
Inspectoratul Jandarmi Iaşi
Eroul III Poliţie
către
Inspectoratul G-ral al Jandarmeriei
Serviciul Jandarmeriei

Urmare la nota telefonică Not890 din 30 Iunie 1941,

Am onoare a vă raporta că din toate datele pe care le-am obţinut până în present rezultă:

La 30.VI s'au expediat din oraşul Iaşi două transporturi de evrei:

a).-Un transport de 2500 evrei.-

b).-Un transport de 1900 evrei.-

Din primul transport au încetat din viaţă pe timpul parcursului 1194 evrei.-

Transportul a fost oprit la Pd.Ilouasi (Iaşi) unde s'a făcut îngroparea celor morţi iar cei rămaşi vii au fost debarcaţi şi găzduiţi de evreii de aci din Pd.Ilouasi.-

Din al doilea transport au încetat din viaţă între gara Iaşi şi gara Trg.Frumos (Iaşi) pe timpul parcursului 650 evrei cari au fost înmormântaţi în Trg.Frumos, iar alţi 327 au încetat din viaţă între staţiile Trg.Frumos şi Mircesti (Roman) cadavrele fiind debarcate şi îngropate în Mircesti.-

Inspectorul de Jandarmi Iaşi
Gh.Pădeanu
Colonel,

Seful Serv.Pol.şi Contra.
Al.Manoil
Lt.Colonel,

Секретное донесение Ясского инспектората жандармерии Генеральному инспекторату
Румынии о числе депортированных и погибших евреев из г. Яссы в «поездах смерти»

Такие же наказания применять по отношению к тем, которые будет скрывать лиц, совершивших вышеуказанные преступления.

2) Эвакуация еврейского населения из города Яссы необходима и будет проводиться тотально (включая женщин и детей).

Эвакуация будет осуществляться партиями, вначале в Роман, а затем в Тыргу-Жиу. По этой части договоритесь с Министерством внутренних дел и уездной префектурой, вопрос следует хорошо изучить.

3) Примите все меры к установлению порядка, и для этого я дал приказ Верховному командованию направить в Яссы батальон жандармов и два грузовика»[132].

В духе этой установки своего фюрера военный комендант г. Яссы полковник Константин Лупу сочинил и распространил по городу свой приказ, в сущности, почти дословно повторив слова кондукэтора. Отсутствует лишь, в целях конспирации, указание И. Антонеску о тотальном выселении из Ясс всех евреев, но отмечается, что исполнение приказа возлагается «только на воинские части, предоставленные в распоряжение комендатуры»[133].

29 июня, в 11 часов утра, состоялся телефонный разговор между Михаем Антонеску и префектом Ясского уезда полковником Каптариу. Последний впоследствии вспоминал: «Утром 29 или 30 июня (30 июня «эшелоны смерти» с евреями уже были в пути – *И. Л.*), в 11 часов меня вызвал к телефону Михай Антонеску и спросил о происходящих в Яссах событиях. Я ему изложил то, что доложил Министерству внутренних дел и было отмечено в моих рапортах за № 1042 от 29 июня 1941 г., указав, что в адрес евреев не нашел доказательств их виновности и есть необходимость постараться прекратить аресты. Михай Антонеску велел мне докладывать о положении Министерству внутренних дел, которое распорядится об эвакуации арестованных и признанных подозрительными»[134].

Префект, следуя указаниям вице-премьера, обратился с запросом в Министерство внутренних дел. Полный текст этого документа гласит: «Согласно приказу господина вице-председателя Совета Министров, еврейское население города Яссы подлежит эвакуации, включая мужчин, женщин и детей. Эвакуация будет проводиться группами, необходимое число поездов будет предоставлено. Его светлость приказал Министерству внутренних дел определить населенные пункты, куда эвакуировать. Число евреев в Яссах составляет около 45 000 (мужчины, женщины и дети). Прошу дать распоряжение об осуществлении этой операции. Префект пол[ковник] Каптариу № 1052. 29.VI. 1941. 23.55 часов»[135].

Подтверждение этого решения, исходящего от руководства страны, мы находим и в ответе Министерства внутренних дел на запрос прокуратуры военно-полевого суда II-го территориального управления от 13 сентября 1941 г. В нем говорится: «Честь имеем сообщить вам, что прокуратура уезда Яссы своим телеграфным донесением № 1052 от 29 июня с.г. поставила нас в известность, что вице-председатель Совета Министров приказал эвакуировать из Ясс еврейское население, включая мужчин, женщин и детей, проводить эвакуацию группами, один транспорт направить в Тыргу-Фрумос и другой в Подул-Илоаей[136]. После всего утверждение, что руководители страны не были в курсе и не одобрили резню в Яссах, – чистейшая ложь. Более того, идея погрома и депортации евреев из Ясс исходила от них.

День 29 июня с полным основанием можно назвать «кровавым воскресеньем». Еще с рассвета со всех концов города в помещение квестуры полиции стали сгонять евреев – мужчин, женщин, стариков и юношей 12–16 лет и даже маленьких детей. Комиссары полиции Янку и Рэбовяну проводили «отбор» арестованных под наблюдением квестора полиции Ляху и секретаря квестуры Стэнчулеску. Отбирали врачей, данти-

стов. Женщины и старики были отпущены. «Последовали драматичные сцены, женщины прощались со своими мужьями, матери с детьми, плач продолжался и на улицах»[137].

За воротами полицейского участка оказались и кое-кто из мужчин, их даже снабдили бумажками, заверенными печатью квестуры, на которых было отмечено: «Либер» («Свободный»), Но это оказалось ловушкой для заманивания в полицию скрывавшихся евреев. «В первые часы, – вспоминает фармацевт А.И. Куперман, – пригнанным евреям комиссары выдавали удостоверения о явке, которые якобы позволяли свободно передвигаться по городу. Возвратившись с такими «билетами», люди быстро распространили известие, что явка в квестуру не представляет опасности. В результате даже те, которым удалось спрятаться, стали выходить из укрытий и представляться властям для получения удостоверения»[138]. Но, увы, возврата из квестуры не было.

Первых пригнанных и задержанных с ночи евреев загнали в здание полиции. «Для нас, задержанных в квестуре, ночь, проведенная там, была кошмарной», – отмечает переживший погром А. Полингер. «Из коридора первого этажа внутренняя лестница вела на чердак. По ней, – писал упомянутый Куперман, – подняли многочисленных молодых людей и сколько раз открывалась дверь, слышны были стоны и отчаянные крики терзаемых. Все помещения городской полиции были до отказа забиты арестованными евреями. Без воды и пищи, измученные жаждой и бессонницей, они валились с ног, сесть было негде. А с каждым часом все новые жертвы погрома пригонялись, на улицах творилось невообразимое»[139].

«К утру (29 июня 1941 г. – *И. Л.*), – читаем в «Черной книге», – выстрелы из оружия продолжали раздаваться во всех концах города. Но была уже не слепая стрельба или из салонного оружия, или нелепые выстрелы, сделанные по незнанию солдатами, вообразившими себя атакованными, а настоящие выстрелы из карабинов, пистолетов и даже пулеметов по живым, по невинным людям на улицах, в укрытиях и в еврейских домах.

Тех, которых не задел смертельный свинец, гнали к центру города. Из всех кварталов стекались нескончаемые вереницы измученных людей – большинство мужчин, но среди них и много женщин, детей, родителей рядом с детьми, дедушек рядом с внуками, жен рядом с мужьями, некоторые одеты, но в растрепанной одежде, другие в ночных пижамах, очень многие босые, почти все со следами ночных пыток, с синяками и открытыми ранами, с грязными лицами, на которых ручьи крови смешивались со слеза-

В дни Ясского погрома

ми и потом. Изнуренные от усталости, они вынуждены все же идти мерным шагом, ибо так приказывали бестии, но, главным образом, нужно было выдержать муки поднятых рук, находясь под угрозой смерти при каждом шорохе или непослушании. Они толкают друг друга, ибо каждый стремится просочиться в середину ряда, толкаются в надежде, что будут защищены от дубинок, камней и плевков черни, стоящей на обочине, озверевшей от ненависти и охваченной экстазом жестокости спектакля черни, которая беспрерывно ругается, плюется и ударяет. В такой обстановке все время продвигаются шеренги евреев из Тэтэрашь, Пэкурарь, Сэрэрие, Николины, отовсюду. Среди брошенных на улицах трупов, перед разоренными и разграбленными магазинами, их сдавленные стоны теряются среди оглушительного шума, в котором смешиваются рев толпы и грохот непрекращающихся выстрелов и аккорды вальсов, раздающихся из нескольких громкоговорителей разъезжающих по городу немецких автомобилей»[140].

Прошагавший в такой колонне от своего дома до квестуры инженер И. Шлейер писал: «Этот путь совершен в самых страшных муках. С поднятыми руками на всем его протяжении нас через каждые промежутки заставляли ложиться лицом вниз, прижавшись к мостовой; стреляли в нас и над нами. Кто от усталости опускал руки или недостаточно быстро вытягивался на мостовой, тут же его расстреливали. На всем протяжении пути справа и слева я видел окровавленные трупы людей, слышал страшные крики многочисленных раненых, умоляющих о помощи. Шагая мимо еврейских домов, немцы кричали «Юденхаус» и в тот же момент открывали огонь по дому. Отличие еврейских домов от нееврейских устанавливалось легко, так как большинство домов, в которых проживали христиане, были помечены издалека различимыми крестами или надписями, вроде: «Здесь проживают христиане. Во дворе жидов нет»[141].

О том, что происходило именно так, признал впоследствии и военный комендант города полковник Константин Лупу: «Все дома, жильцы которых являлись христианами, были отмечены крестами, а дома, в которых проживало еврейское население, не имели знаков. Я лично видел группу немцев, около 10 человек, которая выставляла еврейское население из домов на улицу, создавая большие группы, и передавала румынским солдатам (жандармам) для отправки в квестуру. Немецким солдатам помогали жандармы, частично и гражданское население. Это происходило на всех улицах города»[142].

У ворот квестуры шеренга немецких и румынских солдат, а также гражданских лиц, вооруженных винтовками и железными прутьями, отбирала все ценное, что находилось у арестованных (часы, кольца, авторучки и др.), а затем пошли в ход железные прутья, штыки; с невиданной жестокостью ударяли они по головам и куда попадало. У одного молодого еврея от удара отлетел череп. Замордованный до смерти Лучиан Берман был журналистом, бывшим сотрудником газеты «Lumea» («Мир») . Весь в крови лежал во дворе избитый 84-летний раввин Рабинович[143]. «Некоторые, – рассказывал инженер Шлейер, – были заколоты штыками. Шеренги состояли из многих рядов, нас принимали по очереди многие палачи. Часть погибла, часть оказалась во дворе квестуры. Здесь творилось что-то невообразимое. На земле лежало множество людей со страшным внешним видом. Окровавленные, с выбитыми глазами, заколотые штыками, с оторванными руками и ногами, трупы лежали один на другом, стояли страшные крики и стоны»[144].

К середине дня помещения и большой двор квестуры полиции были до отказа забиты арестованными евреями. Уездный префект полковник Каптариу и квестор Ляху определили, что к 13 часам было согнано в полицию «около 3500 подозрительных»[145], квестор подполковник Кирилович называет другую цифру: «примерно 5000»[146]. Втиснуть в этот двор евреев больше было уже нельзя. В середине дня руководство «сортировкой» взял на себя эсэсовец Альфред Рингер, ему помогали полицейские Лука, Негру

и Каптаренко. Бывший квестор полиции Ляху, отправленный на пенсию еще в ходе войны, рассказал, что из Бухареста был получен приказ передать в руки организации СС «расследование и отбор ясских евреев»[147]. Ляху, естественно, старался снять вину за резню с ясской полиции, утверждая, что она была якобы разоружена гитлеровцами, к последним присоединились лишь отдельные «строптивые» элементы румынской полиции.

К 15 часам вдруг загудели, как это имело место вечером 28 июня, сирены воздушной тревоги, хотя никаких налетов авиации противника не было. Это оказался сигнал к очередной массовой казни евреев. Из окон и дверей квестуры, с крыш и балконов соседних домов на арестованных евреев, находившихся во дворе полиции, обрушился шквал огня, стреляли из пистолетов, автоматов и даже пулеметов. В поисках спасения более молодые стали перелезать через забор, но были встречены огнем заранее расставленных на соседних улицах полицейских и солдат.

Докладывая о положении в городе к 16.30 часам, префект уезда Д. Каптариу писал: «Сегодня, с 7 до 15.30 снова слышны были в городе частые выстрелы, которые продолжаются и в настоящее время. Немецкие и румынские солдаты продолжают арестовывать и истязать еврейское население. Командование гарнизона и полиция не могут контролировать ситуацию, так как располагаемые силы крайне недостаточны... Некоторые бездельники из гражданского населения грабят дома арестованных евреев. Комендант гарнизона, в подчинении которого находятся части Ясского гарнизона, неэнергичен, и есть необходимость заменить его достойным офицером. В 16.30 выстрелы продолжаются, особенно интенсивно в центре города и вокруг квестуры... Немецкие солдатские и полицейские патрули совершают обыски и аресты евреев и направляют их в квестуру. Немецкие солдаты ожесточенно истязают евреев. Несколько евреев расстреляны немцами. Г-н генерал Ставреску лично явился в квестуру, чтобы успокоить немецких солдат, занятых арестом евреев. Я попросил генерала Ставреску походатайствовать перед немецким командованием об отзыве патрулей и немецкой полиции». В другом донесении от 30 июня 1941 г. тот же Каптариу докладывал: «Румынские солдаты в отдельности или группами... продолжают проникать в дома евреев, арестовывать и грабить их»[148].

В своем кратком «Реферате»» о пережитом ясскими евреями в период с 29 июня 1941 г. и до августа 1944 г. врач Браунштейн, побывавший в первой половине дня (29 июня 1941 г. – *И. Л.*) вместе с отцом, бывшим государственным служащим, и больной матерью в квестуре полиции и после «сортировки» оказавшийся на свободе, стал невольным свидетелем этого страшного зрелища. Он писал: «Узнав в тот же день (29 июня – *И. Л.*), что евреи вновь изгоняются из своих домов, я направился к дому, чтобы узнать о судьбе моих родителей. На улице Александри, рядом с гаражом Зарифобола, по соседству с квестурой полиции, я видел бежавшую в беспорядке толпу, преследуемую выстрелами из винтовок и пулемета. Две пули задели меня, и я упал на обочине. В таком положении я пролежал несколько часов, наблюдая, как умирают люди, одни знакомые, другие незнакомые; например, один еврей, награжденный орденом «Бэрбэцие ши крединцэ» («Мужество и верность»), инвалид войны 1916–1918 гг., с наградой на груди и документом о праве носить этот орден в руках лежал с прошитым пулями животом и кончал свою жизнь, как собака, на ящике из-под мусора. Несколько дальше молодой Сегал, сын меховщика, который в ходе погрома также погиб с двумя другими своими сыновьями, лежал и все время стонал: «Мама, папа, где вы? Дайте водички, меня мучает жажда». Никто не мог прийти ему на помощь. Проходившие мимо солдаты смотрели на угасавших евреев, протыкали их своими штыками, укорачивая им страдания»[149].

Лишь немногим удалось убежать и на какое-то время скрыться. Один из таких, Натан Гольдштейн, чудом оставшийся в живых, рассказал: «Я был арестован вместе с отцом и братом. Доставленных в квестуру, нас загнали во двор. Здесь проводился какой-то отбор, и комиссар Янку задерживал всех интеллектуалов и уроженцев Бессарабии. Когда в нас стали стрелять из пулемета, возникла большая паника, и многие, находившиеся в глубине двора, среди которых был и я, перелезли через забор и скрылись в кинотеатре «Сидол». За нами погнались немецкие и румынские солдаты, окружившие здание и открывавшие огонь, как только кто-то появлялся. Большинство было убито, а оставшихся отвели в жандармерию, что на горе Капоу, где нас продержали до 19 часов. Нас всех держали на ногах с поднятыми руками – около 4 часов – и били дубинками по всему телу. В 19 часов нас перебросили вновь в квестуру, где оставались до 21.30 час. Пригнанную колонну людей расстреливали по простой прихоти: одного убивали, другого нет. Расстрел производил немец, который ставил к стенке одного к одному и так до самого конца. Именно таким способом был уничтожен конвой, предшествовавший тому, в котором находился я» [150].

Свидетелем этих сцен в жандармерии был упомянутый капитан запаса адвокат Рихард Филипеску. «Примерно в 14 часов, – вспоминал он, – находясь напротив здания жандармского легиона, на улице Кароль (помещение Гика), увидел несколько сот евреев (300–400) с поднятыми руками, некоторые ранены, все в крови, один с выбитым глазом, построенные по 3–4 в ряд и препровождаемые румынскими и немецкими охранниками во главе с 3–4 сублокотенентами и несколькими румынскими и немецкими чинами пониже. Евреи стонали и плакали, и если кто-то пытался опустить руки, его протыкали штыком или ударяли прикладом винтовки». «Избиение евреев – стариков, мужчин средних лет, юношей 16–18 лет, – отмечал Филипеску, – продолжалось во дворе жандармерии, и только его вмешательство и решительные действия капитана запаса адвоката Петра Шербана из Ясс спасло в тот момент этих евреев, подлежащих ликвидации во дворе жандармерии, от гибели. Их, продержав несколько часов, отправили в квестуру полиции»[151].

Евреям, сбежавшим и укрывшимся во дворе примарии, не удалось спастись. На них обрушился шквал пулеметного огня, раненых добивали лопатами уличные дворники, предварительно отобрав у них одежду, часы, кольца и т. д. Не повезло многим из тех, которые во избежание смерти покинули город. 29 июня в 11 часов дня «4 мужчин и 2 женщины из Ясс, – сказано в рапорте претуры от 2 июля 1941 г., – были расстреляны в лесу недалеко от села Кирлич, волость Капоу, тремя солдатами 14-го артполка и одним немецким солдатом»[152].

§ 4. «Поезда смерти»

К концу дня 29 июня массовые расстрелы прекратились, отдельные выстрелы раздавались в разных местах города, блуждающие в одиночку солдаты и кое-кто из местных подонков продолжали бесчинствовать и грабить еврейские дома. Наступила новая фаза геноцида, в ходе которой было испробовано в качестве средства уничтожения евреев удушение их в запертых и до отказа забитых людьми железнодорожных товарных вагонах.

Отправка арестованных евреев, среди которых было много раненых, истекающих кровью, началась вечером 29 июня и проводилась в два приема. Первая партия насчитывала более 2500 человек, абсолютное большинство составляли мужчины, в том числе юноши и люди пожилого возраста[153]. Из подготовленных 50 вагонов для от-

правки первой партии были использованы только 33, 12 были «забракованы», так как, будучи приспособлены для перевозки скота, имели много форточек, следовательно, для удушения людей были признаны непригодными. Еще 5 вагонов «сэкономили» за счет уплотнения людей, особенно в первых вагонах, в них оказалось по 100 и более человек. Для охраны и сопровождения эшелона до станции Тыргу Фрумос была выделена на первых порах команда из 10 полицейских во главе с начальником отделения[154]. При проведении этой операции по «эвакуации» имели место, по признанию квестора Ляху, «злоупотребления»[155]. Оказавшись в этом первом «поезде смерти», инженер Исраель Шлейер впоследствии рассказал: «...Те, которые были еще в состоянии подняться, были построены в колонны по шесть человек в ряд на ул. Александри и отправлены на вокзал, хвост колонны доходил до табачной фабрики. Нас положили на землю лицом вниз таким образом, чтобы тело лежащего за спиной наполовину накрывало тело впереди лежащего. На всем протяжении пути немецкие офицеры на мотоциклах объезжали колонну и повторяли: «Wer den Kopf hebd wird erschossen»(«кто поднимет голову, будет расстрелян»). Румынские полицейские переводили и повторяли этот приказ. У меня было ощущение, что все склонялось к тому, чтобы уничтожить всех из колонны; в этой позе, неподвижно и не оглядываясь вокруг, мы оставались до полуночи. Двое из моих соседей по колонне, которых я считал живыми, в этой позе скончались. В колонне было много тяжело раненных еще в квестуре, надеявшихся, что, выйдя за ее ворота, смогут спастись. В полночь колонна была направлена к стоящему на станции составу, где нас погрузили в товарные вагоны. У дверей вагонов имели место ужасающие сцены, такие же, как у ворот квестуры. У каждого входа стояли солдаты с винтовками, беспощадно и безжалостно избивавшие нас. Только сумевшие быстро пробраться в вагон получили меньше ударов»[156]. К этим диким избиениям приложили руку некоторые ясские железнодорожники, вооруженные железными прутьями. Квестор Кирилович и начальник сигуранцы У. Филимон в рапорте от 30 июня 1941 г., адресованном региональному инспектору полиции, писали: «...все эвакуированные были настолько тяжело ранены в результате истязаний, что, даже если бы остались на месте, жизнь многих из них в силу вышеуказанных причин была бы предопределена»[157].

Но самые страшные муки начались после окончания погрузки, когда эшелон с узниками тронулся в путь. Исраель Шлейер вспоминал: «Я вошел в вагон, где было более ста евреев, после этого двери были заперты на засов. На рассвете поезд отправился. В вагоне начались сцены мученичества. Очень многие с кровоточащими ранами попадали; другие из-за отсутствия места наступали на раненых. Самые крепкие, пытаясь выкроить себе побольше места, толпились у окошка, и это вызвало потасовки. К несчастью, наш вагон имел только две маленькие форточки с железными решетками и ставнями. При отправке ставни были забиты гвоздями. В пути эти ставни были вырваны, и охрана, заметив это на следующей станции, открыла сплошной огонь по окошкам. В темной атмосфере без воздуха, света, среди страшных криков раненых, умоляющих о помощи, многие сошли с ума. И начали бить друг друга. Жара была невыносима, большинство сдирало с себя одежду, все оставались почти голыми»[158].

В другом вагоне этого же состава находился журналист З. Десмонд. Картина – идентичная. «Страшно находиться со 100 умирающими в клетке-могиле, запертой днем и ночью; видеть, как твои самые дорогие пропадают от жажды, голода и удушливой жары. Отец сошел с ума и зубами кусал доски вагона, оскалив зубы в бессознании. Кусал окружающих, меня он хотел задушить. Рядом Карол Дример (литератор – *И. Л.*) сорвал с себя всю одежду и так, голый, бредил, стоя над горой трупов. Одному моему соседу пришлось ремнями связать руки и ноги, чтобы не кусался. Несчастный сошел с ума!»[159].

Такие душераздирающие сцены были во всех вагонах и на всем пути следования «поездов смерти». Сошли с ума известный талмудист Хаим Гелбер, крупный предприниматель Соломон Кахан и др. Адвокат Бенцион Вейсман, умирая, не знал, что в соседнем вагоне при смерти находятся две его сестры. Обнявшись, умерли отец и сын Холзманы, а ведь мальчик окончил всего 5-й класс гимназии. Врач и литератор, капитан запаса румынской армии Аврам Розен умер в вагоне, а в это же время в его ограбленном доме на улице Лэпушняну, на койке его врачебного кабинета угасал пожилой отец. Известный в городе портной Тейтельбойм перед смертью просил находившихся рядом братьев Тойву и Мину Зильберманов, портных, как и он, спеть ему песенку про огорченного портного, что они и выполнили, не подозревая, что скоро смерть настигнет и их[160].

Чтобы продлить муки людей и лишить их жизни, первый эшелон с евреями, который следовало разгрузить в г. Тыргу Фрумос, стали катать взад-вперед от одной станции к другой. В Тыргу Фрумос, где намечалась разгрузка состава, поезд прошел без остановки в понедельник 30 июня в 7 ч. утра, взяв курс в сторону Пашкань. По словам бывшего примаря Тыргу Фрумос Аурела Тотопеску, официальное сообщение о прибытии эшелона с евреями он получил по телефону от префекта уезда Каптариу только в 11 часов, а на железнодорожном вокзале он узнал, что, «не доезжая до г. Роман, поезд возвратится в Тыргу Фрумос к вечеру. «У меня тогда создалось впечатление, – признался Тотопеску, – что поезд водили таким образом умышленно для ликвидации транспортируемых». Лишь примерно в 20 часов эшелон вернулся в Тыргу Фрумос, успев побывать в Пашкань, затем на ст. Леспезь, потом снова в Пашкань, после этого, не доезжая до Роман, вновь через Пашкань отправился в Тыргу Фрумос. Начальник полицейского комиссариата Тыргу Фрумос Виржил Ионеску свидетельствовал: «Первый вместе с представителями поезда и местных властей открытый вагон представлял собой кошмарный вид в том смысле, что в вагоне были только трупы, страшной внешности, все опухшие, с почерневшими лицами, голые. Врач города, г-н Георгиу, сказал нам, что речь идет об удушении, поскольку вагоны были герметически заперты и без воздуха. Такое же положение было в других вагонах, за исключением двух-трех...»[161]. Выполнявший в это время обязанности начальника гарнизона капитан Маринеску Данубиу, злобный антисемит, призвав на помощь гитлеровского офицера, противился принятию евреев и размещению их в городе. Ссылаясь на то, что наступила ночь, он добился, чтобы их оставили в запертых вагонах, а уж утром, грозился он, «выведет их за стоящую перед глазами гору и расстреляет»[162]. С трудом удалось разгрузить только 3 вагона и около 200 человек отправить в местную синагогу, где они подверглись очередным издевательствам, избиениям и оскорблениям со стороны полицейских, немецких и румынских солдат. Переживший этот ужас Янку Нафтуле рассказал: «Нас построили в колонну и отправили в Большую синагогу Тыргу Фрумос под охраной полиции и войск. В пути помощник комиссара И. Ботез, откомандированный на это время из Ясс в Тыргу Фрумос, избивал нас. Меня по приказу И. Ботеза один военный ткнул штыком... При входе в синагогу нас обыскали и отняли деньги, бижутерию, авторучки, кольца и т. д., их складывали в ведро и составляли список с указанием фамилии и перечислением снятых предметов, но не в соответствии с действительностью, так как у меня забрали 258 тыс. леев, обручальное кольцо и авторучку, а рано утром второго дня я подписался, что получил обратно деньги, в действительности получил только 20 000 леев, остальное осталось у них»[163]. Упомянутый И. Ботез, по словам очевидцев, унес в неизвестном направлении два чемодана с бижутерией и вещами[164].

Если кто-то из евреев просился во двор по нужде, его выпускали и тут же расстреливали. Попытки местной еврейской общины (в городе проживало около 1600 евреев)

помочь своим единоверцам не увенчались успехом, сам ее председатель Фрейтаг, предпринявший такие шаги, был избит.

Тем временем в связи с запретом немецкого командования разгружать эшелон с евреями в Тыргу Фрумос, министерство внутренних дел Румынии через префекта Каптариу передало распоряжение об отправке евреев этого поезда на юг, в г. Калараш (у. Яломица)[165], что привело к значительному продлению мук и издевательств над запертыми в вагонах людьми, лишенными в эти знойные летние дни воды, свежего воздуха, пищи, медицинской помощи и находившимися под постоянным страхом быть уничтоженными фашистскими палачами. Диспетчер движения железнодорожной станции Тыргу Фрумос Гицу Петря при допросе сказал, что, насколько ему известно, «было запрещено давать воду евреям из эшелона», и только «некоторые ставни окошек были открыты», двери же вагонов, до отказа забитых людьми, «были заперты»[166]. И так на всем пути. Недалеко от ст. Пашкань «поезд смерти» остановился на какое-то время. Мимо проходила женщина-румынка. Из-за жуткого запаха она зажала нос рукой, перекрестилась и произнесла: «О боже мой, но ведь они же люди, зачем с ними такое творят?». Вытащив из кармана два кусочка сахару, она хотела протянуть их через окошко вагона страдающим. Но охранник пригрозил ей штыком[167].

После краткой остановки в Тыргу Фрумос эшелон стали готовить к отъезду в Калараш. Находившиеся в синагоге евреи были отправлены обратно на вокзал. «Около 3 часов утра, – вспоминал Натан Гольдштейн, – нас возвратили к вагонам, погрузили и задержали на берегу р. Бахлуй до утра среды 2 июля 1941 г. Будучи у реки и столько времени испытывая жажду, очень многие не выдержали и выбирались из вагона через маленькое окошко, чтобы попить воды. Большинство были застрелены солдатами, я могу описать сцену, когда старшина, помощник Триандафа, коменданта эшелона, убил ребенка 11-летнего возраста следующим образом: ребенок побежал попить воды, старшина выстрелил ему в ногу, и он упал. Все время ребенок умолял: воды, воды! И тогда старшина схватил его за ногу, спрашивая: хочешь воды? И сам же ответил ему: «пей» и сунул его головой в воду и держал, пока ребенок не захлебнулся, а затем старшина пустил тело по Бахлую»[168].

Надо полагать, что организаторы геноцида были довольны первыми результатами применения метода умерщвления людей путем их удушения. Согласно акту, составленному сублокотенентом Триандафом и представителями местных властей Тыргу Фрумос, 1 июля из вагонов, прибывших из Ясс, были извлечены трупы 654 умерших евреев. Из-за сильной жары они основательно разложились, почернели, нестерпимый запах разносился на всю округу, создавая неудобства для самих исполнителей этой чудовищной акции.

Почти два дня ушло на уборку и захоронение погибших в вагонах евреев. На эту работу были привлечены местные цыгане, прельщенные возможностью чем-то нажиться на не до конца еще обобранных мертвецах. Тогда они еще не знали, что спустя несколько месяцев им самим придется пережить ужасы депортации. Ночью были мобилизованы также 10–15 молодых евреев из Тыргу Фрумос, которые на местном еврейском кладбище вырыли 2 большие ямы (по 25–30 м в длину), куда из грузовиков сбрасывали трупы, как мусор. Некоторые настолько разложились, что у них отлетали руки и ноги. Городской санитарный врач Тыргу Фрумос Константин Георгиу в своих показаниях сообщил: «Я констатировал смерть каждого умершего. Большинство из них были с пробитыми черепами, некоторые с выбитыми глазами. Другие с такими повреждениями на теле, вызванными ударами, создавалось впечатление, что некоторые еще в Яссах были погружены мертвыми[169]. Священник Паул Теодореску, приехавший за покупками в Тыргу Фрумос, из «любопытства», как он сам выразился, заглянул на еврейское кладбище, чтобы просмотреть своими глазами, что там творится. Подойдя к яме, куда

по-варварски сбрасывали трупы, он услышал голос: «Умираю, умираю». П. Теодореску обратился к присутствующему немецкому унтер-офицеру, прекрасно говорившему по-румынски (явно из немцев – жителей Румынии), обратив его внимание, что среди мертвых сбросили в яму живого еврея, и он, как румынский священник – православный, заявляет, что «никакая религия в мире не разрешает живьем хоронить человека», и в силу этого требует вытащить его из ямы. Немец пристыдил священника за стремление спасти еврея[170]. Когда немцы покинули кладбище, за определенную плату удалось вытащить несчастного. Свидетель Василе Мандаке, участвовавший в этом, рассказал, что пришлось отбросить 15–20 трупов, чтобы добраться до живого еврея, лежавшего на дне ямы. Он был голый, грязный и весь в крови. «После того как мы заполнили яму трупами, – продолжал Мандаке, – примарь Тотопеску дал приказ вылить на них керосин, примерно 50 литров, привезенных из примарии, сверху набросали солому и подожгли... Был ужасный дым и страшная вонь»[171].

1 июля, после полудня, эшелон с евреями покинул Тыргу Фрумос. В вагонах-душегубках запертые люди продолжали погибать сотнями. Не прошло и суток, и на заре 2 июля из поезда, прибывшего на ст. Мирчешть, были выгружены 327 погибших от ран и удушья. Их закопали на окраине села Лунгань уезда Роман. Прошел еще день, и на ст. Сэбоень из поезда были выгружены еще 172 трупа, и там же их закопали[172].

В г. Роман эшелон впустили только после того, как в Сэбоень он был очищен от накопившихся мертвецов. Уж больно сильно и далеко чувствовался невыносимый запах разложившихся трупов. В городе размещался в это время Генштаб румынской армии. Эшелон отогнали на запасной путь и благодаря решительному вмешательству председателя местного Красного Креста Виорики Агарич* впервые узники «поезда смерти» получили долгожданную воду. Инженер И. Гросу вспоминал: «Если часть из нас выжила, то этим мы обязаны жене одного генерала, которая в Романе распорядилась открыть вагоны. Нам дали питьевую воду и воду для умывания»[173]. А.И. Куперман также отмечает: «В результате вмешательства г-жи Агарич и санитарной службы IV роты были подстрижены и выкупаны часть из нас. Мы в ночь на 3 июля ночевали в зале этой воинской части на земле, вернее, на камнях, под охраной. Под утро нас погрузили в другой состав, который опорожнили от русских военнопленных. Вши, засевшие в соломе, овладели нами. Мы получили воду, по 2–3 кусочка сахара и по четверти буханки хлеба и на этом просуществовали до Калараша, куда прибыли, как привидения с того света. В Романе из около 100 человек всего нашего вагона остались живыми 27 (среди них 2 детей 12–14 лет)»[174].

В отчете Триандафа «О порядке транспортировки евреев из Тыргу Фрумос в Калараш–Яломица» сказано, что в Романе во время очистки эшелона от евреев для их санитарной обработки «были найдены 47 трупов», а перед отправкой со ст. Роман «нашлось еще 6 трупов». Поскольку при этой обработке одежда заключенных была сожжена, то по приезде в Калараш почти все оказались голыми. До станции назначения еще дважды выбрасывались из поезда трупы умерших: в Мэрэшешть – 10, в Ипотешть – 40[175].

В воскресный день 6 июля, в конце дня, эшелон прибыл в Калараш. В рапорте Триандафа сказано, что при разгрузке поезда обнаружено 1011 живых евреев и умерших 25. Живые евреи и умирающие были переданы дежурному офицеру 23-го пехотного полка»[176]. При окончательном подсчете осталось 980 из 2530[177]. «Путь от вагонов до двора полка был ужасающим: голые люди, еле волочившие ноги, голодные, измученные от жажды и жары, с гнойными ранами, которые восемь дней не бинтовались, с засохшей кровью на теле, уже утратили человеческий облик. Я видел шедших мимо

* За помощь, оказанную евреям на ст. Роман, за проявленную человечность Государство Израиль удостоило Виорику Агарич медали «Праведник мира».

людей, которые, придя в ужас при появлении этого конвоя, стали убегать. Нас заперли в гаражах для того, чтобы кто-то из командиров полка, которым нас передали, проявил сколько-нибудь человечности и дал бы этим умирающим питьевой воды. Только утром пришли представители еврейской общины и начали нами заниматься»[178].

Рано утром 30 июня со ст. Яссы двинулся второй эшелон с евреями. В 19 товарных вагонах было заперто более 1900 человек, в среднем по 106 в вагоне, рассчитанном максимум на 35. Для укомплектования этого состава заключенных стали приводить евреев, арестованных ночью и на рассвете 30 июня. Разгрузить поезд предстояло на ст. Подул Илоаей, в 20 км от Ясс. Казалось, максимум за 30 минут можно было туда добраться. Но не тут-то было. Узникам второго эшелона пришлось пережить те же муки ада, что и первого поезда. Оказавшийся во втором составе А. Пролингер вспоминал: «Прибыв на вокзал, нас уложили на землю, а затем началась давка и запихивание в вагоны для скота. Тех, которые поднимались медленно, избивали. Всунули нас по 100–120 человек в один вагон, затем заперли и окна забили досками. Мы сразу поняли, что они намереваются убить нас путем удушья. После того как наши вагоны были заполнены до отказа, началось на весь знойный день «прогуливание» по маршруту Яссы–Подул Илоаей. Я очутился в вагоне с моим братом. С нами был врач-еврей в офицерской форме, у которого лицо было в крови и изуродовано от ударов. Спустя непродолжительное время после отхода поезда из-за жары я потерял сознание... Не знаю, что дальше произошло с нашим вагоном. Перед тем как меня покинуло сознание, я слышал стоны, крики и удары в стены вагонов людей, находившихся в соседнем с нами вагоне. Не знаю, как мы прибыли в Подул Илоаей, когда открыли вагоны, когда нас выгрузили, кто и как нас встретил. Знаю только, что очнулся в полночь, лежа на скамейке в помещении и рядом со мной в таком же положении находились и другие люди. Утром, когда проснулись и другие, я узнал, что меня вытащили вместе с мертвыми, выгруженными из вагонов, погрузили в подводу и привезли в синагогу в помещение, в котором я находился. Проснувшись ночью, я стал звать своего брата, но никто мне не ответил. Из пяти знакомых мне лиц в вагонах умерли четыре: мой брат, Миша Лейзерович, Мишель Шехтер и Дину»[179].

Второй эшелон находился в пути только восемь часов, тем не менее было колоссальное число погибших. Из-за давки люди в вагонах умирали стоя, прижавшись к живым и полуживым. Перед отправкой поезда в последний вагон забросили около 80 трупов евреев, убитых на подступах и на самом вокзале, некоторые – проткнутые штыками, многие с пробитыми черепами от ударов железными молотками. Согласно донесению ясского жандармского инспектора полковника Г. Бэдеску, в этом втором эшелоне умерло 1194 еврея[180]. В Подул Илоаей был составлен акт приемки эшелона местным начальством. В нем отмечалось, что в 19 вагонах было заперто 1974 еврея, по 80–150 человек в каждом, число скончавшихся – 1198, живых – 776[181]. Захоронение трупов и содержание живых было возложено на местную еврейскую общину (она насчитывала 1550 человек). Врачи-евреи стали оказывать медицинскую помощь пострадавшим. Данные о количестве оставшихся инвалидами и умерших во временном лагере не приводятся. В самих Яссах после отправки эшелонов погром пошел на спад. Кое-где фашистские бестии еще не унимались, продолжали грабежи и зверства. На ул. Св. Андрея против своего дома на скамеечке сидел 80-летний Москович и ожидал возвращения сына. Мимо прошла группа допризывников краткосрочной службы и застрелила его. В это же время сын старика был убит на ул. Св. Лазаря[182]. Квестор полиции подполковник К. Кирилович и начальник городской сигуранцы 1 июля 1941 г. докладывали ясскому инспектору полиции: «30 июня 1941 г., примерно около 13.30 часов, группа румынских солдат была осведомлена о том, что на этаже дома, в котором находится аптека «Agare»

на ул. И.К. Брэтиану раздались оружейные выстрелы. На этом месте, то есть на площади Св. Спиридона, находился румынский танк, который пустил в ход пулемет. Стреляя в сторону дома, он пробил стекла одной квартиры. Сразу же приступили к обыску в этом, а также в других домах и собрали около 18 (по данным префекта Каптариу, 20) евреев... Все эти 18, среди которых был ребенок с отцом и матерью, были отправлены на ул. Василе Конта напротив площади Св. Спиридона, уложены на землю и расстреляны из танкового пулемета. Были там и некоторые немецкие солдаты, они присутствовали при этой сцене. Видя, что некоторые были только ранены, их добили выстрелами. Через некоторое время грузовая машина примарии подобрала трупы и отвезла их, по-видимому, на еврейское кладбище»[183]. В общей сложности в этот день 1 июля, по сведениям регионального инспектора Джиосану, немецкими и румынскими солдатами, а также полицейскими «были расстреляны 50 евреев»[184].

Судя по всему, от плана депортации всех евреев из города Яссы властям пришлось отказаться. По-видимому, в условиях войны и дефицита транспортных средств осуществить отправку десятков тысяч людей было в то время непосильной для Румынии задачей. В конце дня 30 июня 1941 г. поступило распоряжение «больше не загружать поезда евреями» и отправлять их в тыл страны.

§ 5. Убийцы заметают следы

Преступники всегда стараются скрыть следы своих деяний или, по крайней мере, найти им оправдание. Двор квестуры полиции и улицы города были завалены трупами убитых евреев, лужи крови видны были везде. Эти неопровержимые свидетельства бандитской акции нужно было срочно убрать.

1 июля 1941 г. 80-летняя Лея Мойсе отправилась в квестуру узнать о судьбе своего сына и двух зятьев, арестованных в день «кровавого воскресенья». Ее там задержали и заставили работать. «Вместе со мной, – впоследствии рассказала она, – были и другие люди, среди которых и адвокат Паул Лазэр. Нас заставили убрать двор от крови и следов творимых преступлений. Собирали человеческие мозги, мыли мостовую от крови. Без еды меня продержали в квестуре три дня. На третий день появился генерал, который объявил нам, что во всем происшедшем виноваты евреи, открывшие огонь по румыно-германским войскам»[185].

На улицах города коммунальные службы стали убирать трупы убитых евреев еще во второй половине дня 29 июня и продолжали весь день 30 июня. Евреев же, специально мобилизованных, заставили смывать кровь на тротуарах и проезжей части улиц. Собранные трупы свозились на еврейское кладбище и в другие места на окраине города. Бывший начальник коммунальной службы города Влад Мариевич рассказал, что по линии его ведомства на проведении этой работы были задействованы четыре грузовые машины и 24 подводы по сбору мусора. В каждую подводу грузили по 10 мертвецов, в грузовики по 30. Вся эта процедура проводилась под надзором жандармов и полицейских. В. Мариевич отметил, что «грузили и умирающих, которые были задавлены брошенными на них трупами, или их сбрасывали в ямы еще живыми». Во дворе квестуры, у ворот, он видел штабеля трупов, сложенных, как дрова, даже машина не могла полностью войти во двор. «По земле, до самых ворот, текла кровь, в которую наступил и я на всю толщину подметки»[186].

Такую же картину рисует в своих показаниях и шофер коммунальной службы Василе Спиносу. Он говорил, что во дворе квестуры лежали в штабелях не только трупы убитых, у ворот «с правой стороны некоторые были еще живы, но варварским образом

изуродованы и искалечены». Его машину сопровождали четверо немцев, и совершил он «восемь ходок на еврейское кладбище и каждый раз перевозил 20–30 трупов». Лично он из кабины машины не выходил, но от грузчиков слышал, что «из какой-то канавы они вытаскивали живых людей, которые тут же расстреливались немцами и румынами и грузились в машину. Вообще в грузовик бросали и живых людей, только раненных, я слышал их стоны. Сначала разгружали трупы на краю ямы, но затем присутствовавшие там офицеры и полицейские посчитали, что это продолжается очень долго, и распорядились подогнать машину прямо к яме и опорожнить ее, как от мусора. Потекла сначала кровь, затем вываливались трупы, как попало»[187]. На еврейское кладбище возил убитых на машине шофер Гримоколски Ион, остальные машины и подводы сбрасывали трупы в других местах. Сколько уничтоженных евреев было собрано в городе, никто не считал.

1 июля упомянутый Василе Спинеску, с 10 утра и до 6 вечера, перевозил трупы в местечке Подул Илоаей. «Трупы, – рассказывал он, – находились на равнине, справа от шоссе, и были в состоянии сильного разложения, некоторые разбухли раз в пять от нормального состояния. Трупы загружались в машины людьми, мобилизованными жандармами, это были румыны, цыгане, евреи. Некоторые трупы при прикосновении разваливались, и отдельно забрасывались руки, ноги и т. д. Присутствовали при этом жандармы во главе с плутоньером, полицейские, представители местных властей и «несколько немецких солдат, которые фотографировали, но не вмешивались, стояли, как зрители. Одежду и обувь собирали в кучу. Кстати, костюмы, одежду, деньги забирали люди, которые участвовали в погрузке трупов, еще и перевозчики из Ясс грабили мертвых, и даже мне предлагали часы»[188].

Начальник коммунальной службы В. Мариевич отмечал, что после работы по перевозке трупов многие возчики вечером были пьяны и, по его убеждению, «они грабили покойников, убеждение подкреплялось тем, что при получении зарплаты даже не стали считать деньги, создавая видимость отсутствия интереса к ним. Многие были очень хорошо одеты, в костюмах, не соответствующих их материальным возможностям»[189].

Следует отметить, что гитлеровские головорезы старались на всякий случай застраховаться от возможных обвинений в уничтожении людей, свалив все на своих румынских союзников. Они запасались фотографиями, фиксирующими только зверства и грабежи румынских солдат и полицейских, сцены же с участием своих головорезов «не замечались». Об этой немецкой хитрости квестор Кирилович сообщил в одном из донесений своему начальству. Еще немецкие фашисты прибегали к таким трюкам: на улице Ксенопола они вытащили из дому предпринимателя Жака Оливенбаума, выпускника Парижской коммерческой академии, и семью Маркусона, владельца парфюмерного магазина «Елефант», и расстреляли их. После этого труп Оливенбаума они пристроили к своему пулемету и в таком виде засняли его как «доказательство» нападения евреев на немецкую армию. Вскоре эта фотография появилась на страницах известного немецкого пропагандистского журнала «Der Adler»[190].

Румынские фашистские власти не осмеливались фотографировать своих великодержавных союзников при уничтожении евреев. Они состряпали собственный альбом фотографий о «враждебных акциях» евреев против румынской армии, который был вручен вице-премьеру Михаю Антонеску. Для истории стряпались мотивирующие погром «документы». Уже к концу дня 29 июня генерал Ставреску, на которого пала значительная ответственность за гибель тысяч людей, решив, по-видимому, иметь в архиве документ, оправдывающий его действия против евреев, направил в адрес министерства внутренних дел Румынии телеграмму с изложением своей версии о погроме в Яссах, о причинах и его последствиях. В сущности, он зафиксировал на бумаге пущенные в ход в первые дни войны слухи о сбитых над Яссами советских самолетах, число которых

он довел уже до 40, о четверых пойманных летчиках, среди которых один бывший пекарь из Ясс и одна бывшая студентка местного университета, оба, естественно, евреи, о припрятанных ясскими евреями непойманных советских летчиках, которые в ночь с 28 на 29 июня с целью «терроризировать население Ясс» открыли огонь из пистолетов и автоматов, «правда, без особого эффекта», и «хотя стреляли беспрерывно до 9 утра, было всего 3 жертвы». Румынским и немецким войскам, находившимся «в большом количестве» в городе, мол, ничего не оставалось делать, как ответить на огонь огнем, окружить и обыскать дома, откуда раздавались выстрелы, пойманных (мужчин, женщин, детей) отправить в квестуру полиции, где «признанные виновными тут же были расстреляны германо-румынскими войсками, арестовавшими их». Ссылаясь на доклады квестора Кириловича, Ставреску определил число убитых в Яссах «около 300 и много раненых», главную роль в бойне отводил «немецким солдатам» и только «некоторым румынским», которые «в излишнем усердии обнаружить виновных способствовали приумножению террора». При этом генерал не исключает, что среди последних были лица, «симпатизирующие легионерам». Заслугу прекращения погрома Ставреску приписывает своим активным действиям в этом направлении, а отправку «заложников» за пределы Ясс «поездами смерти» он оправдывал необходимостью «сохранять спокойствие», так как те самые «100 заложников евреев являлись причиной ожесточения немецких войск»[191]. Генерал, хорошо осведомленный о последствиях погрома, намеренно занизил цифры о числе расстрелянных и отправленных в «поездах смерти» евреев. Скрывает он и тот факт, что второй эшелон был укомплектован в основном евреями, арестованными в ночь с 29 на 30 июня.

Басни Ставреску о советских летчиках, напавших на румынские и германские войска и вызвавших этим погром, были настолько неубедительны и смехотворны, что никем из полицейских руководителей г. Яссы в донесениях своему начальству не повторялись. За основу интерпретации событий 29 июня в городе ими взята версия, пущенная в ход самим правительством Румынии.

Официальная правительственная версия о событиях в Яссах была изложена в «Коммюнике», опубликованном в «Правительственном вестнике» от 1 июля 1941 г. (ч. I, № 153) и обнародованном на второй день в периодической печати. В нем утверждалось, что Советский Союз всеми путями старается совершать акты саботажа и беспорядка в тылу фронта путем забрасывания при помощи авиации шпионов и террористов, которые устанавливают контакты с советскими резидентами на местах, а также с «иудео-коммунистическим населением в целях совместной организации актов агрессии». Далее в «Коммюнике» сообщалось, что «в Яссах были расстреляны 500 иудео-коммунистов, которые из домов открыли огонь по немецким и румынским солдатам», и что «впредь все попытки нарушить покой и порядок будет подавляться тут же, беспощадно». Мирному населению вменялось в обязанность сообщать местным властям о появлении в населенном пункте «подозрительных и чужих» и указывалось, что «кто вовремя не донесет о нарушителях порядка и безопасности, будут расстреляны вместе со всей семьей»[192]. О «поездах смерти» в этом документе нет никаких упоминаний.

Присутствием в правительственном «Коммюнике» формулировки «иудео-коммунистическое население» подчеркивалось, во-первых, что к коммунистам, то есть врагам румынского народа и государства, относятся не какие-то отдельные лица еврейской национальности, состоящие в компартии, а все еврейское население, независимо от пола, возраста, профессии, социального положения и политических убеждений. Во-вторых, «Коммюнике», исходящее от правительства, возглавляемого И. Антонеску – «спасителем нации», должно было придать убедительность и достоверность неизвестно кем распространяемым слухам о провокационных, враждебных действиях евреев, усилить не-

ненависть к ним в преддверии развертывания наступления немецко-румынских войск на бессарабском участке фронта, сопровождаемого, как известно, массовым истреблением еврейского населения в «вызволенных провинциях». Не случайно Генштаб румынской армии в тот же день, 30 июня 1941 г., разослал действующим на фронте армиям приказ, по своему содержанию в духе вышеприведенного коммюнике. В нем сказано, что «еврейское население причастно» к враждебным действиям в тылу фронта, направленным против румынских войск, на что генерал Антонеску во время посещения им фронта обратил внимание командующих армиями и потребовал проявить бдительность и приказал всем командирам частей и соединений «быть беспощадными и расстреливать на месте всех, кто действуют против армии и интересов страны»[193].

Лично штабу 14-й пехотной дивизии под командованием Ставреску начальник Генштаба румынской армии генерал Иоаниciу ночью 30 июня послал телеграмму-молнию следующего содержания: «Господин генерал Антонеску приказал, чтобы все евреи-коммунисты из Ясс и все, у которых найдены красные флаги и оружие, были расстреляны в эту же ночь, о выполнении доложить Яломице» (зашифрованный код Генштаба – *И. Л.*)[194]. Телеграмма несколько запоздала: к этому времени, к концу дня 30 июня, сотни евреев были уже расстреляны без того, чтобы у них были найдены оружие и красные флаги. Вряд ли об этом в Генштабе не знали.

В очередном правительственном коммюнике, появившемся в прессе 2 июля 1941 г., было объявлено: «За каждого убитого немецкого или румынского воина будут расстреляны 50 иудео-коммунистов»[195].

Появление буквально на второй день после «кровавого воскресенья» сообщения правительства о событиях в Яссах и приказа по армии – лишнее доказательство того, что и кондукэтор, и его заместитель Михай Антонеску, и в Генеральном штабе румынской армии были прекрасно осведомлены о готовившемся погроме в Яссах, зорко следили за его ходом, одобрили действия убийц и никого из них к ответственности не привлекли.

Срочно перестроились в духе правительственных установок все местные начальники. Префект Ясского уезда полковник Д. Каптариу, который в докладе министерству внутренних дел Румынии 29 июня на основе проведенных расследований писал, что «определенные лица стараются бросить вину на евреев города с целью натравить на них немецкую и румынскую армии, а также христианское население и вызвать их массовое убийство», 2 июля свой доклад тому же министерству завершает словами: «Из совокупных расследований и информаций вытекает, что беспорядки, имевшие место в Яссах 28–30 июня с. г., вызваны евреями, которые в громадном большинстве являются коммунистами, к которым примкнули и некоторые коммунисты–христиане. Цель этих волнений – вызвать панику и беспорядок в тылу частей, сражающихся с врагом на Пруте». «Движение было вовремя подавлено, – торжественно докладывал префект, – цель, поставленная себе этими криминальными элементами, находившимися на службе у врага, достигнута не была»[196].

Впервые в донесениях появляются примкнувшие к евреям, учинившим «беспорядки», «некоторые коммунисты-христиане». Конкретных имен и фамилий не приводится. Не идет ли речь о местных жителях-неевреях, которые из чисто гуманных побуждений стремились спасти евреев от бесчинств фашистских молодчиков? А ведь были и такие, даже кое-кто поплатился за это жизнью. Инженер Наум, христианин, шурин местного прокурора Касиана, бывший ассистент кафедры химии медицинского факультета, служащий гигиенического учреждения в Яссах, при попытке спасти одного еврея от расправы был убит на ул. Пэкурарь румынским офицером, который перед выстрелом произнес: «Умирай, собака, вместе с жидом, которого защищаешь». Священник Рэзмерицэ, ставший на защиту группы евреев по ул. Сэрэрие, был также застрелен. Такая же сцена

повторилась на ул. Зугравилор, где несколько железнодорожников-антисемитов убили рабочего-токаря Иона Георгиу[197]. Существенные коррективы в духе правительственного коммюнике внес в освещение Ясского погрома квестор К. Кирилович. Если утром 30 июня в его и Стэнчулеску донесении, отправленном ясскому инспекторату полиции и сигуранцы, не было ни одного слова о каких-то провокациях и враждебных действиях евреев, более того, сказано, что их арестовывают «без всякой причины», «по придуманным» обвинениям, то уже вечером того же дня в «лично-конфиденциальном» докладе на имя министра внутренних дел К. Кирилович писал, что «некоторые агрессивные евреи, оказавшие сопротивление, были избиты, а другие, несомненно, признанные виновными, были тут же расстреляны»[198]. Придуманная квестором виновность заключалась в том, что 29 июня в 13.15 из соседних домов евреи-коммунисты открыли огонь по квестуре полиции с целью «облегчить бегство арестованных» и этим вызвали ответный огонь со стороны немецких и румынских солдат, привели к «ранению и гибели» части арестованных. Заметим: никаких конкретных фамилий «евреев-преступников» в донесении Кириловича, Каптариу и других представителей властей не приводится.

Как и генерал Ставреску, подполковник Кирилович представил отправку из Ясс заключенных в квестуре евреев как меру вынужденную, вызванную теми же евреями-коммунистами, продолжавшими стрелять, и в этой ситуации якобы опасно было для общественного порядка оставлять в квестуре такое количество евреев[199]. Коль так, остается спросить: зачем тогда после отправки эшелона с арестованными в квестуре евреями нужно было еще всю ночь на 30 июня продолжать насильственно вторгаться в еврейские дома и арестовывать людей? На этот вопрос ответ может быть лишь однозначным: с самого начала власти в лице Иона Антонеску и его заместителя Михая Антонеску планировали выселить из Ясс всех евреев. И, как отмечалось, лишь по техническим причинам не удалось полностью осуществить этот план.

При внимательном чтении румынских документов о погроме – правительственном Коммюнике, полицейских донесений и докладов – возникают и многочисленные резонные вопросы. Сколько же должно было быть в Яссах этих до зубов вооруженных евреев-коммунистов, каким огромным количеством винтовок, пистолетов, автоматов, пулеметов и боеприпасов они располагали, коль одновременно в разных районах города осуществляли нападение на колонны немецких и румынских войск, вели огонь всю ночь с 28 на 29 июня и до самого утра, а затем еще днем 29 июня и кое-где и 30 июня? Как объяснить, что при таком большом числе нападавших евреев, при такой концентрации у них оружия и боеприпасов ничего не было найдено в ходе многократных и тщательно проведенных силами войск, жандармов и полиции обысков в еврейских домах, откуда якобы раздавались выстрелы? Есть смысл еще раз напомнить, что сообщали своему высокому начальству полицейские чины города: «Не был пойман ни один стрелявший еврей» (генеральный инспектор полиции Джиосану, 29.VI)[200]; «никто не пойман на месте преступления» (префект Каптариу, 29.VI); «не удалось поймать виновных» (префект Каптариу, 2. VII)[201]; «хотя были устроены слежки всеми постовыми и патрулями, все же ничего обнаружить не сумели» (квестор Кирилович, вечером 30.VI); «не удалось поймать ни одного из тех, кто стрелял» (квестор Кирилович, секретарь квестуры Стэнчулеску, утром 30.VI)[202]; «были окружены все кварталы немецкими войсками, 14-й полицейской ротой и городскими полицейскими, но результат отрицательный, не обнаружены лица с оружием при них» (квестор Ляху, 2.VII)[203]; «в течение 5 дней нахождения со всей командой в г. Яссы не было найдено никакого оружия в домах евреев» (Воакэ Терапонте, из допроса шофера оперативной группы ССИ)[204]; «я установил, что не умер никто из солдат, по которым, как утверждали, стреляли» (из допроса сотрудника ССИ Константина Михалчи).

И, наконец, среди опубликованных документов о Ясском погроме есть собственноручная письменная «Декларация» от 2 июля 1941 г. квестора К. Кириловича относительно событий в городе 29–30 июня 1941 г. В ней нет никаких ссылок на действия каких-то евреев-коммунистов, советских агентов, которые якобы открыли огонь по румынским и немецким войскам, о чем он писал в сводке за два дня до этого. Без указания, кто именно вел огонь, в «Декларации» сказано: «Вечером 28.VI. с.г. в 21.30, когда мы все находились на службе, в разных точках города началась стрельба из оружия, сначала редкая, затем более интенсивная, даже из автоматов». И далее: «Были сразу же созданы бригады из полицейских и городовых с задачей провести тщательные обыски в домах. Участвовали в этих обысках по собственной инициативе немецкие команды. Результат обысков – негативный, не найдено оружие, не пойманы стрелявшие». Напрашивался вывод: кто же являлся организатором этой провокации, приведшей к гибели тысяч невинных людей? К. Кирилович, по понятным причинам, обходит этот вопрос. Его «Заключение» гласит: «Беспорядки были спровоцированы действиями, имевшими место в ночь с 28 на 29 июня с. г., которые взбудоражили и взвинтили до самого высокого накала немецкие и румынские войска, а также гражданское население, создав крайне враждебную и неблагоприятную атмосферу для еврейского населения, хотя не был пойман ни один еврей с оружием в руках, стрелявший по колоннам (войск – *И. Л.*) или прохожим». В своей «Декларации» квестор особенно выпячивает зверства немцев, которые избивали евреев «дубинками по голове и туловищу, тут же большинство убивали»[205].

Особый интерес в этом плане представляет отчет о событиях в Яссах, составленный генеральным директором полиции Румынии генералом Е. Леовяну. 29 июня через Министерство внутренних дел Румынии ему было передано поручение И. Антонеску об отправке в г. Яссы для ознакомления на месте с ситуацией «в связи с беспорядками», имевшими место в этом городе. 1 июня он прибыл в Яссы и с помощью подчиненных составил свое заключение. Главный полицейский страны посчитал, по-видимому, что в конфиденциальном документе, предназначенном лично для главы государства, следует изложить всю правду. Он рассказал о том, как железногвардеец ст. сержант Манолиу безнаказанно расстрелял группу евреев и был отпущен на волю претором 14-й дивизии, описал, как развивались события в ночь с 28 на 29 июня, подчеркнув, что обыски в домах евреев «дали отрицательный результат», то есть не найдено оружие и не обнаружен ни один еврей, стрелявший по румынским и немецким войскам. В отчете признается, что евреи подверглись чудовищным издевательствам, многие были расстреляны и ограблены, приводятся выше указанные нами цифры о числе депортированных из Ясс евреев. Е. Леовяну констатирует: «Не было ни одного раненого или убитого в румынских частях, подвергнутых обстрелу, также никаких следов пуль на стенах домов или разбитых стекол». Поскольку проверить устное заявление начальника немецкой комендатуры капитана Хоффмана о том, что потери германских войск составляют 20 убитых и раненых солдат и унтер-офицеров, так как квестору Кириловичу было отказано в просьбе навестить раненых, то он, Леовяну, полагает, что «и у немцев нет убитых и раненых, следовательно, была предпринята ложная атака с салонным оружием (на месте обнаружены гильзы от такого вида оружия) и с грохотом, имитирующим выстрелы автоматов... Мое мнение, – заключал полицейский генерал, – это видимое покушение было организовано кем-то заинтересованным по задуманному плану, претворенному легионерами в целях усилить ненависть германской армии к еврейскому населению и вызвать грабежи». Е. Леовяну не уточняет, кто, по его мнению, был заинтересован «усилить» у гитлеровцев «ненависть к евреям»[206].

О том, что «нападение» евреев на румынские и немецкие войска явилось провокацией со стороны организаторов погрома, говорил и упомянутый бывший претор Гэлушка.

Он утверждал, что массовое истребление евреев «было прекрасно организовано» властями, пулеметы были установлены «для создания видимости ведения огня евреями по войскам, стреляли же в воздух и не задели ни единого солдата. Ни один солдат не был убит евреями»[207].

После всего этого напрашивается еще один вопрос: коль не схвачены вооруженные евреи, якобы участвовавшие в нападении на румынские и немецкие войска, также не найдены при обысках в еврейских домах оружие и красные флаги, на основе каких вещественных доказательств в считанные минуты определялась «несомненная» виновность людей, которых тут же расстреливали. Можно ли вообще за несколько часов трем-четырем полицейским комиссарам допросить несколько тысяч человек и определить их виновность?

Отчет Леовяну от 2 июля 1941 г. вряд ли представлял интерес для кондукэтора. Уж он-то был прекрасно осведомлен о событиях в Яссах и, как уже отмечалось, не собирался привлекать к уголовной ответственности головорезов и убийц. При встрече И. Антонеску заявил Леовяну, что он не разобрался в том, что творилось в Яссах: мол, стреляли по войскам не легионеры, а евреи, и, следовательно, они заслужили кары со стороны немцев. Начальнику полиции подсказали, что не следует, учитывая ситуацию, примешивать гитлеровцев к участию в погроме. За подписью Леовяну для истории появились новые варианты его отчета, выдержанные в духе правительственной версии, в которых в категорической форме утверждается: «Бесспорно, евреи из микрорайона открыли огонь по войскам». После войны Леовяну заявил следственным органам, что новый вариант подсунул ему заместитель министра внутренних дел Жак Попеску, и он, не читая, подписал его[208].

Кое-кто из ясских начальников постарался сохранить для истории представление о погроме как о проявлении воли румынского народа. Претор Кирилович и начальник сигуранцы города Ангел в своем обзоре о моральном состоянии населения г. Яссы в период 22 июля – 22 августа 1941 г. писали: «Румынское население единодушно одобрило те массовые экзекуции, выражая свое желание, чтобы эти расстрелы производились в большем масштабе...»[209].

§ 6. Последствия Ясского погрома

Слухи о погроме в Яссах разошлись по всей стране. Опубликованные в прессе официальные версии о его причинах вызвали новый прилив антисемитизма. В этой обстановке помочь хоть чем-то попавшим в беду ясским евреям было невозможно. «Когда стали поступать страшные известия из столицы Молдовы, – пишет раввин А. Шафран, – я вместе с Фильдерманом сделал отчаянные попытки в надежде спасти хотя бы несколько жизней. Но «поезда смерти» уже курсировали. Обращались в Красный Крест, в Министерство внутренних дел, госбезопасность (сигуранцу – *И. Л.*), Управление румынских железных дорог, благотворительные общества»[210]. Попытки оказались тщетными. Более того, 4 июля 1941 г. префект полиции г. Бухареста генерал Георге Раду, рассказывает А. Шафран, «созвал всех руководителей нашей общины и произнес речь, сказав, что евреи виноваты во всех бедах страны и, как полагают, они и впредь будут предаваться актам саботажа. Он отпустил нас, предупредив, что я как главный раввин буду первым потенциальным заложником. Я ответственен за поведение евреев всей страны и лично должен буду отвечать за последствия их действий»[211].

Пришлось от имени Федерации еврейских общин и духовных лидеров обратиться ко всем евреям Румынии с призывом соблюдать законы страны, исправно платить налоги,

во время воздушных тревог находиться в укрытиях и придерживаться правил светомаскировки, оказывать помощь армии и правительству, не прислушиваться к ложным слухам, не обсуждать политические и военные вопросы и т. д.[212] В одном из писем на имя кондукэтора Федерация, заведомо зная, что ее предложение никак не будет принято, сообщала о готовности евреев служить в румынской армии и воевать в ее рядах на фронте [213].

Все эти заверения в верноподданничестве не помогли. Ссылаясь на правительственную версию о враждебных действиях ясских евреев, «бдительные» префекты разных уездов поспешили обзавестись заложниками из среды местного еврейского населения, которые своей жизнью должны были отвечать за всякое «антирумынское» проявление в городе или уезде. Число заложников определял сам префект. Так, 1 июля 1941 г. префект уезда Ботошань подполковник Виктор Мэеску приказал полиции и жандармерии взять в заложники евреев в возрасте от 18 до 60 лет в следующем количестве: в самом уездном центре Ботошань – 70 человек, в г. Хырлэу – 20, в селах Бучечя, Фрумушика, Сулица, Штефанешть – по 10, всех их держать взаперти в помещениях полиции городов Ботошань и Хырлэу. В приказе определялся и состав заложников, ими должны были быть раввины и хахамы, ремесленники разных специальностей, известные в прошлом симпатизанты коммунизма и т. д. В случае актов саботажа и терроризма пойманные на месте преступления и даже не пойманные, но при наличии доказательств их вины, должны быть расстреляны публично, на площади «в присутствии еврейского населения». За каждого убитого румынского или немецкого солдата подлежали уничтожению 50 евреев из числа заложников[214].

В городах Бакэу, Роман, Васлуй, Текучь в заложниках находились 50–60 евреев, в Плоештах, Бузэу, Фокшань, Бырлад, Галац заложниками считались все евреи-мужчины в возрасте от 18 до 60 лет. Префект уезда Текучь полковник И. Стаматиу распорядился выделить в городе «еврейский район» и туда в течение 72 часов переселить всех евреев. В г. Фокшань (у. Путна) всех 1150 евреев сосредоточили в отведенном районе города, 70 из них взяли в заложники[215]. Префект уезда Ковырлуй полковник Думитру Готеску в своем приказе предупреждал, что «евреи, пытавшиеся скрыться от ареста путем бегства, будут преследоваться по всей стране и они испытают на себе страшные последствия». Евреям Галаца полковник Готеску запрещал собираться группами более двух человек, посещать кафе, рестораны и т. д.[216] В уездном городе Пятра-Нямц власти взяли в заложники от каждой еврейской семьи одного мужчину в возрасте от 16 до 60 лет, в результате под арестом оказалось около 1500 человек. За всеми этими людьми никаких противозаконных действий не числилось. Более того, среди заложников было много ветеранов Балканских и Первой мировой войн. В свое время евреи этого города, сражаясь в рядах румынской армии, удостоились боевых наград за храбрость в боях, 105 погибли на фронте, 22 вернулись калеками. На городском памятнике героям жителям Пятра-Нямц значатся 28 еврейских фамилий, а всего их 71[217]. Как отмечалось в письме Федерации еврейских общин от 8 июня 1941 г. на имя министра внутренних дел Румынии, заложники, среди которых было полно открытых противников коммунизма, оказались в худшем положении, чем находившиеся в лагерях «сторонники и агенты коммунизма», поскольку жизнь заложников по ложному обвинению могла оборваться[218].

Во многих городах и местечках для евреев были введены комендантские часы, они могли ходить по городу только с 7 утра и до 20 часов, а кое-где только до 18 часов. Посетить рынок для приобретения продуктов питания разрешалось только после 10-ти или 11-ти часов, когда рынок практически закрывался. Для опознания евреев и выделения их из основной массы горожан было приказано всем евреям, независимо от пола и

возраста, пришить на левой стороне груди или рукаве шестиконечную звезду («звезду Давида») из ткани или полотна желтого цвета на черном фоне, размером 7 см в диаметре[219]. Начальник полиции г. Бакэу И. Куптор в своем приказе предупреждал, что в случае невыполнения его предписания в течение 48 часов нарушители будут арестованы и переданы полицейским органам или военной комендатуре [220].

В эти же дни по приказу И. Антонеску не только в прифронтовых районах, но и во всей Румынии силами жандармерии проводилось «очищение» сельской местности от евреев и концентрация их в уездных городах, чтобы в подходящий момент поступать с ними так, «как будет приказано». Добираться до уездного центра изгнанным из сел евреям приходилось, главным образом, пешком. Каждая семья должна была обеспечить себе питание на четыре дня, перед уходом передать местным властям свои дома, магазины, мастерские и т.д. По подсчетам Федерации еврейских общин, такая участь ожидала 40 000 сельских евреев, включая женщин, детей, стариков. 5 июля 1941 г. евреи – жители сел и местечек Штефанешть, Бучечя, Сэвень, Фрумушика, в общей сложности около 1000 человек, были отправлены в г. Ботошань, небольшая группа в г. Дорохой. В Ботошанах, перед вступлением в город, евреев-переселенцев избили и ограбили, никто из властей не позаботился о размещении этих людей в мало-мальски человеческих условиях[221]. В небольшом городке Беюш жандармы согнали 708 евреев из сел Васкэу, Чейка, Тинка, Чюмегиу и Холод. Для их размещения власти потребовали от маленькой местной еврейской общины построить бараки на территории, где закапывали погибший от сибирской язвы скот, выделив на это 20 000 000 леев[222]. В городе Турда, куда пригнали 2070 евреев, приспособили для них под лагерь помещения бездействующих двух фабрик и мельницы[223].

В самих Яссах после «кровавого воскресенья» такого масштаба резни больше не было, но преследования продолжались. Новый военный комендант города генерал Думитру Карлаонц 6 августа 1941 г. издал приказ, обязывающий «все население еврейского этнического происхождения, независимо от пола и возраста», в течение 48 часов пришить к груди «звезду Давида». Еще, говорилось в этом приказе, в большом районе города (примерно 25 % всей его площади), огороженном речушкой Калкаина, улицами Рыпа, Музелор, Конта, Пэкурарь, Шкоала, Косма и шоссе Яссы–Мунтань включительно, впредь евреям жить и вступать запрещено. Им приказано было в течение трех дней покинуть свои дома, взяв с собой «только одежду и необходимое для себя», оставив нетронутыми «мебель, ковры, постельное белье», поскольку в этих квартирах будут размещены военные. Нарушители, говорилось в приказе, «будут считаться шпионами и приговариваться к смертной казни»[224]. Не только дома, но и принадлежащие в этой зоне евреям магазины, фабрики, мастерские были «румынизированы». Как и в других городах Румынии, в Яссах евреи могли находиться на улице с 6 утра и до 7 вечера, была также введена система заложничества.

Предлогом послужил пожар на городской электростанции, в результате которого вышел из строя трансформатор. Как всегда, вина была возложена на «евреев-саботажников», работавших на станции, хотя выяснилось, что пожар возник из-за небрежности рабочих нееврейской национальности. В качестве заложников были отобраны известные в городе еврейские общественные деятели, они отвечали жизнью за каждый «акт саботажа» своих соплеменников. Первоначально они содержались в школе «Талмуд-Тора» на улице Руфень, затем их перевели в помещение бывшей столовой Гелцер на ул. Елены Доамны и, наконец, в школу «Жунимя» № 2 на улице Палат[225].

Смертельная опасность нависла над заложниками, когда еврейской общине было отпущено всего 48 часов на оборудование полевого госпиталя на 500 мест для румынских раненых, прибывающих с фронта в большом количестве[226]. Делегаты общины под

контролем полицейских обходили дома евреев, собирали кровати, матрацы, одеяла, простыни, наволочки, пододеяльники, подушки, посуду и т. д. Приказ властей был выполнен, казнь заложников не состоялась, но жизнь их всегда висела на волоске, так как шантаж продолжался.

Еще много дней и месяцев ощущались трагические последствия погрома. В своем «Реферате» упомянутый Браунштейн пишет: «Улицы города были безлюдны, хотя прошли уже четыре недели после погрома. Кое-где можно было видеть открытый магазин и человеческую фигуру, следившую за прохожими. Здания еврейских религиозных учреждений представляли жалкий вид»[227].

Десятки синагог города были разграблены, свитки Торы и священные книги разорваны и сожжены. Украшение города величественный храм, дар барона Нейшатца, был почти разрушен, там, где раньше стояли алтарь и дорогая мебель, валялись бочки из-под бензина и мазута. Разрушено и ограблено было здание приюта для детей, просуществовавшего около 80 лет, одного из лучших в стране, также построенного на средства того же Нейшатца. Дети этого благотворительного учреждения частично были размещены по еврейским семьям, но многие сироты пропали. Директор этого бывшего образцового приюта Смотрич, автор многих еврейских дидактических пособий, оказался в первом «поезде смерти», на его глазах один солдат выстрелом в упор смертельно ранил его жену[228].

Разрушена и ограблена была начальная еврейская школа «Культура» на улице Мырзеску и размещавшийся в этом здании детский приют. В здании Объединения еврейских женщин поселилась часть немецкой «Организации Тодта». Материальный ущерб в результате разрушений и ограблений еврейских учебных, культурных, религиозных и благотворительных учреждений и организаций, жилых помещений, магазинов, складов, промышленных предприятий и мастерских не поддавался никакому учету. Еврейским учреждениям и организациям пришлось сильно потесниться. В здание приюта для стариков, рассчитанного на 70 человек, пришлось втиснуть 150 пожилых людей, лишенных в результате погрома крова, и 300 беженцев-евреев, изгнанных властями из близлежащих местечек Биволарь, Рэдукэнень, а также упомянутых 18 чудом оставшихся в живых евреев из м. Скулень. Во флигеле этого здания стал ютиться офис еврейской общины города, который ежедневно в поисках помощи посещали сотни обездоленных евреев[229]. В результате погрома осталось множество детей-сирот, помещенных на полном содержании общины в одной из еврейских больниц города, вдов без всяких средств к существованию, семейств без основного кормильца, искалеченного или томившегося в лагерях Калараш, Подул Илоаей и др.

Осталось определить: сколько же ясских евреев погибло в результате кровавой акции, учиненной фашистскими головорезами? Исследователь Раду Иоанид справедливо отметил: «Трудно определить число жертв Ясского погрома»[230]. Действительно, в документах и литературе приводятся самые разнообразные цифры. Если руководствоваться только данными, фигурирующими в документах румынских властей, то погибли: 500 «евреев-коммунистов», расстрелянных в самих Яссах «за нападение на немецких солдат» (правительственное коммюнике), 1419 умерших в первом «поезде смерти» Яссы–Калараш (рапорт начальника охраны поезда сублокотенента А. Триандафа от 9 июля 1941 г.) и 1198 во втором эшелоне Яссы–Подул Илоаей (акт приемка эшелона от 1 июля 1941 г. местными властями), итого 3517 человек[231]. Но власти, естественно, были заинтересованы скрыть масштабы резни, они не занимались учетом числа расстрелянных и приконченных другими способами в квестуре полиции, на улицах города, в еврейских домах, в бомбоубежищах и т. д. А сколько в результате побоев и огнестрельных ран, полученных во время погрома, умерли после него или стали калеками

на всю жизнь, сколько ясских евреев, побывав в лагерях Калараша и Подул Илоаей, не вернулись к своим семьям? Такую статистику власти не вели.

Журналист Мариус Мирку полагает, что 29 июня 1941 г., в день «кровавого воскресенья», в самом городе погибло 900 евреев, в том числе 500 расстреляны в квестуре[232], остальные за ее пределами, то есть на улицах, в домах, бомбоубежищах. В одном донесении румынской полиции говорится о 300 убитых в Яссах евреях, в другом – капитан Константин Дарие[233], очевидец погрома, называет цифру от 3 до 4-х тысяч убитых и раненых[234]. В приложении к донесению от 19 августа 1941 г., направленному в Вашингтон, посольство США в Бухаресте ставило под сомнение официальные данные румынского правительства о 500 расстрелянных евреях и выдвигало предположение, что их число может составить 4500 или 5000 человек.

Некоторые цифры о количестве уничтоженных в ходе погрома евреев содержатся в немецких источниках. Некий майор немецкой военно-полевой полиции (подпись неразборчива) в своем рапорте о проделанной работе в период с 16 по 30 июня 1941 г., сообщает, что «при попытке восстания» с целью якобы вызвать «пертурбацию на фронте» ясских евреев было уничтожено «около 2500–5000» человек[235]. В эти цифры, учитывая, что предельная дата отчета 30 июня, не могли войти данные о погибших в «поездах смерти». Германский посланник в Румынии Манфред фон Киллингер в телеграмме, направленной в Берлин 1 сентября 1941 г., в доказательство необоснованности упреков румын «в благосклонности к евреям», указывает на «ликвидацию около 4000 евреев в Яссах» и приказ И. Антонеску о мобилизации около 60 000 евреев недавно «освобожденных» территорий на строительство и ремонт дорог[236].

Спустя два года после погрома, в 1943 г., в одном из документов шефа ССИ Еуджена Кристеску, приведенных в книге Кристиана Транкотэ «Еуджен Кристеску – ас румынских секретных служб»[237], промелькнула цифра 13 266 жертв Ясского погрома. Корреспондент известной итальянской газеты «Corriera della Sera» на советско-германском фронте, побывавший в начале войны в Яссах, в своей книге «Kaputt»[238], утверждает, что во время погрома погибло 7000 евреев. Раввин А. Шафран в своих мемуарах называет 12 000 жертв[239]. М. Карп в «Черной книге» пишет: «Если даже не 12 000, как утверждает легенда, но наверняка намного больше половины этой цифры[240]. В послевоенной Румынии в материалах суда над обвиняемыми в погроме приводится цифра 8000 убитых. Этой цифры придерживались официальные историки коммунистической Румынии[241]. В наши дни этой цифрой оперируют исследователи Раду Флориан и Раду Иоанид. Жан Анчел в последней своей монографии отметил, что 29–30 июня 1941 г. в Яссах при поддержке частей германской армии «более пятнадцати тысяч евреев были там убиты»[242].

Современные почитатели маршала И. Антонеску, ратующие за его реабилитацию и оправдывающие в целом его политику, называют цифру около 3000. Румынские исследователи И. Калафетяну и Аурика Симион еще при власти Н. Чаушеску оперировали цифрой 3223 еврея, убитых во время Ясского погрома. Эту же цифру приводят А. Карецки и М. Ковач[243]. Любая из приведенных цифр подтверждает, что речь идет о тысячах уничтоженных людей.

Закончилась война, кое-кому пришлось держать ответ за свои преступления. Состряпанные на скорую руку в дни погрома всякие донесения, отчеты, сводки, призванные на всякий случай оправдать резню, не пригодились. К ним привлеченные к ответственности за содеянное не апеллировали. Как часто бывает в таких случаях, виновники преступления, чтобы спасти свою шкуру, начинают валить ответственность друг на друга. Полковник Константин Лупу при допросе заявил: «Ответственность за ситуацию в Яссах во время бойни падает в первую очередь на префекта уезда, который

не отдал ни одного приказа и не принял никаких мер, чтобы помешать тому, что произошло». Беспорядки же, по его мнению, «провоцировали немецкие войска». «Лично он, – продолжал К. Лупу, – будучи свидетелем, как гитлеровцы с помощью жандармов выдворяли из домов евреев, не принял меры, чтобы приостановить эти действия, поскольку эти жандармы принадлежали префектуре, которая только и должна была принять меры». Словно забыв, в чьем подчинении были жандармы, полковник в свою защиту сказал, что «по собственной инициативе» он «брал группы жандармов и ими разоружал тех, которые стреляли и арестовывали евреев»[244].

Генерал Ставреску утверждал, что он вообще редко бывал в городе, а во время погрома ему доложили, что «немцы проводят обыски», «заняли квестуру». Он же распорядился «срочно собрать праздно шатавшихся по городу солдат и не вмешиваться в операции, проводимые полицией и жандармерией», ратовал за то, чтобы «не скапливать много евреев в квестуре и освободить всех, у кого документы в порядке», и даже «предупредил расправу над евреями во дворе квестуры», начатую немцами, и вообще он «не имел никакого отношения к операциям в гарнизоне, а также к переброске оставшихся в живых (евреев – *И. Л.*), к их погрузке и отправке на вокзал[245].

Показания генерала Леовяну по содержанию напоминают его первый отчет на имя И. Антонеску от 2 июля 1941 г. Он заявил по поводу погрома, что «пришел к выводу, что это была провокация, устроенная немцами», и «замешаны были легионеры, сотрудничавшие с полицией и частями, находившимися в городе», нападение на колонны войск «симулировалось путем выстрелов из салонного оружия типа «Флоберт», стрелявшего на расстояние 3–4 метров», о чем свидетельствовали «найденные на улице гильзы от пуль»[246]. Генерал отказался от своих обвинений в адрес евреев, признал, что их грабили, избивали, убивали.

Бывший префект Ясского уезда Каптариу в своих показаниях назвал немцев организаторами и главными исполнителями расправы над евреями, к ним примкнули железногвардейцы. Это они, гитлеровцы, заняли квестуру полиции города, арестовывали, избивали лопатами и дубинками, расстреливали евреев. Он же, Каптариу, настоял перед генералом Ставреску обратиться к германскому командованию с просьбой приостановить бесчинства, и вместе с генералом и квестором Кириловичем, находясь в квестуре, стремились приостановить бойню[247]. Относительно депортации арестованных евреев из Ясс Д. Каптариу сказал: «Немцы, оккупировавшие квестуру, требовали срочно эвакуировать евреев из Ясс, именно арестованных, иначе они будут расстреляны». Само решение об их отправке было принято генералом Ставреску по согласованию с Министерством внутренних дел, и оно было обусловлено настойчивой угрозой немцев расстрелять арестованных в квестуре, если они срочно не будут эвакуированы и вывезены из Ясс»[248]. Но если, как представлял дело бывший префект, депортация явилась заботой о жизни арестованных в квестуре евреев, зачем, после их отправки в «поезде смерти», всю ночь на 30 июня продолжались обыски и аресты в домах евреев и организация второго эшелона смерти? О том, как умертвили в этих «поездах смерти» более 2,5 тысячи человек, Ставреску, Каптариу и др. предпочли умолчать. Зато Д. Каптариу не преминул напомнить о своем донесении в Министерство внутренних дел от 29 июня 1941 г., в котором сказано, что огонь против колонны румынских и немецких войск имитировали организованные группы железногвардейцев с целью разжечь ненависть к евреям. Однако он не счел нужным сказать, по чьей указке 2 июля 1941 г. изменил свои выводы, обвинив во всем евреев.

В ходе следствия и суда над румынскими военными и полицейскими участниками погрома в Яссах прояснилась роль спецслужб в его организации. Руководитель румынской Специальной службы информации Е. Кристеску, стараясь снять с себя и его организации

ответственность за бойню в Яссах, в своих показаниях следственным органам утверждал, что его служба непричастна к ней, ноги его подчиненных в дни погрома в городе не было, они появились позже. Сам он получил информацию о случившемся в этом городе от начальника 2-го отдела (контрразведки) Генштаба полковника Динулеску. Он якобы предпринял расследование и, насколько он припоминает (само дело будто пропало), в Ясском погроме «замешаны были 3 подпольные немецкие информационные службы», а именно гестапо, служба безопасности и секретная полевая военная полиция, с которыми сотрудничала подпольная «румынская группа», состоящая «из старых антисемитских элементов Ясс». Это они «устроили провокацию. В квестуре полиции г. Яссы, откуда стреляли по войскам «Организации Тодта», их в Яссах было большое количество, и, хотя среди них не было ни одного раненого, они приступили к развязыванию резни»[249]. Одним словом, всю вину за погром Е. Кристеску возложил на немцев. Но уже приведенные факты о деятельности майоров ССИ Балотеску и Тулбуре по подготовке банд легионеров, о чем знали и докладывали своему начальству квестор Кирилович и военный комендант города полковник Лупу, опровергают заявления Е. Кристеску о непричастности его службы к погрому. В отличие от своего шефа, бывшие сотрудники ССИ не отрицали участия их службы в организации погрома. Хорошо осведомленный бывший начальник секретариата ССИ упомянутый подполковник Траян Борческу рассказал на допросах (они состоялись 12 ноября 1945 г., 15 и 18 января 1946 г.), что 18 июня 1941 г., то есть за несколько дней до начала военных действий на советско-германском фронте, Е. Кристеску во главе группы офицеров из 1-го оперативного эшелона отправился в сторону Ясс, прихватив с собой все заранее подготовленные дела на «евреев-коммунистов, симпатизантов, подозрительных». От сотрудника своего секретариата Раду Сильвестру, входившего в состав этой группы, ему, Борческу, известно, что Е. Кристеску и «весь его эшелон в те дни находился в Яссах» и «свои сводки отправлял прямо маршалу (тогда еще генералу – *И. Л.*) Иону Антонеску, в Пятра-Нямц (в этом румынском городе в начале войны размещался штаб кондукэтора – *И. Л.*), а один экземпляр – в Бухарест, лично Михаю Антонеску...». Он, Борческу, эти сводки не видел, но ему попал в руки тот самый альбом с фотографиями, присланный курьером лично для Михая Антонеску. Составил этот альбом один из ответственных работников ССИ Флорин Беческу-Джорджеску, он же автор пояснений к каждой фотографии, а доставил фотографии Георге Кристеску, брат Еуджена Кристеску. В объяснительной записке, приложенной к альбому, действия погромщиков оправдывались тем, что «евреи с помощью советских партизан открыли огонь по германским и румынским войскам на пути к фронту». Чтобы придать достоверность этой лживой версии, в альбом были вложены фотографии с изображением изрешеченных якобы еврейскими пулями стен домов и валявшихся на земле убитых румынских и немецких солдат.

Т. Борческу отмечал, что «в реализации кровавых акций в Яссах» ССИ тесно сотрудничал со II отделом Генштаба, возглавляемым полковником Раду Динулеску, «без согласия и приказа» которого нельзя было обеспечить участие военных в погроме». Среди активных участников резни в Яссах Т. Борческу назвал от ССИ помощника комиссара Григория Петровича, который, по свидетельству членов его команды, долго задерживался в квестуре полиции в часы, когда со всех концов города сгонялись евреи[250].

И другие сотрудники ССИ не отрицали участия их организации в погроме. «Мы все служащие ССИ и все из моей секции, – заявил Раду Галериу из секции «Г», – были убеждены, что резня евреев в Яссах была организована Кристеску при помощи своих людей Микандру, Странски, Прока и подполковника Иона Лисиевича»[251]. Другой сотрудник ССИ подполковник М. Рэдулеску вспоминал, что 24 декабря 1941 г., в день Святого Евгения, когда отмечали именины шефа, он, сидя рядом с К. Ионеску-Микандру и Странским, был свидетелем такого высказывания Микандру: «Погодите, поконн-

чим мы с евреями так, как мы сделали это в Яссах совместно с ССИ. Когда уставали одни, их место занимали другие. Не так ли, Сандуле (Странски – *И. Л.*)?»[252].

Сейчас, при отсутствии в нашем распоряжении многих германских документов, когда подозрительно исчезли дела ССИ о событиях конца июня – начала июля 1941 г. в Яссах, трудно сказать, кому принадлежала сама идея организации погрома. В какой-то мере Ясский погром выглядит как претворение в жизнь угрозы, прозвучавшей из уст кондукэтора еще на заседании правительства 4 апреля 1941 г. Он, напомним, сказал тогда, что если дело дойдет до уличных беспорядков, он оставит евреев без защиты. «Я вместе с органами власти удалюсь в безопасное место и позволю их (евреев – *И. Л.*) истреблять»[253].

Присутствие гитлеровцев в Яссах отбросило необходимость румынским органам власти укрываться в безопасном месте, оно позволило им стать из пассивных наблюдателей резни ее активными участниками.

От кого бы ни исходила идея организации погрома, ясно одно: беспощадно убивали безвинных евреев как немецкие, так и румынские головорезы, не считаясь с полом и возрастом своих жертв. На правах представителей «высшей расы» гитлеровцы, естественно, задавали тон, играли главенствующую роль. Вместе с тем, стремление некоторых авторов всю ответственность за погром взвалить на немцев и снять ее с румынских властей, не выдерживает критики. Резня в Яссах со всей убедительностью показала, что фашистские диктатуры в Германии и Румынии стали союзниками не только в войне против СССР, но и в решении «еврейского вопроса» в нацистском духе.

Обеспокоенный тем, как бы погром в Яссах не стал достоянием мировой общественности, в приказе от 4 июля 1941 г. за № 4914, разосланном силовым структурам, румынский фюрер представляет эти кровавые действия, мягко именуемые им «беспорядками», как акцию, совершенную исключительно недисциплинированными солдатами, помимо и вопреки воле властей. В приказе нет никакого намека и на широкое участие в погроме гитлеровцев и даже железногвардейцев. «В ходе беспорядков, имевших место несколько дней назад в Яссах, – сказано в приказе, – армия и власти предстали в неприглядном свете... Позор тем более велик, что солдаты по собственной инициативе, чаще всего только ради того, чтобы грабить и истязать, нападают на еврейское население и без разбора убивают их... Поступая таким образом, мы всему миру показываем, что являемся недисциплинированным и нецивилизованным народом и выставляем авторитет и престиж румынского государства в неприличном виде... Преступления такого характера являются позорным пятном для всего народа, и за них впоследствии будут расплачиваться другие поколения, не совершавшие их».

В приказе не повторяются басни о нападении ясских евреев на румынские и немецкие войска, о пособничестве ими советским летчикам и парашютистам. Чинам армии и жандармерии, знавшим истину, было бы смешно твердить об этом. Кондукэтор ограничился упоминанием безнаказанных «оскорблений и нападений» евреев на румынские войска при отходе их из Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г. Не преминул он сказать, что евреи «отнимали хлеб у бедняков, спекулировали и задержали развитие румынского народа на несколько веков». Этим он как-то стремился оправдать вспышку юдофобства, вылившуюся в кровавый погром.

Чтобы не создавать у подчиненных впечатления об отказе от политики окончательного решения «еврейского вопроса», в приказе сказано: «Необходимость избавиться от этой напасти на теле румынизма неоспорима, однако только правительство имеет право принять необходимые меры. Эти меры находятся в стадии претворения и они будут применены по нормам, установленным мною. Непозволительно, чтобы каждый гражданин и каждый солдат присваивал себе миссию решать еврейскую проблему путем грабежа и резни».

В конце приказа, лишний раз доказывающего, что кондукэтор был хорошо осведомлен о погроме, для видимости он пригрозил отдать под суд и наказать по закону нарушителей[254]. Как будет показано дальше, к моменту появления этого «сочинения» И. Антонеску истребление евреев в Северной Буковине и Бессарабии уже шло полным ходом, и никто за это не был привлечен к ответу.

Опасением, как бы вещественные доказательства о злодеяниях в Яссах не стали достоянием мировой общественности, было также продиктовано распоряжение изымать полученные каким-то образом фотографии с изображением погребения жертв погрома на еврейском кладбище в Яссах. «Просим, – писал своим подчиненным квестор кишиневской полиции, – конфисковать эти фотографии, не допустить их распространения, выяснить их принадлежность и срочно доложить результаты» [255].

По числу жертв Ясский погром можно отнести к крупнейшим акциям по уничтожению евреев в первые дни советско-германской войны. Безошибочно можно утверждать, что он не явился результатом вырвавшихся наружу стихийных сил, обозленных враждебными действиями евреев г. Яссы, якобы напавших на румынские и немецкие войска и оказавших всякую другую помощь Красной армии. Эта версия, пущенная в обиход организаторами бойни, которую они старались застолбить для истории наспех состряпанными документами и которая в посткоммунистические годы усердно пропагандируется почитателями маршала И. Антонеску и защитниками его антисемитской политики, никакими доказательствами не подтверждается.

Здравомыслящие румыны уже в ту пору выражали недоверие правительственным версиям о причинах погрома. Известный румынский политик, многократный министр и последний председатель Сената при правлении короля Кароля II Константин Арджентояну, ознакомившись с правительственным сообщением о расстреле 500 «иудео-коммунистов», якобы по совету свалившихся с неба советских парашютистов открывших огонь по румынским и немецким войскам, а также с другим сообщением, в котором говорилось, что за каждого убитого немецкого или румынского солдата будут расстреляны 50 «иудео-коммунистов», стрелявших по войскам из-за спины, записал в своем дневнике: «Возникает вопрос: чем (стреляли – *И. Л.*)? Разве не разоружили весь народ после событий в январе? (Имеется в виду легионерский мятеж 21–23 января 1941 г. – *И. Л.*)». «Поскольку у жидов нет оружия, – заключает престарелый политик, – остается полагать, что речь идет о коммунистах, вооруженных легионерским движением... Не является ли это способом, используемым генералом Антонеску, чтобы «отречься» от своих бывших товарищей по правительству? Все возможно при режиме, упразднившем законность»... Но это было пока его предположение.

Спустя некоторое время, пообщавшись со свидетелями Ясского погрома, К. Арджентояну добавил в своих дневниковых записях: «Добропорядочные люди, побывавшие там, рассказали мне невообразимые вещи, которые доказывают, что мы пребываем еще на очень низкой ступени гуманности. В Яссах не убивали легионеров и коммунистов-христиан, как утверждалось, убивали только евреев и самым варварским способом. Резню спровоцировали несколько легионеров; некоторые из них стреляли из окон, в сторону улицы, впрочем, никого не задев – только одного немецкого офицера. Другие легионеры начали кричать на улице: «Евреи стреляют по нашей армии и по немцам»; этого было достаточно, и все набросились на евреев. От дома к дому немецкие СС, румынские солдаты, легионеры и все ясские подонки обшарили все. Вытаскивали целые семьи со стариками, женщинами, детьми и беспощадно уничтожали их. Были убиты таким образом более 7000... Остальных построили в колонну и отправили на вокзал. Конвои людей в лохмотьях, седоволосых стариков, больных погнали, как скот. Если кто-то спотыкался и падал, подонки набрасывались на него и избивали дубинками.

Оставшихся в живых затолкали в товарные вагоны одного на другого, по сто-двести в каждом вагоне. Предварительно обдали полы вагонов креолином. Вагоны были герметически заперты, и несчастных 4 дня возили без пищи и воды. Когда вагоны открыли, из них выплеснулась отвратительная вонь, ибо трупы и испражнения перемешались с живыми в единую массу: отвратительно, отвратительно».

Вряд ли автора этих строк можно заподозрить в антипатриотизме. Не знал старый политик только, кто за кулисами организовывал и управлял погромом. Между тем, факты неоспоримо говорят о том, что погром в Яссах был заранее запланированной руководством страны акцией. Его подготовку секретные службы Германии и Румынии проводили с привлечением банд железногвардейцев и других антисемитских элементов еще до начала военных действий на советско-германском фронте.

Собственно, к такому выводу пришел суд над румынскими виновниками Ясского погрома. В обвинительном заключении сказано: «Кто организовал резню? Кто руководил ею и ответственен за нее? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо подчеркнуть, что расследование неопровержимо установило, что жители-евреи не сигнализировали, не имели связи с советскими летчиками, не были вооружены, не стреляли по румынским и германским войскам, ибо, несмотря на все обыски, проведенные в еврейских домах, ни у кого не обнаружили никакого оружия, а среди румынских и немецких войск не было ни одного убитого или раненого. Следовательно, все, что было отнесено на счет жителей-евреев, не что иное как криминальная инсценировка с целью оправдать массовые убийства на улицах города, во дворе квестуры, а также в поездах, в которые их погрузили». И далее: «С самого начала было видно, что эта криминальная инсценировка исходила от преступного правительства и выполнена Секретной службой по договоренности с немцами и группой легионеров, обученных и вооруженных майорами Балотеску Георге и Тулбуре Емилом, заранее прибывших в Яссы с этой целью»[256].

Главная цель этой провокации – вызвать в преддверии массового уничтожения евреев Бессарабии, Северной Буковины новый прилив юдофобства, а заодно, поскольку это совпало с неудачами первых дней войны на бессарабском участке фронта, списать их за счет «враждебных действий» евреев. Нет сомнения, что все это делалось с ведома и одобрения тогдашнего руководства Румынии. Лишнее доказательство этого – никто из убийц, среди которых было много железногвардейцев, считавшихся противниками И. Антонеску, не был привлечен к ответственности за кровавые деяния и не понес наказания. Погром в Яссах показал, что для проведения замышляемой «этнической чистки» в Бессарабии и на Буковине власти располагают многочисленными отрядами головорезов и убийц, готовых решать в нацистском духе извечный «еврейский вопрос». В ходе «кровавого воскресенья» и в последующие дни были отработаны различные способы уничтожения людей, в том числе умерщвления в пресловутых «поездах смерти». Школу мародерства и геноцида прошел большой отряд будущих блюстителей «порядка», ожидавших направления в Бессарабию и Северную Буковину. Ясский погром стал своеобразной генеральной репетицией Холокоста, развернувшегося летом 1941 г. в вышеназванных двух провинциях. В городах, местечках и селах Румынии в ее границах на день 22 июня 1941 г. в таком масштабе погром не повторился.

Примечания

[1] Историко-дипломатический архив (далее: ИДА). Фонд микрофильмов румынских документов. Telegrama cifrată către legatiile din Roma şi Berlin. 10 Mai, 1941.

[2] Documents on German Foreign Policy (1918–1945), series D (1937–1945). – V. XII. P. 996–1005 (далее: DGFP, series D); Procesul marii trădări nationale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului asupra lui Antonescu). Bucureşti. – P. 63 (далее: PMTN).

[3] Государственный архив Черновицкой области (далее: ГАЧО). Ф. 30. Оп. 4. Д. 33. Л. 1409.

[4] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7-ми томах. – Т. 2. Преступление против мира. – М., 1958. – С. 689 (далее: Нюрнбергский процесс...).

[5] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 53. Л. 55.

[6] Нюрнбергский процесс... – Т. 2. – С. 689.

[7] Там же. – С. 583.

[8] DGFP, series D. V. XII. – P. 1047–1049.

[9] Evreii din România intre anii 1940–1944. Vol. II. Problema evreiasca in stenogramele Consiliului de Ministri. Redactor Z. Ornea. Prefata: Acad. Prof. Dr. Nicolae Cajal. Volum alcatuit de Lya Benjamin. Ed. Hasefer. – Bucureşti, 1996. – P. 234 (далее: E. R. Vol. II).

[10] Ibidem. – P. 235.

[II] DGFP, series D. V. XIII. – P. 318–319.

[12] The Einsatzgruppen reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squad'Campaign Against the Jews July 1941 – January 1943. Edited by Yitzhak Arad, Shmuel Krakowski. Shmuel Spector. Holocaust Library. – NY. – P. 4–19 (далее: The Einsatzgruppen reports...).

[13] Documents Concerning the Fate of Romanian Jewy during the Holocaust. Vol. V. Selected and edited by Dr. Jean Ancel. P.l (далее: DCFRJDH); Evreii din Romania intre anii 1940–1944. – Vol. III. 1940–1942: Perioada unei mari restrişti. Partea I-a. Cuvînt inaint.: acad. prof. Dr. Nicolae Cajal. Ed. Hasefer. – Bucureşti, 1997. – P. 217–218 (далее: E. R. – Vol. III).

[14] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 1–6.

[15] Ibidem. – P. 2–4; Vol. VI. – P. 207.

[16] Ibidem. – Vol. V. – P. 8.

[17] Ibidem. – P. 9. – Vol. II. – P. 414–415; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 218–220.

[18] Matatias Carp. Cartea Neagră – Suferintele evreilor din România. 1940–1944. – Vol. III. Transnistria. – Ediţia a II-a. Ed. Diogene. – 1966. – P. 79–80 (далее: C. N.); DCFRJDH. – Vol. III. – P. 578–579.

[19] C. N. – Vol. III. – P. 79–80.

[20] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 106.

[21] Ibidem. – P. 200.

[22] Ibidem. – P. 507.

[23] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 453.

[24] Ibidem. – P. 417.

[25] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 203.

[26] Пасат В. Суровая правда истории. Депортации с территории Молдавской ССР в 40–50-е гг. – Кишинэу, 1998. – С. 98, 101.

[27] Там же. – С. 104–108.

[28] Котляр М. Кровь на снегу. Свидетельские показания. – Иерусалим, 1989. – С. 16.

[29] Пасат В. Указ. соч. – С. 107–108.

[30] E. R. – Vol. II. – P. 365; НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 560. Л. 211.

[31] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. – М.: Наука, 1968 (далее: Пограничные войска...). – С. 27; Советские архивы. – 1966. – № 3. – С. 58.

[32] Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМОР). Ф. 516. Оп. 7720. Д. 1. Л. 1; Ф. 455. Оп. 3974. Д. 2. Л. 2; Д. 3. Л. 1; Ф. 496. Оп. 641617. Д. 4. Л. 6; и др.

[33] Timpul. – 1941. – 22 iunie (editia speciala); 1941. – 23 iunie; 1941. – 24 iunie.

[34] C. N. – Vol. II. – P. 69.

[35] E. R. – Vol. II. – P. 236.

[36] Ibidem. – P. 244.

[37] DGFP. Series D. – Vol. XII. – P. 1047–1049.

[38] ЦАМОР. Ф. 228. Оп. 710. Д. 3. Л. 233; Д. 16. Л. 89, 93; Ф. 516. Оп. 7220. Д. 4. Л. 1–3; Ф. 496. Оп. 9815. Д. 4. Л. 9, 14; Ф. 455. Оп. 3974. Д. 3. Л. 1; Пограничные войска... – С. 31, 34, 38–40; Защитник Родины. – 1941. – 27, 29, 30 июня; Советские архивы. – 1966. – № 3. – С. 39, 59; Исторический архив. – 1961. – № 3. – С. 98–99; Военно-исторический журнал. – 1961. – № 6. – С. 51–52 и др.

[39] Вестник. – Выпуск I. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. – Черновцы, 1991. – С. 42 (далее: Вестник...).

[40] Подробно см.: Котляр М. Указ соч.

[41] Молдова сочиалистэ. – 1941. – 26 юлие.

[42] ЦАМОР. Ф. 496. Оп. 641617. Д. 4. Л. 40.

[43] Там же. Л. 227.

[44] Там же. Л. 228.

[45] Защитник Родины. – 1941. – 5 июля.

[46] Советская Молдавия. – 1941. – 24 июня.

[47] Стягул Рошу. – 1941. – 27 юние.

[48] Путеря Советикэ. – 1941. – 1 юлие.

[49] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945. – Т. I. – Кишинев. – С. 26, 45 и др. (далее: МССР в Великой Отечественной...).

[50] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 425–426; Jean Ancel. The Romanian Way of Solving the «Jewish Problem» in Bessarabia and Bucovina. June–July 1941 – Yad Vashem Studies, 19. – 1998. – P. 199–200 (далее: YVS).

[51] C. N. – Vol. II. – P. 74.

[52] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 45–46.

[53] ЦАМОР. Ф. 496. Оп. 641617. Д. 4. Л. 93; Ф. 224. Оп. 932. Д. 10. Л. 4–5.

[54] C. N. – Vol. II. – P. 25.

[55] Ibidem.

[56] C. N. – Vol. II. – P. 77.

[57] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 409.

[58] C. N. – Vol. II. – P. 78.

[59] Ibidem. – P. 79; DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 195.

[60] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 409.

[61] Ibidem. – Vol. VI. – P. 46; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 254.

[62] НАРМ. Ф. 1026. Д. 11. Л. 186., 186 об.

[63] Martiriul evreilor din Romania 1940–1944. Documente şi marturii. – Bucureşti, 1991. – P. 121–122 (далее: Martiriul evreilor... или MER); C. N. – Vol. II. – P. 80–82.

[64] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 409.

[65] C. N. – Vol. II. – P. 75–76;. DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 408; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 309–310.

[66] C. N. – Vol. II. – P. 76;. DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 408.

[67] C. N. – Vol. II. – P. 76. В очередном письме от 28 июля 1941 г., направленном командованию 14-й пехотной дивизии, полковник Матиеш пишет, что все расстрелы евреев в Скулянах, Бельцах и Маркулештах осуществлены на основе приказа 3-й армии № 1949/1941 и 14-й дивизии № 24218 от 11 июля 1941 г. (E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 343).

[68] C. N. – Vol. II. – P. 78–79.

[69] О расправе с евреями м. Скулень у Стынка Росновану см. также: Ancel J. The Romanian Way of Solving the «Jewish Problem...». – Yad Vashem Studies, 19. – 1998. – P. 201, 205; Ioanid R. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsiesunder the Antonescu Regime. 1940. – Chicago, 2000. – P. 94–96 (далее: Ioanid R. The Holocaust in Romania...).

[70] Marius Mircu. Pogromurile din Bucovina si Dorohoi. – Bucureşti, 1945.

[71] C. N. – Vol. II. – P. 10–11.

[72] Ibidem. – P. 15.

[73] Martiriul evreilor... – P. XXII.

[74] Şafran A. Sef Rabin al Genevei. Fost Sef Rabin al României. Un taciune smuls flăcărilor. Comunitatea evreiasca din Romania 1939–1947. Memorii. Ed. Hasefer. – Bucureşti, 1996. – P. 69.

[75] Florian R. Regimul antonescian: istorie si mistificare. – Societatea&Cultura. – 1994. – № 1. – P. 12; Florian R. The Jassy Massacre of June 29–30 1941; An Early Act of Genocide Against the Jews. – The Destruction of Românian and Ukrainian Jews. During the Antonescu. Edited by Randolf L. Braham. –NY., 1997. – P. 67 (далее: Florian R. The Jassy Massacre...).

[76] Ioanid R. The Fate of the Romanian Jews under the Antonescu Regime. Statistical date, Preliminary Conclusoins. – The Jews in the Romanian History. Papers from the International Symposium. – Bucureşti, 1996. – P. 201 (далее: The Fate of the Romanian Jews...); Ioanid R. The Holocaust in Romania...

[77] Ancel J. Contribuţii la istoria României. Problema evreiască. Vol. II. Partea a două. 1933–1944. – Bucureşti, 2003. – P. 87. (Capitului 33. Pogromul de la Iaşi. 29 iunie 1941).

[78] Ceausescu N. România pe drumul construirei societatii socialiste multilateral desvoltate. – V. 1. – Bucureşti, 1975. – P. 570.

[79] Kareţki A., Covaci M. Zile însangerate la Iaşi. – Bucureşti, 1978.

[80] Dobrinescu V.-F., Constantin I. Basarabia in anii celui de al doilea razboi mondial (1939–1947). – Iasi, 1995. – P. 218–219.

[81] Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 45–46.

[82] C. N. – Vol. II. – P. 19–51,61.

[83] Ibidem. – P. 43.

[84] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 42.

[85] Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 49.

[86] Ibidem.

[87] Ibidem. – P. 50.

[88] C. N. – Vol. II. – P. 60.

[89] Ibidem. – P. 63.

[90] Ibidem. – P. 59.

[91] Evreii din România... – Vol. II. – P. 111.

[92] DCFRJDH. – Vol. I. – P. 542.

[93] Ibidem.

[94] Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 46.

[95] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 34.

[96] C. N. – Vol. II. – P. 92.

[97] Ibidem. – P. 55.

[98] Ibidem. – P. 93.

[99] Ibidem. – P. 24, 99, 102, 139.

[100] Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 54.

[101] Документы румынских карательных органов, в первую очередь ССИ и сигуранцы, подтверждают заброску с помощью авиации в июле–августе 1941 г., а не в июне, на территорию Румынии небольших советских разведывательно-диверсионных групп, в том числе одной в районе Подул Илоаей, в 20 км от Ясс. Она состояла из 7 человек (Петров из Одессы, Мунтян из Кишинева и др.). Эта, как, впрочем, и другие группы, была обнаружена жандармами, некоторые парашютисты схвачены, другие убиты в неравном бою. В делах ССИ и сигуранцы имеются протоколы допросов захваченных членов этих групп, их фотографии, вооружение и т. д. Обнаружить следы якобы плененных четверых парашютистов или советских летчиков, схваченных после бомбардировки г. Яссы 26 июня 1941 г., среди этих дел не удалось.

[102] Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 54.

[103] Ibidem.

[104] C. N. – Vol. II. – P. 69.

[105] Martiriul evreilor... – P. 133.

[106] C. N. – Vol. II. – P. 99.

[107] Ibidem. – P. 67, 92.

[108] Ibidem. – P. 68.

[109] Ibidem. – P. 92–93.

[110] Ibidem. – P. 68.

[111] Martiriul evreilor... – P. 87.

[112] C.N. – Vol. II. – P. 70–71.

[113] Martiriul evreilor... – P. 80; C. N. – Vol. II. – P. 24–25, 70–71; Для видимости, на железногвардейца Манолиу было заведено судебное дело 13 июля 1942 г. Военно-полевой суд убийцу оправдал (E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 222).

[114] C. N. – Vol. II. – P. 73.

[115] Ibidem. – P. 115.

[116] Martiriul evreilor... – P. 90.

[117] C.N. – Vol. II. – P. 63.

[118] Ibidem. – P. 59.

[119] Ibidem. – P. 93.

[120] Ibidem. – P. 113.

[121] Martiriul evreilor... – P. 91; C. N. – Vol. II. – P. 73.

[122] Martiriul evreilor... – P. 91–92; C. N. – Vol. II. – P. 89–90.

[123] Martiriul evreilor... – P. 93–94; C. N. – Vol. II. – P. 87–88.

[124] Martiriul evreilor... – P. 94–95; C. N. – Vol. II. – P. 88–89.

[125] Martiriul evreilor... – P. 94–95; C. N. – Vol. II. – P. 89.

[126] C. N. – Vol. II. – P. 115–116; Martiriul evreilor... – P. 101–102.

[127] Martiriul evreilor... – P. 95.

[128] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 37.

[129] Ibidem. – P. 36.

[130] Ibidem. – P. 46.

[131] Ioanid R. The Holocaust in Romania... – P. 87–88.

[132] Ancel J. Transnistria. – Vol. I. – Bucureşti, 1998. – P. 279.

[133] Martiriul evreilor... – P. 99–100; C. N. – Vol. II. – P. 154.

[134] C. N. – Vol. II. – P. 124.

[135] Ancel J. Transnistria. – Vol. I. – Bucureşti, 1998. – P. 278; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 227.

[136] C. N. – Vol. II. – P. 125–126.
[137] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 35–36.
[138] Martiriul evreilor... – P. 129.
[139] Ibidem. – P. 126.
[140] C. N. – Vol. II. – P. 29–30.
[141] Ibidem. – P. 64, 94–95.
[142] Ibidem. – P. 64.
[143] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 36.
[144] C. N. – Vol. II. – P. 94–95.
[145] Ibidem. – P. 105, 117.
[146] Ibidem. – P. 114.
[147] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 36.
[148] Ibidem. – P. 142; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 225–226, 229.
[149] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 44.
[150] C.N. – Vol. II. – P. 140.
[151] Ibidem. – P. 99–100.
[152] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 36; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 254.
[153] C. N. – Vol. II. – P. 117; Martiriul evreilor... – P. 107.
[154] C. N. – Vol. II. – P. 117.
[155] Ibidem. – P. 118.
[156] Ibidem. – P. 95.
[157] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 38; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 233.
[158] C. N. – Vol. II. – P. 95–96.
[159] Martiriul evreilor... – P. 135.
[160] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 38.
[161] C. N. – Vol. II. – P. 127; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 266.
[162] C. N. – Vol. II. – P. 127, 134.
[163] Ibidem. – P. 138–139.
[164] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 39.
[165] C. N. – Vol. II. – P. 126.
[166] C. N. – Vol. II. – P. 133.
[167] Martiriul evreilor... – P. 131.
[168] C. N. – Vol. II. – P. 140.
[169] Ibidem. – P. 134.
[170] Ibidem. – P. 135–136.
[171] Ibidem. – P. 137–138.
[172] Ibidem. – P. 144; Martiriul evreilor... – P. 117; DCFRJDH. – Vol. II. – P. 443.
[173] Martiriul evreilor... – P. 133.
[174] Ibidem. – P. 131.
[175] Ibidem. – P. 117; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 262; C. N. – Vol. III. – P. 142.
[176] Ibidem.
[177] Ibidem. – P. 131.
[178] C. N. – Vol. II. – P. 97–98.
[179] Martiriul evreilor... – P. 128.

[180] Martiriul evreilor... – P. 113; C. N. – Vol. II. – P. 147.
[181] Martiriul evreilor... – P. 97–98.
[182] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 41.
[183] C. N. – Vol. II. – P. 107, 353; Martiriul evreilor... – P. 98–99.
[184] C. N. – Vol. II. – P. 110.
[185] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 39–40.
[186] C. N. – Vol. II. –P. 149–150.
[187] Ibidem. – P. 151.
[188] Ibidem. – P. 152.
[189] Ibidem. – P. 150.
[190] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 38.
[191] C. N. – Vol. II. – P. 102–103.
[192] Martiriul evreilor... – P. 100.
[193] Ibidem. – P. 96–97.
[194] Ibidem. – P. 96.
[195] Ibidem. – P. 101.
[196] C. N. – Vol. II. – P. 107.
[197] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 41.
[198] Martiriul evreilor... – P. 94–95; C. N. – Vol. II. – P. 113.
[199] C. N. – Vol. II. – P. 114.
[200] Martiriul evreilor... – P. 190.
[201] C. N. – Vol. II. – P. 89.
[202] Ibidem. – P. 112; Martiriul evreilor... – P. 91.
[203] Martiriul evreilor... – P. 102; C.N. – Vol. II. – P. 116.
[204] C. N. – Vol. II. – P. 58.
[205] Ibidem. – P. 59; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 241–242.
[206] C. N. – Vol. V. – P. 119–121; Martiriul evreilor... – P. 105–108.
[207] DCFRJD. – Vol. VI. – P. 42.
[208] C. N. – Vol. II. – P. 121; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 248.
[209] C. N. – Vol. II. – P. 159.
[210] Şafran A. Op. cit. – P. 69.
[211] Ibidem. – P. 73.
[212] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 428.
[213] Ibidem. – P. 508.
[214] Ibidem. – P. 430.
[215] Ibidem. – P. 459; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 291–292, 311–312.
[216] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 439.
[217] Ibidem. – P. 463.
[218] Ibidem. – P. 216.
[219] Ibidem. – P. 429–430, 442.
[220] Ibidem. – P. 441, 469.
[221] Ibidem. – P. 419, 444.
[222] Ibidem. – P. 460.
[223] Ibidem. – P. 466.

[224] C. N. – Vol. II. – P. 156–157. Прежний комендант гарнизона полковник К. Лупу был отстранен 2 июля 1941 г. Ему вменялась в вину выдача некоторым евреям справок о свободном передвижении в Яссах. Впоследствии над ним устроили суд за «злоупотребление властью» (E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 226).

[225] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 47.

[226] Ibidem. – P. 48.

[227] Ibidem. – P. 45.

[228] Ibidem.

[229] Ibidem.

[230] Ioanid R. The Holocaust in Romania... – P. 77.

[231] Martiriul evreilor... – P. 100, 112, 116; C. N. – Vol. II. – P. 141–142, 147.

[232] Мирку М. Op. cit. – P. 43.

[233] Ioanid R. The Holocaust in Romania... – P. 77.

[234] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 3.

[235] Martiriul evreilor... – P. 118–119.

[236] Ibidem. – P. 120.

[237] Trancotă C. Eugen Cristescu asul servicilor secrete româneşti – memorii, marturii, documente. – Bucureşti, 1996. – P. 194.

[238] Malaparte C. Kaputt (Terza Edizione. 30 migliaro: casetta. Editore Napoli). Cap. VI "Itopi di Jassy".

[239] Şafran A. Op. cit. – P. 69.

[240] C. N. – Vol. II. – P. 13.

[241] Попеску-Пуцурь И. и др. Румыния во Второй мировой войне. Очерки. – Бухарест, 1964. – С. 50; Popescu-Puţuri I., Zaharia Gh., Goldbergher N., Constantinescu N.N., Copoiu N. La Roumanie pendant la deuxieme guerre mondiale. – Bucarest, 1964. – P. 50; Zaharia G. Pages de la resistance antifasciste en Roumanie. – Bucureşti, 1974. – P. 45.

[242] Florian R. The Iassy Massacre... – P. 74; Ioanid R. The Fate of the Romanian Jews... – P. 201; Ancel J. Contribuţii la istoria Romaniei. Problema evreiască. – Vol. I. Partea a două. 1933–1944. – Bucureşti, 2001. – P. 140, 169 (далее: Ancel J. Problema evreiască...).

[243] Dobrinescu V.-F., Constantin I. Op. cit. – P. 218–219; Calafpeteanu I., Simion A. The condition of the Jews living withn the Romanian State during the Years of the Military – Fascist Dictator-Ship. – Bucharest, 1983; C. N. – Vol. II. – P. 66; Kareţki A., Covaci M. Op. cit. – P. 109. На этой же странице авторы приводят еще ряд цифр, опубликованных в зарубежных изданиях.

[244] C. N. – Vol. II. – P. 66.

[245] Ibidem. – P. 9, 64–65.

[246] Ibidem. – P. 62.

[247] Ibidem. – P. 108–109.

[248] Ibidem. – P. 123–125.

[249] Ibidem. – P. 42–43.

[250] Ibidem. – P. 49–52.

[251] Ibidem. – P. 61.

[252] Ibidem. – P. 54.

[253] E. R. – Vol. II. – P. 214.

[254] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 79–80; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 256–257.

[255] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 269.

[256] C. N. – Vol. III. – P. 501; DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 375.

Глава III

ЧЕРНЫЙ ИЮЛЬ 1941 г.

§ 1. Почему евреи Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии не избежали Катастрофы

К июлю 1941 г. положение Красной армии на южном фронте усложнилось. На рассвете 3 июля, когда советские войска Юго-Западного фронта вели напряженные бои с дивизиями вермахта в районе Ровно, Дубно и Кременец, немецко-румынские войска начали наступление в междуречье Прута и Днестра. Главный удар силами 11-й немецкой и 3-й румынской армий они нанесли на Могилев-Подольском и Бельцском направлениях. В связи с тяжелым положением, создавшимся на стыке Западного и Южного фронтов, советское командование стало отводить свои войска, в первую очередь в Черновицкой области и на севере Молдавской ССР. Для огромного числа евреев, проживавших на этой территории и не успевших эвакуироваться в восточные районы СССР, наступил черный июль.

Возникает вопрос: почему евреи прифронтовых территорий, в массе своей, зная, какую смертельную опасность для них несет фашизм, заблаговременно не эвакуировались в глубокий советский тыл? Причины были, конечно, как объективные, так и субъективные. К ним, во-первых, следует отнести неинформированность населения об истинном положении на советско-германском фронте. Основными источниками информации в той обстановке были сообщения советского радио, передаваемые на улицах городов, местечек, районных центров через громкоговорители, в домах – по радиоточкам. И эти источники далеко не везде были в населенных пунктах Бессарабии и Северной Буковины. Немногочисленные радиоприемники, которые были у населения, в первые же дни войны были изъяты властями, чтобы «уберечь» советских людей от «тлетворного влияния» вражеской пропаганды, избежать распространения «ложных» слухов и других враже-

ских вылазок. Евреи западных республик и областей, которым больше всего угрожал приход фашистов, были в полном неведении о положении на фронте. Шая Клейман, житель маленького местечка Вад-Рашков. что на правом берегу Днестра, вспоминает: «В первые же дни войны наше местечко было подвергнуто зверской бомбардировке (хотя никаких военных объектов и войск там не было), много людей было убито и ранено. Никакой информации о положении дел на фронте у нас не было, но вскоре после бомбардировки стали уже слышны разрывы снарядов приближающегося фронта. Тогда еврейское население начало эвакуироваться. По-моему, это было в начале июля 1941 г.»[1].

Ежедневные сводки Советского информационного бюро, если и доходили до людей, давали весьма смутное, даже ложное представление о положении на полях сражений, трудно было определить, где проходит линия фронта, какие и когда были оставлены города.

Сводки Советского информбюро о боях на бессарабском участке советско-германского фронта в первые дни войны были весьма утешительны, полны оптимизма. В них говорилось, что «неоднократные попытки румыно-немецких войск овладеть Черновицами и восточным берегом Прута кончились неудачей», что войска Красной армии «прочно удерживают позиции на восточном берегу р. Прут, успешно отражая многочисленные попытки противника форсировать ее», что «захвачены немецкие и румынские пленные», а «в ночь на 27 июня группа наших войск при поддержке речной флотилии форсировала Дунай и захватила выгодные пункты, 510 пленных (в том числе 2 офицеров). 11 орудий и много снаряжения»[2]. Кое-где, в частности в Кишиневе, даже распространялись пущенные кем-то слухи, что Красная армия заняла Яссы и наступает на Бухарест. Даже в день, когда вдоль Прута немецкие и румынские войска, готовясь к широкому наступлению, заметно активизировали свои действия, Совинформбюро в сводке за 1 июля 1941 г. спокойно сообщало: «Все попытки румыно-немецких войск проникнуть на территорию Бессарабии неизменно разбиваются о мужество и силу наших бойцов...»[3].

Официальные сводки о боях на Пруте и Дунае, слухи о громких победах, в которых перемешивались правда и явная ложь, действовали успокаивающе на евреев Бессарабии и Северной Буковины, сеяли в их душах беспечность и надежды, что война скоро победоносно закончится, и, следовательно, покидать свой дом и нажитое добро, отправляться далеко на восток не следует. В лучшем случае, чтобы обезопасить свою жизнь от налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов на границе, многие покидали города и прифронтовые районы и перебирались к своим родственникам, друзьям и знакомым в близлежащие села и местечки, где было спокойнее. О массовой эвакуации в глубокий советский тыл в начале войны речь не шла, об этом думали лишь немногие.

К тому же следует учитывать, что в первые дни войны в целях беспрепятственного продвижения к фронту войск и военной техники в ряде прифронтовых республик и областей массовая эвакуация на восток гражданского населения была строго запрещена. Так, в постановлении ЦК КП(б) Молдавии и правительства республики от 22 июня 1941 г. о задачах партийных и советских органов в связи с началом войны, говорилось: «Партийным и советским организациям запретить преждевременную эвакуацию всех категорий населения без особого на то указания. Каждый отдельный случай самовольной эвакуации будет рассматриваться как дезертирство. Одновременно партийные и советские организации должны принять решительные меры к недопущению самовольной эвакуации населения и какой-либо забивки дорог беженцами»[4]. Не без того, такие запреты нарушались, в том числе руководящими работниками, которые, злоупотре-

бляя своим служебным положением, отправляли в глубокий тыл свои семьи и личное имущество, используя государственные транспортные средства. В той же Молдавской ССР 5 июля 1941 г. инструкторы уполномоченного ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по Молдавии докладывали: «На товарной станции г. Кишинева отгружается имущество отдельных ответственных работников. Проверкой было установлено, что многие вагоны в эшелонах были загружены вещами домашнего обихода, принадлежавшими работникам НКВД...»[5]. Такие нарушения совершались повсеместно. Кое-кто из партийных и советских руководителей, особенно в отдаленных от железнодорожных станций местечках и районных центрах, использовал для эвакуации своих семей и личного имущества, а иногда они и сами, не дожидаясь приказа свыше, уезжали в тыл на государственном автотранспорте. Такие случаи отмечались иногда в донесениях советских войск.

Что касается рядовых граждан, решивших на свой страх и риск эвакуироваться в восточные районы страны, то они пользовались, в основном, гужевым транспортом, изредка железнодорожным, часто просто отправлялись пешком, таща за собой в лучшем случае коляску или тележку со своим скромным скарбом, при этом рискуя быть объявленными дезертирами, паникерами и т. д. Одессит Б. Гидалевич вспоминал: «Семья моего брата Иосифа Гидалевича, электрообмотчика завода им. Петровского, сумела выехать из осажденной Одессы, лишь приобретя проездные документы у одного моряка в обмен на ручные часы (они тогда высоко ценились). Эвакуирующихся, следуя указаниям «отца народов», часто рассматривали как паникеров и возвращали их с дороги. Мне известен случай с семьями моих земляков Т. Фолькинштейна и Ш. Каца, которых сельсовет села Валя Гоцулуй (сейчас с. Долинское Ананьевского района) вернул домой, чтобы не вызывали панику»[6].

В прифронтовых районах меры по организованной эвакуации гражданского населения или вообще не принимались или оказались запоздалыми. В Молдавской ССР только 6 июля, когда значительная часть территории на севере республики уже была занята противником, и бои шли недалеко от г. Бельцы, ЦК КП(б) Молдавии и Совнарком МССР приняли Постановление «О мероприятиях, обеспечивающих планомерную эвакуацию ценностей, скота и населения из Молдавской ССР», предусматривавшее, среди прочего, создание регулировочных постов по маршрутам эвакуации, строительство дополнительных 12 переправ через Днестр, организацию на пути следования эвакуированного населения пунктов питания и медицинского обслуживания и т. д.[7] Но все это осталось на бумаге, ничего на практике осуществить не удалось. Эвакуация населения из угрожаемых районов носила, в основном, стихийный, неорганизованный характер и привела к страшным последствиям, в первую очередь, для евреев Черновицкой области и северных районов Молдавской ССР, где наступление фашистских войск развивалось более быстрыми темпами, чем на кишиневском направлении и в Придунавье.

Конечно, были многочисленные другие причины, помешавшие евреям избежать фашистской оккупации. Они относятся к конкретным семейным обстоятельствам: кто-то был прикован к постели, находился в больнице после тяжелой операции, в родильном доме, у кого-то родители были пожилыми и немощными и т. д. В таких случаях родные и близкие, как это часто бывает у евреев, не покидали их, решали испытать судьбу все вместе. Феня Клейман из молдавского местечка Бричаны писала: «Я хорошо помню объявление войны, ее начало, волнения и переживания родителей и всех родных. Брат моего отца (он работал в банке) успел эвакуироваться, бабушка и дедушка остались с нами, они не могли уходить пешком, достать какой-либо транспорт было совершенно невозможно. Пока думали, гадали, наша армия отступила, и мы оказались в оккупации. Сразу по приходу румын мы ушли из своего дома и несколько дней прятались в садах

на окраине города. В это время были погромы, и все наше имущество было полностью разграблено»[8].

Была категория бессарабских и буковинских евреев, которая заведомо решила не трогаться с места и дожидаться возвращения румынской администрации. Это были в прошлом состоятельные люди, чудом избежавшие депортации при большевиках и сумевшие припрятать от них какие-то драгоценности, иностранную конвертируемую валюту и т. д. У некоторых были еще и богатые родственники за рубежом, вклады в зарубежных банках и т. д. Такие евреи, уповая на свои старые связи с румынскими коррумпированными чиновниками и деловыми кругами, надеялись через Румынию выбраться или в Палестину, или в США. Латинскую Америку и т. д. Но эта категория евреев по численности была очень незначительна.

Среди евреев Буковины, входившей до конца 1918 г. в состав Австро-Венгрии, хорошо разговаривавших на немецком языке, были такие, которые продолжали пребывать во власти прежних представлений об австрийцах и немцах как о людях культурных, не способных творить зверства. В самой Буковине до прихода советской власти рядом с евреями мирно трудились десятки тысяч немцев.

Слухи о злодеяниях немцев воспринимались кое-кем с некоторым недоумением и порою даже недоверием. Кстати, такие настроения были и у некоторых евреев тех областей Украины, в 1918 г. переживших кратковременную немецкую оккупацию, при которой было относительно безопасно для жизни, не то, что при петлюровцах, деникинцах и даже буденновцах. Они долго колебались, а когда решили эвакуироваться, было уже поздно.

Некоторые евреи, особенно в сельской местности, решили не эвакуироваться, уповая на свои добрые отношения с местными крестьянами. Арон Калис из села Шура Дрокиевского района Молдавской ССР писал: «Приходили старшие братья Аврум и Мойше, упрашивали отца немедленно уехать, эвакуироваться. Он не хотел, говорил: «Не надо спешить, в деревне меня все знают, уважают, я плохого никому не сделал». Через деревню начали отступать советские войска, и два офицера Красной армии, которых отец знал, предлагали немедленно покинуть деревню, особенно старшей сестре Енте, которая тогда возглавляла организацию МОПР (Международная организация помощи революционерам – *И. Л.*). Папа не согласился. Потом я понял, что это было трагической ошибкой». Еще не успели войти в село румынские войска, а уже два сельчанина подвергли ограблению все имущество семьи Калиса, а в первый день прихода румын в Шуру молодой сержант увел сестер Енту и Эстер, выстрелами в упор убил Енту и тяжело ранил Эстер. В тот же день 13 евреев – жителей Шуры были выведены в поле с северной стороны и расстреляны. Трупы были оставлены тут же и растаскивались собаками[9]. Расчеты на «добрые отношения» с крестьянами-соседями оправдывались в редчайших случаях, чаще кончались плачевно.

Далеко не всем евреям, решившим не испытывать судьбу и эвакуироваться, удавалось выбраться в глубокий советский тыл. Семья Софии Розенберг из Черновцов отправилась на вокзал через день после начала войны. Им, казалось, повезло, они попали в поезд, который отправился на восток. «Рассчитывали на быстрое возвращение, – пишет София Розенберг, – но, увы... через пару дней поезд остановился, дальше ехать нельзя было – кругом крушения, убитые. Все люди, находившиеся в этом поезде, направились в неизвестном направлении. Шли сутки, казалась бесконечной эта дорога. Люди обессилели. Многие потерялись в пути. В селе Балин первые немецкие танки настигли нас»[10].

Такая же участь постигла и многих других черновчан. Собрали наспех небольшой багаж, кто сколько мог унести, вспоминает Лия Трахтенбройт, «заперли дом в надеж-

де, что скоро война закончится, мы вернемся, и двинулись на вокзал. Там уже были толпы людей. Вскоре все погрузились в открытые товарные вагоны, и состав тронулся. Шел он очень медленно, с длительными остановками. Через несколько дней у людей кончились продукты, мучила жажда, но страшнее всего были налеты фашистских самолетов. Завидев их, люди прыгали с высоких вагонных площадок, прятались в пшеницу. Бомбардировки доводили до сумасшествия... Так продолжалось не то восемь, не то десять дней, пока бомба при очередном полете не попала в хвостовую часть поезда. Начался пожар. Все выскочили из вагонов и двинулись пешком. Местные люди, глядя на нас, плакали, выносили хлеб, которого едва хватало самим...». Так они добрались до м. Дунавец Каменец-Подольской области, но уже к вечеру там появилось несколько немецких машин. «Мы поняли, – продолжает Л. Трахтенбройт, – что путь на Восток уже немыслим, и решили пешком вернуться в Черновцы»[11].

Каменец-Подольская область стала могилой многих тысяч евреев Черновицкой области и северных районов Молдавии, пытавшихся эвакуироваться вглубь страны. Не располагая сведениями о ситуации на фронте, они ринулись в сторону Каменец-Подольского и напоролись на немецкие и венгерские войска. Со ссылкой на достоверный источник полиция г. Черновцы сообщала в Бухарест: «В конце августа 1941 г. в районе Каменец-Подольского было расстреляно много тысяч евреев Бессарабии, Буковины, частично из Венгрии»[12]. В одном из отчетов айнзацгруппы «Д» сказано, что в течение трех дней эсэсовцами были уничтожены в Каменец-Подольском 23 600 евреев[13].

С невероятными трудностями сталкивались беженцы, которые тронулись в путь пешком и на подводах. Дороги были забиты до отказа войсками и военной техникой, двигаться приходилось по обочинам, у немногочисленных переправ у Днестра, непрерывно обстреливаемых с воздуха немецкой авиацией, выстраивались нескончаемые длиннющие очереди.

Жизнь беженца висела на волоске, а уж их ограбления на дорогах Бессарабии и Буковины были обыденным явлением. В политсводке 9-й советской армии от 9 июля 1941 г. отмечается: «В результате отсутствия местных органов власти... происходит грабеж имущества беженцев»[14]. Семья Давида Парнеса покинула г. Бельцы 24 июня 1941 г. с намерением эвакуироваться вглубь страны. «На попутной подводе, – пишет он, – добрались до села Думбровены. Переправа через Днестр застопорилась, так как немцы непрерывно бомбили мост, а переправочные средства отсутствовали. После эксода наших войск местные «активисты (уместнее назвать «фашисты») устроили погром. Помню крики, битье стекла, летящий пух от распоротых подушек... Нам удалось убежать в поле, но по дороге нас ограбили хулиганы, раздели до нижнего белья. На просьбу отца вернуть ему хотя бы диплом, один из погромщиков со смешком крикнул: «Дар зиле ай?»»[15] (сказано по-румынски, смысл таков: дни твои сочтены, к чему тебе диплом).

Весьма часто жизнь евреев-беженцев, застигнутых в пути или у переправ фашистскими войсками, кончалась трагически. Создатель и бессменный редактор еженедельной газеты на языке идиш Шмуль Аба Сойфер с женой и двумя детьми, покинувшие г. Черновцы в первые дни войны, были схвачены фашистами вблизи с. Горденко и зверски убиты[16]. Семья Бройтман из с. Зебричень Братушанского района Молдавской ССР добралась до м. Единцы, здесь их обогнала румынская часть. Недолго рассуждая, солдаты заставили троих братьев – Менаше, Дудл и Веве – вырыть яму и на глазах матери расстреляли[17]. Семья О.Ш. Гринберга из м. Бричаны надеялась переправиться через Днестр у с. Кормань, «но из-за большого скопления людей, скота и грузов не успели». Решили вернуться домой, но у с. Гриманкауць они, а также еще группа евреев, напоролись на отряд фашистских войск. В ту же ночь все мужчины[18] были убиты. Такое же случи-

лось с группой евреев, застигнутых в с. Хыртопул-Мик Криулянского района, вблизи р. Днестр. Румынские солдаты всех до единого, включая многих детей, расстреляли и закопали в большой яме[19]. 22 еврея, застрявшие в ожидании переправы в селе Ишенталь Бендерского уезда, были схвачены жандармами во главе с шефом поста Штефаном Попеску, тут же выведены за село и уничтожены, их имущество присвоили себе убийцы[20]. Такая участь постигла тысячи евреев, пытавшихся избежать фашистской оккупации. Гитлеровские войска на мотоциклах и танках передвигались по дорогам Украины куда быстрее евреев-беженцев на подводах, а то и просто шедших пешком. Поэтому преодоление Днестра еще не означало спасения. Семья и близкие родственники (15 человек) упомянутого Шаи Клеймена благополучно переправились на пароме на левый берег Днестра и отправились на станцию Кодыма Одесской области, чтобы сесть на поезд и поехать дальше. «Когда мы прибыли в Кодыму, – пишет он, – никакие поезда уже не ходили, и через день после нашего прибытия туда вошли немцы». А родная сестра Шаи и его тетя, учительница из молдавского села Чинишеуцы, откуда они эвакуировались, сумели добраться до Ростова-на-Дону, здесь их настигли гитлеровцы и убили[21].

В нависшей фашистской угрозе евреи-родственники старались держаться все вместе. Ради этого они порой съезжались из разных мест. Рухель Гольдфарб, чей муж был призван в Красную армию в первые дни войны, вместе с двухлетней дочерью перебралась к своим родителям в м. Вертюжаны на Днестре. Туда же из Сорок, города на Днестре, приехала ее сестра с пятилетним сыном. «Все вместе, – пишет Р. Гольдфарб, – мы пытались эвакуироваться». И хотя Днестр они миновали, но упущенное на сборы драгоценное время сыграло роковую роль. «Дети у нас были маленькие, – продолжает Рухель, – родители старые, поезда не ходили, и мы застряли в местечке Мясковка Крыжопольского района на Украине. Здесь начались наши муки»[22].

Настигая в пути евреев-беженцев, гитлеровцы если не убивали их сразу, то жестоко глумились над ними. Настоящую охоту устраивали они за молодыми женщинами и девушками. Чудом осталась жива Сара Лернер из молдавского местечка Дондюшаны. Ей было 17 лет, когда началась война. Вместе с родителями и двумя братьями она добралась до м. Атаки и перебралась через Днестр в Могилев-Подольский. «Не могли попасть на поезд, – пишет она, – и вместе с толпой решили все двигаться пешком. Селяне выносили кто молоко, кто хлеб. И так дошли до местечка Мурафа Шаргородского района Винницкой области. Там нас догнали уже немцы. Они шли весело, пели песни и шарили по домам. Проходя через город, они забегали в дома, грабили все, что им нравилось, и искали девочек. Я никогда не забуду, как наша семья попала к одним старикам и в одной комнате ютились еще 9 семей. Кто где мог, там спал – на полу, на нарах, и стояла одна железная кровать. Когда немцы стали шарить по квартирам, родители уложили меня на эту кровать в самый низ, а сверху забросали подушками. Кто что имел, набросили и застелили. Немцы зашли, и один из них начал штыком колоть эту кровать. Я лежала и не дышала, к счастью, он меня не нашел. Сколько страха я и мои родители тогда пережили»[23].

У евреев центральных и южных районов Молдавской ССР, а также Измаильской области Украины, для эвакуации времени было больше. Продвижение немецких и румынских войск на кишиневском направлении в первой декаде июля 1941 г. окончилось неудачей. Начальник штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Атаки на правый фланг армии фон Шоберта, видимо, вызвали значительное ослабление румынских соединений. Командование 11-й армии доносит, что оно считает эти соединения небоеспособными для дальнейшего наступления. Необходима «новая операция» против Кишинева»[24]. Провалом завершились наступательные операции в первой половине июля 1941 г. 4-й румынской армии

на нижнем течении реки Прут, в районе Фэлчиу–Лека–Епурень. В последующие дни, ведя арьергардные бои, части 9-й армии закончили переправу на левый берег Днестра в районе г. Бендеры 22 июля, а 14-й стрелковый корпус этой армии в районе Белгорода-Днестровского – 26 июля[25]. Это позволило большему числу евреев из центральных и южных уездов Бессарабии эвакуироваться, но какая-то их часть также застряла в пути, не дойдя до Южного Буга, а многие из Измаильской области, переправившись через Днестровский лиман в Одессу, оказались в осажденном городе и разделили участь одесских евреев.

У евреев – жителей междуречья Днестра и Южного Буга, в силу отдаленности от границы было несколько больше времени для эвакуации в тыл, и осуществить это, казалось, было больше оснований. Евреи этих мест прожили все последние 23 года при советской власти, военную службу мужчины прошли в Красной армии. Когда грянула война, мужчины призывного возраста в первые же дни войны ушли на фронт. В таких семьях все хлопоты, связанные с эвакуацией, часто ложились на плечи женщин. Мечтой таких семей было – забраться в тыл, переждать окончание войны и воссоединиться с отцами, мужьями, братьями, сыновьями, ушедшими в армию. У заднестровских евреев не было, как у некоторых бессарабских и буковинских, расчета на приход румын и через Бухарест и Констанцу перебраться в Палестину, Америку и т. д. Как везде, и здесь в семьях были больные, прикованные к постели, немощные старики, калеки, маленькие дети и люди без всяких средств. «К сожалению, – пишет Хана Берман из м. Мясковка Винницкой области, – мы с родителями не стали эвакуироваться из-за бедности и не успели»[26]. И в Заднестровье евреи заблуждались относительно сроков окончания войны, уповали на быстрое и победоносное ее окончание, спорили, стоит ли ехать или лучше оставаться, мешкали со сборами. Давид Маниу из Могилева-Подольского пишет: «Мама об эвакуации, как и многие другие евреи, и слышать не хотела. Где немцы и где Могилев-Подольский? И лишь когда стали бомбить Могилевский железнодорожный мост, до нее дошло, что враг может, не дай Бог, сегодня-завтра занять их город. Но сесть на отходящий из Могилева эшелон было уже невозможно. Нечего было мечтать о подводе, даже за золото. Оставалось пуститься в дорогу пешком. Шли холмистой Шаргородской дорогой, солнце пекло невыносимо. Люди падали с ног. Жажда была так велика, что когда попадался заброшенный колодец с застоявшейся водой, то ее выбирали мгновенно и полностью. А около Копайгорода, местечка в 50 километрах от Могилева, немцы преградили им путь. Впрочем, от них ускользнули, чтобы попасть в руки румынских жандармов. Их не ограбили, нет, им лишь приказали лечь на землю лицом вниз и в подкованных ботинках танцевали на их спинах, танцевали и радостно смеялись...»[27].

В левобережном Поднестровье не в меньшей мере, чем в Бессарабии и Северной Буковине, железнодорожные станции и шоссейные дороги подвергались круглосуточным налетам немецкой авиации, хаос и беспорядок царили повсеместно, дороги были забиты войсками, военной техникой, беженцами. И здесь решения властей об эвакуации принимались с опозданием. «В первых числах июля, – вспоминает Полина Тененгаус из того же Могилева-Подольского, – по радио объявили, что все желающие могут эвакуироваться. Но когда мы с матерью и братом (1936 года) пришли на вокзал, то оказалось, что к поезду и близко подойти нельзя – столько скопилось людей. Из них было очень много военных. Мы тут же вернулись домой. Но через несколько дней вместе с тетей и ее тремя детьми наняли подводу и пустились в дорогу. Возчик довез нас до села Боровка, ехать дальше отказался... Вскоре Боровку заняли фашисты». Но этой семье явно повезло. Когда гитлеровцы собрали на плацу всех евреев для расправы над ними, им удалось покинуть село. «Мы прошли 5 км и увидели в поле самолет и большую машину. Возле самолета стояли офицер и солдаты. По форме мы уже поняли, что это

румыны, а не немцы. Офицер подошел к нам и спросил, куда это мы движемся. Мы уже решили, что нас тут же расстреляют, но тот офицер оказался замечательным человеком. Наверно, нам его послал сам Бог. Он обещал посадить нас в самолет и отвезти в Могилев. Мы и поверить в такое чудо не могли. Неожиданно нас окружили немцы и стали кричать: «Юде!». Но румынский офицер сказал им несколько слов, они выстрелили в воздух и удалились. Дети были так напуганы, что даже не заплакали. Наконец офицер посадил нас в кабину самолета, накрыл брезентом. Только я оставалась наверху. Вероятно, он считал, что я меньше других похожа на еврейку...

Дорога казалась бесконечной. Но когда я увидела Могилев – я просто зарыдала от счастья.

Офицер привез нас к самому дому, где нас ждала бабушка. Отказавшись ехать с нами, она ничего не знала о нас, так же, как и мы о ней. Мы плакали и целовали руки нашему спасителю. А он на своем языке сказал, что понял, что мы евреи, но что есть Бог, и он поступил так, как должен был поступить. Бабушка накормила его, подарить ему было нечего. Он унес с собой наш низкий поклон и слезы благодарности. Дай Бог ему долгих лет жизни!»[28].

Полная неосведомленность о положении на фронтах войны сыграла роковую роль и в судьбах многих евреев левобережья Днестра. В том же Могилеве-Подольском по этой причине беженцы часто избирали для эвакуации ошибочный путь, двигаясь на северо-восток, где гитлеровское наступление развивалось быстрее, то есть не отдалялись от противника, а как бы шли ему навстречу. Соня Гольдштейн вспоминает: «Началась война, и наша семья ушла из Могилева-Подольского пешком. Это было в первых числах июля 1941-го. Все дороги были забиты беженцами. Продвигались мы медленно и через несколько дней добрались только до Шаргорода, где узнали, что в соседнем местечке немцы. Ночью началась перестрелка, а утром в городе уже были немцы. Мы прятались у знакомых людей, а потом решили вернуться в Могилев-Подольский. Наша квартира была разграблена, в ней уже жили чужие люди»[29]. А семья Зинаиды Литвак удалилась от города совсем недалеко. «Успели доехать до Малых Черновцов Винницкой области, – пишет она. – Немец шел по пятам. Через месяц мы вернулись домой – в Могилев-Подольский. Дом был пустой, разграбили все»[30].

Справедливости ради надо сказать: кое-где местные власти старались помочь евреям избежать фашистской оккупации, но, как уже отмечалось, эти попытки оказались запоздалыми. «За несколько дней до оккупации нашего районного центра Томашполь Винницкой области, – рассказывает Роза Столяр, – местные власти организовали эвакуацию. Каждой семье была выделена одна повозка с лошадью. Однако эвакуация не состоялась. Оккупанты были на подступах к Томашполю». В селе Жабокричь Винницкой области «председатель колхоза, – пишет Полина Гутерман, – выделил подводы и лошадей для эвакуации женщин с детьми, и мы поехали». Где проходила линия фронта, куда лучше ехать, они явно не знали и взяли курс на север, в сторону Жмеринки. «Не доезжая Вапнярки, наши солдаты повернули нас обратно, так как Жмеринку сильно бомбили. И так мы вернулись домой»[31]. В большом цейтноте оказались даже евреи, которые жили вблизи Южного Буга. Отец Розы Гинзбург работал на сахарном заводе, прилегающем к м. Бершадь Винницкой области, и жили они в заводской квартире. Человек он был пожилой и больной. «Поэтому может быть, – рассказывает Р. Гинзбург, – когда началась война, мы не эвакуировались сразу. Но когда, примерно через месяц, начали бомбить Бершадь, сестра моя (сводная) настояла: надо уезжать. На заводе папе дали бричку-одиночку. Мы кое-как погрузили свой «скарб» и поехали... Конечно, мы не могли уехать далеко: бомбежки, паника, немецкий десант, отступление наших. Остановились на хуторе Веселый (а может, Веселый Кут) Братского района Николаевской

области. Очень хорошо помню это. Мы и еще одна семья евреев жили там в брошенном кем-то доме. На огородах копали картофель, меняли вещи на еду. Были там, может, месяц. Никого не было видно из военных. А потом приехали на мотоциклах немцы. Среди них был офицер, такой высокий, широкоплечий. Он удивился: «Юден?..». Мы даже не прятались, не знали толком еще, что нас ждет. И нам тогда повезло. Хорошо помню, офицер сказал: «Их бин нихт наци» («Я не нацист» – *И. Л.*). Посоветовал ехать домой, при этом держаться проселочных дорог, где не движутся войска»[32].

Мы перечислили далеко не все причины, приведшие, в конечном счете, к тому, что сотни тысяч евреев, проживавших до войны на обширном пространстве от Прута до Южного Буга, оказались под властью гитлеровцев и их союзников.

Во второй декаде июля 1941 г. германские войска усилили натиск против советских войск Юго-Западного направления. Моторизованные части вермахта, выйдя в район Бердичев–Казатин, повернули на юг. Одновременно противник начал теснить советские войска Южного фронта, особенно на стыке 18-й и 9-й армии. Сухопутные пути для эвакуации населения в советский тыл были отрезаны.

§ 2. От имени кондукэтора вице-премьер наставляет

Как уже отмечалось, с ведома и одобрения Берлина правители Румынии еще до начала военных действий определили участь евреев не только Бессарабии и Северной Буковины, но и «заднестровских территорий», хотя будущая принадлежность последних еще не была окончательно определена. Уверовав в могущество Третьего рейха и его армии, в быстрый разгром Красной армии, кондукэтор и его заместитель стремились использовать «благоприятный момент» и еще в ходе военных действий окончательно решить «еврейский вопрос», первоначально в Бессарабии и Северной Буковине. Претворению в жизнь этой задачи придавалось приоритетное значение.

2 июля 1941 г., за день до начала широкого наступления на бессарабском участке фронта, Михай Антонеску, продолжавший замещать кондукэтора, собрал будущих губернаторов Бессарабии и Буковины и изложил им политику правительства в указанных провинциях. Он сказал, что «Бессарабия и Буковина будут подчинены совершенно новому режиму», и «лично генерал Антонеску будет следить за их преобразованием на совершенно новой основе». Первым этапом этой «политики и этой реорганизации, – заявил вице-премьер, – является очищение этих провинций от иноплеменных. Они должны быть и остаться румынскими провинциями...». Подчеркивалось, что «очищение» от всяких «чужеродных инфильтраций» на этих землях «будет радикальным»[33] и проводиться будет на «здоровой биологической» основе.

На второй день, 3 июля, на заседании правительства Михай Антонеску сообщил, что в связи с ожидаемым «национальным очищением» в Бессарабии и Буковине эти провинции какое-то время будут «полностью изолированы от остального Королевства», а непосредственное претворение «новых принципов» организации в Бессарабии кондукэтор возложил на генерала К. Войкулеску[34].

Пока бои на территории Бессарабии еще только разворачивались, генерал К. Войкулеску по поручению правительства отправился в Северную Буковину, где немецко-румынским войскам удалось продвинуться вглубь территории. Вдогонку Михай Антонеску направил на имя К. Войкулеску телеграмму, в которой говорилось, что «до опубликования декрета об аннексии» в Бессарабии и на Буковине устанавливается «режим военной оккупации», и в этой связи «ответственность и руководство» на этих территориях возлагаются на военное командование. В телеграмме напоминаются пер-

воочередные задачи, подлежащие немедленному решению, в том числе: «устранение большевиков, ненадежных элементов и провокаторов-евреев, удаление всех евреев из сел». Аналогичного содержания телеграммы были направлены командованиям 3-й и 4-й румынских армий на фронте[35].

Проведение «этнической чистки» мыслилось правителями Румынии как первый этап реализации политики радикальной румынизации «вызволенных провинций». Важнейшим ее звеном призвана была стать колонизация Бессарабии и Северной Буковины румынами, главным образом, отличившимися в войне против СССР, и отчасти за счет румын из Македонии, Истрии и других регионов Балкан. Осуществить эту операцию, как уже отмечалось, мыслилось в национальном духе, то есть путем насильственного выселения и даже физического уничтожения «некоренного» населения этих провинций, в первую очередь, евреев как самых незащищенных людей в гитлеровской Европе.

Чтобы задействовать в проведении «этнической чистки» не только военные, но и гражданские власти, 3 июля Михай Антонеску провел в Министерстве внутренних дел инструктаж с чиновниками будущей администрации Бессарабии и Буковины. Его речь была затем издана отдельной брошюрой под названием «Директивы и указания для гражданских инспекторов и преторов, направляемых и в Бессарабию, и в Буковину». Десятый раздел «Директив» озаглавлен: «Этническое очищение». В нем сказано: «Отстранение или изоляция всех евреев в трудовые лагеря. Если для завершения этнического очищения будет необходимо, то администрация провинции прибегнет к мерам насильственной миграции еврейского элемента, а также других инородных элементов, которых следует вытолкнуть за границу, им нечего делать в Бессарабии и Буковине в момент реставрации навсегда наших национальных прав на эти территории»[36].

На заседании румынского правительства 8 июля 1941 г. Михай Антонеску, который с профессорским красноречием озвучивал идеи кондукэтора, ознакомил министров с избранными методами осуществления «очищения» Бессарабии и Буковины от так называемых «инородных элементов». Вот некоторые выдержки из его речи: «С риском остаться непонятым некоторыми традиционалистами, которые могут находиться среди вас, я выступаю за насильственное выселение всего еврейского элемента из Бессарабии и Буковины, его следует вышвырнуть через границу. Я также выступаю за насильственное выдворение украинского элемента, которому в данный момент здесь нечего искать... Мне безразлично, если мы войдем в историю как варвары... Не знаю, когда, через сколько веков румынская нация еще обретет столь же полную свободу действий для своего этнического очищения,... не существует в нашей истории более благоприятного, широкого, обширного, свободного момента для тотального этнического высвобождения... Прошу вас быть беспощадными. Слащавому, расплывчатому, философскому гуманизму не должно быть места. Следовательно, используем этот исторический момент и очистим румынскую землю и нашу нацию от всех несчастий, которые веками обрушивались на эту землю, хозяевами которой стать не сумели. Если есть надобность, стреляйте из пулемета... нет никакого закона, никаких формальностей, полная свобода»[37].

Присутствовавший генерал К. Войкулеску (в правительстве занимал должность товарища министра в Министерстве труда), явно довольный ролью, отведенной ему в осуществлении этой программы, выпалил: «Господин председатель, благодарим господина генерала Антонеску за то, что выбрал нас для претворения этого дела в такой торжественный момент жизни румынского народа. Мы благодарны Вам за то, что соизволили дать нам советы, и заверяем Вас, что сделаем все возможное, чтобы довести нашу миссию до хорошего конца».

«С Богом, вперед, – произнес польщенный вице-премьер. – Желаем вам от всей души отомстить за то, что мы за столько лет потеряли».

«Беру на себя всю ответственность»[38], – заверил К. Войкулеску.

Через соответствующие министерства эти указания и распоряжения доводились до сведения и для исполнения местным властям. Со ссылкой на приказ Министерства внутренних дел и Генерального инспектора жандармерии Румынии 8 июля 1941 г., когда еще бои в междуречье Прута и Днестра шли полным ходом, заранее назначенный инспектор жандармерии Бесарабии полковник Мекулеску направил своим подведомственным органам приказ № 1, в котором сказано: «Выявлять и арестовывать всех евреев независимо от рода и возраста, еще находившихся в сельской местности и через соответствующие (жандармские – *И. Л.*) легионы докладывать инспекторату для последующих приказов»[39]. Поскольку в Бессарабии большинство еврейского населения жило в местечках (Липкань, Единец, Новоселица, Бричень, Рышкань, Калараш и др.), которые не слишком отличались от больших сел, да такими выглядели и пригородные слободки городов, то приказ об «очищении сельской местности» фактически коснулся и евреев местечек и пригородов.

Для осуществления «этнической чистки» планировалось использовать антисемитские элементы из числа местного населения. По заданию начальника Генштаба румынской армии генерала Якобича 2-му Бюро (контрразведке) штаба армии было поручено разработать и претворить в жизнь план «удаления еврейского элемента на территории Бессарабии путем организации и действия команд, опережающих румынские войска». Задача этих команд, состоявших из 2–4 человек во главе с агентом 2-го Бюро, была сформулирована в разосланном 8 июля 1941 г. документе следующим образом: «Миссия этих команд – создавать в селах неблагоприятную для еврейского элемента атмосферу таким образом, чтобы само население стремилось удалить их методами, которые они посчитают для себя более удобными и приспособленными к обстоятельствам. К приходу румынских войск атмосфера должна быть уже создана и начаты действия». Рекомендовалось в состав команд привлечь местных румын, заслуживающих доверия, с «проверенными чувствами», обладающими действительными советскими документами и семьи которых находятся на румынской территории, что «является дополнительной гарантией готовности выполнить задание». К документу была приложена карта с 9-ю маршрутами для команд, пролегающими от Дуная и Белгорода-Днестровского на юге и до с. Быковец и Кишинева – на севере. Команды были снабжены деньгами и должны были «через родственников, знакомых и антикоммунистических элементов распространить идею коллективной защиты от опасности иудаизма». В документе отмечается, что команды «уже приступили к действиям»[40].

§ 3. Расправа с евреями Черновицкой области

Кое-где в Бессарабии и Северной Буковине не приходилось прибегать к «специальным командам» в целях создания «неблагоприятной для евреев атмосферы». Еще до вступления румынских и немецких войск зачинателями еврейских погромов выступили замаскированные местные румынские и украинские националисты, железногвардейцы и кузисты, бандеровцы и мельниковцы, а то и просто уголовные элементы, которые после отхода из населенного пункта советских и до прихода фашистских войск, пользуясь полным безвластием и побуждаемые страстным желанием поживиться за счет своих соседей-евреев, объединялись в банды и начинали грабежи и убийства с полной уверенностью, что их действия даже получат одобрение фашистских властей. По крайней мере до жителей приграничных районов Северной Буковины и Бессарабии дошли слухи о жестокой и безнаказанной расправе, учиненной частями румынской армии над

евреями летом 1940 г. в соседних румынских уездах Дорохой, Сучава, Рэдэуць и др. Следовательно, действовать в таком духе можно было без опаски за последствия.

В селе Милие Стороженецкого уезда, что на пограничной реке Черемуш, местные евреи с первых дней войны стали замечать, что украинские жители села, с которыми вроде жили в согласии, а со многими даже в дружбе, перестали здороваться, всячески обходили их, по селу пошли слуха о готовящемся погроме. Некоторые евреи стали уходить на ночлег к своим друзьям-украинцам. Погром вспыхнул на второй день после ухода из села советских войск. Вооружившись топорами, вилами, железными прутьями и дубинками, банды националистов и антисемитов врывались в еврейские дома, избивали и убивали их жильцов, не считаясь с возрастом и полом, повально грабя все на своем пути. Семью Малерман из пяти человек они уничтожили полностью, другую семью предварительно подвергли издевательствам, в голом виде ради потехи погнали через все село, заставили прыгать вокруг заранее подготовленной ямы, ставшей их могилой, и выкрикивать: «Хайль Гитлер». Лишь немногим удалось убежать и сохранить жизнь, но и после войны никто в Милие не возвратился. Вступившие в село румынские войска довершили резню, начатую украинскими националистами, солдаты штыками искромсали тело местного хахама. Жертвами кровавого погрома стали 110 евреев[41].

В пограничном селе Нижние Станивцы Вашковского района Черновицкой области местные националисты, уверовав в быстрое появление фашистских войск, буквально на второй день войны приступили к истреблению евреев. «Пришли трое вооруженных мужчин с длинными ножами, – пишет пережившая этот кошмар Белла Бельцер, – и увезли нас. По дороге один из бандитов (бандеровец) спросил мою маму, чьи это дети (нас было пятеро). Мама сказала: «Мои». Он вначале не поверил, а потом погнал нас домой, а папу все-таки забрали с собой... увезли в неизвестном направлении. Позже мы узнали, что в эту ночь собрали 75 евреев и ночью их уничтожили. О том, что мой отец Фишер Семен Янович действительно убит в Нижних Станивцах и похоронен в братской могиле, упоминалось на процессе над бандитами, который проходил в клубе завода «Легмаш» в 1977 году». Всего уничтожено в Вашковском районе фашистскими войсками и их местными пособниками только за июль 1941 г. 543 еврея[42].

В небольшом городке Садагура, примыкающем к Черновцам, учитель Владимир Русу после ухода советской администрации и до вступления румынских войск сколотил банду из своих единомышленников (братьев Сербановичей, Шевчука, Левицкого и др.) и объявил себя шефом местной полиции. Банда стала арестовывать евреев не только в Садагуре, но и в соседних селах: Рогозна, Шехмет, Новая Жучика и др. Евреи даже не стали прятаться, так как никто не верил, что учитель школы, вчера вроде друживший с евреями, и люди, вчера еще мирно соседствовавшие, способны на злодеяния. За два дня самозванцы-полицейские собрали около ста евреев, согнали их в Новую Жучику, отвели к ближнему лесу и расстреляли. Среди уничтоженных были бывшие ученики этого «педагога», а также евреи, считавшиеся его друзьями. Перед расстрелом молодые девушки-еврейки были изнасилованы палачами. Убийства сопровождались повальными грабежами. Садист Русу, чтобы присвоить золотое кольцо еврейки Кернер, отрезал ей палец[43].

Такие картины наблюдались во многих населенных пунктах Северной Буковины. В селе Иордэнешть банда местных головорезов во главе с неким Халаке Телефон подвергла истязаниям и убила всех евреев[44]. В местечке Банила-на-Черемуше (у. Сторожинец) украинский крестьянин Иван Кодало сколотил банду и, собрав более 20 евреев, отвел в соседнее село Банила-на-Сирете и на еврейском кладбище убил их, после чего молодчики поделили между собой награбленное в домах своих жертв. Чтобы присвоить имущество семьи Якоба Каца, жители села София Лоу и Владимир Клем указали

бандитам погреб, в котором пряталась эта семья из пяти человек, в том числе двоих маленьких детей. С приходом румынской администрации часть награбленного мародерам пришлось уступить, и она, несколько позже, по линии ведомства румынизации и колонизации была пущена в распродажу[45].

Действия, предпринятые бандой Ивана Кодало, продолжили вступившие в Банила-на-Сирете фашистские войска. Евреи, ошеломленные зверствами местных головорезов, по наивности полагали, что румынские войска не так будут бесчинствовать, и, чтобы как-то ублажить их и продемонстрировать свои верноподданнические чувства, кое-кто вывесил румынские флаги, а община приготовила для солдат еду. Но все это не помогло. Юрий Зингер, житель Банила, вспоминает: «Как только оккупанты вошли, всех евреев согнали в центр села, кто в чем был»[46]. «В пятницу, 9-го Тамуз (по еврейскому календарю, или 4 июля 1941 г. по действующему), – пишет местный раввин Херовитц, – согласно отданному приказу, начался официальный грабеж. Пошло разграбление. Прибывали крестьяне и грузили достояние евреев. Утром, в субботу, приказ был более категоричен: село должно быть «чистым, без евреев». На сей раз погромом руководил некий Барбаза, а назначенный примаром в Баниле Москалюк сколачивал банды, давая им указание в течение 2–3 дней покончить с евреями. А тут, как на грех, в Банилу хлынули евреи из близлежащего села Соколица, избежавшие расстрела. В доме еврея Кочера из Банилы были отобраны 36 соколицких евреев, раздеты догола и приставлены к стене для расстрела. К счастью, офицер, руководивший этой акцией, был куда-то вызван и экзекуцию отложили. Воспользовавшись этим, евреи разбежались. И баниловские евреи, узнав о предстоящей казни, в воскресенье 6 июля покинули свои дома и устремились в сторону уездного центра г. Сторожинец. Перед уходом евреев священник из Банилы Штефанович сказал раввину подбадривающие слова, а сам в этот воскресный день отказался войти в церковь для богослужения. Своим единоверцам он с осуждением сказал: «Мне стыдно войти в церковь, в то время как мои единоверцы предались преступлениям. Позор»»[47].

Далеко уйти убежавшим евреям не удалось. «По дороге, – продолжает Херовитц, – нас остановили и собрали на пустыре в ожидании приказа, как с нами поступить. Ни питания, ни медицинской помощи для стариков и больных не получали. А собралось нас более 1000 человек. Хулиганы, вооруженные дубинками, топорами и железяками, приступили к действиям. Нас избили до крови, переломав кости, и окровавленных погнали в Немецкий дом (по-видимому, раньше принадлежавший немцам, репатриированным из Буковины в Германию осенью 1940 г. – *И. Л.*)». В этом доме в результате истязаний за день умерли 14–15 человек, в том числе в доме еврея Друкмана были убиты четверо. Известный в регионе Якоб Брекер еще стонал, когда палачи сбросили его в яму для погребения. Немощных стариков, не способных самостоятельно передвигаться, просто убивали. Жертвой избиения стал 80-летний слепой М. Шабран[48].

В этот Немецкий дом продолжали прибывать евреи, согнанные из разных мест. Держали людей без пищи и воды, с открытыми кровоточащими ранами. В описаниях раввина Херовитца приводится такой случай. Врача-гинеколога еврея Сельзберга направили в сопровождении румынского лейтенанта принимать тяжелые роды у местной жительницы. Он спас жизнь ребенка и его матери. По окончании, в знак «благодарности», отец роженицы Чиорней до полусмерти избил врача, а лейтенант вдогонку выстрелил в него, но, к счастью, не попал.

11 июля всех евреев из Немецкого дома погнали в с. Чудей Сторожинецкого уезда. «Надо отметить, – пишет Херовитц, – что благодаря душевной человечности плутоньера (старшины – *И. Л.*) Рошу условия в пути были гуманные и попытки хулиганов грабить и истязать пресекались». «При прохождении через с. Будинец, – продолжает

Херовитц, – узнали, что 5 июля, в субботний день, здесь были убиты местные евреи, в том числе оказавшийся здесь секретарь еврейской общины г. Сторожинец Иосиф Бергоф, которому перед расстрелом выкололи глаза, а в с. Чирешь видны были лужи крови убитых за день до этого местных евреев, на дороге валялись остатки уничтоженных святых для евреев книг»[49].

Село Чудей (ныне с. Междуречье), куда пригнали колонну, было оккупировано 16-м румынским пехотным полком еще 3 июля 1941 г. Командовал им уже известный нам майор Валериу Карп, «отличившийся» ровно год назад, 1 июля 1940 г., расправами над евреями ряда сел в румынском уезде Сучава. И на сей раз он не стал мешкать: в считанные часы его головорезами были истреблены 450 из 500 евреев – жителей Чудей, остальные спаслись бегством. После войны на территории с. Чудей были обнаружены 6 огромных могил, в которых были захоронены более 600 человек. Здесь, среди других, нашли смерть 38 евреев, пригнанных из сел Ижешты, Красноильск, Краснопутна, Красношора Нова. В селе Краснопутна фашисты в порядке потехи привязали одного еврея к хвосту лошади и волокли его по ухабам, пока он не скончался[50].

Оказавшись в с. Чудей, колонна евреев, отправленная 11 июля из упомянутого Немецкого дома, сразу же ощутила на себе порядки, заведенные майором Карпом. «В эту ночь, – продолжает рассказ раввин Херовитц, – нас, изможденных, еле державшихся на ногах, голодных, разместили в каком-то покинутом доме в с. Чудей. Я попытался прикорнуть, но спать было запрещено. Каждый час другие жандармы терроризировали нас. Даже выйти по надобности не разрешали. Голод, голод, о котором историки будут много писать, был страшным. Давали золотые часы за ломоть хлеба. Здесь мы находились три дня, до среды, отсюда нас погнали в Сторожинец».

На сей раз путь оказался страшным. Жандармы на мотоциклах, спереди и сзади колонны, требовали от измученных людей выдерживать заданный быстрый темп. «Шел дождь, было холодно, липкая грязь вязла на ногах, сильно затрудняя продвижение, многие, не выдержав, неподвижными оставались на дороге»[51].

Уездный город Сторожинец был оккупирован фашистскими войсками 4 июля 1941 г., и в этот же день начался погром. Евреев хватали прямо на улице, извлекали их из подвалов домов всех подряд, независимо от пола и возраста, в том числе детей. Подвергая их избиениям и пыткам, в течение первых двух дней уничтожили около 200–250 евреев. Местная жительница украинка Наталия Олохович свидетельствует: «Убитых собирали на подводы, вывозили на кладбище. Их сбрасывали там в одну яму. Дома этих людей разграбили»[52].

А.О. Чеботарь была ребенком, когда началась война, но ей хорошо запомнились сцены тех кровавых дней. «На улицах, – пишет она, – слышалась стрельба, мама не выпускала меня из дому. За происходящим мы наблюдали из окна. Хорошо было видно общежитие средней школы. Евреев загоняли туда круглосуточно, а рано утром выводили и расстреливали. Трупы складывали на подводы и вывозили. Так было несколько дней... Однажды мама взяла меня за руку, и мы пошли на кладбище. Зрелище страшное. Мама говорила, что среди убитых больше ста человек. Она узнала Шефлера и его 25-летнюю дочь...»[53].

Оставшихся в живых после погрома женщин-евреек с детьми заперли в здание начальной школы, три дня держали без воды и пищи, не выпускали даже во двор, и лишь на четвертый день стали давать сухари и разрешили во дворе собирать дождевую воду. Мужчин загнали в помещение средней школы.

Борис Бронштейн в очерке «Помнить, чтобы не повторилось» о злодеяниях фашистов в г. Сторожинец пишет: «Назначенный оккупационной властью городским головой адвокат Петру Бружа хотел вернуть евреев в их дома, оставить в покое. Однако

возвратившиеся вместе с захватчиками помещик Шербан Флондор и остальные ставленники новой власти настаивали на создании в Сторожинце гетто для евреев. Городской голова отказался это делать и ушел в отставку. Его место занял Димитрий Руссу, его заместителем стал Штефан Томович, бывший председатель трибунала, в свое время уволенный из-за злоупотреблений по должности. После двухнедельной оккупации захватчики создали гетто. По приказу Томовича отсюда ежедневно выводили евреев подметать улицы, для чего выбирали самых известных и уважаемых людей: врачей, учителей, адвокатов»[54].

В ночь с 4 на 5 июля 1941 г. румынский егерский полк вступил в г. Герца, административный центр одноименного района, заселенного преимущественно румынами. Они устроили торжественный прием своим одноплеменникам. Издавна жили в этом городе и евреи, их в общую толпу встречающих не допустили, она наблюдали где-то в сторонке. Тут же на них набросились румынские солдаты и в присутствии офицера стали избивать и сдирать с них одежду.

В тот же день егерей сменили части 7-й пехотной дивизии под командованием генерала Олимпиу Ставрата. Стараниями дивизионного претора майора Георге Вартика солдаты и офицеры этого соединения прошли хорошую школу юдофобства. Закоренелый антисемит Вартик еще до начала военных действий упорно внушал своим солдатам: «Евреев не жалеть – все они предатели», иными словами, поступать с ними как с предателями.

Первыми жертвами этой агитации стали евреи пограничного румынского города Сирет уезда Рэдэуць. Здесь жило более 2000 евреев (21,2 % всего городского населения), в том числе верующие из хасидских династий Садагуры и Вижницы (Северная Буковина). Их можно было легко узнать по черной одежде и головным уборам. Среди них «обнаружили» советских шпионов, а хахама (резника) обвинили даже в вооруженном нападении на румынских солдат. Всех евреев Сирета погнали пешком в село Дорнешть, в двадцати километрах от городка. Многие старики – инвалиды, больные, – естественно, отставали от колонны. Заботу об этих беспомощных людях взяли на себя несколько молодых женщин Их солдаты отвели в долину неподалеку от Сирета и надругались над ними. В тот же день евреев, включая женщин, в присутствии местных жителей расстреляли[55].

Оказавшись в г. Герца, майор Вартик отобрал из местных жителей, известных своей юдофобией, городскую власть: примаром стал некий Панайот Кифу, его заместителем – Михаил Штефэнеску, начальником полиции – Илие Стаклару. Им, среди прочего, было поручено заняться евреями. Новые правители организовали «гражданскую гвардию». При содействии «гвардейцев» румынские солдаты и офицеры согнали всех евреев, около 1500 человек, в четыре синагоги города и в подвал дома еврея Авраама Росена. Сбор, как обычно, сопровождался избиениями, надругательствами, ограблением покинутых евреями домов. Вырывались и уносились даже двери, окна и т. д. Все это творилось с ведома генерала Ставрата и при прямом участии претора Вартика. С помощью местных сообщников началась «сортировка» евреев. Молодых девушек и женщин отвели в сторону, они, как стало известно, были изнасилованы. «Коммунисты», «симпатизанты», среди которых оказались и старики, и женщины, и юноши, были отправлены в сторону мельницы бывшего хозяина Кисленджера. Еще в пути были расстреляны раввин города и вся его семья, включая 5-летнюю его дочурку, учитель Авраам Фишер и др. Перед расстрелом евреев заставили заранее вырыть себе могилы, большие ямы. Расстрел производили: Мотрич Георге из пулемета, Леонте Василе из немецкого автомата, Истрате Ачик из винтовки. Всего было уничтожено около 100 человек, еврейку Мину Ротару закопали полуживой. Еще 32 еврея расстреляли и закопали в саду местного жителя

Кирилеску[56]. В этот же день в с. Горбова Герцаевского района были убиты все десять евреев – жители села[57].

Страшную расправу учинили фашисты над евреями м. Новоселицы. До 1918 г. местечко находилось на стыке границ трех государств: России, Австро-Венгрии, Румынии. Это наложило свой отпечаток на облик местечка, на этнический состав населения. Здесь жили русские, украинцы, молдаване, поляки, но более 60 % жителей были евреями.

5 июля 1941 г. в Новоселицу вступили две оперативные роты 16-го егерского батальона и вслед за ними 10-й батальон под командованием полковника Е. Брэдэцану и 9-й горный батальон полковника Василе Кырлана. Учитывая многотысячное еврейское население местечка, операция по его уничтожению готовилась заранее. Предпринятый 2 июля, до начала всеобщего наступления на бессарабском участке фронта, наскок румынских войск на Новоселицу не принес успеха. Чтобы обозлить солдат, было имитировано нападение на румынских пехотинцев, а вину, как всегда, возложили на евреев местечка. Началась расправа. На счету 10-го и 16-го батальонов было всего трое мужчин и две женщины, основную же «тяжесть» антисемитского разбоя взял на себя 9-й горный батальон полковника Кырлана[58]. На проведение этой «боевой операции» он бросил чуть ли не половину состава своей части. Развернулась бешеная охота на евреев, их хватали на улицах городка, вытаскивали из домов, укрытий и тут же, без суда и следствия, убивали. Пережившая этот ужас жительница м. Новоселица Роза Фельдман вспоминает: «6 июля 1941 г., в 6 часов утра, в течение суток длился погром в нашем городе. Рано утром румынские солдаты разбили парадную дверь (у нас было два входа) и забрали отца. В поле, у с. Строенцы, его расстреляли. Мы с мамой выбежали во двор, чтобы спрятаться у соседей в подвале. Мама пропустила меня вперед, и доска забора нас разделила. В это время в нее, пожилую женщину, выстрелили и убили. Ее звали Инда Ионовна Гект (Фельдман), 1886 года рождения. Напротив нашего дома жила мамина младшая сестра с 12-летним сыном. Ребенок солдатам по-румынски сказал: «Это мой дом», но его хладнокровно расстреляли»[59]. Итог этой кровавой акции – 880 убитых евреев и 5 неевреев из числа «советского актива», весь город был усеян трупами, они валялись на улицах, во дворах[60]. Ужасна была кончина уважаемого в местечке еврея Мойсея Блувштейна. В день погрома фашистские молодчики привязали его к лошади и погнали ее. Она волочила уже немолодого человека по улицам местечка, а затем его расстреляли. Сам полковник Кырлан присутствовал при расстреле 40–50 евреев на пастбище, примерно в 200 метрах от города. Вместе с сублокотенентом Раду он стрелял в обреченных на смерть. Не стояли в стороне от этой бойни крестьяне окрестных сел. Целыми возами вывозилось награбленное еврейское имущество. Несколько дней лежали и разлагались неубранные трупы, стояли лужи крови, затем убитых закопали в одну общую яму на колхозном поле. Пострадали не только люди. Фашистское зверье поджигало еврейские дома. Горели целые улицы, огонь уничтожил половину домов местечка[61].

Но этим все не кончилось. Аресты евреев продолжались. Уцелевшим было приказано собраться на территории местного спиртзавода Крауза. Число узников достигло около 3000 человек. И на сей раз не обошлось без участия упомянутого претора 7-й пехотной дивизии майора Вартика. Под его наблюдением при входе в лагерь евреи должны были оставлять все свои драгоценности и другие дорогие предметы. Узник этого лагеря Меер Аккерман вспоминает: «Возле ворот лежала большая простыня, оккупанты приказали, у кого есть золотые вещи, бросать их на простыню, а кто не сдаст и спрячет, будет расстрелян»[62].

8 июля 1941 г. Вартик обратился письменно к генералу Ставрату за разрешением отобрать в лагере и расстрелять группу евреев в порядке наказания по случаю якобы

имевшего место упомянутого нападения на румынские войска. Генерал написал резолюцию: «Поступить в соответствии с приказом»[63], имея в виду приказ Антонеску о расправе с лицами, посягавшими на жизнь румынских и немецких военных. С участием полицаев Рэдулеску и Крижановски, которые до июня 1940 г. несли службу в Новоселице и всех знали, были отобраны «коммунисты», «советские активисты» и просто молодые люди[64]. Первоначально Вартик поручил лейтенанту Емилу Костя привести приказ в исполнение, но офицер отказался его выполнить. И другой офицер – Константин Николау не захотел участвовать в этом преступном деле. Тогда прислали 10 жандармов из с. Маршенцы, которые увезли этих 37 евреев (в том числе 17 юношей) в сторону с. Тарасауць и по дороге, по сигналу полицейского комиссара Георге Хотя расстреляли их[65]. Лейтенанта Костя вызвал генерал Ставрат и с упреком сказал ему: «Разве вы не слышали приказа генерала Антонеску о расстреле ста евреев за каждого румына, застреленного евреем?».

5 июля 1941 г., в конце дня, передовые подразделения фашистских войск ворвались в г. Черновцы, административный центр одноименной области Украины. В обозах гитлеровцев оказались и отряды украинских националистов. 6 июля в город прибыла айнзацкоманда 10 «Б» из состава айнзацгруппы «Д». Возглавлял команду 10 «Б» штурмбаннфюрер СС Перстерер, доложивший своему начальству, что установил связь с «компетентными румынскими органами и вместе с ними началась чистка города от подозрительных в политическом отношении элементов». В этом же документе подчеркивалось: «7-го сего месяца начались аресты евреев и коммунистов на основании имеющихся розыскных списков и вновь составленных списков»[66]. Эти списки, несомненно, принадлежали румынским секретным службам, а к составлению новых привлекались местные антисемиты. Относительно евреев айнзацкоманда 10 «Б» получила указание: «Воздействовать на румынские ведомства, чтобы они проводили более жесткую линию в еврейском вопросе. Мы должны ликвидировать еврейские сборища, раскрывать еврейские заговоры, чтобы активизировать действия румын против интеллигенции и получить возможность вмешаться самим...»[67].

Здесь уместно сказать, что гитлеровская Германия, считая себя наследницей бывшей Австрийской империи, в состав которой более 140 лет входила Буковина, проявляла к ней особый интерес. Исподволь она вмешивалась в румыно-украинский конфликт относительно принадлежности этой области, подогревая противоборство сторон. Но эти противоречия не касались «еврейского вопроса». В нем румынские и украинские националисты и фашисты действовали заодно с гитлеровцами.

В Черновцах они нашли широкое поле для своей преступной деятельности. Еврейская община – одна из крупнейших в Восточной Европе – славилась своими глубокими еврейскими традициями, сложившимися еще в период австрийского владычества. Заметную прослойку среди еврейства города составляла интеллигенция. В Черновцах издавались еврейские газеты, действовали многочисленные культурные, благотворительные, религиозные, просветительские организации и учреждения.

Согласно румынской переписи населения 1930 г., в Черновцах проживало 42 932 еврея (38,2 % городского населения). В 1939–1940 гг. численность еврейского населения города несколько возросла за счет беженцев из оккупированных гитлеровцами стран Европы, в основном, из Польши, а также евреев – уроженцев Буковины, которые по разным причинам в 20–30-е годы переехали в другие города Румынии и летом 1940 г. репатриировались. Осело в Черновцах небольшое число евреев, прибывших в 1940–1941 гг. из других мест Советского Союза. Были и потери. По данным еврейской общины г. Черновцы, во время сталинских репрессий 1940–1941 гг. из Черновицкой области было депортировано в отдаленные районы СССР около 10 тыс. евреев[68], в том

числе более 3000 – «все бывшие председатели еврейских общин, все, участвовавшие в политической жизни, то ли по линии румынских партий, то ли как сионисты» – 13 июня 1941 г., в преддверии начала войны с Германией и ее союзниками. Абсолютное число высланных из области – жители г. Черновцы. В начале войны, как отмечалось, очень незначительное число евреев-черновчан успело покинуть город.

Со вступлением в Черновцы немецких и румынских войск начался страшный погром. Переживший этот кошмар Зигмунд Майзлер вспоминает: «Румынские и немецкие фашисты, а также отдельные гражданские «добровольцы» со свастикой на рукавах совершали варварские бесчинства: врывались в еврейские квартиры, грабили, насиловали, избивали людей... Их выгоняли из домов и колоннами по улицам, оцепленным вооруженными солдатами и добровольцами-полицаями с фашистской эмблемой на рукавах, вели на окраину города по направлению к реке Прут, а также на еврейское кладбище, заставляли копать рвы и безжалостно расстреливали»[69]. Только за один день – 6 июля 1941 г. – Мина Биллер лишилась шестерых близких своих родственников[70].

По поводу этого погрома в акте Черновицкой городской комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков записано: «Массовые расстрелы проводились на улице Русской, в квартирах, подвалах, в общественных местах. Трупы валялись по 5–6 дней. 6–7 июля 1941 г. под охраной румынских солдат около 2000 человек советских граждан привели к реке Прут, где их заставили вырыть ямы, затем начался поголовный расстрел. Часть уничтожили железными палками, многих утопили в р. Прут путем навешивания на шею камней и сбрасывали с берега реки»[71]. В этом документе только не сказано, что абсолютное большинство этих «советских граждан» по национальности были евреями.

Жертвами этой расправы стали жители еврейских кварталов (ул. Романэ, Кэлугэрень, Кучиур и др.), в основном, беднота. Тем временем в центре города (ул. Янку Флондор, Мирча Водэ, Мирон Костин, Янку Зотта и др.), где проживали более зажиточные евреи, полицейские и жандармы обошли дома, арестовали около 3000 человек и под охраной отвели их в жандармерию. Здесь под руководством майора Чикандела их подвергли истязаниям и обыскали, все ценные предметы были у них отняты. После этого всех женщин и детей выпустили, а мужчин задержали, отправили сначала в полицию, а затем под охраной разместили в здании дома для престарелых и использовали на всяких грязных и трудных работах. Какая-то часть евреев, располагавшая 50–70 долларами или дорогими предметами, была отпущена домой комиссаром полиции Теодореску[72]. Их места занимали другие арестованные.

Особенно охотились фашисты за интеллигенцией и духовными лидерами еврейской общины. 8 июля румынские и немецкие фашисты загнали сотни евреев в «Румынский народный дом» (при советской власти Дом офицеров). Отобрав 102 человека, в основном, «самых красивых, здоровых, молодых евреев», погнали их к реке Прут, и у моста, на территории бывшего военного стрельбища, уничтожили. Среди расстрелянных «коммунистов» был главный раввин города доктор теологии и философии Абрам Марк и главный кантор хоральной синагоги («Темпль») Герман, другие религиозные руководители города.

Предварительно Марка, Германа и троих хористов главной синагоги притащили в гостиницу «Шварцер Адлер» («Черный орел»), ныне гостиница «Верховина», где размещался штаб гестаповцев, и подвергли страшным пыткам. По словам Перлы Марк, жены раввина, от последнего требовали закупить за счет черновицких евреев 1000 грузовиков для немецкой армии. Непосредственно перед расстрелом, по приказу капитана-гестаповца Фингера, обреченные на смерть 102 еврея вновь подверглись жестоким издевательствам. Чтобы скрыть следы преступления, к месту расстрела привели 20 чер-

новицких евреев и заставили быстро закопать расстрелянных, при этом им пригрозили карами в случае разглашения увиденного[73]. В завершение этой вакханалии убийств и грабежей первых дней оккупации фашистские палачи устроили поджог еврейской святыни – «Темпля», изумительного творения зодчих XIX столетия, построенного в византийском стиле. В пожаре сгорели 60 свитков Торы, хранившихся здесь. Раввина заставили смотреть на это чудовищное зрелище.

На второй день, 9 июля, после кровавой акции, направленной против еврейской элиты города, эсэсовец Перстерер с явным удовлетворением и гордостью за содеянное докладывал: «8-го сего месяца была проведена гросакция, в ходе которой был схвачен за небольшим исключением весь руководящий еврейский слой. На следующий день команда расстреляла примерно 100 еврейских коммунистов». Далее в донесении отмечается, что румынскими войсками и полицией «в совокупности в течение 8 и 9 сего месяца было расстреляно свыше 500 евреев»[74]. В упомянутом акте Черновицкой городской комиссии отмечается, что «только 11 и 12 июля на еврейском кладбище было похоронено 450 человек. Хоронить в одиночку запрещалось»[75].

Погром 6–9 июля 1941 г. явился всего лишь началом широкомасштабной акции по очищению города от евреев. Аресты и уничтожение евреев продолжались. В донесении № 22 от 14 июля 1941 г. айнзацгруппы «Д» сообщалось: «В румынских тюрьмах в Черновцах имеется большое количество евреев беднейших слоев. Интеллигенции почти нет»[76]. Значительная часть интеллигенции, как отмечалось, к этому времени уже была арестована и уничтожена.

В очередном рапорте, № 40 от 1 августа 1941 г., айнзацгруппа доносила, что в Черновцах «из около 1200 арестованных евреев 682 были расстреляны во взаимодействии с румынской полицией. Из арестованных 50-ти коммунистических функционеров до сих пор были ликвидированы 16». Отсрочка ликвидации остальных объяснялась необходимостью проведения дополнительных допросов. В разделе об «экономической жизни» в городе и области отмечается, что еврейская собственность перешла к румынскому государству, содержится признание о тяжелых последствиях отстранения евреев от экономической деятельности[77].

15 июля И. Антонеску назначил своим уполномоченным в Буковине полковника А. Риошану. Спустя несколько дней, 20 июля, за подписью Риошану появился приказ № 1344, согласно которому в Буковине евреям запрещалось собираться группами более трех человек, они могли выходить на улицу только с 6 до 20 часов, не могли иметь свои фирмы. Евреи свободных профессий (врачи, адвокаты и др.) должны были на своих офисах рядом с фамилией отметить «еврей», указать часы приема. Всем евреям, «независимо от возраста и пола», предписано было пришить на левой стороне груди «звезду Давида». Всякое нарушение, говорилось в приказе, карается «заключением в лагерь или подвергается суду по уголовным и специальным законам».

Юному Якову Баренбауму запомнилась такая, как он пишет, «странная картина: папа делает из картона шестиконечные звезды, а мама обшивает их желтым материалом. Мы все надели эти звезды и так ходили, дрожа от страха и стыда»[78].

1 августа «Буковина», подчеркнуто антисемитская «газета румынского утверждения», поместила приказ А. Риошану, в котором сказано было, что в случае покушения на румынских, немецких и итальянских военнослужащих или государственных чиновников любого ранга будет казнен не только еврей-виновник, но и все интернированные заложники из числа еврейской элиты. В этой же газете было объявлено «всему населению», что арестованы и взяты в заложники 50 черновицких евреев из числа руководства, которые будут отвечать своими жизнями и всем своим имуществом за всякое покушение на лиц оккупационной администрации[79].

Стремясь как можно быстрее выйти к Днестру и отрезать пути отхода Красной армии, немецкие и румынские войска, действовавшие на Черновицком направлении, устремились к Хотину и заняли город. Советским войскам удалось, в основном, уйти за Днестр, но отрезанными от переправы оказались тысячи евреев Хотина и Хотинского уезда.

С первых дней войны город и переправу через Днестр «бомбили по несколько раз в сутки, днем и ночью вой «мессершмиттов», – вспоминает спустя 50 лет Мария Зерман, – и по сей день звучит в моих ушах»[80].

Согласно переписи населения 1930 г., в Хотинском уезде проживало 36 132 еврея (9,2 % всего населения), в том числе в г. Хотин – около 6 тысяч (37,7 % городских жителей). Как только ушли советские войска, местные мародеры приступили к грабежам, были разгромлены склады и магазины, дома мирных жителей. Со вступлением в город фашистских войск начались пожары, общая паника. «Мы, – пишет пережившая этот кошмар Ханца Ермолинская, – прятались у наших друзей-украинцев. И наш дом фашисты тоже подожгли»[81].

По всему городу шла охота за евреями. «Нас, – рассказывает Циля Пинус, мать троих детей, – как и остальных евреев, выгнали на улицу и стали гонять с одной улицы на другую, пока окончательно не загнали в здание, в котором располагалась женская гимназия. Собрали туда огромное количество людей. Люди были везде, в каждом из классов, во всех коридорах, яблоку негде было упасть. Теснота... Дети плакали, просили воды... Но дать им было нечего... Так мы провели несколько дней. Спали на полу. По ночам приходили немецкие и румынские солдаты, освещали класс, в котором мы находились, яркими фонариками, выискивали молодых девочек, которых уводили с собой, и, конечно, те уже больше никогда не возвращались»[82].

Вскоре женщин и детей отпустили домой, а мужчин задержали. Началась расправа. «В первую очередь из общей массы, – рассказывает Абрам Васерман, – были отобраны религиозные и духовные лица во главе с раввином. Под дулами автоматов их отвели за город и там возле гнилого озера зверски уничтожили. Все они похоронены в одной братской могиле. В этот же день на площади (майдане) была расстреляна еще одна группа невинных людей, среди них много молодежи»[83].

Об одном из эпизодов этой трагедии рассказан случайно выживший Мойше Постельник: «В один из июльских дней, не помню точно дату, немцы выгнали сотни евреев, в том числе меня, мою старшую сестру Мирку и младшего брата Герцла на улицу им. Шолом-Алейхема. На этой улице фашисты начали расстрел евреев из пулемета. Мы упали на землю, через пару минут стрельба прекратилась. Немцы скомандовали бежать в полицию регистрироваться. Когда встали, вокруг нас было много мертвых»[84]. Это было 8 июля. Спустя два дня фашисты расстреляли 5 евреев, взятых накануне в заложники[85]. В сводке № 19 айнзацгруппы «Д» от 11 июля 1941 г. отмечается «хорошее сотрудничество» айнзацкоманды 10 «В» с румынской жандармерией[86]. Спустя три дня, в сводке № 22 от 14 июля сообщается, что айнзацкоманда 10 «В» «выполнила свои задачи в Хотине. Руководящие интеллектуальные элементы советской партии и государственного аппарата, еврейские агитаторы, учителя, адвокаты и раввины схвачены с помощью украинских информаторов в ходе нескольких облав, с ними поступили соответствующим образом...»[87], то есть уничтожили. По данным Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению злодеяний фашистских захватчиков, в июле 1941 г. в Хотине подверглись уничтожению 558 советских граждан[88], абсолютное большинство составляли евреи.

Тем временем полным ходом продолжалось «очищение» от евреев сел и местечек Черновицкой области. 4 июля при содействии своих местных сообщников фашисты

истребили почти всех евреев в селах Ропча, Пэтрэуць, Панка, Броскэуць и др. Сторожинецкого уезда. В с. Ропча палачи решили устроить себе развлечение. Они собрали всю семью Осиаса Вольфа Хасса и погнали к р. Сирет. Слепой старик не мог самостоятельно пройти 3-х километровый путь, и его тащил на спине сын Евгений. Затем всех заставили перейти реку через узкий мостик. Впереди под хохот солдат пустили еле двигавшегося слепого старика. Когда он дошел до середины реки, прицельным выстрелом с берега его пристрелили, и он свалился мертвым в реку. За ним последовала его дочь Рива Шнейдер с младенцем на руках, затем его сын Евгений, жена последнего и двое их детей[89].

5 июля 1941 г. немецкие и румынские войска ворвались в село Великий Кучеров Заставненского района и тут же начали расправу с местными евреями. Убив 13 человек, остальных они погнали в село Молодия[90]. В этом же районе, в селах Шишковцы, Ставчаны, Малятинцы, Веречанка, арестовав 153 еврея и советских активистов (в том числе 54 в с. Шишковцы), 17 июля уничтожили их[91]. В селах Баянчук, Юркивцы (Юркэуць), Погориловка, Горошивцы, Ржавинцы были собраны 82 еврея, некоторое время их держали под арестом и в августе расстреляли[92].

5 июля в с. Станешты были расстреляны 80 человек, в том числе раввин Фриндлер и два его сына[93]. В этот же день немецко-румынские войска заняли с. Глубокое. На второй день они уничтожили 37, а через день еще 18 человек. 8 июля в с. Купка Глубокского района вошли солдаты 13-го горно-стрелкового румынского полка под командованием подполковника Мариною и сходу «начали массовые расстрелы». В с. Корчешты прямо на улице были убиты 4 человека[94].

В селах Новое и Старое Жадово до войны проживало 543 еврея. Сколько их было истреблено в эти июльские дни, точно сказать нельзя. Известно, что дожили до окончания войны только 80 из них. В Старом Жадове фашистские молодчики изнасиловали много молодых женщин и девушек, отрезали всем пожилым евреям бороды, а раввину Гинсбергу штыками нанесли еще несколько ран на теле[95].

Кровавое побоище учинили фашисты в селах Костинцы (Костешть), Хлиница, Ясены, Дросница. Они уничтожили 90 % еврейского населения этих сел[96]. В с. Хлиница были убиты 50 евреев. 15 свитков Торы мародеры изрезали и сшили из них постолы (орта)[97]. Из 400 евреев – жителей с. Костинцы в результате совместных действий фашистских войск и местных националистов в живых остался один ребенок-сирота[98]. В с. Виловка (Виловча) с участием местного крестьянина Курики были уничтожены все жители-евреи[99]. Искавший убежища в с. Милие врач Яков Геллер, один из активных сионистских деятелей в Черновцах, был застрелен, заодно убили его жену и ребенка, а тело местного хахама (резника) солдаты искромсали штыками[100]. Вступившие 5 июля в м. Вижница румынские войска сходу расстреляли 21 еврея, а в с. Ростоки этого района из 81 еврея в живых остались только 10, остальные были истреблены оккупантами и местными антисемитами[101]. В местечке Вэскэуць при вступлении румынские войска взяли в качестве заложников 19 евреев, а именно: Дуги Васермана, П. Хабера, Лейба Зельцера и его сына, Рейхтера и его сына, Слотшевера, Машела и Йойла Сингера, Струловича, Генслера, Риезехера, Мекхловича, Энгельберга, Рейхмана, Ганса Ердрейха, Мойсея Теллера, Мендела Ензенберга и Фишеля Папста. Спустя несколько часов их всех расстреляли[102]. В с. Новоселица Кельменецкого района проживало примерно 50 еврейских семей. «Когда немцы вступили в село, – вспоминает Хая Моргенштерн, – евреев выгнали на площадь возле церкви. Некоторых сразу расстреляли, а остальных погнали в м. Новоселица». Бывшая жительница с. Бельковцы Новоселицкого района Лея Теникман пишет: «С первых же дней оккупанты начали расправу над евреями. Кого находили, тех расстреливали... Отец в то время был на фронте, в рядах Красной

армии, а мать, я и еще две сестры прятались у добрых людей. Спустя три дня... вернулись домой. В доме ничего не осталось».

5-го же июля фашистские войска заняли с. Неполовковцы и тут же учинили погром. Жительница этого села Минна Плуцер пишет: «Фашисты расстреляли моего отца. Плуцера Адольфа, 46 лет, уроженца с. Неполовковцы. Он похоронен в общей могиле на еврейском кладбище в этом же селе. Вместе с ним расстреляны и похоронены 43 человека (только мужчины). Женщин и детей гнали к реке Прут. Я, моя родная сестра Берта, брат Давид, мать и те, которые сумели спастись, очутились в Лужанах...»[103]. В м. Гзудак все 470 еврейских семей, за исключением трех человек, были истреблены фашистами[104].

В Садагурском районе фашисты истребили 221 еврея, в том числе в с. Бояны – 86[105]. Поводом для расправы с невинными жителями Боян послужил пущенный в ход слух о том, что еврейка-комсомолка с чердака своего дома стреляла по румынским солдатам. С участием местных криминальных элементов 7–9 июля в селе уничтожались целые семьи. Аптекарь Роза Преснер. чтобы избежать издевательств, бросилась в реку и утонула, а ее сын Михаил спрятался в колодце, но погромщики обнаружили его и еще одного молодого еврея и расстреляли. Раввина из Боян Абрахама Тодороса, дом которого находился в селе Глинница, пригнали вместе с дочерью в центр села Бояны и убили[106].

8 июля в м. Кицман вступил отряд эсэсовцев под командованием майора Гесса. При содействии своих пособников из местного населения (Думитрашку, Алексюк, Драгана и др.) гитлеровцы арестовали около 50 человек (бывших членов местного совета, колхозников и, конечно, евреев). Отобрав из них 17 человек, в том числе 10 евреев и 7 украинцев (среди последних были 3 женщины), фашисты вывезли их за пределы городка и в Лужанской долине (3 км от города) расстреляли. Спустя несколько дней оставшиеся в живых евреи были ликвидированы, и гитлеровцы объявили Кицман очищенным от евреев (Judenrein)[107].

В уничтожении евреев «отличились» шефы жандармских постов сел Звенячка (Франц Арсентович), Прилипче (Василе Апетроя), Веренчанка (Ион Адам) Заставнянского района. Их жертвами стали около 500 человек[108]. По обвинению во взрыве моста через речушку были расстреляны в лесу Красна 50 евреев из села Крэснишора Ноуэ, примерно 70–80 в с. Кэбешть, около 120 в с. Дрэчинець, около 100 – в Брэскэуць, такое же число в Бобешть[109].

В с. Васкауць (ныне Сокирянского района) в 1941 г. проживало 13 еврейских семей. Когда фашистские войска оккупировали село, всех евреев, вспоминает Елизавета Теперман, согнали в сельсовет. «Первыми оттуда вывели пионеров и комсомольцев (в числе которых была и я) в «панский сад» (бывшего помещика Вербицкого). Сторожиха сада кричала нам, чтобы мы прятались в курятнике. Спрятаться удалось только мне, потому что я была крайняя. Из курятника видела, как мадьяр всех расстрелял. Место их захоронения никому не известно по сей день. Затем вывели из сельсовета 6 мужчин, среди которых был мой отец. Я видела, как их всех расстреляли. Когда пришла очередь выводить на расстрел женщин с малолетними детьми, прибыл румынский солдат верхом на лошади и объявил, что уже три дня как Антонеску запретил убивать евреев»[110]. Солдат, желая, по-видимому, спасти жизнь невинных людей, солгал, такого приказа не было.

9 июля в с. Звунячи были ликвидированы 130 евреев, в с. Рэпуженец – 32, часть трупов была выброшена в Днестр[111].

11 июля в с. Ленкэуць Хотинского уезда были расстреляны 40 евреев, закопали их в общей яме на окраине с. Мошанец. В самом с. Мошанец Кельменецкого района проживали четыре еврейских семьи, а в районном центре – более 50-ти... «Все они, – пишет бывший житель этого села Александр Вайнер, – уничтожены фашистами в первые дни

оккупации. Под Ленковицами есть свой безымянный «Яр», где лежат расстрелянные. Во многих местах Кельменецкого района есть такие могилы. Вряд ли найдется теперь человек, который бы показал, где они находятся. Все вспахано или заросло травой»[112].

11 июля в с. Чепелеуць были преданы земле около 160 расстрелянных евреев, собранных из разных мест[113].

16 июля в с. Непортово Сокирянского района были убиты 68 евреев[114]. В самом районном центре Сокиряны в это время полным ходом шли погромы. «Когда пришли немцы, – рассказывает Хана Трахтман, – они сразу же согнали всех евреев в поле за городом. Больше мы домой уже не вернулись»[115]. Повсеместно расстрелы сопровождались ограблением жертв.

Мы перечислили далеко не все населенные пункты Черновицкой области, где фашисты и их прислужники без разбора уничтожали евреев – мужчин, женщин, детей, в том числе грудных. Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний фашистских захватчиков, только в июле 1941 г. на территории Черновицкой области было убито 11 347 евреев[116].

Местное христианское население Черновицкой области по-разному относилось к акциям правителей Румынии по «очищению» в нацистском духе области от евреев. Как видно из приведенных материалов, антисемитские и националистические элементы, как румынские, так и украинские, с самого начала вместе с фашистскими оккупантами участвовали в зверствах, грабежах и убийствах евреев, а кое-где даже выступали инициаторами этих деяний. Немало грабителей и мародеров, которые не по идеологическим мотивам, а сугубо с целью наживы участвовали в погромах, кое-кто из них в мирное время работал на еврейских промышленных и торговых предприятиях, состоял в обслуживающем персонале. Воры и грабители охотились также за материальными ценностями, оставшимися от советской власти без охраны, они уносили все ценное, что сохранилось на промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятиях.

Часть населения занимала выжидательную позицию, наблюдала за всей этой вакханалией как бы со стороны, в зверствах и грабежах не участвовала, но и не заступалась за евреев, опасаясь за свою жизнь. Известны случаи, когда местное христианское население заступалось за евреев, не давало расправляться с ними. Так, житель села Клиновка спас жизнь двум сестрам Гаер, а впоследствии был убит пособниками оккупантов[117].

В селе Варгиковцы Кельменецкого района проживало 12 еврейских семей. «В первый же день оккупации, – пишет житель этого села Хаим Шамис, – собрали всех евреев и хотели вывести в поле на расстрел. Но благодаря крестьянам, вставшим на нашу защиту (они на коленях просили румынских солдат, чтобы нас не расстреливали), этого не случилось»[118]. Избежать депортации все же не удалось.

Генрих Габер из села Орошаны Черновицкой области рассказал о таком случае: «Накануне захвата немецко-румынско-фашистскими войсками Орошан, опасаясь обстрела (наш двухэтажный дом мог стать точкой прицела), женская часть семьи (мать, сестра, бабушка и ее сестры – *И. Л.*) со мной ушла к крестьянке Зализко Марии Васильевне, матери пятерых детей, отец и дедушка остались сторожить дом.

Ночью в хату Зализко зашли два румынских солдата, они принесли с собой кукурузную муку и рыбу и приказали женщинам приготовить еду. Когда все было готово, старший по званию поставил нас к стенке, чтобы расстрелять. Хозяйка схватила своего грудного Ивана, встала перед моей матерью и крикнула: «Иезус Мария!» и заявила румынскому солдату: «Это мать моих детей, стреляйте сначала в меня, а потом в нее!». Солдаты опешили, начали креститься и, забыв о еде, быстро ушли из хаты... Румынские солдаты стали выгонять из домов всех евреев, выставляя их у стен нашего дома в несколько рядов. Через некоторое время отец привел бородатого человека в пальто (моро-

сил дождь). Офицер схватил приведенного за бороду и толкнул в толпу евреев, на которых были направлены два пулемета, а вокруг стояли румынские солдаты с винтовками.

Вдруг приведенный человек вышел из массы, распахнул пальто, под ним оказалась черная ряса, а на груди большой крест. Офицер опешил и встал перед ним по стойке «смирно». Это был священник Щербанович Иван Степанович (1884–1956). Он спросил: «Что вы собираетесь делать с моими людьми?». Офицер сказал: «Они с красными комиссарами убивали местное нееврейское население и стреляют в румынских и немецких солдат». На что Щербанович ответил: «За своих сограждан-евреев я ручаюсь, можете выслать патруль для выяснения, а пока отведите их в какое-нибудь большое помещение». Офицер велел отвести евреев в большое зернохранилище. Таким образом на станции села Орошань ни один еврей не был убит. Только старик Фрид, когда он шел на утреннюю молитву в синагогу, был убит румынским солдатом»[119]. Однако вскоре все евреи были насильственно выселены в Лужанский лагерь.

В упомянутом селе Бояны, где уничтожены были десятки евреев, произошел такой случай. Десятилетнюю дочь еврея Зайдмана Клару расстреливали вместе с родителями, но через несколько часов она вылезла из-под трупов, так как была только ранена. Крестьяне начали просить за нее, и солдаты больше не стали в нее стрелять.

Рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, семья дьякона греко-католической церкви Андрея Теслюка в течение более двух месяцев укрывала и содержала семью своего соседа Ю. Кранца[120].

Заслуживает внимания подвиг жителя села Нижние Петровцы Сторожинецкого района Ивана Пожоги, о котором рассказал доцент Черновицкого университета И. Попеску в статье «Спасены Свитки Торы». Семья Пожоги накануне войны числилась среди тех, кто подлежал высылке в отдаленные районы СССР. Об этом его предупредил еврей–односельчанин Иосиф Аврум. Семья Пожоги ушла из дому и спаслась от депортации. Далее И. Попеску рассказывает: «Когда началась война, и Красная армия отступила, в Нижних Петровцах разразились погромы и репрессии против сельских евреев, а было их более ста человек. Находилась в селе и синагога, в которой бережно хранились четыре Свитка Торы и регулярно молились евреи. Во время июльских бесчинств в 1941 году синагога была разгромлена, и Свитки валялись на полу среди мусора. Иосиф Аврум обратился к Ивану Пожоге, человеку чрезвычайно религиозному, с просьбой спасти священные Свитки, а также помочь его сыну. Выполнять эти просьбы было чрезвычайно трудно и очень рискованно. Но мужественный человек согласился помочь. Он спрятал сына Иосифа на чердаке, Свитки замаскировал в шкафу парадной комнаты. Ночью Пожога с женой и ее матерью на телеге вывезли Свитки Торы, рискуя жизнью. Они поехали в город Рэдэуць (Румыния) и передали их на хранение в синагогу города». Свитки Торы были спасены, они оставались в этом городе до конца войны[121].

В плане отношения к «еврейскому вопросу» представляет интерес позиция некоторых деятелей буковинской элиты, в свое время выступавших за присоединение Буковины к Румынскому королевству и претендовавших на участие в руководстве этого края. Председатель «Кружка буковинских румын» в Бухаресте, член-корреспондент Академии наук Румынии и член «Военно-гражданского кабинета по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» (КББТ) при Президиуме Совета министров Румынии И.Е. Тороуциу в письме от 2 октября 1941 г. на имя И. Антонеску писал: «В Черновцах на сегодняшний день еще находятся более 50 000 евреев. В других центрах губернаторства, Вижницах и т. д., находятся еще несколько тысяч евреев. В настоящее время их присутствие в главных центрах губернаторства представляет угрозу для великих румынских интересов, политического и экономического характера. Создание гетто, как это было сделано в городе Сторожинец, не выход, а только полумера. Для решения этой

проблемы следует выселить, разместить и сконцентрировать всю еврейскую массу в соответствующий регион, например, в малозаселенный район Транснистрии...»[122]. Это свое мнение Тороуциу высказал в самый канун массовой депортации евреев Буковины в ту самую Транснистрию, решение о которой уже было принято за месяц с лишним до того.

С большим посланием (на нескольких десятках машинописных страниц) обратился к кондукэтору бывший вице-председатель Национального совета Буковины и бывший (дважды) министр румынского правительства в 20-е годы Дори Попович. Свой опус, пронизанный обидой, что его и других известных буковинских «борцов за объединение» с Румынией не привлекли к руководству губернаторством, он озаглавил: «Меморандум, направленный господину маршалу Иону Антонеску, главе румынского государства, относительно ситуации в Буковине, главного ее виновника, возможностей исправления и решения еврейской проблемы».

«Еврейскому вопросу» автор посвятил большую часть своего послания. Подчеркнув, что еще восемь лет назад, занимаясь этой проблемой, контактировал с такими видными деятелями Германии, как Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Альфред Розенберг, Дори Попович считал, что из разных вариантов ее глобального решения (создание собственного еврейского государства, обращение всех евреев в христианскую веру, удаление из страны полицейскими мерами) лучшим является «отстранение их (евреев – *И. Л.*), иными словами, удаление их временно с территории страны, в какой-то регион и до новых распоряжений использовать их, с учетом их способностей, в деле нашей перестройки как в освобожденных, так и во вновь завоеванных территориях, а после окончания войны и заключения мира депортировать, если будет необходимость, в созданное чисто еврейское государство»[123]. Дори Попович опоздал со своими предложениями. Когда его меморандум поступил в правительство (15 ноября 1941 г.), массовая депортация в Транснистрию уже подходила к концу. И. Тороуциу и Д. Попович дипломатически обошли факты геноцида, широко применявшиеся к евреям. Они не призывали открыто к физическому истреблению евреев, но и не осудили политику геноцида.

§ 4. Льется кровь на крайнем севере Молдавии

В течение июля 1941 г. затеянная правителями Румынии «этническая чистка» распространилась на всю территорию междуречья Прута и Днестра. В зависимости от хода военных действий она проводилась где раньше, а где позже на 1–2 недели. В северных районах Молдавской ССР геноцид по времени осуществлялся почти в те же сроки, что и в Черновицкой области.

В первых числах июля, когда немецко-румынские войска развернули наступление на Каменец-Подольском и Бельцком направлениях, среди первых оказалось в руках фашистов пограничное местечко Липканы и окружающие его села. Население Липкан – преимущественно еврейское. Спасаясь от снарядов и пуль, жители покидали пылавшее в огне местечко. Многие евреи держали путь на Бричаны, такое же еврейское местечко, здесь жили родственники, друзья, знакомые. Но не все успели покинуть Липканы. Галина Кубарева пишет: «Бабушка Вайлдергор Перла была убита в первые дни оккупации Липкан, так как находилась в больнице. Всех больных вывели и расстреляли»[124]. Трудно сказать, сколько евреев Липкан и окружающих сел были убиты в эти начальные дни июля 1941 г. После войны не удалось обнаружить и раскопать все их могилы. В 400 метрах восточнее села Берлинцы на скотомогильнике была обнаружена общая

могила 28 евреев, среди которых было 3 скелета детского возраста от 3 до 14 лет[125]. Свидетели фашистских бесчинств Г.П. Мельник, Н.С. Величка, С.П. Купнещенко рассказали, что «массовый расстрел в большинстве еврейского населения был произведен с первых дней прихода румынских войск в село Берлинцы. Начались расстрелы женщин, детей и стариков в квартирах, на улицах и в подвалах, а потом их трупы свозились в общую могилу на скотном кладбище...»[126]. Подверглись расстрелу также евреи в селах района Ларга[127], Медвежа[128] и др.

Оставшихся в живых евреев Липкан фашистские каратели изгнали из местечка. «Помню, – пишет Аркадий Битман, – когда немцы захватили Липканы, был сильный дождь. Всех нас ночью повыгоняли из домов. Под утро мы пришли в какое-то село. В том селе были очень хорошие люди. Нас обсушили, обогрели, накормили»[129].

Евреи Липкан и окрестных сел, успевшие до оккупации добраться до Бричан, спасенными, увы, не оказались. Следовавшие по пятам румынские войска 7-го кавалерийского полка заняли местечко. В нем, как и в Липканах, жило более 5000 евреев. Уроженка Бричан Мальвина Кандель рассказывает: «Когда началась война, мне было 10 лет. Тогда-то и кончилось мое детство. Я стала реагировать, мыслить, воспринимать все окружающее меня, как взрослая. Жили мы в маленьком местечке Бричаны. По словам мамы, это был очень веселый городок. Среди молодежи были поэты, писатели, артисты – любители, не профессионалы. В основном, все знали друг друга. Сюда, в этот город, – продолжает Мальвина Кандель, – начали съезжаться родственники из окрестных местечек: Липкан, Сокирян, считая Бричаны более благополучным местом. Благополучие оказалось ложным, ибо через 2–3 дня начались погромы и расстрелы»[130].

Другой житель Бричан, Хаим Розенталь, пишет: «В Бричанах «хозяйничали» румынские солдаты-фашисты в союзе с местными националистами. По улицам стреляли в первых попавшихся, без разбора. Грабили, в первую очередь, базы и магазины. Затем стали орудовать по домам, убивать и грабить. Безвинные жертвы появились, начиная с первых часов оккупации»[131]. Расстреляны были 47 евреев[132]. Похоронены они в общей могиле на юго-восточной окраине городка, на месте, где была мусорная свалка.

Спасаясь от погрома, многие побросали свои дома и прятались кто где мог. Уже цитируемая нами Феня Клейман, чей родительский дом находился в центре, вспоминает: «Сразу по приходу румын мы ушли из своего дома и несколько дней прятались в садах на окраине. В это время были погромы, и наш дом и все наше имущество было полностью разграблено... Помню, как солдаты приходили и отбирали то немногое, что еще было с нами»[133].

Многие, искавшие спасения от погрома в селах района, оказались жертвами разбоя, учиненного с участием солдат местными антисемитами и уголовными элементами. После войны в селе Чепелеуцы Комиссия по расследованию зверств фашистских захватчиков обнаружила 4 могилы. В первой, находившейся около местной мельницы, было зарыто 33 человека, все трупы были свалены в беспорядке[134]; во второй – в 1,5 километрах на западе от села, – 98 расстрелянных человек, трупы на поле вывозились из села на подводах и закапывались, как животные[135]; в третьей – в 1200 метрах от окраины села, закопано 52 человека[136]; в четвертой – на восточной окраине села, на кладбище скота – 6 человек[137]. В каждой могиле среди погребенных были мужчины, женщины, старики, дети. Всего в четырех могилах обнаружено 189 разложившихся трупов[138]. В с. Гриманкауцы на усадьбе жителя села Н.С. Шматок, в 5 метрах от речки, была обнаружена могила, в ней 9 трупов, на 7-ми из них одежда и обувь совершенно отсутствовали, на остальных двух только изорванное нижнее белье[139]. В с. Корестоуцы были расстреляны 2 человека, в с. Ст. Каракушаны – 2, Трибисоуцы – 1, Болбока – 1. Всего по

Бричанскому району, по данным упомянутой комиссии, был уничтожен в июле 1941 г. 251 человек[140].

В Бричанах, как и в Липканах, румынские власти старались быстро очистить местечко от многотысячной массы местных и прибывших из других населенных пунктов евреев. В одно утро румынский комендант издал приказ: всем евреям явиться на центральную площадь с вещами. «Взвод румынских жандармов с ручными пулеметами, свора румыно-молдавских молодчиков, – вспоминает Лейзер Зингер из Липкан, оказавшийся в Бричанах, – погнали нас, более десяти тысяч евреев. Куда? Это нам было неизвестно»[141].

В зависимости от возраста, трудоспособности евреев определяли для отправки в разные места. Общая тенденция: как можно больше их по ходу военных действий переправить за Днестр. Упомянутый Хаим Розенталь рассказывает: «Жандармы обходили все дома и пристреливали больных, которые не в состоянии были выйти на стадион. Нас выстроили и погнали по дороге на Сокиряны. Больные люди, матери с детьми, которые отставали от конвоя, безжалостно пристреливались на месте. У кого конвоиры замечали приличную одежду или обувь, того тут же бесцеремонно раздевали. Привалы делали вблизи рек и речушек. Июльское солнце пекло нещадно. Уставшие люди валились с ног. Чего только не плыло по реке: мусор, трупы, нечистоты и прочее, а изможденные люди в безвыходном положении пили эту грязную воду»[142]. От Секурян колонну гнали на Атаки, переправили через мост в Могилев-Подольский, какую-то часть разместили на левом берегу Днестра, вблизи с. Козлова. «Евреев, – пишет Фаня Райфлер, – выгнали в открытое поле недалеко от деревни Козлов, где находились около десяти дней под открытым небом. Дождь шел почти каждый день. Есть – нечего. К колодцу не пускали. Каждое утро, просыпаясь, мы находили рядом мертвых»[143].

Путь от Бричан до Днестра для многих был еще более длинным и столь же мучительным. Колонне, в которой находилась упомянутая Мальвина Кандель. пришлось пройти до Косоуць. «Шли долго, – пишет она, – под палящим солнцем, а спали там, где заставала ночь. По дороге охранники убивали стариков, больных, даже детей. Тех, кто отставал от колонны. Таким образом мы добрались до Днестра. Прошли через мост в г. Ямполь. Думали, что на этом закончились все наши мытарства. Но спустя несколько дней нас опять выгнали в сторону Могилева-Подольска. Затем снова через Днестр, где нас поселили в маленьком местечке Вертюжаны»[144]. Все это, как показано будет дальше, связано было с отказом немцев в тот момент размещать евреев на левом берегу Днестра, в зоне действия войск вермахта.

Пришлось менять маршруты. «Примерно через месяц после оккупации, – вспоминает Семен Халфин из Бричан, – нас, евреев, собрали на площадь... После каких-то выкриков румынских жандармов мы двинулись в путь – начался сильный дождь, а мы, промокшие до ниточки, все шли и шли. В нашей колонне были старые люди, и их били палками, потому что они не могли идти быстро. Они ложились на обочине дороги, ожидая смерти, так как им было все равно. Их там же расстреливали. Нас гнали до г. Единцы»[145].

Единцы – такое же, как Липканы, Бричаны, Новоселица, типично еврейское местечко (штетель). Здесь проживало более 5000 евреев. Румынские войска заняли Единцы в первых числах июля. Далее все пошло по известному сценарию: расстрелы и грабежи в домах евреев. Очевидец Ф.М. Ковальчук свидетельствовал, что «расстрел румынские войска производили прямо в домах, расстреливали исключительно еврейское население», а его сына и других жителей «заставили вывезти всех расстрелянных в городе евреев на повозках на западную окраину г. Единец, в 500 метрах от здания полиции и «закопать в одну яму». На этих первых порах в домах и на улицах городка нашли

смерть 96 евреев»[146]. Комиссия по расследованию злодеяний фашистских захватчиков в м. Единцы и селах района выявила пособников оккупантов (Агафона, Владимира и Федора Крестияны, Тодора и Михаила Заимы, Георгия и Кондратия Тишко и др.)[147].

Местом очередных массовых расстрелов стало еврейское кладбище. Свидетельница этих зверств Д.С. Пислецкая, работавшая сторожем на еврейском кладбище в Единцах, рассказала, что расстрелы проводились 4 дня, притом в последний день убивали молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет. Их разбили на четыре группы, «одну расстреливали, следующая партия их закапывала, и таким образом было расстреляно... на еврейском кладбище 233 человека, это количество сама слышала из ихних (т. е. карателей – *И. Л.*) слов». Этот расстрел начался в 16 часов и продолжался всю ночь. Убийства, по словам Пислецкой, на кладбище производили «исключительно румынские и немецкие солдаты и офицеры, а местных молдаван никого не было... Расстрелы производились из пулемета»[148]. Всего в м. Единцы, по данным упомянутой Комиссии, были уничтожены в первой половине июля 613 евреев[149].

Не менее жестоко расправились с евреями фашистские войска в селах Единецкого района: Хлиная, Голень[150], Гординешть[151], Бурлэнешть[152], Старые Бэдражий[153]. Фетешть[154] и др.[155] 6 июля 1941 г. в с. Гинкэуць (Ханкэуць) в присутствии румынских солдат и офицеров назначенный старостой села В.А. Даскал совместно с его единомышленниками Ф.И. Гричар и А.П. Поповичем расстреляли 15 евреев на северо-западной окраине села, а 10 июля тот же В. Даскал в «содружестве» с такими же, как он, антисемитами (С.В. Даскал, С.М. Тритяк, И.Я. Калистрат) убили двух евреев и закопали их в 500 метрах юго-западнее с. Гинкэуць[156].

Среди первых жертв фашистского разбоя на территории Молдавии были также евреи припрутского Братушанского района. 4 июля 1941 г. вошедший в село Теребно отряд 6-го кавалерийского полка румынской армии во главе с капитаном К. Маринеску арестовал 60 жителей села, в том числе 53 еврея, среди которых были старики и дети, и 7 жителей-молдаван из числа советских активистов. Примерно в 300 м восточнее села расстреляли всех евреев, трупы закопали на меже между селами Теребно и Зэбричены. Расстрелу подверглись и молдаване, но трое были только тяжело ранены, их удалось спасти[157]. В лесу Теребно 25 июля были расстреляны 4 еврея – жители с. Вэратик[158].

5 июля в с. Загайканы вошла румыно-немецкая танковая колонна, и вслед появились жандармы во главе с плутоньерами Силвестру и Раков. Собрано было все еврейское население, выведено в поле на северной стороне села и расстреляно. Всех закопали в заранее заготовленные ямы[159]. Тут же в Загайканах по приказу шефа жандармского поста А. Силвестру 15 июля были уничтожены 13 евреев, пригнанных из с. Почумбены[160]. В самих Почумбенах жандармы расстреляли 12 евреев, включая детей[161].

Село Купчино заняли смешанные немецкие и румынские войска. При советской власти здесь было отделение «Заготзерно», в котором работало несколько евреев. Всех их вместе с женами и детьми солдаты во главе с офицерами расстреляли, одних закопали в долине «Кукона», недалеко от села, других около шоссе[162].

Спустя две недели после занятия румынскими войсками села Столничены, 20 июля, было арестовано все еврейское население – 28 человек – и отправлено в с. Шофриканы, к шефу жандармского поста Якиму Вылкову. Всех сначала раздели, мужчин отделили от женщин и детей, тут же в Шофриканах расстреляли, а женщин и детей вернули в Столничены и там уничтожили[163].

На территории с. Парково румынские солдаты расстреляли 32 еврея, закопали трупы в трех местах, известных жителям села под названиями «Ла извор», «Хотарул Русень», «Порубрей». 7 еврейских детей шеф поста отправил в м. Рышкань, где был устроен временный лагерь для евреев[164]. В лагерь были угнаны и 23 еврея из села Фынтана-Албэ[165].

Убийства евреев имели место в каждом населенном пункте их проживания. В с. Старые Братушаны были убиты 6 евреев[166], в с. Новые Братушаны немецкие солдаты истребили 5 человек[167]. В акте районной комиссии по расследованиям злодеяний фашистов сказано: «румынскими солдатами расстреляно 6 евреев, жителей села Щербаки, в северной части села»[168], в с. Корпач «были потоплены в р. Прут жители этого села евреи И.М. Грузман и С.М. Вайнер»[169], в селе Хинкоуцы «в июле месяце проходящими войсками были расстреляны в своем доме супруги Якир, похоронены возле дома. В 100 метрах от села, в западной части, был убит А.И. Брынзанский и тут же похоронен»[170].

В селе Забричаны Братушанского района вступившая румынская воинская часть начала с расстрелов евреев. 4 июля 80-летнего Корманского Лейба Мошковича и его сына Меера солдаты избили до полусмерти, затем один старшина «затоптал старика верховой лошадью, превратив его тело в груду мяса. Труп Лейба Карманского бросили в яму на скотском кладбище, а Меера Карманского увезли и расстреляли у села Александрены. В этот же день, 4 июля, были подвергнуты издевательствам, а затем убиты евреи Якер Шмил Хаскелевич (землепашец), Ройзенберг Герш Янкелевич, Ройзенберг Самуил Янкелевич, 6 июля Йоил Ройзенберг и др.[171] Спустя две недели 54 еврея, остававшиеся еще в живых, были собраны во дворе жандармерии и, как сказано в документе, «отправлены в различные концентрационные лагеря, где почти целиком погибли»[172].

Всего, по данным указанной комиссии, в Братушанском районе «было расстреляно 317 местных жителей, повешено 2 и потоплено также 2 человека»[173].

Непосредственно к советско-румынской границе примыкало с. Болотино и села одноименного района. Как и все припрутские населенные пункты, они ощутили на себе удары войны с самого ее начала. Ворвавшись в село Кубань, группа немецкой полевой разведки сходу начала расправу. Были уничтожены 8 жителей, в том числе три еврея и пятеро молдавских крестьян[174]. Один из трех евреев, 36-летний П.Л. Шор, оказался в с. Кубань случайно. Комендант концлагеря в м. Рышканы разрешил ему отправиться за покупкой продуктов для узников-евреев. Он был задержан и доставлен в примарию, где писарь (нотар) села Танасеску избил его, затем во дворе примарии публично выстрелил в него из револьвера. Затем приказал тяжело раненного в голову Шора вывезти на окраину села и закопать живым, что и было сделано[175]. Восемь человек были расстреляны в с. Каменка Болотинского района, в том числе еврей И.Л. Шейкман, остальные молдаване[176]. В делах районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов приводится ряд фамилий евреев – жителей сел Ст. Друиторы, Белявинцы, Блештень, Проскурень, Володяны[177].

В местечке Рышканы, по заключению местной комиссии, проходящими фашистскими войсками «было расстреляно в разное время на улицах районного центра 37 человек», и похоронены они на еврейском кладбище[178]. В селе Хилиуцы этого района немецкие и румынские войска в течение 3–7 июля убили 15 евреев. Крестьяне закопали их в пяти местах в окрестностях села[179]. В селе Стурзень от рук фашистов погибли 9 человек[180], в с. Михайлень – 3 еврея, которые, по словам свидетеля Е.И. Врабия, «проживали все время в селе Михайлень и занимались общественно-полезным трудом»[181]. Шестеро евреев – жителей села Алуниш были расстреляны румынскими военными и их местными пособниками недалеко от села Яблонь Глодянского района[182]. В окрестностях села Никорень Рышканского района жандармы во главе со своим шефом Александреску убили женщину по фамилии Койфман Зислю и двоих ее детей – Дину 5-ти лет и Марию – 2-х лет[183].

Жертвами фашистского разбоя стали многие евреи Глодянского района. В первые дни прихода румынских войск и жандармов в село Старые Фундоры были расстреля-

ны четыре еврейские семьи: Берона Лейба Мойсеевича, Берон Ехильи Срулевны, Эйдельмана Давида Срульевича, Идисиса Меера Ароновича. В селе Новая Обрежа четыре румынских солдата из проходящей воинской части вывели за село еврея Хальтмана Моисея (1897 г. р.) и его трехлетнюю дочь и убили. В селе Старая Яблона жандармы собрали 4 еврейские семьи (в том числе Гринберга Иосифа, Федергольца Арона) и отправили во временный лагерь, устроенный в с. Новые Лимбены. Туда же погнали 5 еврейских семей из села Новая Яблона (среди них Бонаря Герша, Гринштейна Буюма, Герштейн Бебы и др.), но, как отмечается в документе районной комиссии, «после по селу Новая Яблона шли разговоры, что якобы эти еврейские семьи... ночью по дороге в лесу были убиты»[184].

Заняв Хотин и миновав северные районы Бельцкого уезда, немецкие и румынские войска вторглись в Сорокский уезд Молдавской ССР. В селе Кэйнарь-Векь при участии своих пособников (П.С. Гарбуз, А.Н. Рэйлян и др.) они арестовали местных евреев и пять евреев из местечка Згурица Сорокского уезда, а также двух молдаван, обвиненных в активной деятельности при советской власти, и расстреляли. Перед этим всех их подвергли страшным пыткам. В 1945 г. при вскрытии могилы медицинская экспертиза установила на трупах переломы черепов, реберных и берцовых костей[185].

В селе Петрень фашисты застигли группу евреев, которые, спасаясь от налетов вражеской авиации, покинули г. Бельцы и окружающие села. Петренские жандармы во главе со своим шефом Леподушем и при участии прислужника И.И. Секриера расстреляли 11 местных евреев, 39 бельцких они подвели к семиметровому обрыву над прудом, связали по 5–10 человек проволокой, крайнего ударяли, и он падал в пруд, потянув за собой других. Яма, послужившая могилой 50-ти уничтоженным евреям, была обнаружена сразу после войны в полукилометре юго-восточнее с. Петрень, за прудом[186].

В с. Кетроса жандармы устроили временный сборный пункт, куда согнали из разных мест евреев. Истощенных сразу отобрали, поместили под охраной в каком-то сарае и спустя несколько дней отвезли примерно за километр от села и по дороге на ст. Дрокия, в каменоломне, всех 22 убили[187].

В начале июля 1941 г., за день до вступления румынских войск в село Царьград, местные сельские антисемиты, по показаниям свидетелей (Г.Ф. Сипко, М.А. Ротарь, Г.И. Бежан, П.С. Будуяну и др.), арестовали и поместили в подвал школы евреев Койфмана Мошку (65–70 лет), Койфмана Аврума (62), Моренфельда Мошку (65) с их женами и детьми, и еще 10 евреев из других мест, оказавшихся в Царьграде. Когда румынские войска подходили к селу, арестованные евреи были вывезены навстречу «освободителям», которые на западной окраине Царьграда всех 22 евреев расстреляли из пулемета[188].

Евреев с. Шура фашисты убили в поле на северной окраине села и трупы не закопали, их растащили голодные собаки[189].

На станции Дрокия комиссия по расследованию зверств фашистов раскопала в 1945 г. четыре могилы. Из одной, в 1500 метрах южнее станции, были извлечены 18 трупов, по три трупа обнаружены в ямах (в 200 метрах) западнее Дрокии, в километре восточнее станции и на северной ее окраине. Расстрел производили жандармы во главе со своим шефом Олтяну и его помощником Кришаном. Трупы после войны были перезахоронены на гражданском кладбище ст. Дрокия[190].

По утверждениям жителей с. Гуздица Д.К. Донича, А.Г. Цейля, И.А. Рознована и других, румынские войска, занявшие село, потребовали от местных жителей показать, в каких домах проживают евреи. Прислужники, конечно, нашлись. В ту же ночь румынские солдаты убили в своих квартирах Тендлера Шмиля, Тендлер Розу, Бойко

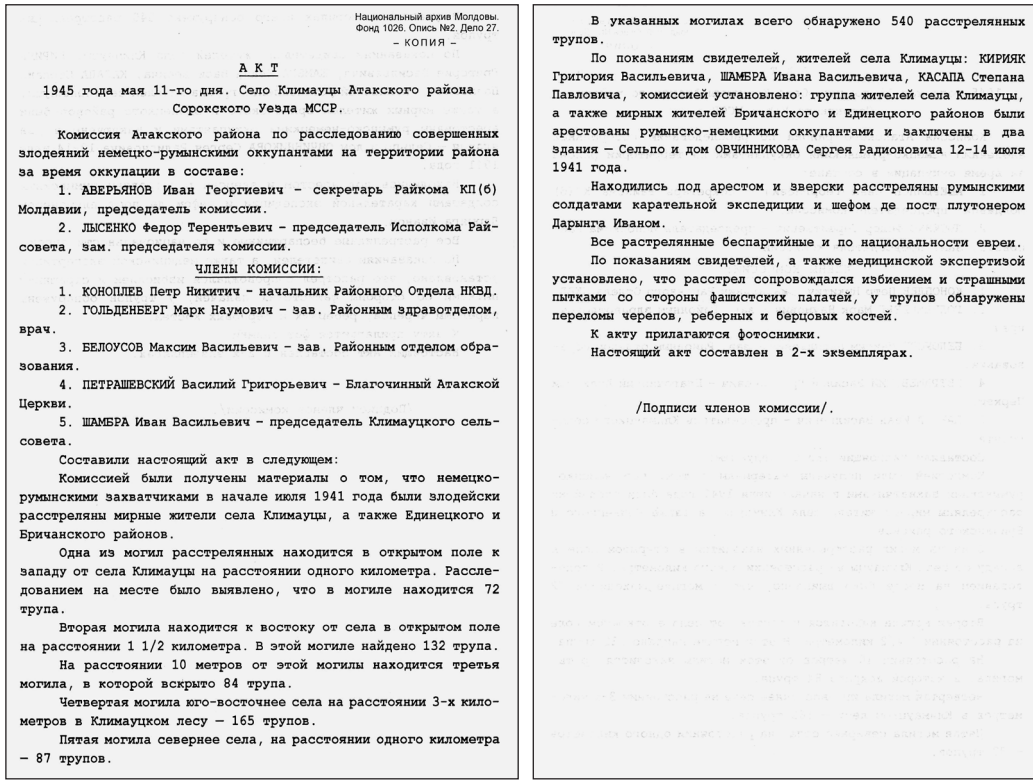
Александру и др. Женщин перед расстрелом солдаты изнасиловали, имущество уничтоженных было разграблено[191].

По мере приближения немецких и румынских войск к Днестру росло число убитых евреев. Как уже отмечалось, у переправ скопились тысячи людей, не получивших возможности переправиться на левый берег реки, в частности в м. Атаки и селах района. По словам свидетелей – жителей с. Климэуць Г.В. Кирияк, И.В. Шамбра, С.П. Касап, «12–14 июля 1941 года группа жителей с. Климэуць, а также мирных жителей Бричанского и Единецкого районов, была арестована румынскими и немецкими оккупантами и заключена в два здания сельпо (сельской потребительской организации – *И. Л.*) и в доме Овчинникова Сергея Родионовича». Далее в документе районной комиссии сказано: «Все арестованные были зверски расстреляны румынской карательной экспедицией и шефом (жандармского – *И. Л.*) поста плутоньером Дорынга... Все они беспартийные и по национальности евреи».

После войны были найдены и раскопаны 5 братских могил. К западу от села, на расстоянии одного километра, было выявлено 72 трупа, к востоку от села, в открытом поле, на расстоянии 1,5 километра найдено 132, в 10-ти метрах от последней было обнаружено 84, юго-западнее Климэуць, на расстоянии 3-х километров, в Климэуцком лесу нашли 166 трупов и, наконец, севернее села, на расстоянии одного километра, – 87. Всего из указанных могил был извлечен 541 труп расстрелянных евреев, среди них много детских. «Показаниями свидетелей, а также медицинской экспертизой, – сказано в акте комиссии, – установлено, что расстрел сопровождался избиениями и страшными пытками со стороны фашистских палачей, у трупов обнаружены проломы черепов, реберных и бедренных костей...»[192].

Чудом оставшаяся в живых жительница с. Кодрень того же Атакского района М.З. Молодецкая впоследствии рассказала: «Село Кодрень в июле заняли немецко-румынские войска... и стали производить арест советских активистов. В это время по доносу была арестована я, Молодецкая, за то, что в 1940–1941 годах работала членом сельсовета села Кодрень. Совместно со мной было арестовано 12 человек советских активистов... Во время нашего ареста над нами сильно издевались и подвергали разным зверским пыткам, наносили побои прикладами винтовок, подвешивали за шею на сучья деревьев. После зверских пыток вывели нас на окраину Бриченского леса, завязали нам руки, поставили в ряд и стали расстреливать из винтовок. Я в это время была ранена в левую руку и упала среди убитых, и когда остальные были расстреляны, то нас оставили на окраине леса и ушли в неизвестном направлении. Через 6–7 часов после расстрела я освободила зубами себе руки, вылезла из-под трупов и скрылась, но после была поймана и направлена в лагерь, в Бершадский район...»[193].

Расправам подверглись многие жители и районного центра местечка Атаки (Отачь). 7 июля 1941 г., примерно в 3–4 часа ночи, немецкие и румынские войска заняли окраину местечка. Тут же начались расстрелы. Первыми жертвами гитлеровцев стали железнодорожники переезда № 97 дежурный А.Ф. Ротарь, рабочий-обходчик М.С. Боднарь, его сын В.М. Боднарь. тяжело ранена его жена М.Н. Боднарь. Пошли аресты. Один из арестованных – Г.С. Гуцул – рассказал, что их «жестоко избивали», добиваясь показаний относительно того, «кто остался в Атаках из коммунистов и кто руководит партизанскими отрядами». Затем группа узников вырыла яму, и гитлеровские палачи выстроили в ряд всех заключенных и расстреливали каждого десятого. Эта процедура была проделана несколько раз. Всего расстреляно 43 человека, все они, сказано в акте комиссии, «беспартийные, по национальности молдаване, евреи, украинцы. До начала Отечественной войны работали в советских хозяйственных организациях и на железнодорожном транспорте». Всего выявлено 10 могил, расположенных на площади бывше-

Национальный архив Молдовы.
Фонд 1026. Опись №2. Дело 27.
– КОПИЯ –

А К Т

1945 года мая 11-го дня. Село Климауцы Атакского района Сорокского Уезда МССР.

Комиссия Атакского района по расследованию совершенных злодеяний немецко-румынскими оккупантами на территории района за время оккупации в составе:

1. АВЕРЬЯНОВ Иван Георгиевич – секретарь Райкома КП(б) Молдавии, председатель комиссии.
2. ЛЫСЕНКО Федор Терентьевич – председатель Исполкома Райсовета, зам. председателя комиссии.

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ:

1. КОНОПЛЕВ Петр Никитич – начальник Районного Отдела НКВД.
2. ГОЛЬДЕНБЕРГ Марк Наумович – зав. Районным здравотделом, врач.
3. БЕЛОУСОВ Максим Васильевич – зав. Районным отделом образования.
4. ПЕТРАШЕВСКИЙ Василий Григорьевич – Благочинный Атакской Церкви.
5. ШАМБРА Иван Васильевич – председатель Климауцкого сельсовета.

Составили настоящий акт в следующем:

Комиссией были получены материалы о том, что немецко-румынскими захватчиками в начале июля 1941 года были злодейски расстреляны мирные жители села Климауцы, а также Единецкого и Бричанского районов.

Одна из могил расстрелянных находится в открытом поле к западу от села Климауцы на расстоянии одного километра. Расследованием на месте было выявлено, что в могиле находится 72 трупа.

Вторая могила находится к востоку от села в открытом поле на расстоянии 1 1/2 километра. В этой могиле найдено 132 трупа.

На расстоянии 10 метров от этой могилы находится третья могила, в которой вскрыто 84 трупа.

Четвертая могила юго-восточнее села на расстоянии 3-х километров в Климауцком лесу – 165 трупов.

Пятая могила севернее села, на расстоянии одного километра – 87 трупов.

В указанных могилах всего обнаружено 540 расстрелянных трупов.

По показаниям свидетелей, жителей села Климауцы: КИРИЯК Григория Васильевича, ШАМБРА Ивана Васильевича, КАСАПА Степана Павловича, комиссией установлено: группа жителей села Климауцы, а также мирных жителей Бричанского и Единецкого районов были арестованы румынско-немецкими оккупантами и заключены в два здания – Сельпо и дом ОВЧИННИКОВА Сергея Радионовича 12-14 июля 1941 года.

Находились под арестом и зверски расстреляны румынскими солдатами карательной экспедиции и шефом де пост плутонером Дарынга Иваном.

Все растрелянные беспартийные и по национальности евреи.

По показаниям свидетелей, а также медицинской экспертизой установлено, что расстрел сопровождался избиением и страшными пытками со стороны фашистских палачей, у трупов обнаружены переломы черепов, реберных и берцовых костей.

К акту прилагаются фотоснимки.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах.

/Подписи членов комиссии/.

Акт Комиссии Атакского района по расследованию совершенных злодеяний немецко-румынскими оккупантами на территории района за время оккупации от 11 мая 1945 г.

го старого базара, около железнодорожного переезда № 97, на усадьбах М.К. Руснака. А.В. Айзиновой и др.[194]

Скопление евреев на подступах к Днестру, в приднестровских местечках и селах создавало местным грабителям весьма благоприятные условия для наживы за счет чужого добра, а всяким приверженцам фашизма – для издевательств над евреями и безнаказанного их уничтожения. К слову будет сказано: на севере Бессарабии и в ряде уездов Северной Буковины в 20–30-е годы бурно расцвели антисемитские организации Лиги национал-христианской защиты и «Железной гвардии». О том, как в эти дни действовали их молодые воспитанники, пишет свидетельница Маня Мардер из молдавского местечка с преимущественно еврейским населением Згурица Сорокского уезда. «Мне очень запомнился день, когда для меня началась война. Обыкновенное утро, ясное, светлое. Вдруг надвинулись густые облака, черные грозные тучи, но ливня не было, вместо него двинулись с горы вражеские войска, бесчисленное множество солдат и артиллерии, поднявших огромные облака пыли.

Вся эта темень, топот, стрельба вызвали панику и страх у нас, захваченных врасплох у нагруженных подвод с багажом, не успевших эвакуироваться... Молодые парни из местных вместе с солдатами грубыми действиями выгнали всех евреев из домов, не разрешив взять с собой ничего. На наших глазах грабили, выносили все из домов, нагружали подводы и увозили.

Наступил вечер. Нас всех собрали в одну колонну и погнали в поле. По пути парни отбирали молодых женщин, девушек, отделяли их по одну сторону дороги, осталь-

ных – стариков, детей – по другую сторону. Мы слышали крики, стоны, стрельбу, после чего многие остались там навсегда. Затем объединили всех и погнали в город.

На горе были поставлены немецкие пулеметы с солдатами и овчарками. Мы сидели на голой земле мокрые, голодные, в страхе перед смертью.

Через несколько дней, после того как все еврейские дома были разграблены, очищены от всякого добра, вечером нас подняли, и мы видели, как по улице ехала машина и в каждый дом была брошена зажигательная бомба. Все дома загорелись, густой черный дым поднялся над городом – город был объят пожаром. Никто его не тушил. На следующий день нас обвинили в поджоге, за что были наказаны – отобрали несколько стариков и тут же расстреляли»[195].

Подобные сожжения еврейских домов имели место во многих других населенных пунктах, ими как бы подчеркивалось, что возвращения евреев к домашним очагам не будет, что они навсегда изгоняются из этих мест. Таким же способом был полностью разрушен поселок Люблин, прилегающий к селу Немировка Вертюжанского района того же Сорокского уезда. Из 80 домов сохранилось только три. Предварительно жандармы из Немировки во главе с шефом поста плутоньером Бицика Илие постарались избавиться от евреев – жителей поселка Люблин, а также из самой Немировки. На «боевом» счету этих жандармов 130 загубленных еврейских жизней. При раскопках в мае 1944 г. одной могилы было извлечено 15 трупов (7 женских, 8 мужских). «Что касается других трупов, – отмечается в акте районной комиссии, – то свидетельскими данными жителей села Немировка установлено, что в большинстве своем трупы не были погребены в земле, а были растащены и съедены собаками»[196].

В самом районном центре Вертюжаны, что на берегу Днестра, в августе 1941 г. румынские власти устроили крупный концентрационный лагерь. А пока весь июль они старались максимально очистить села района от евреев, как местных, так и скопившихся у переправ. В прилегающем к Вертюжанам селе Темелеуцы, на дороге, идущей к Днестру, примерно в 1–2 километрах от села в овраге (около каменной скалы) были убиты еврейская семья из Темелеуц и две семьи из села Вэскэуць, всего 9 человек[197].

В селе Черлина, также находящемся вблизи Вертюжень, было убито 16 евреев. В августе 1944 г. была вскрыта могила (в 3-х километрах от села Черлина на расстоянии 150 метров от одного одиноко растущего дерева на целинной земле) и установлено, что среди расстрелянных было 4 женщины и 5 детей в возрасте от 1 года до 12–13 лет. Жители с. Черлина (П.А. Селитба, Т.К. Секрий и И.М. Селитба), участвовавшие в июле 1941 г. в закапывании 16 уничтоженных евреев, рассказали, что «у двух женщин были совершенно раздроблены головы, кости черепов были ими собраны и брошены в ямы».

На расстоянии 400 метров от этой могилы, на окраине поля, в 4-х метрах от дороги, идущей в село Немировка, была вскрыта еще одна могила, в ней найдены трупы жителей с. Черлина Зимбенберга Мошко (60–70 лет), его жены Рейзл и Зимбенберга Менделя (40–45 лет), расстрелянных в июле 1941 г.[198]

11 июля 1941 г. немецкие и румынские войска заняли уездный центр, старинный молдавский город Сороки. Величественные каменные стены Сорокской крепости, воздвигнутые, по-видимому, в начале XVI в., сохранились до наших дней. В городе проживала примерно пятая часть общего числа еврейского населения уезда (около 30 000) накануне Второй мировой войны. В самом городе евреи составляли 36 % городских жителей.

На второй день после занятия города фашистские власти учинили расправу над самыми уважаемыми и видными в городе евреями. К ним относился, в первую очередь, девяностолетний раввин Нисон Колкер, человек весьма образованный и порядочный.

От него палачи потребовали назвать 40 наиболее известных в городе евреев. Он отказался. Об участи этих евреев московская газета «Известия» – в то время советский правительственный официоз – писала 31 мая 1944 г. в статье «Этого не забыть» (в ходе войны коммунистическое руководство СССР еще допускало иногда печатать материалы о преследовании нацистами евреев): «На рассвете румыны вывели за город 39 человек... Люди догадывались, что это их последний путь. Они оборачивались. Они прощались с городом, в котором родились, росли, любили, трудились. Среди обреченных были люди разных возрастов. Престарелый раввин Колкер ковылял рядом с другими. Колкеру было 85 лет (неточность в газете – *И. Л.*), Моне Яшан – 14, Абраму Хин – 15. Они шли молча. Было чудесное бессарабское утро. Из села Застынка доносились крики петухов. День начинался. Жизнь просыпалась. А они шли умирать... Вот и сад... «Остановитесь!» – приказал офицер. Людей столкнули в овраг. Солдаты остались на холмике. Старый раввин Колкер воздел руки к небу. Он молился за молдаван и евреев. Потом на чистом немецком языке сказал, что всем, кто поднял свои ружья против невинных людей, будет «капут». Последовал залп, и он упал первым. Другой, третий залп. Люди начали падать. Легко раненных добивали. Полуживых закопали в овраге».

Смерть от рук фашистов не миновала многих ближайших родственников раввина Нисона Колкера. Его сына Аврума Колкера с женой Паей, ее матерью и семью детьми живыми закопали в яру в селе Думбрэвень (12 км от Сорок) во время учиненного там местными бандитами погрома, о чем мы уже писали. Жену раввина Рухел, мать девятерых детей, спустя несколько дней после расстрела мужа выгнали из дому и погнали вместе с другими евреями в сторону села Александрень. Не выдержав этого испытания, она скончалась в пути[199].

Кстати, о слове «капут», произнесенном перед смертью раввином Колкером. Им озаглавил свои воспоминания уже упомянутый нами итальянский журналист и писатель Курзио Малапарте, побывавший на советско-германском фронте в качестве военного корреспондента. 15-я глава книги названа «Дети из Сорок». В ней автор описывает свое пребывание в этом живописном городе, в котором немецкое командование XI армии устроило для своих отдыхающих вояк бордель. Сам командующий генерал фон Шоберт удостоил своим присутствием открытие этого «культурного» заведения. «Десять бледных детей с красными глазами от слез, – читаем в книге, – дрожа от страха, встречали генерала фон Шоберта и его свиту». Итальянский журналист пишет, что молодые девушки-еврейки из Сорок, сумевшие избежать смерти, прятались в лесах от назойливых фашистских насильников. «Пшеничные поля и леса Бессарабии между Бельцами и Сороками были полны этими молодыми еврейками», которые питались за счет подаяний сердобольных крестьян и похожи были на загнанных зверюшек, за которыми охотились организованные команды гитлеровцев.

Заведовал борделем некий зондерфюрер Шенк. Он пригласил итальянского журналиста посетить его заведение, занимавшее дом недалеко от крепости, воспользоваться «бесплатно», как он подчеркнул, услугами своих узниц. Малапарте отказался от насилия над беззащитными детьми. По-видимому, Шенк посчитал, что гость опасается иметь дело с проститутками. Он засмеялся и сказал: «Они не являются проститутками, они дети из хороших семейств». Заметив в словах гостя сочувствие к несчастным девушкам, принужденным подлым образом становиться подстилками для немецких господ, Шенк произнес: «Не стоит так их жалеть, они ведь еврейки».

Малапарте как-то удалось завязать разговор с рабынями этого заведения. Они действительно происходили из состоятельных еврейских семейств, были образованы, некоторые учились в Кишиневе, говорили по-французски. Мы не знаем, называли ли они

свои настоящие имена. Отец Любы был коммерсантом из Бельц, отец Веры – врач из Кишинева.

После двадцати дней «работы», изможденных, «ни к чему уже не пригодных» девушек отвозили к Днестру и беспощадно уничтожали. На смену приводили других рабынь[200].

§ 5. Пособниками фашистов не стали. Гибель юденрата в Бельцах

Опираясь на созданный в конце июня плацдарм в районе Скулень, семь немецких и румынских дивизий в первых числах июля 1941 г. устремились по направлению к городу Бэлць (Бельцы) – самому крупному на севере Молдавской республики. Уже 3 июля они заняли на пути к Бэлць районный центр Фэлешть. В этот же день была учреждена новая администрация – претура, полиция, жандармерия. 14 человек из числа местных евреев были взяты в заложники, среди них Раббин Флом Ихильевич (60 лет), Койфман Сруль (55 лет), Вайншенкер Володя (25 лет) и др. О дальнейшей судьбе этих людей больше никто не знал.

Многие фэлештские евреи искали спасения в селах района: Долта, Бургеля и др., но их тут же застигли фашистские палачи. 5–8 июля в Фэлешть и названных селах были схвачены и расстреляны 63 еврея[201]. За спиной наступавших войск оставались узловая станция и местечко Унгены. Не все местные евреи успели его покинуть. Восемь из них были арестованы немецко-фашистскими захватчиками, подвергнуты издевательствам и расстреляны[202].

Другая партия евреев из Унген в количестве 27 человек была отправлена в село Петрешть и в двух километрах юго-западнее этого села, в 200 метрах от дороги, идущей от Петрешть в село Меделень, ночью, в овраге, была расстреляна. Свидетели – жители Петрешть Ф.А. Грубий и Н.А. Георгица – рассказали, что утром, когда пришли закапывать людей, было обнаружено, что некоторые были только ранены, их стали добивать»[203].

Как уже отмечалось, нередко бывали случаи, когда трупы убитых евреев по несколько дней валялись в поле и на улицах сел и местечек, на виду у всех растаскивались голодными собаками. Это шокировало даже кое-кого из руководителей вермахта. Хотя гитлеровцы самым активным образом участвовали в истреблении евреев, коммунистов и «подозрительных» на оккупированных ими территориях, но стремление немецкого командования придать вермахту имидж цивилизованной армии, строго придерживающейся международных правил ведения войны и обращения с гражданским населением враждебной стороны, заставили его обратить внимание румынского союзника на безобразные факты грабежа и насилия на виду всего народа и требовать принять меры «в целях неповторения подобных инцидентов», которые «снижают престиж не только румынской, но и германской армии перед лицом мирового общественного мнения»[204].

Мотивом для такой реакции немецкого военного командования послужили действия румынских войск в местечке Пырлица и в селах Старая Тэура и Новая Тэура. В первом немецком письме, адресованном Генштабу румынской армии, сказано, что 7 июля 1941 г., между 9 и 10 часами утра, румынские солдаты в сопровождении жительницы м. Пырлица по имени Феня Буга, а также других гражданских лиц на виду у всех «шли по домам с целью присвоения ценностей, не имея на это никаких прав». В доме, принадлежащем еврею Фелдеру Гидале, они застали хозяина и его семью и еще группу евреев, поселившихся здесь в первые дни войны. Их всех ограбили и в подвале дома расстреляли. В документе подчеркивается, что румынские офицеры связи с германской армией

полковник Думитреску и майор Дагнер удостоверились в правдивости приведенных фактов, последний даже установил имя одного из убийц – солдата Александру Титу (в другом документе Александреску – *И. Л.*) из 5-й разведгруппы 5-й пехотной дивизии. В квартире упомянутой Фени Буга было найдено «большое количество муки в мешках, подушек, пуховых матрацев, ковров, посуды и других предметов, добытых путем грабежа». В свое оправдание Феня Буга заявила, что румынские солдаты говорили людям забирать из еврейских домов продовольствие и вещи, это делали и другие женщины, лично она потом вернула забранное ею в доме Фельдера, но «люди из соседних сел на подводах все увезли из еврейских домов»[205].

Во втором письме, направленном командованием 11-ой немецкой армии румынскому Генштабу, предлагалось провести расследование убийства «большого числа» евреев румынскими солдатами у села Новая Тэура 7 июля, между 7 и 8 часами вечера. К письму приложен допрос, учиненный немцами случайно выжившим двум женщинам из Бэлць – 34-летней Дине Френкель и 32-летней Лейке Ламберг. Они рассказали, что в первые дни войны многие евреи перебрались из города в село Влад (речь идет о селе Валя-луй Влад Кишкэренского района Бельцкого уезда – *И. Л.*), где они оставались до 7 июля 1941 г. В этот день «крестьянские сынки в возрасте 16–18 лет, вооруженные дубинками и косами, изгнали евреев и сожгли дома»[206]. Подтверждение этого имеется в акте районной комиссии по расследованию злодеяний фашистских палачей, составленном в марте 1945 г. В нем отмечается, что организатором погрома был 24-летний бывший кузист А.Н. Кучук, сколотивший банду из 17 своих единомышленников из сел Валя-луй Влад и Думбрэвица. В ночь с 6 на 7 июля банда учинила погром, жертвами которого стали 35 евреев (21 мужчина, 6 женщин и 8 детей), сожжены были 140 еврейских домов[207]. Далее, по словам названных женщин, около 40 бельчан попытались вернуться в родной город и, не зная, какая из дорог свободна от войск противника, напоролись на немцев, но все обошлось благополучно. Вдруг между селами Старая и Новая Тэура появилось около 20 румынских солдат во главе с капралом, которые отняли у евреев деньги, драгоценности, лошадей и подводы. Когда они выбрались на дорогу, то натолкнулись на румынского офицера, который пожалел их и поручил одному крестьянину отвести женщин в больницу м. Кишкэрень.

На письма немецкого командования пришлось давать ответ. По заданию Главного претора румынской армии генерала И. Топора, «расследование» в Пырлице проводил заместитель начальника Бельцкого жандармского легиона капитан Стино Лауренциу, в Тэуре – сам начальник этого легиона майор Боулеску Михай. По-видимому, капитан и майор были проинструктированы, как следует проводить «расследование» и к каким выводам следует прийти. В своем отчете Лауренциу Стино писал, что допросить солдата-убийцу Александреску Титу не удалось, так как он убыл вместе со своей частью, евреи-свидетели не нашлись, их отправили в лагерь. Зато нашлись нужные «свидетели». Один из них – Штефан Дороскевич, «слышал, что немецкие солдаты застрелили несколько евреев в связи с тем, что при вступлении их в Пырлицу евреи, скрывавшиеся на чердаках и в садах, открыли по ним огонь». Другой «свидетель» – Василе Тепой – утверждал, что «при вступлении в местечко Пырлица немецких войск евреи из тайника убили двух немецких солдат», и в отместку, спустя 2–3 дня, «в каком-то погребе они нашли 3–4 евреев с оружием и гранатами и расстреляли их». Есть в показаниях последнего и такая фраза: «Я не видел румынских солдат, грабивших и убивавших евреев. Я слышал спустя 2–3 дня, что в доме Фелдера Гидале румынские солдаты якобы застрелили около 10 евреев»[208].

Майор Боулеску был более лаконичен: никто из жителей Новой и Старой Тэуры «не может давать сведения об убийстве евреев, заявляя, что о таком случае не знают»[209].

Надо полагать, что командование 11-й немецкой армии не стало больше копаться в этом деле, учитывая, что солдаты и офицеры вермахта сплошь и рядом были инициаторами расстрелов евреев. В с. Хлинжень того же Кишкэренского района гитлеровские вояки во главе с капитаном Гофманом днем 10 июля 1941 г. убили 14 человек[210].

В конце дня 8 июля немецкие и румынские войска ворвались в город Бельцы. Согласно румынской переписи населения 1930 г., из 30 570 жителей города 14 229, или 46,6 %, были евреями. Перед советско-германской войной численность населения заметно увеличилась, особенно за счет евреев-бельчан, которые после 28 июня 1940 г. вернулись из Румынии.

В аграрном крае, на фоне других бессарабских городов, г. Бельцы считался промышленным. В городе был сахарный завод, особенно славился он своими маслобойными предприятиями.

22 июня, с первого часа войны, Бельцы подверглись варварским налетам фашистской авиации, они повторялись каждый день и по несколько раз в день. По-видимому, это не случайно. На узловой станции Бельцы скопилось большое число эшелонов с войсками и военной техникой. В городе размещался штаб 48-го стрелкового корпуса генерала Р.Я. Малиновского, недалеко от города находился военный аэродром, на нем базировался полк истребительной авиации. «На еврейские кварталы города, – пишет бельчанка Мина Герцман, – гитлеровцы бросали зажигательные бомбы. В ужасе и страхе люди убегали в поле»[211]. Многие разбрелись по селам уезда, какая-то часть, не желая рисковать, двинулась на восток. Бельчанин Менаше Балабан вспоминает: «В первый день войны нас разбудил грохот от взрывов бомб. Мы выбежали на улицу и с того времени стали беженцами без вещей и без еды. Больше в свой дом не возвращались. Мы ходили по горящим улицам города в сторону Днестра, днем прятались по лесам, а ночью продолжали путь. По дороге нас бомбили немецкие самолеты. Помню, что в одном местечке мы попали в окружение. Пришли немцы. Начались расстрелы»[212].

Вслед за передовыми частями немецких и румынских войск в город вступили румынские полицейские, жандармы и головорезы айнзацкоманды 10 «В» из состава айнзацгруппы «Д» Олендорфа.

Тотчас же в городе и в его окрестностях началась охота за евреями и их истребление. В акте комиссии по расследованию зверств и грабежей фашистов в г. Бельцы, составленном на основе показаний очевидцев и в результате раскопок могил, читаем: «...с момента прихода немецко-румынских войск в г. Бельцы начались беспорядочные массовые расстрелы советских граждан, главным образом евреев, которых схватывали на улице, обыскивали скрывавшихся в домах крестьян, уводили их в уединенные места, где после ограбления схваченные жертвы, у которых отбирались имевшиеся ценности, а также содранная с них одежда, расстреливались возле подготовленных заранее ям, куда убитые сваливались»[213].

Свидетель Н.К. Дудник рассказал, что «его заставили румынские солдаты зарыть около 30 женщин и детей, которые были расстреляны у него на глазах, предварительно их ограбили солдаты». Гражданка В.Н. Василишина была свидетелем расстрела 15 женщин и детей, также «предварительно ограбленных, а затем зарытых в яме за Кишиневским мостом, на скотском выгоне». На этом же месте, согласно показаниям гражданина М.М. Демчу, были зарыты 25 человек[214]. По свидетельству граждан Сороковского и Чернея, на территории бывшего разливочно-водочного пункта на Ленинградской улице была убита группа евреев. При раскопке могилы было извлечено «16 человеческих черепов с костями» и установлено, что среди расстрелянных были врач-рентгенолог Лазарь (46 лет), адвокат Матиевич Герш Яковлевич (35), портной Башинский и др. На этой же Ленинградской улице, возле Старого собора, были убиты фа-

шистскими солдатами 12 человек и еще 7 человек в одном дворе по Церковной улице, в том числе одна женщина и один ребенок[215].

«К фактам злодеяний, – сказано в акте упомянутой комиссии, – нужно отнести сожжение женщин и детей в количестве около 300 человек в еврейской синагоге по Кишиневской улице и расстрел мужчин евреев в помещении бывшей румынской жандармерии в Слободзее, где раньше помещался Крестьянский банк. Здесь было расстреляно и погребено тоже около 300 человек, что установлено свидетелями Ясинским, Циркулевичем». В одной яме, раскопанной в присутствии комиссии, шести метров длины, двух метров ширины и трех метров глубины», были обнаружены останки 20 человек. По показаниям свидетеля Д.Н. Лымаря, проживавшего по соседству с бывшей румынской жандармерией, среди убитых были «бельцкие граждане Ермолинский, 45 лет, два брата Аккерман и некий Нусим...». Расстрел, уточнил свидетель, был произведен «на третий день после занятия г. Бельц проходившими войсковыми румынскими частями»[216]. Среди последних оказались уже знакомые нам «герои» расправы с евреями местечка Скулень из 6-го пехотного полка 14-й пехотной дивизии капитан Стихи и сублокотенент Михайлеску. «В селе Бучумень – уезд Бэлць, – рассказал после войны румынским следственным органам бывший секретарь роты под командованием капитана Стихи лейтенант Гуруш Петря, – я видел, когда сублокотенент Михайлеску расстрелял единственную найденную в этом селе старушку-еврейку. Когда мы достигли Бельц, тот же капитан Стихи вместе с взводом эвакуировал еврейское население, направив его к противотанковому рву, и заставил их углубить его. Туда прибыл немецкий полковник и установил контакт с полковником Матиешом (командиром 6-го румынского полка – *И. Л.*). О чем они разговаривали, не знаю, но знаю, что в результате этой встречи были выделены два еврея из этой группы, которые проводили отбор «опасных» для военных операций. После этой «сортировки» дети и женщины, а также часть мужчин, признанных неопасными, были отпущены, остальные мужчины, примерно 30–40, были расстреляны»[217].

Румынский полковник Исэческу Михай из того же 6-го полка признал: «Во время остановки возле Бэлць, в Слобозия-Бэлць (пригород – *И. Л.*), капитан Стихи с ведома командира полка полковника Матиеша расстрелял определенное число евреев прямо на берегу р. Реут»[218].

То, чего «не доделали» регулярные части румынской и немецкой армий, завершили румынские полицейские и жандармы в тесном содружестве с эсэсовцами из айнзацкоманды 10 «В». В своем донесении от 11 июля 1941 г. квестор полиции Думитру Агапие (эту должность он занимал и до 28 июня 1940 г.) сообщил, что сама полиция разместилась в доме «исчезнувшего» еврея Давида Иоффе на улице им. короля Карла I[219]. В подвале этого дома начальник сигуранцы (службы безопасности) этой полиции Гурие Филипенку в порядке «тренировки» собственноручно расстрелял 6 человек – двух женщин и четверых мужчин, а сержант полиции Гитлану – еврея Марка Мойсея[220]. В этом же своем донесении от 11 июля квестор Агапие писал: «Еврейское население, которое в своем большинстве покинуло город, начало возвращаться в свои дома». Речь идет о евреях-бельчанах, которые с первых дней войны спасались от бомбежек в окружающих селах, во время прохождения войск каким-то образом избежали облав и расстрелов, а также при эвакуации на восток были настигнуты передовыми отрядами фашистских войск. Но в Бельцах они натолкнулись именно на то, чего меньше всего хотели. В тесном содружестве с молодчиками эсэсовца капитана Праста полиция квестора Агапие стала сгонять евреев в специально созданные сборные пункты. В судебном деле полицейского Агапие, командира жандармского легиона Бельцкого уезда майора Боулеску и др. читаем: «Обвиняемые Думитру Агапие и Филипенку Гурие в

сообщничестве с немецкими органами СС приказали городским соратникам, возглавляемым Сераметом Александром и комиссаром Сэвуляк Виталием, Прандя Александру и Свариновскому Александру собрать все еврейское население города, независимо от рода и возраста, в здание бывшего сахарного завода Изманского. Приказ был точно выполнен. Поскольку по мере увеличения числа граждан-евреев, собранных органами полиции, помещение указанной фабрики не вмещало всех, евреи были впоследствии переведены в местную тюрьму»[221].

Сборные пункты для евреев были созданы и в других местах города. В упомянутой сводке квестора Агапие говорится: «В результате принятых нами мер в помещении полиции были собраны 454 еврея – мужчины, женщины и дети, из них, после сортировки, были отобраны по требованию немецкого военного командования в качестве заложников 75 мужчин»[222].

Всегда для оправдания перед историей истребления евреев палачами выставлялась стандартная мотивировка: евреи посягали на жизнь солдат и офицеров немецкой или румынской армий. И на сей раз взятие заложников из среды евреев, писал Агапие, «было обусловлено тем, что утром сего дня (11 июля – *И. Л.*) германский военный грузовик был атакован неизвестными выстрелами из винтовок рядом с железнодорожной станцией Слобозия-Бэлць. Далее в сводке квестора полиции сказано, что не оказавшиеся в числе заложников трудоспособные мужчины «по требованию германского командования были отправлены на обустройство аэродрома». Он же, со своей стороны, организовал группы из 15–20 евреев во главе с полицейскими, в задачу которых входило «собирать по домам, дворам и улицам» города трупы (их было довольно много) и закапывать[223]. Действительно ли и кем был атакован немецкий грузовик, установить по документам не удалось. Агапие отмечает, что нападение осуществлено «неизвестными лицами». Поскольку никто не пытался найти этих «неизвестных» злоумышленников, скорее всего, версия о нападении была придумана. Достоверно лишь одно: без всяких следствий и доказательств о виновности евреев в этот же день, 11 июля, в скверике Старого собора были расстреляны первые 10 заложников, а на второй день для сведения всего населения в городе на видных местах было развешено «Объявление № 1», напечатанное типографским способом на румынском и немецком языках, в котором Агапие от имени полиции сообщал о расстреле евреев[224]. В одном румынском документе подчеркивается, что убитые были «интеллектуалами»[225].

По примеру гитлеровских юденратов, с целью эксплуатировать, грабить и убивать евреев руками евреев в Бельцах по требованию Праста был образован комитет «самоуправления», в состав которого были включены 12 известных в Бельцах еврейских деятелей. Возглавил комитет последний председатель (до 28 июня 1940 г.) местной еврейской общины, он же председатель Бельцкой торгово-промышленной палаты и помощник мэра города Бернард Валтер. Комитету было сказано, что его задача – «позаботиться о питании, санитарном состоянии в лагерях для евреев».

Заниматься этим делом комитету не пришлось. От него фашистские власти потребовали другого. 15 июля, свидетельствует Бернард Валтер, в послеобеденное время всех членов комитета привезли в немецкую комендатуру, и капитан Праст «потребовал составить список из 20 евреев-коммунистов для казни». При этом добавил, что в случае отказа «определенное число евреев, в том числе среди первых члены комитета, будут казнены». Угроза не подействовала. Комитет «без колебаний», – пишет Б. Валтер, – сообщил капитану Прасту «свой отказ позволить себе такую подлость». Тут же все члены комитета были «арестованы, обысканы и ограблены, так как в состоянии постоянной неуверенности каждый еврей все ценное держал при себе». Под охраной эсэсовцев члены комитета были отправлены обратно в лагерь. У забора, в конце двора бывшего банка

Члены юденрата перед казнью. Бельцы, 16 июля 1941 г.

«Молдова», на глазах семей и всех узников, насмерть перепуганных, начались издевательства и глумление над обреченными на гибель членами юденрата[226]. Самодовольные фашистские головорезы зафиксировали все это на фотопленке. Лица всех 12 членов комитета отчетливо видны. Вот их имена: И. Бройтман, Б. Бланк, Б. Валтер, Л. Головатый, Ш. Гринберг, С. Диагот, А. Крипе, С. Ройтман, Я. Таненбойм, С. Цитерман, О. Шехтман, Ш. Шойхет.

Эта фотография, найденная у одного «фотолюбителя»-фашиста, оказалась в Музее Холокоста, созданном в киббуце «Лахомей Ха-Геттаот» на севере Израиля евреями, пережившими Катастрофу. На стенде музея рядом с фотографией слова: «На их лицах не видно печали, в их глазах нет страха смерти, только решимость вести себя достойно и гордо, хотя мыслями они уже в другом мире»[227].

Так оно и было. Из подвала здания отобрали еще 44 еврея. Всех погрузили в грузовики. «До ворот, – отмечает Б. Валтер, – конвой провожали отчаявшиеся евреи, они рвали на себе волосы, плакали, молились, бросались в ноги тех, с которыми прощались навсегда»[228].

Вечером, в 8 часов, грузовики доставили обреченных на гибель евреев в Слободзию-Бэлць. Здесь находилось опытное хозяйство уездной сельскохозяйственной палаты, на территории которого был каменный карьер (местность, именуемая в румынских документах «Флэмында»). Евреев разбили на группы по 15 человек. Каждая группа выкапывала для себя могилу. По окончании всех заставили лечь лицом к земле, и каждый получал пулю в затылок. Если не хватало одной, добавляли. Следующая группа закидывала трупы землей, после чего процедура повторялась. Последнюю группу закапывали сами палачи. Избежал расстрела только Бернард Валтер, единственный оставшийся в живых свидетель трагедии. Помогли старые связи, выручил, по-видимому, лично заинтересованный шеф местной полиции Думитру Агапие.

На второй день, 16 июля, рядом с «Объявлением № 1» появилось «Объявление № 2» на румынском и немецком языках за подписью того же Агапие. Извещал он о расстреле еще 20 заложников-евреев по той же причине: на северной окраине города раздались ружейные выстрелы по немецкому грузовику[229]. Ничего нового фашистские власти придумать не сумели. О казни членов юденрата и остальных узников почему-то шеф полиции предпочел умолчать.

POLIȚIA ORAȘULUI BALȚI

PUBLICAȚIUNE

Nr. 1

12 Iulie 1941

Lucrat cu No.

Din ordinul Comandamentului Militar German, astăzi dimineața, la orele 0,15, au fost executați **ZECE** ostatici pentru faptul că, în noaptea trecută pe lângă gara Slobozia-Bălți, un camion militar german a fost atacat cu focuri de arme.

În cazul când asemenea atacuri se vor repeta împotriva Armatei germane sau române, **vor fi executați un număr dublu de ostatici.**

Șeful Poliției orașului Bălți

AGAPIE DUMITRU

Bekanntmachung

Nr. 1

1941 Iulie 12

Auf Anordnung der deutschen Militärbehörde sind heute morgen 0,15 Uhr **10 Geiseln** standrechtlich erschossen worden, weil in der gestrigen Nacht in der Gegend des Bahnhofs Slobozia-Bălți ein deutscher Militärkraftwagen beschossen worden ist.

Für den Fall, dass sich derartige oder ähnliche Angriffe gegen deutsches oder rumänisches Militär wiederholen, wird jeweils die doppelte **Anzahl von Geiseln standrechtlicht erschossen werden.**

Die rumänische Polizeiverwaltung

AGAPIE DUMITRU

ORTSPOLIZEI BELZY

Lucrat cu No.

Bekanntmachung

Nr. 2

16 Juli 1941

Es wurde fest geschtelt, dass die jüdische Bevölkerung, unsere Anordnung, mit der Bekanntmachung Nr. 1 vom 12 Juli 1941 nicht beachtete, weil sie am gestrigen Tage den 15 Juli 1941 von Neuem, ausserhalb der Stadt, einen deutschen Militär Kraftwagen beschossen hat.

Es wird bekanntgemacht dass auf Anordnung der deutschen Militär Behörde, am 15 Juli 1941 um 23,00 Uhr **20 Geiseln standrechtlich erschossen worden sind.**

Für den Fall dass sich derartige, oder änliche Angriffe gegen deutsches oder rumänisches Militär wiederholen, wird jeweils die doppelte **Anzahl von Geiseln standrechtlich erschossen werden.**

Die rumänische Polizeiverwaltung

AGAPIE DUMITRU

ORTSPOLIZEI BELZY

Lucrat cu No.

Bekanntmachung

Nr. 3

21 Juli 1941

Es wurde fest geschtelt, dass die jüdische Bevölkerung, unsere Anordnung, mit der Bekanntmachung Nr. 1 vom 12 Juli und Nr. 2 din 16 Juli 1941, nicht beachtete, weil sie am 19 Juli 1941 um 2 Uhr, von Neuem einen deutschen Soldaten mit Waffen beschossen und verwundet hat.

Es wird bekanntgemacht dass auf befehl der höeren Behörde den 20 Juli 194, um 21,00 Uhr, **40 Geiseln, standrechtlich erschossen worden sind.**

Für den Fall, dass sich derartige oder änliche Angriffe gegen Deutsches oder Rumänisches Militär wiederholen, wird jeweils die doppelte **Anzahl von Geiseln standrechtlich erschossen werden.**

Die rumänische Polizeiverwaltung

AGAPIE DUMITRU

Объявления полиции г. Бельцы о расстреле заложников-евреев в июле 1941 г.

Но в донесении своему начальству от 17 июля 1941 г. он верно указал число убитых: «По приказу немецкого военного командования немецким военным карательным взводом в 23 часа были расстреляны 66 евреев, в том числе 20 заложников...». Приложив к отчету 2 экземпляра «Объявления № 2», Агапие подчеркнул, что они печатаются и афишируются по приказу немецкого командования, «чтобы население города Бельцы приняло к сведению»[230].

Представляет интерес освещение решения «еврейского вопроса» в Бельцах в «Оперативных рапортах СССР» айнзацгрупп (в частности, «Д»), направленных в Берлин 17 июля 1941 г., № 25, и 29 июля 1941 г., № 37. По данным, приведенным в этих рапортах, в Бельцах, административном центре уезда, проживало 55 000 человек, из них 2/3 – евреи. Все население уезда, включающего 14 районов и 350 населенных пунктов, насчитывало 600 000 жителей. Подчеркнуто, что город «основательно разрушен», обыски в поисках коммунистических функционеров, покинувших Бельцы, оказались «безрезультатными», войну же ведут партизаны, а в рамках политической безопасности румынская полиция «действует по директивам [айнзац]команды»[231].

В «Оперативном рапорте» № 25 от 17 июля 1941 г. читаем: «В последние дни и ночи имели место серьезные эксцессы румынских солдат против евреев. Точное число убитых евреев установить невозможно, но, предположительно, их больше сотни. Вечером 10 июля румынские военные власти согнали вместе около 400 евреев различного возраста, включая мужчин и женщин, чтобы расстрелять их за нападение на румынских военнослужащих. Достойно осуждения то, что техническая подготовка к осуществлению этого плана оказалась недостаточной. По просьбе командира 170-й дивизии, румынский командующий в последний момент ограничился расстрелом 15 евреев-мужчин.

Румынская полиция берет под стражу трудоспособных евреев, чтобы впоследствии использовать их на различные работы (по уборке, очистке и т. д.)».

Далее в рапорте сказано, что, согласно желанию командира 170-й немецкой дивизии, было взято в качестве заложников приблизительно 70 евреев, затем это число увеличено до 200 в связи с нападением на немецкие войска в пригороде Бэлць, и даже некоторые из заложников были уничтожены[232].

В рапорте № 37 от 29 июля 1941 г. указано, что в связи с нападением на немецкий грузовик в ночь с 11 на 12 июля были расстреляны 10 заложников, а затем по такой же причине 15 июля были казнены 20 заложников. Подчеркивается, что в ходе карательной акции были уничтожены члены юденрата в Бельцах и еще другие евреи, всего 45 человек.

Не обошлось без замечаний в адрес румын, в частности, говорится, что у них «нет никакой системы в обращении с евреями». «Не может быть возражений, – сказано в немецком документе, – против многочисленных казней евреев, если сами казни организованы надлежащим образом. Однако румыны обычно оставляют тела казненных на месте расстрела и не закапывают их». Как уже отмечалось, такие претензии к своему румынскому союзнику выставляло и командование 11-ой немецкой армии. В порядке помощи своим сообщникам по геноциду айнзацкоманда «Д» снабдила румынскую сторону инструкцией, предписывающей «действовать более упорядоченно»[233].

Таким образом, и в немецких документах не приводится никаких доказательств о причастности евреев к так называемой «атаке» на немецкий грузовик в окрестностях Бельц, что лишний раз дает основание полагать, что все придумывалось для оправдания расправы над невинными людьми.

Обращает на себя внимание такой момент: в данном конкретном случае румынские власти в своих документах выпячивают ответственность гитлеровцев за истребление евреев, подчеркивают, что инициатива и приказы исходили от них, немцы же все злодеяния приписывают румынам, которых даже пришлось удерживать от чрезмерного усердия в деле уничтожения евреев, как, в частности, имело место с командованием 170-й германской дивизии, потребовавшим от своего союзника уменьшить число бельцких евреев, намеченных к расстрелу.

17 июля г. Бельцы навестил сам кондукэтор. Для инструктажа он собрал местную администрацию. Обсуждался, среди прочих, и «еврейский вопрос». Надо полагать, что румынский диктатор знал о расстрелах в городе евреев-заложников 11 и 16 июля. «Объявления» № 1 и № 2 еще висели везде на видных местах. В результате совещания родился документ: «Устные инструкции господина генерала Антонеску претуре, примарии и жандармам уезда Бельц от 17 июля 1941 г. ». В нем есть специальный раздел «Евреи». Воспроизводим его полностью: «1. Всех евреев организовать в отряды, без вознаграждений (использовать – *И. Л.*) на оздоровление местности и расчистке (развалин – *И. Л.*) от бомбардировок; 2. Евреев из сел толкать не в сторону Старого королевства (то есть в сторону территории собственно Румынии – *И. Л.*), а за Днестр (то есть в Транснистрию – *И. Л.*). Ни одного еврея не оставлять в селах и городах, интернировать их в лагеря. Евреев собирать к вечеру под охрану. Не убивать и не обращаться жестоко»[234].

Эта запись в «инструкции» кое-кому из почитателей маршала И. Антонеску служит доказательством его гуманности. Мол, кондукэтор требовал содержать евреев под охраной, чтобы уберечь их «от всяких эксцессов со стороны немецких вооруженных сил, мстителей и деклассированных элементов», а также «сдерживать убийство заложников»[235].

Подобная трактовка «инструкции» в части, касающейся евреев, ничего общего с действительностью не имеет. Никто из подчиненных всерьез не воспринял указание «евреев не убивать». Известно, что в годы военно-фашистской диктатуры в Румынии установилась такая практика: все указания и высказывания кондукэтора соответствующими ведомствами оформлялись в виде приказов от имени И. Антонеску и рассылались подведомственным организациям, учреждениям, воинским частям и соединениям, жандармским и полицейским органам. Никаких приказов «евреев не убивать» не было отдано. Более того, буквально на второй день после посещения кондукэтором Бельц, 18 июля, был разослан приказ Министерства внутренних дел № 5811, подписанный заместителем министра, дивизионным генералом И. Попеску, в котором сказано, что, «по распоряжению генерала Иона Антонеску», евреи в лагерях «должны быть использованы на тяжелых работах», в случае бегства «расстреливать каждого десятого», а в случае неудовлетворительной работы «лишать пищи»[236].

И, наконец, вот как изложила вышеприведенные «указания» И. Антонеску от 17 июля 1941 г. префектура Сорокского уезда в письме от 12 августа 1941 г., направленном уездному начальству жандармерии: «Население Бессарабии подвергнуть отбору, подозрительных и всех, проявившихся против нас, истребить. Следствие проводить осмотрительно, чтобы не были наказаны невиновные». Раздел «Евреи» из цитируемой нами «Инструкции» И. Антонеску от 17 июля 1941 г. в сорокском документе просто изъят, никаких слов кондукэтора о том, что евреев «не убивать и не обращаться жестоко» нет.

Даже в самих Бельцах, где произнес свою речь кондукэтор, никто не обратил внимания на указание «евреев не убивать», понимая, что такие слова предназначены для истории. 21 июля в очередном докладе своему начальству квестор полиции Думитру Агапие писал: «В 20 часов, по приказу местного немецкого военного командования карательный взвод (румынского – *И. Л.*) жандармского легиона г. Бельц казнил 40 заложников, все жиды...». Мотивировка: «неизвестные» из револьвера стреляли по немецкому патрулю. В городе рядом с «Объявлениями» № 1 и № 2 появилось «Объявление № 3».

Указание кондукэтора претворялось лишь в той части, где речь шла об использовании евреев «на тяжелых работах». Их заставляли разбирать развалины домов и предприятий, разрушенных в ходе военных действий, ремонтировать дороги, убирать мусор, отмывать от крови тротуары и т. д.

По поводу упомянутого последнего массового расстрела некоторые подробности содержатся в материалах следствия по делу группы военных преступников, среди которых начальник полиции г. Бельцы Д. Агапие, командир жандармского легиона М. Боулеску, руководитель сигуранцы Г. Филипенко. В них сказано: «Спустя несколько дней после ликвидации второй партии евреев подсудимый полковник Боулеску Михаил, командир Бельцкого жандармского легиона, имел встречу с подсудимым Думитру Агапие и Филипенко Гурие в кабинете Агапие..., где все трое подсудимых из побуждений социальной ненависти замышляли уничтожение еще 80 евреев по методу, используемому немецкой военной полицией, возглавляемой капитаном фон Простом, и примененному к евреям в городском саду «Бодеску» и в местности «Флэмында»... Экзекуция проводилась в месте, именуемом «Movila Aviaţiei» («Холм авиации» – *И. Л.*)».

Подсудимый Спринчинату Василе, один из исполнителей расстрела, рассказал, что майор Боулеску вызвал его и сообщил, что «получен приказ от немецкого командования о расстреле евреев из числа заложников, поскольку из среды еврейского населения стреляли по немецкому солдату». Далее Боулеску сказал, что расстреливать будут группами по 10 человек, предварительно их нужно снабдить лопатами, так как они сами будут рыть себе могилы. По команде «на колени» жандармы должны открыть огонь. Все сказанное следствию плутоньером Спринчинату почти дословно повторил подсудимый плутоньер Диакону Думитру, также участвовавший в ликвидации евреев.

Все было выполнено по ранее разработанному сценарию. Присутствовали все организаторы казни и еще два немца. Филипенко составил список обреченных на смерть. Во время экзекуции один еврей, желая встретиться лицом к лицу со смертью, повернулся к стрелявшим жандармам. Разозленный этим «поступком», Агапие набросился с револьвером в руке на «нарушителя» порядка. Следствие пришло к заключению, что расстрел евреев у «Холма авиации» – личная инициатива Боулеску, Агапие и Филипенко. В конечном счете Агапие признал, что обвинения евреев в нападении на немецких солдат и транспорт – чистейшие вымыслы»[237].

С продвижением линии фронта на восток и уходом из Бельц айнзацгруппы 10 «В», судьбой небольшого числа оставшихся в живых евреев стал распоряжаться человек же-

стокого нрава, румынский майор Ион Граду из местного военного территориального округа. Он занимался очищением города от евреев, их погнали в лагерь, созданный в 22-х километрах от Бельц, возле железнодорожной станции Рэуцел, в лесу.

Город заметно опустел. Согласно румынской переписи населения, проведенной в Бессарабии в сентябре 1941 г., в Бельцах осталось 18 236 жителей, в том числе евреев – 98[238]. Вскоре и их не стало. Так фашистские власти решили в этом городе «еврейский вопрос».

§ 6. «Этническая чистка» на севере Молдавии продолжается

Захватив г. Бельцы, немецкие и румынские войска, действовавшие на этом направлении, вместе со следовавшими за ними жандармами, полицейскими и эсэсовцами продолжали двигаться к Днестру, усердно «очищая» от евреев села и местечки Бельцкого и южных районов Сорокского уездов.

7 июля 1941 г. солдаты 6-го румынского пехотного полка схватили двух жителей села Марандены Бельцкого района Самиша Вельвела Ароновича (44 года) и Барабаша Пиню (30 лет) и убили на глазах у местных жителей. В течение трех дней их не разрешали хоронить[239].

8 июля в с. Гриноуцы без всякого повода фашистские изверги уничтожили 30-летнего Майберга Буриха, его труп также валялся непохороненным несколько дней[240].

9 июля новые власти в с. Пеления арестовали 18 евреев и без предъявления им каких-либо обвинений расстреляли в 3-х километрах от села Пеления, в пустом доме. Свидетель Ципман Лейба, житель этого села, сын которого Мендель был в числе убитых, рассказал: «На 4-й день все расстрелянные были по распоряжению властей зарыты в общей яме недалеко от места убийства»[241].

Житель села Стрымба Д.И. Петрещук сообщил комиссии по расследованию зверств фашистов такой случай: «Румынские солдаты, не спрашивая его, завели к нему во двор 8 человек евреев, положили их вниз лицом в сарае и всех расстреляли. На второй день были расстреляны еще 2 человека: Нафтула и его родственник. Все убитые были похоронены за селом в западном направлении, на расстоянии одного километра». Была арестована в этом же селе фашистскими властями вся семья еврея Бройтмана – Иосиф, Меер, жена и сын последнего, их дальнейшую судьбу установить комиссии не удалось[242].

В селе София, недалеко от г. Бельцы, румынские солдаты заперли в доме местного жителя Чеботарика Порфирия 8 евреев и бросили туда гранату. Взрывом были убиты Лернер Пиня, его 9-летний сын Срулик, две женщины – Лернер и Гройсман – ранены. Трупы валялись три дня и на четвертый, по разрешению примаря села Галбина, были похоронены крестьянами за селом[243].

Особенно диким и зверским образом были убиты евреи в селе Александрены, где, кроме местных, скопилось много евреев из Бельц, спасавшихся от варварских налетов немецкой авиации. За один день 15 июля румынские вояки и полицейские в домах и на улицах убили 85 местных евреев и 33 из Бельц. Житель села Александрены Григорий Никитович Мосинцев рассказал: «Сердце содрогалось от выстрелов и душераздирающих криков убиваемого народа. Где только нельзя было встретить расстрелянных людей. Уничтожались целые семьи, не щадились ни старики, ни дети, ни даже беременные женщины. На моих глазах была убита семья Рехтеля: два 75-летних старика, дочь Рехтеля и внучка 4-х месяцев. В семье Перец было убито шесть человек, в том числе двое детей 6-ти и 8-ми лет, а невестка Перец была убита в минуты родов». 17 июля в

село Александрены фашистские изверги привели под конвоем из соседнего села Новые Течи 15 евреев – жителей г. Бельцы, и всех их расстреляли на еврейском кладбище[244].

В селе Куболта 29 июля румынские солдаты схватили жителей этого села Шпринц Елю, Шпринц Сару и убили их вблизи кладбища на берегу реки. Трупы убитых зарыли тут же. 1 августа 1941 г. был расстрелян житель Куболты Шпринц Борух, труп его брошен в речушку, и находился там в течение пяти дней. На 6-й день по распоряжению румынских властей труп Боруха был зарыт на берегу речушки[245].

С 1 по 3 августа 1941 г. фашистские бандиты уничтожили 32 человека в селе Цыплешты того же Бельцкого района: 23 местных еврея, остальных из г. Бельцы, покинувших город из-за немецких бомбардировок. Жители села Цыплешты Бройко Мария и Лунгу Михаил Матвеевич рассказали: 3 августа 1941 г. в 8 часов утра 3 румынских солдата собрали евреев, проживавших в селе, захватили и тех, которые пришли из Бельц из-за боязни бомбардировок, и закрыли их в доме Чубачука Дмитрия, через 40 минут их вывели, разбили на две группы – мужчин в первую очередь, женщин и детей – во вторую, отвели за село метров на 300 и всех расстреляли[246].

Зверским пыткам румынские солдаты подвергли 13-летнего Алтера Крейзмана, который скрывался от фашистских преследователей. Поймав Алтера, румынские солдаты пытались привязать его к хвосту лошади, но мальчик сопротивлялся. Тогда солдаты взяли и поставили Алтера лицом к трупу расстрелянного отца. Алтер же, привалившись к телу убитого отца, смотрел в лицо убийцам. Один из солдат выстрелил мальчику в живот. Он закричал, и тогда убийцы еще 5 раз выстрелили в мальчика и ушли. Трупы убитых евреев похоронены жителями села на месте расстрела. Хоронить людей по гражданскому обычаю власти не разрешили[247].

В течение июля–августа оставшихся в живых евреев из сел Бельцкого района стали перегонять во временные концентрационные лагеря, созданные во многих местах Бессарабии. Согласно данным упомянутой Бельцкой районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, из с. Александрены было угнано в лагерь 66 семей (254 человека, в том числе 107 детей), из с. София – 58 евреев, из с. Пеления – около 100 человек и т. д. Все имущество расстрелянных и угнанных фашистские молодчики и местные мародеры начисто разграбили, отправленным в лагеря не дали возможности забрать даже все их личные вещи и продовольствие, многие уводились в одном белье[248].

Поголовному истреблению подверглись евреи, оказавшиеся в селе Пепены Сынжерейского района Бельцкого уезда. Трагедия, согласно акту комиссии Сынжерейского района по расследованию злодеяний фашистов, произошла 13 июля 1941 г.[249] Живой свидетель ее, С. Павелевич, в газетной статье «Пепенская трагедия» указывает, что она имела место в ночь с 10 на 11 июля 1941 г.[250] В данном случае важен сам факт, а не точная дата.

Пепены были захвачены немецкой частью 6 июля 1941 г., и в тот же день появились 10 румынских жандармов во главе с плутоньером Ионом Бордеем. «Под предлогом проверки документов, – сказано в акте упомянутой районной комиссии, – все еврейское население, находившееся в то время в селе Пепены... было собрано примерно 300–350 человек». Указанное число еврейского населения было арестовано и содержалось в здании примарии в течение трех суток без пищи и воды. Среди арестованных были «дети в возрасте 1–2 годиков и 5 беременных женщин».

В самих Пепенах проживало более 100 еврейских семей. «Среди них, – отмечает С. Павелевич, – были мелкие торговцы, плотники, жестянщики, сапожники и, конечно, землепашцы. Все жили дружно. В селе имелась синагога..., свой раввин и свой хахам». Как и в других селах уезда, в первые дни войны число евреев в Пепенах прибавилось за счет евреев, бежавших из горящего города Бельцы.

Первыми жертвами жандармского бандитизма стали семьи братьев Давида и Авраама Клингеров, явно поддавшихся на провокацию. Им дали подводу и двоих жандармов в сопровождение для поездки в Бельцы и встречи с бывшим в межвоенные годы префектом уезда Кателя, в надежде на получение помощи всем арестованным в Пепенах евреям. «А недалеко от соседнего села Романовка, – пишет С. Павелевич, – жандармы соскочили с подвод и в упор стали расстреливать всех, сидящих в повозке, не пощадив ни детей, ни мать-старушку. И только одному двенадцатилетнему сыну Давида Клингера удалось убежать в кукурузное поле».

А тем временем в самих Пепенах произошло самое страшное. «На третьи сутки, к вечеру, – говорится в акте комиссии, – примерно в 19.20, по указанию шефа (жандармского – *И. Л.*) поста Бордея началось зверское убийство. Началом послужил сигнал – в здание через окно было брошено несколько гранат, а затем пошло массовое убийство путем расстрела из винтовок». Огонь вели 10 жандармов (Бордей, Тропан, Еня, Берчу и др.) со всех сторон здания. Пытавшихся совершить побег через окна добивали на улице вилами, сапами, топорами бандиты из местных жителей. Кровавая бойня продолжалась до поздней ночи, а под утро трупы были погружены в подводы и перевезены в каменный карьер, что в 4-х километрах юго-восточнее села Пепены, и зарыты. Бросали в ямы и полуживых. Одну такую девочку лет 13–14, которая просила воды и звала свою убитую мать, палачи бросили на дно ямы и забросали трупами. Лишь немногим евреям удалось спастись от погрома в Пепенах. Как и везде, имущество убитых и сбежавших подверглось безудержному грабежу со стороны жандармов и местных подонков. Житель Пепен В.Д. Чабан, привлеченный к закапыванию трупов, рассказал членам комиссии, что «убитые в большей части были раздеты догола», «изуродованы до неузнаваемости, с переломами рук и ног, а иногда при отсутствии рук или ног, с пробитыми черепными коробками». Он лично опознал только старика Толполацкого Зису. Всего погибло в результате погрома 326 евреев из Пепен и Бельц, фамилии и имена многих, особенно оказавшихся в Пепенах евреев из Бельц и других мест, комиссии установить не удалось[251].

В первые послевоенные годы в том же Сынжерейском районе Бельцкого уезда было обнаружено много братских могил жертв фашистского геноцида, некоторые были раскопаны упомянутой комиссией. В 100 метрах юго-восточнее с. Копачены, рядом с проселочной дорогой, были обнаружены 2 могилы. Из первой было извлечено 7 трупов (4 мужских и 3 женских), во второй – 5 женских и один детский в возрасте 8–10 лет. У всех трупов обнаружены повреждения в области головы от огнестрельного оружия. По свидетельству жителей Копачен С.И. Кицан и О.И. Фетеску, расстрел евреев производился в июле 1941 г. по приказу шефа жандармского поста Димы Рацу[252].

3 могилы были раскопаны в окрестностях с. Радоя Сынжерейского района. Из первой, северо-западнее села, около кладбища, были извлечены пять трупов (троих мужчин и двух женщин), на них отсутствовала одежда; во второй опознаны были трупы жителей Радоя Вольцека Буриха (42 года), Вольцек Клары (40 лет), Вольцека Иосифа (18 лет) и Вольцека Симеона (16 лет). Все они были расстреляны и зарыты в яме навалом.

В третьей могиле было найдено 43 трупа: 13 мужчин, 14 женщин и 16 детей в возрасте от 5 до 12 лет. Одежда на них отсутствовала. У 15 трупов были обнаружены следы повреждения в затылочной части головы от огнестрельного оружия. По свидетельствам жителей с. Радоя, расстрел производился с 18 по 20 июля 1941 г. румынскими солдатами во главе с офицером[253].

В обвинительном заключении по делу И. Антонеску и его приспешников приводится такой факт: «8 июля 1941 г. в местечке Маркулешть Сорокского уезда были

собраны все жители-евреи – мужчины, женщины и дети, выведены на окраину населенного пункта, расстреляны и погребены в находившихся там противотанковых рвах. Были уничтожены таким путем 1000 человек. В следующие дни таким же образом поступили с евреями из населенных пунктов Флорешты, Гура Каменка и Гура Кэйнарь. В населенном пункте Климэуць Сорокского уезда было собрано 300 детей, женщин и мужчин и в день 12 июля 1941 г. расстреляны и погребены в общей яме на окраине села»[254].

Сохранились документы и свидетельские показания о трагедии в Гура Кэйнарь и Маркулешть. Учитывая бюрократическую возню вокруг вопроса о расстреле евреев м. Скулень у Стынка Роснован, командир 6-го румынского полка 14-й пехотной дивизии полковник Ермил Матиеш, часть которого «отличилась» в уничтожении евреев м. Маркулешть и Гура Кэйнарь, усвоил одну истину: на всякий случай для каждого злодеяния следует придумать обоснование. В своем рапорте от 20 июля 1941 г. № 8631, направленном командованию 14-й дивизии, он писал: «Когда Первый батальон этого полка достиг Гура Кэйнарь, были схвачены 50–60 евреев, сконцентрированных на окраине села. У приведенных к нам жителями села евреев были найдены оружие и гранаты русского производства. На этом основании я приказал немедленно их расстрелять».

«В селе Маркулешть, когда рота капитана Оцел двигалась в авангарде, она была окружена русскими войсками вместе с 300 евреями в гражданской одежде и вооруженными. Этой роте были нанесены болезненные потери, капитан Оцел Василе был ранен и схвачен евреями, его положение на сегодня нам не известно. Когда мы завоевали село Маркулешть, были схвачены 400 евреев, мужчин и женщин, из них 60 были ранены. Это доказывает, что они воевали против нас, не будучи в военном обмундировании. И на сей раз я приказал массовый их расстрел». А в заключение полковник Матиеш счел нужным подчеркнуть: «Все расстрелы, произведенные этой частью, мотивированы и произведены в соответствии с приказами свыше»[255].

«Почетное» дело истребления евреев полковник Матиеш доверил убежденным фашистам и антисемитам, уже известным нам капитану Стихи и сублокотененту Михайлеску. Подполковник Ромулус Мурешану рассказал: «В офицерской столовой я узнал, как сублокотенент Михайлеску собственноручно расстреливал евреев в Гура Кэйнарь. Из информации знаю, что были расстреляны около 1040 евреев»[256].

Полковник Михай Исэческу (в 1941 г. был капитаном и служил в 6-м егерском полку) свидетельствовал: «В Гура Кэйнарь я случайно присутствовал при расстреле еврейских семей, по-видимому, беженцев из Маркулешть. Во время расстрела я заметил машину с тремя немецкими офицерами, которая остановилась у места экзекуции, и они беседовали с капитаном Стихи, а позже я узнал, что эти офицеры обратили его внимание на то, что не следует так убивать евреев, и отправились на командный пункт полка, по-видимому, доложить об этом случае. После отъезда немецких офицеров капитан Стихи продолжал экзекуцию до полной ликвидации евреев». «Все офицеры полка, – продолжал Исэческу, – знали, а некоторые даже видели эту массовую резню, и выражали свое возмущение и отвращение, и я даже обратился к заместителю командира полка Сабину Калотеску, чтобы он, в свою очередь, обратился к полковнику Матиеш, и прекратил эти массовые истребления. Результатом был следующий ответ полковника Калотеску: «Я обратился, но полковник (Матиеш – *И. Л.*) не желает понимать»».

М. Исэческу считал, что о массовых убийствах в Гура Кэйнарь знал генерал Ставреску, командир 14-й пехотной дивизии, которого он встретил в селе Кэйнарь. Он также опроверг версию о том, что евреи Маркулешть, выйдя навстречу румынским войскам с белыми флагами, заманили их в ловушку, устроенную Красной армией. «Неверно, что в Маркулешть население (еврейское – *И. Л.*) вышло с белым флагом, после чего вместе

с русскими атаковало роту капитана Оцел, – подтвердил полковник Исэческу. – Правда заключается в том, что русская часть, примерно рота, атаковала с фланга роту капитана Оцел и обратила ее в бегство, а русские отступили, захватив с собой раненного в ноги капитана Оцел. Версия, сфабрикованная потом в полку, пущена в ход, чтобы оправдать безмозглость (командования – *И. Л.*) полка, который без мер по обеспечению безопасности и разведки послал роту в сторону высот северо-восточнее Флорешть, на рубеже Весдова-Алексень, где должна была занять позицию до подхода полка»[257].

О том, как проводилось уничтожение евреев из Маркулешть, рассказал следственным органам офицер 6-го егерского полка Леонид Рабежа: «Село было оккупировано, капитан Стихи, бывший командир командной роты, приказал вывести все еврейское население на окраину населенного пункта, отделив мужчин от женщин. В первую очередь, у них были отняты бижутерия, золото и деньги, которые были при них. Все эти ценности забрал капитан Стихи и поместил их в чемодан. Началось расследование. Мужчины вызывались группами и допрашивались. Капитан Стихи требовал назвать имена коммунистов этого села».

Не узнав имен, так как все опрошенные заявляли, что ни одного коммуниста они не знают, капитан приказал образовать из евреев группы и заставить их углублять противотанковый ров, который находился возле населенного пункта. «С наступлением темноты, – сказано в судебном деле, – сублокотенент Михайлеску Еуджен, имея трофейный русский автомат, выстраивал перед рвом по десять евреев и расстреливал их. Предварительно с людей сняли одежду, оставив их в одном белье. После расстрела мужчин пришла очередь женщин, с ними поступили так же. И даже дети-сосунки были расстреляны. Капитан-врач 6-го егерского полка обратился к капитану Стихи с просьбой спасти жизнь его друга, еврея-провизора, но безрезультатно»[258]. Уничтожению подлежали все.

§ 7. Кровавый поход Оргеевского жандармского легиона

Вооруженный инструкциями, полученными накануне войны в румынском городе Роман лично от генерального инспектора жандармерии Румынии генерала Константина (Пики) Василиу об «очищении территории» от евреев, коммунистов и подозрительных, бравый начальник жандармского легиона* Оргеевского уезда майор Филип Беки в начале июня 1941 г. вместе со своей командой, стараясь не очень отставать от наступавших немецких и румынских войск, двинулся в поход по дорогам Бессарабии, чтобы выполнить свой «патриотический долг».

Бывали и досадные задержки по непредвиденным причинам. Так, в начале второй декады июля части 48-го, 2-го механизированного и 2-го кавалерийского корпусов Красной армии нанесли неожиданный удар по бельцкой группировке противника, отбросив ее на рубеж Дубно–ст.Флорешты–Котюжений Мичь–Бронештъ–Загайкань–Фаурешть–Грушево[259]. Оргеевским жандармам пришлось в силу этого начать свой кровавый путь с небольшой задержкой.

Пройдя пешком через Бельцкий уезд, Беки и его жандармы 12 июля 1941 г. вступили в село Корново Оргеевского уезда. Здесь один из заместителей майора, призванный

* Уездный жандармский легион включал в свой состав несколько территориальных секций, а каждая секция, в свою очередь, несколько жандармских постов. Обычно во главе секции стоял старший плутоньер (унтер-офицер), поста – плутоньер (старшина). Численность жандармов в каждом посту определялась численностью населения села. Бывало, что один пост распространял свою власть на два, а иногда и три близлежащих маленьких села.

из запаса локотенент Константин Попою, в прошлом активный член фашистской Лиги национал-христианской защиты (во время краткого пребывания у власти в Румынии правительства Гоги–Кузы Попою был даже префектом Оргеевского уезда), провел совещание с личным составом легиона, напомнив о «патриотическом» долге каждого по истреблению евреев. Позже, будучи под следствием, убежденный расист и антисемит, Попою не скрывал: «Поскольку эти распоряжения (об истреблении евреев – *И. Л.*) соответствовали моим взглядам, я доказывал жандармам необходимость действовать таким образом, говорил им о своих антисоветских и антисемитских чувствах». И далее: «Это правда, что сколько раз мне докладывали о наличии на территории поста не подвергнутых еще истреблению евреев, я приказывал жандармам действовать согласно приказам, которые очень ясны, и точно придерживаться их»[260].

Такие же взгляды вынашивал другой заместитель командира этого легиона жандармский капитан Юлиан Адамович, он также добивался от подчиненных строгого выполнения приказов об уничтожении евреев. Держимордой легиона был командир полицейского взвода Ефтимие Василе.

Установив пост в Корново, легион во главе с майором Беки двинулся в с. Будэй, где навстречу ему с хлебом-солью вышел местный священник и тут же доложил, что в селе есть три еврея. По приказу майора начальник поста с. Будэй Баток Фотин вывел их за село и расстрелял[261].

14 июля легион вступил в местечко Теленешты, в нем до войны проживало более 2500 евреев. Беки приказал тотчас же собрать всех оставшихся евреев во вместительный дом (он принадлежал еврею Штейману) вблизи дороги, соединяющей Теленешты и Будэй. Людей стали изгонять из их домов, при этом жандармы во главе с плутоньером Ефтимие Василе отнимали у них «все ценное».

15 июля произошло непредвиденное. Попою, у которого в с. Скорцень было до прихода советской власти в Бессарабии имение (100 гектаров земли), торопился как можно быстрее попасть в это село. Прихватив с собой жандармов, приписанных к секциям Рэспопень и Чинешэуць. он отправился в путь, хотя поблизости еще шли бои с отступавшими советскими частями. У села Кэзэнешть жандармы попали в окружение, и лишь при помощи немцев им удалось выбраться из него. 16 июля, возвратившись в Теленешты, Попою и Беки, в отместку за неудачу, решили в эту же ночь уничтожить евреев.

Установлено было, что в операции будут участвовать только плутоньеры, старшие сержанты и сержанты трех жандармских секций: Теленештской во главе со старшим плутоньером Минку Филипом, Чинешеуцкой (ст. плутоньер Палагица Георге) и Сусленской (ст. плутоньер Кицу Ангел), итого 46 жандармов разных чинов. Личный состав в последних двух секциях еще не занял свои села из-за продолжавшихся в этих районах боев и поэтому оставался ждать в Теленештах. Было решено: всегда начинать расстрел при условной команде «вражеский самолет», а затем «огонь».

При осуществлении этой первой операции по массовому истреблению евреев в Оргеевском уезде присутствовали начальник легиона Беки, его заместитель Попою, шефы секций и постов, ей придали характер практического занятия. Глубокой ночью колонна евреев из мужчин была направлена в сторону с. Будэй. Когда дошли до большого оврага, старший плутоньер Кицу Ангел подал команду «вражеский самолет». Евреев стали сталкивать в долину, и тут же, по команде «огонь», начался расстрел. Все до единого евреи были убиты, особенно «отличились» своей жестокостью унтер-офицеры Арсений Иоан и Агафицей Георге, сержант Орга Георге, добровольно присоединившийся к отряду убийц[262]. В одном из актов районной комиссии по расследованию злодеяний и грабежей фашистов отмечается: в 1,5 км от Теленешт, в сторону с. Будэй, обнаружены 3 могилы, в которых похоронено 150 человек – все мужчины, за исключением одной

женщины и одного ребенка. Свидетель этих зверств местный житель С.П. Пуриче рассказал, что лично видел в овраге 150 человек – мужчин, несколько из них были связаны веревками[263].

На второй день начальник жандармской секции Теленешт Минку Филипп и шеф местного поста Нягу Николае, проявив инициативу, мобилизовали 35 жандармов и уничтожили временно находившихся в «доме Штеймана» женщин и детей. Расстрел производился во дворе дома, двор был залит кровью людей. Мобилизовав крестьянские подводы, жандармы вывезли и закопали трупы за селом. Некоторые женщины были еще полуживыми, когда их закапывали в ямы[264]. Тот же Пуриче сообщил, что «среди расстрелянных женщин многие были преклонного возраста, а крики детей и женщин слышны были в радиусе 1,5 км, расстрел продолжался 30 минут». В акте Теленештской комиссии сказано, что из двух раскопанных могил (каждая по 6 м длиной и 4 м шириной) «на окраине Теленешт, на левой стороне дороги по направлению села Инешть», было извлечено 250 женских и детских трупов. «При осмотре трупов, – отмечается в документе, – установлено, что расстрел происходил из ...оружия, в большинстве случаев в область головы. В могиле найден стоячий скелет, у которого остался открытым рот: по всей вероятности, расстрелянный был похоронен живым»[265].

Проводились расстрелы и малыми группами, даже одиноких. Одного задержанного еврея по приказу плутоньера Нягу расстреляли в лесу, по дороге в с. Будэй. В Теленешты пригнали всех евреев, их убили под личным наблюдением начальника жандармской секции Минку Филиппа[266]. Он признал, что в радиусе подведомственной ему территории «ни один еврей не избежал смерти», в селах Крэснэшень, Гирова, Леушень, Вережень, Чискэлцей и др. были истреблены в общей сложности «около 400 евреев»[267].

Обычно в местечках и селах размещались многие жандармы, служившие в этих населенных пунктах до июня 1940 г., то есть до установления советской власти. Они знали местных евреев, их дома и занятия, у кое-кого из них даже сложились с ними деловые и добрые отношения. Так, например, в с. Крэснэшень такие отношения до войны сложились у шефа поста плутоньера Кожокару Атанасие с семьей еврея Ицхака Гринберга. Вернувшись в июле 1941 г. в Крэснэшень, Кожокару посоветовал Гринбергу вместе с семьей бежать из села. На это еврей ответил: «Предпочитаю умереть у забора своей хаты». Собрав всех евреев, плутоньер организовал экзекуцию в подвале дома Гринберга. Туда спускали по три еврея и расстреливали, картина была ужасающая. Один солдат-новобранец, Зэрнеску Константин, не выдержал, потерял сознание, и его пришлось отстранить от выполнения «патриотического долга»[268].

В 1500 м севернее села Крэснэшень, на скотском кладбище, комиссия раскопала могилу убитых евреев, в ней насчитывался 51 разложившийся труп – мужчин и женщин разных возрастов, а также трупы детей в возрасте 2–5 лет. По показаниям свидетелей В.И. Бегю и М.Ф. Казаку, местных жителей, расправа с евреями состоялась 20 июля 1941 г., в том самом подвале дома Ицика Гринберга. На скотском кладбище была раскопана еще одна могила, в которой, по утверждению свидетелей, похоронен другой Гринберг, Веньямин Исаакович, «убитый местными жителями до прихода румын ударами по голове деревянными предметами». В документе приводятся имена и фамилии убийц, ими были Поповы Илья и Петр, Волевые Ефим и Илья[269].

В селе Гирова (Хирова) шеф поста плутоньер Глугожану Флоря, арестовав всех евреев, отправился в Теленешты, чтобы согласовать с вышестоящим начальством, как с ними поступать. Когда он встретил начальника поста м. Теленешты Нягу Николае, последний, указав на могилу за день до этого расстрелянных евреев, сказал коллеге: «Разве не видно, что следует делать, зачем еще спрашивать». В пути Глугожану встретил заместителя начальника легиона Адамовича Юлиана, который, узнав, что евреи еще

не истреблены, распорядился немедленно это сделать. Глугожану поручил выполнить приказ своему заместителю старшему сержанту Бурня Штефану и трем рядовым жандармам. Сначала за селом вывели к оврагу и расстреляли мужчин, а на второй день уже при участии шефа поста были уничтожены женщины и дети[270].

22 марта 1945 г. в 7 км северо-западнее Гирова в присутствии комиссии была раскрыта могила расстрелянных евреев. В яме найдено 48 значительно разложившихся трупов, из них женских – 40, детских – 8, лежавших в беспорядочном положении. Расстрел, по словам свидетелей, производился в 9 часов утра 26 июля 1941 г.

В этом же селе, во дворе здания бывшего сельсовета (затем примарии), была обнаружена еще одна могила, в которой были похоронены расстрелянные по требованию гитлеровцев «подозрительные»: бывший председатель сельсовета Хырбу, член сельсовета 32-летний И.И. Сакажиу, заведующий Гировской школой А.Н. Ивашку и 12-летний мальчик Бронштейн Калман Ицкович. Убийство произошло 28 июля в 12 часов[271].

В с. Леушень плутоньер Александру Илие арестовал 14 местных евреев, к ним еще прибавились евреи из других сел. Предварительно отняв у них все имущество, он поручил старшему сержанту Бояну Константину и двум жандармам уничтожить их. К ним добровольно присоединился стражник из местных жителей П.В. Сэкулцяну. Последний признал, что евреев 2–3 дня держали в сарае, затем «ночью вывели за село Леушень и около колодца «Греза» расстреляли». Согласно показаниям свидетеля Крэчун Афанасия Георгиевича, «на расстрел были отправлены 22 человека, из них 4 мальчика, 3 девушки и 2 грудных ребенка, остальные взрослые. Убитые 3 дня лежали не закопанными и были растасканы собаками». Крестьянин из Леушень С.Е. Лунгу свидетельствовал, что среди убитых был один местный еврей по имени Лейб, 4 еврея из села Васиень. Другой житель Леушень А.И. Николаев узнал среди убитых Гриншпун Соню и Тополарь Суру[272].

Десятки евреев были уничтожены в с. Хиришень того же Теленештского района. В 3 км к юго-востоку от села районная комиссия раскопала одну могилу, из нее было извлечено 42 трупа, из них мужских – 8, женских – 1 и детских – 19, они лежали в беспорядочном положении. Расстрел производился по приказу упомянутого шефа поста Глугожану 15 июля 1941 г. в 18 часов. Очевидец этой трагедии в Хиришень местный крестьянин П.И. Сырбу, который в это время пас овец недалеко от места расправы, рассказал: «Я видел, как жандармы привели еврейское население, причем это были женщины и дети всех возрастов. Людей подвели к обрыву, образовавшемуся от водопада, и начали расстреливать. Люди падали в обрыв, после этого жандармы приказали местным жителям зарыть расстрелянных. …подошел к обрыву и увидел, что среди женщин были мужчины, которых расстреляли раньше, вечером прошлого дня. Причем мужчины были привязаны по рукам друг к другу». По подсчетам Сырбу, в овраге было около 100 трупов[273].

По мере продвижения фронта на восток жандармы Оргеевского легиона занимали свои посты в селах. В первый же день своего приезда в с. Негурень начальник поста плутоньер Гафицяну Думитру согнал в здание жандармерии 16 евреев. Запросив у Попою, как с ними поступать, получил от него приказ немедленно расстрелять. Проследить за выполнением приказа Попою поручил плутоньеру Русу Гаврилэ, находившемуся в пути в с. Шолдэнешть, чтобы занять свой пост. Поскольку фронт был рядом, чтобы выстрелы за спиной солдат не вызывали у них ложной тревоги, местом для казни евреев был выбран подвал, куда спускали по одному еврею и уничтожали. Вместе с другими упражнялся в стрельбе по живым людям плутоньер Вирабов Иоанн, ожидавший в Негуренах своего назначения на должность шефа поста в с. Тыршицей, ради забавы, набираясь опыта, за операцией наблюдали будущие начальники постов плу-

тоньеры Бозя Константин и Бэдиу Константин (соответственно в селах Чинешеуцы и Тарасовка). Плутоньер Мафтей Георге, начальник поста с. Алчедар, также оказавшийся здесь, посчитав, что выстрелы уж больно создают шум, своими руками схватил за шею одного еврея и задушил. Во время следствия в 1950 г. Мафтей признался в этом[274].

По прибытии в с. Алчедар Мафтей Георге и сопровождавший его Бэдиу застали здесь двух евреев-стариков. Мафтей и Бэдиу произвели каждый по два выстрела, старик и старуха были убиты[275].

В с. Тарасовка «урожай» на евреев также оказался невелик. Были схвачены два парня лет по 17–18. По приказу Бэдиу сержант Диакону Петря и рядовые Уцэ Ион и Санду Илие отвели их в лес и на краю ямы уничтожили[276].

В с. Рэспопень румынские жандармы обнаружили евреев Шуб Иосифа Лейбовича (46 лет), его жену Хану, Эдильшейн Манделу Лейбовну (55 лет) и Ф. Вугмана (50 лет). Их тут же застрелили, похоронили их местные крестьяне недалеко от бывшей мельницы Адрианова[277].

Очевидец А.Г. Бурлак, житель с. Пиструень Рэспопенского района, рассказал районной комисссии по расследованию злодеяний фашистов о том, как были уничтожены местные евреи Ступняк Лейзер Михайлович, его жена, 17-летняя дочь Роза, 6-летняя дочь Шейна и 8-летний сын Анатолий, а также Ерлихман Лейка Вельвелевна (55 лет) и Верзава Астра Мееровна (40 лет). Первоначально арестованным евреям заявили, что их отправят на жительство в небольшой хутор Хыртоп, но примерно в двух километрах от Пиструень их подвели к заранее подготовленной яме и стали расстреливать. Детей убивали на виду у матери. В 6-летнюю Шейну произвели два выстрела, она бросилась бежать в сторону оврага, но ее настиг жандарм Драгомир Ион и ударом приклада в затылочную часть головы добил, затем за ноги бросил в яму. Последней расстреляли мать Миту Абрамовну... Ей сперва прострелили грудь из автомата, но Мита Абрамовна свалилась не в яму, а около нее и начала кричать. В это время начальник, шеф поста Тимощук Степан несколькими ударами по голове убил ее, а затем бросил в яму». 20 марта 1945 г. комиссия извлекла из могилы трупы убитых и констатировала, что у Ступняка Лейдера имелся пролом черепа в затылочной части головы и со следами крови, у Шейны, кроме двух пулевых ранений в область спины, полностью размозжен череп со следами крови на волосах»[278].

Село Сахарна прилегает к Днестру, на противоположном берегу еще шли бои. Жандармам стрелять не рекомендовали, чтобы не ввести в заблуждение фронтовых солдат. Поэтому начальник жандармского поста Бэхнэряну, собрав 15 евреев, отправил их в сопровождении солдат-пограничников и 13-го пехотного полка в с. Екимэуць. Шеф поста с. Екимэуць Колчеру Василе собрал на подведомственной ему территории 30 евреев. 18 июля общая колонна евреев тронулась в путь в сторону Оргеева. Когда она миновала вершину горы, прозвучал известный сигнал «вражеские самолеты» и солдаты открыли огонь. Все евреи были убиты, убежать удалось лишь одному. Подводы с еврейским багажом были возвращены в с. Екимэуць, и все добро поделили между собой плутоньеры Бэхнэряну и Колчиеру[279]. Суд, состоявшийся после войны, предъявил Колчиеру и другие обвинения: предварительно изнасиловав 14-летнюю девочку, он затем застрелил ее на опушке леса. По приказу Колчиеру жандармы Суиля Константин расстрелял в пути из Екимэуць в Сахарну 20-летнего еврея. В Екимэуць в октябре 1941 г. по указанию Попою были убиты 5 евреев – уроженцев Черновцов, отправленных из Резины во время депортации. Расстрел производился под наблюдением старшего плутоньера Гаврилэ Думитру, а одежду убитых Гаврилэ отправил Попою[280].

18 июля 1941 г., в день расправы с евреями из Екимэуць и Сахарны, в соседнем селе Чинишеуць «были арестованы и расстреляны, – сказано в акте районной комиссии, –

28 человек еврейского населения, не успевших эвакуироваться в тыл Советского Союза». 21 человек были евреи, жители Чинишеуць, семеро из других сел, задержанные при проезде через Чинишеуць. Среди расстрелянных – мужчины, женщины, люди преклонного возраста, дети. Все они были похоронены на западной окраине села, около еврейского кладбища. Руководили расправой над евреями старший плутоньер Гаврилэ Думитру, шеф поста плутоньер Мариц Григоре и старший сержант Нягу Ион. Они вывели евреев на край села, предложили им сесть для отдыха, и в этот момент жандармы открыли огонь. Раненых добивал выстрелами из револьвера сам Гаврилэ Думитру. Когда с этой группой евреев было покончено, на глаза жандармов попались 4 еврея, неизвестно откуда явившихся. Жандарм Кырлан Ион должен был препроводить их к начальнику жандармской секции Гаврилэ, но не стал с ними возиться и по дороге расстрелял[281].

Принимая свой пост в с. Хородиштя, плутоньер Чоботару Ион в тот же день арестовал 7 евреев: мужчину, двух женщин и четырех мальчиков в возрасте до 10 лет. Поскольку фронт проходил рядом и стрелять ему было запрещено, чтобы не вызвать ложную тревогу в тылу войск, он переправил евреев в с. Минчень, где шеф поста Аврамеску Думитру незамедлительно перестрелял их[282].

Начальник жандармского поста с. Кокорозень Захария Георге задержал двух евреев-стариков и несколько дней держал их взаперти, не решаясь самолично уничтожить их. Но с инспекционной поездкой нагрянул руководитель жандармской секции Палагицэ Ион. Он распорядился немедленно ликвидировать арестованных. Старший сержант Авэданей Думитру в сопровождении двух жандармов-новичков выполнил приказ начальника[283].

Продолжая свою инспекционную поездку, унтер-офицер плутоньер Войкулеску Иоанн, мобилизовав всех своих подчиненных, арестовал всех местных евреев и по приказу Палагицэ расстрелял их. По данным районной комиссии, в июле 1941 г. в этом селе «жандармами были расстреляны 47 человек еврейского населения разных возрастов – от детей до стариков. Расстрел производился на расстоянии 1 км западнее села Киперчень, в сторону села Сирота. Трупы расстрелянных были зарыты в траншее близ места расстрела. Среди убитых жители села обнаружили своих односельчан, жителей села Киперчень – Павис Лупу, 80 лет, Шварцман Мошко, 65 лет... В эти же дни пособниками оккупантов на окраине села Киперчень были убиты Зельцер Шмиль и его сын. Убийство совершено ударами топора в голову по приказу шефа поста Войкулеску. Трупы убитых в течение дня валялись на улице и не убирались». Спустя два дня на глаза Войкулеску попались два еврея – жители Киперчень. Он их передал старшему сержанту Лейба Трофим для ликвидации, что тот и сделал[284].

Для выявления и ареста евреев жандармы часто привлекали местных допризывников. В селе Бушэука последние привели в жандармерию 6 евреев: двоих мужчин, трех женщин и одного ребенка. Шеф поста Ботезату Николае продержал их под арестом много дней, пока не появился с инспекцией тот же Палагицэ. Три жандарма по приказу старшего плутоньера отвели евреев в лес и расстреляли[285].

Большой «вклад» в истребление евреев внесли жандармы секции Бравича, возглавляемой первое время старшим плутоньером Стоенеску Ионом. По данным комиссии по установлению злодеяний фашистских властей, только в девяти селах Бравичского района (Онишкань, Мелешень, Цибирика, Деренеу, Рэдень, Корново, Хырбовэц, Онешть, Ходжинешть) было расстреляно 385 человек[286]. Стоенеску лично объезжал каждый пост и проверял, как выполняется приказ майора Беки об «очищении территории». В с. Деринеу он собрал начальников постов сел Деринеу (Мунтяну Ион), Онишкань (Бурада Николай) и др. Он предупредил о личной ответственности каждого за выполнение при-

каза о ликвидации евреев и пригрозил суровым наказанием нарушителям[287]. Тут же проводились «практические» занятия. Заранее арестованных 20–25 евреев (по другим данным, 40), запертых в пустующем складе, жандармы вывели на расстрел. Вечером мужчин построили в колонну, отправили на окраину села, где был противотанковый ров. К операции были привлечены рядовые жандармы из Липчень, Онишкань, Корново. Плутоньер Бурада Николае подал условный сигнал, и за считанные минуты с евреями было покончено. Мобилизованные плутоньером Михалаке крестьяне из Деринеу засыпали трупы песком. На второй день операция повторилась: в другом конце были ликвидированы женщины и дети. Душераздирающие крики разносились по всей округе. Известный своими антисемитскими чувствами жандарм Блек Андрей со звериной жестокостью добивал раненых[288].

Завершив резню в с. Деринеу, шефы постов и сопровождавшие их жандармы разбрелись по своим селам. В с. Онишкань местные антисемиты преподнесли плутоньеру Бураде Николае подарок: четырех арестованных ими накануне евреев. По поручению своего начальника фашист Блек Андрей погрузил евреев в подводу, вывез за село и расстрелял. На второй день Бурада поручил жандарму Василе Ангелу отправиться в с. Ходжинешть и арестовать двух евреев и девочку лет 12. По дороге в с. Онешть он застрелил женщин, а девочку отпустил. Она бродила по окрестностям целый день, а вечером сама явилась на жандармский пост. Бурада поручил бандиту Блеку «разобраться» с ребенком, что тот и сделал, он штыком проткнул тельце, а затем еще выстрелил в нее[289].

В с. Сэсень в июле 1941 г. «было расстреляно 10 мирных граждан еврейской национальности». При вскрытии одной могилы в марте 1945 г. районной комиссией было обнаружено 7 трупов (3 мужчин, 2 женщины и 2 детей в возрасте до 10 лет). Непосредственным исполнителем этого злодейского акта был шеф жандармского поста Попушой Ион[290].

В селе Кобылка (переименовано в Кодрянка – *И. Л.*) расстрелом первой группы евреев из 10 человек, арестованных жандармами во главе с плутоньером Рушка Иоаном, руководил случайно оказавшийся в селе старший сержант Мирон (по другому источнику – Миронеску) Константин из 1-го танкового полка, оставленный для охраны вышедших из строя машин. Убежденный юдофоб, он сам вызвался возглавить команду убийц и даже угрожал расстрелом жандарму Соаре Иоану, который сначала отказался стрелять в невинных людей.

Вторую группу из восьми евреев по приказу плутоньера Рушка старший сержант Пархон Георге и солдаты Соаре Ион и Александреску Лучан отвели в виноградник и расстреляли[291].

Но этим расправа с евреями села не закончилась. В двух километрах от с. Кобылка, рядом с шоссейной дорогой, идущей в г. Кишинев, была обнаружена и вскрыта в присутствии районной комиссии могила, из которой было извлечено 38 трупов – 25 женских, 3 мужских и 12 детских от грудного возраста до 10 лет. Следы ран указывают, что расстрел производился из огнестрельного оружия в затылок и спину, у некоторых обнаружены следы ударов по голове острыми предметами. Могилу еще 42 убитых евреев комиссии обнаружить не удалось[292].

В состав Бравиченской жандармской секции входило село с привлекательным названием Фрумоаса (Красивая). Здесь жила еврейская семья: старик-отец, сын, невестка и двое детей. Когда в селе стояло подразделение регулярной армии, семье как-то удалось спрятаться. Но пришли жандармы и обнаружили евреев. Шеф поста плутоньер Барбу Раду и старший сержант Дину Панаит, прихватив с собой двух сельских стражников, убили всю семью[293].

В селе Выпрова плутоньер Будика Иоан арестовал 16 евреев и запер в одном складе. Ему пригнали еще 15 евреев из м. Суслень, так как на Днестре еще шла перестрелка с противником. В порядке помощи Будикэ прислали несколько жандармов. Вначале вывели на расстрел мужчин. Их построили по 3 человека в ряд, к каждому ряду был прикреплен жандарм. Истребление с участием Будикэ и старшего сержанта Чутак Тасаке прошло «организованно», примерно на расстоянии двух километров от Выпрова по дороге в сторону села Булбока. Трупы присыпали землей в окопе на обочине дороги. На второй день под руководством сержанта Исбаша Иоана вывели на расстрел 16 женщин и детей. Особенно «отличился» в этой кровавой акции жандарм Попеску Думитру, он один вогнал в тела женщин и детей 30 пуль. И на сей раз тела убитых засыпали тонким слоем земли и через день бродячие собаки растаскали по всей округе части тел расстрелянных людей[294].

В самом с. Бравича, где размещался штаб жандармской секции, по данным районной комиссии, было расстреляно 257 человек, в том числе 180 жителей г. Калараш, не успевших эвакуироваться вглубь Советского Союза[295].

В августе 1941 г. на смену начальнику жандармской секции в Бравиче Стоенеску пришел старший плутоньер Ставраке Георге. За «особые заслуги» в истреблении евреев в районный центр Бравича был переведен упомянутый нацист Блек Андрей. Он сразу же «отличился». По приказу шефа местного поста Барбу Раду он вместе со старшим сержантом Дину Панаитом и двумя местными стражниками убили трех евреев – двух мужчин и женщину.

Не бездействовал и сам Ставраке Георге. Он занял дом отсутствующего еврея. Когда к нему поступило известие, что хозяин дома и его семья после долгих скитаний возвращаются в местечко, Ставраке выслал им навстречу старшего сержанта Дину Панаита, Блека Андрея и двух стражников коммуны с задачей ликвидировать вернувшихся. У въезда в местечко еврейская семья из трех человек была уничтожена, а подводу с вещами для дележа добычи убийцы пригнали на территорию поста[296].

Поскольку регулярные немецкие и румынские части были задействованы в боях с противником, то очень часто они ограничивали свою задачу сбором евреев, а «доделывать» работу по их ликвидации перепоручали следовавшим за армией жандармам.

В селе Цибирика румынская воинская часть передала шефу жандармского поста плутоньеру Урзикэ Каролю 25 евреев, арестованных накануне. Вместе со своим помощником сержантом Кэлугэру они первоначально ограбили евреев до ниточки. А затем, прихватив двух рядовых солдат, Опряну Иона и Маурера Михая, уничтожили их. Сержант Кэлугэру в ходе проверки, все ли евреи мертвы, обнаружил полумертвого 7-летнего ребенка и пустил ему пулю в затылок. Спустя несколько дней на посту оказались еще три еврея – мужчина и две женщины. Урзикэ и Кэлугэру и этих прикончили. На очереди стояли советские активисты-неевреи. Собрав около 20 человек, жандармы подвергли их страшным пыткам[297].

При установлении жандармского поста в с. Биешть воинская часть передала плутоньеру Деку Иону 10 евреев, в том числе трех женщин и ребенка, запертых в пустующем доме. Прихватив с собой троих жандармов срочной службы, он вывел евреев на дорогу, ведущую на Оргеев, и расстрелял их. Спустя несколько дней жандармы арестовали 6 женщин. Шеф поста Деку и два сержанта – Дуку Штефан и Каутеш Константин – расправились с женщинами на окраине села. Каутеш был в Биешть всего лишь проездом и сам вызвался участвовать в убийстве женщин[298].

Немецкая часть, занявшая село Чеколтень, передала шефу поста и плутоньеру Бэргэцану Йордаке трех евреев. Прихватив с собой своего заместителя сержанта Влада Раду и еще трех рядовых, он отвез евреев до места, известного в народе под названием «Мовилэ», и там их ликвидировал.

Спустя два дня в с. Чеколтень пригнали 8 евреев, захваченных войсками в Сэрэтень. Нагрянувший сюда уже знакомый нам старший плутоньер Гаврилэ Думитру распорядился немедленно их прикончить. Приказ был выполнен.

В самих Сэрэтенах шеф поста Пыреу Георге арестовал трех евреев, в том числе двух убежавших от погрома в с. Негурень. Сэрэтенский еврей был помолвлен с местной девушкой-христианкой. Не зная, как в данном случае следует ему поступить, Пыреу обратился с запросом к самому Беки. Последний приказал расстрелять всех троих. Приказ выполнили сержант Кэтринэ Николае и помогавшие ему трое солдат[299].

В с. Сухулучень войска задержали четырех евреев и в тот же день передали появившимся жандармам во главе с плутоньером Терня Санду. Последний без раздумий отвел их на расстояние примерно одного километра от села и расстрелял. Мобилизованные местные крестьяне закопали убитых[300].

В другом селе – Березложь воинская часть переправила шефу жандармского поста Поповичу Тудосе двоих мужчин и трех женщин. У выхода из села находился каменный карьер. Туда отвели евреев, и по команде старшего сержанта Митаке Иона сержант Орча Георге и солдат Ропа Иоан привели приказ в исполнение[301].

Шефу поста с. Шолдэнешть плутоньеру Русу Гаврилэ воинская часть передала женщину и двух девушек-евреек. Он вызвал сержанта Пистола и поручил ему ликвидировать узниц. Сержант отвел женщин на окраину села и у противотанкового рва расстрелял их[302].

Евреи особенно боялись встречи с гитлеровцами и предпочитали на худой конец иметь дело с румынами, которых, по старой памяти, можно было подкупить. Но в летние дни 1941 г. это не всегда удавалось. Ограбить евреев можно было без того, чтобы вступить с ними в сделку. Опасаясь попасть в лапы немецких фашистов, на жандармский пост в с. Пятра сами явились 8 евреев. Плутоньер Обрежа Георге запер их в пустующем складе и продержал несколько дней, пока с инспекционной задачей прибыл в Пятра начальник Сусленской жандармской секции старший плутоньер Кицу Ангел. Узнав, что в селе еще есть евреи, он приказал ликвидировать их. Это было поручено старшим сержантам Мариною Константину и Паладе Василе. По дороге на Суслень евреев убили, предварительно ограбив. О том, как это произошло, впоследствии рассказал следственным органам исполнитель этой преступной акции Мариною. «Утром, – сообщил он, – я вместе с сержантом-практикантом Палладе получил приказ взять евреев, направиться с ними в направлении Суслень и в указанном месте расстрелять их. Я взял 8 евреев, в том числе двух мужчин-стариков, трех женщин, девушку лет 18, ребенка 6 лет и ребенка примерно 6 месяцев... все мы четверо препроводили их к заранее установленному месту расстрела... где была роща акации. Сержант-практикант Паладе предложил им присесть в тени отдыхать. В какой-то момент мы открыли по ним огонь, один еврей-старик попытался бежать, я приказал стрелять по нему, пока он не упал мертвым. В это время жандармы расстреляли остальных. При проверке, все ли убиты, поскольку они лежали навалом, обнаружилась, что одна женщина не умерла, маленький ребенок также шевелился». Сержант Паладе прикончил их, в тот же день присланные шефом поста крестьяне закопали трупы расстрелянных[303].

По мере выхода немецких и румынских войск к Днестру вдоль реки румынские власти стали выставлять пограничные посты. Пограничники активно включились в поиски и истребление евреев. В селе Лалова пограничники арестовали одного еврея и попытались его передать для расправы шефу поста плутоньеру Тироняку Симиону. Но последний отказался принять еврея. Расстрелять его взялись два пограничника[304].

Тесно сотрудничала в решении «еврейского вопроса» жандармерия приднестровского Сусленского района с армейскими частями и пограничниками. В первые дни ок-

купации сел района командование 8-й румынской пехотной дивизии и пограничники совместно с жандармами арестовали около 100 евреев и советских активистов. Сначала их направили в штаб дивизии, где подвергли истязаниям, а затем передали для расправы жандармам.

Арестованный Ноур Василий Михайлович, который содержался под стражей жандармским постом в селе Булэешть, рассказал: «Там же находились под стражей более 30 евреев, собранных жандармами из окрестных сел, в частности, из села Булэешть, Мырзачь, Мырзешть, Жора. Арестованных евреев избивали палками шеф поста Булэешть Арсение, его заместитель Попеску и шеф поста села Жора Димитриу Петря. 15–16-летних евреек Арсение и Димитриу изнасиловали. Так, ими было изнасиловано три еврейских подростка, фамилии их точно не знаю, одна из них, кажется, по фамилии Жиска из села Жора-де-Жос».

Другой свидетель Гончар Михаил Константинович показал: «В одно помещение вместе с нами был заключен 31 человек из числа евреев, проживавших в окрестных селах. Из жителей села Булэешть были арестованы Клайн Лейзер, его жена Анна и двое детей: мальчик трех лет и девочка пяти лет.

Арестованных жандармерия не кормила. Мы питались только передачами, а евреям даже передачи не разрешались. Причем жандармы и нам, арестованным, запретили делиться с евреями пищей.

1 июля 1941 г. всех евреев вывели во двор, построили в колонну по четыре человека, а стариков и детей погрузили на две подводы и куда-то отправили под конвоем жандармов.

Спустя несколько часов нас, четыре человека из числа арестованных и шесть местных жителей, вызвали в кабинет шефа поста Арсение, и сам он нам объявил, что нам нужно произвести погребение расстрелянных евреев, тут же предупредив, что если кто-либо из нас об этом проболтается, то так же будет расстрелян.

Когда мы пришли на место казни, то увидели, что трупы расстрелянных лежат в один ряд, лицом вниз, расстрел был произведен в затылок. Одна еврейка лежала лицом вверх. Очевидно, она была убита не сразу и в предсмертных муках перевернулась. Выстрел ей был произведен в спину.

У трупика пятилетней дочки еврея Клайн Лейзера не было головы, торчал лишь кончик шейного позвонка, а вокруг валялись частицы ее головы, наверно, она была расстреляна разрывной пулей...».

По подсчетам комиссии по расследованию зверств фашистов в Сусленском районе, шеф жандармов в селе Булэешть Арсение Ион и шеф жандармов в селе Жора-де-Жос по приказу начальства Оргеевского легиона расстреляли в лесу около села Булэешть 42 человека[305].

В присутствии членов комиссии было раскопано несколько могил. В одной из могил, которая находилась на расстоянии одного километра южнее села Булэешть в лесу «Фунд», был погребен, по словам свидетелей, двадцатилетний комсомолец Розенфельд Давид Пинхович. В этом же лесу, в другой могиле, были похоронены 8 человек[306]. В могиле, вскрытой в лесу «Раду», были погребены 30 человек – жители сел Жора-де-Сус, Жора-де-Мижлок и Жора-де-Жос[307].

В четырех километрах от села Мэшкэуць, на расстоянии 250 метров от опушки леса, на склоне оврага была раскопана могила и найдены скелеты 17 расстрелянных людей, в том числе пятерых старых мужчин и четырех пожилых женщин, трех детей от трех до восьми лет, четырех молодых женщин и одного мужчины. В акте врачебной экспертизы сказано, что у одной женщины руки были «конвульсивно сжаты, по-видимому, женщина была зарыта еще живой», а у одного ребенка в затылочной области были «от-

верстия с неровными краями, удар ребенку нанесен ножом...»[308]. Всего на территории с. Мэшкэуць были расстреляны 50 человек[309].

В селе Маловата на Днестре были уничтожены, по данным районной комиссии, 12 евреев, двоих из них арестовали румынские пограничники, остальные были собраны жандармами. После посещения села начальником жандармской секции Суслень Кицу Ангелом шеф поста в с. Маловата Кэлуш Марин лично связал евреев и приказал солдату Капричеру Николаю прикончить их. К последнему присоединился доброволец из местных жителей некий Исманэ. Они отвели евреев к Днестру и с обрыва сбросили в реку. Связанные по рукам люди утонули»[310].

К такому методу истребления евреев и «подозрительных» лиц другой национальности прибегали и другие фашистские каратели. В селе Бошкана шеф поста Илие Василе и старший сержант Бурчел Василе, связав руки бывшему председателю сельского совета с. Кошерница, бросили его в Днестр[311]. Шеф поста с. Зэгэйкань Фоамете Ион и старший сержант Вижелие Думитру арестовали женщину-еврейку и двух детей лет 13–14 и отвели к Днестру. Угрожая им расстрелом, они заставили свои жертвы войти в реку и отдалиться от берега, пока бурная волна не унесла этих не умевших плавать людей[312].

В селе Кицкань шеф поста Лунгу Василе задержал еврея лет сорока. С помощью местного жителя Балтага они связали еврея и отвезли на край села, где протекала река Реут, и с мостика сбросили его. Он тут же утонул.

Спустя два дня в жандармерию привели двоих мужчин и двух женщин. Мобилизовав троих местных допризывников, он поручил им выкопать на окраине села большую яму. Сюда старший сержант Бэлиша Иоан в сопровождении двоих жандармов привел евреев и прикончил их. Закопали трупы убитых тоже допризывники[313].

Почти не было в Оргеевском уезде населенного пункта, где бы не уничтожали евреев. В м. Пересечина находилась жандармская секция, возглавляемая старшим плутоньером Коча Константином, и пост во главе с плутоньером Ону Василе. Последний, собрав в радиусе своего поста 10–12 евреев, долгое время держал их взаперти в пустующем доме, вызвав этим гнев своего начальника Коча. Получив очередной приказ об уничтожении евреев, Ону поручает выполнить его старшему сержанту Кроялэ Андрею, человеку алчному и очень жестокому. Он штыком рассек челюсть мертвого еврея, чтобы вытащить из его рта золотые коронки, другому еврею отрезал палец, чтобы завладеть кольцом. Кроялэ придумал свой способ уничтожения людей. Взяв с собой в качестве помощников солдата Динку Иона и одного местного добровольца, он погнал евреев к глубокому озеру Телешеу и приказал им искупаться, якобы, для того, чтобы чистыми предстать перед начальством в Оргееве. Евреи были туго связаны веревкой между собой. Сам Кроялэ залез на иву, нависшую над водой, и потребовал, чтобы евреи передвигались по воде, поближе к нему. Почувствовав, что дно озера все больше углубляется, и они начинают тонуть, евреи остановились. Тогда Кроялэ открыл огонь и перестрелял беззащитных людей[314].

В селе Исакова плутоньер Фурникэ Кирилэ и его помощник сержант Ласкэу Ион задержали 8 евреев: четверых мужчин, трех женщин и одного ребенка. По заданию шефа Ласкэу жандармы Джеру и Сава расстреляли всех у заранее заготовленной ямы. Спустя несколько дней из села Деринеу в Исакова пригнали четырех девушек. Ласкэу и Джеру сначала изнасиловали их, а затем ликвидировали[315].

Шеф поста с. Кобылка Руска Ион и его заместитель старший сержант Пархон Георге избрали в качестве места для расстрела евреев виноградник. Жертвой расправы стали 8 человек[316].

У местечка Криуляны, где находился активно действующий и непрерывно подвергавшийся налетам немецкой авиации мост, связавший правый и левый берега Днестра,

скопилось огромное количество еврейского населения из Кишинева, Оргеева и окружающих сел, тщетно пытавшегося переправиться и эвакуироваться в восточные районы СССР. Здесь в середине июля 1941 г. их настигли немецкие и румынские войска, тут же начавшие жестокую расправу. В акте комиссии Криулянского района о злодеяниях фашистов читаем: «В селе Хыртопул Маре и окружающих селах находилось эвакуированное еврейское население, которое румынскими солдатами и офицерами арестовывалось и свозилось к вырытой яме, где население (местные – *И. Л.*) брало песок, расположенной в 300 метрах с южной стороны села Хыртопул-Мик, и там их расстреливали.

Комиссия указанную яму при помощи населения села раскопала, и было установлено, что в данной яме оказалось большое количество трупов разного возраста. Трупы оказались в полном разложении, и установить, какое количество находится в яме, не представилось возможным». В своих показаниях свидетель Рознован Илларион Павлович назвал имя одного из участников этой расправы – сержанта Кожокарь[317].

Командование Оргеевского жандармского легиона добивалось полного искоренения еврейского населения в уезде. Погоня устраивалась за каждым евреем. Майор Беки, находясь в инспекционной поездке в с. Кэзэнешть, заметил в винограднике прятавшегося еврея. Он обязал начальника поста плутоньера Кожокару Георге немедленно найти «преступника» и ликвидировать его. Приказ был в точности выполнен[318]. Заместитель Беки капитан Адамович, посетив с. Иванча, поставил на вид начальнику поста Симиничану Иону за нерасторопность в ликвидации евреев. В этот же день сержант Драгомир Думитру и два жандарма на окраине села расстреляли мужчину, двух женщин и ребенка[319].

Другой заместитель Беки – упомянутый Попою – во время пребывания в с. Печиште приказал шефу поста Гарпену Петре расстрелять женщину этого села Шефтер Анну Менделевну и двух ее детей, а также секретаря Тыршицейского сельсовета Балабана[320].

Тот же Попою, будучи проездом в с. Захарень и узнав, что проживавшая в этом селе еврейская семья еще не ликвидирована, приказал шефу жандармского поста Болду Акиму немедленно это сделать. Плутонер, прихватив с собой троих жандармов, расстрелял отца, мать и их двенадцатилетнюю дочь, а на второй день был схвачен четвертый член этой семьи, молодой мужчина лет 28–30 и прикончен. Всех их закопали в траншее у дороги, ведущей в Оргеев[321].

В с. Тыршицей уже знакомый нам плутоньер Вирабов, прихватив с собой жандармов Турку Корнела и Теня Иона, расправился с двумя беззащитными женщинами, пригнанными из с. Игнэцей. Эти же жандармы прикончили еврейку – жительницу Тыршицей. На «боевом» счету этого поста были еще и три молодые еврейки, вернувшиеся в родное село после многодневных скитаний за Днестром[322].

Палачи никого не щадили, беспощадно истребляли глубоких стариков, инвалидов, женщин с детьми. Все евреи, даже младенцы, считались «опасными» элементами для румынской нации и государства.

В жандармерию с. Куйзофка привели женщину-еврейку. На руках у нее был новорожденный ребенок, а рядом двухлетняя девочка. Шеф поста плутоньер Думитриу Штефан вызвал старшего сержанта Будурою и приказал отвести всех троих на опушку леса и ликвидировать. Женщина умоляла сержанта не убивать детей, он был неумолим: все трое погибли от пуль бандитов[323]. В селе Онишкань жила единственная женщина-еврейка с ребенком в возрасте 7–8 лет. Плутоньер Пичиоруш Константин приказал ее расстрелять. Женщину с ребенком закопали на окраине села[324]. Из села Ходжинешть в с. Чинишеуць перегоняли под охраной женщину с ребенком на руках. В селе Трифешть она попалась на глаза шефу поста Рэиляну Никифору. Ее тут же с ребенком уничтожили. Такая же участь в этом селе постигла пять евреев, в том числе переброшенных

Эксгумация трупов убитых бессарабских евреев, м. Калараш

из Чинишеуць[325]. В с. Онешть шеф поста Сырбу Андрей, посчитав, по-видимому, что еврейка-калека (без руки и ноги) также является «опасным элементом», поручил солдату Рошу Аурелу застрелить ее, что тот и сделал. На второй день солдат прикончил молодого еврейского парня[326]. Шеф поста с. Фурчень Пэдурару Флоря получил выговор от своего начальника жандармской секции Коча Константина за то, что при посещении последним с. Фурчень застал еще в живых старика и старуху – евреев. Их, конечно, в тот же день застрелили[327].

Особым издевательствам подвергались молодые девушки. В село Матеуцы привели из Алчедара еврейскую 15-летнюю девочку. Начальник поста задержал ее на какое-то время, но в один из дней в Матеуцы прибыл с инспекционной проверкой уже знакомый нам Думитру Гаврилэ, приказавший отвести ее в лес Глинчень и прикончить. Жандармы Милош Ион и Мартин Николае, которым было поручено это сделать, сначала грубо надругались над ребенком, а затем расстреляли[328]. Упомянутый нами шеф поста в с. Киперчень Войкулеску изнасиловал 16-летнюю девушку, а затем застрелил ее[329].

В с. Стахная жандармы убили двух евреев, в с. Чорна – одного, в с. Матеуцы – четырех, с. Фузовка – одного, с. Гульбока – одиннадцать, в с. Дышкова – четырех (Шварцман Фройку, его жену и двух дочерей)[330].

Первое время нередко бывало, что жертвами геноцида становились давно крещеные евреи. Одна такая женщина по имени Балабанка жила в с. Тырницей. Плутоньер Вирабов, расстрелявший всех евреев села и пригнанных из других сел, не решался убить Балабанку и отправил ее в с. Игнэцей, где «хозяйничал» плутоньер Киепторашу Давид. Тот не стал колебаться, он приказал старшему сержанту Преда Илие препроводить женщину в с. Киштельница и «решить» вопрос о ней. В пути Преда встретил двух солдат-пограничников и втроем они прикончили женщину[331].

Начальник жандармского поста м. Теленешты Нягу действовал в аналогичном случае более решительно. В этом селе жила давно крещеная еврейка – жена некоего Кирку. Местные пособники новых властей арестовали ее и привели в жандармерию. Нягу вызвал к себе одного допризывника, вручил ему свой маузер, и тот застрелил женщину. Крещение не помогло[332].

Был и такой случай. В с. Морозень местный священник спрятал еврейскую семью из трех человек. Чтобы спасти им жизнь, он хотел их срочно обратить в православную

веру. Узнав об этом, шеф поста Бырка Георге вместе с сержантом Стояном Иокимом арестовали евреев и в лесу «Ватич» убили их. Спустя некоторое время на жандармский пост привели четырех евреек. Случайно в Морозень оказался шеф поста из с. Вырнова, известный палач Будикэ Ион. Два жандармских начальника и присоединившийся к ним нотар с. Морозень изнасиловали женщин, а затем уничтожили[333].

В городах жандармы проводили «очищение территории» в тесном содружестве с городскими полицейскими службами безопасности (сигуранцы). В г. Резина фашистские молодчики при содействии своих местных пособников согнали в одну из пригородных конюшен 600 человек, расстреляли 350, остальных сожгли в печи для обжига извести[334].

Страшный погром был учинен в уездном городе Оргеев. По переписи населения 1930 г., в городе проживало около 4500 евреев (в уезде 19 000). В первые дни войны многие из них покинули город, одни разбрелись по окрестным селам, другие ринулись в сторону Днестра, пытаясь эвакуироваться в восточные районы СССР, но многие продолжали находиться в городе, прячась от бомбежек в подвалах и погребах.

15 июля в Оргеев ворвались немецкие и румынские войска. Они начали арестовывать евреев. На второй и третий день к ним присоединились сотрудники румынской полиции и сигуранцы (Сандулеску, Попеску, Бырзыяну, Уцу) и целая орава их подчиненных и пособников. 19 июля в Оргееве обосновалось командование жандармского легиона во главе с майором Беки. К этому времени в здании полиции уже было собрано около 500 евреев. 20 июля Беки провел совещание с участием своих заместителей, начальников секций и постов легиона, на котором была поставлена задача активно включиться в «очищение» города от евреев. К середине дня 21 июля сбор евреев в основном был завершен. Были созданы три лагеря: в здании индустриальной школы, куда было согнано около 600 евреев, в одной из синагог города и в большом пустующем частном доме рядом с жандармерией, в каждом из двух последних по 200–300 человек. В этот же день на очередном совещании командного состава легиона было доложено решение об истреблении оргеевских евреев и обсуждены способы осуществления этой операции. Были образованы два расстрельных взвода: ответственными за первый взвод были назначены знакомые нам Кицу Ангел и Палагица Георге, за второй – Стоенеску Ион, Войкулеску Ион и Деку Ион. Один взвод был послан в лагерь, находившийся в частном доме, другой – в синагогу. Построенные в колонны евреи, окруженные со всех сторон жандармами, были направлены в сторону леса Селиште, недалеко от шоссейной дороги, ведущей на Пересечину. Примерно в 4 километрах от Оргеева колонны слились, но затем произошло новое разделение. Большая часть евреев, которую вели Кицу Ангел и Палагица Георге, ушла влево от шоссе вглубь леса, меньшая часть – с Войкулеску и Деку – ушла направо. По сигналу «вражеский самолет» жандармы унтер-офицеров Кицу и Палагицы легли на землю, а по команде «огонь» начали расстреливать евреев. Подобным же образом поступили командиры второй расстрельной группы во главе с Войкулеску и Деку. Завершив уничтожение всех евреев, жандармы ушли, оставив трупы на «попечение» бродячих собак. Ночью прошел сильный ливень, и мощные потоки воды унесли много трупов, некоторые были найдены в окрестностях Оргеева. Только на второй день мобилизованные крестьяне стали сбрасывать убитых в противотанковые рвы и засыпать землей.

Покончив с ликвидацией первой партии евреев, жандармы и полицейские принялись за ликвидацию узников из индустриальной школы. К проведению этой операции была привлечена часть жандармов, участвовавших в убийстве у с. Селиште, а также все жандармы секций Суслень и Криулень. Беки объявил, что расстрел будет проводиться в пригороде Слобозия Доамней, у пункта под названием Вэрэрия.

В 10 часов вечера в присутствии Беки, Попою и Ефтимие 600 евреев были построены в колонну и отправлены в пункт назначения. К жандармам присоединились полицейские и взвод гитлеровцев, которые фарами своих машин в ночной темноте освещали путь к смерти. Обессиленные старики и старухи отставали от колонны, и следовавшие сзади немцы расстреливали их. Вдоль дороги до места расправы валялись 60–70 трупов. Когда колонна стала двигаться по мосту через р. Реут, кое-кто из евреев стал прыгать в реку, надеясь спасти свою жизнь. Жандармы и полицейские открыли огонь, многие евреи погибли тут же на мосту. Когда колонна добралась до Слобозия Доамней, она остановилась на плато, окруженном со всех сторон оврагами. Тут и началась экзекуция, за которой наблюдали Беки и руководители оргеевской полиции. Жандармы стреляли с позиции лежа, гитлеровцы – стоя, из автоматического оружия. Бандитская операция продолжалась считанные минуты, все было продумано до мелочей[335]. «Еврейский вопрос» в уездном городе Оргееве был решен. Жандармы и полицейские выполнили свой «патриотический» долг в его нацистском понимании.

Весной 1945 г. Оргеевская районная комиссия по расследованию злодеяний фашистов произвела в 300-х метрах восточнее села Слобозия раскопку одной из многих могил расстрелянных в июльские дни 1941 г., допросила очевидцев расправы с евреями. Очевидец В.Г. Мокан рассказал, что в середине июля 1941 г. ночью он услышал шум и выстрел: «Выйдя на улицу, я увидел, что работники сигуранцы и жандармерии, вооруженные винтовками и пулеметами, ведут по улице села по направлению к Кишиневу человек 250–300 евреев. Старые и больные, которые не могли идти, расстреливались немедленно. Некоторые были убиты в каменоломне». У места расстрела «все увидели 4–5-летнего мальчика, оставшегося каким-то чудом в живых. Он же, мальчик, шел по направлению села Слобозия, увидев людей, он начал плакать, один из стражников выстрелил из пистолета. Его убил...»[336].

Свидетель Д.Я. Литюк, принимавший участие по приказу жандармов в засыпке трупов расстрелянных евреев, сообщил, что «насчитал до 200 человек, среди расстрелянных были старики, женщины и дети от двухлетнего возраста и старше. Дней через пять-шесть после расстрела, – продолжал он, – пошел сильный дождь, размыл яму, где были зарыты расстрелянные люди... они были вынесены на улицу села, а также на дороги у места расстрела. Трупы валялись больше суток, затем жандармы приказали их зарыть...» [337]. Комиссии удалось установить имена и фамилии жителей сел Селиште[338] и Слобозия[339], убитых одновременно с оргеевскими евреями в июльские дни 1941 г.

В послевоенные годы румынские судебные органы, занятые расследованием преступлений против человечности, совершенных румынскими жандармами в годы диктатуры И. Антонеску, пытались на основе анализа их преступлений найти ответ на вопрос о корнях их звериной жестокости. «Между этими унтер-офицерами (жандармами – *И. Л.*), которые претворяли в жизнь приказы по истреблению, и командирами, от которых исходили эти приказы, существовали не только отношения субординации, но и внутренняя идейная и сентиментальная связь, идеи и чувства, в духе которых они долго воспитывались, чтобы первоначально служить румынским реакционным силам, а затем фашизму в форме диктатуры Антонеску». О рядовых жандармах, призванных на срочную службу, сказано, что «их участие в истреблении обусловлено не только обязанностью выполнять приказы своих руководителей, но и потому что им постоянно угрожали начальники постов и сержанты, они их контролировали и за ними зорко следили, а в случае неподчинения они рисковали подвергнуться наказаниям военно-полевого суда»[340]. Но были и жандармы, которые уклонялись и даже отказывались от участия в истреблении евреев, а если стреляли, то мимо цели.

§ 8. Волна геноцида в центральных и южных уездах Бессарабии

Как уже отмечалось, на кишиневском направлении наступление немецких и румынских войск в первой декаде июля 1941 г. завершилось неудачно, оно захлебнулось на рубеже западной окраины Калараша, Селиште Ноуэ, Хынчешт (Котовска). Еще дольше затянулись бои на нижнем течении Прута и вдоль Дуная. Большие потери в этих боях понесла румынская армия. На рубеже Фэлчиу–Лека–Епурень–Цыганка бои шли в течение всей второй декады июля. У евреев Кишиневского, Бендерского и Кагульского уездов Молдавской ССР, а также Измаильской области Украины, задумавших эвакуироваться в глубь Советского Союза, было несколько больше времени для этого, хотя ситуация на дорогах и особенно у переправ через Днестр у Криулень, Бендер и южнее была такой же сложной, как на севере.

И на центральном и южном участках бессарабского фронта, как только немецким и румынским войскам удалось продвинуться вперед в сторону Днестра, тут же в села и местечки вступали жандармы и полицейские и первым делом устраивали охоту за евреями. Далеко не всегда армейским частям фашистской коалиции, занятым военными действиями, удавалось «очистить» оккупированные ими населенные пункты от евреев, коммунистов и подозрительных.

«Упущения» регулярных войск исправляли жандармы, полицейские, секретная служба, гражданские чиновники. После массового расстрела скулянских евреев фашистскими молодчиками из 6-го егерского полка 14-й румынской пехотной дивизии в первые дни войны, прибывшие в м. Скулень жандармы во главе с плутоньером Дабижей обнаружили 35 евреев разного возраста, сумевших спрятаться от глаз палачей, погнали их к Пруту, расстреляли и трупы сбросили в реку[341].

Как и другие начальники жандармских легионов, майор Каракаш Николае (в ходе войны дослужился до звания подполковника), назначенный 1 июля 1941 г. шефом Лапушнянского (Кишиневского) легиона, собрал на пограничной станции Унгены личный состав легиона и напомнил ему об обязанностях убивать евреев, коммунистов и аресте подозрительных лиц[342].

На кишиневском, как и на других направлениях бессарабского участка фронта, передовые части немецко-румынских войск открыли счет жертвам геноцида, и первыми ими стали евреи сел и местечек Припрутья. В селах Шишкань, Маринич, Кэлимэнешть, Бужор было уничтожено 28 евреев[343]. Житель с. Шишкань В.Л. Горчак был свидетелем расстрела 11 человек: одной семьи из с. Маринич (матери и дочери), второй – Кэлимэнешть (мужа и жены), третьей из 7 человек (главы семьи по имени Генца, его дочери Доры и ее мужа Абрамовича, второй дочери по имени Роза и троих ее детей). Эти семьи были убиты около реки, на берегу[344].

Свидетели Г.А. Кошелец и Г.Г. Моисей, жители села Бужор, рассказали, что рядом с их домом жила семья Рывкина Герша из трех человек: жена Хана и племянница Броня, лет 17–18). Рывкин Герш «работал в своем хозяйстве», а Броня телефонисткой на почте. Когда в с. Бужор вступили немецко-румынские войска, Рывкины поочередно прятались по 2–3 дня в подвалах домов своих соседей Г.Г. Моисея, Г.А. Кошелец и М. Ферелебу. Когда начались облавы на евреев и советских активистов, Кошелец и Моисей убежали из дома и несколько дней прятались в поле, опасаясь последствий за укрывательство евреев. По возвращении они узнали, что Рывкины были убиты на винограднике Г. Моисея. Последний вместе с Кошелец и жителем Рэйляну закопали трупы около виноградника[345].

В большом и древнем молдавском селе Лэпушна фашисты обнаружили и расстреляли 70 евреев, в Корнештском районе – 56[346].

В середине декабря 1944 г., когда еще шла война, начала работать комиссия по расследованию злодеяний фашистов в Ниспоренском районе Молдавской ССР. Села, входившие в его состав, расположены в Припрутье. Комиссия установила, что в «15 селах (района – *И. Л.*) производился террор и расстрел мирных граждан... Расстреляно общей численностью 135 человек, трупы расстрелянных захоронены в лесах, лощинах, на кладбищах, брошены в реку Прут... Расстрел производился военными, немецко-румынскими властями и местной жандармерией. В числе расстрелянных большей частью еврейское население...»[347].

В самом районном центре Ниспорены в июле 1941 г. было арестовано 9 евреев, которых заключили в подвал, «при допросах систематически избивали, не давали продуктов питания и воды, доводя арестованных до полного истощения». Спустя 8–9 дней арестованных направили, якобы, в Кишинев, но, вследствие истощения и невозможности передвигаться, трое по дороге были расстреляны, судьбу остальных комиссии установить не удалось, обратно в Ниспорены они не вернулись[348].

В с. Вэрзэрешть из 14 расстрелянных 13 были местными евреями. Их собрали у примарии и под видом отправки в Кишинев вывели за село, подвергли обыску, все вещи отобрали, раздели до нижнего белья и убили выстрелами из автоматов. «Ценности, изъятые у евреев, – сказано в акте комиссии, – переданы были шефу (жандармского поста – *И. Л.*)»[349].

В Мэкэрешть были уничтожены 11 человек, все они до этого подвергались пыткам, а после расстрела трупы были брошены в р. Прут с высокого обрыва[350].

37 человек, все евреи, были убиты в с. Болдурешть, среди них были дети, старики, женщины. Предварительно их держали от 3 до 10 суток в подвале жандармерии без пищи и воды, подвергали жестоким пыткам, женщин изнасиловали, «после чего группами по трое человек в нижнем белье выводили в Болдурештский лес, где расстреливали и зарывали в ямах, заранее подготовленных». Свидетель И.Ф. Попович сообщил: «Их (евреев – *И. Л.*) проводили мимо моего дома, раздетых до нижнего белья, побитых, на некоторых имелись синяки, женщины грязные, с заплаканными лицами, на руках некоторые держали детей»[351].

В с. Милешть от рук фашистов погибло 19 человек. Сначала, по словам свидетелей, было арестовано 7 евреев. «Их выводили по два человека на допрос, подвергали сильному избиению, после чего выводили за село в лощину или в лес и расстреливали». Во второй половине июля в село прибыла немецкая часть, которая произвела «арест оставшихся евреев, в том числе малолетних детей, и расстреляла»[352].

Страшную расправу учинили румынские жандармы и полицейские над евреями небольшого молдавского городка Калараш и сел Каларашского района. Согласно румынской переписи населения 1930 г., в Калараше проживало 3662 еврея, они составляли 76,7 % населения городка. Далеко не все из них сумели избежать фашистской оккупации, многие застряли в городке, другие в селах района и за его пределами. Здесь «очищение местности» от евреев, коммунистов и подозрительных несколько задержалось из-за контратак советской 95-й стрелковой дивизии и других частей 35-го стрелкового корпуса у населенных пунктов Долна, Миклеушень, Шендрень, Вэрзэрешть, Сипотень, Селиште Ноуэ, Брэтулень, Редень Векь, Бахмут и Калараш Тырг[353]. Житель Калараша Журавель Степан Ильич (1889 г. р., молдаванин) рассказал: «1 августа 1941 г. я был арестован румынской жандармерией как член сельсовета и посажен был в погреб под зданием румынского (жандармского – *И. Л.*) поста и секции. На 3-й день после моего ареста в погреб, где я сидел, привели 30 человек евреев, а затем

еще стали прибавляться, и к концу дня их насчитывалось примерно более 80 человек. Многих из них я хорошо знал в лицо и некоторых знаю по фамилиям...[354]. В погребе их держали трое суток, не давали им ни есть, ни пить, морили голодом, а главное – не давали воды. В первую ночь жандармы вызвали к себе, то есть взяли из погреба дочь Блиндера и дочь Германского, над которыми совершали насилие, после чего их часа в два или в три ночи толкнули обратно в погреб. После трех суток, в 11–12 часов ночи жандармы стали их выводить из погреба попарно и связывать рука с рукой веревкой и по 4 человека сажать в подводу, после чего и увезли. Когда их выводили, они спрашивали жандармов, куда они их отправляют? Жандармы отвечали: «Отправляем мы вас на старую секцию», но фактически их везли на уничтожение...»[355].

Жила в Калараше семья: муж Калюскин Бенцион, еврей по национальности, жена Норокос Анна Васильевна, молдаванка. Была у них дочь Мария. Бенциона жандармы арестовали и бросили в подвал жандармерии, а вслед за этим Анну вместе с дочкой Марией тоже привели в жандармерию. Впоследствии Анна Норокос рассказала: «В эту же ночь, примерно в 12 часов, один майор жандармерии из жандармского управления (по-видимому, это и был начальник Лапушнянского легиона Каракаш – *И. Л.*) допросил меня и вместе со мной моего мужа. На допросе майор спрашивал меня, почему я по национальности молдаванка, а живу с евреем? Я ответила, что когда-то работала у помещика, там же работал и он, мы сошлись с ним и стали жить вместе. Другого больше ничего не спрашивал этот майор. Когда мой муж стал плакать и просил румынского майора, чтобы последний сохранил ему жизнь, на это майор ответил, что теперь уже поздно, надо было раньше об этом думать, и тут же меня и мужа вывели из кабинета, мужа закрыли обратно в погреб, а меня оставили обратно в том же коридоре».

Перед расстрелом Калюскин просил жителя Калараша Н.И. Тетю, который находился на службе при жандармерии в качестве гардиста (нечто вроде дружинника – *И. Л.*), в лесу «Атаманяса» вырыть к вечеру яму размером 8 метров длиной, 4 шириной и два метра глубиной», что он и выполнил. Далее он сказал: «Примерно в 3 часа ночи к нам подъехало 11 подвод, на которых находились связанные евреи – мужчины, женщины и дети всех возрастов, по четыре, семь и восемь человек на каждой повозке, сколько их было, точно не знаю, но, говорили, около 130 человек... Жандармерия меня оставила дома, а сама повезла евреев, причем из населения никто не ехал, лошадьми управляли жандармы сами»[356].

Житель Калараша Г.А. Быжина, со ссылкой на рассказ, слышанный им лично из уст жандарма Скуртулеску, сообщил районной комиссии по расследованию зверств фашистов, как проходил расстрел. «Всего евреев, – говорил Скуртулеску, – было арестовано человек 350... Когда была приготовлена яма и всех евреев выстроили в ряд около ямы, то шеф секции Зама дал распоряжение, чтобы каждому жандарму и офицеру расстрелять по три человека. Зама дал команду: расстрелять. Начали плакать старики, старушки, женщины и дети. Когда Зама поручил мне застрелить женщину с грудным ребенком, то они начали плакать. Я в это время не мог стрелять, бросил свою винтовку и хотел уйти совсем. Шеф секции Зама вынул пистолет и крикнул на меня: вернись, а то я тебя застрелю. Я вернулся. Зама дал мне пистолет, я отвернулся в сторону и начал стрелять в женщину с грудным ребенком, которую ранил, тогда эта женщина сказала: «Стреляй еще раз». Я еще выстрелил в нее, и она упала. Офицер Яворский взял пистолет и расстрелял остальных евреев»[357].

3 ноября 1944 г., спустя несколько месяцев после полного очищения Молдавской ССР от фашистских войск, упомянутая комиссия проводила обследование обнаруженной и вскрытой могилы, находящейся в 2,5 километра от Калараша, на северо-за-

падной окраине леса «Атаманяса». Из могилы было извлечено 130 трупов, из которых 90 мужских и 40 женских. По возрасту: детских (от грудных до 15 лет) – 16, от 15 до 25 лет – 20, от 25 до 60 лет – 65, от 60 до 80 лет – 29. За исключением 12 трупов, все были связаны по рукам и ногам проволокой и веревками группами по два-три и четыре человека, старики и дети вместе. Трупы были сброшены в могилу в беспорядочном виде, в четыре и больше ярусов, слой земли, прикрывающей трупы, был толщиною не более 50 сантиметров. У 21 трупа были размозжены черепные коробки со следами ударов тупым орудием по голове, у 12 – с признаками захоронения живыми[358].

Одновременно проводилась «чистка» в селах района. В с. Волчинец шеф поста плутоньер Рошка Василе и его помощник сержант-инструктор Никулич Настаси арестовали и загнали в подвал жандармерии 36 человек, среди них были жители с. Сипотень и «собранные из других сел»[359]. В подвале арестованных держали трое суток, избивали прикладами, сапогами. Особенно подверглись истязаниям колхозник Карп Василий Степанович и учитель Вайнштейн Пейся. По каким-то причинам четверо арестованных: Келман Абрам Астерович (1874 г. р.), Келман Хана Мойсеевна (1878 г. р.), Келман Арон Абрамович (1899 г. р.) и учительница Негру Вера Ивановна были угнаны в город Унгень, по дороге их зверски истязали, остальных выгнали ночью в лес и расстреляли, а затем бросили в яму. Свидетель П.Г. Влад сообщил, что «имущество евреев было разграблено карательным отрядом»[360].

В августе 1941 г. румынские жандармы во главе с сержантом-инструктором Стойку пригнали из Калараша 16 евреев, в том числе детей до семилетнего возраста, и на окраине села Паулешть, рядом с лесом («Думбрава») расстреляли. В этом злодейском акте участвовали, кроме сержанта Стойку, шеф поста с. Нишкань плутоньер Н. Спридан, капрал Сима, рядовой Войку. Среди расстрелянных были врач Авербух и его жена из Калараша, фамилии других жертв злодеяния в акте не указаны. Свидетели К.И. Унгуряну и Ф.А. Баер (последнего жандармы заставили копать яму для погребения убитых) уточнили, что среди 16 расстрелянных было 7 мужчин, 6 женщин и 3 детей 6–7 лет[361].

Некоторые жандармы-палачи наслаждались муками обреченных на смерть евреев, старались продлить их. Старший сержант Ченуша Константин поймал в лозе скрывавшегося у бывшего поместья Василиу еврея Когана Хаима Пенгасовича, 45 лет, жителя села Речула. Он препроводил его в жандармерию, с пристрастием, как это умели жандармы, допросил его, а затем вывел к монастырскому лесу на окраине села Речула, где сначала только легко ранил с целью издевательства и потом, когда Коган пытался бежать, добил его насмерть[362].

В начале второй декады июля 1941 г. бои развернулись на дальних подступах к Кишиневу. Немецкие и румынские войска вели наступление с юго-запада (со стороны Хынчешть, при советской власти г. Котовск), запада (со стороны с. Стрэшень) и с севера (со стороны г. Оргеев). Еще в ходе военных действий на этих, как и на других участках фронта передовые воинские части, где только представлялась возможность, не забывали о своей миссии по расправе с евреями.

В июле 1941 г. в трех километрах от села Васиень солдатами и офицерами проходящей воинской части румынской армии было расстреляно 15 евреев – жителей села Улма. В народе место, где произошло убийство людей, известно под названием «Валя сатулуй». Свидетели М.З. Кирияк и В.К. Канду сообщили, что расстрелянные, за исключением двух девочек 4–5 лет, были связаны веревкой[363].

В июле солдатами проходящей румынской воинской части были расстреляны 4 еврея – жителя села Драгушень-Векь[364].

Войска ушли вперед, и, как везде, за дело взялись подоспевшие жандармы. «В конце июля 1941 года, – отмечается в акте комиссии Хынчештского района о расследовании

фашистских зверств и грабежей, – в одном километре от райцентра Котовск румынской жандармерией произведены два массовых расстрела советских граждан еврейской национальности. Так, в первом расстреле было убито до ста человек и во втором случае – до 15 человек. Это злодеяние было совершено начальником жандармской службы плутоньером Давидом Григорием, его помощником плутоньером Митикой, жандармом Транкота Виктором и другими».

Из большой могилы в апреле 1945 г. в присутствии комиссии и членов судебно-медицинской экспертизы было извлечено 86 трупов (только один труп мужчины), в том числе детей в возрасте от 3 до 5 лет – 11, взрослых от 25 до 50 лет – 60, от 60 лет и выше – 15. Очевидец этой бойни Н.Ф. Кожукарь рассказал: «Около ямы выстроили советских граждан еврейской национальности, которые были измучены, кричали, плакали, просили пощады, чтобы их не расстреливали, так как они вредного ничего не сделали, особенно плакала и просила сохранить ей жизнь девочка лет десяти-одиннадцати... Одна женщина держала на руках грудного ребенка, когда был произведен выстрел из автоматов, то мать этого ребенка была убита, а ребенок остался жив. Тогда жандарм в звании капитана взял этого ребенка и сбросил в яму... После произведенных выстрелов из автоматов и пистолетов большинство граждан было убито, а часть тяжело ранена, их жандармы сваливали в яму, произведя в них выстрел. Когда капитан, фамилию не знаю, приказал нам яму зарыть, то из нее доносились стоны и крики погибающих граждан».

Свидетель М.В. Ботнарь сообщил, что расстрел производился за городом Хынчешть у рва, расположенного слева от дороги, ведущей в Кишинев. «Мне хорошо было видно, – заявил он, – как некоторые граждане, особенно дети, пытались со слезами на глазах уговорить фашистов, чтобы сохранили им жизнь. Хорошо были слышны шум, крики, плач, и выстрелы доносились до города. После я слышал, что некоторые лица были зарыты живыми».

Во второй могиле было найдено 5 трупов взрослых и 8 детских. Участвовавший в закапывании трупов расстрелянных С.Г. Бытко сообщил комиссии, что среди них было две старухи, два старика и дети в возрасте от 4-х до 13 лет»[365].

В Хынчештском районе, в глуши лесов, находится село Сарата-Галбенэ. Шефом жандармского поста был там плутоньер Ангелуца, его помощниками плутоньер Штефанеску, жандармы Морарь, Паун, Жианбаш. Они арестовали 36 евреев. Их всех расстреляли на вершине горы восточнее с. Сарата-Галбенэ. При этом присутствовали и активно участвовали в этом старший плутоньер Пачега Эмиль и шеф поста с. Каракуй плутоньер Герасим. Среди убитых было: детей – 11, в возрасте от 25 до 50 – 23 (все женщины), остальные – свыше 50 лет. Очевидец М.Г. Ботнарь, мобилизованный жандармами для погребения убитых евреев, рассказал: «Среди этих граждан большинство было женщин, детей и стариков. Из них я знаю старика Вениамина Беню, лет 53, его жену Фрейду, лет 50, двух дочерей, лет 16–18, и сына Шмиля, лет 20, Зильбермана Герша Берковича, лет 40–45, до войны работал заместителем секретаря сельсовета, его жену и сына лет 8-ми. У двух или трех женщин были грудные дети. Должен заявить, что трудно было сдерживаться и не заплакать от зверского истребления ни в чем не повинных людей, особенно тяжело было смотреть на детей, которые хватались за матерей и плакали... Убийство было совершено из автоматов. Причем после первой очереди многие граждане, стоя на краю ямы, падали живыми. Когда мы по приказу шефа поста Ангелуцы стали закапывать, то много было живых, набросав 5–10 сантиметров земли, люди в судороге смерти подымались и опять падали, пока полностью не зарыли могилу, все еще слышались крики, стоны умирающих»[366].

В селе Каракуй шеф поста Герасим и его ассистенты унтер-офицеры Пачега Эмиль и Преотясэ Ион, капрал Понтя Михай и жандарм Драгой Константин убили 4 еврея, подвергли арестам, пыткам и истязаниям 13 ни в чем не повинных жителей села[367].

В Лапушнянском (Кишиневском), как и в других уездах Бессарабии и Северной Буковины как только Красная армия покидала тот или иной населенный пункт, а немецкие и румынские войска в него еще не вступали, местные антисемиты, бывшие кузисты, железногвардейцы, жандармы приступали к расправе с евреями. Житель села Речa Страшенского района П.Т. Иову, свидетель событий тех мрачных дней, рассказал: «Когда отошли войска Красной армии, а румынско-немецкие войска еще к нам не пришли, то есть примерно 12–13 июля 1941 г., бывший жандарм нашего села Иову Федор Иванович со своим братом Иову Еремеем Ивановичем с оружием в руках арестовали семью еврея Аврамсона Буреха Абрамовича, 1875 года рождения, жителя нашего села Речa, его жену Аврамсон Хайку Семеновну, 1876 года рождения, дочь Аврамсона Суру Буреховну, 1911 года рождения, и невестку Аврамсона Суру Нухимовну, 1908 года рождения, которых доставили в с. Мартинешть Бравичского района Орхеевского уезда. Через два дня они вернулись, и нам стало известно, что эту семью отпустил немецкий офицер после того, как использовал Аврамсон Суру Буреховну. В это время в наше село пришли румыно-немецкие войска». Примерно 19 июля 1941 г. Иову Еремей Иванович и его брат Иову Федор Иванович совместно с румынским шефом поста арестовали эту семью евреев». Одновременно были арестованы 9 местных жителей села нееврейской национальности, занимавших при советской власти различные должности в селе. Всех арестованных отправили в с. Зубрешть и почти сразу выпроводили в районный центр Стрэшень. «Когда вывели из с. Зубрешть, – продолжал П.Г. Иову, – то евреев оставили позади и, когда мы стали подниматься в гору, нам были слышны выстрелы из винтовки. Тогда мы остановились и стали смотреть, было видно, как расстреливали евреев, их было 5 человек. Когда по ним стреляли, нам было слышно, как кричал старик: «Гвалт!». Произвели по ним 7 выстрелов, и некоторые из них падали в балку, а нас пригнали в с. Стрэшень...». Один из арестованных – Г.В. Коробчанов – сообщил, что расстреливал евреев конвоир Молотика Николай, после этого «подошли два молодых парня с румынским шефом поста и стали забирать еврейские вещи и раздевали трупы»[368].

Куда более масштабно поработали пособники фашистов из села Чучулень того же Стрэшенского района. Об их «ратных» делах мы узнаем из показаний жительницы этого села Сарры Прокопец-Фердман, пережившей ужасы Катастрофы. Ее семья снимала квартиру у местной жительницы Н.П. Ешковой, жили бедно, своего дома не было.

6 июля, в 2 часа дня, в квартиру семьи Прокопец в сопровождении трех незнакомых человек вошел местный житель Кирияк Николай Онуфриевич. Кроме Сарры, в квартире в это время находилась и ее мать Прокопец Хова Яковлевна, сестра Либерман Клара Семеновна и подруга Готман Мотя Мойсеевна. Кирияк потребовал от жильцов покинуть помещение, ничего не взяв с собой, при этом, обращаясь к Сарре, издевательски сказал: «Ты одевала наших девчат к свадьбе, а теперь мы тебя оденем». Готман Мотя спросила новых блюстителей порядка: «Какой мы вам сделали вред, что вы нас забираете?». На что Кирияк ответил ей: «Мой отец вроде тоже не делал, а его выслали» (по-видимому, во время советской депортации накануне войны). Когда женщин вывели из дома, дочь Н.П. Ешковой Маруся заперла дверь квартиры Прокопец своим замком, а их привели в сарай, который был расположен в центре села. В нем уже было 130 человек, арестованных новыми румынскими властями и их местными пособниками. «В этом сарае находились, – пишет Прокопец-Фердман, – Фердманы – 12 человек; Койфманы – 3; Польские – 10; Бронштейны – 5; Буденские – 4; Дубинштейны – 4; Коганы – 4; Зельцеры – 2; Оксманы – 4; Вайнштоки – 4; Койфманы — 2; Мишуресы – 2; Шапошни-

ки – 6; Ульманы – 2; Фридманы – 2 человека из Дрэгушень-Ной и ряд других, фамилии которых не помню. Кроме жителей нашего села, были еще семьи из Ниспоренского района, семья Цельникова – 5 человек, Вайнштока – 4 и Эподеньманова – 2 человека. До привода меня в этот сарай из него вывели 4 человека и расстреляли около мельницы, а именно: Вайншток, 49 лет; Колд Шмиль, 45 лет; Колд Янкель, 18 лет; Фурман Этя, 35 лет. Эти люди были расстреляны в день, когда меня посадили в сарай... В этот момент заходят в сарай солдаты с веревками и стали рассматривать балки на потолке и сказали: «Вас будем вешать, а пуль на вас жалко тратить». После пришли два солдата и приказали собраться девушкам. Нас было 16 девушек, в том числе и я. Нас повели, и за нами пошел Андротатикэ Николай и ряд других (местных жителей – *И. Л.*), я их (фамилии – *И. Л.*) не помню. Девушка Бронштейн спросила: «Дядя Николай, куда нас ведут?». Он ответил, смеясь: «Немного поиграются с вами, а потом убьют к черту». Андротатикэ говорил солдатам: «Ребята, вы выбирайте заранее». Один солдат остался охранять нас, а другой пошел посмотреть, что делают начальники. Оказывается, начальники были возле нас и прогнали солдат от нас, а Андротатикэ и другие шли за нами ради любопытства и, тоже использовав нас, отправили обратно в сарай. Подошел один пьяный и начал кричать: «Что с ними возиться, надо сарай поджечь», но ушел, не выполнив своих угроз.

В сарае нас охраняли местные жители Викетин Похосала, Рошка Константин, Андронник Николай и еще русский парень, фамилию его не помню, он бросил винтовку и убежал, не желая нас охранять.

12 июля 1941 г. был национальный еврейский праздник, все люди помолились и надеялись на улучшение нашего положения. В 6 с половиной вечера неожиданно появились румыны, они приехали на лошадях, с шумом открыли дверь, один встал в дверях и скомандовал: «Выходить по два человека во двор, но мы боялись, что нас перестреляют, и не вышли. Тогда солдат снял автомат и дал две очереди по нас. Все от ужаса закричали, вследствие чего было много убитых и раненых. Но вдруг солдат крикнул: «Идут русские воины». Солдаты стали удирать, и как раз подошла Красная армия и освободила нас.

В сарае остались убитые, например: Либерман Шапса, 82 года; Мойсей Аранович, 82 года; Ульман Нахмен, 36 лет; Охман Эстер, 30 лет; Коган Хаим, 28 лет; двое детей Боряк Херш, 5 лет; Шухман Эстер, 3 года; Ваин, 42 года, и его маленькая дочь, 7 лет; Фердман Ольга, 35 лет; Польский Герц, 63 года, и его жена, 60 лет; Уницкер Клара, 5 человек, они приехали из Лэврень; Дунештейн Срул, 80 лет, и его сын, 35 лет, и жена Неха, 70 лет. Кроме того, осталось 12 человек тяжело раненых, как, например, Шухман, 37 лет; Фридман Хая, 18 лет, остальных не помню фамилий.

Всех этих раненых перенесли в больницу, но потом, как говорили люди, когда пришли немцы, их вынесли на улицу, расстреляли и похоронили во дворе больницы». Свои показания Сарра Прокопец-Фердман в присутствии комиссии подписала[369].

В конце 1944 г. комиссия по расследованию злодеяний фашистов в с. Чучулень Стрэшенского района раскопала 4 могилы, в которых был захоронен 61 еврей, их расстреляли в период с 5 по 15 июля 1941 г. Среди убитых обнаружено: стариков – 24, женщин – 17 и детей – 9. В акте комиссии, на основе заявления свидетелей, отмечается, что «расстрелы мирных граждан были произведены в мельничном сарае, после чего трупы были вывезены к могилам и частично расстрелы имели место у самих могил»[370].

В середине июля 1941 г. бои развернулись в окрестностях Кишинева – столицы Молдавской ССР. Упомянутый Мариан Мишель, уроженец Бухареста, который в это время находился в городе и благодаря смуглости лица и хорошему знанию румынского языка сумел скрыть свое еврейское происхождение и даже сходил за румына, благодаря

чему довольно свободно передвигался по городу, впоследствии рассказывал: «13 июля 1941 г. последний советский солдат покинул Кишинев, предварительно они заминировали все здания общественного назначения, склады и большие магазины товаров широкого потребления. В течение трех дней город был ничейным. Время от времени какой-то дом взлетал, ибо люди в поисках продовольствия приводили в действие мины. Над нами днем и ночью взрывались снаряды, и мы старались угадать, откуда они летят, румынские они или русские[371].

Утром 16 июля первые румынские танки появились на улицах Кишинева, стремясь медленно прощупать территорию, а за ними вступили и другие части»[372]. В такой обстановке 14–15 июля многие евреи покидали свои дома, квартиры и все свое добро, с котомками, детьми на руках бежали из города, взяв курс в сторону Днестра.

К вечеру 16 июля немецко-румынские войска полностью заняли Кишинев. «Город, – отмечено в румынском документе, – отражал в целом общий вид переживаемой трагедии. На каждом шагу дымящиеся руины, улицы усеяны трупами людей и животных, банды бездельников, как воронье на падаль, грабили...»[373].

С первого дня вступления фашистских войск в городе начались убийства евреев. «Перепуганные евреи, – пишет Мариан Мишель, – попрятались на чердаках, в погребах, запирались в домах. Румынские солдаты убивали евреев, где только находили их, убивали только из удовольствия, а местное население (имеются в виду местные антисемиты – *И. Л.*) в целях грабежа указывало им места. В тот же день были собраны случайно встреченные евреи и вывезены за город. Возникла неописуемая паника. Полагали, что они будут убиты. Вспоминаю рыжеволосую девушку, в прошлые годы играла в Бухаресте в театре на языке идиш, ее звали Миралэ Кац. Тогда ей было, думаю, 16 лет, и со своей семьей жила с нами по соседству. Она пришла ко мне и громко рыдала: «Мариан, мою мать и брата забрали, что мне делать?». Я пытался ее утешить, но сам же был перепуган... В тот же первый день румынской оккупации, к вечеру, все собранные евреи были отпущены и они возвратились в свои дома, большинство последних уже были ограблены. На второй день убийства возобновились с самого утра»[374].

Вместе с румынскими грабителями и головорезами за дело взялись прибывшие почти одновременно с войсками эсэсовцы и гестаповцы зондеркоманды 11 «А» во главе со штурмбанфюрером СС Цаппом (Zapp) из айнзацгруппы «Д» Олендорфа.

Очевидец И.Л. Бараш рассказывал: «Когда немцы вошли в город, в тот же вечер был налет советской авиации, на второй день, в знак отмщения, немцы собрали всех евреев того района (подвергшегося налету – *И. Л.*), отправили их в гестапо, которое помещалось по Садовой улице в здании третьей гимназии (в 1940–1941 гг. корпус сельскохозяйственного института – *И. Л.*) и расстреляли каждого пятого человека»[375]. В течение 19–20 июля 1941 г. в саду сельскохозяйственного института по ул. Садовой, 119 было уничтожено 400 евреев. Свидетельница В.И. Маркова сообщила комиссии по расследованию зверств фашистов в г. Кишиневе: «Они (гитлеровцы – *И. Л.*) установили пулеметы, построили в ряды людей и далеко был слышен душераздирающий крик взрослых и детей. Я видела детей в возрасте от 6 до 10 лет и детей на руках у матерей». В.И. Маркова рассказала, что перед расстрелом «обреченные сами копали себе ямы», раненых добивали «отдельными выстрелами», многих «закапывали полуживыми». В рапорте № 45 айнзацгруппы «Д» об этой кровавой акции в исполнении айнзацкоманды 11 «А» в Кишиневе сказано: «Ликвидирован 551 еврей, в том числе 151 за участие в актах саботажа, 400 в порядке репрессалий за нападение на немецкий медицинский автобус и подачу световых сигналов красной авиации»[376].

В присутствии членов комиссии 26 октября 1944 г. была произведена эксгумация трупов расстрелянных на ул. Садовой, 119. В составленном акте отмечается, что

«в яме, размером 6х6 метров и глубиной в 3 метра находится многочисленное количество скелетов, наброшенных в беспорядке...»[377].

К числу коммунистов и подозрительных эсэсовцы причисляли известных в городе сионистов, раввинов, любого активного деятеля еврейских организаций. Активный член сионистского движения Эзра Дубинский рассказывал: «В нашу квартиру ворвались 6 гестаповцев. Они орали: «Юден хераус». Во дворе всех поставили лицом к стенке с поднятыми руками. Среди нас был секретарь еврейского земельного фонда Иссер Рабинович. Его избили и увели».

Больного раввина Полинковского, который был председателем «Мизрахим» в городе, подняли с кровати и заставили бежать по улице голым. Жену Полинковского вместе с другими раввинами и их женами заперли в одном из домов. После того, как подвергли различным пыткам, их расстреляли.

Известную в Кишиневе пианистку Лиду Киблис гитлеровцы убили на глазах членов ее семьи. Потерявших при этом сознание родителей Лиды палачи добили прикладами[378].

Одновременно полным ходом проводилась «этническая чистка» в селах Кишиневского района. В селе Рэзень первый шаг сделала сопровождавшая регулярную армию полевая жандармерия, она арестовала все мужское еврейское население и через 3–4 дня передала их прибывшим территориальным жандармам во главе с шефом поста Попеску Штефаном, занимавшим этот пост и до июня 1940 г. Он, хорошо знавший всех евреев села, вместе со своими подчиненными – Мафтей, Вибру, Драгич, Нягуш, Флоря, прихватив женщин и детей, в июле расстрелял всех за селом. Часть евреев с. Рэзень, которая эвакуировалась и по разным причинам задержалась в пути, как было установлено после войны, была застигнута немецкими и румынскими войсками в с. Ишепталь Бендерского уезда и там уничтожена[379].

В с. Пухой Кишиневского района жандармы во главе с плутоньером Драготеску Василе арестовали и продержали у себя 21 еврея целую неделю. 28 июля 1941 г. они были зверски убиты за селом Пухой, примерно на расстоянии одного километра, в виноградниках, где заранее была подготовлена яма[380].

В селе Малкоч жила еврейская семья Ицкович: отец Мойсей (60 лет), его жена Хая (60 лет), их дочери Рахиль (40 лет), Анна (25 лет), Эстер, у последней был двухмесячный ребенок Михаил. Их всех расстреляли. Такая же участь постигла семью Гамбург в составе двух пожилых людей, проживавшую на хуторе около с. Суручень, которые были уничтожены по приказу шефа поста Викару Константина в лесу, за Сурученским монастырем, и там же их закопали[381].

В непосредственной близости от Кишинева находятся села Яловены. Дурлешты. Бачой и др. В послевоенные годы они заметно разрослись. Варварские налеты фашистской авиации на молдавскую столицу удручающе действовали и на жителей этих сел. Многие евреи покинули их и устремились на восток. В Яловенах в лапах фашистских бандитов оказались десять евреев. Часть была уничтожена в самом селе, другая часть – за селом, в поле. Свидетель И.В. Плэмэдялэ рассказал, что четыре еврея были расстреляны у него во дворе и похоронены «около речки в одной яме»[382].

В с. Дурлешты были схвачены и заперты в погребе две семьи, где их продержали семь дней, а затем всех девять человек вывели на окраину села, возле шоссейной дороги, ведущей в сторону Стрэшень и расстреляли. Руководил убийством шеф жандармов А. Рошка[383].

Заняв Кишинев, немецкие и румынские войска устремились к Днестру и заняли районный центр Вадул-луй-Водэ и входившие в состав района села. В самих Вадул-луй-Водэ фашисты расстреляли 7 местных евреев[384]. 26 человек, жителей с. Мэлэешть,

они вывели на берег Днестра, расстреляли и трупы бросили в Днестр. Среди убитых были женщины и дети в возрасте от 3-х до 12 лет[385]. Молдаванин Гросу Дмитрий из с. Дубэсарий-Векь показал: «Когда я пас корову, увидел, что снизу с села немцы ведут 6 человек мирных жителей, построенных по 3 человека, со связанными друг к другу руками и за ними следом шли 2 немецких солдата. Привели на 50 метров от меня и скомандовали им ложиться. Они легли лицом к земле. Один солдат отошел в сторону на дорогу и наблюдал со стороны, а другой из автомата выпустил две очереди, и граждане, лежавшие на земле, застонали, и солдаты их затем бросили в поле и пошли в село».

Далее в документе комиссии сказано: «Оккупанты, задержав 4-х граждан, их также расстреляли: гражданку Ройзен Сару Давидовну расстреляли на берегу Днестра, Ицковича Мойсея Шулимовича и его жену Ицкович Анну отвели к селу Балабанешть и расстреляли в поле и гражданку Колитба Евдокию Ивановну расстреляли у нее во дворе»[386].

Ведя арьергардные бои, части 9-й советской армии закончили переправу на восточный берег Днестра в районе Бендер и несколько южнее к утру 22 июля. Как явствует из «Объявления» румынского командования от 1 сентября 1941 г., в связи с обстрелом «советскими партизанами» колонны румынских войск по дороге в Бендеры (Тигина) из числа лиц, «доказанными подозрительными и советскими партизанами», было расстреляно по 5 жителей следующих сел: Броаска, Сынжера, Мерень-Гарэ, Кетросу пе Бык, Кетросу Нямц, Тодирешть, Кирка, Цынцэрень, Соколень, Сопрания, Албеница, Анений Ной, Анений Векь, Булбоака, Рэшкань, Гутилешть и Калфа. Кроме того, сказано в «Объявлении», из указанных сел взяты заложники, отвечающие своей жизнью за повторение подобных действий. В документе не приводятся фамилии и национальность расстрелянных[387].

В акте комиссии по расследованию фашистских зверств в Бульбокском районе Бендерского уезда отмечается, что в с. Джамэнэ под руководством шефа жандармского поста Грипп были уничтожены 14 евреев, а в с. Шерпень, в лесу, что по пути к станции Спея, были прикончены евреи Авербух Сухер и его жена Авербух Рива в возрасте 62–65 лет[388].

В селе Кэрбуна Кайнарского района Бендерского уезда шеф жандармского поста Мустерец Георге в сопровождении четверых солдат арестовал 7 евреев и одного крестьянина-молдаванина Балана Михаила (60 лет). О том, что произошло дальше, рассказал житель с. Кэрбуна И.К. Чебан. Мустерец Георге приказал ему пригнать своих лошадей с повозкой для отправки евреев на станцию Злоть. Последним было сказано, что им следует захватить питание на 10 дней. За линией железной дороги у ст. Злоть Чебану «предложили снять продукты с повозки и возвратиться домой», что он и сделал. Далее он сообщил: «Как только я отъехал около 1,5 км, услышал выстрелы из винтовок и автоматов, а через несколько часов я узнал, что всех 8 человек румынские солдаты расстреляли». Расстрел этих людей подтвердили жители с. Кэрбуна В.И. Крецу и А.Г. Стришку[389]. 24 июля 1941 г. румынские карательные органы из с. Талмаз Кэушанского района привели 26 человек в район с. Ермоклия, в 200-х метрах восточнее села, возле мельницы, их расстреляли. Убитых закопали в саду гражданина Донец Нестора. Поскольку они были зарыты неглубоко и разлагающиеся трупы распространяли зловонный запах на всю округу, трупы по истечении 3-х суток перевезли и закопали в общей могиле севернее с. Ермоклия, на расстоянии 3-х километров от села. Среди убитых – 13 мужчин, 10 женщин, 3 детей в возрасте 2-х, 12 и 13 лет[390].

23 еврея были в июле 1941 г. арестованы и расстреляны жандармами во главе с шефом поста Тома Сава в с. Копанка Бендерского района, среди них были дети и пожилые люди[391].

В самом уездном городе Бендеры, где рядом проходит мост через Днестр, большинство евреев переправились на левый берег реки и отправились в тыл. Сам город с его узловой станцией и рядом проходившим мостом подвергался постоянным налетам немецкой авиации с первого часа войны. Но и здесь кое-кто из евреев его не покинул и стал жертвой фашистского разгула. В конце марта 1945 г. в районе Бендерской крепости, во рву, было обнаружено при раскопке одной могилы 58 трупов расстрелянных в 1941 г., в том числе 28 женских трупов, 22 мужских и 8 детских. Расстрелы производились и в самом городе, в пригороде Кавказ. Орудовавшая в Бендерах айнзацкоманда 11 «В» вела свой счет: 7 августа 1941 г. она доложила, что «в порядке репрессалий она ликвидировала 155 евреев», якобы сигнализировавших Красной армии[392].

Как уже отмечалось, бои в южных районах Молдавской ССР и в Измаильской области затянулись почти до конца июля. На этом участке фронта до 18 июля, то есть до получения приказа об отходе, войска 4-й румынской армии безуспешно пытались прорвать оборону 14-го советского стрелкового корпуса. Переправу на левый берег Днестра на юге Бессарабии части 9-й армии закончили 26 июля 1941 г.

Припрутские пограничные города Леово, Кагул, подвергшиеся артиллерийскому обстрелу с первого дня войны, заметно пострадали, населения здесь поубавилось. Евреев на юге Бессарабии, по сравнению с северными и центральными районами, было всегда значительно меньше. Положение на южном участке бессарабского участка фронта предоставило им больше времени для эвакуации.

В районном центре Леово накануне войны проживало 360 еврейских семей (1558 человек). Какая-то часть успела эвакуироваться, основная масса застряла в городе или в окрестных селах. Когда немецко-румынские войска заняли Леовский район, по распоряжению подполковника 7-го румынского пограничного отряда Мунтяна Петру все оставшееся еврейское население в Леово было арестовано, выселено из города и направлено в сторону Кишинева. В пути, за село Стрэшень, по указанию того же Мунтяна 55 человек, которые в силу слабости и преклонного возраста передвигались с трудом, были расстреляны. Это были евреи из разных мест, не успевшие эвакуироваться. Из 55 человек 20 человек были убиты в северной части села, в 500 метрах от Сэрэцень, остальные – в восточной части, в 250 метрах от села. К убийству подполковник привлек 30 солдат. Трупы долгое время не были закопаны, а потом покрыты тонким слоем земли[393].

В селах Бештемак, Казанжик и Ново-Сэрэцика «еврейский вопрос» решал 2-й румынский пограничный отряд под командованием капитана Виктора Болэнеску. В этих селах было арестовано 210 человек, из них расстреляно на месте 10 человек. В селе Казанжик, в северной части, в 300 метрах от населенного пункта, были убиты Маркович Яков (78 лет) и его жена Маркович Молка (в таком же возрасте), в селе Бештемак за селом, в восточной части, уничтожены были 7 человек – женщины с тремя детьми, остальные престарелые мужчины,[394] в селе Ново-Сэрэцика, на южной окраине села, был убит секретарь сельского совета Вейгман Иосиф Михайлович[395]. В расстрелах вместе с капитаном Болэнеску участвовали офицеры его части Георге Станкулец, Ион Ионеску. По распоряжению капитана из арестованных были отобраны 8 красивых девушек, которых отвели в поселок Селиште, недалеко от Казанжик, где в свободном доме местного священника двое суток офицеры Болэнеску, Станкулеску и Ионеску насиловали их[396].

Как явствует из актов комиссии, оставшиеся в живых евреев угнали «по направлению г. Кишинева»[397].

Путь для евреев южных районов Бессарабии для переправы через Днестр в Бендерах лежал мимо молдавских местечек Чимишлия, Тараклия. В м. Чимишлия Бендерского уезда фашистские палачи арестовали 86 человек, в том числе 82 еврея, среди

них было много детей, женщин, стариков. В акте комиссии Чимишлийского района по расследованию фашистских злодеяний отмечается: «Эти беззащитные люди были пригнаны в село Чимишлия из города Комрата и других сел Бендерского уезда Молдавской СССР. Одна группа расстреляна в августе 1941 г. в 11 часов ночи около ветряной мельницы в количестве 27 человек; вторая группа в количестве 41 человека на шоссейной дороге по пути следования к железнодорожной станции Скиноаса (Чимишлия) в количестве 18 человек». Далее в акте сказано, что перед расстрелом фашистские палачи «свои жертвы связали колючей проволокой и трупы 3 дня не предавались земле, представляя перед народом ужасающее кровавое зрелище». Одному мужчине удалось избежать расстрела. Он был схвачен шефом поста Бука и убит, труп закопали вблизи от школы. Нашлись охотники наживы среди учителей, которые откопали его, вытащили золотые коронки и продали их на базаре. Среди уничтоженных евреев была известная и уважаемая жителями района врач-хирург Чимишлийской больницы Цвабиль Екатерина Натановна, которая делала самые сложные операции и вернула к жизни много сельчан.

Об издевательствах блюстителей фашистских порядков над беззащитными евреями сообщил житель села Тараклия Г.А. Ковач. Он писал в своих показаниях: «27 июля 1941 г. во двор моего дома пришли 2-3 семьи евреев и просили меня оказать им помощь скрыться от преследования румынской армии. В числе этих 12 евреев был знакомый мне местный еврей по фамилии Голденберг Бернард. Остальных евреев не знал, просьбу я их удовлетворил, разрешил разместиться в отдельной комнате дома. Но через 2–3 часа я от местного населения узнал, что румынские солдаты разыскивают евреев». «Вследствие боязни ответственности, – откровенно признался Г.А. Ковач, – потребовал от евреев освободить мой дом, одновременно, по их просьбе, решил провести через речку в сады». Далее он рассказал: «На окраине села Тараклия два румынских солдата, оба вооруженные винтовками и гранатами, после задержания и нанесения всем евреям побоев стали конвоировать их в Тараклийскую примарию. В пути следования продолжали избиение, причем к тому времени в примарии уже находились 4 еврея, из них одна молодая женщина была избита до потери сознания румынскими солдатами. Таким образом, в этот день в примарии было собрано 16 человек евреев, с ними же за сокрытие был задержан и я, итого 17 человек.

Через несколько часов из Тараклийской примарии под конвоем этих же двух солдат, фамилии которых я не знаю, 15 евреев и я шестнадцатый были направлены в село Чийшия Измаильской области, в расстоянии 12 км от Тараклии. В пути следования от причиненных побоев и престарелости еврей Гольденберг идти не мог, а поэтому, не доходя одного километра до села Чийшия, Гольденберга из винтовок на моих глазах и всех присутствующих расстреляли, и на месте расстрела он был оставлен. Кто именно впоследствии хоронил, не знаю. А женщина, которая была избита в Тараклийской примарии, двигаться не могла, поэтому была оставлена на месте, какова ее судьба мне неизвестно, так как с того времени я ее не видел. Меня не освобождали, я бежал из села Чийшия во время охраны нас в погребе, где к тому времени эти 15 евреев оставались в измученном состоянии от побоев, какова их судьба впоследствии я не знаю»[398].

Еще в ходе военных действий в июле 1941 г. началась расправа с евреями Романовского района Бендерского уезда. В самом районном центре передовые части фашистских войск арестовали 22 еврея, подвергли их пыткам, а затем расстреляли. 9 человек были убиты у дома местного жителя П.И. Киба, несколько у дома Т. Шергуцы. Согласно показаниям свидетелей, среди расстрелянных были: семья заведующего местной аптекой Манданника, учительница Опентлихер и двое ее детей, врач Байканский и его сыновья, семья Буровик и другие еврейские семьи[399].

В с. Волонтировка Бендерского уезда передовыми частями румынской армии в июле 1941 г. были арестованы 14 евреев и советских активистов из числа местных жителей других национальностей. В момент ареста и допросов их подвергли зверским избиениям и пыткам, кое-кому отрезали уши. После жестокой расправы они были расстреляны из пулемета румынскими солдатами на северной окраине с. Волонтировка, возле местной бойни и конского кладбища[400]. В селе Стурзень Волонтировского района фашистские бандиты убили молодую учительницу Коган Лиду Шмиловну: ей было всего 18 лет[401].

В селе Олонешты, на крайней южной точке Бендерского уезда «хозяйничал плутоньер» Кисто Лука. Под его руководством было арестовано 15 еврейских семей и 5 советских активистов из числа жителей других национальностей. Двух активистов после зверских мучительных пыток повесили на кресте. Остальных в пути следования из Олонешт в Белгород-Днестровский (Четатя Албэ) расстреляли. По этой же дороге были убиты две еврейские семьи из села Карахасань. В с. Паланка румынская полевая жандармерия расстреляла две еврейские семьи, восемь человек[402].

В селе Баймаклия Кагульского уезда местом для расстрела евреев фашистские палачи избрали погреба в домах самих евреев. Из погреба дома Мойсея Шварца комиссия извлекла 7 трупов убитых в июле 1941 г., из погреба Гольда Хаима – трупы его и его жены. Среди 7 трупов удалось опознать стариков Шлоймана Зониса, 80 лет, Лейба Доскана, 90 лет, Липы Каца, 90 лет. Имена четырех женщин преклонного возраста комиссии установить не удалось в связи с тем, что «трупы, как сказано в акте, были разложены до неузнаваемости». В акте также отмечается, что «физически здоровая молодежь из еврейского населения» с. Баймаклия в количестве 25 человек была угнана немцами по направлению Кангазского района. Их дальнейшая участь неизвестна[403].

В населенном пункте Чадыр-Лунга, который находится на самом юге Молдавии, 24 июля 1941 г. румынский офицер с тремя солдатами арестовал 6 женщин, их вывели за село с юго-восточной стороны и между ветряными мельницами расстреляли, тут же зарыли в землю[404].

В селе Беш-Гиоз Чадыр-Лунгского района жила семья: Будник Ицик Беркович (1886 г. р.) и его жена Будник Чарна (1886 г. р.). Их сын Будник Мотя в 1940–1941 гг., при советской власти, работал заведующим клубом в селе Жолтай. 28 июля передовая часть фашистских войск схватила его на краю села Жолтай и расстреляла. Спустя несколько дней наступила очередь его родителей и сестер: Софии (1918 г. р.), Молки (1920 г. р.) и Цили (1925 г. р.). Палачи пожалели патроны, их повесили кого в доме, кого в сарае. Житель с. Беш-Гиоз М.К. Каляжи по приказанию румынских военных властей зарыл их в землю[405].

В г. Комрат в июле 1941 г. румынская часть захватила 5 евреев-мужчин, их повели за реку Ялпуг, расстреляли во рву и там же закопали[406].

В многонациональной Измаильской области Украинской ССР (в этом крае жили молдаване, украинцы, русские, болгары, гагаузы, армяне, греки, поляки, чехи, французы, швейцарцы, до осени 1940 г. также около 100 000 немцев, репатриированных в Германию), образованной в 1940 г. при советской власти, удельный вес евреев был сравнительно невелик. В конце XIX в. в Аккерманском и Измаильском уездах, согласно переписи населения 1897 г., проживало 24 000 евреев, большая часть была сконцентрирована в городах: Аккермане (Четатя Албэ, Белгород-Днестровский) – 5573 (19,7 % городского населения), Измаиле – 2786 (12,3 %), Болграде – 1199 (9,7 %), Рени – 730 (10,5 %). При румынской администрации в 1918–1940 гг. число евреев в этих южных уездах Бессарабии, примыкающих к Дунаю, как и в области в целом, несколько уменьшилось. Согласно переписи населения 1930 г., в Аккермане проживало 3979 (11,5 %) евреев, в

Измаиле – 1435 (5,7 %), Новой Килии – 1885 (11 %), Болграде – 1185 (8,3 %), Рени – 975 (8,2 %). В 1940–1941 гг. численность еврейского населения при советской власти несколько возросла за счет возвращенцев из Румынии и прибывших из других мест Советского Союза. Но, как и в других частях Бессарабии, не обошлось без арестов и высылок определенного числа евреев органами НКВД. Большая часть евреев, которым удалось в первые недели войны перебраться через Днестр и Днестровский лиман, осела и осталась в осажденной Одессе.

Ввиду того, что бои на юге Бессарабии затянулись до середины 20-х чисел июля, первая волна расстрелов еврейского населения прошла в конце июля – первой половине августа 1941 г. Счет, как и везде, открыли передовые воинские части, за ними последовали жандармы. Три уездных жандармских легиона – Аккермана, Измаила. Килии – в преддверии войны прошли, как уже отмечалось, инструктаж в румынском городе Галац, перед командным составом выступал сам руководитель всерумынской жандармерии генерал Пики Василиу. Вооруженные указаниями высокого начальства, фашистские молодчики взялись за дело. Жандармы Аккерманского легиона, возглавляемые майором Джорджеску Мирчей, собрали сельских евреев в количестве около 360 человек и заперли их под охраной плутоньера Смарандаке в синагоге села Байрамча. Немного подержав их, ликвидировали[407].

Зная о расправе фашистских орд с евреями на оккупированных территориях, евреи г. Аккермана при вступлении румынских войск попрятались кто где, но при помощи своих сообщников полицейские и жандармы быстро обнаружили их и собрали под строгой охраной в синагогах города. Многие законопослушные евреи, подчиняясь требованиям новых властей, сами явились в полицию для регистрации, но домой уже не возвратились. После сбора всех евреев командир охранной роты капитан Окишор Александру, уроженец с. Крохмезь Аккерманского уезда, обошел еврейские квартиры и увез награбленное добро. В доме еврея Давида Арбид Окишор обнаружил в постели больную престарелую мать Давида и собственноручно застрелил ее. На одной из улиц города Окишор убил двух дочерей врача Бедного. Жители Аккермана тайком называли этого капитана палачом. Во дворе префектуры полиции по обвинению в «коммунизме» был убит престарелый врач Фейгин. Предварительно с него стянули одежду и обувь. Очевидец архитектор В. Анджелор, побывавший в кабинете Окишора, рассказал, что последний пользовался дорогостоящей серебряной посудой, награбленной у евреев, сам капитан хвастал, что за городом он участвовал в истреблении «около 2800 евреев»[408].

Покончив с ограблением еврейских домов, Окишор и его команда стали отнимать все ценное, что прихватили с собой евреи, запертые в синагогах города. Людей вывозили группами по 30–40 человек и во дворе, где размещался расстрельный взвод, после краткого допроса и под видом того, что их отправляют в лагерь, выводили за город и рядом с армянским кладбищем, недалеко от каменного карьера, расстреливали. В расстрельной команде были и 15 пограничников 2-го батальона 5-го пограничного полка[409]. Подтверждения этих злодеяний и грабежей содержатся в показаниях перед следственными органами бывшего комиссара полиции Аккермана Димитриу, упомянутого жандармского плутоньера Смарандаке Думитру и др. Они указали на участие в преступлениях коменданта гарнизона майора Дрэган Вирджилия, плутоньера Олтяну С. Марин, представителя Специальной службы информации Олтяну Хории. Последний вместе с Окишором участвовал в присвоении ценностей, отнятых у жертв. Плутоньер Смарандаке был свидетелем того, как четыре еврея, отпущенных им для закупки у крестьян продовольствия узникам, были расстреляны Окишором, а майор Дрэган за данное евреям разрешение покинуть синагогу строго наказал плутоньера.

Некоторые офицеры силовых структур, участвовавших в решении «еврейского вопроса», сознавая преступный характер этих деяний, стремились заручиться письменными приказами вышестоящих начальников, чтобы иметь оправдание на случай, если события примут другой оборот и придется держать ответ за убийство людей. Правда, таких офицеров в 1941 г. было мало. Капитан запаса Михэйлеску Олимпиу на время отсутствия командира Аккерманского жандармского легиона майора Джорджеску Мирчи замещал его в этой должности. На требование майора Дрэгана о передаче ему евреев, содержавшихся в синагогах, Михэйлеску потребовал от него оформленные по всем правилам документы о приеме евреев. Это вызвало возмущение полковника Петалэ Марчела, специально прибывшего накануне в Аккерман для решения «еврейского вопроса». Чем все это кончилось, уже известно: 2 дня продолжалось истребление евреев[410]. Во время следствия по делу о расстреле евреев в Аккермане подследственные взваливали вину друг на друга, Окишор вообще всю ответственность за убийства евреев возложил на побывавшую в городе немецкую часть.

В объявленном после войны розыске командира Килийского жандармского легиона подполковника Михалаке Атанасие сказано, что он привлекается к ответственности за «расстрел ввиду политической нетерпимости 250 жителей (неевреев – *И. Л.*), заподозренных в политической неблагонадежности, и 500 евреев»[411]. По данным государственной комиссии по расследованию зверств фашистских оккупантов, только в Татарбунарском районе было убито около 1500 человек[412].

В г. Измаиле евреев содержали в двух лагерях, многих сначала использовали на тяжелых работах, а потом ликвидировали. После войны комиссия раскопала одну из могил, в ней было обнаружено 69 разложившихся трупов мужчин и женщин.

В Рени румынские власти собрали в одной из синагог города около 300 евреев. Часть из них они расстреляли по дороге на Болград, у села Анадол (ныне Долинск), в урочище Бужорка, остальных отправили в созданное в Болграде при синагоге небольшое гетто. Над узниками этого лагеря палачи издевались, заставляли их выполнять самые тяжелые и грязные работы. Развлекаясь, жандармы надели на голову еврея Урмана ведро и били по нему молотками, пока не умертвили его, других заставляли босыми ногами прыгать на осколках стекла. Ослабевших евреев фашисты выводили группами по 20–50 человек за город и расстреливали.

Каждый палач изобретал свои способы издевательства и расправы с евреями. Плутоньер Павел Марин, начальник жандармского поста из с. Тарутино, арестовал молодого еврея. Убежденный антисемит, Марин сначала жестоко избил его, а затем привязал к столбу, на котором прикреплялся флаг во дворе жандармского поста, и так держал два дня без воды и пищи под палящим солнцем. Он же обнаружил пять евреев, которые прятались от преследования жандармов в одном большом чане из-под вина, и в этой же посудине прикончил их с помощью заостренной деревянной дубины. В селе Клястрицы (ныне Веселая Долина) Тарутинского района жила большая семья Зильберманов. Самому старшему Шлойме и его жене Этель было по 83 года. Здесь жили их сын Зильберман Аврум и его жена Сара и их дети: восьмилетняя Шейнделе и семилетняя Мэхале. Стариков и Аврума жандармы расстреляли в первые же дни оккупации, а Сару и детей увезли на телеге в неизвестном направлении к месту казни[413].

С математической точностью определить, сколько евреев Северной Буковины и Бессарабии были истреблены в черный июль 1941 г., невозможно. Людей убивали в домах и подвалах, на площадях, на окраинах городов и сел, в лесах и в поле, в садах и виноградниках, на дорогах при перегоне с одного места на другое, у переправ через Днестр и т. д. Румынские власти не были заинтересованы в том, чтобы вести учет убитых евреев и оставлять для истории следы своих преступлений, а солдаты и офице-

ры, грабившие свои жертвы и укрывавшие от государства присвоенные ими ценности, старались не докладывать начальству о числе убитых ими евреев. Айнзацгруппы, действовавшие в основном в городах, в своих секретных сводках сообщали о числе лично ими ликвидированных евреев и коммунистов. Советские государственные комиссии по расследованию злодеяний фашистов на территории Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украинской ССР своей работой, как уже отмечалось, охватили лишь часть районов и населенных пунктов, а в обобщенных цифрах не указывалась национальная принадлежность жертв геноцида. Бесспорно можно утверждать: в черном июле 1941 г. в Северной Буковине и Бессарабии фашистские головорезы и их местные сообщники истребили много, много тысяч евреев, не менее, на наш взгляд, 20–25 тысяч человек.

Жертвами фашистского террора были люди и других национальностей. Еще за несколько дней до начала войны на упомянутых совещаниях командного состава жандармских легионов, направляемых в Бессарабию и Северную Буковину, звучали требования покончить не только с евреями, но также со всеми другими «пагубными элементами» для румынского государства, от коммунистов и всех, «с усердием и любовью выполнявших различные функции при советской власти». Эти указания доводились до сведения низовых органов силовых структур и брались ими на вооружение в повседневных действиях. Шеф жандармского поста с. Грозницы Хотинского уезда, вступивший на эту должность 10 июля 1941 г., впоследствии рассказал: «Спустя 3–4 дня вызвали меня, а также всех девять шефов постов, входивших в состав секции Клишкэуць, и начальник секции объявил нам, что есть распоряжения свыше, не уточняя, от кого они исходят, очистить в этот удобный момент территорию от всего вредного для румынского государства, добавив, что эти элементы должны исчезнуть. После этого он зачитал каждому шефу поста фамилии тех, которые должны быть ликвидированы. По-видимому, эти фамилии взяты из списков советских служащих, найденных при вступлении наших войск... Мне указали на 12 лиц из двух сел. Услышав эти имена, подлежащие исчезновению, обратил внимание шефу секции, что за некоторыми из них нет никакой вины, и в какой ситуации мы окажемся, когда на второй день после их расстрела появятся семьи и спросят, куда они девались. Я сказал, что не могу так поступать». В один из июльских дней 1941 г. Ивэною Василе был вызван для получения новых указаний от руководства легиона. Капитан Опреску, заместитель начальника жандармского легиона майора Дрэгулеску Траяна (в конце войны дослужился до звания подполковника), сообщил ему о наличии приказа шефа о ликвидации «опасных подозрительных» на подведомственной легиону территории, при этом он назвал фамилии четырех учителей и нескольких бывших председателей колхозов, «подлежащих расстрелу». По словам Ивэною, он этот приказ не выполнил. Так же поступали и некоторые другие жандармы, но такие составляли редкое исключение. Большинство же шефов жандармских постов с рвением выполняли преступные приказы высокого начальства. В с. Миловэц были уничтожены 10 человек, а шеф поста из с. Большие Корлона плутоньеор Ивэнеску Петря расстрелял 7 человек, в том числе 28-летнего Леонтия Грицуника из села Котелец, 31-летнего директора школы того же села Василия Вэскана, крестьян Ерменчука, Нистора Бузалэ, Георгия Кору, Василия Яковенко. Предварительно в подвале здания жандармерии их подвергли страшным пыткам[414].

В с. Черный Потик Заставновского района Черновицкой области в июле 1941 г. оккупационные власти без суда и следствия расстреляли председателя сельского совета Самборского Ивана Петровича и его заместителя Рубчинского Иосифа Антоновича. В с. Верхне-Плоском Путиловского района с участием украинских националистов но-

вые власти уничтожили семью П.Д. Снечука в составе 8 человек, в том числе двух детей. Трупы были найдены в лесу, глаза были выколоты, уши, у женщин груди – отрезаны, отрублены пальцы и т. д. В с. Непортово Сокирянского района 28 июля 1941 г. румынские жандармы после пыток и издевательств расстреляли на Днестре председателя сельского совета В.Е. Дейбука, председателя колхоза И.Я. Трач, колхозников Г.Г. Годовец, В.Н. Бабенчук, Д.Ф. Андрух. Хоронить тела расстрелянных не разрешили, их растащили и съели собаки. В с. Глыбокое 7 июля оккупанты вывели на площадь члена сельсовета Щербан Доминику и расстреляли[415].

Такие же расправы были совершены во многих селах Бессарабии. В селе Старая Челаковка Фалештского района Молдавской ССР немецко-румынские войска убили за активное участие в жизни села жителей: П.А. Англия, Г.М. Ватрича, П.И. Талабуцэ, И.Г. Жаркутского, А.С. Чобану, последнему было всего 15 лет. В с. Новая Челаковка был расстрелян 17-летний В.И. Бурдейный только за то, что его отец был председателем сельского совета. В с. Пыржота Рышканского района Бельцкого уезда были расстреляны 11 колхозников: С.М. Харабарь, С. Воронов, М.Я. Бужак, Е.Н. Бляндур, Н.Е. Бляндур, К.Д. Унгуряну, Ф.И. Шамбра, В.Т. Гарбуз, И.Е. Бляндур, Ф.И. Бужак. В с. Кайнары солдатами 7-й румынской дивизии в июле 1941 г. были арестованы и расстреляны в Батырском лесу «подозрительные» В.Л. Бумбу, В.В. Бумбу, Н.С. Кобзаренко, Е.В. Книж, К.Л. Чебан, В.П. Бумбу, И.К. Гандрабура, Е.Ф. Урсу, Г.И. Нистор, В.Г. Фетькофеева (Федкарьева), А.А. Золюбовский, Л.А. Золюбовская[416].

Особенно много «подозрительных» и расстрелянных оказалось в Черновицкой и Измаильской областях среди так называемых «национальных меньшинств». Как уже отмечалось, только Килийский жандармский легион истребил 350 «советских активистов» нееврейской национальности, это были преимущественно русские, украинцы, болгары, гагаузы и др., причисленные к «инородцам». В Северной Буковине к «антирумынским» элементам были причислены не только «советские активисты», но особенно активизировавшиеся украинские националисты в лице бандеровцев, мельниковцев и др., добивавшиеся включения Буковины в состав «самостийного» украинского государства. Вражда между румынскими властями и украинскими националистами порою выливалась в кровавые стычки. Гитлеровцы, лелеявшие мечту включить Буковину, некогда принадлежавшую Австрийской империи, в состав Третьего рейха, всячески исподволь подогревали румыно-украинский конфликт[417].

Из приведенных примеров видно, что репрессии коснулись даже «братьев молдаван». 2 сентября румынская секретная служба докладывала: «...аресты и направления в суд некоторых румын (речь идет о бессарабских молдаванах – *И. Л.*), которые сотрудничали с советским оккупантом, приняли большой размах, некоторые жандармские посты Бессарабии с большой легкостью оформляют документы (для направления в суд – *И. Л.*)». Такое положение вызывало опасение, что «в случае продолжения арестов бессарабские села в ближайшее время останутся без крестьян». Румынский фюрер распорядился проявлять «снисходительность к румынам, которые летом 1940 года выразили свое негативное отношение к румынской армии»[418]. Оказывается, не только среди евреев были такие.

На замечание маршала губернатор К. Войкулеску отреагировал таким образом: он рекомендовал подведомственным ему органам «не переходить к необоснованным актам жестокости. Экзекуции непосредственно на жандармских постах не проводить»[419].

Таким образом, тотальной «этнической чистке», как было показано, первоначально подлежали только евреи, но тревожные настроения царили и среди других национальных меньшинств Бессарабии и Северной Буковины. Они усилились в августе-сентябре 1941 г., когда власти предприняли перепись населения и имущества. В обстановке го-

ловокружительных побед гитлеровских войск на фронтах войны в летние дни 1941 г. и разгула фашистского террора редко кто из местных жителей-неевреев Бессарабии и Северной Буковины осмеливался открыто оказывать помощь евреям, тайком же кое-кто из человеческих побуждений подбрасывал продовольствие, предупреждал евреев-соседей о предстоящем погроме, указывал места для укрытия и безопасные дороги для бегства. Но были и такие, которые с риском для жизни спасали евреев. В летние дни 1941 г. в селе Ниспорений-де-Сус Ниспоренского района румынские жандармы заперли в здании школы 50 евреев, в том числе много детей, и ушли пьянствовать. Директор школы Парамон Лозан и его супруга учительница Тамара Лозан накормили евреев, вывели из школы и указали им безопасную дорогу. Наутро жандармы расстреляли Парамона Лозан.

Другой пример. Житель села Нэпэдень Унгенского района Штефан Лазу, отец десяти детей, спас от смерти трехлетнего еврейского мальчика Рувена Китросен, его мать и сестру последней. Став примаром села, Лазу, вопреки запретам, крестил их и оформил на свою фамилию, так они выжили[420].

Основная масса населения безучастно взирала на творившиеся безобразия, старалась держаться в стороне, но немало было таких, как бывшие железногвардейцы и кузисты, махровые националисты и антисемиты, а то и просто уголовные элементы, которые сотрудничали с фашистскими властями в деле уничтожения и ограбления евреев.

Примечания

[1] Вестник. – № 3. Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей и гетто. – Черновцы, 1994. – С. 86–87 (далее: Вестник...).

[2] Сообщения Советского информбюро. – Т. I. – М., 1944. – С. 4–5, 7.

[3] Там же. – С. 17.

[4] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. – Т. I. – Кишинев, 1975. – С. 23 (далее: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне).

[5] Пасат В. Суровая правда истории. Депортация с территории Молдавской ССР 40–50 гг. – Кишинев, 1998. – С. 127.

[6] Наш голос. – 1991. – № 7.

[7] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... – С. 127–128.

[8] Вестник. – № 3. – С. 55–56.

[9] Вестник. – № 4. – Черновцы, 1995. – С. 18–19; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

[10] Вестник. – № 3. – С. 71.

[11] Вестник. – № 3. – С. 77.

[12] ГАЧО. Ф. 30. Оп. 4. Д. 198. Л. 125.

[13] The Einsatzgruppen Raports. – P.129. Подробно о расстреле евреев в Каменец-Подольском см.: Randolph L. Braham. The Kamenets Podolsk and Delividek Massacres Prelud to the Holocaust in Hungary. – Yad Vashem Studies. IX. – Ierusalim, 1973. – P. 134–142.

[14] ЦАМОР. Ф. 228. Оп. 710. Д. 28. Л. 96.

[15] Вестник. – № 1. – С. 77.

[16] Наш голос. – 1991. – № 4.

[17] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 15. Л. 31.

[18] Там же. Д. 16. Л. 10 об.

[19] Там же. Д. 25. Л. 103.

[20] Там же. Д. 21. Л. 4–5.

[21] Вестник. – № 3. – С. 87.

[22] Вестник. – № 2. – С. 27.

[23] Вестник. – № 3. – С. 74.

[24] Гальдер Ф. Военный дневник. – Т. III. – Кн. 1. – М., 1972. – С. 116.

[25] ЦАМОР. Ф. 516. Оп. 7721. Д. 4. Л. 108; Ф. 455. Оп. 3974. Д. 15. Л. 106.

[26] Вестник. – № 3. – С. 78.

[27] Вечерний Нью-Йорк. – 1998. – 22–23 апреля.

[28] Вестник. – № 1. – С. 72–73.

[29] Вестник. – № 2. – С. 28.

[30] Там же. – С. 58.

[31] Там же. – С. 33.

[32] Вестник. – № 3. – С. 18.

[33] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştri. – Bucureşti, 1996. – P. 258–259 (далее: Evreii din România...).

[34] Ibidem. – P. 260.

[35] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 7. Л. 78.

[36] Martiriul evreilor România 1940–1944. Documente şi mărturii. – Bucureşti, 1991. – P. 139 (далее: Martiriul evreilor).

[37] Evreii din România... – Vol. II. – P. 266–268.

[38] Ibidem. – P. 268, 269.

[39] Matatias Carp. Cartea Neagra. Suferinţele evreilor din România. 1940–1944. –Vol. III. – Ediţia a II-a. – 1966. – P. 96 (далее: C. N.).

[40] Ancel J. Transnistria. – II. Ed. Atlas. – Bucureşti, 1998. – P. 269.

[41] DCFRJDH. –Vol. VIII. – P. 616–617.

[42] Вестник. – № 3. – С. 17; Вестник. – № 5. – С. 62.

[43] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 304.

[44] C. N. – Vol. III. – P. 33. Среди убитых Михель Доннефельд, Галлер и два его сына, Волох, Гейних и др.

[45] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 301–303; Ancel J. The Romanian Way of Solving the «Jewich Problem» in Bessarabia and Bucovina. June–July 1941. – Yad Vashem Studies (далее: YVS). – 19. – 1988. – P. 197.

[46] Вестник. – № 2. – С. 39.

[47] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 145–147.

[48] Ibidem. C. N. – Vol. III. – P. 145–146; C. N. – Vol. III. – P. 33. Среди убитых Якоб Флейшер и его дочь. По другой версии, труп Якоба Брекера был изрезан на куски, а его кровью смазали колеса подвод.

[49] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 146–147; C. N. – Vol. III. – P. 33. В с. Чирешь среди других убитых значится семья Жунгманн.

[50] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Л. 75; C. N. – Vol. III. – P. 31. 32: Вестник. – № 1.– С. 6; Вестник. – № 5. – С. 62.

[51] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 147.

[52] Вестник. – № 4. – С. 140; ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 141. Л. 65; C. N. – Vol. III. – P. 32.

[53] Вестник. – № 4. – С. 140. Среди многих других жертвами погрома стали: Соломон Дример с невесткой Жени Дример, Мендел Шмелтзер, его жена и зять, Штернскус, Мозес Юхерман и его жена, Шмил и Леон Флейшеры, госпожа Зиглер и ее дочка-студентка, семья Фейнштейн из трех

человек, Лиебман и его жена, Пейсах Ауфлегер, служащий Зинрайх, сапожник Коблич, портной Русс, кожевник Файнгольд и его 9-летняя дочь, госпожа Мозес, Берта Ледер, семья М. Суркиса, семья Лебел (15 человек) и др. Мориц Лебел, узнав, что его жена с ребенком на руках расстреляна, повесился. 77-летнюю Зонтаг палачи обвинили в нападении на немецко-румынские войска и перед расстрелом напялили на нее патронташ и сфотографировали как «доказательство» ее виновности. Служившая при советской власти Роза Картель была тяжело ранена в своем доме, в больнице ей ампутировали обе ноги и руки. При депортации стороженецких евреев ее тащили на носилках. Она умерла в пути. Чудом оставшиеся в живых сестры Гаер свидетельствовали об уничтожении семей Курц, Рабинович, Штейнбрехер, Пронис, Драх, Клайн, Рудих, отца Гаера Мотеля и родного брата (C. N. – Vol. III. – P. 31–32; Вестник. – № 4. – С. 139–140).

[54] Вестник. – № 4.

[55] DCFRJDH. –Vol. VI. P. 425; YVS. – 19/1988. – P. 200.

[56] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 425–442.

[57] C. N. – Vol. III. – P. 34.

[58] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 429.

[59] Вестник. – № 5. – С. 59.

[60] См. DCFRJDH. – Vol. VI. В некоторых изданиях утверждается, что более 800 евреев Новоселицы были убиты в результате внезапного налета румынских войск 2 июля 1941 г. в порядке проверки степени сопротивления Красной армии на этом участке фронта (Butnaru J.C. Op. cit. – P. 296; C. N. – Vol. III. – P. 801).

[61] Нисан Пейсах. Вихри, водовороты, жизнь. – Тель-Авив, 1987. – С. 47–48. Среди расстрелянных были: Рувин Аккерман, Якоб Гринберг, Изя Гуревич, Абрам Олернер и др. Большой список погибших в этом погроме с фотографиями приводится в: Книга Новоселица–Бессарабия. – Тель-Авив, 1983. – С. 505–576 (на иврите). Из нескольких тысяч евреев местечка вернулись после войны только 600.

[62] Вестник. – № 2. – С. 13.

[63] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 430.

[64] Вестник. – № 5. – С. 141.

[65] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 429–431.

[66] Вестник. – № 5. – С. 68, 69.

[67] Там же. – С. 69; The Einsatzgruppen Raports... – P. 119.

[68] Evreii din România între anii 1940–1944. – Vol. II. – P. 386.

[69] Вестник. – № 2. – С. 59.

[70] Вестник. – № 1. – С. 23.

[71] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

[72] C. N. – Vol. III. – P. 34–35.

[73] Марк М. Воспоминания об отце. – Вестник. – № 5. – С. 80–81; Mircu M. Pogromurile din Bucovina şi Dorohoi. – Bucureşti, 1945. – P. 70–71.

[74] Вестник. – № 5. – С. 69.

[75] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

[76] Вестник. – № 5. – С. 69; The Einsatzgruppen Reports... – P. 25.

[77] The Einsatzgruppen Reports... – P. 63.

[78] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 20; Вестник. – № 1. – С. 24.

[79] Bucovina. – 1941. – 1 August.

[80] Вестник. – № 2. – С. 37.

[81] Вестник. – № 1. – С. 98–99.

[82] Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление. – Тель-Авив–Киев, 1994. – С. 38.

[83] Вестник. – № 2. – С. 23.

[84] Вестник. – № 4. – С. 65.

[85] Ioanid R. The Holocaust in Romanian. – P. 109.

[86] The Einsatzgruppen Reports... – P. 19.

[87] Ibidem. – P. 25.

[88] Вестник. – № 5. – С. 62.

[89] C. N. – Vol. III. – P. 32. В с. Ропча погибли братья Меер и Осиас Росен – брат раввина доктора Марка из Черновцов и его жена.

[90] Вестник. – № 5. – С. 59. Жертвами этой резни стали Шустер Меер и его жена, семьи Тамблеров (4 чел.), Тутнауэр (3 чел.), Вайселберг (4 чел.), Друкман.

[91] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 141. Л. 15.

[92] Там же. Л. 3.

[93] C. N. – Vol. III. – P. 33; DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 148.

[94] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 141. Л. 51.

[95] C. N. – Vol. III. – P. 33; Mircu M. Pogromurile din Bucovina Dorohoi... – P. 23–31. Среди расстрелянных в Старом Жадове Ели Шниттер и его жена. Буби Енгел и др., в Новом Жадове среди десятков убитых Мойсей Вейс и его ребенок, а также его братья Давид и Урей Вейс.

[96] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 148.

[97] YVS. 19. – P. 204.

[98] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 148.

[99] Ibidem. – P. 150. Среди убитых: Зейда Кричсман, Йойл Клугер, Арон Клугер, Арон Вурман и его сын, Берл Даубер, Зиссу Луке с женой и сыном, Хайка Дермер, Штейнбрекер и его жена и др. (C. N. – Vol. III. – P. 33).

[100] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 150; среди уничтоженных семья Мехрман из пяти человек (C. N. – Vol. III. – P. 33).

[101] C. N. – Vol. III. – P. 34.

[102] Там же.

[103] Вестник. – № 4. – С. 22.

[104] Вестник. – № 4. – С. 112.

[105] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 141. Л. 24–26.

[106] Вестник. – № 5. – С. 44.

[107] ГАЧО. Ф. Р-653. Д. 141. Л. 13. В городе были расстреляны 27 евреев по списку, составленному неким человеком по фамилии Дрэган. Среди убитых раввин Рубин, братья Шварцкопф, братья Шор, Барух Ауербах и др.

[108] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 103. Л. 25.

[109] Ioanid R. The Holocaust in Romanian. – P. 77, 100; Mircu M. Op. cit. – P. 28.

[110] Вестник. – № 4. – С. 100–101.

[111] C. N. – Vol. III. – P. 37.

[112] Вестник. – № 4. – С. 121.

[113] C. N. – Vol. III. – P. 37.

[114] ГАЧО. Ф. Р-653. Оп. 1. Д. 141. Л. 30.

[115] Вестник. – № 1. – С. 80.

[116] Вестник. – № 5. – С. 62.

[117] Вестник. – № 4. – С. 140.

[118] Вестник. – № 2. – С. 83.

[119] Вестник. – № 4. – С. 64.

[120] Вестник. – № 5. – С. 45.

[121] Там же. – С. 37–38.

[122] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 7. Л. 236.

[123] Там же. Д. 4. Оп. 1. Д. 23. Л. 63–65.

[124] Вестник. – № 4. – С. 34; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 172, 172 об. В списке расстрелянных евреев м. Липкань значатся: Кушнер Абрам Д. (1876 г. р.), Кушнер Фаня Ициковна (1878 г. р.), Лобда Аврам Маркович.

[125] В с. Берлинцы среди убитых евреев: Кошертер Ента Ароновна (1899 г. р.), Кошертер Мария Шмиловна (1930 г. р.), Шахтман С.Ф. (1904 г. р.), Шахтман С.Ф. (1904 г. р.), Шахтман Исаак Меерович (1930 г. р.), Шатир Шейндла (1899 г. р.), Вайсман Алтер Аронович (1888 г. р.), Вайсман Шендла А. (1889 г. р.), Вайсман Валько Алтерович (1912 г. р.), Шахтман Герш (1884 г. р.), Шахтман Ривка (1886 г. р.), Вайсман Фрима (1883 г. р.), Вайсман Хая Хаймовна (1914 г. р.), Аккерман Шейва (1877 г. р.), Фридман Берк Хаймович (1902 г. р.), Фридман Фейга Хаймовна (1902 г. р.), Фридман Хамил Беркович (1930 г. р.), Зайдман А. (1864 г. р.), Зайцман Рахмиль Фроймовна (44 года), Зайцман Семен Фавелович (10 лет), Гурович Аба Сухорович (43 года), Гурович Ривка (40 лет), Гурович Сема Абович (12 лет), Гурович Хаим Абович (14 лет), Гурович Урн (44 года), Гурович Лейка (38 лет) и ее ребенок (3 года), Этелес и его ребенок. – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 174–175.

[126] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 172. В Каракушеском лесу фашисты расстреляли 9 человек нееврейской национальности.

[127] Среди убитых в с. Ларга Бойштин Ицик (1892 г. р.) и его сын (1922 г. р.). – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 174.

[128] В с. Медвежа погибли от рук фашистов Берцман Нухим (1900 г. р.). Васерман Файбеш Ушерович (1895 г. р.), Якир Цви (1895 г. р.), Якир Саул Мошкович (1922 г. р.). – Там же.

[129] Вестник. – № 2. – С. 17.

[130] Там же. – С. 40.

[131] Там же. – С. 65.

[132] Среди расстрелянных и похороненных в общей могиле: Трач Идел Овшиевич (1917 г. р.), его жена Ситма Лейзеровна (1921 г. р.) и их годовалый ребенок Эстер, Гандельман Лейзер Фавишович (1926 г. р.), Мейклер Герш Мошкович (1917 г. р.), Абуляк Мендель Пинхасович (1925 г. р.), Бернштейн Исак Лейбович (1908 г. р.), Койфман Мориц Абрамович (1926 г. р.), Пекер Жан (1897 г. р.), Новак Вульф Гершкович (1925 г. р.), Новак Иосиф Гершкович (1926 г. р.), Реденский Зося Срулевич (1926 г. р.), Шнайдер Мойше Давидович (1893 г. р.), Ройтман Рубин (1919 г. р.), Ройтман Кука Цетковна (1922 г. р.). Койфман Иосиф (1865 г. р.), Бейдерман Колман Гершкович (1908 г. р.), Дорфман Герш Иосифович (1922 г. р.), Ойглан Бенямин Занвелович (1899 г. р.), Розенблат Гитля Иделовна (1903 г. р.), Найгас Занвель (1900 г. р.), Шнайдер Хаскель Шабсович (1895 г. р.), Шнайдер Неха Шабсовна (1896 г. р.), Креймер Абрам Хаймович (1884 г. р.), Креймер Бейла Хаймовна (1892 г. р.), Гриноер Сруль (1919 г. р.), Двоскис Шлема Берковна (1898 г. р.), Шварц Шмиль Симхович (1910 г. р.), Гринберг Овшия Шмилович (1924 г. р.), Шварц Сруль Овшиевич (1917 г. р.), Рябой Мойше Меерович (1875 г. р.), Паланкер Цалик Гершкович (1895 г. р.), Красильщик Азрил (1875 г. р.), Красильщик Анчель (1878 г. р.), Перель Мойше Иосифович (1877 г. р.), Перель Гитля (1880 г. р.), Перель Сруль Мойшевич (1907 г. р.), Перель Клара Мойшевна (1906 г. р.), Мастер Абрам Менделевич (1915 г. р.), Вайншенкер Мойше Шимонович (1927 г. р.), Шварцман Сруль Шимонович (1922 г. р.), Фрайфильд Мендель (1916 г. р.), Гандельман Шлема (1905 г. р.), Лыс Пейсах (1887 г. р.). – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 15–15 об.

[133] Вестник. – № 3. – С. 55–56.

[134] В могиле № 1, согласно списку, похоронены: Клейман Элик Шлеймович (75 лет), его жена Рейза Мойсеевна (70 лет), его сын Борис Эликович (30 лет), с женой Соней Мойсеевной

(28 лет) и внучкой (3 года), другой сын Абрам Эликович с женой Соней Борисовной и дети в возрасте 15, 13, 8 лет; Клейман Мола Шлемовна (28 лет) и ее сын Яша (5 лет), Клейман Израил Шлемович (70 лет), его жена Ривка (68 лет) и три дочери – Ида (27 лет), Песя (24 года), Зисла (22 года) и муж последней (25 лет), Клейман Иосиф Шлемович (60 лет) и его жена Фрейда (58 лет), Дорфман Сара Лейбовна (70 лет), Дорфман Берко Давидович (64 года), Дорфман Давид Иосифович (12 лет), Несельман Брана (58 лет), Торполар Шлема, врач (30 лет) и его жена Лиза (25 лет), учительница; Гринберг Гитла Буковна (55 лет) и ее дочери Ита Мееровна (22 года) и Квела Мееровна (20 лет). Фамилии четырех расстрелянных и сброшенных в могилу № 1 не установлены. – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 5–5 об.

[135] В могиле № 2 похоронены: семья Гринберг Арон Янкелевич (28 лет), его жена Мария Берковна (26 лет), их дочка Фрида (5 лет), семья Гру Пейси Исаковича (70 лет), его жена Ханца Ицковна (60 лет), их дети Шлема (24 года) и Берта (30 лет), Роза (3 года), семья Люгерман Туба (68 лет), Шейва (40 лет), Мария (37 лет), Макс (38 лет), Владимир (1 год), семья Трач Идель, всего 4 человека (имена не указаны, возраст – 28, 25, 5 лет), Вайсброд Павел Ицкович (48 лет) и Вайсброд Шеля (35 лет), Рофман Эстер (30 лет) и Рофман Ита (6 лет), семья Литвак Мошка (60 лет), Брана (58 лет), их дочка Ида (18 лет), Штеренберг Шейна Мойсеевна (20 лет), Минца (18 лет), Шлема (15 лет), Розенталь Мойше (70 лет), Фрайферд Шлема (30 лет) и Соня (26 лет), Вайнштейн Лейзер (32 года) и Фаня Мироновна (30 лет), Вайман Лейб Ихилович (65 лет) и Ида Зейделовна (63 года), Гольдинберг Рейза Ицковна (27 лет), Лутерман Люба (65 лет), Тополар (60 лет) и его жена, Лернер, врач из Единец (50 лет), Лернер, зубной врач, Лернер, врач из Бельц (30 лет), Канер, учитель из Коржеуц (30 лет) и его жена Соня Абрамовна (28 лет). Фамилии 55 убитых и закопанных в этой яме установить не удалось, т. к. они жители других сел. – Там же. Л. 6–6 об.

[136] В могиле № 3 похоронены: Рабинович Мойше Срулевич (66 лет) и его жена Чарна (63 года), Бабанчик Герш Янкелевич (75 лет), и его жена Лея (66 лет), семья Вайсерман Шимон Азикович (60 лет), его жена Брана Абрамовна (65 лет), их дети Мая Шимоновна (35 лет), Сруль Шимонович (40 лет), дети последнего Рейза (11 лет), Злота (9 лет), Соня (5 лет) и Шлема (1 год), семья Штеренберг Борис Эликович, его жена Маня (40 лет), их дети Минця (19 лет), Сура (15 лет), Хова (13 лет), Пиня (8 лет), Шмайсер Сара Эликовна (46 лет) и Милня Исаковна (18 лет). В могиле зарыто еще 32 человека, фамилии которых установить не удалось. – Там же. Л. 8–8 об.

[137] В могиле № 4 похоронены: Несильман Мина Мееровна (25 лет) и Сара Мееровна (22 года), Галантер Бейла Мойсеевна (32 года), а также семья из трех человек, жители г. Единец, фамилии которых не установлены. – Там же. Л. 7.

[138] Там же. Д. 16. Л. 19–21.

[139] Среди расстрелянных: Гринберг Овший Шмилович (1918 г. р.), Баран Лев Мошкович (1908 г. р.), Франфельд Мендель Аронович (1914 г. р.), Шварц Шимон Срулевич (1880 г. р.) и три его сына – Рахмил (1907 г. р.), Срул (1915 г. р.), Урен (1922 г. р.), Гандельман Шлойма (1900 г. р.), Лейзер (1900 г. р., фамилия и отчество не установлены, из Липкан). – Там же. Л. 10 об.

[140] Там же. Л. 21.

[141] Вестник. – № 1. – С. 42.

[142] Вестник. – № 2. – С. 65–66.

[143] Вестник. – № 4. – С. 49–50.

[144] Вестник. – № 2. – С. 40.

[145] Вестник. – № 3. – С. 11.

[146] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.

[147] Там же. Л. 100.

[148] Там же. Л. 4–4 об.

[149] Там же. Л. 2. Фамилии и годы рождения части евреев, расстрелянных в июле 1941 г., были установлены после войны Единецкой комиссией по расследованию злодеяний фашистов. Среди них: Штейнберг Рухля, Сегал Абрам, Лернер Шмил, Лернер Соня, Рехтман Зельман, Стельмах Абрам (1876 г. р.), Акерман Меер (1919 г. р.), Брегар Абрам (1891 г. р.), Шор Зельман (1871 г. р.), Ротшенкер Овшия (1896 г. р.), Блюнман Нухим (1901 г. р.), Герман Рухля (1891 г. р.), Акерман Идел Лейбович (1881 г. р.), Цезик Меер (1901 г. р.), Цезик Гитля (1906 г. р.), Цезик Хаим (1923 г. р.), Ройтбург Алем (1921 г. р.), Брегер Абрам (1886 г. р.), Рабух Янкель (1896 г. р.), Рабух Либа (1904 г. р.), Фишман Роза (1923 г. р.), Розенберг Ершко (1881 г. р.), Рахман Лона Иделевна (1921 г. р.), Рохман Меер (1871 г. р.), Рохман Хайрива (1866 г. р.), Вайнтруб Эстер (1901 г. р.), Вайнтруб Хана (1906 г. р.), Гурвиц Мойше Фридр (1905 г. р.), Гурвиц Герман Фридр (1913 г. р.), Гурвиц Рейзл Хуновна (1906 г. р.), Гурвиц Эстер Манковна (1935 г. р.), Гурвиц Сура Германовна (1911 г. р.), Гурвиц Маня Германовна (1909 г. р.), Айзенберг Шимон Герман (1906 г. р.), Бланк Берку (1901 г. р.), Бланк Лейб Беркович (1926 г. р.), Бланк Эстер (1921 г. р.), Бланк Пейся (1929 г. р.), Бланк Цирел (1923 г. р.), Бланк Фейга (1906 г. р.), Айзенберг Голда (1880 г. р.), Гриншпун Янкель (1901 г. р.), Гриншпун Гитель (1906 г. р.), Гриншпун Ицик (1924 г. р.), Инис Ицик (1916 г. р.), Фурман Шмил (1906 г. р.), Кац Григорий (1896 г. р.), Коверман Зельман (1919 г. р.), Арбейтман Рувин, Вайншейнкер Хаим, Вайншейнкер Пиня, Вайнман Мойше, Гарбулянский В.Л., Борогин Фейга, Диманд Мирел, Ройтман Симха, Ройтман Шейва, Едельман Герш, Розенберг Лейбиш (1890 г. р.), Шпиценецкий, Зицер Рувин Михайлович, Вайсман Мотел, Моргенштерн Арон (1895 г. р.), Глинчер Сруль, Глинчер Овшия, Койфман Давид, Пинчевский Арон, Ойзерянер Шулим, Бугман Хаим, Фукс Иосиф Ефимович, Лиивищук Шмил, Бернштейн Сема, Бернштейн Пиня, Зильберман Велвел, Нибуляк К. Беркович, Васерман Муня Симонович (1894 г. р.), Гандельман Песя, Гандельман Симон, Воленштейн Туба, Вайнштейн Азик, Бланк Мехл, Вельтман Иосиф, Радиронер Шулим, Шор Нухим, Шор Ита, Эйдельман Мейлих, Вайнер Абрам Беркович, Мейлер Иосиф, Мейлор Хуна Иделевич, Зайканский Шлема, Зазульский Борис, Зазульский Бенцион, Гузман Янку, Найман Шмил Беркович, Найман Абрам, Васерман Хаим, Шварц Мордко Сам. (1885 г. р.), Вайнштейн Герш, Гриншпун Янку, Шпицинецкий Сруль Ш., Школьник Мойше Менделевич, Горин Идел Иосифович, Корманский Эстер, Кижнер Тема, Трахтенброит Шмил, Клейман Соня, Клейман Данил, Черкес Хаим Янкелевич, Зингер Рувин, Паскал Мориц, Рабин Лида, Кац Иосиф, Кац Гитля, Кац Миша, Ливищук Шмил (1912 г. р.), Колкер Женя, Сегал Хаим, Рабинович Моня, Шустер Меер, Ройтберг Юля, Дельман Фройка, Гройсман Хуна, Гройсман Исаак, Вайншенкер Хаим, Оринштейн Роза, Ройтшенкер Овший, Шорза Зельман, Судман Моня Срулевич, Фридман Идел, Магальник Мойше, Зуберман Изя, Магальник Суля, Школьник Мойше, Гольденштейн Ханка, Лернер Берл (1857 г. р.), Шапиро Зельман, Бернер Пиня, Бернер Сема, Шварц Янкель, Шварц Арон (1921 г. р.), Шварц Фира (1914 г. р.), Шварц Хаим, Римон Велина, Габес Берко, Габес Хая, Бенцис Пиня, Кузминер Фейга, Кизер Зейдл, Клейман Шая, Коган Нахман Хаймович, Гроберман Лейб, Клерман Залман, Гутман Ихил, Койфман Мордхе, Зисер Муся Вольфович, Вайнер Абрам Беркович, Вайнер Ицик, Штейнберг Меер, Ройзенберг Герш, Кипервасер Абрам, Кипервасер Иосиф, Гуровиц Симон Ш., Котляр Иосиф Ф., Шор Нухим, Черкис Хаим, Ройзенберг Герш, Бринзенский Лейб, Розентул Герш, Ханцис Срул, Шанка Нухим, Нахоман Абрам, Клернер Шая Иделевич, Фукс Даниил, Брикман Нухим, Дондушанская Бейла, Водовоз Яхим, Дондушанский Лейб, Розенберг Герш, Вайнберг Янкель, Бройтман Сруль Зейликович, Бройтман Зельман Зейликович, Пиндик Нута, Калман Хая, Мильштейн Иосиф, Гринберг Мойше Давидович, Гринберг Мендел Давидович, Зицер Рувин, Мейклер Иосиф, Мейклер Хуна Иделевич, Вейцман Овшия Хилевич, Зазулька Беня, Зазулька Боря, Крайтман Хаим, Гройсман Хуна, Фельдман Мойше, Лернер Берку Хаймович, Толполар Шая, Толполар Соня, Толполар Сема, Фукс Рахиль Эршковна, Гройсман Ицик Хаймович, Серебреник Срул Ушерович (1902 г. р.), Стратбульский Шая Абрамович (1904 г. р.), Тандейтник Шмил, Акерман Абрам Мошкович (1879 г. р.), Элькус Сруль (1882 г. р.), Элькус Меер Срулевич (1927 г. р.), Элькус Мотел Срулевич (1914 г. р.), Брыль Мойше Янкелевич,

Клопоух Петель Абрамович, Зицер Мордхо, Бройтман Лейб, Фельдман Фройка, Герцер Фридель Шлоймовна, Шварц Абрам, Лан Герш Давид, Габес Сруль, Брейтман Давид, Кузминер Герш Ицкович (1919 г. р.), Кузминер Дора Самойловна (1914 г. р.), Кузминер Соня Гершовна (1929 г. р.), Эйдельман Герш, Фукс Хайка Ицковна, Кузминер Энкель, Фукс Исаак Янкелевич, Гаврилов Тимофей, Сойбельман Мойше (1887 г. р.), Крохмальский Бенюмен (1891 г. р.), Розенберг Мирон Янкелевич, Фукс Шимон Эликович, Черкис Янкель.

[150] Среди расстрелянных: Шерман Дорел, Гендельман Самсон, Гендельман Неся и двое детей (1929, 1931 г. р.), Кесарь Иван Васильевич. – Там же.

[151] Среди убитых приведены фамилии евреев: Фридман Иосиф, Фридман Руца Давидовна, Робух Хана Михайловна. – Там же.

[152] Там же. Установлены фамилии и годы рождения евреев, расстрелянных в с. Бурлэнешть: Вайнштейн Ицик Аронович (1906 г. р.), Вайнштейн Сура Михайловна (1909 г. р.), Вайнштейн Герш Ицкович (1939 г. р.), Рабинович Ента Исааковна (1881 г. р.), Рабинович Михаил Алтерович (1876 г. р.), Рабинович Шапса Шмилович (1888 г. р.), Рабинович Лея (1896 г. р.), Рабинович Ицик Шапсович (1927 г. р.), Рабинович Хаим Алтерович (1866 г. р.), Шехтман Рухля, Шехтман Эстер Бенюминовна (1906 г. р.), Корманский Шлойма (1906 г. р.), Корманская Хова Шлоймовна (1896 г. р.), Югиш Василий Иосифович (1894 г. р.).

[153] Среди расстрелянных числятся: Гурфинкель Давид Хаймович (1900 г. р.). Шнайдерман Зельман Лейзерович (1906 г. р.). – Там же.

[154] В с. Фэтешть убиты: Росошанский Ицик, Росошанский Гидали, Росошанский Хаскал, Росошанский Мошко. – Там же.

[155] В архивном деле имеются 25 фотографий раскопанных ям, в которых обнаружены останки расстрелянных евреев в м. Единец, селах Хлинное, Гординешть, Бурланешть, Брынзень, Старое Бадражи. – Там же. Л. 67 а, 67 б, 78 а, 78 б и др. Среди расстрелянных в ряде сел есть и лица нееврейской национальности. Например, в с. Тырнова таких семь человек.

[156] Там же. Д. 13. Л. 26, 27.

[157] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

[158] Там же. Л. 100–100 об.

[159] В списке указаны следующие фамилии: Бронштейн Ицик Лейбович (1880 г. р.), Бронштейн Рива Иойновна (1885 г. р.), Бронштейн Иосиф Ицикович (1914 г. р.), Бронштейн Борух Ицикович (1919 г. р.), Бронштейн Герш Лейбович (1884 г. р.), Бронштейн Роза Ициковна (1884 г. р.), Бронштейн Люба Лейбовна (1924 г. р.), Бронштейн Борух Лейбович (1899 г. р.), Бронштейн Лиза Лейбовна (1922 г. р.), Бронштейн Махля Лейбовна (1926 г. р.), Бронштейн Рухля Лейбовна (1928 г. р.), Бронштейн Слува Берковна (1915 г. р.), Чурар Иойлик Мошкович (1894 г. р.), Чурар Хайка Лейбовна (1894 г. р.), Чурар Мойше (1921 г. р.), Чурар Малка (1924 г. р.), Чурар Зелда (1928 г. р.), Кушнир Аврум Ицикович (1874 г. р.), Кушнир Туба Эликовна (1880 г. р.), Кушнир Лейба Аврумович (1914 г. р.), Генекс Шапса Ицикович (1894 г. р.), Генекс Рухля Эликовна (1895 г. р.), Генекс Лея Шапсовна (1930 г. р.), Генекс Мойше Шапсович (1937 г. р.), Гойфен Ицик Лейбович (1914 г. р.), Гойфен Голда Лейбовна (1917 г. р.), Гойфен Глыма (1885 г. р.), Калман Мойше Ицикович (1914 г. р.), Кошмар Аврум Шобсович (1914 г. р.), Кошмар Ицик Аврумович (1939 г. р.), Кошмар Туба Мошковна (1916 г. р.), Серебринский Пинкус Лейбович (1885 г. р.), Серебринская Рива Мошковна (1880 г. р.), Серебринский Сруль Пинкусович (1924 г. р.), Серебринская Маня Пинкусовна (1915 г. р.), Серебринская Ева Пинкусовна (1929 г. р.), Серебринская Галя Пинкусовна (1929 г. р.), Акербойм Хаскал Аврумович (1890 г. р.), Акербойм Мошку Аврумович (1875 г. р.), Акербойм Лыба Мошковна (1875 г. р.). – Там же. Л. 91, 94–94 об.

[160] Среди убитых евреев с. Почумбень: Либман Ентел (1910 г. р.), Либман Янку М. (1908 г. р.), Либман Сима (1912 г. р.), Либман Янку Н. (1876 г. р.), Либман Летя (1911 г. р.), Либман Мехел (1914 г. р.), Закройчик Ицик (1887 г. р.), Закройчик Рифка (1880 г. р.), Закройчик Чана (1918 г. р.), Закройчик Ева (1920 г. р.), Либман Пинкель (1880 г. р.), Либман Минка (1882 г. р.), Либман Рухля (1922 г. р.). – Там же. Л. 104.

[161] В списке расстрелянных фигурируют: Мельман Пинко Шимлевич (1912 г. р.), Мельман Естер Янкелевна (1914 г. р.), Мельман Бонца (1938 г. р.), Мельман Шмил Гершкович (1874 г. р.), Мельман Цупа (1875 г. р.), Мельман Иосиф (1927 г. р.), Файмбойм Борух Иосифович (1884 г. р.), Файмбойм Нела Марковна (1889 г. р.), Рубинштейн Пинко М. (1889 г. р.), Линбенбойм Меер (1887 г. р.), Линбенбойм Эстер (1882 г. р.), Линбенбойм Калмен (1933 г. р.). – Там же. Л. 106–106 об.

[162] Убиты в Купчино Таранов Шмиль (30 лет), семья Фингиль Мойсея (45 лет), его жена (44 года) и дочь (20 лет). – Там же. Л. 76–77.

[163] В списке значатся следующие фамилии: Теперман Шлема Абрамович (1874 г. р.), Теперман Мойсей Шлемович (1912 г. р.), Теперман Фишель Шлемович (1914 г. р.), Теперман Лейка Шлемовна (1918 г. р.), Теперман Соня Даниловна (1920 г. р.), Аккерман Хаим Абрамович (1910 г. р.), Аккерман Бруха Шлемовна (1920 г. р.), Аккерман Неся Хаймовна (1939 г. р.), Койфман Герш (1878 г. р.), Койфман Туба Абрамовна (1874 г. р.), Теперман Лейб Абрамович (1876 г. р.), Теперман Лейка Абрамовна (1878 г. р.), Теперман Абрам Лейбович (1924 г. р.), Теперман Мойсей Лейбович (1912 г. р.), Теперман Маля Мошковна (1916 г. р.), Клейман Ривка (1901 г. р.), Клейман Хана Мошковна (1926 г. р.), Клейман Йойлик Мошкович (1930 г. р.), Клейман Мордхай Мошкович (1935 г. р.), Фельдман Юдко Зосимович (1899 г. р.), Фельдман Туба (1897 г. р.), Фельдман Лейка Юдковна (1922 г. р.), Фельдман Шлема Юдкович (1926 г. р.), Фельдман Мойсей Юдкович (1930 г. р.), Рабинович Сура (1878 г. р.), Рабинович Ихиль (1903 г. р.), Рабинович Брана (1904 г. р.). – Там же. Л. 84.

[164] В списке угнанных значатся: Снитковский Леня (1926 г. р.), Раппопорт Люба (1924 г. р.), Раппопорт Рива (1922 г. р.), Татар Гитля (1920 г. р.), Татар Мейлик (1930 г. р.), Шехтер Мордха (1920 г. р.), Ройнштейн Данил (1930 г. р.). – Там же. Л. 108–108 об.

[165] В списке лиц еврейской национальности из с. Фынтына-Албэ. отправленных в лагерь, числятся: Рашковский Овший Лейбович (1885 г. р.), Рашковская Эстер Ихиловна (1881 г. р.), Рашковская Дора Овшиевна (1915 г. р.), Рашковская Рухля Аврамовна (1882 г. р.), Рашковская Дора Берковна (1916 г. р.), Рашковская Хана Берковна (1918 г. р.), Ройзман Эстер Хаймовна (1880 г. р.), Ройзман Ицек Ихилович (1905 г. р.), Ройзман Голда Ихиловна (1908 г. р.), Ройзман Сухар Ихилович (1902 г. р.), Ройзман Хана Мойшевна (1903 г. р.), Ройзман Хика Сухаревич (1938 г. р.), Шустер Нусим М. (1907 г. р.), Шустер Хана (1905 г. р.), Шустерман Герш (1905 г. р.), Шустерман Хива (1906 г. р.), Глейзер Шая Хаймович (1896 г. р.), Глейзер Ривка Ицковна (1899 г. р.), Глейзер Сура Шаевна (1924 г. р.), Глейзер Хана Ш. (1933 г. р.), Глейзер Шмиль (1927 г. р.), Глейзер Мехел Ш. (1932 г. р.), Глейзер Шлема Ш. (1935 г. р.). – Там же. Л. 111–111 об.

[166] В списке расстрелянных: Рабинович Шлема (1870 г. р.), Рабинович Зисла (1873 г. р.), Рабинович Люба (1903 г. р.) и ее сын (1937 г. р.), Рабинович Туба (1881 г. р.), Рабинович Фрима (1915 г. р.). – Там же. Л. 114.

[167] Там же. Л. 115–115 об.

[168] Там же. Л. 117.

[169] Там же. Л. 118–118 об.

[170] Там же. Л. 119.

[171] Там же. Д. 15. Л. 22, 27, 39–39 об.

[172] Там же. Л. 10, 14–15. В списке отправленных в концлагеря значатся жители с. Забричаны: Райзенберг Шейва Фр. (1881 г. р.), Гойхман Мойсей, Городецкие Лейба (1904 г. р.) и Лея (1905 г. р.), Бараф Израил (1880 г. р.), Бараф Фейга (1880 г. р.), Бараф Розалия (1915 г. р.), Бараф Иосиф (1917 г. р.), Бараф Сара (1924 г. р.). Бараф Герш (1920 г. р.), Райх Ихил (1860 г. р.), Райх Двойра (1880 г. р.), Райх Брана (1921 г. р.), Шкурник Вольф (1895 г. р.), Шкурник Голда (1900 г. р.), Шкурник Самуил (1920 г. р.), Шкурник Зельман (1925 г. р.), Шкурник Рафаил (1930 г. р.), Корманская Доба (1900 г. р.), Корманская Анна (1931 г. р.), Корманская Чака (1938 г. р.), Корманская Женя (1888 г. р.), Розенберг Лейка (1898 г. р.), Розенберг

Рифка (1870 г. р.), Гельман Самоил (1884 г. р.), Гельман Бунца (1890 г. р.), Гельман Мойсей (1918 г. р.), Гельман Лейзер (1920 г. р.), Гельман Шейна (1922 г. р.), Гельман Алия (1926 г. р.), Перельцваг Нафтул (1915 г. р.), Перельцваг Рахиль (1915 г. р.), Самис Борух (1900 г. р.), Самис Идел (1898 г. р.), Гандельман Мошко (1880 г. р.), Гандельман Роза (1923 г. р.), Гандельман Моника (1938 г. р.), Кройтман Мойсей (1900 г. р.), Кройтман Рахиль (1902 г. р.), Корманская Блюма (1914 г. р.), Файнштейн Рая (1907 г. р.), Файнштейн Мара (1932 г. р.), Корманская Майка (1880 г. р.), Райзенберг Маня (1912 г. р.), Якер Хайка (1884 г. р.), Брайтман Сара (1888 г. р.), Брайтман Мордко (1914 г. р.), Брайтман Иойна (1918 г. р.), Ландау Пейса (1886 г. р.), Корманская Рая (1910 г. р.), Корманский Маркус (1917 г. р.).

[173] Там же. Л. 120.

[174] Там же. Л. 127. Среди расстрелянных евреи Бужор Арон Яковлевич (70 лет), Бужор Гитля Якимовна (65 лет), Шор Линка Лейзерович (36 лет).

[175] Там же. Л. 125.

[176] Там же.

[177] Там же. Л. 133–135. Среди расстрелянных и депортированных в Транснистрию в перечисленных селах Болотинского района: Ройф Зельман Абрамович (1884 г. р.), Ройф Ривка Павловна (1884 г. р.), Ройф Шапса Абрамович (1930 г. р.), Ройф Давид Абрамович (1932 г. р.), Вайсблай Мендел Беняминович (1908 г. р.), Вайсблай Зельда Ицковна (1914 г. р.), Вайсблай Ицик Менделович (1936 г. р.), Креймер Овший Иойнович, Креймер Сура Ицковна (1904 г. р.), Креймер Туба Овшиевна (1931 г. р.), Креймер Хая Овшиевна (1932 г. р.), Окштейн Давид Беркович (1898 г. р.), Окштейн Соня Павловна (1916 г. р.), Гурвиц Перла Павловна (1919 г. р.), Гурвиц Хана Ароновна (1908 г. р.), Герман Хайм Ицкович (1910 г. р.), Герман Голда Мойсеевна (1916 г. р.), Герман Молка Хаймовна (1940 г. р.), Винкельштейн Тойва Абрамович (1901 г. р.), Винкельштейн Ривка Ицковна (1904 г. р.), Винкельштейн Аврам Зельманович (1879 г. р.), Винкельштейн Мошку Зельманович (1884 г. р.), Винкельштейн Перла Янкелевна (1884 г. р.), Винкельштейн Ривка Копельевна (1884 г. р.), Винкельштейн Буюм Давидович (1930 г. р.), Винкельштейн Янкель Давидович (1928 г. р.), Гельман Бася Хаймовна (1920 г. р.), Фингерман Сруль Менделевич (1918 г. р.), Фингерман Бейла Шмиловна (1920 г. р.), Фингерман Фейга Менделевна (1925 г. р.), Фингерман Шмил Срульевич.

[178] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 14. Л. 63–67. В списке расстрелянных, составленном комиссией, значатся: Ройзман Сима (70 лет), Герман Калман (57 лет), Цыприн Идел Лейбович (65 лет), Каплун Нухим Янкелевич (34 года), Штеренберг Мотель (52 года), Будман Бенцион (62 года), Будман Шейндель (58 лет), Сандерский Матус (55 лет), Сандерский Иосиф (30 лет), Брофман Шулим (42 года), Бужор Мехель (58 лет), Койхман Абрам (65 лет), Рубинштейн Пиня (50 лет), Гандельман Шимон (60 лет), Криворот Залман (62 года), Солтен (Сендер) Пабрам (60 лет), Солтер (Сендер) Люба (55 лет), Солтер (Сендер) Копель (15 лет), Олейник Давид (35 лет), Гайтман Янкель (62 года), Гайтман Хова (35 лет), Эйдельман (Эксман) Хаим (48 лет), Эйдельман (Эксман) Фейга (45 лет), Эйдельман Шлема (13 лет), Меламуд Фавел (45 лет), Брунштейн Вельвел (32 года), Тепер Яша (27 лет), Клейман Сура (34 года), Пискарский Михаил (66 лет), Богацкий Иосиф (29 лет).

[179] Там же. Л. 63–68 об. В числе убитых в списке указаны следующие фамилии: Бронштейн Хаим (62 года), Бронштейн Мендель (21 год), Бронштейн Мойна (24 года), Герман Вениамин (30 лет), Герман Шая (18 лет), Коган Сухар (46 лет), Коган Соня (46 лет), Куперман Берку (65 лет), Шпак Шмиль, Шерман Павел (22 года), Садагурский Фройка (30 лет). Кроме того, были расстреляны здесь же два жителя из Рышкаи (один по имени Абрам, по специальности портной) и один житель из села Пыржога Рышканского района, фамилии которых установить не удалось.

[180] Там же. Л. 60, 62. Среди 9 расстрелянных в с. Стурдзень евреи Акерман Хаим (60 лет), Акерман Хуна Хаймовна (30 лет), их трупы зарыты в воронке от авиабомбы.

[181] Там же. Л. 70–71. В селе Михайлень были уничтожены Розентул Янкель Хаймович (1896 г. р.), Розентул Гитля Хаймовна (1898 г. р.), Абуляк Лейб Сухаревич (1918 г. р.).

[182] Там же. Л. 72–73. Расстреляны: Рухман Сруль (1884 г. р.), Тубильман Лейб Мойсеевич (1922 г. р.), Дайгман Вениамин Хунович (1918 г. р.), Гельман Нисим Лейбович (1905 г. р.), Дайгман Б.Х. (1900 г. р.), Дайгман Ш. (1900 г. р.).

[183] Там же. Л. 74–75.

[184] Там же. Д. 16. Л. 103–107.

[185] Там же. Д. 18. Л. 2–2 об., 13–13 об.

[186] Там же. Л. 5 об. Среди расстрелянных председатель сельского совета с. Петрень Абрам Черновиц, его 83-летняя мать, председатель сельской потребительской кооперации Корн, его жена и две малолетние дочери.

[187] Там же. Л. 10.

[188] Там же. Л. 8–8 об., 9 об.

[189] Там же. Л. 5. Среди убитых: Куперман Абрам, Куперман Шмиль, Куперман Любовь и др.

[190] Там же. Л. 9. Среди убитых значатся: Штерншис Фройка, Штерншис Екатерина (по другим источникам. Штернштейн). Л. 9 об.

[191] Там же. Л. 14.

[192] Там же. Д. 27. Л. 19.

[193] Там же. Л. 24. Среди расстрелянных названы: Берман Афроим (примерно 60 лет), его жена Берман Гитля (55 лет), Гельман Ева (35 лет) и двое детей – девочка 4-х лет и грудной ребенок, Гельман Рухля (70 лет), Гельман Дора (40 лет) и ее муж. Фамилии других неизвестны, так как они из других мест.

[194] Там же. Л. 15–16 об., 18.

[195] Вестник. – № 3. – С. 22–23.

[196] В документе сказано, что среди многих других «из с. Немировка была расстреляна семья Гринберга Зельмана Гершевича, 25 лет, его мать Гринберг Сура, 65 лет, и племянница Рива, 4 года, по дороге в село Воронков в полукилометре от села Немировка, а его отец, Гринберг Герш, 65 лет, и сестра Рива, 30 лет, были расстреляны по дороге в поселок Люблин, в 3-х километрах от села Немировка. Таким же образом были расстреляны и другие. Расстрелы и убийства производили в поселке Люблин и в поле». – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 26. Л. 5–6.

[197] Там же. Л. 4. В документе названы фамилии похороненных в этой могиле: семья из Темелеуць Гетмана Иосифа Абрамовича (30–35 лет), его жена Рухля (30–34 года) и сын Борис (5 лет); две семьи из с. Вэскэуць, а именно Зильберман (50 лет), его жена Галя (50 лет), их сын Иосиф (22 года) и дочь Чарна (20 лет), а также Керман Аврам (40 лет) и его жена Итта.

[198] Там же. Л. 7–8.

[199] Очерк Ривы Колкер «О моем дедушке Нисоне Колкере – раввине» см.: Вестник. – № 1. – С. 51–53. В Сороках установлен памятный знак «Жертвам фашизма, расстрелянным в июле 1941 г. у Бекировского моста» с перечислением фамилий всех погибших.

[200] Malaparte Curzio, Kaputt, Terza Editione, Casella Editore Napoli. – P. 457–462; Dora Litani, Transnistria. – Tel-Aviv, 1941. – P. 116–117; Butnaru I.C. Holocaustul uital... 1985. – P. 309.

[201] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 2, 18–19 об., 38–39. В акте Фэлештской районной комиссии и приложениях к нему фигурируют следующие фамилии евреев, убитых в Фэлештах и ряде сел района: Фишман Эля (40 лет), Штаркер Иойна Мойсеевна (25 лет), Кенцис Брана Овшиевна (22 года), Гициз Шулим Иоселевич (15 лет), Ландес Иойна Аронович (25 лет), его жена Ландес Соса (23 года) и их сын Шулим (5 лет), Тандейтник Ицик и его жена Тандейтник Ита и их грудной ребенок, Шейца Сара Гершовна (62 года), Штаркер Иойна Мойсеевич (1920 г. р.), Паланкер Шулим Мошкович, Эпштейн Мендель Срулевич (35 лет), Эпштейн Ева

(35 лет), Эпштейн Рая (5 лет), Тандейтник Овший, Тандейтник Сара, Флом Лейб Шмилович, его жена и двое детей, Грабоис Молка и ее 15-летняя дочь, Файнштейн Янкель (25 лет), его жена Циля (22 года) и их ребенок (4 лет), Шварцман Фаня Срулевна и ее ребенок (2 года), Койфман Рухля, Койфман Бенцион, Зильберштейн Давид и его жена (убиты в с. Бургеля в июле 1941 г.). В с. Долту в июле нашли смерть фэлештские евреи: Флигер Герш Зеликович (1903 г р.), Флигер Сара Мойсеевна (1905 г. р.), Флигер Зейлик Гершкович (1903 г. р.), Флигер Мотель Зейликович (1895 г. р.), Флигер Рахил Ицковна (1908 г. р.), Флигер Рая Мотелевна (1926 г. р.), Флигер Мойша (Мойсей) Зеликович (1900 г. р.), Флигер Гитла Срулевна (1902 г. р.), Флигер Хайка Мойсеевна (1928 г. р.), Флигер Зейлик Мойсеевич (1930 г. р.), Флигер Сруль Мойсеевич (1936 г. р.), Флигер Поля Мойсеевна (1936 г. р.), Эпштейн Фрейда Гершковна (1890 г. р.), Эпштейн Сруль Янкович (1885 г. р.), Шварцман Чарна Мойсеевна (1899 г. р.), Дереш Пиня Беркович (1903 г. р.), Дереш Инда Лазарьевна (1907 г. р.), Дереш Поля Пиневна (1935 г. р.), Минца Агеня Срулевна (1885 г. р.), Вся семья Триф – Лейб Мойсеевич (35 лет), Инда (25 лет), Поля (13 лет), Долик (13 лет) – была уничтожена в сентябре 1941 г. по дороге из лагеря Лимбень в лагерь Маркулешть. В селе Катраныk были убиты Глузман Белла Берковна и ее сын Ицик, Штибан Хайка. В одном из актов комиссии отмечается, что еврей Бужор Бенцион Мойсеевич (45 лет), из с. Логофтень 4 июля 1941 г. после истязаний на допросе был выброшен румынскими солдатами «в пруд и добит выстрелами из автомата».

[202] Там же. Д. 17. Л. 159–161. В списке убитых значатся: Гершанский Шмиль Исакович, Марбер Мойсей Беркович, Кнобель Яков Мойсеевич, Файтон Шмиль Ицкович, Тарбер Абрам Мойсеевич, Васерман Мойше Зейделович, Львовенный Яков Бурахович. Последний, по словам очевидца И.Н. Седан, был уничтожен при следующих обстоятельствах: «Примерно около 10 человек немецких солдат вошли к нему на квартиру, где все перерыли, то есть произвели обыск, и ровно через час и тридцать минут вышли вместе с Львовенным, отвели его по дороге к реке Прут, где и расстреляли...».

[203] Там же. Л. 155, 157–158.

[204] C. N. – Vol. III. – P. 59.

[205] Ibidem. – P. 52–57.

[206] Ibidem. – P. 59.

[207] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 142–142 об.

[208] C. N. – Vol. III. – P. 55.

[209] Ibidem. – P. 60–61.

[210] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 143–143 об.

[211] Вестник. – № 1. – С. 31.

[212] Вестник. – № 4. – С. 39–40.

[213] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 33. Л. 30.

[214] Там же.

[215] Там же. Л. 24.

[216] Там же. Л. 28.

[217] C. N. – Vol. II. – P. 77.

[218] Ibidem. – P. 78.

[219] НАРМ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 4232. Ч. I. Л. 20.

[220] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 33. Л. 27.

[221] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 269.

[222] НАРМ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 4232. Ч. I. Л. 20; The Einsatzgruppen Reports... – P. 34. Число заложников-евреев, согласованное с командованием 170-й немецкой дивизии, собирались довести до 200 человек.

[223] НАРМ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 4232. Ч. I. Л. 20.

[224] Там же.

[225] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 269. Отобрал этих десятерых евреев-интеллектуалов Филипенко, убежденный антисемит, который передал их для расстрела гитлеровцам.

[226] Martiriul evreilor din Romania 1940–1944. Documente şi mărturii. Ed. Hasefer. – Bucureşti, 1991. – P. 235–236 (далее сокращенно – MER).

[227] Наш голос. – 1990. – № 5. – 1–15 мая.

[228] MER. – P. 236.

[229] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л. 20, 36; Д. 4485. Л. 595.

[230] Там же. Д. 4232. Часть 1. Л. 36.

[231] The Einzatzgruppen Reports... – P. 57.

[232] Ibidem. – P. 34–35.

[233] Ibidem. – P. 57.

[234] НАРМ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 445. Л. 115.

[235] Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial 1940–1944. – Chişinău, 1997. – P. 165.

[236] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 18; НАРМ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 7635. Л. 3.

[237] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л. 42; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 359.

[238] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 555; Д. 1124. Л. 211.

[239] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 16. Л. 144–145.

[240] Там же. Л. 146.

[241] Там же. Л. 145. Среди расстрелянных в документе указаны фамилии и имена: Ципмана Аэрила (60 лет), Ципмана Берку (75 лет), Ципмана Менделя Лейбовича (21 год), Ципман Марии, Ципман Лизы (20 лет), Ципман Молки, Берковича, Юрмана Моськи (80 лет).

[242] Там же. Л. 145–146.

[243] Там же. Л. 146.

[244] Там же. Л. 145.

[245] Там же. Л. 146.

[246] Там же. Л. 147. Среди расстрелянных в с. Цыплешты: Лемберт Лейзер, его жена, дочь и пятеро малолетних детей – его внуков и внучек; Крейзерман Шулим Хаймович (53 года), Крейзерман Любовь (31 год), Крейзерман Алтер Шулимович (13 лет), Крейзерман Лейка Шулимовна (14 лет), Крейзерман Блуя (9 лет), Крейзерман Цудик (7 лет), Вольдман Ита (13 лет), Вольдман Абрам (9 лет), Вольдман Хона (7 лет), Вольдман Моше (5 лет), Вольдман Момед (11 лет), Меклер Лева, Меклер Неся, Меклер Мария, Шенцел Яша.

[247] Там же. Л. 148.

[248] Там же. Л. 144–148.

[249] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 16. Л. 38–40.

[250] Советская Молдавия. – 1991. – № 133. – 12 июля.

[251] Среди еврейского населения, уничтоженного в июле 1941 г. в с. Пепены, удалось установить фамилии и имена следующих жителей:

1. Кинжер Цила Давидовна (50 лет); 2. Кинжер Астра Хаймовна (22 года); 3. Кинжер Сара Хаймовна (26 лет); 4. Талпалацкий Срул Зиселевич (43 года); 5. Талпалацкий Яков Срулевич (13 лет); 6. Талпалацкая Ривка Срульевна (1/2 года); Талпалацкая Хайка Срульевна (18 лет); 8. Талпалацкая Роза Мойсеевна (40 лет); 9. Пиоск Мария (70 лет); 10. Пиоск Лиза (25 лет); 11 Талпалацкий Зисл (70 лет); 12. Талпалацкая Рухля (50 лет); 13. Фихман Фаня (18 лет); 14. Талпалацкий Кисиль (14 лет); 15. Гительман Рахиль (35 лет); 16. Гительман Брана Шл. (10 лет); 17. Гительман Гриша Шл. (8 лет); 18. Гительман Чака Шл. (6 лет); 19. Соломонский Марк (43 года); 20. Соломонская Рейза В.; 21. Соломонская Хайка М. (14 лет); 22. Соломонская Итта М. (12 лет); 23. Котляр Рива Зисовна (45 лет); 24. Котляр Хаим Копелевич (18 лет);

25. Котляр Рахмил Копелевич (13 лет); 27. Зильберман Хаскол В. (28 лет); 28. Зильберман Роза Иосифовна (27 лет); 29. Зильберман Ривка (55 лет); 30. Клингер Мария Вольфовна (45 лет); 31. Клингер Хайка Вольфовна (45 лет); 32. Клингер Ривка Вольфовна (42 года); 33. Клингер Двойра Вольфовна (33 года); 34. Клингер Берк Израйлевич (67 лет); 35. Клингер Шейва (60 лет); 36. Зильберман Марк (37 лет); 37. Зильберман Ита Хаймовна (32 года); 38. Зильберман Хаим Маркович (8 лет); Зильберман Срул Маркович (6 лет); 40. Коган Мендель Хаймович (33 года); 41. Коган Сара (35 лет); 42. Коган Хаим Менделевич (2 года); 43. Найман Абрам (50 лет); 44. Найман Рухля (50 лет); 45. Найман Моля Абрамовна (22 года); 46. Найман Сойбла Абрамовна (18 лет); 47. Найман Сима Абрамовна (20 лет); 48. Нойман Симха Абрамовна (20 лет); 49. Ойхман Лейб (48 лет); 50. Ойхман Ида (48 лет); 51. Ойхман Волко (13 лет); 52. Ойхман Изя; 53. Ойхман Шедла (19 лет); 54. Ойхман Давид (1/2 года); 55. Коган Овший Фроймович (60 лет); 56. Коган Мендра (60 лет); 57. Коган Фрейда (25 лет); 58. Коган Меер (25 лет); Коган Тося (38 лет); 60. Ройтштейн Хуна (43 года); 61. Ройтштейн Хая (40 лет); 62. Ройтштейн Сруль (16 лет); 63. Ройтштейн Берк (14 лет); 64 Ройтштейн Бруча (12 лет); 65. Ройтштейн Кренца (10 лет); 66. Ройтштейн Миша (8 лет); 67. Ройтштейн Б. (1 год); 68. Гельман Вольф Данилович (48 лет); 69. Гельман Ривка Абрамовна (45 лет); 70. Гельман Фаня Вольфовна (12 лет); 71. Коган Дора Иосифовна (25 лет); 72. Коган Ривка (58 лет); 73. Рубинштейн Мотл Абрамович (43 года); 74. Рубинштейн Мойсей Л. (18 лет); 75. Рубинштейн Хана (13 лет); 76. Рубинштейн Хая (20 лет); 77. Рубинштейн Мендел (21 год); 78. Зильберман Вельвел (65 лет); 79. Зильберман Пиня (19 лет); 80. Зильберман Рахиль (30 лет); 81. Зильберман Ривка (25 лет); 82. Ройтштейн Бендик (70 лет); 83. Ройтштейн Елька (60 лет); 84. Заславский Иосиф Абрамович (35 лет); 85. Заславская Ита (30 лет); 86. Заславская Роза (6 лет); 87. Заславская Рухля (6 месяцев); 88. Заславская Хая (4 года); 89. Клингер Абрам Меерович (38 лет); 90. Клингер Ита Абрамовна (5 лет); 91. Клингер Меер Абрамович (1,5 года); 93. Клингер Астра (70 лет); 94. Клингер Давид (40 лет); 95. Клингер Роза (35 лет); 96. Клингер Мира (3 года); 97. Клингер Нюма (8 лет); 98. Калихман Шмил (38 лет); 99. Калихман Соня Абрамовна (35 лет); 100. Калихман Молка Шмилевна (5 лет); 101. Калихман Астра Шмилевна (5 лет); 102. Гительман Хая (70 лет); 103. Гительман Янкель (3 года); 104. Гительман Злота (30 лет); 105. Гройсман Зися Иосифовна (45 лет); 106. Гройсман Фрейда (40 лет); 107. Гройсман Давид Зиселевич (12 лет); 108. Гройсман Шлема Зиселевич (110 лет); 109. Клингер Меер Борисович (8 лет); 110. Флейшман Хая Ихелевна (70 лет); 111. Зонис Михаил (38 лет); 112. Зонис Сара (30 лет); 113. Зонис Лиза (10 лет); 114. Зонис Гриша М. (12 лет); 115. Тетельбойм Мотель (65 лет); 116. Тетельбойм Фейга (60 лет); 117. Айзенштейн Сруль (42 года); 118. Айзенштейн Хая (40 лет); 119. Банарь Янкель (70 лет); 120. Симхович Бруха (57 лет); 121. Симхович Мошко (60 лет); 122. Йофе Мойсей Давидович (58 лет); 123. Йофе Маня (53 года). – НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–51.

[252] Там же. Л. 42–43.

[253] Там же. Л. 44–45.

[254] Procesul marii trădări naţionale (Stenograma desbaterilor de la tribunalul poporului). – Bucureşti, 1946. – P. 35.

[255] C. N. – Vol. II. – Ed. II-a. – P. 75–76.

[256] Ibidem. – P. 74.

[257] Ibidem. – P. 78–79.

[258] DCFRJD. – Vol. VI. – P. 410–411.

[259] ЦАМОР. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 34; Ф. 516. Оп. 7720. Д. 4. Л. 96, 98.

[260] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 445–446.

[261] Ibidem. – P. 458.

[262] Ibidem. – P.459–460, 471.

[263] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 124.

[264] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 461–462.

[265] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 117–118, 123.

[266] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 462–463.

[267] Ibidem. – P. 207.

[268] Ibidem. – P. 469–470.

[269] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 127 об., 129.

[270] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 466.

[271] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 150–151, 154–154 об.

[272] Там же. Л. 134–135, 137–138, 140; DCFRJD. – Vol. VI. – P. 468–469.

[273] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 156–157.

[274] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 463–464; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 348–349.

[275] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 465; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 349.

[276] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 465.

[277] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 167; DCFRJD. – Vol. VI. – P. 494.

[278] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 169.

[279] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 495–496; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 18. Л. 30. После войны комиссии по расследованию злодеяний фашистов удалось установить фамилии части убитых евреев. Среди них: жители с. Сахарна Коган Меер Мошкович (1889 г. р.), Коган Бруха Янкелевна (1890 г. р.), Коган Шайка Мееровна (1927 г. р.), Гельман Герш, Гельман Ита, Шапочник Дудел, Шапочник Рушка Дуделевна, Шапочник Шура Давидовна, Староста Хова, Староста Шейна, Дувидович Сура, Клейман Давид, Клейман Туба и ее четверо детей, Штрайбман Шмиль и его жена, Штрайбман Фира; жители г. Резина Речевский Берл Зельманович (1875 г. р.), Речевская Зельда Мошковна (1875). Там же. Д. 18. Л. 31.

[280] DCFRJD. – Vol. VI. – P. 495–496.

[281] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 18. Л. 24–25; DCFRJD. – Vol. VI. – P. 497.

Среди расстрелянных следующие лица еврейской национальности: Брунштейн Сруль Соломонович (1878 г. р.), Брунштейн Шпринца Ароновна (1879 г. р.), Учитель Аврам-Бер Аронович (1868 г. р.), Учитель Кройна Нахмановна (1869 г. р.), Клейман Хаскал Давидович (1875 г. р.), Клейман Хова Ароновна (1880 г. р.), Клейман Мойсей Хаскелевич (1905 г. р.), Моторник Брана Самойловна (1875 г. р.), Бронсон Ицек Тойвович (1885 г. р.), Бронсон Хайка Самойловна (1890 г. р.), Шварцфарб Ента Исаковна (1915 г. р.), Шварцфарб Хова Мееровна (1932 г. р.), Шварцфарб Айзик Меерович (1939 г. р.), Учитель Аврам Давидович (1890 г. р.), Учитель Рухля Сендеровна (1893 г. р.), Учитель Поля Аврамовна (1923 г. р.), Учитель Давид Аврамович (1923 г. р.), Гайджий Рейза Лейбовна (1863 г. р.), Маламуд Лея Аврамовна (1865 г. р.), Бендерский Маня Шайевич (1912 г. р.).

[282] DCFRJD. – Vol. VI. – P. 513.

[283] Ibidem.

[284] Ibidem. – P. 497–498; НАРМ. Ф. 1026. On 2. Д. 25. Л. 91.

[285] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 498–499.

[286] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 2–3 об.

[287] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 207.

[288] Ibidem. – P. 447–448.

[289] Ibidem. – P. 448.

[290] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 3–3об.

[291] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 209, 519.

[292] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 2–3.

[293] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 209.

[294] Ibidem. – P. 208, 451–452.

[295] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 2, 6.

[296] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 454–455.

[297] Ibidem. – P. 449.

[298] Ibidem. – P. 513–514.

[299] Ibidem. – P. 466–467.

[300] Ibidem. – P. 470.

[301] Ibidem. – P. 515.

[302] Ibidem. – P. 464.

[303] Ibidem. – P. 514–515; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 350.

[304] Ibidem. – P. 515.

[305] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 24–24 об.; В с. Булэешть Арсение Ион занял для себя дом одного сбежавшего еврея. Узнав, что хозяин дома появился в селе, шеф поста поручил сержанту Чуперкэ Константину арестовать его и прикончить, что тот и сделал (DCFRJD. – Vol. VI. – P. 520).

[306] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 25–26. Во второй могиле были похоронены: семья Нитокер – Аврам Эликович, Бася Аврамовна, Бруха Аврамовна и Шварц Зися Гидальевич, его жена Рухиль Аврамовна, их маленькие дети Люба и Гидали и старушка Шейндель Берковна.

[307] Там же. Л. 26 об., 41–43. В лесу «Раду» расстреляны и погребены: семья Портного – Лейб Ицкович, Шейндель Ицкович, Зисель Ицкович, Вера Шиковна и дети пяти и семи лет: Блюма Лейбовна и Гитля Лейбовна; Малец Мошко (1868 г. р.) и его дочь Роза Мошковна; Шор Мендель Лейбович, Шор Илья и малолетние дети последнего: Акля, Фейга, Мендель; семьи Духовного Шмиль, Дина, Янкель, Фейга, Гитля, Варвара; Визенштейн Янкель и Ахна; Глимберг Люба, Иосиф, Лейзер; Шостак Шейва и трое ее детей – Лев, Меер, Миля; дети Ройгман Цина и Шимон.

[308] Там же. Л. 70–70 об.

[309] Среди расстрелянных еврейские семьи: Безеновский Мойше (30 лет), его жена Рахиль (27 лет) и дети трех и пяти лет Давид и Фрида; Безеновские Шулем, Янкель и дети Маня, Ушер, Суля; Савельские Шулем, его 25-летний сын Дудель, Мойше (42 года), жена последнего Хая и трое их детей – Ида, Эстер, Сура; Безеновские – Мошко, его жена Хая, их дети Муся и Гена; пожилые евреи Гельман Л., Вейман Гидалий; Кнурик Лейзер: Рахунский Ицик и одна женщина из г. Оргеева лет 30, фамилия которой неизвестна. Там же. Л. 76–76 об.

[310] Там же. Л. 50; DCFRJD. – Vol. VI. – P. 516.

[311] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 516.

[312] Ibidem. – P. 516–517.

[313] Ibidem. – P. 470.

[314] Ibidem. – P. 517–518.

[315] Ibidem. – P. 518–519.

[316] Ibidem. – P. 519.

[317] НАРМ Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 166.

[318] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 494.

[319] Ibidem. – P. 520.

[320] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 166.

[321] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 499.

[322] Ibidem. – P. 492.

[323] Ibidem. – P. 498.

[324] Ibidem. – P. 493.

[325] Ibidem. – P. 496.

[326] Ibidem. – P. 453.

[327] Ibidem. – P. 519.

[328] Ibidem. – P. 495–496.

[329] Ibidem. – P. 498.

[330] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 18. Л. 21–23, 44 об. Среди расстрелянных в с. Матеуцы: Мильштейн София (73 года), Михневская Бетя Моисеевна (25 лет) и ее сын Михневский Нюма (4 года).

[331] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 493.

[332] Ibidem. – P. 462–463.

[333] Ibidem. – P. 450.

[334] Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ). Ф. 51. Оп. 11. Д. 1. Л. 132. По данным Резинской районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, за годы диктатуры И. Антонеску были расстреляны в городе 430 и умерли от истязаний и пыток 1237 человек; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 16. Л. 21; Среди сожженных в печи: Ланда Михаил Маркович и его жена Ланда Шейна Ицковна, два его брата Фавиш и Янкель и сестра Рива. Вестник. – № 3. – С. 60.

[335] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 488–492. Об одном эпизоде этой бандитской акции рассказал после войны судебным органам один из ее участников жандарм Думитру Петре. «Ночью второго дня, – сообщил он, – нас вновь собрал старший плутоньер Кицу и сообщил, что по приказу майора Беки в эту ночь мы будем расстреливать евреев из гетто Телмаси (один из сборных пунктов – *И. Л.*). Примерно в 1–2 ночи меня поднял старший плутоньер Кицу, который являлся шефом поста в Сусленах и в подчинении которого я находился. Вместе со старшим плутоньером Кицу собрали его секцию и затем он указал нам место нахождения гетто. Прибыв в гетто, застал там 40–50 евреев, жандармов, унтер-офицеров, после этого адъютант Минку Филип, старший плутоньер Кицу вывели евреев из гетто и каждому передали по два еврея, мне дали двух стариков, примерно в возрасте 70–80 лет и, построив их в колонну, мы отправились с ними недалеко от моста Телеучешть, где евреев по приказу майора Беки положили лицом в землю, а жандармы построились по линейке им в спину и по команде старшего плутоньера Кицу открыли огонь, стреляли все в одно и то же время, стрелял и я по одной пуле в голову вверенным мне евреям, после чего отправился в наш постой, а на месте (расстрела – *И. Л.*) оставались майор Беки, лейтенент Попович (по-видимому – Попою), старший плутоньер Мисику Филип и Кицу Ангел, которые позже явились туда же» (E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 349–350).

[336] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 18. Л. 178–178 об.

[337] Там же. Л. 179.

[338] Среди расстрелянных жителей с. Селиште значатся: Верник Янкель (36 лет), Верник Сарра (30 лет), Верник Нося (4 года), Верник Хаим Иосифович (62 года), Верник Малка (60 лет), Верник Лупу Хаймович (21 год), Верник Давид Иосифович (60 лет), Верник Мария (56 лет), Мудак Гитля Гершовна (32 года), Мудак Сема Маркович (5 лет), Мудак Чакла Марковна (3 года), Верник Этля (74 года), Городиштян Герш Лазаревич (70 лет), Городиштян Миша (65 лет), Городиштян Хая Гершовна (34 года), Городиштян Янку Гершович (37 лет), Городиштян Белла (35 лет), Городиштян Беня Янкелевна (15 лет). Список подписали председатель сельсовета Сырбу и секретарь Жемуркова И. – Там же. Л. 195.

[339] В с. Слобозия Оргеевского района среди расстрелянных местных жителей фигурируют следующие фамилии: Задунайский Мойсей, Задунайская Александра Иосифовна, Даскал Клара, Шапошник Борис Наумович, Шапошник Фаина Абрамовна, Голоцан Абрам, Авербух Леонид Давидович, Авербух Мила Мойсеевна, Гилберг Бронислава Абрамовна, Корнфельд Инда Абрамовна, Корнфельд Сруль, Корнфельд Бейла, Корнфельд Григорий, Корнфельд Лидия Зейликовна, Дюкман Лев Абрамович, Дюкман Бронислава, Дюкман Анна Львовна, Дюкман Раиса Львовна, Дюкман Шойл Абрамович, Мучник Дудел Иосифович, Мучник Бася

Юзефовна. В списке имеется приписка: «Еврейское население села Слобозия было расстреляно 20 июля 1941 г. совместно с еврейским населением г. Орхей и зарыто в яму каменоломни. Председатель сельсовета П. Фрунзе, секретарь (подпись неразборчива)». – Там же. Л. 194 об. В документах имеется фамилия расстрелянного еврея из г. Оргеев Нетопель Янкель (58 лет).

[340] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 521.

[341] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 186–186 об.

[342] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 8; Vol. VI. – P. 3.

[343] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 22. Л. 104.

[344] Там же. Л. 107–108 об.

[345] Там же.

[346] Там же. Л. 104. Д. 16. Л. 29–29 об. Среди расстрелянных в Корнештском районе были евреи из м. Пырлица, из с. Цыгара, станции Гресены: Вайсман Мойсей Нахманович (65 лет), Шор Аврум Борухович (30 лет), Шор Сура (55 лет) и ее дочь (23 года), Шор Зелла Боруховна (32 года), Геренберг Шета Мойсеевна (50 лет), Геренберг Сура Яковлевна (48 лет), Вейлик Фройка Шмилевич (52 года). Вейлик Бранна Бенционовна (48 лет), Шор Айзер Атарьевич (62 года), Голденберг Абрам Лейзерович (75 лет), Крейлеер Хая Срульевна (70 лет), Кольфнц Сруль Эликович (65 лет), Лившиц Мойсей Одулович (62 года). Гольдштейн Зендра Хаймович (48 лет), Фильдер Рива Натульевна (40 лет), Фильдер Лейка Мойдеровна (19 лет), Грабенский Нухим Иосифович (20 лет), Бранг Арон Менделевич (62 года), Гуровец Шлема Нухимович (65 лет), Гуровец Лейка Шлемовна (23 года), Котляр Шпринца Нахтулевна (75 лет), Буфман Сруль Тойвович (55 лет), Лахмет Лейб Мойсеевич, Вайсман Шмил Нухомович (68 лет), Файнштейн Фрейда Мойсеевна (65 лет) и четыре члена ее семьи.

[347] Там же. Л. 1.

[348] Там же. Л. 2.

[349] Там же. Л. 5.

[350] Там же. Л. 8. Были расстреляны в с. Мэкэрешть: Гольденберг Бенцион Яковлевич, Гольденберг Ханна, Гольденберг Лупу Бенционович, Гольденберг Мария, Шнайдер Кива, Шнайдер Лея, Шнайдер Женя, Коган Пейся, Коган Ева, Петик Илья Зисович.

[351] Там же. Л. 14. В документе некоторые имена и фамилии уничтоженных: Рабинович Бука Исаевич, Рабинович Роза Мойсеевна, Рабинович Фейга Мойсеевна, Шварцман Лея, Гицк Лейб (68 лет), Гицк Рахиль (67 лет), Берман Естер Абрамовна, Берман Ида Абрамовна, Берман Лейзер Абрамович.

[352] Там же. Л. 40–41. Первые семь арестованных и убитых евреев были: Вайншток Ицик, Вайншток Рива, Вайншток Мотл, Портной Ицик, Койфман, Паник Сруль, Паник Шейна. Среди убитых гитлеровцами: Шварц Шмиль, Шур Герш, Шур Ита, Портная Роза, Портной Бруха, Стручок Гива, Стручок Ноя.

[353] ЦАМОР. Ф. 496. Оп. 9815. Д. 2. Л. 73–75, 247, 261, 265, 270, 292, 312; Ф. 516. 0п. 7220. Д. 4. Л. 57; Ф. 228. Оп. 710. Д. 5. Л. 26; Д. 16. Л. 61.

[354] В.И. Журавель назвал фамилии следующих евреев – жителей Калараша, арестованных, а затем уничтоженных жандармами: Вольфович Хил, его жена Хайка, Судик Герш и его жена, Кроитор Хаим, Сельский Герш, Германский, Соузский – мальчик-сирота 4-х лет, Кривоносил Ицик Мотилевич, Кицан Сура, Блиндер (портной), Гольдштейн Ривка, Михаил (портной), среди евреев один был с протезом на правой ноге (фамилию не помнил), была одна женщина с грудным ребенком (НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 24. Л. 25).

[355] Там же.

[356] Там же. Л. 26–27.

[357] Там же. Л. 28.

[358] Там же. Л. 24–28.

[359] Там же. Л. 3–4. Среди арестованных были пять жителей с. Волчинец молдавской национальности: Карп В.С., Негру В.И., Крачун К.Е., Булбаш Д.Т. и Курмей П.И. Остальные – евреи: Шляпник Гита Ицковна (1895 г. р.), Нисенблат Нисель Ицикович (1876 г. р.), Нисенблат Хана Шмиловна (1904 г. р.), Нисенблат Александр Шмилович (1931 г. р.), Нисенблат Естер Гецеловна (1890 г. р.), Нисенблат Моня Лейбович (1918 г. р., инженер), Вайнштен Пейся (1880 г. р., учитель), Вайнштейн Мария Янкелевна (1880 г. р.), Билкис Сара Зейликовна (1894 г. р.), Билкис Бейла Ициковна (1875 г. р.), Резник Естера Гершевна (1894 г. р.), Ройзенштейн Бася Генциновна (1917 г. р.), Ройзенштейн Рухля Гершовна (1892 г. р.), Ройзентштейн Елизавета Генциновна (1919 г. р.), Ройзенштейн Люба Генциновна (1921 г. р.), Глейзер Берко Ицкович (1880 г. р.), Глейзер Бася Зелековна (1886 г. р.), Глейзер Нута Беркович (1911 г. р.), Глейзер Мария Гершовна (1911 г. р.), Клотенич Ицик Мойсеевич (1870 г. р.), Клотенич Бася Алтеровна (1872 г. р.), Шехтман Лея Янкелевна (1870 г. р.), Коган Мойсей Абрамович (1902 г. р.), Коган Рива Шмилевна (1904 г. р.), Коган Липа (1896 г. р.), Коган Сара (1898 г. р.), две девочки по фамилии Коган 13 и 15 лет.

[360] Там же. Л. 7 об.

[361] Там же. Л. 10–12 об.

[362] Там же. Л. 20.

[363] Там же. Д. 22. Л. 116, 159–160, 201–202. При вскрытии ямы были найдены только семь скелетов. Как отмечается в акте сельской комиссии села Вэсиень, «по всей вероятности остальные были вырыты волками и собаками, так как не были закопаны глубоко». В акте также отмечается, что «один из мужчин был зарыт живым, судя по высунувшемуся языку».

[364] Там же. Л. 116, 213.

[365] Там же. Л. 116, 123, 125–126, 130, 134. Среди расстрелянных Кожукару Н. назвал еврея по фамилии Гершкович, лет 65, его дочь лет 20–25 с ребенком, свидетель Думитриу И.Г. упомянул еврея Нудельмана.

[366] Там же. Л. 116, 138–140. Свидетель С.Б. Ротарь назвал в числе убитых семью Зильбермана Хаселя, 30 лет, его жену и дочь лет 10.

[367] Там же. Л. 116.

[368] Там же. Л. 266, 268.

[369] Там же. Л. 276–277.

[370] Там же. Л. 272–272 об., 274–274 об.

[371] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 595–596.

[372] С утра 17 июля 1941 г. советские части 95-й стрелковой, 15-й мотострелковой дивизий и 2-го кавалерийского корпуса, несмотря на значительные потери, понесенные в трехнедельных боях, перешли в контратаку с намерением отвоевать Кишинев, но выполнить эту задачу не удалось. В связи с создавшейся обстановкой, в этот же день Военный совет Южного фронта запросил у Ставки Верховного командования Красной армии разрешение на отвод основных сил Южного фронта на бессарабском участке фронта за реку Днестр и «продолжение малыми силами методом подвижной обороны борьбы в полосе между рекой Прут и Днестр». В тот же день Ставка утвердила это предложение и приказала начать отвод войск и занять на левом берегу Днестра укрепленные районы. ЦАМОР. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 33–37; Ф. 516. Оп. 7720. Д. 4. Л. 96–99; Генерал армии И. Тюленев. На южном фронте / Военно-исторический журнал. – 1961. – № 3. – С. 31–32.

[373] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.

[374] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 595–596.

[375] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 43–43 об.

[376] Там же. Л. 77; The Eingatzgruppen Reports... – P. 76.

[377] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21.

[378] Дорон (Спектор) Д. Кишиневское гетто – последний погром. – Кишинев, 1993. – С. 144–145.

[379] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 4–5. В списке убитых евреев из с. Рэзень значатся следующие фамилии: Кофман Иосиф Лейбович (1888 г. р.), Рабинович Сухар (1875 г. р.), Рабинович Олтар (1889 г. р.), Гекер Бетя (1891 г. р.), Гекер Рухля (1905 г. р.), Гекер Фаня Беневна (1927 г. р.), Гекер Шендля Семеновна (1870 г. р.), Гробокопатель Наум Маркович (1890 г. р.), Гробокопатель Шарка (1900 г. р.). В с. Ишенталь убиты: Айзекович Овший Беркович (1870 г. р.), Айзекович Рухля (1875 г. р.), Лайбевская Паша Овшевна (1900 г. р.), Лайбевский Давид Мойсеевич (1937 г. р.), Лайбевская Симха Мойсеевна (1939 г. р.), Бланк Янку Мойсеевич (1903 г. р.), Бланк Ида (1915 г. р.), Бланк Рейза (1880 г. р.), Гитерман Рая (1918 г. р.), Кручек Фаня Мойсеевна (1900 г. р.), Кручек Соня Фроймовна (1921 г. р.), Кручек Зисел Фроймович (1923 г. р.), Кручек Менаше Фроймович (1930 г. р.). Имущество расстрелянных было разграблено.

[380] Там же. Л. 15–18. Среди расстрелянных в с. Пухой: Шехтер Берку (35 лет), его жена и трое детей; Шехтер Янку (40 лет), его жена, трое детей и один родственник (фамилия не установлена); Пашканский Давид (42 года), его жена и дочь с маленьким ребенком; Чакир Абрам (55 лет), его жена и дочь, беременная на седьмом месяце, и двое неизвестных, прибывших в это время из других сел (из показаний жителя села Бивол И.И.).

[381] Там же. Л. 7–8, 10.

[382] Там же. Л. 22–23. В акте комиссии приводятся следующие фамилии: Койфман Зисля (1895 г. р.), Койфман Михаил (1920 г. р.), Койфман Клара (1915 г. р.), Бивол Мария (1922 г. р.), Шор Мошка (1890 г. р.), Шор Рухля (1892 г. р.), Шор Янку (1922 г. р.), Шор Ида (1929 г. р.), Шор Давид (1889 г. р.), Шор Рейза (1888 г. р.).

[383] Там же. Л. 24–24 об. Уничтожены были в Дурлештах: Мунтяну Хаим (44 года), Мунтяну Молка (40 лет), Мунтяну Зина (16 лет), Мунтяну Юзя (14 лет), Мунтяну Тасси (12 лет), Мунтяну Шулим (10 лет), Каракель Нюма (40 лет), Каракель Соня (38 лет), Каракель Мери (12 лет).

[384] Там же. Д. 22. Л. 75. Названы фамилии евреев, убитых в Вадул-луй-Водэ: Абрамович Бенцион, Абрамович Итта, Мунчер Арон Лейбович, Мунчер Хая Ароновна, Мунчер Малка Ароновна, Самоил Михаил Дмитриевич и Самоил Елизавета Семеновна.

[385] Там же. В Мэлэештах от рук фашистов погибли: Коробка Никита Яковлевич, Водовоз Ицик Менделевич, Водовоз Ольга Давидовна, Водовоз Михаил Ицкович, Оргеевский Иосиф Иосифович, Оргеевская Роза Иосифовна, Оргеевский Арон Хаймович, Оргеевский Иосиф Нахманович, Банка Бенцион Данилович, Банка София Иосифовна, Банка Иосиф Бенционович, Банка Поля Бенционовна, Банка Роза Бенционовна, Оргеевский Годско Хаймович, Оргеевская Поля, Оргеевский Сруль Годскович, Оргеевский Янкель Годскович, Берниловский Сруль Абрамович, Оргеевская Роза Давидовна, Оргеевский Борис (Берко).

[386] Там же. Л. 92.

[387] НАРМ. Ф. 697. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

[388] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 19. Л. 112. В с. Джамэнэ были убиты: Рабинович Вольф (58 лет), Рабинович Израил (45 лет) Рабинович Фира (36 лет), ее сын Минаша (6 лет) и дочь Люба (6 лет), Рабинович Лейка (70 лет), Рабинович Фейга (60 лет), Рабинович Соня (60 лет), Рабинович Рейна (35 лет), Дорфман Яков (50 лет), а также мужчина, женщина и двое детей, фамилии которых не установлены. В деле имеется акт комиссии с. Шерпень Бульбокского района о расстреле евреев Авербух Сухера и его жены Авербух Ривы в возрасте 62–65 лет. Их убили в лесу. – Там же. Л. 107.

[389] Там же. Л. 62–62 об., 64, 67–68. Были расстреляны евреи из с. Кэрбуна: Шейн Марис (40 лет), Рухваньгер Лиза (68 лет), Рухваньгер Голда (70 лет), Дорхман Буня (40 лет), Дорхман Царик (10 лет), Дорхман Герш (70 лет), Дорхман Сурка (65 лет).

[390] Там же. Д. 18. Л. 64–64 об.

[391] Там же. Д. 19. Л. 3–3 об. В документе приводятся следующие фамилии убитых в с. Копанка: Тейбуш Николай Иванович (1899 г. р.), Лиур Леон (1892 г. р.), Барахович Яков Титович (1904 г. р.), Барахович Шейна Яковлевна (1874 г. р.), Барахович Рухля Ароновна (1913 г. р.), Барахович ... Яковлевна (1938 г. р.), Барахович Гитля Яковлевна (1932 г. р.), Барахович Аврум Яковлевич (1879 г. р.), Барахович Анна Исаевна (1884 г. р.), Чебрудский Арон (1884 г. р.), Чебрудская Итта (1884 г. р.), Чебрудская Геня (1901 г. р.), Чебрудский Лейб (1901 г. р.), Чебрудский Цодик Лейбович (1931 г. р.), Матус Борух Яковлевич (1849 г. р.), Блам Аврум Исаакович (1901 г. р.), Блам Хира Иосифовна (1900 г. р.), Блам Леонтий Аронович (1930 г. р.), Блам Гитля Ароновна (1931 г. р.), Капуста Эхим Яковлевич, Капуста Хона (1894 г. р.), Чеблобрудский Ихил Аронович. Чеблобрудская Хова (1905 г. р.), Чеблорудская Молка Ихиловна (1932 г. р.).

[392] Там же. Л. 48–50. The Einsatzgruppen Reports. – P. 76. В документах комиссии г. Бендеры по расследованию зверств фашистов приводятся некоторые фамилии убитых евреев и жителей других национальностей. В самом городе Бендеры: Луценко Иван Калинович, Чернов Даниил, Виницкий Калман, Шрайдман и его жена, Крейнлиман (женщина), Коган, Геслер Соня Мойсеевна, Геслер Арон Абрамович, Кишиневский Абрам и его мать 85 лет. В могиле, раскопанной у крепости, установлены фамилии и имена части убитых людей: Шахновский Тойва Яковлевич (1885 г. р.), Свердлик Мордухай Ушерович (1870 г. р.), Свердлик Рахиль Рувиновна (1874 г. р.), Заика Гидалий В., Таксир Шмиль-Лейб Мойсеевич (1880 г. р.), Абель Берко (1878 г. р.), Трахтенберг Рива Мойсеевна (1876 г. р.), Свериховский Вигдер Лейбович (1894 г. р.), Трахтенбройт Абрам Хаймович (1873 г. р.), Трахтенбройт Рива, Янкелевич Мордко Янкелевич. В предместье Кавказ среди расстрелянных: Гиц Григорий Лукьянович, Ройтман Дина, Ройтман Инда. Умерла после пыток и истязаний Ройтман Хая.

[393] Там же. Д. 22. Л. 50–51, 58–58 об., 71–71 об.

[394] Там же. Л. 69–71 об. В с. Бештемак из 7 расстрелянных 5 были евреями, а именно: Зеленгер Мария, Семенович Александр (врач), Боянжи Хаим, Соломонович Хаим, Котырлиц Ицик. Остальные двое убитых: красноармеец Ефимов Иван Кириллович и местный житель Русу Кондратий Георгиевич.

[395] Там же. Л. 63.

[396] Там же. Л. 71 об.

[397] Там же. Л. 67–68, 70. В с. Казанжик было арестовано 106 человек еврейской национальности. К акту приложен список арестованных глав семейств, в скобках указано количество членов семьи. Среди них: Шмулевич П.Ф. (8), Шнайдерман Ф. (4), Блиндерман Рахиль М. (4), Коган Мойсей Дувидович (3), Рот Рубин М. (3), Гойхман Исыр Л. (4), Квицыс Арон Ф. (4), Рубинер Мойсей Ш. (6), Бараш Мендель А. (2), Аржинтарь Пина М. (3), Кухман Ф.С. (5), Гриндинберг Мойсей С. (7), Плашович А.М. (4), Бихман С.И. (5), Беркович А.М. (4), Нухимович Мойсей А. (6), Коломонович Ф.А. (4), Шафер Мойсей С. (6), Каухман А.Ш. (3), Маркович Янку А. (2), Пейсихович Ф.С. (5), Вайншенкер Ш.Ф. (3), Рубингер Иегуда М. (4), Болцан Ш.И. (7).

В селе Бештемак было арестовано 103 еврея, среди них: Гольштейн Люся (3), Соломонович Ушер (6), Котырлиц Ицик (9), Семенович А. (3), Соломонович Хаим (3), врач Беркович (3), Зеленгер Мария (6), Боянжи Хаим (5), Шинберг Ицик (3), Хаймович Лейб (3), Фишман Хаим (5), Шинберг Ицик (3), Хаймович Лейб (3), Фишман Хаим (5), Шинберг Янкель (10), Кремер Перец (2), Кройтор Дувид (5), Беренштейн Аврам (5), Зейдман Ицик (4), Соломонович Мария (4). В ряде случаев в списке указано только имя или только фамилия главы семьи: Шмиль (7), Сруль (6), Лошек (4), Шорник (4). В деле имеется «Список еврейского населения, проживающего в г. Леово в 1940–1941 гг. и угнанного фашистами летом 1941 г. в неизвестном направлении и не вернувшегося на прежнее местожительство до конца 1944 г.». Названы главы 360 семейств, в скобках указано число членов семьи (см. Д. 22. Л. 59–62).

[398] Там же. Д. 20. Л. 82–83 об. В деле имеются показания свидетеля В.В. Никита, который сообщил, что жена и парализованная дочь Гольденберга «несколько часов находились в здании

примарии, где над ними путем нанесения побоев издевались румынские солдаты, вооруженные винтовками», и «в результате избиения жена и дочь Гольденберга» двигаться не могли.

[399] Там же. Д. 19. Л. 192, 194 об., 208.

[400] Там же. Л. 7–7 об. В акте комиссии приводится список убитых румынскими солдатами: Бондаренко Дмитрий Степанович (1900 г. р.), Бондаренко Терентий Степанович (1906 г. р.), Посторонка Дмитрий Михайлович (1922 г. р.), Юраш Иван Ефимович (1896 г. р.), Прилик Иосиф Беркович (1899 г. р.), Водовоз Сура Берковна (1871 г. р.), Хулим Берко Срулевич (1895 г. р.), Хулим Идель Берковна (1924 г. р.), Хулим Клара Берковна (1927 г. р.), Хулим Сура Хаймовна (1900 г. р.), Посторонок Рафаил Шмулевич (1889 г. р.), Шаганская Бетя Соломоновна (1878 г. р.), Садмаг Соломон Абрамович, Левин Кухля Срулевич (1855 г. р.).

[401] Там же. Д. 19. Л. 38.

[402] Там же. Л. 222, 225.

[403] Там же. Д. 20. Л. 49–49 об.

[404] Там же. Л. 11–18. В документах приводятся фамилии и имена расстрелянных в Чадыр-Лунге: Шихман Хана Рувиновна (1862 г. р.), Шихман Соня Берковна (1901 г. р.). Шихман Фаня Берковна (1906 г. р.), Судит Анна Берковна (1886 г. р.), Бронштейн Хайка Берковна (1889 г. р.), Ройзман Раиса Исааковна (1872 г. р.).

[405] Там же. Л. 27–28, 30, 35–40.

[406] Там же. Д. 19. Л. 85–88.

[407] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 214.

[408] Ibidem.

[409] Ibidem. – P. 215.

[410] Ibidem. – P. 216–217.

[411] Ibidem. – Vol. V. – P. 7.

[412] Бачинський А.Д. Трагедія еврейського населения українського Подунав'я: 1941 // Одесский университет. – 1991. – № 21.– 15 октября.

[413] Там же; DCFRJD. – Vol. VI. – P. 294; Вестник. – № 3. – С. 129.

[414] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 204–205.

[415] ГАЧО. Ф. Р-653. Д. 141. Л. 2, 20, 30, 51.

[416] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. – Т. II. – Кишинев, 1976. – С. 34–35, 39–40 и др.

[417] Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация (1.IX.1939 г. – 19.XI.1942 г.). – Кишинев, 1981. – С. 246–248.

[418] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 337.

[419] Ibidem. – P. 370.

[420] О Праведниках мира см.: Михаил Беккер. Зажги свечу в день Победы… – Кишинев, 2002. – С. 137–160; Holocaustul. Materiale informative pentru profesorii de istorie. – Chişinau, 2003. – P. 36–38 (alcătuitor T. Magder); Назарие С. Холокост. Страницы истории. – Кишинев, 2005. – С. 132–133, 139 и др.

Глава IV

ВРЕМЕННЫЕ ЛАГЕРЯ И ГЕТТО В БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЕ

§ 1. Концентрационные и транзитные лагеря

После выхода немецких и румынских войск к Днестру режим военной оккупации в Северной Буковине и Бессарабии продержался еще 2–3 месяца. Но одновременно создавалась гражданская администрация, фактически представленная военными. Кондукэтор неоднократно заявлял, что «лично будет руководить организацией Бессарабии и Буковины» через своих уполномоченных генерала К. Войкулеску в Бессарабии и полковника А. Риошану в Буковине (в связи с внезапной смертью последнего в конце августа 1941 г. на эту должность был назначен генерал К. Калотеску). Префекты уездов были также подобраны в основном из числа отставных военных старших чинов.

В начале сентября 1941 г. «уполномоченные главы государства» стали официально именоваться губернаторами. Для связи между правительством и губернаторами и координации их деятельности при президиуме кабинета министров Румынии был создан «Военно-гражданский кабинет для администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии» (сокращенно КББТ), возглавляемый генеральным секретарем правительства Овидиу Влэдеску.

В одном из официальных отчетов КББТ сказано: «...кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоеванных провинций»[1]. Главным звеном ее должна была стать колонизация румынами этих территорий, предварительно очищенных от «иноплеменных» жителей.

12 июля 1941 г. Михай Антонеску собрал представителей прессы и изложил им «принципы», на основе которых будет осуществляться «национальная реконструкция отвоеванных провинций». Он уточнил, что колонизация

«в этих провинциях будет проводиться элементами из Старого королевства», главным образом участниками войны против СССР[2].

Румынский фюрер носился с идеей собрать под крышу «Великой Румынии» от Тисы до Буга румын, проживавших на Балканах (македоно-румын, истро-румын и т. д.), молдаван из Приднепровья, Северного Кавказа, Приазовья, Крыма. Осуществить эти планы он стремился еще в ходе войны. Главным центром колонизации румынами-фронтовиками должны были стать Бессарабия и Северная Буковина. На свободных землях юга Бессарабии И. Антонеску планировал разместить и часть македоно-румын.

Начав «этническую чистку» в Бессарабии и Северной Буковине с массового истребления местных евреев, правители фашистской Румынии добивались «окончательного решения еврейского вопроса» в «вызволенных» провинциях в кратчайший срок. Как впоследствии писал губернатор К. Войкулеску в своем «Меморандуме о еврейской проблеме в Бессарабии», направленном И. Антонеску, она, в соответствии с «основополагающими директивами», являлась первейшей задачей, требовавшей «безотлагательного решения»[3].

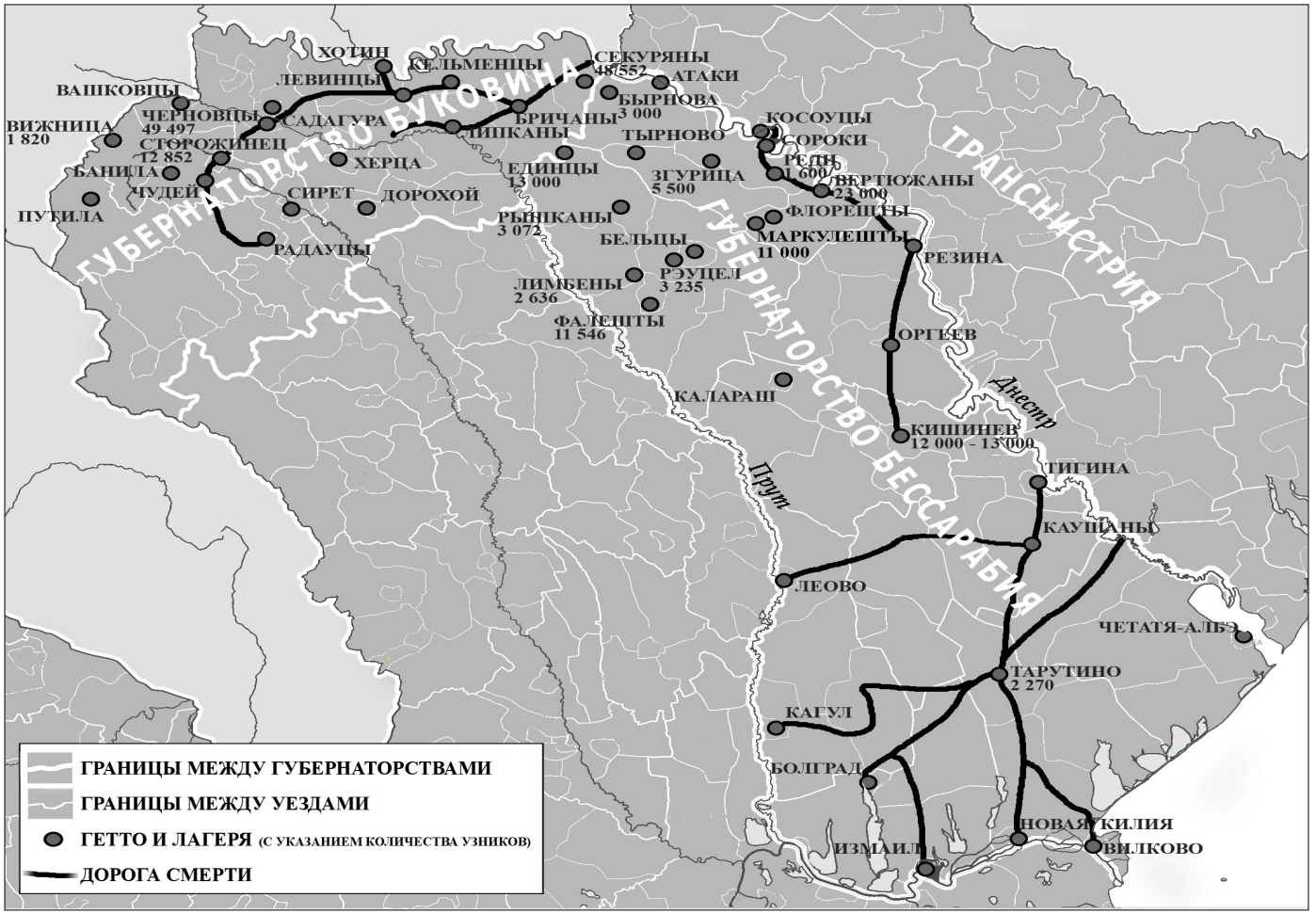
Евреев, оставшихся в живых после повсеместных кровавых погромов, румынские военные, жандармы и полицейские начали сгонять в концентрационные лагеря. К этой акции оккупационные власти стали готовиться еще тогда, когда бои шли на территории Бессарабии. 8 июля 1941 г., в соответствии с приказом Министерства внутренних дел Румынии и Генерального инспектората жандармерии, полковник Т. Мекулеску, руководитель Бессарабского жандармского инспектората, разослал своим подчиненным циркуляр следующего содержания: «...выявить и арестовать всех евреев любого пола и возраста в сельской местности и доложить об этом инспекторату через соответствующие легионы в целях получения следующих приказов»[4].

Сначала, как отмечалось, вступив в тот или иной населенный пункт Северной Буковины и Бессарабии, фашистские войска и следовавшие за ними жандармы, полицейские, айнзацкоманды после погрома собирали оставшихся в живых евреев села, местечка или города в одном, двух или больше местах, в зависимости от их численности (в синагогах, полицейских и жандармских участках, на площадях или просто в поле и т. д.), а затем под конвоем отправляли в город или местечко, отведенное под концентрационный лагерь. Последние создавались в расчете на их короткое существование, так как конечная цель была полностью и в кратчайший срок очистить эти области от евреев путем их насильственной депортации за Днестр, а возможно, и дальше.

17 июля 1941 г. главный претор И. Топор по возвращении из инспекционной поездки по Бессарабии разослал всем подведомственным органам приказ, в котором среди прочего говорилось: «Страна не нуждается в евреях и должна быть очищена от евреев... Евреи должны быть отправлены за Днестр, а не за Прут... Запрещается посылать евреев в глубь (Румынии – *И. Л.*) и обеспечивать питанием. Легионы (жандармские – *И. Л.*) не имеют откуда давать»[5].

Некоторые лагеря походили скорее на сборные пункты, одни узники пребывали в них считанные дни, их перегоняли в другие места, вместо угнанных сюда приводили других. В силу этого численность узников каждого лагеря постоянно менялась, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

Первые лагеря, гетто и сборные пункты стали создаваться в Черновицкой области и на севере Молдавской ССР. В местечках Вэскэуць, Вижница, Новоселица, Заставна, в с. Лужаны фашистские каратели сосредоточивали евреев из окружающих сел. На первых порах в Вижницу было загнано 1820 евреев, в Вэскэуць – 1500[6]. В с. Лужаны лагерь был устроен на территории бездействующего спиртзавода. Побывавшая в нем Клара Микалюк вспоминает: «Там (в Лужанском лагере – *И. Л.*) мы лишились своих ве-

Временные гетто и лагеря на территории губернаторств Бессарабия и Буковина

щей, так как по приказу мы сбросили все вещи посреди двора в одну кучу. В этой куче рылись все охранники наши, потом объявили, чтобы мы брали все остальное. Честные люди там уже ничего не нашли». Клара Микалюк утверждает, что «первоначальный план был – переправить нас на территорию Польши в Освенцим или Треблинку»[7]. Но хозяйничавшие там гитлеровцы еще не были готовы принять евреев из зоны румынской оккупации.

В городке Заставна евреев изолировали от христианского населения, приказом фашистских властей всякие контакты под угрозой смерти были запрещены. Евреи обязаны были пришить к спине «звезду Давида». Узники лагеря были лишены всякой медицинской помощи, подвергались всяческим унижениям и надругательствам[8].

В м. Новоселица, как и в Заставне, лагерь просуществовал недолго. Кроме местных евреев, переживших погром 5–6 июля 1941 г., сюда пригнали оставшихся в живых из целого ряда сел. В один из июльских дней их погнали в сторону Днестра. Упомянутая нами Хая Моргенштейн пишет: «Из Новоселицы – дальше на Липканы и Бричаны. У нас с собой не было ни одежды, ни пищи. Мой муж Вельв и мой отец Фрайм пытались найти пищу и отдалились от колонны, тут же раздался выстрел, и отец был убит, муж успел втиснуться в колонну. Я же с маленькой дочкой Ривкой (ей было 5 лет) на руках. Она, бедная, плачет, хочет кушать, а я не имею что ей дать. Недели и месяцы шли, люди умирали прямо на дороге от голода и жажды. Наконец, где-то в августе, нас загнали в лагерь Сокиряны»[9].

В уездном центре г. Сторожинец румынские власти устроили гетто, выделив всего две улицы города на его окраине. Здесь и раньше проживало преимущественно еврейское население. Евреи, собранные в первые дни оккупации в помещениях одной начальной школы и приюта для детей-сирот, были направлены в гетто. Численность населения в нем составляла вначале около 2500 человек. В гетто евреи были подвергнуты жесткому режиму. Особенно изощрялся в издевательствах над узниками гетто подполковник Александреску, начальник местного призывного округа. Он лично избивал евреев и к этому призывал других, заставлял голодных, измученных людей выполнять самые трудные и грязные работы. После 7 часов вечера евреям было запрещено появляться на улице. Посещать рынок они могли в течение двух часов, но после 10 часов утра, когда на рынке мало что оставалось. Беднота, лишенная всяких средств, питалась травами. Все без исключения евреи должны были пришить на верхнюю одежду «звезду Давида».

В город стали сгонять евреев из сел Бэнила, Жадова, Берхомет-на-Сирете, Чирешь, Будинец и других мест. Их разместили временно в здании синагоги. Число евреев в городе достигало в определенные моменты 13–14 тысяч. Пригнанных из сел евреев, размещенных в синагоге и других местах города, погнали в м. Вэскэуць. Но этот лагерь, как и в Лужанах, просуществовал недолго[10].

В Вэскэуць администрация лагеря решила до экзекуции устроить над евреями судилище. Специально созданный «суд» должен был определить виновность и меру наказания каждому еврею. Счастливый случай прервал этот спектакль и спас жизнь узникам. Поздней ночью, когда вывели на расстрел двух евреев, «осужденных» на смертную казнь, мимо проехала машина, в которой находился офицер высокого чина[11]. Заметив двух совершенно голых людей, он остановился и поинтересовался, что происходит. «Этот старший офицер, – пишет уже цитированный нами раввин Херовиц из Бэнила, – ангел, посланный Богом, чтобы спасти жизнь сотен людей, он приказал не повторять подобное варварство. Исполнителей он предупредил, что головой будут отвечать за жизнь каждого еврея. С убийствами в этом лагере было покончено». Более того, благодаря усилиям местных евреев, возглавляемых раввином, несколько улучшилось

питание узников. Привлеченные к сельскохозяйственным работам евреи стали получать какую-то пищу. После трех недель скитаний появилась возможность помыться в бане»[12]. Но «райская» жизнь продолжалась недолго. 26 июля поступил приказ о переносе лагеря. Евреев выстроили в колонну, и начался очередной мучительный поход. На седьмой день колонна добралась до м. Липкань. «Нас, – продолжает Херовиц, – держали в поле, и жандармы нас терроризировали, грабили и грозили расстрелять. Руководитель конвоя локотенент Вэля получил телеграмму легиона с требованием сообщить число скончавшихся в конвое. По-видимому, принцип «как можно больше мертвых» должен был применяться и к нам. Здесь мы встретили другую колонну, прибывшую из Сторожинец». Это было в начале августа.

Из Липкан разросшуюся колонну в несколько тысяч евреев погнали в некогда еврейское местечко Бричаны. «Траур и печаль, – пишет Херовиц. – Домашние вещи, книги, священные свитки валялись в беспорядке посередине улицы, дома разграблены. На нас наводили ужас трупы, которые валялись в канавах. Это бессарабские евреи. Еще одну ночь мы провели в поле. Дождь нас дробил, холод и голод приносят первые жертвы»[13].

По разбитым дорогам и непролазной клейкой грязи колонну гнали в сторону районного центра Секурень. «Отставание, – подчеркивает Херовиц, – стоило жизни. На дороге новые жертвы, раздетые догола трупы валяются».

В м. Секурень колонну не пустили, ночевать пришлось в лесу у с. Бырнова Сорокского уезда. За одну ночь здесь умерло 15 человек. Хоронить их было запрещено. На второй день колонну направили в м. Атаки Сорокского уезда Молдавской ССР (при румынской власти м. Атаки входило в Хотинский уезд), где проходил мост, связывающий правый и левый берег Днестра. На дороге валялись кости сожженных трупов евреев из Хотина, их также гнали на Атаки. «Как описать эти тяжелые, изнурительные дороги без воды, еды и отдыха!? – пишет случайно выжившая Мария Зерман из Хотина. – И сейчас в моей памяти картины того, как жандармы, сопровождавшие колонну верхом на лошадях, нагайками добивали старых, немощных людей, как трупы оставались прямо на дороге, родные не имели возможности их похоронить... Ночью мы лежали в поле под открытым небом. Вопли из-за ночных грабежей я очень запомнила. Помню, когда доктор Эльман покончил жизнь самоубийством. Он ввел себе шприцем отравляющее вещество, как он тяжело умирал. В Атаках нас не приняли, почему, я не знаю. Вскоре нас погнали обратно. По пути следования часть колонны была отделена. Бедные жертвы копали себе яму. И их тут же расстреливали[14]. Аркадий Битман был юношей, когда его с родителями и сестренкой, на два-три года младше его, погнали из Липкан через Бричаны к Днестру. «Под г. Атаки, – пишет он, – убили родителей, а нас с сестренкой погнали в г. Ямполь, затем в лес»[15].

Немецкие фашисты придумали «механизированные» способы уничтожения беззащитных евреев. Бывший узник Шулим Дикман из с. Веречанка Заставненского района Черновицкой области рассказывает: «В июле 1941 г. оккупанты выгнали нас в направлении г. Снятина. По дороге к нам примкнули тысячи ограбленных обездоленных евреев. Вели нас по территории Бессарабии. Евреев, не имеющих сил передвигаться дальше, расстреливали немцы, ехавшие вслед за колонной. Они разгонялись на машинах, врезались в колонну, калеча и убивая людей».

Все буковинские и бессарабские евреи прошли через временные лагеря и гетто, а затем большей частью пешком под ударами жандармов и полицейских, оставляя по дороге своих расстрелянных, замордованных и скончавшихся от болезней, голода и жажды родных и близких, проделывали путь к Днестру, где их ждала переправа в «царство смерти». Пришлось им пройти через многие села Буковины и севера Бессарабии, по-разному отнеслось население к этим обездоленным людям. Бывший узник Велвел

Вайнштейн, прошедший по этим дорогам, вспоминает: «11 июля нашу семью и другие 50 еврейских семей захватчики отправили в концлагерь г. Новоселица. Спустя неделю из Новоселицы нас погнали в концлагерь г. Сокиряны. Во время нашего перехода в селах Маршинцы, Тарасауцы, Ванчикауцы и в самой Новоселице многие жители этих местностей вели себя как фашисты. Они грабили и убивали людей из нашей колонны. В других селах, через которые мы проходили, люди вели себя по-человечески, многие давали кушать, хотя конвоиры это запрещали. Было это в селах Мамалыга, Крива»[16].

В период пребывания в лагерях тысячи евреев использовались румынскими властями на всяких тяжелых и грязных работах. Напомним, что 18 июля 1941 г. за подписью товарища министра внутренних дел генерала Жака Попеску всем подведомственным организациям было разослано распоряжение И. Антонеску об использовании евреев и военнопленных «на тяжелых работах», в случае бегства «расстреливать каждого десятого», а плохо работающих «лишать питания» и возможности приобретать его. В середине августа 1941 г. полковник Риошану, уполномоченный румынского кондукэтора по Буковине, докладывал в Бухарест, что, в соответствии с приказом Верховного главнокомандования румынской армии, «на работах общественного характера ежедневно используются 5000 евреев»[17]. Аналогичные приказы об использовании евреев на работах «общественного интереса» и по «обустройству шоссейных дорог» были изданы командованием 3-й и 4-й румынских армий, действовавших на советско-германском фронте[18].

Армейские части принимали активное участие в сборе евреев по населенным пунктам и направлении их в места, отведенные под временные лагеря. В Бельцком уезде после прохождения фронта этим делом занималась 8-я румынская пехотная дивизия. 1546 евреев было отправлено в м. Фэлешты, 1235 – в уездный город Бэлць, 700 – в с. Новые Лимбень. Место для еще 5000 евреев, захваченных дивизией, предстояло определить. Докладывая об этом Министерству внутренних дел Румынии, главный претор генерал И. Топор писал 17 июля 1941 г.: «...евреев охранять и обеспечить питанием некому..., их присутствие в Бессарабии некстати»[19]. В ответной телеграмме от 22 июля упомянутый генерал Попеску распорядился: «Евреев из Бэлць, Фэлешть и Лимбень в целях содержания отправить на работу до принятия очередных мер по интернированию».

В самом г. Бэлць лагерь для евреев не был создан из-за больших разрушений, особенно в кварталах прежнего проживания евреев. Избежавших расстрела в первые дни пребывания немецких и румынских войск в городе временно разместили в местной тюрьме и в ряде других мест. По донесению полиции, 21 июля 1941 г. около 100 евреев из Бэлць были отправлены на ст. Рэуцел, в 12–15 км от города. Там в лесу был устроен лагерь. В течение 22–31 июля в Рэуцел было отправлено 2452 еврея[20]. В лесу, где размещался лагерь, было 6–7 будок, построенных при советах, в них едва помещалось 100 человек, остальные содержались под открытым небом. «Спали, – как пишет бывший узник этого лагеря Давид Парнас, – на голой земле, в противотанковых рвах, накрытых засохшими ветками! Во время дождей, а они в это лето выпадали часто, ямы наполнялись водой до колена и их обитатели черпали воду баночками и просто руками»[21]. Никаких гигиенических условий, естественно, в лагере не было, вши кишели и поедали людей. Узник этого лагеря Борис Трахтенбройт вспоминает: «Ежедневно нас возили на строительство дорог и на другие земельные работы. Кормили один раз в день. Масса людей болели кишечными заболеваниями, умирали от разных инфекционных заболеваний, от непосильного труда, от голода»[22]. Выступавший на процессе по делу скрывавшегося военного преступника подполковника Боулеску, начальника жандармского легиона Бельцкого уезда, Едуард Гринэсеску рассказал: «Все население города Бэлць

с ужасом говорило об этом лагере. Лагерь охраняли румынские солдаты, они же сопровождали конвои евреев, направляемых на работу в город. За станцией Пэмынтень я видел конвои евреев, привезенных на работу по очистке улиц от изобилия грязи, накопившейся от дождей последних дней. Большинство из них были босыми, и все без исключения одеты в лохмотья и изголодавшиеся». Е. Гринэсеску был свидетелем такой сцены: «Вблизи этого конвоя находился ресторан «Яцку». В какой-то момент персонал ресторана выбросил на улицу ящик с кожурой от картошки и отходами от овощей. Изголодавшиеся несчастные евреи, как животные, набросились на эти отбросы, каждый старался схватить кожуру. Несколько хулиганов, сидевших в стороне и наблюдавших за этой сценой, ради потехи бросили в гущу этих несчастных по картошке, чтобы присутствовать при потасовке за овладение ею. Когда я приблизился к этому конвою, чтобы передать одному моему товарищу пачку папирос, румынский охранник попытался ударить меня прикладом винтовки, хотя я был в военной форме и тоже при оружии»[23].

В Фэлештском лагере местных евреев было только человек 300, оставленных для строительства дороги, остальные – из разных других мест. В информационной сводке Кишиневского жандармского инспектората за 13–14 июля 1941 г. отмечается: «Жандармская секция Фэлешть задержала 2460 евреев, которые были размещены на окраине местечка, где питаются за свой счет. Из их числа взяты заложники, их держат под арестом в здании секции. Кроме того, 560 евреев, привезенных 414-й полицейской ротой, были взяты немецкими войсками и на грузовиках увезены в неизвестном направлении. 10 евреев, обвиненных в открытии огня по немецким войскам, были переданы с оформленными документами военно-полевому суду»[24]. По данным районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, за месяцы существования лагеря в Фэлешть через него прошли до 5 тыс. евреев. Бывший узник этого лагеря Штейнберг Давид рассказал: «Условия в лагере были ужасные. Заключенных евреев не кормили. Девушек заставляли раздеваться и плясать нагими перед немецкими и румынскими солдатами. Молодых, красивых девушек ежедневно брали и уводили к солдатам, где их насиловали». В документе приведены имена и фамилии 15–20-летних жертв фашистских насильников. Как и в других лагерях, «страшно много умирало от голода, в особенности дети гибли от эпидемических заболеваний». Во второй половине июля 1941 г. часть лагерников стали отправлять к Днестру. Оказавшиеся в этой колонне Рубинштейн Этя и Вайсман Пиня рассказали, что «в пути всех больных и изможденных евреев немецко-румынские солдаты обычно расстреливали»[25].

В Лимбений Ной на 27 июля было свезено 1904 еврея, а вообще через этот лагерь за месяц его существования, по данным районной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, прошли до семи тысяч евреев из Болотинского, Фэлештского, Скулянского и ряда других районов Бельцкого и Оргеевского уездов, «их – мужчин, женщин, детей и стариков – морили голодом, по пять-шесть дней не давали кушать и пить, а при сопровождении евреев к колодцу в пути следования всячески над ними издевались и избивали, кроме того, молодых девочек-евреек брали на ночь и насиловали. Вследствие зверского издевательства и голода в лагере было умерших евреев более 800 человек»[26]. В таких же условиях находилось несколько тысяч евреев в лагере м. Рышкань того же Бельцкого уезда[27]. В начале августа 1941 г. только в трех лагерях этого уезда были заключены, по сведениям жандармерии, 8974 еврея, в том числе в Лимбений Ной – 3000, Рышкань – 3024, Рэуцеле – 2950[28].

Сорокский уезд Молдавской Республики примыкает к Днестру. 3 августа 1941 г. Сорокская префектура приказала уездной жандармерии «собрать всех жидов обоих полов, включая детей, со всей территории и держать их под строгим наблюдением и охраной в созданных лагерях»[29]. В пределах уезда такие временные лагеря были устро-

ены в м. Вертюжень, селах Рубленица, Редю (Александру чел Бун при румынской власти – *И. Л.*) и в Косоуцком лесу. 12 августа 1941 г. префект Сорокского уезда Р. Ефтимие докладывал Министерству внутренних дел, что в лагере Редю заключено 3000, а в Рубленице – 7700 евреев и все они охраняются жандармами»[30]. Евреям Сорокского уезда не пришлось совершать многодневные переходы, чтобы добраться до берегов Днестра. Путь для них к лагерям был короче, но столь же кровавым. Вот что рассказал бывший узник Сруль Гойхман из приднестровского села Кременчуг того же Сорокского уезда. Он, как и все его родные, был хлеборобом – человеком самой мирной профессии. Когда село было оккупировано фашистскими войсками, «всех евреев, – пишет он, – в том числе нашу большую семью (мы жили с родителями, братьями и сестрами), погнали в лагерь с. Вертюжаны. Это была дорога смерти. Нас морили голодом, били и издевались над нами. Моя сестра Сима Гойхман шла со своей свекровью и моими родителями – отцом Гойхманом Зейликом и мамой Гойхман Ханной, сестра была беременна. Она валилась с ног от тяжелой дороги и голода. Так, за кусочек хлеба, который она попросила, их завели в лес и расстреляли»[31].

Особенно «славился» лагерь в Косоуцком лесу. Все здесь было подчинено уничтожению евреев. Янкель Верников из г. Сороки, рассказывая о гонениях и издевательствах над городскими евреями, пишет: «Большую их часть согнали в Косоуцкий лес. В этом лесу расстреляли мою бабушку Бондаровскую Брану, брата моей матери Бондаровского Мотю. Его жена Бондаровская Ита, увидев весь этот ужас, бросилась в колодец с двумя детьми. Кругом были крики и плач»[32].

Фашистские каратели использовали любой повод для расстрела евреев в Косоуцком лесу. Здесь во время военных действий скопилось много артиллерийских снарядов и горючего. Фира Шафер и Ева Ермолаева, побывавшие в этом аду, пишут: «Разрешили разжигать костры, греть воду. От костров стали взрываться снаряды. Нас обвинили в умышленных взрывах, и снова расстреливали невинных людей»[33]. Об этом же рассказала Любовь Креймерман из местечка Единец[34].

Косоуцкий лес наводил ужас на каждого побывавшего в нем. «Страшны воспоминания о ночи, проведенной в лесу у с. Косоуць, когда отобрали всех мужчин для уборки листьев в лесу (!), а вскоре стали раздаваться выстрелы», – пишет бывший узник Давид Парнас[35]. «В Косоуцком лесу после очередного расстрела, – вспоминает Лейзер Зингер, – я своими глазами видел, как колыхалась земля от заживо погребенных людей»[36].

Сотни людей погибли в этом лесу от голода и болезней. С приходом в с. Бричево Сорокского уезда всех евреев отправили в Косоуцкий лес, предварительно полностью ограбив их. Там, вспоминает бывший житель этого села и узник фашистских лагерей Давид Райфман, «нас держали 2–3 недели без пищи. Когда нас пригнали в лес, там уже были люди из других районов этого уезда. Мы оказались без всякой помощи. В результате многие не выдерживали, особенно дети и старики, и умирали от голода»[37]. Хайа Райфман из того же с. Бричево рассказала: «В лесу я встретила родную тетю Рывку Лившиц с четырьмя детьми. В том же лесу через неделю они умерли от холода и болезней»[38]. Через Косоуцкий лагерь смерти в разное время прошли тысячи евреев Черновицкой области, многие из них там и погибли. Передавая свое первое впечатление об этом лагере, черновчанин Нухим Бендит пишет: «В Косоуцком лесу мы видели трупы расстрелянных людей»[39].

В апреле 1945 г. Сорокская районная комиссия по расследованию злодеяний фашистских карателей на основании показаний свидетелей произвела раскопки двух ям, в которых были закопаны жертвы нацистских преступлений. В составленном акте записано: «В Косоуцком лесу на месте бывшего концентрационного лагеря имеются две могилы размерами: одна 6×4×3 и вторая – 7×9×3 (метров). В обеих могилах были рас-

копаны две площадки размерами 1,60 × 0,80 м, причем с поверхности 1,28 кв. м было изъято 20 скелетов. До глубины в 3 м были уложены трупы в 10–12 рядов. Принимая во внимание кубатуру вышеуказанных могил, по приблизительным подсчетам комиссии, в этих двух ямах закопано по меньшей мере около 6000 человек...»[40].

Много тяжких испытаний пришлось перенести евреям, заключенным в лагеря Рубленицы и Бырново. В лесу у села Бырново, где находилось несколько тысяч евреев, 8 дней они жили под открытым небом, без возможности приобрести себе питание, так как крестьянам было запрещено приближаться к лагерю и продавать свои продукты, для питания использовалась дождевая вода, собранная в двух ямах. Не только рядовые солдаты, охранявшие лагерь, но и некоторые офицеры жестоко издевались над узниками[41]. Бывшая узница фашистских лагерей Ханци Ярмолинская из Хотина рассказала: «На еврейские праздники (осенью 1941 г. – *И. Л.*) нас выгнали в село Бырново, примерно в пяти километрах от Сокирян. Там фашисты устроили еще один Бабий Яр. По дороге убили моего отца Меера, сестру Розу, папину родню: тетю Бруху, дядю Арона с семьей, двоюродного брата отца Ицика»[42].

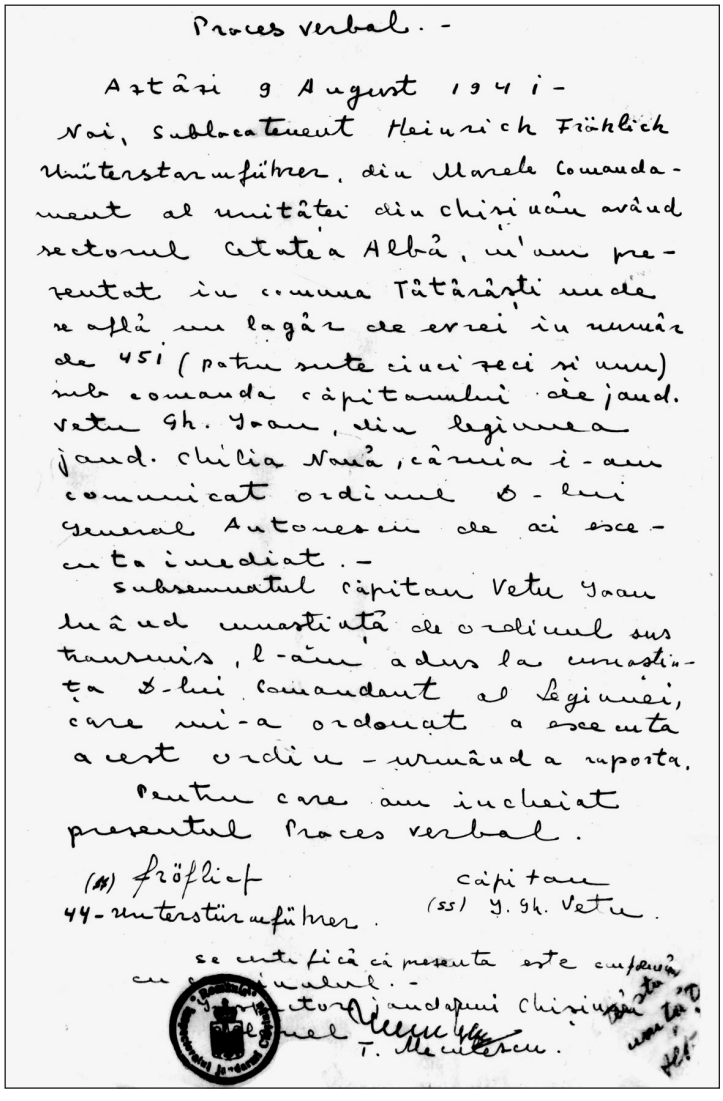
По мере отхода советских войск в междуречье Прута и Днестра концентрационные лагеря стали создаваться в центральных и южных районах Молдавской ССР и Измаильской области. 24 июля 1941 г. уполномоченный И. Антонеску по Бессарабии генерал К. Войкулеску разослал всем уездным префектурам и карательным органам приказ № 61 «О создании в провинции лагерей для евреев и использовании их на строительство и ремонт дорог, мостов и на других тяжелых работах»[43]. «В основу этого постановления, – писал его автор маршалу И. Антонеску, – положена Ваша идея относительно того, как следует обращаться с евреями»[44].

В Оргееве, Кагуле, Тэтэрештах. Измаиле, Новой Килии, Белгороде-Днестровском и др. были образованы сравнительно небольшие лагеря (до 1000 заключенных евреев)[45]. В «Информационном бюллетене» за 10–20 августа 1941 г. о положении в Бессарабии сказано: «Евреи интернированы в лагеря или гетто и постоянно надзираются»[46]. Префект Измаильского уезда Т. Преда докладывал 24 сентября 1941 г. Министерству внутренних дел, что в местном гетто содержатся 582 женщины, старики и дети, в городах Рени и Белгород «все евреи интернированы в созданные на месте лагеря». Еще отмечается в этом донесении, что в Измаиле, Рени и Белгороде имеются «три трудовых лагеря, в них находятся соответственно 96, 29 и 50 евреев, управляет ими уездный призывной пункт, охрану всех лагерей осуществляют армия и полиция» [47].

Некоторые лагеря просуществовали считанные дни. Как отмечалось, евреи, собранные в трех помещениях г. Оргеева, были уничтожены жандармами, полицейскими и гитлеровцами еще в 20-х числах июля 1941 г. Таким же образом поступили с заключенными евреями в лагере Тэтэрешть. Палачи оформили это злодейство актом о списании живых людей. Вот полный его текст: «9 августа (1941 г. – *И. Л.*) сублокотенент Генрих Фрелих, унтершафтфюрер из Главного командования войсковых частей в Кишиневе по сектору Четатя Албэ (Аккерман, Белгород-Днестровский – *И. Л.*) представился в м. Тэтэрешть, где находился лагерь для евреев в количестве 451 (четырехсот пятидесяти одного) человека, возглавляемый жандармским капитаном Вету Г. Иоан из жандармского легиона Новая Килия, которому сообщил приказ господина генерала Антонеску о немедленном расстреле. Нижеподписавшийся капитан Вету Иоан, приняв к сведению вышеуказанный приказ, сообщил о нем командованию легиона, которое приказало исполнить этот приказ и о выполнении доложить. В связи с чем и составлен настоящий акт»[48]. Подписи Фрелиха и Вету заверил сам инспектор жандармерии Бессарабии полковник Т. Мекулеску. В акте не указано лишь количество драгоценностей и денег, изъятых у расстрелянных, евреев и присвоенных капитаном Вету. Поскольку эти цен-

ности подлежали сдаче Национальному банку Румынии, что не было сделано, против капитана Вету было возбуждено дело, но отнюдь не за уничтожение невинных людей, в том числе детей. Для истории полковник Мекулеску решил оставить другой документ. В телефонном сообщении № 80 от 13 августа 1941 г. он среди прочего сообщил в Штаб главного претора: «Евреи из лагеря Тэтэрешть уезда Килия, направленные на полевые работы, отказались работать и, став агрессивными, были расстреляны»[49]. Капитан Вету присвоил себе отнятые у расстрелянных следующие ценности: мужские золотые часы с тремя крышками фирмы «Павел Буре», золотое кольцо с красным бриллиантом, четыре золотых обручальных кольца, цепь желтого цвета и 2000 леев[50].

«Дело» капитана Вету затянулось на многие месяцы и было направлено на решение «Совета по увольнению его со службы». Прочитав об этом в январе 1942 г., И. Антонеску написал: «Всего лишь?». Одновременно маршал дал указание руководителю румынской жандармерии генералу Пики Василиу подумать, «где хранить этот акт «Вету–Фрелих» и «относительно уместности отдавать под суд» капитана Вету за ограбление

Proces verbal. -

Astăzi 9 August 1941 -

Noi, Sublocotenent Heinrich Fröhlich Unterstarmführer, din Marele Comandament al unităței din Chișinău având sectorul cetatea Albă, ne-am prezentat în comuna Tătărăști unde se află un lagăr de evrei în număr de 451 (patru sute cinci zeci și unu) sub comanda căpitanului ajud. Vetu Gh. Ioan, din legiunea jand. Chilia Nouă, căruia i-am comunicat ordinul D-lui General Antonescu de ai esecuta imediat. -

Subsemnatul căpitan Vetu Ioan luând unoștință de ordinul sus transmis, l-am adus la cunoștința D-lui Comandant al Legiunei, care mi-a ordonat a esecuta acest ordin - urmând a raporta.

Pentru care am încheiat prezentul Proces verbal.

(ss) Fröflich
44- Unterstürmführer.

căpitan
(ss) Gh. Vetu.

se certifică ci presenta este conformă cu [illegible]
[illegible] tor jandarmi Chișinău
T. Mecuțescu.

Акт о расстреле в соответствии с приказом И. Антонеску евреев из лагеря в Татарешть

расстрелянных евреев, учитывая, что по закону «процесс должен быть публичным»[51]. Кондукэтор явно опасался гласности, а сам акт желал припрятать подальше от глаз людских.

Непродолжительное время просуществовал лагерь в Бендерах. В сводке № 88 от 19 сентября 1941 г. айнзацгруппы сказано, что евреи используются на всяких работах, но часть из них уже расстреляна[52].

На территории Северной Буковины и Бессарабии, наряду с концентрационными лагерями для евреев всех возрастов и профессий, в ряде мест румынскими властями были созданы специальные лагеря для коммунистов, «подозрительных» людей, занимавших какие-то должности при советской власти, активистов различных общественных организаций и т. д. В такие лагеря попадали люди разных национальностей, включая еврейскую, все они становились объектами пристрастных допросов со стороны румынских и немецких секретных служб. Чтобы отправить человека в лагерь «подозрительных», доказательств его виновности не нужно было. Главарь ССИ Е. Кристеску разъяснял по этому поводу: «Интернирование в лагерь по требованию органов ССИ должно осуществляться без составления документов и представления доказательств...»[53]. В 20-х числах июля 1941 г. в Садагурском лагере (ныне район г. Черновцы) «за антикоммунистическую деятельность» и «прислужничество большевикам» были заключены 3350 жителей Черновицкой области, в том числе 2858 мужчин и 492 женщины. Среди лагерников были 1798 украинцев, 786 румын, 766 евреев и др.[54] В своем рапорте от 29 августа 1941 г. генеральный административный инспектор М. Милотяну докладывал: «Подозрительные евреи и коммунисты были арестованы и интернированы в Черновицкий лагерь, предместье Рошу»[55]. Согласно данным областного инспектората полиции, в этом лагере содержалось 666 «подозрительных евреев и коммунистов»[56].

26 августа 1941 г. начальник жандармерии Бессарабии полковник Мекулеску предложил генералу Войкулеску, уполномоченному маршала Антонеску по Бессарабии, организовать лагерь для «подозрительных» в с. Новые Онешты Кишиневского уезда, бывшей немецкой колонии. Войкулеску поставил следующую резолюцию: «Одобряю предложение. Перейти к делу, осуществить срочно, составить смету на починки и ограждение»[57]. В с. Новые Онешты Кишиневского уезда прошли «проверку» во второй половине 1941 г. 1084 «подозрительных». Узники, признанные «опасными» (в эту категорию, как правило, попадали и все евреи), расстреливались. Участь других определяли военно-полевые суды. За взятки можно было отделаться несколькими годами тюремного заключения, а то и вовсе избежать тюрьмы и лагеря. «Неопасные» освобождались из лагеря, но находились под надзором полиции, жандармерии и т. д.

Под видом борьбы с коммунизмом румынские власти пытались очистить Северную Буковину и север Бессарабии от «нежелательных» элементов не только еврейской, но и других национальностей, переправив их за Днестр. В начале августа 1941 г., в канун очередного совещания шефов жандармских секций Хотинского легиона, созванного в м. Бричень, руководитель инспектората жандармерии Буковины полковник И. Мыникуцэ назначил шефу Хотинского легиона майору Т. Дрэгулеску встречу на шоссе Липканы–Бричаны и продиктовал ему следующий приказ главного претора генерала И. Топора: «Всех украинцев и румын, которые были на стороне коммунистов, отправить за Днестр, все другие меньшинства этой категории подлежат уничтожению»[58]. В числе «других меньшинств» имелись в виду, конечно, евреи. Этот приказ был доложен на совещании в Бричанах.

По возвращении в свои резиденции шефы жандармских секций стали тотчас же выполнять вышеприведенный приказ. Были и редкие исключения, кое-кто из жандармов, не желавших стать слепым орудием криминальной политики, мешкал с исполнением

воли начальства. Префект Хотинского уезда доктор Ж. Герман во время инспекционной поездки в Выртикэуць был встречен на площади перед примарией села женщинами, которые, стоя на коленях прямо в грязи, на русском языке умоляли его вернуть их отцов, мужей и братьев, всего около 100 человек, депортированных за Днестр. Здесь же префекту доложили, что другая колонна в составе около 100 человек двигается в сторону с. Влэдичень и также будет переправлена на левый берег Днестра. Такие же сведения поступали из сел Зарожань, Клишкэуць, Большая Корлона, Береста, Билавэць, Першикэуць, Рухотин и др.[59] В числе «нежелательных» для румынского государства элементов, подлежавших выселению, были члены сельских советов, должностные лица молодых колхозов и совхозов, некоторые учителя школ, попадались и многие рядовые крестьяне. В ряде сел наиболее ретивые жандармы стали расстреливать людей, порою из личной неприязни. Один румынский лейтенант пограничных войск доложил префекту, что в Днестре плавают трупы убитых крестьян. Четыре женщины из с. Рукшин жаловались, что ночью были арестованы жандармами их мужья, расстреляны в лесу, а трупы брошены в реку. Отношения между румынской администрацией и населением украинских сел Хотинщины еще в межвоенный период (достаточно вспомнить Хотинское восстание в 1919 г.) стали сложными. Развернувшаяся волна репрессий в уезде могла вызвать нежелательную вспышку страстей. Префект решил приостановить депортацию и расстрелы без суда и следствия.

Но все эти «ослабления» не коснулись евреев, более того, по отношению к ним режим репрессий ужесточался с каждым днем. В двадцатых числах июля 1941 г., когда бои в Украине велись в Прибужье, румынские власти без предварительного согласования с немецким командованием, а порою даже не предупреждая своих низовых исполнителей этой акции, стали отправлять за Днестр тысячи евреев из временных концентрационных лагерей и сборных пунктов Черновицкой области и северных районов Молдавской ССР. Расчет, по-видимому, был на то, что, оказавшись в ближайшем тылу немецких войск, евреи как «враждебный элемент» будут тотчас же истреблены гитлеровцами. Но эти расчеты, в силу несогласованности операции с немцами, далеко не полностью оправдались.

28 июля 1941 г. начальник штаба армейского горного корпуса подполковник И. Кирикиу, ссылаясь на донесение 11-го полицейского взвода этого корпуса, докладывал командованию 3-й румынской армии: «27 и 28 июля с.г. были переданы командиру жандармского взвода 12 260 евреев из Бессарабии, которые остановились в селении Козлов (на левом берегу Днестра, вблизи Ямполя – *И. Л.*) без всякого распоряжения относительно дальнейшего назначения. Будучи в очень большом количестве и находясь в жутком состоянии, евреи очень агрессивны и трудно их обуздать»[60].

На это донесение 31 июля 1941 г. претор Генштаба 3-й румынской армии полковник Баркан написал: «Не знаю, кто из начальства приказал переправить жидов из Бессарабии в Украину. В Козлове у нас нет гражданской части, и поскольку расстояние большое, посылать не можем... Считая, что жидов следует распределить по украинским селам в непосредственной близости к Днестру, давая им свободно заработать на жизнь, работая в поле, но не разрешая переходить Днестр в Бессарабию»[61].

Предложение полковника Баркана, судя по всему, осталось при нем, никто из правителей Румынии не собирался давать евреям свободно расселяться по селам Украины, и, главное, у гитлеровского командования было свое решение.

30 июля командование 11-й немецкой армии со ссылкой на рапорт командования службы движения в Ямполе сообщало Главнокомандованию гитлеровских войск, что в указанном украинском городке уже «находятся много тысяч жидов, среди которых женщины, дети, старики». Это конвои евреев, переправленные румынами на восточный

берег Днестра. Далее в донесении сказано, что, поскольку эта масса людей не охраняется, не обеспечена питанием, то она, находясь в тылу действующей армии, ставит под угрозу снабжение фронта, безопасность связи, способствует распространению инфекционных заболеваний. Командование 11-й армии просило Верховное немецкое главнокомандование добиваться прекращения в будущем «переправы жидов и русских на восточный берег Днестра»[62].

Действующая на этом участке айнзацгруппа «Д» по своей линии стала сигнализировать в Берлин о действиях румынских союзников по отправке бессарабских и буковинских евреев на левобережье Днестра. В оперативной сводке № 67 айнзацгруппа «Д» докладывала своему начальству, что «румыны погнали тысячи людей из числа нетрудоспособных и детей из Бессарабии и Буковины в немецкую зону (оккупации – *И. Л.*)»[63].

8 августа 1941 г. начальник жандармерии Буковины полковник И. Мынекуцэ направил главному претору генералу И. Топору донесение об итогах операции по отправке евреев из Хотинского уезда (при румынской администрации в состав этого уезда входили местечки Липканы, Бричаны, Единцы, Атаки и ряд сел, вошедших в 1940 г. в состав Молдавской ССР) в Транснистрию. В донесении отмечено, что переправлены на левый берег Днестра «более 20 тысяч евреев» и еще 27 849 подготовлены к отправке, в том числе из Хотинского уезда – 3340, Рэдэуцкого – 4113, Сторожинецкого – 13 852, Черновицкого – 15 324, из лагеря Вижница – 1820 и т. д. В этом же донесении сказано, что начиная с 7 августа «немецкие войска» стали возвращать из Украины в Бессарабию всех лиц – уроженцев Бессарабии и Северной Буковины, независимо от национальности. Через Атаки Хотинского уезда были возвращены 570 евреев, которые по своей воле бежали из Бессарабии, а также 50 нежелательных украинцев. В донесении упоминается: «...мы информировали, что среди евреев, сосредоточенных у Секурень и Атаки, появились случаи сыпного тифа. Питание отсутствует. Жалуются, что не ели 5–6 дней, имеются случаи самоубийства и преждевременных родов»[64].

Здесь необходимо внести некоторые пояснения. Как уже отмечалось, в Украине (в Одесской, Винницкой, Николаевской, Кировоградской и др. областях) оказались тысячи бессарабских евреев из числа эвакуировавшихся в восточные районы СССР. В сводке айнзацгруппы «Д» № 64 отмечается, в частности, что «большое число беженцев из Бессарабии перехвачены в Кодыме»[65]. Оказавшаяся среди них Шая Клейман из Вад-Рашкова вспоминает: «В первые дни оккупации отношение к нам было довольно «хорошее». Все ограничивалось грабежами, причем и грабежи носили «интеллектуальный» характер. Немецкие солдаты в любое время заходили в дом (был приказ двери не запирать), довольно брезгливо рылись в наших вещах и выбирали только особо ценные вещи. Я помню, у нас забрали золотые часы и енотовую шубу. Все евреи были также обязаны носить на груди и спине белые звезды (в дальнейшем они были желтого цвета). Но наша сравнительно «спокойная» жизнь длилась недолго. Однажды в район, заселенный евреями, ворвался отряд немцев в черных мундирах (наверное, гестаповцы) и начал с криками и побоями выгонять мужчин и мальчиков 14–15 лет, их увели на окраину Кодымы. Более 100 человек были убиты и захоронены там. Среди убитых были мои родные: дядя Иосиф Нусимович с сыном Мойсеем, мои двоюродные братья Лев и Давид Клейманы, очень много земляков моих родителей»[66]. Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях бывшая узница Мария Фельдман[67].

Здесь в Украине от рук фашистов погибли родные автора книги: дядя Дувид Мордкович Левит и его жена – Хая, дочь Рива с мужем и ребенком, тетя Фрейда Мордковна Харитон (девичья фамилия Левит), двоюродная сестра Этель Левит и ее муж Абрам, дядя Шмил Авербух, которые до войны жили и трудились в Кишиневе.

В немецкой зоне оккупации Украины очутились также десятки тысяч бессарабцев и буковинцев призывного возраста, мобилизованные советскими военными комиссариатами в начале войны и направленные в междуречье Днестра и Буга на строительство оборонительных рубежей (рытье окопов, противотанковых рвов и т. д.), уборку урожая с полей и др. Как правило, у этой молодежи, среди которой были молдаване, украинцы, русские, болгары, евреи и др., паспорта и военные билеты были отобраны военкоматами, военное обмундирование, за редким исключением, не выдано. Когда советские части под натиском немецких войск стали отступать за Южный Буг, эта масса мобилизованных в гражданской одежде, брошенная на произвол судьбы и без руководства, разбрелась кто куда. Еврейская молодежь старалась всеми путями пробраться на восток, но далеко не всем это удавалось. Неевреи-бессарабцы и буковинцы устремились к своим домашним очагам.

Румынские власти не склонны были допустить возврата всех. Прежде всего, евреев, независимо от того, по какой причине они оказались в Украине. Но не только евреям был запрещен возврат в Бессарабию и Буковину. Власть старалась не допустить домой всех, независимо от национальности, кто «усердно» служил советской власти, а также украинцев, связанных с националистическими организациями, ратовавшими за вхождение Буковины, включая Хотинский уезд, в состав «самостийного» украинского государства. По рекомендации Генштаба И. Антонеску распорядился лишить гражданства и не допустить даже «румын (речь идет о бессарабских молдаванах – *И. Л.*), которые уехали за Буг по собственному желанию»[68], то есть сами эвакуировались на восток или же отправились на работу в промышленности Украины по так называемому «организованному набору рабочей силы», проводимому органами советской власти во второй половине 1940 г. Молдаване же Бессарабии, мобилизованные на фортификационные работы советскими военкоматами, могли вернуться в свои села и города после тщательной проверки жандармерией и полицией по месту жительства на предмет отсутствия «компрометирующего» материала. Возвращенец обязан был в течение 48 часов по прибытии встать на учет в жандармерии или полиции[69]. Забегая вперед, отметим, что до января 1942 г. в Бессарабию вернулись из-за Днестра 44 276 человек, в том числе 9385 городских жителей[70].

Первая попытка массовой депортации евреев Бессарабии и Буковины за Днестр, как уже было сказано, не увенчалась полным успехом для румынских властей. Часть евреев действительно была уничтожена айнзацкомандами и другими нацистскими формированиями. Но, по-видимому, немецкое руководство не желало выполнять за румын всю грязную работу. Под видом необходимости обеспечения безопасности тыла действующим войскам гитлеровцы стали отправлять к Днестру собранных евреев с целью переправить их на бессарабский берег реки.

В начале августа в рапорте № 64 айнзацгруппа «Д» жаловалась в Берлин, что в районе Могилева-Подольского собрано «примерно 7000 евреев», из них почти 6000 «препровождены на противоположный берег Днестра, но на мосту они встречаются с отчаянным сопротивлением со стороны румынских офицеров»[71]. Между тем, сказано в рапорте, поток евреев, предназначенных для переправы на правый берег Днестра, продолжает расти. В очередной сводке, № 67, утверждается, что в окрестностях Сказинец–Могилев-Подольский–Ямполь скопилось примерно 27 500 евреев, готовых к отправке «на румынскую территорию», а «1265, отчасти молодые люди, были расстреляны»[72]. В этом же рапорте уточняется, что «3105 евреев и коммунистов были ликвидированы в Черневцах (Могилев-Подольского района – *И. Л.*)» в ходе акции по зачистке территории восточнее Днестра. Между тем признается, что «никаких террористических и саботажных групп не обнаружено», иными словами, без суда и следствия убивали невинных людей только потому, что они являлись евреями или по подозрению в коммунизме.

Одна из колонн, подлежащих переправе на бессарабский берег Днестра, находилась в м. Сказинец. Перед отправкой гитлеровцы отобрали стариков, больных и изможденных, всего около 1000 человек, и, сказав им, что они будут определены в дома для престарелых, вывели за пределы местечка и расстреляли. Трупы были сброшены в противотанковый ров и покрыты землей[73].

Румынская сторона прилагала все усилия, чтобы не допустить возврата евреев в Бессарабию. 6 августа 1941 г. претор 3-й румынской армии подполковник Ж. Пойтевин доложил своему начальству: «5 августа немцы переправили через Днестр в Атаках 3000 из 12 000 евреев, которые были переброшены через Днестр в Могилев»[74]. «Немцы, – вспоминала Лиза Маловер из м. Единцы, – кричали «шнелер» («быстрее»), и тех, кто не успевал быстро перейти мост, сбрасывали в реку. Люди теряли друг друга, стоял душераздирающий крик. Эту картину невозможно описать»[75].

Положение вновь оказавшихся на бессарабском берегу Днестра евреев было жуткое. Полина Рябая из Бричан рассказывала: «Согнанные с родных мест, мы шли днем и ночью, пока не перебрались через Днестр. От усталости и голода легли на тротуары отдохнуть на камнях. Через несколько часов нас подняли и погнали обратно через Днестр в селение на высокой горе, названия которого не помню. Было очень много людей, дети плакали, люди умирали от страха, горя, голода и холода. Трое суток лил проливной дождь. Если кто осмеливался подняться, чтобы набрать немного воды, того тут же расстреливали. Было жутко. Так лежали люди на этой горе, пока не был дан приказ подняться и следовать вперед. Очень многие остались там лежать навечно...»[76]. Остальные через некоторое время оказались в лагере м. Сокиряны.

7 августа гитлеровцы безуспешно попытались переправить на первый берег Днестра в районе Атак еще 4500 евреев. Сообщая об этом, Пойтевин высказал предположение, что евреев погонят на Ямполь с целью переправить их в район Сорок. Он просил предупредить Сорокский жандармский легион об этом для отражения «атаки»[77].

9 августа 1941 г. на левом берегу Днестра у м. Рашков появилась колонна евреев, «примерно 2000 человек» из числа тех, кто намеревался эвакуироваться в тыловые районы СССР. Они были собраны румынскими войсками и по настоянию гитлеровцев направлены к Днестру для переправы на бессарабский берег, в Вад-Рашков. Узнав об этом, подполковник Пойтевин, последовательно проводивший политику этнической чистки, писал главному претору жандарму И. Топору: «Конвой, который находится в полной нищете, был остановлен на левом берегу Днестра. Я послал офицеров и 20 жандармов, чтобы толкнуть его обратно как можно глубже в Украину. Я приказал преториальным службам, чтобы евреев толкать вперед, а не назад. Прошу ходатайствовать перед Верховным главнокомандованием об издании приказа и доведении его до каждого полка, чтобы войска в ходе продвижения больше не собирали евреев и посылали обратно, а, наоборот, толкали вперед (в сторону Востока – *И. Л.*), иначе мы заполним берег Днестра со стороны Украины всем еврейством Бессарабии и Буковины»[78].

Перепалка между немцами и румынами принесла бессарабским и буковинским евреям дополнительные муки и страдания. Людей, как мячик, бросали с одного берега на другой. «Как-то нас собрали в Бричанах, – пишет Елизавета Теперман из с. Васкауцы Сокирянского района, – и, обманув, что идем домой, погнали за Днестр в с. Козлов, оттуда в Могилев-Подольский. Затем нас гнали с место на место, с румынской территории на немецкую и обратно, через понтонный мост на Днестре. Помню, когда переправили нас через Днестр, взорвали этот мост и те, кто не успел перейти, падали и тонули в Днестре»[79].

Если гитлеровцам из-за сопротивления румынской стороны не удавалось из Могилева-Подольского переправить евреев в Атаки, то их тут же гнали на юг, в Ямполь, и

там их пытались перебросить на бессарабский берег Днестра. Не получалось в Ямполе, колонну из тысячи евреев гнали обратно в Могилев. «И так несколько раз, – рассказывала Любовь Креймерман из м. Единцы. – Тех, кто отставал от колонны, тут же расстреливали. Воду и еду нам, естественно, не давали. Когда встречался водоем, все бросались пить, но солдаты не пускали, били, стреляли. Стреляли и тогда, когда по дороге кто-нибудь уклонялся в сторону, подбирал по дороге подсолнух, картошку, кукурузу... Колонна из нескольких тысяч человек таяла на глазах»[80].

Путь обратно в Бессарабию и Северную Буковину был для некоторых очень длинным. Евреев гнали из Озаринец, Сказинец, Грушки, были и такие, кто при эвакуации в советский тыл оказался в немецкой зоне оккупации, в Каменец-Подольской области, им пришлось идти из Дунаевцы, Балины и т. д. Упомянутая София Розенберг из Черновцов рассказывает: «Вскоре собрали всех евреев, переправили через Днестр в Хотин, и тут-то начались гонения из села в село, из местечка в местечко. В каждом населенном пункте к нам присоединялись новые группы евреев. Дорога оказалась длинной. Бессарабия, молдавские села. Конвоиры менялись в каждом населенном пункте, а нас, изможденных, голодных и обессиленных, гнали и гнали, издеваясь над нами. Некоторые оставили малюток в пути, надеясь, что кто-то их подберет и спасет им жизнь, другие, не выдержав всего этого, мертвыми оставались на дорогах»[81].

Семью Лии Трахтенберг из Черновцов, как уже сказано было, гитлеровцы настигли в Каменец-Подольской области. Пришлось возвращаться, чтобы не оказаться в руках эсэсовцев. Шли полями, остерегаясь встреч с ними, шли много суток, добрались до Жванец, а затем, перейдя мост через Днестр, оказались в Атаках. «Здесь, – пишет Лия Трахтенберг, – мы примкнули к массе евреев, изгнанных из Бессарабии. Так для нас началась новая жизнь, вернее, новые мучения. Под конвоем пригнали в Единцы. Больных, отстающих расстреливали на месте. То и дело слышались крики отчаявшихся людей: кого-то избили, кого-то ограбили, изнасиловали, убили... Ночь застала нас в поле. И хотя был только сентябрь, неожиданно выпал снег, ударил мороз... В ту ночь на поле осталось 400 замерзших. Утром, не дав похоронить умерших, нас погнали дальше. Опять в пути били, расстреливали отстающих. В Единцах нас разместили по одной улице, в домах, окруженных колючей проволокой»[82].

Немецкая затея о возвращении в Бессарабию евреев, оказавшихся в Украине, глубоко взволновала генерала К. Войкулеску, торжественно обещавшего в кратчайший срок решить «еврейский вопрос» в Бессарабии. Со ссылкой на сведения, полученные от префекта Сорокского уезда, 13 августа 1941 г. К. Войкулеску в паническом тоне телеграфировал Верховному главнокомандованию румынской армии о том, что в Атаках и его окрестностях уже находятся 10 500 евреев, переправленных немцами через Днестр. «Ставя Вас в известность об этом, – говорилось в телеграмме, – просим принять меры, чтобы приостановить эти возвращения. Одновременно просим Вас соизволить сообщить нам, что делать с евреями, переправленными немецкими военными органами». К. Войкулеску доложил, что, со своей стороны, он принял меры по созданию на Днестре пограничных постов, чтобы «приостановить операции по репатриации немцами евреев»[83]. На телеграмму К. Войкулеску кондукэтор написал: «Переправляйте в Украину через другие пункты».

Реакция генерала К. Войкулеску несколько запоздала. При всем стремлении румынских властей продолжить депортацию евреев Бессарабии и Буковины в Заднестровье и не допустить их возвращения на бессарабский берег Днестра в конечном счете пришлось уступить требованиям немецких союзников. 5 августа генерал И. Топор распорядился прекратить переправу буковинских и бессарабских евреев через Днестр. В результате в Хотинском и Сорокском уездах скопилось несколько десятков тысяч евреев,

намеченных к депортации на левобережье Днестра. В ночь с 4 на 5 августа только на участке шоссе Липник–Атаки оказалось около 25 000 евреев из Хотинского и Сторожинецкого уездов[84]. В новой ситуации возникла необходимость в создании новых лагерей, более крупных размеров. 8 августа 1941 г. штаб Главного претора направил полковнику Мынекуцэ предписание следующего содержания: временно, до получения новых приказов, всех пригнанных евреев оставить на месте и по согласованию с префектами уездов организовать для них лагеря, обеспечить строгую охрану. В эти же лагеря интернировать и евреев, переправленных немцами с левого берега Днестра, но при этом евреев, которые сами эвакуировались вместе с советскими войсками, как «сочувствующих коммунизму и наносящих урон государственной безопасности», разместить в отдельных лагерях[85]. На практике реализовать такое разделение по лагерям не удалось.

Согласно сводкам Буковинской жандармерии, на 10 августа в одном Хотинском уезде было сконцентрировано: в Секурянах – 17 000, Бырнове – 3000, Бербень – 2000 евреев, а спустя день в Секурянском лагере уже находилось 20 852 человека, в том числе из городов: Хотина – 3800, Новоселицы – 2800, Сторожинец – 1100, Герца – 1200, Рэдэуць – 520, из сельской местности уездов: Хотинского – 6625, Сторожинецкого – 3180, Рэдэуцкого – 580, Черновицкого – 977[86]. 14 августа 1941 г. бессарабский жандармский инспекторат получил очередную инструкцию, на сей раз от начальника штаба 4-й румынской армии генерала Пэлэнджану, в которой излагались предписания относительно обращения с евреями и военнопленными из числа «бессарабских румын». Указывалось на необходимость проведения «сортировки»: всех явно уличенных в «антигосударственных делах» предать военно-полевому суду; евреев, за которыми нет никакой вины, содержать в гетто, без права покидать его; из числа последних взять заложников, от 5 до 10 процентов от общего числа узников, в зависимости от местных условий; заложники будут отвечать жизнью, если их единоверцы «совершат действия против безопасности государства и общественного порядка». Предлагалось это предписание командования довести до сведения всей еврейской массы «бессарабских румын». Сотрудничавших с советскими властями, являвшихся подозрительными, военное командование требовало отправить в лагерь Новые Онешты[87]. По понятным соображениям, в документе отсутствуют прямые указания о массовом истреблении евреев, такие приказы передавались, как правило, устно.

В течение всего августа румынские власти занимались размещением в лагерях скопившихся на севере Бессарабии десятков тысяч евреев, и поскольку каждый уездный префект не желал навешивать на себя лишние хлопоты, то колонны узников перегоняли, как скот, с одного места на другое. Во всех сводках жандармерии отмечается, что положение конвоированных ею евреев «жуткое», «продовольствие отсутствует», многие не имеют денег на его приобретение и «от голода обречены на смерть», отсутствуют элементарные гигиенические условия, что вызывает эпидемию сыпного тифа и других инфекционных заболеваний, угрожающих всему населению[88]. Ко всем этим нарастающим бедам добавлялась растущая свирепость фашистских палачей, изощрявшихся в издевательствах по отношению к конвоируемым ими евреям. Михаил Шибер из Черновцов, чья семья при эвакуации застряла в Хотине, не успев переправиться через Днестр, вспоминает: «Очень трудные сцены нашего перехода с Хотина во вновь организованный нацистский лагерь в Секурянах. Гнали нас колонной. По сторонам колонны фашистские офицеры и солдаты, на поводке у них овчарки. Перед тем, как загнать нас в лагерь, расстреливали местное (еврейское – *И. Л.*) население и продолжали оборудовать лагерь (натягивали проволоку и т. д.).

Беспрестанно шли проливные дожди. Мы, естественно, промокли до нитки. Все это продолжалось 4–5 дней. В это время прибыла большая группа молодчиков на лошадях

и начала нас избивать кнутами и хлыстами по лицу и спине. Требовали, чтобы мы открыли узлы, мешки и т. д. Они забирали ценные вещи у нас, включая одеяла и подушки и т. д.»[89]. Бывало и хуже. В целях наживы жандармы-конвоиры и полицейские в пути расстреливали сотни евреев. В рапорте № 80 от 13 августа 1941 г. Кишиневского инспектората жандармерии сказано, что жандармами 23-й полицейской роты были расстреляны 20 евреев, их трупы сброшены в Днестр. Получив это донесение, генерал И. Топор спокойно принял его к сведению и написал резолюцию: «В дело», что означало не проводить расследование и не привлекать убийц к ответственности[90].

Расследование проводилось только в случае, если до ушей начальства доходил слух, что награбленные драгоценности и валюта расползлись по карманам исполнителей злодеяний и миновали государственную казну. 11 августа 1941 г. претор 3-й румынской армии Жан Пойтевин сообщил Службе главного претора, что в ночь с 4-го на 5-е августа 1941 г. жандармы-конвоиры капрал Софиан Игнат, рядовые Агафица Григоре и Негуцэ Василе расстреляли 210 из 300 евреев, пригнанных из Сторожинецкого уезда[91]. Случайно оставшиеся в живых Сара Кац из с. Милие и Берта Грейф из с. Нижний Пэтрэуць Сторожинецкого уезда при расследовании дела рассказали, как это все произошло. Проделав пешком путь от г. Сторожинец через Черновцы до Атак, их колонна достигла Днестра 4 августа в 14 часов. Конвоировали колонну жандармы во главе с капралом. По прибытии к месту назначения евреям было сказано, что Атаки, а также Могилев-Подольский, куда намечалось направить колонну, ее не принимают и поэтому им придется возвращаться в Черновцы, предварительно заплатив возчикам 6000 леев. Деньги были собраны и переданы капралу для оплаты за подводы. В тот же день, в 21 час, колонна тронулась в путь по направлению на Волчинец. Когда конвой миновал это село, он был остановлен у одной железнодорожной будки и евреям было сказано снять с подвод весь багаж, а старикам и детям сойти. Возчиков отправили вперед. Тут все и началось. Евреям было приказано выложить все драгоценности и деньги, в случае их укрытия – расстрел. Сбором ценностей занялись жандармы и какие-то пограничники, по требованию капрала к изъятию был привлечен и супруг Сары Кац. Последняя в своей письменной декларации писала: «Капрал, который привел нас из Сторожинец, вызвал мужа и велел ему собрать бижутерию и деньги, все, что имеется, ради того, чтобы сохранить нам жизнь. Было собрано около 100 (ста) золотых колец, часов, серег, цепочек и т. д. и 15 000 (пятнадцать тысяч) леев наличными и вручены капралу, а возле него находился один военный. После вручения денег капрал хотел застрелить моего мужа, но я вмешалась, упросив капрала сохранить ему жизнь, пообещав дать ему еще кольцо с бриллиантом, золотые серьги, серебряную табакерку, бритву и 1000 леев. После вручения ему всего этого он обнаружил, что мои зубные коронки из золота, и он их вырвал из моего рта. Затем шестью выстрелами убил моего мужа, а его труп бросил в Днестр. Меня он толкнул в реку и стал стрелять, но, поскольку я умела плавать, он промахнулся и, отплыв на определенное расстояние, я вышла из воды и спряталась в кукурузном поле». Разбив евреев по группам в 10 человек, палачи стали их толкать в воду и расстреливать. В живых осталось 60 человек, среди них много раненых[92].

Среди свидетелей этого злодеяния был житель м. Атаки, молдаванин Чиорней Семен. При допросе он заявил: «В ночь с 4 на 5 августа 1941 г. я видел много жидов и жандармов, которые шли из Атак в направлении Волчинец. Недалеко от Атак жидов остановили и жандармы, другие солдаты и один в гражданском из службы информации Атак устроили им контроль багажа. Было отнято у евреев все, что было при них, а гражданский нашел ящичек, полный золота, взял его под мышку и ушел... Размер ящика около 30 сантиметров. Солдаты видели ящичек и перепугались, так как он был полный.

Еще забрали серебряные ложки, вилки и бокалы. На второй день я видел: по Днестру плавали трупы убитых»[93].

Оставшиеся в живых в с. Волчинец влились в колонну других буковинских евреев (из Заставны, Коцмань, Жучика, Лужень, Хотина и др.), рассказали им о пережитом накануне, назвали фамилии некоторых убитых, трупы которых унесли воды Днестра (Штейн, Рохл, Шехтер – все из с. Жадова; Сифрис, Кац, Хайер, Дейтчер – все из с. Бэнила; Мойсе Росен, его жена и дочери Густа и Естер из Вилавча и др.)[94].

В середине августа 1941 г. гитлеровцы по мосту Ямполь–Косоуць отправили на правый берег Днестра 13 000 евреев[95], завершив в основном операцию по «репатриации» бессарабских и буковинских евреев, оказавшихся по разным причинам в немецкой зоне оккупации Украины. Только в этой зоне, судя по приведенным нами данным из немецких источников о числе бессарабских и буковинских евреев, захваченных гитлеровцами, а также о количестве евреев, согласно румынским документам, возвращенных на правый берег Днестра, можно заключить, что из общего числа захваченных по меньшей мере 10–12 тысяч евреев погибли от рук фашистов, умерли от голода, болезней, истязаний в конце июля.

13 000 евреев, переправленных на правый берег Днестра в районе Ямполь–Косоуць, первоначально были отправлены в печально прославившийся Косоуцкий лес, а затем их перебросили в Вертюжень Сорокского уезда. Для организации этого лагеря из Ясс был командирован начальник военно-стратегического бюро подполковник Паладе. Сюда же, в Вертюжаны, в течение 19 и 20 августа 1941 г. были направлены евреи из лагерей в селах Редю и Рубленица. Чтобы скрыть следы преступлений, сельские жандармские посты и примары получили приказ «немедленно закопать евреев, погибших и умерших во время движения колонн в Вертюжанский лагерь[96]. Согласно сводке Службы главного претора, направленной Верховному главнокомандованию румынской армии в конце августа 1941 г., в Вертюжанах в лагере находилось 22 969 узников, в том числе мужчин – 8182, женщин – 12 081, детей – 6247. В лагере Лимбений Ной, соответственно, было 2634, 877, 908, 849, в Рышканах – 3072, 795, 1164, 1113, в Рэуцеле – 3253, 706, 1469, 1069. В общей сложности в этих четырех лагерях, согласно справке, заверенной подписью начальника жандармерии Бессарабии полковника Т. Мекулеску с отметкой, что «данные точные», находилось 31 910 евреев, включая мужчин – 10 560, женщин – 12 081, детей – 9269[97]. Обращает на себя внимание то, что во всех лагерях мужчин было меньше женщин, к тому же в основном среди мужчин преобладали пожилые люди.

В первой декаде сентября 1941 г. все лагеря в Лимбений Ной, Рэуцеле и Рышканах были ликвидированы, всех узников пешком погнали в м. Маркулешть Сорокского уезда, ближе к переправе через Днестр.

Поскольку в маленьком местечке Секуряны разместить все 23 000 евреев было невозможно, власти решили часть узников перебросить в м. Единцы. К этому времени единецкие евреи, как уже отмечалось, были истреблены, многие оказались среди депортированных в конце июля – начале августа за Днестр. Среди последних были породнившиеся перед войной семьи Мильнеров и Фрадисов. В живых из них осталась женщина, провизор по профессии, из семьи Фрадисов. Вот что она писала о пережитом в те летние дни 1941 г.: «До 28-го июля в местечке царил дикий террор, в течение которого было расстреляно 800 человек, изнасиловано много молодых девушек, почти детей, не говоря уже о жестоких избиениях и грабежах.

28 июля все еврейское население было угнано из местечка, в котором было уже собрано еврейское население из соседних местечек. Среди него находились мои родители, старший брат с женой и двумя крошками, мать и сестра мужа и много родных и близких людей.

Десятки тысяч людей были погнаны, как скот, под палками, подгоняемые нагайками, прикладами и очень часто расстрелами. Гнали без отдыха, жестоко, не давая напиться воды, остановиться, чтобы помочь умирающей матери или ребенку. Гнали сотнями из Бессарабии на Украину, обратно в Бессарабию и снова на Украину. Весь путь был усеян трупами. Ходили конвои за конвоями и оставляли на большой дороге умирающих детей, стариков, больных и просто потерявших жизненную силу от безумных переживаний, а последующие конвои встречали уже только голые трупы. Первые жертвы из моей семьи была 75-летняя мать моего мужа Рейзя Мильнер. Дочь хотела остаться с ней, но ее очень били, и соседи заставили ее пойти дальше. Бедную мать посадили под дерево, она попрощалась с дочерью, которую она сама просила пойти дальше и осталась одна.

Второй жертвой была дочь Маня, она осталась в лесу Косоуць, где-то в районе Сорок. Она умерла с голоду, стойко, без жалоб, не желая принимать никакой помощи. В этом лесу стояли несколько дней, и за дорогие вещи палачи приносили немного воды и пищи. Но вот погнали дальше и снова та же картина, крики, избиения, ужас и смерть. Пала моя мать Цейтель Фрадис... пали дети моего брата, две красивые девочки, и его жена Песя Бронштейн. Пали две сестры моего отца с мужьями»[98].

Согласно данным Службы главного претора, в конце августа 1941 г. в лагере м. Единцы находилось 11 762 еврея, в Сокирянах – 10 356, а всего в лагерях на территории Хотинского, Сорокского и Бельцкого уездов было заключено 54 028 человек[99].

Охрану и полицейские функции в лагерях Единец и Секурян осуществляла 60-я полицейская рота Черновицкого жандармского инспектората. Утвержденный специальным приказом порядок устанавливал: никто из посторонних не может заходить на территорию лагеря; никто, включая префекта уезда, не имеет права разрешать выходить, а тем более кого-то освободить из лагеря, это единоличное право сохранялось только за правителем Буковины генералом К. Калотеску; запрещено принимать и отправлять корреспонденцию из лагеря (соответствующее распоряжение получили и все почтовые отделения); запрещено продавать и покупать у лагерников ценные предметы; затребованные префектурой евреи из лагерей для выполнения работ «общественного интереса» вносятся в именной список по удостоверению личности, чтобы не допустить подмены лиц[100]. Поскольку в сентябре начинались еврейские праздники (Рош-Ашана, Иом Кипур и др.), Министерство внутренних дел заранее уведомило, что в эти дни евреи от «общественно-полезных работ» не освобождаются[101].

В Единецкий лагерь были согнаны остатки евреев из районов Липкан, Единец, Бричан, основную массу узников составляли евреи из Черновицкой области (Сторожинец, Вэскэуць, Вижница, Лужень, Рэдэуць и т. д.), побывавшие в Секурянском лагере. О том, как протекало «переселение» из Секурян в Единцы, раввин Херовец пишет: «В Секурянах мы встретили другую колонну, составленную из оставшихся в живых бессарабцев, а также из буковинцев – Селетина, Путилы, Сипоти и других районов. День провели под открытым небом и дождем, терроризированные жандармами, не позволившими нам даже сомкнуть глаз, после чего нас погнали пешком обратно в Единцы.

Спустя двое суток, сопровождаемый хулиганствующими допризывниками и жандармами, конвой добрался до городка Единцы, где нас продержали 8 дней в конюшнях, огороженных колючей проволокой. Здесь каждый день умирало 70–100 человек, большинство бессарабцев, которые уже не в состоянии были все это выдержать. Зной высосал из нас всю влагу. Здесь зарегистрированы первые случаи смерти по причине жажды и солнечных ударов: Фавел Грюн из Стэнешть, Хаим Кон из Жадова, Ицик Биркенфельд из Селетина, Малка Менашес и др. Только после многочисленных ходатайств примария выделила нам две бочки воды»[102].

9 августа 1941 г., когда лагерь в Единцах только создавался, претор 3-й румынской армии подполковник Жан Пойтевин докладывал Службе главного претора: «В местечке Единцы Хотинского уезда находятся примерно 10 000 евреев. Они живут в покинутых домах в самой страшной грязи. Нет у них мыла, нет у них возможности помыться и дезинсектироваться. Среди них много больных. Возможности снабжения – минимальные. Неизолированные и неохраняемые евреи являются рассадником инфекций и постоянной угрозой заражения для населения и проходящих войск»[103]. По-видимому, это последнее заставило власти послать для обследования ситуации комиссию во главе с майором. Буковинские евреи собрали 150 000 леев и отвалили майору, чтобы добиться хотя бы какого-то улучшения положения узников. После этого первым 2500 евреям была отведена улица на окраине местечка, там было всего 26 полуразрушенных еврейских домов, в них двери, окна, доски полов к этому времени были уже унесены местными жителями. Второе «достижение» – евреям была устроена дезинсекция. Один дом был отведен под диспансер, медицинское обслуживание должны были обеспечить 15 врачей-евреев»[104], находившихся в лагере, но при полном отсутствии медикаментов их старания мало помогали.

По мере прибавления числа узников (по данным Единецкой районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, оно достигло 15 тысяч) под лагерь гетто было отведено еще несколько улиц – всего пять[105]. Побывавшая в этом лагере София Розенберг пишет: «Ужасы этого лагеря трудно описать: лагерь отнял жизни сотен людей. Ежедневно многие умирали, люди ползли на четвереньках, не имея сил ходить»[106].

Скученность, антисанитария были невообразимы. Бывшая узница Лия Трахтенберг вспоминает: «В тесной комнатушке – 15–20 человек. Начались кишечные заболевания. Ежедневно вывозили подводы, груженные трупами людей. Их сбрасывали в общую яму»[107]. От плохой воды (в некоторых колодцах она была даже отравлена) умерло 85 процентов заболевших детей. Комендант лагеря «утешал» узников: «...если тиф распространится, он вынужден будет расстрелять всех обитателей гетто»[108].

Выходить за пределы лагеря было настрого запрещено, нарушитель в лучшем случае подвергался жестоким избиениям, а иногда расстрелу. Вначале охрану лагеря осуществляли 6 жандармов и 50 местных допризывников под командованием сержанта Улмяну Войчилэ. Но, как отмечается в докладе Черновицкого жандармского инспектората от 1 сентября 1941 г., «допризывники занимаются воровством и другими злоупотреблениями». Для обеспечения охраны лагеря было прислано три взвода жандармов и привлечены солдаты-саперы местного гарнизона, «но и они, как и допризывники, – признается в указанном отчете, – предаются злоупотреблениям»[109].

Большинство узников лагеря сильно голодало. Раввин Херовиц пишет: «Самая жестокая судьба выпала на долю бессарабских евреев. Если буковинские еще имели что-то, могли приобрести продовольствие в обмен на одежду, за деньги и золотые предметы, то бессарабские уже были одеты в лохмотья»[110].

Предприимчивые буковинские евреи Шрейбер, Мойше Френкель, Бен Зион Рейфер украдкой добрались до примара местечка и за взятку добились от него, что в определенные дни и часы крестьян допускали в гетто для продажи сельхозпродуктов. В приведенном отчете Черновицкой жандармерии утверждается, что ежедневно в лагерь завозятся 1500 буханок хлеба для бесплатной раздачи голодающим и столько же для продажи по 10 леев за килограмм. Но из этой последней партии несколько сот буханок оставалось нереализованными и в тот же день покрывалось плесенью. Причина нереализации была не только в ужасном качестве этого хлеба. «Евреи, – сказано в указанном отчете, – жалуются, что они полностью лишены денежных средств, поскольку их ограбили, а то, что у них осталось (из вещей – *И. Л.*), они продали, чтобы как-то прожить».

«В действительности, – признается в докладе, – часть евреев находится в тяжелейшем положении, но еще имеются такие, которые имеют деньги»[111]. Просьба представителей лагерных евреев отправить под охраной двух евреев в Черновцы для сбора денег, продовольствия и одежды для узников осталась без ответа.

Местный шеф жандармского поста, узнав, что в сделках с майором и примаром его обошли, решил отомстить. В подвале жандармерии Шрейбера и Френкеля подвергли пыткам. Были отобраны 300 мужчин, построены в колонну и в течение 5 дней их гнали от одного поста до другого. Шедший в колонне раввин из Селетина Иехошуа Френкель подбадривал своих обессиленных единоверцев: «И это переживем».

В Бричанах евреев загнали в окруженную со всех сторон жандармами и местными допризывниками синагогу, где на полу валялись разорванные свитки Торы и священные книги. «Единственное наше желание, – рассказывает находившийся в этой колонне уже упомянутый нами Бен Зион Рейфер, – немного воды. Те, которые следили за нами, предложили принести воду в обмен на белье, когда же принесли ведро с водой, охранник поднял его и медленно выливал на пол... Утром в результате установленного нам режима голода и жажды восемь человек скончались»[112].

Из Бричан колонну погнали в с. Доробань, на Днестре. Раввин Херовиц пишет: «Счастливые, что, наконец, нашим мукам пришел конец и нас постигнет участь наших братьев, расстрелянных и утопленных в водах Днестра у Атак, мы мысленно прощались с нашими братьями, сестрами, родителями и детьми, оставшимися на попечении смерти в Единецком галуте»[113].

Два часа гнали голодных и измученных евреев вдоль Днестра и пригнали к зданию жандармского легиона в г. Хотине. Появился сержант, решивший поиздеваться над раввином Френкелем. «Крестись», – заорал жандарм, угрожая расстрелом в случае неповиновения. «Я еврей, – ответил раввин с достоинством, – креститься не буду, могу только помолиться Богу». Ему разрешили это сделать, продолжает свой рассказ Бен Зион Рейфер, но тут же стали наносить удары по голове и подожгли густую бороду. Затем, подвязав его под мышками длинными и толстыми веревками, заставили плясать, а верующих евреев кричать: «Долой раввина». От мук и издевательств раввин скончался[114].

Из Единецкого лагеря румынские власти отобрали еще 600 мужчин и пешком под охраной конвоиров их погнали на восстановление шоссейной дороги Хотин–Черновцы. Были случаи, когда в пути какой-то жандарм из жалости собирал у крестьян овощи для евреев. В самом Хотине доставать питание помогли своим собратьям по несчастью 24 ремесленника-еврея, оставленные в городе для обслуживания господ-чиновников местной румынской администрации. Изнурительный труд на шоссе, с перерывом на один час, продолжался с 10 утра до 8 вечера. Все питание сводилось к двум отварам из капусты, первое время еще давали по куску мамалыги. Особенно подверглась издевательствам группа евреев из 100 человек, ремонтировавшая дорогу вблизи села со странным названием «Четыре корчмы». По вечерам жандармы-охранники связывали евреев, кое-кого из них сбрасывали с моста, расположенного рядом с местом их расквартирования, причинив некоторым ранения, переломы костей и т. д.[115]

Положение евреев, оказавшихся в концлагере м. Секуряны, мало отличалось от положения узников Единецкого лагеря-гетто, хотя, как отмечалось в отчете Черновицкого жандармского инспектората от 11 сентября 1941 г., «материальное положение евреев этого (Секурянского – *И. Л.*) лагеря несколько лучше, чем тех из Единец». Здесь находятся евреи из Хотина, для которых путь в лагерь был короче и они не подверглись грабежам в такой же мере, как «те из более отдаленных уездов». Вместе с тем, сказано в отчете, имеется много евреев из числа тех, которые эвакуировались вместе с отсту-

павшими советскими войсками и были возвращены немцами на бессарабский берег Днестра, в том числе 1698 из м. Липканы, у всех этих «положение плачевное, у многих нет одежды и нижнего белья, ходят только в том, что носят на себе»[116]. Если верить авторам этого отчета, префектура Хотинского уезда бесплатно передала для нужд лагерников 1400 кг сахара, 450 кг подсолнечного масла, 80 кг соли, 200 кг хлеба, была организована продажа хлеба по 13 леев за один килограмм. Конечно, на 10 с лишним тысяч человек это был мизер, к тому же не сказано, попал ли «дар» префектуры в руки лагерников. Зато отмечается в отчете: «Расквартирование (евреев – *И. Л.*) произведено в огороженном районе в хороших условиях»[117].

Все в действительности было по-иному. Александер Вайнер из с. Мошанец Каменецкого района Черновицкой области рассказывает: «В пути грабили, убивали, насиловали. Так дошли до местечка Сокиряны. Разместили в полуразрушенных, разграбленных еврейских домах, обитателей которых до нашего прихода уничтожили. Помещения были набиты до отказа, заселили сараи, чердаки. Улицы огородили колючей проволокой, охраняли жандармы. Несколько человек, пытавшихся пробраться через забор, были убиты»[118]. Вспоминая об условиях в лагере, Мария Зерман из г. Хотина пишет: «Жили по нескольку семей в одном доме, без света, тяжело доставали воду. Антисанитария привела к тому, что началась тяжелая эпидемия брюшного тифа, унесшая огромное число человеческих жизней. Наша семья в этом гетто потеряла дедушку и бабушку... Нельзя не вспомнить рынок г. Сокиряны, куда разрешалось заходить евреям на один час: за это время необходимо было продать через проволоку какую-то вещь и успеть что-то купить, если же кто чуть задерживался, того жандармы жестоко избивали нагайками»[119]. Но «привилегией» пользоваться рынком многие евреи, лишенные всяких средств, не могли. Сердобольные крестьяне, бывало, подкармливали таких. «Спасибо крестьянам, – пишет Хая Моргенштерн из г. Новоселицы, у которой не было ни вещей, ни денег, – они давали еду бесплатно»[120].

В Секурянском, как и в других лагерях, охранники-жандармы изощрялись в издевательствах и глумлениях над узниками. Их без всяких причин избивали, выводили в поле и расстреливали. Узница Шура Райн вспоминает: «Согнали в Вертюжанах. Там собирали мужчин и на наших глазах над ними издевались. Там был зверски убит мой дедушка Мазур Мойше (70 лет). Без всякой причины солдат ударил мою мать по голове. Кровь залила ей лицо, тело, но она не выпустила из рук своего маленького ребенка. Она чудом выжила, но с тех пор остался след – шрамы на голове»[121].

Сотни молодых и средних лет мужчин направлялись на всякие тяжелые и грязные работы. Согласно упомянутому отчету жандармерии из Сокирянского лагеря, 150 человек трудились на дорожных работах у Бричан, 450 – у Липкан, 30 – на уборке улиц в Секурянах, 25 – на ремонте дорог в местечке, 25 – на молотьбе[122].

В первой декаде сентября 1941 г. полковник Мынекуцэ, начальник жандармерии Буковины, в ходе инспекционной поездки посетил лагеря в Единцах и Секурянах. В своей докладной записке, направленной руководству администрации области, он отмечает, что, поскольку государство не выделяет денег на содержание узников и они должны тратить свои деньги, их у многих нет. В связи с наступлением осени и ранних холодов ощущается «полное отсутствие дров для обогрева и изготовления пищи, в настоящее время сжигаются заборы, срываются доски с крыш. В лагерях, сказано, «много стариков, детей и женщин», «большинство узников не имеет одежды и чем умываться», подчеркивается, что особенно тяжелое положение у тех, которые в свое время были переправлены в Украину, а затем возвращены немцами в Бессарабию, они «потеряли или у них было отнято почти все, что было при себе». Признается также «отсутствие медикаментов». Но все осталось на уровне констатации, власти и не по-

мышляли улучшить положение лагерников, наоборот, любыми средствами старались избавиться от них.

По числу заключенных самый большой концентрационный лагерь в Бессарабии был в м. Вертюжаны на Днестре. До войны в местечке проживало около 2000 евреев. Как и везде в Бессарабии, еврейские дома (их, по румынским данным, было 325)[123] подверглись разграблению и разорению во время военных действий и со стороны местных грабителей и хулиганов. На южной окраине города в этих полуразрушенных домах румынские власти устроили лагерь-гетто, отгородив его двумя рядами колючей проволоки. На этой крошечной территории было (по румынским данным) втиснуто 23 000 евреев (по данным районной комиссии, расследовавшей после войны злодеяния фашистов – 26–28 тыс.)[124], в том числе абсолютное большинство из 13 000 переправленных немцами из Ямполя в Косоуцы. «У них еще до помещения в лагерь, – рассказал свидетель сублокотенент Петрашку Корнелиу, – было плачевное состояние, ибо их целыми днями под августовским солнцепеком перегоняли с места на место. В Вертюжанах ежедневно многие умирали. Система бесконечных перемещений была самым страшным бедствием того времени». При этом следует учесть, что большинство узников Вертюжанского лагеря отведали «прелестей» Косоуцкого леса. Лейтенант запаса Петреску Александру свидетельствовал после войны перед следственными органами: «Этих людей привезли из лагеря, устроенного в лесу, в жалком положении, в разорванной одежде, изголодавшими, смертность среди них росла». Другой очевидец этого кошмара судья Николау Гр. Петре добавил: «Интернированные жили на чердаках, в курятниках, подвалах, на складах – все было набито до отказа. Никаких санитарных условий, ежедневно умирало 50–60 человек, за кружкой плохой воды приходилось стоять в очереди часами»[125].

Невероятная скученность, антисанитария, отсутствие медикаментов породили появление и быстрое распространение среди лагерников инфекционных заболеваний. Любовь Креймерман из Единец пишет: «Вскоре в лагере началась эпидемия дизентерии. Люди пухли, умирали. Те, кто мог двигаться, рыскали по чердакам, амбарам в поисках хоть какой-то еды. По ночам спускались с обрыва к Днестру, чтобы набрать воду. Приходилось прятаться в табак, который рос на склоне. Если смельчаков замечали солдаты – тут же стреляли... К концу сентября в лагере осталась только половина из тех, кто прибыл сюда в июле»[126].

19 апреля 1945 г. комиссия Вертюжанского района по расследованию злодеяний фашистских властей в местном концентрационном лагере на основе показаний жителей местечка Вертюжаны Вакарчука Василия Ивановича, Рогожина Михаила Ильича, Фурдуя Алексея Ивановича, Паладий Анастасии Васильевны, а также бывших заключенных Фришерман Фани, Литвак Евы и Прандецко Валерии составила акт, в котором, в частности, констатируется: «...заключенные содержались в невыносимых условиях, жили в разбитых домах, в антисанитарных условиях, раздетые и разутые, совершенно лишенные горячей пищи. Заключенным выдавалась кукурузная мука по 60–100 граммов в сутки на одного человека, они употребляли муку в сухом виде, так как были лишены посуды и огня.

Кроме того, заключенные подвергались непосильным изнурительным работам в любую погоду, несмотря на дождь, грязь, снег, а кто не выдерживал тяжелых работ и от бессилия падал, подвергался избиению и расстрелу. В результате зверского обращения румынских карательных органов заключенные от изнурения и голода десятками умирали. Трупы умерших хоронились в подвалах и колодцах, расположенных на территории лагеря, и засыпались камнями и глиной разваленных домов и изгородей. Позднее умерших стали хоронить на кладбище, расположенном за местечком в южной части, налево от дороги, идущей из м. Вертюжаны в село Вертюжаны, где обнаружено 105 могил,

из которых нами раскопано три могилы, где оказалось, что в первой могиле зарыто 48 трупов, во второй – 74 трупа, в третьей – 93 трупа...».

По показаниям свидетелей, еще в июле 1941 г. в лагере были отобраны 160 человек, признанных «опасными» евреями, и расстреляны у водосточной канавы, по которой стекают весенние воды в Днестр, канавы глубиной в три метра, шириной – в десять, длиной в 100 метров. При раскопке места было обнаружено большое количество человеческих костей, но произвести расчет не представлялось возможности из-за того, что многие части трупов были вымыты водой и унесены в реку. По заключению комиссии, к моменту ликвидации лагеря осталось «не больше 10 тысяч, остальные 16–18 тысяч были истреблены в лагере»[127].

Охрану лагеря в Вертюжанах осуществляли жандармы уездного легиона и рота части под командованием подполковника Александру Константинеску. Он же непродолжительное время выполнял функции коменданта лагеря, но, по его словам, от нее отказался по следующим мотивам, высказанным им румынским следственным органам после войны: «Евреи, числом 23 000, пригнанные жандармскими легионами из Буковины и Бессарабии, не могли быть размещены в маленьком местечке Вертюжаны, поэтому они представляли груду человеческих существ... Все это в неописуемой ужасающей тесноте – женщины, дети, мужчины, больные люди, люди в агонии, беременные женщины, и ко всему этому лишенные возможности прокормиться. Результат: растущая смертность... Можно себе представить, как настрадались эти несчастные люди до прихода (в лагерь – *И. Л.*), если на моих глазах одни умирали, другие падали в обморок, беременные женщины рожали, все были завшивлены и в нарывах. Это зрелище описать нельзя, оно заставило обратиться в генштаб с просьбой освободить от этой должности, ибо не мог выполнить то, что от меня требовалось»[128].

Но замена, конечно, быстро нашлась, тем более, что такая должность давала возможность разбогатеть на горе людей. 8 сентября 1941 г. начальником лагеря был назначен полковник Агапие Василе. Два капитана – Рэдулеску и Бурадеску – были его заместителями. Последний отличался своим жестоким нравом. Лейтенант Кристя Т. Георге рассказывал: «Отношение капитана Бурадеску к интернированным было тираническое, избивал и бранился. Когда он входил в лагерь, все интернированные старались не попадаться ему на глаза, так же, как прячутся птицы при появлении ястреба. Вокруг него царили страх и террор»[129]. Крестьянин Николай Наливайко, на квартире которого жил капитан Рэдулеску, вместе с сублокотенентом, рассказал, что они чуть ли не каждую ночь устраивали пьянки, приводили «молодых евреек, насиловали их, всю ночь они плакали и кричали»[130]. Этим же занимался Бурадеску.

Лагерное начальство всеми способами старалось наживаться на горе обреченных людей. Комендант и его заместители разными способами забирали у них бижутерию, часы, золотые монеты, кольца, меха, все ценности переправлялись семьям в Румынию. Силами лагерников Агапие и его подручные организовали производство мыла из сырья, найденного в местечке. Но никто из узников мылом не мог воспользоваться, все оно, как и получаемая соль, продавалось населению сел, а вырученные деньги растекались по карманам начальства. Чтобы отправлять семьям в Румынию остродефицитное в то время подсолнечное масло, захваченное на местном маслобойном заводе, евреев-жестянщиков заставили изготовить бидоны из жести, сорванной с крыш еврейских домов.

Полковник Агапие решил вымостить камнем улицы и тропинки в местечке, используя дармовой труд узников. Камень нужно было добывать на берегу Днестра и носить в гору. Бывший узник Марчел Исак, участвовавший в выполнении этого «задания», рассказал: «Пригнали истощенных от голода людей, женщин, девушек и детей, чтобы удовлетворить каприз этих двух (Агапие и Бурадеску – *И. Л.*). Представьте себе колон-

ну из трех тысяч людей с камнями весом в 10–15 кг в руках, удерживаемые сзади прикладами, бегают, чтобы обеспечить высокую производительность... Избиение входило в повестку дня, когда нас отправляли на работу, ...такой жесткости, как сейчас, люди не испытали даже во время сооружения пирамид (в Египте – *И. Л.*)»[131]. Лиза Валовер из м. Единцы вспоминает: «Многие не выдерживали такой непосильной работы, шатаясь под тяжким грузом, теряли равновесилие, падали в Днестр и тонули»[132].

После наведения «порядка» в Вертюжанском лагере полковник Василе Агапие и его заместитель Север Бурадеску были направлены в м. Маркулешты. Здесь они задержались дольше: с 8 октября до 16 декабря. Маркулешты стали сборным пунктом, куда стекались узники из лагерей Бельцкого уезда (Рэуцел, Лимбень, Рышкань, Фэлешть), а также привезенные по железной дороге депортированные из Черновцов. Перед депортацией в Транснистрию в этом лагере все без исключения евреи должны были пройти «проверку», прежде чем перейти Днестр по мосту Резина–Рыбница. На помощь полковнику Агапие и капитану Бурадеску был прислан служащий Национального банка Румынии Иоан Михэеску – палач по природе. Оказавшись после войны на скамье подсудимых и желая, по-видимому, вызвать к себе сострадание, он жаловался на «муки», перенесенные им в Маркулештах, где на улицах и в домах кишело невероятно много злобных мух, не дающих возможность человеку сомкнуть глаз. Да и крысы не щадили даже чиновников. «Усилившиеся дожди, непролазная грязь затрудняли всякое передвижение. Все ходили грязными, возможности помыться не было, неделями ходили немытые... Похолодало, но дров не было. Евреи отдавали часы за буханку хлеба». Так, по рассказу Михэеску, выглядел лагерь Маркулешты, «прелести» которого испытали на себе тысячи и тысячи бессарабских и буковинских евреев[133]. А вот что сообщил после войны следственным органам бывший узник этого лагеря Аурел Кроитору: «2 ноября 1941 г. Маркулешты. Здесь лагерь-сборка. Построенными в поле нас принимают жандармы. Один господин полковник продемонстрировал свою власть. Одного крестьянина из-за того, что остановил подводу где-то в стороне, полковник лично подверг порке – 25 палочных ударов. Несколько наших женщин, видя этот спектакль, теряют сознание, дрожат всем телом. Направляемся в лагерь. Жандармы снабжены заранее дополнительным оружием: дубинкой. Двигайся быстрее – удар. Почему носишь звезду (Давида – *И. Л.*)? Ты жид? Удар. Грязь – по колено. Г-н капитан декретирует: завтра, ранним утром, притащить каменные плиты с кладбища (естественно, еврейского – *И. Л.*) и вымостить тропу через весь лагерь и до комендатуры. Появляется г-н инспектор (чего бы я ни дал, чтобы узнать, кто он и где сейчас находится этот господин), он вытащил пистолет, три раза выстрелил в воздух и заорал: «Внимание, внимание! Пришла ваша очередь. С вами покончено. Все должны сегодня же сдать то, что сверх 20 кг имеется при себе, включая и продовольствие на 4–5 дней. Одновременно надо передать всякие удостоверения личности. Дипломы, фотографии и вообще все бумаги. Нет разницы, врач ли, адвокат или другой жид. Все вы одинаковы, вы жиды. Начиная с завтрашнего дня, у кого будет найдено что-то из перечисленных предметов, будет расстрелян». Еще 5 раз выстрелил в воздух. Спустя полчаса инспектор с мешочком обошел всех и каждый бросал золото, бижутерию, ценные камни. Усталые от дороги и смертельно голодные, как бешеные, мы бегали к проволочному забору. Несколько крестьян принесли кое-что из еды, но не желают брать деньги, хотят тряпье. Вдруг беда: прибежал на одном дыхании г-н инспектор в сопровождении нескольких жандармов. Удар, удар. «Кто разрешил вам, мать вашу...» и т. д. Опять удар. В ход пущены жандармские дубинки. Мужчины направлены на кладбище таскать камни для тропы. Каждый нагруженный двумя каменными плитами проходит всю дорогу через лагерь. Через каждые 10–15 метров жандармы с дубинкой пропечатывали нас, как на

таможне. Торопись, торопись, быстрее... ругань. Просим разрешить покупать продовольствие, так как голодали. Г-н капитан ... не разрешает. На второй день жандармы собрали весь багаж сверх 20 кг, лишив нас возможности менять тряпье у забора...»[134].

Слухи о мытарствах буковинских и бессарабских евреев просачивались к еврейским организациям Бухареста, Ясс и других городов. 19 августа 1941 г. председатель Федерации союза еврейских общин Румынии (ФСЕОР) В. Фильдерман и генеральный секретарь М. Карп обратились к министру внутренних дел Румынии с письмом следующего содержания: «В Секурянах (Бессарабия) собраны 25–30 тысяч евреев из Сторожинец, Селетин, Путила, Плоска, Вэскэуць, Вижница, Лужень, Липкан и т. д. Они лишены убежища, питания, одежды и медицинского обслуживания. Никому не разрешается посылать туда помощь. Из-за царящей крайней нужды они обречены на смерть, но это может явиться и угрозой для всего общества, ибо такое скопление станет очагом для появления и распространения инфекционных болезней и эпидемий. Просим устранить эту опасность и разрешить посылать помощь»[135].

Письмо было возвращено его авторам с припиской: разрешение вопроса находится в компетенции только Совета министров.

Очередное письмо с указанием, что целью посылаемых денег является открытие столовых для истощенных и голодающих узников лагерей, было направлено на имя вице-премьера Михая Антонеску. И на сей раз никакого воздействия оно не имело.

28 августа 1941 г. В. Фильдерман и М. Карп направляют письмо на имя самого председателя правительства И. Антонеску. Они просили разрешения направить представителя Ассоциации с продовольствием, медикаментами и деньгами для оказания помощи, открытия столовых и медицинских пунктов в лагерях Секурены, Единцы, Атаки и других местах Бессарабии и Буковины. Подчеркивалось, что военное командование в Яссах даже рекомендовало местной еврейской общине осуществить сбор таких денег, что было сделано, а именно в адрес ясской общины Ассоциация в Бухаресте перечислила 300 000 леев, еще 200 000 собрано ясскими евреями»[136].

Конечно, никакие представители Ассоциации еврейских общин в лагерь допущены не были. Через военное командование, по признанию упомянутого Николау Петри, ему было передано во время его нахождения в Яссах 300 000 леев для узников лагеря в Вертюжанах, он их по прибытии на место сдал кассиру администрации лагеря сублокотененту Петреску. По приказу полковника Агапия в присутствии Николау 50 000 леев были выданы лейтенанту Иуфу Кристя под видом «займа»[137]. Куда делись остальные деньги, осталось тайной, к узникам они не попали.

Один из рьяных проповедников политики решения «еврейского вопроса» в Бессарабии, ее губернатор К. Войкулеску попытался использовать стремление румынских и зарубежных еврейских организаций помочь своим попавшим в беду соплеменникам из «вызволенных» провинций для пополнения казны. В сентябре 1941 г. он предложил правительству создать под контролем государства комитет из евреев по сбору средств среди их единоверцев из Румынии и Америки для оказания помощи узникам гетто и лагерей Бессарабии и Буковины. «Собранные суммы будут централизованы отдельно и составят доход государства», – писал генерал. Взамен узникам через местные административные органы будет обеспечено питание, но дневной рацион члена семьи не должен быть выше солдатского. Как известно, румынский солдат всегда пребывал на полуголодном пайке и побирался у местных жителей. Рассуждая о выгоде своего предложения, К. Войкулеску подчеркивал: «Содержание евреев из гетто и лагерей не будет являться задачей государства (оно с самого начала ею не было – *И. Л.*), контроль не позволит евреям аккумулировать большие суммы, которые давали бы им возможность коррумпировать административный и полицейский аппарат». Если вспомнить, как вла-

сти на местах распорядились деньгами ясских евреев, посланными официально, через военные органы для узников Вертюжанского лагеря, то нетрудно себе представить, куда клонил губернатор своим проектом. Михай Антонеску, прочитав его, написал: «Согласен»[138].

По-иному оценил план К. Войкулеску губернатор Буковины генерал К. Калотеску. Он написал по поводу полученного из Бухареста письма: «Теория, вранье, нужны деньги, а не посылать бумаги».

24 сентября 1941 г. ведущая бухарестская газета «Universul» поместила интервью генерала К. Войкулеску, в котором он, проливая крокодиловы слезы о бедственном положении узников, призывал еврейские организации оказывать помощь своим братьям. Среди прочих целей призыв губернатора должен был опровергнуть все усиливавшиеся среди мировой общественности слухи об истреблении румынскими властями евреев в Бессарабии и Буковине и продемонстрировать гуманное отношение румынского правительства к ним. Еще 1 августа 1941 г. всем почтовым отделениям Румынии было запрещено принимать посылки, а Национальному банку и всем частным банкам – денежные переводы для евреев Бессарабии и Северной Буковины[139].

Кощунство призыва К. Войкулеску состояло еще в том, что к моменту появления его интервью в печати он из уст самого кондукэтора уже знал о предстоящей в октябре 1941 г. депортации всех евреев из Бессарабии в Транснистрию.

Об этом не знала, хотя слухи уже распространялись, Федерация союза еврейских общин Румынии. Она откликнулась на интервью губернатора Бессарабии, направив ему 30 сентября 1941 г. письмо с «признательностью за проявленную заботу» об узниках гетто и лагерей. Наученные горьким опытом исчезновения денег, посланных лагерникам из Вертюжан, руководители Федерации для большей уверенности, что помощь дойдет до заключенных евреев, посчитали нужным просить следующее: разрешить 3–4 делегатам от Федерации посетить концентрационные лагеря в Бессарабии, заодно захватить с собой для лагерников одежду, продовольствие и медикаменты или приобрести это все на месте, а, побывав в лагерях, с участием представителей властей, точно определить нужды узников; организовать для последних на средства Федерации общественные столовые, санитарные пункты и создать условия для проживания в зимнее время; направить группу еврейских врачей для обеспечения медицинской помощи и проведения профилактических мер в целях предупреждения угрозы распространения инфекционных болезней, которые в силу недоедания людей и лишения их элементарных гигиенических условий могут причинить большие потери; в Кишиневе вернуть евреям принадлежавшую им до войны больницу; в гетто и лагерях позволить создавать бригады из ремесленников-евреев, что даст им возможность заработать на жизнь[140].

В правительственных кругах никто не собирался обсуждать вопрос с Федерацией союза еврейских общин, а тем более удовлетворять ее просьбы. Возня вокруг вопроса о помощи узникам гетто и лагерей стала своего рода ширмой, под прикрытием которой шла лихорадочная подготовка к массовой депортации евреев Бессарабии и Буковины. Поскольку многие евреи из лагерей работали за пределами лагеря (на строительстве и ремонте дорог и т. д.), 3 сентября 1941 г. И. Антонеску, находясь в зоне фронта, телеграфировал своему заместителю Михаю Антонеску: «Всех евреев вернуть в лагеря, желательно в лагеря Бессарабии, так как оттуда я их вытолкну в Транснистрию, сразу же, как избавлюсь от нынешних забот»[141].

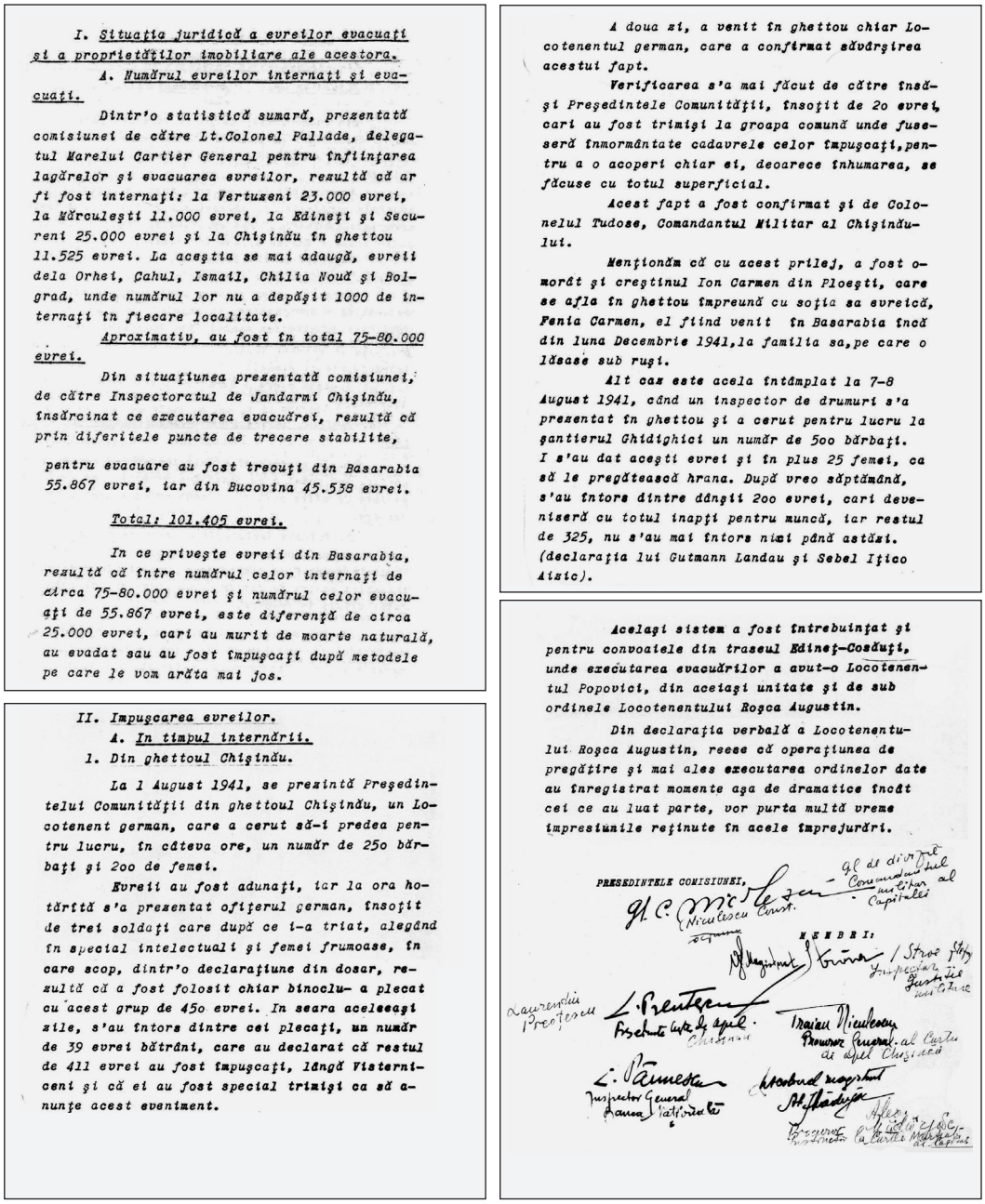
§ 2. Кишиневское гетто

Кишиневское гетто просуществовало сравнительно недолго. Оно стало своего рода эпилогом еврейского погрома 6–8 апреля 1903 г. – первой в XX в. страшной расправы с евреями, вызвавшей бурную реакцию протеста во всем мире. Если о Кишиневском погроме 1903 г. изданы книги и множество статей, этого не скажешь о последнем Кишиневском погроме, учиненном фашистами летом и осенью 1941 г. Израильский автор, уроженец Кишинева Д. Дорон (Спектор), первым издавший в 1977 г. на иврите книгу «Кишиневское гетто – последний погром», справедливо отмечает: «…история Кишиневского гетто в годы войны – это забытая страница истории Катастрофы, тема малоизвестная даже тем, кто интересуется событиями тех дней и занимается их изучением... Автору приходилось встречать уроженцев Бессарабии и даже Кишинева, которые во время войны находились в Советском Союзе, но в других районах, и которые о Кишиневском гетто ничего не слыхали»[142].

Такое положение во многом объясняется тем, что после войны в живых остались немногие узники этого гетто, и доступ к архивным источникам при советской власти был весьма ограничен. С открытием доступа к ним появилась возможность на более широкой базе источников осветить историю Кишиневского гетто. В 1993 г. опубликована статья автора данного исследования «Последний погром (История Кишиневского гетто)»[143], в 1997 г. – П.А. Шапиро «Евреи Кишинева. Румынская реоккупация, геттоизация, депортация...»[144].

Среди источников хотелось бы отметить «Отчет комиссии, созданной в соответствии с приказом маршала Иона Антонеску, главы государства, по расследованию непорядков в Кишиневском гетто» (далее «Отчет...»), состоящий из двух частей: основной – № 1 (на 45 машинописных страницах), специальной – «Рапорт-расследование № 2» (на 8 страницах)[145].

История создания указанной комиссии такова: получив записку секретных служб, озаглавленную «Гетто – организованный грабеж», разгневанный румынский фюрер созвал 4 декабря 1941 г. срочное совещание, на котором присутствовали товарищ министра обороны генерал К. Пантази, губернатор Бессарабии К. Войкулеску, генеральный секретарь президиума Совета министров О. Влэдеску и другие высокопоставленные чиновники. Маршал, рассчитывавший за счет еврейского добра залатать дыры в бюджете, вызванные неимоверными расходами в связи с войной и пребыванием немецких войск в Румынии, обрушился с резкой критикой в адрес губернаторов, директора Национального банка Румынии и др., допустивших, чтобы еврейские драгоценности разошлись по рукам коррумпированных военных и гражданских чиновников, а то и просто уголовников. «Могу вам сказать, – произнес маршал, – это самое большое разочарование за всю мою карьеру, что при моем правлении имело место то, что произошло, и мое правление, как и прежнее, запятнано мерзавцами. Больше всего обидно, что в этом деле замешано очень много военных. Очень обидно, господин генерал Войкулеску, что у вас на глазах... а ведь вы находились в двух шагах от гетто, произошли более страшные дела, чем в 1918 г., когда определенные господа творили такой же грабеж, брали жидов из Кишинева, отвозили в Криуляны (местечко на берегу Днестра – *И. Л.*), расстреливали, грабили их и бросали в воду... Я вам изложил эти печальные факты и сказал, что не желаю, чтобы мое правление было запятнано. Произошло обратное. Сегодня заграница использует этот вопрос. Вражеская пропаганда базируется на таком нашем отношении к евреям». Дабы у присутствующих не создалось впечатление, что кондукэтор изменил свою политику в еврейском вопросе, он тут же добавил, что вовсе не изменил ее, подчеркнув, что она направлена против евреев как нации. «Когда я принял меры против

I. Situaţia juridică a evreilor evacuaţi şi a proprietăţilor imobiliare ale acestora.

A. Numărul evreilor internaţi şi evacuaţi.

Dintr'o statistică sumară, prezentată comisiunei de către Lt.Colonel Pallade, delegatul Marelui Cartier General pentru înfiinţarea lagărelor şi evacuarea evreilor, rezultă că ar fi fost internaţi: la Vertujeni 23.000 evrei, la Mărculeşti 11.000 evrei, la Edineţi şi Secureni 25.000 evrei şi la Chişinău în ghettou 11.525 evrei. La aceştia se mai adaugă, evreii dela Orhei, Cahul, Ismail, Chilia Nouă şi Bolgrad, unde numărul lor nu a depăşit 1000 de internaţi în fiecare localitate.

Aproximativ, au fost în total 75-80.000 evrei.

Din situaţiunea prezentată comisiunei, de către Inspectoratul de Jandarmi Chişinău, însărcinat ce executarea evacuărei, rezultă că prin diferitele puncte de trecere stabilite, pentru evacuare au fost trecuţi din Basarabia 55.867 evrei, iar din Bucovina 45.538 evrei.

Total: 101.405 evrei.

In ce priveşte evreii din Basarabia, rezultă că între numărul celor internaţi de circa 75-80.000 evrei şi numărul celor evacuaţi de 55.867 evrei, este diferenţă de circa 25.000 evrei, cari au murit de moarte naturală, au evadat sau au fost împuşcaţi după metodele pe care le vom arăta mai jos.

II. Impuşcarea evreilor.

A. In timpul internării.

1. Din ghettoul Chişinău.

La 1 August 1941, se prezintă Preşedintelui Comunităţii din ghettoul Chişinău, un Locotenent german, care a cerut să-i predea pentru lucru, în câteva ore, un număr de 25o bărbaţi şi 2oo de femei.

Evreii au fost adunaţi, iar la ora hotărîtă s'a prezentat ofiţerul german, însoţit de trei soldaţi care după ce i-a triat, alegând în special intelectuali şi femei frumoase, în care scop, dintr'o declaraţiune din dosar, rezultă că a fost folosit chiar binoclu- a plecat cu acest grup de 45o evrei. In seara aceleeaşi zile, s'au întors dintre cei plecaţi, un număr de 39 evrei bătrâni, care au declarat că restul de 411 evrei au fost împuşcaţi, lângă Visterniceni şi că ei au fost special trimişi ca să anunţe acest eveniment.

A doua zi, a venit în ghettou chiar Locotenentul german, care a confirmat săvârşirea acestui fapt.

Verificarea s'a mai făcut de către însăşi Preşedintele Comunităţii, însoţit de 2o evrei, cari au fost trimişi la groapa comună unde fuseseră înmormântate cadavrele celor împuşcaţi, pentru a o acoperi chiar ei, deoarece înhumarea, se făcuse cu totul superficial.

Acest fapt a fost confirmat şi de Colonelul Tudose, Comandantul Militar al Chişinăului.

Menţionăm că cu acest prilej, a fost omorât şi creştinul Ion Carmen din Ploeşti, care se afla în ghettou împreună cu soţia sa evreică, Fenia Carmen, el fiind venit în Basarabia încă din luna Decembrie 1941, la familia sa, pe care o lăsase sub ruşi.

Alt caz este acela întâmplat la 7-8 August 1941, când un inspector de drumuri s'a prezentat în ghettou şi a cerut pentru lucru la şantierul Ghidighici un număr de 5oo bărbaţi. I s'au dat acesti evrei şi în plus 25 femei, ca să le pregătească hrana. După vreo săptămână, s'au întors dintre dânşii 2oo evrei, cari deveniseră cu totul inapţi pentru muncă, iar restul de 325, nu s'au mai întors nici până astăzi. (declaraţia lui Gutmann Landau şi Sebel Iţico Aizic).

Acelaşi sistem a fost întrebuinţat şi pentru convoaiele din traseul Edineţ-Cosăuţi, unde executarea evacuărilor a avut-o Locotenentul Popovici, din acelaşi unitate şi de sub ordinele Locotenentului Roşca Augustin.

Din declaraţia verbală a Locotenentului Roşca Augustin, reese că operaţiunea de pregătire şi mai ales executarea ordinelor date au înregistrat momente aşa de dramatice încât cei ce au luat parte, vor purta multă vreme impresiunile reţinute în acele împrejurări.

PREŞEDINTELE COMISIUNEI,

MEMBRI:

Из краткого отчета комиссии, созданной по приказу маршала И. Антонеску по расследованию «непорядков» в Кишиневском гетто

евреев, – заявил он, – я принял их не против отдельной личности, а против всей общности...»[146].

Оправдываясь перед своим фюрером, губернатор Бессарабии К. Войкулеску еще до указанного совещания в своем «Меморандуме о еврейской проблеме в Бессарабии» сетовал по поводу того, что «...воров было очень много», уследить за ними и принять меры по их наказанию не было возможности, к тому же отрицательно сказалась с точки зрения охраны гетто «частая сменяемость полицейских и армейских частей»[147].

В день совещания была сформирована упомянутая комиссия из высокопоставленных чиновников, которую возглавил военный комендант Бухареста генерал К. Никулеску. И. Антонеску требовал, чтобы «румынская страна завладела золотом, находившимся в руках жидов»[148].

В представленном комиссией «Отчете...» отнюдь не из жалости к евреям приводится много фактов зверств и грабежей, творимых военщиной, жандармами, полицейскими, гитлеровцами по отношению к узникам гетто. Этот «Отчет...» и другие архивные документы тогдашних румынских властей, а также акты комиссии по расследованию злодеяний фашистов на территории Молдавской ССР позволяют создать более или менее реальное представление о Кишиневском гетто.

Кишинев удостоился повышенного «внимания» румынских властей, а также прибывших в город гитлеровцев. В оперативной сводке № 63 айнзацгруппа «Д», касаясь положения в Кишиневе, сочла нужным подчеркнуть: «Решение еврейского вопроса является одной из наиболее важных проблем», поскольку до войны в городе проживало, по ее данным, «от 60 до 80 тысяч евреев»[149].

В конце XIX и в первые четыре десятилетия XX в. Кишинев действительно являлся одним из крупных центров еврейской жизни в Восточной Европе. Согласно переписи населения 1897 г., в городе проживало 49,8 тыс. евреев (45,9 % всех жителей города), в 1930 г. – 41,1 тыс. (35,7 %), в 1939 г., по данным Института статистики Румынии, «приблизительно» столько же, сколько в 1930 г. Евреи активно участвовали в экономической, политической и культурной жизни города. В начале XX в. из 38 наиболее крупных промышленных предприятий города 29 принадлежали евреям. Среди евреев было много врачей, инженеров, адвокатов. Основная еврейская масса жила в нищете, занималась ремеслом (67 % ремесленников города были евреи), мелкой торговлей, перебивалась случайными заработками. В Кишиневе действовало много культурных, благотворительных организаций[150], имелись еврейские школы – общеобразовательные, профессиональные, религиозные, – были своя больница, поликлиника, приюты для сирот-детей и одиноких стариков, работали около 60 синагог и молитвенных домов, издавались газеты на языке идиш, выступали еврейские артисты и т. д. В первые десятилетия XX в. большое развитие в Бессарабии получило сионистское движение, центром его был Кишинев[151].

В послевоенный период многие евреи, иногда целями семьями, покидали Румынию, сионистская молодежь всякими путями старалась перебраться в Палестину. Среди последних многие были из Бессарабии и Буковины[152]. В результате, а также из-за низкой рождаемости, по приблизительным данным Института статистики Румынии, численность еврейского населения в Кишиневском уезде уменьшилась накануне войны, по сравнению с 1930 г., на 1309 человек[153].

Во второй половине 1940 г., при советской власти, число евреев в Кишиневе возросло за счет тех, которые в межвоенный период в поисках работы переехали в Румынию, а в летние дни 1940 г. перед лицом наступления антисемитизма и фашизма в этой стране вернулись в родной край. По этой же причине в Кишинев и в другие города Бессарабии перебрались и некоторые евреи – уроженцы и жители самой Румынии, надеясь в Советском Союзе избавиться от антисемитизма и преследований.

К моменту вступления фашистских войск в Кишинев большая часть евреев из-за непрерывных бомбежек с воздуха (особенно жестокой бомбардировке он подвергся 6 и 7 июля 1941 г.) покинула город. Одни осели в близлежащих селах, другие успели перебраться через Днестр и отправиться в тыловые районы СССР.

18 июля командующий 4-й румынской армией генерал Н. Чуперкэ назначил заместителем начальника штаба армии полковника Д. Тудосе военным комендантом «Кишинева и его окрестностей». В его обязанность входило и решение «еврейского вопро-

са» в городе. В приказе командующего полковнику рекомендовалось «находиться в тесном контакте с местным немецким командованием и действовать в полном согласии с ним»[154]. Впоследствии о своих впечатлениях первых дней своего пребывания в Кишиневе в качестве военного коменданта города Д. Тудосе докладывал: «В первые 8 дней не было в городе ни одной немецкой полицейской части. По этой причине немецкие военные части в организованном порядке или изолированными группами, применяя силу, на правах завоевателей совершали акты насилия, забирали и увозили все лучшее и ценное из того, что было на складах, в домах, покинутых или непокинутых... Поиски и присвоение ценностей, которые, как они полагали, запрятаны в домах, в мебели, диванах, под полами, были всеобщим увлечением, к этим актам, подражая, присоединялись и отдельные румынские военные». Полковник Тудосе, будучи комендантом гарнизона и ответственным за дисциплину румынских войск в городе, явно преуменьшает их участие в грабежах и убийствах. Гитлеровцы были нацелены на присвоение содержимого на складах, фабричного сырья и материалов, иногда даже, устраняя силой румынскую охрану, увозили ковры, рояли, дорогую одежду[155].

Не дремали в этой обстановке разгула, анархии и безвластия подонки из местного населения. «Одновременно, – продолжает Д. Тудосе, – во время первоначальной смуты и отсутствия безопасности голытьба окраин, бродяги и в большой мере жители пригорода и близлежащих сел шастали по улицам, врывались в дома и, применяя при необходимости силу, уносили все, что им попадалось на пути». Упомянутый Мариан Мишель, своими глазами наблюдавший за всем, что в эти дни происходило в городе, рассказал: «Сначала воровали все более ценное, но менее емкое. Затем по очереди брали предметы покрупнее, но менее ценные. К мебели первоначально не дотрагивались, только ломали. Были в нерешительности. Не были уверены в том, что евреи не вернутся и не узнают свои вещи у них. С кушеток и мягких стульев срывали только обивку, остальное оставляли на месте. Затем очередь дошла до подушек. Евреи спали на многих подушках, им же (грабителям – *И. Л.*) они не нужны были. И продавать некому было. Они упростили проблему: разорвали все подушки, вытряхнули пух и крали только материал. Хотя лето было в разгаре, город казался покрытым снегом. От пуха он стал белым. Позже они стали понимать, что покинувшие город больше не вернутся, а мертвые не расскажут, что произошло. Осмелев, они начали обставлять свои дома еврейской мебелью». Другой свидетель этой вакханалии, начальник службы инвентаризации Кишиневской примарии некий Война Поткоавэ писал в своей декларации, что «магалы были полны ворованной мебелью»[156].

19 июля в Кишинев прибыл «уполномоченный главы государства по администрации в Бессарабии» генерал К. Войкулеску. В телеграмме на имя вице-премьера Михая Антонеску он писал: «Нахожусь в Кишиневе с 19 июля, с 10 часов утра. Жизнь в городе замерла. Принял меры по сбору всех евреев в нижней части города, в Вистерниченах (железнодорожная товарная станция города – *И. Л.*), и использованию всех трудоспособных для расчистки города»[157].

21 июля К. Войкулеску направил военной комендатуре и квестору полиции Кишинева письмо, в котором требовал «в целях организации рационального использования труда жидов» представить «руководству и администрации Бессарабии до 30 июля 1941 г. число «трудоспособных евреев». Он рекомендовал создать рабочие бригады и, по требованию различных организаций, направить на работу. Последние свои заявки на рабочую силу должны были представлять за день, до 14 часов. 28 июля все эти требования руководства области были оформлены в специальном приказе (№ 99). На второй день, 29 июля, К. Войкулеску приказом № 146 обязал всех префектов и примаров произвести инвентаризацию всего недвижимого имущества в городах области[158].

Проверка документов при входе в Кишиневское гетто

Создание Кишиневского гетто было реализацией упомянутого распоряжения И. Антонеску («ни одного еврея не оставлять в селах и городах, интернировать в лагеря») и настояния зондеркоманды 11 «А». Согласно докладу последней, она выступила с инициативой создать гетто и ввести опознавательные знаки для евреев[159].

На состоявшейся 22 июля встрече К. Войкулеску и Д. Тудосе было решено в срочном порядке создать в Кишиневе гетто, выделив для его размещения «нижнюю часть города, примыкающую к Вистерниченам». В упомянутом приказе К. Войкулеску № 61 от 24 июля 1941 г. «О создании в провинции лагерей для евреев» подчеркивалось: «В Кишиневе следует ускорить создание гетто»; «Всех евреев города в трехдневный срок зарегистрировать в примарии с указанием профессии не только мужчин, но также женщин и подростков»[160].

Территория гетто была определена в границах улиц Харлампиевской, Кожухарской, Вознесенской, Павловской с двумя входами и выходами: со стороны улиц Кожухарской и Павловской. Эта так называемая «нижняя часть» города, в отличие от «верхней», где проживало более зажиточное население, была заселена преимущественно бедными слоями еврейского населения. «Нижняя часть» примыкала к железнодорожному полотну и мелководной речке Бык. Здесь скапливалась вся грязь, одноэтажные домики, построенные в основном еще в XIX в., были лишены всяких удобств, отсутствовала не только канализация, но порою даже простой водопровод. Именно эту часть города фашистская авиация целенаправленно бомбила. Сбор евреев в отведенное место для гетто начался 26 июля[161].

Вся операция была проведена за два дня. Военный комендант города полковник Д. Тудосе в августе 1941 г. писал генералу К. Войкулеску, что «эвакуация производилась без извещения, максимум за 10 минут», что не позволило, по его же признанию, евреям «взять с собой необходимое для удовлетворения своих элементарных жизненных потребностей»[162]. Некоторых, вспоминает один из свидетелей, «выгоняли из домов, даже не дав одеться. Были среди них и больные. Несмотря на нестерпимую жару, немцы не разрешали взять с собой даже бутылку воды»[163]. Упомянутый И.Л. Бадаш рассказал: «В доме, находящемся во дворе по улице Николаевской, 115, проживало более 40 еврейских семей, в том числе проживала моя семья. В июле 1941 г. указанных выше жильцов румынские солдаты вывели на улицу, установили против них пулемет, а затем обыскали всех, забрали все деньги и ценные вещи, порвали советские документы, сфотографировали и отпустили. Через пару дней, примерно в конце июля 1941 г., в этот же дом пришли румыны, забрали всех мужчин на работу, а женщинам приказали взять с собой, что можно унести в руках, и пойти в еврейский лагерь – гетто»[164]. Со сборных пунктов под конвоем, в окружении жандармов и армейских солдат евреи с разных концов города отправлялись в его нижнюю часть[165]. Хотя путь в гетто был недлинным, но после многих дней страданий и голода многие были не в состоянии пройти его.

Адвокат Эзра Дубинский, о котором мы уже писали, в своих воспоминаниях «Из Кишиневского гетто в Транснистрию», опубликованных в газете «Ха-Бокер» от 15 октября 1944 г., пишет: ««Переселение» продолжалось два дня. Забыть это невозможно. Тысячи людей, несчастных, убитых горем, шагают посередине улицы под конвоем эсэ-

совцев. Солдаты жестоко избивают тех, кто отстает. Многие роняют узлы, взятые с собой, падают, встают и снова идут дальше... в нижнюю часть города, которая выделена для еврейского гетто... В первый день всех согнали на площадь и держали часами без еды и питья под дулами пулеметов. Такой «прием» был устроен обитателям гетто.

Фашистские изверги, пока люди под палящим солнцем стояли на площади старого рынка Кишинева (Ильинский базар), относились к ним с невиданным садизмом. Пленникам даже не разрешали оправиться. У одной женщины начались роды, но покинуть площадь ей запретили, и она корчилась в схватках возле дерева на краю площади. К концу дня ради потехи и развлечения стали создавать видимость подготовки евреев к расстрелу. Началась невероятная паника. Под хохот палачей заранее установленные кинокамеры снимали метавшуюся перепуганную толпу»[166].

В конце июля 1941 г. Кишинев посетил сам кондукэтор. Он, по-видимому, был удовлетворен тем, как проводится «этническая чистка». Созрела идея взяться за другие «нежелательные» этносы. 2 августа 1941 г. генеральный секретарь президиума Совета министров Румынии О. Влэдеску направил Министерству внутренних дел письмо следующего содержания: «Ставлю в известность, что господин генерал Антонеску, будучи вчера с инспекцией в Кишиневе, принял следующее решение: изучить проблему кочующих цыган, их следует собрать и направить за пределы границ. Так как оба эти вопроса являются срочными, просим соизволить распорядиться об их решении»[167]. А пока главным оставалось решение «еврейского вопроса».

Покидая свои дома, евреи оставляли свою мебель, большую часть одежды, домашнюю утварь, ковры, забирая с собой лишь то, что можно было унести в руках. «Движимое имущество, оставленное евреями, – сказано в «Отчете...», – стало объектом серии грабежей». В другом документе – «Докладной записке о непорядках в администрации гетто, о незаконных операциях и злоупотреблениях по отношению к евреям», составленном Специальной службой информации, читаем: «При перемещении евреев в гетто в их квартирах оставались очень ценные произведения искусства, но не все было инвентаризировано», что, естественно, позволило блюстителям порядка присваивать их[168]. Справедливости ради следует сказать, что при отправке в гетто и даже уже находясь там, хотя выходить и заходить в гетто без разрешения коменданта военного гарнизона было запрещено, богатые и даже среднего достатка евреи умудрялись разными способами, главным образом путем подкупа коррумпированных военных и гражданских чиновников, унести с собой драгоценности, деньги, дорогостоящие предметы, постель, даже перебросить хорошую посуду и кое-какую мебель. На этом деле по большому счету наживалось, в первую очередь, высокое начальство, но и рядовые охранники гетто не оставались в обиде. Инспектор Кишиневской жандармерии полковник Мекулеску «жаловался» коменданту города полковнику Д. Тудосе: «Солдаты из охраны гетто за определенную сумму денег или небольшие ценные предметы (обручальные кольца, столовые приборы, одежду, постельное белье и т. д.) разрешают евреям покидать гетто»[169]. Установилась, сказано в «Отчете...», цена одного пропуска на выход в город – 1000–1500 леев[170].

Чтобы хоть в какой-то мере снять с себя ответственность за сокрытие от государства драгоценностей, 30 августа 1941 г. К. Войкулеску издал приказ № 4 следующего содержания: «Все обладатели золота, в любой форме и состоянии, иностранной валюты обязаны сдавать их в отделения Национального банка; в Кишиневе в течение трех дней, в других населенных пунктах – 5 дней со дня объявления приказа. Национальный банк будет оплачивать по официальному курсу». Это, естественно, коснулось в первую очередь евреев. Но никто не торопился расставаться с ценностями, отдавать их за бесценок Национальному банку.

Что касается движимого имущества, принадлежавшего до 28 июня 1940 г. евреям и еврейским организациям в Бессарабии и Северной Буковине, то декретом-законом № 2507 от 3 сентября 1941 г. оно было объявлено собственностью румынского государства и передано в распоряжение ведомства «румынизации и колонизации»[171]. А пока эта передача осуществлялась на практике, еврейская собственность расходилась по рукам разных военных и гражданских чиновников. Сам военный комендант Кишиневского гарнизона полковник Д. Тудосе взял себе «на хранение» находившийся в окрестностях города виноградник площадью в 10 гектаров, принадлежавший до войны еврею Вайсбергу[172]. Генерал К. Войкулеску, стараясь слыть перед кондукэтором последовательным борцом с коррупцией, помешал полковнику Д. Тудосе заиметь виноградник Вайсберга даже под видом аренды. Побывавший на доходной должности военного коменданта с 18 июля до 1 сентября 1941 г. полковник Д. Тудосе был заменен генералом Панаициу. Не помогли полковнику удержаться в своем кресле и выставляемые им заслуги. «Я, – писал он в своем отчете от 12 августа 1941 г., – очистил город от евреев и остатков врагов, придал городу румынский и, главным образом, христианский вид, организовал еврейское гетто таким образом, чтобы в настоящее и будущее время не исходила никакая опасность со стороны этих элементов; я подсчитал оставшееся еврейское население»[173]. Чтобы придать городу «румынский и христианский вид», было осквернено еврейское кладбище, разрушены синагоги, на улицах города рядом с трупами евреев валялись разорванные свитки Торы.

Генерал Панаициу находился на посту коменданта гарнизона Кишинева только до 7 сентября, когда ему на смену пришел полковник Е. Думитреску, превзошедший всех в обогащении за счет евреев.

Военный комендант Кишиневского гарнизона из числа офицеров назначал коменданта гетто. Их также было несколько. Для поддержания «порядка» на территории гетто действовало отделение городской полиции, возглавляемое комиссаром Вирджилом Ионеску.

Охрану гетто осуществляли, сменяя друг друга, армейские (1-ая рота 50-го пехотного полка, подразделение 68-го пехотного полка, фумигационная рота капитана Поенару, 20-й пулеметный батальон подполковника Григореску) и полицейские (рота лейтенанта Пушкашу и 23-я полицейская рота, впоследствии преобразованная в мобильную жандармскую роту под командованием капитана Параскивеску) части[174]. В начале августа охрана состояла из 80 солдат, что позволило некоторым евреям бежать из гетто, но с каждым днем охрана усиливалась. В октябре 1941 г. число охранников достигло 250 человек[175]. Такая сменяемость комендантов и охранников пагубно сказывалась на положении узников гетто. Каждая новая смена старалась использовать момент для наживы за их счет.

Румынская администрация посчитала, следуя примеру гитлеровцев, целесообразным иметь в гетто еврейский комитет в качестве органа, ответственного за претворение в жизнь приказов и распоряжений властей. В полицейском донесении сказано: «Гетто управляется еврейским комитетом из 22 членов во главе с председателем, все отобранные из евреев-интеллектуалов под прямым надзором военного коменданта»[176]. В упомянутом «Отчете...» и в других документах говорится, что комитет состоял из 20 человек: председателя и двух его заместителей, секретаря и 16 членов[177]. Председателем комитета являлся известный общественный деятель адвокат Шмуэль Гутман-Ландау. Каждый день один из членов комитета должен был явиться за распоряжением и приказами к военному коменданту и примару города и обеспечить их выполнение, в частности, по требованию властей предоставить рабочую силу[178]. Комитет обязывался заботиться о бытовых нуждах узников гетто. Удалось создать пекарню, в которой вы-

пекался хлеб, но из перестоявшейся, порченой муки, больницу, далеко не вмещавшую растущее с каждым днем число тяжело больных, открыть аптеку, постоянно и остро ощущавшую недостаток медикаментов.

С образованием гетто политика террора и истребления евреев ничуть не ослабла. Выискивались и придумывались всякие поводы для их уничтожения. Зондеркоманда 11 «А» докладывала, что казнила 68 евреев из «временного лагеря заключения», которые, якобы, «занимались коммунистической деятельностью», и еще 6 евреев – «за поджоги»[179]. Под предлогом, что, якобы, «из их рядов стреляли по немецким солдатам», 27 июля кишиневская полиция сообщила областному инспекторату об аресте 16 евреев, передаче их военно-полевому суду, вскоре они были расстреляны, в том числе 10 женщин[180]. Мотивом для очередного злодеяния послужил пожар, возникший в ночь с 30 на 31 июля 1941 г. и охвативший угольный склад и дом. «В качестве меры воздействия за указанные и более ранние преступления, – читаем в отчете зондеркоманды, – румынский комендант города 31 июля 1941 г. приказал расстрелять еврейских заложников, расстрел был произведен 1 августа 1941 г.»[181].

В расправу с евреями активно включилась Специальная служба информации (ССИ) Е. Кристеску. Бывший начальник секретариата этой службы, уже знакомый нам Траян Борческу свидетельствовал: «Из Ясс Эшелон (оперативная группа ССИ. – *И. Л.*) отправился в Кишинев, где возобновилась массовая резня евреев. Это совершали те же команды из ССИ, которые действовали в Яссах... Дело о массовых убийствах в Кишиневе привез мне Георге Кристеску-Джикэ»[182]. Другой сотрудник ССИ Константин Михалча рассказал: «Майор Балотеску (уже известный нам по организации погрома в Яссах – *И. Л.*) принимал участие во всех акциях против евреев. Он в своем центре (в Кишиневе – *И. Л.*) устроил себе целый склад мебели, посуды и т. д. Его очень ценило руководство ССИ. Он окружил себя сомнительными личностями, среди которых некие Андрей и Ману (Ковач), которых я застал одетыми в форму капитанов. Несмотря на безнаказанность, которой они пользовались, некоторые сотрудники Балотеску были уличены в присвоении дорогих предметов, отнятых у евреев гетто, и наказаны, среди них был и начальник Ману (Ковач). Есть такое дело в ССИ»[183].

Почти ежедневно еврейский комитет должен был по требованию властей выделять определенное число людей на выполнение различных работ: ремонт дорог, погрузку и разгрузку вагонов на железнодорожной станции, уборку улиц, разбор развалин и т. д. Самое страшное: многие, отправляемые на эти работы, истреблялись фашистами. В «Отчете...» упомянутой комиссии, созданной по указанию И. Антонеску, приводятся конкретные примеры таких исходов. Вот один из них: «1 августа 1941 г. к председателю Кишиневского гетто явился немецкий лейтенант, попросивший передать ему для работы на несколько часов 250 мужчин и 200 женщин.

Евреи были собраны, и к назначенному часу явился немецкий офицер в сопровождении трех солдат, которые, отобрав главным образом интеллигентов и красивых женщин, с какой целью был использован даже бинокль, отправились с этой группой в 450 евреев. В тот же вечер из ушедших вернулись 39 стариков, заявивших, что остальные 411 евреев были расстреляны возле Вистерничен, и они специально направлены, чтобы сообщить об этом.

На второй день в гетто явился тот же немецкий лейтенант, подтвердивший этот факт. Проверку проводил и сам председатель общины в сопровождении 20 евреев, которые пришли к общей яме, где были захоронены трупы расстрелянных, чтобы засыпать ее землей, так как захоронение было произведено весьма поверхностно.

Этот факт подтверждал и полковник Тудосе, военный комендант Кишинева»[184]. Среди убитых были инженер Исак Краснянский, инженер Саша Шварцман, Юзя Миль-

Кишиневские евреи в ожидании депортации

штейн, г-жа Хорнштейн, муж и жена Гохберг, у которых в гетто остался 8-летний ребенок, и др.[185]

В «Отчете...» приводится еще один случай, имевший место 7 августа 1941 г. В гетто явился румынский дорожный инспектор и потребовал предоставить ему для работы на стройке в Гидигиче 500 мужчин и 25 женщин для приготовления пищи. Прошла неделя, и в гетто возвратилось только 200 евреев, совсем потерявших трудоспособность, остальные 325 человек «больше не вернулись»[186]. Гражданка А.И. Посторонка, дом которой находился в черте гетто, рассказала, что с ее двора были взяты на работу 13 евреев, в том числе Рябин Сима (21 год), Вейц Пейся (41 год), Гринберг Хова (17 лет), и варварски расстреляны[187]. Другой свидетель – Я. Орлов – привел такой факт: «У проживающего в нашем доме Шильмана румыны забрали сына, двух дочерей и жену, якобы, на работу, вечером они уже обратно не вернулись. Так случилось и с двумя братьями Гельмана»[188].

Мариан Мишель пишет в своих воспоминаниях: «Каждый день из гетто выводились довольно большие группы евреев. Люди брали с собой чемодан или рюкзак или просто связку. Им говорили, наверное, что их депортируют. В действительности их выводили за город, отводили к оврагу и расстреливали. Стреляли в кучу. Одного убивали, другого ранили, кое-кто даже и ранен не был, но всех засыпали землей»[189]. Рассказывая о расстреле евреев в августе 1941 г. в предместье Вистерничены, упомянутый Бадаш отмечает, что «многих закопали полуживыми»[190].

Наиболее излюбленным местом для расправы с евреями, отмечается в акте комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков, было Оргеевское шоссе в северной части города, куда немецко-румынские палачи выводили из собранных в лагере гетто партиями от 300 до 400 человек и на 5-м километре в стороне от шоссе, за конным заводом, в лощине-овраге расстреливали из пулеметов.

Как установила комиссия, трупы расстрелянных здесь советских граждан сбрасывались в 2 большие ямы, имеющие цилиндрическую форму, каждая в диаметре 7–9 метров, глубиной до 16 метров. В число расстрелянных советских граждан входили дети, женщины, мужчины разных возрастов; общее количество расстрелянных и закопанных в этих двух ямах – 1500 человек»[191]. Крестьяне Д. Бакал, И. Арик, Я. Хинкулов, В. Постолатий, которые убирали урожай вблизи этого места, сообщили Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистов в Молдавской ССР, что евреев убивали из пулеметов группами по 30–40 человек, и «крик настолько был жутким, душераздирающим», что они «не могли его слышать и ушли домой».

Убийства евреев совершались и в самом городе. Некоторые свидетели указывали конкретные места в его пределах, где были расстреляны узники гетто (погреб на Ильинском базаре, дом Арона Бондаря и др.)[192].

С каждым днем власти, выискивая всякие поводы, а чаще и без всяких мотивов, ужесточали режим в гетто. Очередным предлогом на сей раз послужило провокационное заявление гитлеровцев, что «в ночь со 2 на 3 августа 1941 г. в гетто снова были выпущены сигнальные ракеты»[193]. 5 августа состоялось совещание, на котором присутствовали: начальник полицейской секретной службы (гестапо) в Кишиневе, военный

комендант Кишиневского гарнизона, начальник румынской полиции и другие представители карательных органов. Чтобы нагнать еще больше страху на евреев, на это сборище привели председателя еврейского комитета Ландау. Было решено: «В рамках гетто создать тотчас же лагерь, загнать в него 200 молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, охранять лагерь силами румынских солдат во главе с офицером и, если органами правопорядка будет установлено, что евреи не выполняют приказы и принятые меры или же если будут иметь место покушения на жизнь военного или гражданского служащего или акты саботажа, эти 200 заложников будут расстреляны немедленно». Начальник гестапо заявил, что, якобы, установлено: «...среди 400 евреев, расстрелянных несколько дней назад, были и такие, которые находились на службе у НКВД (Народный комиссариат внутренних дел СССР – *И. Л.*), и он полагает, что среди евреев гетто многие сотрудничали с НКВД и, когда их обнаружат, они также будут расстреляны». Но, как уже отмечалось, никто из фашистских карателей не утруждал себя в поисках агентов НКВД среди евреев, без суда и следствия расстреливали всех подряд, включая и детей. Было также решено инвентаризировать под контролем военного командования все ценности – золото, бриллианты, платину и др., находящиеся у евреев, и сдать в Национальный банк»[194].

В литературе и документах приводятся различные данные о численности узников Кишиневского гетто. Так, в акте комиссии г. Кишинев по расследованию злодеяний фашистов указано, что в гетто находилось «до 15 тысяч евреев»[195]. По данным Службы главного претора, на конец августа – начало сентября 1941 г. в гетто числилось 10 400 евреев[196]. По данным кишиневской полиции, на 29 сентября в гетто «были интернированы 11 380 человек, то есть 5377 еврейские семьи»[197]. В «Отчете...», без указания, на какое число, приводятся такие данные: общая численность узников гетто 11 525, в том числе мужчин 4148, женщин – 4476 и 2901 ребенок[198]. Среди узников старше 50 лет было 3206 человек, в том числе мужчин – 1502, женщин – 1704. В этом документе сказано: «Только в Кишиневском гетто была предпринята попытка составить полный именной список интернированных евреев, но она не была завершена»[199]. Коррумпированные румынские чиновники меньше всего были заинтересованы в ведении строгого учета и в составлении именного списка евреев. Третий по счету комендант Кишиневского гетто Е. Думитреску полагал это занятием «ненужным»[200]. Евреи считались списанной нацией. Сами евреи, которые искали пути вырваться из гетто или лагеря, старались не фигурировать ни в каких списках властей. Если руководствоваться приведенными румынскими данными, в гетто находилось примерно 18–20 % от общего числа евреев, проживавших в Кишиневе накануне войны. Более половины узников составляли дети и старики, а мужчин до 50 лет было всего 2646 человек.

В «Отчете...» комиссии имеется специальный раздел – «Условия жизни в гетто». «Каждый богатый и бедный, – сказано в нем, – жил за свой счет». К богатым относились те, у кого сохранились ценности. В документе читаем: «С материальной точки зрения, большинство были бедными, из них 3000 полностью лишены средств и еще до помещения в гетто получали помощь от еврейской общины. На собственные средства, будучи более состоятельными, жили около 2000 евреев и только 200 из них можно считать богатыми»[201]. В одном документе кишиневской полиции подчеркивается, что «старики, лишенные средств существования, содержатся местным еврейским комитетом, ремесленники живут за счет своего труда, а некоторые за счет выполнения работ общественного пользования». Если верить этому документу, еврей получает в день за работу «у немецких властей 35 леев и обед, у других – питание и 10 леев»[202]. Это при условии, если по окончании задания его не расстреливали.

Обитатели гетто жили в жутких условиях. Одних узников разместили в домах евреев, успевших эвакуироваться на восток, других – путем уплотнения в квартирах, не покинутых евреями. Теснота, скученность – невероятная. В «Меморандуме» губернатора К. Войкулеску отмечается, что в каждом доме «проживают до 3–5 семейств»[203]. Здесь же сказано, что из-за большой тесноты, отсутствия одежды, белья, медикаментов, антисанитарии получили распространение сыпной и брюшной тиф, «ежедневно умирают 10–15 человек»[204]. В донесении полиции Кишинева от 29 сентября 1941 г. читаем: «Смертность среди евреев достигла в среднем около 14 человек ежедневно»[205]. По другим данным, число умерших составляло 20–25 человек в день[206].

Многие голодали. Гетто было огорожено забором, выходить за пределы его территории было настрого запрещено. Получить пропуск на выход (на 1–2 часа) можно было за крупные взятки. Большое состояние, в том числе на спекуляции пропусками, нажил военный комендант полковник Е. Думитреску. По донесениям секретной службы, «в городе идут разговоры, что военные, главным образом полковник Е. Думитреску, делают дорогие подарки своим любовницам за счет еврейских драгоценностей», и он же «отправил 7 вагонов дорогих вещей за Прут»[207]. Уличенные в казнокрадстве Думитреску и его заместитель и сообщник капитан Александреску были отстранены от должности, первый вроде даже не выдержал позора и покончил самоубийством, а второй был отправлен на фронт, где погиб[208].

Режим в гетто ужесточался с каждым днем. 15 сентября 1941 г. приказом губернатора К. Войкулеску была категорически запрещена выдача евреям временных пропусков для выхода из гетто на какое-то непродолжительное время, отняты даже два пропуска, которыми пользовались члены еврейского комитета, обязанные являться за получением заданий к военному коменданту и примару города, их стали передавать посыльными. Покидать гетто могли только евреи, отправляемые на работу в сопровождении охраны из румынских жандармов и полицейских, а также гитлеровцев[209]. В числе последних часто оказывались молодые еврейские женщины и девушки, их, как рассказывает свидетельница М.Э. Василиу, дом которой находился на территории гетто, «отправляли в притоны»[210]. В секретном донесении Специальной службы информации от 19 сентября 1941 г. сказано, что «ряд лиц полицейского управления к вечеру отправляются в гетто и, под предлогом вызова на допрос, забирают молодых девчат, отвозят их к себе домой и после ночной гулянки отправляют обратно в гетто»[211], если, конечно, не приканчивают.

Непрерывно ухудшалось продовольственное положение узников гетто. Первое время, в определенные дни и часы, разрешался въезд на территорию гетто крестьянских подвод с сельхозпродуктами, но цены, конечно, были недоступны для основной массы узников. Упомянутая М.Э. Василиу отмечала: «Евреи кормились тем, что продавали свои вещи домашнего обихода и одежду»[212]. 22 сентября 1941 г. губернатор К. Войкулеску издал приказ об усилении контроля в гетто, «дабы ничего не вывозилось и не ввозилось для евреев»[213].

В создавшейся ситуации иногда евреям помогали некоторые жители-христиане, дома которых находились в черте гетто. На территории гетто проживало около 100 христианских семейств, их не отселили, им были выданы пропуска на выход и вход в гетто. По-разному эти люди относились к узникам гетто, были и такие, которые снабжали евреев продуктами, укрывали от фашистских карателей. Поскольку помогать евреям считалось преступлением, то делалось это в глубокой тайне. Конкретные факты могли стать известны после изгнания фашистских захватчиков с оккупированных территорий, но в послевоенные годы, в обстановке проводимой в СССР политики государственного антисемитизма, писать и говорить об этой помощи не полагалось.

Лишь после падения коммунистического режима в бывших республиках СССР об этом стали вспоминать, но многих праведников мира к этому времени уже не было в живых. История лишилась множества примеров проявления гуманного отношения неевреев, в том числе Кишинева, к евреям, оказавшимся в беде.

В Кишиневском гетто находилась Ида Биндер с пятилетней дочкой Аллой. Рядом с гетто проходила Каменоломная улица, на ней жил юноша Павел Старостин. Воспитан был Павел в духе человеколюбия, среди друзей у него были и евреи, общаясь с ними, он научился разговаривать на идиш. Он своими глазами видел, как фашисты издевались над евреями, и решил в меру сил помочь им. Мать Павла, Анна Старостина, работала до войны с Идой Биндер. С помощью своей подруги Варвары Анне удалось помочь Иде бежать из гетто, укрывалась она в доме Старостиных. «Укрыл я Аллу, – рассказал спустя много лет Павел Филиппович, – в узком переулке между одноэтажными небольшими домами, которые находились рядом с нашим двором. Помогла мне в этом моя бабушка Евгения, которая владела хорошо немецким языком... Во время одной из облав немецкий офицер проверял наш дом и, услышав родную речь из уст моей бабушки, не стал осматривать нашу квартиру, расспрашивать соседей и ушел...». Пока Ида Биндер находилась в гетто, Павел Старостин передавал ей еду и одежду. В ноябре 1941 г. Анна Старостина раздобыла фальшивые документы для Аллы и Иды, снабдив одеждой и обувью на дорогу, помогла отправить их в Бухарест. Павлу Старостину, его матери Анне и бабушке Евгении Институт Катастрофы и героизма «Яд Вашем» присвоил почетное звание «Праведник народов мира», выдал диплом и медаль, а также на территории музея в Иерусалиме посажено дерево в честь семьи[214].

Отдельные факты о попытках помочь евреям гетто узнаем из документа местных властей. Как явствует из полицейского донесения, житель Кишинева К. Динеску, бывший шофер табачной фабрики, пенсионер, уроженец г. Тырговиште (Румыния), спрятал у себя во дворе 7 евреев-стариков (А. Гишера, супругов Г. и С. Рехелис, Б. Комара, Ш. Гольденштейна, М. Шварцмана, Е. Лемперта), но они были обнаружены жандармами[215]. Не повезло и бежавшей из гетто группе евреев, скрывавшихся в селе Зембрень Яловенского района. Они также были схвачены жандармами[216]. Но среди неевреев, проживавших на территории гетто, были и бессердечные мародеры. Мариан Мишель был свидетелем таких сцен: «Когда евреи строились в колонну, отправляясь на смерть, когда старушка-мать, плача, обнимала своего сына, тогда кто-то из местных христиан, может, даже живших всю жизнь по соседству, а может, даже друзья, налетал, чтобы вырвать из рук еврея сверток или шапку с головы»[217].

Живя в непрерывном страхе быть уничтоженными, испытывая голод и подвергаясь постоянным издевательствам, узники гетто искали различные пути выхода из ситуации. Попытки спрятаться в селах, даже при помощи сердобольного крестьянина, почти всегда кончались неудачей. Очень редко удавалось это и в городе. Относительно богатые евреи, которых каким-то образом обошли сталинские чистки и депортации в 1940–1941 гг. и которые сохранили какую-то часть своих богатств, пытались вырваться из гетто, перебраться в Румынию, а дальше искать пути отъезда в Палестину, Америку и т. д. Еврейский комитет Кишиневского гетто пытался даже получить официальное разрешение на выезд какой-то части состоятельных евреев. С этой целью был нанят бухарестский адвокат Опря С. Алексе, который должен был вести переговоры об этом с властями. На первый раз «за услуги» ему заплатили 103 500 леев, но, как явствует из документов, «эмиграции были запрещены, все завершилось безрезультатно»[218].

Кое-кому из богатых евреев удалось запастись документами на право проезда до Бухареста и Констанцы с последующим отъездом в Палестину от самого полковника Думитреску, но в последний момент они были у них отобраны[219]. Были и такие, кото-

рые за высокую плату прибегали к «услугам» румынских и даже немецких офицеров[220]. Но очень редко кому удалось выкарабкаться из гетто и обрести свободу.

В целях изъятия у богатых евреев припрятанных ими драгоценностей и валюты власти устраивали им ловушки. Так, с ведома губернатора К. Войкулеску, прикомандированные к его ведомству тайные агенты К. Мадан, И. Кожокару, И. Неду и др. вступили в контакт с группой евреев на предмет переправы их из гетто в Бухарест. Когда один из членов этой группы из 13 человек вручал К. Мадану 120 000 леев и 40 золотых предметов, им объявили, что они арестованы за попытку подкупа государственных чиновников. В присутствии прокурора в помещении Специальной службы информации евреям был устроен поверхностный обыск и отнятые ценности переправлены Национальному банку. Когда прокурор удалился, агенты произвели настоящий обыск и присвоили себе, как отмечал в своем письме на имя министра юстиции Румынии главный прокурор апелляционного суда Кишинева Троян Некулеску, «значительные ценности»[221]. Кондукэтор, узнав об этом, а таких фактов было много, распорядился запретить впредь применение «ловушек», поскольку «исполнители попадают в число преступников»[222].

По определению упомянутой правительственной комиссии, созданной И. Антонеску для расследования «неполадок» в Кишиневском гетто, всего лишь 200 из многотысячной массы узников можно было отнести к «богатым», уповавшим на спасение из фашистского ада благодаря своим деньгам и драгоценностям, а также связям с жаждавшими разбогатеть коррумпированными чиновниками румынской администрации. Основная голодающая масса узников гетто на это рассчитывать не могла, она надеялась на какое-то спасительное чудо. Тайная полиция (сигуранца) Кишинева, следившая за настроениями евреев гетто, докладывала вышестоящему начальству: «Среди еврейского населения господствует недовольство, так как оно считает себя жертвами неблагоприятных для себя обстоятельств и подвергается очень жестокому режиму. Евреи надеются, что в ближайшее время власти подвергнут тщательной проверке всех евреев и невиновным предоставят такой же режим, как евреям Старого королевства. Их озабоченность переходит в отчаяние по причине того, что они не в состоянии содержать себя, голодают, отсутствуют у них одежда и деньги. Они думают о своем положении в связи с наступлением зимы»[223].

По-видимому, многие узники гетто не сразу поняли весь смысл предпринятой военно-фашистской диктатурой И. Антонеску «этнической чистки», полагали, что они отдуваются за преступную деятельность каких-то лиц. Но время шло, власти не отделяли невиновных от виноватых и не собирались это делать, издевательства продолжались и принимали все более жестокий характер, людей без суда и следствия убивали. В середине сентября 1941 г. все усиливались слухи о предстоящей депортации бессарабских евреев в Транснистрию.

В отношении евреев Кишинева правители Румынии не ставили вопрос о сохранении в городе какой-то части их для использования в качестве специалистов в промышленности, строительстве, торговле и т. д., как, например, в Черновцах, о чем будет сказано дальше. В Кишиневе наиболее важные промышленные предприятия были разрушены в результате бомбардировок немецкой авиацией или уничтожения советскими властями перед отходом из города Красной армии в порядке претворения директив, содержащихся в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей и речи И.В. Сталина от 3 июля 1941 г.

И в перспективе И. Антонеску не собирался придавать Кишиневу характер индустриального центра Бессарабии. В беседе с группой архитекторов, состоявшейся 5 декабря 1941 г. относительно «реконструкции» Кишинева, кондукэтор заявил, что город

«не получит больше такого развития, какое имел при русских», т. е. с тенденцией роста, что для Румынии он был и останется центром «аграрной области» и поэтому его население не должно превышать 100–110 тыс. жителей, а площадь должна быть уменьшена[224]. Естественно, что в состоявшемся разговоре не говорилось о строительстве фабрик, заводов, электростанции, жилья и т. д. Следовательно, по мнению румынского правителя, и в специалистах-евреях потребности в Кишиневе не было.

§ 3. Черновицкое гетто

8 июля 1941 г., на четвертый день после занятия немецко-румынскими войсками г. Черновцы – административного центра Буковины, с Бухарестского вокзала в сторону этого города отправился поезд, в котором находились три будущих губернатора «вызволенных» провинций: генерал К. Войкулеску, профессор Г. Алексяну и полковник Риошану. Последний, известный своими дружескими отношениями с кондукэтором, стал, как было сказано выше, «уполномоченным генерала Антонеску по администрации Буковины».

Сам кондукэтор посетил Черновцы 24 июля 1941 г. В интервью румынским и иностранным журналистам он поделился своими планами «реорганизации вызволенных провинций». И. Антонеску хвастливо заявил, что «лично будет руководить организацией Бессарабии и Буковины», что с прежним отношением к этим областям покончено (признание их ущемления – *И. Л.*), и «утверждается новый порядок, основанный на честности и труде, справедливости и правдивости»[225].

Важнейшим элементом этого «нового порядка», как неоднократно объявлялось, была «румынизация и колонизация отвоеванных провинций». Этой задаче в основном была подчинена предпринятая в августе-сентябре 1941 г. перепись населения и имущества в Бессарабии и Буковине. В Черновцах, согласно этим сведениям, находилось 45 759 евреев (58,1 % всего населения города). По данным местной полиции, в городе проживало 79 313 человек, в том числе 17 965 румын, 3777 поляков, 8248 украинцев, 1623 немца, 149 венгров, 47 237 евреев и др.[226] Надо полагать, что евреев было больше, так как, заподозрив в этой переписи что-то неладное, многие старались не попадаться на глаза учетчикам, тем более, если кто-то собирался каким-то образом окольными путями перебраться в Палестину или Америку.

После массовых арестов и убийств, учиненных над евреями Черновцов в июльские дни 1941 г., посеянный среди них страх не утихал. Все знали, что в области идет изгнание евреев из сел и местечек, и под охраной свирепых жандармов их отправляют в созданные на севере Бессарабии концентрационные лагеря, что в пути многие лишаются жизни, что в самой области в ряде городов созданы гетто. В самих Черновцах были взяты в качестве заложников 50 евреев, которые должны были ответить своей жизнью за всякий «акт насилия против представителей румынской и немецкой администрации»[227]. Окружающая атмосфера, естественно, угнетающе действовала на каждого еврея-черновчанина, с ужасом ожидавшего, что принесет ему завтрашний день.

В упомянутом поезде, в котором из Бухареста в Черновцы следовали губернаторы, ехали и некоторые высокопоставленные чиновники военной и гражданской администрации Буковины, среди них и вице-примар муниципия Черновцы Траян Попович. 1 августа 1941 г. он был повышен в должности, стал примаром (мэром) этого города. На этом посту он проявил себя как последовательный защитник евреев от фашистского произвола, его заслуги были отмечены в Израиле: в 1969 г. ему было присвоено звание «Праведник мира», в аллее Праведников Яд Вашема посажено дерево его имени. За-

писи Траяна Поповича о годах его пребывания в должности примара проливают свет на ряд важных моментов истории Черновицкого гетто и депортации евреев из этого города.

В Черновцах в силу целого ряда субъективных и объективных причин румынские власти не приступили сразу, как в Кишиневе, к созданию еврейского гетто, хотя вопрос об этом неоднократно ставился. «Спустя несколько дней после моего назначения примаром, – пишет Траян Попович, – во время рабочей встречи с губернатором Риошану появилась оказия поговорить о еврейских проблемах. Покойный губернатор попросил выделить район города для организации гетто. Я изложил ему свою отрицательную точку зрения по этому вопросу, показал абсурдность этой средневековой меры соотносительно с уровнем культуры черновицкого еврейства, обосновал, что с технической точки зрения не могу допустить придание городу позорного вида путем ограждения части его колючей проволокой и забором из досок. Черновцы, с его обликом западного города, с муниципальной точки зрения отказываются от такого осквернения его эстетики».

А. Риошану, хотя и признал правоту примара, предупредил, что отстоять его точку зрения будет невозможно, ибо на него нажимают из Совета министров и по телефону его осаждают вопросами: «Есть ли гетто?». Стоял даже вопрос о посылке делегации во главе с примаром для изучения немецкого опыта организации гетто в Люблине, Кракове, Франкфурте-на-Майне[228].

После войны в своих показаниях румынским следственным органам генерал И. Топор, один из главных исполнителей политики «окончательного решения еврейского вопроса» в Бессарабии и Буковине, сообщил некоторые детали подготовки депортации буковинских евреев: «В ходе визита Его Величества короля и маршала в Черновцы после реоккупации города, во время обеда, устроенного губернатором, в котором принимал участие и бывший маршал Антонеску, я слышал, как последний обратился к бывшему губернатору Риошану: «Избавь мне Буковину от евреев, в противном случае я избавлюсь от тебя». В этот же день, при прощании, бывший маршал мне сказал: «Я дам приказ об эвакуации евреев из Буковины». Примерно в сентябре 1941 г., находясь у вагона маршала, генерал Иониciу сказал мне: «Поскольку организация эвакуации евреев из Буковины уже готова, возможно, есть необходимость отправиться туда, чтобы присматривать за эвакуацией и позаботиться о том, чтобы движение поездов не задерживалось»»[229].

Пока шла эта подготовка, как отмечалось, в соответствии с приказом военных (режим военной оккупации в первые месяцы сохранялся) и гражданских властей, все черновицкие евреи должны были носить прикрепленную к верхней одежде «звезду Давида», ходить по городу и пользоваться рынком только в установленные для них часы, выполнять трудовую повинность и т. д.[230] 16 августа 1941 г. А. Риошану докладывал в Бухарест, что, согласно приказу Верховного главнокомандования, только из Черновицкого уезда «эвакуирован за Днестр 2951 еврей, а ежедневно на работах общественного характера используются 5000 евреев»[231]. К этим работам относились: ремонт железных и шоссейных дорог, заготовка щебня для них, разборка развалин, уборка улиц, погрузка и разгрузка вагонов на железнодорожной станции и т. д. «Каждый день, – с рассвета до темноты, – вспоминает Абрам Курц из Черновцов, – захватчики гнали нас на самые трудные и грязные работы. Еды не давали, зато избивали беспощадно на каждом шагу»[232].

Как и повсеместно, куда вступали немецкие и румынские союзники, в Черновцах с первых дней началось разграбление «трофеев», к числу последних относилось имущество лишенных человеческих прав евреев. Гитлеровцы прибрали к рукам, в первую очередь, сохранившиеся на складах ценности, оставленные советами. 5 августа

1941 г. А. Риошану телеграфировал в Бухарест, что немецкие братья по оружию, «открыв предварительно огонь из пулеметов, отстранили румынскую охрану от различных складов и нагрузили машины всевозможными вещами»[233].

Из еврейских квартир, как покинутых, так и с жильцами, вывозились дорогостоящие предметы: пианино, персидские ковры, фаянсовая посуда и др. По сообщениям секретных служб, генерал К. Войкулеску до занятия должности в Кишиневе во время своего недолгого пребывания в Черновцах при отъезде прихватил грузовик «с вещами, в том числе дорогими персидскими коврами»[234]. Траян Попович в своих записях уточняет: «Войкулеску на память увез из Черновцов при отъезде два грузовика с персидскими коврами»[235].

30 августа 1941 г. А. Риошану внезапно скончался. При нем, по утверждению Т. Поповича, «лагерь как средство наказания оставался скорее проблемой теоретической». Он полагал, что, поскольку А. Риошану по натуре был «более гуманным», ситуация черновицких евреев была бы не столь тяжелой. «Положение радикально изменилось, – пишет Т. Попович, – когда к руководству Буковиной пришел генерал Калотеску, также из близкого окружения кондукэтора. Он, как генерал Антонеску, родом был из г. Питешть (уезд Арджеш), в бытность его генеральным секретарем Министерства обороны Румынии оба генерала сотрудничали.

С приходом К. Калотеску положение черновицких евреев ухудшилось. За придуманные нарушения еврея тут же отправляли в лагерь для «подозрительных», а то и прямо предавали военно-полевому суду. Еврейских детей лишили права посещать городские школы, банкам на почте запрещали выплачивать денежные переводы, посылаемые евреям родственниками, организациями. Передвижение по городу было ограничено с 10 до 13 часов. По сравнению с другими жителями города, еврей за хлеб должен был платить двойную цену. Специалисты-евреи, привлеченные на работу в государственные и частные предприятия, должны были 30 % своего заработка отдавать ведомству румынизации». Не пощадили власти даже умалишенных, в том числе буйных. Их выселили из психбольницы города и поместили «в ужасающей тесноте в состоянии неописуемой грязи и страшной бедности. Отупение этих несчастных заслуживает пера Данте».

«Странно, – пишет Траян Попович, – как евреи выдерживали эти придирки, преследования и притеснения». А ведь следует отметить, что, по сравнению с бессарабскими лагерями в Вертюжанах, Секурянах и Единцах, в Черновцах положение евреев было значительно легче. Продолжая свою мысль об издевательствах над евреями Черновцов, Т. Попович рассуждает: «При этом никакого ропота негодования, сопротивления, никакого акта саботажного характера, никакого ворчания. В своей смиренной тысячелетней судьбе, в мистической жертвенности трагедии они, как преследуемые тенями неистовства, несли на плечах свой рок»[236].

Отстранение евреев от хозяйственной жизни в городе и области, как, впрочем, и во всей Румынии, наносило невосполнимый ущерб экономике и финансам страны. На заседаниях правительства и различных совещаниях кондукэтор и его заместитель Михай Антонеску, признав это, заговорили о том, что «есть категория евреев, которых нельзя тотчас же заменить на занимаемых ими должностях без ущерба для государства и, не отказываясь «от реализации национальной проблемы румынизации», во имя защиты «экономического потенциала страны» какое-то время следует допустить «сотрудничество румын с евреями» в плане перенятия опыта последних и с тенденцией замены затем «еврейского элемента»»[237].

Присутствуя 9 сентября 1941 г. на заседании правительства, на котором речь шла об этом, К. Калотеску жаловался: «Главным образом в Черновцах вся промышленность (была – *И. Л.*) в руках евреев»[238].

На этом же заседании, касаясь положения в Черновцах, И. Антонеску потребовал от своего уполномоченного К. Калотеску все скопившиеся в городе в большом количестве товары направить в Старое королевство, предупредить их переправу в зарубежье. Как обычно, кондукэтор не упустил возможности разразиться очередной антисемитской тирадой. «Евреи, – сказал он, – вступили в сделку с местными немцами и нашими полицейскими. В то время как раньше немецкое население поголовно истребляло евреев Буковины, в настоящее время оно взяло их под свое покровительственное крыло и защищает их против нас. По-видимому, евреи сговорились с ними известными им способами. То же самое с полицией. Поэтому полицию следует оздоровить, начиная с верхушки и кончая уличным городовым». Не забыл кондукэтор и украинцев, которые «скупают еврейские магазины»[239].

Все это был очередной маршальский бред. Еще при советской власти все евреи Северной Буковины и Бессарабии, и не только евреи, в результате проведенной национализации лишились в основном своих промышленных и торговых предприятий и никакими товарами на экспорт не владели. В постановлении правительства И. Антонеску от 3 сентября 1941 г. о восстановлении частной собственности в Бессарабии и Северной Буковине было оговорено, что это не распространяется на недвижимую собственность евреев, принадлежавшую им до 28 июня 1940 г., вся она становилась собственностью румынского государства и передавалась ведомству румынизации и колонизации. В Северной Буковине были переданы этому ведомству 22 155 зданий, 492 промышленных предприятия, тысячи магазинов, складских помещений, ранее принадлежавших евреям, главным образом в Черновцах.

Если в Кишиневе, как отмечалось, при отступлении советских войск из города многие промышленные предприятия были выведены из строя, в Черновцах в связи с быстрым продвижением фронта это осуществить не удалось.

Потребности войны диктовали необходимость как можно скорее пустить в действие уцелевшие предприятия. Оказалось это совсем не просто. Новые хозяева и арендаторы бывших еврейских предприятий, хлынувшие из Старого королевства, оказались в массе своей мало- или совсем некомпетентными хозяйственниками. Забегая вперед, отметим: согласно данным губернаторов Буковины, в городе Черновцы и области в конце 1941 г. работало 82 из 230 крупных предприятий, в том числе пищевых – 42 из 110, деревообрабатывающих 5 из 26, текстильных и трикотажных – 12 из 35 и т. д. На всех действующих предприятиях было занято 4277 рабочих и служащих против 30 271 в середине 1940 г.[240] Остро ощущался недостаток квалифицированных рабочих, мастеров, инженеров. На всех действующих предприятиях работало лишь 265 квалифицированных специалистов при потребности в 3674. Решить эти проблемы в тот момент можно было, только используя специалистов-евреев, которых в Черновцах было немало. Этим во многом определилась политика в городе по отношению к части местных евреев, но это отнюдь не означало полного отказа от их депортации из Черновцов, а тем более из области.

6 октября 1941 г. на заседании Совета по интендантству И. Антонеску по поводу «еврейского вопроса» заявил: «Что касается евреев, я принял меры, чтобы окончательно и полностью удалить их из этих краев. Мероприятия в процессе осуществления. У меня в Бессарабии имеется примерно еще 40 000 евреев, которые в течение нескольких дней будут переправлены за Днестр, а если обстоятельства позволят, отправим их за Урал... Следовательно, еврейский вопрос – это вопрос, который решается в течение нескольких недель и будет решаться для Буковины, ты должен быть готов к этой мере». Присутствующий генерал К. Калотеску отрапортовал: «Меры уже приняты»[241].

Это было действительно так. Траян Попович пишет, что 29 сентября 1941 г. на совещании у К. Калотеску, на котором присутствовал присланный из Бухареста пред-

ставитель сигуранцы (тайной полиции) Стэнеску, от него как мэра города потребовали проект размещения в городе еврейского гетто. Все его доводы против организации гетто с ссылками на высокую культуру буковинских евреев, их роль в экономическом развитии города были отвергнуты. Выяснилось, что на создании гетто настаивали и гитлеровские эмиссары. О предстоящей депортации евреев на этом совещании речи не было, хотя, как показано будет дальше, К. Калотеску об этом уже давно знал[242].

4 октября 1941 г. Генштаб румынской армии, на который была возложена организация депортации евреев, уведомил Черновицкую военную комендатуру о наличии приказа маршала И. Антонеску «всех евреев из Буковины в течение 10 дней отправить за Днестр»[243]. В Черновцы был направлен представитель Генштаба подполковник Г. Петреску, который вместе с губернатором Буковины К. Калотеску и главным претором генералом И. Топором должны были осуществлять руководство и наблюдение за ходом организации гетто и проведение операции по депортации евреев из города.

Вся эта операция, как подчеркивалось в «Информационной сводке» румынской секретной службы (SSI) от 16 октября 1941 г., «готовилась в строжайшем секрете, чтобы евреи не покинули город»[244].

В какой-то мере властям это удалось. Ничего не подозревая, Федерация союза еврейских общин Румынии 6 октября 1941 г. обратилась с письмом к губернатору Буковины К. Калотеску, в котором говорилось: поскольку в Северной Буковине «во время оккупации» советами еврейские общины были распущены, а в настоящее время «еврейское население в разных городах и особенно в концентрационных лагерях находится в страшно тяжелом положении и отчаянно обращается за помощью, Федерация просит позволить ей оказать такую помощь и в этих целях разрешить: 1) воссоздать в населенных пунктах Северной Буковины еврейские общины для контакта с военными и гражданскими властями, сбора средств у более состоятельной части еврейского населения и выполнения других нужд общественной значимости; 2) посещение 3–4 делегатами Федерации концентрационного лагеря и гетто в Буковине, чтобы вместе с местными военными и гражданскими властями «точно определить нужды еврейского населения в части продовольствия, одежды и медицинской помощи»; 3) организацию делегатами общественных столовых, зимних помещений и санитарных пунктов; 4) направление группы врачей для «организации медицинской помощи и проведения профилактических мер» и тем самым предупредить распространение инфекционных заболеваний, которые «при отсутствии питания и гигиенических условий представляют опасность для всей страны»[245].

В порядке подготовки к созданию гетто военный отдел губернаторства подготовил ряд документов. В компетенцию этого органа входило составление всяких свирепых приказов, распоряжений, главным образом касающихся режима содержания евреев. Возглавлял этот отдел губернаторства майор Стелиан Маринеску, бывший начальник одного из отделов Министерства внутренних дел Румынии при министре-железногвардейце генерале Петровическу. Здесь майор прошел солидную школу юдофобства и проявлял особое усердие при претворении в жизнь антиеврейских мер, приказов и распоряжений, подписанных губернатором К. Калотеску.

9 октября 1941 г. губернаторство направило военному коменданту Буковины распоряжение № 36 об «установлении вокруг муниципия Черновцы охранного пояса, чтобы не позволить евреям покинуть город»[246]. На второй день К. Калотеску уведомил военное командование и Черновицкий инспекторат жандармерии о возложении на них практического проведения операции по сбору и охране евреев в гетто с последующей их депортацией. В документе указано, какие жандармские и армейские части должны быть задействованы, подчеркнуто, что операция по сбору евреев в гетто проводится 11 октября 1941 г. по утверждаемой программе, отмечено, что для отправки депорти-

рованных ежедневно выделяются два железнодорожных состава по 50 вагонов в каждом. Военному командованию и жандармерии было приказано «в этот день, с самого раннего утра, принять все необходимые меры, чтобы не допустить никакого акта, наносящего ущерб порядку и причинение убытков государству. Поскольку с этого момента все еврейское имущество становится собственностью государства»[247].

Приняты были меры по изъятию у евреев драгоценностей и валюты. 11 октября 1941 г. Министерство финансов направило Национальному банку письмо следующего содержания: «Оплата евреям при покупке бижутерии и ценных металлов осуществляется в рублях из расчета 1 рубль равен 40 леям. Драгоценные камни и другие ценные предметы будут оплачены на основе расценок, установленных специалистом-экспертом, и только из расчета 20 % этой расценки, что эквивалентно соотношению между официальным курсом золота и его стоимостью при свободном курсе». Далее в этом письме подчеркивается: «Озаботьтесь, чтобы перед отправкой этой категории евреев были отобраны квитанции о вложениях в рублях»[248]. Смысл этой грабительской «кухни» нетрудно разгадать. Назначенный государством оценщик предмета, как отмечали сами представители, устанавливал «смехотворные цены», ничтожные (derizoriu), значительно ниже действительной цены предмета. Из этой суммы еврей получал только 20 %, притом не в румынской валюте, а в утративших свое хождение рублях, на них он ничего не мог купить. Но и рублями «покупатель» не разбрасывался: курс рубля приравнивался к 40 леям. Иными словами, еврей за сданные румынскому Национальному банку драгоценности фактически ничего не получал. Стоит ли удивляться, что евреи всячески старались припрятать свои драгоценности, чтобы в беде приобрести кусок хлеба или спасти жизнь семье. Напомним, что летом 1940 г. при обмене румынской валюты на советскую, под видом лишения «эксплуататорских классов» Бессарабии и Северной Буковины денежных средств, также установили курс рубля – 40 леев, хотя на эти сорок леев по тогдашним ценам можно было на «освобожденной территории» купить в 4–5 раз больше, например, хлеба, чем на этот рубль в СССР. Румынские власти спустя год проделали с обменом денег такую же грабительскую операцию.

Губернатор был уверен, что геттоизация и депортация евреев будут сопровождаться массовым грабежом их имущества со стороны не только уголовных, но и алчных слоев из среды местных жителей, не желавших упустить возможность обогатиться на еврейском горе. Тем самым от казны могли уплыть большие ценности, что вызвало бы гнев кондукэтора. Желая себя обезопасить с этой стороны, К. Калотеску издал 11 октября 1941 г. грозный приказ № 38, который вступал в силу в этот же день с 7 утра и начинался словами: «Будут наказаны смертью: все те, которые будут предаваться беспорядкам, насилию, не будут подчиняться приказам военных властей, будут подстрекать других к грабежам, присваивать себе ценности из покинутых ими домов». Приказом была запрещена покупка и продажа бижутерии, драгоценных металлов, за нарушение – тюремное заключение от 10 до 20 лет. Срок от 5 до 8 лет каторжных работ грозил лицам, которым были «известны случаи вышеуказанных нарушений, но о которых они не донесли властям»[249].

«Программа сбора в гетто евреев из Черновцов», составленная аппаратом губернатора, предусматривала с 5 до 7 утра 11 октября 1941 г. оповещение и сбор, при содействии полиции, всех членов руководства еврейской общины г. Черновцы и его окрестностей. Ровно в 7 часов утра им зачитывался приказ № 38 и регламент гетто, в границах которого должны находиться все без исключения евреи города. Далее, согласно программе, члены еврейского комитета с 8.00 до 9.30, одновременно и полиция через «Объявление» должны оповестить всех евреев о необходимости до 18.00 перебраться в гетто. Доступ на территорию гетто был закрыт для всех посторонних, в нем могли оста-

ваться жители-неевреи на основе удостоверения личности и доказательств проживания в этом районе[250].

В расклеенном по городу «Извещении» говорилось, что операция по сбору в гетто начинается 11 октября 1941 г., будет продолжаться 8 часов и завершится в тот же день в 18.00. Евреи, застигнутые в городе после этого часа, а также те, которые при переселении в гетто «окажут сопротивление, попытаются или уничтожат принадлежащие им ценности», «будут расстреляны». Каждому еврею разрешалось брать «теплые вещи, одежду, продукты питания на много дней», а именно на время пребывания в гетто и в пути депортации, но «в рамках того, что может каждый унести с собой», имея при этом в виду, что «никто не сможет больше возвратиться в прежнюю квартиру».

Покидая свое жилище, еврей должен был составить опись оставленного имущества, на запечатанном конверте написать свою фамилию и имя и вместе с ключами от квартиры сдать представителю власти. Евреям, проживавшим на территории гетто, таких было около 5000, вменялось в обязанность «принимать евреев-поселенцев». Всем евреям гетто было приказано в обязательном порядке сдать свои драгоценности и иностранную валюту представителям Национального банка по вышеупомянутому курсу, установленному Министерством финансов Румынии[251].

Для гетто была выделена небольшая территория, примыкающая к железной дороге, в восточной части города, в районе еврейского кладбища, охватывающая на 11 октября 1941 г. улицы Буковинскую, Лукьяна Кобылицы, Русскую, Виноградскую, часть Шевченко, Анри Барбюса, Горького, часть Богдана Хмельницкого[252]. «Этот район, – по словам мэра города, – который даже при большой тесноте мог вместить 10 000 человек, должен был вместить более 50 000, не считая христианское население, проживающее в нем. С того времени и по сей день название загон для скота принадлежит мне»[253].

10 октября в кабинете губернатора К. Калотеску собрались все ответственные лица за проведение операции по организации гетто и депортации евреев. Присутствовали главный претор генерал И. Топор, представитель Генштаба подполковник Петреску. Приглашен был и примар Траян Попович, аппарат которого должен был принять от евреев покинутые дома и квартиры. Последний еще раз попытался убедить присутствующих в преступности этой акции и тяжелых последствиях для страны на будущей послевоенной мирной конференции. Но губернатор оборвал его, указав, что есть приказ маршала, и присутствующие генерал И. Топор и подполковник Петреску присланы проследить, как он выполняется. Генерал Василе Ионеску присоединился к мнению Т. Поповича. По словам последнего, В. Ионеску, обращаясь к губернатору К. Калотеску, сказал: «Не делайте этого, господин генерал. Это свинство, то, что замышляется. Это грех, большой грех...». При уходе В. Ионеску жаловался Т. Поповичу, что на требование предъявить ему письменный приказ о депортации евреев ему ответили, что «такие операции проводятся на основе устных приказов, чтобы не оставалось доказательств»[254].

Под видом «сохранения секретности» операции вся процедура перемещения евреев в гетто была устроена таким образом, чтобы у людей практически не оставалось времени для сборов, они были лишены возможности увезти свое добро из дома. «Фактически нас выгнали в чем были одеты и что сумели захватить с собой из одежды», – пишет Эвелина Ружанская[255]. Многих просто ввели в заблуждение. Рива Кобель рассказывает: «Сказали, ничего не брать, что скоро вернемся, но это оказалось ложью»[256]. Сообщить в отведенное время всем евреям города решение властей о перемещении их в гетто еврейский комитет никак не мог. В упомянутой «Информационной сводке» признается, что многие узнали об этом только в середине дня, не успели заготовить себе продовольствие, никто не знал, где именно эту ночь он проведет и где вообще будет жить[257]. Пере-

Черновицкое гетто на 11 октября 1941 г.

жившая этот кошмар Анна Трайфлер, мать двух близнецов-малюток, вспоминает: «Никто толком не знал, куда идти, информация была устная и очень противоречивая»[258].

Трагический день 11 октября 1941 г. выдался холодным, шел мокрый снег. Была суббота, священный для верующих евреев день, посвященный молитвам. Власти не случайно, по-видимому, выбрали его для претворения своих преступных замыслов, как бы еще раз подчеркивая свое наплевательское отношение к вере и чувствам этих

людей. Смятение, растерянность, отчаяние царили в еврейской среде. В полицейском отчете за октябрь 1941 г. отмечены случаи самоубийства[259]. Подгоняемые жандармами и полицейскими десятки тысяч людей из разных районов города, нагруженные своим багажом, женщины с плачущими маленькими детьми на руках, еле-еле шедшие старики и старушки, инвалиды на костылях двигались в гетто. «Я наблюдал из окна своей спальни, – пишет Траян Попович, – и глазам не верил. На улице перед окном настоящий человеческий поход в мир скитаний»[260]. Прошедший этот мучительный путь Фаня Гурфинкель рассказывает: «Меня вместе с моими родителями, двумя братьями и дедушкой солдаты в 10 часов утра гнали по улицам Черновцов в гетто. У каждого из нас был небольшой сверток, а дедушка шел без ничего, шел очень медленно в силу своего возраста. Солдаты его подгоняли: «репеде», «репеде» («быстро») и ударили прикладом винтовки по спине. Когда мы прибыли в гетто, нас загнали в какой-то полуподвал. Там мы сидели на полу, без еды, без ничего. На следующий день к забору гетто пришли наши соседи (украинцы) и принесли нам хлеб, яблоки, молоко. Этой едой мы делились со всеми, кто был с нами в полуподвале»[261].

На второй день, 12 октября, Инспекторат полиции г. Черновцы в «Информационном бюллетене» докладывал: «Операция по удалению еврейского элемента из той части недоступного для них муниципия Черновцы произведена в соответствии с требованиями инструкции по созданию гетто. В течение следующего дня приступили к проверке адресов, где работали евреи, чтобы установить, все ли они подчинились распоряжениям о вхождении в гетто. Не зарегистрированы факты неподчинения, бунта по случаю этой операции. Легионеры удовлетворены этой мерой. Запихивание в гетто стало вчера кульминацией отчаяния евреев, оказавшихся лицом к лицу с реальностью... Интеллектуальные круги полагают, что такой образ действия вызовет отклик в мире, и в Англии, и в Америке будут им спекулировать...»[262].

В самом гетто, особенно в первые два дня, творилось невообразимое. В упомянутой «Информационной сводке» секретных служб читаем: «По той же причине сохранения секретности операции... даже не было точно зафиксировано место, где должна была входить в гетто каждая улица города. Из-за этого возникли давки, споры и скандалы, каждая еврейская семья старалась попасть в лучшие дома и главным образом на окраине гетто, полагая, что тем самым будет эвакуирована последним поездом... Площадь для расквартирования в гетто была очень маленькая. Поэтому дома были битком набиты, по 20–30 человек в комнате, вместимость которой была чрезмерно сужена из-за большого багажа, сваленного в кучу»[263]. Многие вынуждены были размещаться на чердаках, в подвалах, в синагоге, а то и ночевать под открытым небом... Упомянутая Анна Трайфлер пишет: «В моем новом жилье находилось одновременно 30–35 человек. Не было продуктов, света, дров. Было холодно и голодно. Там я потеряла своих малюток…»[264].

Люди, как правило, спали на полу, продукты питания доставали с трудом у крестьян, чаще путем обмена своих вещей на продовольствие, бывало, кое-кому передавали еду через забор из колючей проволоки бывшие соседи или друзья из местных христиан.

Поскольку трамвайная линия прорезала территорию гетто, и тем самым исключалась полная изоляция его от остального города, площадь лагеря еще больше сузилась. «Улица, примыкающая к вокзалу, была выведена из состава гетто. Эта скученность, – сказано в «Информационной сводке», – плюс к тому же грязь, в которой люди находились, вызвала инфекционные болезни...». Примар города признает, что «отсутствовала хорошая питьевая вода, существующих колодцев недостаточно. Отмечаю, город страдал от этого, поскольку две из трех водонапорных станций были разрушены. Запах прокисшего пота, мочи и кала, сырости окутал весь этот район, отличая его от остальной

части города. Точно концентрированный запах овечьего загона на просторе зеленого пастбища»[265].

Согласно «Регламенту функционирования Черновицкого гетто», утвержденному губернатором К. Калотеску, «все евреи гетто обязаны целиком и полностью подчиняться распоряжениям, приказам и требованиям военных властей. «Ношение звезды Давида в гетто обязательно. Неподчинение, равно как и подстрекательство к неподчинению или беспорядкам, карается смертью». Далее в «Регламенте...» указывалось, что покинуть гетто еврей может только «со специальным письменным разрешением военного командования Буковины». Притом «выход евреев из гетто разрешается только для явки перед судебными инстанциями на основе ордера или для работы на производственных предприятиях общественного интереса и только после предварительного разрешения губернатора». Никто, ни в каком качестве, не мог войти в гетто без письменного разрешения губернатора.

Охрана гетто и ответственность за внутренний порядок, а также соблюдение евреями «Регламента», были возложены на командование жандармерии. Решение всех бытовых вопросов вменялось в обязанность еврейской общине. На территории гетто стали функционировать киоски Национального банка, куда узники гетто обязаны были сдавать драгоценности и иностранную конвертируемую валюту[266].

Тем временем в городе оставшееся имущество в покинутых евреями домах стало объектом дикого грабежа. Упомянутый политик и общественный деятель Буковины Дори Попович, строя из себя защитника государственных интересов, писал в «Записке» от 15 ноября 1941 г., адресованной И. Антонеску: «В связи с выполнением приказа о тотальной эвакуации евреев имели место факты, которые ни под каким видом не делают чести нормальному режиму». Спешка при переселении в гетто более 50 000 евреев вызвала, по его словам, панику и страх не только среди них, но и среди жителей города других национальностей, а на собственность, оставленную евреями в квартирах, набросились в целях грабежа «целые стаи лиц, большей частью принадлежащих к высшим классам общества, к служащим...». Эти «шакалы человеческого общества, – продолжает автор «Записки», – не довольствовались ограблением оставленных квартир, они набросились на находившихся под угрозой смерти евреев гетто, чтобы отнять у них за смехотворные цены все, что они захватили с собой... всякие ценности, меха, валюту, золото, серебро, ценные камни и т. д.»[267].

Другой Попович, Траян, отмечает: «Если депортация с ее предшествующей процедурой сама по себе была чудовищной, то эксплуатация этой безысходности превзошла все остальное. Это было самое позорное падение человеческой этики. Трудно себе вообразить, до какой глубины моральной мерзости может довести человека жадность»[268].

В «Информационной сводке» секретных служб также отмечается, что в первые дни существования гетто, когда оно еще не было огорожено забором, на его территорию «проникало очень много маклеров и разного рода покупателей, которые, пренебрегая приказом властей, скупали у евреев по смехотворным ценам валюту, ювелирные изделия и разные предметы». Признавая, что покинутые евреями квартиры подверглись «кражам и грабежам» по причине того, что «у властей отсутствовал персонал для их опечатывания и охраны», автор румынской «Сводки», стараясь выгородить своих соплеменников, утверждает, что грабежи «совершали главным образом украинцы» и лишь «кое-где даже румыны»[269]. В действительности грабили все, кому не лень, в том числе многие военнослужащие и другие «блюстители» порядка.

Губернатор Буковины генерал К. Калотеску, как и его коллега по губернаторству в Бессарабии генерал К. Войкулеску, подвергся критике со стороны румынского вождя

И. Антонеску за то, что еврейское добро разошлось по карманам чиновников, профессиональных воров и других темных элементов и не оказалось в государственной казне. К. Калотеску оправдывался, что при виде грабежей ему пришлось «закрывать глаза, ибо среди виновников был и офицер, награжденный орденом «Михай Витязу» (высшая боевая награда в тогдашней Румынии – *И. Л.*)»[270].

В день, когда создавалось в Черновцах еврейское гетто, маршал И. Антонеску выступил перед префектами уездов и среди прочего изрек: «Господа, вы знаете, что одна из целей борьбы, которую я предпринял, – переделать эту нацию. Я превращу румынскую нацию в однородную группу. Все чужое постепенно должно убраться... Я начал с Бессарабии. В Бессарабии не будет ноги еврея. Также Буковина будет на 80 % очищена от тамошнего еврейства...»[271].

Решение кондукэтора оставить в Черновцах часть евреев, а именно необходимых городу и области специалистов, не сразу стало известно. Евреи в подавленном состоянии ожидали депортации в Транснистрию. «Люди были в ужасе, – пишет бывший узник Черновицкого гетто Зигмунд Майзлер. – Пугало все: что будет завтра, когда и куда будут гнать, выживут ли»[272]. И в самом губернаторстве курс сначала держали на полное очищение г. Черновцы и всей Буковины от евреев, как прозвучало из уст кондукэтора на заседании 6 октября в присутствии К. Калотеску. 12 октября 1941 г. последний созвал у себя совещание всей верхушки губернаторства, 18 человек, и официально объявил о принятом решении «о массовой депортации евреев из гетто». Председатель апелляционного суда и главный прокурор губернаторства сразу оговорились, что «у них нет разрешения Министерства юстиции участвовать в совещаниях такого характера и судебная власть должна остерегаться от участия в мероприятиях губернаторства административного плана...». Но никто не проявил гражданской смелости и твердости характера, чтоб выразить протест против «такого акта с последствиями для истории нации». Единственное, чего сумел добиться примар города: представить на свое усмотрение список на 100–120 евреев, нужных для города[273].

Стало ясно: гетто – всего лишь перевалочный лагерь для сбора евреев с целью их тотчас депортировать в Транснистрию. Вечером 13 октября отправился первый эшелон с черновицкими евреями, а всего до 15 октября 1941 г. – 3 состава «телячьих» вагонов, до отказа заполненных людьми всех возрастов. В них находилось 7053 еврея. Бывший узник Михаил Айбшиц вспоминает: «Однажды утром фашисты приказали всем евреям собраться через несколько часов для перехода в гетто... Переночевали там пару ночей, и нас погнали вечером на вокзал, загнали в товарные вагоны для скота. Эшелон двинулся в сторону Бессарабии под жандармским конвоем. Пожилые люди падали в обморок, но воды не давали. Никто не знал, куда нас везут. В темноте маленькие дети потерялись, слышны были стоны и крики: «Мама, где ты?», «Ой, моей Регины тоже не вижу»[274].

Оказавшийся среди первых депортированных упомянутый Зигмунд Майзлер пишет: «Через 3 дня, 14 октября 1941 года, в 5-м часу утра в дом, где мы жили, ворвались жандармы, солдаты и добровольцы, выгоняли людей на улицу, вдоль которой с обеих сторон по всему маршруту, ведущему на Каличанку, стояло оцепление из солдат, полицаев и добровольцев. Обреченные шли сквозь строй... Прямо на ходу их избивали и грабили. С плеч моей бабушки сорвали шубу, сумку вырвали из рук. При малейшем сопротивлении несчастных били смертным боем. В районе железнодорожного депо уже стояли наготове вагоны для перевозки скота. В эти вагоны людей загоняли по 100–150 человек в каждый. А там уже была вооруженная охрана. Крики ужаса. Плач младенцев и молитвы верующих стариков. Поезд тронулся в неизвестность. Начался

трагический «галут» – изгнание. Не потому, что кто-то был в чем-то повинен. Лишь потому, что мы евреи».

«Поезд шел медленно, – продолжает Майзлер, – останавливался очень часто, люди теряли счет времени. Лишь один раз в сутки поезд остановился, открыли двери и приказали всем выходить, а точнее говоря, выпрыгивать из вагона. Вдоль железнодорожной насыпи грязь по колено. Город был затоплен водой и илом Днестра. Это был поселок Атаки, на берегу Днестра. Прямо на улице вновь очередные грабежи и насилия»[275].

В полдень 15 октября 1941 г. Траян Попович, генерал Василе Ионеску и генеральный консул Германии Шелхорн по каким-то делам посетили губернатора К. Калотеску. Последний сказал: «Господа, я только что завершил разговор (по телефону – *И. Л.*) с г-ном Маршалом (И. Антонеску – *И. Л.*), который разрешил оставить в Черновцах до 20 000 евреев. Не могу заняться отбором, поскольку не знаю состава людей и потребностей. Я уполномочиваю Вас, господин генерал, господин генеральный консул и Вас, г-н примар, приступить к отбору. Вы знаете людей, один как местный и как примар, другой как бывший префект, много лет живший в Черновцах, а г-ин консул – с точки зрения экономических интересов Рейха». Далее губернатор просил связаться с руководителем ведомства румынизации по области Павелеску, чтобы «не оказалась в состоянии застоя промышленность». А для проведения отбора «нужных» евреев отпущено было всего четыре дня с приостановкой на этот период депортации[276].

В комиссию по отбору вошли военный комендант гарнизона, примар, главный претор и представители Генштаба, а к составлению списков был привлечен большой аппарат чиновников разных рангов. Тут-то завертелась карусель. Коррумпированные военные и гражданские чиновники не преминули использовать для своего личного обогащения царившее среди узников гетто отчаяние, стремление каждого избежать депортации и оказаться среди нужных специалистов. «Когда речь идет о том, быть или не быть, – писал в «Записке» на имя И. Антонеску упомянутый Дори Попович, – оставаться жить или погибнуть, когда речь идет о выборе между жизнью и смертью, нет такой цены, на которую не согласился бы любой, и особенно дороживший своей жизнью еврей, отдать все ради своего спасения... Избранная администрацией Буковины система отбора еврейских лиц стала источником самых бесстыдных поступков, которые на много веков вперед повредят престижу страны и нашего народа». Автор «Записки» утверждает, что высокопоставленные чиновники «создали целую систему жесткой эксплуатации и ограбления евреев гетто», «организовали самый фантастический торг человеческими жизнями», установили через посредников контакты с евреями и «получали от них огромные суммы и различные предметы под видом подарков»[277].

В «Информационной сводке» секретных служб от 16 октября 1941 г. выделен специальный раздел: «Отбор евреев и задержание специалистов, необходимых городу». В нем сказано, что первоначально не было объявлено, сколько необходимо городу специалистов-евреев, и в этом своеобразном «конкурсе» могли участвовать только самые состоятельные евреи и с большими связями среди высокопоставленных чиновников. В «Информационной сводке» сказано, что среди отобранных 496 еврейских фамилий значительная часть не являлась специалистами, а лица, «заплатившие, как говорят, большие суммы денег, чтобы не быть эвакуированными».

Когда распространился слух, что оставлены, якобы, будут около 20 000 евреев-специалистов, ажиотаж усилился и круг вымогателей существенно расширился. Стали продаваться за немалые деньги и ценности места в списках-заявках предприятий и учреждений на специалистов. Поскольку, констатируется в «Информационной сводке», время для отбора такого большого числа лиц было очень ограничено, то списки-заявки «не были внимательно проверены и таким образом были задержаны люди, ничего общего с со-

циальной и экономической жизнью Черновцов не имеющие». Это вызвало недовольство среди евреев, «конечно, среди тех, которые, обладая нужной специальностью, не обладали нужными деньгами». Е. Гросберг в сообщении «Черновцы в период немецко-румынской оккупации», опубликованном в сборнике «Черная книга», пишет: «Фактически разрешения на дальнейшее пребывание в Черновцах в большинстве случаев продавались за сказочные суммы. Люди, не обладавшие достаточными средствами, не могли получить разрешения даже в случае, если они по своей профессии подходили по инструкции»[278].

Очередной способ вымогательств и выколачивания денег у евреев был придуман при выдаче им документа о праве остаться в Черновцах. Дори Попович писал маршалу-кондукэтору: «Вершина злоупотреблений была достигнута после завершения работ по отбору, предстояла выдача отобранным евреям сертификатов. Органы, которым было поручено их вручать, обусловливали выдачу внесением получателями внушительных сумм, а за неуплату наотрез отказывались выдавать эти сертификаты заинтересованным лицам, тем самым очевидно и несомненно доказывая, во-первых, что без денег абсолютно невозможно кому-либо получить разрешение (оставаться в городе – *И. Л.*), и, во-вторых, что почти весь административный аппарат, от самого маленького до самого большого чиновника, полностью заражен и работает в унисон, в одной и той же манере»[279].

Получение сертификата на право оставаться в Черновцах (так называемая «авторизация») еще не обеспечивало его держателям спокойной жизни. Время от времени устраивались проверки на предмет правильности их выдачи. «Каждая новая ревизия, – свидетельствует упомянутая Е. Гросберг, – сопровождалась требованиями о предоставлении новых документов, за них платили огромные деньги» («экстратаксы»). Специальная комиссия, возглавляемая генералом Василе Ионеску, должна была завизировать каждую «авторизацию». Многие евреи не являлись на эти проверки. Были и такие, которые, не обладая нужными средствами, чтобы избежать депортации, с самого начала прятались от взора полиции, жандармов и вообще от внешнего мира. Один из таких – Иосиф Бурсук, узник Черновицкого гетто, – рассказывает: «Буквально с первых дней начали вывозить евреев из гетто в лагеря Транснистрии. Было приказано пойти на вокзал, там погружали в товарные вагоны и отправляли под охраной. Мы не подчинялись этому приказу. Когда начали силой отправлять, мы днем прятались. Это было осенью и зимой, я помню, мы целыми днями сидели на чердаке. В квартире нас было больше 20 человек. Многие из них добровольно подчинились приказу отправиться на вокзал, некоторых поймали и отправили, а мы прятались. У некоторых из соседей имелись разрешения оставаться в городе, они работали. Они нас закрывали снаружи на чердаке, мы слышали, как других вывозят на вокзал, а нам повезло»[280].

Выполнить приказ об отборе «нужных» евреев в течение четырех дней, как этого требовал губернатор, не удалось и, собственно, было невозможно. Да и задействованный административный аппарат и вертевшиеся вокруг него всякие дельцы были заинтересованы затянуть дела и выкачать из евреев как можно больше денег, драгоценностей, дорогих вещей и т. д.

В своем документальном отчете от 2 декабря 1941 г. о результатах «отбора» и «эвакуации» евреев из г. Черновцы за подписями военного коменданта города генерала К. Ионеску и примара Т. Поповича до 15 ноября 1941 г., когда из-за «погодных условий» отправка в Транснистрию была приостановлена, в ходе «отбора» («triere»), пересмотров («revizuire») и перепроверок, продолжавшихся 18 дней, было выдано 11 000 «авторизаций», отозваны и аннулированы затем 4000, оставлены «действительными» 7000, из них на очередную перепроверку явились 5619[281]. Осталось более 5000 евреев, намеченных к отправке в Транснистрию, но в силу указанных причин временно задержанных в городе. Их примар снабдил сертификатами с полоской, именуе-

мыми «ауторизация Поповича», в отличие от «ауторизации Калотеску», полученной от комиссии по отбору «нужных» евреев.

Тем временем в город стали разными путями приходить письма от евреев-черновчан, уже вкусивших все «прелести» фашистского ада в Транснистрии. Б. Ландер из Черновцов было переправлено письмо (на нем дата 30 октября 1941 г.) от близкого ей человека, в котором есть такие слова: «Картины, которые мы ежедневно видим, остаются в нашей памяти как выжженные огнем. Даже самый гениальный писатель не сумел бы описать картины горя и нужды! О большом количестве знакомых и незнакомых, которые уже погибли и с каждым днем еще погибают, не хочу говорить. Невозможно передать чувства, когда смотришь на людей, которые сидят па своих узлах, держат на руках грудных и малых детей, ночью в разрушенных домах, без окон, а на следующий день их гонят дальше, несмотря на немилостивый мороз. Известный роман Данте «Ад» – ерунда против этой реальности»[282].

Приведем еще несколько выдержек из писем, чудом попавших в Черновцы. Дочь Роза пишет отцу К. Швиду: «Мы ищем всякие возможности, чтобы наши письма дошли к тебе, чтобы получить желаемую помощь. Вы не можете себе представить, что мы переживаем... Если бы не было детей, мы давно бы уже покончили самоубийством. Дорогой папа, помоги нам, чтобы мы хоть немного уменьшили наши страдания»[283].

Мать в письме на имя Эмиля Клайна обращается к своим детям: «Мы находимся в большой нужде. Мы уже не в состоянии так больше голодать и замерзать. Наше единственное желание – увидеть еще вас. Боюсь погибнуть на чужбине»[284].

Полно отчаяния письмо, адресованное М. Геллеру сыном Фрицем: «Дорогие родители! С начала декабря живем хуже быть не может. Кушаем только то, что нам подают, живем напротив вокзала в Могилеве (Подольском – *И. Л.*), три семьи в одной комнате, наше несчастье не может себе представить никто. Каждый день уменьшается наше количество... Мы здесь погибаем»[285].

Нельзя без содрогания читать письмо на имя М. Аксельрод: «Свой багаж я потеряла, я не могла нести багаж и ребенка, так как мы шли пешком... Я осталась только с одеялом и с тем, что на нас... Маля, спасай нас! А если уже не можешь, то тогда спасай хоть нашего ребенка...»[286].

Еще одно письмо адресовано черновицкому врачу Л. Краснопольскому. «Я уверен в твоей дружбе и любви ко мне, – пишет его друг Герман, – попробуй все, чтобы нас освободить от этого ада. Только быстро, пока не поздно. 10 человек в одной небольшой комнатке, без питания, без гигиены – это не жизнь, а определенная и скорая смерть! Больше всего страдает бедная Маргит, она похудела на 20 кг, постарела»[287].

И, наконец, последнее из сохранившихся в архиве писем из неволи. Оно адресовано Тулю Метч. «Если Вы представите себе самое худшее, то и тогда невозможно представить себе картину о нашем несчастье и горе. Мы не преувеличиваем нисколько, если Вам говорим, что было бы в тысячи раз лучше рисковать быть расстрелянным в Черновцах, чем переехать сюда. Никогда мы еще не были такими бедными, безнадежными, как сейчас. Нас гонят, как зверей, всегда без определенной цели и, главное, без перспектив пережить эту зиму... Мы часто говорим о смерти, и это уже для нас не самое худшее, есть намного хуже этого... У нас взяли все... Многие потеряли и жизнь. Они не самые несчастные»[288].

Разные люди писали, из разных мест Транснистрии шли письма в Черновцы, но все они в равной мере были проникнуты чувствами безысходности, отчаяния и стремлением вырваться из этого ада. Читая их, евреи в Черновцах, преодолевая разными способами запреты властей, помогали в меру возможностей своим попавшим в беду

родным и близким. Депортация в Транснистрию рассматривалась как отправка на верную и мучительную смерть. Вместе с тем, среди евреев Черновцов усиливалось стремление любыми путями покинуть Буковину и выехать па историческую родину, в Палестину.

Примечания

[1] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
[2] Timpul. – 1941. – 14 iulie.
[3] НАРМ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 22. Л. 4; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 47.
[4] C. N. – Vol. III. – P. 96; Martiriul evreilor... – P. 140.
[5] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 17–18.
[6] C. N. – Vol. III. – P. 82.
[7] Вестник. – № 3. – С. 50.
[8] Вестник. – № l. – С. 5–6.
[9] Вестник. – № 4. – С. 22.
[10] C. N. – Vol. III. – P. 82, 89.
[11] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 149.
[12] Ibidem. – P. 151.
[13] Ibidem.
[14] Вестник. – № 2. – С.17.
[15] Вестник. – № 4. – С. 108–109.
[16] Вестник. – № 2. – С. 19.
[17] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1117. Л. 215.
[18] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 58
[19] Ibidem. – P. 18; Martiriul evreilor... – P. 141; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 338.
[20] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л. 60; Ioanid R. The Holocaust in Romania... – P. 125.
[21] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 275; Вестник. – № 1. – С. 57.
[22] Вестник. – № 2. – С. 75.
[23] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 275
[24] E. R. Vol. III. Partea I. P. 336.
[25] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 18–19.
[26] Там же. Д. 16. Л.103.
[27] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л.60.
[28] Ioanid R. Op. cit. – P. 124.
[29] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 351.
[30] Ibidem. – P. 357.
[31] Вестник. – № 3. – С. 20.
[32] Вестник. – № 4. – С. 37.
[33] Там же. – С. 35.
[34] Вестник. – № 1. – С. 54–55.
[35] Там же. – С. 57.
[36] Там же. – С. 43.
[37] Вестник. – № 2. – С. 66–67.

[38] Вестник. – № 1. – С. 64.
[39] Там же. – С. 21.
[40] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 18. Л. 67.
[41] C. N. – Vol. III. – P. 87.
[42] Вестник. – № 1. – С. 98.
[43] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.
[44] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P.47.
[45] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 9, 10; Ф. 680. Оп. 1. Д. 4072. Л. 117.
[46] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1117. Л. 348.
[47] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 17.
[48] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 58.
[49] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 45.
[50] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 58; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 354.
[51] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 69–70.
[52] Einsatzgruppen Reports... – P. 141.
[53] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 8. Л. 181.
[54] Вестник. – № 1. – С. 6.
[55] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 409 об.
[56] Там же. Ф. 706. Оп. 2. Д. 10. Л. 409 об.
[57] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 364–365.
[58] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 201–202.
[59] Ibidem. – Vol. VI. – P. 201–202.
[60] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 344.
[61] Ibidem. – P. 345.
[62] Ibidem. – P. 347.
[63] The Einsatzgruppen Reports... – P. 119.
[64] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 36; C. N. – Vol. III. – P. 101–102.
[65] The Einsatzgruppen Reports... – P. 110.
[66] Вестник. – № 3. – С. 88.
[67] Вестник. – № 2. – С. 77.
[68] НАРМ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 5. Л. 370.
[69] Там же. Л. 351.
[70] Там же. Л. 368.
[71] The Einsatzgruppen Reports... – P. 110.
[72] Ibidem. – P. 119.
[73] C. N. – Vol. III. – P. 39.
[74] Ibidem. – P. 101; DCFRJDH. – Vol. V. – P. 35.
[75] Вестник. – № 4. – С. 120.
[76] Вестник. – № 2. – С. 67.
[77] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 35; C. N. – Vol. III. – P. 102.
[78] C. N. – Vol. III. – P. 104.
[79] Вестник. – № 4. – С. 101.
[80] Вестник. – № 1. – С. 54.
[81] Вестник. – № 3. – С. 71.

[82] Вестник. – № 1. – С. 78.
[83] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 361.
[84] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 36; C. N. – Vol. III. – P. 101–102.
[85] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 37.
[86] Ibidem. – P. 40–41; C. N. – Vol. III. – P. 106–107.
[87] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 362–363.
[88] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 38, 40–41.
[89] Вестник. – № 3. – С. 76.
[90] C. N. – Vol. III. – P. 39, 74.
[91] Martiriul evreilor... – P. 146; C. N. – Vol. III. – P. 69.
[92] C. N. – Vol. III. – P. 70–74.
[93] Martiriul evreilor... – P. 147.
[94] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 151–152.
[95] Ibidem. – Vol. V. – P. 49.
[96] Ibidem… – P. 52. Martiriul evreilor... – P. 156.
[97] C. N. – Vol. III. – P. 118; E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 370–371; DCFRJDH. – Vol. V. – P. 74.
[98] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8114. Оп. 1. Д. 960. Л. 362–364.
[99] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 74; C. N. – Vol. III. – P. 123.
[100] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 11–12; DCFRJDH. – Vol. V. – P. 83.
[101] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 89.
[102] Ibidem. – Vol. VI. – P. 152–153.
[103] Ibidem. – Vol. V. – P. 37–38.
[104] Ibidem. – Vol. VI. – P. 153–154.
[105] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.
[106] Вестник. – № 3. – С. 71.
[107] Вестник. – № 1. – С. 78.
[108] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 157.
[109] Ibidem. – Vol. V. – P. 71.
[110] Ibidem. – Vol. VI. – P. 157.
[111] Ibidem. – Vol. V. – P. 70.
[112] Martiriul evreilor... – P. 240–241.
[113] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 154–155.
[114] Martiriul evreilor... – P. 241.
[115] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 150.
[116] Ibidem. – P. 71–72.
[117] Ibidem.
[118] Вестник. – № 4. – С. 122.
[119] Вестник. – № 2. – С. 37–38.
[120] Вестник. – № 4. – С. 22–23.
[121] Там же. – С. 23.
[122] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 70.
[23] Ibidem. – P. 76–77.
[24] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 26. Л. 10–12.
[125] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 117.

[126] Вестник. – № 1. – С. 54.

[127] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 26. Л. 10–12.

[128] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 116.

[129] Ibidem. – Vol. V. – P. 123.

[130] Ibidem. – P. 124.

[131] Ibidem.

[132] Вестник. – № 4. – С. 120.

[133] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 125.

[134] Ibidem. – P. 125–126.

[135] Ibidem. – Vol. III. – P. 30, 31.

[136] Ibidem. – P. 89; C. N. – Vol. III. – P. 116, 117.

[137] Ibidem. – Vol. VI. – P. 117.

[138] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 16.

[139] C. N. – Vol. III. – P. 81.

[140] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 208.

[141] E. R. – Vol. II. – P. 290.

[142] Дорон (Спектор) Д. Кишиневское гетто – последний погром. – Кишинев, 1993. – С. 16–17.

[143] Кишиневский погром 1903 года. Сб. статей. – Кишинев. 1993. – С. 102–122.

[144] Shapiro P.A. The Jews of Chieinru (Kishinev): Romanian Reoccupation, Shettoization, Deportation. – The Destruction of Romanian and Ucraina Jews During the Antonescu Era. Ed. by. Randolph L. Braham. – N. Y., 1997. – P. 135–193 (далее: The Destruction of Romanian...).

[145] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69.

[146] Там же. Д. 23. Л. 87–89.

[147] Там же. Д. 22. Л. 5.

[148] Там же. Д. 23. Л. 89.

[149] The Einsatzgruppen Reports... – P. 107, 108.

[150] Копанский Я.М. Благотворительные организации евреев Бессарабии в межвоенный период 1918–1940 гг. – Кишинев. 2002; Его же. Европейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918–1940 гг.). – Кишинев, 2008.

[151] Vago R. Romanian Jewry During the Interwar Period – The Tragedy of Romanian Jewry. Ed. by Randolph L. Braham. – N. Y., 1994. – P. 54.

[152] Dalin Ofer. Emigration and Immigration: The Chaning Role of Romanian Jewry – The Destruction of Romanian... – P. 19–31.

[153] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 53–54.

[154] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

[155] Там же. Д. 69. Л. 25–26.

[156] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 598.

[157] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[158] Там же.

[159] Уничтожение евреев СССР... – С. 88.

[160] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 14.

[161] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 333.

[162] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 85.

[163] Дорон Д. Указ. соч. – С. 147.

[164] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 43, 43 об.

[165] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

[166] Дорон Д. – С. 146–148.

[167] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 341. Подробно о политике геноцида в отношении цыган. См: Ioanid R. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gipsies under the Antonescu Regime 1940–1944. – Chicago, 2000. (Chapter 7).

[168] Там же. Д. 22. Л. 13; Д. 23. Л. 125.

[169] DCFRJDH. – Vol. X. – P. 92.

[170] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

[171] Там же. Л. 94.

[172] Там же. Д. 22. Л. 10; E. R. Vol. III. Partea II. P. 51.

[173] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 360–361.

[174] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 5; Д. 69. Л. 15.

[175] Там же. Д. 69. Л. 15; Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть III. Л. 6–7.

[176] Там же. Ф. 697. Оп. 1. Д. 6586. Часть III. Л. 333.

[177] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 16, 17; Д. 22. Л. 21.

[178] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 15.

[179] Уничтожение евреев СССР... – С. 88.

[180] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4174. Л. 6–6 об. В документах приводятся фамилии жертв фашистского произвола: Лахтер Шая, Бортник Эстера, Зильберман Циля, Джестера Хана, Мортхил Мойсе, Лахтер Меер, Котляр Суня, Мандельбаум Ребека, Вайнберг Иосиф, Котляр Маня, Котляр Шмил, Мандельбаум Анна, Зильберман Фрима, Котляр Соня, Лахтер Хая, Вилиг Хилда.

[181] Уничтожение евреев СССР... – С. 88.

[182] C. N. – Vol. II. – P. 53.

[183] Ibidem. – P. 58–59.

[184] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 51–52.

[185] C. N. – Vol. III. – P. 38.

[186] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 52.

[187] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 42.

[188] Там же. Л. 48 об.

[189] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 597.

[190] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 43–43 об.

[191] Там же. Л. 39–40 об.

[192] Там же. Л. 44, 46, 49.

[193] Уничтожение евреев СССР... – С. 88.

[194] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Л. 29–29 об.

[195] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 39.

[196] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 74; C. N. – Vol. II. – P. 123.

[197] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 333.

[198] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 16.

[199] Там же. Л. 49.

[200] Там же. Д. 22. Л. 31.

[201] Там же. Д. 69. Л. 16.

[202] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 333.

[203] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 21.

[204] Там же. Д. 69. Л. 21.
[205] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 333.
[206] Там же. Ф. 1026. Оп 2. Д. 21. Л. 40.
[207] Там же. Ф. 706. Оп. 2. Д. 23. Л. 129.
[208] C. N. – Vol. III. – P. 59.
[209] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.
[210] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 41.
[211] Там же. Ф. 706. Оп. 11. Д. 22. Л. 26.
[212] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 41.
[213] Там же. Ф. 706. Оп. 2. Д. 22. Л. 24.
[214] Истоки. – 1999. – № 11 (95).
[215] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 3.
[216] Там же. Л. 67.
[217] DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 597.
[218] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6584. Л. 42.
[219] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 35, 36, 39, 40.
[220] Там же. Л. 65.
[221] Там же. Д. 23. Л. 194 об.
[222] Там же. Д. 22. Л. 62.
[223] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Часть 1. Л. 334, 335.
[224] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1118. Л. 146, 147.
[225] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 577. Л. 2–6.
[226] ГАЧО. Ф. 30. Оп. 4. Д. 198. Л. 511; E. R. – Vol. II. – P. 111.
[227] C. N. – Vol. III. – P. 99.
[228] Там же. – P. 171.
[229] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 21.
[230] Bucovina. – 1941. – 1 august.
[231] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1117. Л. 215.
[232] Вестник. – № 4. – С. 109.
[233] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 346; Д. 1117. Л. 34.
[234] Там же. Д. 23. Л. 172.
[235] C. N. – Vol. III. – P. 168.
[236] Ibidem. – P. 173; Вестник. – № 4. – С. 116.
[237] E. R. – Vol. II. – P. 305, 310–311.
[238] Ibidem. – P. 306.
[239] Ibidem.
[240] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 114.
[241] E. R. – Vol. II. – P. 326.
[242] C. N. – Vol. III. – P. 171.
[243] Ibidem. – P. 149; Martiriul evreilor... – P. 149.
[244] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 103.
[245] Ibidem. – P. 215.
[246] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 21; C. N. – Vol. III. – P. 158; Martiriul evreilor... – P. 162.
[247] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 20.

[248] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 97; C. N. – Vol. III. – P. 150–151.

[249] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 98; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 23; C. N. – Vol. III. – P. 163.

[250] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 99; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 21–22; C. N. – Vol. III.

[251] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 102.

[252] Вестник. – № 1. – С. 10; См. карту на стр. 9.

[253] C. N. – Vol. III. – P. 179.

[254] C. N. – Vol. III. – P. 177–178.

[255] Вестник. – № 3. – С. 114.

[256] Вестник. – № 4. – С. 107.

[257] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 104.

[258] Вестник. – № 1. – С. 75.

[259] ГАЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 198. Л. 266.

[260] C. N. – Vol. III. – P. 178–179.

[261] Вестник. – № 3. – С. 119.

[262] E. R. – Vol. II. – Partea II. – P. 24.

[263] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 104–105.

[264] Вестник. – № 1. – С. 75.

[265] C. N. – Vol. II. – P. 180.

[266] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 100–101; C. N. – Vol. III. – P. 162–163; Martiriul evreilor... – P. 163–164.

[267] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.

[268] C. N. – Vol. III. – P. 180.

[269] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 105–106.

[270] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 87.

[271] E. R. – Vol. II. – P. 328.

[272] Вестник. – № 2. – С. 60.

[273] C. N. – Vol. III. – P. 181–182.

[274] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 36; Вестник. – № 4. – С. 11.

[275] Вестник. – № 2. – С. 60–61.

[276] C. N. – Vol. III. – P. 182–183.

[277] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 27–28.

[278] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 106–108; Черная книга. Под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. – Иерусалим, 1980. – С. 95.

[279] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.

[280] Вестник. – № 3. – С. 117.

[281] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 39.

[282] ГАЧО. Ф. Р-653. Д. 103. Л. 143а.

[283] Там же. Д. 68. Л. 53.

[284] Там же. Л. 58.

[285] Там же. Л. 61.

[286] Там же. Л. 62.

[287] Там же. Л. 60.

[288] Там же. Д. 103. Л. 143б.

Глава V

ДЕПОРТАЦИЯ ЕВРЕЕВ БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЫ В ТРАНСНИСТРИЮ

§ 1. Транснистрия в планах диктатуры И. Антонеску

Насильственная депортация евреев Бессарабии и Буковины осенью 1941 г. обозначена в румынских документах периода войны безобидным словом «эвакуация». Так, по-видимому, было удобнее, в том числе, для истории. Местом для депортации была избрана территория междуречья Днестра и Южного Буга, получившая название «Транснистрия».

Вопрос о Транснистрии, как уже отмечалось, был предметом переговоров между А. Гитлером и И. Антонеску во время встречи в Мюнхене, за десять дней до начала войны. На ней, по словам Михая Антонеску, румынская сторона ставила вопрос о том, что население этой территории «должно быть включено в состав румынского государства»[1]. Но А. Гитлер не торопился с окончательным решением этого вопроса. 16 июля 1941 г. на совещании с участием своего ближайшего окружения, касаясь территориальных притязаний Румынии и подтвердив желание И. Антонеску получить Одессу и прилегающую к ней территорию, он заявил: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хорошие, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»[2]. Еще не начались бои под Одессой, а пропагандистская машина военно-фашистской Румынии уже развернула широкую кампанию по обоснованию своих «прав» на заднестровские земли, кстати, робко проводимую в 1920–1930-е гг. В конце июля 1941 г. вновь начала выходить издаваемая

(с перерывами) в те годы в Румынии газета «Транснистрия»[3]. В редакционной статье первого номера цель газеты была сформулирована следующим образом: «...утверждать наши извечные права на эту древнюю румынскую область». Трансильванский профессор Онисифор Гибу, который в 1917–1918 гг. в качестве беженца жил в г. Кишинев и внес лепту в присоединение Бессарабии к Румынии в 1918 г., объявил устаревшим прежний лозунг «От Днестра до Тисы», а уроженец Транснистрии П. Ильин, целый ряд лет проживший в Румынии в качестве беженца, прямо назвал свою статью: «От Тисы до Буга».

Редкая румынская газета не упражнялась в те дни в доказательствах «прав» Румынии на Транснистрию. Одни устанавливали этот рубеж на Буге, другие – на Днепре и дальше. Бухарестская «Viaţa» («Жизнь»), например, в редакционной статье писала: «Дакия простиралась не только до Днестра, как это ранее полагали, а до устья Днепра». Следовательно, продолжала газета, «румыны имеют на заднестровские территории древние права, более древние, чем другие проживающие там народы»[4]. Еженедельник «Raza» («Луч»), издаваемый на правительственные деньги, редактором которого был известный в г. Кишинев националист В. Цепордей (по словам губернатора К. Войкулеску, «легионер»), безапелляционно утверждал, что «война принесет нам не только Бессарабию и Транснистрию, но и сердца вызволенных братьев, живущих в пограничных с Транснистрией районах»[5].

В связи с обсуждением вопроса о дальнейшем участии Румынии в военных действиях против СССР, в ответ на письмо А. Гитлера от 14 августа 1941 г., содержащее предложение об отправке на фронт одного горнострелкового и одного кавалерийского корпусов, И. Антонеску писал 17 августа 1941 г.: «Я счастлив вместе с румынскими войсками, что мы принимаем участие в победоносных сражениях по ту сторону Днепра...». Далее в письме содержится его согласие взять «на себя ответственность за охрану, поддержание порядка безопасности на территории между Днестром и Днепром», а также «за администрацию и экономическую эксплуатацию» советской территории между Днестром и Бугом[6].

19 августа 1941 г. И. Антонеску издал декрет об установлении румынской администрации на территории между Днестром и Бугом, официально названной «губернаторство Транснистрия». Гражданским губернатором был назначен профессор Георге Алексяну, наделенный неограниченными правами, хотя, поскольку Транснистрия считалась оккупированной территорией, формально верховная власть по положению принадлежала командующему оккупационными войсками. В этот же день «гражданского» губернатора снабдили «Инструкцией для управления провинцией Транснистрия, данной в ставке главнокомандования армии» за подписью И. Антонеску, в которой излагались основополагающие задачи и способы руководства областью[7]. Административным центром Транснистрии до взятия Одессы был город Тирасполь. Связь с правительством губернатор Транснистрии должен был, как и губернаторы Бессарабии и Буковины, осуществлять через Военно-гражданский кабинет по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии (КББТ).

К моменту своего назначения на должность губернатора Г. Алексяну было 44 года. В межвоенный период он успел побывать в должности профессора юридического факультета Черновицкого, а затем Бухарестского университетов. 29 августа 1938 г. был назначен королевским резидентом края (цинута) Сучава, а 1 февраля 1939 г. в той же должности возглавил самый богатый и большой край в тогдашней Румынии – Бучечь. В партиях не состоял. На пост губернатора его рекомендовал министр экономики в правительстве И. Антонеску Ион Маринеску как «хорошего организатора и опытного администратора». Упомянутый Оливиан Веренка, автор книги «Румынская гражданская

администрация в Транснистрии», целую главу своего опуса посвятил «личности профессора Георге Алексяну», узрев в лице своего бывшего начальника по губернаторству убежденного защитника «демократических принципов»[8]. Кстати, этот «демократ» в бытность королевским резидентом в Сучавском крае 1 декабря 1938 г. издал постановление, запрещающее еврейскому населению края на предприятиях, в учреждениях и во всех общественных местах говорить «на ином языке, кроме румынского». Постановление определяло наказания за нарушения этого постановления, включая закрытие еврейского предприятия или учреждения, утраты «привилегий румынского гражданства», а уже потерявшие это гражданство в результате проведенной пресловутой ревизии лишались «права занимать любую должность на государственных и частных предприятиях, права работать на фабриках, в мастерских, магазинах». Всем примарям королевский резидент Г. Алексяну вменил в обязанность тотчас же составить списки евреев, лишившихся гражданства, передать их органам полиции и жандармерии для претворения приказа в жизнь[9]. Таким образом, новоиспеченному губернатору юдофобства занимать не приходилось. Главный раввин Румынии А. Шафран отмечает в своих мемуарах: «... Поначалу мы и не мечтали, что можно будет посылать помощь депортированным. Мы знали, что губернатором Транснистрии является некий «профессор» Алексяну, крайне жестокий человек. Его жестокость видна была с первого же мгновения общения с ним... Когда мы поставили вопрос о помощи депортированным в Транснистрию, Алексяну всячески противился нашим инициативам, так же, как и позднее, когда он выступал против репатриации депортированных»[10].

30 августа 1941 г. в Бендерах представители немецкого (генерал А. Хауффе) и румынского (генерал Н. Тэтэрану) командований подписали «Соглашение об обеспечении безопасности, администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом (Транснистрия) и Бугом и Днепром (область Буг–Днепр)». 7-й раздел этого «Соглашения» был озаглавлен «Эвакуация евреев» и гласил: «Эвакуация евреев за Бугом в данный момент невозможна. Их, следовательно, следует сконцентрировать в трудовых лагерях и использовать пока на работах, а по окончании военных действий их эвакуация на Восток станет возможной»[11].

До появления этой возможности И. Антонеску решил евреев, собранных в гетто и лагерях на территории Бессарабии и Буковины, переправить в Транснистрию. Если попытка осуществить такую операцию в конце июля – начале августа 1941 г. из-за несогласия гитлеровцев не увенчалась успехом, то после образования губернаторства Транснистрия и подписания соглашения Хауффе–Тэтэрану от 30 августа 1941 г. проводить депортацию евреев стало возможно на «легальных» основаниях.

По замыслам кондукэтора, еврейские гетто и лагеря должны были носить временный характер. В конечном счете, как он заявил на совещании Совета по снабжению 6 октября 1941г., «если обстоятельства позволят, они (евреи – *И. Л.*) будут отправлены в Зауралье»[12]. Эта, последняя, депортация рассматривалась И. Антонеску в контексте с гитлеровскими планами решения на том этапе «еврейского вопроса» в масштабе всей Европы. По его словам, высказанным 16 декабря 1941 г. на заседаниях румынского правительства с участием губернаторов «вызволенных провинций», «немцы хотят отправить всех жидов из Европы в Россию и поселить их в определенный район»[13]. Но, как известно, в силу ряда обстоятельств, о чем будет сказано ниже, А. Гитлер и его сообщники вынуждены были отбросить эти планы и, как сейчас хорошо известно, избрать другие пути решения «еврейского вопроса». Да и И. Антонеску не собирался ждать момента, когда появятся возможности отправить евреев в тот самый «определенный район» России. Он торопился окончательно решить «еврейский вопрос» в губернаторствах и в целом по Румынии, и не только еврейский.

5 сентября 1941 г. на заседании правительства маршал хвастливо произнес: «Я совершу тотальное очищение от евреев и от всех, которые просочились среди нас; я намекаю на украинцев, греков, гагаузов, евреев, которые постепенно все, по очереди, должны быть эвакуированы... Я поручил г-ну генералу Войкулеску подготовить статистику, которая находится в процессе создания, чтобы точно знать, сколько гектаров принадлежит украинцам на севере и на юге Бессарабии, а также в Буковине; чтобы знать, какие площади принадлежат гагаузам и сколько отдано евреям... Следовательно, наша политика в этом отношении создать абсолютно однородно целое румынское и в Бессарабии и в Молдове (речь идет о румынской области Молдова между Прутом и Карпатами – *И. Л.*), – и если мы с вами еще будем живы, а если нет, то другие – и в Трансильвании... Будут совершены ошибки. Конечно. Не думайте, что я несознательный. Не думайте, что тогда, когда я решил депаразитировать жизнь румынской нации от всех евреев, я не отдавал себе отчета в том, что вызываю большой экономический кризис. Но я сказал себе – это война, которую я веду. А если война, то будут потери для нации. Если выиграем эту войну, нация получит компенсации. Чтобы удалить евреев, мы пройдем через кризис; но румынский народ должен подготовиться выдержать этот кризис, чтобы избавиться от этого паразита. Если мы упустим этот исторический момент, то упустим его навсегда. Если же эту войну выиграют евреи, мы перестанем существовать. Мы будем полностью обречены на гибель. Мой долг защитить нацию всеми силами. Следовательно, не нужно терять время»[14].

Из приведенных высказываний явствует, что маршал вынашивал идею осуществить «этническую чистку» не только в «вызволенных» провинциях, но и в Старом королевстве, в первую очередь, в румынской провинции Молдова, в которой проживало около 126 тыс. евреев. Для них также была предназначена Транснистрия. О наличии таких планов свидетельствуют ответы бывшего губернатора Транснистрии подсудимого Г. Алексяну на вопросы председателя суда по делу о главных румынских военных преступниках во время процесса в мае 1946 г. Последний спросил Г. Алексяну: «Какие меры приняты вами в связи с имевшими место депортациями?». Ответ Г. Алексяну: «В первую очередь, следует знать, что есть разные виды депортации. Если взять в хронологическом плане, то первыми были депортации из страны в Транснистрию в сентябре 1941 г., еще до падения Одессы. Примерно в середине сентября ко мне в Тирасполь явились два полковника, фамилии которых я уже не помню. Эти полковники заявили мне, что они пришли по заданию г-на маршала Антонеску организовать депортацию в Транснистрию евреев – выходцев из Бессарабии и Буковины, а позже и евреев из Старого королевства. Полковники, они были от Верховного главнокомандования, явились ко мне с картой, показали ее мне, заявив, что на армию и жандармерию возложена задача транспортировки евреев, а администрация (губернаторства – *И. Л.*) должна позаботиться о размещении, питании и возможности поспать»[15]. Упомянутый подполковник ССИ Траян Борческу также подтвердил информацию о существовании «большого плана», разработанного Генштабом и ССИ по приказанию И. Антонеску, который предусматривал вслед за Бессарабией и Буковиной депортацию и истребление евреев Запрутской Молдовы.

В начале осени 1941 г. И. Антонеску еще глубоко верил в быстрый разгром Советского Союза. Исходя из этих предпосылок, он планировал разместить всех евреев «вызволенных провинций», в том числе Транснистрии, в лагерях Прибужья, ближе к немецкой оккупационной зоне. 6 октября 1941 г. штаб Верховного главнокомандования румынской армии за подписью генерала Н. Пэлэнжану уведомил командование 4-й армии, которое «курировало» Транснистрию и руководило депортацией, о решении И. Антонеску «всех евреев, находившихся в Транснистрии, тотчас же интернировать

в лагеря на Буге, установленные губернатором Транснистрии при содействии административных властей». Далее сказано, что «имущество принять местными властями согласно предписаниям губернатора Транснистрии. Просим содействовать выполнению этих мер»[16].

17 октября 1941 г. советник по еврейским проблемам при германском посольстве в Бухаресте гауптштурмфюрер Густав Рихтер докладывал в Берлин: «Как сообщил сегодня генеральный директор (в Министерстве внутренних дел Румынии – *И. Л.*) Лекка, 110 000 евреев Буковины и Бессарабии будут эвакуированы в два леса в зоне Буга. Насколько ему удалось узнать, эта акция исходит из одного приказа маршала Антонеску. Целью этой акции является ликвидация этих евреев».

Решение «еврейского вопроса» в Транснистрии, так же, как и в Бессарабии и Буковине, определялось планами румынизации и колонизации этой территории. В ноябре 1941 г. на заседании правительства кондукэтор заявил, что «проблема колонизации ставится и для Транснистрии, а не только для Бессарабии и Буковины»[17].

И. Антонеску полагал, что со временем Транснистрия станет составной частью румынского государства. 16 декабря 1941 г. на заседании правительства губернатор Г. Алексяну, обращаясь к И. Антонеску, заявил: «Мы, господин маршал, работаем там с мыслью, что владеем этой областью твердо и окончательно». Предупреждая членов правительства, что «никакого политического заявления в отношении Транснистрии сделать сейчас не может», И. Антонеску вместе с тем сказал: «Действуйте там так, будто власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет». Восторженный губернатор Г. Алексяну произнес: «Именно это я хотел услышать от Вас»[18].

Еще более определенно в этом плане высказался кондукэтор на заседании румынского правительств 26 февраля 1942 г. «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрел, – заявил он. – Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим оттуда все чуженациональное население. Во имя осуществления этой цели я готов вынести на своих плечах все тяжести»... Присутствующий на этом заседании министр культуры и культов И. Петрович восторженно заявил: «Господин маршал, сделанные Вами заявления относительно Транснистрии наполняют радостью все румынские сердца... Наши рубежи – это рубежи застенчивого человека... Может быть, настал момент перейти к экспансионистской политике»[19]. В напыщенном тоне кондукэтор заявил: «Нет такой силы, которая могла бы нам помешать». Он еще раз напомнил, что «нужно избавиться и от других (т. е. помимо евреев и цыган) меньшинств – русских, украинцев, поляков, болгар, гагаузов»[20].

На заседании Военно-гражданского кабинета по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии 25 января 1942 г. представитель от Министерства национальной экономики Г. Тулля при обсуждении вопроса о румынизации и колонизации в Бессарабии заявил: «Если речь идет о проведении румынизации в подлинном смысле этого слова, то следует заняться не только еврейской собственностью..., но и собственностью других чуждых элементов. В этих провинциях имеются десятки тысяч армян, приносящих столько же зла, как и евреи... Надо проводить полную, дикую румынизацию»[21]. Полным ходом шла работа над составлением «плана эвакуации болгарского населения юга Бессарабии». По распоряжению И. Антонеску, «гагаузы должны быть перемещены путем применения разных экономических мер», а их место должны занять колонисты-румыны из южной Добруджи и Македонии[22].

В целях изучения условий для колонизации Транснистрии в конце 1941 – начале 1942 г. в Дубоссарский, Рыбницкий, Балтский, Ананьевский и Могилев-Подольский уезды были направлены специальные комиссии[23].

В правящих кругах Румынии разбирались разные варианты колонизации не только Бессарабии и Буковины, но и Транснистрии[24]. «Если выиграем войну, – утверждал кондукэтор, касаясь будущего земельного колонизационного фонда, – мы эвакуируем из Бессарабии и Буковины всех чуженационалов и тогда у нас будет 700–800 тыс. га, кроме того, 3 млн – в Транснистрии»[25]. Губернатор Г. Алексяну предлагал к весне 1943 г. закончить очищение приднестровских сел от «чуженационалов» для приема колонистов из числа фронтовиков. «Колония, – писал он, – должна быть создана из компактного румынского села, из людей, связанных семейными узами, ибо в противном случае румынское население, разбросанное среди другого населения, может потерять свою этническую ценность»[26]. В рамках этих планов первоочередной задачей румынские правители считали ликвидацию в «вызволенных провинциях» всего еврейского населения.

Некоторые современные румынские историки, ставшие на путь оправдания внутренней и внешней политики диктатуры И. Антонеску, отрицают наличие экспансионистских целей у тогдашней Румынии. Упомянутые В.Ф. Добринеску и И. Константин пишут, что «румынское правительство с самого начала не предъявляло каких-либо территориальных притязаний за Днестром», хотя «румынский элемент был преобладающим в Транснистрии», и в качестве одного из аргументов отсутствия у И. Антонеску аннексионистских целей выставляется отказ румынского правительства открыть Италии консульство в Одессе[27].

Эти рассуждения ничего общего с действительностью не имеют, о чем говорят вышеприведенные нами высказывания И. Антонеску. Относительно причины того, что заставляло румынское правительство открыто не афишировать в тот момент свои аннексионистские планы в отношении Транснистрии, говорил Михай Антонеску на заседании правительства 23 января 1942 г. с участием губернаторов трех провинций. Он сказал, что в данный момент нецелесообразно менять «юридический статус Транснистрии» или же предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы быть интерпретированы как стремление осуществить «территориальный суверенитет» Румынии над этой областью, во-первых, потому, что сами немцы сохраняют пока статус «военной оккупации» и официально еще не объявили о включении какой-либо части советской территории в состав рейха. Во-вторых, как заявил М. Антонеску, «пока неизвестно, что станет с Россией, очень трудно знать, как далеко простирается Транснистрия». Иными словами, он явно боялся, как бы не прогадать, заранее установив окончательные границы этой области. Но главной на том этапе причиной, заставившей правительство Румынии не заявлять открыто о своих аннексионистских притязаниях на Транснистрию, была боязнь, как бы включение ее в состав Румынии не рассматривалось в качестве компенсации за потерянную в августе 1940 г. (в результате Венского диктата в пользу Венгрии) Северную Трансильванию. «Совершенно ясно, господа, – заявил М. Антонеску, – что Венгрия будет настаивать на этой мысли о компенсации; я же не хочу дойти до того, в случае, если политические обстоятельства в один день, возможно, приведут к тому, что румынский народ станет господствовать на Черном море, чтобы мы потеряли нашу колыбель, ибо великие творцы мира уже будут проникнуты венгерской пропагандой, которая утверждает: венгры задыхаются, им негде жить, в то время как румыны имеют богатства Украины и могут владеть берегами Босфора, ибо являются черноморской державой; и все же они упрямо добиваются каких-то уездов, которыми они когда-то владели»[28].

Чтобы не дать венгерской стороне лишний козырь утверждать, что Румыния осуществляет «суверенитет» в Транснистрии, М. Антонеску и отказал Италии в открытии официального консульства в Одессе, предложив прислать лишь представителя при «военном командовании». Как известно, Италия в межвоенный период поддержива-

ла требования Венгрии о пересмотре Трианонского договора в части Трансильвании, снабжала ее оружием, вместе с Германией вынесла вердикт в Вене о передаче 2/3 этой области хортистской Венгрии.

26 ноября 1941 г. во время посещения Берлина и беседы с Г. Герингом, которому Михай Антонеску вручил высший румынский орден «Михай Витязу», был затронут вопрос о Трансильвании. Г. Геринг заверял своего собеседника, что он на стороне румын, заявил, что «трансильванский коридор должен исчезнуть, но следует набраться «терпения». «А пока, – продолжил Г. Геринг, – имеете Транснистрию. Пользуйтесь ею, как хотите и сколько хотите. Границы еще не определены. Одесса должна вам принадлежать, ибо вы ее заимели кровью румынского солдата. Там вы можете обеспечить себе большое будущее, ибо это самая плодородная земля Украины и может обеспечить большое будущее вашему земледельческому народу. Старайтесь придать вашему земледелию промышленное развитие...». Такие же обещания М. Антонеску на второй день получил от самого фюрера. Продолжая нагнетать атмосферу против Венгрии, румынский вице-премьер в беседе с Й. Геббельсом пустил в ход и «еврейский вопрос», заявив: «Венгры являются последней резервацией евреев в Европе. Еще сегодня евреи в Будапеште приобретают в городе недвижимость. Мы же антисемиты с рождения и по убеждению»[29].

Одобряя эту линию своего руководства в вопросе Транснистрии, члены правительства требовали от Михая Антонеску, ведавшего пропагандой, усилить доказательства «прав» королевской Румынии на территорию Транснистрии. «Вы совершенно правы, – заявил упомянутый министр И. Петрович, обращаясь к М. Антонеску, – но следует вести пропаганду, ибо очень много румын спрашивают, что мы ищем в Одессе... Сейчас, когда у нас имеется возможность экспансии, ее нужно осуществлять. Это признак жизненности»[30].

Новый поток литературы о «правах» Румынии на восточные территории заполнил книжный рынок. На средства губернаторства Транснистрии профессор Э. Диаконеску издал свой опус «Восточные румыны. Транснистрия», выпущенный в Яссах и представленный кондукэтору как лучшее свидетельство «прав» Румынии на Транснистрию. Автор сетовал по поводу того, что неверно проводилось «воспитание румынского народа», которому внушали, что восточная граница Румынии должна быть всего лишь на Днестре. Румынские поселения, утверждает профессор, простираются далеко на Восток, и поскольку румыны «представляют здесь историческую перманентность по отношению к кочевым племенам варваров», они вправе включить эту территорию в состав Румынии. Э. Диаконеску не забывает подчеркнуть: «Восстановление западных границ не должно зависеть от их расширения на Востоке».

В Транснистрию посылались докладчики с лекциями на темы: «Откуда происходят и кто такие заднестровцы»; «Наше заднестровское происхождение, историческая и цивилизаторская роль Румынии»; «Древность румын в Транснистрии по сравнению с другими проживающими там народами» и др.[31]

Уверовав в победу гитлеровской Германии в войне против Советского Союза, не сомневаясь, что Транснистрия станет румынской провинцией, И. Антонеску, как показано будет дальше, даже предпринял шаги по реализации своей политики румынизации и колонизации в Транснистрии. Но провал «блицкрига» не позволил решить первоочередной «еврейский вопрос» в том варианте, как он замышлялся сначала: отселить остатки еврейского населения за Урал. В результате Транснистрия, по определению А. Даллина, автора книги «Одесса. 1941–1944», стала «свалкой для ненужных людей», а если выразиться более точно – она превратилась для местных и депортированных из Бессарабии и Буковины, а также некоторых евреев Старого королевства, в бескрайнее кладбище. В одном из залов Иерусалимского Национального института памяти жертв

Катастрофы и героизма высечены на мраморных плитах названия мест наиболее массового истребления европейского еврейства. Среди них и Транснистрия.

§ 2. Подготовка депортации

В день 30 августа 1941 г., когда в Бендерах было подписано «Соглашение Хауффе–Тэтэрану», в том же городе И. Антонеску провел совещание с тремя губернаторами, на котором обсуждался вопрос «об эвакуации» евреев из Бессарабии и Буковины. Как впоследствии отмечал в своем «Меморандуме по еврейской проблеме» К. Войкулеску, на этом совещании губернаторы «получили точные указания, как следует осуществить операцию по отправке евреев на Буг»[32]. И. Антонеску наметил дату начала депортации – 15 сентября 1941 г.

Если депортация евреев Черновицкой области и северных районов Молдавской ССР в конце июля – начале августа 1941 г. была фактически проведена без предварительной подготовки и в силу вышеуказанных причин не была доведена румынскими властями до желаемого результата, то на сей раз они пытались придать операции по изгнанию евреев из Бессарабии и Буковины организованный характер. Заранее были определены ответственные лица за осуществление депортации, намечены маршруты движения и численный состав колонн, указаны места переправы через Днестр.

Проведение операции было возложено на Генштаб румынской армии, непосредственно руководить ею было поручено главному претору жандармскому генералу И. Топору, которому, как уже отмечалось, подчинялись тыловые карательные органы – жандармерия, полиция и т. д. Поскольку депортация евреев приравнивалась к военной операции, то за ее проведением следили представители Главнокомандования армии. 4 сентября Генштаб потребовал от генерала Топора срочно представить «точные сведения о всех еврейских лагерях и гетто на территории Бессарабии и Буковины» с указанием численности узников и охраны. В тот же день эти сведения были представлены[33].

Накануне операции, сопровождавшейся убийствами и другими беззакониями, власти решили прекратить все заведенные дела по прежним «нарушениям» законности, что должно было вдохновить исполнителей депортации на новые «ратные» подвиги. 3 сентября 1941 г. Михай Антонеску и министр юстиции К. Стоическу подписали Закон «О некоторых законодательных мерах относительно Бессарабии и Северной Буковины», 8-я глава которого гласила: «Считаются актами правопорядка все действия военного командования и гражданской администрации, совершенные на освобожденных территориях в интервале с 22 июня 1941 г. и до опубликования данного закона»[34].

Чтобы не допустить утечки информации о готовящейся депортации, 4 сентября 1941 г. командование 4-го территориального округа, в радиусе которого находились наиболее крупные лагеря, издало приказ, запрещающий узникам лагерей всякую и «в любой форме связь с внешним миром, получать и отправлять корреспонденцию», завозить в лагеря газеты, журналы, афиши, книги и т. д. Питание и крайне необходимую одежду разрешалось передавать через охрану лагеря только лицам, взятым в заложники[35].

7 сентября 1941 г. генерал И. Топор разослал исполнителям задуманной преступной акции строго секретную инструкцию следующего содержания:

«1. Операция по эвакуации евреев начинается 12 сентября с лагеря Вертюжень в сторону Косоуць и Резина согласно инструкциям, полученным от Кишиневского инспектората жандармерии.

Группы состоят максимум из 1600 человек, включая детей, но переправляются ежедневно через Днестр максимум 800.

По 40–50 подвод на каждую группу.

Группы отправляются из Вертюжень через каждые 2 дня.

У каждой переправы находится один жандармский офицер от легиона.

Переправа без всякой формальности.

2. Маршруты определяются подполковником Палладе с командирами легионов.

Два дополнительных взвода в порядке помощи.

Жандармам территориальных постов с привлечением населения содействовать очищению местности и закапыванию мертвых.

Образ отношения к тем, кто не подчиняется? (Алексяну).

Не облагать пошлиной. Будут расстреляны те, которые грабят».

Этот последний пункт должен был защитить государство, заинтересованное, чтобы еврейские ценности поступили в казну, а не расхищались коррумпированными чиновниками и грабителями из местного населения.

В особом разъяснении нуждается 10-й пункт «Инструкции», а именно – что скрывается за зашифрованным словом «Алексяну» и кого относили к «неподчинявшимся». Ответы на эти вопросы мы находим в собственноручной «Декларации», представленной упомянутой правительственной комиссии командиром полицейской роты Аугустином Рошкой, обвиненным в присвоении еврейских ценностей в особо крупных размерах во время депортации в Транснистрию узников лагерей Единцы и Секуряны. «В сентябре (1941 г. – *И. Л.*), – пишет А. Рошка, – находился с половиной моей роты в Секурень, с половиной – в Единцах. Был воскресный день, и я получил приказ явиться в Атаки к подполковнику Палладе для получения приказов. Я переправился в Могилев, где застал г-на подполковника Палладе, который заявил мне, что есть приказ Главнокомандования всех евреев из Единец и Секурень отправить за Днестр и операция намечается через несколько дней. Он проинструктировал меня относительно того, как их группировать, по 1600 человек ежедневно, обеспечить им питание (хлебом) на три дня из расчета 1/4 буханки в день на человека»[36]. Говорил подполковник и о том, как следует распределять обязанности среди личного состава роты.

По возвращении А. Рошки в Секурень замещавший его локотенент Попеску передал ему устный приказ, полученный от уже знакомого нам начальника Хотинского жандармского легиона майора Дрэгулеску относительно «эвакуации» евреев из Единец и Секурень. Он гласил: «Евреев организовать группами по 600 человек каждый день, обеспечить их питанием, выделить одну подводу на 100 человек, что касается специального приказа относительно тех, которые не могут успевать за колонной, то ли из-за бессилия, то ли из-за болезни, – расстрелять. Относительно того, как производить экзекуции, было приказано за 2–3 дня до отправки конвоя послать представителя по маршруту движения колонны, обратиться к шефам жандармских постов, расположенных на этом пути, о предоставлении допризывников с инструментами (лопатами и ломами), заранее подготовить ямы, примерно на 100 человек, в подходящих местах, а именно – далеко от сел, чтобы не слышны были крики и выстрелы из оружия, и не в низинах, где вода смывает землю из ям. Ямы рыть через каждые 10 км, там будут собраны отстающие от колонны. Что касается тех, которые не могут дойти до ямы, применить «Алексяну» – условное слово о расстреле на месте». В конце своей «Декларации» А. Рошка пишет: «Мне сказали, что к Днестру должно дойти как можно меньше»[37].

На первый взгляд, ничего нового «Инструкция» не предлагала. Все это уже было в июле–августе 1941 г., когда, перегоняя евреев из сел и местечек Буковины и Бессара-

бии, в пути, где попало, расстреливали на виду у всех отстающих от конвоя женщин с детьми, инвалидов, стариков, больных, часто не закапывая трупы.

На сей раз, при тотальной депортации, расстрелам старались придать организованный характер. Заранее по ходу движения колонн были определены места расстрелов и расположения ям для погребения с учетом требования немецкого командования о максимальном сокрытии от глаз людей творимых зверств.

Получив от генерала И. Топора директиву от 7 сентября 1941 г. относительно предстоящей депортации евреев, начальник Бессарабского жандармского управления полковник Т. Мекулеску поручил подполковнику Раду Лазэру подготовить до 9 сентября 16 часов с учетом его, Мекулеску, рекомендаций все материалы по осуществлению приказа о депортации. Родились два документа, предназначенных для подведомственных жандармских организаций, задействованных в проведении депортации: «Инструкция относительно эвакуации евреев из лагеря Вертюжень–Сорока» и «Инструкция относительно эвакуации евреев из гетто Кишинева и евреев с юга Бессарабии». Оба документа шли под грифом «Строго секретно».

Из первой «Инструкции» явствует, что из лагеря Вертюжень подлежали отправке в Транснистрию, начиная с 12 сентября 1941 г., 22 150 евреев. По данным той же жандармерии, в Вертюжень на 31 августа 1941 г. находились в лагере 22 969 евреев, то есть за первые 10 дней сентября число евреев уменьшилось, главным образом по причине смерти, на 819 человек[38]. Были намечены две точки переправы через Днестр: в Косоуць и Резине, соответственно и два маршрута – Вертюжень–Косоуць и Вертюжень–Резина. Первый маршрут, согласно «Инструкции», должен был проходить западнее села Кременя (Кременчук), затем по шоссе Гура–Каменка–Сорока и Сорока–Косоуць, второй – Вертюжень–Вэскэуць–Топурде–Кушмирка–Матеуць–Резина. Темп движения был установлен – 30 км в день, а весь путь пройти в три этапа. Этапы для направленных в Косоуць были: Вертюжень–Редю, Редю–Сорока, Сорока–Косоуць; в Резину: Вертюжень–Войнова, Кухурешть–Матеуць, Матеуць–Резина. Были обозначены ответственные за депортацию по участкам маршрута. Так, руководство на участке Сорока–Косоуць было возложено на капитана Виктора Рамадана, на участке Матеуць–Резина – известного нам лейтенанта Попою, отличившегося в уничтожении евреев Оргеевского уезда. Первая партия евреев подлежала переправе через Днестр 15 сентября, вторая – 16 сентября. Подробно расписывался в «Инструкции» порядок использования контингента жандармов, выделенных на проведение операции по депортации.

Во второй «Инструкции», поскольку она касалась Кишинева и городов юга Бессарабии – Болграда, Кагула, Килии, Измаила и Вилкова, подчеркивалось, что, наряду с жандармами Бессарабского инспектората, в проведении депортации евреев будут участвовать 23-я и 82-я полицейские роты. Обращает внимание, что среди перечисленных в «Инструкции» городов юга Бессарабии отсутствует Белгород-Днестровский. К этому времени с евреями этого города было покончено.

Отправка первой колонны из Кишинева в составе 1500 человек (включая детей), намечалась на 7.30 утра 12 октября 1941 г., то есть спустя месяц после начала высылки евреев из лагеря Вертюжень, и операция должна была завершиться 17 октября переправой их на левый берег Днестра (по 750 человек в день). Для узников Кишиневского гетто были определены переправы через Днестр в Резине и Бендерах, соответственно, были организованы два маршрута: 1) Кишинев–Пересечина–Оргеев–Киперчень–Резина. Пройти его нужно было в 4 этапа: Кишинев–Пересечина (28 км), Пересечина–Оргеев (14 км), Оргеев–Киперчень (20 км) и Киперчень–Резина (18 км); 2) Кишинев–Мерень–Бульбока–Бендеры. Этот маршрут был разбит на три этапа: Кишинев–Мерень (18 км), Мерень–Бульбока (22 км) и Бульбока–Бендеры (16 км).

Маршруты депортации в Транснистрию евреев из концлагеря Вертюжаны

Конвоирование евреев, следовавших из Кишинева до Резины, было возложено на участке Кишинев–Оргеев на 23-ю полицейскую роту. Добравшись до Оргеева, евреи передаются на «попечение» Оргеевского жандармского легиона, который продолжает конвоирование до Резины. Сама передача колонны, говорилось в «Инструкции», должна проводиться «за пределами города Оргеева».

Кишиневские евреи, направляемые в Транснистрию через Бендеры, конвоировались до Бульбок 82-й полицейской ротой, далее жандармами Бендерского легиона. В самом Кишиневе формирование колонн, согласно «Инструкции», осуществляется военным командованием Кишиневского гарнизона, а передачу их конвоирам рекомендовано было проводить не в самом городе, а за его пределами (в 300 метрах от окраины).

Депортация евреев из гетто и лагерей Кагула, Измаила, Болграда, Килии и Вилкова планировалась одной колонной, формирование которой намечалось в м. Тарутино (уезд Новая Килия). Из перечисленных городов и городишек евреи должны были одновременно отправляться в Тарутино 15 октября в 7.30 утра (из Болграда 16 октября). До Тарутинского сборного пункта в четыре этапа нужно было пройти: из Вилкова – 102 км, Новой Килии – 92, Измаила – 98, Кагула – 76, в три этапа из Болграда – 66 км. По плану, собранные в Тарутино евреи с юга Бессарабии 19 октября отправлялись для переправы через Днестр в Бендеры, то есть, должны были проделать путь еще в 80 км. В «Инструкциях» подчеркивалось, что «по отношению к неподчинявшимся поступать, согласно известным нормам, установленным действующими законами, приказами, декретами»[39]. К «Инструкциям» были приложены эскизы маршрутов и стоянок в пути.

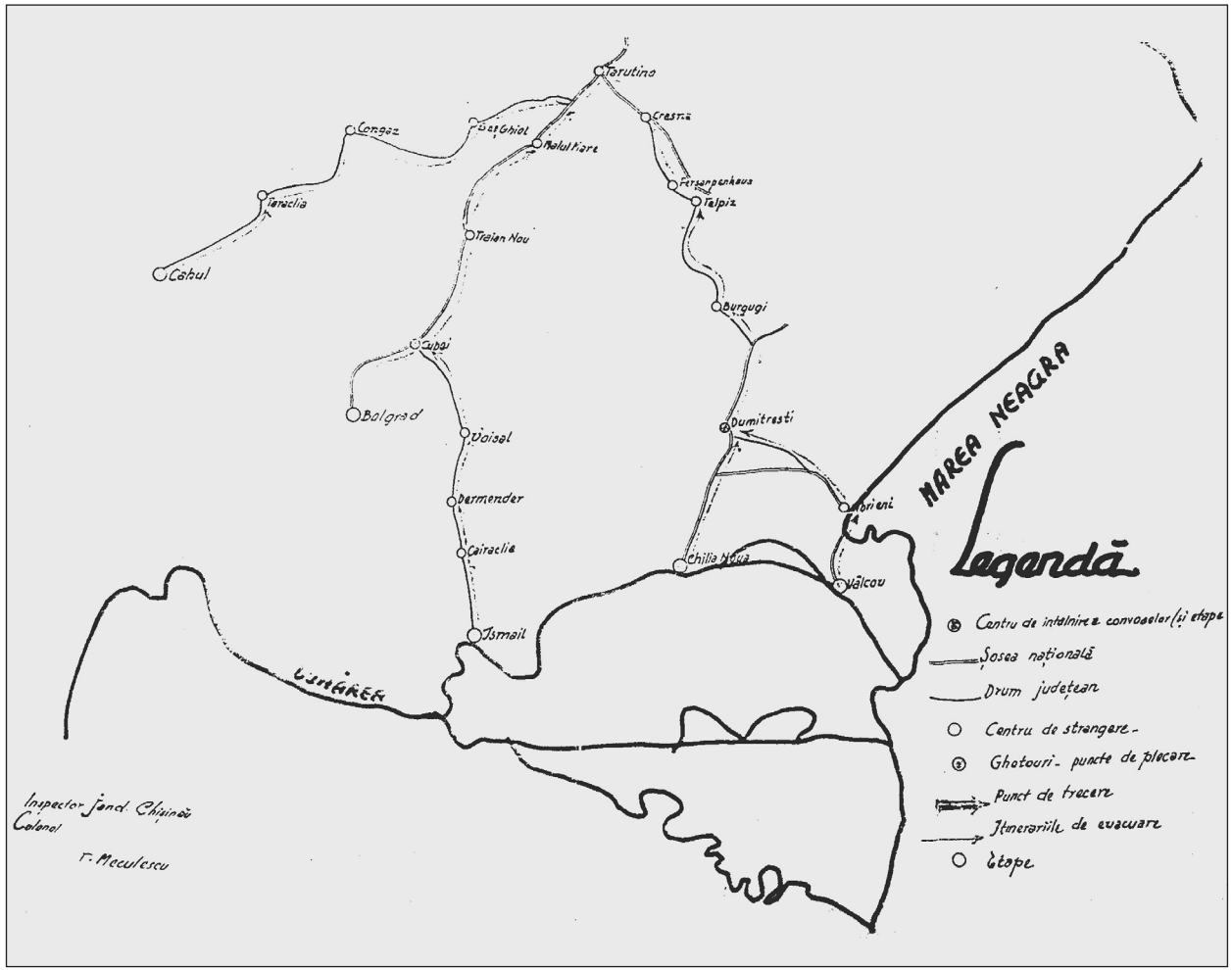
Поскольку проведение депортации на юге Бессарабии намечалось на вторую половину октября, в целях обеспечения секретности «Инструкция» № 2 была направлена исполнителям 10 октября 1941 г. В этот же день поступило строгое предписание губернатора Бессарабии генерала К. Войкулеску следующего содержания: «Очищение территории будет радикальным, не допускается, ни под каким видом, чтобы по окончании операции оставался на территории хотя бы один еврей, независимо от причин. Следовательно, принимайте меры по сбору евреев отовсюду (с работ общественного характера, временно переданных немцам и т. д.). К нарушителям этого распоряжения будут приняты строгие меры ответственности и наказания»[40]. В «Инструкции» для южных уездов Бессарабии, поскольку в «операции по эвакуации» были задействованы жандармские легионы и полиция», подчеркивалось, что «оба эти органа являются ответственными, если по окончании операции хоть один еврей останется на городской и сельской территории»[41].

В тот же день 10 октября полковник Мекулеску сообщил подведомственным жандармским легионам, а также 23-й и 82-й полицейским ротам, что в связи с восстановительными работами на мосту Бендеры–Тирасполь необходимо в м. Тарутино организовать временное гетто для всех евреев, собранных в южных уездах Бессарабии. Соответственно, была назначена новая дата депортации этих людей – 25 октября 1941 г.[42]

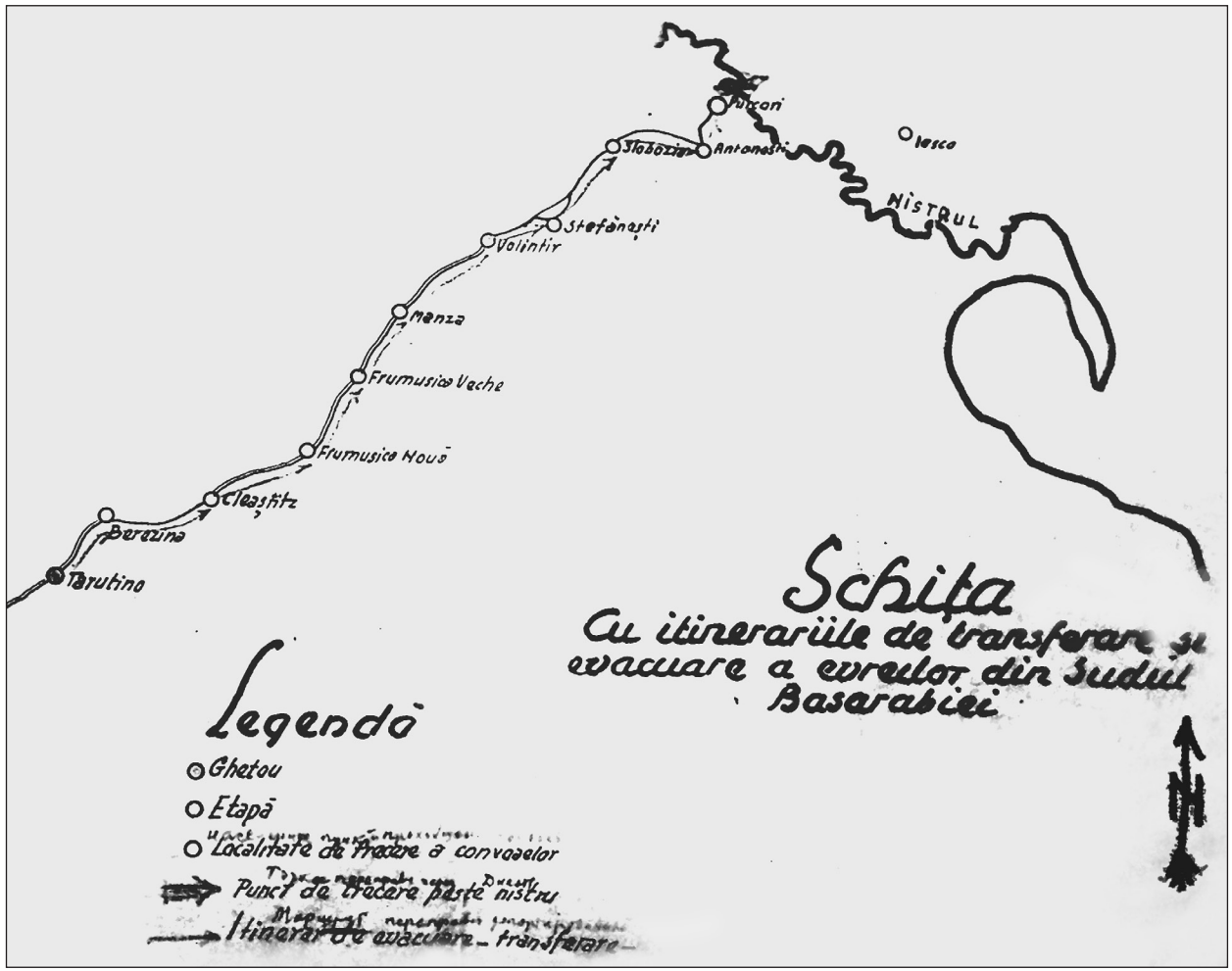
«Инструкции», разосланные за подписью полковника Мекулеску, начальника Кишиневского жандармского инспектората, не распространялись на Единецкий и Сокиренский лагеря, поскольку эти бессарабские местечки, входившие до 28 июня 1940 г. в состав Хотинского уезда, как и весь уезд, были включены в состав губернаторства «Буковина». Под наблюдением генерального штаба армии депортацию из этих лагерей проводил Хотинский жандармский легион во главе с пресловутым военным преступником майором Дрэгулеску, а сам легион, как известно, находился в прямом подчинении Черновицкого инспектората жандармерии, возглавляемого полковником Мынекуцэ. Руководством к действию для них при депортации евреев из Единецкого и Сокиренско-

Маршруты депортации евреев из Кишиневского гетто
**Из-за неисправности моста Бендеры–Тирасполь маршрут Кишинев–Бендеры осенью 1941 г. был отменен и депортация шла по маршруту Кишинев–Резина*

Маршруты депортации евреев Бессарабии до сборного пункта в Тарутино

Маршруты движения депортированных евреев юга Бессарабии
от центра сбора в Тарутино до переправы через Днестр в Пуркарь

го лагерей послужили те же предписания из 11 пунктов генерала Топора от 7 сентября 1941 г. И узникам этих двух лагерей до переправы через Днестр пришлось добираться пешком, следовательно, также испытать на себя претворение в жизнь 10-го пункта предписания генерала Топора с зашифрованной припиской «Алексяну».

«Прелести» этого пункта на какое-то время удалось избежать евреям, которые после кровавых расправ и изгнаний из сел и местечек Северной Буковины в июле – первой половине августа 1941 г. сохранились в гетто и лагерях Черновицкого и Сторожинецкого уездов, а также Южной Буковины (уездов Кымпулунг, Сучава, Рэдэуць) и уезда Дорохой (румынской области Молдова), которые были включены в состав губернаторства Буковина. Названные четыре уезда (за исключением некоторых сел и местечек) в 1940–1941 гг. в состав СССР не входили, евреи этих уездов не провожали румынскую и не встречали советскую армии, большевикам не служили, ничем перед румынской властью не провинились. Тем не менее, в Бухаресте посчитали, что в порядке реализации планов «румынизации» всей Буковины, а затем и Старого королевства, «наступил подходящий момент для очищения этих уездов от еврейского населения».

Для перечисленных евреев губернаторства Буковина сохранились некоторые «привилегии», их до Днестра решили отправлять не пешком, как бессарабских, а в товарных вагонах. Этим удалось им избежать расстрелов через каждые 10 км пешего похода. Возможно, эта «привилегия» связана с тем, что к евреям Буковины кондукэтор не питал такой звериной ненависти, как к бессарабским. На упомянутом заседании правительства 5 сентября 1941 г. он произнес: «Буковина намного лучше оказала сопротивление большевистскому господству, в то время как бессарабцы уступили во всех областях, и по линии моральной и по линии политической, во всем. Но можно их всех расстрелять?»[43]. Когда эти слова были произнесены, геноцид по отношению к бессарабским евреям уже развернулся.

Коль задумана была тотальная «этническая чистка», в «вызволенных провинциях» власти вспомнили, что в Старом королевстве продолжают жить евреи, пусть не так много, уроженцы Бессарабии и Буковины, которые, то ли не желая жить при большевиках, то ли по другим причинам, не репатриировались летом 1940 г. Еще в конце июля 1941 г. было принято решение выявить таких евреев и выдворить их из Румынии, отправить в места, откуда они родом. Ясский инспекторат полиции выделил на эту операцию 5 дней. Буковинских евреев намечено было переправить через пограничный пункт Викшань, бессарабских – Яссы–Унгень и Галац–Рени[44].

Собранные в концентрационном лагере румынского города Джурджиу для последующей депортации в Транснистрию более 800 евреев были отправлены в Бессарабию в опечатанных товарных вагонах, без воздуха и света. Свидетели рассказывали, что, «слушая крики отчаявшихся и стоны умирающих, можно было лишиться рассудка»[45].

В письме от 19 октября 1941 г. на имя министра внутренних дел Румынии генерала Д. Попеску В. Фильдерман писал по поводу приказа об отправке в Бессарабию и Буковину с последующей депортацией в Транснистрию евреев, проживающих в Румынии: «Законом № 793 от 3 сентября 1941 г. определено, кому из жителей Бессарабии и Северной Буковины сохраняется румынское подданство. Отправка их в места рождения равнозначна отнятию у них гражданских прав, более того, их посылают в чужую страну. Мера эта тем более страшна, что речь идет о людях, создавших и обладающих в Старом королевстве промышленными предприятиями»[46]. Во время аудиенции министр заявил В. Фильдерману, что не в его власти решать этот вопрос.

В. Фильдерман обратился также к министру юстиции Румынии, указав, что выселение этих евреев является не только «нарушением законов» страны, но и «прав человека». Он отметил, что на сборы этим людям отведено было всего три часа, что не-

совместимо с принципом, провозглашенным самим кондукэтором: «Человек остается человеком, независимо от вероисповедания». В письме подчеркивается, что депортированные евреи уже живут в Старом королевстве много лет, у них здесь родились дети, среди них есть и такие, которые бежали от большевиков, отдавая предпочтение румынской стране. Это ходатайство, равно как и направленное 27 октября 1941 г. на имя Генерального директора полиции и сигуранцы Румынии, осталось без ответа[47].

§ 3. Депортация из лагерей и гетто Бессарабии

Если в летние месяцы 1941 г. «этническая чистка» в междуречье Прута и Днестра осуществлялась румынскими властями совместно с гитлеровцами, то осенью операция по депортации евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию явилась чисто румынской акцией. Лишь в пунктах переправы изгнанников через Днестр кое-где в издевательствах и истреблениях беззащитных людей участвовали и эсэсовцы.

22 сентября 1941 г., а не 12 сентября, как намечалось «Инструкцией», началась «эвакуация» узников Вертюженского, самого крупного лагеря в Бессарабии. Как докладывал вышестоящему начальству руководитель жандармерии Бессарабии полковник Мекулеску, «операция по эвакуации запоздала из-за повреждения мостов на Днестре в связи паводками и затоплениями»[48]. Ответственные жандармские офицеры, задействованные в операции по депортации евреев, были осведомлены о том, что к переправам через Днестр должно прибыть как можно меньше евреев. В своих показаниях следственным органам капитан Виктор Рамадан, ответственный за «эвакуацию» на участке Сорока–Косоуць, признал, что получил приказ от полковника Мекулеску «в ходе переброски расстреливать интернированных из лагеря Вертюжень»[49].

Согласно данным жандармских властей, из 22 тысяч узников Вертюженского лагеря 2/3 составляли женщины и дети, более половины мужчин были старше 50 лет. Перед отправкой был учинен обыск и изъяты у депортированных драгоценности и лучшие вещи. Обессиленные от голода и болезней, изнурительного труда люди еле передвигались и, естественно, не в состоянии были совершать пешком сорокакилометровый путь от лагеря до пунктов переправ через Днестр. И на этом решили нажиться начальник лагеря полковник Агапие и его подручные. Для оплаты, якобы, возчикам за перевозку больных, детей, стариков, инвалидов и багажа от лагеря до Косоуцкой переправы узников заставили заплатить 400 000 леев. Полагалось на 1600 отправляемых лагерников выделить 40–50 подвод, на деле же являлось 4–5, иногда 6–8[50]. Свидетель капитан Столеру Александру, сопровождавший колонну узников от Вертюжень до Косоуць, подтвердил, что «дорога была усыпана трупами тех, которые бессильны были добраться до пунктов переправ»[51]. К таким и применялось кодовое обозначение «Алексяну». Он же признал, что привалы устраивались прямо в поле, и евреи подвергались безудержному грабежу со стороны воров из местного населения, против которых никаких мер не принималось.

Отправка колонн из Вертюжень осуществлялась одновременно в сторону Косоуць и Резины. Начиная со 2 октября, она проводилась только в сторону Косоуць. Это было связано с тем, что на Резину стали направлять для переправы в Транснистрию евреев из лагерей Бельцкого уезда, сосредоточенных в Маркулешть, и пригнанных из Кишиневского гетто.

Распределение по колоннам проводилось начальством лагеря таким образом, чтобы максимально разделить родственников. Бывший узник Вертюженского лагеря Арон Калис вспоминает: «...Нас поделили на две колонны. Одну направили в сторону Рыб-

ницы, там расстреляли. Среди жертв были и мои два брата Мойше и Аврум с семьями. Другую колонну отправили на Ямполь»[52]. Бывший узник Ефим Фишман рассказывает: «В Вертюжень нам румынские власти говорили, будто бы нас отпускают домой. Так как мы старались попасть в Сороки, то шли с правой стороны колонны. Я помню, что посередине улицы стояли румыны и развели колонну на две части. Те, которые шли с левой стороны, были направлены на Рыбницу и там расстреляны, когда мы пришли в Сороки, нас сразу задержали, направили в синагогу и вскоре переправили через Днестр»[53].

Этой семье «повезло». Другим гонимым в сторону Косоуць в ожидании переправы пришлось побывать в пресловутом Косоуцком лесу. Было холодно, лили осенние дожди, иногда вперемежку со снегом. Люди мерзли и стали греться у костров. Во время военных операций летом 1941 г. в лесу, как уже отмечалось, оставались неубранные снаряды. Случалось, они взрывались «Охрана, – пишет побывавшая в это время в Косоуцком лесу бывшая узница Вертюженского лагеря Любовь Крейерман, – обвиняла нас в умышленных взрывах. И снова следовали наказания, чаще всего расстрелы…»[54].

Как и было приказано, «эвакуация» Вертюженского лагеря проводилась полковником Агапие подчистую, не щадили даже серьезно больных. У Мальвины Кандель в момент депортации отец болел тифом, бредил от высокой температуры. Он, рассказывает Мальвина, «лежал на повозке, которую нанимали родственники, имевшие еще кое-какие вещи. Отец лежал почти без сознания. Но румынские солдаты били его, считая симулянтом. Однажды нашу колонну поделили: одну часть направили направо (в сторону Косоуць – *И. Л.*), а вторую в левую сторону (на Резину – *И. Л.*). Позже мы узнали, что люди, которые были отправлены в левую сторону, все были расстреляны. Затем начали фильтровать нашу колонну: мужчин – в одну сторону, женщин с детьми – в другую. Тогда в последний раз видели отца»[55].

Об одном случае расправы с евреями-мужчинами в ходе осенней депортации стало известно в послевоенные годы во время суда над группой военных преступников, среди которых были и «герои» жандармского легиона Сорокского уезда во главе с подполковником Думитру Илиеску. По приказу последнего начальник жандармской секции Згурица старший плутоньер Пинтилие Лэкэтушу мобилизовал для уничтожения 200 евреев-мужчин весь личный состав подведомственных ему постов, возглавляемых плутоньерами Хобинку Георге, Ефтимие Штефаном, Юреску Ионом. Каждому жандарму, привлеченному к предстоящей расправе с беззащитными людьми, было приказано выдать по 100 патронов. Место для экзекуции было избрано между селами Григорьевка и Кременчук. Сначала отобрали 40 евреев, снабдили их лопатами и заставили рыть большую яму. По окончании работы их тут же расстреляли. После этого в ознаменование «победы» жандармское начальство всю ночь пировало. На второй день, набравшись сил, бравые жандармы расстреляли остальных 160 евреев. Привлеченные допризывники из с. Григорьевка под наблюдением жандармов закопали трупы[56].

8 октября завершилось «очищение» от евреев Вертюженского лагеря, весь штат его охранников во главе с полковником Агапие перебрался, как уже отмечалось, в Маркулешть, где скопилось большое число депортированных евреев из Бельцкого уезда.

После отправки евреев примар м. Вертюжень жаловался претору района на жуткий вид местечка, на улицах валялись брошенные трупы и это, писал он, «оставляет отвратительное впечатление у населения»[57].

Представитель Генштаба подполковник Палладе в письме от 1 октября 1941 г., адресованном Сорокскому жандармскому легиону, требовал, чтобы после депортации евреев «лагерь для возможного последующего использования его с той же целью сохра-

нить в том же состоянии, в каком он находится», не вывозить из лагеря строительный материал и мебель для продажи населению или организациям, оставить ограждение из колючей проволоки, не сокращать площадь лагеря и не заселять его и т. д.[58]

В октябре 1941 г. депортации в Транснистрию проводились одновременно из всех лагерей и гетто Бессарабии и Буковины. 2 октября под охраной 60-й полицейской роты началось изгнание в «царство смерти» узников Секуренского, а спустя 8 дней – Единецкого лагерей. Из Секуренского лагеря были отправлены четыре колонны, столько же из Единецкого. Каждая колонна насчитывала около 2500 узников. 12 октября завершилось очищение Секуренского, а спустя шесть дней и Единецкого лагерей. До переправ через Днестр в Атаки и Косоуць этим людям пришлось в тяжелейших условиях пройти десятки километров.

И в этих лагерях за предоставленные подводы узникам также нужно было платить. По предварительной договоренности, каждому возчику полагалось внести за день работы 250 леев, но, писал в своей «Декларации» лейтенант Рошка, «возчики брали больше, а именно: еще по 100 леев с человека, а при подъеме в гору еще по 100»[59].

В остальном все протекало по заранее составленному сценарию. Александр Вайнер из с. Мошанец Кельменецкого района Черновицкой области вспоминает: «Пробыли в Секурень чуть больше двух месяцев. В одно утро, еще до восхода солнца, жандармы с криками, избиениями выгнали нас на улицу, собрали колонну. Когда колонна вышла из Секурень, половину ее, а может и больше, расстреляли. Сейчас на том месте большая братская могила. Там вместе со всеми покоятся мои тетя Брана, дядя Шмил, их маленький сынишка Сендер. Наша семья оказалась впереди колонны. Отошли на несколько километров, еще были слышны частые выстрелы»[60].

Из этого же лагеря угнали семью Фимы Вассермана. Он пишет: «На улице нас продержали три дня под проливным дождем. Потом образовали колонну и под конвоем повели всех в сторону Днестра. Людей пожилого возраста, которые не в состоянии были идти, расстреливали на месте. Таким образом мы сразу лишились дедушки и бабушки»[61].

Упомянутый командир 60-й полицейской роты локотенент Аугустин Рошка и его заместитель Виктор Попович расстреляли на трассе Единцы–Косоуць и Секурены–Косоуць по 500–600 евреев каждый. В своей докладной записке Рошка отмечает, что в первой яме, примерно в 5 км от Секурень, он закопал 50–60 человек, в остальных – по 120, причем многие были еще живыми. Даже этот натренированный жандарм признал, что «во время выполнения полученных приказов имели место такие драматические моменты, которые надолго запомнились их участникам»[62].

Но и добравшиеся до переправ у Атак и Косоуць узники лагерей севера Бессарабии мало походили на живых людей. Когда депортированные евреи из Буковины, привезенные в товарных вагонах, в Атаках увидели своих соплеменников, пригнанных пешком из Единец, они пришли в ужас. Председатель еврейской общины румынского города Сучава М. Тейх пишет: «13 октября прошла мимо колонна из Единец, люди избитые, босые, в невообразимо тяжелом состоянии. Помогли им, чем могли, я видел то, что ждет нас»[63]. Другой депортированный еврей И. Шарага, из румынского города Гура Хуморулуй, также натолкнувшийся на колонну узников из Единец, вспоминает: «Когда спустились сумерки, услышал выстрелы и тут же какой-то чудной шум, как будто колоссальный вал воды прорвал плотину и хочет нас проглотить... Издали я видел много точек, они двигались в нашу сторону. Громадная туча пыли и стоны поднимались до небес. Это был двигавшийся конвой каких-то существ. Существа, которые когда-то были людьми, сейчас походили на животных, преследуемых охотниками в образе жандармов верхом на лошадях, в руках у которых винтовки с пристегнутыми штыками.

Евреи были изуродованы от голода и болей. Жандармы стреляли в воздух, кололи штыками, подгоняли вперед. Дети кричали: мама, папа! Время от времени какой-то человек падал и больше не вставал. Люди и лошади давили его своими ногами»[64].

8 октября, а не 12-го, как было первоначально намечено, началась депортация евреев Кишиневского гетто. За день до отправки через еврейский комитет комендатура оповещала об этом евреев, включенных в состав конвоя[65]. «Царила атмосфера беспокойства и озабоченности, – отмечено в «Отчете» упомянутой комиссии по расследованию «непорядков» в Кишиневском гетто. – Боязнь неизвестности, тягот перемещения, слухи, затуманивающие рассудок, заставили евреев прибегать ко всяким ухищрениям, чтобы скрыться и избавиться от депортации или отсрочить ее. Многие евреи накануне отправки бежали, прятались на чердаках, в погребах». 20 человек покончили жизнь самоубийством[66]. Этим отчаянием среди евреев гетто не преминули воспользоваться коррумпированные военные и гражданские чиновники из администрации гетто и города, всякие ловкачи и аферисты, которые за лживые обещания избавить от депортации или отложить ее на более позднее время вымогали у более состоятельных евреев большие суммы денег, драгоценности и т. д.

Согласно секретному донесению начальника полицейского управления гетто, в первый день депортации было отправлено не 1500, а 2500 евреев. Людей стали собирать в 6 часов утра, погрузка багажа и калек продолжалась 4 часа, и только в 10 часов колонна двинулась в путь. Она была укомплектована в основном обитателями северного сектора гетто – района Ильинского базара[67]. Первоначально планировалось всю операцию совершить за четыре дня.

Поскольку движение по мосту через Днестр в районе Бендеры–Тирасполь с 10 октября было перекрыто, все конвои из Кишинева были направлены на Резину. Этот 80-километровый путь нужно было пройти за двое суток: в первый день от Кишинева до Оргеева, во второй день – от Оргеева до Резины.

По причине неисправности мостов через Днестр пришлось несколько задержать отправку очередной колонны евреев. 10 октября 1941 г. агент румынской тайной полиции (сигуранцы), следивший за настроениями узников гетто, докладывал своему начальству: «В это утро, казалось, евреи еще больше были взбудоражены, особенно тогда, когда увидели прибытие конвоя подвод для погрузки. Они, плачущие и перепуганные, стали убегать от того места в гетто, где предстояла отправка. После появления двух взводов солдат и г-на полковника Думитреску, военного коменданта города, который сообщил об отсрочке их эксода на 24–48 часов, это известие, как молния, с радостью распространилось среди евреев».

Далее агент сообщал о циркулирующих среди евреев слухах, в частности, о готовности «собрать несколько миллионов леев» в фонд румынской армии взамен отмены депортации, якобы, ночью по этому поводу состоялись «два совещания».

В конце донесения есть такая фраза: «Враждебная манифестация, которая должна была состояться, уже не будет, но говорят, что, если захотят отправить еще один конвой, то она состоится, чтобы быть расстрелянной на месте»[68].

Надежды на отмену депортации не оправдались. 16 октября еврейский комитет гетто обратился к губернатору с просьбой отсрочить депортацию до весны 1942 г. С такой же просьбой обратились к нему и еврейские врачи. Но ответ был отрицательный[69].

За несколько дней до этого была предпринята еще одна попытка добиться облегчения участи депортированных. За большую сумму денег в Бухарест на автомобиле коменданта Кишиневского гарнизона полковника Е. Думитреску и в сопровождении его заместителя капитана Александреску был переброшен заместитель председателя еврейского комитета адвокат А. Шапиро, переодетый для конспирации в форму ру-

мынского офицера[70]. В Бухаресте у него была встреча с председателем Федерации еврейских обществ и общин Румынии В. Фильдерманом и главным раввином Румынии А. Шафраном.

К моменту появления А. Шапиро руководители Федерации евреев Румынии уже были осведомлены о трагедии бессарабских и буковинских евреев. В записях В. Фильдермана за 8 октября 1941 г. читаем: «Несколько отчаявшихся бессарабских и буковинских евреев навестили меня сегодня и сообщили, что до них дошли слухи о том, что евреи этих двух провинций будут депортированы в Транснистрию». На второй день, 9 октября, очередная запись: «Были новые посещения. Прибыли отчаянные телеграммы...»[71].

Эти известия были восприняты руководством Федерации с тревогой и стремлением найти какие-то пути облегчения положения своих единокровцев из Бессарабии и Буковины. В своих мемуарах раввин А. Шафран пишет: «Наша федерация решила оплатить, и немалую сумму, услуги одному адвокату-христианину, по фамилии Мушат, человеку холодному, с суровой внешностью, чтобы он отправился и на месте расследовал и в рамках возможностей попытался «облегчить» положение и представить нам отчет... В то время, пока Мушат находился в Кишиневе, мы стали получать телеграммы, иногда в один и тот же день много, от раввина Тверского, одного из самых известных в городе, а также от мирских членов общины. Они шли зашифрованным текстом, чтобы усыпить бдительность цензоров, например, «больной срочно нуждается в медикаментах» или «жар не перестает повышаться», затем, что «положение ухудшается с каждым часом» или «больной все больше страдает», и, наконец, «больной при смерти». Мы прекрасно понимали тревожный смысл телеграмм: мы слышали в них отчаянный, волнующий, настойчивый, бессильный голос, который мигом угас».

Вспоминает А. Шафран и о встрече с посланцем еврейского комитета Кишиневского гетто адвокатом А. Шапиро. «В один день, – продолжает он, – в моем бюро на улице Бургеля появился мужчина в форме румынского офицера. Он еврей, адвокат по фамилии Шапиро, который совершил побег из Кишиневского гетто, чтобы уведомить нас о катастрофическом положении своих. Я тут же отправил его в свою квартиру. Он рискнул своей жизнью, разъезжая переодетым, если бы его поймали, расстреляли бы на месте. Мы, несомненно, в свою очередь, рисковали своей жизнью, предоставив ему убежище. Испуганные, мы слушали описание отчаянного положения в Кишиневском гетто. Он много часов говорил мне и Фильдерману, мы опасались, чтобы от бессилия он не потерял сознание»[72].

Как показано будет дальше, руководители Федерации в лице В. Фильдермана и главный раввин А. Шафран предприняли многократные и настойчивые попытки облегчить участь бессарабских и буковинских евреев, но безрезультатно. Депортацию приостановить не удалось.

Покинувшим Кишиневское гетто узникам (последние покинули его 31 октября 1941 г., около 1000 человек) на протяжении всего пути до переправы в г. Резина пришлось перенести неимоверные муки и страдания. Питанием каждый должен был обеспечивать себя как может. Из-за недоедания многие умирали в пути. Брать багажа разрешалось столько, сколько каждый в состоянии унести в руках. Как и на севере, в центральных районах Бессарабии осень выдалась холодной, шли непрерывные дожди, в результате, как отмечается в упомянутом «Отчете» комиссии, «конвои двигались медленно, в беспорядке», недоставало подвод, которые часто ломались в пути, «к тому же прибавлялся аппетит к наживе у возчиков-крестьян»[73].

Но бывало и другое. Упомянутый Мариан Марчел рассказывал: «В один осенний день, когда шел дождь, какие бывают только в Бессарабии, через окно заметил, как вы-

ехали в гетто много крестьянских подвод, порожние и открытые. Я приблизился и стал ждать, чтобы наблюдать, что последует. Через некоторое время я заметил, что подводы покинули гетто, на сей раз до отказа набитые дряхлыми людьми. Это были старики и калеки, которые уже не держались на ногах. Страшно лил дождь, и холод пронизывал до мозга костей. Я перешел улицу и спросил стоящего у ворот солдата, что с ними будет. «Их отправляют в Транснистрию», – ответил он. Примерно через полчаса я наблюдал возвращение порожних подвод. Я вновь перешел улицу и спросил: «Они, что ли, уже добрались до Транснистрии?». «Черта с два, – ответил он, – их везут в подводах до окраины города и оттуда гонят пешком». «А как с теми, которые ходить не могут?» – спросил я. «Этих расстреливают». Мариан Марчел заключает: «По моему мнению, среди евреев, которые тогда еще находились в гетто, не было ни одного способного пройти пешком даже один-два километра, не говоря уже обо всем пути до Днестра. Так были выведены из города и ликвидированы последние оставшиеся в Кишиневе евреи»[74].

Далеко не все депортированные из гетто дошли до переправы в Резине. Как и предусмотрено было секретной инструкцией от 7 сентября 1941 г., отстающие в пути, а это были те самые больные, старики, женщины с детьми, расстреливались, предварительно с них снимали одежду, которая тут же распродавалась конвоирами стоявшим вдоль трассы крестьянам. Бывшая узница Кишиневского гетто П.А. Коцовская рассказывала, что в местечке Пересечино были убиты сотни евреев, в том числе ее родители и сестра[75].

Депортация из Кишиневского гетто растянулась до конца октября. Начиная с 26 октября по приказу полковника Мекулеску ежедневно отправлялись колонны в составе 800 человек в сопровождении в качестве конвоиров наряду с жандармами поочередно двух взводов 82-й и 23-й полицейских рот[76].

В м. Пересечино часто устраивалась смена подвод. При разгрузке багажа значительная его часть похищалась жандармами местного поста во главе с плутонером Василе Ону. Последний наворовал столько вещей, что пришлось ему задержать на целый месяц еврея-портного, который обшивал его, после чего плутоньер его расстрелял[77].

В Оргееве, городе, через который пролегал путь на Резину, префект уезда, ссылаясь на приказ № 4029 губернатора Бессарабии К. Войкулеску о запрещении мобилизации транспорта в период осенних сельскохозяйственных работ, отказал в предоставлении подвод для немощных депортированных евреев. Упомянутый командир Оргеевского жандармского легиона Ф. Бекий, отличившийся в уничтожении евреев этого уезда, признает в письме, адресованном бессарабскому жандармскому инспектору полковнику Мекулеску, что «женщины, дети, старики, составлявшие подавляющее большинство в колонне, не могут продвигаться пешком». Губернатор К. Войкулеску «смилостивился» и разрешил брать «строго необходимое» число подвод и строго необходимый багаж. Определить это «строго необходимое» оставалось на усмотрение местных властей[78].

Вся вторая половина пути до переправы на Днестре, от Оргеева мимо Чинешеуць и до Резины, как и первая, была усеяна трупами расстрелянных и умерших евреев. Унтер-офицер Герман Георге, возглавлявший отряд конвоиров, лично застрелил несколько отстающих от колонн евреев, присвоил и продавал их багаж, бывало, в продажу шли даже и трупы, завернутые в одеяла или простыни. Этим «ремеслом» занимался старший плутоньер Матаке Ион и другие конвоиры. Герман Георге сочетал убийства и грабежи с изнасилованием малолетних девочек. На виду у родителей он снял с подводы девочку, увел ее в овраг и надругался над ней. «Подвиг» Германа повторил старший сержант Лунгуреску Ангел во время остановки колонны у Чинешеуць. Он забрал в село девушку-еврейку и изнасиловал ее[79].

В Резине, конечном пункте, перед отправкой в Транснистрию, куда стекались колонны евреев из Кишиневского гетто, среди принимавших был и старший плутоньер

(по другому источнику – старший сержант) Сафтенко Траян. Встречал он людей с внушительной дубинкой в руках. Подводы разгружались с таким расчетом, чтобы до синагоги, куда сгонялись депортированные в ожидании переправы через Днестр, оставалось пройти пешком с багажом внушительный кусок дороги. На это Сафтенко отводил считанные минуты, подгоняя измученных людей ударами своей дубины, люди падали, бросали свои узелки, которые тут же подбирались жандармами, местными ворами и т. д.[80] Как рассказывали свидетели, Сафтенко в целях выколачивания денег у депортированных создал свой «бизнес». Холодная, дождливая погода обеспечила ему неплохой доход. За ночь пребывания в его «пятизвездочной» гостинице, состоявшей из одной маленькой комнатушки, он сдирал 5000 леев. Среди наиболее состоятельных евреев находились семьи, которые в складчину собирали эту сумму, чтобы, притулившись друг к другу, иметь крышу над головой, не мерзнуть и не мокнуть под открытым небом[81].

В двадцатых числах октября 1941 г. проводилось изгнание евреев из южных уездов Бессарабии. Как и намечено было инструкцией, в м. Тарутино были согнаны евреи из Кагула, Измаила, Болграда, Килии и Вилкова, всего, по данным румынской жандармерии, 2270 человек.

23 октября 1941 г. жандармским легионам уездов Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) и Килия, на которые была возложена задача проведения операции, было направлено секретное предписание полковника Мекулеску о начале с 25 октября депортации евреев из «гетто Тарутино» двумя колоннами по 1135 человек в каждой. Поскольку мост в Бендерах не был готов к приему, евреев было приказано отправлять в с. Пуркарь, где была устроена переправа. Путь в 70 км от Тарутино до Пуркарь, пролегавший мимо населенных пунктов Березино, Клястица, Фрумушика Ноуэ, Фрумушика Веке, Манза, Волонтировка, Штефэнешть, Слобозия, Антонешть, предстояло пройти в три этапа. Можно себе представить степень изнеможения этих людей, если учесть, что евреям от места их первоначального сбора до Тарутино пришлось пройти от 90 до 100 км[82].

Как и в других местах, установленный график отправки и движения колонн по разным причинам нарушался. Первая колонна из Тарутино должна была добраться до Пуркарь в 18 часов 27 октября и на второй день полным составом быть переправленной на левый берег Днестра в с. Яски, вторая колонна соответственно – в 8 утра 29 октября и 30 октября. Но график был нарушен, между тем, губернатор торопился доложить своему фюреру об окончательном решении «еврейского вопроса» в подведомственном ему губернаторстве. 29 октября полковник Мекулеску телеграфировал жандармскому легиону в Четатя Албэ: «Ускоряйте переправу остатка населения из Волонтировки через Днестр»[83].

По данным жандармерии Транснистрии, до 26 ноября 1941 г. из Пуркарь было переправлено в Яски 2200 евреев, какая-то часть узников Тарутинского лагеря до Пуркарь не дошла.

К середине ноября 1941 г. закончилась, в основном, переправа в Транснистрию сосланных евреев из Атак, Косоуць, Резины и Пуркарь. 18 ноября 1941 г. губернатор Бессарабии генерал К. Войкулеску докладывал в Бухарест, что на подведомственной ему территории «еврейская проблема решена и сегодня можно утверждать, что программа эвакуации была выполнена в точности»[84]. В Кишиневе, согласно данным губернаторства, осталось 118 евреев[85]. К. Войкулеску обещал, что после проверки они будут выдворены в Транснистрию.

Спустя несколько дней полиция Кишинева составила именной список евреев, которые еще оставались в гетто на 25 ноября, оказалось 130 человек, включая 37 инвалидов

Первой мировой войны и двух членов Сфатул Цэрий (Н. Садагурский и Г. Ландау) с семьями, персонал больницы (врачи, медсестры, санитарки), нетранспортабельные и инфекционные больные и сопровождавшие их лица[86]. По другим данным, в гетто на 7 декабря 1941 г. оставалось 126 евреев[87].

В «Отчете» комиссии по обследованию Кишиневского гетто, составленном в том же декабре 1941 г., приводятся такие цифры: «17 евреев, оставленных по специальным разрешениям; 34 больных в больнице гетто; 14 человек персонала больницы (врачи, санитарки, могильщики); 15 сопровождающих больных и 6 детей из детского приюта. Итого 86 евреев»[88].

В отличие от предыдущих, в эту последнюю цифру не включены оказавшиеся в гетто еврейки и евреи, состоявшие в смешанных браках, а также давно крещеные евреи. Комиссия, по-видимому, учла особое положение этой группы, возникшее в связи с жалобами, поступившими в Бухарест, в том числе на имя И. Антонеску, от людей христианского вероисповедания, жены или мужья которых были евреями, а также от евреев давно крещеных. Часто в смешанных браках были и крещеные дети.

При определении в лагерь или гетто все эти моменты, за редким исключением, не учитывались. В упомянутом «Отчете» правительственной комиссии по Кишиневскому гетто отмечается: «При интернировании в гетто никаких критериев не было. Загнали туда бывших высокопоставленных лиц, положение которых заслуживало признания; евреек, мужья у которых христиане; евреев, женатых на христианках; матерей-евреек с крещеными детьми; крещеных евреев»[89]. В документе приводится и такой пример: в гетто оказался румын Ион Кармен из Плоешть (Румыния), жена которого была еврейкой. Он как узник гетто был отправлен на работу в составе группы евреев и расстрелян гитлеровцами[90].

Жалобы и просьбы в адрес румынского правительства шли от отдельных лиц и от целых групп людей. Одна из телеграмм гласила: «От имени бессарабских румын-христиан, у которых жены происходят от родителей-евреев, просим не отправлять наших жен за Днестр». И. Антонеску написал на телеграмме: «Г-ну генералу Войкулеску: приостановить отправку за Днестр находившихся в такой ситуации, а также давно принявших христианство или являющихся действительно хорошими румынами». Аналогичное указание было дано губернатору Буковины К. Калотеску[91]. Но это решение кондукэтора от 22 октября 1941 г. запоздало и не всюду дошло. Как докладывал правительству 4 февраля 1942 г. начальник Генерального штаба румынской армии генерал И. Штефля, «приказ № 15035 президиума Совета министров от 22 октября 1941 г., согласно которому, исключались из отправки (за Днестр – *И. Л.*) некоторые категории евреев, Генштабу не был сообщен. Более того, требовалось, чтобы в Бессарабии не оставался ни один еврей, и это почти полностью реализовано. В Кишиневском гетто еще находятся 152 еврея»[92]. В расплывчатой резолюции кондукэтора не уточнялось, кого следует отнести к «хорошим румынам», равно как «давно» нужно было состоять в христианстве.

«Зачистки» евреев в губернаторстве Бессарабия продолжались в течение зимы 1941–1942 гг. и затянулись до лета 1942 г., но, как будет показано дальше, речь идет о каких-то сотнях евреев с запутанной биографией.

§ 4. Изгнание евреев из Буковины и уезда Дорохой

4 октября 1941 г. Генштаб румынской армии направил Черновицкой военной комендатуре письмо следующего содержания: «В соответствии с приказом г-на маршала

Антонеску, все евреи Буковины в течение 10 дней должны быть отправлены за Днестр. О выполнении доложить завтра до 20 часов»[93].

Из письма вытекает, что депортации подлежали не только остатки евреев из лагерей и гетто Северной Буковины, то есть побывавшие в 1940–1941 гг. в составе СССР, но и уездов губернаторства Буковина (Сучава, Кымпулунг, Рэдэуць, Дорохой), никогда не входившие в состав Советского Союза (кроме северной части Рэдэуцкого и района Херца Дорохойского уездов, включенных летом 1940 г. в состав Черновицкой области Украинской ССР).

Осенью 1941 г. в губернаторстве Буковина насчитывалось, по данным Центрального статистического института Румынии, 84 054 еврея, в том числе 54 367 (согласно переписи, проведенной в августе-сентябре 1941 г.) в Северной Буковине, то есть в Черновицкой области (включая Хотинский уезд). Следовательно, на уезды Южной Буковины и Дорохой приходилось 29 687 евреев[94].

Еврейское население заметно уменьшилось на этой территории, если сравнить с официальными румынскими данным 1930-х гг. По переписи 1930 г., в уездах, включенных в состав губернаторства Буковина, по нашим подсчетам, проживало 143 197 евреев, в том числе в Северной Буковине (включая Хотинский уезд) – 105 651, в Южной Буковине и уезде Дорохой – 37 546. В 1939 г., по оценкам Центрального статистического института Румынии, численность евреев, по сравнению с 1930 г., в Буковине и Бессарабии не претерпела существенных изменений, оставалась почти на таком же уровне[95].

После начала Второй мировой войны и до начала советско-германской войны численность еврейского населения Черновицкой области увеличилась как за счет осевших здесь беженцев из Польши, буковинских евреев, репатриированных летом 1940 г. из Румынии, так и какой-то части евреев из Старого королевства, искавших приют от надвигавшейся фашистской опасности и надеявшихся в СССР зажить свободно. Точных данных о численности этого прибавления не располагаем, отсутствуют таковые о числе депортированных большевиками евреев за 1940–1941 гг. (по утверждениям еврейской общины г. Черновцы, около 10 000), мобилизованных в ряды Красной армии и покинувших Черновицкую область в порядке эвакуации в тыловые районы Советского Союза в начале фашистского нашествия. Ж. Анчел считает, что число последних по Северной Буковине и Бессарабии, вместе взятых, «не превышает 30 000–40 000 человек»[96].

Но и без отсутствующих данных, которые вряд ли сильно меняют общую картину, лишь из приведенных выше цифр официальной румынской статистики явствует, что численность еврейского населения Черновицкой области уменьшилась к началу осенней депортации более чем на 50 000 человек и это, главным образом, за счет истребления и изгнания их в лагеря на севере Бессарабии в июле – начале августа 1941 г. Достаточно напомнить, что, согласно сводкам Черновицкого жандармского управления, «более 20 000 евреев» в конце июля – начале августа 1941 г. были переправлены в Транснистрию (затем частично возвращены) и еще 27 849 подготовлены к отправке туда же, но осели в лагерях севера Бессарабии. Абсолютное большинство этих евреев – выходцы из Черновицкой области, а также из северных районов Молдавской ССР (притом следует иметь в виду, что населенные пункты Липканского, Единецкого и Бричанского районов ликвидированной МССР были включены румынской администрацией в состав Хотинского уезда, вошедшего в состав губернаторства Буковина)[97].

Из 54 367 евреев, сохранившихся в конце сентября 1941 г. в Северной Буковине, около 48 000 составляли жители г. Черновцы и остальные 4–5 тысяч были сосредоточены в основном в гетто г. Сторожинец и м. Вэскэуць. Сельские населенные пункты были к этому времени полностью очищены от евреев.

Уменьшилось число евреев в Южной Буковине и в уезде Дорохой. Как уже отмечалось (см. главу II), в первые дни войны под предлогом необходимости обезопасить тыл немецко-румынских войск из междуречья Сирет–Прут были выселены в концентрационные и так называемые трудовые лагеря коммунисты, «подозрительные» и, конечно, все евреи-мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, а кое-где прихватили даже женщин с детьми. Так, из г. Сирет были отправлены 2100 человек, из г. Сучава около 1000, в том числе 818 глав семейств, Дорохоя – 1200 глав семейств и т. д.[98] С явным расчетом, что не сегодня-завтра они будут депортированы в Транснистрию, часть узников пресловутого лагеря Тыргу-Жиу (среди них 55 женщин и детей) в конце августа 1941 г. были отправлены обратно на прежнее местожительство, в том числе в местечки уезда Дорохой Дорабань – 234, Сэвень – 160 человек. После двухмесячного пребывания в таких лагерях для последующей отправки в Транснистрию были возвращены в Рэдэуцкий уезд также многие местные евреи[99].

Перемещения евреев происходили и в рамках перечисленных уездов. По «приказу свыше» сельских евреев указанных четырех уездов, а их насчитывалось, согласно официальной статистике, около 8000 человек, изгнали с насиженных мест и переправили в уездные города, бывало, и вне рамок своего уезда.

Евреи Южной Буковины и румынской области Молдова, до которых доходили слухи о муках и страданиях их соплеменников из соседней Черновицкой области, пребывали в постоянных тревоге и страхе. Рэдэуцкие евреи еще в июле 1941 г. стали невольными свидетелями того, как гнали к Днестру, в сторону Транснистрии, тысячи евреев из Сторожинецкого уезда, а также из той части Рэдэуцкого уезда, которая в 1940–1941 гг. вошла в состав Черновицкой области Украины. Некоторые евреи, например, из м. Селетин и окружающих сел в количестве 850 человек, до депортации были сначала сконцентрированы в специально отведенный район уездного города Рэдэуць, а затем в конце мая 1941 г. под охраной жандармов переправлены у с. Волоскова в Транснистрию[100]. Бывший председатель еврейской общины г. Сучава доктор Мейер Тайх рассказывает: «В августе и сентябре 1941 г. террор и придирки стали невероятными. Чувствовалось, что готовится что-то страшное. Каждые сутки проводились обыски, естественно, по ночам. Контролировали, не готовится ли кто-то покинуть местность, не запакованы ли вещи, специально был запрещен всякий отъезд и всякая передача на хранение вещей румынским друзьям». На вопрос, заданный Тайхом префекту Сучавы полковнику Брэтану, что все это означает, тот ответил, что, мол, в городе готовится перемещение всех евреев в какой-то отведенный для них район и создание гетто[101]. Такой исход на фоне депортации в Транснистрию местные евреи склонны были расценивать как наименьшее зло.

За несколько недель до депортации на смену префекту Брэтану пришел новый префект – полковник Строеску. Он, хотя и был строгий, все же несколько облегчил положение евреев-заложников, уменьшил их число и установил ротацию через каждые две недели. В целом, однако, накал страха не ослабевал.

Несчастье произошло в первой декаде октября 1941 г., когда началась практическая реализация предписания кондукэтора. 8 октября губернаторство собрало в Черновцах префектов, ознакомило их с приказом о полном очищении в считанные дни подведомственных им территорий от еврейского населения. Предложено было силами полиции и армейских гарнизонов плотно окружить населенные пункты с еврейским населением, чтобы «никто не мог покинуть их и войти туда».

9 октября, в 7 часов утра, в Сучаве состоялось совещание с участием префекта, примарей Сучавы и местечек Ицкань, Солка, Бурдужень, коменданта армейского гарнизона, начальников полиции и шефа жандармского легиона, на котором представителям еврей-

ской общины объявили приказ Верховного главнокомандования армии «об эвакуации» всех евреев города и местечек. Было сказано, что первый состав с евреями Ицкань, Солки, Бурдужень и половины еврейского населения г. Сучава отправится с военной платформы железнодорожной станции Сучава в этот же день, 9 октября, в 16.00 часов. За короткое время депортированным нужно было собраться, приобрести продовольствие, сдать властям бижутерию, драгоценные камни, иностранную валюту и ценные бумаги, составить опись имущества и сдать его представителям примарии, обменять свои румынские леи на советские рубли, давно вышедшие из обращения и т. д. На сборы фактически не оставалось времени, особенно ограничено оно было для евреев Ицкань, которым еще предстояло пройти нелегкий путь, чтобы добраться до железнодорожной станции. «Колонны евреев, – пишет М. Минку, – старики и грудные дети на руках у родителей тянулись пешком в дождь и грязь почти пять километров до места сбора. Раввин с двумя священными свитками шел во главе, чтобы подбодрить их». Все было устроено так, чтобы людей разорить, морально и физически довести до отчаяния. В «Распоряжении» примарии г. Сучава указывалось, что «каждый житель-еврей может брать с собой теплые вещи, одежду и обувь, а также питание, желательно на много дней, в общей сложности не больше того, что каждый может унести в своих руках». Подчеркивалось, что лицо, которое не явится при отправке, не будет подчиняться приказам властей, не сдаст бижутерию и другие драгоценности, будет «расстреляно на месте»[102].

На сей раз власти даже не стали, как по отношению к евреям Бессарабии и Северной Буковины, придумывать обвинения в адрес евреев Южной Буковины и уезда Дорохой, оправдывающие эту бандитскую акцию. Когда Тайх спросил начальника уездной жандармерии майора Ботороагэ, за какие грехи тысячи местных евреев отправляются на верную смерть, тот ответил: «Из высших интересов государства». Как председатель еврейской общины города доктор Тайх обратился к одному высокопоставленному чиновнику примарии с просьбой принять на хранение архив общины, в первую очередь, книги записей актов гражданского состояния. С издевкой представитель власти ответил: «Вам больше не нужны документы и книги записей гражданского состояния. Вы уже не возвратитесь. Да и там вам не останется много времени для надобности в них»[103].

Согласно отчету Сучавской префектуры от 15 октября 1941 г., направленному губернатору Буковины генералу К. Калотеску, 9 октября был депортирован 2781 еврей, в том числе из Бурдужень – 982, Ицкань – 300, Солки – 113. На второй день, 10 октября, были «эвакуированы» из Сучавы 1295 евреев (большинство составляли интеллектуалы и коммерсанты), 11 октября – остаток еврейского населения города – 957 человек. Итого за три дня из уездного центра были изгнаны 3638 евреев, из местечек уезда – 1395[104]. Но и после 15 октября 1941 г. депортация продолжалась, в Транснистрию отправлялись возвратившиеся домой евреи-мужчины, мобилизованные в начале войны в трудовые лагеря.

Этническая чистка в уезде носила тотальный характер. Особенно усердствовал в ее проведении известный в городе своими антисемитскими настроениями начальник Сучавского призывного округа полковник Замфиреску. «Когда он говорил с евреем, – писал о нем доктор Тайх, – становился свирепым и почти помешанным». Хотя по занимаемой должности в его функции не входила депортация евреев, он метался по всем уголкам, следя, чтобы никто из евреев не ускользнул от «этнической чистки». Он кричал, что «не оставит в городе ни одного жида», будь он больным, бациллоносителем, умалишенным и т. д. На подводах везли на железнодорожную станцию немощных стариков из больниц – тяжело больных, укутанных в простыни и без всякого, естественно, багажа. Накануне депортации еврей Исаак Майер перенес операцию, ему отняли ноги. Главный врач городской больницы Бона потребовал убрать его. Спустя два часа до

отхода эшелона в вагоне Майер умер. Не пощадил Бона даже своего тяжело больного коллегу 70-летнего врача Бернара Вагнера. Не выдержав боли, по прибытии в Могилев-Подольский Вагнер покончил жизнь самоубийством. Здесь же умер изгнанный из инфекционной больницы заболевший брюшным тифом Исаак Тененхаус. В последний, третий, эшелон, отправленный 11 октября из Сучавы, втолкнули умалишенных, в том числе двух нееврeев. На вокзале при отправке, пишет Тайх, «наблюдались страшные сцены: умалишенные ревели, больные плакали, их семьи не знали, что с ними делать»[105]. Согласно отчету префекта, в уезде остались только совершенно нетранспортабельные доктор Маркович Лазэр и Гроссман Айзик, три женщины, вышедшие замуж за румын, и крещеные еврейки и один крещеный еврей. Разрешение на депортацию последних не было получено от губернаторства[106].

По такому же в основном сценарию, как в Сучаве, проводились депортации евреев и в других уездах Южной Буковины. «8 октября, – вспоминает инженер Иосиф Бергман, – начальник полиции Кымпулунг Бока сообщил некоторым евреям, что они будут эвакуированы. Действительно, спустя два дня, на Хашана Раба, все евреи города были погружены в эшелон телячьих вагонов, по 40 в каждом. У всех был такой багаж, какой можно было унести с собой. Мебель и многие другие вещи остались в покинутых домах. Эвакуация, даже в этих условиях, была «прибыльной» для властей и для тех, кто нас охранял. Взятки процветали»[107].

Префект уезда Кымпулунг полковник Стэнческу отвел евреям на сборы всего три часа. Многие оказались в полной растерянности от неожиданности. «Поскольку мы знали подлинную ситуацию, – рассказала бывшая узница Хана Шарански, – мы, покидая свои квартиры, хорошо заперли их на замки, но еще до отхода нашего эшелона они подверглись грабежам».

Префект Стэнческу отказал в просьбе общины не отправлять глубоких стариков, больных, умалишенных. Начальник городской полиции Стипор потребовал от своих подчиненных и привлеченных к этой операции солдат «вести себе жестко»[108].

В этот же день, 10 октября, началась депортация евреев в Гура Хуморулуй Кымпулунгского уезда. В этом городке за счет изгнанных из сел скопилось более 2500 евреев. Как и в других местах, барабанным боем их известили о предстоящей депортации. Всем следовало явиться на вокзал к 13 часам. На перроне выстроилась длинная очередь на сдачу драгоценностей, валюты и обмена леев на рубли. Хотя в поданный состав и вталкивали по 70 человек в каждый товарный вагон, увезти всех в этот день не удалось. Около 600 евреев продержали всю ночь на перроне вокзала и на второй день отправили.

11 октября поступил приказ о выселении евреев, числом около 2000, из курортного города Ватра Дорней. Еще за много дней до этого почти всех евреев перевели на окраину города, создав гетто. На сборы и явку на вокзал было отведено всего три часа. «Мы были в панике, и времени не оставалось. Многие богатые вмиг обеднели. Отправились с рюкзаком на спине», – рассказывал местный еврей Шолом Феслер. В этот день двумя транспортами, с разницей в несколько часов, были отправлены в сторону Атак и Маркулешть все евреи городка, за исключением братьев Фрица и Натана Клипер, бывших владельцев деревоотделочных предприятий, оказавшихся нужными немцам[109].

Евреям уездного города Рэдэуць объявили о предстоящей депортации 13 октября 1941 г., в день еврейского праздника Сукот. В городе скопилось более 9000 евреев, в том числе около 2000 из пограничного, до войны, городка Сирет. Как уже отмечалось, 19–21 июня, в самый канун начала военных действий на советско-румынской границе, часть евреев местечка, в том числе стариков, женщин и детей, как «опасных элементов» в тылу армии отправили в глубокий тыл, в города Крайова и Каракал, где более двух месяцев держали на положении узников в местных лагерях. В начале сентября их

вернули обратно в Рэдэуцкий уезд, но не в свой городок Сирет, а в г. Рэдэуць, где разместили в синагогах, приютах и т. д.[110] В Сирете за время их нахождения в Олтении, дома, в которых они проживали до высылки, были ограблены начисто.

14 октября евреи из Рэдэуць сдали свои драгоценности, на сей раз даже для видимости им не давали никакой «компенсации», а на второй день подогнали четыре состава, всех евреев втиснули в товарные вагоны и отправили два эшелона в Атаки, два – в Маркулешть. Один из составов, отойдя на расстояние 50 км от Рэдэуць, был остановлен, и жандармы под угрозой расстрела отобрали у депортированных припрятанные драгоценности и деньги.

В день отправки, 15 октября, еврейская община собрала из синагог города и окрестностей 157 свитков Торы и оставила на хранение у поляка Кучинского, ее доверенного лица. Но оказавшиеся в городе военные части обнаружили и конфисковали свитки, сшили из них обувь, изготовили барабаны, осквернили еврейское кладбище, уничтожили памятники воинам-евреям, погибшим в рядах австрийской армии в годы Первой мировой войны, а также жертвам еврейского погрома в 1940 г. [111]

Таким образом, за какие-то 5–6 дней уезды Южной Буковины были очищены от евреев. Были изгнаны со своих насиженных мест и отправлены в «царство смерти» 21 229 евреев, в том числе, из уезда Кымпулунг – 6118, Сучава – 5942, Рэдэуць – 9169[112].

Одновременно шла депортация из Северной Буковины. После почти трехмесячного пребывания в местном гетто евреев Сторожинец погнали на вокзал. Накануне всех дворников вызвали в полицию и предупредили, что если в каком-нибудь доме будет найден скрывающийся еврей, дворник будет расстрелян вместе с ним. Еврейские кварталы городка были оцеплены полицейскими, всех жителей выгнали из домов. В ожидании подачи состава товарных вагонов дети, старики, женщины с грудными младенцами валялись на привокзальной сырой земле, от стужи и сырости многие заболели, умерли. 13 октября 1941 г. доведенных до полного изможденияевреев погрузили в вагоны и отправили в Маркулешть.

Среди архивных документов сохранился рассказ (автор Нафтали Герц Кон) о спасении группы сторожинецких евреев от рук фашистов местными жителями-молдаванами. Лесной сторож Степан Бурлеку и его две невестки, жившие вблизи вокзала, при содействии агронома Паскарану скрывали некоторое время в лесу учителя музыки Гайзера с женой и двумя дочерьми, мастера мыловаренного завода Готлибаса с малолетней дочкой (жена умерла на вокзальной площади), инженера Бехлера, жену которого расстреляли за попытку бежать с вокзальной площади, учителя Финдера и его двух мальчиков, рабочих кожевенного и мыловаренного заводов Соломона Неймана, Давида Рабинира, Мойсея Рознера, Якова Зингера и Ариэла Курцмана. Переодетые в крестьянскую одежду, они работали в лесу и в поле.

Дворники Геку Лупеску, Николай Перану и Ян Бружа укрыли от явки на вокзал адвоката Бислингира с семьей, директора реального училища Вельта, аптекаря Рибайзина и бухгалтера городского банка Кантаровича. О дальнейшей участи этих евреев Н.Ф. Кон не пишет[113].

После небольшого перерыва, вызванного работой комиссии по отбору «нужных» евреев, возобновилась депортация в г. Черновцы. Напомним, что до начала работы этой комиссии уже было отправлено в трех железнодорожных составах 7053 человека[114].

Возобновившаяся депортация проводилась в таком же духе, как и первая. В своей «Исповеди» Траян Попович писал: «Душераздирающие сцены происходили на платформе, где шла погрузка и откуда отправлялись поезда. Разлучались члены одной семьи, отправлялись дети и оставались родители, или наоборот, разлучались братья и сестры, а то и супруги, стоны наполняли воздух и потрясали даже самые каменные

сердца. Это было расставание навсегда, отправка одних на страдание и смерть, пребывание остальных в рабстве и печали».

В меморандуме от 2 декабря 1941 г., подписанном военным комендантом г. Черновцы генералом К. Ионеску и примарем города Т. Поповичем, из Черновцов по «отбору» были оставлены 16 569 евреев, отправлены в 14 железнодорожных составах с 13 октября до 15 ноября 28 391 человек. За продолжавшиеся 18 дней работы комиссии по перепроверкам лиц, получивших так называемые «ауторизации», было выявлено 395 евреев-коммунистов и «нежелательных» элементов. В своей «Исповеди», опубликованной в «Черной книге», Траян Попович, основываясь на данных переписи населения города, проведенной в декабре 1941 г., писал, что в Черновцах осталось 19 689 евреев. Сам он полагает, что было «несколько больше 20 000», так как многие евреи по понятным причинам увильнули от переписи, от процедуры отбора, не считая «тех, которые любыми путями сумели сбежать из города и губернаторства»[115].

В ноябре началась высылка евреев уезда Дорохой. Этот уезд исторически принадлежал к области Молдова, то есть являлся неотъемлемой частью Старого королевства. Это был единственный из уездов губернаторства Буковина, который никогда не был ни в составе Австро-Венгрии в 1775–1918 гг., ни Советского Союза в 1940–1941 гг. Как исконно румынские, евреи Дорохоя, деды, отцы и братья которых служили в румынской армии и в ее составе участвовали в Войне за независимость 1877–1878 гг., Второй Балканской войне 1913 г. и Первой мировой войне, могли рассчитывать на то, что к ним будет применен статус, установленный для всех евреев Старого королевства. На деле же получилось другое. В такой же ситуации были евреи местечка Бурдужень. Оно также до 1920-х гг. входило в состав области Молдова, то есть Старого королевства, и в результате административных перестроек оказалось в составе уезда Сучава.

25 октября 1941 г. военное руководство Буковинского гарнизона получило от Генштаба румынской армии письмо, в котором сказано было, что «по личному приказу г-на маршала Антонеску евреям по любым мотивам запрещено покидать местность и аннулируются все ранее существовавшие исключения от запрета...»[116]. Поскольку к этому времени изгнание евреев из других уездов губернаторства было в основном завершено (лишь в г. Черновцы оно шло полным ходом), то приведенный приказ касался уезда Дорохой.

5 ноября в Дорохой прибыли представители Ставки Главного командования подполковник Петреску и майор Тарнавски, руководитель Буковинской жандармерии полковник Мыникуцэ и инспектор Национального банка Румынии Марин Флореску с группой сотрудников. Префекту уезда был вручен секретный приказ № 45 от 28 октября 1941 г. за подписью губернатора генерала Калотеску следующего содержания:

«В целях выполнения предписаний, связанных с эвакуацией евреев из Буковины, просим вместе с представителем Главнокомандования подполковником Петреску Г. соизволить срочно выполнить следующие необходимые меры по эвакуации.

Будут эвакуированы в порядке срочности:

– все евреи, поселившиеся на территории уезда из других мест;

– все евреи, не практикующие в стабильном месте по строго определенной профессии, от пребывания которых мы можем отделаться без незамедлительных и страшных последствий для экономической жизни города Дорохой.

В определении евреев, которых следует оставлять, конечно, как можно меньше, принять во внимание, чтобы это были:

– старики с минимальным числом членов семьи и с чувствами более близкими к румынской нации;

– такие, которые по своей культуре и положению не склоняются к коммунистической идеологии и актам против румынского государства»[117].

Жандармскому легиону был дан приказ «оказать содействие» в проведении этой акции, а в случае надобности обещано было при содействии представителя Главнокомандования направить дополнительные силы.

Вручив Дорохойскому префекту полковнику Иону Баркану секретный приказ № 45, посланцы центра устно передали требование об отправке первых двух транспортов 7 и 8 ноября.

Поскольку демонстрация юдофобства расценивалась как проявление румынского патриотизма, секретарь губернаторства Буковина Паску Лупу, примар г. Дорохой Паску и префект Баркан оформили протокол, в котором они «констатируют абсолютную необходимость эвакуировать из Дорохоя» всех евреев, выселенных в июне 1941 г. из городишек Дорабань, Сэвень, Рэдэуць (на Пруте) и Михэень и размещенных по синагогам, богадельням и другим помещениям еврейской общины в уездном центре, поскольку они составляют «излишек населения, ущербный для нормальной жизни города Дорохой»[118].

В тот же день, 5 ноября, к вечеру в префектуру вызвали представителей еврейских общин перечисленных городишек уезда и объявили, что через два дня им вернут оставленную ими при выселении одежду и постельное белье. Это был чистейший обман, никто из пострадавших свои вещи обратно не получил.

7 ноября, рано утром, представитель еврейской общины г. Дорохой был вызван в полицию, и ему был зачитан для передачи всем своим соплеменникам приказ военного командования № 6 о необходимости в течение 24 часов сдать властям все золотые и серебряные предметы, бижутерию, иностранную валюту, ценные бумаги, а в случае невыполнения нарушитель, а также его укрыватели подлежали расстрелу на месте. Подлежали обмену румынские леи, на одного человека разрешено было оставить по 1000 леев[119].

Сохранилось и опубликовано два документа, которые дают довольно полное представление о том, как протекала операция по депортации еврейского населения из Дорохойского уезда: «Реферат о способе проведения эвакуации еврейского населения из уезда и города Дорохой», составленный румынским адвокатом К. Мушатом, привлеченным за внушительную сумму денег Федерации союза общин Румынии в надежде, что он сумеет как-то подействовать на местное начальство в плане недопущения беззаконий по отношению к евреям, и конфиденциальный отчет на эту же тему префекта уезда полковника Баркана.

7 и 8 ноября 1941 г. евреи Доробань, Сэвень, Рэдэуць (на Пруте) и Михэень – 6534 человека, в том числе 841 еврей, бывшие жители сел уезда (Коцушка, Краснолевка, Худешть, Ивэнешть, Миоркань, Миток, Пэлтин Сухару, Звориштя, Вырфул Кымпулуй), из них 529 женщин и 284 детей в возрасте до 14 лет, 31 старик в возрасте свыше 70 лет, без всякого отбора были депортированы[120].

Накануне представители еврейских общин этих городков были предупреждены, что уклонившиеся от высылки будут «расстреляны на месте». «Не разрешено было оставаться, – пишет адвокат К. Мушат, – даже 80–90-летним старикам, больным, маленьким детям, калекам, умалишенным, награжденным на войне, инвалидам войны и вдовам, потерявшим мужей на фронте, офицерам-резервистам, врачам, адвокатам, провизорам, дантистам, и, наконец, ни под каким видом не разрешалось отложить отправку»[121].

Воспользовавшиеся бедствием людей, местные возчики резко взвинтили цены на перевозку багажа, инвалидов, больных и т. д. За какие-то 500–800 метров от дома до вокзала нужно было заплатить 2000–3000 леев. «На вокзале перед погрузкой, – про-

должает К. Мушат, – евреям устроили обыск и отняли все, что еще было при них... Поскольку они еще в июне были эвакуированы из своих городков, большинство из них не имели ничего, кроме рубашки на себе, были босы, в летней рваной одежде, дети и старики мерзли от холода, происходили сцены, при которых люди при встрече плакали»[122].

Префект Баркан сообщал губернатору, что в каждый вагон втолкнули только по 50 человек, так как «бóльшее число не помещалось» и для удобства охраны все двери с одной стороны вагонов были наглухо заперты[123].

В воскресенье 9 ноября началась подготовка к выселению евреев уездного центра, в плане отбора не подлежащих депортации. «Поскольку известие об этом событии вызвало в городе большое брожение и чтобы положить конец суровой критике и подозрениям, – отчитывался префект, – я создал под своим председательством комиссию из примара города, начальника полиции и председателей палат торговли и труда для отбора населения и определения тех, кто исключается из эвакуации, руководствовался при этом нормами, установленными вашим приказом № 45/1941 г.».

Согласно отчету Баркана, поступило 905 прошений с приложенными документами на предмет освобождения от депортации, но получили положительное решение: 16 инвалидов войны, 40 больных, интернированных в больницы, лица, награжденные орденами «Мужество и Верность» («Bărbăţie şi Credinţă») или «Воинское мужество» («Virtutea militară»), но отказано было участникам войны 1916–1918 гг., «так как их семьи, – сказано в отчете, – составляют более 2/3 от общего числа евреев, и в таком случае эвакуация была бы сведена на нет». Префект признает, что имели место «отступления от нормы», заключавшиеся в том, что депортированы были люди, имевшие право оставаться, но, якобы, «они по собственной инициативе отправлялись с семьями или знакомыми, с которыми были связаны, хотя никто их не заставлял». Такие же случаи, якобы, имели место с некоторыми весьма нужными профессионалами, но «они уехали в ущерб общему интересу»[124].

Префект бесстыдно врал, чтобы скрыть грязные махинации его комиссии по отбору евреев, освобождавшихся от депортации. В действительности все напоминало черновицкое дело с выдачами «ауторизации». Адвокат Мушат отмечает в своем реферате: «Деятельность комиссии – полнейший произвол, не принимались во внимании никакие объективные критерии, отказано было отсрочить от прохождения разрушительного пути 90-летним старикам. Парализованные или с протезами (деревянные на обе ноги) не получили никакой отсрочки, зато все с иностранными паспортами остались на месте... С другой стороны, молодые до 50 лет, многие без всякого занятия, совершенно бесполезные, без всяких заслуг получили разрешение оставаться на месте... Ибо на отборочную комиссию оказывали решающее влияние определенные лица в городе, дамы, которые нелегально орудовали суммами от 200 000 до одного миллиона леев, драгоценностями, каракулевыми шубами, бижутерией и т. д. ради получения временного разрешения на отсрочку, которая спустя 24 часа аннулировалась»[125]. Чаще всего «ауторизация» выдавалась не на всю семью, и действительно бывали случаи, когда, не желая разлучаться, отправлялись в «царство смерти» все члены семьи. В «Заметке относительно депортации евреев из уезда Дорохой» от 2 декабря 1941 г. секретная служба отмечала, что «были депортированы... без всякого отбора те из Сэвень, Михэйлень, Доробань и Рэдэуць, а для уроженцев из Дорохой отбор носил видимый характер»[126].

В среду 12 ноября 1941 г. началась отправка первого состава депортированных евреев города Дорохой. Объявление было сделано ночью, явка на вокзал назначена на 8 утра. Колонны опечаленных людей, нагруженных узелками, двигались к железнодорожной станции. В это время чиновники опечатывали квартиры, оставляя на дверях приклеенные записки: «Государственная собственность, за посягательство на нее – рас-

стрел на месте». Практически грабить уже было нечего, все лучшее уже было до этого унесено ворами и чиновниками.

13 ноября с Дорохойского вокзала отошел второй эшелон с изгнанными евреями, включая «руководителей общины и всего духовенства во главе с главным раввином уезда», а на второй день, 14 ноября, была назначена отправка третьего, последнего состава. Люди, которым угрожал в случае неявки расстрел, в назначенный час были на вокзале. Но их вернули обратно домой, сказав, что не поданы вагоны, и отправка откладывается на 24 часа. В действительности, прибыл приказ временной отмены депортации в связи с наступившими холодами[127]. С 8 по 13 ноября 1941 г. из уезда Дорохой были депортированы 9367 евреев, в том числе мужчин – 3480, женщин – 3596 и детей – 2291. В Дорохое осталось 2556 евреев, в том числе мужчин – 1404, женщин – 569 и детей 583[128].

Когда отправлялся второй эшелон, уже дошли слухи о том, что от холода и болезней многие умирали в пути, но хоронить было нечем. Поэтому последующие заранее запасались ломами и лопатами.

Адвокат К. Мушат отмечает, что не отправленным из Дорохоя евреям не возвратили отнятые ценности, мотивируя отказ тем, что они, мол, были «проданы» за рубли. Поскольку эти рубли в Румынии не имели хождения, власти проявили «гуманность» и произвели обратный обмен рублей на леи.

Тревожные вести о депортации родных дошли до тысячи мужчин-евреев из Южной Буковины и уезда Дорохой, отправленных в первые дни войны в трудовые и концентрационные лагеря. В письме, адресованном губернатору Буковины, Генштаб румынской армии просил сообщить, как поступать с этими евреями, указав, что моральное состояние евреев из рабочего отряда 4-го саперного полка в г. Тыргу-Нямц резко упало по причине отправки членов их семейств (родителей, жен, детей и т. д.) в Транснистрию, и «они просят, чтобы их также отправили туда же»[129].

В ноябре 1941 г. из трудовых лагерей стали отправлять евреев из Южной Буковины и уезда Дорохой в места их прежнего проживания. В Дорохойский уезд вернулись 1200 мужчин, в том числе 818 глав семейств. Они работали в разных местах: на строительстве плотины в г. Брэила на Дунае, насыпи моста у м. Липканы на р. Прут, на дорожных работах в составе 7-го батальона в Единцах, в мастерских по изготовлению одежды в Яссах, на разных работах в Звериште, Крайова, Бухаресте, Серпенице[130]. Своих родных они уже не застали, а на дверях своих домов нашли приклеенные записки-предупреждения.

Этих бездомных приютили евреи, которые по счастливым обстоятельствам остались в Дорохое из-за приостановки депортации в связи с наступлением зимы. Но положение этих «счастливчиков» было далеко не завидным. В соответствии с декретом от 21 октября 1941 г., румынские евреи обязаны были сдавать для армии одежду, обувь, постельное белье и др., все то, что у них уже было отнято в порядке подготовки к депортации. Опасаясь депортации «по мотиву саботажа данного закона», они должны были приобретать, например, пару ботинок (на толстой подошве) за 15–20 тысяч леев, сапог – 30 тысяч, но и за такие деньги на рынке их редко можно было найти[131].

А тем временем возвратившиеся из трудовых лагерей евреи Дорохоя стали добиваться возвращения своих родных из Транснистрии. На имя министра внутренних дел Румынии поступило 270 письменных заявлений с просьбой о возвращении их родных в количестве 1104 человек, в том числе детей – 521 (47,1 %), женщин – 288 (26,08 %), мужчин в возрасте от 21 до 50 лет – 88 (7,6 %), старше 50 – 207 (18,5 %). Среди депортированных участников и ветеранов Второй Балканской войны 1913 г. и Первой мировой войны было 50, из них инвалидов войны – 4, награжденных орденами – 23, сирот

и вдов погибших отцов и мужей на войне – 7 и др. В документе отмечается, что никто из депортированных и просителей в политических партиях не состоял, не был осужден, «лояльно и даже сверх своих возможностей участвовал во всех государственных взносах и займах»[132].

Ветеран Первой мировой войны из Дорохоя Айзик Вэтару, награжденный двумя боевыми медалями, писал в своем заявлении, что во время его работы по мобилизации на строительстве плотины в порту г. Брэила его жена Фани, трое детей – две дочери Лиза и Гизела и сынишка Фроим – были депортированы в Транснистрию. Ветеран просил вернуть их домой, в Дорохой. На прошении резолюция: «Пусть следует за женой»[133]. Такие решения принимались в ответ на подобные просьбы, которые поступали не только от евреев Дорохоя, но также из других городов и местечек Буковины и уезда Дорохой. 360 еврейских семей, депортированных из м. Бурдужень, обратились с просьбой о возвращении в родное местечко лично к кондукэтору. Они напомнили, что до 1927 г. их местечко входило в уезд Ботошань, область Молдова, их деды в 1877–1878 гг. участвовали в Войне за независимость Румынии, многие из депортированных в составе румынской армии участвовали в Первой мировой войне. На прошении отметка: «Д. М. (г-н маршал – *И. Л.*): не разрешается»[134].

26 ноября 1941 г. 300 евреев из местечек Сэвень, Доробань, Михэень и Рэдэуць (на Пруте), которые по возвращению из трудовых лагерей не застали своих родных, высланных в Транснистрию, просили возвратить их в родные места. Кто-то из чиновников неразборчивым почерком написал: «Пусть евреи следуют за своими семьями»[135].

Депортация евреев из уезда Дорохой, всегда являвшегося неотъемлемой частью Старого королевства, – лишнее доказательство того, что правители Румынии планировали вслед за решением «еврейского вопроса» в «вызволенных провинциях» приступить и к очищению всей страны от евреев, о чем говорили упомянутые два полковника из Генерального штаба румынской армии в беседе с губернатором Транснистрии Г. Алексяну еще до переезда администрации последнего из Тирасполя в Одессу.

§ 5. Кровавое прощание на Днестре: некоторые итоги «этнической чистки»

Все мытарства евреев, изгнанных из Бессарабии и Буковины, еще были впереди. Депортированных евреев из губернаторства Буковина разгружали на станциях Атаки, Маркулешть, Волчинец и Флорешть. Первоначально особенно много скопилось евреев в пересыльном лагере Маркулешть. Здесь были собраны ждавшие отправку в Транснистрию пригнанные в сентябре 1941 г. узники из лагерей Бельцкого уезда (Реуцел, Рышкань и др.), около 11 000 человек. В Маркулештском лагере к моменту прибытия эшелонов с депортированными евреями из Буковины уже «хозяйничали» знакомые нам по лагерю из Вертюжень полковник Агапие и его заместитель капитан Брадеску, а также представитель Национального банка Румынии Ион Михэеску. Эта троица встречала эшелоны с депортированными из Сторожинецкого и Черновицкого гетто, из Рэдэуць и др. Разгрузка производилась иногда на станции, а иногда не доезжая до нее, прямо в поле, в оцеплении жандармов. Все заранее было организовано таким образом, чтобы сразу же морально и физически людей довести до отчаяния, до готовности во имя спасения жизни отказаться от багажа, а слабонервным покончить жизнь самоубийством. Свидетель Школьник Майер в своих показаниях следственным органам в связи с судом над группой военных преступников Румынии, среди которых оказались Агапие и Михэеску, сообщил: «На вокзале Маркулешть нас принимали полковник Агапие и

Михэску, который стрелял из пистолета и размахивал дубинкой, угрожал убить всех, кто не сдаст имеющиеся ценные предметы и одежду»[136].

На разгрузку отводились считанные минуты, при отсутствии платформ приходилось с порядочной высоты прыгать прямо в болото. Пожилых людей, маленьких детей спускали на руках. Депортированный М. Кац рассказывал после войны следственным органам: «Нас разгружали в спешке, а в это время жандармы стреляли из винтовок, в результате невозможно было взять весь багаж из вагона. С большим трудом я кое-что захватил»[137].

От места разгрузки до лагеря в местечке нужно было с багажом в руках пройти 4 километра. Свидетель Натан Партфел сообщил: «По дороге к лагерю жандармы начали отбирать багаж. Даже легкий». К ним присоединились грабители из соседних сел[138].

Но это было лишь начало пешего похода в «царство смерти». Сали Фишер, депортированная вместе с родителями из Черновицкого гетто, пишет: «Помню, первая остановка была в поселке Маркулешть. Все дома в поселке были пустые, жителей либо убили, либо угнали. На дорогах стояла страшная грязь, в полном смысле слова по колено. А в грязи валялись ценные вещи... Мы тоже выбрасывали вещи по пути, чтобы было легче. Главное – хоть кое-какая еда, которая еще сохранилась из дому»[139].

Штефан Драгомиреску, ювелир, присланный властями для определения качества и стоимости отнятых у евреев предметов из драгоценных металлов, был буквально поражен увиденным. При допросе в качестве свидетеля по делу о беззакониях в Маркулештском лагере он рассказал: «Когда я прибыл в Маркулешть, застал там тысячи депортированных, которые жили в неописуемо тяжелом положении. Повсеместно, в подвалах, кюветах, дворах валялись трупы депортированных» [140].

В пересыльном лагере Маркулешть евреев держали недолго. Но и в эти считанные дни из голодных, измученных людей старались выжать все, заставляя в дождь и слякоть выполнять непосильные для них работы. Герман Маловер, депортированный из г. Черновцы, вспоминает: «В середине октября 1941 г. большую часть жителей гетто выгнали из домов и погрузили в товарные вагоны, так что люди едва могли сидеть, и повезли в неизвестность. Ночи были холодные, а люди полураздетые. Старушки молились, а малыши боялись даже плакать, жались к своим родным и тряслись от холода и страха. Наконец, нас привезли на ст. Флорешть... Под дождем, в грязи и на холоде заставили строить дорогу от железной дороги до местечка. Раздетые, голодные люди начали болеть и умирать. Потом нас погнали пешком, а куда, мы не знали, того, кто уже не мог идти, – расстреливали, а кто падал, били прикладом по спине, чтобы поднимался, а если не смог подняться – стреляли...»[141].

Житель села Олишкань Распопенского района Оргеевского уезда, мимо которого пролегало шоссе, соединяющее ст. Флорешть и г. Резина, где проводилась переправа евреев через Днестр в Транснистрию, П.Г. Тарабуца рассказывал районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов: «В 1941 г., в октябре месяце... около нашего села вечером остановили переночевать конвоируемую из Румынии (речь идет о Буковине – *И. Л.*) колонну еврейского населения численностью примерно около 600–700 человек. Переночевать колонну еврейского населения в село Олишкань не пустили, ночевали на выгоне около села, в поле. Утром на следующий день колонну еврейского населения подняли для следования дальше в сторону г. Резина, но 8 человек подняться не могли из-за переутомления. Тогда румынские солдаты начали их избивать прикладами... Евреи ответили, что «мы подняться не можем, а также и двигаться дальше не можем». В это время к лежащим евреям подъехал начальник, шеф жандармов Печеруш Костикэ и приказал румынским солдатам лежащих евреев оставить на месте, а им следовать за тронувшейся в путь колонной. Когда румынские солдаты ушли... Печеруш Костикэ...

всех 8 человек лежащих на земле евреев пристрелил... Среди 8 человек было 3 женщины и 5 мужчин, все они были средних лет». Такие же показания дал житель с. Олишкань Т.И. Бивол, который по приказу Печеруша вместе с Тарабуцей закопал убитых на юго-западной стороне от села Олишкань, в 100 метрах от шоссейной дороги. В марте 1945 г. могила была найдена и раскопана, в ней обнаружено 8 скелетов[142].

Отправление узников из Маркулештского лагеря к переправам через Днестр тройка Агапие, Буралеску, Михэеску организовала по тому же образцу, что в Вертюжень. «Колонны формировались без учета семейных уз, в результате люди оказались разделенными, мужья от жен и детей, братья от сестер», – читаем в обвинительном заключении по судебному делу этих преступников. Упомянутая Лидия Зингер рассказывала: «Когда формировалась колонна, мою бабушку разлучили с семьей, ей было 78 лет, она умоляла Михэеску разрешить ей отправиться с семьей, но он ударом дубинки сломал ей руку»[143].

Перед отправкой начальство лагеря проводило сбор денег у узников на оплату, якобы, возчикам, сопровождающим колонну. Сами депортированные договариваться и нанимать подводу не имели права. Солдат Петришор подтвердил: «Полковник Агапие и его помощник капитан Бурадеску не разрешали брать больше того, что мог человек унести на спине. Я присутствовал, когда какие-то евреи хотели нанять подводу, чтобы взять с собой еще какие-то вещи и попросили разрешения на это у Бурадеску, но он вместо того, чтобы выслушать их, набросился на них с дубиной. Я не мог наблюдать это бесчеловечное варварство и беззаконие и отошел»[144].

Иоким Бергман рассказал следователям: «Командование лагеря внесло большую сумму денег для предоставления депортированным определенного числа подвод для перевозки багажа, и все же пришлось отправляться пешком и по этой причине нужно было побросать большую часть багажа»[145].

Собранная сумма была весьма внушительна. Лейтенант Бонович Марин заявил, что у евреев было собрано 1,5 миллиона леев, которые осели в карманах начальства лагеря и еще 560 000 были сданы банку, итого, следовательно, 2 060 000 леев[146]. Свидетель Клингхофф Арон подтвердил: «Взяли деньги, а предоставили 3–4 подводы на 2000 человек. Возчики, отъезжая на небольшое расстояние, высаживали затем всех женщин и детей и возвращались»[147]. На очной ставке с полковником Агапие плутоньер Буртя Флоря засвидетельствовал, что «на колонну в 1000–2000 человек никогда не было больше 6–7 подвод, а расчет с возчиками производили сами депортированные по договоренности»[148].

Бывали случаи, когда из антисемитских побуждений тот или иной чиновник, как, например, примар села Вэскэуць Сорокского уезда, отказывался предоставлять подводы для немощных депортированных, более того, он побуждал крестьян скрываться вместе со своими подводами в поле[149].

Из Маркулешть до Косоуць или Резины, где проводилась переправа на левый берег Днестра, в Транснистрию, тысячам депортированным пришлось пройти пешком десятки километров. Рут Гласберг из г. Черновцы, ей было тогда 13 лет, пишет, что на всю жизнь ей запомнился этот переход: «Из Маркулешть нашу колонну отправили дальше. Непрерывно шел дождь... Первые осенние дожди пронизывали и остужали нас до костей, а шли мы днем и ночью, волочились, подгоняемые кнутом, как животные. Того, кто падал, избивали до смерти, а если ему очень повезло, расстреливали. Как-то ночью группа мужчин удалилась, чтобы набрать воды для больных; я услышала отдаленные крики и выстрелы. Мы ждали с затаенным дыханием возвращения ушедших... но до сего дня они уже не возвратились»[150].

Проделавший путь от Маркулешть до Косоуць Алтер Рознер рассказал: «По дороге к Косоуць я видел много мертвых в результате избиений и расстрелов». Солдат Георге

Петришор, конвоировавший колонны евреев, отмечал в своих показаниях: «Поскольку путь до леса Косоуць был длинный, а евреи были голодные и в жутком состоянии, не было колонны без умерших до места назначения»[151]. Не обошлось и без грабежей. Черновчанин Мозес Фрухтер вспоминает: «Из Маркулешть этапом погнали через лес, где по пути нас грабили местные жители»[152].

Особенно жуткий осадок остался у буковинских евреев, оказавшихся перед переправой в Косоуцком лесу. «В Косэуцком лесу мы видели трупы расстрелянных людей»[153]. Зеев (Вольф) Михад из румынского города Рэдэуць вспоминает: «В этом лесу я увидел ужасные картины: открытые могилы многих евреев, скелеты, брошенные навалом... В овраг кинулись собаки, и отвратительный запах распространялся вокруг. Вид холма Косоуцкого леса произвел на меня страшное впечатление, ибо я знал, что сестры и братья мои находятся среди жертв». Сали Гдански из с. Викову де Сус (Южная Буковина), увидев эти не покрытые землей могилы с брошенными навалом трупами мужчин, женщин и детей, попросила командира жандармов разрешить засыпать ямы. «Он, – пишет Сали Гдански, – ответил, что не нужно, поскольку и мы там окажемся»[154].

Герман Пиккер из г. Черновцы был свидетелем в этом лесу такой душераздирающей сцены: «Ребенок сильно тянул за одежду свою мертвую мать и непрерывно кричал «мама», как будто хотел ее разбудить».

Нельзя без волнения читать строки, написанные Хаей Кисельник из тех же Черновцов: «Мы пришли в лес (Косоуць – *И. Л.*). Шел дождь. Все дрожали от холода и двигались с места на место. Слышала щемящий сердце плач детей, плач постепенно утихал и прекратился. Я думала, что они уснули. Сильно обняла дочурку сестры и сынишку моего брата и согрела их своим дыханием. Утром, когда нас погнали дальше, я увидела бесчисленное количество безжизненных маленьких детей, некоторых на руках у матерей, думающих, что они спят. Почти невообразимо, что так может действительно случиться, и все-таки именно так произошло. Еще сейчас я слышу горький плач несчастных матерей. Печальна была и картина детей, которые должны были продолжить идти и покидать в лесу своих истощенных родителей, обреченных на верную смерть. В то время, когда все дрожали от холода, румынские солдаты сидели у костра и пьянствовали. Земля была пропитана влагой, и ногу с большим трудом можно было вырвать из грязи»[155].

Но и в этой тяжкой и полной драматизме ситуации нашлись люди с добрым сердцем, стремившиеся помочь попавшим в беду. Иоким Бергман говорил, что «никогда не забудет плутоньера (к сожалению, имя его не приводится – *И. Л.*), который без вознаграждения, а только из глубокого человеческого чувства, реквизировал подводы в радиусе своего поста, запретив крестьянам требовать плату и лично проявил заботу, чтобы не растерялись остатки багажа депортированных»[156]. Сали Фишер из Черновцов вспоминает: «От Маркулешть мы прошли много километров (под конвоем) через разные села. Местные жители, украинцы, выносили нам еду, жалели нас. Нас становилось все меньше и меньше. Люди умирали на полях, на дорогах, там и оставались их трупы»[157].

Повальные обыски, устроенные евреям в Маркулешть, приводили, естественно, к нарушениям графика переправы их в Транснистрию. По ходатайству Кишиневского жандармского инспектората, Генштаб румынской армии распорядился в первой декаде ноября все эшелоны с депортированными из губернаторства Буковина направлять только на Атаки[158].

Сам поселок Атаки находился примерно в таком же плачевном состоянии, как и Маркулешть. Местные евреи еще в июле-августе 1941 г. были уничтожены или отправлены в концентрационные лагеря, большая часть домов разрушена в ходе военных действий и разграблена местным населением. Непрерывные осенние дожди, непролазная

грязь и пронизывающий холод еще больше усугубили положение пригнанных сюда евреев. Большинство депортированных в ожидании переправы находилось под открытым небом. Прибывшие во втором и третьем эшелонах обнаружили на стенах разрушенных домов имена своих ранее побывавших здесь и погибших единоверцев. Некоторые имена и фамилии были написаны кровью[159].

Порядки в этом пересыльном лагере были такие же, как и в Маркулешть, те же грабежи, обыски, издевательства, разница лишь в том, что в Атаках переправа в 4-х км и не приходилось идти до нее десятки километров.

Бывший председатель еврейской общины г. Сучава Меир Тайх, депортированный из города в третьем эшелоне, пишет в своих воспоминаниях: «Вечером 12 октября мы прибыли на станцию Волчинец, недалеко от Атак. Здесь мы узнали, что те, из первого состава, были почти полностью ограблены солдатами и жандармами и многие были расстреляны, в значительной мере и те, из второго состава, следовательно, мы прибудем в Атаки, как было предусмотрено, через полчаса, ночью и в дождь, потеряем весь багаж и понесем потери. Тогда я обратился к начальнику станции и к одному офицеру-пограничнику и добился, естественно, за деньги, чтобы удержали состав на вокзале Волчинец до утра второго дня. В Атаках мы застали настоящий ад: много тысяч людей из различных составов Бессарабии и Буковины, абсолютно никакой организованности, полное отсутствие питания и крова. Прибывших засунули в разоренные дома, без окон и дверей, часто и без крыш, на волю ветра и дождей. За буханку хлеба платили 2000 леев... В Атаках одни сошли с ума (вдова адвоката, доктора Штейна и др.). Больные, очень много пожилых (Шая Лангер, Голда Бейнер, Шейндлер Крафт, вдова доктора Файнгольда и др.) умерли. Трупы валялись на улицах, в домах, подвалах и т. д.»[160].

Бывало и хуже. Бывший узник Мойше Постельник рассказывает: «Сейчас вспоминаю отдельные эпизоды зверств, которые совершали фашисты и их румынские пособники, они не поддаются человеческому разуму. В Атаках многих загнали в синагогу и подожгли ее». Побывавшая с семьей в этой синагоге Хая Моргенштерн отмечает: «Много людей там сгорело. Мы с мужем и дочкой чудом спаслись»[161].

В Атаках операцией по переправке евреев через Днестр в Транснистрию с 5 по 15 октября 1941 г. руководил подполковник Палладе, а после 15 октября другой представитель Генерального штаба румынской армии – капитан Титус Попеску[162].

В Резине эту операцию было поручено возглавить свирепому антисемиту и злодею лейтенанту жандармерии К. Попою. Он говорил своим подчиненным: евреев следует уничтожать, начиная с младенца в пеленке и кончая немощным стариком, «все они опасны для румынской нации». Перед отправкой евреев на левый берег Днестра он производил «прощальный» обыск. По рассказам его же сослуживцев, Попою отобрал у евреев «впечатляющее количество колец и бижутерии», «собрал большие пакеты белья и одежды» и отправил их к себе в имение. На расстоянии двух километров от города до моста через Днестр Попою верхом на лошади сопровождал колонны, «подгонял их и много раз лошадью налетал на перепуганных евреев»[163].

Переправа через Днестр стала очередным этапом в проведении политики геноцида по отношению к евреям Бессарабии и Буковины, Упомянутая Рут Гласберг, пережившая переправу у Косоуць, вспоминает: «В один из вечеров мы добрались до берега Днестра и тогда еще больше, чем до этого, мы стали убеждаться, что дальше нам дороги нет... Началась подготовка к переправе через реку: нас пересчитали и построили по два человека в длиннющую колонну, хвост которой терялся в ночных сумерках. На берегу Днестра, в глубоком овраге, где намечалась переправа, с правой и левой сторон колонны были установлены две машины с зажженными фарами. Затем был отдан приказ двинуться вперед и под ярким светом фар солдаты открыли огонь из пулеметов. Трудно

себе представить, что дальше произошло: люди падали друг на друга, одни кричали от боли и страха, другие пытались спастись, прыгали в воду, но их взяли на прицел и всех до единого пристрелили. Вспоминаю мать, которая взяла на руки ребенка и прыгнула с ним. Ее тут же задела пуля, а ребенок, которому было 2–3 годика, из-за того, что его рубашка вздулась, как воздушный шар, оставался на поверхности и какое-то время плавал. Я видела, как вода его унесла, в темноте видно было белое пятно и солдаты непрерывно стреляли. Лишь немногие спаслись... Когда убийцам надоело и они устали, живых оставили в покое»[164].

Некоторые, ожидавшие переправы у Косоуць, так и не дождались «Полностью обессиленных, – отмечает Зина Рабинович, – фашистские изверги безжалостно сбрасывали со скалы в Днестр, который стал красным от крови»[165]. Не миновала смерть и многих, кто шагнул на мост. Сали Гдански из Южной Буковины пишет: «Мы перешли реку на узеньком мосту. Многие падали в воду, а других солдаты, по своему желанию, сбрасывали в реку»[166].

В Атаках для переправы в Транснистрию скопились десятки тысяч евреев, среди которых преобладали изгнанные из губернаторства Буковина. Основной мост, соединяющий правый и левый берега Днестра, был загружен в основном военными перевозками и лишь в промежутках служил для отправки евреев. Лиза Маловер из Единец рассказывает: «В местечке Атаки нам предстояло переправиться через большой мост на Днестре в Могилев-Подольский. Был сильный ливень. Немцы кричали: «шнеллер», и тех, кто не успевал быстро перейти мост, сбрасывали в реку. Люди теряли друг друга, стоял душераздирающий крик. Эту картину невозможно описать»[167].

Чтобы ускорить «очищение» от евреев бессарабского берега Днестра, фашистские молодчики пустили в ход наспех сколоченные паромы, баржи, лодки, а то и просто заставляли людей переходить реку вброд, заведомо зная, что они погибнут. Эвелина Лужанская из города Черновцы рассказывает: «Привезли нас на станцию Атаки поездом и выгрузили. Нам повезло, что не погнали дальше в этот вечер. Ночью были слышны крики людей, которых гнали вброд через Днестр. Многие остались в реке навечно»[168].

Побывавшая в Секуренском лагере Мария Зерман оказалась в одной из колонн, направленной для переправы в Атаки. «Перед приходом нашего эшелона в этот город, – пишет она, – были зверски уничтожены (загнаны в реку Днестр) те, кто прибыл накануне в колонне из города Единцы. Мы были уверены, что нас ждет подобная участь. Мне помнится такой эпизод. Мы сидели на берегу Днестра в ожидании «приговора». Покойная мать тихо сказала отцу: «Исаак, посмотри хорошо на детей – это конец». Я услышала эти слова и тут же спросила маму: «Что с нами будут делать?». – «То, что с единецкими евреями»»[169].

Весть об этом злодействе потрясла всех. Белла Кац, также пригнанная из Секуренского лагеря, вспоминает: «Когда ждали переправы, румынские жандармы вместе с немцами загнали в воду старых евреев (около ста человек) и при всех расстреляли. Многие не выдержали этих мук и покончили самоубийством»[170].

Спасения не было и многим из тех, кого переправляли на пароме или лодках. Бывшая узница Секуренского концлагеря Рахиль Цельник пишет: «Помню, как переправляли нас через Днестр в Могилев-Подольский. Сотни людей падали с парома в Днестр, никто их не спасал»[171]. Более того, отмечает Ида Штром из города Черновцы: «Перевезли на барже темной ночью, лил дождь, промокли до костей. Солдаты из конвоя каждый раз бросали людей в холодную воду. Были слышны крики: «Мой сын утонул!» или «Спасайте!»»[172].

Семью Николая Шметера из Черновцов по прибытии в Атаки «перегрузили на лодки и по р. Днестр переправили в г. Могилев-Подольский». «Многие, – отмечает он, –

не дошли до места, т. к. немцы с румынами обстреливали наши лодки на протяжении всего пути следования»[173]. Бывало, как рассказывает переживший этот кошмар Леонид Гаер, и так: «Пьяные конвоиры ради забавы опрокидывали лодки с людьми, среди которых были дети, старики. Падая в ледяную воду, люди взывали о помощи, тонули. А полицаи смеялись»[174].

Были, конечно, среди тех, кто проводил переправу, и люди гуманные, даже среди немцев, особенно пожилых. Бывший узник, житель м. Липкань Л. Зингер рассказывает: «Вспоминаю переход по мосту из Атак в Могилев-Подольский. Мост был оцеплен немцами. По обе стороны моста у перил стояли солдаты. Они-то и выхватывали из колонн стариков, отбирали у родителей детей. Не доходя до моста, к моим родителям обратился пожилой немецкий солдат. «Дайте мне ваших детей, – сказал он, – я их переведу через мост». Мать не хотела, но отец настоял. На другом берегу немец дождался родителей. Мама плакала. Немец сказал: «Не плачь, сестра, – немецкий народ дорого заплатит за глумление над вашим народом». Он дал матери буханку хлеба, плитку шоколада, несколько галет. Этот эпизод на всю жизнь остался во мне ярким воспоминанием»[175]. Для тех, кто, пройдя через муки депортации, выжил и оказался на левом берегу Днестра, начался новый, не более легкий этап борьбы за выживание.

Комиссия, по указанию И. Антонеску созданная для расследования «непорядков» в Кишиневском гетто, подводя итоги депортации евреев, утверждала, что «через установленные пункты перехода (Днестра – *И. Л.*) для эвакуированных были переправлены из Бессарабии 55 867, из Буковины – 45 538, всего 101 405 евреев». И далее: «Что касается евреев из Бессарабии, вытекает, что разница в 25 000 между числом интернированных примерно 75–80 тысяч евреев и число эвакуированных 55 867, – это те, кто умер естественной смертью, сбежал или был расстрелян...»[176]. Особенно много умерло, отмечается в «Отчете», в концентрационном лагере Вертюжень – около 1800, главным образом среди тех 13 000 евреев, которые были переправлены гитлеровцами в августе 1941 г. из Транснистрии в Бессарабию[177].

По поводу приведенных в этом документе цифр следует сделать некоторые уточнения: во-первых, среди 75–80 тысяч интернированных евреев больше было, пожалуй, особенно в Секуренском и Единецком лагерях, евреев из Черновицкой области (Сторожинецкого, Черновицкого, Хотинского уездов); во-вторых, вряд ли среди «сбежавших» было больше 200–300 человек, и, как уже отмечалось, большинство сбежавших были пойманы и в конечном счете оказались за решеткой или отправлены в ту же Транснистрию; в-третьих, цифра 25 тысяч включает потери еврейского населения с момента создания в августе 1941 г. лагерей и до их ликвидации, она не включает и десятки тысяч евреев, уничтоженных фашистскими войсками, жандармами, полицейскими, головорезами айнзацкоманды «Д» и местными бандитами и антисемитами с начала войны и до концентрации евреев в гетто и лагерях; и, наконец, вряд ли можно с такой точностью определить, сколько среди 101 405 депортированных за Днестр было евреев бессарабских и сколько буковинских.

Комиссия фактически оперировала данными, представленными Кишиневским жандармским инспекторатом за подписью его руководителя полковника Мекулеску. Вот как выглядит этот жандармский документ, копия которого имеется в архивном фонде инспектората.

Приведенная ниже таблица составлена на основе сведений, относящихся к середине ноября 1941 г., представленных инспекторату уездными жандармскими легионами (Сорокским, Оргеевским, Аккерманским) губернаторства Бессарабия, которые были задействованы в проведении депортации евреев. Но в этой операции участвовали и жандармы Черновицкого инспектората. Та же 60-я рота под командованием Аугустина

Рошки находилась в подчинении Хотинского жандармского легиона. Напомним, что населенные пункты Секурень и Единцы числились в составе этого уезда. Хотинский легион в таблице полковника Мекулеску вообще отсутствует, между тем жандармы Хотинского уезда не только конвоировали колонны из Секуренского и Единецкого лагерей, но и участвовали в переправе евреев в Атаки и Косоуць. Поэтому полагаю, что данные в таблице Мекулеску далеко не полные.

Сведения о евреях, собранных и эвакуированных частями инспектората на восточную сторону Днестра[178]

№ п/п	Пункт переправы	Легион	Количество отправленных	Примечания
1.	Косоуць	Сороки	34 527	Евреи, эвакуированные из Бессарабии
2.	Резина	Оргеев	19 070	
3.	Пуркарь	Четатя Албэ (Аккерман)	2270	
Всего		55 867		
1.	Атаки	Сороки	45 538	Евреи, эвакуированные из Буковины
Общий итог		101 405		

В соответствии с инструкцией главного претора, переправа евреев через Днестр проводилась «без всяких формальностей». Никакие именные списки депортированных не составлялись, в лагерях, где находились бессарабские и буковинские евреи (Единцы, Секурень, Маркулешть), при формировании колонн жандармские и армейские офицеры не спрашивали, кто откуда прибыл, людей просто считали как скот, отправляемый на бойню. Сами евреи из одной местности старались держаться вместе, но далеко не всегда это удавалось. Можно безошибочно сказать, что в Пуркарь были переправлены только бессарабские евреи южных уездов области, в Резину большая часть из Кишиневского гетто и лагерей Бельцкого уезда, в Атаки – из Буковины и уезда Дорохой, в Косоуць – из Черновицкой области и северной части Молдавской ССР.

Начальство губернаторства Буковина вело также подсчет депортированных евреев, но только своей области, не связывая это с пунктами переправы через Днестр в Транснистрию. В основу, как нам представляется, положены сведения Черновицкого жандармского инспектората о численности евреев, изгнанных и отправленных в приднестровские лагеря Северной Буковины (Черновицкой области) летом 1941 г., а также данные префектур и примарий Южной Буковины и уезда Дорохой о количестве «эвакуированных» осенью 1941 г. Эти данные губернаторства Буковина, на наш взгляд, более верные. Существует несколько документов с указанием численности депортированных евреев из губернаторства Буковина.

В письме от 12 марта 1942 г., направленном в адрес Совета министров Румынии, губернатор К. Калотеску писал, что «осенью 1941 г. на основе распоряжения свыше из Буковины под контролем органов Главнокомандования эвакуированы приблизительно 75 000 евреев»[179]. Но это было «осенью». Если исходить из румынских данных о депортации по городам и уездам губернаторства Буковина, эта цифра в 75 000 депортированных складывается так: город Черновцы – 28 391, уезды Сучава – 5942, Кымпулунг – 6118, Рэдэуць – 9119, Дорохой – 9367, остальные – из городов, местечек и сел Черновицкой области, избежавших депортации летом 1941 г. Но еще до осени, в июле – начале августа 1941 г. проводились депортации из сел, местечек и некоторых городов Черновицкой области в сторону переправ на Днестре.

9 апреля 1942 г. генерал К. Калотеску в одном из отчетов, приведенном исследователем Р. Ионидом с ссылкой на архив, уточнил цифру депортированных из губернаторства Буковина, на сей раз за все время – 91 845[180]. 7 сентября 1942 г. К. Калотеску в очередном сообщении в адрес правителей Румынии, приводя цифру 90 334 депортированных евреев из возглавляемого им губернаторства, расшифровал, из чего она складывается: 57 849 из сельской местности в июле-августе 1941 г., 28 341 из Черновцов в октябре 1941 г. и, наконец, 4094 депортированных летом 1942 г. из Черновцов[181]. 2 ноября 1942 г. К. Калотеску в письме Генштабу румынской армии сообщил, что из губернаторства Буковина «эвакуировано в Транснистрию около 90 000 евреев»[182]. Эта последняя цифра – 90 334 – приводится в сообщении К. Калотеску от 18 декабря 1942 г.[183]

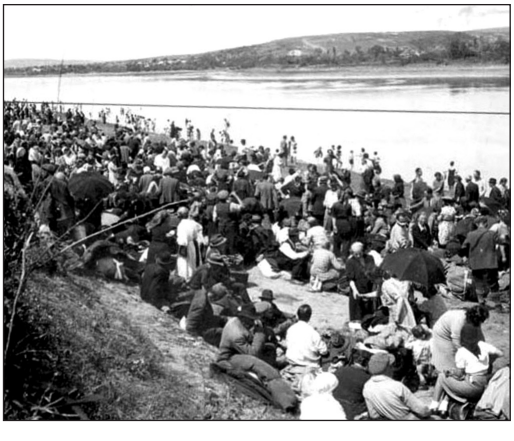
В акции диктатуры И. Антонеску по «этнической чистке» власти губернаторств Бессарабия и Буковина выполняли функции выселения и отправления евреев. Принимающей стороной были власти губернаторства Транснистрия, в частности, жандармский инспекторат области, возглавляемый полковником Е. Броштяну. Ведомство последнего вело общий учет переправляемых через Днестр евреев, не разделяя их на бессарабских и буковинских. В ту пору никого в Транснистрии это не интересовало, и никто этим не занимался.

26 ноября 1941 г. полковник Е. Броштяну докладывал о принятии им 110 002 евреев, в том числе через пункты приема (указаны названия населенных пунктов на левобережье Днестра): Могилев-Подольский – 45 545, Ямполь – 30 801, Рыбница – 27 113, Тирасполь – 163, Яски – 2200[184].

В «Информационном бюллетене» Инспектората жандармерии Транснистрии за период 15 декабря 1941 г. – 15 января 1942 г. (раздел «Еврейская проблема») приводятся более уточненные данные. «До настоящего времени, – сказано в этом документе, – были переправлены через Днестр для размещения на Буге 118 838 евреев, а именно через следующие пункты: Ямполь – 35 267; Могилев – 55 913; Тирасполь – 872; Рыбница – 24 570; Яски – 2216»[185].

9 сентября 1942 г. Инспекторат жандармерии Транснистрии представил очередной статистический отчет о количестве депортированного еврейского населения в области. В нем отмечается, что переправлены были из Бессарабии и Буковины через Ямполь – 35 276, Могилев – 55 913, Рыбницу – 24 570, Овидиополь – 2216, всего 119 065 человек[186].

По заданию И. Антонеску Центральный институт статистики Румынии произвел анализ движения еврейского населения страны через призму итогов переписей населе-

Евреи Бессарабии и Буковины у Днестра в ожидании переправы в Транснистрию

Евреи, депортированные из Бессарабии в Транснистрию

ния от 6 апреля 1941 г. и 20 мая 1942 г. В представленном докладе есть специальный раздел: «Положение еврейского населения в губернаторствах Буковина и Бессарабия». Отмечается, что, согласно переписи населения и имущества, проведенной в августе и сентябре 1941 г., в указанных провинциях зарегистрировано 60 708 евреев, из них 54 367 в Северной Буковине и 6341 – в Бессарабии. На 9 сентября 1942 г. осталось, по данным Института, в губернаторстве Буковина – 19 089 человек, в Бессарабии – 971. В докладной записке делается вывод, что за год еврейское население в двух губернаторствах в результате депортации уменьшилось на 70 335 человек, из них в Буковине – на 64 965, в Бессарабии – на 5370, не считая, как сказано в этом документе, 40 742 евреев, депортированных из Кишиневского гетто и лагерей Секурень, Единцы, Маркулешть и Вертюжень. Всего, подводя итог, «112 077 евреев были депортированы из нынешних губернаторств Буковина и Бессарабия»[187].

В приведенном документе вызывает сомнение верность цифры 40 742. Откуда она взята, коль в лагерях переписчики не работали? Между тем, имеется сводка Службы главного претора генерала И. Топора, направленная 4 сентября 1941 г. Генштабу румынской армии, в которой подсчитано, что в лагерях Единец, Секурень, Вертюжень, Рышкань, Реуцел и Кишиневском гетто находятся 64 428 евреев[188]. Не включено и в эту сводку число узников лагерей уездов Бессарабии, собранных в октябре 1941 г. в лагере м. Тарутино (2270). В конечном счете, в лагерях и гетто не оказался 6341 еврей, которые в дни переписи населения находились на «свободе», а также многие другие, собранные властями в результате «зачисток». Пожалуй, более верной цифрой о количестве узников бессарабских лагерей и гетто следует считать цифру 75–80 тысяч, которая указана в «Отчете» правительственной комиссии о расследовании положения в Кишиневском гетто, созданном по приказу И. Антонеску.

Что касается общего числа депортированных евреев из губернаторств Бессарабия и Буковина, включая тех, кто предварительно не побывал в гетто и лагерях (Южная Буковина и уезд Дорохой), а также депортированных в 1942 г., то, на наш взгляд, более верными являются сведения, содержащиеся в документе 1943 г. Военно-гражданского кабинета по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии, приведенном в монографии Р. Иоанида. В нем названа цифра 146 423 депортированных в Транснистрию евреев, в том числе 50 089 из Бессарабии и 90 334 из Буковины[189], остальные из Старого королевства, Баната и Южной Трансильвании.

Называются и другие числа депортированных в Транснистрию евреев, включая и евреев самой Румынии. На процессе главных военных преступников Румынии в мае 1946 г. мелькали цифры 150 000–170 000. «Всего депортированных с территории страны – 315 641 румынский гражданин (очевидно, включая цыган – *И. Л.*), из которых уничтожено 270 641»[190]. В статье официозного издания германского посольства в Бухаресте «Бухарестер Тагеблатт» от 8 августа 1942 г., специально посвященной еврейской проблеме в Румынии, говорится о 185 000 евреев, депортированных в Транснистрию.

В документах румынских властей периода войны данные о количестве уничтоженных евреев Бессарабии и Буковины с начала войны и до окончания их депортации в Транснистрию не приводятся. Да и непосредственные исполнители «этнической чистки», сопровождавшие убийства присвоением ценностей своих жертв, подлежащих по приказу кондукэтора передаче в казну, не особенно афишировали число уничтоженных ими евреев. Имеются лишь, как отмечалось выше, кое-какие донесения о расстрелах евреев отдельными группами жандармов и полицейских, а также секретные сводки айнзацгруппы «Д» об уничтожении лично ими евреев и коммунистов. Но айнзацкоманды шли за немецкими войсками и на территории Бессарабии и Буковины находились сравнительно недолго.

Основная «тяжесть» проведения в жизнь политики геноцида по отношению к евреям легла на румынских союзников Гитлера. Румынские власти старались скрыть от истории свои злодеяния. Достаточно вспомнить дискуссию о том, куда упрятать акт, подписанный жандармским капитаном Вету и гитлеровцем Фрелихом о расстреле 451 еврея в лагере Тэтэрешть. Когда для устрашения населения и разжигания антисемитизма изредка вывешивались «Объявления» (например, в Бельцах) о расстреле евреев-заложников, придумывались обвинения в их адрес и приводились заниженные цифры о количестве убитых.

Волны геноцида накатывали поэтапно. Сначала его проводили немецкие и румынские воинские части в ходе военных операций. Буквально по пятам шли за ними румынские жандармы, полицейские и гитлеровские айнзацкоманды. Наибольшее число убитых евреев выпадает, на наш взгляд, на июль и первую декаду августа 1941 г.

В период пребывания в лагерях и гетто (август-октябрь 1941 г.) гибель евреев происходила главным образом из-за голода, истощения, жутких санитарных условий, которые при отсутствии медикаментов и медицинской помощи приводили к массовым инфекционным заболеваниям и росту смертности, особенно среди пожилых и детей.

Переход к тотальной депортации евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию, в ходе которой претворялся в жизнь секретный приказ под кодовым названием «Алексяну», вызвал новый всплеск геноцида и гибель тысяч евреев. Этот этап, начатый в двадцатых числах сентября, завершился в двадцатых числах ноября 1941 г., когда последние евреи с бессарабского берега Днестра были переправлены в «царство смерти».

В силу вышеназванных причин установить с математической точностью число уничтоженных евреев Бессарабии и Буковины с начала войны и до окончания депортации в двадцатых числах ноября 1941 г. практически нельзя. Исследователи истории Холокоста пытались определить численность погибших в самых общих чертах. Раду Иоанид утверждает, что в Бессарабии и Буковине «в первые месяцы войны были убиты 65 000 евреев»[191]. Ж. Анчел называет цифру «около 100 000» (Ance1 J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 159). Раул Хильберг в своей капитальной монографии «Уничтожение европейских евреев» представил таблицу об изменении численности еврейского населения Бессарабии и Буковины в годы Холокоста. В ней, в частности, приводятся такие цифры: в июле 1941 г. убиты более 10 000 евреев, в августе умерло в лагерях около 7000, «не вернулись из Транснистрии около 10 000», в сентябре-октябре 1941 г. во время депортации уничтожено около 18 000[192].

Исследователи на местах также делали попытки определить число уничтоженных евреев по отдельным областям. Базируясь в основном на материалах советских чрезвычайных комиссий по расследованию злодеяний фашистов в годы войны, они вывели данные о численности погибших евреев. В «Вестнике» отмечается, что в Черновицкой области (Северной Буковине) было уничтожено 15 309 евреев, в том числе 11 347 в июле 1941 г. Приводятся цифры по г. Черновцы и всем 14 районам области[193]. В южных уездах Бессарабии (бывшая Измаильская область Украинской ССР) погибло за летне-осенние месяцы 1941 г. 6833 еврея[194]. В итоговом документе Республиканской комиссии по учету ущерба и расследованию злодеяний немецко-румынских фашистов в Молдавской ССР сказано, что «всего истреблено... ни в чем не повинных мужчин, женщин, стариков и детей 63 849 человек»[195]. В эту цифру включено 2603 погибших на территории республики военнопленных, уничтоженных граждан других национальностей и убитых в шести левобережных районах Молдавской ССР, включенных румынской администрацией в состав губернаторства Транснистрия.

По нашим подсчетам, в шести правобережных (бессарабских) уездах Молдавской ССР было уничтожено 57–58 тысяч евреев. Если суммировать данные, выведенные на

основе материалов комиссий по расследованию злодеяний фашистов и их сообщников на территории Бессарабии и Буковины, получается около 75–77 тысяч уничтоженных евреев с начала войны до конца ноября 1941 г. Эти данные собирались по населенным пунктам (к сожалению, не по всем) при участии местного населения – живых свидетелей фашистских злодеяний, в актах комиссий часто называются имена и фамилии убитых евреев. Полагаю, что эти данные, как уже отмечалось, заслуживают самого пристального внимания. Конечно, районные и городские чрезвычайные комиссии Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украинской ССР не могли и не в состоянии были учесть число убитых за пределами этих территорий евреев, которые пытались эвакуироваться в восточные районы СССР, но в пути были настигнуты гитлеровскими войсками и эсэсовцами и уничтожены. В вышеприведенные цифры, выведенные на основе данных районных, городских, областных и республиканских комиссий, не включены, естественно, 13 000–14 000 убитых евреев, в основном бессарабских, из числа 27 500, перехваченных войсками вермахта в междуречье Днестра и Южного Буга, а также несколько тысяч евреев Черновицкой области и северных районов Молдавской ССР, расстрелянных в августе 1941 г. в Каменец-Подольской области вместе с тысячами венгерских евреев.

Если большинство депортированных в Транснистрию осенью 1941 г. составили евреи из Буковины и уезда Дорохой, то большинством уничтоженных с начала войны и до конца ноября 1941 г. были евреи-бессарабцы. Главный раввин Румынии Александр Шафран по этому поводу верно отметил: «Когда после нападения Германии на Советский Союз румынские войска в июле 1941 года вступили в Бессарабию, они с невероятной свирепостью истребляли еврейское население. Румыны обращались с евреями Бессарабии даже более жестоко, чем с еврейским населением Буковины. Неприязнь, враждебность и предубежденность румын по отношению к евреям Бессарабии проявлялись еще в годы, наступившие непосредственно после Первой мировой войны, и подогревались правительством, прессой и общественным мнением, считавших бессарабских евреев, в особенности интеллигенцию и студентов, коммунистами и сторонниками русских. Поэтому теперь не требовалось особых усилий для пробуждения ненависти румын к евреям»[196].

§ 6. Тотальный грабеж еврейского имущества в Бессарабии, Буковине и уезде Дорохой

Предпринятая правительством И. Антонеску «этническая чистка» преследовала не только полное очищение Бессарабии, Буковины и уезда Дорохой от евреев, но также лишение их в пользу румынского государства всего недвижимого и движимого имущества. Ограбление, как показано было в предыдущих главах, началось еще в ходе военных действий на территории Северной Буковины и Бессарабии и продолжалось все последующие месяцы вплоть до депортации евреев в Транснистрию.

В самой Румынии в ходе «румынизации», проводимой военно-фашистской диктатурой, недвижимая еврейская собственность, как частная, так и еврейских организаций, была частично отобрана. В губернаторствах Бессарабия и Буковина ограбление евреев, подвергнутых насильственной депортации, носило тотальный характер, у них была отнята не только недвижимость, но почти и все другие виды собственности.

В Бессарабии и Северной Буковине экспроприация еврейской недвижимости под видом румынизации имела еще одну особенность: ей предшествовала советская национализация, проведенная в 1940–1941 г. В августе 1940 г. указами Президиума Верхов-

ного Совета СССР были объявлены государственной собственностью все банки, кредитные учреждения, ссудные и сберегательные кассы, промышленные предприятия с количеством рабочих более 20 или с количеством рабочих не менее 10, но при наличии двигателя мощностью не менее 10 лошадиных сил, все типографии, спирто-водочные заводы и электростанции, торговые предприятия с годовым товарооборотом свыше 600 тыс. леев, промышленные вино-погреба, железнодорожный, водный и другие виды транспорта, средства связи, крупные домовладения, все земли с недрами, леса и т. д. Полностью лишились своей земельной собственности помещики, частично были отняты земли у зажиточных крестьян. Советская национализация коснулась собственников всех национальностей, не только евреев.

Застигнутые в Бессарабии и Северной Буковине к приходу Красной армии тысячи собственников промышленных и торговых предприятий, среди которых преобладали евреи, а также крупные землевладельцы, не говоря уже об активистах бывших румынских буржуазных партий, к которым причислены были и сионистские организации, без суда и следствия депортировались в отдаленные северные районы СССР, откуда уже немногие возвратились после смерти И. Сталина.

Частный капиталистический сектор оставался в виде мелких частных предприятий и мастерских, мелких лавок и торговых лотков, но из-за высоких налогов и других мер экономических ограничений они стали постепенно закрываться, ремесленники объединились в артели разного профиля.

На подрыв капиталистической собственности была направлена и проведенная советской властью денежная реформа. Эквивалент обмена румынских леев на советский рубль был установлен: 1 рубль = 40 леям. 1000 леев, например, превращались в 25 рублей. После замены леев рублями и введения советских государственных цен на все виды товаров, выявился грабительский характер реформы. За 40 леев можно было купить 4 буханки хлеба, за один рубль – только одну. И так по всем другим товарам, особенно промышленным. Советская пропагандистская машина выдавала этот «обмен» денег за меру, направленную против эксплуататорских классов. В действительности этот «обмен» ударил и по местным жителям с малыми доходами.

Еще в начале Второй мировой войны, когда все чаще распространялись слухи, в том числе средствами массовой информации, о притязаниях СССР на Бессарабию, богатые люди с целью обезопасить свои капиталы скупали ценности, переводили деньги в зарубежные банки, кое-кто уже покинул Бессарабию. Евреи, конечно, делали это не с намерением остаться в Румынии, где быстрыми темпами набирал силы фашизм, а для перебазирования в Палестину, Америку и т. д.

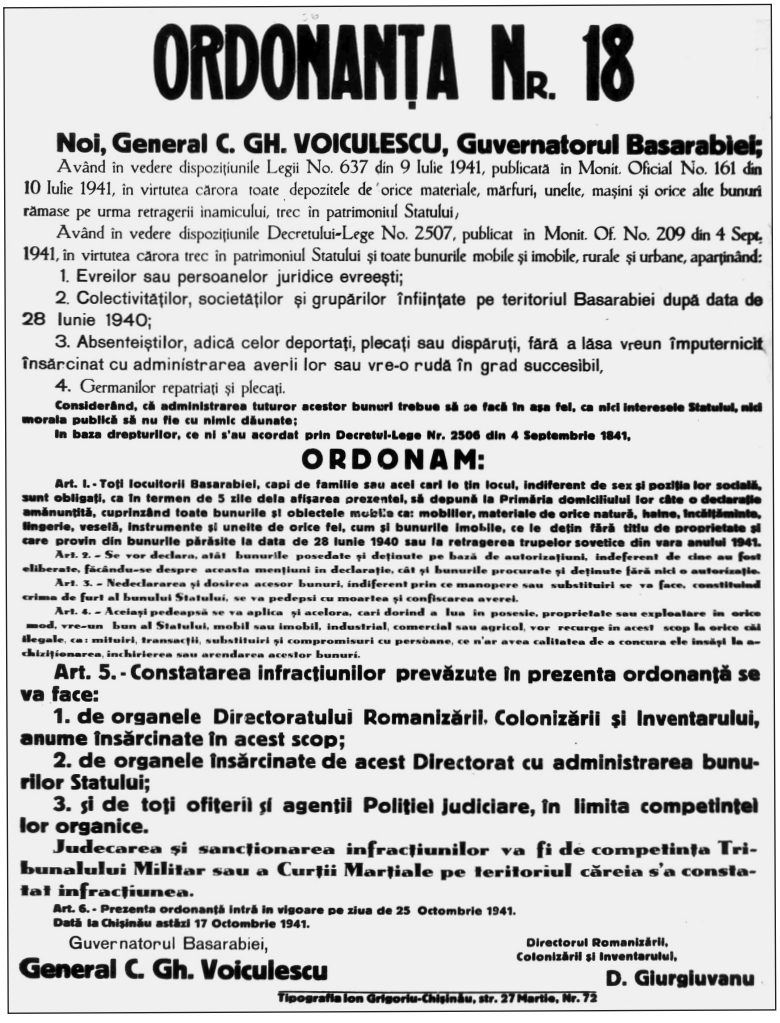
Состоятельные люди, в том числе и евреи, которые оставались при советах в Бессарабии и Северной Буковине, не торопились при объявлении обмена денег расставаться со своими леями, хотя бы из соображений личной безопасности, чтобы не обнаружить себя и раньше времени не оказаться в списках эксплуататорских классов. Отсюда у некоторых евреев, особенно Черновицкой области, при возвращении летом 1941 г. румынской администрации оказались леи, кое у кого в немалом количестве.

Какое-то количество леев евреи приобрели в результате насильственного обмена советских рублей на леи, проведенного румынскими властями в 1941 г. Правительство И. Антонеску, уверенное в быстром победоносном окончании войны, решило накапливать советские рубли, рассчитывая, по-видимому, представить их побежденной России для «выкупа» в золото. В черновицкой газете «Буковина» от 14 июля 1941 г. появился приказ, обязывающий всех местных жителей до 28 июля 1941 г. обменять свои рубли на леи с расчетом один рубль = одному лею. Был установлен лимит обмена: до 10 000 леев. После указанной даты обмен прекращался, а хранителям рублей

следовало сдать их властям, в противном случае им угрожало тюремное заключение от 6 месяцев до 2 лет с конфискацией всего наличия советских денег. Было объявлено, что обменные пункты открываются в следующих населенных пунктах: Черновцы, Сторожинец, Вэскэуць, Вижница, Селетин, Заставна, Хотин, Бричень, Клишкуць, Новоселица. Они также были открыты во всех уездных центрах Бессарабии. Народ, однако, не торопился отдавать рубли по установленному курсу. Пришлось продлить сроки и платить за 1 рубль 5 леев. Через обменные пункты сдали свои рубли только 9198 евреев, оставив 14 646 710 рублей.

Первоначальному предназначению накопленных румынскими властями рублей не суждено было осуществиться. «Молниеносной войны», как известно, не получилось, и рубли, как показано будет дальше, были пущены на очередные денежные махинации.

Летом 1941 г., после занятия Бессарабии и Северной Буковины, правители Румынии столкнулись с проблемой собственности, национализированной большевиками. Оказавшаяся в Румынии в качестве беженцев бессарабская и буковинская политическая элита и другие владельцы земли, домов и прочей недвижимости настойчиво добивались от румынского правительства возвращения им прежней собственности. После некоторой затяжки декретом-законом № 2507 от 3 сентября 1941 г. была восстановлена частная собственность на все национализированное Советами недвижимое имущество, кроме ранее принадлежавшего евреям. Собственность «необъявившихся» хозяев, то есть депортированных советскими органами или отсутствующих по другим причинам, переходила прямым наследникам, но опять-таки не наследникам-евреям. Вся недвижимая собственность евреев, принадлежавшая им до 28 июня 1940 г., как национализированная советскими властями, так и ненационализированная, была объявлена собственностью румынского государства и передана ведомству «румынизации, колонизации и имуществ». Согласно официальным румынским данным, этому ведомству в губернаторстве Бессарабия было передано 823 промышленных предприятия с числом рабочих свыше 10 человек на каждом или двигателем свыше 5 л. с., около 400 тыс. га земли, десятки тысяч домов, голов скота и т. д.[197] Из перечисленного евреям принадлежало 626 промышленных предприятий, 37 765 зданий, в том числе 25 847 жилых, 29 408 га пахотной земли, пастбищ, садов, виноградников, приусадебных участков в селах и местечках и т. д.[198] По губернаторству Буковина фонд румынизации и колонизации включал около 52 тыс. га пахотных земель и 56,1 тыс. га других земельных угодий (леса, пастбищ и т. д.), 11,1 тыс. городских домов и 11,8 тыс. хозяйств в сельской местности, 34 деревообрабатывающих предприятия, 225 пищевых, 35 текстильных, 11 металлообрабатывающих, 135 других фабрик и мастерских, 2260 торговых предприятий. Евреям принадлежало 492 промышленных предприятия и мастерских, 22 155 жилых и других зданий, 24 тыс. га леса и др.[199] Бывшим немецким колонистам, репатриированным в Германию осенью 1940 г., в соответствии с советско-германским соглашением от 5 сентября 1940 г., румынское правительство, чтобы избежать возвращения на прежние места «репатриированных» немцев, согласилось выплатить компенсацию за утраченную землю (более 300 тыс. га) и другое имущество 35 млрд леев, которые, как указывалось в румыно-германском соглашении, «взыщутся с России»[200]. А пока приходилось «взыскивать» средства на растущие расходы по ведению войны. На одном из заседаний правительства Румынии министр финансов жаловался, что на покрытие текущих нужд государства нужны 200 млрд леев, и предложил в целях «бюджетного балансирования» пустить в продажу «румынизированную» собственность, пока, по его словам, она еще «не утратила ценности и не была полностью разграблена». Михай Антонеску поддержал эту идею, сказав, что пора Бессарабии и Буковине «начинать содержать наши усилия в войне»[201].

ORDONANȚA Nr. 18

Noi, General C. GH. VOICULESCU, Guvernatorul Basarabiei;

Având în vedere dispoziţiunile Legii No. 637 din 9 Iulie 1941, publicată în Monit. Oficial No. 161 din 10 Iulie 1941, în virtutea cărora toate depozitele de orice materiale, mărfuri, unelte, maşini şi orice alte bunuri rămase pe urma retragerii inamicului, trec în patrimoniul Statului,

Având în vedere dispoziţiunile Decretului-Lege No. 2507, publicat în Monit. Of. No. 209 din 4 Sept. 1941, în virtutea cărora trec în patrimoniul Statului şi toate bunurile mobile şi imobile, rurale şi urbane, aparţinând:

1. Evreilor sau persoanelor juridice evreeşti;
2. Colectivităţilor, societăţilor şi grupărilor înfiinţate pe teritoriul Basarabiei după data de 28 Iunie 1940;
3. Absenteiştilor, adică celor deportaţi, plecaţi sau dispăruţi, fără a lăsa vreun împuternicit însărcinat cu administrarea averii lor sau vre-o rudă în grad succesibil,
4. Germanilor repatriaţi şi plecaţi.

Considerând, că administrarea tuturor acestor bunuri trebue să se facă în aşa fel, ca nici interesele Statului, nici morala publică să nu fie cu nimic dăunate;

În baza drepturilor, ce ni s'au acordat prin Decretul-Lege Nr. 2506 din 4 Septembrie 1941,

ORDONAM:

Art. 1. - Toţi locuitorii Basarabiei, capi de familie sau acei cari le ţin locul, indiferent de sex şi poziţia lor socială, sunt obligaţi, ca în termen de 5 zile dela afişarea prezentei, să depună la Primăria domiciliului lor câte o declaraţie amănuntită, cuprinzând toate bunurile şi obiectele mobile ca: mobilier, materiale de orice natură, haine, încălţăminte, lingerie, veselă, instrumente şi unelte de orice fel, cum şi bunurile imobile, ce le deţin fără titlu de proprietate şi care provin din bunurile părăsite la data de 28 Iunie 1940 sau la retragerea trupelor sovetice din vara anului 1941.

Art. 2. - Se vor declara, atât bunurile posedate şi deţinute pe bază de autorizaţiuni, indeferent de când au fost eliberate, făcându-se despre aceasta menţiuni în declaraţie, cât şi bunurile procurate şi deţinute fără nici o autorizaţie.

Art. 3. - Nedeclararea şi dosirea acestor bunuri, indiferent prin ce manopere sau substituiri se va face, constituind crima de furt al bunului Statului, se va pedepsi cu moartea şi confiscarea averei.

Art. 4. - Aceiaşi pedeapsă se va aplica şi acelora, cari dorind a lua în posesie, proprietate sau exploatare în orice mod, vre-un bun al Statului, mobil sau imobil, industrial, comercial sau agricol, vor recurge în acest scop la orice căi ilegale, ca: mituiri, transacţii, substituiri şi compromisuri cu persoane, ce n'ar avea calitatea de a concura ele însăşi la achiziţionarea, închirierea sau arendarea acestor bunuri.

Art. 5. - Constatarea infracţiunilor prevăzute în prezenta ordonanţă se va face:

1. de organele Directoratului Romanizării, Colonizării şi Inventarului, anume însărcinate în acest scop;

2. de organele însărcinate de acest Directorat cu administrarea bunurilor Statului;

3. şi de toţi ofiţerii şi agenţii Poliţiei Judiciare, în limita competinţei lor organice.

Judecarea şi sancţionarea infracţiunilor va fi de competinţa Tribunalului Militar sau a Curţii Marţiale pe teritoriul căreia s'a constatat infracţiunea.

Art. 6. - Prezenta ordonanţă intră în vigoare pe ziua de 25 Octombrie 1941.

Dată la Chişinău astăzi 17 Octombrie 1941.

Guvernatorul Basarabiei,
General C. Gh. Voiculescu

Directorul Romanizării, Colonizării şi Inventarului,
D. Giurgiuvanu

Tipografia Ion Grigoriu-Chişinău, str. 27 Martie, Nr. 72

Постановление губернатора Бессарабии
о переходе в собственность румынского государства всей еврейской собственности

В верхах обсуждали проблему, а на местах распродажа и передача в аренду «румынизированного» имущества уже шли полным ходом. Часть промышленных предприятий, ранее принадлежавших евреям, правители Румынии пустили в продажу. Так, Кишиневская трикотажная фабрика стала собственностью румынского предпринимателя Богдана Илие, фабрика по переработке льна – собственностью Лекуляну и Флореску. Большую часть промышленных предприятий ведомство румынизации сдавало в «аренду»[202]. «Румынизированный» маслобойный завод в Атаках, ранее принадлежавший еврею, был арендован неким Винтилэ Кандиани, сменившим «во имя интересов родины» специальность адвоката на более доходное занятие арендатора-промышленника[203]. Руководитель ведомства румынизации в Бессарабии Александру Джурджувяну передал в «аренду» своему родному брату самый крупный маслобойный завод Бессарабии «Пальмира»[204]. К середине 1943 г. в губернаторстве Бессарабия в частной «аренде» находились 125 предприятий, 109 – эксплуатировались местными административными органами, а часть – «смешанными управлениями» («regii mixte»), то есть органами губернаторства с привлечением капитала румынских, а кое-где и немецких фирм. Наи-

более крупные маслобойные заводы Бессарабии были подчинены румынскому картелю «Управление фабрик растительных масел» («Ofaul»).

То же самое творилось в губернаторстве Буковина. Бывшее крупное чулочно-трикотажное предприятие «Геркулес» в Черновцах «арендовали» прибывшие из Румынии предприниматели Никулеску и Пасу. В одном информационном рапорте командующий пограничным корпусом дивизионный генерал Негулеску и начальник штаба полковник Теодореску писали: «В Бессарабии и особенно в Буковине государственные служащие содержат на имя своих жен различные предприятия, магазины, фабрики и т. д., извлекая баснословные прибыли...». Так, один из руководителей ведомства румынизации и колонизации в губернаторстве Буковина, он же и крупный землевладелец Шт. Ромашкану передал в «аренду» своей жене Ирине 350 га «румынизированных» пахотных земель, 2 озера и 3 мельницы, родному дяде Якубовичу – 745 га земли, брату Октавиану Ромашкану – 175 га земли[205]. Здесь же, в Буковине, взял в аренду 500 га пахотной земли и 100 га леса К. Филипеску, бывший генеральный директор Министерства сельского хозяйства Румынии, директор издательства «Большая сельскохозяйственная энциклопедия» и журнала «Аграрные и социальные страницы» («Pagini agrare şi sociale»), автор изданной в 1943 г. книги «Община, село и новая аграрная форма правления» («Obştea, Satul şi noul regim agrar»), в которой он превозносил новую аграрную политику правительства И. Антонеску. На имя своих сыновей Раула и Виничиуса отец Филипеску оформил «аренду» сроком на 3 года 800 га пахотной земли, 28 га виноградников и других земельных угодий (всего 1250 га) в селе Мерень Кишиневского уезда. Из переписи по поводу этих аренд явствует, что семейка Филипеску нажила миллионы, а сам Филипеску-старший «был убежден, что сыновья будут обрабатывать эту землю всю жизнь»[206]. Конечно, эти земли новоиспеченных «земледельцев» обрабатывались местными безземельными и малоземельными крестьянами на условиях субаренды, издольщины и т. д.

Сливки «румынизации» снимали, конечно, верхи румынского общества, не в обиде оставались также чиновники ведомств румынизации, которые за большие взятки обеспечивали «покупателям» и «арендаторам» выгодные условия приобретения и аренды национализированного имущества. Все эти сделки прикрывались необходимостью создания благоприятных условий для «румынизации» экономики. Перепадало, безусловно, и государственной казне. В 1941/1942 финансовом году (в Румынии он начинался с 1 апреля) румынизированное имущество принесло казне чистой прибыли по губернаторству Бессарабия более 1 млрд леев, губернаторству Буковина – 500 млн леев[207].

Значительная часть еврейской недвижимости в Бессарабии и Северной Буковине, особенно жилые помещения, подверглась разорению и уничтожению в первые же дни войны в результате целенаправленных артиллерийских и авиационных налетов на районы компактного проживания евреев в городах и местечках с преимущественно еврейским населением (Липкань, Маркулешть, Згурица, Вад-Рашков и др.). Когда фашистские войска, жандармы и полицейские стали убивать, насильно выгонять евреев с насиженных мест и сгонять в гетто и лагеря, их дома подверглись разорению местным нееврейским населением. Срывались и уносились двери и окна, настилы деревянных полов, заборы, жесть и черепица с крыш, сносились чердаки, а кое-где даже стали разбирать стены для использования кирпича и котельца в качестве строительного материала.

В «Переписи населения и имущества Бессарабии» (без Хотинского уезда), проведенной в августе 1941 г. Национальным институтом статистики Румынии, приводятся такие данные: здания, пригодные для жилья, но не заселенные – 33 629, уничтоженные «в результате войны и по другим причинам» – 9692, в аварийном состоянии – 1385. Большинство перечисленных домов – бывшая еврейская собственность.

Безудержному грабежу подверглась в Бессарабии и Буковине еврейская движимая собственность. Размер нанесенного евреям ущерба практически не поддается учету. Грабили все, начиная с уличной шпаны и кончая самыми высокими представителями румынского государства. В «Отчете...» комиссии из высокопоставленных чиновников по расследованию «противозаконий» в Кишиневском гетто имеется и такое признание: «Говоря по правде, все эпизоды, через которые прошли евреи, начиная с размещения их в гетто, процедура эвакуации, прохождения колонн по трассам и переправа через Днестр сопровождались разными отклонениями от легальных путей, а авторы нарушений рекрутировались из всех социальных и профессиональных сфер, существовавших на территории Бессарабии: румынские офицеры и солдаты, элементы из немецкой армии, государственные служащие, частные липа, бродяги и люди с периферии, возчики и т. д.»[208]. И формы грабежа были самыми разнообразными.

В предыдущих главах уже приводились примеры того, как по мере отхода Красной армии с территории Бессарабии и Северной Буковины, в обстановке полного безвластия банды местных воров и молодчиков грабили евреев, унося из их домов все, что попадало под руку, в основном одежду, кое-что из мебели, домашнюю утварь и т. д. С приходом румынских и немецких войск размах грабежей заметно вырос, особенно в первые дни румынские солдаты, унтер-офицеры и офицеры, жандармы и полицейские шастали по еврейским домам и уносили, кто что мог. Интендантские службы вермахта в основном охотились за содержимым продовольственных и вещевых складов, брошенных Советами при отступлении войск. Чины немецкой армии и айнзацгрупп силой отбирали, а кое-кто за бесценок покупал у евреев золотые украшения, меха, произведения искусства, бывало, кто-то даже увозил с собой пианино. Но в массе своей гитлеровцы не задерживались в междуречье Прута и Днестра.

Поскольку уплывали большие ценности, которые, по расчету И. Антонеску, должны были существенно пополнить оскудевшую казну, он попытался навести «порядок» в вопросе о трофеях и еврейской собственности, не только недвижимости, но и движимого имущества. 9 июля 1941 г. за подписью кондукэтора был издан приказ, гласящий: «Склады и всевозможные материалы, оставленные врагом при отступлении, являются собственностью румынского государства. Все лица, знающие или располагающие подобным имуществом и складами, обязаны в течение 24 часов с момента опубликования данного постановления передать их румынским властям или выдать лиц, располагающих ими»[209]. Несмотря на суровые меры наказания за невыполнение этого приказа, вплоть до «казни на месте», особого воздействия на похитителей ценностей он не возымел.

Время от времени эти приказы приходилось повторять. В конце августа 1941 г. был издан приказ, обязывающий местных жителей в 15-дневный срок сдавать властям «имеющиеся у них и в свое время присвоенные ими разного рода предметы», в противном случае они «будут считаться грабителями и караться смертной казнью»[210]. 17 октября 1941 г. губернатор Бессарабии генерал К. Войкулеску своим приказом вновь напомнил, что «достоянием государства» являются «все склады с любыми материалами, товарами, орудиями производства, машинами и любым другим имуществом, оставшимся после отступления противника», а также принадлежавшие «кооперативам, обществам, объединениям, созданным на территории Бессарабии после 28 июня 1940 г.». В приказе также подчеркивалось, что собственностью румынского государства является «все движимое и недвижимое имущество в городах и селах», включая мебель, одежду, посуду, ранее принадлежавшее еврейскому населению и немцам-колонистам, репатриированным в Германию»[211].

Все эти многочисленные и полные угроз приказы никакого воздействия на грабителей чужого имущества не возымели, никто из них не торопился отдавать государ-

ству увезенное. Нам неизвестны факты о сколько-нибудь серьезных попытках властей отобрать у местного населения и передать государству разворованное еврейское имущество. Зато имеются многочисленные сведения, в том числе в румынских секретных документах, о присвоении, в целях личного обогащения, военными и гражданскими чиновниками отнятых у евреев золотых, серебряных и других ценных изделий, не говоря уже о валюте.

Придумывались самые изощренные способы достижения этого. Взять, к примеру, то же Кишиневское гетто. Судя по донесениям румынских секретных служб, коррупция особенно процветала при начальнике военного гарнизона города полковнике Е. Думитреску. При полном запрете евреям покидать гетто пропуск на один выход в город стоил, как уже отмечалось, 1000–1500 леев[212]. Письма комитета гетто в адрес Федерации в Бухарест в обход почты и цензуры через курьера Е. Думитреску обходились в 50 000–100 000 леев[213].

Евреи Кишиневского гетто знали, что мобилизованные на работу по заявкам гитлеровцев и румынской администрации или вовсе не возвращались, или возвращались калеками. На страхе людей оказаться в такой бригаде решил сыграть полковник Е. Думитреску. Он объявил комитету гетто, на который возлагалась сложнейшая обязанность отбирать людей на выполнение заданий властей, что по «приказу свыше» предстоит отправить 400 человек на работу в г. Тирасполь. Правительственная комиссия по обследованию гетто констатировала: «Евреи, усмотрев в выполнении этого приказа опасность исчезновения отправляемых (на работу – *И. Л.*), начали через представителей общины Битмана и Шапиро переговоры с полковником Думитреску, вручив ему 3–4 раза по 100 000 леев для того, чтобы отложить выполнение придуманного распоряжения свыше. Ни одного еврея в Тирасполь не послали»[214]. Но и заявки не было.

В связи с предстоящей, а кое-где уже начатой большой депортацией евреев из Бессарабии и Буковины, первейшей задачей, поставленной И. Антонеску перед исполнителями этой преступной акции, было отобрать у них все ценности, деньги и т. д. 5 октября 1941 г. начальник военного кабинета президиума Совета министров Румынии полковник Р. Давидеску, один из самых доверенных слуг кондукэтора, уведомил губернаторов Бессарабии и Буковины: «Г-н маршал Антонеску приказал по договоренности с Национальным банком приступить к обмену бижутерии и драгоценных металлов, принадлежащих евреям, которые эвакуируются из Бессарабии и Буковины, по следующим нормам: оплату этих ценностей производить по официальному курсу в Kassenshtein (то есть в немецких марках, выпущенных для хождения на оккупированной территории СССР, не имеющих никакого покрытия – *И. Л.*), возможно в рублях, но ни в коем случае в леях». Проведение этой операции кондукэтор требовал поручить «доверенным лицам», чтобы не допустить «злоупотреблений», «продажи из-под полы», «зарытия в землю или уничтожения». Всю эту операцию было приказано проводить дважды: перед уходом из лагеря и в местах переправы на территорию Украины, когда в обязательном порядке обменивались леи на оккупационные немецкие марки[215].

Руководствуясь приказом кондукэтора, Министерство финансов Румынии разослало инструкцию о порядке обмена денег и определения цены при изъятии у депортированных всякого рода ценностей. В ней указано: «Оплата производится в рублях (советских – *И. Л.*) из расчета 1 рубль = 40 леям.

– Золото оплачивается с учетом веса и качества по официальному курсу.

– Драгоценные камни и другие дорогие предметы оплачиваются на основе оценки, произведенной специалистами-экспертами, и только 20 % от установленной цены, что будет равнозначно соотношению между официальным курсом и курсом золота на свободном рынке.

– Можно менять леи на Kassenshtein из расчета одна марка = 60 леям. С румынской валютой ни под каким мотивом нельзя переходить Днестр»[216].

Грабительская сущность приведенных установок по обмену денег и насильственной «покупке» у евреев драгоценностей настолько очевидна, что в особом анализе не нуждается. Вместо леев, имеющих хождение в Румынии и представляющих, несмотря на инфляцию, определенную ценность, евреям Бессарабии и Северной Буковины совали рубли, которые и без того у них имелись, а затем их навязывали и депортированным румынским евреям из Южной Буковины и уезда Дорохой, рубли, которые не сегодня-завтра должны были изыматься из обращения даже в той же Транснистрии. Это понимали и жители Транснистрии, которые не желали продавать свои сельскохозяйственные и продовольственные излишки за рубли, предпочитая просто обменять их на промышленные товары. Они старались избавляться от рублей и, пока их еще можно было навязывать евреям, сами продавали свои рубли румынским валютным спекулянтам, в том числе служащим Национального банка, не за 40, а всего за 7–8 леев.

Чтобы превратить десятки тысяч депортированных евреев в безликую массу, навсегда лишить их возможности доказывать свои права на отнятую у них собственность, через представителя Генштаба румынской армии майора Тарлефа на переправы через Днестр был передан приказ об изъятии у депортированных всех документов[217]. Как будет показано ниже, отбирались паспорта, удостоверения личности, дипломы, ценные бумаги, пенсионные книжки и даже фотографии.

Депортация стала решающим этапом в экспроприации у евреев всего их достояния. На горе и страданиях изгнанных наживался кто как мог. Над евреями можно было творить все, что угодно, не неся никакой ответственности. «Главным образом в связи с депортацией, как до отправки, так и в пути следования, – читаем в «Отчете» комиссии, созданной И. Антонеску, – когда конвои евреев были сведены к простым анонимным, безликим стадам... атмосфера злоупотреблений усилилась... Господствовала идея безответственности, которая подогревала и возбуждала низменные инстинкты»[218].

В «Докладной записке о непорядках и администрации гетто, о незаконных операциях и злоупотреблениях по отношению к евреям», составленной агентами Службы специальной информации (SSI), отмечается: «В связи с отправкой их (евреев – *И. Л.*) в конвоях любой военнослужащий, особенно унтер-офицеры сверхсрочной службы, совершал обыски, злоупотребляя властью, акты насилия, отбирая у евреев все, что они еще имели при себе»[219].

Не стояла в стороне от этого и часть местных жителей. В «Отчете» читаем: «...чтобы отобрать как можно больше у изгнанных, их (евреев – *И. Л.*) держали под непрерывным давлением, угрожали, что сбросят с подвод, симулировали поломку транспорта и таким путем заставляли отдавать разные предметы и деньги. Солдаты, один на 5 подвод, сговариваясь с возчиками, не пресекали лишенные человечности маневры последних... Привалы устраивались в поле или у леса, чтобы избежать остановки в селах». Во время привалов отмечены «многочисленные случаи ограбления евреев крестьянами, которые в ожидании конвоев прятались в кукурузных полях или в траншеях...»[220]. Такие налеты сельских грабителей на колонны евреев с целью похищения багажа, сказано в этом документе, были совершены на трассе Вистерничень–Оргеев, по дороге на Резину группой крестьян из с. Биешть. В Атаках «гражданские лица, проскальзывая по ночам между жандармами, грабили евреев в лагерях»[221]. Испытавший на себе муки депортации С. Шапиро из Хотина рассказал, как на страданиях, муках и голоде людей наживался кто как мог. «Довольно скоро, – пишет он, – на этом коварном обманном рынке был установлен прейскурант: за рубашку мы получали яйцо, за пару брюк – буханку хлеба, за пару обуви – бутылку молока. Жандармы прогоняли крестьян, но они продолжали

идти за нами, преследуя отстающих, раздевая и грабя тех, кто падал без сил у обочин дороги. Жандармы прогоняли грабителей, но не для того, чтобы нас защитить, а чтобы они не замедляли движения колонны. Но крестьяне давали жандармам деньги за разрешение грабить отставших евреев или тех, которые умерли по дороге, не дождавшись расстрела»[222].

Евреям губернаторства Буковина, которые до переправ на Днестре добирались в товарных вагонах, не пришлось в пути подвергаться грабежам в такой степени, как их сородичам, проделавшим путь из Вертюжень, Секурень, Единец, Кишинева, Тарутино и др. до переправ в Транснистрию пешком. Но были случаи, что и буковинские евреи подвергались в пути грабежам и убийствам со стороны жандармов-конвоиров. В ордере на арест жандарма Михайлюка Василе, сопровождавшего в качестве конвоира первый эшелон с евреями из румынского города Сучава, сказано: «Из расистских побуждений убивал, истязал и ограбил депортированных в Транснистрию евреев, присвоив себе часы, бижутерию, деньги и одежду расстрелянных и избитых». Собираясь кого-то ограбить, начинал с того, что избивал его жену и детей и этим наводил страх. Ради наживы этот мародер и бандит не останавливался перед убийством людей. Отняв деньги и бижутерию у евреев Гольдхаммера и Краковера, Михайлюк затем расстрелял их. От зверских побоев скончался Берл Саммер, предварительно жандарм его обчистил. От ударов Михайлюка, рассказала Дора Хиршхорн, она и ее муж потеряли сознание, а когда пришли в себя, обнаружили отсутствие трех чемоданов с одеждой и 500 000 леев[223]. Но самое страшное ожидало буковинских евреев в Атаках, Маркулешть и у переправы через Днестр.

Особенно наживалось на горе депортированных начальство гетто и лагерей. Когда в Кишиневском гетто слухи о высылке в Транснистрию стали реальным фактом, и первые колонны начали покидать город, давно тлевшие среди узников паника и страх достигли высшего накала. Каждый, осознав смертельную для себя и семьи опасность, стремился любым путем избежать отправления в «царство смерти». Одни, как и в Черновицком гетто, прятались в подвалах, на чердаках и др. Другие стремились на «легальной» основе добиться для себя и семьи если не полного освобождения от депортации, то хотя бы временной отсрочки, надеясь, что произойдет чудо, и руководители еврейских организаций в Бухаресте добьются в ближайшие дни от правительства И. Антонеску какого-то послабления для евреев. Наиболее материально обеспеченные не стали ждать чуда, рискуя, пытались перебраться в Бухарест или в портовый город Констанца и оттуда отплыть в Палестину, Америку и др.

В этой обстановке резко возросли ставки на всякие «услуги» евреям. В «Информационной сводке» секретных служб о «непорядках» в Кишиневском гетто отмечается, что за «перенос отправки с более поздней колонной надо уплатить от 10 до 50–70 тысяч леев»[224].

Цены за такие «разрешения» («ауторизации») устанавливались произвольно. Нина Ваксельштейн за «ауторизацию» на отправку последним конвоем уплатила 30 000 леев. Адвокат Рабинович выторговал 7 таких же «ауторизаций» за 35 000 леев. Мура Воловец и Ида Шпанерман достали 3 «ауторизации» по 5000 леев за каждую, но в придачу должны были отдать дорогой материал на пальто с подкладкой и шкуркой на воротник. Семья Ярославских за 3–4 «ауторизации» отдала кольцо с бриллиантом, оцененное в 72 000 леев. Продавались и чистые бланки «ауторизаций». Такие «разрешения» были изъяты у одиннадцати семей 21 октября 1941 г., естественно, после уплаты ими денег.

Самые дорогие «ауторизации» шли за подписью самого Е. Думитреску. Его сожительница Надежда Терзи, через которую полковник торговал ими, допрошенная комиссией, обследовавшей гетто, признала, что за каждую такую бумагу брала у евреев по

100 000 леев и отдавала их коменданту гарнизона. По заявлению одного из посредников в реализации таких «ауторизаций», их было продано «несколько сотен»[225], но после получения денег и ценностей за них эти «документы» у обманутых евреев отбирались, и вместе со всеми своими сородичами они отправлялись в Транснистрию.

Командир 23-й мобильной полицейской роты, осуществлявшей охрану гетто и депортацию узников, капитан Иоан Параскивеску за большую сумму денег и два золотых кольца «снабдил» семью Липовецки «ауторизациями» с отсрочкой от депортации до весны следующего года. На второй день, явно подосланный капитаном старший плутоньер отнял у семьи этот липовый «документ» и всех отправил «за Днестр»[226].

В дни депортации особенно усилилось стремление наиболее состоятельных евреев перебраться в Румынию. За внушительные денежные суммы и ценности такие переброски совершали не только румынские военные, но и кое-кто из гитлеровцев. Так, немцы на своих машинах перевезли в Бухарест евреев Шпанермана, Мортковича Самуела, Калихмана, Аллермана, Бошермана, семьи Герман, Червински, Судит, Абрамович и Герштейн[227]. Только семья Герштейн из четырех человек заплатила немецкому унтерофицеру и двум сопровождавшим солдатам 150 000 леев[228].

Перебраться в Бухарест и обосноваться там мало кому из узников удавалось. Большинство было схвачено еще до отъезда из Кишинева или сразу же по выходу из города или арестовано по прибытии в Бухарест. Такие отправлялись в Транснистрию или оседали в румынских тюрьмах.

Семья Шпанерман из четырех человек и Иосиф Воловец заплатили ефрейтору румынской летной части за доставку в Бухарест 6000 леев. Отъехав примерно 30 км от Кишинева, ефрейтор остановил автомобиль, чтобы, якобы, залить водой радиатор. Затем он попросил подтолкнуть машину, иначе она будто бы не заведется. Когда все вышли, он рванул вперед, оставив своих пассажиров в поле.

В «Отчете» приводятся и другие случаи такого рода. Капитан Дойческу Илие из командования противовоздушной обороны отвез в Бухарест Соломона Шпанермана, Перельмутера Шаю, семьи Левензон, Вайсер, Кристал, получив, как полагает комиссия, 2 млн леев. По прибытии в румынскую столицу их арестовали и завели на них судебное дело.

Семьи Кон и Червински добрались в Бухарест поездом под «охраной» полицейских Рохана, Нямцу и Стоенеску, уплатив за «услугу» 150 000. И на них было заведено судебное дело. Так завершилось «дезертирство» из гетто семьи Аптекер, которая в середине октября 1941 г. перебралась в Бухарест при содействии, якобы, майора запаса Мардаре Петре, с которым были «коммерческие связи»[229].

29 октября 1941 г. на Кишиневском вокзале были задержаны при попытке отъезда евреи Касиль Кремер и Шмиль Вайншенкер. У них комендант гетто локотенент Поп и «блюститель порядка» в гетто командир 20-го пулеметного батальона подполковник Григореску отняли 34 995 леев и поделили между собой. На всякий случай они заставили евреев дать расписку, что деньги им вернули. На второй день «дезертиры» оказались в руках полковника Думитреску. За обещание «не отправлять в Балту» они выложили 700 000 леев[230].

1 ноября 1941 г. председатель еврейского комитета гетто Гутман Ландау договорился с Е. Думитреску и его заместителем капитаном Александреску о передаче в обход проверок и обыска в Вистерничень 250 000 леев депортированному последним конвоем адвокату Шапиро, бывшему заместителю председателя комитета. Преспокойно забрав деньги, полковник и капитан поделили их[231].

Коррумпированные румынские чиновники в погонах, задействованные в решении «еврейского вопроса», наживали огромные состояния. По сведениям прокуратуры Лэпушны (Кишиневского уезда) военный комендант Кишинева Еуджен Димитреску

отправил к себе домой в Румынию 7 вагонов ценных вещей[232]. Упомянутый капитан Иоан Параскивеску, командир 23-й мобильной полицейской роты, как установила комиссия по проверке гетто Кишинева, используя в качестве курьеров своих подчиненных – солдата Трифона Иона, сержанта Думитраке, ефрейтора Раду Флорю, – неоднократно отправлял своей жене в Бухарест целые корзины «с предметами домашнего обихода и посудой»[233]. У другого охранника гетто, командира 20-го пулеметного батальона подполковника Григореску было обнаружено при обыске в его доме в румынском городе Себеш-Алба «много предметов, материалов, доставленных поездом из Бессарабии»[234].

Старший плутоньер Опря Ион, шеф жандармского поста в Вертюжень, где находился самый большой в Бессарабии лагерь для евреев, на основе собранной информации у самих евреев, заявил, что начальник лагеря полковник Агапие увез с собой «2 золотых часов, 30–40 колец, украшенных дорогими камнями, 180–200 царских золотых монет достоинством в 5 и 10 царских рублей, 12 золотых сторублевых монет, 5 золотых цепочек 155 мм длины, 3–4 персидских и 5–6 шерстяных ковров, 2 каракулевые шкурки, разные пальто, плащи и все это за бесценок, а у евреев более богатых и вовсе бесплатно»[235].

Прибывшие из Румынии и занявшие высокие должности в так называемой гражданской администрации «вызволенных провинций» чиновники также не преминули воспользоваться моментом для наживы за счет отнятого у евреев имущества. В одном секретном донесении отмечается, что префект Бельцкого уезда Ханчиу, ставший затем генеральным секретарем губернаторства Бессарабия, переправил через Скулень в свое имение украденные мебельные гарнитуры. Заместитель Ханчиу по уезду Стегэреску прикарманил ценности на сумму в 8 млн леев, отобранные у изгнанных из города евреев и хранившиеся в примэрии г. Бельцы[236].

В Черновцах бывший старший плутоньер Ионеску Марин, став интендантом дворца губернаторства еще до смерти полковника Риошану, уполномоченного И. Антонеску по Буковине, заручился документом за подписью полковника на право забирать «любую мебель, ковры, меха, домашние предметы»[237], чем энергично и занимался. В «Информационной сводке» секретной службы сделан вывод: «Установлено много краж из жилищ, покинутых евреями и конфискованных государством. Власти совершили вторжение в квартиру Леона Блюма, увезли серебряные изделия, столовые приборы, в акт не внесли золотые часы»[238]. Такая же констатация сделана в другой сводке относительно Бессарабии: «Убеждены, что действительно совершены непростительные вещи при депортации евреев и приеме имущества, оставленного большевиками»[239].

Грабили и наживались чины повыше и пониже, даже те, у кого вообще чинов не было. Некий Штефан Минкэ, получивший должность судьи на севере Бессарабии, писал И. Антонеску, что «даже сотая доля стоимости (имущества евреев – *И. Л.*) не поступила в государственную казну. Приехавшие чиновники, весь багаж которых состоял из портфеля или маленького чемоданчика, сегодня владеют имуществом в несколько миллионов леев... Так как ценные предметы были ими присвоены, – сказано далее в письме, – чтобы как-то доказать наличие части еврейского имущества, вошедшего в государственное владение, нотары и жандармы без всякого на то законного основания стали производить обыски в домах у граждан (христианского вероисповедания – *И. Л.*) и забирать их личные вещи», о чем, как пишет Минкэ, ему «ежедневно становится известно из поступающих жалоб от жителей». В письме приводятся и конкретные примеры. Так, унтер-офицер жандармерии Голяну присвоил себе 6 швейных машин, 3 коровы, 6 овец, 7 свиней, 7 мешков разного добра; нотар Георге С. Георге присвоил 80 бессарабских ковров, 50 одеял, 7–8 коров, 7 радиоприемников, 8 швейных машин и многое другое[240].

Подобные донесения поступали в Бухарест из разных мест Бессарабии и Буковины. Секретные службы сообщали, что начальник жандармского поста с. Шишкэуць Черновицкого уезда присвоил себе жеребца-полукровку арабской породы, 3 коровы и др. На всякий случай он обеспечил себе расписку, что все это он купил у еврея, буквально на второй же день по занятию им поста, уплатив ему 30 000 леев, а на третий день этого еврея он лично расстрелял. В этом же донесении приводится и другой пример: лейтенант Болога привез в м. Путна Рэдэуцкого уезда несколько подвод, набитых «домашними вещами, мебелью, бельем, и пустил их в публичный торг»[241].

Как уже отмечалось, в Бессарабии и Северной Буковине разграбление еврейских домов началось еще в июле 1941 г. во время военных операций на этих территориях и в дни безвластия и полного хаоса, царивших в первые дни их оккупации немецко-румынскими войсками. Евреи Южной Буковины и уезда Дорохой, поскольку эти территории в 1941 г. находились в тылу фронта, через эти испытания не прошли, но грабежи их не миновали, они лишь начались позже, в октябре 1941 г., сразу после их изгнания из своих домов и квартир.

3 октября 1941 г. в донесении «Положение в Сирете» секретные службы отмечали: «Среди добропорядочных людей Сирета вызывают возмущение грабежи, совершаемые в домах эвакуированных евреев, иногда с соучастием городовых, которые охраняют грабителей. Среди лиц, которые совершали кражи в большом масштабе, фигурируют и адвокат доктор Эммануил Самеску и претор Русу, в квартирах которых настоящие склады одеял, подушек, персидских ковров, мебели и др., отобранных у евреев»[242].

Ведомство румынизации г. Ватра Дорней, испрашивая разрешение на проведение обысков у ряда лиц, жаловалось министру юстиции Румынии на то, что значительная часть ценного имущества, принадлежащего депортированным евреям города, была разграблена и присвоена разными лицами, в том числе товары из магазинов на многие миллионы леев. Так, бывший администратор Данчиу занял дом еврея Шибера вместе с находившимся в нем ценным имуществом. Самые большие магазины в городе – собственность евреев Вассера, Фурмана и Рэрлиха, – перепали капитану-пенсионеру Протопопеску, только от продажи товаров из этих магазинов он присвоил себе более 10 млн леев, не считая присвоенных и припрятанных им других ценных предметов. Никифор Робу, бывший депутат румынского парламента от фашистской партии «Лига национал-христианской защиты» занял самый красивый дом города, ранее принадлежавший еврею Натану Клиперу, вместе с дорогой мебелью и другими ценными предметами. Он же стал хозяином оснащенной по последнему слову техники лесопильной фабрики еврея Шибера, изготовлявшей ящики для армейской пиротехники и фабричную упаковку[243].

Не успели отойти со станции г. Сучава эшелоны с депортированными, как, отмечается в отчете уездной префектуры от 21 октября 1941 г. о результатах депортации евреев, «разные крестьяне из окрестностей проникли в город по мало исхоженным тропам или прямо через поле, пытаясь совершать грабежи, несмотря на все меры охраны, принятые полицией». В отчете приводится ряд фамилий жителей окрестных сел и военных, задержанных с «украденными вещами», признается, что среди воров есть и полицейские, и что без всякого разрешения местных властей некоторые военные заняли дома депортированных евреев[244]. Естественно, что все оставленное евреями в этих домах переходило к новым владельцам.

Спустя месяц в «Информационном донесении» от 22 ноября 1941 г. № 1765 секретные службы, касаясь положения в Сучаве с еврейским имуществом после депортации его бывших владельцев, писали: «После эвакуации евреев, поскольку все было почти импровизировано, – опечатывание домов, инвентаризация движимого имущества

и меры по консервации его – были проведены совершенно порочно и плохо, людьми недостаточно проинструктированными, в результате многая недвижимость то ли без умысла, то ли с намерением оставалась открытой, откуда одни по соблазну, многие в силу бедности и лишений, вызванных началом суровой зимы, уносили различные вещи, одежду, продовольствие и дрова. Из-за возбужденных настроений и преувеличенных претензий со стороны некоторых прибывших в город военных, главным образом сверхсрочников с фронта, и ошибочных мнений других, что оставшееся от евреев добро вовсе не следует так уж оберегать, появились трудности и с этой точки зрения, в результате многое из недвижимости было занято без соблюдения формальностей, без присутствия комиссии, поэтому сейчас уже нельзя знать, что там было и что еще осталось»[245].

В адрес Генштаба румынской армии поступило письмо, копия которого была направлена 10 ноября 1941 г. Военно-гражданскому кабинету по делам Бессарабии, Буковины и Транснистрии, в котором председатель организации волонтеров г. Кымпулунг некий Петря Пынтя писал: «В этом городе после отправки евреев все их имущество осталось под присмотром чиновников местной полиции, но то, что сделали с этой собственностью, недостойно органа государственной власти. Эти чиновники во главе со своим шефом Бокой, пьяницей первого разряда, и его помощником Агнистополом вместо того, чтобы передать эти довольно значительные ценности в собственность государства, особенно сейчас, когда есть такая нужда в них, заперли и опечатали парадные двери домов и магазинов, а с заднего хода вывозили товары из них и делили между собой и родственниками, нанося государству ущерб на сотни миллионов леев, а все городовые – молодые люди, которые подались в полицию во избежание отправки на фронт, самым мерзким и постыдным образом, путем краж нажили невообразимые богатства»[246].

В уездном городе Дорохой, как только под барабанный бой евреев собрали и зачитали приказы военного командования и губернатора Буковины о депортации, началось повальное ограбление еврейских магазинов, аптек, квартир не только ворами-профессионалами, но и крестьянами окрестных сел, к краже присоединился и кое-кто из полицейских, армейских чинов и работников примарии.

Поскольку большая часть евреев города была депортирована, «собственность отправляемых евреев, – пишет упомянутый адвокат Мушат, – каждый день присваивается и органами примарий без всякой инвентаризации и без участия представителя общины (еврейской – *И. Л.*) и вся операция проводится низовым аппаратом, а дома оставшимся евреям сдаются лишь на хранение», иными словами, права на собственность своих домов они лишаются. Синагоги, в которых до депортации проживали евреи, изгнанные из местечек Доробань, Сэвень, Михэень, были опечатаны и к дверям приклеены записки с текстом: «Собственность государства»[247].

Такому же грабежу подверглось еврейское имущество в перечисленных местечках Дорохойского уезда, откуда были изгнаны местные евреи. «В местечке Сэвень уезда Дорохой, – сказано в донесении, отправленном в адрес Генеральной дирекции полиции в Бухаресте, – после депортации евреев были ограблены магазины, дома, осталось впечатление, что прошли гунны (варварские племена, нашествие которых с востока на Европу сопровождалось особым разорением и убийствами – *И. Л.*)». Далее в донесении называются некоторые фамилии местных деятелей, которые воспользовались ситуацией для обогащения за счет еврейского имущества, среди них бывший начальник казначейства Дудак, бывший примар Кристя, ныне адвокат, помещик Михай Ионеску, переправлявший в свое имение зерновые, пшеничную муку, много лошадей, крупного рогатого скота[248].

Конечно, не все еврейское недвижимое имущество осело у военных и гражданских чиновников, всяких грабителей из местного населения. Чтобы снять с себя подозрения в хищениях того, что полагалось сдать государству, некоторые чиновники какую-то часть отобранного и конфискованного у евреев добра отдавали в казну. В упомянутом «Отчете» читаем: «То, что евреи имели при себе драгоценные металлы, бижутерию и манипулировали ими, чтобы обеспечить себе средства на жизнь, было проверено и в связи с ловушкой, устроенной капитаном Параскивеску, комендантом лагеря, с ведома г-на командующего 3-м армейским корпусом и в присутствии военного прокурора. А именно: 29 октября 1941 г., используя агента-посредника, еврея Садагурского Иосифа, вознамерились, якобы, предложить евреям: Розе Атацкой, Шике Липовецкому, Келерман Тубе и Капителу Авраму возможность покинуть гетто, оставаться в стране на свободе за деньги и драгоценные металлы. Для этой же цели были изготовлены пять фальшивых ауторизаций от армейского корпуса, которые через названного Садагурского были вручены перечисленным евреям и взамен в комендатуру гетто поступили следующие ценности: женское кольцо с двумя бриллиантами, золотые мужские часы, золотая дамская цепь, золотая мужская цепь, золотое кольцо и два золотых браслета, все это было конфисковано и сдано Национальному банку Румынии. Фальшивые ауторизации были изъяты, а евреи эвакуированы»[249].

Большой «улов» достался казне от изъятия ценностей у одного из самых богатых евреев Бессарабии – престарелого Соломона Шура. На заседании правительства 28 мая 1942 г. при обсуждении вопроса «Об эвакуации евреев» губернатор К. Войкулеску доложил, что при отправке последней партии евреев из 200 человек у Соломона Шура «найдены завещание и кассета с бижутерией стоимостью 20 000 000 леев»[250]. У Шура, а также бывшего владельца мельницы в Кишиневе М. Шварцберга, были отобраны «ауторизации» за подписью полковника Е. Думитреску о праве проезда через территорию Румынии для последующего отбытия в Палестину. Был отдан приказ об изъятии у них этих документов[251].

Особая роль в экспроприации движимой собственности евреев была отведена Национальному банку Румынии. Ему было поручено осуществить обмен на рубли румынских леев, изъятых у евреев, имевших ценности, ценные бумаги, облигации государственного займа, сберегательные книжки и т. д. В обстановке царившей неразберихи во властных структурах румынской администрации, в Кишинев и Белгород-Днестровский представители Национального банка прибыли с некоторым опозданием, когда военные и жандармерия уже приступили к депортации. В Кишиневе личные обыски евреям устроили перед отправкой не в самом гетто, а в пригороде Вистерничень, перед выходом на дорогу в сторону Оргеева.

Посчитали, что в городе евреи свои ценности и деньги могут припрятать, а при депортации все будет при них. То, как на практике проводились обыски и изъятия у евреев денег, золота, бриллиантов и других ценных предметов, описал в своем секретном донесении на имя военного коменданта Кишинева упомянутый капитан Иоан Параскивеску, командир 23-й полицейской роты, присутствовавший при этом. Обыски производились в Вистерничень в помещении бывшей ремонтной мастерской. Капитан отмечал: «При обмене денег на русские рубли не было никаких кассовых книг, куда заносились бы суммы, выплачиваемые евреям в русских рублях, следовательно, нет отчетности по этой операции... Изъятые ценные предметы вкладываются в конверты и опускаются в открытый ящик, в список заносятся обычным карандашом, что также не представляет необходимой безопасности». Далее в донесении отмечается, что у евреев отнимали и серебряные предметы: ложки, вилки, ножи, подсвечники и т. д., их также не инвентаризировали, бросали в открытый ящик. Личный обыск у женщин проводи-

ли наряду с женщиной-акушеркой два шофера. И. Параскивеску, сам участвовавший в ограблении узников гетто, но при этом желавший выглядеть защитником интересов государства, выдвинул ряд предложений по устранению этих «безобразий»: установить железные сейфы для хранения отобранных ценностей, ввести кассовые книги и т. д.[252] Директор кишиневского отделения Национального банка и его представители, присланные из Бухареста во главе с Б. Жугэряну, посчитали, что «при существующих возможностях нельзя принять предложения офицера», что касается упомянутых шоферов, то это «люди, пользующиеся доверием»[253]. Так что банковские дельцы продолжали свое дело. Сколько они прикарманили и сколько передали банку, даже губернатор К. Войкулеску не знал. В своем «Меморандуме по еврейской проблеме» он писал: «Не были занесены в акт, подписанный всеми членами комиссии, количество золота и стоимость бижутерии, отнятых у каждого еврея, в результате нельзя проверить, были ли хищения. Каждый день прямо на месте не опечатывали отобранное золото так, чтобы вечером нельзя было бы его похитить»[254].

Евреев, депортированных из Кишинева до прибытия из Бухареста представителей Национального банка, обыски со стороны последних не миновали. Банковские чиновники догнали их в Оргееве и там отобрали все ценное. В этом городе узникам Кишиневского гетто пришлось пройти еще одну «проверку», на сей раз со стороны жандармского начальства. В следственных материалах по делу группы военных преступников из Оргеевского жандармского легиона читаем: «Прежде чем направить колонну евреев на Чинешеуць, все подводы конвоя, нагруженные багажом, были собраны в еврейском гетто (ко времени прохождения этих колонн из Кишинева евреи Оргеевского гетто уже были истреблены – *И. Л.*), где проводился так называемый обыск майором Беки и плутоньером Ефтимие. Всякий раз, когда присутствовал при этом локотенент Попою, он проводил свой личный обыск... во время одного такого обыска он собрал 25 предметов: колец, браслетов, обручалок, а плутоньер Ефтимие после одного обыска ушел из гетто с полной связкой вещей.., а чтобы запугать евреев и таким образом заставить их отдавать все самое ценное, что было при них, Ефтимие Василе относился к ним с особой жестокостью, кричал, топал ногами и приказывал не давать евреям воды, ибо «они собаки»... Свидетель Попеску Аристиде, который присутствовал при одном таком обыске евреев, заявил, что «после этого Ефтимие уходил с полным мешком ценных вещей». Попеску полагает, что отобранные у евреев предметы Ефтимие делил с майором Беки Филиппом, поэтому Ефтимие командовал в легионе, хотя по чину был только плутоньером». И далее: «Если, бывало, в Оргееве упустили ограбить какой-то конвой, Ефтимие на мотоцикле отправлялся ему вслед в сторону Чинешеуць, выстрелами из оружия нагонял страх на евреев, а затем, пройдясь по всем подводам, вырывал у евреев багаж, который был при них»[255]. Никто из ограбленных, «из боязни еще больше ухудшить свое положение», не решался жаловаться на жандармов вышестоящему начальству, все, сказано в «Отчете», «избрали метод молчания, чтобы не подогревать желание мстить»[256].

В связи со спешкой при проведении депортации и большого числа депортированных, отсутствием в ряде случаев представителей Национального банка властям не удавалось за один раз тщательно обыскать всех евреев. Поэтому большинство депортированных подвергалось обыскам дважды, некоторые конвои евреев из Кишиневского гетто трижды – в Вистерничень, Оргееве, Резине. В румынском городе Сучава изъятие леев и ценностей проводилось прямо на перроне вокзала перед погрузкой в товарный состав.

В Дорохое эта операция накануне отправки осуществлялась с участием представителей Национального банка. «При обмене леев, – отмечает в своем отчете адвокат

Мушат, – из расчета 40 леев за рубль, а за предметы из драгоценных металлов или бижутерии чиновник-эксперт устанавливал для выплаты смехотворные цены. Показательный пример: три пары золотых часов, из которых одна даже с тремя покрышками, были оценены и за них выплатили 40 рублей... Особенно один служащий Национального банка, контролер Мунтяну, обращался с невиданной дикостью, срывая с пальцев обручальные кольца. Протестующего вице-председателя общины отвели в отдельную комнату и жестоко избили. На вокзале перед посадкой им устроили обыски и отняли все оставшиеся у них ценные предметы, а также одеяла, одежду, рубашки и продовольствие без всякого, даже смешного возмещения убытков»[257].

Префект Баркан в своем отчете умолчал о том, как производилось изъятие у евреев предметов из драгоценных металлов, бижутерии, иностранной валюты, отметив лишь, что «были конфискованы ткани, полотно, кожа, по причине того, что, как утверждал инспектор Марин Флореску, эти предметы, согласно Закону о таможне, не могут вывозиться за границу...». Транснистрия, о которой румынские политики, историки, журналисты твердили, что она является «исконно румынской землей», вмиг во имя «узаконивания» грабежа стала заграницей. Еще признал префект, что были отняты у евреев «излишки продовольствия», а также «объемные вещи», а именно: матрацы, подушки, ковры и др., оставлено было евреям только то, что «каждый мог унести руками». И этому грабежу нашлось оправдание. Префект писал, что этим он желал «избежать пертурбаций», вызванных тем, что после выгрузки в Атаках и Маркулешть евреи вынуждены будут оставить эти «громоздкие» вещи, поскольку путь до лагерей в Прибужье им придется проделать пешком, а оставленный ими багаж нужно будет отправить обратно в Дорохой[258]. Полковник Баркан считал, что никто иной, кроме него, не может быть наследником имущества евреев Дорохойского уезда.

Прибытие в Маркулешть эшелонов с евреями из Буковины предвещало жадным руководителям пересыльного лагеря большой улов. И они приложили все усилия, чтобы он не уплыл. Особенно изощрялся и зверствовал при изъятии еврейского имущества представитель Национального банка Румынии – уже знакомый нам Ион Михэеску. Бывшая узница Мери Бердра говорила следователям по делу Михэеску: «В Маркулешть я находилась две ночи и один день. Здесь я увидела зверя в образе человека – Иона Михэеску от Национального банка Румынии. Ему доставляло удовольствие ударять депортированных куда попало. Моя мать под видом обыска была раздета догола и страшно избита. По этой причине она вскоре скончалась. Мы были в Маркулешть в первой партии депортированных, и многие из-за лишений и жестокого обращения распрощались там с жизнью»[259].

По-видимому, такие люди-звери специально отбирались и направлялись для проведения «этнической чистки» в полном объеме. «Выбор Михэеску для Маркулешть не случайность, он специально был назначен, учитывая его грубое поведение вообще», – читаем в документах следствия. Свидетель Октавиан Попп, пенсионер Национального банка, хорошо знавший Михэеску по службе, отметил, что «у него были жестокие порывы, которые часто кончались бранью и ударами»[260].

Эту свою жестокость, разбавленную юдофобством, Михэеску демонстрировал на каждом шагу. Выбирая свою очередную жертву, банковский чиновник не считался с возрастом человека. «Он, – рассказывала Генриетта Харник, – избивал женщин и мужчин. Особенно он демонстрировал свое жестокое варварство на пожилых женщинах, избивая их толстой палкой. Мою мать он свирепо бил и в состоянии бешенства продолжал это делать, когда она упала... Один еврей, посмевший спросить его, дает ли он расписку за изъятое, был столь жестоко избит..., что спустя два дня умер»[261]. Узнику Карлу Браумбергу лично пришлось испытать на себе «прелести» встречи с Михэеску.

Он свидетельствовал: «В порыве своей страшной ненависти, стремлении к ограблениям и истязаниям Михэеску избил меня своей полуметровой дубинкой до такой степени, что я вынужден был отказаться от багажа ради спасения жизни. У жены и дочери он сорвал серьги. Некоторые избитые теряли сознание, другие спустя несколько дней умирали»[262].

Особенно зарилось лагерное начальство на предметы из благородных металлов. Сначала Михэеску действовал по инструкции: он «покупал» такие предметы. Ассистировавший ему ювелир-эксперт Штефан Драгомиреску описал эту процедуру: «Мои оценки не были признаны г-ном Михэеску, и он рассчитывался за отобранную у владельцев бижутерию по смехотворным ценам в рублях. Спустя два дня моя работа прекратилась, поскольку г-н Михэеску решил конфисковать всю бижутерию без всякой компенсации, даже смехотворной или символической»[263]. Елка Горенштейн рассказала, что Михэеску бил ее маму палкой по ушам, чтобы отлетели серьги, в конечном счете вырвал их с мясом[264], а Мале Бинштоk, чтобы отнять у нее обручальное кольцо, он выкрутил палец, след этой жестокости остался у нее на всю жизнь[265].

У лагерного начальства в особой цене были наручные часы престижных зарубежных марок, иностранная валюта. Арон Клингеффер сообщил следствию, что его брата избили до смерти из-за того, что он не сдал палачам свои дорогие часы. У Якова Блюма отняли швейцарские часы «Омега», 2 золотые французские монеты, каждая достоинством 20 франков. У отца Лидии Зингер отняли бижутерию и 150 долларов, у семьи Хаи Вальтер – 300 долларов, у семьи А. Шекер – 450 долларов, бижутерию и часы. Не брезговали грабители и румынскими леями, особенно когда речь шла о больших суммах. Под видом обмена леев на рубли Михэеску забрал у Арона Штэйна 250 000 леев, не дав ему ни одного рубля[266].

Лагерные начальники, «истинные патриоты» своей родины, которые в поте лица «трудились» на благо своего румынского государства, беззастенчиво, «на виду у всех, – рассказывал свидетель Иоким Бегман, – набивали себе карманы ценными металлами, румынскими леями и иностранной валютой». «Все, что ему нравилось, – говорила узница Камиллия Туттнаур, имея в виду Михэеску, – он пихал в свой карман»[267]. В составленном для Национального банка отчете о конфискованном у евреев Михэеску в графе об изъятии иностранной валюты проставил цифру 5 долларов[268].

Полковник Агапие и его заместитель капитан Бурадеску, нажившие большое состояние за счет ограбления узников Вертюженского лагеря, и в Маркулешть не зевали. Упомянутый плутоньер Флоря Буртя и солдат Георге Петришор рассказывали следственным органам, что названные начальники лагеря переправляли награбленное к себе домой в Румынию, используя своих подчиненных, и во избежание огласки сажали их на поезд не в самих Маркулешть, а где-то подальше, через несколько станций. Чтобы избежать неприятностей на таможне в Унгень, Агапие и Бурадеску бижутерию и другие драгоценности клали в бидоны и сверху заливали топленым маслом. После войны при обыске в квартире полковника Агапие в Яссах была обнаружена часть наворованного у евреев в 1941 г.[269]

По словам генерального директора Национального банка Константина Пэунеску, допрошенного по уголовному делу Михэеску, миссия последнего заключалась «в отнятии у евреев из Маркулешть только предметов золота, девиз и леев», он же, никем не одергиваемый, «по собственной инициативе, отмечал присутствующий Штефан Драгомиреску, – конфисковал у депортированных предметы личного пользования: одеяла, нитки, чай, кофе, сахар. Эти предметы не были инвентаризированы»[270]. В судебном деле подчеркивается, что все это производилось «в согласии с командованием лагеря, в стремлении причинить зло депортированным». У них отнимали «одежду, мыло,

подметки, одеяла, матрацы, покрывала, рубахи, простыни, чулки, наволочки, медикаменты и все остальное, необходимое для жизни и здоровья депортированных. До чего доходила жестокость, видно из того... что среди конфискованных у депортированных вещей находятся... десятки детских колясок». В заключение этого документа делается вывод: «Жестокость подсудимого Михэеску не сдерживалась даже перед невинными личиками детишек из колясок, нежных детей, которые спали, не подозревая о страшном варварстве...»[271].

Приводилось и множество других примеров жесткости палачей. Из-за того, что были отобраны медикаменты, скончалась тяжелобольная мать А. Шекера. 15-летний брат Елки Горенштейн, отказавшийся снять и отдать свои теплые ботинки, был до такой степени избит, что через час умер. Чтобы избежать этого, Майер Школьник в присутствии полковника Агапие снял и отдал свои сапоги, которые приглянулись Михэеску[272]. Чтобы лишить бедных евреев-ремесленников средств их скудного существования, у них были отняты инструменты.

Опасаясь, как бы какие-то ценные вещи не уплыли из их рук, алчные чиновники Маркулештского лагеря запретили обмен вещей на продукты питания. Нарушители подвергались жестоким наказаниям. Мать Лидии Зингер получила от Михэеску удар по голове палкой за попытку обменять одеяло на две буханки хлеба. Елка Горенштейн рассказала следователю, что ее родной дядя был расстрелян в момент, когда в обмен на какие-то вещи приобрел хлеб для тяжелобольной матери. Брат Арона Клингхофа за такой же «поступок» был избит и от побоев вскоре умер[273].

В соответствии с предписанием Генштаба, у депортированных евреев отнимали не только все документы (паспорта, удостоверения личности, дипломы, сберегательные книжки и т. д.), но и фотографии, напоминавшие о том, что эти изможденные, голодные и оборванные узники еще недавно были настоящими людьми. «Кто не сдавал документы, – рассказывал бывший лагерник Натан Партфел, – был жестоко избит. Полковник Агапие, который принимал участие в обысках, проволокой бил тех, кто не сдавал их»[274]. Садист Михэеску при этом счел нужным сказать: «В конечном счете вас всех ждет смерть». Якову Блюму он говорил: «Там, куда тебя посылают, не нужны документы, поскольку вы идете умирать, следовательно, вам вообще ничего не нужно». Другому узнику он заявил: «Жидам и собакам ничего не нужно...»[275]. Свидетель этих сцен плутоньер Буртя Флоря рассказал: «Все документы интернированных были сожжены в присутствии полковника Агапие и капитана Бурадеску», последний во время горения «переворачивал документы, чтобы от них ничего не оставалось»[276].

Зверствами и грабежами троица Агапие, Михэеску, Бурадеску ничем не отличалась от других подобных бригад, действовавших в Атаках, Резине, Косоуць и др. Такой же беспредел с евреями творили посланцы Бухареста в процессе отправки их в Транснистрию. В «Отчете об информационной поездке по Бессарабии и Буковине», составленном секретными службами, сказано: «Переправу евреев в Транснистрию можно резюмировать словами: «организованный грабеж»». В документе отмечается: «Евреи, оказавшиеся на Днестре у немцев, после отнятия у них багажа, расстреливались». Румынские грабители поступали иногда таким образом: «Несколько автомашин догоняли конвой сзади, сажали всех, а подводы с багажом оставались на месте. На машинах евреев подвозили к Днестру, где Национальный банк отнимал остальное и затем переправлял на ту сторону»[277].

Информация о том, что творилось при депортации евреев у переправ, поступала правительству и лично кондукэтору из разных источников. В телеграмме на имя Михая Антонеску лейтенант запаса саперного батальона Титу Гречану писал: «Прошу: при-

кажите строгую проверку на переправе евреев в Атаках – уезд Сороки, производятся кражи, нанося ущерб государству на миллиарды. Органы, осуществляющие контроль, слабые и субъективные»[278].

В связи с массовой депортацией из Буковины и уезда Дорохой в Атаках скопились десятки тысяч евреев. Поскольку их отправка, как было показано, производилась в срочном порядке и в считанные дни, а доставка к переправам осуществлялась железнодорожным транспортом, у этих евреев оказалось больше багажа, они меньше подверглись грабежу, чем те, кто побывал в бессарабских лагерях и гетто, а затем пешком, в сопровождении жандармов-грабителей, проделал путь до переправ. Представители Национального банка, настроенные на доскональную проверку прибывших, привлекли к обыскам жандармов-конвоиров роты Аугустина Рошки.

Как и Маркулешть, местечко Атаки было полностью разрушено в ходе войны, уцелели немногие дома, депортированные мерзли под открытым небом. Обыски проводились повсеместно: в домах, на улицах, на площади в центре поселка. 24 октября А. Рошка распорядился начать их прямо с вокзала, в это время там находились евреи из Рэдэуць[279].

Первоначально для проведения обысков и изъятия у евреев ценностей было образовано 8 бригад: четыре во главе с представителями Национального банка Румынии и четыре во главе с офицерами 60-й полицейской роты. В каждую бригаду входило по три рядовых жандарма, они также обыскивали. В конце октября перешли к смешанным бригадам.

Общее руководство операцией по депортации евреев из Атак через Днестр в Могилев-Подольский осуществляли представители Генерального штаба румынской армии подполковник Паладе с 5 до 15 октября 1941 г., после 15 октября капитан Титус Попеску[280].

В «Информационной сводке» секретной службы № 116 от 31 октября 1941 г. сообщается, что названный лейтенант А. Рошка из 60-й полицейской роты регулярно отправлял из Атак в румынский город Роман, где жила его жена-учительница, чемоданы с вещами. «Сначала Рошка отнял у евреев все золото, – говорилось в «Сводке», – без составления ведомости или выдачи расписки, просто клал в карманы, так же, как и плутоньеры полицейской роты». Со ссылкой на сведения, полученные от жандармов местного поста, в сводке говорилось, что у евреев отняли килограммы золота, доллары и другие ценные предметы. При переправе через Днестр у них отняли «тюки с вещами, которые еще были при них, и сложили их в большом сарае, так что ушли евреи только в том, что было на них, и без денег».

Далее в документе сообщается, что офицеры и плутоньеры награбленное отправляли к себе домой в Румынию по почте из Атак и Липкань, деньги сдавали в сберегательные кассы. «У всех полно ценных предметов и золота, – заключает автор донесения, – и еще держат их на квартирах, где проживают». Сын Рошки, якобы, сказал, что «после окончания войны он подаст в отставку из армии, ибо уже имеет на жизнь»[281].

В связи с большим наплывом людей в Атаках баснословно подскочили цены на продукты питания. В донесении приводятся такие цифры: буханка хлеба – 500 леев, литр молока – 600, одно яйцо – 100 леев. Редко кому из депортированных под силу было приобрести продукты по таким ценам.

Когда до высокого начальства дошло донесение о том, что еврейская недвижимость растаскивается и казне мало что достается, главный претор генерал И. Топор распорядился начать расследование, «обыскать всех, – отнять деньги и ценности»[282].

В присутствии майора Теодореску, посланного для проверки, ряд участников обысков и изъятия у евреев драгоценностей, денег и домашних вещей давал письменные

«декларации», в первую очередь сам командир полицейской роты А. Рошка и его подчиненные, призванные из запаса лейтенанты Валериу Быля и Андре Кокуз, младший лейтенант Георге Марино. В эту компанию вошел и младший лейтенант запаса Горовейд из Хотинского жандармского легиона. До мобилизации Горовейд и Марино работали в сфере юриспруденции, первый был прокурором, второй – советником Апелляционного суда в Черновцах. После прохождения процедуры сдачи представителям Национального банка Румынии (НБР) драгоценностей, документов и обмена леев на рубли, евреи попадали к перечисленным офицерам, которые занимались обыском на предмет обнаружения и конфискаций у депортированных припрятанных денег, изделий из благородных металлов, облигаций государственного займа и т. д. Их «плодотворная» деятельность выпала на период, когда всеми управлял бравый капитан Титус Попеску.

Аугустин Рошка в своей «декларации» писал: «Заявляю, что при проведении обысков отнимались у евреев обручальные кольца, прямо с ушей снимались серьги, забирались часы личного пользования»[283]. Лейтенант Быля, конвоировавший колонну евреев из Единецкого лагеря, прибыл в Атаки 16 октября 1941 г. и совместно с лейтенантом М. Горовейдом «конфисковал у евреев документы и деньги». У Горовейда к этому времени уже были «заслуги» в конфискации у депортированных «изделий из золота и серебра». Совместно в один из дней они отняли у евреев 220 000 леев, в другой день – 180 000[284]. По требованию капитана Попеску и представителя НБР Бунеску они дополнительно занимались конфискацией кожи, тканей, шерстяных вещей и т. д. Быля еще «сортировал» конфискованные документы, отбирая ценные бумаги: облигации государственного казначейства, страховые полисы, пенсионные книжки и т. д. Младший лейтенант Кокуз с конвоем из Единецкого лагеря прибыл в Косоуць 18 октября и тут же приступил к проведению обысков и конфискации «денег и бижутерии»[285].

Все писавшие «декларации» утверждали, что по приказу капитана Попеску два раза в день, в обед и вечером, они сдавали все отнятое представителям НБР, при этом никаких расписок они не получали, никакие акты о приеме и сдаче ценностей не составлялись, деньги не считались. «Я не требовал от представителей НБР расписок о получении имущества, – пишет лейтенант Быля, – поскольку другие офицеры, участвовавшие в обысках с самого начала, пытались получить таковые, но представители НБР ответили, что из-за отсутствия времени такие формальности с подписями не соблюдаются и они работают на взаимном доверии с учетом того, что дело идет со зрелыми служащими Национального банка Румынии». «Ценные бумаги, – уточняет Марино, – также передавались НБР без всякого оформления и контроля их количества»[286]. «Поскольку из-за отсутствия времени не соблюдаются формальности для учета денег и бижутерии, тем более не нужны они для ценностей, отмеченных в бумагах», – читаем в упомянутой «декларации» Быля. Всякие другие документы, паспорта, удостоверения личности, дипломы, просто уничтожались. Лидия Гарник из Черновцов вспоминает: «Выгрузили в Атаках. Здесь отбирали документы. Бросали их прямо в Днестр. Я спасла свой диплом только потому, что спрятала его на дно мешочка с сахаром»[287]. Такие порядки завели представители Генштаба капитан Попеску и уполномоченные Национального банка.

Никто из названных офицеров не признавался, естественно, в присвоении части награбленного у евреев. На деле же каждый из них стремился на обысках нажить состояние. Бывший председатель еврейской общины г. Сучава адвокат Тайх по роду своих занятий хорошо знал Горовейда и Марино. «Нашу группу, – отмечает он в своих воспоминаниях, – обыскивал Марино, который оставшиеся деньги, ценные бумаги и предметы клал в свои карманы. Только мелкие деньги он давал жандармам. Даже у меня, очень хорошо ему знакомого, он отнял 12 000 леев и положил в свой карман, затем из

сумки жены забрал облигации государственного займа и другие ценные бумаги, примерно на 25 000 леев, и страховое свидетельство «Steaua României». Понятно, никакие расписки он не дал мне, никакого эквивалента в деньгах, все явилось организованным грабежом. Другие мне рассказали, что с ними он поступил еще хуже, забрал бижутерию и все ценные предметы, положил их в собственный карман, и так же поступал лейтенант Горовейд при обысках, учиненных им»[288].

Вот некоторые свидетельства других жертв этих бесчинств организаторов депортации в Атаках. Феличия Гинингер: «В Атаких произвели тщательный обыск, забрали золотые и другие вещи. Мы подошли к Днестру напиться воды. Вода была красная от крови. В воде плавали трупы»[289]. Рива Майзер: «Фашисты нас ограбили, забрали все, что могли. Перебрались мы в Могилев-Подольский уже голые и босые»[290]. И этот грабеж сопутствовал депортированным вплоть до высадки на левый берег Днестра. «Самый жестокий грабеж, – пишет Борис Бухарский, – происходил на пароме, когда нас переправили через реку Днестр. Тех, кто хоть чуть возражал против грабежа, и даже не возражавших жандармы бросали в Днестр, где они у всех на виду тонули в холодной воде»[291].

Может, эти жертвы произвола и бандитизма преувеличивают? Приведем выдержки из румынского документа от 11 ноября 1941 г. о результатах проверки, учиненной по приказу Главного претора. «Операция по переправе через Днестр включает несколько этапов:

а) Прибытие поезда на станцию Атаки, высадку евреев и выгрузку багажа... Евреев ставят в известность, что они могут брать с собой лишь столько, сколько можно унести в своих руках... 30 октября было запрещено использование подвод. С этого числа после высадки две трети багажа оставалось на месте, остальное они забирали с собой в лагерь, в Атаки. Оставленный на месте багаж с трудом охранялся жандармами, поскольку гражданское население нападало с целью украсть его. Дело доходило до драки между жандармами и гражданскими, и все же не удалось помешать кражам. После ухода евреев багаж был перевезен на подводах и помещен... на складе на первом этаже без дверей и окон и не опечатывался. Его охрана была, следовательно, платоническая. По нескольку дней багаж лежал и под открытым небом, в это время многое из багажа было раскрыто, баулы разрезаны и разворованы обслугой, солдатами и даже охранниками. Багаж, который по внешнему виду, казалось, содержит более дорогие вещи, был взят и ограблен самими жандармами. При обысках, произведенных мною у многих жандармов, обнаружил: рубахи, дамские платья, одеколон, скрипки, ткани, часы, кольца, большие суммы денег и многое другое.

б) Переправа евреев от станции выгрузки в лагерь. В лагере в течение дня... жандармы, которые охраняли лагерь, занимались кражами, а фискальные агенты банка обменивали рубли на леи абсолютно частным образом, обменивая один рубль на 30 леев, а не на 40 леев, как официально меняет банк. В этих целях они привезли себе рубли из Бухареста или отправились в Могилев, где покупали рубли (по 7–8 леев за рубль – *И. Л.*) и меняли евреям один рубль за 30 леев.

в) Частные обыски багажа. Эти операции умышленно проводились порочно, для выгоды агентов НБР... Они были организованы капитаном Попеску и присланными служащими НБР, а именно: Бунеску, Павулеску, Антонеску, Лэкрару, Мэркулеску и Попеску... Обыскивались жиды и их багаж, конфисковывалось у них все: удостоверения личности, румынские деньги, портсигары, изделия из серебра, кожа на подметки, шерсть, ткани, изделия из полотна и т. д. Деньгами, бижутерией и ценными предметами набивались карманы, деньги не считались и никакие расписки не давали тем, у кого их отбирали. Все же можно сказать, что проводился контроль, а именно со стороны г-на

инспектора Флореску от Черновицкого отделения НБР. Но в результате этого контроля ничего не изменилось в этой системе обыска, который принес как военному персоналу, так и персоналу НБР много выгод и очень много миллионов леев. Я глубоко убежден, что эта система «полного взаимного доверия» и была для этой цели принята»[292].

Подтверждение этого беспредела содержится и в «Информационной сводке» от 11 ноября 1941 г. секретных служб. В дополнении к уже сказанному в «Сводке» сообщаются такие детали: «Позже изготовлены были какие-то ящики из ели, без покрышек, туда складывались конфискованные ценности, но и эти ящики передавались Национальному банку без подсчета и без акта о приеме». Потом эти ящики стали опечатываться, но «чиновник, который опечатывал ящик, проводил и обыск, складывал ценности в коробку, он же сдавал, он же снимал печать, а затем он же сам, без всякого контрольного органа, только в присутствии капитана Попеску Титуса считал... В части злоупотреблений пошли еще дальше, а именно: служащие Национального банка Антонеску и Лэкрару сами проводили обыски без всякого полицейского присутствия и в совсем другом от установленного месте для обыска»[293].

Присвоив себе значительную часть драгоценностей, румынской и иностранной валюты, ценных бумаг и дорогих вещей, коррумпированные военные и гражданские чиновники не могли, естественно, присвоить и увезти с собой все, что прошло через их руки. Часть денег и предметов из золота и серебра они вынуждены были сдать казне. Но еще оставались целые склады с одеждой, одеялами, матрацами, постельным бельем, коврами, посудой и другими жизненно необходимыми вещами. Тут-то началась настоящая грызня между различными ведомствами и органами власти за право распоряжаться этими «трофеями». Поскольку главная роль в проведении операции по очищению от евреев «вызволенных провинций» была отведена Генштабу румынской армии, то армейские органы считали, что им и положено распоряжаться этим имуществом. Это право оспаривали губернаторы «вызволенных провинций» на том основании, что самито депортированные – бывшие жители территорий, им подведомственных.

Получив информацию, что «в течение октября из Кишиневского гетто по ночам на грузовых машинах вывозятся мебель и материалы, оставленные эвакуированными евреями», губернатор К. Войкулеску приказал руководителю ведомства румынизации, колонизации и инвентаря Джурджувяну направить своих людей в гетто и приступить к описанию и складированию оставленного евреями имущества. Но военный комендант Кишинева Е. Думитреску не допустил их к работе. В повелительном тоне он, по утверждению Джурджувяну, заявил, что «никто, кроме него, не может вмешиваться в дела гетто и эту функцию он выполняет по конфиденциальному приказу Верховного главнокомандования» и до полной «эвакуации» евреев никого в гетто не допустит. «Перед лицом штыков военного командования, – жаловался Джурджувяну губернатору, – гражданская власть была поставлена в такое положение, что не могла выполнить свои функции»[294].

А тем временем, как только очередная колонна евреев покидала гетто, докладывал начальник полицейского участка на территории гетто, «дома евреев тотчас же переходили в ведение воинской части 3-го егерского полка под командой одного капитана, приказавшего открыть квартиры и погрузить на подводы и военные грузовики все, что найдено после отправки евреев. Эти предметы были складированы в военной комендатуре гетто». Подчеркивается, «что были изъяты предметы домашнего обихода большой ценности, то есть очень нужные и хорошего качества, почти новые».

В этот же день состоялась распродажа награбленного на Старом базаре. «Продавались различные предметы домашнего обихода, ковры в большом количестве и по довольно высоким ценам. Покупателями были крестьяне, гражданские служащие и много господ-офицеров на основе удостоверений комендатуры»[295].

Свидетельница А.И. Посторонка, дом которой находился на территории гетто, рассказала, что с ее двора были отправлены в Транснистрию все евреи, «среди них семьи Фрейдерман – Хаим, Зисля, Рая, Хона, семья Рабин – Рося, Фрима, Поля, двое стариков Зельцер, двое стариков Вассерман, мать и сын Вейц и ряд других... Сейчас же после того, как были отправлены все названные выше, к их квартирам подъехали на подводах румынские солдаты и забрали все их имущество, которое они не могли взять с собой»[296].

В «Отчете об информационной поездке в Бессарабию и Буковину» агента Специальной службы информации приводятся такие факты: «В гетто были две большие комнаты, забитые посудой, лампами, часами, радиоприемниками, столовыми приборами и др., которые за ночь приведены в полный беспорядок, часть предметов разбита и выброшена на улицу. Для 3-го армейского корпуса грузятся ковры, шторы, столовые приборы и посуда на 300 персон (между 1–4 ноября)»[297]. В рапорте № 741 прокуратуры уезда Лэпушна (Кишиневского) отмечается, что «в домах, спешно покинутых евреями гетто в связи с отправкой их в конвоях, осталось много ценных предметов», и приводятся некоторые фамилии расхитителей этой собственности[298].

Немало, тем не менее, перепало из еврейского имущества и ведомству румынизации, колонизации и инвентаря. 26 октября 1941 г. начальник этого ведомства по губернаторству Бессарабия докладывал, что оставленное евреями имущество «в муниципии Кишинев и в остальных городах Бессарабии было инвентаризировано и передано на хранение... жителям, служащим, военным органам и беженцам». Далее в документе сказано, что у примарии Кишинева два склада вещей: один небольшой с матрацами и простынями, другой со строительным лесом, углем и материалами из железа. Больше складов с наворованным имуществом было у Военного призывного округа – в одном Кишиневе 10, из них 8 «переправлены в неизвестном направлении». Само ведомство румынизации имело два склада[299].

Острый спор разгорелся из-за еврейской собственности, оставшейся в Маркулешть 28 октября 1941 г. Здесь появился посланный из Бухареста представитель Министерства обороны капитан интендантской службы Георге Параскивеску. Для вывоза накопленного багажа пригнали 10 товарных вагонов. До 3 ноября 1941 г. после сортировки отобрали лучшие вещи и отправили на Бухарест 3 вагона. Никакой инвентаризации не проводилось. Из-за вспыхнувшей эпидемии сыпного тифа отправку остальных 7 вагонов временно отложили[300].

Губернаторство Буковина, считавшее, что вещи депортированных евреев края должны ему принадлежать, направило поочередно три делегации с поручением вывезти этот багаж. Но и администрация Сорокского уезда, на территории которого находился лагерь Маркулешть, не собиралась упустить возможность нажиться. Префект уезда в сопровождении жандармов, примаря и писаря Маркулешть, устранив охрану, ворвался на склады, где хранились вещи, отнятые у евреев Буковины, и приказал провести инвентаризацию и вывоз этого добра[301]. Последовала реакция со стороны военных, посыпались жалобы в Генштаб и Кабинет по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии при Совете министров Румынии. В конечном счете, как докладывал инспектор жандармерии Бессарабии полковник Мекулеску своему бухарестскому начальству, «все десять вагонов, отобранные командованием 4-м территориального округа, отправлены, осталась мелочь, вещи, не представляющие ценности»[302].

Сам кондукэтор был крайне недоволен ходом «румынизации» и итогами перемещения еврейской собственности в руки государства. Большая ее часть, в первую очередь драгоценности, валюта, была разворована. Как уже отмечалось, 4 декабря 1941 г. разгневанный маршал отчитывал губернаторов, руководителя Национального банка и

других высокопоставленных чиновников, не сумевших предупредить расхищение еврейского имущества. 10 декабря 1941 г. на одном очередном совещании, приводя примеры подобных безобразий, И. Антонеску признал, что в стране царствует «настоящая анархия», в грабежах участвуют «университетские профессора, инженеры, врачи, учащиеся лицеев и начальных школ, даже духовенство», и в конце концов выпалил: «Все воруют, страна грабителей»[303].

Определить ущерб, причиненный депортированным евреям губернаторств Бессарабия и Буковина, в силу вышеуказанных причин почти невозможно. То, что многие поколения создали и накопили упорным трудом, было в считанные месяцы растаскано, разворовано, уничтожено. Представитель Международного Комитета Красного Креста в Румынии Шарл Колб после посещения в конце 1943 г. лагерей в Транснистрии написал отчет о поездке, один экземпляр которого он направил для ознакомления вице-премьеру румынского правительства Михаю Антонеску. Швейцарец Колб, касаясь ущерба, причиненного депортированным евреям Бессарабии и Буковины, определяет его в сумме «60–70 млрд», не считая «потерянного дохода от эксплуатации утраченной недвижимой собственности», измеряемого еще в 12–15 млрд леев»[304].

§ 7. На что уповали обреченные на гибель евреи?

Перед лицом нависшей смертельной опасности основная масса бессарабских и буковинских евреев уповала на милость Бога, который совершит чудо, и они будут спасены. Из священных книг они знали о таких чудесах из многовековой истории еврейского народа. В своих молитвах раввины, все верующие евреи, особенно пожилого возраста, молили Бога о спасении.

Многие раввины шли во главе колонн депортированых, вселяли в них надежду на избавление. Это духовное сопротивление придавало многим силы в борьбе за выживание. Не случайно фашистские палачи особенно издевались над духовными руководителями еврейства.

Деловые евреи, которым удалось припрятать от советских экспроприаций драгоценности и деньги, стремились, как уже отмечалось, выбраться из фашистского ада, опираясь на свои старые связи с румынскими чиновниками, коррумпированность тех, в чьих руках порой находилась судьба обреченных на страдания и смерть.

Еврейская элита, возглавлявшая в Кишиневе комитет гетто, бывшие руководители еврейских общин в румынских городах Сучава, Рэдэуць, Дорохой и др. все надежды на облегчение участи евреев, отправленных в Транснистрию, возлагали на заступничество руководства Федерации еврейских общин Румынии в лице ее многолетнего председателя адвоката В. Фильдермана, чьи широкие связи с влиятельными румынскими политиками были хорошо известны, а также на главного раввина Румынии А. Шафрана, пользовавшегося определенным авторитетом у высокопоставленного православного духовенства страны, хотя кое-кто из него слыл антисемитом.

Мы уже писали о тайном приезде в Бухарест и о встрече заместителя председателя еврейского комитета Кишиневского гетто адвоката А. Шапиро с В. Фильдерманом и А. Шафраном, о других посещениях такого рода и многочисленных тревожных телеграммах, прибывавших в адрес Федерации.

Попытки В. Фильдермана 8 октября 1941 г. попасть на прием к И. Антонеску не увенчались успехом. Принявший его начальник канцелярии маршала подполковник Елефтереску, заявив, что глава государства занят, переправил его к подполковнику Галлину, занимавшему такой же пост у вице-председателя правительства. Прием у Ми-

хая Антонеску не состоялся, подполковник Галлин обещал доложить своему шефу о просьбе В. Фильдермана не отказать в аудиенции[305].

Поскольку добиться приема не удалось, а депортация уже проводилась, 9 октября В. Фильдерман направил два письма, первое – на имя маршала, второе – его супруге Марии Антонеску, которая возглавляла в стране Совет патронажа социальных деяний. Сославшись на известия о депортации бессарабских евреев в Украину, что «равносильно смерти», В. Фильдерман умолял кондукэтора «если каким-то образом есть возможность и если евреи ничем не провинились, приостановить этот эксод»[306].

В письме Марии Антонеску говорилось: «После того, как губернатор Бессарабии призывал нас оказать помощь евреям Бессарабии, сейчас нам говорят, что все евреи будут завтра же отправлены в Украину, что равнозначно их смерти. Как председателя Совета патронажа социальных деяний умоляю Вас подумать о невинных матерях и детях»[307].

Никакого ответа не последовало. Тем временем положение евреев продолжало ухудшаться с каждым днем. 11 октября В. Фильдерман в своих записях отмечал: «Сегодня меня снова посетили бессарабские и буковинские евреи. Люди в отчаянии. В ряде мест вытащили не излечившихся после операции больных и погрузили на подводы. Написал петицию № 1356 и просьбу об аудиенции»[308].

Прихватив архитектора Клежана, по национальности еврея, который, отказавшись от гонорара, построил кондукэтору в курортном элитном Предяле виллу, В. Фильдерман добился 11 октября приема у г-жи Антонеску. Ей вручили копию упомянутого обращения за номером 1356, которое в тот же день было направлено кондукэтору. В нем говорилось: «Я получил сегодня от руководства Кишиневского гетто отчаянное обращение. Утром 8 числа сего года отправлены 1500 человек, большей частью пешком, которые взяли с собой только то, что могли нести в руках, следовательно, всем грозит гибель, на улице холодно, а они раздеты, без пищи и без всякой возможности снабжаться и будут находиться по меньшей мере 8 дней в пути под дождем, снегом и в холоде. Только больные, старики и дети отправлены на подводах. Следовательно, даже больным не было пощады и женщины отправлены пешком. Это смерть, смерть, смерть без вины, кроме вины лишь в том, что они евреи. Еще раз умоляю Вас, господин Маршал, не допускайте совершения такой потрясающей трагедии»[309]. Госпожа Мария Антонеску ответила Фильдерману и Клежану, что поднятый вопрос «не в ее ведении, но она будет ходатайствовать». На деле ничего ею предпринято не было[310].

В этот день 11 октября 1941 г. главный раввин Румынии, со своей стороны, изложил в письме И. Антонеску, «славному вождю и доброму отцу всех детей страны», свою просьбу «позволить оставаться у своих очагов всем невиновным евреям, которых постигла суровая мера искоренения из родного отчего дома»[311].

Решающее слово в «еврейском вопросе» в Румынии принадлежало в те дни, естественно, кондукэтору. «После немалых усилий, – пишет А. Шафран, – он согласился принять меня. Когда я, наконец, попал к нему на прием, то мои слова, мой тон, мой напор – все было переполнено эмоциями.

Я умолял его сжалиться над несчастными преследуемыми, гонимыми людьми, не посылать на гибель. В какой-то момент казалось, что он тронут, но вскоре он разразился гневной тирадой. Я пытался успокоить его, подчеркнув, что он мог бы одним только словом остановить катастрофу, предотвратить разрушение такого большого числа домашних очагов, вернуть этих людей из мучительного похода, который мог привести к смерти людей. Но он только сурово глядел на меня то пылающим, то ледяным взором и заявил мне, что евреи заслужили свою судьбу. Его лицо то багровело, то бледнело, и он был похож на дикого зверя, готового растерзать меня в клочья. Предварительно

я собрал все душевные силы, чтобы владеть собой на протяжении этой аудиенции, но в этот момент я уже начал шептать «Шма, Исраэль!». Мои чувства во время этого тяжелого переживания, оставившего глубокие раны в моей душе, невозможно выразить словами»[312].

А. Шафран решил привлечь к делу спасения бессарабских и буковинских евреев руководство православной церкви в лице самого патриарха Никодима, полагая, что он сумеет повлиять на кондукэтора. «Патриарх, – пишет А. Шафран, – был пожилым человеком, угрюмым, безжалостным, выходцем из старого антисемитского духовенства. Когда я встретился с патриархом и объяснил ему катастрофическое положение, вызванное депортацией, его отношение было не только безразличным, но и граничило с враждебностью. Наш разговор походил скорее на монолог с моей стороны, так как патриарх редко реагировал на что-либо сказанное мною». А говорил раввин о вопиющей несправедливости по отношению к десяткам тысяч ни в чем не повинных людей, о его, патриарха, ответственности перед Высшим судом. В какой-то момент раввин не выдержал нервного напряжения, потерял сознание и упал на пол. Патриарх и его секретарь привели А. Шафрана в чувство, после этого атмосфера резко изменилась. Не взяв на себя какого-либо формального обязательства, патриарх обещал что-то сделать для облегчения участи обреченных евреев[313].

Специальная служба информации (SSI), возглавляемая Е. Кристеску, через свою агентуру зорко следила в эти дни за действиями еврейских руководителей и докладывала правительству о встречах и беседах А. Шафрана, В. Фильдермана и др. В донесении от 17 октября о встрече А. Шафрана с патриархом Никодимом сказано, что последний, якобы, отрицательно отозвался о мерах по депортации евреев и обещал связаться по этому делу с правительством. Он же посоветовал обратиться к папскому нунцию (посланнику) в Румынии Андреа Кассуло и к супруге маршала Марии Антонеску[314].

Встреча А. Шафрана с последней состоялась. Во имя спасения невинных женщин и детей раввин просил Марию Антонеску «повлиять на своего мужа и избавить людей от страданий». Та ответила, что «ее муж во всем руководствуется прежде всего высшими интересами государства, которому он преданно служит как руководитель». «Но разве в интересах государства подвергать страданиям невинных людей?», – спросил раввин. Вопрос этот остался без ответа[315].

Главный раввин решил подключить к акции спасения своих соплеменников короля и королеву-мать – женщину «благородную, с утонченной душой», как ее характеризует А. Шафран, с большим сочувствием воспринявшую рассказ о муках и страданиях людей, особенно детей. «Королева, – пишет А. Шафран, – установила контакты с обоими Антонеску, но безуспешно».

Во время обеда, устроенного в королевском дворце, на котором присутствовали оба Антонеску, патриарх и посланник Германии в Румынии Манфред фон Киллингер, королева-мать призывала проявить милосердие по отношению к ни в чем не повинным людям и прекратить депортацию. «Но ее призыв не подействовал на Киллингера; наоборот, он противился упрямо, бессердечно, даже нагло»[316], – отмечает А. Шафран.

13 октября В. Фильдерману удалось прорваться на прием к вице-премьеру М. Антонеску. Со свойственным ему лицемерием тот обещал «приостановить депортацию из Бессарабии и Буковины ителлектуалов, коммерсантов, ремесленников, а также тех, кто имел собственность в городе или селе».

В очередном донесении ССИ отмечалось, что после своего визита к премьер-министру В. Фильдерман сообщил своим коллегам по Федерации о достижении некоторого «улучшения» для евреев Бессарабии и Буковины, и что «демарш его встретил большое человеческое понимание»[317]. Но появившиеся надежды на лучшее на следующий же

день улетучились. Продолжали поступать тревожные известия, свидетельствующие, что все осталось по-старому.

14 октября В. Фильдерман направил Михаю Антонеску письмо, в котором, напомнив вице-премьеру о его обещании, писал: «Позволю себе повторить просьбу отложить отправку и остальным. Сегодня мне звонили, что как в Буковине, так и в Бессарабии много самоубийств и люди, будучи не в состоянии что-то брать с собой, растрачивают свое нажитое, оно отдается за ничто». В. Фильдерман умолял поступать так, как немцы, которые «возвратили в Бессарабию первые конвои, отправленные два месяца назад». Председатель Федерации союза еврейских общин Румынии явно не знал, чем был вызван «благородный» поступок гитлеровцев в августе 1941 г., а именно, что до возвращения в Бессарабию 13 500 евреев под предлогом обеспечения тыла немецких войск, они, по меньшей мере, столько же уничтожили в междуречье Днестра и Южного Буга.

16 октября Бухарест посетил митрополит Буковины Тит Симердя. Он своими глазами видел безобразия, которые творились с евреями в Черновцах. В «Информационном бюллетене» Черновицкого инспектората жандармерии за 14 октября отмечается, что «митрополит Буковины, якобы, находится под впечатлением эксода из Черновцов»[318].

А. Шафран решил не упустить возможности встретиться с митрополитом. «Хотя он был известен как антисемит, – пишет А. Шафран, – я счел, что должен воспользоваться его прибытием в Бухарест из Черновцов, где происходили массовые депортации, чтобы попытаться повлиять на него – очевидца огромной трагедии, происходившей в буковинской столице».

Во время состоявшейся встречи, за которой агенты ССИ также внимательно следили, Тит Симердя заявил, что «он сам поражен всем, что ему довелось видеть: румынские солдаты вытаскивали больных евреев из домов, слышались отчаянные вопли детей, когда их доставляли на пересыльный пункт для депортации». Далее А. Шафран пишет, что Симердя «действительно говорил с маршалом Антонеску и другими членами правительства», и это вроде приостановило депортацию евреев из Черновцов, в действительности это было не так, депортация продолжалась.

18 октября, получив отказ Министерства внутренних дел Румынии на просьбу разрешить посылку евреям Бессарабии и Буковины денег и медикаментов, В. Фильдерман с этой просьбой обратился к внешне более сговорчивому Михаю Антонеску. Ответа не последовало.

19 октября В. Фильдерман направил письмо на имя министра юстиции Румынии, в котором он как опытный и с большим стажем юрист на фактах продемонстрировал, что депортация евреев Бессарабии, Буковины, выселенных из Старого королевства давно осевших там евреев – уроженцев Бессарабии и Буковины, является акцией, «лишенной легальной основы и нарушением естественных прав человека». Напомнив об обещании Михая Антонеску освободить от депортации целый ряд категорий евреев и отметив, что оно не выполняется, Фильдерман просил министра «соблаговолить срочно вмешаться, чтобы приостановить отправку очередных колонн»[319].

Все демарши В. Фильдермана и А. Шафрана оказались безуспешными. Вскоре ответ на них был получен от самого кондукэтора, о нем несколько ниже. А пока в адрес Федерации еврейских общин продолжали поступать просьбы о помощи.

Наивно полагая, что правление Федерации еврейских организаций благодаря своим связям с правительственными чиновниками сумеет облегчить их участь, 22 октября 1941 г. бывший председатель еврейской общины г. Рэдэуць отправил в ее адрес телеграмму, в которой говорилось: «...обращаюсь к вам из Атак, где находимся мы, все евреи из Рэдэуць, с криком тревоги о спасении нас из отчаянного положения, в котором находимся. Вы, конечно, информированы, что 14 октября мы все были эвакуированы и

привезены для переправы через Днестр и направляемся куда-то в Украину без определенного места назначения и цели. Здесь мы остались без всякого транспорта для движения в неизвестном направлении. Большинство отправляемых за Днестр остается без пристанища, под открытым небом в дождь, грязь и холод. Небольшая часть находится при смерти, другие покончили с собой. Мы не в состоянии в этом письме передать весь ужас и положение, в котором находимся.

Несомненно одно. Если мы не будем сейчас же спасены, ни один из этих несчастных не останется в живых. По нашему мнению, речь идет пока примерно о 25 000 человек, которые в настоящее время находятся на дорогах по пути на Украину, частью в Могилеве и частью еще в Атаках.

По имеющимся у нас сведениям, и мы, то есть находящиеся в Атаках, максимум через 2 дня будем переправлены за Днестр для следования дальше.

Мы убедительно просим Вас: предпринимайте сразу же то, что считаете нужным для нашего быстрого спасения, чтобы нас хотя бы послали в лагерь на зиму, обеспечили транспортными средствами, если нельзя найти более благоприятное решение.

Представьте себе наше отчаяние, просим еще раз: спасайте нас из когтей смерти в последний час. Помощь, спасение может быть эффективным, если придет телеграфно...»[320].

Никакого, конечно, утешительного ответа в той обстановке евреи из Рэдэуць не дождались.

Порой приходится слышать такой вопрос: почему десятки тысяч евреев перед лицом неминуемой смерти смирились со своей судьбой, робко подчинились фашистским палачам и шли на гибель, не оказывая никакого сопротивления? Хотя отдельные случаи имели место. Рассказанный нами поступок членов еврейского комитета г. Бельцы, предпочевших пожертвовать собственной жизнью, но не выполнить требование гитлеровцев назвать имена «евреев-коммунистов» и обречь их на казнь, следует, бесспорно, отнести к подвигам в борьбе с фашизмом.

В целом, однако, следует признать: в массе своей евреи Бессарабии и Буковины не были готовы к борьбе ни организационно, ни даже психологически. Они слышали о зверствах гитлеровских фашистов, знали о преследовании своих соплеменников в военно-фашистской Румынии, но не представляли себе, что речь идет о поголовном истреблении народа, включая детей. Но об этом они скоро узнали. Дело в том, что у бессарабских и буковинских евреев не было своих национальных организаций, которые мобилизовали бы их и руководили вооруженной борьбой против любого врага. С приходом советской власти в Бессарабии и Северной Буковине все еврейские общины, сионистские организации, включая крайне левого толка, даже благотворительные общества были ликвидированы. Многие лидеры еврейской общины, руководители сионистских организаций, еврейские писатели, журналисты, одним словом, часть еврейской элиты была арестована большевиками и погибла в лагерях ГУЛАГа. Не могло быть у евреев вооружения, к тому же летом 1941 г., в условиях головокружительных успехов германских войск в войне против СССР, когда даже вооруженные солдаты и офицеры Красной армии тысячами капитулировали и сдавались в плен, сопротивление казалось бесперспективным. Следует учесть еще один момент: после мобилизаций, проведенных советскими властями в начале войны, абсолютное большинство евреев, оказавшихся в гетто и лагерях, составляли женщины, дети и старики.

Следовательно, речь может идти об участии евреев в составе советских подпольных организаций и партизанских отрядов, организованных на месте или заброшенных в тыл врага для вооруженной борьбы. В Черновицкой области, которая уже в

первой декаде июля 1941 г. была оккупирована немецкими и румынскими войсками, областной и районный комитеты компартии и местные органы внутренних дел и госбезопасности, на которых в соответствии с Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. возложена была задача организации подполья и партизанского движения, практически не успели развернуть эту работу. Такая же ситуация сложилась в северных районах Молдавской ССР.

Несколько больше времени в связи с положением на этом участке фронта было для организации подполья и партизанского движения у партийных и советских органов центральных и южных районов Молдавской ССР и Измаильской области Украинской ССР. 30 июня 1941 г. ЦК КП(б) Молдавии разослал уездным, городским и районным комитетам партии письмо, содержащее конкретные указания по претворению в жизнь директивы СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. об организации коммунистического подполья и партизанского движения в тылу врага. Для подпольной работы предлагалось использовать в первую очередь членов ВКП(б) и ВЛКСМ, участников бессарабского коммунистического подполья. Обращалось внимание на необходимость включения в состав отрядов и групп людей, «хорошо знающих язык и местные условия». Есть в этом документе специальная оговорка о евреях. Ввиду того, что они подвергаются тотальному истреблению фашистами, не рекомендовалось их использовать для деятельности на оккупированной противником территории[321]. Но эта рекомендация оставалась только на бумаге, на деле же евреев, особенно бывших участников коммунистического подполья в довоенной Румынии, использовали в борьбе в тылу противника.

Сама подготовка подполья проходила в спешном порядке и проводилась поверхностно. В отведенное короткое время не удалось обучить будущих подпольщиков и партизан правилам конспирации в условиях военного времени, провести с ними хорошую военную подготовку, научить пользоваться различными видами оружия и другими средствами для боевой и диверсионной деятельности.

Лица, проводившие отбор и обучение будущих подпольщиков и партизан, порою сами были недостаточно знакомы с местными условиями, биографиями и психологией людей, отобранных для претворения в жизнь опасного задания. В результате среди будущих подпольщиков оказались люди случайные, не готовые вести борьбу с фашистскими карателями. Когда в июле 1941 г. появились приказы румынского военного командования, в которых под угрозой смертной казни всем, получившим задания от советских органов, требовалось в течение 24 часов явиться с повинной[322], таковые нашлись. Были и предатели, которые ради того, чтобы получить вознаграждение в виде 2 гектаров земли, нескольких тысяч леев, а то и орден, помогали фашистским властям в поимке и аресте подпольщиков и партизан. Так, за усердие, проявленное при аресте и уничтожении партизанской группы под руководством А. Романенко, в составе которой был и еврей-учитель, а также несколько выявленных других в прошлом советских активистов, некий Александр Котеля, учитель по профессии, выхлопотал себе румынский орден «Coroana României» («Румынская корона»)[323].

Кощунством явилось отправление на подпольную работу в тыл противника бывших участников революционного движения в Румынии, почти всех побывавших в 20–30 гг. в тюрьмах или застенках сигуранцы (политической полиции Румынии). Летом 1941 г. сотрудники этого ведомства вернулись в Буковину и Бессарабию со списками и фотографиями бывших коммунистов, антифашистов и «подозрительных», подлежащих аресту. Для них не составило труда узнать в лицо человека с паспортом на имя Мунтяна Василия Федоровича, к тому же не похожего на молдаванина, 35-летнего еврея Шойла

Рабиновича. В Праге Рабинович окончил политехнический институт, участвовал в социалистическом движении. За революционную деятельность отбыл 6 лет заключения в печально известной варварским режимом тюрьме Дофтана. В результате дикого избиения при очередном допросе он лишился пальцев на одной ноге. В августе 1941 г. он был схвачен жандармами в с. Будешть, кишиневском пригороде, и передан в руки сигуранцы. В полицейском документе, составленном после допроса Мунтяна-Рабиновича, сказано: «...поименованный Рабинович Шойл... отказывается говорить нам о полученном от советских органов задании, утверждает, что знает об ожидающем его расстреле, но ему это все равно». Заявлял, что, «как бы ни складывались обстоятельства в период войны, уверен в конечной победе Советского Союза». Как и следовало ожидать, Шойл был казнен[324].

Такая же участь постигла и еврея Боруха Дейча, возглавлявшего антифашистскую организацию, основной костяк которой составляли рабочие кишиневской обувной фабрики. Румынская газета «Viaţa» («Жизнь») от 1 ноября 1941 г. сообщение о казни членов этой организации поместила под заголовком: «Еврей во главе банды. Приговоренные к смертной казни в Кишиневе». Расстрел был произведен на еврейском кладбище. Очевидцы рассказывали, что они «шли на расстрел спокойно, часть из них пела революционные песни»[325]. Как впоследствии стало известно из документов румынской сигуранцы, среди членов этих организаций оказались и предатели.

Неудачей завершились и попытки засылки в тыл врага для диверсионной деятельности и активизации антифашистского движения среди местного населения групп и отдельных лиц, спешно и плохо подготовленных разведотделами Южного фронта и Приморской армии во время обороны Одессы, а также Северо-Кавказского округа. Эти люди легко обнаруживались карательными органами противника и гибли в неравной борьбе. Среди жертв этих авантюристических затей были и евреи-бессарабцы Иосиф Бужор, Рая Шафран, Моня Гиршфельд, Борис Кесельман и др.

Перед отходом советских войск с территории Молдавии Центральный Комитет КП(б) республики выделил из своей среды несколько человек, поручив им оставаться на оккупированной территории для организации и руководства партизанским движением и подпольными антифашистскими организациями. Но это опасное для собственной жизни партийное поручение они не выполнили. Коммунистическое подполье в республике осталось без централизованного руководства. Временно Совнарком Молдавской ССР и бюро ЦК КП(б)М обосновались в г. Сталино (ныне Донецк). Как принято было тогда, руководству Молдавии предстояло отчитаться перед ЦК ВКП(б) о проделанной работе по реализации директивы от 29 июня 1941 г. и постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. об организации борьбы в тылу вражеских войск.

Началась очередная спешная подготовка групп для засылки на территорию оккупированной Молдавской республики. Перед нами отчет ЦК КП(б)М от 4 октября 1941 г., направленный в ЦК ВКП(б). В нем читаем: «После оставления нашими войсками территории Бессарабии и районов Левобережья ЦК КП(б)М организован и переброшен в тыл противника один партизанский отряд в составе 10 человек...». Далее говорится, что «организован подпольный партийный центр на территории Молдавской ССР в составе 9 человек... Нами до сих пор не установлена связь с партизанскими отрядами, с партийным центром»[326].

Забегая вперед, скажем: в составе упомянутого партизанского отряда и даже партийного центра не было ни одного из тамошних руководителей ЦК Компартии Молдавии и правительства республики. Никто из «верных сынов и дочерей партии» не вызвался лететь в глубокий тыл врага, не собирался рисковать своей жизнью во имя социалистической Родины.

Терещенко А.М.

Лейбович (Скворцов) М.Я.

Богуславский Я.Т.

Моргенштерн И.М.

Гринман И.И.

Гринберг Э.С.

Брухис С.П.

Мунтян П.Я.

Маслов Я.М.

Погибли в борьбе с фашизмом на территории Молдавии в сентябре 1941 г.

В качестве руководителя партийного центра был утвержден третий секретарь сельского Слободзейского райкома партии Молдавской ССР Терещенко Антон Мефодиевич. Он, 33-летний сын простого крестьянина, по национальности украинец, был мало кому известен в республике, а знавшие его в районе считали человеком порядочным, принципиальным. В партийный центр были зачислены два комсомольских функционера: секретарь Тираспольского горкома комсомола 25-летний молдаванин Мунтян Петр Яковлевич и секретарь Слободзейского райкома комсомола русский Маслов Яков Митрофанович. П. Мунтян накануне войны стал кандидатом в члены ВКП(б). Остальные 6 человек были евреями, известными как активные деятели революционного подполья Бессарабии[327]. 33-летний Лейбович Михаил Яковлевич, уроженец м. Чимишлия (Бессарабия), был назначен заместителем руководителя партийного центра. Когда ему было 20 лет, он примкнул к революционному движению, стал профессиональным революционером, выступал под псевдонимом Скворцов. Выполнял он задания не только в Бессарабии, но также в Румынии, Франции, Бельгии. В 1940–1941 гг., при советской власти, Скворцов (Лейбович) возглавлял управление кадрами Министерства финансов Молдавской республики.

Профессиональными революционерами были также Моргенштерн Израил Маркович и Богуславский Яков Тойвович. По возрасту И. Моргенштерн был старше всех в партийном центре, ему исполнилось 38 лет. Он и Скворцов весною 1940 г. разными путями оказались в Москве, были на приеме у тогдашнего председателя Коминтерна Георгия Димитрова. Накануне войны Моргенштерн являлся председателем исполкома Совета в родном городе Сороки.

Яков Богуславский стал на путь революционной борьбы в Бессарабии, продолжал его в Чехословакии, где учился в высшем учебном заведении. И по семейной линии он был связан с кругами революционеров. Вся семья его жены Полины, урожденной Торбан, участвовала в революционном движении, один из братьев – Рувин Торбан – ушел добровольцем на фронт, был заброшен в тыл врага на Украине, где погиб в бою.

В 1940–1941 гг. Яков Богуславский работал в редакциях газет «Бессарабская правда», «Советская Молдавия», а накануне войны – во Всесоюзном радиокомитете. Когда началась война, Я. Богуславский ушел добровольцем в Красную армию, но в августе 1941 г. был отозван руководством республики для отправки на оккупированную территорию Молдавии.

В молдавской газете «Молдова сочиалистэ» работала накануне войны единственная женщина в отряде – Гринберг Эстер Срульевна. Друзья и знакомые ее называли Фира. Еще в 1930 г., в возрасте 17 лет, она, ученица кишиневской женской гимназии «Принцесса Дадиани», примкнула к революционному движению, неоднократно арестовывалась румынской сигуранцей, сидела в тюрьме. Когда началась война, была отправлена в Одессу, где в разведотделе Приморской армии стала готовиться к отправке во вражеский тыл. В августе ее переправили в Донецкую область в распоряжение ЦК КП(б) Молдавии. Там же оказались бывшие участники революционного подполья Бессарабии и Румынии слесарь-железнодорожник Брухис Сруль Пинкусович и токарь Гринман Исаак Иосифович.

Подготовка группы к выброске на оккупированную территорию проводилась в селе Тельманово, недалеко от Донецка, под наблюдением бывшего наркома внутренних дел Молдавской республики Н. Сазыкина, назначенного в начале войны начальником спецуправления Южного фронта. Никому из будущих десантников, отобранных для засылки в тыл врага, не приходилось до этого прыгать с парашютом, большинство из них даже не умели обращаться с оружием. Всему этому они должны были обучиться в короткий срок. Фире Гринберг предстояло освоить специальность радистки. Здесь же, в Тельманове, были обговорены все детали, связанные с организацией и руководством подполья и партизанским движением в оккупированной Молдавии, оформлены на каждого новые документы на вымышленные имена.

Подготовка продолжалась недолго. Руководители республики торопили, нужно было отчитаться о проделанной работе перед Москвой. Было решено сначала отправить в тыл партизанскую группу, ее проводили в ночь на 13 сентября 1941 г. Среди прочего, она получила задание обеспечить прием партийного центра и в дальнейшем поддерживать с ним связь.

После приземления партизанская группа не вышла на связь со штабом Южного фронта, как было приказано. Тем не менее, отправка в тыл партийного центра не была отменена и даже не отложена. Она, как было заранее намечено, состоялась в ночь с 24 на 25 сентября 1941 г. с полевого аэродрома у с. Покровское, недалеко от Донецка. Присутствовавшая при этом председатель ЦК МОПР (Международной организации помощи революционерам) в Молдавской ССР Полина Федоровна Рыбальченко впоследствии рассказала, что провожать партийный центр пришли представители ЦК КП(б)М, правительства республики, соратники по бессарабскому революционному подполью, друзья. Прощаясь с Полиной Федоровной, Скворцов оставил ей для передачи сыну свою фотографию, на обороте которой было написано: «Дорогому сыну на память, Феля, твой отец». Он, как и все его товарищи по партийному центру, знал, на какое смертельно опасное дело их посылают, но никто не дрогнул, все отправлялись с желанием внести свой посильный вклад в борьбу с фашизмом.

Весь день 25 сентября в Покровском ждали шифровку о приземлении членов партийного центра в намеченном пункте: опушка леса у с. Бравича Каларашского района. Но ни в тот день, ни в последующие дни и вообще никогда она не пришла.

Закончилась война. Родственники, друзья стали обращаться в соответствующие партийные и советские органы, надеясь получить сведения о судьбе своих родных. Ответ всегда был кратким: «Без вести пропали». А тут еще подоспели арест и казнь

Еврейского антифашистского комитета в Москве, развернулись бешеные антисемитские кампании в связи с разоблачением «безродных космополитов» и «врачей-убийц». За одно упоминание фамилий Лейбовича, Моргенштерна, Богуславского, Гринберг, Брухиса, Гринмана можно было угодить в списки агентов международного сионизма.

Хрущевская оттепель позволила вернуться к истории партийного центра. Более доступны стали архивы. Удалось обнаружить среди архивных материалов кое-какие документы контрразведки Генштаба румынской армии. В «Контринформативном бюллетене» от 28 сентября 1941 г. содержалось следующее сообщение: «25 сентября с.г. в 4 часа в лесу у села Микэуць (15 км с-з Кишинева) были десантированы парашютисты. Захвачены трое, в том числе женщина. Двое других застрелены в бою в ходе преследования, трое покончили самоубийством. Среди жителей, участвующих в преследовании, двое убитых и трое раненых. Также ранен один солдат. Расследование продолжается». На второй день в «Контринформационном бюллетене» уточнялось: «8-й парашютист из отряда, десантированного в лесу Микэуць... застрелен». Из допроса захваченных вытекает, что отряд состоял из 9 парашютистов, из них: 3 захвачены, 3 покончили жизнь самоубийством, 2 убиты в ходе боя, «преследование непойманного продолжается». И, наконец, в бюллетене от 1 октября сказано: «Был обнаружен в радиусе с. Стецкань (Оргеевский уезд) советский парашютист из числа десантированных в лесу Микэуць. Будучи окруженным жандармами, он покончил с собой»[328].

Из обнаруженных документов стало ясно: члены партийного центра, будучи выявлены противником, ради спасения своей жизни не намерены были сдаться, приняли бой и сражались до конца. Во-вторых, удалось установить место приземления группы, что было очень важно для дальнейшего расследования. Но тут же возник вопрос: почему в 4 часа утра, когда село еще спало, в том самом месте, где приземлился отряд, находились жандармы и немало пособников из числа местного населения? Найденные протоколы полицейских допросов некоторых парашютистов из той самой партизанской группы, которая была отправлена в тыл 13 сентября 1941 г. с аэродрома у с. Покровское и попала в лапы румынских карательных органов, позволили ответить и на этот вопрос. По-видимому, не выдержав пыток, один из них проговорился, что в ночь на 25 сентября в районе с. Бравича будет десантирован партийный центр. На ноги были подняты все жандармские посты в лесном районе – Кодры, по селам развешаны объявления с обещанием наградить двумя гектарами земли, большой суммой денег и румынскими орденами и медалями лиц из местного населения, участвующих в поимке или уничтожении советских парашютистов. Охотников за столь щедрой наградой оказалось немало. Чтобы привлечь как можно больше таких добровольцев-карателей из местного населения, в прессе публиковались имена уже отличившихся и награжденных жителей. Так, в официальном «Бюллетене губернаторства Бессарабия» появилась фамилия одного крестьянина, получившего землю и деньги за убийство парашютиста Захария Власова. Под этой фамилией в партийном центре фигурировал И.И. Гринман.

Документы из румынских источников послужили отправной точкой для раскрытия тридцатилетней тайны о партийном центре. К поискам подключились родственники погибших, широкая общественность. Нашлись свидетели того боя на рассвете 25 сентября 1941 г. в районе сел Микауць–Драсличень. Они рассказали, что захваченные три парашютиста, в том числе единственная в отряде женщина – Эстер Гринберг, были ранены, а покончившие самоубийством сражались до последнего патрона и в безнадежном состоянии последние патроны приберегли для себя, но не сдались врагу. Парашютист, окруженный жандармами у с. Стецкань, также покончил с собой. Его тело

каратели зарыли в урочище Епурень, где закапывали подохший скот. После освобождения Молдавии в 1944 г. местные жители перенесли останки парашютиста на Стецканское кладбище. Настоящие имена парашютистов никто не знал. В ноябре 1941 г., после долгих пыток и допросов в застенках сигуранцы, на еврейском кладбище в Кишиневе были расстреляны 3 захваченных члена партийного центра, среди которых была Эстер Гринберг и, по свидетельству одного оставшегося в живых заключенного, Израил Моргенштерн.

Родственники, друзья и соратники погибших по революционному подполью неоднократно ставили вопрос о перезахоронении останков членов партийного центра и установлении им памятника. Несколько лет под различными предлогами решение откладывалось. Когда в 1965 г. по случаю 20-летия Победы большое число участников войны было посмертно награждено орденами и медалями СССР, в числе награжденных из шести евреев партийного центра в списках оказались только М. Скворцов, И. Моргенштерн и Я. Богуславский. Для И. Гринмана, С. Брухиса, Э. Гринберг места не нашлось. Дозировка на цитирование еврейских фамилий сохранилась.

В конечном счете, пришлось дать согласие на перезахоронение останков и сооружение памятника погибшим, но предложение проводить это в Кишиневе было отвергнуто с самого начала. Тем временем после двадцатидневного поиска, начиная с 25 июня 1971 г., были обнаружены останки погибших в ходе боя утром 25 сентября 1941 г.

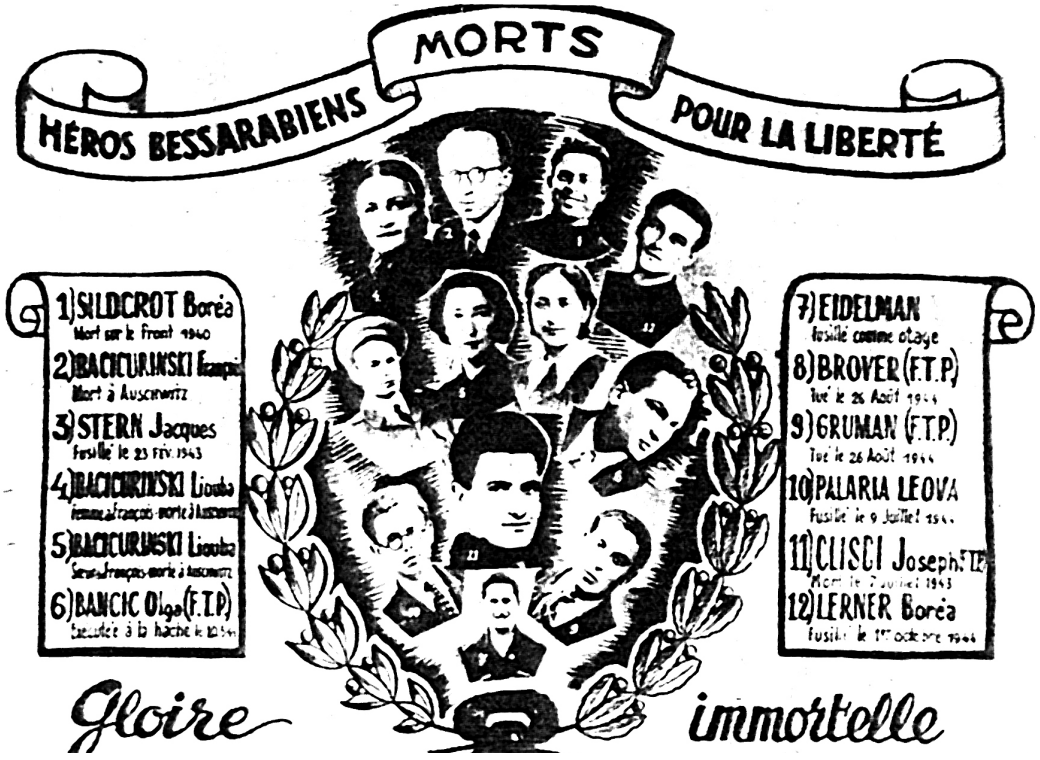
В воскресенье 22 августа 1971 г. на развилке между селами Ратуши, Драслич ень и Микауць, недалеко от шоссейной дороги Кишинев–Оргеев, проводить в последний путь героев-антифашистов пришли тысячи жителей не только указанных сел, но также представители из других районов республики. Были родственники, друзья и соратники погибших по борьбе в подполье, приехал известный в республике писатель Андрей Лупан, лично знавший М. Скворцова и Я. Богуславского, представители руководства республики.

Состоялся траурный митинг, сказано было немало взволнованных слов, хоронили с воинскими почестями, звучала траурная музыка. На второй день все республиканские газеты поместили на своих страницах репортажи и фотографии с места событий[329].

При открытии памятника, к удивлению многих, обнаружилось, что покоятся на этом месте не члены республиканского партийного центра, на который была возложена задача руководства подпольем и партизанским движением на оккупированной территории Молдавии, а обычная партизанская группа. Спустя тридцать лет «политически зрелое» руководство республики исправило «ошибку» истории.

Вторая мировая война застала некоторых евреев – уроженцев Бессарабии и Буковины в странах Западной Европы, главным образом во Франции, Бельгии. Одни выехали туда в поисках работы, другие – для получения высшего образования, были и такие, кто скрывался от преследования румынской сигуранцы.

Забегая вперед, хочу рассказать о тех из них, кто активно включился там в антифашистскую борьбу. Подлинной героиней французского Сопротивления была уроженка Кишинева еврейка Ольга Банчик. В годы немецкой оккупации Франции она сражалась в партизанском отряде под руководством Мисаака Манушьяна, снабжала партизан оружием и взрывчаткой, сама участвовала в вооруженных акциях. Схваченная гитлеровцами в мае 1944 г., Ольга Банчик была казнена. В предсмертном письме своей маленькой дочери она писала: «Твоя мать пишет тебе это последнее письмо. Моя милая крошка, завтра, 10 мая, в 6 часов, меня уже не будет в живых. Любимая моя, не плачь, как не плачет твоя мама. Я умираю со спокойной совестью и с полным убеждением в том, что ты будешь иметь более счастливую жизнь и счастливое будущее, чем твоя мать...»[330].

Евреи-бессарабцы – участники движения Сопротивления во Франции и Бельгии, погибшие в борьбе с фашизмом

Во Франции партизанский отряд, состоявший из иммигрантов-демократов и военнопленных, бежавших из гитлеровских лагерей, возглавлял уроженец Черновицкой области Иосиф Клищ. 3 июля 1943 г. в предместье Парижа в ходе многочасового боя с превосходящими силами врага Иосиф был тяжело ранен, но сражался до последнего и, не желая живым отдаться в руки фашистов, последней пулей застрелился. Дело героя продолжила его жена – Генриетта, которая, оставив маленького сына у своих французских друзей, примкнула к партизанскому отряду. В 1944 г. ее арестовали и отправили в Освенцим, где сожгли[331].

В Освенциме погибли уроженцы г. Бендеры участники французского Сопротивления брат и сестра Франсуа и Любовь Бачкуринские. Франсуа как химик наладил производство взрывчатки для партизанских групп. Люба была арестована в 1943 г. Ее муж Яков Зильберман также был партизаном. Во время одной операции от разрыва гранаты он погиб.

К французским маки примкнула и Тамара Иосифовна Пагис, уроженка г. Оргеев, жительница Кишинева. По окончании в 1939 г. медицинского факультета Бухарестского университета она уехала в Париж. Во время немецкой оккупации, наладив связь с французскими партизанами, Т.И. Пагис выполняла их задания, распространяла листовки среди советских и польских военнопленных. Орденом «Почетного легиона» был удостоен сражавшийся в отрядах французских партизан Бузя Шербан.

Группу бессарабских евреев Вторая мировая война застала в Бельгии. Некоторые, получив там образование, стали ее гражданами, не порывая в то же время с родиной. Таким был Годель (Жорж) Берехман, прибывший на учебу в Бельгию в 1930 г. Когда в 1940 г. гитлеровцами была оккупирована эта страна, Годель, он же Альберт-Жорж,

Виктор, встал в ряды активных борцов антифашистского движения. Как знавший русский язык установил связь с лагерем советских военнопленных, помогал им бежать из фашистской неволи, снабжал их продуктами питания, поддельными удостоверениями личности и т. д. Став жертвой предательства, Годель испытал на себе все тяготы лагерной жизни в Маутхаузене, Освенциме, где и погиб. Королевским указом Г. Берехман посмертно был награжден Крестом Кавалера Леопольда с пальмовыми листьями и медалью Сопротивления. Бельгийских правительственных наград удостоилась и жена Годеля Эстер (Эвлин), уроженка Кишинева, продолжавшая дело своего мужа.

Участницей движений Сопротивления во Франции и Бельгии была Этя Семеновна Коган, известная под кличкой «Маленькая Мари». Она успешно выполняла обязанности связной между центром подпольной организации, находившемся в Брюсселе, и его отделом в Шарлеруа, укрывала детей, родители которых сражались в рядах партизанских отрядов или были арестованы гестаповцами.

В отрядах бельгийского Сопротивления боролись братья Александр и Юрий (Жорж) Лившицы, сыновья кишиневского врача Соломона Лившица, который вместе с женой Рашель в конце 1920-х гг. переехал в Бельгию. В 1943 г. братья были схвачены фашистами и казнены. В прощальном письме матери Юрий писал: «Я оставляю эту одиночную камеру для того, чтобы уйти в мир иной со спокойствием. Сказать, что жалею о том, что случилось, было бы неправдой... Думаю о друзьях, которые сидят в тюрьмах, и говорю им: «Вспоминайте обо мне без боли...»[332].

Среди первых партизан Бельгии был Серафим Менашкович, рабочий-металлист, уроженец Кишинева, активный участник революционного движения в Бессарабии. За участие в партизанском движении в Бельгии был арестован гитлеровцами в 1942 г. Вот что писал о нем бывший командир бельгийских партизан, полковник Сопротивления, национальный председатель Фронта независимости Раймон Диспи: «Это особенно заслуженный партизан, проявивший высочайшее мужество. Казненный гитлеровцами, умер как герой. Несмотря на жестокие пытки, которым его подвергали во время заключения, Серафим Менашкович, прекрасно знавший все связи партизанской группы, никого не выдал»[333].

Так сражались и умирали евреи во имя спасения человечества от коричневой чумы. Пусть молодое поколение знает их имена.

§ 8. Первые последствия «этнической чистки». Отклики в стране и за рубежом

И. Антонеску и его сторонники в правительстве уже в первые месяцы пребывания у власти воочию убедились в пагубности для страны, ее экономики, финансов и моральных устоев проводимой «по-легионерски» румынизации. Однако должные выводы сделаны не были. Замышляемая «организованная» румынизация под строгим контролем государства в условиях войны и растущей коррумпированности всесильной военщины и всего чиновничьего аппарата привела к еще более плачевным, чем прежде, результатам.

Сознавая это, кондукэтор в то же время, особенно, когда речь шла о Бессарабии, Буковине и даже румынской Молдове, действовал с диаметрально противоположных позиций. Он опасался упустить, с его точки зрения, благоприятный момент, созданный войной и союзом с Гитлером, для кардинальной «этнической чистки», в первую очередь, для изгнания евреев из страны. В действиях маршала прослеживаются и личные амбиции, стремление быстро прославиться решительными шагами в «обновлении» страны и румынской нации.

Плоды этой поспешности скоро дали о себе знать. То, что многие поколения евреев создали и накопили упорным трудом, было в считанные дни и месяцы растаскано, разворовано, уничтожено. О том, как румынизировались в Северной Буковине и Бессарабии под «контролем» государства бывшие еврейские промышленные и торговые предприятия, пахотные земли, сады, виноградники, леса, жилые помещения и другие виды собственности, мы уже писали. Местное нееврейское население, в том числе коренной национальности, было обойдено, что вызвало в его среде законное недовольство. Черновицкий областной инспекторат полиции докладывал своему начальству: «Местное население недовольно тем, что туземцы не могут воспользоваться каким-либо образом еврейским имуществом, поскольку вместо евреев приходят чужие люди, запрашивающие большие цены (за товары – *И. Л.*), чуждые этому краю, у которых только личные интересы и цели – разбогатеть»[334].

Аналогичная ситуация сложилась в Бессарабии. Проводимая румынизация торговли основательно ударила по карману рядовых жителей края. В докладной записке Специальной службы информации (ССИ), озаглавленной «Подпольная торговля в Бессарабии», читаем: «Меры, принятые губернаторством Бессарабия в деле поощрения создания коммерческих предприятий, дали слабые результаты. Зато все города и местечки кишат многочисленными мелкими спекулянтами, прибывшими из Старого королевства..., которые в своем стремлении нажиться и быстро разбогатеть не брезгают никакими средствами. Эти спекулянты не имеют зарегистрированных фирм и лавок, а под предлогом, что они являются элементами румынизации бессарабской торговли, не платят налогов и не несут никаких фискальных обязанностей. По селам бродят так называемые заготовители, которые вместо того, чтобы продавать свои товары на рынке, сбывают их подпольно какому-нибудь крупному скупщику, избегая уплаты различных сборов, ведения регистров и т. д. Скупщик, в свою очередь, продает товар, опять-таки подпольно, городским оптовым коммерсантам, которые также по спекулятивным ценам продают их мелким торговцам и лавочникам, единственная отрасль, которая расцвела в Бессарабии». Тайный агент кишиневской полиции писал: «Те, что прибыли сюда для румынизации торговли, в течение нескольких месяцев разбогатели, сколотив миллионы»[335]. На фоне этой румынизации прежняя коммерческая деятельность евреев выглядела совсем бледно.

Хорошо известно, что сельскохозяйственные, продовольственные и другие ресурсы Бессарабии, Буковины и Транснистрии румынские власти использовали для снабжения не только своей армии, но и своих союзников по войне, особенно немцев. Реквизиции зерновых, скота и др. для армии проводились на протяжении всей войны. Одновременно в результате «государственного регулирования» экономики («economia dirijată») право распоряжаться сельскохозяйственными, продовольственными и другими сырьевыми ресурсами было отдано на откуп всяким монопольным объединением: наиболее крупные маслобойные заводы Бессарабии, ранее принадлежавшие в основном евреям, были подчинены картелю «Управление фабрик растительных масел» («Офаул»), ему же, а также немецкому объединению «Солагра», принадлежало единоличное право «заготовки» и распределения маслосемян; Институту национальной кооперации (ИНКООП) – «заготовка» зерновых и других сельскохозяйственных продуктов; Румынскому управлению по снабжению и распределению кожтоваров (ОРАП) – кожевенного сырья и животного жира; Профессиональной ассоциации хлопчатобумажных, льняных и пеньковых ткацких фабрик и немецкой фирме «Тобинпекс» некоего Миниха – льна и конопли, последнему разрешено было также вывозить пух и перо. И все это по заготовительным ценам, установленным государством, значительно ниже рыночных. Металлургические за-

воды Решицы, в большинстве своем перешедшие концерну «Герман Геринг», обладали единоличным правом сбора железного лома, а немецкий предприниматель Лубеник – лома цветных металлов. В определенной мере румынизация становилась германизацией, немецкие фирмы, по признанию румынских властей, «действовали бесцеремонно»[336].

Широкомасштабные планы диктатуры И. Антонеску по румынизации и колонизации ничего положительного не сулили бессарабским и буковинским крестьянам, в массе своей всегда испытывавшим земельный голод. На землях репатриированных в Германию немцев, в первую очередь юга Бессарабии, а также всяких «бесхозных» землях, намечалось создавать колонии из отличившихся на войне румын, а также румын из Македонии. Колонизационный земельный фонд румынские правители рассчитывали увеличить за счет выселения из губернаторств национальных меньшинств – украинцев, русских, болгар, гагаузов и др. Слухи о таких намерениях властей, приводившие в ужас людей, наблюдавших муки изгнанных евреев, особенно усилились после проведенной в Бессарабии и Северной Буковине в августе-сентябре 1941 г. переписи населения и имущества. Это осложнило и усилило и без того существующее напряжение, особенно на севере Бессарабии и Буковины, среди украинского, болгарского и гагаузского населения – в южных уездах Бессарабии. Среди значительной части этого населения депортация евреев вызвала не восторг, а глубокую озабоченность. Не случайно, по-видимому, на севере Бессарабии, когда колонны измученных евреев двигались мимо украинских сел, женщины-украинки выносили им кто что мог из еды, чтобы как-то поддержать голодных и обездоленных людей.

В Южной Буковине и уезде Дорохой, не побывавших в составе СССР и не ставших ареной военных действий, еврейские магазины, мастерские, промышленные предприятия, хотя в сильно стесненном положении, в массе своей до проведения депортации продолжали действовать. Значительная часть румынского населения с удовлетворением восприняла изгнание евреев, полагая поживиться еврейским имуществом, заполнить образовавшийся вакуум во всех сферах производства и торговли, значительно улучшить свое материальное положение и жизненные условия. Какая-та часть верхушки, обладающей властью, как было показано, основательно нажилась за счет присвоения еврейского имущества.

Основная же масса румынского населения не только ничего не выгадала, но даже столкнулась со многими почти не разрешимыми жизненными трудностями. Упомянутый адвокат Мушат в своем заключении о депортации евреев в узде Дорохой пишет, что в результате этой акции в местечках Дарабань, Рэдэуць (на Пруте), Михэйлень «никакой коммерческой жизни уже нет».[337] 22 ноября 1941 г. в «Информационном сообщении» № 1765 секретные службы г. Сучава писали: «Насколько в начале прошлого месяца среди румынского населения царили удовлетворение и разрядка в связи с эвакуацией еврейского населения, в руках которого почти целиком находились экономика, торговля и промышленность города, настолько в настоящее время у жителей разных социальных слоев из-за непредвиденных вначале последствий эвакуации проявляется озабоченность». Суть в том, что «вся экономическая жизнь резко замерла, ударив в первую очередь по румынам города, которые из-за тяжелого материального положения не имеют достаточно запасов продовольствия на более продолжительное время, пока заполнится пустота, оставленная евреями. Население в настоящее время жалуется по многим причинам, главным образом на то, что меры по эвакуации не сопровождались заменой евреев румынами хотя бы в самых срочных и главных компонентах повседневной жизни»[338]. Дипломаты зарубежных стран в Бухаресте (США, Ватикана, Швейцарии, Бразилии, Португалии, Чили и даже «дружественных» Германии, Испании, ви-

шистской Франции) следили и докладывали своим правительствам о неблаговидных действиях румынских властей по отношению к евреям. Особенно усердно смаковали эти варварские акции средства массовой информации и зарубежные представительства хортистской Венгрии, которая по отношению к своим гражданам-евреям вела более умеренную, чем Румыния, политику. В определенной мере действия Венгрии явились ответом на публичные протесты Румынии против венгерских репрессивных мер по отношению к румынам той части Трансильвании, которая после итало-германского Венского диктата в августе 1940 г. отошла к Венгрии.

Когда появилось в печати официальное сообщение о расстреле в Яссах 500 евреев-коммунистов, посланник США в Румынии Франклин Мотт Гюнтер в тот же день обратился к генеральному секретарю МИДа Румынии А. Крецяну с просьбой получить более подробную информацию по поводу вышеуказанного коммюнике. Последний, в сущности, повторил содержание правительственного сообщения. Ф. Гюнтер спросил румынского дипломата, все ли 500 евреев стреляли по немецким и румынским войскам, состоялся ли суд над ними, в ходе которого была возможность проанализировать доказательства причастности расстрелянных к террористическим актам[339].

В другом докладе, направленном Государственному департаменту, Гюнтер, возвращаясь к вышеуказанной беседе с А. Крецяну, писал: «...мои замечания были резкими..., дал понять, что реакция в западном мире будет очень неблагоприятной»[340].

Ф. Гюнтер имел встречи со многими политическими деятелями Румынии, в том числе с теми, которые в то время выдавали себя за «оппозицию» существующей власти. В первой половине июля 1941 г. американский дипломат в беседе с председателем национал-царанистской партии Ю. Маниу, влиятельным и опытным политиком, выходцем из Трансильвании, заявил, что «американская общественность глубоко опечалена репрессивными методами против евреев Румынии и такое обращение повлияет на право Румынии жаловаться на издевательства по отношению к румынам в Трансильвании»[341] (венгерской части – *И. Л.*).

Такое заявление американского дипломата, несомненно, оставило неприятный осадок у трансильванца Ю. Маниу. Соединенные Штаты Америки находились в тот момент еще вне войны, но их дальнейшая позиция, учитывая опыт Первой мировой войны, могла оказать решающее влияние на исход Второй мировой войны и послевоенное устройство мира. Игнорировать мнение США опытные румынские политики не решались. Не возражая против политики румынизации, проводимой диктатурой И. Антонеску, которая на том этапе сводилась, в сущности, к решению «еврейского вопроса», Ю. Маниу и другие умудренные опытом политики опасались, что за применение по отношению к евреям методов геноцида рано или поздно придется дорого заплатить, тем более, что победу в войне они прочили Великобритании. Многократный министр и последний председатель румынского Сената Константин Арджетояну 6 сентября 1941 г. отметил в своих дневниковых записях: «Массовые истребления евреев в Яссах, Молдове, Бессарабии были ужасны, нечеловечны, недостойны нашего века, века культуры... Добропорядочные люди, присутствовавшие при этом, рассказали мне невообразимые вещи, доказывавшие, что находимся на очень низком уровне человечности... Молдаване, с которыми я беседовал, утверждают, что в Молдове, Бессарабии, Буковине уже нет евреев, они были убиты или изгнаны за рубеж... За этот упрощенный и бесчеловечный образ действий, опасаюсь, в какой-то день придется дорого расплачиваться»[342].

18 июля Ю. Маниу отправил письмо И. Антонеску. Одобрив действия кондукэтора по «вызволению захваченных провинций» и высказав ряд замечаний и советов по будущей администрации Бессарабии и Буковины, Ю. Маниу, явно под впечатлением

разговора с Ф. Гюнтером, в весьма осторожной форме в конце письма затронул вопрос о бесчинствах по отношению к национальным меньшинствам, особенно евреям. Он писал: «Все более упорные слухи ходят о массовой резне, совершенной над национальными меньшинствами, главным образом над евреями, в Молдове. Они не проверены, и хотелось бы, чтобы они были неверными. Все случаи мятежа или национального предательства должны быть тут же и со всей строгостью наказаны. Принятие легальных мер для предупреждения подобных криминальных действий своевременно. Но чувство человечности, свойственное нашему народу, и его доброе имя не должны быть задеты расправами, массовыми истязаниями и нетерпимостью, которые обернутся в первую очередь против нас и наших соплеменников. По этой причине румынское общественное мнение и все мы, зная об этом, протестуем против них (бесчинств – *И. Л.*) или продолжения их, если они совершались»[343].

В письме на имя государственного секретаря США от 19 августа 1941 г. Ф. Гюнтер по поводу своих контактов с различными румынскими политическими деятелями касательно еврейской проблемы пишет: «Из прежних информаций вам известно, что лидер национал-царанистов Маниу и его сотрудники, некоторые официальные лица из Министерства внешних сношений, принц Барбу Штирбей и многие другие важные персоны открыто выражали сожаление по поводу крайнего насилия и суровых мер, примененных в отношении еврейского населения страны... Даже и Михай Антонеску, временно исполняющий обязанности премьер-министра, открыто изложил мне свое личное отвращение к актам жестокости и насилия, примененных к евреям, заявил, что предложил создать правительственную комиссию для разработки юридических основ в целях освобождения в настоящее время арестованных или находящихся в трудовых лагерях, против которых нет окончательного обвинения или доказательств».

Михай Антонеску, который, претворяя в жизнь планы своего фюрера, еще недавно наставлял все органы власти, какими варварскими методами следует проводить «этническую чистку», старался перед представителем США выглядеть человечным, настоящим ангелом, либералом.

Ю. Маниу избрал другую тактику, чтобы выгородить своих соплеменников. «Маниу утверждает, – сообщал Ф. Гюнтер, – что немцы провоцируют антисемитские беспорядки, чтобы отвлечь внимание общественности от своих целей завоевать и закабалить румынскую экономическую жизнь. Он утверждает, что они (немцы – *И. Л.*) организуют массовое истребление евреев, а ответственность сваливают на румын».

Ф. Гюнтер пытался разобраться в том, как широкие круги румынского народа воспринимали «эксцессы против евреев», и пришел к выводу, что это «трудно определить». «До недавнего времени, – отмечает он, – румыны настаивали на том, чтобы их считали толерантным народом, хотя не сомневаюсь, что, возможно, большинство узнало о массовых истреблениях и других зверствах с легким чувством удовлетворения». Это, по мнению Ф. Гюнтера, является, несомненно, и результатом антисемитской кампании, развернутой при легионерском режиме, непрерывных атак против евреев румынской прессы, военного и антисемитского сотрудничества с Германией. Вместе с тем, утверждает американский посланник, «не верю, что вся страна одобряет массовое истребление и грубое обращение при решении еврейской проблемы... Мой личный опыт подсказывает, что часть румын совсем не одобряет методы, которые время от времени применяются к евреям, жестокость и несправедливость...». Честные румыны считают, пишет Ф. Гюнтер, что реальным поводом для преследования евреев является «грабеж». Как бы там ни было, заключает Ф. Гюнтер, «1941 год до сего времени оказался черным годом» для евреев Румынии.

В беседах с И. Антонеску и другими высокопоставленными официальными лицами Румынии американской дипломат давал им понять, что «традиционное американское отношение требует человеческого и цивилизованного обхождения с евреями и всеми угнетенными народами, осуждает применение мер, сопровождаемых человеческими жертвами, даже тогда, когда это касается внутренних проблем» страны. Ф. Гюнтер предупреждал Государственный департамент, что, хотя со стороны последнего инструкций не поступает, он будет до конца действовать в таком же духе, полагая, что «не существует сомнений относительно американского подхода в вопросе о массовых истреблениях и грубого упразднения прав человека»[344].

Судя по докладу Ф. Гюнтера, еврейская проблема в Румынии обсуждалась им с посланниками других стран, аккредитованных румынским правительством, в частности Ватикана, Бразилии, Португалии, Швейцарии, воспринимавших с осуждением жестокие меры по отношению к евреям. Швейцарский посланник даже побуждал Ф. Гюнтера рекомендовать своему правительству выступить совместно с другими странами и выразить протест против бесчинств по отношению к евреям. Сам Ф. Гюнтер не считал себя вправе рекомендовать такую акцию, поскольку «факты нуждаются в лучшей документации, чем возможно в настоящее время получить». Он отметил, что в Румынии нет ни одного американского корреспондента, но полагал, что, судя по слухам, в скором времени венгерская пресса «предпримет кампанию против Румынии» на тему о преследовании евреев, да и через Анкару эти сведения проникнут в США и таким образом внимание общественности Запада будет привлечено к этой проблеме[345].

Предположение Ф. Гюнтера подтвердилось. Венгерская пропаганда свои намерения выполнила, вызвав гнев официального Бухареста. 14 октября Михай Антонеску отправил подведомственной ему дипломатической миссии в Вашингтоне шифрованную телеграмму следующего содержания: «Следите внимательно за венгерской пропагандой. Вам направляется материал для контрпропаганды. Согласно некоторым информациям, будет попытка антирумынской пропаганды со стороны евреев, подкрепленная фотографиями о зверствах, совершенных в Молдове, Буковине и Бессарабии. Пошлю фотографии, показывающие поведение евреев Бессарабии и Буковины, оскорбление и нападение на нашу армию и солидаризацию с Россией и большевизмом в предыдущем году.

Информируйте, если возникнет проблема, что румынское правительство осуществило несколько реформ патримониального характера экспроприации еврейской собственности и сделано это для укрепления бедной и находящейся под угрозой румынской буржуазии и для восстановления равновесия, так как евреи в последние два десятилетия чрезмерно присвоили себе недвижимой собственности. В Румынии не проводятся акты преследования и погромы, как утверждают, правительство осуществляет ряд мер экономического равновесия...».

Но к этому времени Вашингтон уже обладал более достоверной, хотя, может, далеко не полной информацией о бесчинствах румынской администрации, чинимых против евреев, и попытки румынского вице-премьера и министра иностранных дел навязать правительству США заведомую ложь были тщетными.

Неоднозначную оценку получила румынская политика в «еврейском вопросе» у Германии, главного в то время союзника Румынии. Во время военных операций на территории Бессарабии и Северной Буковины летом 1941 г. командование вермахта, как уже известно, в целом одобряя казни евреев румынскими военными и жандармами, выражало недовольство лишь тем, что они совершались на виду у всех. Часто трупы евреев не закапывались, что могло стать достоянием мировой общественности и до-

казательством расправы с мирным населением, чего немецкое командование крайне не желало.

Эсэсовские айнзацгруппы и айнзацкоманды в своих донесениях подчеркивали плодотворное сотрудничество с румынскими жандармами и полицейскими в расправах с евреями и коммунистами.

Сам Адольф Гитлер похвально отозвался о действиях кондукэтора в «еврейском вопросе». 19 августа 1941 г. Й. Геббельс привел в своих «Дневниковых записях» следующие слова фюрера: «Что касается еврейской проблемы, можно констатировать, что такой человек, как Антонеску, действует в этой области более экстремистски, чем мы до сего дня»[346]. Но это высказывание А. Гитлера не было обнародовано.

В официальных же контактах некоторые высокопоставленные руководители Третьего рейха, в частности заместитель Г. Гиммлера всесильный Р. Гейдрих, выразили недовольство непоследовательностью и нерешительностью Румынии в «еврейском вопросе». Германский посол в Бухаресте М. фон Киллингер не разделял это мнение. 1 сентября 1941 г. он писал в Министерство иностранных дел Германии, что «не может согласиться с точкой зрения» руководителя группы СС Гейдриха. Образ действия румын на территориях, оккупированных на Востоке, доказывает, что «не может идти речь о политике дружбы для евреев». Среди прочих доказательств М. фон Киллингер указал на многократные просьбы М. Антонеску вернуть на работу в Румынию эсэсовца Г. Рихтера, согласие румынского правительства со всеми антисемитскими проектами законов, предложенных последним[347]. Относительно Густава Рихтера, капитана СС, можно отметить, что Михай Антонеску действительно сотрудничал с ним в определении политики по отношению к евреям еще до начала войны, но неожиданно немецкий «специалист» был отозван в Берлин. 7 августа 1941 г. румынский вице-премьер писал Г. Гиммлеру: «Сейчас, когда еврейская проблема предполагает и международное решение, тем более с использованием немецкого опыта в этой области, сотрудничество с г-ном доктором Рихтером является для субсекретариата румынизации и для меня лично вкладом, который будет всегда оценен и за который благодарю и Вас, Ваше Высокопревосходительство. Я был бы очень счастлив, если бы господин доктор Рихтер мог бы вернуться в Румынию для плодотворного продолжения своей деятельности»[348].

В упомянутом письме от 1 сентября М. фон Киллингер не преминул отметить заслуги румын в истреблении тысячи евреев во время погрома в Яссах, предупредил германский МИД, что «американская дипломатическая миссия собирает материал о преследованиях евреев в Румынии и передает его в Америку», рекомендовал заняться «проблемой евреев в Венгрии, ибо венгры сегодня заявляют, что румыны своими бесчеловечными действиями против евреев доказали, что они не могут предъявить права на цивилизованную область, какой является Трансильвания».

Недооценка ведомством Г. Гиммлера стараний румынского правительства в решении «еврейского вопроса» задевала самолюбие правящей румынской верхушки. 14 октября 1941 г., в тот самый день, когда за подписью М. Антонеску было отправлено письмо дипломатической миссии в Вашингтоне с требованием опровергать слухи о бесчинствах румынских властей против евреев, тот же М. Антонеску поручил румынскому посланнику в Берлине обратиться в Министерство иностранных дел Германии с просьбой направить в Бухарест своих представителей для устройства проверки, насколько «неверны» утверждения о «мягкости» политики правительства по отношению к евреям. «Меры, принятые господином маршалом по освобождению румынского народа от влияния и присутствия евреев, – доказывал вице-премьер, – настолько радикальны, что вызвали целый ряд ходатайств относительно трагического положения ев-

реев в Румынии. Из 350 000 евреев Бессарабии и Буковины абсолютное большинство уже эвакуировано, и через несколько дней в Бессарабии евреев уже не будет и меры будут продолжены. Непозволительно, как было в прошлом, допустить какие-то сомнения или инсинуации»[349].

Вскоре сам кондукэтор пролил свет на свою позицию в еврейском вопросе.

§ 9. Маршал обнародовал свой вердикт евреям. Мифы и действительность

19 октября 1941 г. И. Антонеску подписал подготовленный ответ на письма В. Фильдермана от 9 и 11 октября, в которых последний просил приостановить депортацию евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию. 21 октября ответ маршала был вручен В. Фильдерману, а 27 октября он, неожиданно для всех, появился на страницах всех ведущих румынских газет. До этого, да и после кондукэтор от своего имени так открыто на тему о евреях в печати не выступал.

Что же побудило И. Антонеску выступить с открытым письмом? Ведь румынские правящие круги всеми силами старались скрыть от мировой общественности факты геноцида против еврейского населения. Расстрел 500 евреев-коммунистов в Яссах мотивировался просто: вооруженные евреи напали на румынских и немецких солдат. Вроде оправдание нашли, хотя мало кто поверил в эту выдумку. А тем временем слухи о массовых расстрелах и депортации евреев Бессарабии и Буковины продолжали просачиваться, все больше людей в мире стали узнавать о них. Поистине, как говорят в народе, шила в мешке не утаишь. Назрела необходимость найти оправдание актам расправы с евреями и обнародовать мотивы репрессивных мер против них. Одновременно открытое письмо подтверждало твердую позицию и должно было положить конец разговорам в Германии о непоследовательности и колебаниях румынского правительства в решении «еврейского вопроса». Не исключено, что именно это, а также уверенность в германской победе в войне, склонили чашу весов в пользу опубликования этого произведения, увидевшего свет за подписью кондукэтора. Сам факт, что в печати оно появилось спустя 15 дней после последнего обращения В. Фильдермана и 5 дней после вручения последнему ответа маршала, наводит на мысль, что у румынской правящей верхушки были колебания насчет целесообразности публикации этого «гениального» творения. На это указывает найденный в архиве документ: «Записка относительно публикации прошений доктора Фильдермана, резолюций и ответа господина маршала Антонеску на эти прошения». В этом документе сказано о «несвоевременности» и о том, что «не в интересах государства и румынского правительства» публикация открытого письма. Мотивировка: «Доктор Фильдерман описывает в своих прошениях положение евреев в таких жалких красках и изображает меры румынских властей по отношению к евреям столь варварскими и лишенными всякой человечности, что создаст стране дурную репутацию и родит у милосердного румынского народа чувства жалости и неодобрения действиями режима», не говоря уже о том, что все это будет использовано «злоумышленниками» в качестве «аргумента против Румынии». В «Записке» против издания письма делается упор и на то, что Германия никогда не допускала появления в своей печати фактов о репрессивных мерах против евреев и опровергала их, когда писала о них зарубежная печать[350].

Письма В. Фильдермана решили не публиковать. Что касается ответа на них, последнее слово было за кондукэтором, в тот момент пребывавшим в состоянии эйфории

в связи с занятием 16 октября румынскими войсками Одессы. Вся румынская пресса ликовала, приписывая эту «победу» целиком полководческому гению маршала И. Антонеску.

И. Антонеску, как и многие не только в Румынии, но и в других странах, считал, что победа в войне обеспечена, и гитлеровский «новый порядок» воцарится во всей Европе. Начатое 30 сентября наступление вермахта на Москву продолжалось. Геббельсовская пропаганда на весь мир трубила о скором падении советской столицы. В блокаде находился Ленинград – северная столица СССР. Немецкие войска двигались в сторону Ростова-на-Дону. Во второй половине октября началось наступление гитлеровцев в Крыму, ожидалось падение Севастополя.

Слепо веря фюреру, И. Антонеску полагал, что великий вершитель судеб всей Европы оценит весомый вклад Румынии в войну против СССР и по достоинству вознаградит ее не только за счет советских территорий, но удовлетворит неоднократные просьбы румынского союзника о пересмотре Венского итало-германского «арбитража» 30 августа 1940 г., в результате которого у Румынии были отняты и переданы Венгрии 2/3 территории Трансильвании. По достижении румынскими войсками Днестра И. Антонеску без всяких условий, даже с удовлетворением, откликнулся на приглашение Гитлера продолжить посылать румынские войска для участия в военных действиях на советско-германском фронте и выполнять полицейские функции на Украине и в Крыму.

А. Гитлер ловко использовал в интересах Германии услужливость кондукэтора, максимально эксплуатировались материальные и людские ресурсы Румынии. В этих целях время от времени во встречах и конфиденциальных беседах правители Третьего рейха поддерживали у своих румынских союзников иллюзии о желании Германии удовлетворить все их территориальные притязания. Геринг при вручении ему высшего румынского ордена «Михай Витязу» бранил венгров за «жадность» и, как сообщал румынский военный атташе в Берлине 5 октября 1941 г., заверил, что в его лице румыны имеют убежденного сторонника их правоты и что «настоящее положение долго не протянется»[351].

Еще искусно использовали гитлеровцы в своих интересах тщеславие румынского кондукэтора, его желание войти в историю не только в качестве «спасителя» румынской нации и «воссоздателя Великой Румынии», о чем он сам неоднократно говорил, но и одного из могильщиков большевизма и вершителей «новой» Европы, очищенной от евреев. А. Гитлер наградил И. Антонеску «Железным крестом» – высшим немецким орденом, Г. Геринг подарил ему самолет. С явным расчетом на то, что это тотчас же будет доложено И. Антонеску, личный переводчик А. Гитлера и начальник пресс-службы германского Министерства иностранных дел Шмидт во время торжественного приема, устроенного в Берлине, передал румынскому военному атташе следующие слова: «Из всех государственных деятелей союзных и дружественных Германии стран фюрер считает маршала Антонеску самой выдающейся личностью. Фюрер считает, что на маршала Антонеску он может больше всего полагаться»[352].

В такой головокружительной обстановке кондукэтор решил обнародовать свое творение. Обращаясь к В. Фильдерману, И. Антонеску писал: «В двух последовательных прошениях Вы мне пишете о «потрясающей трагедии» и «умоляете» во впечатляющих словах, взывая к «разуму» и «человечности» и подчеркивая, что вы обязаны апеллировать «ко мне» и «только» ко мне, в защиту евреев Румынии, которых переправили в гетто, подготовленные для них на Буге.

Чтобы придать трагизм Вашему демаршу, подчеркиваете, что эта мера «является смертью, смертью, смертью без вины, без другой вины, как только той, что они являются евреями».

Г-н Фильдерман, никто иной не может быть более чувствительным, чем я, к горю униженных и беззащитных. Сочувствую Вашей боли, но следовало, особенно нужно было и Вам понять всем мою в свое время боль, которая являлась болью целой нации.

Вы подумали, что творилось в наших сердцах в прошлом году во время эвакуации Бессарабии и что происходит сегодня, когда изо дня в день, каждый час с кровью, большой кровью за ненависть, с которой Ваши единоверцы обращались с нами при отступлении из Бессарабии, как приняли нас при возвращении, как обошлись с нами от Днестра и до Одессы и на просторах Азовского моря.

По сложившейся традиции Вы хотите и на сей раз перейти из обвиняемых в обвинители, делая вид, что забыли причины, которые обусловили ситуации, на которые жалуетесь. Позвольте спросить Вас и через Вас всех Ваших единоверцев, которые по мере того, как сильнее становились несчастья и удары по нас, все более бурно аплодировали.

Что сделали Вы в прошлом году, когда слышали о поведении евреев Бессарабии и Буковины, которые оплевывали наших офицеров, срывали с них погоны, рвали их форменную одежду, а когда удавалось, подло убивали наших солдат дубинками. У нас есть доказательства.

Эти же мерзавцы встретили советские войска цветами и с чрезмерным радушием праздновали. У нас имеются подтверждающие фотографии.

Во время большевистской оккупации те, которым Вы сегодня умиляетесь, выдавали добрых румын большевистской ярости и принесли печаль и траур многим, многим румынским семьям.

Из кишиневских подвалов ежедневно вытаскивают страшно изуродованные трупы наших мучеников, с которыми таким образом расплатились за то, что 20 лет протягивали дружескую руку этим неблагодарным зверям.

Это известные факты, о которых, наверное, знаете и Вы и о которых можете подробно узнать.

Задали Вы себе вопрос, почему евреи до того, как отступить, подожгли свои дома? Вы можете объяснить, почему во время нашего продвижения мы заставали еврейских детей в возрасте 14–15 лет с карманами, полными гранат?

Вы спросили себя, сколько наших было подло убито Вашими единоверцами, сколько из них было закопано еще до смерти? Хотите и в этом вопросе доказательств, Вы их получите.

Это акты ненависти, доведенные до безумства, которые Ваши евреи предприняли против нашего толерантного и гостеприимного народа, сегодня достойно осознающего свои права.

В ответ на великодушие, с которым они были приняты в нашей среде, и на обращение с ними Ваши евреи, став советскими комиссарами, прибегая к ни с чем не сравнимому террору, толкали советские войска под Одессой, в чем признались русские военнопленные, на бесполезную бойню, только ради того, чтобы вызвать у нас потери.

В районе Азовского моря наши войска при временном отходе оставили на месте несколько раненых офицеров и солдат. Когда было возобновлено наступление, раненых застали страшно изуродованными.

Люди, которые могли быть спасены, последний вздох испустили в страшных муках. Им выкололи глаза, отрезали языки и уши.

Вы представляете себе, господин Фильдерман, эту сцену?

Вы приходите в ужас? Вы сокрушаетесь?

Задаешь себе вопрос, откуда у русских евреев, с которыми нам никогда и делить-то было нечего, столько ненависти?

Но их ненависть, если Вы душевный человек, вызвала не то, чего не заслужили, а то, что заслуживаете.

Плачьте с мамами, которые потеряли в таких муках детей, или с теми, кто причинил себе и причиняет и Вам столько зла.

Маршал Антонеску, 19.X.1941 г. ».[353]

Одним словом, по безапелляционному утверждению кондукэтора, во всех бедах Румынии и ее народа был один виновник. Это евреи. Они, и только они, враждебно провожали отступавшие из Бессарабии румынские войска летом 1940 г., только они в те дни радостно встречали Красную армию, они же выдавали советским органам «добрых румын», пытали и убивали их в подвалах советских застенков. И даже в больших потерях румынских войск на фронтах войны виноваты также евреи, снабдившие ради этого даже своих несовершеннолетних детей гранатами. В порыве юдофобии кондукэтор даже забыл свои обиды на правительство СССР, предъявившее ультиматум Румынии, нет упрека в адрес Красной армии, нарушавшей в своем продвижении по Бессарабии и Северной Буковине условия того же ультиматума и наносившей удары по румынским войскам летом 1941 г. на Пруте, Дунае и под Одессой.

Не нужно быть большим аналитиком, чтобы понять: у кондукэтора, который в своем письме грозится обнародовать факты, кроме душераздирающих фраз и придуманных обвинений, нет веских аргументов для оправдания убийств десятков тысяч людей, включая детей, женщин и стариков. Эти неоспоримые факты геноцида он, кстати, тщательно скрывает, все наказание евреев за их преступление кондукэтор сводит в открытом письме к отправке их в гетто на Буг.

Одна цель открытого письма вроде была достигнута: в общем и в целом письмо маршала И. Антонеску В. Фильдерману было с удовлетворением воспринято в Германии. 28 октября 1941 г. румынское дипломатическое представительство в Берлине писало в Министерство иностранных дел, что «вся немецкая пресса широко публикует» письмо, сопровождая его «весьма лестными комментариями. Твердая позиция Румынии в еврейском вопросе, представленная как путеводитель, который должен служить образцом и для других государств в деле разрешения этих же проблем, является для местной прессы злободневным событием»[354]. Немецкая «Монтаг», в частности, заявляла, что маршал И. Антонеску стал «выразителем чувств» всей Европы, а «12 Ур Блат» утверждала, что ответ г-на маршала Антонеску доказывает, что война на востоке сама собой превратилась в борьбу против жидовского влияния на европейский континент[355]. Не стоял в стороне от похвал и сам гитлеровский официоз «Фелькишер Беобахтер», возложивший на евреев вину за Вторую мировую войну, которые в силу этого по заслугам получили удар. Вся центральная печать Румынии взахлеб цитировала выдержки из этих газет. Антисемитская «Curentul» 29 октября с восторгом отмечала, что немецкие газеты продолжают уделять первостепенное внимание ответу маршала И. Антонеску председателю еврейской общины Румынии.

С неописуемым восторгом, естественно, встретила «гениальное творение» кондукэтора румынская пресса. Флагман румынского юдофобства газета «Порунка Времий» выходила в эти дни на первых страницах с крикливыми и торжествующими заголовками, набранными жирным шрифтом: «Да здравствует маршал Антонеску! Жидовская проблема в этот исторический час ее радикального и окончательного решения: гетто на Буге созданы. Вековая борьба за исключение жидов из лона румынского общества решением Маршала получает высокое и блестящее воплощение... Евреи Бессарабии и Буковины, следовательно, признаны нашими непримиримыми врагами. С ними обошлись, значит, с ними и впредь будут обходиться как с открытыми врагами страны и народа в период войны. Гетто на Буге представляется мерой добродушной, щадящей и глубоко гуманной»[356].

Пресса подчеркивала, что, решая «еврейский вопрос» у себя в стране, Румыния вносит свой весомый вклад в общеевропейское решение этой проблемы. Газета «Unirea» писала: «Официальная Румыния, следуя по пути, указанному чувствами всего румынского народа, а также перманентными интересами государства, вписалась в ряды наций, эффективно сотрудничающих в окончательном решении еврейской проблемы, не только местной, но и европейской. Еврейская проблема вступила в фазу окончательного решения, и никто в мире, – с уверенностью твердила газета, – и никакое чудо не может ему воспрепятствовать»[357].

Почти дословно повторяя тезис о том, что «еврейская проблема» в Румынии как неотъемлемая часть европейской будет решаться в общем контексте, бухарестская газета «Opinia Capitalei» («Мнение столицы») предупреждала, что зря кое-кто рассчитывает на мимолетность антиеврейской кампании, речь идет об окончательном решении «еврейского вопроса». Газета писала: «Категорическое и окончательное решение еврейской проблемы уже давно фигурирует в программе маршала Антонеску... ошибаются те немногие румыны, которые думают, что эти меры временные или придирки с видимостью окончательного решения, ошибаются и евреи, которые надеются на какое-то откладывание или опоздание».

Небезызвестный антисемит и фашист И. Прундень торжествующе вещал на всю страну: «Еврейство бесславно провалилось, и в настоящее время оно всего лишь падаль, которую как можно скорее нужно эвакуировать». В оправдание депортации всех без исключения евреев газета писала: «Еврейство целиком виновато»[358]. Вся эта юдофобская кампания, за которой внимательно следили иностранные дипломаты, воспринималась некоторыми весьма критически и даже отрицательно, в том числе представителями стран, правительства которых нельзя отнести к открытым противникам блока фашистских государств. Так, посланник Франции в Румынии Жак Триелле на второй день после выхода в свет пресловутого открытого письма И. Антонеску докладывал своему правительству в Виши, что начатое еще до войны с Россией преследование евреев усиливается, в бесчеловечных условиях людей, включая детей, гонят в неизвестность, в сторону Буга, что подбадриваемые Германией руководители Румынии добиваются полного уничтожения евреев. Все это, продолжал Ж. Триелле, проводится под аккомпанемент прессы, приписывающей евреям все беды страны. Подчеркивая, что преследование евреев «приняло характер настоящего погрома», французский дипломат посчитал нужным отметить, что в еврейском вопросе правительство Венгрии ведет «более гуманную и осмотрительную политику». В этот же день аналогичные сообщения Жак Триелле отправил для сведения представительствам Франции в Анкаре, Софии и Венгрии[359].

Сам кондукэтор был всем доволен. На волне «головокружительных успехов» на фронте и в румынизации всей общественной жизни страны в первой половине ноября 1941 г. он провел референдум, в ходе которого народ одобрил его «освободительное правление, национальное реформирование государства и защиту прав нации». Согласно декрету, в организованном спектакле обязаны были участвовать «все румынские, граждане старше 21 года». Было оговорено: участие евреев «исключается»[360].

Мы воспроизвели открытое письмо И. Антонеску, поскольку современные почитатели бывшего кондукэтора в своих попытках реабилитировать его политику, в том числе по «еврейскому вопросу», реанимируют доводы маршала, призванные оправдать истребление и депортацию евреев Бессарабии и Буковины. Явно придуманные в открытом письме кондукэтора обвинения, как то: 14–15-летние еврейские дети с карманами, набитыми гранатами, встречали румынские войска или «по приказу и на глазах советских комиссаров-евреев» закопали живьем раненого румынского солдата, ныне вроде

в румынской литературе не встречаются. Но есть такие, которые охотно муссируются: обвинения евреев во враждебных действиях против румынских войск во время их отхода с территории Бессарабии и Северной Буковины 28 июня – 3 июля 1940 г. и в радушной встрече ими Красной армии в эти же дни. Некий писатель П. Гома, как уже отмечал, взявшись писать на еврейскую тему, озаглавил свою брошюру: «Красная неделя 28 июня – 3 июля 1940 г., или Бессарабия и евреи». Вся его концепция, вслед за кондукэтором, сводится к следующему: сначала – 28 июня – 3 июля 1940 г. – была «агрессия со стороны евреев во время эвакуации румынских военных и гражданских лиц» из Бессарабии и Северной Буковины, «после этого, спустя год... был ответ на агрессию... месть румына еврею». С завидным упорством П. Гома старается внушить читателям, что евреев побуждали к преступлениям против румын их расизм и религия, в мести же румын ничего подобного не было[361]. Кишиневский историк А. Петренку в своей книге «Бессарабия во Второй мировой войне 1940–1944» также утверждает, что «у военного руководства армии Антонеску были основания для негативного отношения к евреям Бессарабии»[362]. Во что вылилось это «негативное отношение», хорошо известно.

В своем открытом письме И. Антонеску, выдвигая евреям то или иное обвинение, подчеркивал, что у него имеются «доказательства», в том числе о том, как они, и только они, оплевывали румынских офицеров, срывали с них погоны, рвали их форменную одежду и даже «подло убивали солдат дубинками». Поскольку конкретных фактов маршал не приводит, да и ни к чему вождям заниматься этим, народу положено и так верить им на слово, современные единомышленники кондукэтора в поте лица стараются отыскать факты, подтверждающие обвинения маршала. Особенно смакуются действия «еврейских банд» в молдавском городе Сороки. Об этом мы читаем в коллективной работе «История Бессарабии с древнейших времен до 1994 г.»[363], более подробно пишется об этом в книгах И. Скурту и К. Хлихора «Год 1940. Драма румын междуречья Прута–Днестра» и «Заговор против Румынии 1939–1947...». Отмечается, в частности, что «коммунистические еврейские банды во главе с адвокатом Мишелем Флексером заняли помещение примэрии и полиции, убив при этом полицейского комиссара Мурафу и его заместителя Еустатиу Габриела»[364]. Всего, по подсчетам этих авторов, в городе орудовали четыре еврейские банды, в том числе две из них насчитывали «примерно 200–300 вооруженных револьверами» человек. Они препятствовали румынским властям вывозить свое имущество, это они красными знаменами встречали советские войска и т. д. Это «открытие» воспроизводит в вышеназванной работе А. Петренку. Касаясь событий в Сороках, румынские авторы В.Ф. Добринеску и И. Константин в книге «Бессарабия в годы Второй мировой войны (1939–1947)» к двум вышеупомянутым убитым полицейским добавили еще две фамилии: финансового администратора И. Георге и капитана Джорджеску из призывного округа[365]. Не обошел события в Сороках П. Гома. У него нет ссылок на источник, поэтому с фамилиями чехарда. Главарь банды евреев в Сороках – Флексер, он же Флушер, к нему он добавил еще одного адвоката-злодея по фамилии Пикраевский, расстреляли уже не двух и не четырех чиновников, а «много высокопоставленных чиновников, адвокатов, румынских офицеров». У А. Петренку в Белгороде-Днестровском (Четатя Албэ) еврей-коммунист Цукерман убил священника Еусебию Поповича, а по версии П. Гомы, в этом же городе евреи Зуккерман и Бурманн застрелили прямо на улице уже не только священника Поповича, но еще и второго по фамилии Никадор Малевски. У того же П. Гомы 27 июня 1941 г., за день до прихода Красной армии, в Черновцах появился самозванный примар по фамилии Брунн, он же Браун, есть еще злодей или злодейка Етя (Петя) Бейнер[366]. При таком обращении с фактами, именами и фамилиями кому из перечисленных авторов верить?

Есть и другие весомые аргументы, чтобы усомниться в достоверности чудовищных деяний, приписываемых евреям. Румынский исследователь Михай Пелин в книге «Легенда и правда» («Legenda şi adevăr»), написанной, как подчеркивается им во введении, на материалах оперативных журналов соединений румынской армии, отступавших летом 1940 г. за Прут, информационных сводок, рапортов, донесений, показаний очевидцев, изучал истинное положение в те сложные и трагические дни для Румынии, в частности, поведение евреев. «Я мог проверить, – пишет он, – как подкармливался несчастный психоз фальшивых слухов и небылиц. К сожалению, такие слухи и небылицы иногда зафиксированы не только на страницах тогдашних газет, в архиве, но и на страницах мемуаров, написанных авторитетными лицами».

М. Пелин констатирует, что «в месяцы, буквально предшествовавшие советскому нашествию в Бессарабию и Северную Буковину, тогдашние документы не содержат указания, что евреи замешаны в дестабилизации существующего в государстве порядка». И, наконец, продолжает автор, ни в местной, ни в зарубежной прессе и даже в дипломатической переписке не отмечаются трудности в отношениях между властями и еврейскими общинами на территориях, которым угрожала советская экспансия. «Следовательно, не существовало никаких мотивов для дискриминационных мер к еврейскому населению страны в непосредственной связи с главной опасностью, нависшей над Румынией»[367].

Коснулся М. Пелин и событий конца июня 1940 г. в г. Сороки. «Главными подстрекателями, провоцирующими беспорядки, – пишет он, – по крайней мере, в г. Сороки, были не евреи, звездами митинга (устроенного по случаю прихода Красной армии – *И. Л.*) были в большинстве румыны». Далее называет имена организаторов, среди них: председатель Сорокского отделения созданной румынским королем Каролем II партии «Фронт национального возрождения» Петря Сфеклэ, бывший председатель отделения этой партии Петря Хрицку, секретарь отделения Теодор Руснак, директор сельскохозяйственного лицея Марку и др. Они же первыми водрузили красный флаг. Осенью 1940 г. бывший полицейский комиссар Владимир Мурафа, якобы убитый евреями, по сообщению румынской газеты, участвовал в официальной панихиде в монастыре Антим, а адвокат Флексер, якобы застреливший полицейского, вовсе не был коммунистом, а в 1946–1947 годах, при коммунистах, преследовался за сионистскую деятельность. И в Бельцах «недобрые чувства» при отступлении летом 1940 г. румынской администрации выражали служащие примарии, они также не были евреями. В своих выводах М. Пелин отметил, что «деструктивные действия со стороны евреев, несомненно, были на всех этапах ухода из Бессарабии и Северной Буковины, но в процентном отношении еврейское население не выделялось по сравнению с румынами (имеется в виду молдаванами – *И. Л.*), украинцами и другими этносами, то ли по происхождению, то ли в силу судьбы проживавшими между Днестром и Прутом»[368].

Этот вывод вытекает также из анализа некоторых документов и таблиц, составленных чиновниками губернаторства Бессарабия, некоторые даже подписаны губернатором К. Войкулеску. Поместил их в приложении к тексту упомянутой своей книги историк А. Петренку, явно прельщенный наличием в них таких приятных его слуху фраз: «Эти комитеты (речь идет о комитетах, возникших в городах Бессарабии после предъявления Румынии советского ультиматума от 26 июня 1940 г. – *И. Л.*) носили на себе отпечаток красной революционной доктрины, главным образом в оскорбительном и коварном еврейском духе»; «следует также отметить присутствие в создании этих банд преобладающего числа еврейских элементов, в полной мере и на сей раз проявивших свой продажный, трусливый и дикий характер и свою неудержимую, но необоснованную ненависть к румынскому режиму»; «кроме акций против отдельных

служащих и военных, эти иудео-коммунистические банды организовали триумфальную встречу советским войскам...»; «развязанная ярость против христиан и румын была спровоцирована, подогрета и поддержана только евреями, которые и на сей раз доказали подлинные их чувства и полную неприспособляемость их специфического характера»... Но то ли по недосмотру, то ли из-за спешки «политически зрелый» А. Петренку не углядел упущений составителей приведенных им таблиц в качестве доказательства того, что евреи, и только они, – «пятая колонна», орудовавшая за спиной румынской армии. В таблицах приводится 218 фамилий участников антирумынских банд и комитетов, из них еврейских только 45, молдавских – 66, других национальностей (русских, украинских, болгарских и др.) – 107. Согласно сведениям губернаторства, в г. Сороки вообще не было банд, а в тексте А. Петренку и названных румынских авторов их было четыре, к тому же весьма крупных и хорошо вооруженных. В Кагуле, Бельцах, Новой Килии банды были, но в их составе и руководстве, согласно таблице, нет еврейских имен, а по А. Петренку, в Бельцах, например, банды евреев бесчинствовали вовсю. И уж совсем бледно выглядят евреи в сельских бандах. В таблице перечисляется 89 сельских населенных пунктов, где действовали антирумынские банды. По национальному составу картина такова: чисто еврейские – 18, смешанные (например, русско-еврейские и др.) – 7. Любопытно, что в селах Стрэшень, Бричева, Кэприяна, Кэпрешть, Костюжень, Думбрэвень, Липник, Отачь, Вертюжень, Вадул Рашку, Згурица и др. банды названы еврейскими, а их руководители – все неевреи, вроде Иоанна Рэздэвана, учителя Сергеевича, Аполинара Думитру, Карамиды Василе, Попаза Ивана, Симиона Токару и др.[369]

Во время «круглого стола», устроенного бухарестским телевидением 24 января 1994 г. по обсуждению деятельности маршала Антонеску, защитники его политики по «еврейскому вопросу» не преминули напомнить о «враждебных» действиях евреев летом 1940 г., когда румынские войска покидали территорию Бессарабии и Северной Буковины.

Отвечая на эти обвинения, тогдашний главный раввин Румынии, ныне покойный Мосес Росен в интервью румынскому радио в начале февраля 1994 г. сказал: «В течение 53 лет никому не удалось назвать имя хотя бы одного еврея, который был бы осужден румынским судом или другой инстанцией за эти преступления, не было названо ни одно имя румынского офицера или солдата, которого даже поцарапал еврей»[370].

При отходе румынских войск летом 1940 г. с территории Бессарабии и Северной Буковины не обошлось без инцидентов с местными жителями, о чем мы уже писали. Приведенные в книге А. Петренку таблицы лишний раз подтверждают, что в «бандах», орудовавших против румынских войск и администрации, были не только евреи, но также украинцы, русские, болгары, гагаузы и др. Некоторые лица, в том числе немало евреев, подвергавшихся в свое время унижениям и издевательствам со стороны румынских чиновников, жандармов и полицейских, о чем современные поклонники маршала умалчивают, провожали отходящие румынские войска и чиновников оскорбительными словами, плевками, препятствовали увозить казенное имущество, а наиболее ретивые, хулиганствующие элементы срывали с офицеров погоны. Возникали конфликты на почве реквизиций жандармами подвод и коней у местных крестьян. Но до массовых кровавых стычек с человеческими жертвами дело не дошло, хотя отдельные случаи могли иметь место. Зато, как уже отмечалось, документально зафиксировано (с перечислением фамилий), что свою злобу румынская военщина обрушила в начале июля 1941 г. на евреев Румынии и евреев – возвращенцев из Румынии в Бессарабию и Северную Буковину, хотя никакого отношения они не имели к недружелюбным проводам румын и радушной встрече советских войск. Сотни евреев стали жертвами бесчинств румын-

ских фашистов, о чем маршал делал вид, что не знал, и что многие его поклонники продолжают упорно замалчивать.

Тягчайшее преступление, дающее право убивать и депортировать десятки тысяч людей, включая детей, женщин и стариков, маршал усмотрел в том, что евреи-«мерзавцы встретили советские войска цветами и с чрезмерной радостью праздновали». Не станем отрицать, что евреи, в основном трудовые массы, надеясь, наконец, что с приходом советской власти избавятся от растущего в Румынии антисемитизма, действительно радушно встречали Красную армию. Но не все евреи радовались. Сама логика вещей подсказывает, резонно подметил М. Пелин, что евреи, «как люди, явно посвятившие себя прибыльной деятельности, не могли с безмерным энтузиазмом встретить перспективу коммунистического режима, в него верило определенное число пролетаризированных евреев, так же, как пролетаризированных румын»[371]. Действительно, теплый прием устроили советским войскам не только евреи, как представлял дело маршал Антонеску и некоторые его современные адвокаты, но и десятки тысяч жителей Бессарабии и Северной Буковины – русские, украинцы, болгары, гагаузы, поляки и др., а также бедные слои молдаван, полагавших, что новая власть решит все наболевшие социальные проблемы. За эти «тяжкие поступки» многие неевреи, в том числе «братья-румыны Бессарабии и Северной Буковины», были наказаны, но поголовному истреблению, независимо от возраста и пола, подлежали только евреи.

Кондукэтор недолюбливал «румын вызволенных провинций».

Даже такие политические лидеры как П. Халиппа и И. Пеливан в Бессарабии, Дори Попович в Буковине, известные сторонники присоединения в 1918 г. названных областей к королевской Румынии, не были допущены кондукэтором к руководству губернаторствами. Их обиды, высказанные в ряде писем на имя кондукэтора, даже промелькнули в прессе в статьях («Местный элемент и обновление Бессарабии», «Непонятые огорчения» и др.) редактора газеты «Basarabia» и еженедельника «Raza» Василе Цепордея. Губернатор генерал К. Войкулеску, усмотрев в этих выступлениях посягательство на свою власть и зная отрицательное отношение кондукэтора к бессарабцам, отправил ему эти статьи с припиской: «...прилагаются вырезки из газеты «Raza», руководимой известным легионером священником В. Цепордеем, который является и руководителем кишиневской редакции газеты «Basarabia», издаваемой Министерством пропаганды»[372]. Прочитав эти статьи, разгневанный кондукэтор написал следующую резолюцию: «Сообщите этому журналисту и докажите ему систематично, на основе цифр, из которых вытекает, что его тенденциозные статьи необоснованны. Покажите ему число приговоренных к смертной казни. Обратите внимание на интриги и усилия, приложенные бывшими молдаванами в пользу большевистского дела. Представьте точные данные. Спросите, можно ли допустить, чтобы тот, кто был замечен и сфотографирован, маршируя и произнося речь, считался молдаванином, может ли он принадлежать к корпусу служащих националистического государства?»[373].

Откровенное признание. Оказывается, не только среди евреев были сторонники «большевистского дела», как представлял в своем открытом письме И. Антонеску, а ныне стремятся доказать его почитатели, но и среди братьев-молдаван их было немало, за что кондукэтор лишил их доверия и был против их доступа не только к руководящей, но порой к рядовой работе в учреждениях губернаторов. Для получения самой маленькой должности во властных структурах губернаторств Бессарабия и Буковина бывшие до 28 июня 1940 г. служащие государственных учреждений из местного населения должны были получить добро комиссии по проверке «благонадежности» на предмет того, не позволили ли себе в год советской власти эти бывшие служащие «антирумынских» действий и высказываний, не состояли ли членами советских

общественных организаций, включая профсоюз, не удостаивались ли поощрения за усердие в труде и т. д.

Всплеск антирумынских настроений среди многонационального населения Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г., в дни отхода румынской армии, – не случайность и не результат агитации коммунистов, численность которых составляла несколько сот человек. Подпольная пропагандистская деятельность последних в пользу Советского Союза и социализма в условиях непрерывных преследований не могла охватить широкие массы населения. Причины проявления неприязни к румынской администрации летом 1940 г. следует искать, в первую очередь, в ее же поведении на протяжении всего периода 1918–1940 гг. Вряд ли можно заподозрить бывшего премьер-министра Румынии, председателя национал-царанистской (крестьянской) партии Юлиу Маниу в антипатриотизме. 18 июля 1941 г. он писал кондукэтору: «Прежние режимы, за исключением национал-царанистского, рассматривали Бессарабию и Буковину как колонию и заковали их в централизованную систему, которая препятствовала всякой возможности самоуправления. Обе провинции были наводнены служащими из королевства, не знавшими тамошних людей: они стали для них настоящими сатрапами и вызвали много недовольства. Были, конечно, среди пришлых и толковые люди, но плохие скомпрометировали и хороших. По их милости название регэцан (выходец из Старого королевства – *И. Л.*) стало одиозным, и на протяжении двух десятилетий эти провинции в значительной мере отчуждались, вместо того, чтобы душевно полностью слиться со страной…»[374].

Политические лидеры Бессарабии П. Халиппа, П. Казаку, Л. Валуцэ и др., подвергая критике румынскую администрацию межвоенного периода, в своих письмах предостерегали И. Антонеску от повторения ошибок, приведших к трагическим событиям лета 1940 г. В. Кристи, помещик, один из активнейших бессарабских политиков, приложивших большие усилия для осуществления в 1918 г. вхождении Бессарабии в состав Румынии, в октябре 1941 г. писал кондукэтору: «Со всей убежденностью заявляю, что, если не будут приняты разумные и в полном соответствии с психологией местного населения меры, и будут повторены ошибки, совершенные с 1918 г. и до вторичного отторжения (в конце июня 1940 г. – *И. Л.*), вновь создастся неблагоприятная для государства атмосфера, которая проявилась в прошлом году в связи с эвакуацией этой провинции, как следствие желаемых и не желаемых ошибок, совершенных в течение всего периода разнузданного, бесплодного, демагогического политиканства, корыстно и искусно использованного агентами всех наших врагов». Как бывший примар Кишинева В. Кристи в качестве примера этой «неблагоприятной атмосферы» привел действия генерального секретаря Кишиневской примарии Алексея Другана, который «организовал группу служащих примэрии, в основном из меньшинств, а также евреев с целью воспрепятствовать эвакуации и спасению коммунального имущества»[375].

Все, что произошло в Бессарабии и Северной Буковине во время отхода румынской армии летом 1940 г., не было неожиданностью для руководства Румынии. Оно задолго до этого знало о складывавшейся антирумынской атмосфере в этих краях, в том числе среди мобилизованных в конце 1939 – начале 1940 г. в румынскую армию десятков тысяч бессарабцев и буковинцев. В связи с обострением советско-румынских отношений, большинство этих призванных на переподготовку военнообязанных проходило ее в армейских частях, расположенных вдоль Днестра.

На основе полученной информации секретных служб, Генштаб румынской армии 4 января 1940 г. направил командованию 4-й армии приказ об установлении слежки за солдатами-бессарабцами на предмет установления их отношения к стране, иными словами, обладают ли они патриотическими чувствами.

13 января 1940 г. штаб 4-й румынской армии разослал своим соединениям приказ следующего содержания: «...Генеральный штаб информирован, что, в связи с призывом на сборы, установлено, что младшие командиры и солдаты-бессарабцы, помимо того, что не воодушевлены никакими патриотическими чувствами, но еще братаются с теми, кто распространяет слухи, что Бессарабия в ближайшее время будет оккупирована русскими.

В одном полку имеется много солдат из Бессарабии, которые решили в случае военного конфликта с СССР и возможного отступления румынской армии из Бессарабии не воевать, а массой сдаваться русским.

Также утверждается, что солдаты – уроженцы Бессарабии, которые патрулируют на границе по Днестру, тайно вступают в разговоры с советскими пограничниками и ведут их на русском языке. Многие из них находятся на службе у советских шпионских служб и при контактах передают разную информацию».

В силу вышесказанного командирам частей было приказано «со всей серьезностью проверять и следить за всеми проявлениями бессарабских солдат, главным образом в том, что касается их национальных чувств, дисциплины и исполнительности на службе». Рекомендовалось всю эту работу «проводить тактично, не вызывать у бессарабских солдат подозрений, что за ними установлена слежка, внедрять в их ряды надежных осведомителей, одновременно усилить среди них работу по воспитанию румынского патриотизма, избегать использования этих солдат в патрульной службе на границе, а также в делах, где требуются доверие и преданность, главным образом там, где нет возможности контролировать их или следить за ними»[376]. Заметим, что в приведенном приказе обвинения в антипатриотизме выставляются всем бессарабцам, независимо от их национальной принадлежности.

В донесении командования 15-й пехотной дивизии от 9 февраля 1940 г. относительно морального состояния личного состава отмечается, что «все меньшинства из Бессарабии, всех категорий, проявляют себя на службе дисциплинированными и выполняют без каких-либо возражений все полученные приказы. Все же на них вообще полагаться нельзя, особенно на евреев, по причине того, что в России они добились руководящего положения и, кажется, хотели бы, чтобы Бессарабия была аннексирована СССР, хотя открыто этого не проявляют»[377].

Конечно, не о высоких должностях думали в тот момент рядовые евреи, их мечтой было избавление от обычного, бытового антисемитизма, которого в Румынии, особенно в ее армии, хватало с избытком. Вообще румынская армия из-за царивших в ней порядков не прельщала даже чистокровных румын. Избиение солдат офицерами, унтер-офицерами, капралами и сержантами было обычным и повседневным явлением. Особенно подвергались издевательствам солдаты-евреи.

Кормили солдат, в абсолютном большинстве из крестьян, отвратительно. Солдат всегда недоедал, из-за порченых продуктов бывали бунты. Интендантские службы армии наживались за счет солдат. В селах проводы рекрутов в армию сопровождались плачем матерей и жен, было немало случаев, когда солдаты в результате избиений возвращались калеками. Дезертирство, даже в мирное время, было уже не столь редким явлением.

При отходе румынской армии летом 1940 г. с территории Бессарабии и Северной Буковины солдаты, бросая оружие, дезертировали, прятались в лесах, у местных жителей. Нередко им помогало покидать свои части вмешательство передовых подразделений Красной армии, обгонявших, в нарушение своих же обязательств, на танках и других средствах передвижения отходящие колонны румынских войск.

Главной причиной, побуждавшей бессарабцев и буковинцев к дезертирству из румынской армии, явилось, конечно, их желание возвратиться в родные места, где прожи-

вали их родители, жены, дети. Согласно румынским данным, в промежутке с 28 июня до 4 июля 1941 г. 3-я румынская армия, отступавшая из Северной Буковины, недосчиталась 19 офицеров, 40 унтер-офицеров и 29 729 солдат, а 3-й армейский корпус, дислоцированный в Бесарабии, лишился 138 офицеров, 111 унтер-офицеров и 50 800 рядовых[378]. Абсолютное большинство «дезертиров» были неевреи.

Летом 1941 г., когда в «вызволенных провинциях» обосновалась румынская администрация, по предложению румынского Генштаба правительство И. Антонеску дало указание губернаторам привлечь к судебной ответственности бессарабских и буковинских упомянутых «дезертиров». При этом подчеркивалось, что к ним, «независимо от национальности, следует применять суровые меры наказания, не исключая конфискации имущества»[379]. Согласно отчету губернатора К. Войкулеску, за год было «выявлено» 12 402 «дезертира»[380]. Это были неевреи. На каторжные работы сроком на 5 лет были осуждены покинувшие при отступлении румынской армии летом 1940 г. жители молдавских сел: Будешть – А. Онофрий, И. Михаил, И. Либенко, И. Круду, С. Шендря, Н. Булат; Кэрпинень – И. Присняк, С. Парфение, Т. Мордар, П. Тэтэмэнеску, Г. Кэпэчану; Макарешть – И. Бутнару, И. Киричук; Городиштя – И. Кику, К. Мелега и многие другие. «Правосудие» не посчиталось с тем, что у каждого из перечисленных было на иждивении по трое, а то и больше детей[381].

Только военно-полевой суд 8-й румынской пехотной дивизии, размещавшейся в Буковине, с 27 июля 1941 г. до 28 февраля 1943 г. приговорил к тюремному заключению за проявленное в конце июня – начале июля 1940 г. «враждебное отношение к румынскому государству» и «радушное отношение к большевикам» в Черновцах 440 человек, к отправке в концентрационный лагерь – 698 человек, в Хотине – соответственно 148 и 192 человека[382]. Это точно были неевреи.

Приведенные факты неопровержимо подтверждают: в летние дни 1940 г. при отходе румынской армии с территории Бессарабии и Северной Буковины не только многие евреи, но и многие жители всех других национальностей проявили неприязнь к прежней администрации и царившему в 1918–1940 гг. режиму; они же радушно встречали Красную армию, полагая, что она несет им свободу и благополучие. За эти «тяжкие преступления» по возвращении румынской администрации летом 1941 г. понесло наказание определенное число молдаван, русских, украинцев, болгар и др., одни без суда и следствия в июле-августе были расстреляны, большая часть по суду отбывала наказание в тюрьмах и лагерях. И только евреи, все без исключения, в том числе и младенцы, подверглись уничтожению и депортации.

Касаясь депортации евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию, представитель Международного Красного Креста Ш. Колб в упомянутом отчете писал: «Румынское государство заявляет, что мера была принята из-за насильственных и преступных действий, совершенных против румынской армии во время уступки этих провинций, а также по причине разрушения города Кишинева и других городов Бессарабии еврейским населением совместно с большевиками перед отходом». Для Ш. Колба, швейцарца, воспитанного в духе соблюдения прав человека («нет наказания без суда, нет суда без закона»), расправа с людьми без суда и следствия считалась «невообразимым» поступком. «Эта депортация, – отмечал он, – самоуправство, вместо того, чтобы судить виновных, депортация распространялась на невинных». Депортация евреев в Транснистрию, заключил Ш. Колб, «черная страница в истории страны (Румынии – *И. Л.*)»[383].

Еще до появления в прессе открытого письма И. Антонеску, где сказано было, что «евреи до того, как отступить, подожгли свои дома», эту легенду распространил губернатор К. Войкулеску, заявивший в интервью известной в Румынии газете «Universul»: «Большая часть еврейской и коммунистической молодежи покинула область одновре-

менно с советской армией, широко способствуя уничтожению городов и собственных своих домов»[384]. Во-первых, абсолютное большинство молодежи призывного возраста Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украинской ССР, никогда не державшей в руках оружия, не отступало с указанных территорий вместе с Красной армией. В день явки в военный комиссариат в период, когда бои еще шли в междуречье Прута и Днестра, призванные в Красную армию отправлялись пешком в Одесскую и Винницкую области на рытье окопов, строительство противотанковых рвов, уборку урожая в колхозах и совхозах. Следовательно, они никак не могло участвовать в минировании и поджогах – домов, где продолжали жить их семьи. В массе своей евреи Бессарабии и Буковины, как уже отмечалось, надеялись, что война продлится недолго. Спасаясь от бомбардировок фашистской авиации, многие евреи, как и другие жители городов и городишек, оставляя все свое имущество, переселялись в близлежащие села с расчетом переждать кошмар и вернуться в свои дома. Даже те евреи, которые решили эвакуироваться в глубокий советский тыл, закрывали свои квартиры и ключи оставляли своим родственникам, друзьям и даже соседям, решившим испытать свою судьбу на месте. О планах депортации бессарабских и буковинских евреев, вынашиваемых правителями Румынии, никто, естественно, не знал, никому и в голову не приходило поджигать свой дом. Мы не обнаружили в румынских документах, исходивших от военных и гражданских властей того времени, хотя бы один пример и одну еврейскую фамилию причастных к поджогам своих домов и разрушениям городов. Приходилось читать сообщения противоположного характера. 19 июля 1941 г., по прибытии в Кишинев, генерал К. Войкулеску телеграфировал вице-премьеру Михаю Антонеску: «Еврейские квартиры, почти целиком сохранившиеся неповрежденными (подчеркнуто нами – *И. Л.*), будут взяты на учет, как только станет возможным, и переданы во временное пользование служащим. Самые лучшие будут использованы для размещения учреждений»[385]. В «Отчете об информационной поездке по Бессарабии и Буковине», организованной тем же М. Антонеску, отмечается, что в Кишиневе «административными службами примарии города с 16 августа и до 26 ноября 1941 г. выдано 2837 ордеров на занятие квартир и 3514 на вывоз и транспортировку мебели»[386]. Это были еврейские квартиры и еврейская мебель.

Префект Бельцкого уезда полковник Ханчиу, мотивируя невозможность организации в городе и уезде еврейского гетто, писал 11 сентября 1941 г. губернатору К. Войкулеску: «Еврейские кварталы в Бельцах стерты с лица земли в результате бомбардировок и пожаров (подчеркнуто нами – *И. Л.*). В уезде, в нескольких других еврейских центрах такая же ситуация. Следовательно, для Бельцкого уезда возможность создания гетто полностью исключается. В нынешних условиях размещения они (евреи – *И. Л.*) ежедневно умирают в лагерях, и какие бы меры предприняты не были, предотвратить эпидемии у остальных невозможно»[387].

В начале войны основной урон предприятиям промышленным, торговым и коммунального хозяйства, а также жилому фонду городов и городишек Бессарабии, был нанесен в ходе военных операций, которые продолжались более месяца. Расположенные на левом берегу Прута местечки со значительным числом еврейского населения (Липкань, Скулень, Леово и др.), подвергшиеся обстрелу немецко-румынской артиллерии с первого часа войны, пылали в огне. В результате варварских налетов немецкой авиации сильно пострадали города и местечки Бельцы, Кишинев, Бендеры, Хотин, Аккерман (Четатя Албэ, Белгород-Днестровский), Оргеев, Единцы, Згурица, Бричень, Вертюжень, Маркулешть и др. Особенно целились фашистские бомбардировщики в районы компактного проживания евреев. Ворвавшись в тот или иной населенный пункт, фашистские молодчики поджигали дома евреев, чтобы навсегда исключить возвращение

их хозяев. К. Арджетояну со слов очевидца записал в своем дневнике: «В Новоселице (Noua Suliţă) облили дома керосином и подожгли, а евреев, которые пытались спасти себя, бросали обратно в огонь». Мы уже писали, как фашисты и их местные пособники сожгли еврейские дома в селе Валя-луй-Влад Кишкаренского района и 77 домов в местечке Люблино Вертюженского района Молдавской ССР и др.[388]

На дома изгнанных евреев, как уже отмечалось, как саранча, набросились грабители из местного населения, срывая и унося двери, окна, деревянные полы, сдирая кровлю крыш и т. д. В переписи населения и имущества Бессарабии (без Хотинского уезда), составленной в августе 1941 г. Национальным институтом статистики, уже числятся 2886 «ограбленных» и 1375 «поврежденных» еврейских домов. Этот процесс ограблений и разрушений продолжался и в последующие месяцы.

Справедливости ради следует сказать, что в ряде мест, в частности в Кишиневе, Оргееве, Аккермане, местные советские и партийные органы, совместно с саперными частями Красной армии, в самый канун отступления, претворяя в жизнь Директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, основные положения которой легли в основу выступления по радио И. Сталина 3 июля 1941 г., об уничтожении «при вынужденном отходе частей Красной армии» всего ценного имущества, которое не может быть вывезено, взорвали и подожгли ряд промышленных предприятий и жизненно важных объектов городов. В Кишиневе были взорваны крупные мельницы, электростанция, почти все административные крупные здания и магазины на центральной улице города. Эту «патриотическую» работу в молдавской столице выполнили с участием саперов бойцы и офицеры коммунистического истребительного полка, созданного в конце июня 1941 г. Кишиневским городским комитетом ВКП(б), в составе 480 коммунистов (командир – заместитель наркома НКВД Молдавской ССР Н.А. Орлов, комиссар – полковник Я.М. Мухин)[389]. Основной костяк полка составляли сотрудники Наркомата внутренних дел республики и милиции города. В составе полка было и несколько евреев (А. Мисочник, Л. Виннецкий, Я. Менос и др.), не имевших никакого отношения к взрывным делам[390].

Коль разрушения в Бессарабии были внушительны, почему бы не списать все на счет евреев и этим оправдать свои зверства и злодеяния по отношению к ним? Так родился миф о поджоге евреями Бессарабии своих жилищ и разрушении городов области, приведенный маршалом И. Антонеску в своем знаменитом открытом письме.

Еще об одной маршальской легенде стоит, пожалуй, сказать. Речь идет о его утверждении, что в год советской власти в Бессарабии и Северной Буковине евреи «выдавали добрых румын большевистской ярости и принесли печаль и траур многим, многим румынским семьям», а в кишиневских подвалах эти же «неблагодарные звери» убивали «румынских мучеников» и таким подлым путем расплатились за то, что 20 лет им «протягивали дружескую руку». И на сей раз никаких конкретных фактов и данных, подтверждающих вышесказанное, кондукэтор не приводит. Зачем? Темная масса и так поверит трогательным словам вождя и с гневом набросится на извергов-евреев, что и требовалось в тот момент.

Мы уже писали о сталинских репрессиях в Бессарабии и Северной Буковине. Они проводились с момента установления советской власти на этой территории и приняли массовой характер особенно накануне войны. В. Пасат, автор уже цитированной нами книги «Суровая правда истории. Депортации с территории Молдавской ССР 40–50 гг.», написанной с привлечением архивных документов Комитета государственной безопасности республики, приводит без всяких купюр письмо на имя И.В. Сталина уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по МССР С.А. Гоглидзе, назначенного на эту должность 7 мая 1941 г. В нем сказано, что, хотя «виднейшие руководители контрреволю-

ционных организаций и партий» летом 1940 г. бежали в Румынию, оставшиеся в Бессарабии остатки этих партий и организаций в последнее время «при активной поддержке румынских разведывательных органов активизировали свою антисоветскую деятельность». Наиболее активную «контрреволюционную деятельность», сказано в письме, проводили хорошо законспирированная фашистская «Железная гвардия», имевшая в своем составе «террористические кадры, объединенные в специальные группы», фашистская национал-христианская, или кузистская, партия поддерживавшая «нелегальную связь с Румынией» и стремящаяся «приобрести оружие для террористической деятельности», бывшие партии национал-либералов и национал-царанистов («учтено около 1000 человек», пытающихся «организовать нелегальную работу»)... Кроме того, – продолжает С.А. Гоглидзе, – на территории Молдавской республики имеется значительное количество антисоветского элемента из числа помещиков, торговцев, полицейских и жандармов, белогвардейцев, примарей, беглецов из СССР и другого социально чуждого элемента, ведущего активную контрреволюционную работу».

С.А. Гоглидзе просил ЦК ВКП(б) «разрешить Наркомату госбезопасности Молдавии произвести выселение в другие области Советского Союза 5000 человек вместе с их семьями следующего контингента:

1. Актив румынских буржуазных политпартий	980 (чел.)
2. Помещиков	137
3. Полицейских и жандармов	140
4. Офицеров белых армий	285
5. Офицеров царской армии, занимающихся антисоветской деятельностью	83
6. Офицеров румынской армии, занимающихся антисоветской деятельностью	64
7. Крупных торговцев	1948
8. Крупных домовладельцев	411
9. Примарей (волостных старшин)	652».

В. Пасат отметил, что «бывшие люди», т. е. огульно зачисленные в категорию классовых врагов, «без всяких на то оснований» обвинялись в антисоветской контрреволюционной деятельности[391].

Заметим, что в письме С.А. Гоглидзе никакого внимания не обращается и не приводится данных о национальном составе отобранных для депортации людей. В то время главным критерием для отбора «врагов народа», как известно, служила не национальность, а бывшее социальное положение человека по коммунистической шкале и принадлежность к партиям, признанным контрреволюционными. Применительно к Молдавской ССР можно безошибочно сказать: в среде «Железной гвардии» и в кузистских организациях евреев не было, но были они, считанное количество, среди национал-либералов и больше среди национал-царанистов (какое-то время штаб национал-царанистов в Кишиневе находился в доме еврея-адвоката). Не было евреев среди помещиков, но по этой графе могло пройти небольшое число крупных арендаторов земель. Среди полицейских и жандармов могли оказаться несколько евреев, бывших тайных агентов румынской сигуранцы. Наверняка не было евреев среди офицеров белой, царской и румынской армий, а также среди бывших при румынах примарей. Зато наверняка среди крупных торговцев, промышленников, домовладельцев преобладали евреи. Были арестованы многие активные деятели сионистских организаций Бессарабии, признанных контрреволюционными, писатели, журналисты. Михель Котляр, член руководства еврейской организации «Ихуд» и лектор «Керен-Хайсод», арестованный большевиками до войны и отбывавший «наказание» много лет в лагерях ГУЛАГа, в

своей книге «Кровь на снегу (Свидетельские показания)», изданной в Иерусалиме в 1989 г., перечисляет много фамилий лидеров еврейских организаций, разделивших с ним участь репрессированных в 1940–1941 гг.: Шломо Берлянд, председатель сионистской организации Бессарабии, участник XXI Всемирного сионистского конгресса, погибший в одном из лагерей Коми АССР, Давид Винницкий, руководитель Бюро по распределению сертификатов на право въезда в Палестину (арестован 13 июля 1940 г. вместе с М. Котляром), редактор единственной в Бессарабии ежедневной газеты на языке идиш «Унзер цайт» («Наше время») Залман Розенталь (он же член ЦК партии Поалей Цион, член президиума «Тарбут» и «Керен Хаисод»), фельетонист этой газеты Идел Меламед (Вайентейн, погиб в лагере), руководитель сионистской организации «Гордония» Моня Зисман (арестован 27 июля 1940 г. и выслан), активный член организации «Ха-Шомер ха-цаир» Аврахам Кринский, отбывший 15 лет ссылки в Сибири по обвинению в сионистской деятельности. В апреле 1941 г. как «социально опасные элементы» были высланы на Северный Урал члены руководства «Ха-Шомер ха-цаир»: Абраша Гимпельман, Пинхас Брендман, Иехуда Вассер, Лейба Финкельштейн, Ашер Либлинг, Макс Малер, Шолом Цура, Хемда Авербух. Трое из них: Гимпельман, Финкельштейн, Брендман – не дожили до окончания лагерного срока[392].

По таким же классовым и политическим критериям проводились сталинскими карательными органами отбор, аресты и депортации жителей Северной Буковины. В одном из писем комитета еврейской общины г. Черновцы читаем: «Еврейское население Черновцов, состоящее из ремесленников и промышленников, коммерсантов и интеллектуалов, а также из городских и сельских собственников, составляет по преимуществу элемент буржуазный, самый ненавистный и преследуемый в коммунистической системе. Отсюда понятно, в какой степени меры русских властей были направлены против этого населения и отразились на нем... Апогей обиды мы пережили в ночь на 13 июня 1941 г., когда были подняты и депортированы 3000 евреев, среди которых все председатели еврейской общины и все, кто участвовал в политической жизни, то ли по линии румынских партий, то ли как сионисты». Не обошли большевистские репрессии евреев – бывших офицеров и унтер-офицеров румынской армии, считавшихся «антикоммунистическими элементами»[393].

Трудно в настоящее время сказать, жители какой национальности, проживавшей в то время в Бессарабии и Северной Буковине, больше всего пострадали от сталинских преследований. Если измерить их в процентном отношении ко всему населению той или иной национальности, не исключено, что евреи займут первое место, поскольку буржуазная прослойка среди них была выше, чем у других этносов.

Подтверждение этого мы находим в нижеприведенном документе о числе депортированных большевиками в 1940–1941 гг. жителей ряда молдавских городов и местечек, в том числе еврейской национальности, опубликованном в 1999 г. в Кишиневе в «Книге памяти: каталоге жертв коммунистического тоталитаризма».

Местность	Число депортированных лиц	Депортированные евреи	В процентах
Кишинев	589	158	26,82
Бельцы	291	116	39,86
Бендеры	203	64	31,52
Бричень	46	18	39,13
Липкань	35	18	51,42
Кагул	149	45	30,20
Калараш	60	31	51,66

Окончание табл.

Местность	Число депортированных лиц	Депортированные евреи	В процентах
Бравича	28	14	50,00
Чимишлия	67	15	22,38
Итого	1468	479	32,62

Кого, представителей какой национальности, придерживаясь примитивных рассуждений маршала И. Антонеску и его современных защитников, следует обвинить в депортации и гибели тысяч евреев, отправленных в 1940–1941 гг. сталинскими опричниками в самые северные и самые южные широты СССР? Кондукэтор в отношении «добрых румын» решил просто: в советских репрессивных организациях сидели одни евреи, которые только и занимались тем, что из всего бессарабского и буковинского населения отбирали румын для расстрела в подвалах НКВД и отправки в далекую ссылку.

Мы не будем уподобляться маршалу И. Антонеску и все преступления коммунистического режима против лиц еврейской национальности сваливать на какой-то другой этнос. Хорошо известно, что в Бессарабии и Северной Буковине, как и во всех западных республиках и областях СССР, где проводились аресты и депортации в 1939–1941 гг., как в числе карателей, так и жертв репрессий были люди разных национальностей.

Люди разных национальностей по-разному восприняли советскую власть и служили ей. 12 ноября 1941 г. Секретная служба миссионеров Управления пропаганды Румынии за подписью своего представителя В. Мэгуряну направила Военно-гражданскому кабинету по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии при Совете министров Румынии «Информационную записку» о положении в Бессарабии. В ней имеется специальный раздел: «Поведение населения при советской оккупации». В нем сказано: «В городах бедное население и интеллектуалы, независимо от национальности (подчеркнуто нами – *И. Л.*), стремились сотрудничать с советскими (властями – *И. Л.*), национальные меньшинства, которые добровольно оставались (то есть не эмигрировали в Румынию летом 1940 г. – *И. Л.*), главным образом из числа демократических партий (национал-царанисты, радикал-царанисты и др.), открыто объявили себя всегдашними симпатизантами коммунизма.

В селах бедные слои всех национальностей, привлеченные коммунистами и ставшие за ночь руководителями, искренне присоединились к коммунистам»[394].

Примечания

[1] НАРМ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 53. Л. 55.

[2] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. – Т. 2. – М., 1958. – С. 582 (далее: Нюрнбергский процесс...).

[3] Nistor J. Românii transnistrieni. – 1925; Harea V. Românii de peste Nistru. Bucureşti, 1934; Popp N. Românii Transnistriei şi Republica Moldovenească. – 1935; Smochina N.P. Republica Moldovenească a sovietelor. – Bucureşti, 1938.

[4] Viaţa. – 1941. – 24 august.

[5] Raza. – 1941. – С. 5–12.

[6] Нюрнбергский процесс... – Т. 2. – С. 700.

[7] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.

[8] Verenca O. Administraţia civilă română în Transnistria. – Chişinau, 1993. – P. 111–133.

[9] DCFRJDH. – Vol. 1. – P. 248.

[10] Шафран А. Сопротивление фашистскому урагану. 1940–1944. Мемуары. Редакция и комментарии Жана Анчела. Сокращенный перевод с английского Давида Розенфельда. – Одесса, 2003. – С. 31.

[11] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 9. Л. 65–69.

[12] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 326.

[13] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 560. Л. 2; E. R. – Vol. I. – P. 365.

[14] E. R. – Vol. II. – P. 298–299.

[15] Procesul marii trădări naţionale... – P. 143–144, 148–149.

[16] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 109.

[17] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1208. Л. 319.

[18] Там же. Д. 560. Л. 272.

[19] Там же. Д. 568. Л. 166.

[20] Там же. Л. 167.

[21] Там же. Д. 563. Л. 23.

[22] Там же. Д. 14. Л. 420–421; Ф. 112. Оп. 2. Д. 47. Л. 7.

[23] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 564. Л. 27.

[24] Подробно см.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР... – С. 271–274.

[25] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1123. Л. 396–397.

[26] Там же. Д. 564. Л. 27.

[27] Dobrinescu V.-F., Constantin I. Basarabia în anii celui al doilea război mondial (1939–1947). – Iaşi, 1995. – P. 246–247.

[28] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 564. Л. 230–236.

[29] DCFRJDH. – Vol. IX. – P. 263–265, 283–284, 294.

[30] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 564. Л. 236.

[31] Diaconescu E. Românii din Răsărit. Transnistria. – Iaşi, 1942. – P. 232, 236; НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 11. Л. 719.

[32] Там же. Д. 22. Л. 6.

[33] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 74.

[34] E. R. – Vol. I. – P. 105.

[35] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 8–9.

[36] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 64–65.

[37] Там же. Л. 66, 69.

[38] Там же. Д. 22. Л. 44; E. R. – Vol. III. – Partea II; C. N. – Vol. III. – P. 128–129.

[39] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 53–60; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 58–63.

[40] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 59; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 62.

[41] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 59; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 62.

[42] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 51; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 63 (примечание № 1).

[43] E. R. – Vol. III. – P. 148 (примечание).

[44] E. R. – Vol. I. – P. 341–342.

[45] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 264.

[46] Ibidem. – P. 269–270.

[47] Ibidem. – P. 275–276, 292.

[48] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 46.

[49] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 211.

[50] Ibidem. – P. 120; C. N. – Vol. III. – P. 126.

[51] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 122.

[52] Вестник. – Выпуск I. – С. 19.

[53] Вестник. – Выпуск III. – С. 27.

[54] Вестник. – Выпуск I. – С. 54–55

[55] Вестник. – Выпуск II. – С. 40–41.

[56] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 339–342.

[57] Ibidem. – P. 124.

[58] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 56.

[59] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 65.

[60] Вестник. – Выпуск IV. – С. 22.

[61] Вестник. – Выпуск II. – С. 24.

[62] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 58, 65.

[63] C. N. – Vol. III. – P. 156–157.

[64] Ancel J. Contribuţii la istoria României. Problema evreiască. Vol. I. Partea II. 1933–1944. – Bucureşti, 2001. – P. 291–292 (далее: Ancel J. P. E.)

[65] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Л. 415.

[66] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 20.

[67] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Л. 415.

[68] Там же. Л. 423.

[69] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

[70] Там же. Д. 69. Л. 32.

[71] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 221.

[72] Şafran A. Un taciune smuls flăcărilor... Memorii... – Bucureşti, 1996. – P. 79–80 (далее: Şafran A. Memorii...)

[73] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 76.

[74] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 20; DCFRJDH. – Vol. VIII. – P. 598.

[75] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 42.

[76] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.

[77] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 478.

[78] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 73.

[79] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 478–481.

[80] Ibidem.

[81] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 33.

[82] Там же. Д. 23. Л. 64–66.

[83] Там же. Д. 22. Л. 70.

[84] Там же. Д. 10. Л. 536.

[85] Там же. Д. 22. Л. 6.

[86] Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Л. 333.

[87] Там же Л. 145–147.

[88] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 20.

[89] Там же. Л. 42.

[90] Там же. Л. 52.

[91] Там же. Д. 23. Л. 77; Д. 69. Л. 77.

[92] Там же. Д. 69. Л. 79.

[93] C. N. – Vol. III. – P. 149; M. E. R. – P. 160–161.

[94] E. R. – Vol. II. – P. 108; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 141.

[95] E. R. – Vol. II. – P. 72–74: DCFRJDH. – Vol. X. – P. 52–59.

[96] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 142.

[97] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 36; C. N. – Vol. III. – P. 101–102.

[98] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 279; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 413, 426.

[99] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 280; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 110–111.

[100] E. R. – Vol. III. – Partea I. – P. 318–319.

[101] M. E. R. – P. 236–237.

[102] M. E. R. – P. 161; C. N. – Vol. III. – P. 152–153; Mincu M. Pogromurile din Bucovina şi Dorohoi. – P. 58–59.

[103] C. N. – Vol. III. – P. 155–156.

[104] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 66.

[105] C. N. – Vol. III. – P. 153–156.

[106] E. R. – Vol. I. – P. II. – P. 67.

[107] M. E. R. – P. 238.

[108] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 289.

[109] E. R. – Vol. I. – Partea II. – P. 272; Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 292–293.

[110] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 294–295.

[111] Ibidem. – P. 296–297.

[112] Ibidem. – P. 279.

[113] ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 960. Л. 362–364 об.

[114] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 36.

[115] Ibidem. – P. 39; C. N. – Vol. III. – P. 187, 189.

[116] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 88; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 412.

[117] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 75.

[118] Ibidem. – P. 89.

[119] Ibidem; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 412, 426.

[120] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 280–281.

[121] Ibidem. – P. 89–90; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 425.

[122] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 89–90.

[123] Ibidem. – P. 100.

[124] Ibidem. – P. 99.

[125] Ibidem. – P. 90–91; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 426.

[126] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 426.

[127] Ibidem. – P. 414, 426.

[128] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 315–316.

[129] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 249.

[130] Ibidem. – P. 94–95.

[131] DCFRJDH. – Vol. II. – P. 426.

[132] Ibidem. – P. 514.

[133] E. R. – Vol. II. – Partea II. – P. 237.
[134] Ibidem. – P. 75–76.
[135] Ibidem. – P. 94–95.
[136] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 131.
[137] Ibidem.
[138] Ibidem. – P. 130.
[139] Вестник. – Выпуск I. – С. 21.
[140] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 127.
[141] Вестник. – Выпуск IV. – С. 20–21.
[142] НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 170–173 об.
[143] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 129.
[144] Ibidem. – P. 135.
[145] Ibidem. – P. 134.
[146] Ibidem.
[147] Ibidem. – P. 133.
[148] Ibidem. – P. 135.
[149] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 21.
[150] M. E. R. – P. 242.
[151] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 129, 135.
[152] Вестник. – Выпуск I. – С. 83.
[153] Там же. – С. 21.
[154] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 182.
[155] Ibidem. – P. 183.
[156] M. E. R. – P. 134.
[157] Вестник. – Выпуск IV. – С. 81.
[158] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 83.
[159] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 286.
[160] C. N. – Vol. III. – P. 156–157.
[161] Вестник. – Выпуск 4. – С. 29, 65.
[162] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 170.
[163] Ibidem. – Vol. VI. – P. 477, 483–484.
[164] M. E. R. – P. 242.
[165] Вестник. – Выпуск IV. – С. 84.
[166] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 183.
[167] Вестник. – Выпуск IV. – С. 120.
[168] Вестник. – Выпуск III. – С. 114.
[169] Вестник. – Выпуск II. – С. 38.
[170] Вестник. – Выпуск IV. – С. 124.
[171] Вестник. – Выпуск I. – С. 87.
[172] Вестник. – Выпуск IV. – С. 55.
[173] Вестник. – Выпуск III. – С. 62.
[174] Вестник. – Выпуск IV. – С. 123.
[175] Вестник. – Выпуск I. – С. 43.
[176] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 48.

[177] Там же. Л. 17.

[178] Там же. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 5. Л. 70.

[179] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

[180] Ioanid R. Evreii sub regimul Antonescu. – P. 231; Idem. The Holocaust in Romania. – P. 173.

[181] E. R. – Vol. II. – P. 403.

[182] ГАЧО. Ф. 307. Оп. 3. Д. 17. Л. 293, 296.

[183] Ioanid R. Op. cit. – P. 231; P. 173.

[184] Ioanid R. Op. cit. The Holocaust in Romania. – P. 174.

[185] C. N. – Vol. III. – P. 332.

[186] E. R. – Vol. II. – P. 106.

[187] Ibidem. – P. 108.

[188] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 74.

[189] Ioanid R. Op. cit. – P. 232–233; P. 174.

[190] Procesul marii trădări naţionale... – P. 305–306; DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 246.

[191] Ioanid R. The Holocaust in Romania. – P. 172–173; Ioanid R. The Fate of the Romanian Jews under the Antonescu regime: Statistical data, prelinei nary conclusions. – The Jews in the Romanian history. Papers from the Internation Symposium. Bucharest. September 30–October 4, 1996. – Bucharest. – P. 203.

[192] Hilberg R. The Destruction of the European Jews. – 1985. – Vol. II. – P. 771.

[193] Вестник. – Выпуск V. – С. 62, 65.

[194] Черноморская коммуна. – 1941. – № 197. – 15 октября; Бачинський А.Д. Трагедія єврейського україньского Подунав'я: 1941. – Одесский университет. – № 21. – 15 октября 1991 г.

[195] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. – Том II. – С. 230.

[196] Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану 1940–1944. – С. 24.

[197] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 565. Л. 79.

[198] Там же. Д. 555; Д. 586. Ч. 1. Л. 315.

[199] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Bunurile întrate în patrimoniul statului.

[200] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 565. Л. 79.

[201] Там же. Д. 586. Ч. 1. Л. 315.

[202] Там же. Д. 867. Л. 320.

[203] Там же. Д. 518. Л. 92.

[204] Ancel J. P. E. – Vol. I. – Partea II. – P. 209.

[205] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 131, 132.

[206] Там же. Д. 12. Л. 140; Д. 1123. Л. 58, 77.

[207] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Recapitularea generală a bugetului de venituri şi cheltueli pe exercitiul 1942/43; НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 586. Л. 311.

[208] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 38.

[209] Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4232. Л. 23; Bucovina. – 1941. – 16 iulie.

[210] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 41. Л. 25.

[211] Buletinul Provinciei Basarabia. – 1941. – № 1. – P. 8, 29.

[212] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

[213] Там же. Л. 32.

[214] Там же. Л. 34.

[215] Там же. Д. 10. Л. 48.

[216] Там же. Д. 69. Л. 24.

[217] Там же. Л. 56.

[218] Там же. Л. 9.

[219] Там же. Д. 23. Л. 124.

[220] Там же. Д. 69. Л. 44.

[221] Там же. Л. 35–36.

[222] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов. – Иерусалим, 1991. – С. 161.

[223] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 256–257.

[224] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 124.

[225] Там же. Д. 69. Л. 31.

[226] Там же. Д. 23. Л. 124.

[227] Там же. Л. 65.

[228] Там же. Д. 69. Л. 27.

[229] Там же. Л. 28.

[230] Там же. Л. 31.

[231] Там же. Л. 32.

[232] Там же. Д. 10. Л. 262–265; Д. 23. Л. 125.

[233] Там же. Д. 69. Л. 26–27.

[234] Там же. Л. 33.

[235] C. N. – Vol. III. – P. 126.

[236] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

[237] Там же. Д. 23. Л. 115.

[238] Там же. Д. 10. Л. 154.

[239] Там же. Д. 23. Л. 171.

[240] Там же. Д. 12. Л. 650.

[241] Там же. Д. 23. Л. 142–143.

[242] Там же. Л. 140.

[243] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 270–271.

[244] Ibidem. – P. 67.

[245] Ibidem. – P. 87–88.

[246] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 174.

[247] E. R. – Vol. II. – Partea II. – P. 91–92.

[248] ГАЧО. Ф. 30. Оп. 4. Д. 3. Л. 161.

[249] НАРМ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 69. Л. 29.

[250] Там же. Д. 570. Л. 175.

[251] Там же. Д. 22. Л. 36–37, 39–40.

[252] Там же. Л. 79, 80.

[253] Там же. Д. 69. Л. 7, 8.

[254] Там же. Д. 22. Л. 7, 8.

[255] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 478–479.

[256] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 35–37.

[257] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 89; DCFRJDH. – Vol. VII. – P. 412.
[258] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 99.
[259] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 127.
[260] Ibidem. – P. 132.
[261] Ibidem. – P. 127–128.
[262] Ibidem. – P. 128.
[263] Ibidem. – P. 127.
[264] Ibidem. – P. 133.
[265] Ibidem. – P. 132.
[266] Ibidem. – P. 129–130.
[267] Ibidem. – P. 128–137.
[268] Ibidem. – P. 237.
[269] Ibidem. – P. 135–136, 139.
[270] Ibidem. – P. 127.
[271] Ibidem. – P. 132.
[272] Ibidem. – P. 132–133.
[273] Ibidem. – P. 129, 131, 133.
[274] Ibidem. – P. 130–131.
[275] Ibidem. – P. 127, 129.
[276] Ibidem. – P. 135.
[277] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 104–105.
[278] Там же. Д. 10. Л. 80.
[279] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 154.
[280] Ibidem. – P. 170.
[281] Ibidem. – P. 134–135.
[282] Ibidem. – P. 149.
[283] Ibidem.
[284] Ibidem. – P. 151.
[285] Ibidem. – P. 157.
[286] Ibidem. – P. 151–155.
[287] Вести. – Выпуск I. – С. 29.
[288] C. N. – Vol. III. – P. 157.
[289] Вестник. – Выпуск I. – С. 36.
[290] Вестник. – Выпуск II. – С. 62.
[291] Вестник. – Выпуск III. – С. 7.
[292] DCFRJDH. – Vol. V. – P. 162–166.
[293] Ibidem. – P. 172.
[294] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 32; E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 40–42.
[295] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6586. Л. 415.
[296] Там же. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 42.
[297] Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 23. Л. 105.
[298] Там же. Л. 125; Д. 10. Л. 262, 265.
[299] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 27–28.
[300] Ibidem. – P. 182–183.

[301] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 166.

[302] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 83.

[303] E. R. – Vol. II. – P. 363–364.

[304] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 50. Л. 149.

[305] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 221.

[306] Ibidem. – P. 224.

[307] Ibidem. – P. 225.

[308] Ibidem. – P. 235.

[309] C. N. – Vol. III. – P. 189–190; M. E. R. – P. 165.

[310] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 235.

[311] Ibidem. – P. 237.

[312] Шафран А. Сопротивление фашистскому урагану 1940–1944. Мемуары. – С. 26.

[313] Там же. – С. 27–28.

[314] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 68.

[315] Шафран А. Указ. соч. – С. 26–27.

[316] Там же. – С. 29.

[317] E. R. – Vol. II. – Partea II. – P. 68, 70.

[318] Ibidem. – P. 67.

[319] Ibidem. – P. 70, 257, 264–265.

[320] M. E. R. – P. 170–171.

[321] Архив социально–политических организаций Молдовы (АСПОМ). Ф. 51. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–33.

[322] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4168. Л. 8; Ф. 706. Оп. 2. Д. 1. Л. 113.

[323] DCFRJDH. – Vol. VI. – P. 450–451.

[324] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6448. Л. 9 об.; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. – Т. II. – С. 243–244; Olga Holzova o Rudolf Kreztan. Ten Tvrdohlovy student. – «Mlady svet», 1973. – P. 47.

[325] АСПОМ. Ф. 3280. Оп. 1. Д. 158. Л. 14, 18.

[326] Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 99. Л. 87.

[327] АСПОМ. Ф. 3280. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2, 24, 26.

[328] НАРМ. Ф. 706. Оп. 2. Л. 129–130, 135.

[329] О партийном центре см.: Борцы революционного подполья. – Кишинев, 1958. – С. 207–217, 218–225; Нистру. – 1957. – № 7, № 8; 1970. – № 6; Кодры. – 1970. – № 5; Молдова Сочиалистэ. – 1971. – 22 и 24 аугуст и др.

[330] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Сб. документов и материалов. – Том II. – С. 437, 597–598; Борцы революционного подполья. – С. 264–267.

[331] Вестник. – Выпуск V. – С. 5; Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. – Кишинев, 1990. – С. 81.

[332] Пилат И.Н. Указ. соч. – С. 80–86.

[333] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Сб. документов и материалов. – Том II. – С. 557–558, 613.

[334] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 160.

[335] Там же. Д. 8. Л. 426–427.

[336] НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6392. Л. 476 об.

[337] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 91.

[338] Ibidem. – P. 87–88.

[339] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 255.

[340] Martiriul evreilor... – P. 152.

[341] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 275.

[342] C. N. – Vol. III. – P. 501.

[343] Iuliu Maniu – Ion Antonescu. Opinii şi confruntări politice 1940–1944. – Cluj-Napoca. – 1994. – P. 80 (далее: Iuliu Maniu – Ion Antonescu...)

[344] Martiriul evreilor... – P. 151–153.

[345] Ibidem.

[346] Joseph Goebbels. Tagebucher 1924–1945. Band V. Puper. Munchen, Zurich. – 1952. – P. 1059–1060.

[347] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 7–8.

[348] DCFRJDH. – Vol. IX. – P. 185.

[349] E. R. – Vol. III. – P. II. – P. 24–25.

[350] E. R. – Vol. II. – P. 347.

[351] ИДА. Фонд микрофильмов румынских документов. Dosar. Corespondenţa cu ataşatul militar român din Berlin. – № 537. – 1941. – 5 octombrie.

[352] Ibidem. – № 531. – 1941. – 29 septembrie.

[353] Martiriul evreilor... – P. 166–168; DCFRJDH. – Vol. III. – P. 259–262.

[354] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 72.

[355] DCFRJDH. – Vol III. – P. 127.

[356] Porunca Vremii. – 1941. – 30 octombrie.

[357] Unirea. – 1941. – 30 octombrie.

[358] Porunca Vremii. – 1941. – 29 octombrie.

[359] DCFRJDH. – Vol. III. – P. 299.

[360] E. R. – Vol. I. – P. 171.

[361] Goma P. Săptămâna Roşie 28 iunie-3 iulie 1940 sau Basarabia şi evreii. Eseu. Ed. Museum. – Chişinău, 2003. – P. 10, 60.

[362] Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial 1940–1944. „Lyceum», – Chişinău, 1997. – P. 163.

[363] Scurtu I. şi alţii. Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1944. – Bucureşti, 1994. – P. 297–298.

[364] Scurtu I., Hlihor C. Anul 1940. Drama românilor dintre Prut şi Nistru. – Bucureşti, 1992. – P. 56.

[365] Dobriniescu V.-F., Constantin I. Basarabia în anii celei de al doilea război mondial (1939–1947). – Iaşi, 1995. – P. 186.

[366] Goma P. Op. cit. – P. 46, 72 и др.

[367] Pelin M. Legenda şi adevăr. – Bucureşti, 1994. – P. 6–7, 23–24.

[368] Ibidem. – P. 81–82, 87.

[369] Petrencu A. Op. cit. – P. 231–240.

[370] Revista cultului mozaic. – № 7791. – 1994. – februarie. – P. 25.

[371] Pelin M. Op. cit. – P. 108.

[372] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 12; E. R. – Vol. 3. – Partea II. – P. 52.

[373] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22. Л. 108–109.

[374] Iuliu Maniu – Ion Antonescu... – P. 105.

[375] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

[376] E. R. – Vol. III. – Partea 1. – P. 10–11.

[377] Ibidem. – P. 11.

[378] Pelin M. Op. cit. – P. 49, 63.

[379] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 582. Л. 53; Д. 413; Л. 53; Д. 1115. Л. 351; Д. 52. Л. 3.

[380] Там же. Д. 483. Л. 745.

[381] Там же. Д. 54. Л. 4–5.

[382] Там же. Д. 1115. Л. 535.

[383] Там же. Д. 50. Л. 148.

[384] Universul. – 1941. – 24 octombrie.

[385] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[386] Там же. Д. 10. Л. 100.

[387] E. R. – Vol. III. – Partea II. – P. 12.

[388] C. N. – Vol. III. – P. 501.

[389] Мухин Я.М. Мы вернулись. – Советская Молдавия. – 1965. – 17 ноября.

[390] В боях за Молдавию. Книга вторая. – Кишинев, 1968. – С. 95–98.

[391] Пасат В. Суровая правда истории... – С. 90–92.

[392] Котляр М. Кровь на снегу (Свидетельские показания). – Иерусалим, 1989. – С. 164; Доpон Д. Кишиневское гетто – последний погром. – Кишинев, 1993. – С. 122–125.

[393] DCFRJDH. – Vol. IX. – P. 185; E. R. – Vol. II. – P. 385–386.

[394] НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 112.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Генерал И. Антонеску и Х. Сима участвуют в посвящении в легионеры 6 октября 1940 г. / Из книги: Pe marginea prăpastiei. V. I. – Bucuresti, 1941. – P. 279.

2. Ион Антонеску и Адольф Гитлер / Фото из книги: Deletant D. Aliatul uitat al lui Hitler: Ion Antonescu şi regimul său 1940–1944. – Bucuresti, 2010.

3. Приказ И. Антонеску, переданный по телефону военному коменданту г. Яссы, о применении к евреям самых суровых мер, включая расстрел и тотальное выселение из города / Ancel J. Transnistria. – Vol. I. – Bucureşti, 1998. – P. 279.

4. Распоряжение префекта Ясского уезда полковника Каптариу подведомственным организациям о принятии мер по выполнению приказа вице-премьера румынского правительства относительно выселения из Ясс всех евреев / Ancel J. Transnistria. – Vol. I. – Bucureşti, 1998. – P. 278.

5. Секретное донесение Ясского инспектората жандармерии Генеральному инспекторату Румынии о числе депортированных и погибших евреев из г. Яссы в «поездах смерти» / Martiriul evreilor din România. 1940–1944. Documente şi mărturii. – Bucureşti, 1991. Doc. № 43.

6. В дни Ясского погрома / Приведено по: Куксин И. Холокост в Румынии / Вестник. № 16(301). 7 августа 2002 г. / http://www.vestnik.com/issues/2002/0807/win/kuksin.htm

7. Члены юденрата перед казнью. Бельцы, 16 июля 1941 г. / Copyright Film and Photo Archive, Yad Vashem. Archival Number 4613_88 /http://www.yadvashem.org/yv/ru/education/gallery/sites.asp

8. Объявления полиции г. Бельцы о расстреле заложников-евреев в июле 1941 г. / НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 4483. Ч. 3. Л. 595–597.

9. Акт Комиссии Атакского района по расследованию совершенных злодеяний немецко-румынскими оккупантами на территории района за время оккупации от 11 мая 1945 г. / НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 27.

10. Эксгумация трупов убитых бессарабских евреев, м. Калараш / Копия хранится в фондах НАРМ.

11. Временные гетто и лагеря на территории губернаторств Бессарабия и Буковина / Составитель – И.Э. Левит, впервые схема была представлена в Кишиневе на выставке, посвященной 90-летию Кишиневского погрома 1903 г. Электронная версия подготовлена Р. Симаченко.

12. Акт о расстреле в соответствии с приказом И. Антонеску евреев из лагеря в Татарешть /НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 58.

13. Из краткого отчета комиссии, созданной по приказу маршала И. Антонеску по расследованию «непорядков» в Кишиневском гетто / НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 52–55.

14. Проверка документов при входе в Кишиневское гетто / Галерея пользователя Aaron Shneer // https://picasaweb.google.com

15. Кишиневские евреи в ожидании депортации / Галерея пользователя Aaron Shneer // https://picasaweb.google.com

16. Черновицкое гетто на 11 октября 1941 г. / По материалам Госархива Черновицкой области. Составитель Е.М. Финкель. Из книги: Вестник. Выпуск 1. Люди остаются людьми. Черновцы, 1991. С. 9.

17. Маршруты депортации в Транснистрию евреев из концлагеря Вертюжаны / НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22.

18. Маршруты депортации евреев из Кишиневского гетто. *Из-за неисправности моста Бендеры–Тирасполь маршрут Кишинев–Бендеры осенью 1941 г. был отменен и депортация шла по маршруту Кишинев–Резина / НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22.

19. Маршруты депортации евреев Бессарабии до сборного пункта в Тарутино / НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22.

20. Маршруты движения депортированных евреев юга Бессарабии от центра сбора в Тарутино до переправы через Днестр в Пуркарь / НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 22.

21. Евреи Бессарабии и Буковины у Днестра в ожидании переправы в Транснистрию / Копия хранится в фондах НАРМ.

22. Евреи, депортированные из Бессарабии в Транснистрию / Фотогалерея Яд Вашем http://www.yadvashem.org /yv/ru/holocaust/ussr/chapter_7 /transnistria_gallery.asp

23. Постановление губернатора Бессарабии о переходе в собственность румынского государства всей еврейской собственности / НАРМ. Ф. 658. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 58.

24. Погибли в борьбе с фашизмом на территории Молдавии в сентябре 1941 г.: Терещенко А.М., Лейбович (Скворцов) М.Я., Богуславский Я.Т., Моргенштерн И.М., Гринман И.И., Гринберг Э.С., Брухис С.П., Мунтян П.Я., Маслов Я.М. / Личный архив автора.

25. Евреи-бессарабцы – участники движения Сопротивления во Франции и Бельгии, погибшие в борьбе с фашизмом / Наш голос. № 16. Август 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ 5
О КНИГЕ 6
ВВЕДЕНИЕ 8
ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ХОЛОКОСТА В РУМЫНИИ И НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЕЮ В 1941–1944 гг. ТЕРРИТОРИЯХ 77
§ 1. Давность еврейского присутствия и антисемитизма. Немного истории 77
§ 2. «Еврейский вопрос» в послеверсальской Румынии 116
§ 3. На пути к Холокосту 130
§ 4. Правда и ложь о событиях лета 1940 г. 149
§ 5. Фашисты у власти. Волна антисемитских законов, насильственных и кровавых актов 162
ГЛАВА II. ПРЕЛЮДИЯ БОЛЬШОГО ГЕНОЦИДА 217
§ 1. Антиеврейский сговор А. Гитлера и И. Антонеску 217
§ 2. Первые жертвы «этнической чистки». Резня в Скулянах 225
§ 3. Кровавые дни в Яссах 233
§ 4. «Поезда смерти» 252
§ 5. Убийцы заметают следы 258
§ 6. Последствия Ясского погрома 264
ГЛАВА III. ЧЕРНЫЙ ИЮЛЬ 1941 г. 281
§ 1. Почему евреи Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии не избежали Катастрофы 281
§ 2. От имени кондукэтора вице-премьер наставляет 289
§ 3. Расправа с евреями Черновицкой области 291
§ 4. Льется кровь на крайнем севере Молдавии 305
§ 5. Пособниками фашистов не стали. Гибель юденрата в Бельцах 315
§ 6. «Этническая чистка» на севере Молдавии продолжается 324
§ 7. Кровавый поход Оргеевского жандармского легиона 328
§ 8. Волна геноцида в центральных и южных уездах Бессарабии 343
ГЛАВА IV. ВРЕМЕННЫЕ ЛАГЕРЯ И ГЕТТО В БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЕ 382
§ 1. Концентрационные и транзитные лагеря 382
§ 2. Кишиневское гетто 410
§ 3. Черновицкое гетто 423
ГЛАВА V. ДЕПОРТАЦИЯ ЕВРЕЕВ БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЫ В ТРАНСНИСТРИЮ 444
§ 1. Транснистрия в планах диктатуры И. Антонеску 444
§ 2. Подготовка депортации 451
§ 3. Депортация из лагерей и гетто Бессарабии 460
§ 4. Изгнание евреев из Буковины и уезда Дорохой 467
§ 5. Кровавое прощание на Днестре: некоторые итоги «этнической чистки» 477
§ 6. Тотальный грабеж еврейского имущества в Бессарабии, Буковине и уезде Дорохой 488
§ 7. На что уповали обреченные на гибель евреи? 511
§ 8. Первые последствия «этнической чистки». Отклики в стране и за рубежом 523
§ 9. Маршал обнародовал свой вердикт евреям. Мифы и действительность 530
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 557
ОГЛАВЛЕНИЕ 558
CONTENTS 559

CONTENTS

ABOUT THE AUTHOR 5
ABOUT THE BOOK 6
INTRODUCTION 8
Chapter I. THE HOLOCAUST HISTORICAL BACKGROUND BOTH IN ROMANIA AND WITHIN THE AREAS CONTROLLED BY IT BETWEEN 1941 AND 1944 77
§ 1. Remoteness of anti-Semitism and Jewish presence. Some history 77
§ 2. The "Jewish problem" in post-Versailles Romania 116
§ 3. On the way to the Holocaust 130
§ 4. The truth and lie about the summer events of 1940 149
§ 5. Nazis in power. A wave of anti-Semitic laws, violent and bloody acts 162
Chapter II. GREAT GENOCIDE PRELUDE 217
§ 1. Anti-Jewish agreement of A. Hitler and I. Antonescu 217
§ 2. The first victims of "ethnic cleansing". Massacre in Skulyany 225
§ 3. Bloody days in Iassy 233
§ 4. "Trains of Death" 252
§ 5. Killers hide their traces 258
§ 6. Iassy pogrom consequences 264
Chapter III. BLACK JULY OF 1941 281
§ 1. Why did the Jews of Bessarabia, Northern Bukovina, and Transnistria not escape the Catastrophe? 281
§ 2. The Vice-Prime Minister instructs on behalf of Conducător 289
§ 3. Reprisal against Jews in Chernovitsy region 291
§ 4. Bloodshed in the far north of Moldova 305
§ 5. They did not become Nazi accomplices. Judenrat death fate in Beltsy 315
§ 6. "Ethnic cleansing" in the north of Moldova continues 324
§7. Bloody campaign of Orgey Gendarmerie Legion 328
§ 8. A wave of genocide in the Central and Southern districts of Bessarabia 343
Chapter IV. TRANSIT CAMPS AND GHETTOS IN BESSARABIA AND BUKOVINA 382
§ 1. Concentration and transit camps 382
§ 2. Kishinev ghetto 410
§ 3. Chernovitsy ghetto 423
Chapter V. THE DEPORTATION OF BESSARABIA AND BUKOVINA JEWS TO TRANSNISTRIA 444
§ 1. Transnistria in the plans of I. Antonescu dictatorship 444
§ 2. Preparation of deportation 451
§ 3. Deportation from the camps and ghettos of Bessarabia 460
§ 4. Proscription of Jews from Bukovina and Dorohoy County 467
§ 5. Bloody farewell on the Dniester: some results of "ethnic cleansing" 477
§ 6. Total plunder of Jewish property in Bessarabia, Bukovina and Dorohoy County 488
§ 7. What did doomed to die Jews set hopes on? 511
§ 8. The first consequences of "ethnic cleansing". Responses in the country and abroad 523
§ 9. Marshal published his verdict to Jews. Myths and reality 530
LIST OF ILLUSTRATIONS 557

Изяслав Эликович Левит

ШОА–ХОЛОКОСТ–КАТАСТРОФА:
«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»
В ПОЛИТИКЕ ДИКТАТУРЫ И. АНТОНЕСКУ

Научное издание

Ответственный редактор *И.М. Благодатских*
Технический редактор *О.А. Штырова*
Корректор *Л.П. Алферьева*

Контакты автора:
505 North Ave., #16G Fort Lee N.J. 07024 I. Levit
Tel. 1(201)-242-9012

Сдано в набор 15.02.2014 г. Подписано в печать 30.05.2015 г.
Печать офсетная. Бумага офсет. Формат 70x108/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 49,0. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Литера»
3300 MD, г. Тирасполь, ул. Горького 56.
Тел.: +373 (533) 7-39-49. E-mail: litera@idknet.com